

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (1884-1917)

07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Том 1

Научный консультант

профессор, д.и.н. А.Ю.Дворниченко

Санкт-Петербург, 2016

Оглавление

Том 1.

Введение	4
«Университетский вопрос» в столице Российской империи. Проблемы и задачи работы.....	4
Актуальность исследования	4
Объект и предмет исследования	19
Хронологические рамки работы	19
Цель и задачи исследования.....	19
Научная новизна исследования.....	20
Методологическая основа и инструментарий исследования	21
Основные положения, выносимые на защиту:	21
Теоретическая и практическая значимость.....	25
Апробация работы.....	26
Источники	27
Публицистическая рефлексия и историографическая традиция	41
В фокусе советской историографии	65
Современная историография и исследовательские перспективы	90

ЧАСТЬ I. КОРПОРАЦИЯ СТОЛИЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА. 111

Глава 1. Университетская автономия и институциональное устройство.

Старшие и младшие. Жалование и гонорар	111

Глава 2. Университетская корпорация: опыт коллективной биографии

.....	149
2.1. Коллективная биография университетской корпорации: общие проблемы исследования.....	149
2.2. Факультетская организация статистические данные и компаративный анализ	160
2.3. Физико-математический факультет	185
2.4. Юридический факультет	194
2.5. Историко-филологический факультет	203
2.6. Факультет восточных языков (восточный факультет)	209

Глава 3. Воспитание студента и воспитание профессора: студенческий мир и «плачущие небожители»

3.1. Студент столичного университета: портрет в социальном контексте.....	220
3.2. Культ наставника или культ студента?	259
3.3. Общественный бум	310

Глава 4. Корпоративные традиции, солидарность и борьба

337

Глава 5. «Борьба за культуру» и социальный контекст	372
Глава 6. Университет в городском ландшафте. «Автономный» университет и городское сообщество	403

Том 2.

ЧАСТЬ II. СТОЛИЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	3

Глава 7. «Разгром» 1884 г. и его последствия	3
7.1. Предыстория: Университетская корпорация начала 1860–1880-х гг.	4
7.2. 1884–1890: «Реакционный устав» и дело второго «первого марта»	25
7.3. 1890–1897: Затишье перед бурей. Ректор П.В. Никитин.....	61
7.4. 1897–1904: Бурное семилетие. От дела Ветровой к 9 января	72
Глава 8. Между самоуправлением и автономией	123
8.1. 1905 январь – октябрь: «Революция» на «службе» корпорации.....	123
8.2. Октябрь 1905 – июнь 1907 «Министерство» на «службе» корпорации	154
8.3. Июль 1907- 1910. В круговой обороне: корпорация между «министерством» и «революцией»	178
8.4. 1910-1911 Кризис Кассо	206
8.5. 1912-1914 В эпоху второго «разгрома высшей школы».....	233
Глава 9. «Башня из слоновой кости»?	256
9.1. 1914-1917 Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации?	256
9.2. 1917-1922 Крах башни из слоновой кости.	315
9.3. Изгнанники Петроградского университета: опыт коллективного портрета	343

Заключение. Территория «академической свободы»: результаты эксперимента.	359

Источники и литература.	368

Источники	368
Неопубликованные источники.....	368
Опубликованные источники	370
Нормативные акты, делопроизводственная документация	370
Источники личного происхождения	385
Публицистика и историографические источники.....	396

Литература	422

Список сокращений	515

Введение

«Университетский вопрос» в столице Российской империи. Проблемы и задачи работы

Актуальность исследования

Российские университеты — признанные центры формирования общественной, научной и политической элиты России. Библиография и историография заявленной темы бесконечно широки и сами по себе отражают как постоянный (на протяжении уже более полутора столетий) интерес к этой теме академического сообщества, так и социальную востребованность таких исследований. Эта ситуация вполне объяснима — на каждом этапе трансформации университетского образования в России и нового прочтения «университетской идеи» важно обращение к историческому опыту, осмысление той роли, которую играли университеты в формировании национальной элиты. В центре внимания этой диссертации вопросы, связанные с историей и механизмами развития университетского мира Российской империи.

Как же и кем конструировались представления об университете в России XIX–XX вв.? Каковы были те социальные акторы, которые влияли на уклад университетской жизни, в том числе столичного университета? Разумеется, отвечая на эти вопросы, нельзя обойти и более общие. *Что такое университет?* Чем университет отличается от других высших учебных заведений России? Для ответа важно понять, какие *модели* организации университета существовали в европейском и российском общественном сознании и образовательной практике нового времени. В литературе последних десятилетий немало внимания уделяется *истории «идеала университета»* и *«университетской идеи»* в России нового времени¹. Круг анализируемых нарративов по «университетскому вопросу» весьма широк — тексты

¹ Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология: учеб. пособие для вузов / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011; Schiller J. Universitas Rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917. Warszawa, 2010.

В.Н. Каразина², Н.М. Карамзина³, М.А. Максимовича⁴, С.С. Уварова⁵, Н.Х. Бунге⁶, Н.И. Костомарова⁷, Н.И. Пирогова⁸, В.И. Герье⁹, В.И. Модестова¹⁰, Н.А. Любимова¹¹, М.Н. Каткова¹², Д.И. Менделеева¹³, Л.И. Петражицкого¹⁴, В.И. Сергеевича¹⁵, В.И. Вернадского¹⁶, И.М. Гревса¹⁷, И.И. Толстого¹⁸, Э.Д. Гримма¹⁹ и других выдающихся деятелей российской науки, политики и культуры XIX – начала XX в. Анализ этих текстов убедительно показывает, что с темой истории «университетской идеи» и «идеала университета» тесно связана проблема «университетской автономии», которая, вероятно, была основным предметом интеллектуальных спекуляций и идеологических битв ученых и публицистов, писавших по университетскому вопросу в XIX – начале XX в.

Как показано в литературе, существует несколько основных моделей университета, оказавших в той или иной степени влияние на развитие университетской идеи в России; условно их можно охарактеризовать как *доклас-*

² Каразин В.Н. О ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820.

³ Карамзин Н.М. О публичном преподавании наук в Московском университете // ВЕ. 1803. №24. С. 261–268.

⁴ Максимович М.А. Речь о русском просвещении, говоренная адъюнктом Михаилом Максимовичем в собрании Московского университета, 1832 года 12 января. М., 1832.

⁵ Уваров С.С. Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. Уварова в Торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года. СПб., 1818.

⁶ Бунге Н.Х. Об устройстве учебной части в наших университетах // РВ. 1858. №19. С. 441–488.

⁷ Костомаров Н.И. Петербургский университет начала 1860-х годов // Юбилейный сборник литературного фонда. СПб., 1909. С. 115–139.

⁸ Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. М., 2010.

⁹ Герье В.И. Воспоминания // История и историки. М., 1990. С. 419–437.

¹⁰ Модестов В.И. Отрывок из воспоминаний // ИВ. 1884. Т. XVIII. Кн. XI. С. 282–300.

¹¹ Любимов Н.А. Мой вклад. Статьи, записки, чтения, заметки. М., 1881–1887. Т. I–II.

¹² Катков М.Н. [Москва, 9 августа. Ключ предстоящей реформы университетов] // Московские ведомости. 1882. 10 августа. №220. С. 2–3.

¹³ Менделеев Д.И. Заветные мысли Д. Менделеева. СПб., 1904

¹⁴ Петражицкий Л.И. Университет и наука. СПб., 1907. Т. 1.

¹⁵ Сергеевич В.И. Реформа университетского преподавания // ВЕ. 1908. Т. 2 (250). Кн. 4 (Апрель). С. 683–715.

¹⁶ Вернадский В.И.: 1) Дневники, 1917–1921. Киев, 1994; 2) Разгром [Московского университета] / Публ. подгот. Г. Аксенов // Москва: Город и человек. 1989. Вып. 2. С. 408–411; 3) Три забастовки // Публицистические статьи. М., 1995. С. 45–50; 4) Университет и «правые» // Там же. С. 151–153.

¹⁷ Гревс И.М. Временные правила 27 августа 1906 г. об управлении университетами и освобождении науки // Право. 1905. №36. 11 сентября. Стлб. 2923–2929.

¹⁸ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах / Сост. Б.В. Ананьич. СПб., 2010. Т. 1. 1906–1909; СПб., 2010, Т. 2. 1910–1916.

¹⁹ Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава // РМ. 1916. №4. С. 109–122.

*сический университет, утилитарный университет, классический («гумбольдтовский») университет, постклассический/неклассический (массовый) университет*²⁰.

Хотя *доклассического университета* (модель которого формировалась в эпоху европейского средневековья, начиная с XI в.) в строгом смысле слова в России не существовало, следует отметить, что некоторые элементы традиции доклассического университета были прочно усвоены университетской системой Российской империи: корпоративное устройство и понятие автономии, обучение студентов наукам, искусствам, богословию, привилегированный статус, дарованный университету государством. Как отмечалось в историографии, влияние элементов «доклассического» университета на развитие университетской идеи в России было трояким — посредством образовательных традиций религиозных православных коллегий XVII–XVIII вв., т. н. «утилитарного» университета (в России таковым можно считать Петербургский университет «академической эпохи»)²¹, это, разумеется, было и влияние «классического» университета рубежа XVIII–XIX вв., унаследовавшего черты доклассического.

В этой связи историю усвоения *«доклассической» университетской модели* в России следует рассматривать в общем контексте «европеизации» — ее суть заключалась в становлении определенной автономности и обособленности академических и социальных практик университета от госу-

²⁰ См.: Gellert C. The emergence of three university models. Institutional and functional modifications in European higher education. Florenz, 1991; Wittrock B. The modern University: the three Transformations // The European and American University since 1800. Historical and Sociological essays / Ed. by S. Rothblatt, B. Wittrock. Cambridge, 1993. P. 303–361; Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. №1. С. 156–169; Межова М.В., Шуляева О.В. Модели университетского образования: от сократической модели к глобальному университету будущего // Приоритетные направления развития науки и образования : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 сент. 2015 г.) / Редколл.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2015. С. 40–46; Шиповалова Л.В. «Классический» и «неклассический» университет // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2005. С. 192–197.

²¹ Ср.: Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М., 2009. С. 13.

дарства²², в историографии даже звучит тема университета как «инородного тела»²³. Проблемное поле, которое возникает в связи с постановкой вопроса об «университетской автономности» чрезвычайно широко и в современной литературе служит предметом социологических спекуляций, наподобие рассуждений П. Бурдьё об «университетской доксе», университете как корпорации, в которой идет борьба за доступ к культурному, символическому капиталу и т. п.²⁴ Открытие университета как обособленной от государства корпорации породило бум новых направлений российской историографии истории высшей школы последних десятилетий (история повседневности корпорации, история университетских конфликтов, взаимодействие университета и местного общества и т. п.)²⁵. Такие штудии, однако, на наш взгляд, способны содействовать в разработке археологии университетской идеи в России только при условии тщательного учета того социально-исторического контекста, в котором развивался университет, и при признании того обстоятельства, что государственная политика все же являлась определяющим фактором институционального развития и жизни российских университетов XVIII–XX вв.

В этой связи для нашей темы не менее важна модель т. н. *утилитарного университета*, т. е. высшего учебного заведения, призванного выполнять функции государственного учреждения (при сохранении, однако, особенностей практик университетского преподавания) и готовить специалистов в интересах государства и его хозяйства. Идея «утилитарного», так же как «классического», университета оказала опосредованное воздействие на столичный университет (и другие университеты империи) XIX – начала XX в. Можно

²² См.: «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Ред. А.В. Доронин. М., 2008.

²³ См.: *Аврус А.И.* Власть и университеты в России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 208.

²⁴ *Бурдьё П.* Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М., 1996. С. 8–31; *Bourdieu P.* Homo Academicus. Stanford, 1984.

²⁵ Ср.: *Запорожец О.А.* Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ НИУ Высшая школа экономики). 2011. Вып. 6 (56). [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/02/07/1262502988/WP6_2011_06_fff.pdf (дата обращения: 10.05.2014); *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.* Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // Клио. 2012. №7. С. 55–57.

согласиться с имеющимися в литературе суждениями о том, что в России наиболее полно эту модель отражал Петербургский университет XVIII в., однако вряд ли в полной мере можно разделить заключение о том, что «Академический университет» «был призван подготавливать туда юношей для дальнейшей академической службы и не имел никакой корпоративной организации, самоуправления или иных черт, которые делали бы его в настоящем смысле университетом»²⁶. Во-первых, следует обратить внимание на «автономность» самой Академии, для которой в XVIII в. подготовка студентов была важнейшей корпоративной практикой; во-вторых, университетский (по научному содержанию) характер профессорского преподавания в Петербургском университете академического периода²⁷ и позволяет современным исследователям относить его к предшественникам Главного педагогического института и университета в Петербурге XIX в.²⁸ Однако нельзя не отметить еще двух других важных черт, унаследованных российскими университетами XIX в. от утилитарной модели, — во-первых, университет в России был государственным учреждением, тесно интегрированным в бюрократическую систему империи, во-вторых, он был призван готовить кадры для государственной службы (для чего за выпускниками были закреплены привилегии, а за университетами право принимать экзамен на чин и готовить к нему)²⁹. Утилитарный подход в особенности отразился на Петербургском университете, который как наследник Академического университета и Педагогического института в первые десятилетия после восстановления воспринимался властью как своеобразная кузница кадров как чиновничьих, так и учительских³⁰.

²⁶ [От составителя Раздел I] // Университетская идея в Российской империи... С. 14

²⁷ См., напр.: *Смагина Г.И.*: 1) Научно-просветительская деятельность Академии наук в XVIII в. // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. СПб., 2003. С. 118, 132; 2) Академик Г.Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»... С. 52–70.

²⁸ См., напр.: *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории унив. образования в Петербурге в XVIII – нач. XIX в. Л., 1988.

²⁹ См., напр.: *Телицын В.Л.* Об университетской автономии и борьбе за нее в XIX столетии // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. №5. С. 68.

³⁰ См., напр.: *Жуковская Т.Н.* Университеты и университетские традиции в России: Курс лекций.- Петрозаводск, 2011. С. 52–56.

Модель *классического университета* (конец XVIII–XIX в.) также оказала значительное влияние на структуру и содержание преподавания в российских университетах. «Классический университет» основывается на т. н. «гумбольдтовском идеале», нашедшем отражение в известных текстах знаменитого немецкого ученого по университетскому вопросу. Образчиком построений Вильгельма фон Гумбольдта служит, например, следующее суждение: «Университету принадлежит преимущественное право на то, что только человек может найти посредством себя и в себе самом — понимание чистой науки. Для этого проявления личности в собственном разуме необходима свобода и плодотворное уединение, а из этих двух условий сразу же вытекает вся внешняя организация университета. Слушание лекций является второстепенным, но существенно прожить ряд лет, обращаясь к самому себе в науке, в тесной общности с настроенными таким же образом сверстниками и осознанием, что в том же месте присутствует некоторое количество людей, уже закончивших свое образование, которые посвящают себя лишь возвышению и распространению науки»³¹. В определенном смысле идеи В. фон Гумбольдта были созвучны идеям т. н. «либерального образования» британца Дж. Ньюмена, также возражавшего против какого-либо утилитаризма в университетском преподавании, однако, в отличие от В. фон Гумбольдта, видевшего в университете не столько место приращения научного знания, сколько развития интеллекта и личности студента³².

Разумеется, культ науки, пропагандируемый в рамках этого идеала, в значительной степени обусловлен наследием идей Просвещения, а утверждение идеи классического университета — итог длительного интеллектуального развития. Закреплению в общественном сознании и социальной жизни идеала «классического университета» способствовала эпоха позитивизма, когда, как известно, собственно и происходит становление науки как особой

³¹ Цит. по: От составителей // Университетская идея в Российской империи... С. 10.

³² Русский перевод «The Idea of a University»: *Ньюман Д.Г.* Идея университета / Пер. с англ.; Под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск, 2006.

интеллектуальной и корпоративной практики, а также возникает мощный социальный заказ на подготовку на представителей не только естественных, но и гуманитарных наук. Более того, «классический университет» являлся по преимуществу гуманитарным (прикладные/технические отрасли знаний выносились за его пределы), а в его дискурсе сочетались идеи университета как центра «чистой науки» и «национального воспитания»³³. Эта ситуация предопределила противоречивый характер академической автономии в модели «классического» университета, на который указывается в литературе. В. фон Гумбольдт, как известно, подчеркивал, с одной стороны, что «государство не должно требовать от [университета] ничего такого, что прямо и непосредственно его не касается», однако, с другой стороны, указывал на необходимость полного контроля со стороны государства за подбором преподавательских кадров³⁴. Тем не менее, несомненно влияние «классической модели» как на Устав 1804 г. (заложившего институциональные предпосылки для развития университетской науки), так и на уставы 1835, 1863, 1884 гг.: упразднение «управленческих» функций университетов, введение приват-доцентуры, организация семинарской системы и т. п. Оценивая влияние классической модели на эти нормативные документы, один из наиболее основательных исследователей проблемы А.Ю. Андреев замечает: «Каждый из названных уставов наряду с движением в сторону “классического” университета сохранял и противоречившие ему элементы». К ним А.Ю. Андреев относит профессорскую корпорацию, курсовую систему, связь университетского диплома и чина, преподавание по утвержденным программам³⁵. С этим положением можно согласиться, принимая во внимание, что если принцип корпоративной организации русский университет заимствовал из доклассической модели, то

³³ См., напр.: *Куприянов В.А.* Университет и эффективность науки: к вопросу о сущности оценки эффективности науки // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2015. №19. С. 25–31.

³⁴ *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных и учебных заведений в Берлине 1809 или 1810 г. // Университетская идея в Российской империи... С. 513, 514. Ср.: *Никольский В.С.* Метаморфозы академической свободы в новое время // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2015. №5. С. 100–101.

³⁵ *Андреев А.Ю.* «Идея университета» в России... С. 31.

остальные указанные элементы — из утилитарной модели университета. В то же время, рассуждая об университетских уставах, вряд ли следует забывать о том, что практика реализации заложенных в них норм была весьма относительной. С одной стороны, власть, особенно в дореформенный период, систематически нарушала данную «автономию», с другой стороны, корпоративные традиции в эпоху устава 1884 г. оказывались зачастую более значимыми, нежели нормы закона³⁶.

Между тем, общественное и экономическое развитие пореформенной России поставило на повестку дня новый идеал «массового университета». Модель массового университета ориентировалась на заказчика как в лице быстро растущего образованного класса, так и государственного аппарата, нуждающегося в чиновничьих кадрах, и, разумеется, на потребности индустриальной и наукоемкой экономики. В этой связи легко объяснимо, почему в контексте профессиональной специализации университетов постоянно вставал вопрос об их отличии от специальных высших школ. При этом задача подготовки узких специалистов казалась противоречащей не только целям университетского образования, связанным с воспитанием «не ремесленников науки, а ее мастеров с оригинальным творческим умом», но и общественному назначению университета — подготовке «граждан-людей»³⁷. Однако проблема специализации была общей для европейских университетов второй половины XIX – начала XX в. С постепенным переходом к новой модели была связана и нарастающая специализация университетского преподавания, большая ориентация корпораций на запросы общества как для немецкой «классической», так и либеральной британской университетской модели³⁸.

³⁶ Ср.: Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста // Долгое средневековье. Сборник в честь профессора Аделаиды Анатольевны Сванидзе / Отв. Ред. А.К. Гладков, П.Ю. Уваров. М., 2011. С. 351.

³⁷ Вагнер В.А. Чем должен быть университет? // РМ. 1906. №9. С. 133.

³⁸ См., напр.: Dhondt L. The Function of a University: General Education or Specialisation? Scottish and English Views in the Nineteenth Century // University of Edinburgh Journal. 2001. Vol. 30. Pr. 1. P. 37–40; Pr. 2. P. 105–108; Heather E. Efficiency and Counter-Revolution: Connecting University and Civil Service Reform in the 1850s // History of Education. 2013. Vol. 42. Issue 1. P. 23–44.

Как показано в литературе, в России 1890–1910-х гг. происходит стремительный процесс демократизации и численного роста университетского студенчества³⁹. Так, численность студентов Петербургского университета выросла более чем в 5 раз (с 1,7 до без малого 10 тысяч человек) при одновременном падении доли студентов из привилегированных сословий с 74% (1890) до 54% (1915)⁴⁰. Необходимость демократизации высшей школы поставила вопросы не только о демократизации всей университетской структуры (затрагивающие отношения между старшими и младшими преподавателями, студенческое самоуправление, допуск в университет женщин и т. п.), но и о снижении научно-образовательного ценза как для «учащих», так и для поступающих в высшие учебные заведения, росте числа как признанных государством, так и непризнанных частных высших учебных заведений, а также организации т. н. народных университетов⁴¹. Однако на практике создание массового университета в России проходило уже в условиях советской политической системы — где наряду с новыми формами причудливо сочетались различные элементы университетских моделей прошлого⁴².

Разумеется, центральным для нашей работы является вопрос о том, какие задачи перед университетами ставили ученые, власть и общество и в чем они видели смысл их существования? С одной стороны, на протяжении всего существования университетов в императорской России идея о том, что университеты — это в первую очередь «храмы науки», культивировалась, преж-

³⁹ См.: *Матвеев М.И.* Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов (1900–1917) // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Сб. статей / Отв. ред. М.И. Матвеев. Тамбов, 1981. С. 26–38.

⁴⁰ Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1890–1916 уч. гг. СПб. [Пг.], 1890–1916.

⁴¹ См. об этом, напр.: *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Негосударственные образовательные организации и инициативы в России (конец XIX – начало XX века) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / Ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С. 293–358.

⁴² См., напр.: *Сафронов П.А.* «Чутко отразить все требования революции»: советский университет в 1920–1930-е гг. // Вопросы образования. 2010. №4. С. 182–197. Из общих работ, наглядно демонстрирующих динамику перехода к эпохе «массового университета», не утратила своей ценности коллективная монография: *The transformation of higher learning 1860–1930: expansion, diversification, social opening and professionalization in England, Germany, Russia and the United States* / Ed. K.H. Jarausch. Stuttgart, 1982 (Historisch-Sozialwissenschaftliche Forschungen: quantitative sozialwissenschaftliche Analysen von historischen und prozeßproduzierten Daten. 13).

де всего, учеными — членами университетских корпораций. С этой идеей неразрывно связана идея «университетской автономии», которая рассматривалась как гарантия от вмешательства государственных чиновников в жизнь университета, как та «академическая свобода», которая позволяла университету развиваться. С другой стороны, уже с середины XIX в. смысл и пафос идеи «автономии» стали более широкими, включавшими в себя не только протест против всякого «утилитаризма» в университетском преподавании и стремление защититься от политического давления со стороны власти, но и желание университетских корпораций активно участвовать в формировании социально-политической повестки дня.

Как справедливо отмечается в литературе, при создании университетов власть видела в них, прежде всего, центры просвещения, «нравственного образования граждан», удовлетворявшие потребности «в научных описаниях природных и человеческих ресурсов страны, в распространении грамотности и западных знаний среди населения»⁴³. Однако при этом очень быстро университеты стали восприниматься как объект постоянного беспокойства, требующий политического контроля как над студентами, так и над преподавателями как раз в виду своего опасного «западного» духа «автономии». В историографии традиционно отмечают нараставшие в XIX в. противоречия между «учеными республиками» и «самодержавно-бюрократическим аппаратом»⁴⁴. Для Петербургского университета эта коллизия наглядно проявилась уже в деле профессоров 1821 г.⁴⁵ В литературе политика власти в «универси-

⁴³ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. С. 23.

⁴⁴ Петров Ф.А., Гутнов Д.А. Российские университеты // Очерки истории русской культуры. М., 2001. Т. 3. Культурный потенциал общества. С. 162.

⁴⁵ Плисов М.Г. Историческая записка о деле С.-Петербургского университета // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 307–377; Феоктистов Е. Магницкий: материалы для истории просвещения в России. СПб., 1875; Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1894. Вып. 1; Давидович Я.И. «Дело» Санкт-Петербургского университета 1821 г. // Вестник ЛГУ. 1947. №3. С. 145–155; Косачевская Е.М. М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971; Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998. Вып. VII. С. 56–74; Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Единым вдохновением: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000. С. 127–175.

тетском вопросе» зачастую рассматривается в контексте достижения тактических целей самодержавия (стремление к демократизации или «аристократизации» высшей школы, усиление контроля за студенчеством и профессурой или попытка «либерализацией» «успокоить» университеты, а финансированием университетской науки «отвлечь молодежь от политики»)⁴⁶. В то же время такой подход не учитывает общих ориентиров сознания власть предержащих, обусловленных ментальной картой российской политической элиты, которая предопределяла неизменный курс на модернизацию и европеизацию страны, понимание ею необходимости воспроизводства научных и чиновничьих кадров. В конечном итоге именно эти обстоятельства делали неизбежной попытку властей искать компромисс с университетской корпорацией в вопросе об автономии, результатом чего являлись университетские уставы 1835, 1863, 1884 и «Временные правила» 1905 г.⁴⁷

Если первоначальные ожидания дворянской интеллигенции в отношении университетов совпадали в каком-то смысле с видами правительства — университеты воспринимались просвещенным дворянством как храмы науки, возведенные по европейскому образцу, то в николаевскую эпоху все очевиднее становилось социальное значение университета как центров «освободительного» движения и либеральной политической мысли. «Западное знание», а еще более практики «научного познания» сами по себе становились источником формирования вольномыслия, опасного для самодержавия. Как отмечал один из исследователей Московского университета, «создав среду с особыми, необычайно острыми познавательными потребностями, университет наполнял ее (с кафедр или через общение студентов) новейшими европейскими идеями, немецкой философией, Гегелем <...> в них уже было заложе-

⁴⁶ См., напр., рассуждение на эту тему современного исследователя: *Чумакова Т.* Наука в российских университетах (вторая половина XIX в.) // *Высшее образование в России.* 2005. №2. С. 103–110.

⁴⁷ Обзор историографической проблематики, связанной с университетскими уставами, см., напр.: *Посохов С.И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // *Вопросы образования.* 2006. №1. С. 370–381.

но зерно будущей радикализации студенческого движения»⁴⁸. Столичный университет в силу ряда академических и политических причин в «николаевскую эпоху» уступал первенство в «общественной фронде»⁴⁹. Однако во второй половине 1850-х гг. ситуация стала резко меняться, а после студенческих волнений 1861 г. и фактического закрытия Петербургского университета он (наряду с другими) выступал в роли своеобразного барометра «протестных настроений», становясь местом «воспитания нигилистов»⁵⁰. Как показывают вышеприведенные рассуждения, различные элементы исследовательской модели, пригодной для изучения университетской истории, возникают в разное время. Если на рубеже XVIII–XIX вв. в ней присутствуют только два основных актора — *Государство* и *Университетская корпорация*, — то впоследствии ситуация меняется. Начиная с николаевской эпохи свою особую позицию в «университетском вопросе» занимает *русская интеллигенция*. В период зарождения «гражданского общества» во второй половине XIX–XX в. свой интерес в университетском вопросе имеют *различные социальные институты (научные и общественные организации, политические партии, общественное самоуправление и т. п.)*. Таким образом, историк российских университетов имеет дело со все более усложняющимся исследовательским ландшафтом. В этом контексте заметным упрощением исторической реальности является не только утверждение о том, что в России автономия не являлась принципом организации университетского сообщества⁵¹, но и, казалось бы, аргументированное суждение о том, что в России «сложился колебательный ритм преобразований: автономная модель высшего образования

⁴⁸ Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. М., 2001. С. 211.

⁴⁹ Ср.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 15–16; Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 258–278.

⁵⁰ См., напр.: Сладкевич Н.Г. Общественное движение в России в начале 60-х гг. XIX в. И Петербургский университет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 109–120; Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; London, 1975.

⁵¹ См.: Комарова О.И. Упрочнение модели классического университета: социально-философский анализ. Автореф. дисс.... канд. филос. наук. М., 2005. С. 5.

регулярно сменялась авторитарной, и при столь монотонной цикличности весьма проблематичным представляется фактор прогресса системы высшего образования»⁵².

Сравнительные исследования истории европейских университетов выводят нас с неизбежностью на тему об особой роли в общественной жизни рубежа XIX–XX вв. европейской и российской интеллектуальной элиты, которая получила название «мандаринов». Понятие «мандарины» по отношению к интеллектуальной элите в современную историографию (со ссылкой на Макса Вебера) ввел немецкий ученый Фриц Рингер в своей знаменитой книге «Закат немецких мандаринов» (1969)⁵³; сам термин, по его мнению, должен был напоминать о китайской элите образованных чиновников. «Мандарины» Ф. Рингера — социально-культурная элита, которая обладает властью и высоким статусом в обществе благодаря образованию и знаниям, а не по праву происхождения или богатства. Университетская элита, в свою очередь, является привилегированной кастой мандаринов, определяющей их «образовательный рацион» и социальную стратегию. Иными словами, мандарины Ф. Рингера — исторический тип, возникающий на определенном этапе социально-экономического и политического развития, в эпоху, когда старая аристократическая элита уже не может одна быть опорой монарха, а акторы новой индустриальной эпохи (политические партии, богатые предприниматели, менеджеры и технократы, промышленные рабочие и пр.) еще недостаточно сильны, чтобы с успехом претендовать на власть, попросту игнорируя «претензии» культурной элиты. Работа Ф. Рингера вызвала широкий резонанс, споры, порой весьма резкую критику. Однако термин, введенный немецким историком, получил долгую жизнь, в том числе и применительно к исследованиям по антропологии российской науки второй половины XIX —

⁵² Князев Е.А. Автономия университетов: персоналистско-аксиологический подход // *Universum: психология и образование*. 2014. №5–6 (6). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtonomiya-universitetov-personalistsko-aksiologicheskij-podhod> (дата обращения: 22.03.2016).

⁵³ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество Германии, 1890–1933. М., 2008.

начала XX в.⁵⁴ Исходя из приведенных выше рассуждений, проблематика спекуляций Ф. Рингера кажется перспективной и по отношению к российскому материалу⁵⁵. Впрочем, как показывают вполне обоснованные историко-социологические наблюдения, в очень широком пространственном и хронологическом контексте, включающем помимо России и Европы, также Америку, Японию, Индию и Китай, университеты как институт в разных формах практически всегда играют социально-политическую роль в жизни обществ, что обусловлено как устройством и функциями (организационное строение воспроизводит структуру институтов власти, а университет готовит элиту государств), так и близостью природы власти и знания, являющихся средствами контроля над членами общества⁵⁶. В то же время в рассуждениях о «российских мандаринах» речь традиционно идет об особой социальной группе с точки зрения жизненных ценностей, а т. н. «профессорская культура» представляется порождением европейского влияния, своеобразной западной субкультурой в российской «полудикой» народной среде⁵⁷. Один из наиболее ярких зарубежных исследователей как российских, так и немецких университетов проф. Труде Маурер, отталкиваясь от известной фразы Н.И. Пирогова, образно пишет о них как о маяках и «барометрах общества»⁵⁸. В любом случае спекуляции ведущих философов и интеллектуалов XX века (К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, А.Н. Уайтхед, Т. Парсонс, Ю. Хабермас и др.) относительно миссии и функций университетов в современной цивили-

⁵⁴ См.: Александров Д.А. Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // НЛО. 2002. №53. С. 90–104.

⁵⁵ См. подробнее: Ростовцев Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

⁵⁶ См. об этом: Ушакин С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. 1999. №2. С. 55–85.

⁵⁷ Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Сб. ст. Брянск, 1996. С. 42–51.

⁵⁸ Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

зации не оставляют сомнения в первостепенной значимости этого социального института⁵⁹.

Казалось бы, исходя из вышесказанного, поле университетской истории должно являться важнейшим и интегральным для исторических штудий в области социальной истории. Между тем, исследователь, занимающийся локальной университетской историей любого крупного национального университета, в качестве ключевой историографической проблемы сталкивается и с тем обстоятельством, что основной поток научных нарративов по его теме носит коммеморативный характер, связанный с университетскими юбилеями, знаковыми датами из той или иной области университетской науки, жизни и деятельности видных ученых⁶⁰. Как правило, эти тексты, иногда выдающиеся с точки зрения свои эрудитских достоинств, скорее описательны, чем проблемны и транслируют известные «юбилейные дискурсы», которые и предстоит критически проанализировать в нашей работе. С другой стороны, нельзя не отметить чрезвычайную насыщенность научной литературы по этому периоду университетской истории — статистический анализ библиографии наглядно показывает, что к нему приковано большее внимание историографии, нежели к любому другому этапу истории университета⁶¹. Таким образом, вышесказанное позволяет констатировать **актуальность** диссертаци-

⁵⁹ См., напр., обзор высказываний об университетском идеале и идее университета: *Мишед Л.* Идея университета // Вестник высшей школы. 1991. №9. С. 85–90; *Волосникова Л.М.* Академическая свобода как правовой феномен // Государство и право. 2006. №8. С. 101–105; *Биргер П.А.* Эффективность университетов: модели и реальность // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2015. №19. С.33–41.

⁶⁰ См., напр.: *University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationship (Scientific and Learned Cultures and Their Institutions)* / Ed. by P. Dhondt. Leiden; Boston, 2015; *Куприянов А.В.* Полвека зоологии беспозвоночных в Санкт-Петербургском Императорском университете // Историко-Биологические исследования. 2013. Том 5. №3. С. 152; *Жуковская Т.Н.* Какая история нужна С.-Петербургскому университету // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 465–466.

⁶¹ Библиография по теме «Столичный университет в фокусе правительственной политики России (1819–1917)» по хронологическим рубрикам дает информацию о состоянии библиографической базы по основным периодам университетской истории в рамках проблематики НИР. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что в наибольшей степени в литературе изучен последний из выделенных этапов (1884–1917 гг.) (3,56 публикаций на год); в меньшей степени исследована эпоха «дореформенного университета» (1,98 публикаций на год); менее всего в литературе рассматривался университет эпохи «великих реформ» (1,65 публикаций на год). См.: Научно-технический отчет о выполнении 6 этапа Государственного контракта № 14.740.11.1112 от 30 мая 2011 г. Руководитель проекта Е.А. Ростовцев. СПб., 2013. С. 360.

ционного исследования, а также сформулировать *объект, предмет, хронологические рамки и задачи* нашей работы.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является российская высшая школа и наука в контексте социально-политической истории второй половины XIX – начала XX в. *Предметом исследования* является корпорация С.-Петербургского университета конца XIX – начала XX в., включающаяся в себя преподавательский корпус и студенчество.

Хронологические рамки работы

Выбор данных хронологических маркеров обусловлен историографической традицией и легко объясним — 1884 г. (год принятия нового университетского устава) и 1917 г. (последний год существования «старого университета» и крах «старого порядка»). В то же время для понимания содержания и значения тех процессов и тех социальных рамок, в которых они проходили в изучаемое время, автор позволил себе в ряде случаев рассмотреть более широкий хронологический контекст, включающий в себя как эпоху «великих реформ», так и время ломки прежней университетской структуры в 1918–1922 гг.

Цель и задачи исследования

Основная цель исследования — дать *комплексную* картину истории Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в социально-политическом контексте и показать *историческую роль* Санкт-Петербургского университета в социальной и культурной жизни России и ее столицы на рубеже XIX–XX вв. Для ее достижения необходимо решение ряда *задач*, среди которых обозначим наиболее приоритетные:

- реконструировать историю университета столицы Империи, изучив проблемы его взаимоотношений с общественной средой и правительственными сферами;
- восстановить структуру и состав университетской корпорации, дать ее

коллективный портрет;

- рассмотреть корпоративный уклад университета, реконструировать основные корпоративные традиции, специфику взаимоотношений внутри университетского мира;
- раскрыть механизмы формирования корпоративной политики, процесса принятия решений по различным вопросам университетской жизни;
- дать очерк быта и образа жизни университетских людей (преподавателей и студентов) в социальном контексте;
- показать участие и роль деятелей университета в разных сферах жизни городского сообщества (научной, культурной, просветительской, политической, административной);
- показать место университета в городском ландшафте Петербурга, раскрыть характер его взаимоотношений с городскими властями и городским сообществом;
- попытаться реконструировать механизм формирования языка и дискурсивных практик российской интеллектуальной элиты и власти в контексте отношений столичного университета с правительственными сферами;
- проследить специфику социальных и жизненных стратегий представителей различных внутрикорпоративных групп университета (профессора и младшие преподаватели, корпорации разных факультетов).

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертации заключается в том, что ней впервые в историографии дана системная реконструкция истории С.-Петербургского (Петроградского) университета в контексте социально-политической истории России, предпринята попытка построения коллективного портрета преподавательской корпорации, восстановлены основные черты корпоративной жизни университета; показан механизм функционирования патерналистской модели российского университета.

Методологическая основа и инструментарий исследования

Методологическую основу работы составлял принцип историзма. Методологический инструментарий исследования определялся конкретными задачами исследования и включал в себя «насыщенное описание» бытовых реалий и уклада университетской жизни рассматриваемого периода, применение функционального подхода в описании университетской структуры, выявление (обоснование) точек бифуркации в развитии университета как социальной системы, деконструкцию репрезентативного круга нарративов изучаемой эпохи по университетскому вопросу, просопографические методы в конструировании коллективного портрета преподавательского корпуса, контент-анализ периодики по тематике исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

- С.-Петербургский (Петроградский) университет являлся не только важным центром научной, но и социально-политической жизни России, будучи своеобразным «государством» в «государстве», представляя собой «территорию свободы», не только в академическом, но и отчасти в гражданском смысле;
- Особое положение и роль в социуме столичного университета связана с историей развития университетской системы России и судьбами «университетской идеи»: академическая свобода в условиях российской политической системы требовала дополнительной защиты, которой и являлась т. н. «университетская автономия»; в этом контексте именно «автономия» позволила русской науке выйти на мировой уровень, а созданная корпоративная организация послужила основой для создания мощных научных школ в различных областях знания;
- Институциональное устройство университета, регулируемое законодательством, задавало определенные рамки внутренней жизни университетского сообщества, многослойную структуру корпорации, отдельными сегментами которой являлись факультеты, сообщества «старших» и «младших», учебно-вспомогательный персонал. Между тем, внутрен-

нюю жизнь университетского мира определяли не только и не столько институциональные рамки, но корпоративные традиции, а также многочисленные самостоятельные организации и структуры (научные общества и кружки, профессорские салоны, студенческое самоуправление, землячества, корпорации и пр.);

- Санкт-Петербургский университет в пореформенное время не только становится важным местом подготовки интеллектуальной и политической элиты, но и одним из основных центров российских «мандаринов», претендующих не только на научное влияние, но и на социальную и политическую власть; в то же время внимание к политическим вопросам и участие в политической борьбе для большинства профессоров (не имевших собственных политических амбиций) все же имело в своей основе не столько желание непосредственного участия во власти, сколько стремление посредством политических инструментов обеспечить свои академические и корпоративные интересы;
- Хотя правомерно говорить о нарастании кризисных явлений и внутри преподавательской корпорации, имея в виду противоречия между «младшими» и «старшими» преподавателями, специфической чертой Петербургского университета, выделявшей его среди других российских университетских сообществ, было представление о преподавательском сообществе как едином целом, включавшем в себя как профессоров, так и приват-доцентов, что придавало ему особую сплоченность;
- В основе российской системы университетского образования лежала патерналистская модель, в рамках которой, с одной стороны, профессора и преподаватели университета ощущали себя пастырями студенчества, родителями в «университетской семье», с другой стороны, собственно образовательный эффект университета был связан скорее с подготовкой «избранного меньшинства», которое стремилось к науке. Большинство же студенчества оказывалась тем ресурсом, который в

своих интересах использовали и различные политические силы, и сами «мандарины». Укрепляя патерналистскую модель в рамках как риторики официальных циркуляров, так и нормативных актов, МНП по сути само укрепляло пастырские позиции университетских мандаринов, все более воспринимавших себя в качестве духовных и политических воспитателей не только новых поколений российской интеллигенции, но и российского общества в целом;

- Опыт коллективного портрета петербургского преподавательского мира показывает не только эффективно работающие механизмы постоянно растущей конкуренции за профессорскую позицию, но успешное сосуществование различных корпоративных укладов в разных областях знания, обеспечивавших устойчивость университетского мира перед лицом различных вызовов времени;
- Университетский устав 1863 г. являлся своеобразным компромиссом между идеалом «автономного» университета и «полицейскими» интересами и способствовал превращению университетов в «храмы науки», а их преподавателей в особое привилегированное «ученое сословие»; между тем полицейский контроль в университетах в условиях автономии не мог быть эффективным, что подталкивает правительство искать выход сначала в ограничении «контроля» (эпоха М.Т. Лорис-Меликова), а затем — в ограничении «автономии» (Университетский устав 1884 г.). Последнее решение, однако, также нельзя назвать удачным — оно побуждает российское «ученое сословие», уже привыкшее к своему привилегированному положению, начать борьбу за «автономию» университетов — борьбу, которая стала важной частью программы русского «освободительного движения» рубежа XIX–XX вв.;
- В период с 1884 по 1917 г. университетская корпорация находилась в почти непрерывной конфронтации с правительственными сферами, однако в каком-то смысле каждый новый удар со стороны власти скорее делал университетское сообщество более сплоченным. Действительно,

с каждым новым кризисом (1884, 1887, 1890, 1897, 1899, 1902, 1905, 1908, 1910–1911) петербургская университетская корпорация становилась все более солидарной, возглавляя общероссийское университетское движение за «академическую свободу»;

- Столичный Университет рубежа XIX–XX вв., с одной стороны, создавал цепь общественных структур, без которых было немыслимо существование городского культурного сообщества, с другой стороны, университетские преподаватели составляли значимую часть ряда внеуниверситетских общественных организаций Петербурга. Важно, что и преподавательская, и студенческая части университета способствовали созданию множества общественных образований, которые вполне допустимо рассматривать в контексте идеи о зарождении гражданского общества в России. Идея общественного служения, характерная для российской интеллигенции, подвигала деятелей университетской корпорации к участию в различных социальных и образовательных проектах, да и сам университет в эти годы, приоткрыв свои двери для публики, являлся крупным просветительским центром города. В этом видится суть той социальной роли, которую университет играл в городском сообществе;
- В разные моменты профессорская коллегия опиралась на различные политические силы и институты, фактически сохраняя свою независимость от них: студенческое движение на протяжении всего рассматриваемого периода в нужный момент использовалось корпорацией для борьбы с правительством за «автономию», для той же цели в 1905 г. использовался и союз с «младшими преподавателями». Министерство народного просвещения (в эпоху И.И. Толстого, а затем и П.Н. Игнатьева) использовалось для утверждения «автономии» и одновременно для ослабления «захватившего» в какой-то момент «слишком много власти» студенческого самоуправления и т. п. Связь университетской корпорации с «освободительным движением», в частности с

кадетами, также ни в коей мере не ограничивала ее действий, направленных на защиту собственных корпоративных интересов и представлений об «идеальном» университете;

- Отношения университета с городским сообществом показывают, что в определенной степени идея автономии университетов от государства в российских условиях, в ситуации отсутствия прочных гражданских институтов, превращалась в идею автономии университетов от общества, игнорирования социального заказа. В то же время бюрократизация, тотальная регламентация со стороны государства сковывала и университет, и местное самоуправление, лишая их реальной инициативы, создавала почву не для совместной работы, а для совместной фронды по отношению к центральной власти;
- Складывается очевидное на первый взгляд противоречие между ролью университета как крупнейшего в столице культурного, просветительского и общественного центра начала XX в. и его ролью как общественной корпорации, замкнутой в собственных интересах — своеобразной «башни из слоновой кости». Однако это противоречие внешнее — именно ситуация фактической свободы и академической автономии способствовала культурной притягательности университета для петербургской интеллигенции;
- С изменением политического режима после революции 1917 г. и краха «башни из слоновой кости» неизбежному разгрому должен был подвергнуться и подвергся Петроградский университет. В 1920-е гг. произошла ликвидация не только «университетской автономии», но и почти всех общественных структур, созданных при университете в начале XX в.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость исследования заключается в применении историко-антропологических методов для восстановления корпоративных

традиций и истории академического сообщества С.-Петербургского университета, применении методов просопографии для реконструкции коллективного портрета его преподавательской коллегии, введении в научный оборот значительного корпуса источников по истории университета, характеристике специфики эволюции университетской модели в России.

Практическую значимость работы определяет возможность использования материалов диссертации в исследованиях широкого круга сюжетов, связанных с историей российской науки и высшей школы, биографикой, социально-политической историей. Диссертация может использоваться при подготовке учебных курсов и пособий по этой проблематике.

Апробация работы

Диссертация прошла *апробацию* в рамках целого ряда международных и всероссийских научных конференций, докладов и публичных лекций в различных учреждениях, особое значение для автора имели доклады в семинаре «Теория и практика исторического исследования» (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и семинаре по истории высшей школы (СПбГУ). Многие материалы и выводы работы были получены в рамках ряда исследовательских проектов, в которых диссертант принимал участие в качестве руководителя⁶² и исполнителя⁶³. Материалы диссертации нашли отражение в се-

⁶² НИР СПбГУ: 5.39.144.2011 — «История С.-Петербургского университета в виртуальном пространстве», 2011–2011; ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»: 14.740.11.1112 — «Столичный университет в фокусе правительственной политики России (1819–1917)», 2011–2013; РГНФ: 13-01-12013 — «История Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика)», 2013–2014; РГНФ: 15-01-00285a — «Петроградский университет в период I Мировой войны», 2015–2017.

⁶³ Фонд Фольксваген: «Германские и российские университеты в Первой мировой войне. Сравнительные исследования отношений общества, науки и политики» (рук. проф. Т. Маурер), 2005–2009; НИР СПбГУ: 5.0.151.2010 — «Российская историография с древнейших времен до 20-х гг. XX века: проблемы периодизации, взаимодействие научных парадигм и закономерности развития в общественно-политическом контексте», 2010–2012 (рук. А.Ю. Дворниченко); НИР СПбГУ: 5.38.51.2011 — «История Санкт-Петербургского университета в контексте истории российского государства и общества», 2011–2013 (рук. А.Ю. Дворниченко); НИР СПбГУ: 5.38.98.2012 — «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», 2012–2014 (рук. Р.Ш. Ганелин); РГНФ: 12-01-00191 — «Биографический словарь историков Петербургского университета (XVIII–XX вв.)», 2012–2014 (рук. А.Ю. Дворниченко); ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.: 2012-1.2.1-12-000-3001-061 — «Коллективная биография профессоров и преподавателей Петербургского университета (1819–1917): сетевой биографический словарь», 2012–2013 (рук. Р.Ш. Ганелин); РГНФ: 13-01-00218a — «Санкт-Петербургский университет в Революции 1905–1907 гг.», 2013–2015 (рук. М.Ф. Флоринский); РГНФ: 13-01-14011 — «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры

рии научных публикаций автора, в том числе монографии и более 60 научных статей (включая более 30 в изданиях списка ВАК) общим объемом более 80 п. л.⁶⁴ Также материалы исследования были апробированы в рамках подготовки двух порталов СПбГУ, ответственным редактором которых является диссертант: «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве»⁶⁵ и «Биографика СПбГУ»⁶⁶.

Источники

Источники нашей темы многочисленны и разнообразны. Их основные комплексы широко использовались в предшествующей историографии. Много из источникового массива опубликовано⁶⁷, многочисленны и архивные материалы⁶⁸. Следует выделить основные комплексы источников, задейство-

(к 150-летию со дня рождения)», 2013 (рук. А.В. Малинов); НИР СПбГУ: 3.38.328.2015 — «Университетская философия в контексте социальных процессов: интеллектуальная история и коллективная биография», 2015–2017 (рук. А.В. Малинов); РФФИ: 16-06-00528 — «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс», 2016–2018 (рук. А.Ю. Дворниченко). Об этих проектах см.: *Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.* Изучение истории университета на историческом факультете // *Клио*. 2013. №10. С. 4–5; *Ростовцев Е.А.* Проекты по истории высшей школы и Петербургского университета // *Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета сегодня: к 80-летию со дня основания Исторического факультета ЛГУ – СПбГУ* / Отв. ред. А.Х. Даудов. СПб., 2014. С. 124; *Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г.* Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // *Вестник СПбГУ. Серия 2*. 2013. Вып. 3. С. 203–206; *Потехина И.П.* История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных исследовательских проектов // *Клио*. 2016. №8. С. 14–21; *Ворочай В.В.* Университетская философия в контексте социальных процессов: интеллектуальная история и коллективная биография // *Мысль. Журнал Петербургского философского общества*. 2016. №20. С. 155–160.

⁶⁴ См. Список источников и литературы и аттестат диссертации.

⁶⁵ См.: История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (Культурное наследие, музейные коллекции, биографика). [Электронный ресурс] / Руководитель проекта Е.А. Ростовцев, веб-мастер Д.А. Сосницкий. URL: <http://history.museums.spbu.ru/> (дата обращения: 03.08.2016). См. также: *Сосницкий Д.А.* История С.-Петербургского университета в сетевом пространстве // *Клио*. 2013. №10. С. 145–148.

⁶⁶ Биографика СПбГУ [Электронный ресурс] / Отв. ред. Е.А. Ростовцев, веб-мастер Д.А. Сосницкий. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> (дата обращения: 03.08.2016). См. также: *Сидорчук И.В.* Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // *Международные отношения и диалог культур. Сборник научных статей*. №4 (2015). СПб., 2016. С. 224–235.

⁶⁷ Из публикаций новейшего времени отметим: *Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов*. Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб., 2007.

⁶⁸ Характеристику архивных фондов по истории университета можно найти в изданиях: *Материалы по истории Ленинградского университета. 1819–1917 гг.* / Сост. А.Х. Горфункель, Л.А. Никулина, С.Н. Семанов; Под ред. С.Н. Валка. Л., 1961; *Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965. Обзор архивных документов* / Сост. Е.М. Балашов, М.Ю. Евсентьев, Н.Ю. Черепнин; Под ред. Г.А. Тишкина СПб., 1999. Из значимых для нас обзоров архивных документов следует также упомянуть: *Полянская Л.И.* Документы к истории высшего образования в России (из фондов ЦГИА в Ленинграде) // *Исторический архив*. 1958. №1. С. 222–227; *Щетинина Г.И.* Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // *История СССР*. 1977. №1. С. 84–96; *Якушев А.Н.* Офици-

ванных в работе: *нормативные акты и делопроизводственная документация, источники личного происхождения, публицистика и историографические источники.*

В рамках первого выделенного комплекса источников (*нормативные акты и делопроизводственная документация*), для нас безусловно важны материалы связанные как с высшей школой Российской империи в целом, так и с отношениями между властью и столичным университетом. В литературе уже в определенной степени дана характеристика различных типов источников этой группы: законодательных актов⁶⁹, отчетов и циркуляров МНП⁷⁰, особых журналов Совета министров⁷¹, деловой переписки, материалов различных совещаний по университетскому вопросу, стенограмм заседаний Го-

альные и архивные документы о научной подготовке и аттестации в университетах России в области востоковедения (1798–1917): Библиографический обзор // Система научной подготовки и аттестации в университетах России и Западной Европы: Исторический опыт XIV–XX вв. М., 1998. С. 17–36; Грибовский М.В. Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов рубежа XIX–XX вв. в российских и зарубежных архивах // Отечественные архивы. 2012. №3. С. 53–60. См. также: Архивы // История Петербургского университета в виртуальном пространстве (Культурное наследие, музейные коллекции, биографика) [Электронный ресурс]... URL: <http://history.museums.spbu.ru/setevye-resursy/2013-03-18-01-56-32/7-arkhivy.html> (дата обращения: 29.01.2016).

⁶⁹ См.: Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. Том XI. Ч. 1. Издание 1893 г. СПб., 1893. С. 1–218, 542–552, 578–579; Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1906 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1906 года. СПб., 1906. Часть четвертая. Статьи к томам XI и XII. Отд. паг. С. 1–65; Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1908 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1908 года. СПб., 1908. Отд. паг. С. 1–35; Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1910 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1910 года. Пг., 1910. Отд. паг. С. 13–27; Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1912 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1912 года. СПб., 1912. Часть Шестая. Статьи к части 1 тома XI. Отд. паг. С. 1–77; Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1913 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1913 года. Пг., 1913. Отд. паг. С. 1–33; Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1914 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1914 года. Пг., 1914. Отд. паг. С. 1–12 и др.

⁷⁰ Прежде всего см.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875–1904. Т. 1–17; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866–1907. Т. 1–7, 14–16; Циркуляр по С.-Петербургскому [Петроградскому] учебному округу. СПб. [Пг.], 1884–1916; Всеподданнейший отчет Министра Народного Просвещения. 1884–1915. СПб. [Пг.], 1884–1916; Кузнецов С.В. Сборник законоположений и распоряжений по Министерству народного просвещения: С окт. 1909 по окт. 1911 г. Уфа, 1911; Хронологический перечень узаконений в сфере университетского образования // Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 386–422.

⁷¹ Особые журналы Совета министров царской России. 1906. М., 1982; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1917. В 12 т. М., 2000–2011.

сударственной думы и т. п.⁷² Неопубликованные источники этой группы отложились, прежде всего, в фондах МНП в РГИА⁷³, в фондах Университета⁷⁴ и канцелярии попечителя Петербургского учебного округа⁷⁵, фондах Департамента полиции, хранящихся в ГАРФ⁷⁶.

Говоря о неопубликованных материалах этого комплекса источников нужно отметить различного рода аналитические записки и своды данных, так или иначе связанных с нашей темой, которые составлялись прежде всего по линии двух ведомств — Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел.

В частности, отметим цикл аналитических записок, связанный с студенческим и революционным движением, подготавливаемых по линии обоих ведомств. Например, в фонде МНП находится «Записка о мероприятиях по “студенческому вопросу”», в которой в хронологическом порядке лапидарно, но максимально объективно дан обзор основных событий и законодательства, связанного с историей российского студенчества 1860 – начала 1900-х гг.⁷⁷ К ней примыкает «Записка о различных организациях среди учащихся и учащихся» (1908) С.Ф. Спешкова, которая, однако, более идеологизирована — автор рассматривает изначально деятельность всех студенческих и преподавательских организаций в негативном ключе, подчеркивая их неизбежную политизацию и, следовательно, антиправительственный характер⁷⁸, в том же духе выдержана и его следующая записка аналогичного содержания

⁷² Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 207–210.

⁷³ РГИА. Ф. 733, 740, 744.

⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14.

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Особый отдел Департамента полиции; Ф. 111. Петроградское охранное отделение.

⁷⁷ [Сводная записка МНП о мероприятиях по «студенческому вопросу», 1859–1903] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 1–14.

⁷⁸ Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом совета тайным советником Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных организациях Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 233–265об. (расширенный вариант: РГИА. Ф. 740. Оп. 43. Д. 47. Л. 1–82об.). Записка С.Ф. Спешкова частично опубликована под схожим названием: Спешков С.Ф. Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом совета т.с. Спешковым о различных организациях среди учащихся. СПб., 1908.

(1910)⁷⁹. Другой пример подобного чиновничьего творчества — «Обзор, составленный делопроизводителем Департамента народного просвещения А.П. Григорьевым» о беспорядках в университетах и других высших учебных заведениях в 1904–1905 гг.⁸⁰, где, в частности, содержится развернутое критическое изложение деятельности совета Петербургского университета в первые месяцы 1905 г.⁸¹

Из «сводных записок» МВД укажем, например, на «Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях, и участии студенчества в революционном движении с 1882 до начала 1910–1911 учебного года», вероятно, составленный чиновником Петербургского охранного отделения П.С. Статковским (возможно при участии М.Ф. Коттена) в преддверье кризиса 1910–1911 гг.⁸² Очерк имеет определенную ценность, поскольку построен на обобщении весьма значительного следственного материала, имевшегося в распоряжении автора. Однако этот документ, несомненно, тенденциозен: цель П.С. Статковского — доказать эффективность репрессивного подхода в области решения «студенческого вопроса», что предопределило изложение истории «беспорядков и волнений» как серии малосвязанных между собой выступлений, эффективно подавляемых силами правопорядка. В этой связи большую информационную ценность имеют текущие аналитические записки Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, которые, как правило, охватывают небольшой период (несколько месяцев), основаны на агентурных данных и не ставят каких-либо выраженных идеологических целей⁸³. Следует

⁷⁹ Записка, составленная тайным советником Спешковым об организациях и ненормальных явлениях в жизни учебных заведений Министерства народного просвещения. За 1907–8, 1908–9 и 1909–10 учебн. годы // Высшие учебные заведения // РГИА. Ф. 740. Оп. 43. Д. 47. Л. 84–146об.

⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Беспорядки в университетах и других высших учебных заведениях в 1904–1905 учебном году. Обзор, составленный делопроизводителем Департамента народного просвещения А.П. Григорьевым

⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 97об.–105.

⁸² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 1–102. Текст очерка, отложившегося в ГАРФ, частично совпадает с запиской, опубликованной в 1921 г. в журнале «Былое» (*Статковский П. С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг.* // *Былое*. 1921. №16. С. 108–136).

⁸³ См., напр.: ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1915. Д. 59. Ч. 57. Л. 1–9об.

упомянуть и о различных революционных версиях тех или иных событий, которые представляли собой краткие своды текущей «истории борьбы» студенчества и также отложились в архивах. В качестве примера можно назвать листки, составляемые одной из революционных групп Петербургского университета начала XX в. — т. н. «партизанами борьбы»⁸⁴. Любопытным источником, введенным в научный оборот А.Е. Ивановым и иллюстрирующим характер взаимодействия между МНП и МВД, является «Список личного состава администрации и профессоров С.-Петербургского университета с указанием кратких сведений об их прежней деятельности», составленный на основании данных департамента полиции по просьбе министра народного просвещения Н.П. Боголепова в 1899 г. Под «прежней деятельностью» понимались различные «антиправительственные проступки» ученых⁸⁵.

Ключевую роль для данной диссертации играла *внутриуниверситетская документация*. В этой связи нельзя не привести некоторые наблюдения относительно характера и особенностей источниковой базы по истории Петербургского университета второй половины XIX – начала XX в. — тем более, что иногда историографии был свойственен весьма выборочный подход к показаниям некоторых источников и односторонность их критики. Показательно, например, что в многочисленной литературе долгое время мало использовался такой ценный источник, как «Журналы (Протоколы) заседаний университетского Совета». Между тем, на «советские протоколы» следует обратить особое внимание. Важно, что они содержали, кроме стенограммы выступлений членов профессорского Совета, многочисленные «приложения» (официальные решения Совета, его переписку с органами государственной власти, организациями и частными лицами, письма членов Совета, их «особые мнения» и т. п.). Протоколы Совета за интересующий нас период опу-

⁸⁴ См., напр.: *Старый студент*. Петербургские студенческие землячества в половине 80-х годов и их значение // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1204. Л. 14–20об.; Волнения в Петербургском университете [1903] // РГИА. Ф. 733. Оп. 161. Д. 538. Л. 235–264.

⁸⁵ Список личного состава администрации и профессоров С. Петербургского университета с указанием кратких сведений об их прежней деятельности // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 2–31об.

ликованы⁸⁶, однако в ряде случаев в печатном тексте протоколов присутствуют некоторые конъюнктурные изъятия и изменения, поэтому нам показалось важной их сверка с рукописными оригиналами и в некоторых случаях использование последних⁸⁷. Критическое осмысление показаний именно этого источника позволило более полно представить связную картину университетской политики, а следовательно, и прояснить механизм ее формирования, ее основные пружины. На наш взгляд, невнимание к этому источнику в советской историографии не случайно и связано не столько с тем, что его показания мало согласуются с представлениями об «университете» как о беззащитной жертве политических преследований со стороны «режима», сколько с тем, что Совет университета и его центр, т. н. «Советская комиссия», в свете показаний «протоколов» отнюдь не выглядят «статистами» в борьбе между революционными партиями и правительством, как их иногда пытались представить в историко-партийной литературе. Интересно, что этот источник также практически полностью игнорировался в свое время таким «ультраконсерватором» как В.М. Пуришкевич. Последний считал себя специалистом по современному «университетскому вопросу» и пытался доказать прямо противоположное, т. е. то, что «революцию в высшей школе разводит не студент, а подлец профессор за казенный счет, получая от казны жалование, хватая чины и ордена, <...> [студенчеством] профессор (из жидков и поджидков) пользуется как пушечным мясом в своих видах и целях»⁸⁸ и одновременно, что «гг. профессора с первых же шагов революции уступили ей свою позицию и из хозяев университета превратились в покорных и робких слуг самозванной студенческой организации»⁸⁹. В какой-то степени и советскую историографию, и В.М. Пуришкевича понять можно. Обращение к «Протоколам» Совета, из месяца в месяц фиксирующего почти все значимые

⁸⁶ Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1914 гг. СПб. [Пг.], 1884–1916.

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11342–11370.

⁸⁸ *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914. С. X.

⁸⁹ Там же. С. 212.

события университетской жизни, в значительной степени развеивает дым многих идеологических спекуляций. Именно поэтому, по нашему убеждению, это источник должен быть одним из основных для реконструкции той стратегии отношений с властью и студентами, которой придерживалась профессорская коллегия.

Не менее важно и то обстоятельство, что из «Протоколов» Совета, несмотря на постоянную активную политическую и общественную позицию его членов, видно, что университетский мир рубежа XIX–XX вв. был намного ярче и богаче, чем часто было принято его представлять в историографии. Здесь не только шла настоящая борьба за науку, но было и многое другое, важное для общества — в числе этого «другого» и увлеченность собиранием общей университетской библиотеки и библиотек факультетов, и многочисленные кружки по интересам, и землячества, и неполитические корпорации со своими обрядами и символикой, и система вспомоществования бедным, и кодекс чести, обязательный для преподавателей и студентов, и вовлеченность выпускников в академическую и неакадемическую жизнь *alma mater*, и мн. др.

По характеру к «Протоколам Совета» примыкают «Отчеты университета»⁹⁰, — источник, показания которого, хотя и широко, но, как нам представляется, довольно односторонне использовались в литературе. Прежде всего, «Отчеты...» исследовались с целью реконструкции научной жизни университета и социального состава студенчества, в то же время их содержание намного шире и позволяет многое понять в истории общественной жизни университета и бытовых сторонах его существования.

Отправным источником для реконструкции состава и истории университетской корпорации являются списки профессоров и преподавателей университета, составленные по факультетам за период с 1819 по 1916 г. Формуляр списков состоит из 18 пунктов, отражающих основные моменты биогра-

⁹⁰ См.: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1916 гг. СПб. [Пг.], 1885–1916.

фии и карьеры ученого (год рождения, прохождение службы, время и место защиты магистерской и докторской диссертаций и т. п.)⁹¹. Эти данные были дополнены рядом сведений (вероисповедание, награды), которые содержатся в пусть и менее информативных списках личного состава университета, опубликованных в приложении к ряду протоколов и отчетов Профессорского совета⁹², а также «Списков служащих по МНП»⁹³ и «Списков служащих по Санкт-Петербургскому учебному округу»⁹⁴, а также адрес-календарям Российской империи⁹⁵. Названный корпус источников также важен тем, что в нем присутствует информация не только о преподавателях, но и об учебно-вспомогательном персонале. Разумеется, сведения из опубликованных источников могут, а в ряде случаев должны дополняться сведениями из различных служебных списков и формулярных списков служащих МНП, отло-

⁹¹ Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., [1917]; Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета 1819 года. Пг., [1916]; Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]; Список профессоров и преподавателей юридического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916].

⁹² Личный состав Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–86 академического года. СПб., 1886. №34. С. 155–162; Личный состав Императорского С.-Петербургского университета к 1 января 1909 года // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 год / Под ред. Н.А. Медникова. СПб., 1909. С. 1–48. Отд. паг.; Личный состав императорского Санкт-Петербургского университета к 8 февраля 1911 г. // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год / Под ред. И.А. Ивановского. СПб., 1911. С. 1–52. Отд. паг.; Личный состав Императорского С.-Петербургского университета к 1 января 1914 года // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 год / Под ред. И.Д. Андреева. СПб., 1914. С. 1–100. Отд. паг.

⁹³ [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на [1885–1886, 1889–1890, 1890–1891, 1891–1892, 1892–1893, 1894–1895, 1895–1896] учебный год. СПб., [1885–1896]; [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на [1897–1900, 1904, 1906, 1909, 1910, 1915–1916] год. СПб., [1896–1916].

⁹⁴ [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января [1901, 1908, 1910, 1912–1914] года. СПб., [1901–1914]; [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе на [1895/1896, 1907, 1915] год. СПб., [1896, 1907, 1915].

⁹⁵ [Главный Педагогический институт] // Месяцеслов [адрес-календарь] с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., 1819. С. 509–513; [Санкт-Петербургский университет] // Месяцеслов [адрес-календарь] с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., [1820–1829]; [Санкт-Петербургский университет] // Месяцеслов и общий штат Российской империи на [1831–1842]. СПб., [1831–1842]; [Санкт-Петербургский университет] // Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на [1843–1857] год. СПб., [1843–1857].

жившихся в РГИА и ЦГИА СПб⁹⁶, материалов по кадровому составу, отложившихся в ЦГА СПб⁹⁷ и ОА СПбГУ⁹⁸. Отдельный пласт источников, использованный в работе, — материалы, готовившиеся университетом к печати к его 100-летию, но так большей частью и не опубликованные по сей день⁹⁹. Эти материалы отложились как в ЦГИА СПб¹⁰⁰, так (преимущественно) и в ЦГА СПб. Их основной массив распадается на две части: биографический материал для готовившегося под редакцией Н.И. Веселовского биографического словаря и очерки по истории подразделений (отраслей знаний)¹⁰¹. Таким образом, мы имеем прочную основу как для создания коллективного портрета корпорации, так и для установления общих тенденций в развитии академической и должностной карьеры университетского преподавателя.

Важнейшим источником для реконструкции истории университета этого периода являются «Обозрения преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском университете», которые, кроме списка личного состава, содержат перечень лекционных курсов и практических занятий по факультетам, время их проведения, указания на литературу предмета, указания на время «совещательного часа» профессора или приват-доцента, расписание занятий по факультетам, требования для зачета или экзамена по конкретному предмету, требования для зачета полугодия по тому или другому разряду

⁹⁶ В корпусе архивных материалов для составления коллективной биографии особое значение, разумеется, имеют формулярные списки: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311, 1005, 1279, 13434–13475, 16328–16338; Оп. 6. Д. 393, 653, 852; Ф. 139. Оп. 1. Д. 2319, 3412, 1670, 19759, 19792, 19832 и др.; РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 215; Ф. 733. Оп. 225.

⁹⁷ См., прежде всего: ЦГА. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 29. Переписка о состоянии кафедр и обеспечении преподавания в 1918–19 у.г., а также о личном составе I Петроградского университета; [Списки личного состава 1918/19 гг., на 10 июля 1919] // ЦГА. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 116. Л. 7–18; Кандидаты на занятие штатных профессорских и преподавательских должностей ... // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 198–204.

⁹⁸ ОА СПбГУ. [Ф. 1]. Оп. 3, 19, 95а.

⁹⁹ О работе комиссии см.: *Груздева Е.Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб., 2008. С. 99–103.

¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10427. О подготовке предстоящего в 1919 году празднования 100-го существования СПб университета.

¹⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 32–44.

студентов¹⁰². Таким образом, «Обозрения преподавания» дают основной материал для восстановления хода учебной жизни университета.

Из неопубликованных материалов существенное значение имеют отчеты попечителей учебных округов¹⁰³, разного рода аналитические отчеты об учебной и научной деятельности университета¹⁰⁴, журналы заседания Правления университета¹⁰⁵, журналы (протоколы) заседаний факультетских советов¹⁰⁶ и неопубликованные материалы заседаний Университетского совета¹⁰⁷,

¹⁰² Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете за 1883–1884 академический год. СПб., б.г.; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на второе полугодие 1885–86 учебного года. СПб., 1885; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на первое полугодие 1886–1887 учебного года. СПб., 1886; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на осеннее полугодие [1887–1889] учебного года. СПб., [1887–1889]; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на весеннее полугодие [1888–1890] года. СПб., [1888–1890]; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия [1890–1900] года. СПб., [1890–1899]; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском [Петроградском] университете на [1904–1905, 1905–1906, 1906–1907, 1907–1908, 1908–1909, 1909–1910, 1910–1911, 1911–1912, 1912–1913, 1915–1916] учебный год. СПб. [Пг.], [1904–1912, 1915]; Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в [1900–1901, 1902–1903, 1903–1904, 1905–1906] учебном году. СПб., [б.г. 1902, 1905]; Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии [1915, 1917, 1918] года и в весеннем полугодии [1916, 1918, 1919] года. Пг., [1915, 1917, 1918]; Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1900, 1903, 1914–1916, 1918] года и в весеннем полугодии [1901, 1904, 1915–1917, 1918] года. СПб. [Пг.], [б.г., 1916, 1918]; Обзорение преподавания наук на физико-математическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1901, 1903, 1913–1916] года и в весеннем полугодии [1902, 1904, 1914–1917] года. СПб. [Пг.], [1901, 1903, 1913, б.г., 1915, 1916]; Обзорение преподавания наук на физико-математическом факультете Петроградского университета в осеннем полугодии 1917 года и весеннем полугодии 1918 года. Юрьев, 1917; Обзорение преподавания на юридическом факультете Императорского С.-Петербургского университета на [1901–1902, 1902–1903, 1903–1904] учебный год. СПб., б.г.; Обзорение преподавания наук на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1909, 1911–1915, 1918] года и в весеннем полугодии [1910, 1912–1916] года. СПб. [Пг.], [1909, 1911–1915, 1918].

¹⁰³ См.: *Булгакова Л.А.* Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 244–251.

¹⁰⁴ См., напр.: Обзор деятельности университета за 1881–1894 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9506. Л. 1–72.

¹⁰⁵ Журналы (протоколы) правления университета за 1884–1916 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13384–14223.

¹⁰⁶ Протоколы заседаний факультетов за 1884–1916 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13780; 13785; 13806; 14281–14283; 14290; 14297; 14356; 14359; 14411; 14490; 14665–14669; 14847; 14890; 14935; 14944; 14953; 14966; 14976; 14992; 14996; 15005; 15021; 15026; 15027; 15049; 15070; 15083; 15107; 15112; 15118; 15125; 15143; 15166; 15180; 15191; 15211; 15238; 15262–15265; 15609; 15610; 15616; 15628; 15641; 15656; 15657; 15661; 15662; 15666; 15670; 15671, 15744, 15757; 16019; 16028; 16030; 16032–16034; 16036; 16039; 16043; 16046; 16049; 16052; 16056; 16060; 16064; 16069; 16072; 16073; 16076; 16081; 16085; 16090; 16093; 16097; 16119; 16127; 16141; 16180; 16196; 16216.

¹⁰⁷ О заседаниях Совета университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8486; 8603; 8716; 8875; 8992; 9082; 9301; 9357; 9558; 9655; 9737; 9831; 9976; 10141; 10551; 10705; 10824; 11137; Черновые копии протоколов заседаний факультетов и материалов к ним 1892–1918 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15671; 15673; 15679; 15685; 15689; 15695; 15696; 15702; 15707; 15712; 15719; 15720; 15725; 15726; 15736; 15737; 15744–15746; 15751; 15752; 15766–15770; 15779; 15780; 15791; 15792; 15803; 15811; 15812; 15815; 15822; 15828; 15833–15840; 15844; 15845; 15850; 15859.

личные дела преподавателей и студентов, отложившиеся, прежде всего, в архиве университета¹⁰⁸.

Вспомогательное, но важное значение для нашей работы имеет комплекс источников, связанных с историей университетского студенчества, в частности, списки студентов и вольнослушателей университета¹⁰⁹, уставы и отчеты студенческих организаций¹¹⁰, инструкции и правила для студентов¹¹¹,

¹⁰⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1 (Дела Совета, [в т.ч. дела о допущениях к чтению лекций, о назначениях на должности]); Оп. 3 (Дела правления и правления по хозяйственному столу. Личные дела студентов). Д. 65801–69770 и др.; Оп. 15. (Личные дела вольнослушателей (1878–1916/1917 гг.)); Оп. 16 (Личные дела студентов за 1877–1930 гг.); ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1 (Архивная опись дел постоянного хранения (личные дела преподавателей и студентов); Оп. 7 (Архивная опись дел постоянного хранения); Оп. 12 (Архивная опись дел постоянного хранения); Оп. 14 (Архивная опись дел постоянного хранения); ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. о/к 1917–1941.

¹⁰⁹ [Список студентов, окончивших С.-Петербургский университет в 1887–1896 году] // Отчет о состоянии [Годичный акт] и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1887–1896 г. СПб., 1888–1897; Список лиц, получивших выпускные свидетельства в 1897 [–1904] году // Отчет о состоянии [Годичный акт] и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1897–1904 гг. СПб., 1898–1905; Общий список студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц [сторонних слушателей] императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета. 1906–1907 – 1914–1916. СПб. [Пг.], 1907–1916; Список студентов С.-Петербургского [Петербургского — Петроградского] университета, поступивших в 1908–1915 [СПб.], 1909–1916.

¹¹⁰ См., в частности: Примерный устав научных и литературных кружков // Журналы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904. С. 78–80; Проект нормального устава землячеств // Протоколы заседания Совета С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. С. 230–232; Уставы Полоцкого, Ферганского, Харьковского и других землячеств об оказании материальной помощи нуждающимся студентам // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 373. Ч. 1–3; Уставы Азербайджанского, Амурско-Приморского и других землячеств. Списки членов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 375; Устав «Бюро труда» при Союзе русских студентов. СПб., [Б.и., 1913]; Устав общества «Русская академическая корпорация» студентов СПб. университета. СПб.: [Б.и.], 1908; Устав Союза русских студентов. СПб.: [Б.и.], 1910; Устав Кассы взаимопомощи // РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1039. Л. 9об–10; Устав корпорации «Sarmatia» // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. С. 78–82; Устав студенческой корпорации «Fraternitas Hyperborea» // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 567; Устав академической корпорации «Fraternitas Rotalia» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. (1913). Д. 121; Устав студенческого «Кружка ориенталистов» при Императорском С.-Петербургском университете (под рук. орд. проф. В.В. Бартольда) // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. С. 167–169; Устав Кружка украиноведения // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. С. 290–292; Устав Грузинского научного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. С. 59–61; Устав Кружка литоведения // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. С. 129–131; Устав Белорусского научно-литературного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 42–44; Устав Кружка научного изучения Витебской губернии // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. Пг., 1915. №69. С. 137–139; Устав Воздухоплавательного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. С. 120–122; Устав Кружка изучения театра // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 72–73; [Отчеты о деятельности студенческих обществ и кружков] // Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета. СПб. [Пг.], 1903–1916.

¹¹¹ См.: Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета. СПб., 1872; Временная инструкция для университетской инспекции за студентами Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1879; Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1879; Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета. СПб., 1881; Инструкция курсовым кураторам и правила курсовых собраний студентов Императорского С.-Петербургского университета. [СПб., 1902].

студенческие научные и научно-литературные издания¹¹², данные студенческих переписей¹¹³.

Разумеется, также отдельно указать на *источники личного происхождения*. В диссертации широко задействованы показания мемуаров и дневников¹¹⁴, которые в советской литературе не часто использовались (а целый ряд публикаций и появился уже в постсоветскую эпоху)¹¹⁵, тем более что некоторые стороны университетской жизни (например, история повседневности) без учета этих источников, вообще, плохо поддаются реконструкции. К этой группе, очевидно, следует причислить и эпистолярные источники¹¹⁶. Разумеется, источники личного происхождения могут быть правильно интерпретированы только с учетом понимания характера субъективности авторов, относящихся к разным социальным и корпоративным группам. Одно емкое замечание по поводу специфики таких текстов содержится в крайне субъективном, но замечательном по информативности источнике — дневнике Б.В. Никольского (магистранта, а впоследствии приват-доцента университе-

¹¹² См.: *Берков П.Н.* Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета (со сведениями о последующих сборниках) // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1961–1989. Т. 1. С. 90–94.

¹¹³ См., прежде всего: *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб., 1913.

¹¹⁴ См.: *Марголис Ю.Д.* Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // *Новое о революции 1905–1907 гг. в России*. Л., 1989. С. 18–27.

¹¹⁵ Из мемуарной литературы и дневников значительную ценность в этом смысле имеют, в частности, издания: *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991; *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994; *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта / Подг. текста, коммент. А.В. Сиренова. СПб., 2004; *Григорьев М.А.* Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.С. Овэс. СПб., 2005; *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах. СПб., 2010; *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка // *Академическое дело 1929–1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ* / Отв. ред. В.П. Леонов; Изд. подг. В.П. Захаров, М.П. Лепехин, Э.А. Фомина. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288; Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию со дня основания. Сб. документов и воспоминаний / Под ред. С.И. Фокина. М., 2011; Профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев / Подгот. текста В.В. Аркадьева, комм. В.А. Прозоровского и И.Л. Тихонова. СПб., 2014 и др.

¹¹⁶ См.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Руковод. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005; Письма к матери, 1898–1899 гг. / Вступ. ст. и комм. Т.Н. Жуковской // *Деятели русской науки XIX–XX веков* / Отв. ред. В.П. Медведев; Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. СПб., 2001. Вып. 2. С. 304–348; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. В.Г. Бухерта; М., 2011. Т. II. Ч. 1: Переписка П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова, 1886–1901 гг. / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. А.В. Макушина и П.А. Трибунского; Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2010. Vol. 3. P. 77–160; Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М., 2001 и др.

та): «Верное для первокурсника, описание [событий в университете] становится лживым пасквилем со стороны хоть сколько-нибудь взрослого не только доцента, но даже студента»¹¹⁷. Представляется, что правильная исследовательская задача — посмотреть на происходящее разными глазами.

В этом отношении к источникам личного происхождения примыкают *публицистика и историографические источники*, связанные с анализом истории университета конца XIX – начала XX века современниками тех событий. В качестве примера, доказывающего необходимость предельно осторожного подхода к этому типу текстов, укажем на то, что в роли одного из основных источников для реконструкции событий первой русской революции (о которой пойдет речь и в нашей работе), происходивших в университете, использовался публицистический текст «1905 и 1906 годы в Петербургском университете» (1907)¹¹⁸ А.А. Дьяконова — одного из их активных участников. В то же время по признанию такого авторитетного советского исследователя, как Ю.Д. Марголис, эта работа «весьма уязвима», поскольку в ней «явно преувеличена роль студенчества в революционном движении»¹¹⁹. Парадокс этой ситуации заключается в том, что он сам следовал в оценках событий революции публицистической версии А.А. Дьяконова. Кстати, добавим от себя, что не менее «уязвимы» и другие «популярные» в советской историографии «революционные версии» истории студенческого движения (например, известная работа Г. Энгеля и В. Горохова¹²⁰), а также мемуары других деятелей революционного студенческого движения, изданные уже в советское время¹²¹, согласующие свои показания с определенными историко-идеологическими представлениями советской эпохи. Между тем, атмосфера, настроения и ментальность эпохи были бы неощутимы без широкого исполь-

¹¹⁷ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. 1896–1903. С. 201.

¹¹⁸ Д.[ьяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907.

¹¹⁹ Марголис Ю.Д. Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях... С. 19.

¹²⁰ Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899–1906. [СПб., 1906].

¹²¹ См., прежде всего: Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917.

зования эго-документов и идеологических (публицистических) текстов эпохи.

Материалы прессы — зеркало, в котором нашли отражение основные политические и идеологические дискурсы, связанные с университетской темой. Наряду с публицистическими текстами по университетскому вопросу и таким важным источником, как стенограммы дискуссий общественно-политического характера (в том числе форумы политических партий, заседания Государственной думы и т. п.), — это основа для понимания историком основных представлений об университете, господствующих в обществе, в массовом сознании. В этой группе источников особую позицию занимают издания, основными авторами которых являлись сами универсанты — это студенческая пресса разных идеологических направлений¹²² и близкая к ней по характеру образовательная периодика¹²³.

Таким образом, само состояние источниковой базы побуждает исследователя к попытке системной реконструкции ряда сторон университетской истории и, с другой стороны, обязывает его к определенной основательности. В то же время историк университета обязан учесть в своих построениях не только огромный корпус источников, но и богатейшую *историографическую традицию*¹²⁴. Действительно в условиях, когда библиография предмета огромна и включает тысячи названий текстов¹²⁵, так или иначе связанных с

¹²² Студенческая речь (1907), Студенческая газета (1913), Студенческие годы (1913–1915), Вешние воды (1914–1916). См. также: *Сватиков С.* Студенческая печать с 1755 по 1915 г. (Журналы, газеты, сборники и альманахи) // Путь Студенчества. 1916. С. 213–248.

¹²³ См., напр.: Школа и жизнь. Газета общественно-педагогическая. СПб., 1910–1916.

¹²⁴ В настоящем разделе использованы материалы публикаций: *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.* Академическая корпорация столичного университета (1884–1917)... С. 47–62; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Власть и столичный университет рубежа XIX – начала XX веков: историографический контекст и проблемы исследования // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». №3 (130). 2011. С. 182–188.

¹²⁵ Наиболее подробную библиографию см.: История Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии [Электронный ресурс] / Руководитель проекта, проф. А.Ю. Дворниченко. URL: <https://history.spbu.ru/files/Bibl.pdf> (дата обращения: 01.09.2015). Из библиографических пособий см.: История высшей школы в СССР, ее развитие и совершенствование. Библиографическая информация. М., 1971–1973. Вып. 1–3; Университетское образование в СССР: Указатель литературы на русском языке (1978–1985). М., 1987; Publications on University History Since 1977: A Continuing Bibliography // History of Universities. Oxford, 1991. Vol. X. P. 305–357 (The USSR / Сост. Г.А. Тишкин. P. 349–354); *Шехурдина Л.Д.* История Санкт-Петербургского-Ленинградского университета: библиографические заметки // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998. Вып. VII. С. 195–211; *Шевченко Н.А.*

изучаемой темой, перед исследователем встает вопрос: как выстроить диалог с предшествующей историографией? Организуя такой диалог, прежде всего надо учитывать то обстоятельство, что истоки историографической традиции неразрывно связаны с саморефлексией университетской корпорации XIX – начала XX в. и в этом смысле грань между источниками и литературой весьма условна.

Публицистическая рефлексия и историографическая традиция

Вопросы внутренней жизни университетской корпорации и ее отношений с властью и обществом начали рассматриваться уже в дореволюционной литературе. Подобная ситуация объясняется как объективно значимой ролью ученой элиты в социально-политическом развитии страны, так и актуальностью университетского вопроса, очевидной как для власти, так и для различных общественных сил. Условно можно выявить три группы работ, отражающих не столько академические, сколько политические позиции их авторов: т. н. «официальная историография» высшей школы (к ней примыкают тексты «правого» толка), либеральная публицистика разных направлений, революционная публицистика.

Для любой ученой корпорации характерна фиксация собственной истории, что, как правило, связано с юбилейными датами. К первому университетскому юбилею была приурочена знаменитая история В.В. Григорьева¹²⁶. Ее можно считать и первым примером текста «официальной историографии» пореформенной эпохи, последний третий раздел книги посвящен истории

Юбилейная универсиада. 1998–1999 // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 509–534; Библиографический указатель гуманитарных изданий Санкт-Петербургского – Ленинградского университета. Сборники, монографии, учебные пособия (1819–1969) / Сост. Н.А. Шевченко, Л.А. Шилов, Н.Н. Кирикова; Отв. ред. Н.А. Шешина. СПб, 2000; Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова за годы советской власти. Краткий библиографический указатель / Сост. Г.Д. Никольцева. Л., 1967.

¹²⁶ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования / Историческая записка сост. по поручению совета университета. СПб, 1870. Критика официального дискурса истории университета с позиций либеральной интеллигенции вполне отражена в рецензии на книгу В.В. Григорьева, опубликованную В.Д. Спасовичем (*Спасович В.Д.* Пятидесятилетие Петербургского университета // ВЕ. 1870. Апрель. С. 765–779; ВЕ. 1870. Май. С. 312–345).

университета «от преобразования по уставу 1863 г. до пятидесятилетия его существования 8 февраля 1869 г.»¹²⁷. Текст В.В. Григорьева носит хроникальный характер, однако очевидно, что автор вполне выражает общее мнение университетской корпорации, связывая достижения университета 1860-х гг. с новым университетским уставом, предоставившим университету необходимую автономию¹²⁸.

Однако уже в первых работах «официальной историографии» «эпохи устава 1884 г.» университетская корпорация рассматривалась, прежде всего, в контексте изучения причин массовых студенческих выступлений, являвшихся значимой внутривластной проблемой для правительства. Ярким примером такого рода текстов стала вышедшая в 1890 г. книжка А.И. Георгиевского (являвшегося председателем ученого комитета и членом совета МНП) «Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков»¹²⁹, в какой-то степени развивающая официозную точку зрения (вполне разделявшуюся такими деятелями, как М.Н. Катков, Н.А. Любимов, К.П. Победоносцев, Н.П. Гиляров-Платонов, Ф.П. Еленев, Б.М. Юзефович и другими консервативными публицистами¹³⁰). Книга А.И. Георгиевского богата фактическим материалом, прежде всего связанным с историей беспорядков в стенах столичного университета, но аналитических суждений в ней немного: во-первых, студенческие беспорядки (автор датирует начало этого социального явления 1858 г.¹³¹) характеризуются им «как весьма значительное зло», во-вторых, их системный характер демонстрирует обществу слабость правительственных

¹²⁷ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 321–432.

¹²⁸ Там же. С. 322–323.

¹²⁹ Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890.

¹³⁰ См.: Катков М.Н. [Москва, 9 августа. Ключ предстоящей реформы университетов]...; Любимов Н.А. Мнение по поводу предстоящего пересмотра университетского устава // РВ. 1873. №2. С. 886–904; [Победоносцев К.П.] Об университетском преподавании // Московские ведомости. 1899. 26 июня (8 июля). №173 С. 1; Гиляров-Платонов Н.П. Университетский вопрос. СПб., 1903; Еленев Ф. Наше молодое поколение (писано в 1884 г.). М., 1899; Юзефович В.М. Записка о мерах к прекращению студенческих волнений и беспорядков и к восстановлению нарушенного ими нормального течения школьной академической жизни. Киев, 1902.

¹³¹ Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных... С. 1.

мер, и, в-третьих, исключенные из университета студенты, по мнению автора, становятся основным контингентом для вербовки в революционные антиправительственные объединения¹³². Характерно, что в сочинении А.И. Георгиевского «студенческий» вопрос прямо увязывается с «профессорским». А.И. Георгиевский, в числе прочего, положительно оценивает принятие нового Университетского устава 1884 г., который, по его мнению, включает все меры для оздоровления университетов, в частности, позволит министру народного просвещения не допускать к профессорству неблагонадежных лиц. При этом он полагает, что развитие университетов возможно только при строгом соблюдении положений устава в течение длительного времени¹³³. Положительно оценивает А.И. Георгиевский и отнятие власти у профессоров, которой они были наделены по Уставу 1863 г., что должно превратить их из чиновников в «действительных наставников юношества, воспитанит и возвысит их нравственный авторитет для студентов»¹³⁴. Автор выражает поддержку М.И. Владиславлеву, предложившему после покушения 1887 г. ряд мер, направленных на сокращение числа студентов, особенно неспособных и финансово несостоятельных, а также призывавшему профессоров усилить контроль за группами студентов¹³⁵; при этом он замечает, что многие профессора, в том числе и в 1887 г., вместе со студентами выступали против М.И. Владиславлева¹³⁶ и в целом способствовали организации беспорядков¹³⁷. В частности, А.И. Георгиевский осуждает профессора Д.И. Менделеева за принятие петиции от студентов и, таким образом, косвенную поддержку беспорядков. Автор отмечает, что даже не особо оппозиционно настроенные профессора не хотели надзирать за студентами, т. е. соблюдать предписания властей. Отсутствие согласия между властью и профессурой проявилось и в том, что Университетское правление снисходитель-

¹³² Там же. С. 2.

¹³³ Там же. С. 157.

¹³⁴ Там же. С. 157–158.

¹³⁵ Там же. С. 160–171.

¹³⁶ Там же. С. 225.

¹³⁷ Там же. С. 242.

но отнеслось к виновным в беспорядках¹³⁸. Впрочем, А.И. Георгиевский все же заявляет, что даже в случае надежности профессоров исключительно их сил недостаточно для нормализации ситуации и мирного процветания университета¹³⁹. Характерно, что мы можем назвать лишь единичные высказывания университетских преподавателей консервативного направления, поддерживавших нормы устава 1884 г. В этом контексте можно обратить внимание на тексты магистранта, а затем и приват-доцента Петербургского университета Б.В. Никольского, который осмелился одним из немногих защищать введенную уставом 1884 г. систему профессорского гонорара. Б.В. Никольский упрекал желающих отмены гонорара в неискренности и нападал на них с их же позиций, т. е. приверженности «чистой науке»: «Позорной и дикою профанацией должны казаться каждому истинному ученому публичные нарекания на сотрудников по призванию из-за неравенства в окладах и гонорарах и печатные выпрашивания лишней тысячи на чаек из государственного казначейства»¹⁴⁰. В другой своей заметке Б.В. Никольский отмечал, что «жалование, т. е. государственная поддержка ученым, всегда было, да и должно быть равномерно для всех специальностей, для всех дарований. Но дальнейшее улучшение благосостояния профессоров — не может и не должно ложиться на государство, а всецело зависит от общественных потребностей и гонорарного сбора, т. е. от наличного спроса на ту или другую отрасль знаний и даровитости профессора»¹⁴¹. Интересно, что подход Б.В. Никольского к университетскому преподаванию, увязывающий его с общественным заказом, вызвал единодушное осуждение в либеральной печати¹⁴².

¹³⁸ Там же. С. 272–274.

¹³⁹ Там же. С. 242.

¹⁴⁰ Никольский Б. Гонорар или призвание? // Новое время. 1897. 2 (14) сентября. №7728. С. 1.

¹⁴¹ Никольский Б. О призвании к гонорару // Новое время. 1897. 15 (27) сентября. №7741. С. 1–2.

¹⁴² См. об этом: Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 22–27; Из общественной хроники // ВЕ. 1897. №11. С. 446–457; Образцов А. Quousque tandem? // Мировые отголоски. 1897. 4 сент. №244. С. 2–3; Вопросы дня (о профессорском гонораре) // Русские ведомости. 1897. 11 сентября. №251. С. 3; Никольский Б.В. Дневник... Т. 1. 1896–1903. С. 124, 126.

Наиболее значимый официальный проект 1890-х гг., связанный с историей университета, — биографический словарь преподавателей, подготовленный к его 75-летию¹⁴³ под редакцией профессора Н.А. Меншуткина¹⁴⁴, не имел, разумеется, четкой идеологической направленности, будучи задуман в качестве «памятника» корпорантам и продолжения труда В.В. Григорьева. Максимально фактологичным и «безоценочным», хотя и масштабным по замыслу и исполнению, был труд С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902», подготовленный к юбилею этого ведомства¹⁴⁵. Приват-доцент (впоследствии профессор) по кафедре русской истории Петербургского университета, С.В. Рождественский — один из значительных представителей историографии российского образования в начале XX в. Освещение последующих студенческих волнений и университетского вопроса в целом происходит в книге в контексте деятельности МНП. Без каких бы то ни было суждений он рассматривает деятельность Д.А. Толстого, направленную на пересмотр Устава 1863 г. и последствия для преподавательского состава принятия Устава 1884 г., при этом наиболее важной из перемен считает «устранение выборного принципа, краеугольного камня университетской автономии»¹⁴⁶. Также хроникальный характер носит изложение истории студенческого движения 1880–1890-х гг.¹⁴⁷ Изложение С.В. Рождественского ценно тем, что находящийся «между правительством и корпорацией» и по понятным причинам воздерживающийся от оценочных мнений автор указывает на те факты и факторы, которые являлись наиболее важными для истории отношений корпорации и власти с точки зрения действующих лиц.

¹⁴³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. СПб., 1896–1898. Т. I–II.

¹⁴⁴ Меншуткин Б.Н. Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина. СПб., 1908. С. 53.

¹⁴⁵ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

¹⁴⁶ Там же. С. 494–504, 617–618.

¹⁴⁷ См. подробнее: Ростовцев Е.А., Баринев Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета (1884–1917)... С. 48.

Если работы А.И. Георгиевского и С.В. Рождественского написаны академическим языком и сдержаны в суждениях, то совсем иначе выстроена риторика открытых политических оппонентов «освободительного движения» по университетскому вопросу. В качестве образчика такого рода литературы, где немало места уделено и Петербургскому университету, можно указать на тексты небезызвестного консервативного публициста Ф.П. Еленева, который дает незатейливую схему организации студенческих беспорядков. Их тайными организаторами выступают заграничные враги России, которые используют российских эмигрантов, те, в свою очередь, манипулируют своими здешними агентами, возбуждающе действующими в отношении студенческой толпы, подверженной стадному чувству. Студенческим беспорядкам при этом не противостоят, а потакают профессора-либералы¹⁴⁸.

Показательно, однако, что в академической среде вплоть до середины 1900-х гг. подобных по тональности текстов не появлялось. Пожалуй, с первым аналогичными откровениями выступил один из аутсайдеров университетской корпорации — профессор, академик, член Союза русского народа А.И. Соболевский, вынужденный покинуть университет после революции 1905–1907 гг. под давлением революционного студенчества и с «молчаливого одобрения» либеральной профессуры. В сентябре 1908 г. академик обрушился как на «революционное студенчество», так и на своих бывших коллег с обвинениями: «Когда с достижением автономии Совет Санкт-Петербургского Университета упразднил всю инспекцию от старших до последних чинов и оставил все залы, аудитории и коридоры в распоряжении студентов, в стенах Университета водворились и публичные женщины, и карманные воры, и сыщики. Кражи верхнего платья с вешалок, книг и шапок со столов, кошельков из карманов студентов — сделались явлением вполне обычным <...> Пора кончать с той свободой, при которой университеты сделались ареной дневных грабежей и местом пребывания разбойничьих ша-

¹⁴⁸ См.: Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб., 1888.

ек»¹⁴⁹. При этом А.И. Соболевский, так же как и сочувствующий ему в рамках этой полемики уже упомянутый выше приват-доцент Б.В. Никольский (также член СРН, вынужденный покинуть университет), представлял своих бывших коллег-профессоров чуть ли не в качестве марионеток, управляемых революционными студенческими старостами¹⁵⁰.

По тону и характеру высказываний к текстам А.И. Соболевского близка публицистика лидера Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) и известного думского деятеля В.М. Пуришкевича¹⁵¹. Вот что, например, в марте 1910 г. он заявлял с думской трибуны: «Профессора стремятся насадить тот строй, которому так сочувствуют левые фракции Государственной Думы: сами не отличаясь большим мужеством в этой области, они выступают только в минуты открытой революции; в остальное время они прячутся за спинами тех же студентов, делая их пушечным мясом. Страдают десятки, сотни, тысячи, а инициаторы этого движения, главари его, виновники его находятся в тени и получают жалование, чины ордена и пребывают на государственной службе, не будучи верными долгу присяги»¹⁵². С особенной критикой В.М. Пуришкевич обрушился на Петербургский университет, обвиняя его профессию в потворстве еврейскому засилью¹⁵³, воровству обще-

¹⁴⁹ Академик А.И. Соболевский. О наших университетских делах // Санкт-Петербургские ведомости. 1908. 18 сентября (1 октября). №211. С. 1. Ср.: Брачев В.С. «Дело» академика А.И. Соболевского: Из истории самоуправления Санкт-Петербургского университета // Общество. Среда. Развитие. 2008. №4 (9) С. 46–70.

¹⁵⁰ Там же. С. 64–65.

¹⁵¹ См. подробнее: Ростовцев Е.А. «Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911 гг.) // Таврические чтения – 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская науч.-практ. конф. СПб., Таврический дворец 16 декабря 2008 г. Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ. Сб. научн. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2009. С. 98–133.

¹⁵² Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 61. 3 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 2887.

¹⁵³ Там же. Стлб. 2895–2897. Для того, чтобы дать представление об уровне и характере аргументации оратора, уместно привести небольшие выдержки из его речи: «Деятельность академического профессорского союза ведет и к другого рода последствиям; она ведет к тому, что в высшей школе распоряжаются студентами левые, сплошь евреи, а над студентами-евреями стоят профессора, в недрах которых сейчас опять-таки допускается колоссальное количество евреев. Чтобы вам доказать, что я не голословен, вот вам кое-какие выдержки из официальных сведений о тех лицах, которые были освобождены сейчас в весеннем полугодии от платы за право слушания лекций: юристов освобождено 713, из них 280 евреев (Справа движение) <...> выдано стипендий 120 лицам, из них 53 евреям (Возгласы справа: ого; ай, ай). Гг., университет, в котором около 8000 студентов и которым управляет академический союз профессоров, дает предпочтение той нации, которой вообще давать предпочтение нельзя (Шум; голос слева: это неверно). Это официальные данные, Милюков, так что нечего вам тут брехать. <...> Я вам должен сказать, что в Петербургском универси-

ственных денег (с чем он связал волну студенческих самоубийств в конце 1909 – начале 1910 г.)¹⁵⁴ и даже сексуальным оргиям¹⁵⁵, чем вызвал волну возмущения в левой части депутатского спектра¹⁵⁶. Причину такого положения в университетах один из лидеров думских «правых» видел в том, что «А.Н. Шварц и его достойные сотрудники <...> ничего не могут сделать в стенах университета, ибо школьная автономия совершенно отграничивает университет китайской стеной от общества»¹⁵⁷. В.М. Пуришкевичу вторил его товарищ по фракции «правых» Г.Г. Замысловский, заявивший, что в Петербурге «студенчество, сидящее, благодаря так называемой прогрессивной профессуре, на казенном иждивении, сидит до поры до времени тихо, смирно; оно подготавливает революцию и говорит: когда наступит момент для второй революции, вы нам скажите, мы готовы и начнем бунтовать»¹⁵⁸. В «Материалах по вопросу о разложении современного русского университета» (1914) В.М. Пуришкевич, анализируя взаимоотношения власти и университетов в период правления Александра III, резко осуждает университеты за об-

тете — и да знают это представители Правительства, здесь находящиеся — среди совета старост находится женщина — член совета по юридическому факультету. Эта женщина еврейка, — но не это, гг., страшно — а эта женщина носит название юридической матки и находится в близких физических отношениях со всеми членами совета (Сильный шум слева, голоса: что за гадость, долой, вон). Гг., это верно, верно» (Там же).

¹⁵⁴ По словам В.М. Пуришкевича «в стенах Петербургского университета начался ряд самоубийств: погиб студент Генрих Риддель, один из вожakov студенческого революционного движения <...>. Погибли студенты Крапухин, Петров Евгений, Лозинский, Петровский и целый ряд других студентов, вожakov революционного движения. Одной из причин этой бесконечной цепи самоубийств является раскрытие колоссальных злоупотреблений денежного характера в стенах Петербургского университета. В комиссии фондовой, в комиссии столовой, где безотчетно, бесконтрольно распоряжалось левое студенчество, которое провозглашает себя носителями чистых идеалов прогресса и свободы, — в этих комиссиях происходили бесшабашный, дикий разгул и воровство» (Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 63. 5 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий Сокзыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 3039–3040).

¹⁵⁵ Приведем характерную выдержку из одного из выступлений В.М. Пуришкевича в Государственной Думе по стенограмме заседания в марте 1910 г.: «В стенах Петербургского университета существует комната, которая помещается рядом с библиотекой; комната эта носит название “комната для молодых”; там гг., происходит свальный грех. (Протестующие возгласы слева; звонок Председательствующего). Делать можно, а называть нельзя? <...> Я вам скажу, что были неоднократно случаи на паперти университетской церкви, когда совершались возмутительные факты непотребства студентами университета» (Там же. Стлб. 3050).

¹⁵⁶ См.: Приложение к стенографическому отчету [Заседание 63. 5 марта 1910 г.]. Заявление 22 членов государственной Думы с протестом на действия председательствующего в текущем заседании Товарища Председателя Государственной Думы С.И. Шидловского // Государственная дума. Третий Сокзыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 3091–3094.

¹⁵⁷ Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 63. 5 марта 1910 г.]... Стлб. 3042.

¹⁵⁸ Замысловский Г.Г. [Выступление в прениях, Заседание 38. 17 декабря 1910 г.] // Государственная дума. Третий Сокзыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1910. Ч. I. Стлб. 3337.

винения власти в гнете, произволе и недовольство Уставом 1884 г.¹⁵⁹ Беспорядки в Петербургском университете 1887 и 1890 гг., по его мнению, были вызваны одними причинами: «Беспорядки в Петербургском Университете в 1890 г. имели совершенно аналогичный характер с беспорядками 1887 года. Как и тогда беспорядки эти начались в Петербурге не на почве личных петербургских неурядиц и недовольств среди студенческой массы, а вызваны были директивами от имени студенчества Московского университета, которое требовало, чтобы все студенчество поддержало их петицию»¹⁶⁰. В.М. Пуришкевич обвиняет профессию в поддержке студентов, в частности, Д.И. Менделеева за то, что тот принял петицию студенчества в 1890 г.¹⁶¹ В.М. Пуришкевич видит в этом предпосылки к последующим событиям русской революции: «Таким образом и в этих беспорядках студенчество выдвигало на первый план якобы требования академического характера, под фирмой коих скрывались те же самые прелести автономной университетской жизни, от плодов которых еще наше студенчество всласть вкусило в 1905 и 1906 годах, да и по сие время еще продолжает вкушать эти плоды»¹⁶². В.М. Пуришкевич отмечает, что из симпатий к студентам профессора всячески уклонялись от участия в организованных МНП дисциплинарных профессорских судах¹⁶³. Причины масштабности студенческих волнений 1905 г. автор видит в поддержке студентов со стороны профессуры, которая и после событий 9 января также поддерживала радикальные студенческие движения¹⁶⁴; «очевидно, что если бы гг. профессора в 1905 году, работая в недрах Академического Союза, не дали такого толчка студенческому движению, то, по всей вероятности, это антиправительственное движение среди студенческой молодежи никогда не вылилось бы в свои безобразные формы, свиде-

¹⁵⁹ Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении... С. 7.

¹⁶⁰ Там же. С. 10.

¹⁶¹ Там же. С. 12–13.

¹⁶² Там же. С. 13.

¹⁶³ Там же. С. 23.

¹⁶⁴ Там же. С. 27.

лями чего мы являемся в настоящее время»¹⁶⁵; «начиная с января 1905 г, Петербургский университет, принявший такое горячее участие в Гапоновском походе, окончательно закрывается для правильного течения академической жизни и держит свои дверь настежь открытыми для всевозможных отбросов улицы, при участии коих разрабатываются на студенческих митингах самые подробные планы активных выступлений против Самодержавного правительства. На первых же порах громогласно объявляется, что университет должно использовать в целях революции и только. Способы же революционизирования студенчества, долженствующего укрепить революцию, самые примитивные. С одной стороны, стоит Совет старост, состоящий из одних евреев, а с другой стороны профессура, — Совет профессоров, состоящий почти исключительно из инородцев»¹⁶⁶. Впрочем, из изложения В.М. Пуришкевича все же не всегда ясно, какую именно роль он отводит профессорам, — зачинщиков и «кукловодов» беспорядков или безответственных и безвольных деятелей, которыми руководят студенты-евреи: «Профессора забыли, что они, главным образом, имели дело с *евреями, для которых никаких нравственных принципов не существует* и которые только тогда перестанут производить возмущение среди студенческой массы, когда окончательно заберут ее в свои руки и превратят в бессловесное стадо, годное только для удовлетворения всех низменных еврейских инстинктов»¹⁶⁷. По словам В.М. Пуришкевича, Совет профессоров сдался, пошел на уступки студенчеству, которое стало полноправным хозяином университета¹⁶⁸. Автор обвиняет профессоров в политике уступок забастовщикам¹⁶⁹ и полагает, что если бы профессора проводили политику, согласную распоряжениям правительства, то всей «вакханалии» удалось бы избежать. Из хозяев университета профессора, по жесткому определению В.М. Пуришкевича, превратились в

¹⁶⁵ Там же. С. 31.

¹⁶⁶ Там же. С. 33.

¹⁶⁷ Там же. С. 34.

¹⁶⁸ Там же. С. 68.

¹⁶⁹ Там же. С. 103.

покорных слуг революционеров, что породило заслуженное к ним недоверие со стороны здравомыслящей молодежи¹⁷⁰. Разумеется, В.М. Пуришкевич всячески поддерживает умирительные меры министра народного просвещения Л.А. Кассо в области высшего образования¹⁷¹. В заключении работы в качестве первоочередной меры В.М. Пуришкевич предлагает профессорам заниматься только наукой, а не политикой, что подразумевало беспрекословное принятие государственных мер, а также борьбу, а не сотрудничество с революционным студенчеством¹⁷².

Своего рода образчиком правительственной пропаганды в сфере высшего образования является книга другого члена РНСМА, вольнослушателя столичного университета и чиновника департамента полиции Г.И. Кушнырь-Кушнырева «Исторический очерк возникновения и развития академических организаций в России» (1914). Пафос сочинения Г.И. Кушнырь-Кушнырева направлен на необходимость пресечения революционного движения в университетах страны — в подрастающем поколении необходимо воспитать дух неприятия всякой революционной пропаганды, распространяющейся в стенах университетов со стороны «вечных студентов», которых содержат для вербовки новых членов революционные объединения¹⁷³.

Разумеется, принципиально иной характер носили характеристики происходящего в университете, данные представителями либерального лагеря. Так, различные аспекты новейшей для того момента университетской истории затрагивались как в многочисленных воспоминаниях, так и текстах мемориального характера, посвященных его известным профессорам и пи-

¹⁷⁰ Там же. С. 212.

¹⁷¹ *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении... С. 47. Следует отметить, что для того чтобы в полной мере «оценить» политику нового министра, В.М. Пуришкевичу потребовалось несколько месяцев, первоначально же он был настроен по отношению к Л.А. Кассо подозрительно и даже враждебно — см. подробнее: *Гоз А.Л.* Пуришкевич и правительственная политика в университетском вопросе // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 298–308. Ср.: *Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы // Клио. 2013. №10. С. 77–88.

¹⁷² *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении... С. 276.

¹⁷³ *Кушнырь-Кушнырев Г.И.* Исторический очерк возникновения и развития академических организаций в России. СПб., 1914. С. III.

томцам. Пожалуй, наиболее ярким образчиком такого рода произведений является книга Б.Н. Меншуткина об его отце — знаменитом профессоре химии Н.А. Меншуткине. В разделе, посвященном университету, освещаются важнейшие моменты взаимоотношений корпорации и власти в 1870 – начале 1900-х гг. с точки зрения позиции либеральной профессуры¹⁷⁴. Однако не меньшее влияние, чем мемориальные сочинения, на формирование представлений об истории университета у либеральной общественности имели многочисленные публицистические тексты по университетскому вопросу.

Среди петербургских профессоров традицию публичных выступлений по «университетскому вопросу», пожалуй, заложил К.Д. Кавелин, принявший активное участие в событиях начала 1860-х гг. (протест против полицейских репрессий, направленных на студенчество, демонстративный уход ряда профессоров из столичного университета, организация т. н. «вольного университета») в Петербурге, посланный затем министром А.В. Головиным в длительную командировку для изучения положения западноевропейских университетов. Материалы, собранные К.Д. Кавелиным, затем были использованы МНП при подготовке устава 1863 г., а также нашли отражение в его статьях, помещенных в ЖМНП¹⁷⁵, в которых автор симпатизировал немецким университетам, основой которых (в отличие от французских) автор считал свободу науки, преподавания и учения как для профессоров, так и для студентов¹⁷⁶. Пожалуй, наиболее известным деятелем Петербургского университета последней трети XIX в., выступившим с развернутыми суждениями по «университетскому вопросу» стал всемирно известный химик Д.И. Менделеев, обычно представляемый сторонником «либерального»

¹⁷⁴ Меншуткин Б.Н. Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина... С. 15–78.

¹⁷⁵ Кавелин К.Д.: 1) Очерк французского университета. Статья 1. Начальное обучение // ЖМНП. 1862. Ч. 114. Июнь. Отд. 1. С. 141–167; 2) Очерк французского университета. Статья 2. Средние учебные заведения // ЖМНП. 1862. Ч. 115. Июль. Отд. 1. С. 1–44; 3) Очерк французского университета: (Статья 3 и последняя). Высшие учебные заведения // ЖМНП. 1862. Окт. С. 99–168; 4) Свобода преподавания и учения в Германии // ЖМНП. 1863. Март. С. 408–443; Апрель. С. 131–155. Сокращенный текст этой статьи и научный комментарий к ней см. в издании: Университетская идея в Российской империи... С. 232–253.

¹⁷⁶ Кавелин К.Д. Свобода преподавания и учения в Германии // Университетская идея в Российской империи... С. 232–253.

«университетского идеала». Высказыванию этих мыслей предшествовал публичный конфликт между Д.И. Менделеевым и МНП, суть которого заключалась в различном понимании границ компетенции университетской корпорации. На студенческой сходке 11 декабря 1887 г., связанной с протестом против политики МНП, в частности против упразднения Студенческого научно-литературного общества, профессор Д.И. Менделеев, обращаясь к студентам, приглашая их успокоиться и разойтись, заявил, по воспоминаниям очевидцев, что «университет есть нечто целое, и всякая часть его должна жертвовать собой для пользы общей, поэтому я, профессор Менделеев, буду выразителем ваших желаний перед высшим начальством»¹⁷⁷. Д.И. Менделеев сдержал слово, выступая ходатаем за студенческие интересы и требования, в том числе настаивая перед попечителем об увольнении назначенного ректора М.И. Владиславлева. Противостояние закончилось отставкой ученого в марте 1890 г., когда вопреки коллективной просьбе Университетского совета¹⁷⁸ Д.И. Менделеев принял решение уйти из университета, по его словам, «защищая и его авторитет и студенчество»¹⁷⁹. Впоследствии Д.И. Менделеев достаточно подробно касается вопросов высшего образования в своих «Заветных мыслях» (1903–1905), оставаясь в этом отношении последовательным либералом, несмотря на то что в конце жизни, как известно, перешел на консервативные позиции и даже, как иногда утверждается в литературе, сочувствовал идеям Союза русского народа¹⁸⁰. Рассуждая о задачах среднего и высшего образования, Д.И. Менделеев подчеркивает их разность: «По этой мысли в начальном и среднем образовании должно преследовать преимущественно развитие личное, а в высшем образовании — общественное и госу-

¹⁷⁷ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 41.

¹⁷⁸ Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 9 апреля 1890 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1890 г. СПб., 1890. №42. С. 29.

¹⁷⁹ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев... С. 41.

¹⁸⁰ См.: Платонов О.А. Предисловие // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 5.

дарственное»¹⁸¹. При этом в основе такой высшей школы, по мнению ученого, должен быть принцип «автономии»: «Но из того, что правительство, заботящееся о будущем народной, должно открывать и вызывать высшие учебные заведения, вовсе не следует того, чтобы оно могло руководить ими во всех их отправлениях, потому что в деле просвещения, как в религии и искусстве, нужны совершенно особые люди, ничем прямо не связанные с теми функциями, для которых назначается правительство, нужны профессора-специалисты, которые одни могут влиять на юношество так, как должно по вышеизложенному, т. е. подводить их к самому алтарю знания и играть при нем ту роль, какую первосвященники играют в отношении религии, а художники по отношению к искусству. Это значит, что руководство и выполнение всего дела высшего образования должно быть доверено профессорам, предоставлено их научной и нравственной ответственности, а все влияние правительства на весь ход высшего просвещения должно состоять поэтому только из двух частей. Первую и главнейшую часть этого влияния должно видеть в составлении уставов или законов, которым обязательно следовать прежде всего самим профессорам, а чрез них и всем их слушателям. Вторая сторона правительственного влияния должна ограничиваться, по моему мнению, лишь утверждением тех профессоров, которым вверяется руководство всем учебным заведением, и поощрением их деятельности на пользу юношества и истинного просвещения, т. е. преимущественно дальнейшего разыскания истины, или их научных трудов»¹⁸². Будучи убежденным противником политизации университета как «справа», так и «слева», Д.И. Менделеев в то же время настаивал и на создании системы широкого студенческого самоуправления¹⁸³.

¹⁸¹ Менделеев Д.И. Заветные мысли // Менделеев Д.И. Сочинения. М.; Л., 1952. Т. XXIII. Народное просвещение и высшее образование. С. 167.

¹⁸² Там же. С. 186.

¹⁸³ А.Ш. К университетской реформе. Беседа с Д.И. Менделеевым // Биржевые ведомости. 1905. №9036. 17 (30) сентября. С. 2.

С позицией Д.И. Менделеева, призывавшего к усилению университетской автономии и выборности всех должных лиц корпорации, было солидарно абсолютное большинство его бывших коллег как из столичного университета, так и из других университетов империи, что нашло отражение в инициированном министром П.С. Ванновским обсуждении предложений по пересмотру университетского устава в 1901–1902 гг.¹⁸⁴ В то же время шло обсуждение и другого ключевого для университетов вопроса о студенческих организациях и самоуправлении. Для характеристики позиции либерального большинства преподавательского сообщества можно привести брошюру приват-доцента историко-филологического факультета А.К. Бороздина «Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете» (1900)¹⁸⁵, в которой автор отметил, что главной идеей создателей этого кружка было объединение студентов для совместных занятий наукой и литературой и это увлечение естественным образом удерживало студентов от увлечения революционными и нигилистическими идеями¹⁸⁶. По словам А.К. Бороздина, несмотря на ярко выраженный научный и общественный характер этого студенческого общества, правительственные меры, принятые в отношении университета после планируемого покушения на императора в 1887 г., самым тяжелым образом отразились на нем, и с подачи нового ректора университета М.И. Владиславлева оно было закрыто¹⁸⁷. Примечательно, что автор как бы «забыл» о том, что реальной причиной закрытия Общества стало то, что заговорщики, планировавшие покушение на Александра III в 1887 г., были как раз членами Общества¹⁸⁸.

¹⁸⁴ См.: Свод мнений по вопросам, предложенным г. министром народного просвещения относительно желательных изменений в устройстве императорских российских университетов. СПб., 1902; Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения в устройстве Российских университетов. СПб., 1902.

¹⁸⁵ Бороздин А.К. Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1900.

¹⁸⁶ Там же. С. 10.

¹⁸⁷ Там же. С. 15.

¹⁸⁸ См.: Казакевич Р.А., Мандель С.З. Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX века: Студенческое Научно-литературное Общество Петербургского университета. Л., 1967. С. 71.

В либеральной публицистике 1890 – начала 1900-х гг., связанной с Петербургским университетом, отметим тексты профессора историко-филологического факультета Н.И. Кареева. С нашей точки зрения, особый интерес для понимания университета как храма науки представляет многократно переиздававшийся и популярный среди российских абитуриентов текст «Выбор факультета и прохождение университетского курса»¹⁸⁹. Автор решительно разделяет университет и «прикладные» вузы, заявляя: «Ради интереса к чистому знанию можно идти только в университет»¹⁹⁰. Построенная в форме путеводителя по системе университетского преподавания книга является своеобразным гимн русскому университету и призвана содействовать возвышению «действительного до идеального»¹⁹¹. По мысли Н.И. Кареева, университеты предназначены отнюдь не для того, чтобы все их выпускники сделались учеными, но для развития в людях «способностей, необходимых во всякой умственной работе высшего порядка»¹⁹².

В годы революции 1905–1907 гг. вопрос «университетской автономии» и студенческом самоуправлении был тесным образом увязан с общей программой либерально-демократических преобразований, которую поддерживало большинство университетской элиты. Напомним, что летом в июне 1905 г. МНП, не будучи в силах в сложившейся общественной обстановке контролировать высшую школу, выработало план введения ограниченной университетской автономии, реализованный в виде «Временных правил об управлении университетами» 27 августа 1905 г.¹⁹³. Получив новые «Правила», уже 1 сентября 1905 г., профессорский Совет столичного университета выступил со специальным заявлением явно политического характера, в котором открыто призвал правительство к масштабным политическим рефор-

¹⁸⁹ Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб., 1900.

¹⁹⁰ Там же. С. 8.

¹⁹¹ Там же. С. 20.

¹⁹² Там же. С. 165–166.

¹⁹³ См. об этом, напр.: Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905–1911 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 157–158; Иванов А.Е. Университеты в России в 1905 г. // Изв. М., 1971. Т. 88. С. 126.

мам¹⁹⁴. Разумеется, для многих членов университетской корпорации, принимавших активное участие в политической борьбе, «университетский вопрос» продолжал оставаться одним из ключевых¹⁹⁵.

Так, например, профессор юридического факультета и член I Государственной думы от кадетской партии Л.И. Петражицкий писал о необходимости кардинальных перемен в университетском образовании, исходя из своего «идеала университета» и из представлений об университете как центре просвещения и общественной жизни: «Университет не есть одно из высших учебных заведений, а *unicum* в своем роде, не имеющий ничего равного и подобного себе; и это явление совершенно *sui generis* не только потому, что университет представляет своеобразное соединение: ученое учреждение + школа, а и в том смысле, что он и в качестве школы существенно и принципиально отличается от других школ <...> ибо его школьная функция и миссия имеют особую природу, определяющуюся тем, что университет — коллегия мыслителей и ученых, центр производства и распространения новых научных истин, вообще научного света»¹⁹⁶. По словам Л.И. Петражицкого Университетский устав 1884 г., направленный на «унижение профессорского звания» прямо противоречит этому идеалу: «Отдельные меры, им введенные, являются образцами и воплощениями того, чего рациональная университетская политика, с указанной и обоснованной выше точки зрения, должна тщательнейшим образом избегать. Так, введение в университетское дело поли-

¹⁹⁴ В частности, в заявлении Совета подчеркивалось: «Пока жизнь русского общества не будет умиротворена осуществлением и органическим развитием возведенных общих реформ, полное успокоение академической жизни не может быть достигнуто ни властью, ни нравственным влиянием Совета. В частности, в интересах академической жизни в данный момент особенно настоятельным, по глубокому убеждению Совета, следует признать обеспечение свободы печатного и устного слова, свободы собраний и союзов и неприкосновенности личности» (см.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 1 сентября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. С. 65).

¹⁹⁵ См.: Яковлев В.П. «Университетский вопрос» на страницах либерально-буржуазной печати в годы новой русской революции // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1975. №8. Вып. 2. С. 160–163.

¹⁹⁶ Петражицкий Л.И. Университет и наука. СПб., 1907. Т. 1. С. 152. См. любопытные замечания на статью Л.И. Петражицкого со стороны экс-профессора и экс-ректора Петербургского университета В.И. Сергеевича, который, хотя и полемизирует со своим бывшим коллегой по ряду вопросов, но «идеал университета» Л.И. Петражицкого вполне разделяет (Сергеевич В.И. Реформа университетского преподавания...). Ср.: Будылин Д.Ю., Полатайко С.В. Онтологический анализ университетского идеала // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 2 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб, 2005. С. 117–118.

тической тенденции и даже, можно сказать, демонстративное выдвижение ее на первый план и подчинение ей научных интересов, даже в области распределения кафедр, психологически неизбежно должно было нанести существенный ущерб достоинству и престижу университетской кафедры, как органа науки и только науки, возбуждая в учащейся молодежи недоверие к “официальной науке” и искусственно усиливая престиж и влияние разных посторонних, внеуниверситетских учений и их представителей»¹⁹⁷. Позиция университетской профессуры, отстаивавшей идеи «автономии» нашла поддержку и в лице «прогрессивного» министра народного просвещения революционной эпохи графа И.И. Толстого, который был убежденным сторонником университетской автономии и организатором корпоративных совещаний профессуры в МНП для выработки политики в области высшей школы и разработки нового университетского устава¹⁹⁸; первоначально в том же духе действовал и сменивший И.И. Толстого на посту руководителя МНП министр П.М. Кауфман¹⁹⁹, однако после 3-июньского переворота положение изменилось: власть начала новое наступление на университеты, а университеты — новый этап «борьбы за автономию», который знаменовался сначала противостоянием университетов с министерствами А.Н. Шварца (1908–1910) и Л.А. Кассо (1910–1914), а затем попыткой наладить диалог в эпоху нового министра гр. П.Н. Игнатьева (1915–1916)²⁰⁰. Из текстов этого периода интерес вызывает, например, статья последнего дореволюционного ректора столичного университета Э.Д. Гримма «Организация университетского препода-

¹⁹⁷ *Петражицкий Л.И.* Университет и наука... С. 283.

¹⁹⁸ См.: *Толстой И.И.* [Записка о недостатках в системе образования, установленной министерством народного просвещения] // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 114. Л. 6–10об.; Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906.

¹⁹⁹ Протокол 1-го заседания совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, 14 августа 1906 г. // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 111. Л. 1–8об.; Протокол 2-го заседания совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, 16 августа 1906 г. // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 112. Л. 1–5об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 173. По вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях. 19–25 августа 1906 г. ср.: *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 38.

²⁰⁰ См. *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. Р. 75–121. Ср.: *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе...; см. главу 8.

давания по проекту нового устава» (1916 г.), в котором ярко представлен идеал университета — как своеобразной башни из «слоновой кости», — который независим от политических и социальных бурь. По его словам, целью университета является развитие науки, а не подготовка «служилых людей» для общественных и государственных нужд²⁰¹. Говоря о необходимости принятия кардинально нового устава, Э.Д. Гримм замечает, что «если бы устав 1884 г. был когда-либо и где-либо полностью осуществлен, он погубил бы университеты»²⁰². В то же время автор далек от позиций как правой, так и левой профессуры, когда одни критикуют проект нового устава за предоставление университетской автономии, а другие за отсутствие в нем гарантий самостоятельности университетов. Э.Д. Гримм предлагает ставить на первое место вопросы университетского преподавания, а не университетского управления²⁰³, полагая, что политический вопрос в ситуации с профессурой преувеличивается²⁰⁴.

Рассматривая тему «автономии» университета в либеральной и консервативной публицистике 1900–1910-х гг., нельзя не отметить и того обстоятельства, что ее обсуждение, очевидно, носит ситуативный характер. В частности, если в ходе дискуссий, проходивших в прессе 1905 г., вся печать, включая консервативное «Новое время» (и даже до определенной степени крайне правый «Гражданин»), с самой идеей автономии соглашалась, хотя правые и видели в ней средство успокоения высшей школы, то в годы «реакции» ситуация поменялась — правые либо вовсе отвергали «автономию», либо призывали отличать «автономию» от «самоуправления», считая полезным лишь последнее²⁰⁵.

²⁰¹ Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава // РМ. 1916. №4. С. 111.

²⁰² Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания ... // РМ. 1916. №5. С. 54.

²⁰³ Там же. С. 52.

²⁰⁴ Там же. С. 57.

²⁰⁵ См. подробнее: Ростовцев Е.А., Андреева В.В.: 1) Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. №10. С. 3–14; 2) Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г // Клио. 2015. №7. С. 71–88; 3) Кризис 1911 г.... С. 77–88.

Разумеется, проблемы взаимоотношений студенческой корпорации столичного университета и власти рассматриваемого периода постоянно обсуждались также и в текущей публицистике социалистического направления. Хотя вплоть до начала XX в. эта тема находится на периферии социалистической и радикальной публицистики, можно указать на отдельные примеры подобных очерков. Так, например, можно упомянуть текст близкого к радикальным кругам российского врача (жившего за границей) Н.А. Белоголового, вышедший в Женеве в 1887 г. — в год планируемого покушения на Александра III, студенческих беспорядков и закрытия Студенческого научно-литературного общества, — в котором автор жестко критикует правительство и императора за политику в «университетском вопросе»²⁰⁶.

Революция 1905–1907 гг. и роль в ней студенчества столичного университета предопределили рост интереса к теме истории студенческого движения в публицистике социалистического направления. Нарастание революционных настроений в студенческой среде и их эволюцию в начале XX в. прослеживают в своей книге В. Горохов и Г. Энгель²⁰⁷. Авторы принадлежали социал-демократической партии, Г. Энгель стоял у истоков социал-демократического объединения в университете в 1903 г. Основные выводы, к которым приходят авторы, заключаются в том, что, защищая академические свободы и протестуя против Временных правил, студенческое движение вызвало широкий общественный подъем²⁰⁸. Студенчество считало себя корпорацией и осознавало, что его борьба за свои свободы есть часть борьбы с самодержавием²⁰⁹. Политический характер студенческих выступлений придавался им во многом благодаря поддержке рабочих²¹⁰.

²⁰⁶ Белоголовый Н.А. Студенческие волнения в России и закрытие университетов. Женева, 1888. См.: Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета (1884–1917)... С. 50.

²⁰⁷ Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения...

²⁰⁸ Там же. С. 35.

²⁰⁹ Там же. С. 48.

²¹⁰ Там же. С. 31.

Крайне интересным источником по истории Петербургского университета в революционные 1905–1906 гг. является книга А. Дьяконова «1905 и 1906 годы в Петербургском университете»²¹¹. А. Дьяконов, придерживаясь радикально левых взглядов, остро критикует правительственный курс на подавление народных выступлений с позиции силы. Кроме того, автор крайне негативно оценивает меры силового воздействия на университетские корпорации и закрытие университета в революционные месяцы 1905–1906 гг. Радикализм позиции автора и его революционные симпатии хорошо видны в восторженных оценках событий 17–18 октября 1905 г. и описаниях масштабной мирной демонстрации студенчества и профессуры у стен университета²¹². В работах В. Горохова, Г. Энгеля, А. Дьяконова университет представлен как центр революционного движения в Петербурге, а Совет старост как центр, направлявший ход университетской жизни²¹³.

Историю студенческого движения в университете в более широком хронологическом контексте рассматривает Р.И. Выдрин (1908). Одной из главных целей, которую преследует в своей работе автор, было проследить эволюцию студенческого движения в российских университетах, начиная с первой четверти XIX в.²¹⁴ Автор отметил, что в 1860-е гг. дворянский университет стал постепенно превращаться в университет разночинный. Характерной особенностью нового студенчества стало то, что теперь оно начало четко определять себя как единую корпорацию, твердо защищая свои интересы перед ограничительной политикой властей²¹⁵. Находящийся на позициях социал-демократии, автор замечает, что русское студенчество, несомненно, тяготеет в массе своей к пролетариату и к социалистическим партиям.

²¹¹ Д.[ьяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете...

²¹² Там же. С. 70

²¹³ К текстам А. Дьяконова, В. Горохова и Г. Энгеля по тематике и позиции близки и публикации других деятелей освободительного движения 1900-х гг. — см., напр.: Брагинский М. Добролюбовская демонстрация 17 ноября 1886 г. в Санкт-Петербурге // *Былое*. 1907. №5. С. 306–308; Чертков В. Русские студенты в освободительном движении. М., 1907; Ярмолович А. Смерть призраков (Надгробное слово над последними событиями в Санкт-Петербургском университете). СПб, 1908.

²¹⁴ Выдрин Р.И. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908.

²¹⁵ Там же. С. 14.

Р.И. Выдрин не просто усматривает в этом сиюминутное увлечение буржуазной части молодежи, а связывает этот процесс с социальным протестом разночинной массы студенчества²¹⁶. В 1912 г. вышла обобщающая книга Б.Р. Фромметта «Очерки по истории студенчества в России», также написанная с позиций социалистической идеологии. Правда, относительно столичного университета автор, пожалуй, не внес ничего нового (кроме описания подробностей студенческого быта), указав на основные события в истории противостояния студенчества и власти²¹⁷.

Отдельно следует указать на высказывания по «университетскому вопросу» В.И. Ленина, поскольку они оказали особое влияние на последующую историографию. В его работах революционное студенчество резко противопоставлялось либеральным профессорам (выступавшим в конечном итоге на стороне царизма)²¹⁸. При этом следует учитывать, что В.И. Ленин смотрел на движение демократической интеллигенции различно, то причисляя ее к мелкой буржуазии, которая могла быть сторонницей буржуазной, но отнюдь не народно-демократической и, тем более, социалистической революции²¹⁹, то в пропагандистских целях давая преувеличенно восторженные оценки антиправительственным выступлениям студенчества (связывая с ними начало революции)²²⁰.

В этом смысле интересно обратить внимание на известную ленинскую работу «Что делать?» (опубликована в феврале 1902 г.), где, в частности, был дан ответ и на то, что делать с недовольными существующими порядками студентами: «“Мы”, если мы хотим быть передовыми демократами, должны

²¹⁶ Там же. С. 61.

²¹⁷ Фромметт Б. Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912.

²¹⁸ См., напр.: Ленин В.И. Уроки московских событий // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 376–385.

²¹⁹ Наиболее яркими примерами являются работы: Ленин В.И.: 1) Шаг вперед, два шага назад // Ленин В.И. ПСС. Т. 8. М., 1959. С. 185–414; 2) Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 1–131.

²²⁰ Подобный взгляд можно встретить в следующих работах: Ленин В.И.: 1) Начало демонстраций // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 5. С. 369–372; 2) Политическая стачка и уличная борьба в Москве // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 345–353; 3) Уроки московских событий... С. 376–385; 4) Студенческое движение и современное политическое положение // Ленин В.И. ППС. М., 1961. Т. 17. С. 214–220; 5) Начало демонстраций // Ленин В.И. ПСС. М., 1961. Т. 20. С. 72–75.

позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т.п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством нашей партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать все и всякие оппозиционные слои»²²¹. Одновременно студенческая фронда начала века рассматривается как один из основных признаков банкротства самодержавия и важнейших факторов устранения существующего политического режима²²². В.И. Ленин в одной из работ 1903 г. вполне справедливо отметил, что правительство, которое «хотело уступить в студенческом вопросе», «оскандалилось, сыграв прекрасно на руку революционной агитации»²²³.

В годы первой русской революции В.И. Ленин обращал особое внимание на значение «автономного» университета как центра революционного движения²²⁴, подчеркивая его роль как «трибуны» пролетариата, «предоставленной ему революционным студенчеством»²²⁵. В 1910 г. В.И. Ленин, характеризуя студенческие выступления, также видел в них признак нового революционного подъема: «Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции»²²⁶.

Таким образом, в дореволюционной историографии сложились несколько векторов оценки позиций университетских корпораций, в частности, корпорации Петербургского университета. Среди ключевых событий универ-

²²¹ Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. ПСС. М., 1963. Т. 6. С. 86.

²²² Ярким примером такого взгляда является статья В.И. Ленина, помещенная в «Искре» в феврале 1902 г. (см.: Ленин В.И. Признаки банкротства // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 6. С. 273–279).

²²³ Ленин В.И. Самодержавие колеблется // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 7. С. 127 (см.: Искра. №35. 1903. 1 марта).

²²⁴ Ленин В.И. Уроки московских событий... С. 376–377.

²²⁵ Ленин В.И. Всероссийская политическая стачка // Ленин В.И. ПСС. М., 1968. Т. 12. С. 3. Ср.: Бондаревская Т.П. Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С. 67.

²²⁶ Ленин В.И. Начало демонстраций... С. 75. См. также статью В.И. Ленина «Не начало ли поворота?»: (Социал-Демократ. 16 (29) 1910 г.) // Ленин В.И. ПСС. М., 1961. Т. 20. С. 1–3.

ситетской истории, послуживших основой для формирования различных историографических дискурсов, были Устав 1884 г. и проблема «университетской автономии», Студенческое научно-литературное общество и его закрытие в 1887 г., студенческие беспорядки 1890, 1899 гг., фигуры Д.И. Менделеева и М.И. Владиславлева, университет как центр освободительного движения в годы революции 1905–1907 гг., противостояние университета министерству Л.А. Кассо и сотрудничество коллегии с министерством гр. П.Н. Игнатьева. Характерно, что своеобразную дорожную карту изучения российских университетов, включая и перечисленные основные явления и события истории Петроградского университета, предлагает и известная программа «исторической библиографии» русских университетов, опубликованная в 1915 г. С.Г. Сватиковым²²⁷. Между тем, интерпретация проблем и событий, разумеется, отличалась в текстах разного идейного содержания. Если либеральная публицистика в основание университетской жизни ставила проблему «университетской автономии», неразрывно связанную со стремлением университетской корпорации к «идеалу университета» как центру высокой науки, то для радикальной и правой публицистики наиболее важной являлась тема университета как центра политического процесса. Если в либеральной публицистике утверждается «идеал университета», в котором преподаватели и студенты объединены общей целью, то в текстах других направлений подчеркивается разность политических устремлений студенчества и профессуры. При этом социалистические и черносотенные тексты сходятся в оценках революционного движения как определяющего ход университетской жизни, где студенческое самоуправление представляется в роли более значимого центра университетской корпорации, нежели органы университетской власти, сформированные профессорской коллегией.

²²⁷ Сватиков С.Г. Русские университеты и их историческая библиография. Пг., 1915. В 1915 г. С.Г. Сватиков в числе прочих привлекался к работе Юбилейной комиссии университета (Протокол заседания комиссии по подготовке предстоящего в 1919 году празднования столетия Петроградского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10427. Л. 78); наряду с его программой библиографии в ходе работы комиссии приват-доцентом Э.Д. Вольтером была подготовлена и Общая схема библиографии Петроградского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10427. Л. 96–96об.).

В фокусе советской историографии

Новый этап развития историографии был связан с изменением социально-политической обстановки в России после Октябрьской революции 1917 г., последующей советизацией университета, утратившего прежний столичный статус. Впрочем, изменение информационной ситуации в условиях «пролетарской диктатуры» и тотальной политической цензуры мало способствовало обсуждению «университетского вопроса». Отдельные высказывания на эту тему звучат только в эмигрантской печати, в которой борьба петроградского студенчества против советизации рассматривается в контексте продолжения освободительных традиций российской высшей школы²²⁸. Вообще, нельзя не отметить, что в первые десятилетия советской власти обращения историографии даже к весьма популярной в дореволюционной политической публицистике теме студенческого движения в стенах Петербургского университета носят единичный характер. Очевидной причиной такой ситуации было утвердившееся в историческом дискурсе 1920-х гг. представление о дореволюционном студенчестве как о части «буржуазной интеллигенции», что в не в последнюю очередь связано с негативной позицией, которую заняло после октября 1917 г. большинство студентов по отношению к Советской власти²²⁹. Типичные клише, транслирующиеся в советской публицистике начала 1920-х гг., рисуют старых профессоров как «защитников и представителей интересов банкиров и крупных помещиков», а старое студенчество как представителей разных «буржуазных групп»²³⁰. В то же время в историография 1920–1930-х гг. не могла игнорировать темы, намеченные в работах дореволюционного периода, а также упомянутые выше позитивные оценки студенческого движения, данные в ряде дореволюционных выступлений самим В.И. Лениным. В теоретическом плане это противоречие было в

²²⁸ Жабa С. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Paris [Русское книгоиздательство, 1922]. С. 61.

²²⁹ См., напр.: Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1984. С. 33.

²³⁰ И.Н. Роль студенчества в строительстве высших учебных заведений // Студент революции. 1922. №1. С. 13–14.

известном смысле разрешено М.Н. Покровским в его многократно переиздававшийся «Русской истории с древнейших времен», в которой студенческая среда представлена как особая возрастная социальная группа интеллигенции, представляющая «как нельзя более благоприятный элемент для распространения социалистического учения»²³¹. На петербургском материале это противоречивое представление о студенчестве, закреплённое в официальном дискурсе, проявилось, например, в тексте «Высшая школа и революция» (1923), созданном новым («советским») ректором Петроградского университета Н.С. Державиным. Несмотря на активное привлечение новой «митингово-комиссарской» лексики работа Н.С. Державина представляет собой попытку краткого, но всестороннего анализа истории высшей школы в России. Автор полагает, что университеты в России всегда находились в зависимом от государства положении, так как «возникли на почве практических государственных интересов»²³² и работали в интересах господствующих классов²³³. Студенческие беспорядки пореформенного времени автор рассматривает как закономерную реакцию учащейся молодежи на репрессии: «Студенчество реагировало на нажим системы знаменитыми в истории Высшей школы беспорядками 1869, 1874, 1878 годов»²³⁴. Н.С. Державин обрушивается с критикой на политику царизма в области высшего образования, особенно на противодействие допуску в университет широких общественных слоев. В частности, автор полагает, что в свое время М.И. Владиславлев был назначен ректором за то, что якобы предложил сократить число студентов с 6000 до 2000²³⁵. Однако 1880-е годы, по мнению автора, были периодом идейного упадка. Господствующее настроение среди студенчества и профессуры — «безыдей-

²³¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен [Т. 4. Глава XVI] // Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1965. Кн. 2. С. 437. Развернутую характеристику студенческого движения М.Н. Покровским см.: Там же. [Т. 4. Глава XVI, XVIII]. С. 438–438, 577–583.

²³² Державин Н.С. Высшая школа и революция. М.; Пг., 1923. С. 11.

²³³ Там же. С. 11–12.

²³⁴ Там же. С. 24.

²³⁵ Там же. С. 13.

ность и общественный индифферентизм»²³⁶. Н.С. Державин считал, что Февральская революция не могла обеспечить должное развитие высшей школы, доступность и качество образования, так как проводилась буржуазией исключительно в своих интересах²³⁷. Именно буржуазия виновата и в неприязни студентов по отношению к большевикам: буржуазия натравливает на Советскую власть «массы несознательного студенчества»²³⁸. Наука, по мнению автора, должна служить народу, стране, а не «чистой науке»²³⁹. В связи с этим Н.С. Державин активно оправдывал практику назначения профессоров и доцентов властью и в пафосном стиле заявлял о том, что в нынешних условиях сам лозунг «автономии» высшей школы является контрреволюционным: «При нынешнем положении вещей, при тесной традиционной связи нынешней высшей школы со старою, при все еще господствующем в массе работников высшей школы мелкобуржуазном настроении, самоуправляющиеся высшая школа станет достоянием буржуазии и явится в ее руках хорошим орудием в борьбе за власть с рабочим классом»²⁴⁰. Вторит Н.С. Державину студенческий активист дореволюционной эпохи К.С. Жарновецкий, утверждающий, что новое пролетарское студенчество университета «чувствует себя гостем» и «подавлено не гостеприимством реакционеров профессоров»²⁴¹.

Еще более усилилась эта линия при первом ректоре-коммунисте — В.Б. Томашевском²⁴². Впрочем, в историческом очерке об университете, составленном под его редакцией к 200-летию юбилею Академии наук, дается неожиданно противоречивая характеристика самого периода пореформенного университета — составителем подчеркивалась оппозиционность как сту-

²³⁶ Там же. С. 25.

²³⁷ Там же. С. 35.

²³⁸ Там же. С. 38.

²³⁹ Там же. С. 40.

²⁴⁰ Там же. С. 38.

²⁴¹ Жарновецкий К. Старый студент // Красный студент. 1923. №1. С. 20.

²⁴² См.: Брачев В.С. Первый ректор-коммунист // Ленинградский университет. 1987. 20 марта. С. 2; Петров В.В. «Большой была его работа и яркой — жизнь его». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета // Клио. 2013. №3. С. 108–110.

денчества, так и профессуры, но и указывалось на двойственный характер устава 1884 г., который, с одной стороны, «вводил замещение административных и преподавательских должностей по назначению, всемерно искоренял все проявления корпоративности в быту студентов», но с другой стороны имел и положительные черты. Весьма любопытно то, что по мнению составителя очерка положительным в уставе было «широкое развитие приват-доцентуры и допущение параллельных курсов приват-доцентов, что сильно расширяло кадры молодых преподавателей и давало возможность широкого применения семинарского и лабораторного метода»²⁴³.

Рубеж 1920–1930х гг. — эпоха тотального «закручивания гаек» на научном фронте, время разоблачения и преследования приверженцев «старых», «буржуазных» научных школ не только в гуманитарных, но и в естественных и точных дисциплинах²⁴⁴, а также новой ломки факультетской системы ЛГУ²⁴⁵. Разумеется, массовые репрессии 1930-х гг., в том числе расправы над выдающимися учеными университета разных направлений, также логично продолжали линию борьбы с «дореволюционной» и «буржуазной» наукой²⁴⁶.

В этом контексте понятно, почему немногочисленные публикации 1920–1930-х гг., касающиеся интересующей нас проблематики, носят скорее справочный характер²⁴⁷. Даже освободительному движению в стенах университета посвящены лишь единичные тексты, главным образом «Студенческой

²⁴³ Ленинградский государственный университет / Под ред. В.Б. Томашевского. Л., 1925. С. 8–9.

²⁴⁴ См.: На Ленинградском математическом фронте. М.; Л., 1931; Академическое дело 1929–1931 гг.... Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле; *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; *Фоккин С.И.* Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // Историко-биологические исследования. 2010. Т. II. №2. С. 61–63 и др.

²⁴⁵ История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 333–335; 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 307–308.

²⁴⁶ См. напр.: Там же. С. 308–310; *Фриш С.Э.* Сквозь призму времени. М., 1992. С. 213–243; *Лебедев Д.В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. СПб., 1991, С. 264–282; *Медведев И.П.* «Последний из могикан»: трагический финал // Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 72–82; *Брачев В.С.* Судьба профессора Н.Н. Розенталя // Новейшая история России. 2013. №3. С. 145–160; *Аль Д.* [Альишиц Д.Н.] Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб., 2007. С. 87–88.

²⁴⁷ См., напр.: Ленинградский государственный университет... С. 7–9; [Ленинградский университет] // Ленинград. Путеводитель. М.; Л., 1931. С. 242–245; Ленинградский государственный университет им. А.С. Бубнова // Университеты и научные учреждения. К XVII съезду ВКП (б) / Отв. ред. Г.М. Кржижановский. М.; Л., 1934. С. 115–179.

правды» ЛГУ, которая, кстати, решительно противопоставляла старое «буржуазное» студенчество новому советскому²⁴⁸. Для понимания причины этой историографической паузы в изучении истории университетской корпорации также следует учитывать, что в «Кратком курсе Истории ВКП (б)» (1938) не только преподавательский корпус, но даже революционное студенчество представлено как часть буржуазии: «Под влиянием революционной борьбы рабочих усиливается и студенческое оппозиционное движение. Правительство в ответ на студенческие демонстрации и забастовки закрыло университеты, бросило сотни студентов в тюрьмы и, наконец, придумало отдачу непокорных студентов в солдаты. В ответ на это учащиеся всех высших учебных заведений организовали зимой 1901–1902 года всеобщую стачку студентов. Стачка эта охватила до 30 тысяч человек. Революционное движение рабочих и крестьян и особенно репрессии против студентов заставили расшевелиться также либеральных буржуа и либеральных помещиков, сидевших в так называемых земствах, заставили их поднять голос “протеста” против “крайностей” царского правительства, репрессировавшего их сынков-студентов»²⁴⁹. Эти оценки дореволюционного студенчества повторялись и применительно к Петербургскому университету. По словам одного из авторов текстов конца 1930-х гг., основную массу его дореволюционного студенчества рубежа XIX–XX вв. составляли «маменькины сынки», «белоподкладочники» и «карьеристы»²⁵⁰. Более того, вплоть до конца 30-х гг. власть относилась (и в ряде слу-

²⁴⁸ См.: «В тяжелый год (Отрывки из дневника студента)». Свидетельства о жизни университета в 1921 г. // Студенческая правда. №1. 1927. 7 ноября. С. 2; *Носов Е.* В главном коридоре // Там же. С. 3; *Кочергин.* Семь лет назад // Там же. С. 4; *Петров М.* Что за рабфак // Там же. С. 4; Университет в 80–90-х годах // Студенческая правда. 1929. 7 ноября. С. 1; В былые дни (как родился наш коллектив комсомола) // Студенческая правда. 1928. 31 января. №5. С. 4; *Добронравов В.* Из истории нашего Университета. Студенческие волнения 60-х гг. // Студенческая правда. 1928. 7 ноября. №16. С. 5; «Четверть века назад» (университет и революция 1905 г.) // Студенческая правда. 1930. 14 января. №1–2 (38–39). С. 8; В.И. Ульянов (Ленин) в Санкт-Петербургском университете // Студенческая правда. 1927. №1. 7 ноября. С. 1.

²⁴⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП (б); Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1945. С. 28.

²⁵⁰ *Немилов А.В.* 120 лет Ленинградского государственного университета // Советская наука. 1939. №2. С. 175.

чаев не без оснований) подозрительно и к новому советскому студенчеству ЛГУ²⁵¹.

Однако нельзя сказать, что и в непростые для университета постреволюционные десятилетия в корпорации не поддерживалась память о наследии прошлого времени: как в период драматических трансформаций университетской структуры 1920 – начала 1930-х, так и после ее частичного восстановления в 1932–1934 гг. не прерываются университетские традиции поддержания корпоративной памяти — чествования великих ученых XIX – начала XX в. их учениками²⁵². Изменения же в характере исторической политики во второй половине 30-х гг. в целом создали новые более благоприятные условия для советского конструирования истории *русской науки*. Сами названия текстов («выдающийся русский» ученый/физик/физиолог/химик и т. п.), поставленных на поток с конца 1930-х гг., свидетельствовали об определенном социальном заказе. В университете этому процессу также способствовал «юбилей» 1939 г.²⁵³ и начало появления работ, основной пафос которых заключался в демонстрации непрерывной связи и преемственности в развитии той или иной отрасли научного знания²⁵⁴. Разумеется, в условиях тогдашнего политического режима характер оценок и интерпретации научных заслуг знаменитых ученых дореволюционного университета был обусловлен текущей идеологической конъюнктурой. Например, в условиях господства «лысенковцев» в университете подчеркивались заслуги петербургских профессоров в борьбе за дарвинизм²⁵⁵.

²⁵¹ См.: *Петров И.В.* Исторический факультет 1930-х гг. в воспоминаниях Николая Николаевича Рутченко-Рутыча // *Клио*. 2013. №10. С. 112–116; *Рудинский В.* Vivat Academia // *Русское Воскресение*. 1956. 23 февраля. №36. С. 4–5.

²⁵² См.: *Фаворский А.Е.* А.М. Бутлеров как глава школы русских химиков. Л., 1929.

²⁵³ См.: *Тихонов И.Л.* Из истории университетских юбилеев // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 439–440.

²⁵⁴ Ярким образчиком нарративов подобного рода стала статья ветерана университета профессора В.Е. Тищенко: *Тищенко В.Е.* Из истории кафедры химии Ленинградского государственного университета (1819–1939 гг.) // *Природа*. 1939. №7. С. 102–106.

²⁵⁵ См., напр.: *Римский-Корсаков М.Н.* Памяти борца за дарвинизм // *Природа*. 1940. №1. С. 96–98; *Шишкин В.К., Овчинников П.Н.* Владимир Леонтьевич Комаров. Л., 1944; *Овчаров К.Е.* Дмитрий Иосифович Ивановский. 1864–1920. М., 1952.

В тяжелых реалиях науки 1930–1940-х гг. регулярно чествовались профессора-юбиляры, действовали, пусть и перерывами, научные общества, ведущие свою историю из «старого времени», например, общество естествоиспытателей или физико-химическое общество²⁵⁶, проводились традиционные научные форумы, такие как «менделеевские чтения»²⁵⁷. Вообще, как справедливо отмечалось в литературе, имя Д.И. Менделеева — «официально почитаемого в стране ученого» — «подчас играло роль ангела-хранителя» для университета в условиях сталинского режима²⁵⁸.

Таким образом, хотя в период господства историографических представлений в духе школы М.Н. Покровского, затем «Краткого курса», систематического исторического изучения истории университета последних предреволюционных десятилетий не проводилось, «связь времен» в университете не порывалась и, когда в условиях патриотического подъема военного времени появляется почва для создания новых обобщающих очерков, то они возникают уже на прочном основании — в связи с очередным университетским юбилеем — в этом надо отметить, прежде всего, издание «Ленинградский университет 1819–1944» (1945)²⁵⁹. Студенческому движению в дореволюционный период в книге уделено особое внимание. Автором этой части издания являлся профессор Г.А. Гуковский. В частности, он рассматривает университет как один из центров революционного движения в 1905–1907 гг. — во время наиболее острой конфронтации с властями, противостояния различных группировок внутри самого студенчества университета²⁶⁰. Автор утверждал, что дальнейшая студенческая активность после 1908 г. бы-

²⁵⁶ См.: Волкова Т.В. Русское физико-химическое общество и Петербургский – Ленинградский университет // Вестник ЛГУ. 1950. №5. С. 120–125.

²⁵⁷ См.: Жуков Н.И., Никольский Б.П. Менделеевское чтение 1948 г. в Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. 1948. №3. С. 166–167.

²⁵⁸ Русанов А.И. Химическое общество и Петербургский университет // Вестник СПбГУ. Серия 4. 1998. Вып. 1 (№4). С. 28.

²⁵⁹ Ленинградский университет 1819–1944 / Под ред. В.В. Мавродина. М., 1945.

²⁶⁰ Там же. С. 64.

ла практически подавлена, а ее некоторое оживление в 1911–1912 гг. было пресечено деятельностью министра народного просвещения Л.А. Кассо²⁶¹.

В ряде статей, вышедших в первых номерах «Вестника ЛГУ», начавшего выходить в 1946 г. под редакцией А.А. Вознесенского, очевидно намечается тенденция к реабилитации не только студенчества, но и оппозиционной правительству профессуры — в частности, в статьях, посвященных университетским кризисам 1861–1862²⁶² и 1881 гг.²⁶³ Особое значение в этом ряду имела статья Е.Г. Ольденбург, посвященная Студенческому научно-литературному обществу и деятельности в нем Александра Ульянова — автор попыталась показать «прогрессивность» Общества, в котором левые элементы (круг Ульянова и «кружок Ольденбурга») противостояли правым, вынужденным общество оставить. Таким образом, эти «прогрессивные элементы» — будущие буржуазные профессора и академики прошедшие через общество (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, С.Ф. Глинка, А.А. Кауфман, И.И. Гревс, М.И. Туган-Барановский, К.К. Сент-Илер и др.) рассматривались исключительно в положительном контексте да еще и в связи с семьей вождя (в частности, автор приводит воспоминания о встречах С.Ф. Ольденбурга с В.И. Лениным, расспрашивавшим о деятельности своего брата Александра)²⁶⁴. К этому ряду текстов примыкает и статья В.Р. Лейкиной-Свирской «Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо» (1947)²⁶⁵, в которой восстанавливается ход событий в университете в период конфликта корпорации с министерством Л.А. Кассо. Как показывает В.Р. Лейкина-Свирская, студенты были возмущены грубым нарушением вла-

²⁶¹ Там же. С. 65.

²⁶² Сладкевич Н.Г. Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов XIX века // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 109–120; Вольфсон Т.С. Вольный университет 1862 г. // Вестник ЛГУ. 1947. №7. С. 96–107.

²⁶³ Кушков Н.Г. На акте 8 февраля 1881 года (Из истории студенческих волнений) // Вестник ЛГУ. 1946. №3. С. 112–117.

²⁶⁴ Ольденбург Е.Г. Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1947. №2. С. 145–155.

²⁶⁵ Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. №4. С. 151–158.

стями остатков университетской автономии. В.Р. Лейкина-Свирская считает, что предлогом для реакционных действий министерства Л.А. Кассо против высшей школы в целом и либеральной профессуры в частности стали студенческая забастовка конца 1910 г. и студенческие беспорядки начала 1911 г.²⁶⁶

В 1945–1947 гг. происходит организация Музея истории ЛГУ, призванного стать постоянным местом памяти о славном университетском прошлом²⁶⁷. Своеобразным итогом тенденции, направленной на реабилитацию и даже возвеличивание достижений дореволюционной науки (разумеется, прежде всего в сфере точного и естественного знания) стали коллективные очерки «Ленинградский университет за советские годы, 1917–1947» (1948). В определенном смысле книга отражает и особые «регионально-национальные» претензии ленинградской партийной номенклатуры, к которой принадлежал ректор А.А. Вознесенский — хотя с ними (как и самим ректором) вскоре было покончено в ходе т. н. «Ленинградского дела». Название книги не должно вводить в заблуждение — значительная часть текста посвящена дореволюционному периоду развития университета. Интересно, что в этом издании содержится прямая критика «леваков» и даже «врагов народа», которые в начале 1930-х гг. «стремились уничтожить все без разбора: факультеты, лекции, десятки специальностей» и «не захотели взять из его многолетнего опыта те бесспорно ценные элементы, которых было не мало»²⁶⁸. В новом контексте смог начаться пересмотр и самых опасных с точки зрения идеологии сюжетов. Показательна в этом отношении обстоятельная статья, посвященная университету в годы Первой русской революции, которая была подготовлена доцентом исторического факультета ЛГУ Н.И. Павлицкой. С точки зрения фразеологии и методологических установок ее работа «Петербургский уни-

²⁶⁶ Там же. С. 151.

²⁶⁷ Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005. С. 8–9.

²⁶⁸ Ленинградский университет за советские годы, 1917–1947: Очерки. Л., 1948. С. 26.

верситет в революции 1905–1907 гг.» (1948)²⁶⁹ является примером исторического исследования, ангажированного господствующей идеологией и политическим режимом, но в то же время умело преодолевающего догматические представления, закрепившиеся в официальном дискурсе. Действительно, для данной статьи характерны частые ссылки не только на работы В.И. Ленина, но и на труды И.В. Сталина и на «Краткий курс истории ВКП (б)»²⁷⁰. В статье Н.И. Павлицкой было отмечено, что студенческое движение набирало обороты под влиянием революционной борьбы рабочих. Как мы помним, данная историографическая концепция берет свое начало еще в 1907 году в дореволюционной литературе. В то же время Н.И. Павлицкой удалось в определенном смысле преодолеть установки «Краткого курса»: опираясь, с одной стороны, на труды В.И. Ленина, а с другой, на социалистическую публицистику 1900-х гг. автор доказывает, что, хотя студенчество в начале XX в. было неоднородным в своих политических взглядах, его абсолютное большинство поддержало демократические требования революции²⁷¹. Более того, Н.И. Павлицкая аргументировано утверждает, что в глазах полиции и части петербургского общества, которую она характеризует как «погромщиков», в январе 1905 г. слово «студент» стало синонимом слову «бунтовщик»²⁷². Разумеется, в изложении автора ведущая роль в студенческом движении в стенах университета в это время отводится социал-демократии. Продолжает тему революционного студенчества столичного университета, преодолевавшего в 1880-е гг. народничество и стремившегося к марксизму, статья другого доцента исторического факультета ЛГУ — Н.Г. Сладкевича — о Д.Н. Благоеве и его кружке (1949)²⁷³.

²⁶⁹ Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1948. №11. С. 138–156.

²⁷⁰ Там же. С. 138.

²⁷¹ Там же. С. 139.

²⁷² Там же. С. 140.

²⁷³ Сладкевич Н.Г. Революционная деятельность Благоева в годы его пребывания в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1949. №4. С. 144–150.

Вообще, важно иметь в виду, что несмотря на тяжелую обстановку в советском обществе и ЛГУ рубежа 1940–1950-х гг. (политические репрессии, «Ленинградское дело», т. н. факультетские «дискуссии» и т. п.)²⁷⁴ в многочисленных текстах, посвящённых истории научных школ или отдельным выдающимся ученым рубежа XIX–XX вв. или «ветеранам» университета, начавшим работу или учившимся в нем до 1917 г., объективно создается образ «золотого века» науки, в котором корифеи прошлого выступают в роли «гигантов», на плечах которых существует современный ЛГУ²⁷⁵. В определенном смысле, как это ни парадоксально, атмосфера сталинского патриотизма, борьбы с космополитизмом вполне работали на миф о русской науке как наиболее передовой в мировом масштабе и в этом отношении провоцировали

²⁷⁴ См., напр.: Агитпроп ЦК о положении в советской математической науке в связи с обвинениями в преклонении «многих математиков» перед «иностраницей». 27.10.1948 // Сталин и космополитизм. Фонд А.Н. Яковлева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69474> (дата обращения: 06.04.2014); Маркузе А.И., Гиммельштейн Е.Е. Дискуссия в Ленинградском Государственном университете о роли личности в истории // Вестник ЛГУ. 1948. №2. С. 167–171; Гинецинская Т.А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука... С. 114–125; Чеснова Л.В. Ю.И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20–60-е годы) // Там же. С. 212–222; Ганелин Р.Ш. О борьбе с космополитами в общественных науках в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Уроки истории — уроки историка... С. 204–224; Гессен В.Ю., Дмитриев А.Л. Большой террор на политико-экономическом факультете Ленинградского университета в 1948–1950 гг. (по архивным документам и воспоминаниям) // Там же. С. 340–362; Столяр А.Д. Уроки гражданского мужества историков: научное сотрудничество В.В. Мавродина и М.И. Артамонова (1937–1972) // Мавродинские чтения. 2008. СПб., 2009. С. 15–39; Дворниченко А.Ю. С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет // Клио. 2013. №10. С. 127; Аль Д. [Альшиц Д.Н.] Шаги истории России... С. 217–272; Schlesinger R. Recent Soviet Historiography // Soviet Studies. 1950. Vol. 1. No. 4. P. 293–312.

²⁷⁵ См., напр.: Делоне Б.Н. Петербургская школа теории чисел. М.; Л., 1947; Игнатий Юлианович Крачковский / Автор-составитель И.Н. Винников. М.; Л., 1949; Полянский Ю.И. Профессор В.А. Догель (К 40-летию научно-педагогической деятельности) // Вестник ЛГУ. 1947. №4. С. 159–162; Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет... С. 7–106. (первое издание: Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79); Волкова Т.Б. Русское физико-химическое общество... С. 119–123; Гогоберидзе Д.Б. Замечательный русский физик Э.Х. Ленц // Вестник ЛГУ. 1950. №2. С. 3–29; Догель В.А. История развития биологических наук в Ленинградском государственном университете // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция биологических наук. Л., 1946. С. 3–18; Догель А.Ф. О.А. Ковалевский и Санкт-Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1951. №11. С. 95–99; Соколов Н. Профессор Н.К. Пиксанов // Вестник ЛГУ. Серия общественных наук. 1953. №6. Вып. 2. С. 171–173; Горшков П.М. Профессор Александр Александрович Иванов — основатель школы теоретиков-астрономов в Петербургском — Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. 1948. №9. С. 111–121; Кузнецов С.С.: 1) Крупный русский ученый Ф.Ю. Левинсон-Лессинг // Вестник ЛГУ. 1948. №5. С. 128–144; 2) Профессор Александр Александрович Иностранцев // Вестник ЛГУ. 1948. №3. С. 136–148; Полюнов Б.Б. Роль Ленинградского университета в развитии науки о почве как отрасли естествознания // Вестник ЛГУ. 1947. №9. С. 151–162; Толсто-пятков В.М. Александр Михайлович Бутлеров — творец теории химического строения органических соединений // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 3–12; Шилова Е.И. Докучаев в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1948. №7. С. 125–130; Васильев Л.Л. Николай Евгеньевич Введенский (К 25-летию со дня смерти) // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 92–97; Терехов П.Г. И.М. Сеченов в С.-Петербургском-Ленинградском университете (Материалы для биографии ученого) // Вестник ЛГУ. Серия биологии, географии и геологии. 1954. №7. С. 61–78 и мн. др.

поток научных и научно-популярных работ о Д.И. Менделееве, Н.Е. Введенском, А.М. Бутлерове и других выдающихся универсантах. Интересно, что этот образ вполне сочетался с теми представлениями о «расцвете» русской науки предреволюционных десятилетий, который утверждался в западной научной литературе, в частности в текстах известного историка-эмигранта (и бывшего приват-доцента Петроградского университета) Г.В. Вернадского²⁷⁶.

Традицию изучения студенчества Петербургского университета во время Первой русской революции продолжает статья П.С. Гусятникова «Студенческое движение в 1905 г.»²⁷⁷ (1955). Об общественно-политических настроениях студенчества накануне и в период революции автор высказывался в духе установок «Краткого курса». Он считал, что оппозиционное студенчество принадлежало к буржуазно-демократическому лагерю и лишь сравнительно небольшая часть корпорации выступала в поддержку социал-демократов²⁷⁸. Однако уже иные оценки революционных событий 1905 г. встречаются в статье «Петербургский университет в 1905 г.» Н.Г. Сладкевича²⁷⁹, который, впрочем, в своих построениях опирается, главным образом, на те же источники, что и предшественники (работы А. Дьяконова, В. Горохова и Э. Энгеля). Неизменно большая роль отводится в статье руководящей роли большевиков в рамках социал-демократических групп студенчества. Автор указывает, что передовое студенчество приняло тактику действий, предложенную именно большевиками²⁸⁰. Н.Г. Сладкевич отметил, что определяющее влияние большевиков на студенческое движение

²⁷⁶ Vernadsky G. Rise of Science in Russia // Russian Review. 1969. Vol. 28. P. 37–52; Hooson D.J.M. The Development of Geography in Pre-Soviet Russia // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 58. No. 2 (Jun., 1968). P. 250–272.

²⁷⁷ Гусятников П.С. Студенческое движение в 1905 г. // ВИ. 1955. №10. С. 74–81. См. также: Гусятников П.С. Революционное студенчество Петербурга накануне и в период первой русской революции. Л., 1951.

²⁷⁸ Там же. С. 75.

²⁷⁹ Сладкевич Н.Г. Петербургский университет в 1905 г.... С. 23–35.

²⁸⁰ Там же. С. 25.

во время революции было настолько велико, что Совет старост университета прямо следовал указаниям Петербургского комитета РСДРП²⁸¹.

«Оттепель» и политика, направленная на реабилитацию универсантов, пострадавших в годы сталинизма, проводившаяся администрацией университета во главе с ректором А.Д. Александровым²⁸², несомненно, также способствовали укреплению представлений о «блестящей» плеяде ученых «мирового значения», работавших в Петербургском университете последней трети XIX – начала XX в. Ритуальные оговорки об их «буржуазности» отступают на второй план, а круг выдающихся деятелей значительно расширяется — кроме Д.И. Менделеева, А.М. Бутлерова, И.М. Сеченова и других представителей естественных и точных наук в официальных изданиях, посвященных ЛГУ, в качестве видных универсантов начинают фигурировать представители социального и гуманитарного знания: В.П. Васильев, А.Н. Веселовский, Н.И. Кареев, А.Д. Градовский, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.А. Шахматов, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Ковалевский, Б.А. Тураев, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др.²⁸³, — хотя «прощены» были не все и отдельные профессора продолжали фигурировать как «поборники мистицизма и поповщины» (А.И. Введенский, Н.О. Лосский)²⁸⁴. Интересно, что в новом дискурсе *герои науки* выступают в одном ряду с *героями революции* (А.И. Ульянов, Д. Благоев, А.Н. Замятин, Н.В. Крыленко, Д.З. Мануильский, В.Э. Кингисепп и др.)²⁸⁵, при том, что основные события университетской истории, которые

²⁸¹ Там же. С. 33.

²⁸² См.: Колчинский Э.И. Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (Интервью с академиком А.Д. Александровым) // Репрессированная наука. Вып. II / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. СПб., 1994. С. 169–175.

²⁸³ См., напр.: Мавродин В.В., Сладкевич Н.Г., Шилов Л.А. Ленинградский университет (краткий очерк). Л., 1957. С. 18, 32.

²⁸⁴ Там же. С. 32. См. также ряд статей, посвященных истории университетской науки и вышедших в это время: Смирнов А.И. Математическая физика в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1. С. 11–19; Поляхов Н.Н. Развитие кафедры механики в Петербургском-Ленинградском университете // Там же. С. 25–27; Полянский Ю.И. О научных зоологических школах Ленинградского университета // Там же. С. 29–38 и др.

²⁸⁵ Показательны в этом отношении и общие характеристики университета, дававшиеся в справочной литературе этого периода (см., напр.: Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова // Зиновьев С.И., Ременников Б.М. Высшие учебные заведения СССР. Университеты, экономические и юридические вузы. М., 1962. С. 124).

казались важными (уставы 1863, 1884 г., дело А.И. Ульянова 1887 г., демарш Д.И. Менделеева, Революция 1905–1907 гг. и «Временные правила» 1905 г., университетский кризис эпохи Л.А. Кассо 1911 г. и т. п.), повторяли ряд, закреплённый в дореволюционной литературе. Важно, что эпоха «оттепели» способствовала дальнейшему освобождению от установок «Краткого курса», что наглядно видно по изменениям в оценках роли как преподавательской корпорации, так и студенчества, которые происходят в историографии, и по более активному использованию дискурсов дореволюционной историографии, представлявшей студенчество в качестве одной из основных сил русской революции²⁸⁶. В частности, в текстах конца 1950-х гг. подчеркивается, что значительную часть студенчества начала XX в. уже не удовлетворял общедемократический лозунг свержения самодержавия, она встала на революционные и социал-демократические позиции, сформировав соответствующие партийные организации, сыгравшие немалую роль в преддверье и в период революции 1905–1907 гг.²⁸⁷ Показательно, что активизация исследований политической активности дореволюционного студенчества университета происходит на фоне борьбы советской власти с политическим протестом нового поколения студентов в ЛГУ 1950–1960-х гг.²⁸⁸

Начиная с конца 1950-х, в 1960–1970-е гг. в ЛГУ формируется целая школа изучения университетской истории, у истоков которой стояли профессора С.Н. Валк, С.Б. Окунь, Н.Г. Сладкевич, подготовившие плеяду учеников — Ю.Н. Егорова, Р.Г. Жуйкову, В.Г. Савельеву, Ю.Д. Марголиса, Г.А. Тишкина, В.П. Яковлева и многих других, ученики которых в свою очередь, приступили к исследованиям истории университета уже в 1980–1990-е гг. (М.В. Борисенко, О.Н. Ансберг, А.Л. Гоз, Н.С. Андреева, Т.Н. Жуковская, О.Б. Вахромеева и др.). Развитию исследований в области

²⁸⁶ Мавродин В.В., Сладкевич Н.Г., Шилов Л.А. Ленинградский университет... С. 27–31. См. также: Гусятников П.С. Из истории партийной организации университета 1903–1958. Начало деятельности социал-демократической группы (1903–1904) // Ленинградский университет. 1958. 17 февраля. С. 1–3.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Конохова А.С. Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг. // Клио. 2013. №10. С. 117–120.

университетской истории способствовала систематизация архивных материалов по истории ЛГУ, проведенная в начале 1960-х гг. под общим руководством С.Н. Валка, которая создала предпосылки для постепенного расширения источниковой базы научных штудий²⁸⁹. В 1962 г. под редакцией Н.Г. Сладкевича в свет вышел первый том важнейшего для истории Петербургского университета издания — «Очерков по истории Ленинградского университета»²⁹⁰. История революционного движения в университете нашла на страницах книги широкое освещение. Одной из таких работ стала статья Н.В. Юхневой «Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г.»²⁹¹. Главная мысль работы заключается в том, что студенческое движение прошло с 1899 по 1901 г. важную эволюцию: если в антиправительственных выступлениях 1899 г. студенчество преследовало лишь узкие корпоративные цели, то с весны 1901 г. студенческие демонстрации приобрели ярко выраженный политический характер²⁹².

Статья З.С. Кругловой «Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва)»²⁹³ (1964) посвящена общей активизации стачечного движения в России начиная с 1912 г., которое автор связывает с началом экономического подъема в стране в 1910–1911 гг.²⁹⁴ Важное место в статье уделено организационной деятельности левого студенчества в этот период. Придерживаясь уже сложившейся историографической традиции, З.С. Круглова указывает на то, что революционное студенчество боролось бок о бок с пролетариатом «за лучшее будущее»²⁹⁵. В статье «Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение» З.С. Круглова исходит из того, что студенчество Петербурга и Москвы явля-

²⁸⁹ См.: Материалы по истории Ленинградского университета. 1819–1917 гг. ...

²⁹⁰ Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1.

²⁹¹ Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г. // Там же. С. 129–139.

²⁹² Там же. С. 139.

²⁹³ Круглова З.С. Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1964. №229. Материалы и исследования по истории СССР. С. 182–206.

²⁹⁴ Там же. С. 183.

²⁹⁵ Там же. С. 190.

лись являлось авангардом студенческого движения России²⁹⁶. Она признает, что преподавательская корпорация в целом осуждала циркуляр от 11 января 1911 г., запрещающий студенческие собрания и предписывающий руководству университетов доносить о сходках в полицию²⁹⁷, а также не поддерживала радикальные меры по прекращению беспорядков, принимаемые правительством²⁹⁸. В то же время, анализируя ситуацию 1911 г., З.С. Круглова практически приравнивает профессоров к «академистам», так как они продолжали вести лекции, несмотря на призывы и требования революционного студенчества²⁹⁹. По ее мнению, профессура, преимущественно кадетская, «не могла справиться с возложенной на нее задачей “успокоить” студенчество», то есть ее соглашательская позиция лишала ее доверия большинства студентов; осуждает автор и позицию ректората Петербургского университета, который допустил в здания университета полицию³⁰⁰.

Развитию студенческого движения в первую половину царствования Александра III посвящена кандидатская диссертация Р.Г. Жуйковой «Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-е гг. XIX в. (1881–1887)» (1965)³⁰¹. К этому направлению примыкает также работа Р.А. Казакевич и С.З. Манделя «Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х гг. XIX в.: Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета» (1967)³⁰². В этой весьма ценной работе вводится в научный оборот обширный архивный материал. Анализируя деятельность этого Общества и других научных кружков, авторы книги находят политическую подоплеку, связанную с оппозиционной

²⁹⁶ Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. СXXXV. С. 31.

²⁹⁷ О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // ЖМНП. 1911. №3–4. Правительственные распоряжения. С. 41–43; Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 г.... С. 34.

²⁹⁸ Там же. С. 35.

²⁹⁹ Там же. С. 34–36.

³⁰⁰ Там же. С. 37.

³⁰¹ Жуйкова Р.Г. Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-х гг. XIX в. (1881–1887 гг.): Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1965.

³⁰² Казакевич Р.А., Мандель С.З. Научная и культурно-просветительская деятельность...

и зачастую революционной деятельностью студенчества³⁰³. Таким образом, Р.А. Казакевич и С.З. Мандель, основываясь отчасти на построениях официальной дореволюционной историографии, сами в каком-то смысле воспроизводят и ее оценочные суждения.

Следует иметь в виду, что исследования, посвященные истории ЛГУ не могли не учитывать общего контекста советской историографии «университетскому вопросу», а эти работы (пожалуй, наиболее важными по своему фактическому содержанию здесь являются тексты Р.Г. Эймонтовой³⁰⁴) исходили из той установки, что университеты находились под постоянным «пресингом» самодержавия, поэтому, например, устав 1863 г. трактовался как весьма ограниченная «автономия», а устав 1884 г. как ее полная ликвидация³⁰⁵. Разумеется, тесно связанными с университетской тематикой оставались исследования в области истории освободительного и студенческого движения в России. Так, много ценного, в том числе архивного, материала ввела в научный оборот известная монография С.С. Волка «Народная воля. 1879–1882» (1966). Автор, в частности, реконструировал деятельность студенческих кружков и попытки правительства подавить революционное движение в университетских стенах. В то же время некоторые предположения С.С. Волка, вероятно, нуждаются в дополнительной аргументации — например, предположение о том, что учреждение Научно-литературного общества при Петербургском университете в 1882 г. проходило под влиянием «Святой дружины»³⁰⁶.

1969 год проходил под знаком юбилейных торжеств в университете, связанных с его 150-летием. В историографии это породило новый всплеск

³⁰³ Там же. С. 38.

³⁰⁴ *Эймонтова Р.Г.*: 1) Университетская реформа 1863 г. // ИЗ. М., 1961. Т. 70. С. 163–196; 2) Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 60–80; 3) Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985. Ср.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. М., 1993.

³⁰⁵ Ср.: *Камчатнов Г.А.* Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе // Научные ведомости БелГУ. 2008. №10 (50). С. 66–71.

³⁰⁶ *Волк С.С.* Народная воля. М.; Л., 1966. С. 349.

интереса к университетской истории, выходит целая серия работ, посвященная известным универсам (Б.Д. Грекову³⁰⁷, Л.А. Чугаеву³⁰⁸, В.В. Тищенко³⁰⁹, А.А. Ухтомскому³¹⁰, Ф.Ф. Левинсону-Лессингу³¹¹, В.А. Догелю³¹² и др.). Важной в этом ряду стала очередная монография, связанная с именем одного из самых известных профессоров — Д.И. Менделеева. Разумеется, сюжеты о борьбе великого химика с реакционным Министерством народного просвещения, за университетскую автономию и его отставка в знак протеста против политики И.Д. Делянова в 1890 г. занимают в книге центральное место³¹³.

Следует отметить, что поток юбилейных публикаций не менял общей тематической ориентации литературы, связанной с «идеологическими» темами и изучением «освободительного движения» в стенах университета. Например, к истории взаимоотношений студенчества университета, социал-демократических организаций и печати обращается А.Ф. Бережной³¹⁴. В 1969 г. вышла книга ученых исторического факультета ЛГУ А.Ф. Калинина и С.З. Манделя «Ленин и Петербургский университет»³¹⁵. Тематика, посвященная изучению жизненного пути В.И. Ленина, традиционно относилась к «агиографическому» жанру советской историографии. Как известно, Петербургский университет напрямую связан с В.И. Лениным лишь тем, что в его стенах будущий руководитель Советской России сдавал экзамены экстерном и получил диплом юриста в 1891 г.³¹⁶ Процесс подготовки и сдачи В.И. Лениным экзаменов показан в книге очень подробно, но весь остальной

³⁰⁷ Мавродин В.В. Борис Дмитриевич Греков. Л., 1968.

³⁰⁸ Макареня А.А. Лев Александрович Чугаев. Л., 1968.

³⁰⁹ Тищенко В.В. Вячеслав Евгеньевич Тищенко. Л., 1968.

³¹⁰ Айрапетьянц Э.Ш. Алексей Алексеевич Ухтомский. Л., 1969.

³¹¹ Кузнецов С.С. Франц Юльевич Левинсон-Лессинг. Л., 1969.

³¹² Полянский Ю.И. Валентин Александрович Догель. Л., 1969.

³¹³ См.: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев...

³¹⁴ Бережной А.Ф. Большевицкая печать и студенчество университета // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1969. №2. Вып. 1. С. 27–35.

³¹⁵ Калинин А.Ф., Мандель С.З. В.И. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969.

³¹⁶ Там же. С. 76. См. также: Солодкин И.И. Из истории кафедры уголовного права Петербургского-Ленинградского университета // Вестник ЛГУ. Серия: Экономика, философия, право. 1969. №5. Вып. 1. С. 131.

материал посвящен революционному движению в стенах университета. При этом авторы книги ставят студенческое движение в вузе в определенную зависимость от пролетариата, называя последний руководителем и организатором борьбы с царизмом. Теме «В.И. Ленин и Петербургский университет» посвящена и статья Б.В. Золотарева «В.И. Ленин и революционное студенчество Петербургского университета в период создания и деятельности “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”»³¹⁷. Быстрый рост популярности социал-демократических идей в то время в студенческой среде Б.В. Золотарев связывал с активным притоком в университет студентов-разночинцев³¹⁸.

В 1969 г. выходит серия справочных и обобщающих работ по истории ЛГУ³¹⁹. Без сомнения, наиболее значительным и по объему и по научному значению среди них стало издание очерков по истории Ленинградского университета под редакцией В.В. Мавродина, приуроченное к 150-летию юбилею университета³²⁰. Вторая глава (авторы Н.Г. Сладкевич и В.А. Овсянкин) посвящена истории Санкт-Петербургского – Петроградского университета во второй половине XIX – начале XX в.³²¹ В основном внимание авторов сконцентрировалось на истории студенческого революционного движения и, прежде всего, марксистских студенческих кружках и их связях с В.И. Лениным³²². По мнению авторов работы, значительных успехов университетская наука достигла вопреки политике самодержавия, и крупные успехи русских ученых были непосредственно связаны с развитием демократических идей³²³. Росту научных знаний препятствовала власть, в частности, со-

³¹⁷ Золотарев Б.В. В.И. Ленин и революционное студенчество Петербургского университета в период создания и деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1969. №2. Вып. 1. С. 9–26.

³¹⁸ Там же. С. 18.

³¹⁹ Ленинградский университет. 1819–1969 / Сост. Л.А. Шилов. Л., 1969; The University of Leningrad 1819–1969 / Text by L.A. Shilov. Leningrad, 1969; Ленинградский университет. Краткий справочник / Отв. ред. К.Я. Кондратьев. Л., 1969. См. также: Ленинградскому университету — 150 лет // Отчет о деятельности Ленинградского университета в 1968 г. / Отв. ред. Д.Н. Пшеная-Северин и М.П. Мальков. Л., 1969. С. 3–13.

³²⁰ История Ленинградского университета. Очерки...

³²¹ Там же. С. 63–180.

³²² Там же. С. 90–98.

³²³ Там же. С. 99, 129

крашая число кафедр после принятия Устава 1884 г.³²⁴ Особого внимания в исследовании удостоиваются ученые, разделявшие антиправительственные взгляды революционного студенчества, в частности Д.И. Менделеев³²⁵. Авторы подчеркивают сильное антиправительственное начало в деятельности профессоров Петербургского университета, стремившихся вместе с народом к освобождению от оков царизма³²⁶. Позиция университетского ученого общества в 1905 г. описывается как неоднозначная. Авторы указывают, что большинство преподавателей активно критиковало репрессивную политику царской власти, однако было против революции, стараясь добиться лишь университетской автономии. Таким образом, профессура оказывалась между властью и революционным студенчеством, не вступая в союз и не порывая отношений ни с одной из сторон. В связи с этим авторы резко критикуют профессуру, обвиняя ее в ограниченности мелкобуржуазными взглядами, в том, что она спасалась от реальности за шорами либерализма³²⁷. В период событий 1905 г. «печать страха и растерянности», согласно утверждениям авторов, лежала на решениях Совета³²⁸.

Диссертация Л.Н. Дударевой «Подготовка учителя и развитие педагогической науки в Петербургском – Петроградском университете в период с 1819 по 1917 год» (1969) интересна тем, что эта одна из немногих работ советского периода, где предметом исследования является деятельность преподавательского корпуса университета. Автор отмечает попытки прогрессивно настроенных профессоров внести изменения в образовательные программы, важную роль Петербургского университета в совершенствовании системы педагогической и методической подготовки учителя в России³²⁹. Впрочем, и эта проблематика рассматривается в соответствующем политическом ракур-

³²⁴ Там же. С. 99.

³²⁵ Там же. С. 102–104.

³²⁶ Там же. С. 141.

³²⁷ Там же. С. 163.

³²⁸ Там же. С. 164.

³²⁹ Дударева Л.Н. Подготовка учителя и развитие педагогической науки в Петербургском – Петроградском университете в период с 1819 по 1917 год. Автореф. дисс.... канд. пед. наук. Л., 1969. С 10.

се: по мнению автора, инициативы по развитию народного образования, необходимо изучать в контексте борьбы за народное просвещение ученого общества, сочувствовавшего освободительному движению³³⁰.

Расширение тематического поля университетской истории, произошедшее на рубеже 1960–1970-х гг., закрепило существование в советской историографии двух фокусов ее изучения — с точки зрения истории науки и с точки зрения социально-политической истории и связанного с ней революционного движения. Действительно, с одной стороны, в 1960 – начале 1980-х гг. активно издаются работы, посвященные истории университетской науки, объективно формирующие представления о последних дореволюционных десятилетиях как о «золотом веке» университета³³¹. С другой стороны, и в работах 1970-х годов историография, связанная с полем социально-политической истории, продолжает занимать двойственную позицию по отношению к «буржуазной профессуре». Так, Г.И. Щетинина в фундаментальной монографии «Университеты в России и устав 1884 г.» (1976) подчеркивает важность Устава 1884 г. для последующего развития событий как в области высшего образования, так и его влияния на социально-политическое развитие России. В то же время автор не согласна с тем, что Устав 1884 г., при всей силе его идеологического посыла и строгости, вернул университеты к дореформенному строю: самодержавие так и не решилось реализовать все реакционные проекты, а университеты не были сокращены, не прошел закон об отдаче студентов в солдаты за беспорядки, правительству не удалось превратить университеты в оплоты привилегированного дворянства³³². Автор

³³⁰ Там же. С 18.

³³¹ См., напр.: *Фролов Э.Д.* Из истории университетской школы антиковедения // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1969. Вып. 1 (№2). С. 121–129; *Шилов Л.А.* Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819–1917) // Вестник ЛГУ. Серия: Экономика, философия, право. 1969. №5. Вып. 1. С. 107–120; *Линник Ю.В., Смирнов В.И.* и др. Математика в Петербургском – Ленинградском университете. Л., 1970; *Горшков П.М.* Очерки по истории астрономии в Петербургском – Ленинградском университете (В.К. Вишневский, С.И. Зеленой, А.Н. Савич) // Ученые записки ЛГУ. Серия математических наук. 1976. №385. Вып. 32. С. 194–199; *Исакова Л.В., Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* 100 лет византиноведения в ЛГУ // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1976. Т. III. С. 26–54; *Куликова А.М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982 и др.

³³² *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 149–150.

показывает, что профессора занимали активную антиправительственную позицию и это не позволило превратиться университетским корпорациям последней четверти XIX в. в замкнутые кастовые учреждения³³³. Более того, по мнению Г.И. Щетининой, репрессивная политика самодержавия привела к тому, что робкие выступления профессоров-одиночек сменились открытой оппозицией³³⁴, бюрократизация университетов, превращение профессоров в чиновников не могли быть поддержаны учеными, понимавшими гибельность такого пути для науки³³⁵. Оппозиционность столичной университетской корпорации проявилась, в частности, в том, что назначенный ректором Петербургского университета М.И. Владиславлев не был принят профессорами, которые начали вести с ним настоящую нескончаемую войну³³⁶. Подобная оппозиционность профессоров, по мнению автора, «гармонировала с общим характером буржуазной эпохи»³³⁷. Г.И. Щетинина констатирует провал политики самодержавия в университетском вопросе — правительству не удалось исключить университеты из общественно-политического движения. Более того, в условиях, когда противоречия не решались, а загонялись вглубь, проявления оппозиционных настроений среди профессуры стали более скрытыми, но при этом охватили не только либеральных, но и часть консервативно настроенных преподавателей³³⁸. Впрочем, вслед за предшественниками Г.И. Щетинина подчеркивает и то обстоятельство, что преподавательская корпорация не шла на союз с революционным студенчеством, осуждала его активные выступления, придерживаясь либеральных «соглашательских» взглядов³³⁹ и многие профессора, оказавшиеся в плену этих бюрократических

³³³ Там же. С. 153.

³³⁴ Там же. С. 164.

³³⁵ Там же. С. 165–167.

³³⁶ Там же. С. 171.

³³⁷ Там же. С. 178.

³³⁸ Там же. С. 225.

³³⁹ Там же. С. 178–179.

традиций, впоследствии, став во главе университетов, вели активную борьбу со студенческими организациями³⁴⁰.

В.Т. Сушко в ряде статей 1970-х гг. и диссертации «Студенческое движение в Петербурге в период назревания революционного кризиса в России на рубеже XIX–XX вв.» (1978) вводит в научный оборот широкий круг источников, связанных с изучением «освободительного движения» в стенах университета рубежа веков. Автор следует уже сложившейся в советской историографии установке, связанной с идеей «союза» студенчества и пролетариата с начала 1900-х гг.³⁴¹

Новый «юбилей» Ленинградского университета отмечался в 1979 г. Среди работ, выпущенных в свет к 160-летию вуза, был сборник научных статей «Петербургский университет и революционное движение в России»³⁴². Тематика статей сборника посвящена как традиционным сюжетам историографии истории университета, так и малоисследованным ранее темам. Так, необходимо указать на работу Н.Г. Сладкевича о связях В.И. Ленина и Петербургского университета³⁴³, статью Р.Г. Лапшиной и Г.С. Жуйкова о развитии революционного движения в стенах университета в 1880-х³⁴⁴, а также тексты Е.Р. Ольховского,³⁴⁵ Т.П. Бондаревской,³⁴⁶ Г.А. Тишкина³⁴⁷,

³⁴⁰ Там же. С. 167.

³⁴¹ См.: Сушко В.Т.: 1) Репрессии против студентов в 1901 г. // ВИ. 1972. №4. С. 200–203; 2) Студенческое движение в Петербурге в период назревания революционного кризиса в России на рубеже XIX–XX вв. (1899–1904). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1978.

³⁴² Петербургский университет и революционное движение...

³⁴³ Сладкевич Н.Г. В.И. Ленин и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение... С. 5–21.

³⁴⁴ Лапшина Р.Г., Жуйков Г.С. Революционные и социал-демократические кружки в Петербургском университете в 1883–1891 гг. // Там же. С. 22–38.

³⁴⁵ Ольховский Е.Р. Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры» (1900–1903 гг.) // Там же. С. 39–66.

³⁴⁶ Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета в революции... С. 92–101. См. также: Хиленко Н.А. Большевистская организация студентов Петербурга накануне и в годы первой русской революции (1904–1906 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1975.

³⁴⁷ Тишкин Г.А. Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение... С. 81–91.

И.П. Лейберова³⁴⁸. Кроме темы революции 1905–1907 гг. в центр внимания исследователей вновь попадают и студенческие забастовки 1908 и 1911 гг.³⁴⁹

Своеобразный итог изучению роли университета как центра революционного движения и противостояния властям в 1905–1907 гг. подводит работа В.П. Яковлева (1980)³⁵⁰. Следует также указать на кандидатскую диссертацию А.И. Лейберова (1981), в которой раскрываются проблемы студенческого движения в Петрограде в период с лета 1914 г. по февраль 1917 г.³⁵¹. Заметными событиями в исследовании революционной деятельности студенчества стала также диссертация М.В. Борисенко «Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.» (1984)³⁵² и составление указателя «Универсанты-большевики» (Н.Н. Каретникова, В.С. Брачев)³⁵³. Однако, несмотря на введение в научный оборот новых источников и фактов по истории революционного движения, принципиально новых концептуальных положений, с нашей точки зрения, эти труды не содержали (обзор историографии вопроса см., в частности, в работе М.В. Борисенко³⁵⁴).

Среди трудов, в которых затрагивается проблема взаимоотношений университетских корпораций и власти, следует выделить работы А.Е. Иванова, в центре внимания которого во второй половине 1970–1980-е гг. оказались вопросы истории как студенческого движения, так и руководства высшей школой Российской империи. По первому направлению следу-

³⁴⁸ Лейберов И.П. Возникновение кавказского землячества в Петербургском университете в период первой революционной ситуации // Там же. С. 92–100.

³⁴⁹ Савельева В.Г., Яковлев В.П.: 1) Студенческая забастовка 1908 года в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1979. №8. Вып. 2. С. 29–33; 2) Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. Серия: История, языкознание, литература. 1983. №2. Вып. 1. С. 14–19. См. также: *Рогозин И.И.* Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910 – февраль 1917 г.) Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1973.

³⁵⁰ Яковлев В.П. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. Серия: История, языкознание, литература. 1980. №2. Вып. 1. С. 19–25.

³⁵¹ Лейберов А.И. Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июнь 1914 – февраль 1917 гг.): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1981.

³⁵² Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1984.

³⁵³ Универсанты-большевики (указатель) (составители Н.Н. Каретникова, В.С. Брачев) // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 5. С. 165–179.

³⁵⁴ Борисенко М.В. Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 – феврале 1917 г. (историография вопроса) // Там же. Т. 5. С. 136–150.

ет отметить статью в «Исторических записках» «Демократическое студенчество в революции 1905–1907 гг.» (1982), являющуюся масштабной реконструкцией студенческого движения в высших учебных заведениях в период I Русской революции, особенно ценную с точки зрения статистических выкладок³⁵⁵. По второму направлению укажем на его статью «Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX вв.» (1983). В рассматриваемый хронологический период, по мнению автора, в области высшего образования торжествовали идеи охранительства, связанные, в первую очередь с именами министров И.Д. Делянова и Л.А. Кассо, которые являлись наиболее активными их проводниками³⁵⁶. Политика МНП характеризуется им как «безоглядная консервативность»³⁵⁷. Автор полагает, что основным стремлением ученого сообщества в данный период являлось достижение университетской автономии, потерянной после принятия Устава 1884 г. По мнению А.Е. Иванова, позицию профессорской корпорации по вопросу организации управления высшей школы высказал Д.И. Менделеев, полагавший, что управление стоит сконцентрировать в МНП, т. е. за централизованное управление: «Осуществление этого проекта связывалось с широкой академической автономией университетов и институтов, недостижимой, как показала жизнь, в условиях самодержавия»³⁵⁸. Согласно наблюдениям исследователя, революция 1905–1907 гг. несколько смягчила зависимость университетов от административных инстанций, но с наступлением реакции правительственная диктатура в стенах высшей школы была восстановлена³⁵⁹, в целом же реформы царского правительства, в частности, буржуазные реформы П.Н. Игнатьева, не удовлетворили ученую корпорацию³⁶⁰.

³⁵⁵ Иванов А.Е. Демократическое студенчество в революции 1905–1907 гг. // ИЗ. 1982. Т. 107. С. 171–225.

³⁵⁶ Иванов А.Е. Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX вв. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей / Отв. ред. Л.Н. Пушкарёв. М., 1983. С. 176–177.

³⁵⁷ Там же. С. 178.

³⁵⁸ Там же. С. 180.

³⁵⁹ Там же. С. 188.

³⁶⁰ Там же. С. 181–186.

Таким образом, советская историография при всех своих несомненных достижениях, не открыла каких-либо новых сюжетов в истории академической корпорации Петербургского университета. Основные события, положительные и негативные персонажи, система аргументации перекочевали из до-революционной публицистики в научные нарративы советского времени. Вслед за предшественниками советские ученые относили начало появления организованного студенческого движения как общественного явления ко второй половине 1850-х гг., связывая его с защитой студенчеством своих академических прав, отмечали трансформацию студенческой борьбы за автономию высшей школы в начале 1900-х гг. в широкое демократическое движение при поддержке пролетариата; главными же темами советской историографии стали отношения студенчества и власти в первые десятилетия XX в. и университет в революции 1905–1907 гг. Изучение преподавательского корпуса и история профессорской коллегии находились на периферии исследовательских штудий. Широкое введение во второй половине 60–80-х гг. в научный оборот архивных материалов было связано, главным образом, с историей революционного движения в стенах университета и носило скорее иллюстративный характер по отношению к господствующей историографической концепции. Очевидно, однако, что для дальнейшего поступательного развития историографических штудий было необходимо не только введение в научный оборот новых источников, но и постановка новых вопросов, расширение горизонта научных исследований, для чего, в свою очередь, потребовалось кардинальное изменение того социального контекста, в котором существовала отечественная историография.

Современная историография и исследовательские перспективы

Действительно, новый период в развитии историографической традиции связан со снижением зависимости историографии от идеологии, что не

могло сказаться, как на проблематике, так и на характере исследований истории в области истории как российской высшей школы в целом³⁶¹, так университетской корпорации Петербургского университета. В то же время большинство отечественных публикаций 1990-х гг. отражают некую историографическую инерцию: в центре внимания остаются сюжеты, традиционные для советской историографии, связанные с темой взаимоотношений университетов и власти в контексте истории «освободительного движения». Так, Е.Р. Ольховский одну из своих статей (1993) посвятил Добролюбовской демонстрации 1886 г.³⁶², В.М. Кручковская (1996) — анализу студенческого движения начала XX в.³⁶³; Р.Ш. Ганелин (1999) проводит параллели между студенческими волнениями в столичном университете и движением в Тарту³⁶⁴. Среди работ этого ряда стоит выделить кандидатскую диссертацию Н.Г. Завадского (1991), в которой автор пытается проследить борьбу социал-демократических партий за влияние на учащихся³⁶⁵, проходившей как путем заигрываний и обещаний со стороны правых партий, так и посредством участия в студенческих демонстрациях и забастовках со стороны левых³⁶⁶; в своих следующих работах о студенчестве и политических партиях Н.Г. Завадский уделяет внимание другой важной теме — положению студенчества в годы Первой мировой войны³⁶⁷.

Ряд вопросов, связанных с социальной средой и жизненным укладом студенческой среды, поднят в работах А.Е. Иванова «Студенчество России

³⁶¹ См. об этом, напр.: *Лантева Л.П.* История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе (1985–1999 годы) // Российские университеты в XVIII–XX вв. Сб. научных трудов. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 4–27.

³⁶² *Ольховский Е.Р.* Добролюбовская демонстрация 1886 г. и ее оценка современниками и в исторической науке // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 108.

³⁶³ *Кручковская В.М.* Политические настроения российского студенчества: 1905–1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб., 1996. С. 98–113.

³⁶⁴ *Ганелин Р.Ш.* Февральские события 1899 г. в Петербургском университете и студенческое движение в Тарту // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб, 1998. Т. 7. С. 146.

³⁶⁵ *Завадский Н.Г.* Революционное студенчество Петербурга 1907–1914 гг.: проблема взаимоотношений с политическими партиями России: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб, 1991. С. 7.

³⁶⁶ Там же. С. 12–14.

³⁶⁷ *Завадский Н.Г.* Испытание войной: Российское студенчество и политические партии в 1914–1917 гг. СПб., 1999.

конца XIX – начала XX века: социально историческая судьба» (1999)³⁶⁸, «Студенческие корпорации конца XIX – начала XX вв.: опыт культурной и политической самоорганизации» (2004)³⁶⁹ и других³⁷⁰. Хотя непосредственно столичного университета эти работы касались в незначительной степени, ряд суждений и положений общего характера, высказанных в них, заслуживает внимания. Несомненной заслугой этих текстов А.Е. Иванова является обращение к жизни студенчества в антропологической перспективе — реконструкция автором разных сторон студенческой повседневности. Другая предметная область исследования А.Е. Иванова — жизненный уклад и механизм функционирования преподавательской корпорации российской высшей школы. В частности, в работах 2000-х гг. автор показывает, что период начала формирования общественно-политического мировоззрения профессоров относится к 1860–1870-м гг., когда «в “стерильную” среду университетских чиновников», начало вливаться «новое поколение европейски образованных буржуазных ученых»³⁷¹. Как полагает А.Е. Иванов, начало консолидации профессуры на идеологической платформе будущей кадетской партии — прямое следствие неконструктивной государственной политики, вынуждавшей ученых отходить от идеи аполитичности науки³⁷². Выбор в пользу кадетов, по мнению А.Е. Иванова, говорит о политической зрелости ученого общества, преодолевшей «юношески мечтательный возраст»³⁷³. В межреволюционный период, согласно реконструкции А.Е. Иванова, в ученой среде доминировали «буржуазно-либеральные умонастроения различных оттенков:

³⁶⁸ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально историческая судьба. М., 1999.

³⁶⁹ Иванов А.Е. Студенческие корпорации конца XIX – начала XX вв. Опыт культурной и идеологической самоорганизации. М., 2004.

³⁷⁰ См., в частности: Иванов А.Е.: 1) Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991; 2) Социальная природа российского студенчества XIX – начала XX вв. // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX вв.: Материалы конференции памяти В.С. Дякина СПб., 2001. С. 109–129; 3) Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.

³⁷¹ Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 211–212.

³⁷² Там же. С. 211.

³⁷³ Там же. С. 212.

главным образом — кадетские, в меньшей степени — октябристские и мирнообновленческие», при этом «партийная принадлежность (прямая или косвенная) существенно воздействовала на отношение профессуры к проблеме поддержки царского правительства в годы Первой мировой войны»³⁷⁴.

Целый ряд публикаций по истории Петербургского университета был приурочен к его новым юбилеям (1999 и 2004) (связанным с «удревлением» истории университета в официальном дискурсе)³⁷⁵. В контексте изучения академической корпорации рубежа XIX–XX вв. особое значение имело издание «275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999» (1999), в котором присутствует, пожалуй, первая попытка наметить контуры институциональной и корпоративной истории университета — раздел, посвященный истории университета 1884–1905 гг., красноречиво назван «Борьба за автономию»³⁷⁶. Тема студенческой самоорганизации, студенческих научных обществ и политических кружков Петербургского университета — объект исследования диссертации Д.А. Завьялова (2006)³⁷⁷. Автор удачно совместил рассмотрение научного и политического контекста истории студенческого самоуправления и его взаимоотношений с преподавательской корпорацией и властью — хотя в центре внимания исследователя и находились в основном уже известные сюжеты: Студенческое научно-литературное общество, Беседы по проблемам факультетского преподавания, студенческие беспорядки 1880–1890-х гг. и работа комиссии П.С. Ванновского, реформа студенческого самоуправления 1902–1903 гг. и т. п.³⁷⁸ Тему столкновений студенческого движения и царского правительства, а также отношений власти и преподавательской корпорации на протяжении 1861–1917 гг. рассматривают в ряде статей 2000 – начала 2010-х гг.

³⁷⁴ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. №2. С. 109.

³⁷⁵ См.: Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 509–534.

³⁷⁶ [Тихонов И.Л.] Борьба за автономию // 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет... С. 201–208.

³⁷⁷ Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 64.

³⁷⁸ Там же. С. 72.

А.П. Шевырев³⁷⁹, В.С. Брачев³⁸⁰, Е.А. Ростовцев³⁸¹, О.М. Беляева³⁸². Нельзя не отметить и дальнейшие исследования политического и социального контекста истории высшей школы, связанные с историей благотворительности в университете, борьбой за «автономию», которые успешно изучаются И.Л. Тихоновым³⁸³. Важно, что все эти работы вводят в оборот новый источник (в том числе архивный) материал, что позволяет авторам в ряде случаев дать новые трактовки известным событиям университетской истории рубежа веков. Разумеется, исследования университетов и «университетской идеи» в современной историографии также в полной мере не свободны от политического контекста. Укажем, например, на попытку нового «патриотического» прочтения истории российских университетов, связанную с изучением формирования «особого, русского типа университета, <...> государственного по принадлежности университета», отличительными (от Запада) чертами которого являются «высокая духовность» и «гражданственность»³⁸⁴.

³⁷⁹ Шевырев А.П. Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 148–162.

³⁸⁰ Брачев В.С.: 1) «Дело» академика А.И. Соболевского... С. 46–70; 2) Председатель студенческого отдела Союза русского народа в Санкт-Петербургском университете Георгий Шенкен: к истории студенческой забастовки 1908 г. // Общество. Среда. Развитие. 2010. №2 (15). С. 98–104; 3) Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском университете // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С. 54–100; 4) Студенческие волнения октября–декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. №10. С. 68–76; 5) Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб., 2014.

³⁸¹ Ростовцев Е.А.: 1) «Автономия» и «революция»: к истории борьбы за автономию высшей школы в начале XX века // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2009. С. 320–341; 2) Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «революция» на службе «корпорации» // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 162–179.

³⁸² Беляева О.М.: 1) Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // ИЗ. М., 2009. Вып. 12 (130). С. 308–352; 2) Академическое сообщество в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 215–235; 3) Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2011.

³⁸³ См., напр.: Тихонов И.Л. Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст... С. 128–140; Ахадова Н.А., Тихонов И.Л. Благотворительность в Петербургском университете // Знаменитые универсанты в духовном мире России. СПб., 2011. С. 176–185 и др. [Тихонов И.Л.] Борьба за автономию... С. 201–208.

³⁸⁴ Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В., Шулу А.А. Университетские уставы XIX века в свете идей национальной образовательной доктрины // Социально-гуманитарные знания. 2003. №1. С. 37. Критику этой концепции см.: Андреев А.Ю. О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. №3. С. 149–159.

Тема воспоминаний о «золотом веке» продолжала оставаться важной частью системы корпоративной самоидентификации новых поколений ученых Петербургского университета. В какой-то степени в череде многочисленных университетских коммемораций 1990–2000-х гг. изучение университетской науки XIX – начала XX в. стало даже более интенсивным³⁸⁵. Можно предположить, что в условиях реформ и трансформаций университетских структур последних десятилетий эти тексты как бы подтверждали важность той или иной кафедры или отрасли знания для сегодняшнего университета. Интересно, что подобные тексты возникали и по отношению к дореволюционным традициям тех факультетов и кафедр, которых до революции собственно и не было, например, социологии³⁸⁶, политологии³⁸⁷ и медицины³⁸⁸.

³⁸⁵ См., напр.: Цамутали А.Н. Петербургская школа византиноведения // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 5–19; Осипов И.Д. Философия права в Петербургском университете // Вече. 1999. Вып. 12. С. 183–194; Алексеева Т.А. Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2001. №6. С. 199–208; Фокин С.И. В.М. Исаев и экспериментальная зоология в Петербургском-Петроградском университете // Историко-биологические исследования. 2011. Т. III. №1. С. 7–30; Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию со дня основания. Сб. документов и воспоминаний / Под ред. С.И. Фокина. М., 2011; Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Ф.И. Успенский и Петербургский университет // История и культура. 2005. №4. С. 238–345; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003; Тихонова Э.В. Михаил Иванович Владиславлев — основоположник системы философского и педагогического образования в Санкт-Петербургском университете // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. №2. С. 194–205; Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В. Философия в университете в 1819–1850 гг. // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003. С. 33–56; Стрельникова Н.И., Козыренко Н.Ф. История альгологии на кафедре ботаники биолого-почвенного факультета // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2005. Вып. 2. С. 62–70; Растворова О.Г. История почвенных кафедр в структуре Санкт-петербургского университета с 1836 г. // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2006. Вып. 1. С. 36–38; Апарин Б.Ф., Матинян Н.Н., Растворова О.Г. Памятные даты из истории почвоведения в Санкт-Петербургском университете // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2006. Вып. 1. С. 18–35. Апарин Б.Ф., Федорова Н.Н., Счастливая Л.С. Подготовка почвоведов в Санкт-петербургском (Ленинградском) государственном университете (история и современность) // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2006. Вып. 1. С. 39–51; Львова Д.А. Преподавание статистики в Санкт-Петербургском университете в XIX – начале XX в. // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2006. Вып. 3. С. 5–35; Филлюшкин А.И. Изучение истории славянских и балканских стран на историческом факультете СПбГУ // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. №2. С. 207–224; Каледин Н.В. Общественная география в Санкт-Петербургском университете: истоки и этапы развития // Вестник СПбГУ. Серия 7. 2015. №1. С. 58–74; Малинов А.В.: 1) 25 лет кафедре истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник СПбГУ. Серия 17. 2015. Вып. 4. С. 171–174; 2) Философскому факультету Санкт-Петербургского государственного университета — 75! // Философские науки. 2016. №3. С. 150–153; 3) Петербургский текст и контекст русской философии // Соловьевские исследования. 2015. №2 (46). С. 6–8.

³⁸⁶ Скворцов Н.Г., Виноградов В.Д. Факультету социологии Санкт-Петербургского университета 20 лет // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2009. Вып. 3. Ч. I. С. 3–5.

³⁸⁷ Сморгунев Л.В. Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX веке // ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5. №4. С. 5–19.

³⁸⁸ Журавский Д.А. Университетское медицинское образование: история и современность // Бюллетень Федерального центра сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова. 2013. Апрель. С. 106–110.

Важным с точки зрения университетских штудий 2000-х гг. стали проекты и издания фонда «Знаменитые универсанты», возглавляемого профессором Н.Я. Олесич. Помимо очевидного популяризаторского значения, эти предприятия ценны и в научном отношении, прежде всего, в области биографии университета и введения в научный оборот широкого круга источников личного происхождения³⁸⁹. Другим значимым явлением в научной жизни, давшим новый импульс историографии истории университета, стал организованный в 2004 г. в СПбГУ семинар по истории высшей школы, основным организатором и первым руководителем которого являлся профессор Г.А. Тишкин³⁹⁰.

В то же время нельзя не заметить, что отечественная историография темы в постсоветский период в основном придерживалась традиционного набора сюжетов, сформировавшегося еще в текстах начала XX в. В этой связи для историографии актуальной остается задача расширения исследовательского поля в рамках *university studies* и обращение к зарубежному опыту. Впрочем, до 2000-х гг. и в зарубежной историографии истории университетов российским университетам, в том числе Петербургскому, уделялось весьма скромное внимание — прежде всего российские университеты рассматривались в контексте общественно-политического развития России, собственно внутриуниверситетское развитие как таковое не рассматривалось³⁹¹. Такой ракурс связан с тем, что в *университетской истории* Запада российская тема периферийна и является преимущественно сферой внимания не историков университетов, а профессиональных славистов. Отсюда и тематика большинства работ по истории российского образования, выходивших на За-

³⁸⁹ Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2002–2005. Т. I–III; Знаменитые универсанты в духовном мире России...; Универсанты в мире искусства: биографические очерки / [Редколл.: Н.Я. Олесич и др.]. СПб., 2008; Многонациональный мир Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2010; Университет Олимпийский: спортивный мир Петербургского университета: [сборник очерков]. СПб., 2013.

³⁹⁰ Ансберг О.Н., Костина Т.В. К десятилетию семинара по истории высшей школы // Клио. 2013. №10. С. 154–156.

³⁹¹ См., напр.: Rüegg W. History of the University in Europe. Volume III: Universities in the Nineteenth and early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge, 1991. P. 332–334; Anderson R.D. European Universities from the Enlightenment to 1914. Edinburgh, 2004.

паде (на которые, в свою очередь, опираются составители общеевропейских университетских историй). В то же время сами по себе эти труды заслуживают внимания именно тем, что на их страницах проблема взаимоотношений университета и общества рассматривается с позиций, отличных от традиционного для советской историографии марксистского подхода. В качестве примера укажем на вышедшую в свет в 1975 г. монографию Дэвида Брауэра «Воспитание нигилистов: Образование и радикализм в царской России»³⁹². По мнению исследователя, образовательные центры являлись колыбелью, в которой оппозиционные настроения русского общества формировались и начинали реализовываться в антиправительственной деятельности³⁹³. В конце 1980-х гг. вышла наиболее полная в зарубежной историографии работа, посвященная взаимоотношениям университетской корпорации и царского правительства — «Студенты, профессора и государство в царской России» (1989). Ее автор, профессор С.Д. Кассоу, не мог обойти вниманием роль столичного университета и его профессорско-преподавательского состава в социально-политических событиях эпохи. При этом он далек от всех принятых в отечественной историографии трактовок этих событий. Хотя С.Д. Кассоу и не рассматривает университеты как некие единые корпорации с общими целями и задачами, он отмечает, что Устав 1884 г. профессорской корпорацией был встречен в штыки: она противилась усилению контроля со стороны государства, ограничению университетской автономии, вмешательству в образовательный процесс³⁹⁴. Согласно выводам исследователя, соглашение профессуры с правительством так и не было достигнуто, что имело неблагоприятные последствия для отношений власти и высшей школы³⁹⁵, в волнениях 1899 г. многие профессора (например, А.С. Фаминцын и А.Н. Бекетов) под-

³⁹² Brower D. Training the Nihilists... См. также: Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969; Johnson W.H.E. Russia's Educational Heritage. New York, 1969.

³⁹³ Brower D. Training the Nihilists... P. 98, 130, 132, 138.

³⁹⁴ Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 37–38.

³⁹⁵ Ibidem. P. 40.

держали студентов, защищали их перед властью³⁹⁶. С.Д. Кассоу показывает, как университетские преподаватели в политических условиях начала XX века часто превращались в известных общественно-политических деятелей, играющих значимую роль в общественно-политической жизни страны — одной из задач профессорской корпорации было создание «свободных университетов», что, по ее мнению, являлось залогом развития высшего образования и науки в России. С.Д. Кассоу полагает, что для русских ученых была характерна идеализация степени академической свободы в других европейских странах, а образ закабаленной науки был в большей степени придуман самим студенчеством и профессорами³⁹⁷. В 1991 г. вышел сборник статей «Между царем и народом: Образовательное сообщество и гражданское самоопределение в позднеимперской России»³⁹⁸, который был посвящен различным аспектам истории России конца XIX – начала XX в. В частности, в статье Х. Бальзера «Проблема профессионализации в императорской России»³⁹⁹ затрагивалась тема истории высшего университетского образования. Автор акцентирует внимание на том, что, несмотря на малочисленность городского населения и, соответственно, центров высшего образования, в них концентрировались мощные интеллектуальные силы⁴⁰⁰. По его мнению, несмотря на свою немногочисленность, университетские корпорации, прежде всего посредством создания различных кружков, активно занимались обсуждением политического и научного развития России⁴⁰¹. В новейшей американской историографии тема взаимоотношений ученого сообщества и «общества» по-прежнему популярна — среди работ, связанных с корпорацией Петербург-

³⁹⁶ Ibidem. P. 98–99.

³⁹⁷ Ibidem. P. 394–395.

³⁹⁸ Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991.

³⁹⁹ Balzer H. The problem of Professions in Imperial Russia // Between Tzar and People: Educated Society... P. 183–198.

⁴⁰⁰ Ibidem. P. 185.

⁴⁰¹ Ibidem.

ского университета, можно особо отметить тексты Томаса Сандреса⁴⁰² и Питера Конечного⁴⁰³.

Таким образом, рассматривая историографическую ситуацию последних десятилетий XX в., нельзя не отметить проблему разделения историографии по национальным квартирам (вероятно, характерную для разных областей истории России), когда одни и те же сюжеты исследовались российскими и, например, американскими историками как бы параллельно — с минимальным количеством ссылок на работы, относящиеся к другой историографической традиции. В этом смысле показательно, например, невнимание американских исследователей к фундаментальным работам российских историков, связанным с историей революционного движения в высшей школе, а российских ученых — к солидным изысканиям их западных коллег, посвященным политике государства по отношению к высшим учебным заведениям и общественной активности российской профессуры. Впрочем, в последние десятилетия эта историографическая тенденция постепенно преодолевается с обеих сторон. В книге немецкой исследовательницы Т. Маурер «Преподаватели высшей школы в Российской империи: к проблемам российской социальной истории и истории образования» (1998) на базе опыта немецкой историографии предпринята попытка наметить контуры подхода к созданию «коллективного портрета» профессоров российских университетов второй половины XIX – начала XX века. Вместе с тем, автор обратился и к традиционным для российской историографии темам — например, теме участия университетов в политической борьбе⁴⁰⁴. Яркой монографией по социальной ис-

⁴⁰² См., напр.: Sanders T. The Chechulin Affair or Politics and nauka in the History Profession of Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2001. Bd. 49. H. 1. S. 1–23.

⁴⁰³ См.: Konecny P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999.

⁴⁰⁴ Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. См. резюме одного из ключевых разделов книги на русском языке: Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 273–301 (последняя редакция: Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи ... 20–47), а также рецензию Г. Хаусманна (Хаусманн Г. [Рец.:] Т. Маурер. Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования. Кельн, Веймар, Вена: «Белау», 1998. 959 с. // ОИ. 2000. №6. С. 184–186).

тории российского студенчества стала работа американского историка Сьюзен Моррисси «Вестники революции: русские студенты и мифология радикализма» (1998)⁴⁰⁵; интересен взгляд на историю Петербургского университета в работе Дэвида Уортенвейлера, который рассматривает правительственную политику в отношении высшей школы и изучает проблему взаимодействия академических корпораций с институтами гражданского общества⁴⁰⁶. Из российских текстов зримым отражением процесса сближения историографических традиций стала книга А.Р. Маркова «Что значит быть студентом» (2005), в которой автор задает нестандартные для отечественной историографии вопросы, связанные со «студенческим кодексом чести», «местом профессуры в корпоративном бытии студенчества», «элементарными формами жизни» студентов, «эволюцией студенческого языка»⁴⁰⁷.

Важная тема, находящаяся в сфере внимания постсоветской историографии, — история российских университетов XIX – начала XX века в контексте изучения многонационального состава как профессорско-преподавательских корпораций, так и студенчества⁴⁰⁸. Не вдаваясь в подробности дискуссий, ведущихся в литературе, отметим, что, по нашему мнению, приблизительный характер предположений относительно численности представителей той или иной национальности в составе университетской корпорации связан не только с трудностями источникового характера, но и с проблемой правильной национальной идентификации, которая является ключе-

⁴⁰⁵ Morrissey S.K. *Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. Oxford; New York, 1998. См. также: Morrissey S.K. *Politics and Patriotism. Petrograd Students during World War I* // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 189–207.

⁴⁰⁶ Wartenweiler D. *Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914*. Oxford, 1999.

⁴⁰⁷ Марков А.Р. *Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 годов*. М., 2005. Из историографии, посвященной изучению структур столичного студенчества более раннего периода, отметим работу П.В. Гришунина: *Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни: 1820–1880-е гг.: Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2006.*

⁴⁰⁸ См., напр.: Петров Ф.А. *Немецкие профессора в Московском университете*. М., 1997; Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава, 1995; *Многонациональный мир...*; Шарифжанов И.И. *Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете*. Казань, 2005; Гатилова А.В. *Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете*. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2012; Иванов А.Е. *Еврейское студенчество в российской империи начала XX века*. М., 2007 и др.

вой и одной наиболее дискуссионных в подобных исследованиях. Дело не только в том, что критерии отнесения к этнической группе могут быть разными: происхождение семьи, самоидентификация, идентификация современниками, идентификация в историографии и культурной традиции, язык, религиозная принадлежность, круг общения и т. п., — но и в том, что на протяжении жизни конкретного человека его национальная идентичность с точки зрения конкретного критерия (или их совокупности) может меняться, наконец, целый ряд персонажей может обладать в один момент времени двойной идентичностью (например, польско-русской, немецко-русской, еврейско-русской и т. п.)⁴⁰⁹.

Важной проблемной сферой, находящейся в центре внимания современной мировой историографии, мимо изучения которой нельзя пройти и в настоящем обзоре, является антропология науки и научного сообщества. В последние десятилетия появился целый ряд работ, в которых рассматривается антропологическая проблематика российской науки и высшей школы второй половины XIX — начала XX в. В этом отношении программными можно считать работы Д.А. Александрова, который, в частности, обозначил такие темы исследований, как история отношений власти и подчинения в науке, ритуалов, научных кружков, «патронажа», «научных практик», «жизненных миров» ученых и т. п.⁴¹⁰ Несомненно, интенсификации исследований в этой сфере относительно петербургского университета способствовало введение в научный оборот широкого круга источников личного происхождения —

⁴⁰⁹ На примере «польской группы» мы попытались рассмотреть эту проблематику в одной из статей. См.: Rostovtsev E.A. The Poles in the Academic Corporation of Saint-Petersburg Imperial University // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. №2. С. 194–204. См. также: Михайленко Т.М. «В библиотеке больше всего поляков...» // *Многонациональный мир...* С. 114–134; Пискорский Л. Поляки в Петербурге. Университет // Архив музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 611. Л. 1–14. Для более раннего времени для изучения этой темы особый интерес представляют диссертация Ф. Новинского (Nowiński F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884. Wrocław, 1986), тексты Ю.Д. Марголиса и Т.Н. Жуковской (см.: Марголис Ю.Д. Студенты-поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX — начале XX века. Варшава, 1995. С. 132–145; Жуковская Т.Н. Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830-х — начале 1860-х гг. // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Сб. матер. Всероссийской научной конф. Ижевск, 2009. С. 192–199).

⁴¹⁰ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИАТ. 1994. №4. С. 5–21.

прежде всего, мемуарного и дневникового характера. Во второй половине 1990-х – 2000-х гг. вышли в свет многочисленные исследования, в которых в той или иной форме рассматривалась данная проблематика. Примечательно, что в большинстве своем в этих работах речь шла об отношениях внутри научных корпораций гуманитарного направления⁴¹¹. Неслучайно, к этим работам по своему характеру примыкают многочисленные исследования схолярной проблематики в гуманитарных науках⁴¹². Удачным примером такого рода исследования можно считать работы Энди Бифорда, в которых рассматривается процесс научной инициации студентов российских университетов в рамках системы семинаров, активно развивавшихся на рубеже XIX–XX вв. (прежде всего, на примере столичного университета)⁴¹³. К работам Э. Бифорда примыкают, например, труды А.В. Свешникова, рассматривающего как «школообразующую практику» в столичном университете не только семинары⁴¹⁴, но и профессорские экскурсии⁴¹⁵. Другие интересные направления исследований — изучение «жизненного мира» петербургских профессоров через призму «семейной истории» русской интеллектуальной элиты⁴¹⁶, конфликты в профессорской среде⁴¹⁷, «духовная жизнь студенчест-

⁴¹¹ Среди основных монографических работ подобного плана, в которых, в частности, рассматривается проблематика корпоративной жизни Петербургского университета, см.: *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка...; *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: Опыт «Русской исторической школы». Казань, 2000; *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000; *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004; *Марков А.Р.* Что значит быть студентом...; *Малинов А.В.* К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005; *Брачев В.С.* Крестный путь русского историка. Академик С.Ф. Платонов и его дело. СПб., 2005; *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006 и др.

⁴¹² См.: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995; *Погодин С.Н.* Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа. Омск, 2010 и др.

⁴¹³ *Byford A.* Initiation to Scholarship: The University Seminar in Late Imperial Russia // *Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 299–323. Появление и эволюция института «семинара» в России на примере Московского университета реконструируются в работах А.В. Антощенко (*Антощенко А.В.* Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»... С. 263–278).

⁴¹⁴ *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов... С. 248–283.

⁴¹⁵ Там же. С. 285–309. Ср.: *Потехина И.П.* «И все-таки — что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова) // *Клио*. 2013. №10. С. 149–151.

⁴¹⁶ См., напр.: *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011; *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // *Клио*. 2013. №12. С. 83–101; *Рос-*

ва»⁴¹⁸ и «проза студенческой жизни»⁴¹⁹; отдельная тема современных шуток — исследование студенческих и университетских «коммемораций»⁴²⁰.

Крупным научным предприятием второй половины 2000-х гг. в области университетской истории стал проект «Германские и российские университеты в Первой мировой войне. Сравнительные отношения, общества, науки и политики» под руководством профессора Труде Маурер, в рамках которого в корпоративном ключе рассмотрена социальная история Московского, Петербургского и Казанского университетов начала XX в. в контексте «городской истории» — взаимодействия университетских корпораций с городским сообществом⁴²¹. В работах одного из участников этого проекта — автора этой диссертации — подчеркивается, что в центре внимания профессорской корпорации столичного университета в революционную эпоху часто оказывались отнюдь не академические, а политические проблемы⁴²².

Таким образом, тематика, подходы, методы и круг источников исследований академической корпорации Петербургского (Петроградского) университета в дореволюционный и советский период определялись во многом

товцев Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2013. Вып. 4. С. 44–54.

⁴¹⁷ См., напр.: *Антощенко А.В.* Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Материалы VIII Всерос. науч. конф. Омск, 2012, С. 31–33; *Свешников А.В.* «Вот Вам история нашей истории»: к проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX века // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 231–261.

⁴¹⁸ *Олесич Н.Я.*: 1) Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1998; 2) Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 357–377.

⁴¹⁹ *Высочков Л.В.* «Проза» студенческой жизни в поэзии Н.Я. Агнiewiczа // Уроки истории — уроки историка... С. 322–340; *Зиборова Е.О.* Студенческие переписи в Петербургском университете в начале XX в. // Клио. 2013. №10. С. 65–68.

⁴²⁰ *Trice T.* Rites of Protest: Populist Funerals in Imperial St. Petersburg, 1876–1878 // *Slavic Review*, Vol. 60. No. 1 (Spring, 2001). P. 50–74; *Шевырев А.П.* Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве... С. 148–162; *Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. №4. С. 89–99.

⁴²¹ Результатами проекта, стала, в частности публикация двух сборников статей: *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg...*; Университет и город в России... Также см. соответствующий раздел сборника статей Т. Маурер: *Maurer T.* [Раздел V. Университеты в Первой мировой войне] // *Maurer T.* «Барометры» или «маяки» общества?... С. 367–543.

⁴²² *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города... С. 205–370.

характером социального заказа к исторической науке. В частности, долгое время в центре внимания отечественной историографии была тема *политического конфликта* между властью и профессурой или между профессурой и студенчеством, пусть и рассматриваемого с различных политических и историографических позиций (А.И. Георгиевский, В.М. Пуришкевич, Н.С. Державин, З.С. Круглова, В.П. Яковлев, А.Е. Иванов и др.). Основные сюжеты истории «студенческого движения» были намечены еще в дореволюционной литературе (В. Горохов, Г. Энгель, Р.И. Выдрин, А. Дьяконов и др.). Между тем, если в историографии конца XIX – начала XX в. студенчество с разных позиций рассматривалось как революционная сила, ведущая борьбу с самодержавием, то в 1920–1930-е гг. сама тема революционной борьбы в стенах университета замалчивается, а студенчество воспринимается как часть буржуазной интеллигенции. Однако уже начиная с 1940-х гг. эта позиция пересматривается, а в работах (преимущественно историков ЛГУ) 1960–1980-х гг. столичный университет вновь предстает как один из главных центров революционного движения в России. Следует отметить фактическое отсутствие дискуссий в советской историографии — кроме известной идеологической ангажированности эта ситуация, вероятно, связана с тем, что образы большинства основных событий и действующих лиц (студенческие беспорядки 1887, 1890, 1899 гг., события революции 1905–1907 гг., кризис 1911 г., М.И. Владиславлев, И.Д. Делянов, А.И. Ульянов, И.И. Толстой, Л.А. Кассо и др.) являлись местами своеобразного политического (и историографического) консенсуса в позитивном или негативном смысле. В зарубежной историографии, наряду с изучением вопросов политического противостояния профессорской коллегии и студенчества властям, начиная с 70-х гг. XX в. активно рассматривается и иная проблематика, в частности, сюжеты социальной истории университета, в том числе в контексте развития гражданского общества в России (например, работы Д. Уортенвейлера, Т. Маурер, С. Кассоу), а с 90-х гг. эта тематика входит также в сферу внимания российских историков (работы А.Е. Иванова, Д.А. Завьялова, Н.Н. Никс и др.).

Необходимо заметить, что в последнее время происходит активизация изучения различных аспектов истории российских университетов в европейском контексте. Особо следует отметить проекты, осуществляемые в рамках программ Германского исторического института в Москве, в частности, международный проект «Ubi universitas, ibi Europa» (А.Ю. Андреев, С.И. Посохов и др.)⁴²³, а также серии работ по университетской истории, осуществляемые в ВШЭ (Е.А. Вишленкова, А.Н. Дмитриев, В.С. Парсамов и др.)⁴²⁴, Геттингенском университете (Т. Маурер)⁴²⁵, Московском университете (А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков и др.)⁴²⁶, Казанском университете (Е.А. Вишленкова,

⁴²³ См.: *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. М., 2010; *Университетская идея в Российской империи...*; *Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь* / Под общ. ред. А.Ю. Андреева; Сост. А.М. Феофанов. М., 2011; *Посохова Л.Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2001; *Университет в Российской империи XVIII – первой половине XIX века* / Под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»...

⁴²⁴ *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора...; *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов* / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013; *Дмитриев А.Н.* Статусы знания: о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века // *НЛЮ.* 2013. Т. 122. №4. С. 108–133. Любопытные размышления о практике «университетских историй» в России в контексте мировой традиции university studies см.: *Вишленкова Е.А., Парсамов В.С.* Университетские истории в России: генезис жанров // *Вестник СПбГУКИ.* 2014. №3 (20). С. 164–172.

⁴²⁵ *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998; *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества?...

⁴²⁶ *Андреев А.Ю.*: 1) «Я бы первая последовала доброму примеру». Неосуществленная университетская реформа Екатерины II // *Родина.* 2010. №2. С. 41–44; 2) Ф.С. Лагарп и разработка реформы народного просвещения в России // *РИ.* 2010. №6. С. 40–47; 3) Университетская идея в понимании М.В. Ломоносова // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2011. №5. С. 52–68; 4) Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2015. №1. С. 62–89. *Andreev A.* The Birth of Russian University: University Concepts in Europe in the Age of Enlightenment and Their Adaptation in the Russian Empire // *Images of Enlightenment* / ed. D. Dolan'sky, A. Janczys. Zielona Góra, 2013. P. 33–48; 5) Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009; *Цыганков Д.А.*: 1) Семинар как место исследования в Московском университете // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2014. №4. С. 117–132; 2) Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы // *Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсеньевские чтения.* Чебоксары, 2010. С. 515–527; 3) Вспоминая профессора В.И. Герье. 1894 год в истории Московского университета. Публикация и вступительная статья Д.А. Цыганкова // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2011. №1 (38). С. 131–152; 4) М.К. Любавский и организация 200-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова в Московском университете // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2011. №5. С. 95–113; 5) Протоирей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2015. №1. С. 137–149; 6) Московский университет в городском пространстве начала XX века // *Университет и город в России...* С. 371–459; 7) Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения российской империи первой половины XIX века // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2015. №4. С. 70–97.

Л.А. Бушуева и др.)⁴²⁷, Томском университете (С.Ф. Фоминых, М.В. Грибовский и др.)⁴²⁸, институте Российской истории РАН (А.Е. Иванов⁴²⁹), Доме русского зарубежья (П.А. Трибунский⁴³⁰) и многие другие проекты. Между тем, нельзя не заметить, что в коллективных проектах и созданных на их основе монографических работах преобладают исследования, хронологически связанные, главным образом, с первой половиной XIX в.⁴³¹ Разумеется, следует учитывать научные предприятия и тексты современной западной историографии, не связанные напрямую с историей рос-

⁴²⁷ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis: Два века университетской культуры Казани*. Казань, 2005; Костина Т.В. *Мир университетского профессора Казани, 1804–1864*. Дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2007; Сазонова Л.А. *Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917*. Дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2009; Бушуева Л.А. *Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917*. Казань, 2012 и др.

⁴²⁸ Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н. *Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования* // Сибирские исторические исследования. 2013. №1. С. 67–78; Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012; Грибовский М.В.: 1) Профессура и студенчество в предреволюционном российском университете: грани взаимоотношений // Вестник ТомГУ. История. 2010. №4. С. 158–166; 2) Политический надзор над профессорами и преподавателями российских университетов в конце XIX – начале XX века // Вестник ТомГУ. История. 2011. №1. С. 25–30; 3) Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый ИВ. 2015. №44. С. 54–71; 4) Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе государственных дум в начале XX в. // Вестник ТомГУ. История. 2013. №5 (25). С. 46–51; 5) Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX века // Вестник ТомГУ. 2011. №349. С. 76–80; 6) Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса... С. 53–60; 7) Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. №2. С. 103–108.

⁴²⁹ Иванов А.Е.: 1) «Ученое достоинство» в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М., 2014. С. 128–149; 2) Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революций // РИ. 2014. №5. С. 147–164; 3) Образ профессора в мемуарах бывших студентов второй половины XIX – первой половины XX в. // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. В 2 томах. М., 2013. Т. 2. С. 419–431; 4) «Половой вопрос», брак, семья в бытовом сознании и поступках российских студентов (1880-е гг. – начало XX в.) // РИ. 2010. №6. С. 84–96; 5) Студенческие корпоративные праздники в России XIX – начала XX в // Долг и судьба историка. Сб. статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова / Редколл.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др.. М., 2008. С. 235–246. См. также: Иванов А.Е., Кулакова И.П. *Русская профессура на рубеже XIX–XX веков* // РИ. 2013. №2. С. 44–62.

⁴³⁰ Трибунский П.А.: 1) А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина // Клио. 2013. №12. С. 120–126; 2) Письма П.Н. Милюкова В.Г. Дружинину // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука... С. 560–567; 3) С.Ф. Платонов — преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 26–42; 4) Курс русской историографии П.Н. Милюкова в Московском университете // Российские университеты в XIX–XX веках: Сб. науч. статей. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 111–130; Макушин А.В., Трибунский П.А. Из истории движения за распространение университетского образования в России (нижегородские лекции В.А. Гольцева, И.И. Иванова, П.Н. Милюкова и их последствия) // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века: Сб. науч. трудов. Воронеж, 2002. С. 169–191.

⁴³¹ Ср: Корзун В.П. Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск, 2016. С. 378–389; Жуковская Т.Н. Представляя университетское сословие // Вестн. С.- Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 3. С.170-176.

сийских университетов (В. Рюэгг, Р. Андерсон, Ш. Ротблат, Дж. Эванс и др.)⁴³².

Таким образом, в постсоветский период повестка научных исследований определялась как историографической инерцией (появился ряд новых работ, в которых изучается политический контекст истории университета), так и новым академическим заказом, в частности, открытием в историографии новых сфер и тем, связанных с историей и антропологией науки, интеллектуальной историей и истории элит. Можно утверждать, что основной тенденцией современной историографии является расширение исследовательского поля, поиск новых сюжетов и предметов исследования, преодоление зависимости «от источника», от тем и предметов университетской жизни, сконструированных современниками событий. Резкое расширение проблемного поля в историографии 1990–2000-х гг. позволило в новом ракурсе посмотреть на тему *корпоративной истории* университета. Напомним, что вслед за радикальной и черносотенной дореволюционной публицистикой советская историография резко отграничивала преподавательскую корпорацию от студенческой, фактически игнорируя позицию самой преподавательской коллегии, которая в большинстве своем рассматривала университет как единый организм и, в том числе по этой причине, защищала студенческую фронду. На наш взгляд, очевидно, что в сегодняшней историографической ситуации насущной задачей является не только создание коллективного социального

⁴³² См., напр.: The European and American university since 1800... P. 303–361; Rüegg W. History of the University in Europe... P. 332–334; Anderson R.D. Universities from the Enlightenment... В сравнительном аспекте следует принять во внимания и целый поток текстов, посвященных истории «университетской идеи» и западных университетов во второй половине XIX – первой половине XX в. См., в частности: Rothblatt S. The Modern University and Its Discontents: The Fate of Newman's Legacies in Britain and America. Cambridge, 1997; Deslandes J.P.R. Masculinity, Identity and Culture: Male Undergraduate Life at Oxford and Cambridge, 1850–1920. University of Toronto, 1996; Reuben J.A. In search of truth: Scientific inquiry, religion, and the development of the American university, 1870–1920. Stanford University, 1990; Keating M.J. The Battle for Oxford: A Study of Educational Ideals. Notre Dame, 1899; Cain T.R. Academic Freedom in an Age of Organization, 1913–1941. University of Michigan, 2005; Deifell D.C. The Student Movement of the University: the Rhetoric of the «Idea of a University» and its Transformation by «The Student». University of Iowa, 2003; Jongeneel J. 375 Years Mission Studies, Mission Activities, and Overseas Ministries. Frankfurt am Main, DE: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012; Evans G.R. University of Oxford. A New History. London, 2010; Gelber S.M. Studies in American Thought and Culture: The University and the People: Envisioning American Higher Education in an Era of Populist Protest. Madison, 2011 и др.

портрета академической корпорации, но и восстановление картины «жизненного мира», повседневных практик, коллективной памяти университетского сообщества рубежа XIX–XX вв.

Целый ряд упомянутых аспектов научной работы оказался в центре внимания коллектива Центра истории университета (начал действовать на историческом факультете университета с 2012 г.), деятельность которого активизировала исследования по разным направлениям университетской истории⁴³³. В рамках темы настоящей диссертации особое значение имеет серия работ, связанных с разработкой источниковой базы истории преподавательской корпорации и студенческого движения⁴³⁴ — в частности, контент анализ огромного массива публикаций периодической печати, который позволил показать значение прессы как фактора внутриуниверситетской жизни⁴³⁵; разработка библиографии и историографии истории университета изучаемого периода⁴³⁶, работы по оцифровке печатных и архивных источников и литературы по университетской истории и созданию адекватной системы навигации в сетевом информационном пространстве⁴³⁷, серия биографических и просопографических исследований⁴³⁸, фокусные исследования взаимоотношений

⁴³³ См.: *Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.* Изучение истории университета на историческом факультете...; *Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г.* Проекты по истории Санкт-Петербургского университета...; *Ростовцев Е.А.* Проекты по истории высшей школы и Петербургского университета...

⁴³⁴ *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Основные источники по истории преподавательской корпорации Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. №4 (184). С. 127–133.

⁴³⁵ *Ростовцев Е.А., Андреева В.В.*: 1) Кризис 1911 г... С. 77–87; 2) Петербургский университет 1905 г.... С. 3–14; 3) Кривое зеркало: университетская жизнь... С. 71–88; *Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль – сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №6. Ч. 2. С. 97–106.

⁴³⁶ История Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии...; *Жуковская Т.Н., Любезников О.А.* Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения // Клио. 2013. №10. С. 26–35; *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.* Академическая корпорация столичного университета (1884–1917)... С. 47–62.

⁴³⁷ См. История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (Культурное наследие, музейные коллекции, биографика). [Электронный ресурс]...; *Сосницкий Д.А.* История Санкт-Петербургского университета в сетевом пространстве // Клио. 2013. №10. С. 145–148.

⁴³⁸ *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.*: 1) Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. №10. С. 36–41; 2) Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов... С. 35–51; Биографический словарь философов Петербургского университета. Авторский коллектив: А.В. Малинов (отв. ред.), Е.А. Ростовцев

власти и университетской корпорации⁴³⁹, рассмотрение этноконфессиональных аспектов жизни университетского студенчества⁴⁴⁰ и многие другие.

Исходя из обзора литературы еще раз обозначим насущную исследовательскую перспективу, важную для нашей работы — восстановить структуру и состав университетской корпорации, дать очерк быта и образа жизни ее членов, показать участие и роль деятелей университета в разных сферах жизни городского сообщества (научной, культурной, просветительской, политической, административной), попытаться представить коллективный портрет корпорации в интерьере эпохи поздней империи и, наконец, показать место университета в социально-политическом пространстве России второй половины XIX – начала XX в. Задачи диссертации предопределили ее структуру: в первой части работы мы сосредоточимся на описании разных сторон и ме-

(отв. ред.), Д.А. Баринов, И.В. Сидорчук, Д.А. Сосницкий, и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/ph.html> (дата обращения: 03.02.2016); Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. СПб., 2012–2014 / Ред. коллегия: проф. А.Ю. Дворниченко (рук. проекта, отв. ред.), проф. Р.Ш. Ганелин, доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев (отв. ред.), доц. И.Л. Тихонов; Авторский коллектив: А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, А.В. Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К. Шагинян и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hist1.html> (дата обращения: 03.02.2016); Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета 1819–1917. СПб., 2012–2014 / Ред. коллегия: проф. Р.Ш. Ганелин (рук. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко (отв. ред.), доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев (отв. ред.), доц. И.Л. Тихонов; Авторский коллектив : А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринов, Ю.И. Басилов, А.Б. Богомолов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, А.Л. Корзинин, Е.Е. Кудрявцева, С.С. Мигунов, И.А. Поляков, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, А.А. Рубцов, И.В. Сидорчук, А.В. Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К. Шагинян, В.О. Шишов, Н.А. Шереметов и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (дата обращения: 03.02.2016).

⁴³⁹ *Ростовцев Е.А.*: 1) Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. 2013. №10. С. 57–64; 2) Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «революция» на службе «корпорации»...; 3) Российские мандарины...; 4) Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. С. 308–324; 5) 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука... С. 473–507; 6) Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»... С. 139–156; 7) Петербургский университет в фокусе правительственной политики (1860 – начало 1880-х гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2014 №4. С. 81–89; *Ростовцев Е.А., Кривоноженко А.Ф., Сосницкий Д.А.* Министр перед профессорским судом (из истории противостояния Министерства народного просвещения Л.А. Кассо и либеральной профессуры Санкт-Петербургского университета) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2011. №3 (130). С. 174–182; *Брачев В.С.* Студенческие волнения октября-декабря 1910 г.... С. 68–76.

⁴⁴⁰ *Баринов Д.А.*: 1) Студенческие землячества Санкт-Петербургского университета в период подполья (1884–1906 гг.) // Клио. 2015. №10. С. 93–100; 2) Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2015; 3) Национальные корпорации студенчества Петербургского университета в начале XX в. // Клио. 2016. №1. С. 61–68.

ханизмов жизни университетского мира, во второй — на основных этапах и событиях его истории во второй половине XIX – начале XX в.

ЧАСТЬ I. КОРПОРАЦИЯ СТОЛИЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА

Глава 1. Университетская автономия и институциональное устройство. Старшие и младшие. Жалование и гонорар

Университетская корпорация распадалась естественным образом на две основных части — преподавателей и студентов. В силу задач диссертации мы сосредоточимся главным образом на академической (преподавательской) корпорации, хотя, разумеется, тема истории студенчества университета также является магистральной для нашего исследования¹.

В первой части приоритетными для нас будут проблемы, связанные со структурой университета, с отношениями как внутри корпорации, так и с «внешней средой», коллективным портретом как корпорации в целом, так и ее частей — представителей разных факультетов и областей науки. Цель такого подхода рассмотреть университетский мир в разных ракурсах и оптике.

Вначале необходимо напомнить о том, какой была *формальная* и *фактическая* автономия Петербургского столичного университета в период с 1884 по 1917 г. С *формально-юридической точки зрения* автономия столичного университета, как и других университетов Империи, носила весьма ограниченный характер, основываясь на Университетском уставе 1884 г.², Временных правилах 1905 г.³, Сенатском указе министру народного просвеще-

¹ Из значимых исследований последнего времени по этой проблематике см., в частности, диссертации Д.А. Завьялова и Д.А. Барина (Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2006; Барин Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2015), а также наш текст 2009 г., в котором специальный раздел посвящен «студенческому миру» столичного университета (Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 251–278).

² Высочайше утвержденный Общий устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1887. Т. IV. №2404. С. 456–474.

³ О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1908. Т. XXV. Отделение I. №26692. С. 658–659.

ния 1908 г.⁴ и, наконец, законе 3 июля 1916 г.⁵ Хотя внутри корпорации главным органом принятия решений являлся Профессорский совет, который обладал правом свободного выбора членов университетской корпорации (ректора, проректора, декана, профессора, приват-доцента), Министерство народного просвещения было вправе не утвердить выбор университета, назначить по своему усмотрению лицо на любую университетскую магистратуру. Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись подавляющему ее большинству скорее как общественные, чем как государственные организации. Примером для организации русской университетской системы выступали западные университеты — прежде всего немецкие⁶, структура которых считалась образцом «автономии», необходимой для успешной учебной и научной деятельности высшего учебного заведения. Другое дело, что декларирование в качестве образца для российской автономии немецких университетов было скорее риторической формулой, поскольку автономией в российском понимании немецкие (как и в большинстве своем другие западноевропейские) университеты не обладали и, более того, «гумбольдтовский идеал» университета прямо ему противоречил. Однако все указания на это обстоятельство, появлявшиеся в российской печати, сторонниками автономии решительно отменялись⁷, а критика «автономной модели» западными коллегами⁸ игнорировалась.

⁴ Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г. // *Право*. 1908. 7 декабря. Стлб. 2738–2739.

⁵ Одобренный Государственным советом и Государственной думой закон о временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лицея, а также доцентов императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лицея и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов: Из Собр. узак. 1916 г., отдел 1-й, ст. 1662. Б.м., [1916].

⁶ См.: *Грибовский В.М.* Прошедшее и настоящее русских и западноевропейских университетов. СПб., 1905; *Сперанский Н.* Университет в современном его понимании // *Сперанский Н.* Кризис высшей школы. М., 1914. С. 1–12 и др. Ср.: *Ляхович Е.С., Ревнушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 43–53.

⁷ См., напр.: *Сергеевич В.И.* Германские университеты и наши // *ВЕ*. 1905. Май. Кн. 5. С. 54–105; *Будилович А.* К вопросу о «Записке 342-х ученых» // *РВ*. 1905. Апрель. С. 404–428; *Будилович А.С.* Наука и политика. СПб., 1905. С. 33–44.

⁸ См.: Отзывы немецких и голландских профессоров о проекте университетского устава графа Ив.Ив. Толстого // *ЖМНП*. 1910. Т. XXVI. №3. Отд. 4. С. 1–16; №4. Отд. 4. С. 5–101. Ср.: *Шиллер-*

Позицию профессоров относительно «автономии» и профессорское понимание ее механизмов наглядно показывает ход обсуждения в 1902 г. проекта будущего устройства университетов, когда столичный Университетский совет единодушно высказался за автономию профессорской коллегии, выборность ее членов, включая ректора, за восстановление штатных должностей доцентов (упраздненных университетским уставом 1884 г.), за студенческое самоуправление (воссоздание деятельности Совета старост)⁹. Задача университетов виделась не столько в решении утилитарных запросов государства и общества, сколько в «просвещении» граждан¹⁰, вмешательство государства в университетскую жизнь представлялось совершенно недопустимым. Составление правительственных проектов сопровождалось масштабным общественным обсуждением готовящихся преобразований, в рамках которого идея автономии высшей школы получила фактически единодушную поддержку российского преподавательского корпуса¹¹.

Валицка И. Реакция западных экспертов на русскую профессорскую конституцию 1906 г. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 262–282. См. об этом также: Особый журнал Совета министров. 29 декабря 1909 г. и 5 и 13 января 1910 года. По проектам устава и штата Императорских Российских университетов // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910. М., 2001. С.20.

⁹ Такая позиция профессорского сообщества нашла отражение в материалах многочисленных правительственных комиссий, занятых разработкой нового университетского устава в период с 1901 по 1916 г. (Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросам о желательных изменениях в устройстве российских университетов. СПб., 1902; Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1–5; Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов. СПб., 1906; Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906; Об уставе и штатах Императорских российских университетов. СПб., 1910; Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов. Пг., 1916 и др.).

¹⁰ См., напр.: *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 174–175.

¹¹ См., напр.: *Кареев Н.*: 1) Какой нам нужен университетский устав? // Сын Отечества. 1905. 2-го (15-го) сентября. №171. С. 1; 2) Как нужно было организовать прохождение курса высшей школы? // Сын Отечества. 1905. 6-го (19-го) сентября. №175. С. 1; 3) Какое положение в высшей школе должны занимать ее студенты? // Сын Отечества. 1905. 7-го (20-го) сентября. №176. С. 1; 4) Чем должна быть в идее вольная высшая школа? // Сын Отечества. 1905. 11-го (24-го) сентября. №180. С. 1; 5) О проекте устава высшей школы (Письмо в редакцию) // Сын Отечества. 1905. 9-го (22-го) октября. №204. С. 1–2; *Гревс И.М.* Временные правила 27 августа 1906 г. об управлении университетами и освобождении науки // Право. 1905. 1 сентября. Стлб. 2933, 2938; *Менделеев Д.И.* Заветные мысли Д. Менделеева. СПб., 1904; *Сергеевич В.И.* Реформа университетского преподавания // ВЕ. 1908. Т. 2 (250). Кн. 4 (Апрель). С. 683–715; *Чирьев С.И.* Проекты преобразования высших и средних учебных заведений. Киев, 1905; *Эйхельман О.* Проект для нового устава Императорских Российских университетов. Киев, 1909; *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава, 1901; Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* Об основах университетской реформы // *Вернадский В.И.* О науке. СПб., 2002. Т. II: Научная деятельность и научное образование. С. 115–143; *Багалей Д.И.* Экономическое положение

При рассмотрении истории борьбы университетов за «автономию» необходимо, прежде всего, учитывать, что в основе противостояния власти и университетов начала XX в. лежали давние либеральные традиции русского университетского образования¹². Проблема университетской автономии имела в русском обществе значение, далеко выходящее за рамки высшей школы; само понятие автономии университета в России было неразрывно связано с русским освободительным движением¹³. В начале XX в. профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, по существу, являлся одним из основных ресурсов оппозиционной самодержавию кадетской партии. В этой ситуации предоставление университетам требуемой ими юридической автономии означало бы, с точки зрения власти, передачу системы высших учебных заведений под полный контроль оппозиции. Позиция университетской профессуры, радикально расходящаяся с точкой зрения правительства, являлась одной из главных причин того, почему новый устав в эпоху революции и третьеиюньской монархии так и не был принят.

В то же время *фактически* профессорские Советы (в том числе Совет столичного университета) имели решающее значение для определения всего хода внутренней жизни университетов. Таким образом, *фактическая* автономия университетов была несравненно больше формальной. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор преподавательской корпорации. С этой точки зрения, следует, на наш взгляд, рассматривать и участие преподавателей университета в т. н. освободительном движении, которое во многом шло под лозунгом борьбы за автономию высшей школы (см. часть 2).

русских университетов. СПб., 1914 и др. См. также: Красножен Н.А. Общественная мысль России о реформе высшего образования в начале XX в. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2007.

¹² См.: Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы. М., 2001; Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: Общественно-политический облик // История СССР. 1990. №5. С. 64–66; Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 214–219.

¹³ Ср., напр.: Johnson P.W Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // Russian Review. 1974. Vol. 33. No.3 (July). P. 259.

Для понимания организации «преподавательского мира» столичного университета, прежде всего, необходимо охарактеризовать институциональные особенности его устройства, связанные с положениями университетского устава 1884 г.¹⁴. Основной структурной единицей преподавательской корпорации был факультет. Напомним, что с 1850 г. университет делился на 3 факультета: историко-филологический, юридический, физико-математический, — к которым с 1855 г. прибавился четвертый факультет — восточных языков. Факультетские советы состояли из профессоров, как читающих обязательные лекции на данном факультете, так и уже вышедших на пенсию (и могущих вообще не вести занятий), — эти органы принимали все основные решения, связанные с внутрифакультетской жизнью (избрание профессоров и приват-доцентов, оставление на факультете студентов, распределение специальных средств, изменение учебных планов, присвоение ученых степеней и т. п.), утверждение которых, если и требовалось вышестоящими структурами, то в большинстве случаев носило формальный характер.

Факультеты, в свою очередь, делились на отделения (разряды), каждый из которых имел собственные выработанные факультетом (утвержденные затем Университетским советом и министерством народного просвещения) учебные планы. В отличие от структуры университета, закрепленной уставом и потому фактически неизменной, деление на разряды (направления преподавания/учебные планы) не было закреплено законодательно, а потому было подвержено сравнительно частым переменам. Подчеркнем, что отделения факультета не являлись какими-либо административными или структурными единицами, условно объединяя не преподавателей, а студентов. Структурной ячейкой, которая объединяла преподавателей, была кафедра (количество и названия которых были закреплены в уставе). Между тем, формально кафед-

¹⁴ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год. Стлб. 985–1026.

ра также не была административной единицей, скорее обозначая направление преподавания. Поэтому, например, один и тот же приват-доцент мог объявлять курсы по разным кафедрам, хотя на практике такое случалось не часто. Кафедры не только не проводили формальных заседаний и не принимали никаких решений, но и не имели даже формальной главы, поскольку в некоторых случаях одну кафедру в полном соответствии с буквой Университетского устава замещали два (или более) равных по статусу профессора. Правда, в абсолютном большинстве случаев профессор на кафедре был один, и именно он на практике и принимал все важные решения, связанные с её работой.

Профессора составляли Университетский (профессорский) совет, который принимал все основные решения, связанные с жизнью университета. Во главе совета стоял назначенный министерством (а с 1905 г. — избранный) ректор из числа университетских профессоров. В обязанности ректора входило как руководство текущими делами университетской жизни, так и взаимодействие с другими учреждениями и Министерством народного просвещения, которому подчинялся университет. Напомним, что ректорами университета в 1880–1910-е гг. были выдающиеся профессора А.Н. Бекетов (1876–1883), И.Е. Андреевский (1883–1887), М.И. Владиславлев (1887–1890), П.В. Никитин (1890–1897), В.И. Сергеевич (1897–1899), А.Х. Гольмстен (1899–1903), А.М. Жданов (1903–1905), И.И. Боргман (1905–1910), Д.Д. Гримм (1910–1911) и Э.Д. Гримм (1911–1918), а время их ректорского служения пришлось на министерства И.Д. Делянова (1882–1897), Н.П. Боголепова (1898–1901), П.С. Ванновского (1901–1902), Г.Э. Зенгера (1902–1904), В.Н. Глазова (1904–1905), И.И. Толстого (1905–1906), П.М. фон Кауфмана (1906–1909), А.Н. Шварца (1909–1910), Л.А. Кассо (1910–1914), П.Н. Игнатьева (1914–1916) и Н.К. Кульчицкого (1916–1917).

Согласно уставу 1884 г., в состав факультетов С.-Петербургского Университета входило 44 кафедры. При этом по факультетам они распределялись следующим образом: 1) историко-филологический — 10; 2) физико-математический — 11; 3) юридический — 13; 4) восточных языков — 10.

Университетский устав определял и количество ординарных и экстраординарных профессоров по факультетам: 1) историко-филологический — 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных и 4 лектора новых языков; 2) физико-математический — 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных; 3) юридический — 11 ординарных профессоров, 4 экстраординарных; 4) восточных языков — 6 ординарных профессоров, 3 экстраординарных и 8 лекторов восточных языков¹⁵. При этом по количеству студентов на первом месте был юридический факультет (порядка половины всех студентов)¹⁶, на втором месте стоял физико-математический факультет (35–40%), на третьем — историко-филологический (7–9%) и на последнем восточный (1,5–3%).¹⁷ Таким образом, малолюдные факультеты, очевидно, оказывались в лучшем кадровом положении, чем многочисленные (см. табл. 1).

Таблица 1. Количество студентов, приходившихся на 1 профессора¹⁸

Факультеты	1885	1896	1905	1915
Физико-математический	64	47	89	101
Юридический	70	102	186	155
Восточных языков	7	25	30	20
Историко-филологический	16	17	20	27
Всего по университету	41	57	87	85

Из таблицы 2 видно, что количество штатных единиц было несколько больше числа кафедр, поэтому университет имел возможность замещать не-

¹⁵ Там же. Стлб. 1001–1004.

¹⁶ См.: *Шилов Л.А.* Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819–1917) // Вестник ЛГУ. Серия: Экономика, философия, право. 1969. №5. Вып. 1. С. 117.

¹⁷ Отчеты о состоянии деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1916 гг. СПб. [Пг.], 1885–1916; *Баринов Д.А.* Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. №10. С. 42–48.

¹⁸ Подсчитано по: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1885–1915 гг. СПб. [Пг.], 1886–1916.

которые кафедры несколькими профессорами. Например, на историко-филологическом факультете кафедра всеобщей истории традиционно замещалась тремя профессорами. Однако на практике университет обычно не использовал все профессорские вакансии, часто ограничиваясь только решением задачи замещения освободившейся кафедры.

Таблица 2. Штатное расписание С.-Петербургского университета 1884 г.

Состав учебного персонала¹⁹

Наименование должностей	<i>Назначено по штату</i>
Профессоров богословия	1
Ординарных профессоров	41
Экстраординарных профессоров	17
Астроном наблюдатель	1
Астроном-вычислитель	1
Прозектор	2
Помощники ректора	2
Лекторы новых языков	4
Лекторы восточных языков	8
Ассистенты старшие	23
Ассистенты младшие	20
Всего	120

Как видим, прямым следствием структуры университетской корпорации, закрепленной уставом 1884 г., была организация системы университетского преподавания, закреплявшая организацию науки вокруг кафедр. До некоторой степени кафедральная структура, строго ориентированная на выпуск студентов соответствующего отделения, затрудняла и эволюцию системы университетского преподавания. Например, победой корпорации над мини-

¹⁹ См.: Временный штат Императорских российских университетов, управляемых по общему для них уставу // Сборник постановлений министерства народного Просвещения... Стлб. 1027–1030.

стерской бюрократией в конце 1880-х гг. был перенос кафедры географии с историко-филологического на физико-математический факультет²⁰. Что же касается открытия новых кафедр, то в рассматриваемый период их практически не происходило. Таким образом, накапливалось очевидное отставание наличных университетских институтов и связанных с ними учебных программ от требований науки. Ярким примером может служить ситуация в гуманитарных науках, где такие дисциплины, как психология и социология (влияние которых в этот период резко усиливается), занимали (прежде всего в виду отсутствия соответствующих кафедр) периферийное положение во всей системе университетского преподавания. Как ни парадоксально, только в 1919 г. в условиях начинающейся советизации университета и трансформации его структуры для корпорации стало возможным коренным образом поменять «циклы наук» и направления преподавания²¹.

Как правило, университетские кафедры замещались ординарными или экстраординарными профессорами (или «исправляющими должность» [и. д.] ординарных или экстраординарных профессоров). Как правило, магистратура ординарного профессора могла быть замещена после двухлетнего срока пребывания в должности экстраординарного профессора (при освобождении соответствующей штатной вакансии). Приставка «исправляющий должность» означала, что профессор не имеет докторской степени. В очень редких случаях кафедры замещались «заслуженными профессорами», т. е. отслужившими 30 лет в профессорском звании, и получающими пенсию «внештатными профессорами», в исключительных случаях — «приват-доцентами, читающими обязательные курсы». Два последних варианта почти всегда были связаны с переходным состоянием кафедры от одного «полноценного профессора» к другому. При этом назначены по штату (штатное расписание утвер-

²⁰ Обзор деятельности университета за 1881–1894 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9506. Л. 8; [О назначении Э.Ю. Петри на кафедру географии и этнографии] // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 215. Л. 37–55об.

²¹ См.: *Март Н.Я., Жебелев С.А.* О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук (в части, касающейся историко-филологического факультета и факультета восточных языков). Пг., 1919.

ждено еще в 1884 г. вместе с уставом университетов) были соответственно 41 ординарный и 17 экстраординарных профессоров (см. штатное расписание выше, табл. 2).

Статус «сверхштатного» профессор мог иметь по разным причинам (отсутствие вакансии штатного профессора, работа в другом ученом заведении и т. п.). Вне зависимости от своего статуса и степени реального участия в учебном процессе все профессора составляли *Университетский (профессорский) совет*, где пользовались равными правами. На практике это приводило к тому, что примерно половина членов Совета пребывала в составе университета либо «вне штата», либо «сверх штата», а заседания профессорской коллегии часто проходили при минимальном кворуме. Если штатные профессора и лекторы университета получали законодательно зафиксированное вознаграждение (жалование и «квартирные»), то оплата лекций и занятий сверхштатных и внештатных профессоров и приват-доцентов (не включенных в штатное расписание) определялась факультетами и утверждалась Советом университета в рамках средств, предоставленных МНП и т. н. «специальных средств» университета (доходов — прежде всего студенческой платы «за учение»).

Проблема кворума впервые была поставлена Д.И. Менделеевым в заседании 17 декабря 1887 г., последовавшем за срывом заседания 20 ноября, когда на него явились только 37 членов Совета²². Действительной причиной срыва заседания был конфликт ректора с частью членов Совета — ректор не пожелал ждать опоздавших членов Совета более 15 минут и закрыл заседание, чтобы не рассматривать претензии профессоров по поводу бюджета университета на следующий год. Подобного рода бюрократическая уловка вызвала настоящий скандал и естественное осуждение корпорации²³. Однако для решения этой проблемы понадобилось специальное постановление Госу-

²² Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 14 декабря 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–1888 академического года. №37. СПб., 1888. С. 36–37.

²³ *Меншуткин Б.Н.* Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина. СПб., 1908. С. 41.

дарственного совета Империи (высочайше утвержденное в мае 1888 г.), согласно которому было подтверждено, что заседания университетских советов, проводимые в учебное время, требуют присутствия по меньшей мере половины наличного состава его членов, а на заседаниях, проводимых в каникулярное время, допускается наличие и меньшего числа членов. При этом эти последние собрания не обладали правом производства баллотировки на какие-либо должности и голосования по диссертациям²⁴.

Распределение преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала в университете в целом отражено в таблице 3.

²⁴ Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 17 октября 1888 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1888 г. №39. СПб., 1889. С. 3.

Таблица 3. Учебный персонал С.-Петербургского (Петроградского) университета, 1884–1918 гг. (данные приведены по учебным годам, по состоянию на 1 января)²⁵

Должности	1883-1884	1884-1885	1885-1886	1886-1887	1887-888	1888-1889	1889-1890	1890-1891	1891-1892	1892-1893	1893-1894	1894-1895	1895-1896	1896-1897	1897-1898	1898-1899	1899-1900	1900-1901	1901-1902	1902-1903	1903-1904	1904-1905	1905-1906	1906-1907	1907-1908	1908-1909	1909-1910	1910-1911	1911-1912	1912-1913	1913-1914	1914-1915	1915-1916	1916-1917 (на 1 июля16 г.)
Штатные ординарные профессора	34	40	41			28	29	33	35	34	34	33	34	34	32	32	31	31	35	33	36	34	33	33	34	34	32	32	32	34	33	32	34	33
Штатные экстраординар ные профессора	11	22	20			17	19	17	14	13	11	12	12	9	11	10	12	12	13	11	14	15	13	11	9	11	13	13	10	8	10	8	11	10
Штатные доценты	17																																	
<i>Всего штатных профессоров и доцентов</i>			55	50	45	48	50	49	47	45	45	46	43	53	41	43	43	48	44	50	49	46	44	43	45	45	45	42	42	43	40	45	43	
Сверхштатны е профессора	3		9	11	19	16			2	1	1	1	4	5	4							-	3	3	3	3	3	3	3	4	5	4	4	5
Сверхштатны е доценты	1	2																																
Внештатные и заштатные профессора							16	16	17	18	20	22	24	25	28	26	28	24	26	27	25	27	24	25	24	22	23	23	26	27	29	32	33	
Профессора богословия (в т.ч.	1	1	1			1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	

²⁵ Таблица составлена по данным «Отчетов университета» (Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1883–1916 гг. СПб. [Пг.], 1884–1916). Данные за 1917–1919 гг. приводятся по изданию: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 186.

<i>Всего учебно- вспомогате льного персонала / без пр.-доц./</i>				30	32 (из них 8 приват -доц.)	37 (из них 5 прива т- доцен тов)		35 (из них 4 состо яли пр.- доц. и прозек торо м)	40 (из них 7 прю- доц)	39 (из них 9 пр.- доц.)	45 (из них 10 прю- доц.)	41 (из них 10 сост оят в числ е при- доц.)	50 (из них 11 состо ят в пр.- доц)	46 (из них 8 пр.- доц.)	48 (из них 9 прю- доц.)	52 (из них 13 пр.до ц.)	55 (из них 12 пр.до ц.)	55 (из них 22 пр.до ц.)	66 (из них 23 пр.до ц.)	70 (из них 23 пр.до ц.)	68 (из них 22 пр.до ц.)	69 (из них 19 пр.до ц.)	68 (из них 20 пр.до ц.)	72 (из них 20 пр.до ц.)	68 (из них 14 пр.до ц.)	70 (из них 14 пр.до ц.)	79 (из них 16 пр.до ц.)	79 (из них 16 пр.до ц.)	79 (из них 16 пр.до ц.)	75 (из них 18 пр.до ц.)	71 (из них 20 пр.до ц.)	74 (из них 18 пр.до ц.)	77	85
Прочие ²⁸							1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	3
<i>Всего учебного персонала /учитывая совмещение должностей/</i>				13 ²⁹	159 /146/	167 /162/ //	/164/	/163/	/175/	/175/	/188/	/19/	/214/	/212/	/218/	/22/	/20/	/22/	/23/	/24/	/23/	261 /23/	271 /25/	282 /26/	295 /28/	294 /28/	325 /30/	320 /30/	327 /31/	338 /320/	322 /302/	332 /314/	360	381

²⁸Астроном-наблюдатель, астроном-вычислитель, заведующий Мурманской биологической станцией.

²⁹По годовичному акту 1887 г. — «на преподавательских должностях» (Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1887 год. СПб., 1888. С. 7).

Помимо учебного персонала в университете трудилось значительное число работников, технически обеспечивающих его деятельность: канцелярские служащие, библиотекари, вахтеры, рассыльные и т. п. На рубеже 1900–1910 гг. численность этого («технического») персонала колебалась в пределах 100–120 человек³⁰. Таким образом, общее число работавших в университете к 1917 г. лиц составляло около 500 человек.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на некоторые колебания, преподавательский состав и учебный персонал в целом численно вырос (более чем на треть). При этом рост достигался, главным образом, за счет той группы младших преподавателей, которая не получала фиксированного жалования — количество приват-доцентов имело четкую тенденцию к увеличению от 29% (1884) к 55,2% (1905 г.) и до 68,3% (1916 г.) от преподавательского состава. Надо учитывать, что количество профессоров, так же как и учебно-вспомогательного персонала, определялось штатным расписанием и имело лишь слабо заметный тренд в направлении увеличения (за счет сверхштатных должностей).

Понятно, что в этих условиях доля профессоров, в руках которых находились основные нити управления университетом, на протяжении рассматриваемого периода, напротив, сокращалась — по отношению ко всему учебному персоналу университета в 1905 г. она составляла 18,7%, а в 1916 г. уже 11,2%; по отношению к преподавательскому составу тенденция была еще более яркой: от 27,8% (1905 г.) до 14,6% (1916 г.). Естественно, в результате таких изменений постепенно увеличивалось соотношение тех членов университетской корпорации, которые имели право голоса в университетском Совете, к тем, кто его не имел. Если в 1905 г. из 239 человек, занятых в учебном процессе, его имели 75 (31,3%), то в 1915 г. из 314 человек — только 74 (23,5%).

³⁰ См., напр.: Список служащих университета [1911] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 154–155об.

Итак, мы видим, что преподавательская корпорация университета институционально оказалась разделенной на две неравные части: меньшую — профессоров и большую — «младших преподавателей», число которых постоянно росло. При всех отличиях университетского устройства в разное время граница между этими двумя группами носила принципиальный характер: первые входили в факультетский и университетский советы и принимали решения, связанные с различными сторонами факультетской жизни, вторые этими правами не обладали. Поэтому переход из разряда «младших» в «старшие» являлся поворотным пунктом карьеры каждого университетского ученого; дальнейшие этапы повышения статуса в университетской иерархии (например, по Уставу 1884 г. получение должностей ординарного профессора, заслуженного профессора) играли значительно меньшую роль, отражаясь только на жаловании. Еще меньшее влияние на академический статус ученого оказывало продвижение по табели о рангах, поскольку оно практически никак не меняло ни его положение в корпорации, ни размер вознаграждения. Впрочем, и эта тема заслуживает определенного внимания хотя бы потому, что, как показывают современные исследования, на момент введение в действие Университетского устава 1884 г. большинство профессоров российских университетов имели чины III–V класса, т. е. занимали высокое место в чиновной иерархии империи.³¹

Между тем, рост преподавательской корпорации за счет «младших преподавателей» был обусловлен не только следствием роста числа «оставленных на факультете», но в ряде случаев и необходимостью. Дело в том, что количество студентов в начале века значительно выросло (см. главу 3, §1). В условиях зачетной системы (студент обязан прослушать определенное число курсов в году), приват-доценты не только «разгружали» профессоров, но и обеспечивали основной объем аудиторных занятий.

³¹ См.: *Сорокин А.Н.* «Список лицам, служащим по министерству народного просвещения» как источник по истории профессорско-преподавательского корпуса российских университетов в конце XIX – начале XX вв. // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 142–143.

Все это вело в Петербургском университете, как и в других университетах, к определенной напряженности в отношениях между «старшими» и «младшими» членами университетских корпораций, описанной в литературе³². При этом закреплённое университетским уставом и штатным расписанием разделение преподавателей на группы коренным образом сказывалось не только на формальном преподавательском статусе, но и на оплате труда. Действительно, проникновение в ряды преподавательской корпорации университета гарантировало высокий социальный статус, однако отнюдь не означало достаточного материального благополучия. Размер заработка университетского преподавателя зависел от многих факторов: его статуса в университетской иерархии, популярности его лекций среди студентов, количества последних на том или ином факультете, программы факультетского преподавания (соотношения числа обязательных и необязательных курсов, количества недельных часов, необходимых студентам для зачета полугодья и т. п.).

Как отмечено выше, постоянное гарантированное фиксированное жалование получали только штатные сотрудники университета, которых по штатам 1884 г. в столичном университете было не более 86 человек (при 96 штатных должностях, включая служительские), из них 66 штатных преподавателей — ординарные профессора — получали 3000 рублей в год, экстраординарные — 2000 рублей, лекторы иностранных и восточных языков по 1000 рублей. Впрочем, 10 представителей из числа профессуры одновременно замещали одну из дополнительных административных должностей (ректор, проректор, декан, секретарь факультета), которые согласно штатному расписанию 1884 г. давали дополнительно от 1500 до 300 рублей в год. С 1901 г. за исполнение должностей ректора и деканов столичного университета полагалась дополнительная оплата в размере, соответственно, 2000 и 600 рублей в

³² См., напр.: *Грибовский М.В.* Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX — начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. №2. С. 103–108; *Дмитриев А.Н.* Статусы знания: о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века // НЛЮ. 2013. Т. 122. №4. С. 108–133.

год.³³ Все остальные должности учреждались Советом университета и оплачивались особо из «специальных средств» (прежде всего денег, собранных за обучение). Следует учитывать и те ограничения, которые законодательство накладывало на денежные выплаты на других местах службы в том случае, если основным местом работы являлся в университет. В качестве примера укажем на казус профессора и академика А.А. Маркова, о котором в 1905 г. доносил физико-математический факультет — в виду того, что, будучи профессором университета, А.А. Марков фактически получал менее половины своего академического содержания (за вычетом половины жалования и квартирных), в случае его выхода на пенсию по выслуге лет по университету его доход оказывался бы выше на 1100 рублей в год (6600 рублей против 5500) в сравнении с суммой, которую он получил бы, продолжая нести полную нагрузку профессора³⁴.

Между тем, согласно существующим в литературе подсчетам стоимость минимального стандарта жизни университетского преподавателя (квартира, питание, одежда, стирка, книги, детское образование, прислуга) увеличилась с 1863 по 1905 г. примерно в 2 раза, с 3000 до 6000 рублей в год³⁵. В этих условиях материальный вопрос приобретал ключевое значение для корпорации³⁶. Можно предположить и то, что идея пересмотра университетского устава одним из мотивов имела и подразумевавшийся вместе с ним пересмотр штатов в сторону увеличения профессорского вознаграждения, и, напротив, нежелание правительства на протяжении 50 лет повышать профессорский оклад в университетах психологически провоцировало рост профессорской оппозиционности.

³³ Журнал экстренного заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 29 января 1901 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1901 г. №57. СПб., 1902. С. 3–4.

³⁴ Декан Физико-математического факультета — Ректору С.-Петербургского университета, 20 мая 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 1–2.

³⁵ См.: Бон Т. Русская историческая наука (1880–1905). Павел Николаевич Милуков и Московская школа. СПб., 2005. С. 39.

³⁶ К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М., 1914. С. 12–14.

Разумеется, в экстренных случаях корпорация пыталась найти дополнительные источники доходов для своих членов. В частности, традицией предписывалось оказание помощи преподавателям в случае болезни. В качестве примера укажем на несколько таких эпизодов только в одном 1886 г. Так, командировка сроком более чем на год была организована — в виду «полной опасности для его здоровья в случае возвращения его в Петербург» — профессору физико-математического факультета М.Н. Богданову, которому сверх обычного жалования бюджетная комиссия выделила дополнительно 800 рублей из средств университета³⁷. В отдельных случаях Совет университета специально собирался для решения только одного вопроса такого рода, например, 30 декабря 1886 г. предметом заседания Совета стало:

«Предложение г. ректора университета о том, что ординарный профессор И.П. Минаев, вследствие тяжкой болезни, не может читать лекции в наступающем полугодии, между тем начатые профессором Минаевым ученые работы требуют немедленной его поездки за границу, вследствие чего представляется необходимым ходатайствовать о командировании профессора Минаева с ученою целью за границу, во Францию и Италию по 1 июня 1887 г. с сохранением получаемого им содержания»³⁸.

Таким образом, профессор сравнительной грамматики индоевропейских языков историко-филологического факультета И.П. Минаев получил возможность лечения от мучавшей его чахотки³⁹.

Не только профессора, но и научно-вспомогательный персонал и даже служители могли в экстренных случаях рассчитывать на поддержку университета. Так, было выдано 300 рублей на лечение и. д. консерватора Ботанического кабинета Крутицкому⁴⁰. Другой пример — выделение 200 рублей в год помощнику библиотекаря университета Н.Н. Титову «на воспитание его де-

³⁷ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 10 ноября 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887 академического года. №35. СПб., 1887. С. 76.

³⁸ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 30 декабря 1886 г. // Там же. С. 92–93.

³⁹ Ср.: Булич К. Минаев Иван Павлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. СПб., 1898. Том второй. М. – Я. С. 54–55.

⁴⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 10 ноября 1886 г.... С. 77.

тей». Обоснование этого решения заключалось в том, что «г. Титов нигде не служит кроме университета, от которого между тем получает скудное, очень мало обеспечивающее образованного человека содержание, и всегда отличался неутомимой деятельностью по званию помощника библиотекаря»⁴¹. Практически на каждом заседании правления из университетского бюджета выделялись небольшие суммы (в пределах 10–100 рублей) на похороны ближайших родственников, лечение жен и детей и внуков, воспитание детей и т. п.⁴²

В то же время важным источником дохода ряда преподавателей была т. н. гонорарная система, связанная с получением денег за лекции и семинарские занятия непосредственно от студентов, которая гарантировала профессорам, лекторам и приват-доцентам, читающим обязательные курсы (а профессорские курсы являлись, как правило, таковыми), устойчивый приток денежных поступлений. Естественно, преимущество в этом имели те преподаватели, чьи курсы явились обязательными для максимального числа студентов, распределяемых внутри факультетов по отделениям. Поэтому материальное обеспечение сильно разнилось — если, например, некоторые преподаватели юридического факультета, имея иногда до тысячи записавшихся (при 6 часах в неделю), при монополии на чтение определенной дисциплины обеспечивали себе гонорар за курс в 6000 рублей за семестр, то преподаватели восточного факультета, даже читая обязательные курсы по определенному отделению (разряду), могли при 5-ти студентах и двух часах в неделю получать гонорар в 10 рублей в семестр. Например, по нашим подсчетам, приведенным по данным за 1896 г., средний размер гонорара университетского профессора составлял 1130 рублей 61 копеек; при этом средний гонорар профессоров юридического факультета составлял 2567 руб. 56 коп., физико-математического факультета — 1197 руб., историко-филологического фа-

⁴¹ Там же. С. 80.

⁴² Протоколы заседаний правления С.-Петербургского университета за 1884–1916 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13384–14223.

культета — 236 руб. 15 коп., факультета восточных языков — 113 руб. 54 коп. Что касается приват-доцентов, то картина здесь была следующая: по юридическому факультету средний гонорар составлял 1145 руб. 3 коп, по физико-математическому — 254 руб. 13 коп., по историко-филологическому — 86 руб. 10 коп., по факультету восточных языков — 23 рубля. Однако картина сильно разнилась не только между факультетами, но и между оплачиваемыми и неоплачиваемыми приват-доцентами. По нашим наблюдениям, средний гонорар привилегированных приват-доцентов (т. е. получавших вознаграждение от университета) составлял на 1896 г. 796 рублей (юридический факультет — 1174 руб., физико-математический — 589 руб., историко-филологический — 96 руб., восточных языков — 83 руб.), неоплачиваемых — 280 рублей (юридический — 982 руб., физико-математический — 111 руб., историко-филологический — 20 руб., у восточников таковых не было). При этом, если обратиться к общим данным, так сказать «средней температуре» по приват-доцентуре, то по нашим наблюдениям из 77 приват-доцентов, получавших гонорар, только у двоих он превышал 3000 рублей в год, у четверых — 2000 руб. в год, у девяти человек — 1000 руб., у большей же части он был ниже 100 руб.⁴³ Нельзя не сказать и о печальной судьбе 7 человек, к которым никто формально не записался, но которые, по наблюдениям Н.И. Кареева, курсы читали (т. е. работали в университете совершенно бесплатно)⁴⁴.

С ростом числа студентов в 1900-е гг. средние гонорары и профессоров, и приват-доцентов, читавших обязательные курсы, росли. Во второй половине 1900–1910-х гг. они могли быть более весомыми не только на самом массовом юридическом, но также и на физико-математическом и историко-филологическом факультетах — прежде всего у тех, кто читал общие обязательные курсы. Так, например, в 1909 г. многие профессора юридического

⁴³ Подсчитано по: Список профессоров и приват-доцентов, получивших в 1895 и 1896 годах (считая с 1 января) гонорар за чтение лекций и ведение практических занятий. [СПб., 1896].

⁴⁴ Ср.: Кареев Н.И. Профессорский гонорар в наших университетах. Письмо в редакцию // ВЕ. 1897. Т. VI (188). Кн. 11. С. 394.

факультета получали больше 10000 рублей, а А.А. Жижиленко и М.Я. Пергамент более 15000 (для сравнения проф. Н.Я. Марр на факультете восточных языков получил всего 37 рублей)⁴⁵.

Общую динамику роста профессорского гонорара отражает таблица 4.

Таблица 4. Средний гонорар профессоров С.-Петербургского университета, в рублях⁴⁶

Годы/ факультеты	Юридический	Восточных языков	Физико-математический	Историко-филологический	По университету в целом
1886	1873	62	1063	255	823
1909	9230	76	2980	1106	3119

Таким образом, только в бюджете профессоров юридического и физико-математического факультетов гонорар играл серьезную роль. Для приват-доцентов не юридического факультета в большинстве случаев речь шла о незначительных суммах в пределах 100–200 рублей. Например, приват-доцент А.С. Лаппо-Данилевский читал обязательный курс «Методологии истории» для исторического отделения историко-филологического факультета университета (это означало, что студенты были обязаны посещать и платить гонорар именно за его занятия, поскольку никакой альтернативы курсу академика факультет не предоставлял)⁴⁷ и мог рассчитывать, по нашим оценкам, на гонорар за эти занятия на сумму в 120 рублей в год (включая всех студентов отделения, в том числе тех, кто, не сдав экзамен с первого раза, записывался на курс повторно). При этом в большинстве случаев приват-доцентские курсы не являлись обязательными, и приват-доцент получал от своей работы весьма небольшой доход. Исключением из этого правила был факультет вос-

⁴⁵ Сведения о гонораре и 20% прибавке, выданных [Санкт-Петербургским] университетом в 1909, 1910 и в 1911 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. Л. 18–18об.

⁴⁶ Сост. по: Там же; Ведомость полученного гонорара гг. профессорами и приват-доцентами [1886] // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 188. Л. 8–13.

⁴⁷ См. «Обозрения преподавания наук на историко-филологическом факультете...» с 1906 по 1919 г.

точных языков, где практически все приват-доцентские курсы были обязательны, однако его малолюдность гарантировала им только мизерный гонорар. Неслучайно, обращаясь к студенческой молодежи с призывом заниматься на факультете восточных языков, его декан Н.Я. Марр находил нужным пояснить: «Я не говорю вам, приходите, становитесь приват-доцентами и голодайте»⁴⁸.

Примечательно, что размер гонорара также зачастую не зависел от популярности того или иного курса среди студентов. По наблюдениям Н.И. Кареева, «часто студент слушает не того преподавателя, у которого записался и что еще чаще, студенты посещают лекции, на которые совсем не записывались»⁴⁹. Впрочем, та же ситуация складывалась и в других российских университетах. Например, профессор университета св. Владимира в Киеве Ю.А. Кулаковский отмечал: «На деле зачастую аудитория профессора, у которого записались 300 студентов, состоит из нескольких человек»⁵⁰. Ему вторил профессор Харьковского университета И.Н. Миклашевский, который указывал на то, что гонорар развивает «зависть между университетскими преподавателями, заставляет их искать дешевой популярности между студентами, имеет своим последствием понижение экзаменационных требований и, главное, ставит учащихся в совершенно ненормальные отношения к учащимся»⁵¹. Неудивительно, что относительно значения гонорара и целесообразности его сохранения в университетской среде со второй половины 1890-х гг. развернулась целая дискуссия, причем большинство ее участников, считая гонорарную систему несправедливой, призывали к ее отмене⁵². Правда, как отмечено выше, причиной такой позиции университетского большин-

⁴⁸ Саркисян Х.С. Николай Яковлевич Марр // Тропами жизни и литературы. Ереван, 1974. С. 250.

⁴⁹ Кареев Н.И. Как следует поступать с гонораром? СПб., 1897. С. 5–6.

⁵⁰ Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 21.

⁵¹ Миклашевский И.Н. К вопросу о профессорском гонораре. (Статистическая справка) // Образование. 1897. №12. С. 19–20.

⁵² См.: Кареев Н.И.: 1) Как следует поступать с гонораром?...; 2) Профессорский гонорар... С. 384–398; 3) Заключение университетских советов о системе гонорара // ВЕ. 1898. №1. С. 394–398; Кулаковский Ю.А. Гонорар в русских университетах...; Миклашевский И.Н. К вопросу о профессорском гонораре... С. 1–20; Мякотин В.А. К вопросу о профессорском гонораре // РБ. 1897. №10. Отд. 2-ой. С. 75–90. Ср.: Бон Т. Русская историческая наука... С. 41–43.

ства была не только «нелогичность» гонорарной системы, но и ее неприемлемый для профессуры «утилитарный характер». Показательно в этом отношении категорическое утверждение одного из профессоров Петербургского университета:

«Система гонорара прямо искажает современную идею университета как общественного (государственного или вольного) учреждения, где солидарно связанные между собою общим делом профессора преподают разные отрасли одного и того же научного знания, и где студенты имеют одинаковое право слушать и те лекции, которые не входят в учебные планы избранных ими факультетов»⁵³.

Гонорары являлись постоянным источником спекуляций в прессе, причем зачастую малообоснованных. Например, в критически настроенной по отношению к либеральным университетским коллегиям газете «Новое время» давалась в 1897 г. такая характеристика гонорарной политики профессоров юридического факультета Санкт-Петербургского университета:

«В отношениях к приват-доцентам профессора проявляют одну и ту же «гонорарную» политику, направленную на освобождение приват-доцентов от гонорара. Даже на многочисленном юридическом факультете нашего Петербургского университета профессора позаботились о сосредоточении в своих руках всего гонорара и удалении от него приват-доцентов. <...> В одном из заседаний юридического факультета, в котором приват-доценты не принимают участия, постановлено, что зачетные сочинения студенты не могут подавать приват-доцентам, а должны их подавать только профессорам. Такое удивительное постановление автор статьи в “СПб. Ведом.” комментирует вполне правильно. “Студенты, — говорит он, — стали рассуждать, что ведь профессор, получив зачетное сочинение, наведет по имеющемуся у него списку, справки о том, записался ли подаватель сочинения к нему или к приват-доценту? Очевидно, в интересах безопасности следует записываться на курс профессора и ему вносить гонорар, а на лекции приват-доцента, если он интересно и толково читает, можно ходить и без взноса соответствующего гонорара”»⁵⁴.

Приведенные выше данные демонстрируют некоторую необъективность автора этой заметки — средний гонорар приват-доцента юридического

⁵³ Кареев Н.И. Профессорский гонорар... С. 389.

⁵⁴ Б-ков. Профессорский гонорар // Новое время. 1897. 26 августа (7 сентября). №7721. С. 1.

факультета, включая тех, кто читал только специальные курсы (например, 2 часа в неделю в течение одного семестра; минимальная профессорская норма, напомним, 6 годовых часов, т. е. в оба семестра), составлял около половины профессорского. Однако подобного рода заключения и предположения, несомненно, будоражили общественное мнение и корпорацию, выставляя профессуру в невыгодном свете. В этом смысле не вызывает сомнений, что гонорарная система вплоть до своего упразднения оставалась дополнительным источником напряжения внутри корпорации — в отношениях как между профессорами, так в особенности между профессорами и младшими преподавателями.

Надо отметить, что и МНП вполне осознавало недостатки «гонорарной системы» и периодически организовывало с университетами обсуждения вопроса об ее отмене. Так, осенью 1897 г. по просьбе МНП советы шести российских университетов провели обсуждение проблемы «гонорара», и все в той или иной форме высказались за его отмену в том виде, в каком он существовал в силу Устава 1884 г.⁵⁵ Особенно резкой была позиция столичного университета; постановление его комиссии (профессора П.В. Никитин, Н.И. Кареев, К.А. Поссе, Н.Е. Введенский, И.Я. Фойницкий, Н.Е. Сергеевский, А.М. Позднеев, С.Ф. Ольденбург), одобренное Советом университета, гласило: «Система гонорара так противна нашим понятиям о достоинстве университетского преподавателя, так вообще противоречит условиям, порядкам и нравам нашего университетского быта, и может оказать такое вредное влияние на ход университетской жизни, что по мнению комиссии должна быть отменена»⁵⁶. В ходе очередного опроса советов университетов, предпринятого министерством в 1901 г., позиция Петербургского университета была подтверждена — согласно заключению Совета, система го-

⁵⁵ См.: *Кареев Н.И.* Заключения университетских советов...

⁵⁶ Приложение XII (К 31 ст. журнала заседания Совета 1 декабря 1897 г.) [Записка Комиссии Совета по вопросу о системе гонорара] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1897 г. №53. СПб., 1898. С. 99; В совет императорского С.-Петербургского университета, 9 ноября 1897 г. // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–11об.

норара «дает неравномерную, следовательно, несправедливую оценку преподавательского труда, вместе с тем плата эта крайне обременительна для недостаточных в большинстве, студентов наших университетов»⁵⁷. Той же позиции придерживалось и университетское сообщество в целом⁵⁸. Такая же ситуация повторилась в 1906 г. при обсуждении вопроса о гонораре в комиссии по выработке проекта нового университетского устава, проходившем под председательством министра И.И. Толстого⁵⁹. Однако единственная реформа, на которую в результате этих дискуссий пошло МНП с 1909 г., — 20%-ая прибавка к жалованию профессорам, получающим гонорар незначительный гонорар.

Между тем, однако, шли дискуссии и годы, а гонорарная система со всеми ее недостатками оставалась фактически неизменной вплоть до начала 1917 г., когда она была почти незаметно отменена в рамках общей политики МНП, направленной на уравнивание окладов, получаемых преподавателями с одновременным существенным повышением жалования профессорам⁶⁰.

Что касается дополнительного вознаграждения (кроме гонорара) приват-доцентов и профессоров, находящихся за штатом, то оно осуществлялось как из фиксированной суммы, ассигнуемой министерством народного просвещения по представлению университетов, так и из специальных сумм, распределяемых Советом университета. Однако его конкретный размер в любом случае определялся (кроме, разумеется, общей суммы тех ресурсов, которыми располагал университет), прежде всего, позицией Совета профессоров факультетов: как правило, средний размер такого вознаграждения был небольшим и составлял 200–300 рублей за один годовой час (600–1200 рублей в

⁵⁷ Вопрос 3. Не следует ли отменить особую плату в пользу преподавателей. I Санкт-Петербургский университет. Заключение совета // Свод мнений по вопросам, предложенным г. министром народного просвещения относительно желательных изменений в устройстве императорских российских университетов. СПб., 1902. С. 8; Доклад комиссии, назначенной советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные министром народного просвещения об изменении в уставе и правилах университетов, 5 июля 1901 г. // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18об.

⁵⁸ Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения... С. 21–23.

⁵⁹ Труды совещания профессоров... С. 58, 59.

⁶⁰ См.: Департамент общих дел — в департамент народного просвещения, 13 июля 1916, №8656 // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 91.

год)⁶¹, при этом формально факультет, Совет университета и министерство могли и вовсе не выделять вознаграждения внештатным профессорам и приват-доцентам за чтение лекций⁶², обязательной являлась только выплата гонорара.

Таким образом, система, установленная уставом 1884 г., искусственно подразделяла приват-доцентов как бы на два разряда: читающих обязательные курсы и получающих доплаты (и гарантированный гонорар) и обязательных курсов не читающих. Первая группа на языке начала XX века называлась «штатными доцентами», и ее положение, разумеется, было более прочным в материальном отношении, но и более зависимым от «старших преподавателей», прежде всего профессора по соответствующей кафедре. Ссора со «старшими», их отказ дать обязательные курсы на следующий год вполне могли лишить благополучного некогда «штатного доцента» его материального положения и даже вынудить уйти из университета. Яркая иллюстрация подобной ситуации — судьба приват-доцента юридического факультета Б.В. Никольского, из-за своего неуживчивого характера и консервативных политических взглядов поссорившегося с большинством юридического факультета в начале XX в., лишенного обязательных курсов и вынужденного уйти из университета по материальным соображениям⁶³. Ненормальность статуса таких «штатных» (а на деле все-таки внештатных) приват-доцентов вполне осознавалась большинством российской профессуры, настаивавшей на возвращение в штатное расписание доцентуры⁶⁴.

⁶¹ См.: Свод законов Российской империи. Том XI. Ч. 1. Издание 1893 г. СПб., 1893. Ст. 512. С. 83–84; По вопросу об улучшении материального положения приват-доцентов Императорских университетов, циркуляр, 21 марта 1916 г., №3238 // Циркуляр по Петроградскому учебному округу за 1916 г. №4. Апрель. С. 153–154.

⁶² См.: Устав Императорских Российских университетов 1884 г....; Временный штат Императорских российских университетов...; Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1914 гг. СПб. [Пг.], 1885–1916.

⁶³ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. 1896–1903. Ср.: *Шилов Д.Н.* Борис Владимирович Никольский и его дневник // Там же. С. 28.

⁶⁴ См.: Доклад университетской подкомиссии, высочайше учрежденной при Министерстве народного просвещения Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1902 // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 94. Л. 13–13об.

По воспоминаниям И.Ю. Крачковского, впоследствии академика, а в начале века студента и приват-доцента факультета восточных языков, «приват-доцентура далеко не обеспечивала даже скромных потребностей семейного человека»⁶⁵. Именно поэтому даже многие «штатные» приват-доценты вынуждены были одновременно с работой в университете вести занятия в других высших и средних учебных заведениях столицы или давать частные уроки. Материальное благополучие тех приват-доцентов, кто по той или иной причине не мог найти постоянного места на стороне, целиком зависело от случайных заработков и сдельной работы⁶⁶. Для некоторых приват-доцентов трудоемкая должность лаборанта или хранителя кабинета (которыми, согласно уставу, как правило, заведовали профессора) была не только и не столько «трамплином» для возможного попадания в профессорскую элиту, сколько источником гарантированного, пусть и скромного, дополнительного дохода (600–800 руб. в год).

Неудивительно, что при таком положении дел в большинстве российских университетов разделение преподавателей на «два сорта» породило в начале XX в. почти открытое противостояние между «старшими» и «младшими». Особую силу это противостояние имело в Московском университете, Совет которого, несмотря на требования младших преподавателей, решительно отказался от предоставления им права решающего голоса в университетской корпорации⁶⁷.

⁶⁵ Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917. С. 140.

⁶⁶ Показателен в этом отношении пример греческого византиниста приват-доцента А.И. Пападопуло-Керамевса, из-за «языкового барьера» так и не сумевшего в полной мере адаптироваться в российской научно-образовательной среде и полностью зависевшего в материальном смысле от сдельной работы в научной периодике и в Императорском Палестинском православном обществе (см.: Дмитриевский А.А. А.И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях имп. Православного Палестинского общества: (По личным воспоминаниям и документальным данным). СПб., 1914. С. 37).

⁶⁷ См.: Журнал заседания Совета Московского университета. 2 января 1906 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 1–2; Проект университетского устава, выработанный Советом Императорского Московского университета // Там же. Л. 20–27; Зацепя Г. Пасынки университета. Материалы о положении в университете младших преподавателей. М., 1907; Кольцов Н. К университетскому вопросу. М., 1909. Ср.: Бон Т. Русская историческая наука... С. 43–44; Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) университетов // Университет и город в России... С. 125–185.

В качестве примера напряженности внутрикорпоративных отношений, связанной с делением преподавательского состава на «старших» и «младших», можно привести историю с назначением в 1890 г. С.Ф. Платонова на место и. д. профессора. Жена историка — Надежда Николаевна — неустанно фиксировала все перипетии, связанные с этим событием в своем дневнике. Приведем лишь небольшой отрывок, связанный с возмущением Н.Н. Платоновой профессором Е.Е. Замысловским, который никак не хотел оставлять место профессора:

«[Замысловский] не думает об отставке и берет на себя магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах; общего курса он никогда читать не будет: зачем брать на себя такое тяжелое бремя (его собственные слова). Это бремя всецело ляжет на С[ергея] Ф[едоровича], который понесет на себе, таким образом, главную тяжесть профессорских обязанностей и за это получит 800 р. в год, гонорар и звание приват-доцента, а Зам[ысловск]ий за магистерские экзамены, диспуты и присутствие на советах, т. е. за легчайшую и лаковую сторону работы будет носить звание профессора и получать 3000 р. В наших глазах это чистейшая эксплуатация чужого труда. Таким образом в университете у С[ергея] Ф[едоровича] штатного места не будет, следовательно, Лицей — единственное штатное место его, а при таких условиях Сереже просто жутко уйти оттуда: это значило бы остаться без должности. Вот мы и полагаем, что едва ли можно считать нравственным долгом для С[ергея] Ф[едоровича] оставить единственное остающееся за ним штатное место — только для того, чтобы дать дорогу Шмурло»⁶⁸.

В редких случаях за открывшуюся вакансию профессора происходила открытая схватка между претендентами. Как правило, впрочем, предпочтение негласно оказывалось местным приват-доцентам. Так, например, Н.Е. Введенский обошел на выборах 1889 г. по кафедре физиологии

⁶⁸ Дневник Н.Н. Платоновой. 27 августа [1890 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 10–11. Е.Ф. Шмурло — приват-доцент историко-филологического факультета и неудачливый конкурент С.Ф. Платонова в борьбе за профессию. См. также: *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха* / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 281–282; *Трибунский П.А.* С.Ф. Платонов — преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета // *Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы* / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 26–42.

И.П. Павлова, не только старшего его по возрасту, но и приобретшего к моменту выборов большую научную известность⁶⁹.

Для некоторых «засидевшихся» в приват-доцентах сложившееся положение являлось настоящей жизненной драмой. В качестве примера можно привести П.А. Сырку, который с 1884 г. являлся приват-доцентом университета, в 1891 г. защитил магистерскую, а в 1899 г. докторскую диссертацию, но профессором так и не стал, несмотря на многочисленные прошения в Министество — прежде всего потому, что встретил противодействие среди влиятельных коллег на факультете⁷⁰. А между тем, материальное положение П.А. Сырку было отчаянное, и понять его бесконечные ходатайства в МНП вполне можно — из 600 рублей приват-доцентского жалования 480 уходило детям и жене, живущим отдельно⁷¹.

Осознание своих особых корпоративных интересов и общественный подъем начала 1900-х гг. способствовали тому, что младшие преподаватели университета вместе со своими коллегами из других высших учебных заведений столицы создали в 1903 г. Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений, которое в период общей либерализации университетской жизни стало организацией, отстаивающей права младших преподавателей⁷². Первым его председателем стал хранитель Геологического кабинета, приват-доцент Б.К. Поленов; с согласия администрации собрания Общества проходили в стенах университета⁷³. По воспоминаниям Е.В. Тарле, Общество «было ни воспрещено, ни разрешено, а собиралось в какой-то лаборатории, где всегда стояло особое, затейливое

⁶⁹ См. об этих конфликтных выборах: *Айрапетьянц Э.Ш.* Алексей Алексеевич Ухтомский. Л., 1969. С. 17–20.

⁷⁰ См.: Ректор университета — В.К. Анрепу, 25 августа 1901 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 12–12об.

⁷¹ См. переписку по этому поводу между ректором и начальником канцелярии по принятию прошений на Высочайшее имя гр. Н.Ф. Гейденом, в чьем введении оказалось прошение жены Сырку и урегулирование их семейного дела (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 6–11, 13).

⁷² См.: Устав С.-Петербургского общества взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений СПб., 1905; То же // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 64–67об.

⁷³ См.: Ректор — Попечителю СПб. Учебного округа, 17 мая 1905 г., №681 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 72.

сложно-химическое зловоние, трудно переносившееся приват-доцентами, преподававшими гуманитарные науки»⁷⁴.

Вскоре после создания этого общества наметилось противостояние новой организационной структуры и руководства университета, что отчасти отражало и определенное противостояние между «старшими» и «младшими» преподавателями внутри самого университета. Начало этого «противостояния» было прямо связано с политическими событиями — нежеланием назначенного ректора А.М. Жданова обсуждать в Университетском совете революционные резолюции «Общества взаимопомощи лаборантов и доцентов», а также допускать дальнейшее проведение его собраний, носивших все более антиправительственный характер и вызывавших нервную реакцию властей⁷⁵. Однако форма, которую ректор и, главное, с его подачи Университетский совет избрали для диалога с приват-доцентами, позволяет предположить, что администрация университета и профессура хотели «поставить на место» младших преподавателей, которые в своем заседании 3 февраля 1905 г., «признавая правильное и нормальное течение академической жизни в настоящем семестре невозможным», приняли постановление «занятий в этом семестре не возобновлять»⁷⁶. 10 февраля Совет университета, в котором, согласно протоколу, это решение «вызвало крайнее недоумение» (хотя сам Совет в том же заседании постановил до конца февраля занятий не возобновлять) абсолютным большинством голосов постановил просить ректора «узнать действительные намерения приват-доцентов, лаборантов и проч. в случае возобновления занятий в университете»⁷⁷. Ректор А.М. Жданов обратился с запросом ко всем приват-доцентам и лаборантам, готовы ли они «в случае возобновления занятий и лекций в СПб университете в текущем весеннем

⁷⁴ Цит. по: Мещанинов И.И., Чернов А.Г. Краткий очерк жизни и творчества [В.Л. Комарова] // *Комаров В.Л. Избранные сочинения*. М., 1945. С. XXIV.

⁷⁵ См. переписку по этому поводу между ректором, попечителем и председателем Общества приват-доцентом Н.О. Лосским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 61–74).

⁷⁶ Постановление Собрания доцентов, лаборантов и оставленных при университете, состоявшееся 3 февраля 1905 г. в Физическом институте университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. Л. 1.

⁷⁷ Журнал заседания Совета СПб. университета. 10 февраля 1905 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. №61. СПб., 1906. С. 22.

полугодии 1905 г. исполнять лежащие на [них] служебные обязанности». Примечательно, что в первоначальном черновом варианте этого обращения в случае отрицательного ответа всем приват-доцентам и лаборантам предлагалось подать прошение об увольнении из университета, однако затем это требование было вычеркнуто. Письмо, между тем, оставалось весьма резким по форме — ректор требовал «разъяснений письменно и незамедлительно»⁷⁸. Письмо, вероятно, было отправлено всем 160 младшим преподавателям, числившимся в университете на начало года⁷⁹. Однако в ответ ректор получил только порядка 60 объяснений, главным образом от тех, кто на упомянутом собрании не был (на собрании присутствовало 107 человек, включая не только «младших преподавателей», но и «оставленных при университете»). Организаторы собрания и основные инициаторы упомянутой резолюции В.М. Гессен, Н.О. Лосский и К.М. Дерюгин, равно как и большинство его участников, на письмо ректора, вероятно, не откликнулись. В большинстве своем присланные ответы принадлежат лицам, в собрании не участвовавшим, и содержат выражение готовности исполнять свои обязанности, в ряде писем содержится и осуждение решения 3 февраля. Например, приват-доцент Б.В. Никольский разразился целым рапортом, в котором заявлял о своей «полной готовности при первой же надобности заменить преподавателей, читающих обязательные курсы по истории и догме русского права и русскому гражданскому праву и процессу на юридическом факультете, если бы кто либо из сих преподавателей примкнул к забастовке и отказался на этом основании дочитывать курс, при том непременно условии, чтобы мне в таком случае не было назначено [?] никакого вознаграждения ни из университетских сумм, ни из студенческого гонорара и чтобы мне не было вообще присвоено за мой труд никаких преимуществ, отличий и вознаграждений»⁸⁰. В то

⁷⁸ Ректор — [лекторам, приват-доцентам, лаборантам, ассистентам, хранителям], [15] февраля 1905 г. Черновик // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. Л. 9.

⁷⁹ [Справка о личном составе к 1 января 1905 г.] // Там же. Л. 2.

⁸⁰ Рапорт приват-доцента, магистра римского права Бориса Владимировича Никольского Ректору С.-Петербургского университета, 16 февраля 1905 г. // Там же. Л. 57об.

же время ряд приват-доцентов по существу от ответа ректору уклонился. Характерен, например, ответ приват-доцента юридического факультета В.В. Розенберга: «В случае возобновления лекций в текущем полугодии, я имею твердое намерение исполнять мои обязанности по званию приват-доцента. Что касается осуществления моего намерения, то оно находится, конечно, в тесной зависимости от того, насколько удастся установить в университете нормальные условия преподавания»⁸¹. Приват-доцент историко-филологического факультета В.В. Сиповский замечал, что «для выяснения сомнений, возникших в Совете [университета] целесообразнее собрать вторично гг. приват-доцентов и предложить им дать необходимые объяснения». «Что касается меня, — писал далее В.В. Сиповский, — то пока, впредь до такого вторичного обсуждения, я буду считать себя нравственно обязанным придерживаться постановления товарищей и чтения лекций в наступившем семестре не начну»⁸². Хранитель музея древностей гр. И.И. Толстой в своем послании ректору отмечал, что лично он голосовал за возобновление занятий, но «признает для себя невозможным самому снять с себя принятое по отношению к товарищам обязательство. Иначе говоря, в случае возобновления занятий и лекций в С.-Петербургском университете, принужден буду отказать от служебных обязанностей по занимаемой мною должности хранителя Музея древности и Искусств и просить об увольнении меня от службы»⁸³.

Показательно, что большинство «статусных» приват-доцентов вообще проигнорировало это обращение. Те же, кто ответил А.М. Жданову, в той или иной форме показали свое отношение к самому факту подобного запроса. Например, академик А.С. Лаппо-Данилевский в своем ответе ректору отмечал, что «при тех условиях, в которых университетская жизнь поставлена в настоящее время, нельзя вести научных занятий в университете; а возобнов-

⁸¹ В.В. Розенберг — ректору С.-Петербургского университета, 16 февраля 1905 г. // Там же. Л. 55.

⁸² В.В. Сиповский — ректору С.-Петербургского университета, 16 февраля 1905 г. // Там же. Л. 62.

⁸³ И.И. Толстой — ректору С.-Петербургского университета, 16 февраля 1905 г. // Там же. Л. 74.

ление их в виду целей, посторонних науке, и путем таких полицейских мер, которые поведут лишь к дальнейшему упадку университета, я не могу признать желательным. Изменятся ли эти условия в течение нынешнего весеннего полугодия и при каких именно условиях университетское начальство сочтет возможным открыть университет, я не знаю, а потому затрудняюсь “немедленно” точнее ответить на поставленный Вами вопрос»⁸⁴. Не скрывал своего недовольства по поводу обращения к нему как к младшему преподавателю заслуженный профессор Дерптского университета П.А. Висковатов (кстати, резко отвергавший идею самой забастовки), который саркастически отметил, что «“младшие преподаватели” были во всяком случае настолько деликатны, что и не думали меня, старика, беспокоить приглашением на какие-то заседания», и выражал возмущение тем, что его не удостоили «честью быть приглашенным» в заседания Совета университета⁸⁵.

Внутрикорпоративное противостояние продолжилось и после восстановления «университетской автономии» в августе 1905 г. Несмотря на «идейную близость» «старших» и «младших», последние ввиду «категорично выраженного несогласия некоторых членов Совета» не были допущены на его заседание 17 октября, когда обсуждался вопрос о реакции университета на решение МНП о его закрытии⁸⁶. В дополнение к требованию университетских «младших преподавателей» 28 октября последовало аналогичное решение Общего собрания упомянутого выше Санкт-Петербургского общества доцентов и лаборантов высших учебных заведений⁸⁷. Первоначальный план предоставления младшим преподавателям права участвовать в работе Совета, выдвинутый в конце октября 1905 г., был отвергнут профессорами незна-

⁸⁴ А.С. Лаппо-Данилевский — ректору С.-Петербургского университета, 17 февраля 1905 г. // Там же. Л. 71.

⁸⁵ П.А. Висковатов — ректору С.-Петербургского университета, 16 февраля 1905 г. // Там же. Л. 64.

⁸⁶ Журнал заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 146.

⁸⁷ Бюро общего собрания СПб. Общества доцентов и лаборантов В.У. зав. — ректору С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 60.

чительным большинством (23 голоса против 20)⁸⁸. В то же время следует учитывать, что новый ректор И.И. Боргман и большинство членов т. н. Советской комиссии (своеобразного президиума Совета), и деканы физико-математического (В.М. Шимкевич) и историко-филологического (Ф.А. Браун) факультетов поспешили выступить со специальным заявлением, в котором, назвав решение Совета неправильным и нецелесообразным, по существу, потребовали его пересмотра.⁸⁹ Как видно из протоколов заседаний Университетского совета и сопутствующей делопроизводственной документации, противниками допуска представителей «младших преподавателей» в Совет выступали представители старшего поколения университетской корпорации (т. н. «заслуженные профессора»), в то время как активно действующая профессура, которая находилась под постоянным давлением приват-доцентов своих кафедр, в большинстве своем поддерживала реформу⁹⁰. Постепенно давление в пользу «младших преподавателей» усиливалось. По инициативе ректора и решению Университетского совета в ноябре – начале декабря 1905 г. состоялись заседания всех четырех факультетов университетов, на которых был обсужден вопрос о допуске представителей младших преподавателей в факультетские советы. Эту инициативу поддержали все факультетские советы, правда, наметив различный порядок организации этого представительства⁹¹. В середине декабря 1905 г. Совет избирал представителей Петербургского университета в комиссию министерства по выработке нового университетского устава — все избранные делегаты находились в

⁸⁸ См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 31 октября 1905 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 174.

⁸⁹ См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 12 ноября 1905 г. // Там же. С. 181–182.

⁹⁰ См. [Заявление в поддержку младших преподавателей профессоров И. Покровского, Д. Гримма, И. Гревса, В. Шимкевича, И. Боргмана, О. Хвольсона, П. Броунова, А. Введенского и др.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 46–46об.

⁹¹ См.: Декан Юридического факультета — ректору С.-Петербургского университета, 12 декабря 1905 г. // Там же. Л. 71–71об, 79; [Декан Историко-филологического факультета] — ректору С.-Петербургского университета, 7 ноября 1905 г. Представление // Там же. Л. 72; [Декан Историко-филологического факультета] — ректору С.-Петербургского университета, 8 декабря 1905 г. Представление // Там же. Л. 73; [Декан Физико-математического факультета — ректору С.-Петербургского университета, ноябрь 1905 г.] Представление // Там же. Л. 76; Декан Факультета восточных языков — ректору С.-Петербургского университета, 26 ноября 1905 г., №95 // Там же. Л. 77–78об.

числе авторов недавнего обращения в поддержку «младших преподавателей»⁹². Неудивительно, что вскоре, в ходе обсуждения в Совете нового университетского устава, его позиция была пересмотрена — согласно протоколу заседания 21 декабря 1905 г. «большинством 17 против 14 голосов Совет признал желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Совете»⁹³.

Таким образом, в Петербургском университете противоречия между «старшими» и «младшими» тоже были, однако такого резкого противостояния, как, например, в Москве⁹⁴, здесь, в конце концов, удалось избежать благодаря, по меньшей мере, двум обстоятельствам. Во-первых, состав «приват-доцентской» корпорации здесь был слишком представлен. В нее входили историки А.С. Лаппо-Данилевский, М.Д. Приселков, С.В. Рожественский, М.А. Дьяконов, В.Н. Бенешевич, Е.В. Тарле, историк и экономист М.И. Туган-Барановский, филологи Д.К. Петров, В.И. Истрин, С.А. Венгеров, К.Г. Залеман, философы Н.О. Лосский, И.А. Лапшин, петрограф Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, зоолог Н.В. Насонов, математик А.В. Васильев и другие известные ученые, занимавшие ведущие позиции в других высших учебных заведениях столицы. Многие из них имели ученую степень доктора (при том что она отсутствовала у ряда профессоров), многие были действительными членами высшего ученого учреждения страны — Академии наук, — поэтому отношение к ним как к «младшим товарищам» для Совета было во всех смыслах затруднительным; а с другой стороны, у таких «младших преподавателей», часто в карьерном отношении состоявшихся и достойно материально обеспеченных, не было необходимости для конфронтации со «старшими». Во-вторых, в среде «младших преподавателей» доминировали либеральные политические настроения, близкие либеральному большинству

⁹² См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1905 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 174.

⁹³ Журнал заседания Совета СПб. университета. 21 декабря 1905 г. // Там же. С. 224.

⁹⁴ Кольцов Н.: 1) К университетскому вопросу...; 2) Академическая молодежь // Русское богатство 1909. №3. С. 159–178.

Совета. Характерно, что при обсуждении будущего университетского устройства «младшим преподавателям» удалось фактически связать проблему расширения собственных академических прав с общей программой либерализации высшей школы⁹⁵.

Завершая тему «старших» и «младших» членов преподавательской корпорации, следует отметить, что, приняв в 1905 г. принципиальное решение о введении представителей младших преподавателей в состав Совета в рамках проекта нового устава, профессора не могли (и, по-видимому, не хотели) разрешить присутствие младших преподавателей в Совете до его введения в жизнь. Показательно, что, хотя делегаты Петербургского университета активно выступали за предоставление прав членов Совета представителям «младших преподавателей» на совещании представителей университетской профессуры, проходившем в январе 1906 г. под руководством министра народного просвещения, эти предложения совещанием поддержаны не были⁹⁶. В этом контексте внешне благожелательное отношение столичной профессуры к «правам» «младших преподавателей» было скорее своеобразным «политесом», никак не способствовавшим росту их реального влияния на университетскую политику, которое и после 1905 г. оставалось незначительным. Отметим, впрочем, что подобное «безответственное» положение имело свои преимущества — например, рамки «дозволенного» в общественно-политическом смысле для «младших преподавателей» второй половины 1900–1910-х гг. были более широкими, чем у профессуры – среди них были люди откровенно социалистических взглядов, такие как А.Г. Генкель, Е.В. Тарле, П.Б. Шаскольский и другие.

Таким образом, институциональное устройство задавало определенные рамки внутренней жизни университетского сообщества, многослойную

⁹⁵ См., напр.: [Обращение общего собрания младших преподавателей С.-Петербургского университета 18 октября 1905 г.] // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 170–171.

⁹⁶ Труды совещания профессоров... С. 175–214; К журналу 15 и 16 заседаний // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 306–316.

структуру корпорации, отдельными сегментами которой являлись факультеты, сообщества «старших» и «младших», учебно-вспомогательный персонал. Эта губчатая структура находилась в процессе постоянного роста, впитывая в себя новые поколения российской ученой элиты.

Глава 2. Университетская корпорация: опыт коллективной биографии

2.1. Коллективная биография университетской корпорации: общие проблемы исследования

Как отмечалось выше, в российской историографии есть только отдельные приступы к комплексным просопографическим исследованиям по истории научных корпораций, хотя разнообразные научные штудии, связанные с темой построения коллективной биографии университетских преподавателей дореволюционной России, и распространены в современной литературе¹. Причин этой ситуации по меньшей мере две – состояние биографических баз данных, и трудности в формулировании исследовательских вопросов. Известные дореволюционные биографические словари, как правило, не содержат строгого формуляра статьи, в том числе и биографический словарь столичного университета (1869–1894)². В ходе работы с биографическими словарями более позднего времени³, посвященными различным высшим

¹ См., напр.: *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln-Weimar-Wien, 1998; *Казакова В.С.* Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Клио. Журнал для ученых. 2001, №1 (13). С.254-258; *Лоскутова М.В.* Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX века: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // Быть русским по духу и европейцем по образованию: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М., 2009. С. 183–221; *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX - начале XX вв.: социокультурный аспект М., 2008; *Булгакова Л.А.* Состав и положение преподавателей в России второй четверти XIX века // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980. С.163-185; *Kostina T.V., Kouprianov A.V.* Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884) // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History. 2016. Issue 3. P.31-45. Среди удачных примеров применения просопографических методов и составления коллективного портрета университетской корпорации отметим опыт Л.А. Бушуевой, связанный с Казанским университетом. См.: *Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань, 2012.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869 – 1894. СПб., 1896-1898. Т.-II.

³ Рассмотрено около 50 различных справочников – для тематики и методологии работы важны прежде всего: Профессора Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена в XX веке. Под ред. Г.А. Бородавского, В.А. Козырева. Сост. Е.М. Колосова и др. СПб., 2000; Профессора Московского университета. 1755-2004. Биографический словарь. М., 2005. Т. I-II.; Императорский Московский университет. 1755-1917. Энцикл. Словарь Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010; Биографический словарь профессоров 1-го Ленинградского Медицинского института им. Акад. И.П. Павлова за 50 лет. 1897-1947. Под ред. Ю.Ю. Джанелидзе и С.Я. Фрейдлина. Л., 1947; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып.1. 1888-1917. Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996; *Голубцов С.А.* Московская ду-

учебным заведениям России было выявлено более 40 различных критериев построения формуляра биографической статьи. Формуляр большинства изданий включает в себя в среднем 12–16 пп., при этом пункты формуляра зачастую не совпадают, а большинство дореволюционных высших учебных заведений словарными базами данных в принципе не охвачены, аналогична ситуация с формуляром отраслевых словарей, которые также активно нами использовали⁴. Это обстоятельство, разумеется затрудняет наши просопографические изыскания, ограничивая их, прежде всего, внутренней историей университета – построение коллективной биографии российской высшей школы еще ждет своего архитектора.

Выше (см. Введение, Источники) был очерчен круг основных источников для построения коллективной биографии. Эта работа шла параллельно с созданием портала «Биографика СПбГУ» (ответственным редактором которого является автор настоящей диссертации) и который служил не только источником, но и инструментом исследования. Портал содержит более 1600 биографий. Формирование портала связано с осуществлением ряда исследовательских проектов института истории СПбГУ⁵. Открытый формуляр биографической справки содержит следующие разделы: ФИО; год и место рождения/смерти, место захоронения, образование, вуз, год окончания, учителя, годы работы в университете, этапы карьеры в университете, этапы карьеры в

ховная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999; Профессора Санкт-Петербургского государственного университета. Биобиблиографический словарь. Отв. ред. Л.А. Вербицкая. СПб., 2004; Почетные профессора Санкт-Петербургского государственного университета. Отв. ред. Н.Г. Скворцов. СПб., 2009 и др.

⁴ См., в частности: Волков В. А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII - начало XX в.. физико-математические науки. биографический словарь. М., 2008; Волков В. А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII - начало XX вв.. Биол. и мед.-биол. науки. Биограф. слов. М., 2003; Волков В. А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII - начало XX в.. химические науки. биографический словарь. М., 2004; Российская профессура, XVIII - начало XX в., Гуманитарные науки : биографический словарь / В.А. Волков, М.В. Куликова, В.С. Логинов; СПб., 2013; Чернобаев А. А. Историки России XX века. биобиблиографический словарь. А.А. Чернобаев СПб., 2005. Т.1-3; Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоков с 1917 г. М., 1995. Кн.1-2; Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII-начала XX века. Справочное пособие. М., 2001; Бородин А.И., Бугай А.С. Выдающиеся математики: биограф. словарь справочник. Киев, 1987, Выдающиеся отечественные ботаники / Бразилевская Н.А., Мейер К.И. и др. М., 1956, Философы России XIX –XX столетий. М., 1995 и др.

⁵ Ростовцев Е.А. Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. № 3. С.145-157.

университете: должности (с указанием подразделения, хронологические рамки); вехи жизни/карьера вне университета, общественная деятельность; награды; премии; область научных интересов/вклад в науку; диссертации (время и год защиты); основные труды; основные курсы; ученики; биобиблиография; иконография; архивы. Структура сайта позволяет использовать подготовленные биографии для размещения в двух и более словарях. Система комбинированной навигации по сайтам словарей позволяет осуществлять поиск по ряду параметров: ФИО, годы жизни, факультет, образование (вуз и год окончания), годы работы в университете, учитель, ученик, курсы (название, год чтения), подразделения факультетов (кафедры). Таким образом, помимо справочного, сетевые словари, расположенные на портале «Биографика Санкт-Петербургского университета» имеют и значительный эвристический потенциал⁶. По существу, портал дает инструментарий для просопографических исследований по университетской истории, реконструкции хода учебного процесса и корпоративной жизни. Не менее важно то, что к этой работе, пользуясь инструментарием сайтов словарей могут подключиться и сторонние исследователи. Хочется обратить внимание и на открытость архитектуры портала, которая позволяет пристраивать к нему как новые биографические модули, так и новые поля поиска, таким образом, для конкретной выборки универсантов могут применяться различные критерии просопографического анализа. Для этой диссертации наибольшее значение, разумеется, имеет «Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917)» (отв. ред. Р.Ш. Ганелин, А.Ю. Дворниченко, Е.А. Ростовцев). Данный проект в настоящее время практически полностью завершен – размещены биографические справки относительно порядка 850 персонажей, что составляет более 95 % профессорско-преподавательского состава университета дореволюционного периода. В

⁶ См. подробнее: *Ростовцев Е.А.* Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографии (на примере сетевых проектов по университетской истории) // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4). С.1-9.

большинстве случаев представленные биографические справки носят эксклюзивный характер, вводя в информационный и научный оборот новые сведения об ученых университета, которые являются результатом исследовательского анализа широкого круга опубликованных и неопубликованных источников (обозрения преподавания, отчеты университета, формулярные списки профессоров и приват-доцентов)⁷.

Следует отметить, что на практике грань между преподавательским и т.н. учебно-вспомогательным персоналом была весьма зыбкой — особенно в 1890-е –1900-е гг. Напомним, что учебно-вспомогательный персонал российских университетов состоял главным образом из лаборантов, помощников лаборантов, хранителей, переименованных в 1914 г. соответственно в ассистентов старших и младших⁸. Многие из них одновременно являлись приват-доцентами, однако даже те, кто не имел этого звания на практике (в особенности на физико-математическом факультете) вел занятия со студентами. В этой связи подчеркнем, что в сфере нашего внимания и дальнейших подсчетов этой главы находится профессорско-преподавательский корпус, выявленный по обозначенному выше формальному признаку. Отметим и базовое разделение внутри преподавательского корпуса, которое связано с различным статусом, порожденным университетскими уставами 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., — профессоров и т. н. младших преподавателей (учителя, лекторы, адъюнкты, приват-доценты, доценты, преподаватели и т. п.), о котором мы подробно писали выше (см. главу 1).

⁷ Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). Ред. коллегия: проф.Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко /отв. ред./, доц. Т.Н.Жуковская, доц. Е.А.Ростовцев /отв. ред./, доц. И.Л. Тихонов. Авторский коллектив : А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринев, Ю.И. Басилов, А.Б. Богомолов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, А.Л. Корзинин, Е.Е. Кудрявцева, С.С. Мигунов, И.А. Поляков, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев А.А. Рубцов, И.В. Сидорчук, А.В. Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К.Шагинян, В.О. Шишов, Н. А. Шереметов URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (дата обращения: 15.03.2016).

⁸ Одобренный Государственным советом и Государственною думою закон о временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лицея, а также доцентов императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лицея и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов: Из Собр. узак. 1916 г., отдел 1-й, ст. 1662. - Б.м., [1916]. - 26 с.

Согласно университетским уставам факультеты являлись основной структурной единицей университетских корпораций и соответственно центром научной жизни, где проходили защиты диссертаций, оставления при университете, избрания на преподавательские и научные должности, присуждение премий, принятие предварительных решений об организации кафедр, лабораторий и научных обществ и т.п. В этом контексте для понимания путей развития науки изучение *факультетской истории* исключительно важно. Обращение к изучению *специфики факультетов и кафедр* помогает уйти от «принципа» вычисления «средней температуры по больнице», чем иногда грешат просопографические изыскания. Разумеется, для нас было важно также попытаться проследить эволюцию корпорации, выявить изменение ее статистических характеристик. В этом контексте мы выделили три хронологических отрезка деятельности университета и его факультетов примерно равные по времени: 1819–1850 гг. (*первый период*); 1851–1884 гг. (*второй период*) и 1884–1917 гг. (*третий, последний период*). Такое деление обусловлено знаковыми институциональными переменами в университетской жизни: административной реформой 1849–1850 гг. и введением нового университетского устава в 1884 г. Как известно, особенностью С.-Петербургского университета было отсутствие в нем медицинского факультета (его роль в столице играла Военно-медицинская академия) и присутствие уникального факультета восточных языков. Формальная эволюция факультетско-кафедральной системы за 1819–1917 гг. представлена в таблице 5.

Таблица 5. Структура Санкт-Петербургского (Петроградского) университета (1819–1917)⁹.

Факультеты/кафедры	Хронологиче-

⁹ Сост. по: Обзорения преподавания С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1824-1917 гг. СПб.; Пг., 1824-1917; Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев; Под ред. проф. С.В. Рождественского. Пг., 1919.

	ские рамки
ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	1819–1835
Философия	1819–1835
Российское гражданское и уголовное право и судопроизводство	1819–1835
Теория уголовного права и права естественного, публичного и народного	1819–1835
Римское право	1819–1835
Политическая экономия	1819–1835
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	1819–1835
История (с 1821 г. – История Всеобщая и Российская)	1819–1834
Российская история	1834–1835
География Всеобщая и Российская	1819–1835
Российская словесность	1819–1835
Латинская словесность	1819–1835
Немецкая словесность	1819–1835
Французская словесность	1820–1830
Греческая словесность	1819–1835
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ, 1 ОТДЕЛЕНИЕ	1835–1850
Российская история	1835–1850
Всеобщая история	1835–1850
Философия	1835–1850
Валахо-молдавский язык	1838–1850
Российская словесность	1835–1850
Римская словесность и древность	1835–1850
Греческая словесность	1835–1850
История и литература славянских наречий	1848–1850
Политическая экономия	1835–1843
Турецкий язык	1835–1848
Грузинский язык и словесность	1845–1850
Армянский язык и словесность	1845–1850
Арабский язык и словесность	1835–1850

Татарский язык	1845–1850
Персидский язык и словесность	1835–1850
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ, 2 ОТДЕЛЕНИЕ	1835–1850
Чистая и прикладная математика	1835–1850
Химия	1835–1850
Минералогия и геогнозия	1835–1850
Ботаника	1835–1850
Физика и физическая география	1835–1850
Зоология	1835–1850
Астрономия	1841–1850
Технология	1843–1846
Гражданская архитектура и строительное искусство	1841–1842
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	1835–1917
Римское право	1863–1917
Римское законодательство и история оного	1850–1863
Уголовное право и гражданское судоустройство и судопроизводство	1863–1884
Уголовное право и судопроизводство	1884–1917
Политическая экономия и статистика	1843–1917
Законы государственного благоустройства и благочиния	1835–1863
Государственное право	1863–1917
Законы о государственных повинностях и финансах	1835–1863
Финансовое право	1863–1917
Гражданские законы, общие, особенные и местные	1835–1863
Русское гражданское право и судопроизводство	1884–1887
Русское гражданское и торговое право и судопроизводство	1891–1917
Законы полицейские и уголовные	1835–1863
Полицейское право	1863–1917
Церковное законоведение	1863–1884
Церковное право	1884–1917
Энциклопедия законоведения и российских государственных законов	1835–1863
Энциклопедия права	1863–1884
Энциклопедия юридических и политических наук	1863–1884
Энциклопедия и история философии права	1884–1917
Законов царства Польского	1842–1863
Финляндское право	1901–1907
Местных прав	1907–1918
Международное право	1863–1917
История важнейших иностранных законодательств древних и но-	1863–1884

ВЫХ	
История русского права	1863–1917
История славянских законодательств	1863–1917
Начала Общеправоведения	1835–1863
Гражданская архитектура и строительное искусство	1853–1860 ¹⁰
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	1850–1917
Ботаника	1850–1917
Химия	1850–1917
Зоология	1850–1917
География и этнография ¹¹	1890–1917
Минералогия и геогнозия	1850–1884
Минералогия и геология	1884–1917
Астрономия	1850–1863
Астрономия и геодезия	1863–1917
Агрономия	1850–1917
Сельское хозяйство	1859–1884
Механика практическая и аналитическая (практическая и теоретическая)	1863–1917
Технология и техническая химия (с 1884 г. – техническая химия)	1855–1860, 1886–1888
Физика и физическая география	1850–1863, 1884–1917
Физика	1819–1835, 1863–1884
Чистая и прикладная математика	1850–1863
Прикладная математика	1863–1884
Чистая математика	1863–1917
Гражданская архитектура и строительное искусство ¹²	1851–1853
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ	1850–1917
Российская словесность (с 1863 г. – История русского языка и русской литературы, с 1884 г. – Русский язык и русская литература)	1850–1917
Греческая словесность (в 1850–1863 гг. – Греческая словесность и древность)	1850–1884
Римская словесность и древность (с 1863 г. – Римская словесность)	1850–1884
Философия	1863–1917
Всеобщая история (с 1884 г. – История всеобщая)	1850–1917
Российская история (с 1863 г. – Русская история)	1850–1917

¹⁰ До 1853 г. – на физико-математическом факультете

¹¹ В 1884–1890 гг. кафедра находилась на историко-филологическом факультете, хотя и оставалась вакантной

¹² С 1853 г. – на юридическом факультете

Сравнительное языкознание и санскрит (1871–1890)	1863–1917
История всеобщей литературы (с 1884 г. – История западноевропейских литератур)	1863–1917
Славянская филология	1863–1917
История и литература славянских наречий	1850–1863
Церковная история (с 1884 г. – История церкви)	1874–1917
Теория и история искусств	1873–1917
Классическая филология	1884–1917
География и этнография	1884–1890
Турецкая словесность	1850–1855
Персидская словесность	1850–1855
Арабская словесность	1850–1855
Грузинский язык	1850–1855
Армянский язык	1850–1855
Татарский язык	1850–1855
Валахо-молдавский язык	1850–1858
ФАКУЛЬТЕТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ	1855–1917
Арабский язык	1855–1917
Персидский язык	1855–1917
Турецко-татарский язык	1855–1917
Монгольский и калмыцкий язык	1855–1917
Китайский язык	1855–1963
Еврейский язык	1855–1863
Армянский язык	1855–1863
Грузинский язык	1855–1863
Маньчжурский язык	1855–1963
Санскритский язык	1863–1917
Еврейская, сирийская и халдейская словесность	1863–1917
Армянская и грузинская словесность	1863–1917
История Востока	1863–1917
Китайская и маньчжурская словесность	1863–1917
Японский язык	1898–1917

Тем не менее, для целей исследования, в наших подсчетах следуя традиции, сформированной еще в начале XX в.¹³, мы позволили себе сгруппировать кафедры и их сотрудников за 1819–1917 по 4 направлениям соответст-

¹³ Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., [1917]; Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета 1819 года. Пг., [1916]; Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]; Список профессоров и преподавателей юридического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916].

вующим факультетам по уставам 1863 и 1884 гг.: физико-математический, юридический, историко-филологический, восточных языков (ниже в параграфах, посвященных факультетам /2.3-2.6/, представлена соответствующая группировка кафедр).

Разумеется, в данной главе мы хотим лишь наметить некоторые черты и проблемы коллективной биографии преподавательской коллегии четырех факультетов столичного университета. Автор отдает себе отчет в том, что некоторые приведенные ниже данные в дальнейшем могут быть уточнены по мере насыщения источниковой базы исследования¹⁴. Однако, на наш взгляд, приводимые данные вполне достаточны с точки зрения отражения общих черт и тенденций коллективной биографии. Важными для нашей работы являются следующие темы: численность профессоров и младших преподавателей, развитие карьеры, образование, сословное происхождение, семейное положение, этнорелигиозный состав, публикационная и педагогическая активность.

Несмотря на то, что факультет представлял собой единую корпорацию с общей структурой и системой принятия решений, разумеется, вопрос о дифференциации наук, изучаемых и преподаваемых на факультете, является важным. Можно сказать, что эта дифференциация проходила по двум параллельным направлениям – кафедрам (связанным с академической жизнью преподавателей) и разрядами, направлениями, группами преподавания (связанными с специализацией студентов). Если углубление кафедральной специализации являлось общим трендом для всего университета, то тенденции,

¹⁴ Отметим, что приведенные данные по некоторым показателям несколько скорректированы в результате как новой информации, так и перерасчетов по отношению к данным приводившимся в совместных с коллегами публикациях: *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819-1917) // Клио. 2013. №10 (82). С. 36-41; *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Сосницкий Д.А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 112-127; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Кафедра философии Петербургского университета (1819-1917): коллективный портрет // Философские науки. 2016. №3. С.135-147; *Dvornichenko A.Iu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History. 2016, Issue 3. P.46-56.

связанные с дифференциацией преподавания были различными. Например, юридический факультет в пореформенный период фактически отказался от традиционного деления на разряды, в противоположность остальным факультетам, в том числе физико-математическому, где специализация студентов усиливалась – составляя в 1880-х –1910-х гг. в разное время от 6 до 16 направлений. Важно, что университетские уставы не регулировали прямо направления преподавания, эти вопросы решались в разное время на уровне МНП или университетских советов.

Несмотря на то, что в российской университетской системе основной научной единицей являлась кафедра, она сама по себе не была самостоятельной административной структурой с собственными сотрудниками. К кафедре как направлению науки относились профессора и младшие преподаватели, при этом все они избирались факультетом и понятия «заведующий кафедры» не существовало. Если до 1884 г. количество кафедр фактически соответствовало числу профессоров, то по уставу 1884 г., ликвидировавшему должности штатных доцентов, оно стало их существенно превышать. При этом решение о том, какую кафедру следует заместить одним, а какую большим количеством профессоров принимал, как правило, совет факультета.

Следует иметь в виду, что до введения в действие Университетского устава 1863 г. общее количество преподавателей почти целиком предопределялось штатным расписанием. После законодательного закрепления в 1863 г. института приват-доцентуры положение постепенно стало меняться. Однако кардинальные изменения произошли после начала действия следующего устава 1884 г., нормы которого предопределили перелом в кадровой ситуации в университете. Таким образом, в руках факультетов оказалась возможность определять не только персональный состав, но и количество приват-доцентов по разным кафедрам (важно отметить, что от факультета зависело не только формальное разрешение преподавания, но и размер денежного вознаграждения каждого приват-доцента). В этом контексте для последующего периода данные о численности преподавателей отражают как приоритеты универси-

тета, так, до некоторой степени и академического заказа в науке на подготовку ученых разных специальностей.

В начале дадим сравнительную картину по основным наукометрическим параметрам разным факультетам, а затем краткую характеристику каждому факультету дореволюционного в отдельности университета, учитывая специфику его истории и структуры.

2.2. Факультетская организация статистические данные и компаративный анализ

Приведем общую профессорско-преподавательского состава по факультетам. Численно лидировал историко-филологический факультет, на котором трудилось 284 преподавателя (261 без учета лекторов и преподавателей новейших языков), на втором месте находился физико-математический факультет 251 преподаватель, на юридическом факультете работало 195 преподавателей, на факультете восточных языков 116 человек, общее же число преподавателей с учетом «не приписанных к конкретным факультетам» (например, богословия, рисования, танцев) составило по нашим подсчетам в 1819–1917 859 человек (823, относящихся к факультетам). В таблице 6 показано, каким образом преподавательский состав распределяется по периодам и по отдельным факультетам.

Таблица 6. Распределение преподавателей С.-Петербургского университета по факультетам (1819–1917)¹⁵.

¹⁵ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338; Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. Пг., [1917]; Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета 1819 года. Пг., [1916]; Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]; Список профессоров и преподавателей юридического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]

Период/факультет	Физико-математический	Историко-филологический	Юридический	Восточных языков	Всего по 4 факультетам
1819–1850	38	34	30	18	120
1851–1884	74	57	49	53	233
1885–1917	192	205	152	76	625
1819–1917	251	261	195	116	823

Как отмечено выше (глава 1), рост профессорско-преподавательского состава в последний выделенный период (1885-1917) достигался, главным образом, за счет той группы младших преподавателей, большинство из которых не получало фиксированного жалования — количество приват-доцентов имело четкую тенденцию к увеличению на физико-математическом факультете от 48,3% (1885 г.), до 60,7% (1916 г.) на историко-филологическом от 43,3% до 71,3%, на юридическом от 30% до 69,9%, на восточном от 47,8% до 71,4%, всего по университету от 44% до 68,1%.

Разумеется, университетская карьера была тесно связана с обретением ученых степеней (*магистра* и *доктора*)¹⁶. Надо отметить, что уровень научных регалий университетских преподавателей изменялся с общей тенденцией к повышению, отраженных в таблицах 7 и 8.

Таблица 7. Обладание ученой степенью годы преподавания¹⁷

¹⁶ Напомним, что законодательно в России в период с 1803 по 1884 гг. было три ученых степени: *кандидат* – *магистр* – *доктор*. Однако первая из указанных степеней (*кандидат*) присваивалась студентам по окончании университета и по существу означала получение «диплома с отличием». По Университетскому уставу 1884 г. она была отменена, вернее заменена выдачей «диплома первой степени». Поэтому в дальнейшем во всех подсчетах данной главы за весь период 1819-1917 в качестве ученых степеней рассматриваются только две последние степени *магистра* и *доктора*. Об ученых степенях в Российской империи см. прежде всего: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. -1917. М.,1994.

¹⁷ Учтены данные по научным степеням, полученным до или во время преподавания в университете. Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

факультет/период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	31,6%	93,2%	87,5%	80,1%
Юридический	50%	87,7%	72%	67,2%
Восточных языков	16,7%	37,7%	50%	38,8%
Историко-филологический	23,5%	78,9%	69,3%	65,9%
По университету	31,7%	75,9%	72,9%	66,7%

Наибольшей остепененностью отличались преподаватели точных и естественных наук. Если в первый период всего 31,7% всех преподавателей физико-математического факультета обладали научной степенью, то во второй период таковых было 93,2%, в третий 87,5%. Эти показатели значительно превосходят данные других факультетов.

Таблица 8. Обладание ученой степенью на момент назначения¹⁸

факультет/период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	26,3%	86,7%	77,1%	71,5%
Юридический	43,3%	55,3%	38,8%	43,4%
Восточных языков	16,7%	25%	16,7%	19%
Историко-филологический	18,2%	62,5%	41,4%	43,4%
По университету	19,2%	60,1%	49%	48,7%

При этом на момент назначения на должность за период с 1851 по 1884 гг. 60,1% профессоров и преподавателей университета обладали степенью, за период с 1885 по 1917 гг. – 49%. Некоторое снижение этого показателя в процентном отношении для последнего выделенного периода следует объяснить нормами устава 1884 г., упразднявшими институт доцентуры (требовала наличия магистерской степени), и резкое расширение института приват-доцентуры (в условиях постоянного роста числа студентов), к которой допускались люди без степени.

¹⁸ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

Как правило, доцентура (затем приват-доцентура) была также необходимым этапом университетской карьеры на пути к профессуре: например, за всю дореволюционную историю физико-математического факультета из всех профессоров только 12 человек (15 % от общего числа профессоров) получили должность профессора, минуя карьеру младшего преподавателя. Это общая тенденция, хотя на других факультетах такая практика и была более распространена: на юридическом – 39 (45,8%) профессоров не работали на должности младшего преподавателя университета, на историко-филологическом – 24 (20,3%), на восточном – 8 (19%). В целом по университету только 25,5% стали профессорами, не пройдя карьеры младшего преподавателя.

Университетский устав 1804 г. и «Положение о производстве в ученые степени» 1819 г., подробно регламентируя порядок магистерского и докторского диспутов в российских университетах, в то же время не предполагали обязательности наличия ученых степеней при замещении кафедр и должностей преподавателей. Положение не менялось и после издания в 1820 г. циркуляра МНП, предписывающего, что для должности адъюнкта требуется по меньшей мере магистерская степень, а для должности профессора докторская, не только в виду очевидного недостатка в магистрах и докторам, но и потому, что циркуляр оставлял возможность обретения данных должностей для лиц «определяемых по особенной известности в ученом свете»¹⁹. В этом контексте объяснимо то обстоятельство, что в первом периоде на момент начала преподавания большинство младших преподавателей ученой степени магистра или доктора не имели, и, более того, они отсутствовала и почти у половины профессоров. Положение изменил Университетский устав 1835 г., реальное введение в действие которого происходит в конце 1830-х гг. Устав категорично требовал наличия хотя бы магистерской степени для адъюнктов

¹⁹ Циркулярное предложение о том, чтобы ищущие степени профессорских и адъюнктских мест имели степень докторов и магистров [19 февраля 1820 г.] // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. I. Стлб. 406-407.

и докторской степени для профессоров²⁰, в то же время при введении его в жизнь уже действующим преподавателям университетов предоставлялась возможность защиты сразу докторской диссертации (минуя обычную процедуру) и, таким образом, сохранение за собой искомой должности²¹. Тем не менее, в результате в российских университетах произошло значительное обновление профессорско-преподавательского состава²². Как отмечалось в литературе, одновременно происходит значительное обновление и разработка университетских учебных программ в соответствии с современным научным уровнем²³.

В табл.9 дано сопоставление возраста защит магистерской и докторской диссертаций в разные периоды.

Таблица 9. Возраст защиты диссертаций профессорско-преподавательским составом С.-Петербургского университета (1819–1917)²⁴

Факультет	Диссертация	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	Магистерская	24,9	29,1	32	31,6
	Докторская	28,6	32,8	36,7	35,4
Юридический	Магистерская	25,2	29,7	32,2	31,6
	Докторская	28	33,9	38,6	36,5
Восточных языков	Магистерская	26,3	26,7	30,1	29,6
	Докторская	34,5	38,3	37,2	37,6
Историко-филологический	Магистерская	28,7	26,4	31,8	30,5
	Докторская	31	33,7	39,3	37
По университету	Магистерская	26,2	28,9	31,5	31,3
	Докторская	28,9	33,3	38,2	36,5

²⁰ Общий устав императорских российских университетов 1835 г// Уставы Московского университета. 1755–2005 / Сост. Е.И. Гена. М., 2005. §76. С. 159

²¹ См. об этом, напр.: Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84–107.

²² Костина Т.В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 234–242

²³ См.: Брылевская Н.И. Становление Петербургской математической школы и реформы николаевского времени // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб., 2002. С.29–30.

²⁴ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета

Из представленных данных видно, что гуманитарные диссертации в «допозитивистскую» эпоху давались более легко, однако, во второй половине XIX в. положение изменилось – с перенесением принципов «научного знания» в сферу социальных наук математику или естественнику защититься в более раннем возрасте стало проще. При этом если время подготовки второй диссертации на физмате было стабильным составляя около 6 лет, то, например, на историко-филологическом факультете оно значительно выросло (от 6 до 8 с лишком лет). Отметим, что на практике, особенно с расширением числа профессорских магистратур и отменой института штатной доцентуры по Уставу 1884 г., многие известные ученые долгие годы успешно занимали профессорские кафедры (именуясь «исполняющими должность» экстраординарного или ординарного профессора), оставаясь магистрами (Ф.Ф. Соколов, С.Ф. Платонов, А.И. Введенский, И.М. Гревс, И.Д. Андреев, Ф.А. Браун и др.), а другие, будучи докторами (И.И. Лапшин, А.И. Малеин, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Н.П. Лихачев и др.), в течение длительного времени оставались приват-доцентами. Наглядные данные отражающие картину с обретением докторской степени профессурой университета представлены в табл. 10.

Таблица 10. Наличие докторской степени у профессоров на момент вступления в должность и в целом по периодам²⁵.

		1819– 1850	1851– 1884	1885– 1917	1819– 1917
Физико-математический	На момент вступления в должность	43,7%	88,9%	85%	78,3%
	За период	43,7%	97,1%	93,1%	84,3%
Юридический	На момент вступления в должность	45,8%	57,7%	65,6%	58,2%

²⁵ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

	За период	50%	63,2%	76,8%	65,6%
Восточных языков	На момент вступления в должность	12,5%	50%	58,8%	44,2%
	За период	12,5%	52,4%	64,7%	53,9%
Историко-филологический	На момент вступления в должность	38,9%	84,6%	62,5%	64,3%
	За период	44,4%	88,2%	74,1%	67,4%
По университету	На момент вступления в должность	39,1%	72,2%	69,6%	63,9%
	За период	46,6%	77,2%	75,1%	69,5%

По периодам значительно различался и уровень остепененности младшего преподавательского состава (см. табл.11 и 12). Еще раз особо обратим внимание на то обстоятельство, что в период 1885–1917 гг. менее половины всех младших преподавателей имело какую-либо степень на момент назначения. Данные таблицы демонстрируют, что для этого периода единственным факультетом, где для замещения позиции младшего преподавателя, как правило, требовалась степень был физико-математический.

Таблица 11. Наличие магистерской /докторской степени у младших преподавателей на момент вступления в должность и по периодам²⁶

факультет/период		1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	На момент вступления в должность	18,2%	85,7%	76,3%	70,2%
	За период	24,2%	92,5%	89,8%	78%
Юридический	На момент вступления в должность	40%	61,5%	39,8%	43,9%
	За период	54,5%	87,8%	67,4%	68,1%

²⁶ Учтены степени полученные до, во время и после преподавания в университете, в т.ч. после 1917 г. Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета

Восточных языков	На момент вступления в должность	14,3%	22,5%	16,7%	18,5%
	За период	14,3%	31,9%	47,9%	37%
Историко-филологический	На момент вступления в должность	12,5%	60,8%	41,2%	43,3%
	За период	31,8%	80,4%	69,7%	65,4%
По университету	На момент вступления в должность	24,1%	60,1%	48,8%	48,5%
	За период	27,8%	75,1%	73,1%	65,8%

Ниже в табл. 12 представлена общая картина численности докторов и магистров университета 1819–1917 гг., включая тех, кто защитил диссертацию за рамками указанного периода.

Таблица 12. Общая численность докторов и магистров, профессора и младшие преподаватели²⁷

факультет/период	степень	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	Доктора	10 (26,3%)	63 (88,7%)	115 (59%)	140 (55,1%)
	Магистры ²⁸	5 (13,2%)	55 (77,5%)	164 (84,5%)	188 (74%)
Юридический	Доктора	10 (33,3%)	29 (60,4%)	69 (45,4%)	84 (43,1%)
	Магистры	4 (13,3%)	33 (68,8%)	104 (68,4%)	120 (61,5%)
Восточных языков	Доктора	1 (5,6%)	13 (25,5%)	23 (30,7%)	25 (21,7%)
	Магистры	3 (16,7%)	16 (31,4%)	35 (46,7%)	41 (35,7%)
Историко-филологический	Доктора	11 (32,4%)	38 (66,7%)	88 (42,9%)	109 (41,9%)
	Магистры	5 (14,7%)	40 (70,2%)	138 (67,3%)	157 (60,4%)
По университету	Доктора	32 (28,3%)	143 (63%)	295 (47,1%)	358 (43,4%)
	Магистры	17 (14,2%)	142 (62,6%)	444 (70,9%)	506 (61,4%)

²⁷ Учтены степени полученные до, во время и после преподавания в университете, в т.ч. после 1917 г. Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета

²⁸ Здесь и далее в таблице, включая защитивших в рамках данного периода докторскую диссертацию

	Все степени ²⁹	41 (34,2%)	181 (77,7%)	486 (77,6%)	575 (69,8%)

Косвенным образом научный статус университетских преподавателей отражает их численность в составе высшего учебного учреждения России – С-Петербургской Императорской (впоследствии Российской/ СССР) Академии наук. Эти данные показаны в представленной ниже таблице 13.

Таблица 13. Членство в Академии наук (в скобках с учетом тех, кто получил должность после 1917 г.), количество и % к общему числу преподавателей факультета³⁰

факультет/период		1819–1850		1851–1884		1885–1917		1819–1917	
Физико-математический	Действительные члены	12	31,6%	12 (15)	16,2%	14 (32)	7,3%	28 (46)	11,6%
	Члены-корреспонденты	3	7,8%	10	13,5%	11 (15)	5,7%	18 (25)	7,2%
Юридический	Действительные члены	2	6,6%	1	2,1%	3	2%	5	2,5%
	Члены-корреспонденты	1	3,3%	0	0	2	1,3%	3	1,5%
Восточных языков	Действительные члены	2	11,1%	6	33,3%	10 (11)	13,5 %	15 (16)	12,6%
	Члены-корреспонденты	2	11,1%	6	33,3%	10	13,5 %	12 (13)	10,3%
Историко-филологический	Действительные члены	2	5,8%	11	17,4%	17 (28)	8,3%	23 (34)	8,8%
	Члены-корреспонденты	1	2,9%	7	11,1%	18 (27)	8,8%	20 (29)	7,7%
По университету	Действительные члены	18	15%	30 (33)	12,6%	44 (74)	7,1%	71 (101)	8,6%
	Члены-корреспонденты	7	5,8%	23	9,7%	41 (54)	6,6%	53 (70)	6,4%

²⁹ В данной графе магистерские степени учтены только в том случае, если не была защищена докторская

³⁰ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

Из таблицы 13 видно, что самое значительное представительство в Академии среди факультетов Санкт-Петербургского университета было у физико-математического факультета – 45,6% от общего числа университетских академиков (в т.ч. получивших звание после 1917 г.). Впрочем, здесь надо иметь в виду, что представители гуманитарных и социальных наук хотя и составляли порядка 70% преподавательского корпуса университета, но в Академии, формируемой по Уставу 1836 г. физико-математическое отделение традиционно составляло приблизительно 50% действительных членов (точного распределения устав не вводил) и 47% членов-корреспондентов³¹.

Обратимся теперь к другой стороне статистических характеристик корпорации. В таблице 14 представлены данные о среднем возрасте начала преподавательской работы в университете по факультетам.

Таблица 14. Средний возраст начала преподавательской работы в университете (1819–1917)³²

факультет/период	должность	1819– 1850	1851– 1884	1885– 1917	1819– 1917
Физико-математический	Младший преподаватель	31,3	31,5	34,8	33,1
	Профессор	35,1	38,3	40,9	38,6
Юридический	Младший преподаватель	33,3	28,4	31,9	33,1
	Профессор	37,2	33,6	40,9	38,7
Восточных языков	Младший преподаватель	33,9	32,7	32,6	33,5
	Профессор	37,7	40,5	38,3	38,4
Историко-филологический	Младший преподаватель	27,4	32,7	37,7	36
	Профессор	38,2	35,6	41,1	39
По университету	Младший преподаватель	31	31,6	34,3	33,5
	Профессор	37,1	36,7	40,6	38,7

³¹ См., напр.: Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков (Очерки истории). М., 2008. С.11-15.

³² Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

Эти подсчеты наглядно показывают, как растет возраст вступления в должность (начала работы) –возраст младших преподавателей при вступлении в должность вырос с 31 до 34, профессоров с 37 до почти 41. Иначе говоря, очевидно, что для начала и, в особенности, для прогресса академической карьеры на факультетах требовалось все больше времени и усилий. Косвенно это обстоятельство подтверждает и постепенное увеличение среднего срока службы в должности младшего преподавателя на пути к профессуре с 6,6 до 9,8 лет. Примечательно, что этот срок увеличивался по всем факультетам за исключением факультета восточных языков (см. табл. 15).

Таблица 15. Средний срок службы в должности младшего преподавателя на пути к профессуре³³

	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	5,7	8	8,6	8
Юридический	10	8	9	8,4
Восточных языков	10,6	9,8	8,8	8,6
Историко-филологический	7,1	7,8	7,2	7,2
По университету	7	8,4	8,2	7,9

Между тем, несмотря на ужесточение требований к кандидатам на университетские должности законодательство, начиная с Устава 1835 г. создавало условия для ротации профессорско-преподавательских кадров. Нормы университетских уставов 1835, 1863 и 1884 гг. делали затруднительной (а

³³ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

Устав 1884 г. прямо невозможной) профессорскую службу в штате университета в течение более чем 30 лет. Разумеется, профессор мог после выхода на пенсию объявлять специальные курсы, участвовать в работе факультетского и университетского советов, что собственно и делали университетские «долгожители», однако все они вынуждены были оставить штатную профессорскую магистратуру. При этом, если в Уставе 1835 г. речь шла о совокупном сроке службы в должности профессора, то в Уставе 1863 г. уже о совокупном сроке службы в должности преподавателя, а в Уставе 1884 г. в обязательный зачет уже шла вся служба по МНП, включая службу на должностях научно-вспомогательного персонала³⁴. Такая ситуация открывала дорогу талантливым ученым и давала (хотя, разумеется, не всегда) возможность получить профессуру довольно в молодом возрасте.

Данные о среднем количестве лет работы преподавательского корпуса представлены в таблице 16.

Таблица 16. Среднее количество лет работы преподавательского корпуса С.-Петербургского университета (1819–1917)³⁵

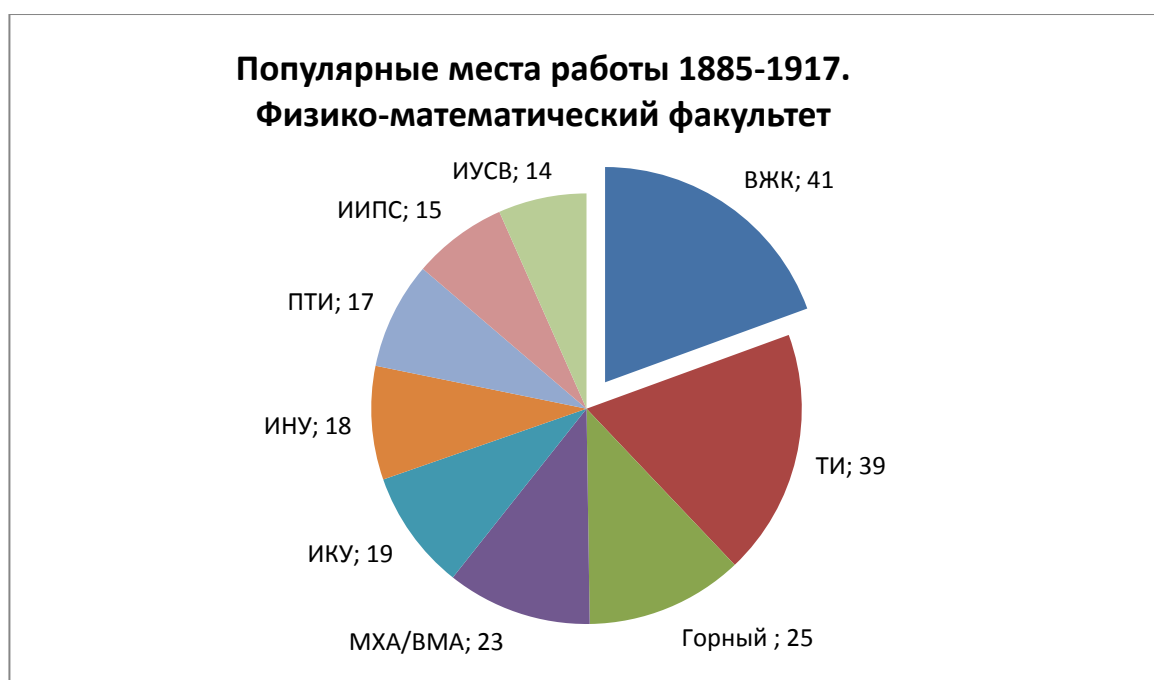
факультет/период	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Физико-математический	13,1	20,3	15,8	14,7
Юридический	14,9	20,6	13,1	12,7
Восточных языков	16,5	18,4	17,6	15,1
Историко-филологический	13,9	18,7	12,1	13,7
По университету	14,3	19,5	14,2	14

³⁴ Общий устав императорских российских университетов 1835 г. §82, 83 // Уставы ... С. 160; Общий устав императорских российских университетов 1863 г., §78 // Там же. С. 212; Общий устав императорских российских университетов §104, 105 // Там же. С. 271–272.

³⁵ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

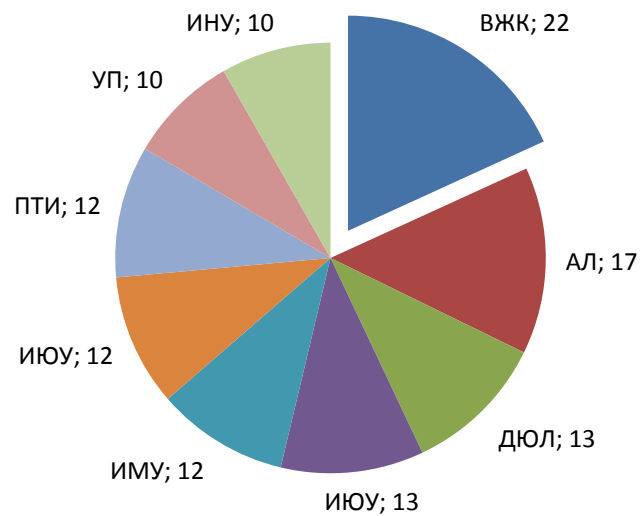
С точки зрения проблемы академической мобильности интересно рассмотреть и популярные места работы преподавателей различных факультетов помимо университета. За период с 1885 по 1917 гг. они отражены в следующих гистограммах 1-3.

Гистограмма 1. Популярные места работы профессорско-преподавательского состава С.-Петербургского университета по факультетам (1885–1917) (гистограммы 1 -3)³⁶.

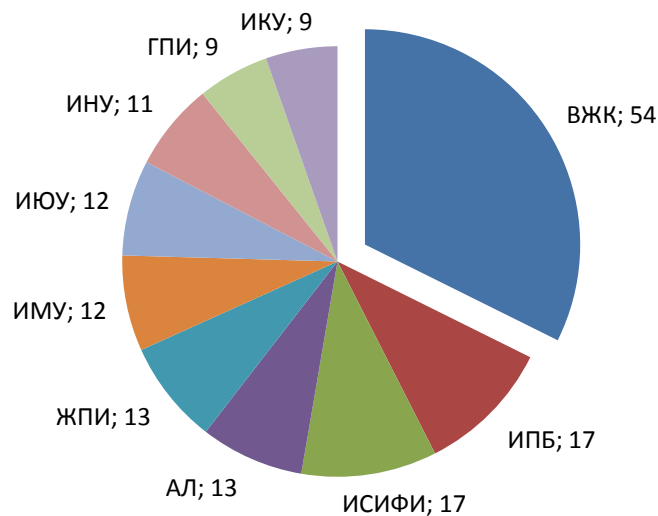

³⁶ Гистограммы составлены по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

**Популярные места работы 1885-1917.
Юридический факультет**

**Популярные места работы 1885-1917.
Историко-филологический факультет**

Данные представленных выше гистограмм показывают, ведущее значение Высших женских (Бестужевских) курсов в жизни университетского преподавательского сообщества, которые выступали своеобразным параллельным женским университетом. Среди учебных учреждений столицы, в которых активно работали представители университетской корпорации, следует

особо указать на Женский педагогический институт, Политехнический и Горный институты, а также отметить их работу в неправительственных учебных заведениях (таких как Психоневрологический институт, Высшие курсы им. П.Ф. Лесгафта, Женские строительные курсы, Историко-юридические курсы М.Н. Стоюниной и т. п.), ученых учреждениях (Императорская Археологическая комиссия, Императорская Археографическая комиссия, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии и т. п.). Среди неправительственных учебных заведений можно указать и на одно «национальное» – Курсы востоковедения барона Д. Г. Гинцбурга, которые давали возможность получить высшее образование по семитологии лицам, не имевшим возможности поступить на факультет восточных языков и на которых работали в том числе собственно профессора и доценты этого факультета (Д.А. Хвольсон, С. фон Гольдштейн и др.)³⁷.

Обращаясь к теме, академической мобильности сразу отметим, что университет никогда не являлся замкнутой кастой – его выпускники (включая выпускников его предшественника – Педагогического института) составляли по нашим подсчетам 58,2% преподавательского корпуса. По факультетам, разумеется, эти данные были различными (см. табл. 16).

Так на физико-математическом факультете его выпускники в составе преподавателей составляли 62,2%. Среди высших учебных заведений, помимо столичного университета, которые оканчивали будущие преподаватели факультета, лидировали Московский университет (8,2%), Юрьевский университет (4,3%), Медико-хирургическая (военно-медицинская) академия (3,1%). В то же время факультет был самым замкнутым. Процент собственных выпускников среди преподавательского состава на факультете восточных языков был 46%. вторым по количеству выпускников для восточников

³⁷ См. об этом: *Носовский М.* Из истории высшего еврейского образования в России (К 100-летию открытия Курсов востоковедения им. Барона Гинцбурга) // Еврейская старина. 2008. №1 (54). URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer1/MN83.htm> (дата обращения: 10.05.2015); *Lauersen A. Alicia* Jewish Political Participation in Late Imperial Russia. 1881 – 1917.[Dissertation for the daegree of master of Arts] p.26-27.

был Казанский университет (7%). 62,7% преподавателей историко-филологического факультета являлись выпускниками столичного университета, 8,2% – Московского, 4,7% – Юрьевского университета и Историко-филологического института. На юридическом факультете 54,3% являлись выпускниками Петербургского университета, также его ряды пополнялись бывшими студентами Московского университета – 11,3%, затем шли Харьковский и Киевский университеты (по 4,6%). Обобщенные данные по количеству собственных выпускников по периодам и факультетам представлены в таблице 17.

Таблица 17. Количество выпускников Петербургского университета в среде преподавательского корпуса (1819–1917)³⁸

Учебное заведение	1819–1850	1851–1884	1885–1917	1819–1917
Юридический				
СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	41,9%	60,4%	54,8%	54,3%
Другое	54,8%	35,4%	39,4%	38,5%
Нет данных	3,2%	4,2%	5,8%	7,2%
Физико-математический				
СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	31,6%	64,8%	67,5%	62,2%
Другое	39,5%	31%	29,4%	31,1%
Нет данных	28,9%	4,2%	3,1%	6,7%
Историко-филологический				
СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	38,2%	57,9%	69%	62,7%
Другое	29,4%	42,1%	29,5%	31,8%
Нет данных	32,4%	-	1,5%	5,5%
Восточных языков				
СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	27,8%	29,4%	60%	46%
Другое	55,6%	31,4%	20%	26,2%

³⁸ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

Нет данных	16,6%	39,2%	20%	27,8%
Всего				
СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	34,7%	54,2%	63,9%	58,2%
Другое	43,8%	34,8%	30,8%	32,4%
Нет данных	21,5%	11%	5,3%	9,4%

Для научного мира XIX – начала XX в., разумеется, не существовало таких критериев «научной эффективности», которые приняты в современной наукометрии. Статистические изыскания в этой сфере носят в достаточной степени условный характер; в то же время по мере институционального становления университетского сообщества все большее значение для определения статуса ученого и занятия определенной позиции в корпорации имели такие формальные атрибуты, как научная степень, публикации (монографические и в научной периодике). Данные относительно книжных публикаций профессорско-преподавательского состава по периодам и факультетам отражены в табл. 18.

Таблица 18. Публикационная активность преподавателей университета³⁹

Период	Среднее количество публикаций до года смерти	Среднее количество публикаций в годы преподавания до 1917 г.	Среднее количество публикаций за один год преподавания на 1 человек до 1917
Физико-математический			
1819–1850	9,1	4,6	3
1851–1884	33	20,4	1,1
1885–1917	29,1	14,3	1,3

³⁹ Сост. по каталогу Российской Национальной библиотеки. Режим доступа: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do (дата обращения 1.02. 2016).

Всего	25,6	12,5	1,4
Юридический			
1819–1850	17,6	2	0,1
1851–1884	27,6	5,9	0,3
1885–1917	29,3	7,2	0,6
Всего	22	9,4	0,8
Восточных языков			
1819–1850	3,7	1,5	0,4
1851–1884	9,3	7,5	0,4
1885–1917	21,7	11,4	0,8
Всего	15,5	7,9	0,6
Историко-филологический			
1819–1850	13,9	8,3	0,6
1851–1884	40,1	17,4	0,9
1885–1917	31,9	12	3,4
Всего	31,6	12,4	1,4

Впечатляющие количественные показатели, относящиеся ко второму и третьему периодам, объясняются особенностями книгоиздания второй половины XIX – начала XX вв., когда общепринятой была практика публикации оттисков статей, которые получали отдельные выходные данные книжного издания. На количественные показатели также воздействовало и многократное переиздание (в том числе литографическим способом) лекций, читаемых преподавателями в университете и других учебных заведениях (см. главу 3).

Примерно такая же картина по факультетам (см. таблицу 19) складывается относительно преподавательской активности. В среднем преподаватель физико-математического факультета дореволюционной эпохи за всю свою карьеру читал порядка 4,9 разных курсов, по историко-филологическому факультету 6,7, по юридическому – 3,6, по факультету восточных языков – 2,8. В целом по университету 1 преподаватель читал 5 различных курсов.

Таблица 19. Преподавательская активность по периодам и факультетам (1819–1917)⁴⁰

Период	Среднее количество наименований курсов за все годы преподавания до 1917	Среднее количество новых курсов за 1 год преподавания до 1917
Физико-математический		
1819–1850	3,1	0,3
1851–1884	6,7	0,3
1885–1917	5,1	0,3
Всего	4,9	0,3
Юридический		
1819–1850	3	0,2
1851–1884	4,1	0,2
1885–1917	3,9	0,3
Всего	3,6	0,3
Восточных языков		
1819–1850	1,9	0,5
1851–1884	2,6	0,1
1885–1917	3,6	0,2
Всего	2,8	0,2
Историко-филологический		
1819–1850	3,3	0,2
1851–1884	9,8	0,5
1885–1917	7,9	0,8
Всего	6,7	0,2

Религиозный и социальный состав преподавательской корпорации в целом был достаточно стабилен и однороден. В социальном плане большинство преподавателей происходило из семей дворян и чиновников, в религиозном — из православных. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют реконструировать религиозно-конфессиональный состав преподавательской корпорации по факультетам университета в достаточной степени уверенно за период с 1885 по 1917 гг. (см. таблицу 20).

⁴⁰ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Объявления / обозрения преподавания по С.-Петербургскому университету. СПб. [Пг.], 1823-1917.

Таблица 20. Религиозный состав профессорско-преподавательского корпуса по факультетам в 1885–1917 гг.⁴¹

Физико-математический	
Православные	84,4%
Католики	4,9%
Протестанты	7,8%
Иудеи	1,9%
Армяно-григориане	1%
Юридический	
Православные	88,4%
Католики	3,4%
Протестанты	5,8%
Иудеи	1,2%
Армяно-григориане	1,2%
Восточных языков	
Православные	67,8 %
Католики	3,6%
Протестанты	14,2%
Армяно-григориане	3,6%
Буддисты	3,6%
Караимы	3,6%
Магометанине	3,6%
Историко-филологический	
Православные	81,3%
Католики	6,5%
Протестанты	11,4%

⁴¹ Отчеты С.-Петербургского университета за 1885-1916 гг. СПб. [Пг.], 1884-1916; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16338.

Иудеи	0,8%
Университет в целом	
Православные	82,9%
Католики	5%
Протестанты	9,1%
Иудеи	0,9%
Другие	2,1%

Для примера приведем данные в абсолютных цифрах за 1910–1911 учебном год: из 304 человек учебного состава православные составляли 266, католики — 16, члены протестантских церквей — 35 человек, армяно-григориане — 3 человека, иудеи — 2 человека, мусульмане — 1 человек, буддисты — 1 человек. При этом среди университетской профессуры представителей нехристианских конфессий вовсе не было — 60 православных и по 6 протестантов и католиков. Таким образом, если в целом в учебном персонале процент представителей неправославного вероисповедания составлял более 20%, то в университетской элите (среди профессоров-членов Совета) — менее 10%⁴². Разумеется, эта ситуация скорее отражала правительственную политику и карьерно-профессиональные устремления этнорелигиозных групп российской интеллигенции, нежели фобии университетской элиты, в религиозном плане толерантной — достаточно напомнить, что долгое время университет возглавляли поочередно два избранных ректора-лютеранина — два родных брата — историк Эрвин и историк-юрист Давид Гримм. Впрочем, как видно из приведенных выше данных, до 1917 г. допуск лиц иудейского вероисповедания в профессорскую среду был фактически закрыт и ограничен в отношении «оставленных в университете» и «младших

⁴² См., напр., данные по личному составу Университета в 1911 г.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. / Под ред. экстраорд. проф. Н.А. Булгакова. СПб., 1912. Отдел XI. Личный состав. С. 1–52.

преподавателей»⁴³, хотя прямого запрета на педагогическую деятельность евреев в университетах законодательство не содержало, чиновников МНП все время мучили сомнения по этому поводу⁴⁴. Более того при том, что на крещенных евреев таких как С.А. Венгеров, никакие ограничения не распространялись в документации властей (департамента полиции) подобное происхождение рассматривается как предосудительное⁴⁵.

Обратимся теперь к данным о социальном происхождении профессорско-преподавательского корпуса, представленные в табл. 21.

Таблица 21. Социальный состав профессорско-преподавательского корпуса по факультетам, 1851–1917 гг. (в %) ⁴⁶

Физико-математический		
	1851–1884	1885–1917
Дворяне	41,3	46,9
Духовенство	11	6,2
Дети почетных граждан	-	1
Дети чиновников	11	11,5
Казачество	-	2,1
Мещане	2,2	5,2

⁴³ См. об этом напр.: *Каган А.С.* Воспоминания // Архив еврейской истории. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О.Р.Демидовой. М., 2004. Т.1. С.35-37. Ср.: М.Я. Лазерсон – П.А. Сорокину, 15 сентября 1936 г. // Пителим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П. П. Кротова. Вологда, 2009. С.50; *Кауфман А. А.* Автобиография // Вестник статистики. 1921. № 5–8. С. 260–274.

⁴⁴ См., в частности, переписку по поводу приват-доцентуры Ш.М. Франкфурта, которую МНП вело с попечителем Петербургского учебного округа в 1898 г., то затрудняясь допустить Ш.М. Франкфурта к чтению лекций в звании приват-доцента и находя «крайне неудобным в интересах правильного течения университетской жизни допущение евреев в число университетских преподавателей», то позволяя попечителю дать такое разрешение (РГИА. Ф. 733. Оп.150. Д.1548. Л.51-64).

⁴⁵ Список личного состава администрации и профессоров С.Петербургского университета с указанием кратких сведений об их прежней деятельности // РГИА. Ф.733. Оп.151.Д.117. Л.16.

⁴⁶ Сост. по: Список профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

Интеллигенция ⁴⁷	19,2	16,7
Дети крестьян	6,5	5,2
Купечество	8,7	5,2
Юридический		
Дворяне	36	29,5
Духовенство	24	11,5
Дети почетных граждан	-	5
Дети чиновников	-	18
Казачество	-	-
Мещане	-	3,8
Интеллигенция ⁴⁸	28	14,1
Дети крестьян	8	3,8
Купечество	4	14,1
Восточных языков		
Иностранцы или иностранные подданные	73	43,6
Дворяне	10,8	20
Духовенство	9,1	14,6
Дети почетных граждан	-	3,6
Дети чиновников	5,4	7,3
Казачество	-	
Мещане	2,7	3,6
Интеллигенция ⁴⁹	-	3,6
Дети крестьян	-	1,8
Купечество	-	1,8
Историко-филологический		
Дворяне	36	32,4

⁴⁷ Для тех случаев, где указано — сын профессора, врача, музыканта и др.

⁴⁸ Для тех случаев, где указано — сын профессора, врача, музыканта и др.

⁴⁹ Для тех случаев, где указано — сын профессора, врача, музыканта и др.

Духовенство	36	12,7
Дети почетных граждан		2,8
Дети чиновников	4	25,4
Казачество		2,8
Мещане	8	4,2
Интеллигенция ⁵⁰	12	7
Дети крестьян	4	1,4
Купечество		7

Сразу следует оговориться, что данные о социальном происхождении преподавательского корпуса в настоящем обзоре не полны и включают в себя опубликованные сведения⁵¹ (существенно дополненные данными формулярных списков профессоров и младших преподавателей за последний период⁵²). В первый период приблизительно половина преподавателей происходила из духовного сословия, которое в XVIII – начале XIX в., как известно, являлось одним из основных источников формирования кадров для образовательной системы страны. Во второй период дети духовенства по численности уступали на 8% детям дворянства; в третий период дворянство представляло почти половину (46,9%), а вместе с детьми чиновников эта группа составляет 58,4% от общего числа преподавателей. Интересно, что приведенные выше данные вполне коррелируются с сведениями о социальном составе университетского студенчества эпохи устава 1884 г., где физмат как раз оказался наиболее привилегированным по социальному составу⁵³.

В целом данные позволяют говорить о том, что процесс демократизации образовательной системы, связанный с массовым наплывом в высшие

⁵⁰ Для тех случаев, где указано — сын профессора, врача, музыканта и др.

⁵¹ Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916].

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.

⁵³ *Баринев Д.А.* Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884-1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. №10. С. 47.

учебные заведения (в том числе в Петербургский университет⁵⁴) представителей непривилегированных сословий, не успел существенным образом ска-
заться на составе факультетской преподавательской корпорации.

В то же время нельзя сказать, что сословная элитарность предопределяла высокий уровень благосостояния: из 40 профессоров юридического факультета, трудившихся в период с 1904 по 1917 г., только 6 человек владели имуществом (4 — землей и домом; 2 — только землей)⁵⁵; из 40 профессоров физико-математического факультета, трудившихся в этот период только 7 человек владели имуществом (3 — землей и домом; 4 — только землей, 1 — дом и лавка)⁵⁶; из 29 профессоров историко-филологического факультета, трудившихся в период с 1904 по 1917 г., только 5 человек владели имуществом (2 — землей и домом; 3 — только землей)⁵⁷; наконец, из 12 профессоров факультета восточных языков, работавших в период с 1904 по 1917 г. никто не владел каким-либо имуществом⁵⁸. Таким образом, очевидно, что для большинства источником существования было университетское жалование (и заработок в других местах службы).

Фокусное исследование семейного положения профессуры физмата (1904–1917), проведенное по формулярным спискам, показывает, что в браке состояли (или к этому времени овдовели) 82% профессоров, а в средней профессорской семье было по двое детей⁵⁹. Последний показатель, разумеется, был значительно ниже общероссийского⁶⁰. Для сравнения число женатых профессоров на восточном факультете составляло 60% (1 ребенок на 2 семьи), на юридическом 77,5% (2-е детей на 1 семью), на историко-филологическом 84,1% (2-е детей на 1 семью).

⁵⁴ См., напр.: *Матвеев М.И.* Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Сборник статей / Отв. ред. М.И. Матвеев. Тамбов, 1981.

⁵⁵ Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.

⁵⁶ Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.

⁵⁷ Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.

⁵⁸ Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.

⁵⁹ Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.

⁶⁰ См., напр.: *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. СПб., 1916. Ч. 2. С. 14–94.

Средняя продолжительность жизнь преподавателя колебалась в высоком для этого времени диапазоне: на юридическом факультете она составляла 64,1 года, что немного ниже как средних данных по университету (64,8), так и показателей историко-филологического и физико-математического факультетов (65,2 и 65,1 года соответственно). Меньше юристов жили только преподаватели факультета восточных языков – 63,9 года. Нам представляется, что свою роль сыграли репрессии 1930-х гг., коснувшиеся сравнительно небольшой профессиональной группы востоковедов в большей степени, чем представителей других наук. Так, в годы «большого террора» были расстреляны Б.Б. Барадин, Е.Д. Поливанов, А.И. Иванов, Д.М. Позднеев и А.Н. Самойлович. Ц.Ж. Жамрацано, А.Э. Шмидт умерли в заключении.

Гендерный состав университетской корпорации был полностью мужским за двумя историческими во всех смыслах исключениями, которые стали возможными законодательно только в 1911 г. для женщин с учеными степенями. В университете их было всего двое. В 1914 г. в состав приват-доцентов по кафедре русской истории была включена М.А. Островская⁶¹, в 1915 – по кафедре всеобщей истории О.А. Добиаш-Рождественская⁶².

Наш обзор показывает особенности научного и социального портрета каждого факультета и подводит нас к специальной характеристике каждой из этих внутриуниверситетских корпораций.

2.3. Физико-математический факультет⁶³

Физико-математический факультет университета был образован на основе соответствующего факультета (отделения) Главного Педагогического

⁶¹ Автобиография М.А. Островской // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д.36. Л.31-31об.

⁶² Потехина И.П. Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна // Биографика СПбГУ. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1354.html> (дата обращения. 01.06.2016).

⁶³ См. также: Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819 - 1917): опыт коллективной биографии // Международные отношения и диалог культур. Сборник научных статей. №4 (2015). СПб., 2016. С.177-216.

института, к введению которого были отнесены следующие науки и кафедры – чистая и прикладная математика, астрономия, физика, химия, зоология, ботаника, минералогия и геодезия⁶⁴. По Университетскому уставу 1835 г. его кафедры перешли в состав II Отделения философского факультета, однако затем, после реформы 1849-50 г., вновь образовали физико-математический факультет, который просуществовал до 1931 г., когда на его базе возникли т.н. «секторы подготовки кадров» по различным специальностям, на основе которых в свою очередь, в 1932-34 гг. был создан ряд факультетов – химический, математики и механики, физический и др. Нет сомнения в том, физико-математический факультет Петербургского университета императорского периода — одно из мест формирования ведущих российских научных школ в разных отраслях знания: математики, физики, химии, биологии, геологии, географии.

Во второй половине XIX – начале XX в. факультет стал общепризнанным науки в мировом масштабе. Достаточно, упомянуть, что на факультете в этот период работали ученые, имена которых по сей день составляют «визитную карточку» российской науки в мире: А.Н. Бекетов, П.И. Броунов, А.М. Бутлеров, А.В. Васильев, А.И. Воейков, Х.Я. Гоби, В.В. Докучаев, Д.И. Ивановский, А.А. Иностранцев, А.О. Ковалевский, В.Л. Комаров, А.Н. Коркин, Э.Х. Ленц, А.А. Марков, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, В.И. Палладин, Ф.Ф. Петрушевский, Д.С. Рождественский, С.С. Ростовцев, В.А. Стеклов, И.М. Сеченов, В.Е. Тищенко, А.А. Ухтомский, А.Е. Фаворский, А.С. Фаминцын, О.Д. Хвольсон, П.Л. Чебышев, Л.А. Чугаев, В.Т. Шевяков, В.М. Шимкевич и другие. Как отмечалось в литературе, факультет стал центром формирования ведущих российских научных обществ (Санкт-Петербургское

⁶⁴ Статья Журнала Главного управления училищ. 15 января 1820 года. // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ... С.112, Представление Рунича Министру Народного просвещения от 31 января 1826 года с отчетом о состоянии С.-Петербургского университета и учебных заведений чего округа // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ... С. 394-395

общество естествоиспытателей, Русское физико-химическое общество, Общество земледения и др.)⁶⁵.

Неудивительно, что литература, посвященная как отдельным персоналиям, работавшим на физико-математическом факультете, так и его научным школам огромна. Важные обобщающие работы выходят уже в 1940-50-х гг.⁶⁶, однако изучение различных сторон научной истории факультета продолжилось и в более поздних работах⁶⁷ и по нашим наблюдениям значительно превосходит по крайней мере с библиографической точки зрения число работ, посвященных трем другим дореволюционным факультетам⁶⁸.

⁶⁵ См., напр.: *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905-1917) // Университет и город в России (начало XX века). Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М: Новое литературное обозрение., 2009. С.233-237. См. также главу 5.

⁶⁶ См., напр.: *Жуков И.И.* Очерк истории химии в С.-Петербургском – Петроградском – Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция хим. наук. Л., 1946. С.93-111; *Делоне Б.Н.* Петербургская школа теории чисел. М.;Л., 1947; *Полянский Ю.И.* Профессор В.А. Догель (К 40-летию научно-педагогической деятельности) // Вестник ЛГУ. 1947. №4. С. 159-162; *Волкова Т.Б.* Русское- физико-химическое общество и Петербургский-Ленинградский университет // Вестник Ленинградского университета. 1950. №5. Май. С. 119-123; *Гогоберидзе Д.Б.* Замечательный русский физик Э.Х. Ленц // Вестник ЛГУ, 1950, №2. Февраль. С. 3-29; *Догель В.А.* История развития биологических наук в Ленинградском государственном университете // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция биологических наук. Л., 1946. С. 3-18; *Догель А.Ф.* О.А.Ковалевский и Санкт-Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета. 1951. №11. С.95-99; *Горшков П.М.* Профессор Александр Александрович Иванов - основатель школы теоретиков-астрономов в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник Ленинградского университета. 1948. №9. С.111-121; *Кузнецов С.С.* Крупный русский ученый Ф.Ю. Левинсон-Лессинг // Вестник ЛГУ. 1948. №5. С. 128-144; *Кузнецов С.С.* Профессор Александр Александрович Иностранцев // Вестник ЛГУ. 1948. №3. С.136-148; *Полюнов Б.Б.* Роль Ленинградского университета в развитии науки о почве как отрасли естествознания // Вестник ЛГУ. 1947. №9. С. 151-162; *Толстомятов В.М.* Александр Михайлович Бутлеров - творец теории химического строения органических соединений // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 3-12; *Шилова Е.И.* Докучаев в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1948. №7. С. 125-130; *Васильев Л.Л.* Николай Евгеньевич Введенский (К 25-летию со дня смерти) // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 92-97; *Райков Б.Е.* Из истории зоологии в Ленинградском государственном университете // Вестник Ленингр. университета. 1953. Серия Биологии, Географии и Геологии. № 4. С.73-86. и мн.др.

⁶⁷ См., напр.: *Смирнов А.И.* Математическая физика в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып.1. С.11-19; *Поляхов Н.Н.* Развитие кафедры механики в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып.1. С.25-27; *Полянский Ю.И.* О научных зоологических школах Ленинградского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып.1. С.29-38; *Макареня А.А.* Химия в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник Ленингр. университета. Физика, химия. 1969. № 4. Вып. 1. С. 19-33; *Линник Ю.В., Смирнов В. И.* и др. Математика в Петербургском-Ленинградском университете. Л.: Изд-во ЛГУ. 1970; *Ожигова Е.П.* Александр Николаевич Коркин. Л., 1968; *Горшков П.М.* Очерки по истории астрономии в Петербургском-Ленинградском университете / В.К.Вишневский, С. И. Зеленой, А. Н. Савич // Ученые записки ЛГУ. 1976. № 385. Сер. матем. наук. Вып. 32. С. 194-199; *Комаров И.В.* Физика в Санкт-Петербургском университете в XIX в. // Очерки по истории С.-Петерб. университета. Т.8. СПб., 2000. С. 80-88; *Лопатухина И.Е., Поляхова Е.Н., Поляхов Н.Н., Лопатухин А.Л.* Основные этапы развития петербургской школы механики в XIX столетии // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб., 2002. С. 47-63 и др.

⁶⁸ См.: История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии. // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве [Электронный ресурс] URL: http://museum.pu.ru/history/part1/part1.2/Biblogr_2012.pdf (дата обращения: 05.03.2013).

Между тем комплексных работ по истории этого факультета в литературе пока не было. Одной из причин этой ситуации является очевидная тенденция отраслевого изучения различных отраслей научного знания и биографики в сфере точных и естественных наук, которая доминировала в историографии XX – начала XXI в.⁶⁹ Разумеется, что данное обстоятельство связано, в свою очередь, с тем, что на факультете на протяжении всего его существования присутствовала углубленная специализация (см. табл. 22), причем в отличие от других факультетов даже в официальной университетской документации подчеркивалось разделение студентов на «естественников» и «математиков».

Таблица 22. Отделения, разряды, направления преподавания физико-математического факультета (1819–1917)⁷⁰.

периоды	отделения	направления преподавания
1819–1850	Физико-математический разряд, естественноиспытательский разряд	
1851–1861	Разряд математических наук, разряд естественных наук	
1863–1884	Математический разряд, естественный разряд	
1885–	Математический разряд	До 1904 г. – по группам наук (8) 1904–1906: математика, астро-

⁶⁹ По этому принципу построены и основные отечественные биографические справочники по истории науки, где представлены в т.ч. и герои нашего очерка - см напр.: Волков В. А., Куликова М.В.: 1) Российская профессура XVIII - начало XX в.. физико-математические науки... 2) Российская профессура XVIII - начало XX вв.. Биол. и мед.-биол. науки...; 3) Российская профессура XVIII - начало XX в.. химические науки...; Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008 : энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост.: Э.И. Колчинский, А.А Федотова. СПб., 2011. 566 с.

⁷⁰ Сост. по: Сравнительная таблица уставов университетов ...; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб., 1902; Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870; С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ...; Объявления публичного преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском университете на 1825-1860 ак. г. от ректора и совета. СПб., 1824-1860; Обозрения преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872-1884 ак. г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1871-1883. СПб., 1872-1884. №6-28; Обозрения преподавания наук в Имп. С.-Петербургском [Петроградском] университете в 1867-1869, 1885-1916 гг. СПб: Пг., 1868-1916;

1917		номия, физика 1906–1912: математика, астрономия, физика (подгруппы: физика, физическая география и метеорология) 1912–1917: математика, астрономия, физика
	Естественный разряд	До 1904 г. – по группам наук (8) 1904–1906: химия, зоология, физиология животных, гистология, минералогия, геология, агрономия, техническая химия, география, метеорология 1906–1912: химия (подгруппы: физикохимия, минеральная химия, органическая химия), минералогия и геология, биология, география, агрономия 1912–1917: химия, география, агрономия

Спецификой физмата является и то, что из факультетов российских университетов наиболее заметным расхождением между численностью кафедр и профессуры было как раз на этом факультете – на 10 кафедр по уставу 1884 г. полагалось по штату целых 17 профессоров⁷¹. В табл. 23 представлено распределения преподавательского состава по кафедрам.

Таблица 23. Кафедры физико-математического факультета (1819–1917). Распределение преподавательского состава⁷².

⁷¹ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т.IX. Царствование императора Александра III. 1884 год. Стб.1003.

⁷² Сост по: Сравнительная таблица уставов университетов ... С. 93-96; С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ... С. 393-394; Сетевой биографический словарь профессоров и препода-

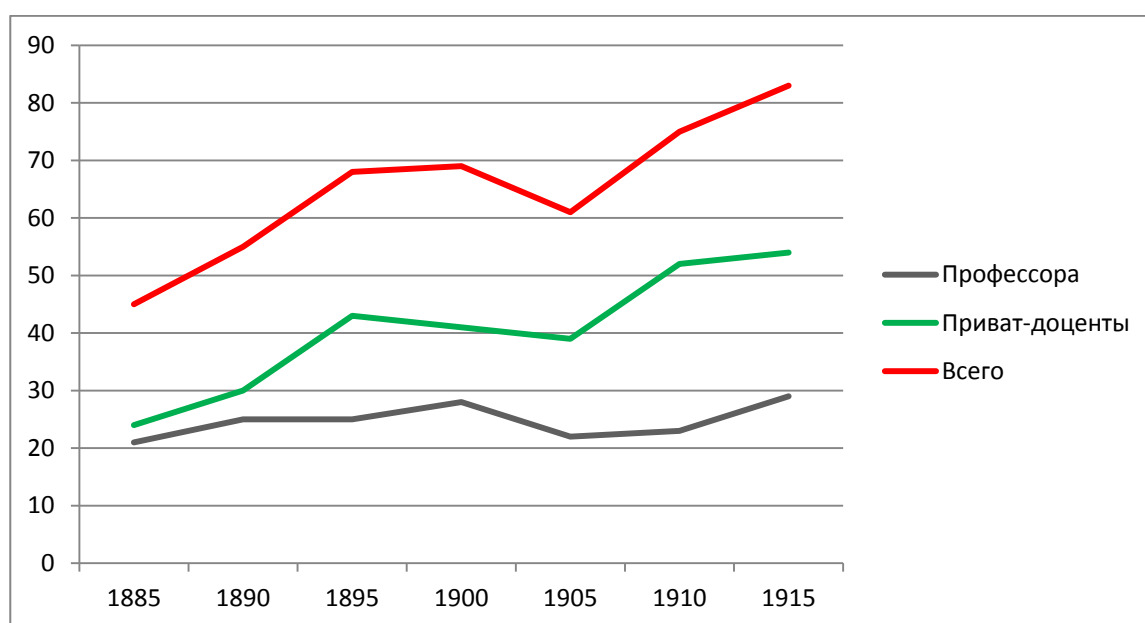
Названия кафедр		Хронологические рамки	Количество профессоров	Количество младших преподавателей	Общее число преподавателей
Ботаники		1819–1917	11	27	31
Химии		1819–1917	9	23	24
Зоологии		1819–1917	14	60	63
Географии и этнографии		1890–1917	1	6	7
Минералогии и геогнозии		1819–1884	5	8	9
Минералогии и геологии		1884–1917	3	18	20
Астрономии		1819–1863	1	4	5
Астрономии и геодезии		1863–1917	4	6	7
Агрономии		1835–1917	4	8	8
Сельского хозяйства		1859–1884	1	0	1
Механики практической и аналитической (практической и теоретической)		1863–1917	5	8	8
Технологии		1843–1846	1	0	1
Технологии и технической химии (с 1884 г. – технической химии)		1855–1860, 1886–1888	1	2	2
Физики и физической географии		1835–1863, 1884–1917	9	22	25
Физики		1819–1835, 1863–1884	6	13	14
М а т е м	Чистой и прикладной математики	1850–1863	7	8	8
	Прикладной математики	1863–1884	1	2	2
	Чистой математики	1863–1917	27	28	28

вателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

а т и к и	Всего	15	33	35	35
	Гражданской архитектуры и строительного искусства	1842–1843, 1851–1853 ⁷³	1	1	2

Уже с середины 1880-х гг. количество приват-доцентов на физмате начинает превосходить число профессоров, а к середине 1910-х разрыв становится практически двукратным (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Динамика численности ППС физико-математического факультета (1885–1915 гг.)⁷⁴

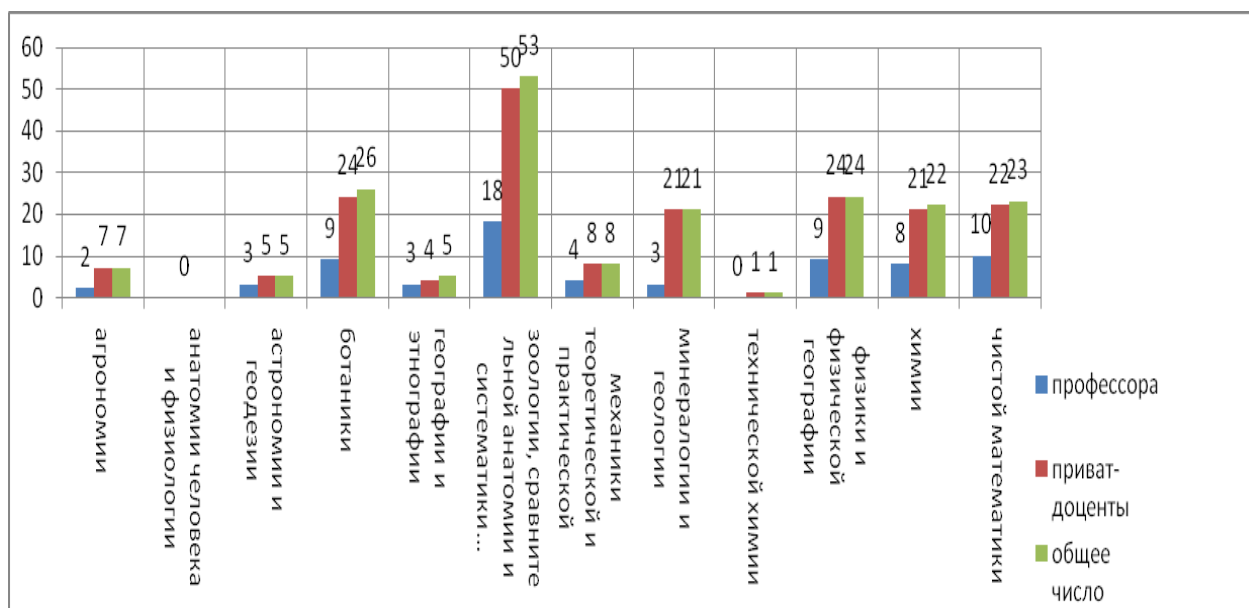

Распределение профессоров и приват-доцентов факультета по кафедрам в 1885- 1917 гг. представлено в диаграмме 2.

⁷³ С 1853 г. – на юридическом факультете

⁷⁴ Сост. по Обозрению преподавания в Императорском С.-Петербургском/Петроградском университете за 1868-1916 гг. СПб; Пг., 1868-1916; Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> Дата обращения: 20.08.2015.

Диаграмма 2. Распределение преподавателей физико-математического факультета по кафедрам (1885–1917)⁷⁵

Комментируя Диаграмму 2, следует отметить, что наиболее интенсивно развивались кафедры естественно-научного цикла: зоологии, ботаники, химии. Это положение в целом соответствовало и студенческим предпочтениям пореформенной эпохи – традиционному количественному доминированию естественников над математиками, начиная с середины 1890-х гг.⁷⁶

Постепенно рос и стаж работы на факультете. Если среди деятелей первого периода мы можем назвать всего одного долгожителя, работавшего на факультете более 40 лет – А.Н. Савича (1810–1881) – с 1839 – до кончины, то для второго таких уже 13 человек, а для третьего – 17 человек. Больше полувека отдали службе на факультете А.Е. Фаворский (1860–1945), П.А. Земятченский (1856–1942), Ю.В. Сохоцкий (1842–1927), В.Е. Тищенко (1861–

⁷⁵ Сост. по Обозрению преподавания в Императорском С.-Петербургском/Петроградском университете за 1868-1916 гг. СПб; Пг., 1868-1916; Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> Дата обращения: 20.08.2015. Диаграмма составлена с учетом того, что ряд преподавателей являлись сначала младшими преподавателями, а затем профессорами.

⁷⁶ Отчеты Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета за 1894-1916 гг. СПб., [Пг.], 1895-1916.

1941). Дольше всех в советскую эпоху из дореволюционных преподавателей факультета – с 1911 г. и до смерти работал знаменитый зоолог Валентин Александрович Догель (1882–1955), преподававший с 1911 г. (с 1909 – хранитель кабинета, с 1911 г. – приват-доцент, с 1913 – профессор). Вообще же продолжительнее всех на факультете работал легендарный физик Орест Данилович Хвольсон (1852–1934) – 58 лет – с 1876 г. до кончины, а с учетом работы на должности хранителя – П.А. Замятченский (60 лет).

На конкретных примерах «самых молодых» преподавателей видно, как шел процесс ужесточения требований к преподавательскому корпусу факультета по выделенным периодам. Так самыми молодыми преподавателями физмата за всю рассматриваемую эпоху стали в 21 год П.В. Тихомиров (в 1824), Ф.В. Чижов (в 1832) и Е.И. Золотарев (в 1868), 3-6 места делят начавшие преподавание в 23 года Н.Т. Щеглов (с 1823), Д.И. Менделеев (с 1857) и И.И. Мечников (с 1868). Нетрудно заметить, что среди перечисленных ученых нет ни одного приступившего к работе в последний период, после введения в действие Университетского устава 1884 г. – в этот период наиболее молодыми преподавателями стали А.А. Марков (1886), О.Д. Хвольсон (1890) и И.А. Клейбер (1892), приступившие к преподаванию в 24 года. В целом эту картину подтверждает и динамика занятия профессорской кафедры – быстрые защиты докторских диссертаций обеспечили в 27 лет профессиру Н.А. Меншуткину (1869), в 28 лет И.Ф. Циону (1870) и в 29 лет Н.Т. Щеглову (1829), А.Н. Савичу (1839), П.Л. Чебышеву (1850) и Е.И. Золотареву (1876). После введения устава 1884 г. самыми молодыми профессорами стали в 30 лет А.А. Марков и Д.П. Коновалов (оба в 1886 г.), в 31 год профессорами стали В.М. Шимкевич (1889) и В.А. Догель (1913).

Напротив, задержка в защите диссертации на физмате могла положить конец надеждам на профессиру в столичном университете. Например, знаменитый биолог Д.И. Ивановский из-за задержки с защитой докторской диссертации в 1901 г. (факультет ждал защиты 5 лет) вынужден был отказаться от

перспективы профессуры в университете, уступив ее доктору В.И. Палладину, сам же в виде компенсации получил экстраординарную профессиу в провинциальном Варшавском университете (бывшее место В.И. Палладина)⁷⁷.

2.4. Юридический факультет⁷⁸

Предшественником философско-юридического факультета университета, также как и других факультетов, был соответствующий факультет (отделение) «наук философских и юридических» Главного педагогического института. В числе первых кафедр факультета следующие – теоретической и практической философии, теории уголовного права и прав естественного, публичного и народного, российского гражданского и уголовного права и судопроизводства, римского права, политической экономии⁷⁹. Названия перечисленных кафедр зримо показывают, что факультет в своих занятиях охватывал юридические науки, экономику и философию. Ситуация изменилась с введением в действие Устава 1835, когда факультет утратил приставку «философско», а сама философия была отнесена к историко-филологическим наукам. Между тем, экономика и вообще «камеральные науки» оставались в введении юридического факультета вплоть до 1919 г., когда кафедры факультета в ходе реорганизации влились в ФОН (факультет общественных наук).

⁷⁷ Максимов Н.А. Жизнь и научная деятельность Д.И. Ивановского // Памяти Дмитрия Иосифовича Ивановского. М., 1952. С.16; Ср.: Фролова Л.А. Владимир Иванович Палладин. 1859-1922. М., 1986. С.54-55.

⁷⁸ См. также: Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Сосницкий Д.А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии 112-127.

⁷⁹ Представление Рунича Министру Народного просвещения от 31 января 1826 года с отчетом о состоянии С.-Петербургского университета и учебных заведений чего округа // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ... С. 365.

Юридический факультет играл особую роль в подготовке как юридических кадров, так российского чиновничества⁸⁰. Сравнительно с другими факультетами дореволюционного университета о юридическом факультете литературы сравнительно мало⁸¹, хотя библиография работ, посвященных конкретным персоналиям – универсалам, работавшим здесь, огромна⁸². Среди знаменитых юристов, историков права и экономистов Петербургского университета – И.Е. Андреевский, К.И. Арсеньев, С.А. Бершадский, П.И. Георгиевский, А.Д. Градовский, В.М. Грибовский, Д.Д. Гримм, М.А. Дьяконов, Н.Л. Дювернуа, А.А. Жижиленко, К.Ф. фон Зелер, К.Д. Кавелин, И.И. Кауфман, М.М. Ковалевский, А.Ф. Кони, Н.М. Коркунов, В.Н. Латкин, В.А. Лебедев, П.И. Люблинский, П.И. Лященко, А.Н. Макаров, Ф.Ф. Мартенес, Б.В. Никольский, И.Х. Озеров, М.М. Пергамент, Л.И. Петражицкий, А.А. Пиленко, И.А. Покровский, П.Г. Редькин, В.И. Сергеевич, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, М.А. Таубе, Н.С. Тимашев, М.И. Туган-Барановский, В.А. Удинцев, И.Я. Фойницкий, Л.В. Ходский и др. Питомцами факультета были представители как правительственной элиты, так и радикальной оппозиции «старому режиму», пришедшей к власти в 1917 г. Достаточно вспомнить премьеров Б.В. Штюрмера, А.Ф. Керенского, В.И. Ульянова (Ленина),

⁸⁰ См., напр.: Куликов С. В. 1) Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. Рязань, 2004. С.13; 2) Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения-96. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург -2003». СПб.,1996. С. 172. Ср.: Lieven Dominic The Russian Ruling Elite under Nicholas II. Career patterns // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 25. No. 4 (Oct.-Dec.). 1984. P. 429-45.

⁸¹ См.: Юридический факультет СПб. университета. 1819-1894 гг. (Историческая справка к 75-летию С.-Петербургского университета) // Журнал Юридического общества. 1894. Кн. 3. Март. С.4-8; Кричевский Г. Г., Якушев А. Н. Библиография защищенных диссертаций на юридическом факультете Санкт-Петербургского (Петроградского) университета (1823-1918) // Система научной подготовки и аттестации в университетах России и Западной Европы: Исторический опыт (XIV-XX вв.). М., 1998. С. 99-133; Алексеева Т. А. Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2001. № 6. С. 199-208; Осипов И. Д. Философия права в Петербургском университете // Вече. 1999. Вып. 12. С. 183-194; Солодкин И. И. Из истории кафедры уголовного права Петербургского-Ленинградского университета // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып. 1. С. 127-138; Шилов Л. А. Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819-1917) // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып.1. С. 107-120.

⁸² Наиболее подробную библиографию см.: История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии руководитель проекта, проф. А.Ю. Дворниченко. Режим доступа: <https://history.spbu.ru/files/Bibl.pdf> (01.09.2015)

недолго студентом университета был и В.Н. Коковцов⁸³. В литературе справедливо отмечается и то обстоятельство, что на рубеже XIX – XX вв. юридический факультет дореволюционного времени в большей степени, чем какой-либо другой служил «типичным началом художественной биографии»⁸⁴ (Л.Н. Андреев, Н.К. Рерих, В.Д. Поленов, С.П. Дягилев, И.Ф. Стравинский, М.В. Врубель, А.Н. Бенуа, М.М. Зощенко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь, Н.Н. Черепнин и многие другие)⁸⁵.

Отчасти популярность факультета среди российской интеллигенции связана с его универсальностью. Действительно, юридический факультет интересен тем, что специализация студентов по направлениям/разрядам, которая по другим факультетам в течение XIX–начале XX вв. только нарастала, довольно быстро (после 1882 г.) отказалась от этой тенденции (см. табл. 24), подготавливая специалистов широкого профиля. Разумеется, это не исключало ни рекомендованных факультетом «комбинаций предметов» (в областях – «юридических наук» и «государственных и экономических наук»), ни возможностей для самих студентов юридического факультета специализации в той или иной области права или экономики путем записи на как на специальные «обязательные» (по собственному выбору), так и «необязательные» курсы, однако последнее было результатом скорее свободного выбора студента, а не «диктата» факультета⁸⁶.

⁸³ См. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д.17407 Коковцев Владимир Николаевич.

⁸⁴ *Герра Ренэ* Уникальное явление русской художественной культуры XX века. Ю.П. Анненков // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2005. Т. III. С.361.

⁸⁵ *Варунц В.П.* Реформатор музыкального творчества. И.Ф. Стравинский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2003. Т. I. С.386; *Голынец С.В.* Художник русской сказки и былины. И.Я. Билибин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2005. Т. III. С.287.

⁸⁶ См.: *Шилов Л.А.* Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819-1917) // Вестник Ленингр. университета. Экон., филос., право. 1969. № 5. Вып.1. С.110; Обозрения преподавания по юридическому факультету...; Юридический факультет // *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию. М. Киев, 1911. С.26-27; Студенческий справочник на 1910/11 академический год. СПб., 1910. С.56-57.

Таблица 24. Отделения, разряды, направления преподавания юридического факультета (1819–1917 гг.)⁸⁷.

Периоды	Отделения/разряды
1843 (1845) ⁸⁸ –1863	Разряд юридических наук
1843 (1845)–1863	Разряд камеральных наук
1863–1884	Юридический разряд
1863–1884	Административный разряд

Табл. 25 демонстрирует распределение преподавателей факультета по кафедрам и показывает, что по численности в преподавательском корпусе определенно лидировали цивилисты, за ними шли специалисты в области уголовного права, третьей по численности группой выступали экономисты.

⁸⁷ Таблица оставлена по: Сравнительная таблица уставов университетов ... С. 93-96; Объявления публичного преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском университете на 1825-1860 ак. г. от ректора и совета. СПб., 1824-1860; Обозрения преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872-1884 ак. г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1871-1883. СПб., 1872-1884. №6-28; Обозрения преподавания наук в Имп. С.-Петербургском [Петроградском] университете в 1867-1869, 1885-1916 гг. СПб: Пг., 1868-1916.

⁸⁸ Согласно: Юридический факультет СПб. университета. 1819-1894 гг. (Историческая справка к 75-летию С.-Петербургского университета) ... С.6.

Таблица 25. Количество преподавателей юридического факультета по кафедрам (1819–1917 гг.)⁸⁹

Направления науки/кафедры	Названия кафедр	Хронологические рамки	Профессора	Мл. преподаватели	Всего
История римского права	Римское право	1819–1835, 1863–1917	6	7	10
	Римское законодательство и история оногo	1835–1863	1	-	1
	Всего	1819–1917	6	7	10
Уголовное и гражданское судoустройство и судопроизводство	Российское гражданское и уголовное право и судопроизводство	1819–1835	3	1	4
	Уголовное право и гражданское судoустройство и судопроизводство	1863–1884	3	3	6
	Теория уголовного права и права естественного, публичного и народного	1819–1835	2	-	2
	Уголовное право и судопроизводство	1884–1917	8	26	27
	Всего		16	30	38
Политическая экономия	Политическая экономия	1819–1835	3	1	4
	Политическая экономия и статистика	1843–1917	19	22	23
	Всего	1819–1917	21	23	27
Государственное право	Законы государственного благоустройства и благочиния	1835–1863	1	2	3
	Государственное право	1863–1917	5	17	18
	Всего	1835–1917	6	19	21
Финансовое право	Законы о государственных повинностях и финансах	1835–1863	1	-	1
	Финансовое право	1863–1917	5	11	10
	Всего	1835–1917	6	11	11
Гражданское право	Гражданские законы, общие, особенные и местные	1835–1863	4	-	4
	Русское гражданское право и судопроизводство	1884–1887	1	1	2

⁸⁹ Таблица оставлена по: Сравнительная таблица уставов университетов ...С. 93-96; С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ... С. 393-394; Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

	Русское гражданское и торговое право и судопроизводство	1891–1917	8	22	25
	Всего	1835–1917	11	22	31
Полицейское право	Законы полицейские и уголовные	1835–1863	1	1	2
	Полицейское право	1863–1917	7	5	7
	Всего	1835–1917	8	6	9
Церковное право	Церковное законоведение	1863–1884	1	1	2
	Церковное право	1884–1917	2	3	3
	Всего	1863–1917	2	4	4
Энциклопедия права	Энциклопедия законоведения и российских государственных законов	1835–1863	1	2	3
	Энциклопедия права	1863–1884	-	1	1
	Энциклопедия и история философии права	1884–1917	7	7	7
	Всего	1835–1917	8	9	10
Законов царства Польского	Законов царства Польского (Польских гражданских законов и судопроизводства)	1841–1863	4	4	8
Финляндское право	Финляндское право	1901–1907	-	2	2
Местных прав	Местных прав	1907–1918	-	-	-
Международное право	Международное право	1863–1917	6	11	12
История права	История важнейших иностранных законодательств древних и новых	1863–1884	-	-	-
	История русского права	1863–1917	6	8	10
	История славянских законодательств	1863–1917	-	-	-
	Всего	1863–1917	6	8	10
Начала Общенародного правоведения	Начала Общенародного Правоведения	1835–1863	1	-	1
Всего по факультету ⁹⁰		1819–1917	101	156	195

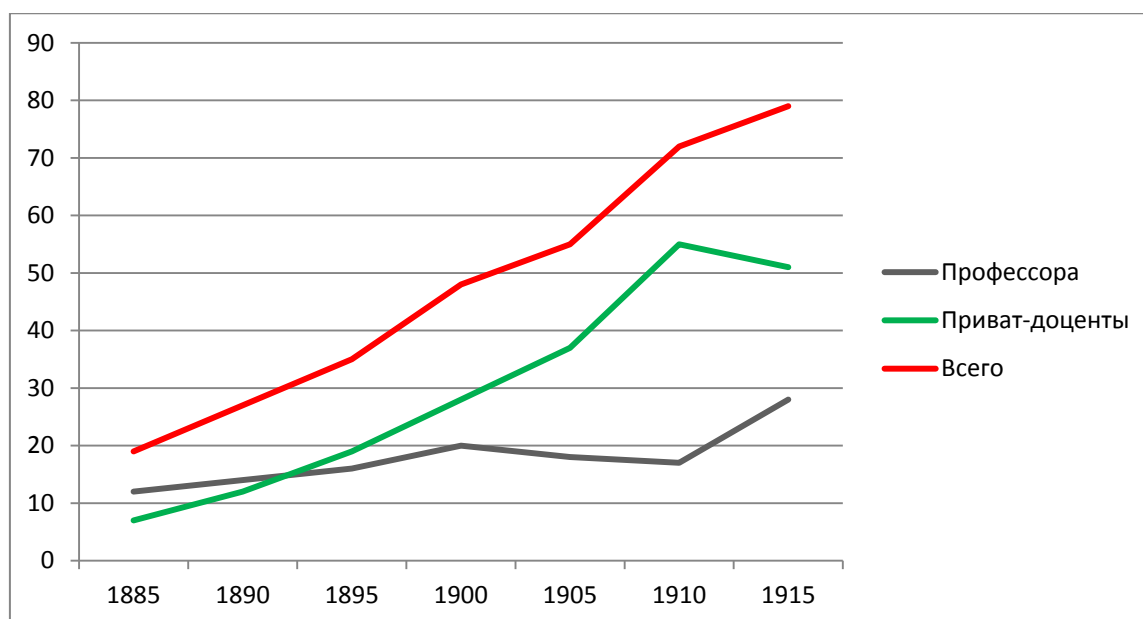
⁹⁰ Без учета преподавателей кафедры технологии и агрономии, которые до перевода на физико-математический факультет числились на юридическом.

Итак, всего в период с 1819 до 1917 на юридическом факультете преподавало 195 человек (188 без учета кафедр технологии и агрономии, переведенных впоследствии на физико-математический факультет). Как же распределяются преподаватели по выделенным периодам? По нашим подсчетам на юридическом факультете за период 1819–1850 гг., преподавало 30 человек (25% от общего числа преподавателей), в период с 1851 по 1884 г. — 48 человек (26,2% от общего числа), с 1885 по 1917 г. — 152 человека (29% от общего числа). Таким образом, «юристы» составляли в процентном отношении стабильную группу в составе факультета с лишь незначительной тенденцией к увеличению. При этом следует отметить, что с 1863 по 1915 г. число студентов на юридическом факультете возросло в 26 раз (с 150 до 3894), а начиная с 1885 г. юридический факультет неизменно лидировал по количеству студентов среди других факультетов и с середины 90-х годов отрыв от ближайшего преследователя составлял не менее 30%, в отдельные годы количество студентов юрфака приближалось к половине от общего числа⁹¹. Если количество профессоров за дореволюционную историю существования факультета колебалось от 10 человек в 1881 г. до 28 в 1915 г., то число приват-доцентов за этот же период выросло с 6 человек в 1881 г. до 51 в 1915 г., то в 8 раз (наглядно эта динамика показана в Диаграмме 3).

Диаграмма 3. Динамика численности ППС юридического факультета (1885–1915 гг.)⁹²

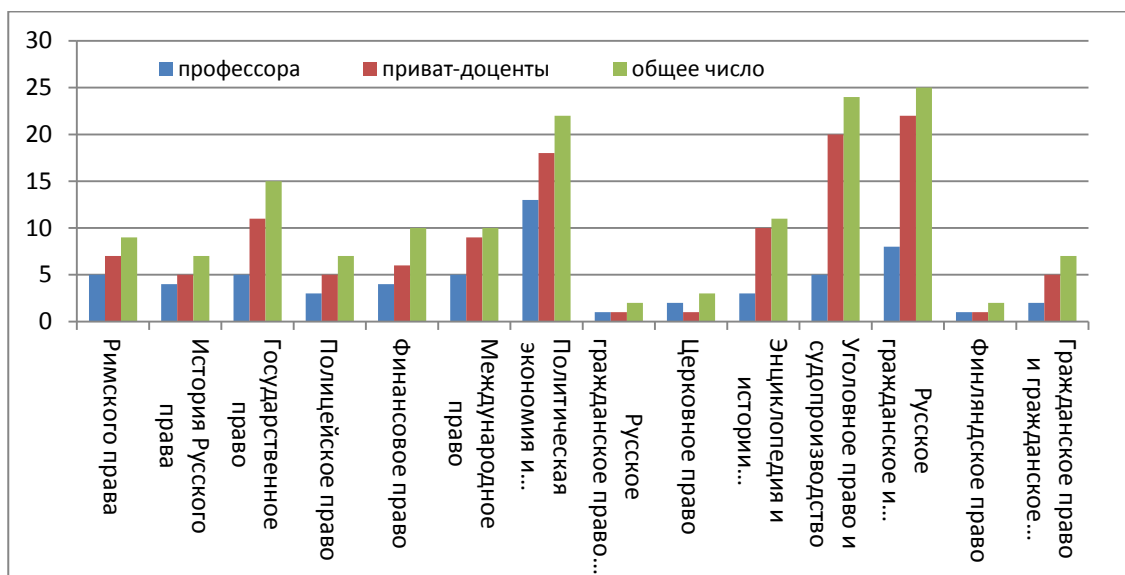
⁹¹ См.: *Баринев Д.А.* Коллективная биография студенчества ... С. 44.

⁹² Сост. по Обозрению преподавания в Императорском С.-Петербургском/Петроградском университете за 1868-1916 гг. СПб; Пг., 1868-1916; Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: [http: // bioslovhist.history.spbu.ru/](http://bioslovhist.history.spbu.ru/) Дата обращения: 20.08.2015.

Популярность и востребованность тех или иных направлений также показывает обращение к динамике количества преподавателей юридического факультета по кафедрам (см. таблицу 25, диаграмму 4). Резкий рост числа младших преподавателей после 1900 г. объясняется увеличением количества приват-доцентов на нескольких наиболее востребованных кафедрах. Так, в 1902/1903 учебном году в штате кафедры русского гражданского и торгового права и судопроизводства значилось уже 8 приват-доцентов. Кафедра уголовного права и судопроизводства в этом же году насчитывала 5 приват-доцентов. Можно предположить, что наиболее востребованными среди студентов были кафедры, обеспечивавшие подготовку по наиболее востребованным отраслям права. Подтверждением этого является то, что, например, кафедра церковного права никогда не насчитывала более двух преподавателей одновременно.

Диаграмма 4. Распределение преподавателей юридического факультета по кафедрам (1885–1917 гг.)⁹³.

Дольше всех среди дореволюционных преподавателей на факультете работал специалист по финансовому праву В.А. Лебедев (1833–1909), трудившийся на факультете с 1866 и до кончины в 1909, т.е. 43 года. Самым молодым преподавателем факультета за его историю явился специалист по истории римского права Лудольф Борисович Дорн (1840–1891), который начал свою преподавательскую карьеру в 1861 г., т.е. в 21 год. Самым молодым профессором факультета, судя по всему, был А.И. Кранихфельд (1822–1881), получивший профессию в 23 года (1835). Постепенное ужесточение требований к магистерским и докторским диссертациям и, соответственно к кандидатам на занятие преподавательских должностей сдвинуло на более позднее время замещение магистратур младших преподавателей и профессоров в последние десятилетия XIX – начале XX века. Так, в последний выделенный нами период (1885–1917) раньше других – в 24 года приват-доцентом по кафедре политической экономии и статистики становится И.А. Клейбер (1887),

⁹³ Сост. по Обозрения преподавания в Императорском С.-Петербургском/Петроградском университете за 1868-1916 гг. СПб; Пг., 1868-1916; Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> Дата обращения: 20.08.2015. Диаграмма составлена с учетом того, что ряд преподавателей являлись сначала младшими преподавателями, а затем профессорами.

а в 35 лет кафедру энциклопедии и философии права занимает И.А. Покровский (1903). Первыми защитившими диссертации на юридическом факультете в 1835 г. стали Н.А. Палибин («О характере уголовных законов Русской Правды, Судебника и Уложения»), К.А. Неволин («О философии законодательства у Древних») и Я.И. Баршев («Догматико-критическое изложение так называемых уголовных теорий»). Последним перед отменой научных степеней в 1917 г. защитил диссертацию «Очерки по теории статистики населения и моральной [статистики]» Михаил Васильевич Птуха. Следует подчеркнуть, что большинство диссертаций, защищавшихся в этот период на факультете, носила, если так можно выразиться, исторический характер.

Необходимо отметить, что большинство преподавателей-членов политических партий начала XX века служили именно на юридическом факультете. А.А. Пиленко, П.П. Мигулин, В.Н. Латкин, Э.Н. Берендтс были членами «Союза 17 октября»; Б.Е. Шацкий, Л.С. Таль, Л.И. Петражицкий, А.И. Каминка и К.Н. Соколов, А.Н. Кругловский, Н.Н. Розин, А.А. Кауфман, М.И. Туган-Барановский состояли в кадетской партии. В.Д. Кузьмин-Караваев и М.М. Ковалевский были лидерами «Партии демократических реформ». П.И. Ковалевский состоял в черносотенном «Русском национальном союзе», а Б.В. Никольский был членом монархической организации «Русское собрание». К числу социал-демократов и легальных марксистов принадлежали среди преподавателей юридического факультета А.И. Буковецкий, А.А. Исаев, В.В. Святловский.

2.5. Историко-филологический факультет

Историко-филологический факультет возник на основе факультета (отделения) наук исторических и словесных Главного педагогического институ-

та в 1819 г.⁹⁴. По Университетскому уставу 1835 г. его кафедры перешли в состав I Отделения философского факультета, однако затем, после реформы 1849-50 г., вновь образовали историко-филологический факультет, который просуществовал до 1919 г., когда на базе гуманитарных факультетов возник ФОН. Нет сомнения в том, что историко-филологический факультет Петербургского университета императорского периода — одно из мест формирования ведущих российских научных школ в разных отраслях гуманитарного знания: истории, философии, филологии, искусствознании. Достаточно лишь начать в алфавитном порядке перечисление фамилий Д.В. Айналова, П.В. Безобразова, В.Н. Бенешевича, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.А. Бодуэна де Куртенэ, С.К. Булича, А.А. Васильева, А.И. Введенского, С.А. Венгерова, Г.В. Вернадского, А.Н. Веселовского, И.М. Гревса, Б.Д. Грекова, С.А. Жебелева, Ф.Ф. Зелинского, В.М. Истрина, Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина, Н.П. Кондакова, Н.И. Костомарова, М.С. Куторги, П.А. Лаврова, В.И. Ламанского, А.С. Лаппо-Данилевского, И.И. Лапшина, В.В. Латышева, Н.М. Лисовского, Н.О. Лосского, И.В. Лучицкого и многих других ученых, каждый из которых внес фундаментальный вклад в формирование научных представлений в соответствующей области и получил признание мировой науки.

Разумеется, литература, посвященная различным аспектам истории факультета значительна⁹⁵, существуют справочные издания, с ним связанные⁹⁶,

⁹⁴ Объяснение касательно предполагаемого образования Санкт-Петербургского университета, представленное С.С. Уваровым Министру Духовных Дел и Народного Просвещения // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. ... С. 3.

⁹⁵ См., в частности: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004; Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004; *Жуковская Т.Н.* Историко-филологический факультет С.-Петербургского университета на рубеже XIX и XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 339–349.

⁹⁶ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета ...; Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / [Сост. И.С. Лутовинова]. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002.

а библиография, отражающая деятельность его знаменитых сотрудников огромна⁹⁷. Система специализации в подготовке студентов на историко-филологическом факультете формируется постепенно, приобретая вполне законченный вид (см. табл.26) к началу 1880 х гг. Эта система фактически не претерпела изменения, несмотря на реформы И.Д. Делянова, неудачно пытавшегося придать всей подготовке студентов классицистический уклон, фактически временно упразднив существовавшие отделения (см. главу 7).

Таблица 26. Отделения, разряды, направления преподавания историко-филологического факультета⁹⁸.

периоды	отделения
1881–1917	Классическое отделение (Классическая филология)
1881–1917	Историческое отделение
1881–1917	Романо-германское отделение
1881–1917	Словесное (славянорусское) отделение

Распределение профессорско-преподавательского состава по кафедрам представлено в таблице 27.

⁹⁷ История Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа: http://museum.ru/history/part1/part1.2/Biblogr_2012.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – Последнее обращение: 05.06.2013; Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

⁹⁸ Сост. по: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ...; Объявления публичного преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском университете на 1825-1860 ак. г. от ректора и совета. СПб., 1824-1860; Обозрения преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872-1884 ак. г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1871-1883. СПб., 1872-1884. №6-28; Обозрения преподавания наук в Имп. С.-Петербургском [Петроградском] университете в 1867-1869, 1885-1916 гг. СПб: Пг., 1868-1916; Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ... «Обозрения преподавания...» фиксируют кратковременное существование философского (с 1881 по 1886 /?/?/) и лингвистического (1910-1911) отделений.

Таблица 27. Количество преподавателей историко-филологического факультета по кафедрам (1819–1917 гг.)⁹⁹

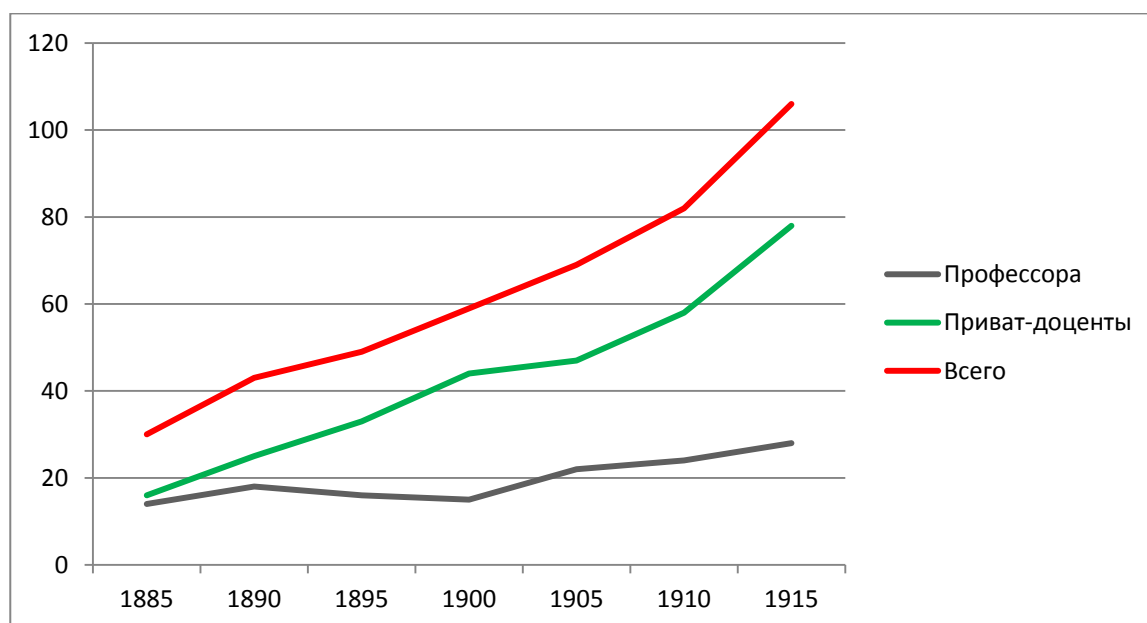
Название кафедры	Хронологические рамки	Профессора	Младшие преподаватели	Количество преподавателей
История (с 1821 – История Всеобщая и Российская)	1819–1834	1	0	1
География Всеобщая и Российская	1819–1835	1	1	2
Российская словесность (с 1835 г. – Российская словесность и история российской литературы, с 1863 г. – История русского языка и русской литературы, с 1884 г. – Русская словесность)	1819–1917	16	38	43
Греческая словесность (в 1835–1863 гг. – Греческая словесность и древности)	1819–1884	6	10	11
Латинская словесность (с 1835 г. – Римская словесность и древности, с 1863 г. – Римская словесность)	1819–1884	4	8	11
Немецкая словесность	1819–1835	0	2	2
Французская словесность	1820–1830	0	1	1
Философия	1836–1850 1863–1917	13	24	29
Всеобщая история (с 1884 г. – История всеобщая)	1835–1917	17	39	44
Российская история (с 1863 г. – Русская история)	1834–1917	16	33	35
Сравнительная грамматика индоевропейских языков/Сравнительная грамматика и санскрит	1863–1917	4	11	11
История западноевропейских литератур	1863–1884	1	1	1
Славянская филология	1863–1917	8	11	14

⁹⁹ Сост по: Сравнительная таблица уставов университетов ... С. 93-96; С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности ... С. 393-394; Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

История и литературы славянских наречий	1835–1863	2	1	2
Церковная история (с 1884 г. – История церкви)	1874–1917	4	4	6
Теория и история искусств	1873–1917	8	11	13
Классическая филология	1884–1917	11	26	28
Романо-германская филология	1884–1917	8	18	19
Всего	1819–1917	118	228	261

Из диаграммы 5 видно, что с начала 1880-х гг. среди профессорско-преподавательского состава преобладали приват-доценты, и с течением времени их численный отрыв от профессуры только увеличивался.

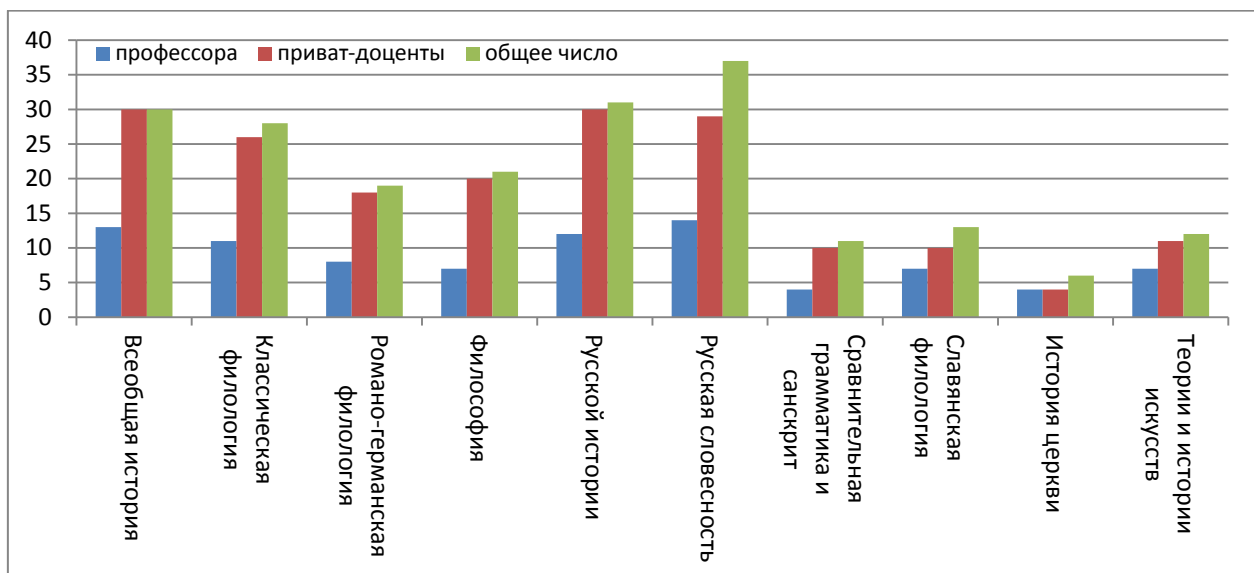
Диаграмма 5. Динамика численности ППС историко-филологического факультета (1881–1915 гг.)¹⁰⁰

¹⁰⁰ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...; Формулярные списки профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311,1005,1279, 13434–13475, 16328–16338.

В диаграмме 6 представлено распределение преподавателей историко-филологического факультета по кафедрам.

Диаграмма 6. Распределение преподавателей историко-филологического факультета по кафедрам (1885–1917 гг.)¹⁰¹

Самым молодым преподавателем факультета за его историю являлся И.В. Помяловский, который начал свою преподавательскую карьеру в 22 года. Самым молодым профессором факультета, судя по всему, был А.Н. Пыпин (1833–1904), получивший профессию в 27 лет (1860). Постепенное ужесточение требований к магистерским и докторским диссертациям и, соответственно к кандидатам на занятие преподавательских должностей сдвинуло и на этом факультете на более позднее время замещение магистратур младших преподавателей и профессоров в последние десятилетия XIX – начале XX века. Так, в последний выделенный нами период (1885–1917) раньше других – в 24 года должность приват-доцента получили Э.Д. Гримм, А.И. Покровский, М.Р. Фасмер, В.М. Жирмунский, а в 28 лет кафедру истории церкви занимает А.П. Алявдин (1913).

¹⁰¹ Сост. по: Обзорения преподавания в Императорском С.-Петербургском/Петроградском университете за 1868-1916 гг. СПб; Пг., 1868-1916; Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> Дата обращения: 20.08.2015.

2.6. Факультет восточных языков (восточный факультет)

Факультет восточных языков был образован в 1855 г. на основе отделения восточных языков историко-филологического факультета с целью проводить подготовку «ученых ориенталистов, переводчиков по восточным языкам и чиновникам для службы по тем ведомствам, где требуется знание сих языков»¹⁰². Новый центр востоковедения по замыслу его создателей должен был стать главным центром формирования «русской науки о Востоке». Во многом эта задача была выполнена: на факультете работали такие ученые с мировым именем, как В.М. Алексеев, П.А. Бадмаев, В.В. Бартольд, Н.И. Веселовский, Б.Я. Владимирцов, С.Г. Елисеев, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман, А.И. Иванов, П.К. Коковцов, В.Л. Котвич, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, И.А. Орбели, Е.Д. Поливанов, В.Р. Розен, Д.А. Хвольсон и многих других.

Литература, посвященная тем или иным аспектам истории факультета восточных языков (или «восточного факультета») достаточно обширна. Более того, судьба этого подразделения привлекала более пристальное внимание специалистов, нежели история любого другого факультета Петербургского университета. Разумеется, такое положение связано с уникальным статусом факультета, не имевшего аналогов и конкурентов в России. Традиция изучения его истории восходит к началу XX в.¹⁰³, а библиография, посвя-

¹⁰² Записка о Восточном факультете С.-Петербургского университета. СПб., [1864]. С.43-44.

¹⁰³ См. прежде всего: Материалы для истории факультета восточных языков. СПб., 1905-1909. Т.I-IV; Кононов А.Н. Восточный факультет Ленинградского университета (1855-1955) // Вестник Ленингр. университета. 1957. №8. Серия истории, языка и литер. Вып. 2. С. 5-22; Кононов А.Н. Столетие восточного факультета Ленинградского университета (1855-1955) // Сов. востоковедение. 1956. № 2. С. 83-90; Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., Наука, 1982; Материалы научной конференции восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета 8-9 апреля 1999 года / С.-Петерб. университет, вост. фак. СПб., 1999. 236 с.; Шагинян А.К. 1) Кавказоведение (армяно-грузинская филология) в Санкт-Петербургском университете в 1818-2006 гг. // XIV ежегодная богословская конф. православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т.1. 2006. С. 249-258; 2) Из истории арменоведения в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1999; Васильев А.Г., Рачков Г.Е. Из истории преподавания и изучения корейского языка в С.-Петербургском университете // Вестник Центра корейского яз. и культуры. СПб., 1997. Вып. 2. С. 7-18; и др.

щенная его знаменитым преподавателям, поистине огромна¹⁰⁴. Поскольку мы рассматриваем историю университетской корпорации с 1819 г., т.е. с момента учреждения университета, то учитываем, что университету от предшественника (Главного педагогического института) досталась кафедра восточной словесности, впоследствии закреплённая положением Устава 1835 г. На деле, однако, с момента учреждения университета сосуществовали две профессуры – арабского и персидского языков. Они относились к историко-филологическому факультету (или факультету исторических и словесных наук). С 1835 г. согласно новому университетскому уставу преподавание восточных языков продолжилось и расширилось (в столичном университете читались арабский, турецкий, персидский, монгольский, татарский) на I Отделении Философского факультета (с 1850 г. – на воссозданном историко-филологическом факультете, в рамках отделения восточных языков). Отделения/разряды преподавания можно в этом контексте также выделить за весь период 1819–1917 (см. табл. 28). По ним можно сделать некоторые выводы относительно тенденций в отечественной ориенталистике, а также о социальном и государственном заказе на подготовку специалистов в тех или иных областях. В целом наблюдалась тенденция к увеличению преподаваемых языков. В частности, со временем начинают преподаваться японский, корейский и сирийский языки. Особенно бурно в конце XIX в. росло значение японского языка, что было связано с ростом международного влияния Японии.

Таблица 28. Отделения/разряды преподавания факультета восточных языков (1855–1917)

¹⁰⁴ Наиболее полную библиографию см.: История Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии руководитель проекта, проф. А.Ю. Дворниченко // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве. Режим доступа: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovcev/Bibliogr_2012.pdf (дата обращения 1.06.2014)

Периоды	Отделения (разряды)
1819–1855	Восточной словесности
1855–1863	Армяно-грузино-татарский
1855–1864	Монголо-калмыцко-татарский
1855–1864, 1908–1917	Китайско-маньчжурский
1855–1906	Еврейско-арабский
1855–1917	Арабско-персидско-турецко-татарский
1858–1891	Санскритско-персидское
1864–1906	Армянско-грузинско-персидский
1864–1907	Китайско-маньчжуро-монгольский
1892–1906	Санскритско-персидско-армянский
1907–1917	Монголо-маньчжуро-татарский
1907–1917	Еврейско-арабско-сирийский
1907–1917	Армяно-грузинской филологии
1907–1917	Санскритской словесности
1907–1917	Монголо-маньчжуро-татарский
1908–1917	Японо-китайский

В 1854 г. последовал указ о преобразовании отделения восточных языков в факультет восточных языков с 1855 г. в составе кафедр арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского, маньчжурского языков. Устав 1863 года расширил круг научных занятий факультета, закрепив в его составе 9 кафедр – 8 языковых и кафедра истории Востока, это положение подтвердил и последний университетский устав 1884 г. (история существования кафедр в рамках факультета представлена в Таблице 29).

Таблица 29. Кафедры факультета восточных языков (1855–1917). Количество преподавателей факультета восточных языков по кафедрам (1819–1917)¹⁰⁵

Названия кафедр	Хронологические рамки	Количество профессоров	Количество младших преподавателей	Общее число преподавателей
1. Арабского языка	1855–1917	6	5	7
2. Персидского языка	1855–1917	2	4	5
3. Турецко-татарского языка	1855–1917	6	4	8
4. Монгольского и калмыцкого языка	1855–1917	5	3	6
5. Китайского языка	1855–1963	-	1	1
6. Еврейского языка	1855–1863	-	1	1
7. Армянского языка	1855–1863	2	-	2
8. Грузинского языка	1855–1863	1	1	1
9. Маньчжурского языка	1855–1963	-	1	1
10. Санскритского языка	1858–1917	6 ¹⁰⁶	4	6
11. Еврейская, сирийская и халдейская словесность	1863–1917	1	2	2
12. Армянская и грузинская словесность	1863–1917	7	4	8
13. Истории Востока	1863–1917	6	3	7
14. Китайской и маньчжурской словесности ¹⁰⁷	1863–1917	8	6	10
15. Японского языка	1898–1917	3	1	4

Динамика численности профессорско-преподавательского состава факультета восточных языков отражает картину, характерную и для других факультетов. Как и в целом по университету со временем росло общее число

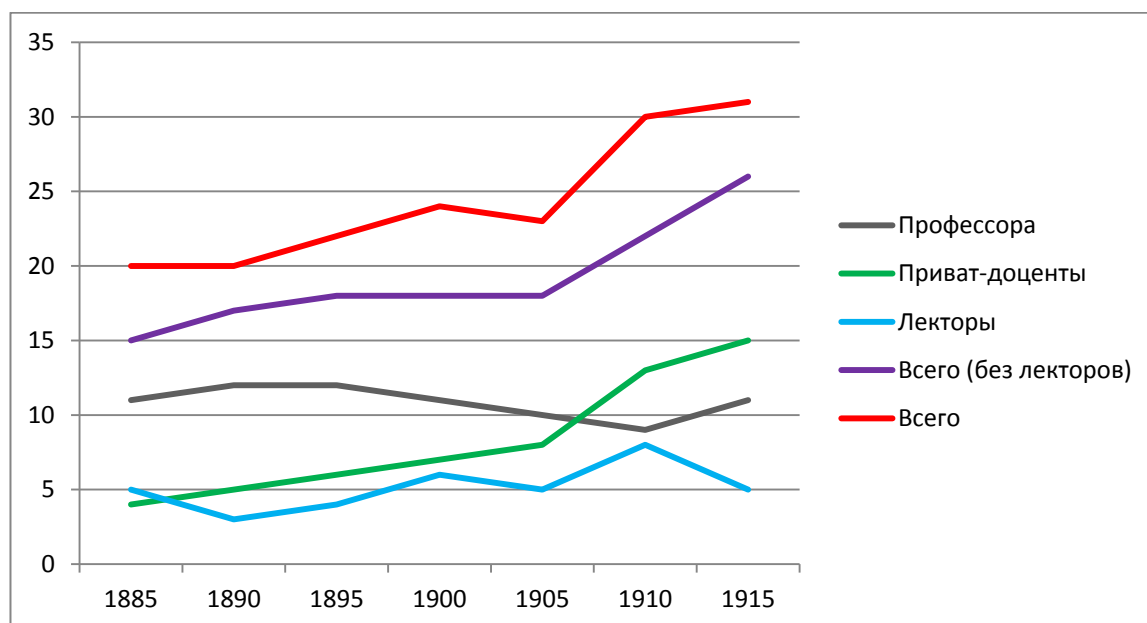
¹⁰⁵ Несколько преподавателей не были приписаны ни к одной кафедре. Так, Я.Д. Гинкулов читал молдавский/валахский язык, а О.Э. Лемм лекции по египтологии. Е.Д. Поливанов, согласно «Списку профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года», опубликованному в 1916 г., работал на кафедре «сравнительного языкознания», хотя таковой не существовало. Также в данных подсчетах не учитывались лекторы восточных языков, не приписанные ни к одной из кафедр.

¹⁰⁶ Б.А. Дорн преподавал санскрит с 1838 по 1842 г., а с 1855 по 1857 г. преподавал афганский язык.

¹⁰⁷ В.П. Васильев был и.д. ординарного профессора с 1855 г. по обеим кафедрам – еще не объединенным китайской и маньчжурской словесности.

преподавателей за счет приват-доцентов, особенно бурно проходившее после 1908 г. (в 1908/1909 уч. г. число приват-доцентов на факультете впервые превысило число профессоров). Впрочем, надо оговориться, что на факультете восточных языков, как самым малочисленным в университете по числу студентов, это произошло намного позже чем в целом по университету, где количество приват-доцентов превысило число профессоров еще в 1892/93 гг.¹⁰⁸ Если количество профессоров за дореволюционную историю существования факультета практически не менялось – от 9 до 12 человек, то число приват-доцентов с 8 человек в 1905 г. выросло к 1915 г. до 15, то есть почти в 2 раза (наглядно эта динамика показана в Диаграмме 7).

Диаграмма 7. Динамика численности ППС факультета восточных языков (1885–1915 гг.)¹⁰⁹

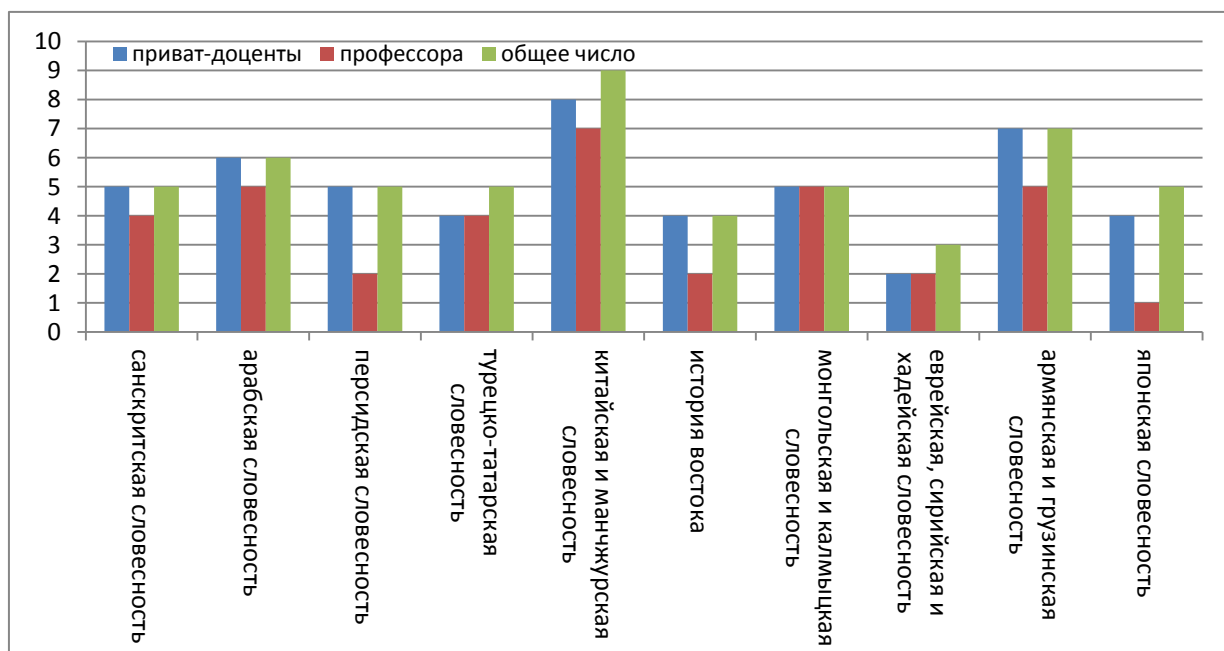
¹⁰⁸ Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884 – 1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско- преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012.С. 41.

¹⁰⁹ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета ...

Рост количества приват-доцентов прямо связан с расширением, начиная с 1907 г., направлений преподавания на факультете. Уникальность факультета восточных языков связана и с тем, что, как показывают протоколы университетского совета и обозрения преподавания, по крайней мере начиная с 1884 г., практически все приват-доценты имели обязательные курсы и получали гарантированное (пусть и скромное – см. главу 1) жалование¹¹⁰.

Однако косвенно популярность и востребованность тех или иных направлений также показывает обращение к динамике количества преподавателей факультета восточных языков по кафедрам (см. табл. 29 и диаграмму 8). В частности, число преподавателей кафедр, на которых изучался «еврейский язык» значительно уступало более актуальным турецкому, татарскому, монгольскому или китайскому.

Диаграмма 8. Распределение преподавателей факультета восточных языков по кафедрам (1885–1917 гг.)¹¹¹

¹¹⁰ См.: Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1884–1914. СПб., 1885–1916; Обозрения преподавания императорского Санкт-Петербургского университета за 1884–1916. СПб., 1885–1916.

¹¹¹ Сост. по: Обозрения преподавания в Императорском С.-Петербургском/Петроградском университете за 1868–1916 гг. СПб; Пг., 1868–1916; Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/> Дата обращения: 20.08.2015.

Дольше всех из представителей дореволюционной корпорации востоковедов в университете работал И.А. Орбели – 47 лет (начал свой преподавательский путь в 1914 и окончил его лишь со смертью в 1961 г.). Из преподавателей, завершивших свое служение до 1917 г., рекордсменом является Д.А. Хвольсон, профессорская деятельность которого продолжалась 45 лет – с 1855 г. (т.е. с основания факультета) до 1900 г. Самыми молодыми преподавателями стали М.Г. Волков и В.Р. Розен, вступившие на это поприще в 24 года. Самыми молодыми профессорами стали О.И. Сенковский в 1822 г. (22 года) и Ф.Б. Шармуа в 1819 г. (26 лет), третьим по возрасту был К.Ф. Голстунский – 29 лет (1860). Интересно, что среди профессоров последнего выделенного нами периода (1885–1917) самыми молодыми были В.А. Жуковский (с 1886) и А.О. Ивановский (1901), которым на момент вступления в должность был 31 год. Эта ситуация, как и на других факультетах, была связана с постепенным ужесточением требований касательно наличия формальных научных регалий для занятия преподавательских позиций.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несомненно, университетские уставы в значительной степени задавали институциональные рамки развития корпорации, однако не меньшим фактором стало становление российских научных школ в разных отраслях научного знания, которое делало все более жесткими требования к членам корпорации.

Приведенные выше данные показывают, что на протяжении всей дореволюционной истории университета представители гуманитарных и социальных наук в численном отношении лидировали с большим отрывом, составляя не менее 70 % преподавательской корпорации. Действительно, *физико-математический факультет* с самой дифференцированной специализацией по разным отраслям знания и лидирующий по направлениям подготов-

ки студентов занимал в количественном отношении относительно скромные позиции в университетской корпорации. Деля первое место с историко-филологическим факультетом по численности преподавательского корпуса, этот факультет, тем не менее, более чем в два раза уступал по этому показателю гуманитариям в целом. Между тем, как показывают, приведенные выше статистические данные физмат оказался самым представительным с точки зрения «вклада в науку» по формальным показателям, отраженным как в признании современниками (ученые степени и академические регалии), так и потомками (лидирующее число работ в библиографии, посвященной истории университета). В какой-то мере мы можем говорить о том, что физмат представлял собой своеобразную «корпорацию в корпорации» с собственными правилами и стандартами академической жизни. Приведенные выше данные позволяют указать на несколько факторов, обеспечивших научное лидерство факультетской корпорации в долгосрочной перспективе. Прежде всего, это постоянная интенсификация научных исследований, отразившейся в стабильном росте публикационной активности и динамике защиты диссертаций. Этому не могло не способствовать усиливающая конкуренция за профессию в университете, что в свою очередь было обусловлено как характером законодательства, так и постоянным ростом числа «младших преподавателей». Нельзя не обратить внимание и на расширяющиеся карьерные и профессиональные возможности, которые открывал Санкт-Петербург перед учеными естественнонаучного и научно-технического профиля. Процесс постепенной «аристократизации» факультета также, несомненно, указывает на рост социального престижа работы на факультете.

Юридический факультет имел ярко выраженные особенности, связанные с большей вовлеченностью его преподавателей в социальные и политические процессы, нежели представителей других подразделений университета. В пореформенный период факультет становится самым большим по студенческой аудитории, однако остается сравнительно компактным по составу, уступая конкурентам (историко-филологическому и физико-

математическому) по численности профессоров и приват-доцентов, что связано с отказом от узкой специализации в факультетском преподавании. В то же время нельзя не видеть, что факультет оперативно откликнулся на социальный заказ: в пореформенную эпоху ведущей частью корпорации становятся те ее представители, которые наиболее связаны с общественной средой – гражданским и уголовным правом, экономикой. Высокая включенность в практическую жизнь объясняет, с нашей точки зрения, сравнительно низкий в сопоставлении с другими университетскими подразделениями научный ценз преподавателей факультета и их незначительную связь с т.н. «академической наукой». В то же время факультет характеризует более высокий, чем в среднем по университету уровень мобильности, сменяемости кадров, вовлеченности в деятельность различных государственных учреждений и общественных институтов. В этом контексте, очевидно, что меньше всего юридический факультет являлся «башней из слоновой кости», разительно отличаясь в этом отношении от своих коллег по университетской корпорации, и выступая в роли своеобразного связующего звена между университетом и обществом. Следует подчеркнуть, что не только многочисленные выпускники, но и члены факультета были тесно интегрированы в политическую элиту России. Разумеется, что это особое положение имело оборотную сторону – после революции 1917 г. факультетская корпорация юристов пострадала более других (см. главу 9).

Историко-филологический факультет занимал по основным статистическим показателям промежуточное положение в университете: отставая от физико-математического факультета с точки зрения «научного ценза», он несомненно лидировал в этом отношении среди гуманитарных факультетов и в университете в целом по публикационной активности. В условиях растущей конкуренции факультет становился как более зрелым по возрасту, так и более представительным по формальным научным регалиям. В пореформенную эпоху университетская карьера становится 30-летним марафоном с все более

жесткой конкуренцией за профессорское место и за студенческую аудиторию, с растущей педагогической нагрузкой, с более интенсивной публикационной деятельностью, с более напряженной и долгой подготовкой к защита диссертаций. Одновременно факультет становится все более аристократичным, привлекательным для привилегированных сословий. Для удачи в борьбе за профессию семья, как правило, позитивный фактор, однако большая профессорская семья — скорее редкость, вероятно, обременительная для научной карьеры. Таким образом, сухие статистические выкладки подводят нас к образу корпорации, в которой идет напряженная жизнь и интенсивная работа, и в этом контексте более понятными становятся истоки «золотого века» петербургской исторической и филологической школы начала XX в.

Факультет восточных языков, зачастую подчиняясь общеуниверситетским тенденциям, сохранял свою уникальность. Объединивший в своих стенах ведущих востоковедов страны и приглашённых иностранцев он стал основным центром российской ориенталистики. Факультет оперативно откликался на заказ со стороны государства, постоянно расширяя сферу подготовки специалистов. Об интенсивном развитии факультета свидетельствует то обстоятельство, что к концу рассматриваемого периода высокий процент иностранцев среди его сотрудников существенно снизился, и его выпускники составляли абсолютное большинство преподавателей. Особое положение востоковедения, как новой для России науки, нашло отражение в том, что карьера на факультете была в меньшей степени, чем в университете в целом, была связана с «академическими регалиями», в частности, с наличием магистерской или докторской степени. При этом преподавательский состав факультета, несмотря на большое количество лекторов, не работавших в течение долгого времени, был самым стабильным по своему составу среди других факультетов. Отличительной особенностью факультета также являлась изолированность/закрытость корпорации востоковедов, низкая в сравнении с другими факультетами степень формальной конкуренции за преподавательскую позицию. Это прекрасно видно по ситуации с младшими преподавате-

лями, чей процент был ниже, чем на других факультетах и чей количественный рост начался позже и был связан, прежде всего, с расширением областей преподавания, а последнее, несомненно, отражало политические задачи по подготовке соответствующих специалистов. Высокая степень вовлеченности востоковедения в большую политику и востребованность как сотрудников, так и питомцев факультета любой властью уже в 1930-х гг. привели к трагедии – значительная часть востоковедов подверглась репрессиям.

Таким образом, правомерно говорить о существовании внутри университетского сообщества нескольких корпоративных укладов, развитие которых отражало две основные тенденции пореформенного университета. Первая тенденция, была связана с задачей воспитания ученых в условиях нарастающей специализации в различных областях знания и усиливающийся академической конкуренцией; вторая тенденция ориентировала университетское преподавание на «воспитание граждан». Хотя, наиболее ярко первая тенденция проявлялась на физико-математическом, вторая на юридическом факультете, нельзя не отметить, что в той или иной степени для университета в целом были важны обе эти воспитательные задачи. О том, как они реализовывались рассказывает следующая глава.

Глава 3. Воспитание студента и воспитание профессора: студенческий мир и «плачущие небожители»

Как отмечено выше, история столичного студенчества — тема отдельного исследования. В нашей диссертации мы коснемся, прежде всего, того ее ракурса, который связан с взаимодействием двух миров: преподавательского и студенческого. Задача этой главы — понять, как происходило корпоративное становление университетского преподавателя, как правило, прошедшего школу своей *alma mater* в годы студенчества, и, разумеется, прояснить педагогический контекст университетской жизни, место студенчества в профессиональном и жизненном мире преподавательской корпорации. Любая научно-образовательная традиция основана на практиках обучения и общения между учителями и учениками, при этом формы этого взаимодействия для корпорации не менее важны, чем нормативное регулирование жизни университета, идейные доктрины или научные концепции эпохи¹.

3.1. Студент столичного университета: портрет в социальном контексте

Получение высшего образования в одном из самых престижных учебных заведений Империи предопределяло обретение по его окончании определенного социального статуса. С формальной стороны, согласно Университетскому уставу 1884 г. за выпускником были закреплены значительные права, важнейшими из которых можно считать право на занятие «вольными» профессиями (присяжный поверенный, бухгалтер, инженер и пр.) и поступление на государственную службу. Как отмечается в литературе, четверть из представителей высшей столичной бюрократии к 1914 г. составляли выпускники столичного университета, в основном его юридического факультета².

¹ О теории практик применительно к научным школам см., напр.: Волков О.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 243–261.

² См. главу 2, а также: Куликов С.В.: 1) Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. Рязань, 2004. С. 13; 2) Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петербурга // Петербургские чтения 96. Материалы энциклопедической библиотеки

Карьерные перспективы универсантов предопределялись действующим законодательством — выпускник университета приобретал право на получение чина XII ранга (при получении диплома II степени) или сразу X ранга (при получении диплома I степени, при поступлении в университет до 1884 г. — степени кандидата)³, а также обретал возможность «оставления при университете» и начала ученой карьеры. Как отмечается в литературе, обладание университетским дипломом, как правило, гарантировало годовой доход более 1000 рублей в год, что по меркам рубежа веков включало его обладателя в круг состоятельных людей⁴. Разумеется, выпускник столичного университета автоматически оказывался включенным в среду российской интеллигенции, традиционно претендовавшей на особую культурную и политическую роль в жизни общества и страны. Однако насколько эти факторы были значимы, сказать трудно. Статус ведущего учебного заведения империи, вероятно, предопределял то обстоятельство, что в здесь процент студентов, ставящих целью «сделать карьеру» был несколько выше, нежели в других учебных заведениях, хотя по данным Е.П. Радина на 1912 г. он не превышал 7%, что в 4 раза ниже числа тех, кто первостепенное значение придавал «общественному началу» своей будущей практической деятельности⁵.

Отметим, что большинство поступавших в университет — выпускники классических гимназий, а большинство гимназистов в качестве высшей школы выбирало именно университеты (в то время как «реалисты» — специальные высшие учебные заведения). В этом смысле развитие среднего образования делало неизбежным рост университетского студенчества. Следует учитывать и то обстоятельство, что в отличие от специальных учебных заведений поступление в университет не предусматривало сдачу экзаменов. В этой

«Санкт-Петербург–2003». СПб., 1996. С. 172. Ср.: *Lieven D. The Russian Ruling Elite under Nicholas II. Career patterns* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1984. Vol. 25, No.4 (Oct. – Dec.). P. 429–445.

³ Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 15 августа 1884 г. // *ПСЗ. Собр. III*. СПб., 1887. Т. IV. 1884. С. 456.

⁴ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. СПб., 2015. Т. 3. С. 263.

⁵ *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб., 1913. С. 62.

связи МНП периодически выступало с планами установления «комплекта», т. е. предельного числа поступающих на факультет, прежде всего на наиболее многочисленные юридический и физико-математический факультеты, однако, несмотря на вводимые в отдельные годы ограничения (прием по среднему баллу аттестата об окончании гимназии), системно эту меру реализовать не удалось (в случае, когда количество прошений превышало количество мест, по просьбе университета комплект, как правило, увеличивали)⁶, и численность студентов вплоть в последней трети XIX – начала XX в. студентов университета неуклонно росла (см. табл. 30).

Итак, как же строился «студенческий мир», обитатели которого были вполне вправе рассматривать себя в качестве будущей элиты России? Вначале попытаемся дать краткий коллективный социальный и национальный портрет студенчества столичного университета рассматриваемого периода (1884–1917).

⁶ См., напр.: МНП — Попечителю учебного округа, 5 июля 1899 г., №15773 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 7286. Л. 14–15; Попечитель Петроградского учебного округа — Министру народного просвещения, 8 октября 1914 г., №32798 // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1185. Л. 46.

Таблица 30. Численность студентов и вольнослушателей Петербургского университета (1868–1916)⁷

	1868	1875	1880	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Число студентов	980	1147	1160	2025	2052	2246	2280	2205	2253	1166	1179	2175	3157	3302	3315	3368	3384	3384	3384	3388	3383	3358	4502	6009	8063	8013	8063	8683	9826	8284	7744	7740	6904	7078
Число посторонних слушателей	138	76	102	183				146	102	700	376	366	455	725	852	879	798	288	299	672	1052	1144	1266	2715	7134	2324	2922	3000	3763	1736	1663	1233	229	
Студенты и слушатели	1118	1125	1168	2155	2055			2466	2257	2253	1116	1145	2170	3133	3367	3367	3382	3372	3383	3390	3391	3392	4504	6024	8077	10337	8085	8688	9831	8420	7908	7973	7133	7277

⁷ Сост. по: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882–1916 гг. СПб. [Пг.], 1883–1916; *Баринев Д.А.* Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. №10. С. 42–48.

Приведенные данные показывают, что, хотя при общем неуклонном росте числа студентов (за 35 лет, с 1880 по 1915 г.) их численность выросла почти в 5 раз, очевидно, что этот процесс не был равномерным. Первое падение числа студенчества (1888–1890 гг.) связано с последствиями университетской реформы эпохи И.Д. Делянова, когда была увеличена в пять раз плата за обучение (с 5 до 25 рублей за каждое полугодье), введена процентная норма для студентов иудейского вероисповедания (для столичных университетов их число не должно было превышать 3%)⁸ и проведена попытка изменения всей системы преподавания на историко-филологическом факультете (навязывание «классицизма», вызвавшее отток студенчества)⁹. Характерно, что в этой связи Петербургский университет пострадал сильнее, чем, например, Московский, в котором медицинский факультет давал стабильный приток студентов¹⁰. Следующее (пусть и незначительное) временное сокращение числа студентов в 1900–1901 гг. было связано, прежде всего, с решением министерства ограничить прием в столичные университеты выпускниками гимназий соответствующего учебного округа¹¹. Очередное снижение численности (1911–1914 гг.) связано уже с последствиями политики других министров «консерваторов» — А.Н. Шварца и Л.А. Кассо, — в частности, с возобновлением процентной нормы и отчислением «вечных» студентов. Однако никакие ограничительные меры не могли надолго замедлить рост университетского студенчества, поскольку в его основе лежал фундаментальный фактор — неуклонный и быстрый рост числа выпускников средних учебных заведений.

⁸ См.: Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета, 30 мая 1888 г. [Правила приема студентов С.-Петербургского университета] // Протоколы заседаний Совета императорского Санкт-Петербургского университета за весеннее полугодие 1888 г. №38. СПб., 1888. С. 65–66.

⁹ См., напр.: Бон Т. Русская историческая наука (1880–1905). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 29–31.

¹⁰ См., напр.: Там же. С. 27.

¹¹ (5 июля 1899 года за №15733) // Предложения г. Министра народного просвещения г. Управляющему С. Петербургским учебным округом [СПб., 1899]. С. I–II. Впрочем, по факту это условие часто нарушалось — при наличии мотивированного ходатайства родителей студента (см., напр.: Дело студента Александра Александровича Вермишева // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40243. Л. 1–1об.).

Что касается возрастного состава университетского студенчества, то подавляющая его часть находилась в возрасте от 21 до 25 лет. Согласно подсчетам МНП, проведенным в 1910 г в целях разработки планов возможной мобилизации среди студентов университетов Российской империи, лица в возрасте 20 лет и моложе составляли всего 12%, от 21 до 25 лет — 65%, от 26 лет — 23%¹². В этом смысле можно согласиться с заключением В.П. Яковлева о том, что студенты университета уже не «пылкие юноши», на политические выступления которых правительство могло смотреть «сквозь пальцы»¹³.

Студенческая масса была разнообразна как в религиозном, так и в социальном отношении. Материалы отчетов университета дают нам следующую картину распределения студентов по религиозному признаку (табл. 31).

¹² См.: Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905–1911 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 8.

¹³ Там же.

Таблица 31. Распределение студентов С.-Петербургского университета по религиозному составу (данные приведены по учебным годам в абс. цифрах (и процентах), по состоянию на 1 января)¹⁴

годы/ религия	1884-1885	1885-1886	1886-1887	1887-1888	1888-1889	1889-1890	1890-1891	1891-1892	1892-93	1893-94	1894-95	1895-96	1896-97	1897-98	1898-99	1899-1900	1900-1901	1901-1902	1902-1903	1903-1904	1904-1905	1905-06	1906-07	1907-08	1908-09	1909-10	1910-11	1911-12	1912-13	1913-14	1914-15	1915-16	1916-1917
Православные	1533 (67,18)	155 (68)	1660 (65,72)	137 (67,02)	115 (69,3)	122 (69,81)	128 (72,32)	148 (72,48)	170 (74)	196 (74,75)	209 (75,58)	231 (75,76)	249 (75,06)	275 (76,32)	278 (73,5)	284 (78,73)	271 (75,78)	284 (76,81)	281 (75,05)	277 (72,33)	332 (73,71)	389 (64,63)	544 (67,3)	568 (59,1)	508 (63,72)	625 (72,1)	686 (71,64)	603 (71,64)	541 (74,29)	566 (76,11)	532 (77,09)	547 (70,41)	405 (68,08)
Единоверцы ¹⁵		6 (0,26)	4 (0,16)	12 (0,58)	3 (0,18)	3 (0,17)	4 (0,22)	5 (0,24)	8 (0,35)	7 (0,27)	7 (0,25)	6 (0,18)	5 (0,15)	6 (0,17)	5 (0,14)	3 (0,08)	4 (0,11)	3 (0,08)	4 (0,11)	8 (0,27)	8 (0,17)	6 (0,1)	6 (0,8)	26 (0,3)	24 (0,3)	3 (0,04)	3 (0,03)						
Старообрядцы																										18 (0,2)							
Сектанты																												38 (0,46)	43 (0,59)	56 (0,75)	59 (0,85)	58 (0,75)	52 (0,87)
Другие христианские конфессии	497 (21,78)																																
Армяно- григориане		21 (0,9)	28 (1,11)	22 (1,0)	19 (1,1)	21 (1,1)	26 (1,4)	24 (1,1)	30 (1,3)	38 (1,4)	33 (1,2)	41 (1,3)	47 (1,4)	50 (1,3)	59 (1,5)	58 (1,6)	65 (1,8)	77 (2,0)	81 (2,1)	91 (2,3)	125 (2,7)	279 (4,6)	240 (2,9)	505 (5,2)	473 (5,9)	179 (2,0)	204 (2,1)	196 (2,3)	197 (2,7)	202 (2,7)	178 (2,5)	159 (2,0)	131 (2,2)

¹⁴ Сост. по: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882–1916 гг....; *Баринев Д.А.* Коллективная биография... С. 42–48.

¹⁵ Начиная с отчета 1911 г. единоверцы, старообрядцы и т. п. учитываются в категории «сектанты».

		2)		7)	4)	9)	6)	8)	1)	4)		4)	1)	8)	6)		1)	8)	6)	7)	8)	3)	7)	4)		7)	3)	8)		1)	8)	4)	)	
Католики		286 (12,55)	335 (13,27)	238 (11,6)	169 (10,17)	172 (9,78)	161 (9,04)	199 (9,75)	226 (9,81)	271 (10,3)	292 (10,55)	319 (10,43)	358 (10,06)	364 (11,14)	423 (8,48)	308 (9,4)	337 (9,25)	343 (11,06)	415 (11,68)	447 (11,69)	482 (10,82)	833 (13,09)	897 (11,12,3)	118 (10,15)	813 (7,7)	667 (8,05)	772 (8,1)	667 (8,09)	589 (7,65)	569 (7,45)	515 (7,36)	574 (7,38)	446 (7,48)	
Лютеране		124 (5,44)	153 (6,06)	160 (7,8)	154 (9,27)	181 (10,29)	193 (10,84)	216 (10,58)	209 (9,01)	228 (8,65)	230 (8,31)	235 (7,76)	261 (7,86)	255 (7,04)	303 (8)	240 (6,6)	262 (7,31)	243 (6,31)	257 (6,85)	322 (8,39)	327 (7,38)	468 (7,76)	412 (5,09)	801 (8,3)	774 (9,7)	479 (5,5)	549 (5,73)	548 (6,66)	492 (6,75)	532 (7,14)	456 (6,65)	471 (6,05)	362 (6,07)	
Реформаты		19 (0,83)	36 (1,42)	22 (1,07)	18 (1,09)	18 (1,02)	16 (0,9)	19 (0,93)	22 (0,96)	24 (0,91)	23 (0,83)	25 (0,82)	24 (0,72)	24 (0,66)	30 (0,79)	42 (1,16)	31 (0,86)	25 (0,67)	34 (0,91)	33 (0,86)	32 (0,79)	155 (2,57)	142 (1,79)	86 (0,9)	82 (1,2)	34 (0,4)	194 (2,02)	44 (0,5)	84 (1,1)	86 (1,15)	92 (1,33)	83 (1,07)	76 (1,27)	
Англичанцы ¹⁶		5 (0,19)	1 (0,05)	3 (0,18)	3 (0,17)	2 (0,12)	3 (0,15)	4 (0,17)	4 (0,15)	3 (0,13)	4 (0,13)	4 (0,12)	3 (0,12)	3 (0,09)	3 (0,08)	3 (0,08)	2 (0,06)	3 (0,08)	-	2 (0,05)	1 (0,02)	1 (0,02)	7 (0,09)	7 (0,08)	11 (0,13)	2 (0,03)	3 (0,03)	5 (0,06)	6 (0,08)	8 (0,17)	5 (0,07)	5 (0,06)	5 (0,08)	
Кальвинисты																												1 (0,01)	1 (0,01)	1 (0,01)	1 (0,01)	1 (0,01)	1 (0,01)	
Моравские братья																				1 (0,03)														
Менониты																				1 (0,03)	1 (0,02)													
Не христиане	252 (11,0)																																	

Эти данные показывают многообразие не только религиозного, но и национального облика студенчества столичного университета (до 1917 г. официальные статистические подсчеты по национальностям не проводились). При этом следует оговориться, что формальная принадлежность к определенной церковной организации далеко не всегда соответствовала действительному вероисповеданию студенчества рубежа XIX–XX вв. Антиклерикальные и антирелигиозные настроения были не просто сильны, но, как можно предположить, во многом предопределяли мировоззрение основной части студенчества. Неслучайно, что антицерковная пропаганда стала органичным элементом протестного и революционного движения в стенах университета¹⁹. Атеизм в среде университетской молодежи стал нормой, «признаком хорошего тона»²⁰.

Следует учитывать, что среди статистически «православных», кроме русских, украинцев и белорусов, было немало представителей других национальностей. При этом по примерным подсчетам к русской (великорусской) национальности в период с 1884 по 1917 г. принадлежало лишь около половины студентов²¹. Большинство студентов-католиков были поляками по национальности²², хотя среди них было немало литовцев; а большинство лютеран и реформатов имело немецкие корни, хотя среди них также встречались финны, шведы, эстонцы и латыши, а даже, возможно, поляки. Абсолютное большинство мусульман составляли татары²³. В составе университетского студенчества, пусть и в небольшом количестве, присутствовали представите-

¹⁹ См., напр.: Freeze G.L. Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. No.2. P. 321.

²⁰ Тихонов И.Л., Бильвина О.А. Кафедра богословия Императорского Санкт-Петербургского университета // Храм духа в храме науки: Материалы юбилейной конференции, посв. 170-летию университетского храма. СПб., 2009. С. 89–90.

²¹ Баринев Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 195–196.

²² О трудностях такого рода подсчетов см., напр.: Kijas A. Polacy na uniwersytecie Charcowskim 1805–1917. Poznan, 2008. S. 163–164.

²³ О распространенности той или иной религии среди разных этнических групп, проживавших в столице, см., напр.: Юхнева Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь // Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы / Ред. А.В. Гадло. СПб., 2002. С. 73–141.

ли других нехристианских конфессий. Так, в 1894–1895 гг. в университете появился первый студент-буддист²⁴, в 1903–1904 гг. — первый студент «шаманист»²⁵. Несмотря на ряд колебаний, приведенные данные в целом свидетельствуют о стабильности национально-религиозного состава студенчества университета начала XX в.

В какой-то степени состав студентов (хотя и не полностью) отражал общую этническую картину, сложившуюся в Петербурге — после восточно-славянского населения (русские, украинцы, белорусы) наиболее крупными этническими группами были, согласно данным 1910 г., поляки (3,4%), немцы (2,5%), евреи (1,8%), эстонцы (1,2%), латыши (1%), финны (0,9%), литовцы (0,6%) и татары (0,4%)²⁶.

Религиозная и национальная толерантность была важной установкой, которая объединяла большинство университетского мира, — как студентов, так и преподавателей. Более того, ряд членов корпорации (например Н.Я. Марр и В.В. Бартольд) считал важной государственной задачей развитие национальных культур и религиозных традиций и указывал на это как на основание для своих научных занятий²⁷. Единственным исключением в этом смысле, пожалуй, можно считать отношение «патриотически настроенной» части корпорации по отношению к евреям²⁸. Эти фобии не носили в большинстве случаев идеологически антисемитского характера, а скорее, отражали определенные предрассудки и настороженность российской интеллектуальной элиты в отношении чуждой в культурном и поведенческом отноше-

²⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1895 год. СПб., 1896. С. 19.

²⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 год. СПб., 1904. С. 36.

²⁶ Юхнева Н.В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург... С. 6. Ср. близкие, но все-таки отличные от приведенных, данные, выполненные по иной методике подсчета: Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный статистический сборник. СПб., 2003. Вып. 2. С. 47.

²⁷ Tolz V. Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // *The Historical Journal*. 2005. Vol. 48 (1). P. 139.

²⁸ См. об этом, напр.: *Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Ewing; New Jersey, 2002. P. 246.

нии социальной группы²⁹. Ярким примером такого отношения может служить запись в дневнике Н.Н. Платоновой по поводу «нашествия» евреев в университет в 1915 г., связанного с фактической отменой процентной нормы в отношении евреев-участников войны и членов их семей:

«ректор Гримм и рассказал, что на прием к[а]к у министра, т[а]к и у него, ректора, они идут непрерывной очередью. Гримм просто боится, что ун[иверсите]т станет совсем еврейским, тем более, что министр не всегда хорошо разбирается в сопутствующих обстоятельствах, а, имея дело с евреями, по словам ректора, приходится каждую минуту быть на-стороже, иначе жестоко попадешься. Чтобы быть принятым в ун[иверсите]т, еврей должен представить удостоверение, что к[то] н[и]будь из его родственников убит, ранен или находится в армии. И вот на приеме один еврей подал, в качестве такого удостоверения ректору бумагу, удостоверяющую от имени военного начальства, что какой то, скажем, Иука Борух, однофамилец просителя, находится под судом, за то, что подлежал призыву, скрывался, уклонялся от воинской повинности. Ректор прочел и не поверил своим глазам: «Понимаете ли Вы, какую бумагу Вы мне представили?» На что последовал нахальный (или наивный?) ответ: Так ведь он в армии? ректор вышел из себя: «Вы хотите, чтобы я Вас принял, за то, что Вы родственник дезертира? Идите вон!»³⁰. И он ушел»³⁰.

Вообще, пожалуй, единственный бросающийся в глаза отчетливый тренд в изменении конфессионального состава студенчества связан с политикой МНП, направленной на достижение искомого уровня численности еврейских студентов, определенного процентной нормой (3% от общей численности студентов). Первое падение числа студентов иудейского вероисповедания с 11,75% в 1885 г. до 2,77% в 1894 г. фиксируется после введения с 1887 г. процентной нормы; после ее фактической отмены в 1905 г. следует резкий рост до 12,46% (январь 1907 г.)³¹, а после нового введения в 1908 г. — новый спад до 2,93% (1914–1915 гг.). Правда, можно предположить, что какая-то часть абитуриентов еврейского происхождения в условиях религиозной эмансипации и интенсивного процесса ассимиляции начала XX в. пред-

²⁹ См., напр.: Будницкий О. В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) // Вестник ЕУМ (Еврейского университета в Москве). 1996. №3 (13). С. 21–39.

³⁰ Дневник Н.Н. Платоновой. 30 августа [1915 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 8–8об.

³¹ Ср.: Иванов А.Е. Еврейское студенчество в российской империи начала XX века. М., 2007. С. 68.

почитала креститься³² и оказывалась, таким образом, в православной или лютеранской группе. Впрочем, МНП (особенно в эпоху Л.А. Кассо) пыталось бороться с «фиктивными» крещениями, отчисляя таких незаконно проникших в университет студентов³³. Новый рекордный рост числа студентов-евреев в 1915–1916 гг. был связан с теми льготами, которыми пользовались с 1915 г. евреи, члены семей которых принимали участие в войне (на военной или санитарной службе), и с общей либерализацией политики министерства П.Н. Игнатьева (самого министра в виду огромного количества просителей-евреев прозвали «осажденный Иерихон»³⁴).

Разумеется, в этой связи особенно бросается в глаза пропорциональное несоответствие числа еврейских студентов еврейскому населению столицы (аналогичная ситуация складывалась и в других университетах) — это обстоятельство (наряду с участием значительной части студентов-евреев в революционном движении) и являлось обоснованием для введения процентной нормы. В то же время причина столь очевидной диспропорции, несомненно, заключалась и в самих условиях жизни евреев в России, в частности в том, что получение высшего образования в пореформенную эпоху являлось для них одним из способов социальной и интеллектуальной эмансипации — именно университеты становятся основным местом формирования русско-еврейской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в.³⁵

Не менее пестрым был и социальный состав студенчества. О распределении студентов Петербургского университета по социальным группам свидетельствует нижеследующая таблица 32, в основе которой лежат подсчеты

³² Такого рода тактика являлась довольно распространенной в условиях государственного антисемитизма начала XX в. См.: *Лурье Я.С.* История одной жизни. СПб., 2004. С. 54–55; *Freidin G.* A Coat of Many Colors. Osip Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1987. P. 29–30. Ср.: *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество... С. 149–150.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 12469. Об увольнении из числа студентов лиц иудейского вероисповедания, принявших христианство через крещение у пастора Пира по обряду Евангелия лютеранской церкви; Хроника // Речь. 1914. 23 августа (5 сентября). №225 (2894). С. 5.

³⁴ Дневник Н.Н. Платоновой. 30 августа [1915 г.]... Л. 8об.

³⁵ Наиболее убедительные рассуждения по этой тематике см.: *Nathans B.* Beyond the Pale... P. 201–310; *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество... С. 44–45.

М.И. Матвеева³⁶, в незначительной степени³⁷ дополненные нами по отчетам университета за 1884–1916 гг.

Таблица 32. Распределение студентов С.-Петербургского университета по социальному составу (данные приведены в абс. цифрах (и процентах), по учебным годам, по состоянию на 1 января)³⁸

сосло- вие	1884-1885	1885-1886	1886-1887	1887-1888	1888-1889	1889-90	1890-91	1891-1892	1892-1893	1893-1894	1894-95	1895-1896	1896-1897	1897-1898	1898-1899	1899-1900	1900-1901	1901-1902	1902-1903	1903-1904	1904-1905	1905-1906	1906-1907	1907-1908	1908-1909	1909-1910	1910-1911	1911-1912	1912-1913	1913-1914	1914-1915	1915-1916	1916-1917
	Сыно- вья	13 38	13 89	11 83	10 24	11 35	11 91	13 37	15 20	16 98	18 08	19 50	21 19	23 87	24 62	24 66	24 51	24 89	24 34	23 83	27 46	39 31	47 50	48 77	46 29	49 34	52 57	37 69	33 55	34 42	31 32	31 16	23 43
чинов- ников и дво- рян	(5 8,6 4)	(5 5,0 1)	(5 7,6 2)	(6 1,5 5)	(6 4,5 3)	(6 6,8 7)	(6 5,4 8)	(6 5,9 1)	(6 4,4 6)	(6 5,3 2)	(6 3,8 8)	(6 3,8 3)	(6 6,0 2)	(6 4,9 9)	(6 7,8 8)	(6 8,3 9)	(6 7,1 3)	(6 4,8 5)	(6 2,1 3)	(6 0,9 2)	(6 5,2 1)	(5 8,7 1)	(5 7,0 6)	(5 7,7 7)	(5 6,6 9)	(5 4,8 4)	(4 5,8 2)	(4 6,1 0)	(4 6,2 5)	(4 5,3 7)	(4 3,0 5)	(3 0,9 8)	
	Лица духов- ного звания	18 3 (8, 02)	19 6 (7, 72)	14 1 (6, 87)	10 9 (6, 56)	11 6 (6, 59)	10 5 (5, 9))	12 1 (5, 93)	12 1 (5, 25)	13 2 (5, 01)	13 3 (4, 8))	14 0 (4, 57)	16 7 (5, 03)	17 9 (4, 94)	20 9 (5, 52)	17 8 (4, 9))	15 2 (4, 24)	15 4 (4, 15)	14 1 (3, 76)	18 4 (4, 8))	22 4 (4, 96)	23 3 (3, 87)	41 7 (5, 15)	47 1 (4, 9))	40 1 (5, 1))	42 2 (4, 9))	49 2 (5, 13)	59 8 (7, 27)	42 9 (5, 89)	45 3 (6, 09)	41 5 (6, 01)	56 3 (7, 24)	44 3 (7, 43)
Про- чих сосло- вий	76 1 (3 3,3 4)																																
почет- ные граж- дане и купцы первой		33 6 (1 3,3 1)	22 6 (1 1,0 1)	20 2 (1 2,1 6)	14 8 (8, 41)	14 1 (7, 92)	18 0 (8, 81)	12 2 (5, 3))	98 (3, 72)	21 4 (7, 73)	14 3 (4, 67)	20 2 (6, 08)	14 7 (4, 11)								76 3 (1 2,6 6)	10 61 (1 3,1 1)	98 0 (1 10, 2)	68 4 (8, 5))	66 5 (7, 7))	89 5 (9, 34)	72 2 (8, 78)	54 7 (7, 51)	59 2 (7, 97)	57 6 (8, 34)	69 7 (8, 96)	52 5 (8, 8))	

³⁶ Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов (1900–1917) // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Сб. статей / Отв. ред. М.И. Матвеев. Тамбов, 1981. Вклейка. Таблица 8: Распределение студентам Петербургского университета по сословиям и группам населения.

³⁷ В подсчетах М.И. Матвеева отсутствуют данные за 1906–1907 и 1911–1912 учебные годы.

³⁸ Таблица составлена по: Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России... С. 26–38, Вклейка. Таблица 8; Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882–1916 гг....; Баринов Д.А. Коллективная биография... С. 42–48.

ка- зачьег о со- словия				28 (1, 36)	14 (0, 85)	8 (0, 46)	7 (0, 4)	3 (0, 15)	10 (0, 43)	18 (0, 68)	17 (0, 61)	24 (0, 79)	33 (1, 88)	32 (0, 92)	35 (0, 47)	14 (0, 39)	22 (0, 59)	5 (0, 14)	13 (0, 34)	22 (0, 49)	32 (0, 53)	45 (0, 56)	37 (0, 4)	32 (0, 4)	43 (0, 5)	54 (0, 56)	18 (2, 21)	11 (4, 56)	11 (7, 57)	11 (2, 62)	11 (9, 4)	10 (1,)	91 (53)
ино- стран- ные поддан ные			20 (0, 79)	18 (0, 6)	10 (1, 19)	21 (1, 12)	20 (1, 27)	26 (1, 26)	29 (1, 44)	38 (1, 6)	44 (1, 7)	52 (1, 72)	57 (1, 74)	63 (1, 56)	59 (1, 84)	67 (1, 31)	47 (1, 7)	26 (0, 33)	50 (1, 62)	39 (0, 38)	71 (1, 18)	49 (0, 61)	62 (0, 6)	69 (0, 9)	75 (0, 9)	73 (0, 75)	98 (1, 19)	92 (1, 26)	96 (1, 28)	83 (2, 2)	87 (1, 12)	81 (1, 36)	
ино- родцы																							6 (0, 06)	5 (0, 1)	6 (0, 1)	7 (0, 07)	8 (0, 1)	18 (0, 24)	14 (0, 18)	7 (0, 1)	6 (0, 07)	6 (0, 1)	
всего	2 2 8 0	25 25 53	20 16 59	17 17 81	20 23 42	23 26 06	27 30 68	33 33 57	36 37 20	37 36 15	36 35 88	35 37 34	37 38 84	37 38 08	37 38 53	38 45 35	45 60 08	60 80 28	80 96 90	96 80 30	86 95 13	86 95 63	95 82 86	82 72 24	72 74 82	69 69 42	77 77 04	59 59 80	64				

Приведенные выше данные, несомненно, свидетельствуют о постепенной демократизации социального состава студенчества. В то же время очевидно, что по формальным показателям в течение рассматриваемого периода большинство студентов относилось к привилегированным сословиям (дворянство, чиновничество, духовенство, почетные граждане, купцы I гильдии) — на 1 января 1905 г. таковых было 80,19%, на 1 июля 1916 г. — 55,51%⁴⁴. Согласно наблюдениям И.М. Матвеева, с точки зрения элитарности социального состава студенчества, столичный университет превосходил другие университеты Империи⁴⁵. Примечательно, что наиболее резкое снижение числа студентов из привилегированных сословий за год, с 69,31% до 61,75%, приходится на 1910–1911 гг., т. е. относится ко времени массового увольнения студентов за революционные беспорядки, причем особенно пострадав-

⁴⁴ Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России... Вклейка. Таблица 8.

⁴⁵ Там же. С. 35. Ср.: Чиненный А., Стоян Т. Студенчество российских университетов (XIX в.) // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал Министерства общего и профессионального образования РФ. 1999. №5. С. 144.

шей оказалась группа «дворян и чиновников» (сокращение с 54,84% до 45,7%). Напрашивается довольно любопытное предположение о том, что наиболее привилегированные в социальном отношении слои студенчества являлись и наиболее революционными.

В сословном отношении расхождение с общегородскими показателями в среде университетского студенчества было более значительным, чем в национально-конфессиональном. Так, по данным переписи 1910 г. (критерии которой несколько отличались от критериев, принятых в отчетах университета), в Петербурге потомственных и личных дворян было 7,24%, почетных граждан и купцов 4,41% (соответственно 3,36 и 1,05%), духовенства 0,49%, мещан и цеховых (т. е. ремесленников) 19,11%, крестьян 68,77%, финляндцев 0,9%, иностранцев 1,2%⁴⁶. Иначе говоря, если к привилегированным сословиям на 1910 г. принадлежало 67,04% студентов университета, то из всех горожан к ним могли отнести себя не более 12,14%. В то же время эта социальная диспропорция (непривилегированные слои представлены почти в 15 раз меньше привилегированных) была все же намного ниже, чем в среднем по стране (соотношение приблизительно 1 к 50)⁴⁷.

В материальном плане жизнь значительной части студенчества была непростой, особенно это касалось иногородних студентов, вынужденных снимать жилье, при том что в начале XX в. столица была самым дорогим городом России. Стоимость комнаты с полным пансионом (завтрак, обед, чай с закуской) была не дешевле 20 рублей, поэтому иногда студенты жили в общежитиях или снимали вдвоем комнату за 12–15 рублей⁴⁸. В этом смысле университетское общежитие, вероятно, было лучшим вариантом решения жилищного вопроса. И.Ю. Крачковский, поступивший на факультет восточных языков в 1904 г., так писал о своем жилье в коллегии Александра II:

⁴⁶ Санкт-Петербург. 1703–2003... Вып. 2. С. 73.

⁴⁷ См.: Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России... С. 37.

⁴⁸ Засосов П.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 159.

«Номер мой величины поучительной: имеет в длину 9 шагов, в ширину — 5,5. В нем с успехом помещаются две кровати, два письменных стола, этажерка для книг, шкаф платяной, два маленьких столика и четыре стула. Кроме того остается достаточный проход»⁴⁹.

Как уже отмечалось, для обеспечения жильем беднейших студентов с 1882 г. строится одно из первых в России общежитий — Коллегия им. императора Александра II. Для поселения в коллегия МНП вводит требование предоставления студентами специального свидетельства о «недостаточности их материального положения» от начальников гимназий, которые они заканчивали⁵⁰. Второе университетское общежитие, рассчитанное на 150 человек, открылось в 1905 г. Стоимость проживания в общежитии за учебный год (с 20 августа по 31 мая) составляла 245 рублей за каждого студента. За эту плату предоставлялась меблированная комната на двоих («кровать с матрасом но без белья») с электрическим освещением, прислугой и столом («чай с булкой утром и вечером и обед из двух блюд»), студент, желавший занимать комнату единолично должен был доплачивать еще 105 рублей в год⁵¹. Кроме того, в коллегии была библиотека, читальня, музыкальная комната, находящиеся под управлением комиссии «библиотекарей», избираемых коллегиянтами⁵².

Интересно сравнить приведенное свидетельство коллегиянта с воспоминаниями студента, вынужденного снимать жилье на стороне. Вот что писал по этому поводу А.А. Нейман, оставивший мемуары о Д.З. Мануильском (одном из наиболее видных деятелей студенческой социал-демократии времен революции 1905–1907 гг.): «С Мануильским меня связывала студенческая жизнь с частыми переездами из квартир-подвалов, где нас замучили холод и сырость <...> где не давали дышать вечная духота и дым <...> и всюду

⁴⁹ Цит. по: Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени / Отв. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2004. С. 53.

⁵⁰ Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 11 мая 1892 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1892 г. №46. СПб., 1892. С. 19.

⁵¹ От исполняющего обязанности ректора Императорского С.-Петербургского // Русь. 1905. Пятница, 15-го июля. №158. С. 6.

⁵² Студенческие учреждения, управляемые при участии студентов // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 294. Л. 212.

мы вели борьбу с нехваткой денег в кармане»⁵³. Плачевную ситуацию с жильем, которое снимали студенты, в частности, иллюстрируют отчеты университетского врача. Так, по словам врача, посетившего в 1906 г. 52 студенческих квартиры, он «лишь одну из них нашел хорошую» (на нее студент тратил 2/3 своего бюджета) и «две удовлетворительных», «зато весьма многие были ниже всякой критики и имели одно удобство — дешевизну»⁵⁴.

Несколько более позитивны, но по существу не отличаются воспоминания студента, учившегося десятью годами позже — П.А. Сорокина, в будущем известного социолога, а в начале 1910-х гг. студента юридического факультета университета: «Мы снимали комнату в старой квартирке. Три другие комнаты снимали трое юношей-студентов, две курсистки с Бестужевских курсов и хористка Народного дома. Типичной едой у нас были чай с булкой и куском колбасы или сыра. Пища обходилась нам не более 10–12 рублей в месяц. На все про все вполне хватало 25–30 рублей»⁵⁵. П.А. Сорокин не слишком грешит в воспоминаниях против истины, даже несколько «завышая» стоимость минимального набора предметов питания, которая, согласно статистическим подсчетам того времени (1913), составляла в Петербурге 7 руб. 57 коп.⁵⁶ Однако студентам нужны были еще и деньги на одежду и на покупку необходимых книг, так что минимальный бюджет должен был составлять порядка 30 рублей в месяц. В этих условиях плата за обучение (с 1884 г. по 5 руб., с 1887 г. — по 25 руб. в семестр, т. е. 50 рублей в год) для многих студентов являлась весьма обременительной. Кроме того, взималась «особая плата в пользу преподавателей, лекциями которых студент или слушатель желает пользоваться, в размере одного рубля за недель-

⁵³ Цит. по: *Савельева В.Г.* Дмитрий Захарович Мануильский // *Петербургский университет и революционное движение в России* / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С. 161.

⁵⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 год. СПб., 1907. С. 185.

⁵⁵ *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 56.

⁵⁶ Уровень жизни // Санкт-Петербург. 1703–2003... Вып. 3. С. 9.

ный час в полугодье»⁵⁷. Иначе говоря, прилежный студент вынужден был тратить на образование до 100 рублей в год. Таким образом, совокупная минимальная стоимость образования и жизни студента столичного университета, самостоятельно снимающего жилье, составляла сумму порядка 400 рублей в год⁵⁸. Это уже довольно приличные деньги, сопоставимые, например, с почти 90% соответствующего среднего заработка основной группы населения столицы — фабрично-заводских рабочих того периода (451 руб. в год для 1914 г.⁵⁹). В этих условиях для многих на счету был буквально каждый рубль.

Приведем характерное описание быта университетских студентов 1900–1910-х гг.⁶⁰, рисующее картину весьма экономной студенческой жизни и представленное Д.А. Засосовым и В.И. Пызиным: «Толпа студентов была разношерстной, от богатых щеголей, приезжавших в университет в собственных экипажах (таких, правда, было мало), и до бедняков живших впроголодь. Основная же масса студентов состояла из скромных, трудолюбивых людей весьма ограниченных средств. Значительная часть их подрабатывала репетиторством, считала обязательным хотя бы частично содержать себя самим, а не сидеть на шее у родителей <...> В шинельной университета сторожа, обслуживающие вешалки, были своего рода комиссионерами. У каждого имелась стопка учебников, пособий, конспектов, которые они продавали по поручению бывших студентов с большой скидкой. Они же продавали тужурки и шинели окончивших <...> Большинство студентов ходили в фирменных тужурках, сюртук имели далеко не все <...> большинство студентов ходило в форме по двум причинам: во-первых, сразу видно, что студент, а это уже

⁵⁷ См.: Правила для студентов и сторонних слушателей Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1902. С. 9.

⁵⁸ См.: *Шураков П.* Очерки студенческого быта // Студенческое дело. 1913. 16 февраля. №4. С. 2. Ср.: *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 38; *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010. С. 206–215.

⁵⁹ Изменение реальной заработной платы фабрично-заводского рабочего, 1914–1923 гг. // Санкт-Петербург. 1703–2003... Вып. 3. С. 24.

⁶⁰ *Засосов П.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг.... С. 159–161. Ср.: Социальная история Санкт-Петербурга / Под ред. В.Н. Соловьева. СПб., 2005. С. 158–160.

обеспечивало известное положение в обществе, во-вторых, так было дешево. Поношенную студенческую форму можно было носить, а старую штатскую тройку считалось носить неприличным»⁶¹. Авторам «Записок очевидцев» вторит другой универсиант В.Б. Шкловский: «Студенты ходили по коридору одетые в зеленые диагональные штаны, рубашки, тужурки. Крахмального белья и сюртуков было мало. Я носил тогда тужурку, но в качестве парада надевал зеленый сюртук брата прямо на ночную рубашку. Этот сюртук один раз уже кончил университет»⁶².

Обязательность ношения форменной одежды студентами российских университетов была введена с 1885 г., при этом его порядок регламентировался, включая подробное описание таких предметов, как фуражка, мундир, сюртук, шаровары, пальто, шинель, галстук, башлык, тужурка, а также особенностей ношения формы в той или иной ситуации⁶³. Отметим, что согласно специальному монаршему разъяснению ношение мундира было необязательным⁶⁴. Конечно, само по себе студенческое обмундирование не было чрезмерно дешевым, о чем свидетельствует прейскурант наиболее популярных среди столичных студентов мастерской и магазина Ф.Д. Соловьева (расположенных в начале Вознесенского проспекта, у Синего моста) — новый полный набор «студенческой одежды» (зимнее и весеннее пальто, две пары брюк, сюртук, тужурка, китель, жилет) стоил здесь примерно от 170 рублей⁶⁵; помимо этого были еще «дешевые» атрибуты студенческой корпорации, доступные фактически каждому, — фуражки (3 руб.) и значки (20 коп.)⁶⁶. Воз-

⁶¹ Засосов П.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг.... С. 159.

⁶² Шкловский В.Б. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. М., 1966. С. 91.

⁶³ Описание форменной одежды студентам Императорских российских университетов высочайше утвержденной 8 мая 1885 г. // Правила для студентов и сторонних слушателей... С. 13. Ср.: Шепелев Л.Е. Форменная одежда преподавателей и студентов С.-Петербургского университета // Мавродинские чтения. 10–12 октября 1994. СПб., 1994. С. 184–187.

⁶⁴ (8 мая 1885 г.) О форме одежды студентов императорских российских университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, св. Владимира в гор. Киеве и Новороссийского // ЖМНП. 1885. Июль. Ч. ССXL. С. 3–4.

⁶⁵ См.: Прейскурант. Обмундирование гг. Студентов // Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц СПб университета. СПб., 1908. С. 1.

⁶⁶ См., напр.: Краткий прейскурант // Воротинцев Н.И. Подробная справочная книга о Петроградском Политехническом институте императора Петра Великого: [На 1915 г.] / Сост. по послед. офиц. сведениям Н.И. Воротинцев. Пг., [1914]. [С. II].

можно, однако, что авторы приведенных выше воспоминаний несколько сгущают краски и часто скромная одежда универсантов отражала не столько уровень их материального обеспечения, сколько их идеологические предпочтения. Например, В.А. Рождественский вспоминал, что носил форменную тужурку и под ней синюю косоворотку как знак принадлежности к демократическому лагерю⁶⁷. По его словам, студенты, относившие себя к этому лагерю, «носили синие косоворотки под студенческой тужуркой и от всей души ненавидели “белоподкладочников” с их лощеными проборами и длинными парадными сюртуками. Различие одежды символизировало более глубокие идейные расхождения»⁶⁸. Действительно термин «белоподкладочник», связанный с ношением мундира из тонкого английского сукна на белой подкладке с белым кантом, стал нарицательным в прогрессивных кругах по отношению к монархически настроенным, «реакционным» студентам⁶⁹. Б.Е. Райков, также по идейным соображениям заведший «синюю сатиновую блузу», дополняет образ демократического студента такой зарисовкой: «Большинство не брило бород. Большой любовью пользовалось пенсне на длинном черном шнурке через шею. Все это были признаки свободного образа мыслей»⁷⁰. И.М. Гревс вспоминал, что сами манеры его приятеля Ф.Ф. Ольденбурга, его «благовоспитанность и совестливость в исполнении студенческих обязанностей» воспринималась «левым» студенчеством с насмешкой, вызывая определения «барчонок», «маменькин сынок»⁷¹. Кн. С.М. Волконский, и так уже испытывавший нравственные страдания от того, что его отец служил товарищем министра при «реакционере»

⁶⁷ *Рождественский В.А.* Первые опыты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2. С. 146.

⁶⁸ *Рождественский В.А.* О себе // *Рождественский В.А.* Избранное. М.; Л., 1965. С. 4–5.

⁶⁹ См. об этом, напр.: *Олесич Н.Я.* Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 362; *Иванов А.Е.* Мир русского студенчества... С. 230–232.

⁷⁰ *Райков Б.Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки. СПб., 2011. Кн. 1. С. 214.

⁷¹ *Гревс И.М.* В годы юности // Былое. 1918. №12. С. 50.

И.Д. Делянове⁷², вспоминал также о неприязни к нему как «князю» и несправедливых обвинениях в «барствовании» со стороны товарищей в косоворотках и о том, что с «двойной меркой» к князьям подходили и некоторые профессора⁷³. Характерен передававшийся среди студентов анекдот о графе А.А. Орлове-Давыдове, якобы настаивавшем на титуловании и «срезанном» за это раздраженным экзаменатором⁷⁴.

Однако справедливо и то, что в условиях социальной трансформации начала XX века и увеличения среди студентов количества выходцев из непривилегированных сословий общий жизненный уровень студенческой массы снижался. Особенно наглядно острота «материального вопроса» проявлялась в ключевой сфере человеческого быта — питании.

После упразднения в 1887 г. университетской столовой в здании Двенадцати коллегий Обществу вспомоществования студентам приходилось подыскивать помещение на близлежащих линиях Васильевского острова. Новая собственная университетская столовая, получившая имя профессора О.Ф. Миллера (пожертвованный им капитал стал основой ее строительства), открылась только в 1902 г. на участке, подаренном княгиней З.Н. Юсуповой⁷⁵. По наблюдению современника, столовая «представляла из себя редкое не только в Петербурге, но и в России — здание, великолепно приспособленное для определенной цели»⁷⁶. По свидетельству современников, она быстро стала неким клубом, местом не только питания, но и общения, своеобразным информационным центром и читальней (в столовую доставляли 36 газет, рассылаемых бесплатно различными редакциями), не слу-

⁷² Олесич Н.Я. Князь Сергей Волконский — художественный деятель, писатель-мыслитель Серебряного века // Наследие петербургской университетской культуры в русском зарубежье / Отв. ред. Н. Я. Олесич. СПб., 2012. С. 145.

⁷³ Волконский С.М. Мои воспоминания. В двух томах. М., 1992. Т. II. Родина. С. 49. Ср.: Олесич Н.Я. «Чем выше пьедестал, тем шире кругозор...». С.М. Волконский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2002–2005. Т. I. С. 108.

⁷⁴ Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта / Подг. текста, коммент. А.В. Сиренова. СПб., 2004. С. 25–26.

⁷⁵ См., напр.: Ендольцев Ю.А. Санкт-Петербургский государственный университет. Нестандартный путеводитель. СПб., 1999. С. 94–95.

⁷⁶ Докладная записка Экспертной (по обслуживанию материальных нужд студентов) комиссии при проректоре СПб. Университета Попечителю Петбургского учебного округа, 6 февраля 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11266. Л. 4.

чайной столовая сразу после открытия обрела популярность, стала «гордостью» столичного студенчества, вызывая трудно скрываемую зависть москвичей⁷⁷.

Согласно проекту столовая была рассчитана на 334 места⁷⁸, однако ее популярность и заполняемость далеко превосходили расчетное число — в день столовой пользовалось до двух тысяч человек⁷⁹, благодаря постоянной помощи университета и Общества вспомоществования студентам столовая держала максимально доступные для студенчества цены. «Соблазнов» в столичной жизни было немало, многие из студентов (особенно иногородних) быстро выбивались из бюджета и, чтобы избежать жизни впроголодь, могли рассчитывать только на университетскую столовую, где цены, в самом деле, были очень низкие (обед без мяса — 8 коп., с мясом — 12 коп, стакан чая — копейка, бутылка пива — 9 коп.)⁸⁰. Правда, очереди за дешевыми университетскими обедами выстраивались грандиозные — по воспоминаниям участников, приходилось стоять часа по полтора⁸¹. Любопытны наблюдения университетского врача относительно питания своих пациентов: «Обычное питание студента — это чай с булкой, а чаще с ситнем или с хлебом утром и вечером и обед в столовой за 13 копеек»⁸². Безуспешной оказалась попытка столовой в 1907 г. навязать студентам в медицинских целях «комплексные обеды» в виде «совместной продажи» супа и вареного мяса⁸³.

Впрочем, иногда и дешевый университетский обед студентам был недоступен, оставалось надеяться лишь на бесплатный кипяток (или квас) и хлеб и на благотворительность администрации столовой, которая иногда

⁷⁷ См.: *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М., 1903. С. 48–50.

⁷⁸ Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени... С. 62.

⁷⁹ Докладная записка Экспертной (по обслуживанию материальных нужд студентов) комиссии при проректоре СПб. Университета...

⁸⁰ *Засосов П.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг.... С. 160–161. В.М. Алексеев, учившийся в университете в 1898–1902 гг., составил такой прейскурант: «Щи – суп с мясом — 3 к. Каша с маслом — 3 к. (без масла — 1 к.). Битки в сметане (бифштекс и т. д.) — 12 к. Компот — 3 к. Всего 21 к.» (*Алексеев В.М.* Студент на рубеже столетий. Из моих студенческих воспоминаний (1898–1902) // *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 290–291).

⁸¹ *Егоров И.В.* От монархии к Октябрю. Л., 1980. С. 93.

⁸² Там же.

⁸³ *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912. С. 90.

предлагала бесплатную тарелку щей без мяса⁸⁴. При этом зачастую, как показывают материалы студенческих переписей, характер столового питания также вызывал студенческие нарекания (величина порций, качество продуктов, чистота посуды)⁸⁵. И.В. Егоров вспоминал, что когда заканчивались деньги на университетские обеды, приходилось обращаться в столовую Общества трезвости (располагавшуюся на барже у Тучкова моста). Цены там были еще ниже, чем в университете, но т. н. обеды еще скромнее: 1 коп. — тарелка супа без мяса; 1 коп. — тарелка каши без мяса⁸⁶. Небезызвестный болгарский студент-революционер Д. Благоев в своих воспоминаниях рассказывал, что пока не обрел знакомство с студенческой «коммунальной группой» и землячеством, он настоящим образом голодал и был близок к тому, чтобы «протянуть руку за милостыню»⁸⁷. В нелегальных, «самиздатовских» материалах, распространявшихся на рубеже веков, есть даже указания на голодные смерти студентов или на то, как «такой-то студент покончил с собою от голода»⁸⁸. Вероятно, это «творческое» преувеличение; документальных данных, подтверждающих такие случаи, нам обнаружить не удалось. Однако чтобы «выживать», многим студентам приходилось искать работу. Но и эти «приработки» (прежде всего, репетиторство) также были доступны далеко не всем, а кроме того, оплачивались очень скромно. В литературе присутствуют данные о том, что около 30% учащихся петербургских вузов в начале 1910-х гг. добывали средства на жизнь собственным трудом⁸⁹. В одном из университетских отчетов находим, например, следующие наблюдения относительно работы студентов: «В громадном большинстве случаев — это уроки и уроки грошовые, 8–10 рублей [в месяц], а концы по Петербургу

⁸⁴ Засосов П.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг.... С. 161; Алексеев В.М. Студент на рубеже столетий... С. 290.

⁸⁵ См. подробнее: Зиборова Е.О. Студенческие переписи в Петербургском университете в начале XX в. // Клио. 2013. №10. С. 65–68.

⁸⁶ Егоров И.В. От монархии к Октябрю... С. 94.

⁸⁷ Благоев Д. Мои воспоминания. М., 1928. С. 24.

⁸⁸ Старый студент. Петербургские студенческие землячества в половине 80-х годов и их значение. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1204. Л. 14.

⁸⁹ Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.... С. 37.

большие; да немногим лучше оплачиваются и другие виды работы в виду слишком большого количества предложений»⁹⁰. Согласно типичным показаниям одного из студентов начала 1910-х гг., «средства, нужные для жизни и для уплаты в Университете, я должен был добывать собственным трудом, т. к. помощи ниоткуда не получал. Источником средств были уроки и другие случайные заработки, которые в общем давали мне 35–40 руб. в месяц, отнимая почти целый день и всю энергию. Такие условия жизни не только самым пагубным образом отзывались на моих занятиях, но часто даже лишали возможности своевременно вносить в университет деньги»⁹¹.

Хотя для недостаточных студентов (получению казенной стипендии способствовало предоставление свидетельства о бедности⁹²) существовала обширная система стипендий — государственных, университетских, городских и частных, — в процентном отношении к общему числу студентов их было явно мало. При этом рост численности студентов, очевидно, опережал рост стипендиального фонда, составлявшегося из процентов с пожертвованных капиталов и государственных субсидий. Так, по сведениям, приводимым в литературе, если в 1896 г. стипендию (из частных или казенных средств) получал примерно 1 из 11 студентов⁹³, то в 1910 г. лишь 1 из 25 студентов⁹⁴. От платы за обучение Правлением освобождалось 15% студентов, однако на практике это число было большим, поскольку сверх этой регулярной нормы от платы освобождались дети профессоров, приват-доцентов и всех штатных служащих российских университетов (например, в 1911/12 гг. их было более

⁹⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 185.

⁹¹ [Прошение потомственного дворянина Клавдия Николаевича Голицынского о восстановлении в университете, 8 августа 1912 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 394. Л. 147–147об.

⁹² См., напр.: *Иконникова С.Н.* «Я буду поступать согласно своим убеждениям». Н.О. Лосский // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета...* Т. II. С. 157; *Чепарухин В.В.* Поборник свободы и культуры, неутомимый искатель истины. В.В. Струве // Там же. С. 175.

⁹³ См.: *Тихонов И.Л.* Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г.* / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 135.

⁹⁴ *Очерки истории Ленинграда.* М.; Л., 1956. Т. 3: Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895–1817 / Отв. ред. Б.М. Кочаков. С. 562.

20)⁹⁵, а также студенты, получающие государственные стипендии и пенсионеры Государя Императора и особ Высочайшей фамилии⁹⁶. Кроме этого, университет располагал процентами с капиталов, предназначенных для выдачи пособия на взнос платы за лекции⁹⁷. Порядок выдачи стипендии регламентировался университетскими правилами — стипендия предоставлялась по предложению факультетов, при этом после 1905 г. значительную, а иногда и определяющую роль в их распределении играли студенческие организации (Совет старост и его «Экспертная комиссия» и землячества). При этом следует иметь в виду, что получение казенной стипендии накладывало на студента непростые обязательства — за каждый год получения стипендии он был обязан по окончании университета отдать полтора года государственной службе, либо вернуть стипендию в полном объеме. Определенное число казенных стипендий и ряд частных стипендий закреплялись за конкретным факультетом, однако существовали и общие для всего университета стипендии⁹⁸. Если размер казенной стипендии был фиксированным и составлял 300 рублей в год, то суммы частных стипендий были различными и колебались в широком диапазоне — от 48 до 456 рублей⁹⁹.

Кроме этого, иногородние студенты часто получали специальные стипендии «на оплату учения» от местных властей, от гимназий, выпускниками которых были¹⁰⁰. Вдобавок к этому, недостаточные студенты получали единовременные ссуды от Общества вспомоществования студентам университета и от разного рода благотворительных акций в пользу университетских студентов (балов, концертов, лекций профессоров, лотерей и т. п.), прохо-

⁹⁵ Список студентов — детей профессоров, приват-доцентов и штатных служащих Университета, подлежащих освобождению от платы за весну 1912 г. вне 15% нормы. Согласно циркуляру Министерства народного просвещения от 14 августа 1907 г., за №17181 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13416. Л. 59.

⁹⁶ Студенческий справочник на 1910/11 академический год. СПб., 1910. С. 38.

⁹⁷ Там же. С. 118.

⁹⁸ Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц... С. 31–38; Студенческий справочник на 1910/11... С. 38–45, 117–124.

⁹⁹ Там же. С. 117–124.

¹⁰⁰ См., напр.: Переписка по запросам разных лиц и учреждений об успехах и поведении студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 32.

дивших как в Петербурге, так и в разных других местностях Империи¹⁰¹. В ряде случаев университет прямо выдавал из специальных средств (т. е. из денег, полученных от студентов) субсидии Обществу «для внесения платы за недостаточных студентов»¹⁰². Но всего этого также, разумеется, было не всегда достаточно для нормальной жизни. Характерны в этом смысле вопросы, помещенные в анкету, составленную Правлением университета для «прошения о пособии», — в их числе: «Регулярно ли Вы обедаете?»; «Обеспечены ли Вы верхним теплым платьем? носильным платьем? бельем? обувью?». Ответы на эти вопросы зачастую были отрицательными. На другой вопрос: «Если Вы больны, то сколько тратите на лечение?» — был ответ «ничего»¹⁰³.

Получение стипендии формально увязывалось с политической благонадежностью студента. Однако на практике соблюсти этот принцип было затруднительно. Так, согласно донесениям ректора, стипендии получали лидеры заговорщиков 1 марта 1887 г. Иосиф Лукашевич и Орест Говорухин¹⁰⁴.

Особенно ухудшилось материальное положение студенчества в годы I Мировой войны. Уже в ноябре 1914 г. «Биржевые ведомости» отмечали: «В прошениях студенты рисуют страшные картины нужды. Один из студентов жалуется, что он не в состоянии заниматься, так как вынужден исполнять обязанности пожарного в одной из пожарных команд, за что его кормят и дают койку в общей казарме. Другой студент указывает, что ему приходится состоять при слепом старике, за что получает стол, квартиру и 10 руб. в месяц»¹⁰⁵. Многие студенты, привыкшие получать поддержку из дома, перекатами получать ее, поскольку их семьи, в свою очередь, будучи разоренными войной, лишились возможности помогать им. Прежде всего, это касалось вы-

¹⁰¹ См., напр.: Переписка с разными учреждениями и прошения студентов по вопросу денег, поступивших с вечеров и концертов в пользу землячества и отдельных студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 128. Л. 1–435.

¹⁰² Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 10 ноября 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887 академического года. №35. СПб., 1887. С. 81.

¹⁰³ См., напр.: Опросный лист // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 128. Л. 31–32.

¹⁰⁴ Ректор И.Е. Андриевский — директору департамента полиции П.Н. Дурново, 27 марта 1887 г., №484 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 15.

¹⁰⁵ Студенческая нужда // Биржевые ведомости. 1914. 17-го (30-го) ноября. №14500. С. 4.

ходцев из губерний Царства Польского, Западного и Прибалтийского края, которые составляли более 95% всех беженцев¹⁰⁶. В прошениях о пособиях Татионинского Комитета, которые с января 1916 г. «студентам-беженцам» выдавало Правление университета, звучат панические нотки. Их авторы указывают на «дороговизну петроградской жизни», отсутствие возможности купить обувь, одежду и т. п.¹⁰⁷ Поскольку Татионинский комитет в летние месяцы пособия не выдавал, проректор прямо указывал в письме в Комитет, что не получающие его в это время студенты «обречены на полуголодное существование»¹⁰⁸.

Характер взаимодействия преподавательского и студенческого мира очень ярко и наглядно проявился в деятельности Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета — одной из самых масштабных благотворительных организаций подобного рода.

Общество вспомоществования студентам университета возникло в 1873 г., его первыми задачами стали выдача пособий нуждающимся студентам, удешевление жизни студентов, помощь в лечении студентов и поиск для них заработка¹⁰⁹. Первым председателем стал А.С. Воронов — бывший преподаватель университета, известный деятель МНП, автор первых фундаментальных трудов по истории российского образования. После его кончины в 1875 г. Общество возглавил выпускник физико-математического факультета, известный ученый, общественный деятель, сенатор П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В 1903 г. его кратковременно сменили в этой должности министр финансов С.Ю. Витте, профессора Д.Д. Grimm, М.М. Ковалевский, уступивший в 1912 г. место председателя петербургскому городскому голове графу И.И. Толстому. Благодаря членским взносам и широкому участию в Обществе

¹⁰⁶ См.: Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С. 26.

¹⁰⁷ См. переписку с разными учреждениями и прошения студентов по вопросу Татионинского комитета помощи беженцам (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 142. Л. 189а–602об.).

¹⁰⁸ Проректор университета — В.В. Никитину, 3 мая 1916 г., №1030 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 142. Л. 70.

¹⁰⁹ Отчет о деятельности Комитета общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета за первый год (ноябрь 1873 – ноябрь 1874). СПб., 1874. С. 2.

ве представителей как бывших выпускников университета, так и разных столичных кругов удалось поставить дело помощи студентам довольно широко.

Однако нельзя не отметить, что возможности Общества постепенно снижались. По отношению к общему количеству студентов в 1874 г. на 1 студента приходилось 11 руб. 14 коп. выплаты, в 1894 г. — 7 руб. 49 коп., в 1914 г. — 3 руб. 87 коп.¹¹⁰ Рост доходов Общества, складывающихся из взносов и процентов к капиталу, просто не поспевал за увеличением числа студентов. Не испытывал особой тенденции к росту, а даже скорее снижался постоянно колеблющийся количественный состав Общества, а следовательно, снижалась и его «налоговая база» в отношении членских взносов. Так, в 1877 г. Общество насчитывало 745 членов, к 1882 г. их число дошло до 1058, к 1887 г. упало до 903, к 1892 г. до 652, к 1897 г. вновь выросло до 705, к 1902 г. — до 970, к 1907 г. — до 1071, в 1912 г. снизилось до 846, при этом постепенно в списках росла доля покойников, навечно включенных в Общество «за особые заслуги», составив в 1912 г. уже порядка 12%¹¹¹. Примечательно, что увеличению численности членов Общества не очень помогал даже постоянный рост числа преподавательского состава, который в своем абсолютном большинстве состоял в Обществе. В отличие от 1870-х гг. в начале XX века новые поколения выпускников университета не стремились примыкать к Обществу и оказывать помощь своим младшим товарищам, все более перекладывая эту задачу на плечи университета и преподавательского корпуса.

¹¹⁰ Подсчитано по: Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчеты за 1874–75, 1894 и 1914 гг. СПб. [Пг.], 1875–1916.

¹¹¹ Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1877 г. СПб., 1878. С. 4; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1882 г. СПб., 1883. С. 5; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1887 г. СПб., 1888. С. 5; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1892 г. СПб., 1893. С. 4; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1897 г. СПб., 1898. С. 4; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1901 г. СПб., 1902. С. 7; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1907 г. СПб., 1908. С. 5; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1912 г. СПб., 1913. С. 5.

Дело усугублялось отношением бывших студентов к своим долгам. К 1880 г. долг членов Общества составлял 60000 рублей (должников было около 1200 человек)¹¹², а к 1914 г. долги 5275 бывших студентов достигли суммы 356121 руб. 88 коп.¹¹³, при том что с баланса Общества регулярно списывались долги умерших должников. Таким образом, к 1914 г. сумма долга только здравствующих должников Общества более чем в 10 раз превышала его годовой бюджет и почти в 2 раза основной капитал.

На первом этапе своей деятельности Общество ограничивалось общими увещеваниями по отношению к должникам. Только в 1887 г. была образована «Комиссия по изысканию мер к более успешному возврату долгов Обществу» (Долговая комиссия) во главе с И.С. Ремизовым¹¹⁴, которая стала предметно работать с конкретными должниками, после чего возвращение долгов все же началось. Однако не все должники были готовы реагировать на индивидуальные обращения, и с 1892 г. Общество было вынуждено взыскивать долги в судебном порядке¹¹⁵, при этом не предъявляя иски тем должникам, «недостаточность средств» которых была установлена¹¹⁶. Долговая комиссия активно пользовалась услугами присяжных поверенных, специализировавшихся по таким делам, работая с ними по сдельной схеме (исходя из передачи поверенным 10% от суммы исков Общества в случае удачи)¹¹⁷, однако делу это помогало мало, и долги росли — иногда тяжбы тянулись очень долго, рассматривались в разных инстанциях вплоть до Сената, некоторые должники заявляли, что не несут ответственность за расписки, сделанные до

¹¹² Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1879 г. СПб., 1880. С. 19; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1880 г. СПб., 1881. С. 11.

¹¹³ Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1913 г. СПб., 1914. С. 27.

¹¹⁴ Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1887 г.... С. 30–33.

¹¹⁵ Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1892 г.... С. 35–36.

¹¹⁶ Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1898 г. СПб., 1899. С. 45.

¹¹⁷ См.: Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1907 г.... С. 33.

совершеннолетия, ссылались на окончание сроков исковой давности, на неверное оформление расписок и т. п.¹¹⁸ Несмотря на то, что Общество пыталось разыскивать должников всеми возможными средствами, в том числе обращаясь к помощи университетских землячеств¹¹⁹, дело продвигалось медленно.

В изданиях Общества отмечается, что студенты не воспринимали ссуды Общества как возвратные и не стремились принимать участие в его работе несмотря на призывы его комитета¹²⁰. Более того, реализация наиболее важного проекта Общества — создания и финансирования студенческой столовой — вела к почти неизбежным конфликтам между Обществом и студенческим самоуправлением, которое, во-первых, желало участия в управлении столовой (используемой, кстати, в политических целях радикальными силами), а во-вторых, периодически выступало с претензиями относительно качества ее работы¹²¹. Так или иначе, проект организации системы вспомоществования, несмотря на его ощутимую пользу для университета, вряд ли можно назвать полностью успешным. Вероятно, основная причина заключается в том, что Общество было слишком встроено в бюрократическую систему и в отличие, например, от землячеств студенты принимали помощь Общества достаточно отстраненно, видя в нем внешнюю для себя организацию, отделенную от «товарищества». Более того, существование официальной организации помощи студентам побуждало студенческие землячества и кассы сосредотачивать свои усилия, прежде всего, на помощи тем, кто официально ее был лишен, — исключенным из университета и репрессированным по поли-

¹¹⁸ См., напр.: Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1894 г. СПб., 1895. С. 41; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1912 г.... С. 29; Сенат о взыскании студенческих ссуд // Биржевые ведомости. 1915. 30-го января (12-го февраля). Утренний выпуск. №14642. С. 4.

¹¹⁹ *Баринев Д.А.* Землячества Петербургского (Петроградского) университета: от Революции к Мировой войне // Клио. 2016. №8. С. 33.

¹²⁰ См., напр.: От Комитета Общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета [Обзор деятельности общества]. СПб., 1897.

¹²¹ См., напр.: Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1909 г. СПб., 1910. С. 32–33, 52–53.

тическим мотивам студентам¹²². В этом смысле усилиям преподавательской корпорации и власти (патронировавшей Общество), направленным на создание благоприятной материальной среды для студенчества, очевидно, мешал менталитет российской молодежи начала XX в., ее настороженное отношение к любым государственным и окологосударственным структурам.

Итак, многие студенты жили в снимаемых «углах», одевались для петербургского климата легко, питались плохо. Как следствие такой жизни и такого питания, среди студентов было немало больных, в том числе и туберкулезом¹²³. Особенно страдали южане, многие из которых, оказавшись в столице, по словам университетского врача, «таяли, можно сказать, не по дням, а по часам»¹²⁴. Примечательно, что некоторые из студентов, больных туберкулезом, по настоянию врача «покидали Петербург навсегда»¹²⁵. В Обществе вспомоществования студентам университета активно обсуждалась и отчасти была реализована идея создания санатория для чахоточных студентов¹²⁶ — небольшие группы учащихся регулярно отправлялись за счет Общества в специально устроенный евпаторийский санаторий в Крыму¹²⁷.

Вообще, надо отметить, что медицинская помощь, оказываемая студентам в университете, была востребована ими очень широко. Достаточно сказать, что в 1907 г. за помощью обратились 4184 студента, в 1909 г. — 8346, в 1911 г. — 7017, в 1912 г. — 6530 студентов¹²⁸. Студентов привлекал не только бесплатный прием у общего врача, но и возможность получить более де-

¹²² Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. М.; Берлин, 2015. С. 82.

¹²³ Социальная история Санкт-Петербурга... С. 160.

¹²⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 год... С. 186.

¹²⁵ Там же. С. 184.

¹²⁶ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах. СПб., 2010. Т. II. 1910–1916. С. 541.

¹²⁷ Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1912 г.... С. 7–8; Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. Отчет за 1913 г.... С. 7–8; Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета. Отчет за 1914 г. Пг., 1915. С. 8.

¹²⁸ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 год. СПб., 1908. С. 247; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909 год. СПб., 1910. С. 277; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1912. С. 229; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 год. СПб., 1913. С. 156.

шее (или даже бесплатное) стоматологическое обслуживание (которое являлось весьма дорогим в Петербурге) — ежегодно более 1000 студентов пользовались услугами университетского зубного врача (или тех частных врачей, работу которых университет оплачивал)¹²⁹.

Поскольку у университетской амбулатории не было «изолятора» (несмотря на просьбы о его организации со стороны врача)¹³⁰ и возможности держать больных на карантине в собственном медицинском пункте, студенты направлялись в городские больницы. Часто ввиду студенческого безденежья это были близлежащие городские больницы, прежде всего Марии Магдалины (на 1-й линии В.О.), Александровская мужская (на 15-й линии) и Петропавловская (на Петроградской стороне, на Архиерейской ул.), а также Мариинская больница для бедных (на Литейном пр.) и Обуховская больница (на р. Фонтанке)¹³¹. Обслуживание в этих больницах было практически бесплатным, но и условия содержания больных были крайне тяжелыми. И.В. Егоров вспоминал, как его, студента, заболевшего тифом, в 1906 г. брат привез в больницу Марии Магдалины и сдал дежурному фельдшеру, который, по словам больного, «посадил меня в грязнейшую ванну, напустил чуть теплой воды» и, «когда я попросил вымыть ванну, фельдшер сказал: “Вот еще телячьи нежности, сойдет и так!”»¹³².

Среди заразных болезней устойчивое распространение имели венерические заболевания, число которых всегда значительно — в несколько раз превышало число больных холерой и тифом¹³³. Примечательно, что статистически учтенное количество венерических больных резко возросло после того, как прием их был перенесен из амбулатории на квартиру врача — на-

¹²⁹ См. «Отчеты университетского врача» в отчетах университета: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб. [Пг.], 1906–1915.

¹³⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 год... С. 192.

¹³¹ Там же. С. 186; Путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1903. С. 314.

¹³² Егоров И.В. От монархии к Октябрю... С. 94.

¹³³ См. «Отчеты университетского врача» в Отчетах университета: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг....

пример, в 1912 г., согласно данным отчетов университета, более 1000 человек (т. е. каждый седьмой студент) получали помощь от университетского врача в связи с заболеванием такого рода. Другое дело, что и при новом порядке приема само решение об обращении за помощью к врачу для многих студентов было трудным. Университетский врач сетовал в этой связи на «крайне легкомысленное» отношение «большинства больных» к этим болезням¹³⁴.

Ситуацию в сфере венерических заболеваний можно связать с сексуальными практиками студенческой молодежи тех лет и господствующими дискурсами, определявшими взаимоотношения полов. Общим местом в публицистике начала XX в. были упреки в «растленности» и половой распущенности студентов. Например, А.С. Изгоев в веховской статье «Об интеллигентной молодежи» с возмущением указывает на то, что три четверти опрошенных студентов «имели мужество» признаться в занятиях онанизмом¹³⁵. Однако острота полового вопроса была во многом обусловлена теми социальными и правовыми условиями, в которые была поставлена студенческая молодежь. Прежде всего, по закону, начиная с 1880 г., студенты университетов были фактически лишены возможности вступать в брак¹³⁶, что как раз и создавало почву для сексуальных практик, «аморальных» в глазах старшего поколения. Сказывалась на быте студенческой молодежи начало XX в. и декадентская интеллектуальная атмосфера «Серебряного века». В качестве иллюстрации, свидетельствующей о болезненности темы, можно привести воспоминания о «половом вопросе» в студенческой среде начала столетия:

«В университете ее (женщины — *Е.Р.*) не было совершенно, даже медсестра на приеме у врача была заменена фельдшером. Женские курсы (Высшие) существовали отдельно. Друг к другу не ходили: запрещалось. Общение было порядка вечеринок, совместных поездок, «гостей». Случайные знакомства и связи преобладали. Неудачные романы и на их почве самоубийства не были

¹³⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 год... С. 161.

¹³⁵ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой. М., 1991. С. 189.

¹³⁶ См.: Обзор деятельности университета за 1881–1894 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9506. Л. 5об.; По вопросу о разрешении студентам вступать в брак // Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1907. Т. 16. Ч. 1. 1904. Стлб. 23–24.

редки. Общее уныние от политического убожества и террора отражалось и на любви. Здорового, нормального сближения полов хотели, но мешала нездоровая атмосфера. Женский вопрос стоял ребром и в быту и в литературе и в театре. <...> В искусстве, на выставках культ обнаженной женщины в сплошь нездоровом быту волновал, раздражал, вел к еще большему общественному нездоровью. В литературе точно то же (Каменский, Арцыбашев, Сологуб, Лохвицкая). Пол был излишне подчеркнут, половая трагедия стояла в центре решительно всего <...>. Невский был наводнен [проститутками], открытое приставание, надоедание... Жестокий вопрос, стоявший перед каждым из нас и решавшийся то цинично, то трагично — множество жизней испорчено было безвозвратно... Проф. П.И. Ковалевский (медик-психолог) и масса книг, посвященных этому вопросу, доводили до открытой истерики (даже во время лекций)»¹³⁷.

Эта ситуация привела к тому, что уже в 1900-е гг. администрации вузов не препятствовали студенческим бракам¹³⁸. По крайней мере, в университете этого периода получение специального разрешения ректора на вступление в брак являлось технической формальностью — подготовка подобной бумаги в канцелярии по студенческим делам занимала не более недели¹³⁹. Тем не менее, по данным, приводимым в литературе, «семейных» среди студентов университета начала века было менее 5%¹⁴⁰. Вероятно, по сопоставимым данным анкеты московского студенчества 1903/04 гг. более трети молодых людей оставались девственниками, причем 31,3% из них это обстоятельство «причиняло страдание»¹⁴¹. При этом абсолютное большинство студентов не имело постоянных сексуальных партнеров, поэтому проституция, онанизм, венерические заболевания и, вообще, «половой вопрос» — одна из наиболее болезненных сторон жизни студенчества и в 1910-е гг.¹⁴² В книге Е.П. Радина, посвященной анализу материалов студенческих переписей, приводится отрывок из одной университетской анкеты, в которой респондент представляет свои переживания по «женскому вопросу» как источник неврастения:

¹³⁷ Алексеев В.М. Студент на рубеже столетий... С. 292.

¹³⁸ См.: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 260–263.

¹³⁹ Студенческий справочник на 1910/11... С. 67.

¹⁴⁰ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века... С. 336

¹⁴¹ Фромметт Б. Очерки по истории студенчества... С. 71.

¹⁴² См.: Радин Е.П. Душевное настроение... С. 81–92.

«Неврастения. Онанизм умеренный и теперь (около года уже) оставленный. На борьбу с ним уходили все мои духовные силы. Победила нравственность. Ей помогла любовь (чистая) к женщине. Половые инстинкты давали себя чувствовать уже с 7 лет. Борьба с проституцией чуть ли не является идеалом. Организую с этой целью кружок»¹⁴³.

Другой важной бытовой стороной студенческой жизни были, разумеется, товарищеские пиры, вечеринки¹⁴⁴ или попойки. Иногда эти мероприятия заканчивались в полицейском участке. В администрацию университета шли постоянные жалобы на поведение студенчества в общественных местах, так что в полицейских документах мы находим не только отрывочные сведения и указания на конкретные инциденты, но и некоторые обобщения. Так, согласно сведениям Департамента полиции, только за 1898 г. было «запротоколено свыше 600 случаев нарушения студентами С.-Петербургского университета общественной тишины и порядка, конечно, весьма часто по пьяному делу, при чем в большинстве случаев студенты позволяли себе наносить оскорбления чинам полиции не только словами, но и действием»¹⁴⁵. Характерно, что в периоды революционного брожения этот поток усиливался. Укажем, например, на несколько характерных сообщений, поступивших в университет в 1905 г. Двое студентов университета (Алексей Нарушевич и Григорий Кузьминский) в компании студента военно-медицинской академии были задержаны нижними чинами Л.ГВ. Конного полка за оскорбление, в связи с чем был составлен протокол, впоследствии препровожденный ректору университета. Согласно зафиксированным в нем показаниям студента Алексея Нарушевича, «проходя со своими двумя товарищами около 9 часов вечера 26 января, они на углу Новоисаакиевской улицы и Конногвардейского переулкa встретили трех солдат Конного полка, причем один из них, обращаясь к На-

¹⁴³ Там же. С. 92.

¹⁴⁴ См.: *Иванов А.Е.*: 1) Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 59–60; 2) Мир российского студенчества... С. 167–175.

¹⁴⁵ [*Статковский П.С.*] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях, и участии студенчества в революционном движении с 1882 до начала 1910–1911 учебного года // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 13.

рушевичу, обругал его “синей собакой”. На это Нарушевич в свою очередь обозвал солдат “японцами” <...> Нарушевич признает, что выпивши с товарищами три бутылки водки и несколько бутылок пива, находился в возбужденном состоянии»¹⁴⁶. Согласно другому донесению (март 1905 г.) студент юридического факультета Алексей Яхонтов, «проходя в нетрезвом виде по Невскому пр. у дома 46 приставал к проходившей публике и ругался площадной бранью, за что и был доставлен в управление уч.[асток]»¹⁴⁷; в другом случае студенты Борис Ярославцев и Николай Тихомиров, «будучи в нетрезвом виде и находясь в галерее пассажа, что по Невскому проспекту под № 48, приставали к проходившей публике произнося ругань, а на предложение окол[оточного] надзирателя вести себя приличнее, оба начали громко кричать, размахивать руками, хватать проходивших за платье и нанесли побои швейцару пассажа Никите Константинову»¹⁴⁸. Другой, еще более вопиющий, случай описан в донесении пристава 2-го участка Петербургской части: «3 сего [1905 г.] августа студент С.-Петербургского Императорского университета Александр Александрович Панов, находясь в нетрезвом виде в саду “Неметти”, сходя с буфетной веранды в сад вынул свой детородный член и намеривался мочиться в присутствии публики, но был остановлен администрацией сада, начал кричать и ругаться площадной бранью»¹⁴⁹. Нередки были и силовые «выяснения взаимоотношений» студентов между собой. Так, пристав 4 участка Петербургской части доносил в университет: «Имею честь сообщить, что 1 сего [1905 г.] июня в 2 ч. ночи студенты названного университета Александр Федорович Батырев и Федор Васильевич Черкасов, в Кре-

¹⁴⁶ Протокол [26 января 1905 г., 2 участок Адмиралтейской части], копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 35. Л. 19–20.

¹⁴⁷ Пристав 1 участка Спасской части — Инспектору студентов СПб университета, март 1905 г., №5712 // Там же. Л. 41.

¹⁴⁸ Пристав 1 участка Спасской части — Инспектору студентов СПб. Университета, 3 апреля 1905 г. // Там же. Л. 42.

¹⁴⁹ Пристав 2 участка Петербургской части — Санкт-Петербургский императорский университет, 12 августа 1905 г., №1546 // Там же. Л. 109–109об.

стовском саду произвели между собою ссору и драку, чем причинили беспорядок»¹⁵⁰.

Судя по материалам профессорского дисциплинарного суда, имели место и периодические конфликты в студенческом общежитии (коллегии Императора Александра II). Наиболее распространенная проблема — нарушение «тишины и порядка» по ночам¹⁵¹. Но бывали и более серьезные происшествия. Укажем, например, на эпизод, связанный с «систематической травлей» студента Сушкова товарищами. Причины «травли» из материалов дела не ясны, но методы описаны подробно. Злоумышленники специально выливали под дверь товарищу ведро грязной воды, заливая ей пол его комнаты¹⁵².

Метания петербургского студента, преисполненного мизантропии и сарказма, нашли отражение в популярных полухудожественных зарисовках Бориса Гегидзе под названием «В университете. наброски студенческой жизни». Здесь есть все: ректор-бюрократ, тупые и напыщенные профессора, лентяи-студенты, раболепные служители, женщины легкого поведения, профессиональные «вечные студенты», использующие университет для бредней революции, канцеляристы-крючкотворы, длинный коридор, по которому бесцельно снует студенческая масса, пустые или бесполезные лекции и т. п., — одним словом, вся университетская жизнь предстает как сплошная хаотическая бессмыслица. Разумеется, книга, изданная в типографии А.С. Суворина, не могла не быть ангажированной, но показательно, что за два года она выдержала 6 изданий¹⁵³.

Таким образом, исходный материал для портрета петербургского студента весьма противоречив — демократичный скорее по убеждениям, чем по

¹⁵⁰ Пристав 4 участка Петербургской части — в Канцелярию СПб Императорского университета, 1 июня 1905 г., №162 // Там же. Л. 71.

¹⁵¹ См., напр.: Председатель Профессорского дисциплинарного суда — Ректору Санкт-Петербургского университета, 1 апреля 1913 г., №3248 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10736. Л. 9.

¹⁵² Заведующий коллегией Императора Александра II — Ректору Санкт-Петербургского университета, 16 февраля 1913 г., №3 // Там же. Л. 2; Председатель Профессорского дисциплинарного суда — Ректору Санкт-Петербургского университета, 20 марта 1913 г., №2626 // Там же. Л. 5.

¹⁵³ Гегидзе Б. В университете. Наброски студенческой жизни. СПб., 1903 (2–5 изд. — 1904, 6 изд. — 1905).

происхождению, не очень здоровый физически, сексуально озабоченный, испытывающий нужду сегодня и мечтающий о счастливом завтра, молодой человек оказывался в храме науки, где его главным собеседником и проводником выступал профессор. От того, как сложатся отношения студента с преподавательской коллегией, по существу, зависел весь успех его университетского предприятия.

3.2. Культ наставника или культ студента?

Развитая гражданская и интеллектуальная среда университета способствовала появлению у вступающего в нее молодого человека ощущения попадания в особый, лучший мир, таким же впечатлениям содействовала и сама атмосфера, царившая в здании Двенадцати коллегий. Студенческое знакомство с университетом вплоть до начала XX в. начиналось с личного представления первокурсника ректору, который принимал и приветствовал студента, а также вручал ему матрикул¹⁵⁴. Начало учебного года описано у разных мемуаристов не без доли патетики — вот как вспоминал о своем первом дне в университете (1 сентября 1900 г.) знаменитый впоследствии зоолог В.А. Догель:

«Мягкое осеннее солнце заливало своим светом университетскую набережную Васильевского острова и отражалось на величественном куполе старика Исакия, смотревшего на пеструю от солнечных бликов красавицу Неву. На набережной, обыкновенно тихой и мирной, в этот день заметно было сильное оживление. Собравшись со всех концов нашего отечества, петербургское студенчество стремилось к зданию университета в день открытия учебного года. По набережной в одиночку и группами шла студенческая молодежь — и питомцы старших курсов, для которых этот день был повторением пройденного, и новички, еще неловко чувствующие себя в студенческой форме, хотя и гордящиеся ею <...> Любуясь бесконечной перспективой коридора, новички исполнялись почтением к старине и солидности учреждения и двигались сплошной стеной, распределяясь затем по отдельным аудиториям и лабораториям»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 214.

¹⁵⁵ Цит. по: Фокин С.И. «Блажен, кому удалось осуществить мечту». В.А. Догель // Знаменитые университеты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 373.

Действительно, несмотря на описанные выше материальные и моральные тяготы, даже опасности университетской жизни, попадая в университет, юноша, в особенности провинциал, чувствовал, что оказывался в «возвышенном» мире. По воспоминаниям одного из таких студентов, С.С. Кузнецова, впоследствии ставшего профессором, «старый петербургский университет [речь идет об университете предреволюционных лет — *Е.Р.*] некоторыми своими распорядками отражал блеск Петербурга: чопорно-вежливое и холодновато-обязательное обращение профессорско-преподавательского и технического персонала; белизна дверей и стен; совершенная прозрачность стекол в окнах и огромных книжных шкафах из светлого ясеневоего дерева; <...> сверкание до зеркальности натертого паркета <...> Профессора в скромных черных сюртуках представлялись нам небожителями, проповедниками каких-то исключительных истин»¹⁵⁶. Вс.Н. Иванов, учившийся в университете в 1906–1912 гг., вспоминал, как он с волнением неопита смотрел на аудитории, «где читали лекции Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев и другие великие мужи, где висели их портреты»¹⁵⁷.

Для того чтобы понять, как проходило взаимодействие преподавательской корпорации со студенческой молодежью, необходимо, прежде всего, напомнить о том, как строился образовательный курс в университете, и задаться вопросом, насколько сложным был студенческий путь к заветному диплому и какое значение на этом пути играла фигура преподавателя?

Стандартный учебный курс длился 4 года. Фактически университетский учебный год начинался 1 сентября и оканчивался в апреле (в зависимости от Пасхи). Учитывая рождественские каникулы, он длился примерно 7 месяцев. Собственно обязательная нагрузка студентов, в особенности Петербургского университета, где не было медицинского факультета, была не так велика и в зависимости от факультета и курса колебалась в районе 20 часов в

¹⁵⁶ Кузнецов С.С. Профессор и препаратор // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1961–1989. Т. 2. С. 117.

¹⁵⁷ Иванов Вс.Н. Воспоминания. «Гул жизни Петербургского университета. 1906–1911» // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. II. С. 489.

неделю (аудиторный час составлял 45 минут)¹⁵⁸. Университеты в сравнении с другими высшими учебными заведениями предоставляли и достаточно свободный порядок текущей отчетности. Экзамены (испытания) проводились весной — обыкновенно в апреле — мае после первого и второго курса (т. н. полукурсовые испытания), в конце третьего курса студент был обязан подать курсовое сочинение, а четвертый курс завершался госэкзаменами. Отметим, что студентам разрешалось переносить полукурсовые испытания на следующий год, т. е. фактически они могли быть сданы в конце третьего курса, можно было отложить на год (а то и на полтора) подачу работы. При этом конкретные условия и порядок студенческой отчетности определялся факультетами¹⁵⁹. В результате вместо четырех, студент мог легально провести в университете 5–6 лет¹⁶⁰. Учитывая же разного рода «исключительные» обстоятельства или отчисления на время, восстановления и т. п., студент мог фактически учиться гораздо большее время — 8–10 лет. Введение в 1906 г. предметной системы еще более либерализовало порядок студенческой отчетности, в результате чего лавинообразно увеличилось количество «вечных» студентов, которые регулярно откладывали сдачу экзаменов. Такая «учеба» использовалась в разных жизненных видах, в том числе для отсрочки по отбытию воинской повинности. Для университета это также было выгодно с финансовой точки зрения, поскольку эти студенты регулярно вносили плату за учение и гонорар. Однако их существование крайне раздражало МНП, которое в 1911 г. ограничило пребывание в университете 13 семестрами¹⁶¹ (см. главу 8).

Важной университетской традицией было посещение лекций, относящихся к программе не только другого отделения, но и факультета. Общеиз-

¹⁵⁸ Кареев Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб., 1900. С. 124–126.

¹⁵⁹ См., напр.: Правила о зачете полугодий и о полукурсовых испытаниях и программы полукурсовых испытаний на факультете восточных языков. СПб., 1899; Правила о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях по Юридическому факультету Императорского С.-Петербургского университета (На основании распоряжения Департамента Народного Просвещения от 18 июля 1911 года за №22796). СПб., 1911.

¹⁶⁰ Кареев Н.И. Выбор факультета... С. 173–174.

¹⁶¹ О максимальном сроке пребывания студентов Императорских университетов на факультетах // ЖМНП. 1911. №3–4. Правительственные распоряжения. С. 43–44.

вестен аншлаг, который в 1880-е гг. вызывали «вдохновенные и глубокие по содержанию» лекции Д.И. Менделеева, «на которые стекались студенты всех факультетов»¹⁶². Однако традиция посещения лекций других специальностей связана не только с этим ученым, мировое значение которого было очевидно уже при его жизни. Например, Р.В. Иванов-Разумник, учившийся на физико-математическом факультете, вспоминал, что в годы студенчества занимался в семинарах по социологии у А.С. Лаппо-Данилевского, по истории литературы — у И.Н. Жданова, по психологии и истории философии — у А.И. Введенского, по греческой литературе — у Ф.Ф. Зелинского¹⁶³. Востоковед В.М. Алексеев вспоминает о посещении лекций физика О.Д. Хвольсона и химика Д.П. Коновалова¹⁶⁴. Последний привлекал аудиторию эффектными опытами, которые сопровождались аплодисментами публики¹⁶⁵. По воспоминаниям современника, чтобы попасть на это занятие, студенты приходили за полтора часа, занимая место в аудитории в начале предшествующей ему лекции¹⁶⁶. Параллельно с курсом юридического факультета в начале 1890-х гг. на историко-филологическом факультете слушал лекции И.Э. Грабарь. Согласно его воспоминаниям, «никто из профессоров не интересовался, все ли его слушатели филологи, и я мог действительно входить в любую аудиторию. Меня филологи считали своим, и я действительно прослушал курс историко-филологического факультета значительно полнее и добросовестнее, чем юридического»¹⁶⁷. Схожей была стратегия университетского обучения у другого «юриста» — Н.К. Рериха, у которого,

¹⁶² Об этом см. в многочисленных текстах, в частности: *Шимкевич В.М.* Роль С.-Петербургского университета в развитии точных наук. Речь, произнесенная на торжественном заседании (8) 21 февраля 1919 года по случаю столетия университета // *Естествознание в школе.* 1919. №3–4. С. 68; *Чугаев Л.А.* Дмитрий Иванович Менделеев. Жизнь и деятельность. Л., 1924. С. 33; *Кистьяковский В.А.* [Д.И. Менделеев как лектор] // *Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников.* М., 1973. С. 65.

¹⁶³ *Ivanov-Razumnik R.V.* After Twenty Years // *Russian Review.* 1951. Vol. 10. No.2. P. 146.

¹⁶⁴ *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества... С. 49.

¹⁶⁵ *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 215.

¹⁶⁶ *Пиотровский К.Б.* Лебедев в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1986. С. 15.

¹⁶⁷ Цит. по: *Левандовский С.Н.* «Университетская жизнь не должна... проходить бесследно». И.Э. Грабарь // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета...* Т. III. С. 278.

по его собственным воспоминаниям, «на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции»¹⁶⁸.

Итак, лекции — и не только на гуманитарных факультетах — часто превращались в уроки риторического искусства, а аплодисменты были обычной практикой. Следует учитывать и то обстоятельство, что от количества слушателей и способности лектора увлечь аудиторию зависел и получаемый гонорар. Источники личного происхождения рисуют самые различные образы университетских профессоров. Например, А.Ф. Керенский так вспоминает о С.Ф. Платонове: «Профессора С.Ф. Платонова отличала твердость убеждений и поведения. Всегда безупречно одетый, он не допускал в отношениях с студентами и капли фамильярности. В чем-то он как историк, на мой взгляд, превосходил Ключевского <...> Он был очень популярен среди студентов, но никогда не был объектом такого поклонения как Ключевский в Москве»¹⁶⁹. Действительно, для всеуниверситетской популярности С.Ф. Платонову, возможно, не хватало полного соответствия ожиданиям аудитории. Иногда лектор добивался такой популярности своей политической фрондой как, например, В.И. Семевский или Е.В. Тарле, иногда анекдотами, как, например, Э.Р. Вреден¹⁷⁰. Пожалуй, наибольшей славой пользовались лекторы наиболее многочисленного юридического факультета — В.И. Сергеевич, Н.Д. Сергеевский, И.Я. Фойницкий, Ф.Ф. Мартенс, каждый из которых имел собственный ораторский стиль и группы поклонников¹⁷¹. Сходство такого лекционного преподавания с театральным искусством выражалось даже в деталях поведения профессоров. По воспоминаниям С.М. Волконского, А.Д. Градовский, один из популярных лекторов, которого он, студент историко-филологического факультета, в 1880-е гг. специально «ходил слушать

¹⁶⁸ Рерих Н.К. Листы дневника. М., 1995. Т. 2. С. 163.

¹⁶⁹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С. 26. См. также: Соболев Г.Л. «Если б Керенского не было, его пришлось бы выдумать!». А.Ф. Керенский // Знаменитые университеты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 362.

¹⁷⁰ См.: Иванов А.Е. Мир российского студенчества... С. 34.

¹⁷¹ Черепнин Н.Н. Санкт-Петербургский университет моего времени (1891–1895) // Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 110–119; Старый студент. Из студенческих воспоминаний // Alma Mater. 1911. №2. С. 11–12; Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 72–73.

на юридический факультет», «всегда пригадывал кончить лекцию под рукоплескания и, выходя из аудитории, проходя коридором, оборачивался и раскланивался; с каждым поклоном рукоплескания вскипали»¹⁷².

От успеха лектора могло зависеть «общественное» отношение студенчества к целой отрасли знания. Так, профессор И.В. Ягич не без гордости вспоминал, что своими лекциями в Петербургском университете в 1880-х гг. ему удалось переломить отношение русского студенчества к славистике — к ней стали относиться как к серьезной науке, притом что раньше видели в ней «какую-то “казенщину” или одно из проявлений славянофильства»¹⁷³. С другой стороны, по мнению современника, читавший лекции «необыкновенно вяло» профессор А.Н. Гоби «нанес серьезный вред науке, оттолкнув своим преподаванием от ботаники многие поколения учащейся молодежи»¹⁷⁴.

Следует отметить, что лекции, воспринимавшиеся как публичный акт, были основным объектом обструкций, выражения студенческих эмоций, как положительных, так и негативных. При этом личность преподавателя и содержание лекции могли быть вторичными по отношению к общественному контексту, в котором проходила лекция. Приведем, например, характерный эпизод с описанием лекции профессора Н.Л. Дювернуа, происходивший на юридическом факультете во время студенческих обструкций 1902 г. (см. главу 7):

«Во время лекции профессора Дювернуа /IV курсу юристов/ распространился неприятный запах, но не особенно сильный, студенты разыскали на полу раскупоренную стеклянку и немедленно выбросили ее за окно, открыли фортку и убедительно просили профессора продолжать лек-

¹⁷² Волконский С.М. Мои воспоминания... С. 48.

¹⁷³ Цит. по: Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете / Под. ред. Н.А. Мещерского. Л., 1971. С. 34.

¹⁷⁴ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 216. Характерно, что А.Х. Гоби читал лекции именно «неувлекательно», хотя по свидетельству «избранного меньшинства» — студентов, ставших впоследствии выдающимися ботаниками, — «стройно, глубоко логично и в высшей степени содержательно» (Генкель П.А. Христофор Яковлевич Гоби. М., 1976. С. 14).

цию, что г. Дювернуа и сделал, прочитав до конца лекцию в холодной и пропитанной неприятным запахом аудитории. Студенты при громких рукоплесканиях, вынесли профессора на руках»¹⁷⁵.

Заподозренного в подбрасывании злосчастной склянки студента I курса Алексея Постникова академисты поймали, «некоторые предложили побить его и отпустить», другие — «вести к ректору» или «взять у него карточку и передать ректору». Пока шла эта дискуссия, Постникову удалось сбежать¹⁷⁶. Эти реляции попечителя учебного округа в МНП вполне передают эмоциональный настрой студентов («революционеров» и «академистов»), но, разумеется, не имеют никакого отношения к научному или образовательному значению лекции знаменитого юриста.

Не меньшее раздражение вызывало появление на лекциях «правительственных агентов», причем не только «сексотов» или полиции, но и университетской инспекции, желавшей контролировать посещаемость (интересно, что нам не встречалось сообщений о попытках возложить функции такого контроля на преподавателя). Ходили, например, рассказы о том, как инспектор Антропов явился на лекцию к профессору Н.А. Меншуткину, который потребовал его ухода. При последующем объяснении присутствовал Д.И. Менделеев. Когда Антропов заявил, что ему «как лицу, принадлежащему к университетскому персоналу, не возбраняется доступ в аудитории», Д.И. Менделеев заметил, что, «если господин Антропов считает себя принадлежащим к университетской корпорации, то на том же основании могут причислять себя к ней и трубочисты, которые чистят в университете трубы»¹⁷⁷. Независимо от достоверности сюжета в целом и его деталей сам слух вполне отражает настроения университетского общества.

¹⁷⁵ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 27 февраля 1902 г., №109. О ходе лекций в С.-Петербургском университете // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. 1902 г. Д. 292. Л. 688об.

¹⁷⁶ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 28 февраля 1902 г., №114. О событиях 27 февраля. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 462. Л. 137об.

¹⁷⁷ Цит. по: *Славентантор Д.Е.* Ученый первого ранга. Л., 1974. С. 5.

Характерно, что по свидетельству современников в российских университетах эпохи 1880–1910-х гг. (а на некоторых факультетах — со второй половины 1860-х гг.) практика записи лекций уже была мало распространена. Вот, например, что по этому поводу писал Н.И. Кареев в 1900 г.: «В добрые старые времена лекции не только слушались, но и записывались. Теперь этот обычай у нас совсем исчез, если не принимать в расчет редких исключений (напр., на математическом факультете, где студенты списывают с доски вычисления, производимые профессором, и т. п.). В других странах, напр., в Германии и Франции, лекции обыкновенно записываются, и профессора иногда чуть не диктуют, что конечно, излишне. Один французский профессор, посетивший мою аудиторию, был крайне удивлен, когда увидел, что студенты пришли без бумаги и карандашей»¹⁷⁸.

В этой связи объяснима традиция фиксации лекций для печати по заказу студентов либо одним из них, либо специально нанятыми стенографистами — в университете была распространена практика литографических изданий, когда законспектированные лекции отдавались на просмотр автору, а после издавались литографическим способом ограниченным тиражом (в 100–200 экз.)¹⁷⁹. Как писал тот же Н.И. Кареев, «записывание лекций у нас убили литографированные курсы»¹⁸⁰. В последние десятилетия XIX в. практика литографирования лекций стала общепринятой в российской высшей школе¹⁸¹, однако лидерство в этой области, несомненно, принадлежало крупным учебным заведениям. Действительно, уже в начале 1880-х гг., как свидетельствует «Справочная книжка для студентов Санкт-Петербургского университета», в производстве и продаже по всем четырем факультетам было 56 таких изданий, при этом наиболее тиражные, т. е. более 250 экз., как правило, публиковались методом наборной печати, а малотиражные выпускались литографи-

¹⁷⁸ Кареев Н.И. Выбор факультета.... С. 133.

¹⁷⁹ См.: Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005. С. 68.

¹⁸⁰ Кареев Н.И. Выбор факультета... С. 134.

¹⁸¹ Зайцева А.В. Учебные издания студентов во второй половине XIX – начале XX в.: распространение и реклама // Вестник ВятГГУ. 2015. №1. С. 75–80.

ческим способом или т. н. «способом Алисова» (на гектографе)¹⁸². Попытки МНП противодействовать массовому литографированию лекций в российских университетах фактических результатов не давали¹⁸³. В последние предреволюционные годы подобная практика получила дополнительную организационную основу. За 8 лет (с 1908 по 1917 г.) образованный при физико-математическом факультете студенческий издательский комитет подготовил и выпустил в свет более 80 таких изданий¹⁸⁴. В аналогичном комитете, существовавшем при историко-филологическом факультете (1910–1914 гг.), было выпущено 28 изданий¹⁸⁵. Таким образом, выступления с кафедры университетских преподавателей зачастую находили естественное «вечное» воплощение в виде печатных текстов. Студенческие издания не только распространялись по подписке среди слушателей, но и продавались как в университете, так и вне его стен¹⁸⁶. Старые профессора, например, А.Д. Градовский, видели порочность в практике массового литографирования университетских лекций, которую считали причиной понижения «умственного уровня студенчества», отбивающей у молодежи «последний интерес к научному занятию и к самостоятельному труду по приобретению знаний». По словам современника, «за профессором отрицалось право требовать от студентов даже общеизвестных исторических фактов, если эти факты не упоминались в записках по тому предмету, по которому проводилось испытание», и некоторые экзаменуемые по юридическому факультету не знали не только годов, когда царствовала Екатерина II, «но даже столетия», поскольку в литографии об этом не упоминалось¹⁸⁷. В некотором роде литографии были неформальными

¹⁸² Справочная книжка для студентов Петербургского университета. СПб., 1882. С. 21–22.

¹⁸³ См.: Гутнов Д.А. Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. №1. С. 62.

¹⁸⁴ См.: Побединский В.М., Игнатенко А.А. Книгоиздательская деятельность Петербургского университета. 1724–1989. СПб., 2007. С. 29.

¹⁸⁵ Там же. С. 30.

¹⁸⁶ См. о практиках студенческой книготорговли: Зайцева А.В. Учебные издания студентов во второй половине XIX – начале XX в.... С. 75–80.

¹⁸⁷ Корш Е.В. Отзвуки далекого прошлого. Санкт-Петербургский университет (1868–1869) // РС. 1918. CLXXIV. Март-июнь. С. 62

программками «профессорских спектаклей», за рамки которых студент не считал себя обязанным выходить во время подготовки к экзаменам.

Кстати, отметим, что практика подобного массового издания лекционных текстов иногда приводила к попыткам незаметно присвоить профессорские лекции, получить от их продажи дополнительную прибыль. Характерен в этом отношении процесс о защите авторского права профессора В.Ф. Дерюжинского. Напечатанный им труд «Полицейское право. Пособие для студентов» был повторно, в сокращенном варианте, опубликован под заглавием «Конспект по полицейскому праву, составленный применительно к программе университетского курса» под авторством некоего «студента Н.Г.». К делу был привлечен и издатель, и «автор текста». Это дело описывалось в прессе, как «представляющее широкий общественный интерес по своей типичности». Автором конспекта оказался студент Н. Галкин, издателем Н.П. Карбасников. Экспертизу текстов осуществляли М.М. Стасюлевич и М.А. Антонович, которые пришли к выводу, что «труд» «студента Н.Г.» не есть даже конспект, а лишь сокращённая перепечатка труда В.Ф. Дерюжинского. Окружной суд определил оштрафовать обвиняемого на 200 рублей и взыскать с него в пользу проф. В.Ф. Дерюжинского 2840 рублей¹⁸⁸.

Практика массового легального и нелегального печатания и литографирования лекций, как отмечали современники, прямо вела к снижению уровня их посещаемости студентами¹⁸⁹. Дело в том, что университетские традиции определяли свободное посещение лекций студентами и какой-либо контроль, как отмечено выше, воспринимался болезненно не только студентами, но и преподавателями. По этой причине администрация университета не могла, например, выполнять требование министерства по учету посеще-

¹⁸⁸ Судебная хроника // Биржевые ведомости. 1905. 5 мая. №8806. С. 6.

¹⁸⁹ Добужинский М.В. Воспоминания / Изд. подгот. Г.И. Чугунов. М., 1987. С. 124; Кареев Н.И. Выбор факультета... С. 134.

ния занятий студентами, получавшими государственные стипендии¹⁹⁰, максимум, на что могли рассчитывать учебные власти, — это контроль за посещаемостью здания университета «педелями», осуществляемый в шинельной (впрочем, последних было легко подкупить)¹⁹¹. В любом случае, как вспоминал студент 1880-х гг., на практике «обязательность посещения лекций была заменена обязательством зайти в университет»¹⁹².

Неудивительно, что в контексте традиций «театральности» лекционного преподавания и необязательности их посещения студентами в описываемый период они уже не были основной формой трансляции знания. Не включенным в достаточной степени в университетскую традицию современникам лекции представлялись иногда излишними и бесполезными¹⁹³, иногда просто-напросто странным явлением. Поступивший на юридический факультет Леонид Андреев, будущий знаменитый писатель, в дневнике начала своего студенчества (1891) делит профессоров на три категории. Первые «представляют собой говорильные машины, при том дурной системы, поскольку постоянно заикаются и хрипят», вторые так «кривляются и гримасничают на своих кафедрах, что напоминаю шутов или одержимых бесами». Третья категория это «середина между ними», и это, по словам Л.Н. Андреева, «лучшее, что он видел», однако начинающий студент-юрист никак не может понять, в чем выгода «выслушанной лекции» перед прочитанной, и приходит к выводу, что во всех отношениях работать с литографией куда удобнее, нежели ходить на лекции¹⁹⁴.

Разумеется, такой, в чем-то наивный, взгляд игнорировал саму функцию лекции, которые были в большой степени публичным, а не сугубо обра-

¹⁹⁰ Ректор — Управляющему Санкт-Петербургским учебным округом, 24 августа 1911 г., №3272 // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12599. Л. 25.

¹⁹¹ См.: *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества... С. 16–17.

¹⁹² *Аничков Е.В.* Устав 1884 года и студенчество на перепутье (Из личных воспоминаний) // Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков. Париж, 1934. С. 42.

¹⁹³ *Герасимов В.* Устранение чтения лекций в академической и университетской системе преподавания наук. СПб., 1881.

¹⁹⁴ *Андреев Л.* Дневник 1891–1892 гг. / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 93–94.

зовательным актом и в этой связи — общественной и научной трибуной, а также показателем популярности преподавателя. Число слушателей или их поведение на лекциях было предметом постоянных переживаний, в особенности молодых преподавателей. В 1899 г. начинающий приват-доцент Б.В. Никольский записывает в дневнике впечатления о своей сегодняшней лекции: «Один скот меня извел: бесцеремонно сидел и читал Петерб[ургскую] газету, открыто ее развертывая и перегибая»¹⁹⁵.

Так или иначе, в этих условиях особое значение приобретали т. н. «практические занятия», которые, собственно, к началу XX века и стали постепенно ключевой формой университетского обучения. На физико-математическом факультете это были работы в лабораториях, в которых шло превращение «студентов — в лаборантов, лаборантов — в профессоров»¹⁹⁶; на других факультетах — в семинариях¹⁹⁷. Общей установкой университетской профессуры было мнение о том, что «настоящее научное образование <...> приобретается лишь путем практического приобщения к научной работе»¹⁹⁸.

Действительно, на физико-математическом факультете в пореформенное время постепенно сложилась такая система подготовки, при которой лабораторная работа студентов и «оставленных» при университете под руководством профессоров была тем основным профессиональным полем, где рождались будущие ученые. Любопытно, что согласно воспоминаниям некоторых «естественников», ставших впоследствии крупными учеными, ряд увлеченных научной работой студентов вообще не ходил на лекции, полностью сосредоточившись на лабораторных занятиях¹⁹⁹. Так, подготовка университетских химиков велась в лабораториях А.М. Бутлерова, Н.А. Меншуткина,

¹⁹⁵ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. 1896–1903. С. 310.

¹⁹⁶ Кареев Н.И. Выбор факультета... С. 165.

¹⁹⁷ Там же. С. 168.

¹⁹⁸ Там же. С. 162.

¹⁹⁹ См. типичные в этом отношении воспоминания Ю.А. Орлова: Орлов Ю.А. Воспоминания об Анатомио-гистологическом кабинете Петроградского университета / Подгот. к печати, вступ. ст. и комм. С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. №4. С. 68.

Д.П. Коновалова, А.Е. Фаворского²⁰⁰. Биографические исследования, посвященные знаменитым универсалам, показывают, как была организована эта работа. Например, в химической лаборатории профессора Л.А. Чугаева под его руководством работали десятки студентов, лаборантов и «оставленных при университете». По воспоминаниям современника, это был «как бы улей трудолюбивых пчел, где двадцать-тридцать человек дружно и не мешая друг другу работали, располагая для своей деятельности кусочком стола не более полутора метров». После трудового дня общение молодых химиков не прерывалось — в подвале кафедры располагался своеобразный «клуб» — «маленькая совершенно темная комната, скудно освещавшаяся электрической лампочкой и почти вся занятая большим столом и скамейками вокруг него». В этом «клубе» молодые ученые ели, «организовав в складчину питание», устраивали «веселые вечера с остроумными шутками и самодеятельными артистическими выступлениями», на этих вечерах иногда бывал и профессор²⁰¹.

В последней трети XIX – начале XX в. создается лабораторная база физических исследований — по инициативе профессора Ф.Ф. Петрушевского в 1870–1880-е гг. происходит интенсивное развитие физического кабинета. В 1890-х гг. стараниями Ф.Ф. Петрушевского и его учеников (В.В. Лермантова, И.И. Боргмана и др.) происходит дальнейшее развитие лабораторной базы физических исследований, в том числе возводится здание физического института²⁰². Почти 40 лет, начиная с 1879 г., руководил кабинетом практической механики Д.К. Бобылев, постепенно превратив его в лабораторию, оснащенную лучшим по тем временам оборудованием, через которую прошло

²⁰⁰ См. многочисленную литературу, в том числе: *Бутлеров А.М.* Научная и педагогическая деятельность. Сб. документов. М., 1961. С. 119–143; *Густавсон Г.* Александр Михайлович Бутлеров, как представитель школы // *Журнал Русского физико-химического общества*. 1887. Т. XIX. Вып. I. С. 58–68; *Монастырский Д.Н.* Памяти Николая Александровича Меншуткина. СПб., 1907; *Шостаковский М.Ф.* Алексей Евграфович Фаворский. М.; Л., 1947; *Фаворская Т.А.* Алексей Евграфович Фаворский. Л., 1980 и др.

²⁰¹ *Щукарев С.А.* Воспоминания о встречах с Л.А. Чугаевым // *Макареня А.А.* Лев Александрович Чугаев. Л., 1968. С. 6.

²⁰² *Малахов И.С.* История кафедры физики Петербургского университета (1865–1900). Автореф. дисс.... канд. физ.-мат. наук. Л., 1954. С. 7–8; *Русаков В.П.* Из истории русского Физико-химического общества. Федор Фомич Петрушевский. Жизнь, научно-педагогическая и общественная деятельность // *Ученые записки Московского областного педагогического института*. 1951. Т. XVIII. Труды кафедр физико-математического факультета. Вып. 2. С. 22–23.

не одно поколение студентов²⁰³. В то же время формируется блестящая школа университетских физиологов, вышедшая из лабораторий Ф.В. Овсянникова, И.М. Сеченова, Н.Е. Введенского, А.А. Ухтомского²⁰⁴. На естественном отделении профессора и доценты также активно привлекали студентов к реализации коллективных научных проектов. П.А. Замятченский, например, вспоминал о трудах под руководством В.В. Докучаева над изучением естественно-исторических условий почв Нижегородской губернии. Эта работа, проводившаяся по заказу земства, не только служила основой для написания кандидатских сочинений П.А. Замятченского и других учеников В.В. Докучаева, но и способствовала созданию научной школы почвоведения²⁰⁵. Работы студентов в Зоологическом кабинете и научный семинарий по зоологии позвоночных были организованы профессором В.М. Шимкевичем, который сам «наравне» со своими студентами делал в нем научные сообщения²⁰⁶. Создателем «большого практикума» в Зоотомическом кабинете по образцу аналогов в немецких университетах в 1890-е гг. стал В.Т. Шевяков²⁰⁷. Как отмечается в литературе, этот практикум служил непременным условием перехода студентов к научной работе — проходя его, студенты получали навыки самостоятельного исследования, консультируясь с преподавателем лишь при необходимости; одновременно действовал и студенческий семинарий, в котором начинающие зооло-

²⁰³ Очерк истории кабинета практической механики [1918] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 35. Л. 85–94.

²⁰⁴ См., напр.: *Ухтомский А.А.* Физиологический институт Ленинградского университета в истории своего возникновения // *Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е.* Физиология нервной системы. Избранные труды / Под ред. К.М. Быкова. М., 1952. Вып. III. Кн. I. С. 82–113; *Кузьмин М.К.* Филипп Васильевич Овсянников (1827–1906) // *Овсянников Ф.В.* Избранные произведения. М., 1955. С. 5–26; *Айрапетянц А.А.* Алексей Алексеевич Ухтомский. Л., 1969. С. 21; *Ариавский ИА.* Н.Е. Введенский. 1852–1922. М., 1950. С. 160–174.

²⁰⁵ См.: *Вернадский В.И.* Памяти профессора П.А. Замятченского // Известия АН СССР. 1943. Серия геологическая. №1. С. 106; *Кузнецов С.С.* Петр Андреевич Замятченский // Вестник ЛГУ. 1948. №10. С. 88–89; Петр Андреевич Замятченский (1856–1942) / Вступ. ст. С.М. Курбатова, библиография сост. Н.Н. Кириковой. Л., 1949. С. 8–11 и др.

²⁰⁶ *Римский-Корсаков М.Н.* Зоологические воспоминания / Подг. к публ., вступ. ст. и комм. С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. №1. С. 130.

²⁰⁷ *Фокин С.И., Слепкова Н.В.* Кто и чему учил зоологов в Санкт-Петербургском университете // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных). К 140-летию основания. Сб. документов и воспоминаний / Под ред. С.И. Фокина. М., 2011. С. 66.

ги представляли результаты своих изысканий²⁰⁸. В 1880–1890-е гг. силами профессора С.П. фон Глазенапа организуется астрономическая обсерватория, практические занятия в которой прошли несколько поколений студентов — молодых астрономов и географов²⁰⁹. В 1890–1900-е гг. в рамках практических занятий, перераставших в лабораторные научные исследования, формируется гистологическая школа профессора А.С. Догеля²¹⁰. Благодаря систематической работе профессоров ботаники А.Н. Бекетова и Х.Я. Гоби в течение последней трети XIX – начала XX в. формируется новый ботанический сад, игравший важную роль в подготовке университетских ботаников (интересно, что многие растения привозились для сада самими студентами из экспедиционных поездок)²¹¹. В 1870–1880-е гг. усилиями А.А. Иностранцева был создан геологический кабинет, вскоре ставший геологическим музеем, работа с коллекциями которого стала неотъемлемой частью профессиональной подготовки студентов²¹²; позднее, уже в 1900-е гг., организатором практических занятий будущих геологов с минералами в минералогическом кабинете (впоследствии минералогический музей²¹³) стал П.А. Борисов, а затем С.М. Курбатов²¹⁴; работами в агрономическом кабинете и существовавшем при нем семинарии, через который в 1908–1917 гг. прошли многие десятки студентов, руководил профессор С.В. Кравков²¹⁵. В 1910-е гг. в Физическом институте был организован знаменитый семинар Д.С. Рождественского, благодаря которому состоялась университетская школа физиков²¹⁶ и т. п.

²⁰⁸ См., напр.: *Фокин С.И.* Ученик и учитель. О творческом содружестве биологов В.А. Догеля и В.Т. Шевякова // *Вестник Российской Академии наук.* 2001. Т. 71. №7. С. 624–625.

²⁰⁹ Сергей Павлович фон Глазенап // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 36. Л. 48–51об.

²¹⁰ *Дейнека Д.И.* Гистологическая школа Петербургского (Ленинградского) университета // *Вестник ЛГУ.* 1947. №12. С. 114–115.

²¹¹ См., напр.: *Залесский Д.М.* Материалы для истории Ботанического сада при Петербургском – Ленинградском университете // *Вестник СПбГУ. Серия 3.* 2013. Вып. 3. С. 224.

²¹² *Соколов В.А.* Александр Александрович Иностранцев (1843–1919). М., 1981. С. 81–84.

²¹³ См.: *Анастасенко Г.В., Кривовичев В.Г.* История минералогического музея Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1998.

²¹⁴ *Курбатов С.М.* История кафедры минералогии Ленинградского государственного университета. Л., 1972. С. 46.

²¹⁵ *Леонтовский К.* История кафедры агрономии // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 38. Л. 64–65.

²¹⁶ См.: *Фриш С.Э.* Дмитрий Сергеевич Рождественский. Жизнь и деятельность. Л., 1954. С. 6; *Васильев В.Н.* «Мы в мир пришли, чтоб не соглашаться». Д.С. Рождественский // *Знаменитые универсанты.*

У гуманитариев, разумеется, были свои семинары, которые также играли роль «лабораторной» подготовки. По словам Н.И. Кареева, семинар «заменяет собою профессорский курс специального характера и даже имеет то перед ним преимущество, что тут сами студенты учатся научно работать»²¹⁷. Надо подчеркнуть, что традиции такого научного общения, как свидетельствуют мемуары современников, вполне сложились уже, по крайней мере, в 1860-е гг., в виде неформальных научных занятий профессоров со студентами, часто проходивших на дому²¹⁸. В частности, подобного рода «кружки» были у ведущих профессоров — К.Н. Бестужева-Рюмина, И.В. Ягича, В.Г. Васильевского. 1880-е гг. — время трансформации полуофициальной «кружковой» системы занятий со студентами в семинарии. Действительно, после начала действия устава 1884 г. уже официальной и важнейшей формой университетского общения стали семинарии, практические и лабораторные занятия. И.М. Гревс в качестве образчика организации исторических семинариев указывает на практические занятия под руководством своего учителя В.Г. Васильевского. При этом И.М. Гревс подчеркивает то обстоятельство, что, «если далеко не всегда успешно шли у него коллективные занятия со студентами, то это происходило от того, что очень высоки и строги были его требования; студенты редко и немногочисленно отзывались на них, а он не хотел их понижать»²¹⁹. Сам И.М. Гревс не только усвоил, но и развил традиции учителя, разработав устойчивую методику семинарских занятий, которые строились им по заранее продуманному сценарию²²⁰. Можно констатировать, что силами ведущих профессоров и приват-доцентов историко-филологического факультета 1890–1900-х гг. (И.М. Гревса, Г.В. Форстена,

Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. II. С. 291; *Осиновский А.Н., Коненков А.Ф.* Д.С. Рождественский. М., 1974. С. 31–34.

²¹⁷ *Кареев Н.И.* Выбор факультета... С. 170.

²¹⁸ См., напр.: *Успенский Ф.И.* Петербургский университет в 1867–1871 гг. (по воспоминаниям студента) // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 163–174; *Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете...* С. 37.

²¹⁹ *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. СПб., 1899. С. 32.

²²⁰ *Свешиников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа. Омск, 2010. С. 270–278.

Н.И. Кареева, М.И. Ростовцева, А.С. Лаппо-Данилевского и др.) научно-исследовательские семинарии становятся основой профессиональной подготовки петербургских историков²²¹. Семинары петербургской исторической школы были важны прежде всего с методической точки зрения — за счет выработки навыков работы с источниками, при этом непосредственная специализация студента могла быть прямо не связана со сферой интересов руководителя семинара. Например, будущий востоковед И.А. Орбели с восторгом вспоминал источниковедческие семинары антиковеда М.И. Ростовцева²²².

Разумеется, материальная база историко-филологического факультета уступала физмату, однако и здесь были свои «лаборатории», где проходили занятия у разных отделений — такие, как ведущий свою историю еще с 1840-х гг. музей (кабинет) древностей²²³, кабинет экспериментальной фонетики, созданный С.К. Буличем²²⁴, или археологический кабинет, организованный А.А. Спицыным²²⁵.

Подчеркнем, что и после 1884 г. на разных факультетах и отделениях лабораторные/практические/семинарские занятия играли различную роль в общей системе преподавания. Так, на физмате лабораторные занятия в последнее десятилетие XIX века были органично включены в систему преподавания, на историко-филологическом факультете к концу 1890-х гг. их значение в образовательной подготовке также признавалось ведущим, в то же время на юридическом «практические занятия» долгое время играли совершенно факультативную роль²²⁶. Только с 1900-х гг. положение постепенно

²²¹ См., напр.: *Ершова В.М.* О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988. С. 14; *Краснова Ю.В.* Идеал преподавания: преподавание на историко-филологических факультетах Московского и Санкт-Петербургского университетов в воспоминаниях современников (70-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 2002. №2 (14). С. 100–122.

²²² *Орбели И.А.* Воспоминания студенческих лет // *Юзбашиян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964. С. 134.

²²³ *Грабарь А.Н.* Несколько воспоминаний о Якове Ивановиче Смирнове // *Художественные памятники и проблемы культуры Востока* / Отв. ред. В.Г. Луконин. Л., 1985. С. 8; *Тихонов И.Л.* Археологические коллекции в музеях Санкт-Петербургского университета // *Клио*. 2013. №10. С. 50.

²²⁴ Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете... С. 78.

²²⁵ *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 74–75.

²²⁶ *Казанский П.* К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Одесса, 1901. С. 53–55.

стало меняться — прежде всего, в области преподавания социально-экономических дисциплин (семинары М.И. Туган-Барановского, А.И. Буковецкого, В.В. Святловского, М.М. Птухи)²²⁷. Нельзя не отметить, что министерство и университет сходились во мнении о необходимости укрепления семинарской системы, однако для ее полноценной организации, охватывающей всех (а не только избранных) студентов, катастрофически не хватало финансирования и кадров²²⁸.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что, когда речь шла о подготовке к научной деятельности, значение семинаров как основы научной школы к 1890-м гг. было определяющим. Парадокс заключался в том, что семинары, являвшиеся формой непосредственного и тесного общения студентов и преподавателей, одновременно были и местами социального и политического напряжения. С одной стороны, МНП прямо рассматривало их как средство отвлечения молодежи от фронды, способное побудить ее к полезной обществу научной деятельности²²⁹, с другой стороны, студенчество смотрело подозрительно на такие занятия в эпоху «революционных обострений». В этой связи укажем, например, на события революции 1905–1907 гг., когда университет значительную часть времени был закрыт. В это время у себя на дому продолжали вести семинары профессора А.И. Соболевский и П.А. Лавров²³⁰, что, с их стороны, являлось несомненным вызовом революционному студенчеству. Весьма примечательно, что подобное научное общение на дому вызывало и постоянную озабоченность полицейских властей²³¹, поскольку никак не могло ими контролироваться. Впрочем, беспокойство могло вызывать и содержание вполне официальных семинарских за-

²²⁷ См.: *Широкопад Л.Д.* «Через тернии к звездам». Н.Д. Кондратьев // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 426–445.

²²⁸ См.: [Представления факультетов С.-Петербургского университета об усилении практических занятий студентов С.-Петербургского университета] // РГИА. Ф. 733. Оп. 151.Д. 78. Л. 18–28

²²⁹ См. напр.: Об отпуске из сумм казны кредитов на организацию практических занятий в университетах. 30 сентября 1899. Законопроект МНП // Там же. Л. 162.

²³⁰ См.: *Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В.* Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 4. С. 76.

²³¹ *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества... С. 54.

нятий. Например, приват-доцент М.И. Туган-Барановский в семинаре по политической экономии мог посвятить несколько месяцев изучению «Капитала» Карла Маркса, и вмешаться в этот процесс у властей никакой возможности не было²³².

Важно, что академическое общение профессоров и студентов не порывалось с окончанием ими университетского курса — в отчетах университета много упоминаний о научных занятиях под руководством профессоров студентов, уже окончивших курс и «не оставленных» специально при университете²³³. Такого рода общение часто переходило в постоянные «приемы» профессоров на дому, где за одним столом с наставником оказывались студенты и магистранты разных поколений. В качестве примера можно привести «воскресенья» профессора Е.Е. Замысловского²³⁴, «среды» профессора С.Ф. Платонова²³⁵ или «пятницы» и «семинарии» академика А.С. Лаппо-Данилевского²³⁶, «журфиксы» и занятия кружка профессора А.К. Бороздина²³⁷, «пушкинский» семинарий у приват-доцента С.А. Венгерова²³⁸. Занятия на дому зачастую сопровождались «угощением» учащихся. «У Толстого заниматься очень весело — он угощает чаем с круглыми кренделями»²³⁹, — писал о домашних занятиях у приват-доцента И.И. Толстого студент С.Я. Лурье, в будущем знаменитый антиковед. Астроном А.А. Иванов вспоминал обычный порядок заседаний на квартире у сво-

²³² *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества... С. 104. [Характеристика деятельности М.И. Туган-Барановского в СПб. университете] // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 156. Л. 42–43об.

²³³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 год... С. 129, 131

²³⁴ *Сидорякина Т.А.* Процесс «вхождения в науку» молодого ученого: «ритуалы перехода» в рамках «профессорской культуры» // Вестник Омского университета. 2009. №3. С. 91.

²³⁵ *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 270–318.

²³⁶ *Валк С.Н.* Воспоминания ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 197–198; *Илизаров С.С.* Историк науки Т.С. Райнов — ученик А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. №12. С. 50–55; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 31–32.

²³⁷ Бороздина среды // *Манфред Ш.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг. Словарь. М., 2004. С. 31.

²³⁸ *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV / Под ред. Н.В. Яковлева. М.; Пг., 1922. С. XXVII–XXVIII. Ср.: *Byford A. S.A. Vengerov: The Identity of Literary Scholarship in Late Imperial Rus* // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. No.1. P. 1–3.

²³⁹ Цит. по: *Лурье Я.С.* История одной жизни... С. 50.

его учителя профессора А.М. Жданова — сначала «читались рефераты и велись научные беседы, а потом начинались дружеские разговоры и приятное времяпрепровождение»²⁴⁰. Профессора сквозь пальцы смотрели на развлечения молодых людей в промежутках между научными штудиями и лабораторными занятиями. Так, будущий зоолог и палеонтолог Ю.А. Орлов вспоминал, что в студенческие годы на занятиях в гистологическом кабинете студенты забросили одного из сокурсников на шкаф, соскакивая он «катастрофически изодрал о какой-то гвоздь свои диагональные зеленые студенческие штаны», представ перед неожиданно появившимся профессором А.С. Догелем. По воспоминаниям, «Догель сказал только: “Вы здесь балуетесь?” и все сошло»²⁴¹. В этой почти семейной атмосфере благодаря таким практическим занятиям, консультациям в университете или на дому под руководством профессоров и приват-доцентов возникали многочисленные научные кружки, приобретавшие со временем характер, независимый от плановых университетских штудий²⁴².

Очень часто, однако, отношения профессоров со студентами все же переходили рамки академического общения и с официального уровня с течением времени выходили на уровень личный, почти интимный. Так, например, можно представить отношения двух знаменитых историков — И.М. Гревса и его ученика, студента историко-филологического факультета, Н.П. Анциферова, о которых последний подробно повествует в своих воспоминаниях²⁴³. Н.П. Анциферов пишет о том, что студенты И.М. Гревса называли его «padre»²⁴⁴. Другой пример — общение с учениками академика А.С. Лаппо-Данилевского, который вел у себя на дому практические занятия сразу по нескольким курсам²⁴⁵; сложившаяся таким образом традиция прове-

²⁴⁰ Иванов А.А. А.М. Жданов (Некролог) // ЖМНП. 1914. №8. С. 60.

²⁴¹ Орлов Ю.А. Воспоминания об Анатомио-гистологическом кабинете... С. 74.

²⁴² См. ниже раздел 3.3. «Общественный бум»

²⁴³ Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 165–178.

²⁴⁴ Там же. С. 165.

²⁴⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 год... С. 43–44.

дения «четвергов» у него дома закрепились на долгое время — до смерти академика в 1919 г.²⁴⁶ (эти «четверги» были посвящены работе над дипломатикой русского частного акта)²⁴⁷. Несколько иначе, чем у А.С. Лаппо-Данилевского, строились отношения с учениками у его соперника по факультету и «петербургской исторической школе» С.Ф. Платонова — «личная привязанность» между учеником и учителем играла здесь большую роль, будучи основой деловых отношений, в то же время С.Ф. Платонов давал большую свободу ученикам в выборе профессиональной стратегии²⁴⁸.

Однако, так или иначе, в основе практически любой университетской школы было тесное общение между учителем и учеником, выходящее за рамки университета, в ходе таких неформальных, «домашних», занятий между учителем и учениками возникала тесная духовная близость, требовавшая предельной откровенности. В условиях этой «откровенности» одним из ключевых вопросов для отношений между студентами и наставниками был вопрос об их восприятии общественного движения в стенах университета и, в частности, студенческих забастовок. Так, со временем И.М. Гревс стал занимать все более академическую позицию по отношению к студенческим «забастовкам», которую пытался объяснить своим ученикам. Н.П. Анциферов вспоминает о своем объяснении с учителем по поводу того, что он продолжал читать лекции во время студенческой забастовки, объявленной в 1911 г. И.М. Гревс, отвечая ученику, заявил, что университет «должен как лазарет во время войны оставаться под белым флагом» и «недопустимо подготовку молодежи к научной деятельности ставить в зависимость от действий вла-

²⁴⁶ Валк С.Н. Воспоминания ученика... С. 190–191.

²⁴⁷ См., напр.: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // Клио. 2013. №12. С. 46–49; *Приймак Н.И.*: 1) А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996; 2) А.С. Лаппо-Данилевский и С.Н. Валк (учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1998. Вып. 1. С. 8–16; 3) О письме С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому [1915 г.] // Клио. 2013. №10. С. 129–132.

²⁴⁸ См., напр.: *Жуковская Т.Н.* С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков: к истории взаимоотношений // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 424–430.

стей»²⁴⁹. По словам Н.П. Анциферова, позиция профессора не показалась ему убедительной, но его «твердая вера в свою правду» «произвела неизгладимое впечатление» на ученика, и он «ушел с еще большею любовью к Ивану Михайловичу»²⁵⁰. Яркую картину объяснения со своими слушателями академика А.С. Лаппо-Данилевского — и их аналогичной реакции (несогласия с позицией, но ее уважения и понимания) — рисует другой студент университета, также впоследствии знаменитый историк, Б.А. Романов²⁵¹. О схожей ситуации объяснений профессора восточного факультета барона В.Р. Розена со студентами вспоминал И.Ю. Крачковский. Барон участвовал в организации студенческого самоуправления в период революционного брожения начала 1900-х гг., но когда И.Ю. Крачковский от имени студентов попытался выразить признательность профессору как поборнику университетской автономии, В.Р. Розен откровенно заявил, что им не является и не думает, что автономия поможет восстановить ход нормальных занятий в университете, а единственное, что должны делать студенты, это учиться. Как не странно, И.Ю. Крачковский, несмотря на «skonфуженность», вполне оценил именно «прямоту» высказываний профессора, ставшего затем его учителем²⁵².

Надо отметить, что многие преподаватели оказывали поддержку научным занятиям студентов, очевидно, выходящую за рамки служебных обязанностей. Типичны воспоминания студентов не только об «угощениях» на профессорских квартирах, но и о покупке учителями книг для их работы²⁵³. Забота, проявляемая к студентам, иногда напоминала родительскую — неслучайно некоторые воспоминания содержат упоминания о том, как на за-

²⁴⁹ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 170.

²⁵⁰ Там же. С. 171.

²⁵¹ Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 184–185. Ср.: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 29–30.

²⁵² Крачковский И.Ю. Воспоминания ученика о бароне В.Р. Розене (публикация и примечания А.А. Долининой) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000. Т. VII. С. 258–259.

²⁵³ См., напр.: Римский-Корсаков М.Н. Зоологические воспоминания... С. 130; Платонова Н.И. «Беззаконная комета на научном небосклоне» Н.Я. Марр // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 165.

вершающем занятии профессора трогательно, «со слезами» прощались со своими питомцами²⁵⁴.

Разумеется, немалое значение имела и самостоятельная работа студентов. Важным инструментом здесь были библиотеки, работа в которых была студентам доступна. Петербургские библиотеки рубежа XIX–XX вв. можно подразделить на государственные/общественные и частные. К первому разряду относились Императорская Публичная, Академии наук, Педагогическая, Библиотека Вольного экономического общества, Библиотека II Отделения ЕИВ Канцелярии, Библиотека Ботанического Сада, Библиотека Медико-Хирургической Академии. Однако их недостатком было то обстоятельство, что в большинстве из них книги на дом не выдавались. Другое дело частные библиотеки, где за месячную плату можно было брать книги на дом: по словам студенческого справочника среди популярных библиотек этого рода были книжные собрания Иванова (угол Казанской и Гороховой улиц) и Черкесова (Невский пр., рядом с Публичной библиотекой)²⁵⁵. Однако основной научной библиотекой для студентов университета, конечно, была университетская. Разумеется, и здесь были определенные ограничения для выдачи: издания XVIII – начала XIX в. выдавались студентам только под «ручательство» профессоров, не выдавались книги запрещенные цензурой (и разрешенные только для преподавателей), справочная литература, бывшая в библиотеке в одном экземпляре, периодические издания текущего года (только для преподавателей), библиографические редкости и рукописи (только профессорам)²⁵⁶. Более того, правила пользования библиотеки подчеркивали ее научный характер. Согласно им, «книги для легкого чтения не выдаются студентам ни на дом, ни для чтения в самой библиотеке», беллетристические же журналы выдавались на дом студентам только «в том случае, если студент

²⁵⁴ Орлов Ю.А. Воспоминания об Анатомио-гистологическом кабинете... С. 69.

²⁵⁵ Справочная книжка для студентов Петербургского университета... С. 56.

²⁵⁶ См.: Там же. С. 28; Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц... С. 13–17; Студенческий справочник на 1910/11... С. 87–88.

укажет номер и необходимую ему статью научного содержания»²⁵⁷. Существовали ограничения и на выдачу на дом книг по количеству и стоимости — не более шести, стоящих не более 25 рублей — для превышения этого лимита требовалось согласие факультета²⁵⁸. В литературе справедливо отмечается, что российское студенчество, ориентированное на научные занятия, испытывало «вечный дефицит специальной литературы»²⁵⁹, однако, вероятно, нет сомнений в том, что студенчество *столичного* университета находилось в этом отношении все же в привилегированном положении по отношению к питомцам других высших учебных заведений страны.

Нельзя, между тем, сказать, что все студенты в полной мере пользовались теми академическими возможностями, которые открывал перед ними университет. По примерным оценкам администрации университета, в начале XX в. не менее трети студентов в нем практически не появлялось²⁶⁰. Разумеется, в этих условиях далеко не все студенты были способным справиться с университетским курсом. Привычной практикой становились многочисленные отсрочки в сдаче экзаменов. Интересен язык и стиль текстов «студенчества», связанных с просьбой о таких отсрочках, отражающий «жизненный мир» и ценностные ориентиры эпохи. Например, почему студенты историко-филологического факультета не могли сдать экзамен по «элементарному курсу греческого языка» в 1914–1915 гг.? «По причинам служебного и семейного характера», «семейных обстоятельств, связанных с военным временем», «с взятием на военную службу моего брата я остался единственной опорой неспособного к труду отца», «смерть моего отца помешала мне подготовиться», «в силу болезни», «суставной ревматизм», «не имея родителей в живых и будучи вынужден добывать себе средства уроками, которые отнимают у меня много времени... причем успешности моих занятий препятство-

²⁵⁷ Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц... С. 16.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Иванов А.Е. Мир российского студенчества... С. 126.

²⁶⁰ См. Проректор С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 12 марта 1908 г., Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 159. Л. 15об.

вали частые головные боли», в виду «хлопот по устройству сестры, вынужденной покинуть с тремя детьми место своего постоянного жительства и оставшейся без всяких средств к существованию за отсутствием мужа, находящегося в рядах армии», из «невозможности систематически заниматься», «болезни», «крайне необеспеченного материального положение, при отсутствии поддержки со стороны родителей, отнимало у меня громадное количество времени для добычи себе куска хлеба», «семейных обстоятельств и тяжелого материального положения», «находясь в крайне тяжелых материальных условиях и потеряв родного брата в нынешнюю войну, я вынужден был в ущерб занятиям в Университете уделять часть учебного времени для поддержания своего существования»; «будучи болен», «по причине острого малокровия и переутомления мозга»; «будучи жителем Минской губернии, находясь в сфере военных действий, я не мог в прошедшем году регулярно заниматься»²⁶¹. Наиболее развернутое объяснение причин несдачи экзамена по греческому содержится в прошении студента Давида Шиперовича: «Летом соображения, отчасти общественного, отчасти материального свойства побудили меня поступить в шрапнельную мастерскую машиностроительного завода “Феникс”, где я работал до последнего времени в качестве токаря на нужды государственной обороны. Тяжелые условия работы (от 7 часов утра до 6½ часов вечера — при дневной смене и от 6½ вечера до 4-х часов утра — при ночной смене) не давали мне возможности посещать Университет»²⁶². Все эти причины признавались администрацией университета уважительными.

В мемуарной литературе присутствуют многочисленные анекдоты по поводу сдачи экзаменов. Например, В.А. Оболенский, который в 1890-е гг. учился на физико-математическом факультете, хотя и утверждал, что экзамены были трудные, но тем не менее признавал, что готовился ко многим

²⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10994. Дело о не сдавших поверочный экзамен по греческому языку (1915). Л. 2–29.

²⁶² Прощение студента Императорского Петроградского университета Давида Марковича Шиперовича — Министру народного просвещения, 30 октября 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10997. Л. 19.

предметам непосредственно перед экзаменами, почти не занимаясь ими в течение учебного года, обеспечив себе почти круглые пятерки и диплом 1 степени. При этом он мог сознательно позволить себе «провал» на последнем экзамене, так как средний бал уже обеспечил ему искомый диплом²⁶³.

Характерное признание другого мемуариста, недавнего студента 1900-х гг.:

«90% студентов не посещают регулярно лекций, не имеют никаких не то что страстных, но просто определенных симпатий к той или иной философской школе, скрипят за лекциями на дому, выпивают, ухаживают, дают уроки и больше всего печалются о том, что “экзамены есть нечто, что следует преодолеть человеку”»²⁶⁴.

В момент записи на экзамены в университете было необычно многолюдно — для того чтобы записаться на более раннее время, студенты иногда занимали очередь с глубокой ночи. Вот, например, какую картину рисуют «С.-Петербургские ведомости», описывая ночь 21 ноября 1908 г.:

«Начало выдачи очередных билетиков назначено было на 11 часов утра, но это не помешало студентам уже с двух часов ночи толпиться на морозе перед входными дверями университетского здания. Только в три часа ночи сжалившиеся дежурные сторожа впустили в университет замерзнувших студентов. Первая партия, человек ста, взапуски бросилась занимать места очереди в громадном коридоре университета. К первым “счастливым” мало по малу стали прибавляться “запоздавшие” студенты: к шести часам утра в университете было свыше шестисот человек, а затем с каждым получасом толпа все увеличивалась, образуя новые ленты очереди. К началу записи, таким образом, набралось народу до двух тысяч (и это одних только “юристов”) <...> Пришедшие “заблаговременно” начали располагаться в коридоре с всевозможным комфортом. Университет сразу приобрел бивуачный вид. Студенты понабрали, откуда кто мог, стулья, скамейки, некоторые захватили даже с собой складные скамеечки из дому, и расположились на них, кому как удобнее. В начале несколько человек играют в шахматы; далее идет целый ряд студентов, прикорнувших друг у друга на коленях в ожидании рассвета. За ними в кружок расположилось несколько студентов: они принесли с собой карты, свечи, бумагу и сосредоточенно играют в винт <...> какой-то любитель комфорта даже при записи на экзамены принес с собой подушку и одеяло, и прочие необходимые аксессуары постельных принадлежностей и...храпит – во всю ивановскую. Немного

²⁶³ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники... С. 84–85.

²⁶⁴ Ярмолович А. Смерть призраков. СПб., 1908. С. 24.

подле него в полусидячем положении дремлет старушка, пришедшая получить билетик за своего заболевшего сына <...> Вдруг небольшая толпа проникает в актовый зал, где стоит рояль. Играют, поют, пляшут. Другие разбудили где-то спавшего сторожа и сообщая с шутками, хохотом ставят самовар. Здесь все смешалось в одну кучу, и косоворотки, и смокинги, и расшитые золотом студенческие мундиры»²⁶⁵.

Интересно, что одной из причин благодушного и даже благожелательного отношения многих студентов ко всякого рода забастовкам и обструкциям профессорская комиссия 1902 г. называет то обстоятельство, что «для студентов, дорожащих не самим знанием, а одним лишь дипломом, продолжительные беспорядки оставляют даже несомненную выгоду; ибо они приводят к значительному сокращению экзаменационных программ. И поэтому среди, так называемых, мирных или спокойных студентов в действительности не мало сочувствующих исподтишка успехам обструкции»²⁶⁶.

«Проще» всего учиться было на юридическом факультете, где семинарские занятия были факультативными, а экзамены и подготовка к ним были основной формой обучения. В этом смысле в феномене В.И. Ульянова (Ленина), который весной и осенью 1891 г. сдал экзамены по 18 предметам, нет ничего экстраординарного (за исключением того обстоятельства, что В.И. Ульянов единственный из экзаменовавшихся в группе из таких же 33 человек получил наивысшие оценки по всем дисциплинам)²⁶⁷. Именно необременительностью занятий юридический факультет привлекал молодежь и обеспечивал себе численное превосходство в университете по количеству студентов²⁶⁸. Прошедший курс на факультете во второй половине 1890-х гг. М.В. Добужинский констатировал: «Регулярно работать я себя не приучил за

²⁶⁵ *Н-в А.* В СПб. университете // Санкт-Петербургские ведомости. 1908. 23 ноября (6 декабря). №266. С. 2.

²⁶⁶ Ректор С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 6 января 1902. №47, Конфиденциально. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 293. Л. 497.

²⁶⁷ *Олесич Н.Я.* Университеты Владимира Ульянова. В.И. Ленин (Ульянов) // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. II. С. 206.

²⁶⁸ См. об этом, напр.: *Лихачева О.О.* «Милый, очаровательный человек и совсем замечательный художник». М.В. Добужинский // Там же. Т. I. С. 306–307; *Тихонов И.Л.* «Sustine et abstine». П.Н. Николаи // Там же. Т. III. С. 118.

все университетские годы, но переходил с курса на курс благополучно, лишь на первом курсе провалился у Коркунова (как раз по энциклопедии права, которая меня наиболее интересовала!). Но это катастрофой не было, так как экзамен был перенесен на следующий курс, “заложен”, по студенческому выражению»²⁶⁹. Учившийся в первой половине 1900-х гг. на этом же факультете И.Ф. Стравинский основное время уделял занятиям музыке и вспоминал, что за пять лет пребывания в университете слушал не более 50 лекций, так как их посещение было необязательным. Когда же пришла пора сдавать экзамен, который, как понимал И.Ф. Стравинский, ему не выдержать, он предложил сокурснику «Николаю Юсупову поменяться матрикулами, чтобы он сдал за меня мой экзамен, а я — один из его: мы лучше знали соответствующие предметы». Эта операция прошла тем более удачно, что лица обоих студентов «не были известны профессорам»²⁷⁰.

Надо отметить, что будущие знаменитые художник и композитор не выделялись по прилежанию из общего ряда студентов-юристов. По признанию министра народного просвещения, сделанному в официальном циркуляре попечителям учебных округов в 1899 г., большинство студентов этого факультета «не ведут правильных, усидчивых занятий в течение всего года, а ограничиваются приготовлением к экзаменам в течение одного, много двух месяцев, каковые занятия дают весьма мало прочных знаний и совсем не содействуют развитию умственных сил и усвоению приемов научной работы»²⁷¹. Характерно и высказывание того же времени «оставленного» на юридическом факультете Б.В. Никольского, который был убежден, что (в отличие от других факультетов) курс, читаемый юристам, был «излишне легкий и растянут» и вполне мог уложиться в три, а не в четыре года²⁷². В.В. Вейдле, учившийся в университете в 1910-е гг., в своих мемуарах, рассказывая о не-

²⁶⁹ Добужинский М.В. Воспоминания... С. 132.

²⁷⁰ Стравинский И.Ф. Диалоги. Л., 1971. С. 30.

²⁷¹ МНП — Попечителю учебного округа, 28 апреля 1899 г., №9839 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 78. Л. 7.

²⁷² Никольский Б.В. Дневник... Т. 1. 1896–1903. С. 161.

желании «юристов» учиться, подчеркивает, что именно этот факультет был наиболее политизирован и революционен²⁷³. А.А. Пиленко, преподававший на этом факультете в 1900–1910-х гг., вспоминал, что на выпускных экзаменах студенты-правоведы часто не знали, кому принадлежит Формоза, Алжир или Цейлон, и даже не представляли, где находятся эти места. Когда же А.А. Пиленко попросил студента по очереди перечислить российских императоров, откликнулся другой экзаменатор: «Что вы!... что вы! Ни один студент университета не может ответить на такой вопрос»²⁷⁴.

Впрочем, по многочисленным свидетельствам, и на других гуманитарных отделениях итоговые экзамены в столичном университете принимались не менее либерально, чем у юристов. По воспоминаниям П.Г. Васенко, сдававшего государственный экзамен по истории славян в 1897 г., профессор В.И. Ламанский не только заранее договорился со студентами исторического отделения о том, что за вопросы они будут отвечать на экзамене, но и, что уже выглядело анекдотично, подсказывал по буквам фамилии забытых персонажей. Как передает П.Г. Васенко со слов одного из сдававших, «Я забыл имя болгарского царя Симеона. Говорю Ламанскому: “Скажите первую букву”. Он говорит: “С”. — Я думаю: “Сергий”. — “Нет, не Сергий!”. — Снова прошу: “Скажите вторую”. Ламанский говорит: “и” — Тогда я вспомнил»²⁷⁵.

Для более позднего времени приведем цитату из Дневника Н.Н. Платоновой за 1915 г: «Бубнов [профессор университета см. Владимира в Киеве — *Е.Р.*] с негодованием говорил о здешних унив[ерситетски]х порядках, с которыми он в Гос[ударственной] Комиссии справиться не может, но о которых намерен представить в Мин[истер]ство правдивый отчет по окончании сессии. По его словам, Гревс и Шахматов экзаменуют прямо преступно; иногда прислушиваясь к ответу экзаменуемого, Б[убно]в думает:

²⁷³ Вейдле В.В. Воспоминания / Вступ. ст., публ. и коммент. И. Доронченкова // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 99.

²⁷⁴ Цит. по: Зарубницкий Г.М., Славинский Е.Н. «Точное знание. Ничего с налету. Все долгим и тяжким трудом». А.А. Пиленко // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. II. С. 228.

²⁷⁵ Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта... С. 42.

неужели он получит удовлетворительно? Оказывается весьма. “Ведь они целое поколение так. обр. портят, пропуская к диплому совершенных невежд”, с отчаянием восклицает Бубнов. <...> студенты негодуют на женщин, экзаменуемых в Ун[иверситет]ской Комиссии, за то, что они “повышают требования” на экзаменах, т. е., другими словами, добросовестнее к ним готовятся, чем студенты (Кстати: в Ун[иверситет]ской Комиссии этого года экзаменуется больше женщин, чем мужчин)»²⁷⁶.

Показания Дневника Н.Н. Платоновой вполне подтверждают воспоминания бывших студентов историко-филологического факультета. Так, подробно об экзаменах вспоминает Хорен Саркисян, учившийся в 1910-е гг., называя только одного «строного» преподавателя — слависта Н.В. Ястребова. Относительно остальных Х. Саркисян приводит вполне характерные зарисовки:

«Бодуэн де Куртенэ — виднейший лингвист своего времени, старый, маленький, тщедушный человек, говорил тихо. Если отвечал ему студент-историк, он ставил ему, невзирая на ответ “весьма удовлетворительно”. Мне он задал вопрос о Ю: надо было ему ответить, что Ю — простая графема и сложная фонема. Лишь после нескольких наводящих слов я кое-что ответил. Высшая отметка была обеспечена»²⁷⁷.

Яркие воспоминания об одном из наиболее «страшных», по мнению большинства студентов 1900–1910-х гг., экзаменов историко-филологического факультета (методологии истории) оставил будущий композитор и музыковед Б.В. Асафьев:

«Голос профессора [А.С. Лаппо-Данилевского]: “Приготовились?” Заикаюсь: “Да, то есть нет, все знал, и вот ...ничего”. Смотрю в серьезные, проницательные внимательные глаза и слышу поддерживающий во мне смелость голос: “Понимаю, забыли, ладно, попробуйте сами себе задать вопрос на тему билета и расскажите вслух, как бы вы ответили на него себе, если бы для вас это стало необходимостью”. Еле нащупывая протянутую нить, я стал карабкаться, мучительно собирая мысли. Лаппо-Данилевский слушает терпеливо, изредка поправляя слова: “А не точнее ли вот

²⁷⁶ Дневник Н.Н. Платоновой. 11 мая 1915 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 69–69об.

²⁷⁷ Саркисян Х.С. В Петербургском университете // Тропами жизни и литературы. Ереван, 1974. С. 242–243.

так?» <...> я чувствовал себя все привольнее и свободнее, ставил гипотезы, спорил. Наконец, улыбаясь, Александр Сергеевич говорит: «Давайте матрикул, что же, придется поставить вам «весьма»»²⁷⁸.

На наш взгляд, подобного рода «либерализм», был связан не столько с «культом студента» и «заигрыванием» с массой, но и с четким пониманием столичной профессурой того обстоятельства, что лишь абсолютное меньшинство студентов после университета выбирало научную стезю, причем степень подготовленности к ней этого меньшинства мало зависит от характера экзамена. Как правило, определение круга возможных кандидатов на «оставление при университете» происходило уже в первые годы университетского курса. Важным критерием оценки работы конкретного студента служили ежегодно проводившиеся университетские конкурсы на соискание медалей. Обретение искомой награды, как правило, открывало дорогу к «оставлению». Обычно каждый факультет по представлению профессоров заранее определял темы, которые он на выбор предоставлял для таких сочинений. Иногда профессора читали специальную объяснительную лекцию по назначенной теме, в которой давали общие рекомендации и указания по теме сочинения. Соискатели заветных медалей зачастую полностью посвящали себя этой работе. Вот, например, как описывал свою подготовку к конкурсному сочинению знаменитый в будущем византист Х.М. Лопарев, учившийся в университете в середине 1880-х гг.:

«в комнате объявлений появился список тем, предложенных г[осподам] студентам для соискания медалей. Пробежав наскоро всю бумагу, я остановился на одной теме по средней (Византийской) истории, заглавие которой гласило: “Хронографическое обозрение царствования Василия I Македонянина по источникам”. Тема была предложена сроком на один год. В тот же день я отправился в университетскую библиотеку и записался на получение Theothanus Continuatys. Закипела работа... На лекции почти вовсе не ходил...»²⁷⁹.

²⁷⁸ Асафьев Б.В. О себе // Воспоминания о Б.В. Асафьеве. Л., 1974. С. 427.

²⁷⁹ Лопарев Х.М. Материалы для моей биографии // Подорожник: краеведческий альманах / Сост. В. Белобородов. Тюмень, 2010. Вып. 11. С. 26–27.

Начало научной карьеры студента, его оставление в университете в значительной степени зависело от отношений с профессором. Вот что, например, писал по этому поводу Н.И. Кареев, возмущаясь «застенчивостью» студентов:

«Профессор — руководитель студента в его занятиях: тут не может быть речи о том, что обращаясь к своему профессору, студент “заискивает” или “подъезжает”. Это — совсем ложный взгляд и нужно сожалеть, что он некоторыми юношами разделяется; многие сами, но, к сожалению, уже поздно убеждаются в его неосновательности. Всякие предрассудки вредны, и раз они существуют, то, чем ранее они рассеиваются, тем лучше»²⁸⁰.

Стремление профессоров к наставничеству и общее почтительное отношение к ним отнюдь не означало отсутствия проблем во взаимоотношениях между преподавателями и студентами. Важное значение для внутриуниверситетской атмосферы имели вкусовые пристрастия студентов, зачастую обусловленные не столько научным значением преподавания конкретного профессора, сколько системой ценностей, определявшей общественные и учебные предпочтения студенчества. Источники личного происхождения фиксируют отношение студентов к профессорам на разных этапах их деятельности. Вот что, например, пишет Н.Н. Платонова в своем Дневнике в январе 1893 г.:

«Как-то в среду зашел разговор об унив[ер]сит[етском] преподавании и Пресняков много говорил о том, что Кареев надоел студентам, что они его постоянно бранят и не ходят на его лекции, что его очень обижают. Гревса слушают охотно; на него теперь мода, как, по словам того же Пресн[яко]ва, теперь мода ругать Кареева, к[ото]рый перед Рожд[ество]м раньше всех проф[ессоров] закончил чтение лекций — и при 3 слушателях!»²⁸¹

Интересно, что такое отношение к Н.И. Карееву складывалось скорее вопреки его общественной репутации университетского либерала и было отчасти связано с тем, что его построения и то научное направление, которого

²⁸⁰ Кареев Н.И. Выбор факультета... С. 146.

²⁸¹ Дневник Н.Н. Платоновой. 5 января [1893 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 13об.

он придерживался, очевидно расходились с дискурсом «петербургской исторической школы», доминирующим на факультете. В этом смысле положение Н.И. Кареева было в чем-то схожим с положением другого выдающегося ученого — приват-доцента А.С. Лаппо-Данилевского, который в начале 1890-х гг. читал свои курсы при нескольких слушателях²⁸². Интересно, что в дальнейшем (с постепенным изменением настроений на факультете) «мода» поменялась, и оба историка нашли свою аудиторию. Например, уже в 1896 г. аудитории на лекции Н.И. Кареева по дневниковым записям одного из тогдашних студентов В.Э. Крусмана были переполнены, а сами лекции сопровождались рукоплесканиями²⁸³.

Надо отметить, что к началу XX века даже в умах представителей бюрократии прочно утвердились представления о студенчестве как части «общества» и образованного класса. Такой взгляд предполагал следование определенной системе этических норм по отношению к студентам. Например, министерский циркуляр 1899 г. специально подчеркивал недопустимость возложения на низших служащих инспекции обязанностей, которые «не соответствуют их развитию и служебному положению», а именно «надзор в промежутке между лекциями за студентами, записи о посещении ими лекций, замечания относительно соблюдения формы и т. п.», подчеркивая, что все это компетенция исключительно инспектора и его помощников²⁸⁴.

С другой стороны, в лексике министерских указаний и циркуляров неизменно присутствует патерналистская интонация. Характерны формулы, употребляемые в официальных документах для описания нормативных отношений преподавателей и студентов. Вот, например, текст министерского циркуляра 1888 г.:

²⁸² См. *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 77.

²⁸³ *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новые его-документы // Харківський історіографічний збірник. 2015. Т. 14. С. 182–184.

²⁸⁴ (27 июля 1899 г., №17570) // Предложения г. Министра народного просвещения г. Управляющему С. Петербургским учебным округом [СПб., 1899]. С. X.

«При устроении университетского быта на основаниях устава 1884 года министерство народного просвещения руководилось тем убеждением, что между преподавателями университета и студентами должна существовать крепкая *нравственная* [здесь и далее в цитате курсив наш — *Е.Р.*] связь и постоянное общение. С этою целью в уставе и сделанных министерством в развитие его распоряжениях, кроме обыкновенных средств кафедры, были приняты особые меры для возможного расширения практических занятий, ставящих учащихся и учащихся *в ближайшее взаимное соприкосновение*, и введены совещательные часы, дающие возможность студентам обращаться с своими недоумениями и вопросами к преподавателю. *Пользуясь случаями общения с юношеством, преподаватели могут разъяснить ему его обязанности и долг пред университетом и отечеством — приобретать путем постоянного труда научные познания и воспитать из себя будущих слуг Престола и России.*

К прискорбию, вследствие разных обстоятельств, смятения и беспорядки в студенчестве в течение 30 последних лет принимали нередко весьма острый характер и, к несчастью, повторились в настоящее время.

Вследствие сего министерство народного просвещения считает *священным долгом* убедительнейше просить профессоров и преподавателей с.-петербургского университета употребить все зависящие от них средства для воздействия *в добрую на студентов сторону*. Находясь в местопребывании Государя Императора, составляя во многих отношениях, в особенности по сосредоточенным в нем научным силам, один из первенствующих университетов в России, с.-петербургский университет должен возвышаться над другими учебными заведениями не только достоинством своих научных сил, но и *нравственною развитостью своих студентов*.

Министерство не сомневается, что преподавательский состав сего университета проникнут этим взглядом на свое значение и, конечно, примет твердое решение всеми силами своими содействовать водворению спокойствия и таким образом отвратить то печальное положение, в коем могут оказаться студенты, а равно и преподаватели университета в случае возобновления беспорядков, могущих повлечь за собою более или менее продолжительное его закрытие»²⁸⁵.

Аналогичны по тону и правительственные призывы к студентам с целью прекратить беспорядки:

«благоразумные и желающие продолжать свое учение студенты, каковых, без сомнения, огромное большинство, должны нравственно воздействовать на увлекающихся своих товарищей и противостоять всяким попыткам к нарушению спокойствия»²⁸⁶.

²⁸⁵ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодье 1888 года... С. 7–8.

²⁸⁶ Там же. С. 9.

Близки по духу и фразеологии и более поздние министерские циркуляры. Приведем отрывок из министерского циркуляра, обращенного к преподавательскому составу российских университетов и выпущенного во время студенческих беспорядков 1899 г.:

«не могу не выразить при этом полной уверенности, что преподаватели высших учебных заведений, принимая к сердцу интересы своих слушателей, с готовностью пойдут навстречу к сближению с ними, в сознании, что тот преподаватель, который ограничивает свою преподавательскую деятельность только чтением лекций в положенные часы, а не входит в духовные интересы и нужды учащихся, не сближается с ними на этой почве и не руководит их неокрепшей мыслью, исполняет лишь малую долю своих обязанностей, возлагаемых на него высоким званием профессора»²⁸⁷.

Эти слова принадлежат министру-«консерватору» Н.П. Боголепову. После его трагической гибели министром становится П.С. Ванновский, поставивший целью провести коренную реформу высшей школы и известный своим либеральным отношением к студенчеству. Между тем, тон и фразеология его высказываний почти дословно повторяют предшественника — пример из министерского циркуляра 1901 г., зачитанного в Совете столичного университета:

«внесение в дело воспитания юношества разума, любви и сердечного попечения — всегда была ближайшей задачей учебного персонала, который и применял ее с большим или меньшим успехом; отныне это поставляется ему в первую, неуклонную и неременную обязанность <...> я приглашаю преподавательский персонал войти в ближайшее общение с учащейся молодежью, и, независимо от преподавания, споспешествовать воспитанию юношества на почве любви и сердечного к нему отношения»²⁸⁸.

²⁸⁷ Журнал заседания Совета. 29 ноября 1899 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. №55. СПб., 1900. С. 77.

²⁸⁸ Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 7 мая 1901 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1901 г. №57. СПб., 1902. С. 52.

Профессорам предлагается «группировать вокруг себя студентов хотя бы и разных факультетов для их вразумления и всяческого наставления»²⁸⁹. Тональность заявлений власти определенно свидетельствовала о том, что ответственность за судьбу студенчества (в том числе и в связи с политическими репрессиями) возлагается на профессоров. В разгар студенческих волнений 1902 г. Николай II заявил в рескрипте на имя управляющего Министерством народного просвещения (эти слова, разумеется, затем широко транслировались в документах направляемых начальникам высших учебных заведений):

«Я ожидаю от учебной администрации и профессоров сердечного и предусмотрительного участия к духовному миру вверенной их попечениям молодежи. Да помнят они, что во всех случаях сомнения, борьбы и увлечения молодежь вправе искать и находить в своих руководителях недостающих ей опыта, стойкости убеждений и сознания зависимости иногда целой жизни от одной минуты безрассудного увлечения»²⁹⁰.

Рескрипт императора был многократно процитирован с амвона университетской церкви протоиереем В.Г. Рождественским, обращавшимся к «достопочтимым сослуживцам» и «достоуважаемым юношам» перед началом нового учебного года²⁹¹. Нельзя сказать, что подобного рода патерналистские дискурсы не находили отклика в умах представителей профессорской элиты. Так, в числе мер против забастовок и обструкций, обсуждаемых и предварительно одобренных в комиссии кураторов в феврале 1902 г., была система массового поручительства профессоров за конкретных студентов. В частности, Комиссия по предложению И.И. Боргмана постановила: «Те студенты, которые не желают потерять год, оставшись на второй год на том же курсе, пусть обратятся каждый порознь к одному из профессоров своего факультета, которому и дадут честное слово не нарушать порядка в университете в те-

²⁸⁹ Товарищ министра народного просвещения — ректору А.Х. Гольмстену, 18 января 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 13об. Ср.: Инструкция курсовым кураторам и правила курсовых собраний студентов Императорского С.-Петербургского университета. [СПб., 1902]. С. 1. §5.

²⁹⁰ Цит. по: Предложение г. Упр. М.Н.Пр. попечителям округов (от 27 августа 1902 года, за №23120) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 51об.

²⁹¹ *Рождественский В.* Задачи высшего образования [Речь, сказанная в СПб. Университетской церкви в молебствовании перед началом учения] // Церковный вестник. 1902. №37. Стлб. 1158–1159.

чение текущего учебного полугодия»²⁹². Интересно, что такая постановка вопроса вызвала решительные возражения попечителя и министра, вероятно, потому, что эффект столь необычной меры представлялся во всех смыслах непредсказуемым, чреватым не только студенческим бойкотом этой меры, но и новыми конфликтами МНП с профессорами-поручителями²⁹³. Тогда комиссия предложила другой вариант: студенты, желающие посещать занятия, должны были «связать себя честным словом» «перед своими товарищами-студентами» в том, что в течение настоящего полугодия обязуются в «обструкции не участвовать»²⁹⁴. Характерно, что на практике предложившие эту меру профессора затруднились составлять списки тех, кто на курсовых «беседах» выражал подобное согласие²⁹⁵.

Приведем еще один отрывок из дневника Н.Н. Платоновой, связанный с отмечанием студентами одной из главных «общественных дат», празднуемых прогрессивной интеллигенцией конца XIX – начала XX в., — 19 февраля:

«19^е прошло не совсем спокойно <...> Накануне же С[ергей] Ф[едорович] получил по городской почте анонимное литографированное послание от студентов с просьбой “не мешать им праздновать 19^е” т. е., вероятно, не приезжать на лекции. С[ергей] Ф[едорович] поехал, был в ун[иверсите]те на молебне и затем читал лекции — все прошло для него спокойно, но зато, когда профессора шли с молебна, студенты освистали Коновалова, к[ото]рый в этот день утром читал лекции, упомянув, впрочем, в начале лекции о “великом дне” и предложив почтить его вставанием. Интересно, что Гревс, к[ото]рый в этот день в ун[иверсите]те не читает и к[ото]рый нарочно приехал туда с курсов, и Ольденбург ушли из профессорской раньше всех профессоров, к[ото]рые, идя в церковь, видели их среди студентов в той зале, где потом была сходка и разыгрался скандал. Были ли они в церкви, неизвестно, но после скандала С[ергей] Ф[едорович] Гревса совсем не ви-

²⁹² [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 7 февраля 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 193.

²⁹³ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 8 февраля 1902 г. // Там же. Л. 194.

²⁹⁴ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 18 февраля 1902 г. // Там же. Л. 197.

²⁹⁵ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 20 февраля 1902 г. // Там же. Л. 198.

дел, а Ольденбурга видел в профессорской смущенным, как показалось С[ергею] Ф[едорови]чу. Я бы желала знать, какую роль они сыграли во всей этой истории?»²⁹⁶

В данном отрывке (разумеется, с субъективных позиций автора) нашла отражение та двойственная ситуация, в которой оказались преподаватели университета в условиях нарастающего общественного напряжения рубежа веков, когда выбор «академической» позиции был чреват опасностью подвергнуться общественному и студенческому бойкоту. В то же время надо сказать, что и преподаватели, как правило, не проявляли сильного негативного отношения к «забастовщикам». По словам ректора Э.Д. Гримма, прозвучавшим в официальном письме, адресованном попечителю учебного округа, «покуда в студенчестве еще сохраняется питаемое традиционными взглядами значительных общественных слоев убеждение в том, что студенчество не только призвано, но чуть ли не нравственно обязано реагировать на события общественной и академической жизни, никакие предупредительные или карательные меры не устранят т. н. студенческих волнений»²⁹⁷.

При всем этом в глазах большинства представителей преподавательской корпорации «забастовщики», верные «интеллигентским традициям», казались лучшими студентами, чем академики. В этом смысле хрестоматийно высказывание А.Е. Преснякова (сентябрь 1908 г.), в принципе студенческую забастовку не одобрявшего: «Студенты <...> начинают забастовку. Ничего из нее не выйдет кроме ряда отвратительных положений, раздвоения между студентами, одни будут слушать лекции, ходить на занятия, другие нет — и, пожалуй, еще мешать будут. Исчезнут из аудитории, наверное, именно более симпатичные элементы, останутся вялые или гг. союзники истинно-русские. Гнусное положение»²⁹⁸.

²⁹⁶ Дневник Н.Н. Платоновой. 25 февраля [1893 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 20–21.

²⁹⁷ Ректор Санкт-Петербургского университета — попечителю С.-Петербургского учебного округа, 25 января 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10964. Л. 60

²⁹⁸ А.Е. Пресняков — жене, 18 сентября 1908 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Руковод. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 614.

Кары, налагаемые на студентов в стенах университета, зачастую носили весьма условный характер. Например, активный участник сходов 1880-х гг. князь Д.И. Шаховской был приговорен к целым 5 дням карцера. Однако по воспоминаниям современника приставленный к карцеру сторож «довольно свободно пускал нас к нему», довершает картину освобождение Д.И. Шаховского на вечер свадьбы сестры, посетив которую, юный князь вернулся в заточение²⁹⁹. В документах департамента полиции многократно отмечалась сочувственная позиция профессуры и по отношению к исключенным студентам:

«Никогда начальство высших учебных заведений не проявляло инициативы об удалении /увольнении или исключении/ агитаторов-студентов из учебного заведения; если же уволенный или исключенный из учебного заведения по происшествии некоторого времени обращался с просьбой о принятии его вновь в учебное заведение, то начальство не только охотно принимало его в число студентов, но большею частью смотрело на него глазами товарищей студентов как на пострадавшего за правду. Вновь принятому “мученику” делались всевозможные льготы и послабления к успешному получению диплома: назначались пособия или стипендия, а на экзаменах такой студент нисколько не рисковал показать полное незнание, ему ставилась удовлетворительная отметка и дружески рекомендовалось на досуге почитать»³⁰⁰.

Примечательно, что университетская администрация действительно активно вела переписку с исключенными за беспорядки студентами, в том числе и с бежавшими из мест заключения, пересылая им, например, за границу (в эмиграцию) требуемые документы об образовании³⁰¹. Общей традицией было ходатайство профессоров за своих учеников, уволенных из университета по политических мотивам³⁰².

²⁹⁹ Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // РМ. 1916. Кн. VIII. С. 55.

³⁰⁰ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 6–60б.

³⁰¹ См., напр., личное дело Д.З. Мануильского (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40610. Л. 17–19, 28). Ср.: Савельева В.Г. Дмитрий Захарович Мануильский... С. 165–166.

³⁰² См., напр.: Щербакова А.А. Андрей Николаевич Бекетов. Выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М., 1958. С. 37–38; Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. М., 1963. С. 36–37; Груздева Е.Н. «Прежде всего труженик...». Н.Е. Введенский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. III. С. 55; Ревякин А.И. Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности // Николай Кириякович Пиксанов. М., 1968. С. 9.

При этом следует принимать во внимание и еще один важный дискурс, существовавший в общественном сознании и нашедший отражение в многочисленных публицистических текстах эпохи, — студенчество воспринималось как своеобразный передовой отряд общества, выражающий его надежды и чаяния. Например, В.И. Сергеевич, в целом довольно скептически настроенный по отношению к «освободительному движению» в стенах университета, призывал в 1906 г. к тому, чтобы зафиксировать историю студенческой фронды в эпоху революции, поскольку студенчество «является чувствительным барометром общественных настроений» и «было бы крайне прискорбным упущением, если бы показания этого барометра не были точно зарегистрированы»³⁰³. Интересно, что, будучи несколько лет до этого ректором университета, В.И. Сергеевич от этого «барометра» и пострадал, когда вступил в конфликт с Советом университета, заявившим, что ему следует подать в отставку, так как «студенты его не любят» (см. главу 7).

Действительно, оборотной стороной студенческой принципиальности и профессорской толерантности к фрондерам была студенческая нетерпимость к инакомыслящим и уверенность в праве регламентировать поведение самих профессоров. Как вспоминал один из представителей «прогрессивного студенчества», «достаточно было популярному профессору в чем-нибудь не согласиться с поступками студенческой демократии как его немедленно “приковывали к позорному столбу” как выражался студенческий бюллетень»³⁰⁴. В период революционных обострений бывали и обструкции, устраиваемые профессорам, которых по каким-либо причинам студенты записывали в ретрограды. Так, на сходке 19 сентября 1905 г. таковыми были объявлены Д.П. Коновалов, А.М. Жданов, А.И. Введенский, П.И. Георгиевский, И.Я. Фойницкий, приват-доценты Б.В. Никольский и М.М. Боровитинов³⁰⁵.

³⁰³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. №62. СПб., 1907. С. 12.

³⁰⁴ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 346.

³⁰⁵ Студенческие дела. В С.-Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905. 28 сентября (11 октября). С. 2–3.

Вот как, например, вполне отстраненно описывает обструкцию, устроенную профессору П.И. Георгиевскому, «Петербургский листок» на следующий день — 21 сентября: «Вчера, 20-го сентября, в С.-Петербургском университете на лекции профессора Георгиевского разыгрался следующий инцидент. Когда профессор явился в аудиторию и вышел на кафедру раздались возгласы собравшихся студентов: “Бойкот! Бойкот! Бойкот!” Профессор стал объясняться, указывая, что он не понят студентами, что он никогда не был противником прогрессивных веяний и т. д. Тем не менее ввиду решительного протеста со стороны студентов, профессор покинул аудиторию»³⁰⁶. Приведем также описание истории с профессором А.И. Введенским, изложенной в «Новом времени»: «12 октября в Петербургском университете начал чтение лекции по психологии проф. А.И. Введенский. Первый час лекции профессору удалось прочитать; несколько свистков, раздавшихся со стороны приверженцев бойкота, вопреки постановлению общей студенческой сходки, были заглушены единодушными аплодисментами наполнивших аудиторию слушателей. Во время перерыва лекции перед шестой аудиторией по приглашению некоторых их членов бывшего коалиционного совета собралась громадная толпа студентов и посторонних лиц. При появлении профессора раздались свистки, крики: “Долой бывшего профессора!”, другая часть собравшихся аплодировала. Под этот гам проф. Введенский вошел в аудиторию, но читать лекцию было невозможно. Еле удалось восстановить тишину на минуту и профессор спросил, правда ли, что есть желающее его слушать, как ему об этом говорили. Гром рукоплесканий и возгласы “правда!” ответили ему и профессор решил остаться. Свистки и гам продолжались, тогда профессор, ввиду невозможности быть услышанным, — видно было лишь, что губы его шевелятся, но даже в пяти шагах ничего нельзя было разобрать, — написал на доске, что требует предъявления к нему формальных обвинений; доску опрокинули. Сдавливаемый массой публики, среди толчков, профессор полу-

³⁰⁶ Случай в университете // Петербургский листок. 1905. 21 сентября (4 октября). №250. С. 3.

задушенный едва выбрался из аудитории. Свистки и крики проводили его вдоль всего коридора»³⁰⁷.

Вскоре в печати начинается публикация писем профессоров, пожелавших «оправдаться». Так, «Биржевые ведомости» помещают патетический текст подвергнутого обструкции А.И. Введенского: «Я имею неоспоримое нравственное право требовать от президиума, под руководством которого происходила сходка, чтобы он по крайней мере представил посредством печати на суд общественного мнения те нравственные преступления, которыми я в глазах сходки заслужил такое постановление. Я говорю об одной лишь нравственной стороне моей деятельности, ибо очевидно, что на сходке не могло быть никакой речи о научной стороне: этому явно противоречило бы и число слушателей в моих аудиториях, и постоянное избрание меня в председатели философского общества и тому подобных. Остается только вопрос о нравственной стороне. Газеты, сообщая о постановлении сходки, мотивировали его моей принадлежностью к реакционерам. Но я решительнейшим образом протестую и против такого мнения обо мне, хотя ни за кем не признаю права контролировать чужие убеждения и преследовать за них, и я удивляюсь, как ввиду всей моей академической и литературной деятельности могли возникнуть такие представления обо мне. Президиум и тот, кто на сходке сделал предложение обо мне, как честные люди, должны считать своим нравственным долгом немедленно ответить мне и напечатать обвинительный акт против меня в том виде, как он был формулирован на сходке»³⁰⁸. Аналогичные обращения другого «реакционера» П.И. Георгиевского публикуют «Слово» и «Русские ведомости»³⁰⁹. Публикуется и требование «третейского суда» со стороны профессоров, попавших в проскрипционные списки³¹⁰.

³⁰⁷ Хроника // Новое время. 1905. 13 (26) октября. №10636. С. 4.

³⁰⁸ Письма в редакцию. Профессор Александр Введенский // Биржевые ведомости. 1905. 22 сентября (5 октября). С. 4.

³⁰⁹ Телеграфные известия // Русские ведомости. 1905. 22 сентября. С. 2.

³¹⁰ Университетские вести // Свет. 1905. 24 сентября. №249. С. 2. Ср.: Дмитриев А. Во главе Центрального статистического комитета и Статистического совета: Павел Иванович Георгиевский // Вопросы статистики. 1997. №10. С. 94.

Наибольший резонанс вызвала т. н. «коноваловская история», связанная с обвинениями радикальных студентов как университета, так и Горного института в адрес знаменитого профессора химии Д.П. Коновалова, бывшего одновременно директором этого учебного заведения³¹¹. Интересно, что несмотря на сочувствие к коллеге физико-математический факультет предпочел не вступать в конфликт со «студенчеством» и пригласил других преподавателей читать лекции профессора-«изгоя», в результате профессору ничего не оставалось, как покинуть университет³¹².

Отметим, что профессура вполне понимала и разделяла своеобразный студенческий кодекс чести, связанный со стремлением следовать принципам товарищества. В качестве примера приведем казус студента юридического факультета Григория Тивяшева, который был задержан полицией во время незаконной студенческой сходки в феврале 1912 г. Особое возмущение властей вызвало то обстоятельство, что, когда его в числе прочих было решено «не подвергать административному взысканию», он обратился к градоначальнику с заявлением, что «все вообще студенты, задержанные 20 февраля в университете, напрасно подвергались задержанию и что поэтому он, Тивяшев, просит подвергнуть его аресту раз таковому подвергались и другие лица»³¹³. Действительно, одной из основных студенческих фобий была боязнь прослыть «шпионом» охранки и подвергнуться остракизму со стороны «товарищества»³¹⁴. Ректора, который об этой фобии прекрасно знал, вполне удовлетворили объяснения студента о том, что он действовал таким образом «в виду возможности возникновения против него среди мало знающих его людей подозрения, что он как бы забежал к начальству для избавления себя лично от возможных неприятных последствий задержания и тем самым

³¹¹ См.: Из истории студенческих волнений (Коноваловский конфликт). С прил. документов. СПб., 1906

³¹² *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. 1867–1917. С. 319–322. См. также: *Соловьев Ю.И., Кипнис А.Я.* Дмитрий Петрович Коновалов. М., 1964. С. 50–55.

³¹³ Ректор — Управляющему С.-Петербургским учебным округом, 14 марта 1912 г., №1372 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10600. Л. 5–5об.

³¹⁴ См. об этом: *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества... С. 244–245.

ухудшил положение тех из задержанных студентов, которые почему либо не обратились к [ректору] с заявлениями и данными о непричастности их к сходке 20 февраля», — в связи с чем ректор просил не предавать поступку Тивяшева «отягощающего характера»³¹⁵.

Университетский совет не скрывал своего негативного отношения к университетской инспекции, по существу считая справедливым взгляд студентов на ее деятельность как на «шпионство»³¹⁶. Действительно, одной из черт, характеризующих корпоративную культуру университета, было нетерпимое отношение профессуры и администрации университета к «доносчикам» и «шпионам» в студенческой среде. В качестве иллюстрации приведем отрывок из «докладной записки» Совета Русской академической корпорации студентов Санкт-Петербургского университета министру внутренних дел:

«4 марта [1915 г.] снова состоялась летучая сходка, разбросаны были прокламации и толпа с.-д. и с.-р. стала с пением расхаживать по коридору. В этот момент в университет, наконец, была введена полиция, и вся толпа демонстрантов обратилась в бегство. Студенты-академисты, видя, что виновники университетских беспорядков и на этот раз, как всегда, ускользают из рук власти, указали полиции нескольких участников демонстрации, кои и были задержаны. Поступая таким образом студенты-академисты считали, что исполнили свой гражданский долг, передавая в руки власти лиц, которых как государственных преступников, приглашается ныне задерживать каждый верноподданный. Иначе взглянул на это дело г. ректор. Он заявил представителям академической корпорации, что с одной точки зрения, студенты-академисты исполнили свой долг верноподданных граждан, но что “некорректное” с другой точки зрения, поведение академистов взволновало «некоторую» часть студентов, грозит неприятными последствиями университету, и что он советует академистам на время, во избежание эксцессов со стороны известной части студентов, не посещать университет. Общий тон заявлений г. ректора был таков, что он очень недоволен поведением академистов, хотя сообщить свой личный взгляд на него г. ректор категорически отказался. Мало того, с ведома и разрешения г. ректора в университете собираются подписи под заявлением на его

³¹⁵ Ректор — Управляющему С.-Петербургским учебным округом, 14 марта 1912 г., №1372... Л. 5-5об.

³¹⁶ Доклад комиссии, назначенной советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные министром народного просвещения об изменении в уставе и правилах университетов, 5 июля 1901 г. // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2. Л. 40–41.

имя с просьбой ходатайствовать об освобождении арестованных и предать академистов дисциплинарному суду»³¹⁷.

Вряд ли для Русской академической корпорации такая позиция ректора была неожиданна, поскольку, по воспоминаниям современников, обычно даже «правые студенты разбирались по-своему с обструкционистами, но избегали указывать их фамилии полиции»³¹⁸. Иначе говоря, в этом случае академисты «перешли черту», за которой по общим представлениям им не было место в «университетской семье».

Интересно, что в ходе обсуждения проектов преобразований университетской жизни в начале XX века профессорская корпорация достаточно активно поддержала предложение об организации товарищеских судов, избираемых студентами, в чью компетенцию должен был входить разбор поступков, противоречащих «достоинству» университета³¹⁹. Несомненно, что любое «шпионство» или «провокачество» относилось к их числу. Действительно, достаточно было подозрения в «провокачестве», чтобы сделать пребывание человека в стенах университета небезопасным. Типичное донесение Ректора попечителю об «избиении» слушателя Психоневрологического института Брайловского:

«В конце второго часа дня 25 января проректор университета проф. И.Д. Андреев должен был прекратить чтение начатой им лекции в виду того, что к нему пришли студенты и заявили, что в конце классного коридора бьют провокатора. Действительно около Деканской комнаты было большое скопление до крайности возбужденных студентов. Когда проректор с большим трудом пробился туда, то оказалось, что причиною этого страшного возбуждения толпы в несколько сот человек студентов оказался неизвестный молодой человек в тужурке, которого студенты обвиняли в том, что он не будучи студентом университета появляется в университете в студенческой форме и подбивает товарищей к забастовке. Возбуждение было настолько велико, что проректору стоило громадных усилий вывести его от угрожавшей ему толпы <...> этот молодой человек был опознан

³¹⁷ Совет Русской академической корпорации — Министру внутренних дел, 7 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1915. Д. 59. Ч. 57. Л. 23–23об.

³¹⁸ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 349.

³¹⁹ Доклад комиссии, назначенной советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные министром народного просвещения об изменении в уставе и правилах университетов, 5 июля 1901 г. // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–40.

двумя лично знавшими его студентами университета как слушатель Психоневрологического института Василий Васильевич Брайловский. <...> откуда приехал старший делопроизводитель Института г-н Красовский, который удостоверил личность этого молодого человека <...> в виду возможных осложнений при выходе Брайловского из университета было дано знать по телефону о происшедшем г. приставу I-го участка Васильевской части, который, явившись в Канцелярию университета, попросил г. Брайловского последовать из университета за ним»³²⁰.

В этой истории интересно, в частности, то, что после спасения действительного или, скорее, мнимого «провокатора», администрация университета демонстративно вызвала полицию для того, чтобы выставить его из университета под охраной, чем не только унизила его, но и лишний раз продемонстрировала свой взгляд на корпоративные ценности, по существу солидарный со студенческим.

Весьма любопытен обширный документ под названием «Постановление профессорского дисциплинарного суда» от 23 ноября 1908 г. по поводу «столкновения», а проще говоря, драки между сторонниками и противниками забастовки, произошедшей 2 октября 1908 г., над которым под руководством председателя суда М.Я. Пергамент трудилась группа профессоров (секретарь суда М.И. Ростовцев, члены: Н.И. Кареев, П.А. Лавров, В.В. Бартольд). В ходе расследования восстановлена такая картина событий: протестовавшие против забастовки вызывали все большее возмущение большинства студенчества, нараставшее с каждым днем, и только «благодаря вмешательству бывших старост» его удавалось сдерживать; устроители сходки для безопасности академистов и союзников создали цепь активистов, охраняющую от разгневанных студентов тот угол актового зала, который заняли антизабастовщики. Последние стояли в углу и плохо слышали, о чем говорили с кафедры, поэтому стали свистеть умеренному оратору Подшибкину, который говорил на деле против забастовки. Этот «свист из среды союзников не мог содействовать успокоению страстей: к этому моменту свидетели приурочи-

³²⁰ Ректор — Попечителю учебного округа, 25 января 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12598. Л. 13–13об.

вают порывание к драке или, по крайней мере наступление в ту сторону, где стояли союзники. По-видимому, этого движения для последних было достаточно, чтобы подать условный знак полиции» — разбить окно. О том, что это будет именно такой знак, знали все участники сходки. Началась свалка, многие студенты, главным образом, «антизабастовщики» были избиты. В виду противоречивости показаний свидетелей ни одного виновного установить не удалось³²¹. Логика «суда» очевидна: «антизабастовщики», посмеявшие пригласить в университет полицию, сами виноваты в случившемся. По воспоминаниям Б.Е. Райкова, разоблаченный «шпион» рисковал быть «убитым или изувеченным» «товариществом»³²².

Между тем, в ряде случаев двойственную позицию профессуры по отношению к фрондирующему студенчеству можно объяснить и тем, что студенческое движение, по-видимому, вполне сознательно использовалось профессорской корпорацией в целях борьбы за университетскую автономию (см. главы 7–9). В этом контексте понятно и то, что, прощая студентам «товарищество» и политическую фронду, профессура была не столь снисходительна к проступкам другого рода — нарушениям нормативной и корпоративной этики, что демонстрируют материалы Профессорского дисциплинарного суда в отношении студентов, пойманных на хулиганстве или разного рода «подлогах» в ходе учебного процесса. Однако и в этом случае при условии «искреннего раскаяния» обвиняемые могли рассчитывать на снисхождение. Интересна тональность и мотивировка этих профессорских приговоров. Например, относительно студента физико-математического факультета Н.Н. Вараксина привлеченного к суду в ноябре 1912 г. за «безобразное поведение в ресторане “Яр”», суд, приняв во внимание его раскаяние и то, что «инкриминируемые Вараксину действия совершены им в состоянии сильного опьянения и при том в первый раз», постановил перевести его на семестр в

³²¹ Постановление [профессорского дисциплинарного суда от 2 октября 1908 г.], копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 309. Л. 5–8об., 9об.

³²² Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 351.

разряд сторонних слушателей и объявить «нравственное порицание»³²³. Строже было наказание за другую провинность — в том же заседании суда на год был уволен из университета «с воспрещением поступления в другие учебные заведения» студент И.И. Сильвестрович, державший экзамен у профессора Л.А. Чугаева под фамилией Хайкина. Причем столь мягкое наказание объяснялось судом как «искренним раскаянием Сильвестровича в совершенном им деянии», так и «крайне бедственным материальным положением обвиняемого, толкнувшим его на подобный поступок»³²⁴.

В то же время следует подчеркнуть, что профессура не злоупотребляла своим правом «суда» над студентами. Достаточно сказать, что за 12 лет работы «суда», с 1902 (с момента возобновления — по уставу 1884 г. суд не был предусмотрен)³²⁵ по 1916 г., суд провел всего 19 заседаний, на которых было рассмотрено 18 дел, по которым к ответственности было привлечено 208 человек, из них 51 человек был оправдан, а 157 «осуждено»³²⁶.

Принятие на себя преподавателями патерналистских функций имело весьма неприятные в психологическом плане последствия, связанные с болезненным ощущением личной ответственности за происходящее в университете. Например, профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина трудно отнести к «либеральному лагерю» российской интеллигенции. Однако, как писал о нем один из его учеников, «при каждой студенческой истории, подавляемой грубыми, неловкими мерами, он страдал, так как будто его лично обвиняли в этой грубости»³²⁷. Одна из характерных особенностей эпохи — документы периодически фиксируют профессоров, плачущих в связи с

³²³ Председатель Профессорского дисциплинарного суда — Ректору СПб. университета, 19 ноября 1912 г., №17709 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10600. Л. 13.

³²⁴ Председатель Профессорского дисциплинарного суда — Ректору, 19 ноября 1912 г., №17708 // Там же. Л. 14.

³²⁵ Об университетских судах см., напр.: *Еремина Т.И.* О порядке делопроизводства в университетских судах в отношении студентов (на примере Санкт-Петербургского и Казанского университетов) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс.* 2014. №9–1. С. 57–64.

³²⁶ Справка о деятельности профессорского дисциплинарного суда при Императорском Петроградском университете за время с 1902 года по 8-е Октября 1916 г // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11163. Л. 5.

³²⁷ *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. 317.

невозможностью найти общий язык со студентами, — плачет Д.И. Менделеев³²⁸, плачет П.И. Георгиевский³²⁹, плачут оба брата Гримма³³⁰, впадает в истерику Н.Я. Марр³³¹, падает в обморок А.А. Жижиленко³³² и пр. Причиной всех этих профессорских треволнений было то, что им периодически приходилось оказываться в странной роли объекта то правительственных, то студенческих политических игр, в которой им, в частности, приходилось разнимать враждующие политические партии, иногда в физическом смысле. Приведем один из характерных примеров — во время студенческой забастовки (см. главу 8) конца января 1911 г.: «После второй лекции профессора Брауна около аудитории оказалась большая толпа студентов, человек 100–150, окружившая профессора Брауна при выходе из аудитории. Ближайшие к нему аплодировали, а задние ряды свистели, шикали и кричали и таким способом проводили его по всему коридору, при чем самому профессору Ф.А. Брауну пришлось разнять происшедшее на этой почве около него столкновение между студентами»³³³. В другой раз, когда во время забастовки профессор Ф.А. Браун пытался покинуть аудиторию, он столкнулся с физическим противодействием «студентов-союзников», один из которых, схватив профессора за руку, заявил «Вы не уйдете»³³⁴.

Как и всякая другая социальная группа, студенчество ощущало свою силу, только когда действовало массово. В этом случае оно было способно на любые насильственные действия — на бунт как против власти, так и против преподавателей. В делах университета и департамента полиции, связанных с массовыми беспорядками, периодически констатируется: «Толпа <...> сняла

³²⁸ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 4.

³²⁹ Дневник Ал. Блока. 1917–1921 / Под ред. П.Н. Медведева. Л., 1928. С. 124–125.

³³⁰ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. №67. СПб., 1913. С. 59–60; В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1911. 4 февраля. №34. С. 4.

³³¹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г.... С. 59.

³³² Там же.

³³³ Ректор — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 1 февраля 1911 г., №459. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12598. Л. 45–45об.

³³⁴ См.: Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб., 2014. С. 60.

с петель ворота вокруг Биржевой площади»³³⁵, «отбросила охранявших калитку»³³⁶, «вскрыла дверь в актовый зал»³³⁷, «забаррикадировала дверь»³³⁸. В другом случае, собравшись в коридоре толпой 200 человек, чтобы с начальной целью устроить обструкцию «назначенному» профессору, студенты стали «шуметь», свистеть и «бросать в проходивших различные предметы»³³⁹. Оказавшись в толпе, вполне благовоспитанные юноши могли действовать как заправские бунтовщики. Так, во время массовых годовичных актов студенты «по традиции» неоднократно превращали годовичные акты в праздники непослушания. Например, 8 февраля 1899 г., согласно сведениям департамента полиции, студенты сорвали акт самым грубым образом — с появлением ректора, профессора В.И. Сергеевича, на кафедре «в зале моментально начались неистовые крики: “вон, подлец, негодяй, кровопийца” и т. п. и т. п. Крики эти сопровождались собачьим воем, кошачьим мяуканьем, стуком ног и т. д.»³⁴⁰. Больше всего доставалось нижним чинам инспекции, к которым возбужденная толпа нередко применяла и физическое насилие, выдворяя их из мест проведения сходов³⁴¹.

Многочисленные отчеты о студенческих волнениях фиксируют одну и ту же схему «возбуждения» студенчества. Вот, например, «хроника» ноября – декабря 1904 г.:

«15 ноября <...> после лекции приват-доцента Тарле оставшаяся в актовом зале университета толпа студентов, численностью около 1000 человек, образовала сходку, во время которой доносилось пение “вечной памяти”, а затем аплодисменты, по-видимому послужившие ответом на произнесенную речь. Минут через двадцать собравшиеся стали густой толпой выходить из зала с пением марсельезы и с криками “бить педелей” <...> 22 ноября <...> остались в актовом зале по-

³³⁵ Ректор С.-Петербургского университета — Управляющему С.Петербургским учебным округом, 22 декабря 1912 г., №5234 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 2.

³³⁶ Там же. Л. 2об.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же. Л. 4.

³³⁹ Сведения о проявлении движения среди учащейся молодежи высших учебных заведений // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 253 (1915). Д. 154. Л. 1.

³⁴⁰ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 7.

³⁴¹ Рапорт инспектора студентов — Ректору императорского С.-Петербургского университета, 20 ноября 1903 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9594. Л. 37–38.

сле лекции студенты, в числе около 1200 человек <...> [были] произнесены речи, при чем раздавались аплодисменты и свистки и стоял большой шум. В 2 часа 45 минут собравшиеся вышли из зала с криками “шпионы”, “бить” и с пением марсельезы <...> 4-го текущего декабря <...> толпа студентов не менее 600 человек устроила “собрание в честь осужденных товарищей Сазонова и Сикорского” в актовом зале университета в который она проникла силою. В зале было темно, а на кафедре кто-то держал зажженную восковую свечу или фонарь <...> после сильных аплодисментов студенты, идя толпою с криками: “к черту педелей!”, “бить педелей!” и с пением “вперед” разошлись из университета в разные стороны. Настроение студентов во время сходки было настолько возбужденным, что чинам полиции не давали близко подходить к залу»³⁴².

Интересно, что менее многочисленные сходки проходили менее агрессивно, оказавшись же в большой толпе, молодые «интеллигенты» утрачивали контроль над своими действиями.

В качестве примера более позднего времени приведем отрывок ходатайства профессора консерватории А.М. Миклашевского за своего брата, исключенного из университета за участие в беспорядках в феврале 1911 г.: «Брат мой Владимир Миклашевский был арестован в здании университета 7 февраля сего 1911 г. за то, что попав в университет без всякой предвзятой дурной цели и подпав под влияние возбужденного настроения студентов в этот день — свистал при выходе из аудитории одного из профессоров <...> Хорошо зная своего брата, его крайне скромный образ жизни, зная его необычайное увлечение религией, постоянное посещение духовных бесед, зная вполне определенно его полную непричастность к каким бы то ни было партиям и организациям и принимая во внимание полную, искреннюю его раскаянность в столь необдуманном поступке, я как его попечитель и по его доверенности и просьбе ходатайствую об обратном приеме моего брата в число студентов С.-Петербургского университета»³⁴³. Когда фактор массовости утрачивался, таяла и протестная энергия. Например, в одном из писем в министерство, связанных со студенческими беспорядками ректор повествует о

³⁴² О беспорядках среди учащихся высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения [1904] // РГИА. Ф. 151. Д. 462. Л. 98–99.

³⁴³ А.М. Миклашевский — Министру народного просвещения. Прощение. 5 мая 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12600. Л. 118.

прекращении одной из сходов «Юристов (основной по численности «протестный контингент» — *Е.Р.*) удалось со сходки отвлечь. Тогда остальные, подавляемые своей малочисленностью, ушли из зала»³⁴⁴.

Таким образом, мы можем говорить о странном и своеобразном процессе «взаимного воспитания»: нормы поведения профессоров, их самооценка, и даже положение в корпорации в не меньшей степени зависели от студенческого мнения, нежели студенческая масса от высказываний и оценок своих наставников. В основе такой ситуации был миф о «единой университетской семье», который активно поддерживался не только преподавательским сообществом, но и властью. Иначе говоря, профессора оказывались заложниками своей патерналистской позиции по отношению к студенчеству, которая, как не парадоксально, всячески укреплялась в рамках официального дискурса.

3.3. Общественный бум

Многочисленные источники личного происхождения дают красочные зарисовки университетской атмосферы рубежа веков. Пожалуй, наиболее яркие и эмоционально насыщенные характеристики содержатся в мемуарах Б.Е. Райкова. С некоторой горечью бывший активист студенческого движения начала XX в., создававший свои воспоминания на рубеже 1930–1940-х гг.³⁴⁵, пишет:

«Современной молодежи, которой спорить собственно не о чем, трудно даже представить себе, какие продолжительные и жаркие дискуссии велись в студенческой среде по всевозможным принципиальным вопросам; в перерывах между лекциями в университете, в студенческой столовой, вечером за чайным столом в клубах табачного дыма, во всевозможных кружках, землячествах, на вечеринках не умолкали возбужденные молодые голоса, отстаивавшие те или иные принципиальные позиции против столь же разгоряченных противников. Эта атмосфера постоянного

³⁴⁴ Ректор — управляющему С. Петербургским учебным округом, 22 декабря 1912г., №5234 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 2об.

³⁴⁵ *Копанева Н.П., Самокиш А.В.* Рукописное наследие Бориса Евгеньевича Райкова и его автобиографические очерки // *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 43–44.

идейного брожения быстро втягивала в себя новичков. Остаться без “убеждений” было также невозможно, как пойти в университет без штанов <...> Пробой выработанных убеждений и вообще гражданского мужества были студенческие волнения, участие в которых грозило увольнением из университета, а в серьезных случаях отсидкой и высылкой из столицы. Это была практическая школа общественности, через которую проходила почти вся прогрессивная молодежь. Все это вместе и создавало особую повышенную атмосферу, упоительную своей эмоциональной красочностью. К сожалению, должен сказать, что лекции и экзамены в этой обстановке часто оказывались на заднем плане. Редко кто оканчивал высшее учебное заведение в положенный срок»³⁴⁶.

Действительно, на первый взгляд в отдельные моменты университетской жизни казалось, что университет является, прежде всего, центром разных форм общественной, а не научно-образовательной деятельности молодого поколения российской интеллигенции. Разумеется, повышенная «пассионарность» пореформенной молодежи создавала условия не только для «негативных», но и для позитивных проявлений студенческой активности. В этом контексте нельзя не заметить, что студенческая жизнь была не менее богата на участие в различных обществах и союзах, чем жизнь преподавательская. Однако вплоть до начала XX в. их легальная организация была затруднена. Причиной было вполне обоснованное опасение властей за то, что под прикрытием таких обществ в университетах будут действовать противоправительственные силы: ярким примером такого рода деятельности были полулегальные «землячества» 1880–1890-х гг. и легальное «Научно-литературное студенческое общество» при Петербургском университете (1882–1887) (см. главу 7). Впоследствии (с 1902 г.)³⁴⁷ в отличие от политических организаций, чье присутствие в стенах университета по-прежнему было незаконным, неполитические организации являлись дозволенными и имели шанс на легализацию в порядке, предусмотренном правилами, определенными МНП и Университетским советом³⁴⁸. Можно выделить четыре основных формы та-

³⁴⁶ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 347–348.

³⁴⁷ См.: Управляющий МНП — попечителю Петербургского учебного округа, 27 ноября 1902 г. №475 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 504–505.

³⁴⁸ См.: Циркуляр МНП от 15 февраля 1903 г. №5291 // Предложения г. Управляющего С.-Петербургским учебным Округом г. Ректору С.-Петербургского университета (Предложение г. Упр. СПб.

ких студенческих организаций: корпорации, землячества, академические (научные) кружки и кружки по интересам. Отметим, впрочем, что, во-первых, функциональная граница между этими типами организаций на практике была весьма условна и определялась лишь отчасти, а во-вторых, под прикрытием целого ряда из них продолжали действовать самые разные политические силы. Следует иметь в виду и то важное обстоятельство, что правительственное стремление поставить гражданскую активность студентов под тотальный контроль существенно затрудняло легальное участие студентов в иных обществах помимо университета. Согласно принятым в 1885 г. «Правилам для студентов университета» студенты должны были испрашивать разрешение университетского начальства на участие в обществе любой направленности. В условиях нарастающей напряженности в стенах высших учебных заведений в конце 1890-х гг. было принято решение (3 августа 1899 г.) о недопущении студентов высших учебных заведений в члены частных обществ и кружков³⁴⁹.

Студенческие корпорации — несомненно, наиболее театральная форма студенческой организации; в столичном университете этого периода действовали (или, по крайней мере, заявили о себе) 13 корпораций³⁵⁰ — «Дружба»³⁵¹, «Sarmatia»³⁵², «INGRIA»³⁵³, «Невания»³⁵⁴, «Fraternitas Hyperborea»³⁵⁵,

Уч. Округом от 27 августа 1902 г. №23120). Приложение к журналу заседания Совета С.-Петербургского университета 16 сентября 1902 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского СПб. университета за 1902 г. №58. СПб., 1903. С. 47.

³⁴⁹ Выписка из Журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения 3 августа 1899 г. (№1412) // РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 112. Л. 112об.–113. Впрочем, на практике в ряде конкретных случаев МНП допускало исключения из этого правила (РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 112. О допущении воспитанников учебных заведений в качестве членов в кружки и общества: гимнастики, спорта, физического развития и благотворительности. 1897–1904).

³⁵⁰ См.: Студенческие корпорации // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9906, 9612.

³⁵¹ См.: Устав Корпорации «Дружба» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. №64. СПб., 1909. С. 54–55.

³⁵² *Баринов Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс.... С. 168–170; *Жуковская Т.Н.* Университеты и университетские традиции в России. Курс лекций. Петрозаводск, 2011. С. 109; [Записка С.-Петербургского градоначальника от 30 октября 1909 г.] // РГИА. Ф. 1285. Оп. 187 (1911 г.). Д. 155. Л. 4–4об.

³⁵³ См.: Устав Корпорации «INGRIA» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. №65. СПб., 1910. С. 122–125.

³⁵⁴ *Шохоль К.* Студенческие корпорации в русских университетах // ЖМНП. Новая серия. 1912. Ч. XLII. №10. Отд. 3. С. 222; *Баринов Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс.... С. 171.

«Эстетика»³⁵⁶, «Денница»³⁵⁷, «Единение»³⁵⁸, «Rotalia»³⁵⁹, «Fraternitas Petropolitana», Новорусская академическая корпорация, Русская Академическая корпорация и судебно-адвокатская корпорация «Право»³⁶⁰. Все они строились по принципу закрытых для посторонних организаций, для попадания в которые требовалась баллотировка кандидата действительными членами общества. Некоторые корпорации подчеркивали свою исключительность ограничением максимального количества своих членов (например, «Дружба» и «Денница» не более 60³⁶¹, «Эстетика» — не более 44³⁶²). Практически все корпорации большое значение придавали таким внешним атрибутам, как «штемпель» и «девиз», — в корпорации «Sarmatia», например, кроме штемпеля с соответствующей надписью, устанавливались и отличительные цвета «темно-малиновый, белый и темно-зеленый»³⁶³, а в «Единении» — «желтый, красный, золотой»³⁶⁴. Неотъемлемый атрибут любой корпорации, также выделявший ее членов из общей массы студентов, — установления контроля над поступками членов организации и обязательное наличие «суда чести»³⁶⁵, «третейского суда»³⁶⁶ или «суда корпорации»³⁶⁷.

Провозглашенные цели создания корпораций были примерно одинаковы — «содействовать развитию здорового товарищеского общения, уважения

³⁵⁵ Протокол заседания Совета Университета 23 ноября 1909 г. [Утверждение Устава Корпорации «Fraternitas Hyperborea»] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 139.

³⁵⁶ См.: Устав Корпорации «Эстетика» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. №66. СПб., 1911. С. 27–31.

³⁵⁷ См.: Устав Корпорации «Денница» // Там же. С. 157–159.

³⁵⁸ См.: Устав Корпорации «Единение» // Там же. С. 161–163.

³⁵⁹ Устав академической корпорации «Fraternitas Rotalia» // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 27. Д.373. Л.171–172.

³⁶⁰ Устав Корпорации «Право» [утвержден 16 марта 1915 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 377–378об.

³⁶¹ Устав корпорации «Дружба»... С. 55; Устав корпорации «Денница»... С. 157.

³⁶² Устав корпорации «Эстетика»... С. 27.

³⁶³ Устав корпорации «Sarmatia» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 82.

³⁶⁴ Устав корпорации «Единение»... С. 163.

³⁶⁵ Устав корпорации «Дружба»... С. 55; Устав корпорации «Эстетика»... С. 31; Устав корпорации «Денница»... С. 158; Устав корпорации «Единение»... С. 162.

³⁶⁶ Устав корпорации «Sarmatia»... С. 81.

³⁶⁷ Устав корпорации «INGRIA»... С. 125.

законности, духа порядочности и честного образа мыслей»³⁶⁸, «содействовать умственному развитию своих членов, улучшению их материального положения»³⁶⁹, «приготовить достойных и полезных членов человечества путем развития их душевных и телесных качеств»³⁷⁰. Средства их достижения, заявленные в уставах корпораций, также были примерно схожи: чтение научных рефератов, создание библиотеки с периодической литературой, организация «разумного развлечения», проведение вокально-музыкальных вечеров «с последующими танцами». Уже этот последний пункт как минимум, предполагал допуск на собрания корпорации лиц, не имеющих отношения к университету, — представительниц прекрасного пола. Правда, из этого ряда корпоративных установок на «танцы» несколько выбивалась корпорация «Эстетика», где «вокально-музыкальные» вечера заменялись занятиями спортом³⁷¹. Большинство корпораций предполагало членские взносы и найм специальной квартиры в городе, где могли реализоваться поставленные задачи. Некоторым корпорациям решением МНП официально было дано право принимать в свой состав студентов иных, помимо университета, учебных заведений. Так, в корпорацию «Fraternitas Hyperborea» также допускались студенты Историко-филологического, технологического, инженеров путей сообщения, гражданских инженеров, электротехнического, политехнического, горного и лесного институтов³⁷².

Уставы некоторых корпораций подчеркивали их политическую лояльность или нейтральность: «в корпорации не допускаются политические разговоры»³⁷³, «в корпорации безусловно не допускаются разговоры противоправительственного характера»³⁷⁴, — что в условиях политизированности

³⁶⁸ Устав корпорации «Дружба»... С. 54.

³⁶⁹ Устав корпорации «Sarmatia»... С. 78.

³⁷⁰ Устав корпорации «Эстетика»... С. 27.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Департамент народного просвещения. Разряд ученых учреждений и высших учебных заведений — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 14 января 1911, №963 // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12601. Л. 12–12об.

³⁷³ Устав корпорации «Эстетика»... С. 29.

³⁷⁴ Устав корпорации «Денница»... С. 158.

студенчества той эпохи само по себе было своеобразной политической позицией. Между тем, за внешним «аристократизмом» и «академизмом» корпорации могли скрываться вполне определенные политические силы. В этом смысле интересна история с корпорацией «Единение», заседания которой, судя по секретной переписке между ректором и попечителем учебного округа, пытались использовать в качестве прикрытия для проведения студенческой сходки по поводу создания т. н. «кассы взаимопомощи», которая, в свою очередь, должна была стать ширмой для политической организации радикального студенчества³⁷⁵ (см. главу 8).

Выше мы писали о многообразном религиозно-национальном составе университетского студенчества. Как показано в литературе, столичный университет был местом вызревания элит и интеллигенции различных национальностей Российской империи³⁷⁶. Поэтому кажется естественным, что важной формой общественной организации студентов Петербурга были землячества. Санкт-Петербург начала XX века являлся центром притяжения различных национальностей, уроженцев различных областей Российской империи. Конечно, землячества как организации, объединявшие «земляков», в какой-то степени удовлетворяли тоску части студентов по «малой родине» и способствовали их адаптации в столице. Следует, однако, подчеркнуть, что формально эти институты носили, главным образом, характер не «национальных» или «региональных» клубов, а благотворительных организаций и своеобразных касс взаимопомощи. Выше уже говорилось о весьма бедственном материальном положении значительной части студенчества. Это положение понималось профессорской корпорацией, так же как и то, что средства, выделяемые Правлением университета, Обществом вспомоществования студентам, явно недостаточны. В том числе и поэтому деятельность земля-

³⁷⁵ См.: Переписка по делу об организации Кассы Взаимопомощи // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10964. Л. 2, 53, 55.

³⁷⁶ См., напр.: *Баринев Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс.... С. 8, 210; *Олесич Н.Я.* Историческая миссия Петербургского университета в формировании многоэтнической российской культуры и науки // Клио. 2016. №4. С. 153.

честв, очевидно, в отдельные моменты их истории даже поощрялась руководством университета.

Уставы землячеств строились по типовой модели («нормальный устав»), одобренной в 1907 г. Советом университета³⁷⁷. Согласно «нормальному уставу землячеств», их основной целью было оказание «материальной помощи товарищам»³⁷⁸. Членство в определенном землячестве было возможно по двум основаниям: происхождение из определенной губернии (города) или обучение в учебном заведении этой местности, — поэтому один и тот же студент имел право быть членом нескольких землячеств, хотя получать помощь мог только от одного³⁷⁹. Средства землячества составляли взносы его членов, добровольные пожертвования, сборы с концертов и т. п. Средства распределял избранный Комитет. Он же занимался организацией благотворительных акций в пользу землячества, поиском работы для его членов и т. п.³⁸⁰ Землячества представляли всю обширную географию Российской Империи (Азовское, Ахтырское, Батумское, Бердянское, Бессарабское, Бердянское, Бобруйское, Борисоглебское, Брест-Литовское, Велико-Устюжское, Виленское, Витебское, Вологодское и пр.) — через них шел основной поток благотворительной помощи студенчеству. Обычно деньги переводились в кассу университета, а затем по представлению Комитетов землячеств перечислялись на пособия отдельным студентам³⁸¹.

Наиболее богатым, разумеется, было самое многочисленное землячество — Петербургское. По свидетельству известного художника Ю.П. Анненкова, поступившего в 1908 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета и активно занимавшегося организацией различных благотворительных акций Петербургского землячества, в этот

³⁷⁷ Проект нормального устава землячеств // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. №63. СПб., 1908. С. 230–232.

³⁷⁸ Там же. С. 230.

³⁷⁹ Там же. С. 231.

³⁸⁰ Там же. С. 232.

³⁸¹ См., напр.: Переписка с разными учреждениями и прошения студентов о пособиях по вопросу денег, поступивших с вечеров, концертов и проч. землячествам и отд. студентам... Л. 1–435.

период (между революцией 1905 г. и войной 1914 г.) благотворительные вечера приняли «эпидемический характер». По его словам, «почти полное десятилетие безостановочно, с одной эстрады на другую, с концертов студенческих землячеств (с хоровым пением и клюквенным морсом) — на благотворительные вечера (с танцами, холодным буфетом и водкой) блуждали знаменитые и полужнаменитые писатели и поэты, любимцы публики, читая отрывки из своих произведений, впитывая благоговеющие взоры молодежи <...>, закусывая под “белую головку” в артистической комнате, набитой студенческими тужурками, влюбленными девицами и распорядительскими значками»³⁸². Впрочем, далеко не всегда все средства, полученные на таких вечерах, шли на легальное вспомоществование неимущим студентам, организаторы подобных мероприятий зачастую расходовали часть средств на поддержку жертв «полицейского террора» в рядах студенчества³⁸³. Некоторые «национальные землячества», такие как грузинское, в 1900-е гг. являлись почти открытыми революционными организациями³⁸⁴. Неудивительно, что департамент полиции тщательно отслеживал деятельность землячеств, которые не только не без основания подозревал в политической деятельности, но и составил в начале 1910-х их своеобразную классификацию («узко-партийные», «узко-национальные» и «обще-студенческие»), хотя и признавал, что большинство землячеств все же выполняет прямые экономические функции³⁸⁵. В то же время охранку крайне беспокоили незаконные и конспиративные общеуниверситетские собрания землячеств, а также то обстоятельство, что вопреки правилам землячества (равно как и другие студенческие организации) включали в себя лиц, к университету не имеющих никакого от-

³⁸² Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2-х тт. Л., 1991. Т. 1. С. 55–56.

³⁸³ См., напр., переписку между ректором университета и попечителем СПб. Учебного округа по поводу «общеуниверситетского вечера» 13 февраля 1912 г., на котором из собранных 700 руб. 500 было передано ректору для помощи неимущим студентам, а остаток передан нелегальному Красному кресту (см. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 31–32).

³⁸⁴ Георгидзе М. Ленин и грузинское студенчество в Петербурге // Лит. Грузия. 1966. №4. С. 68–71.

³⁸⁵ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 31–35.

ношения³⁸⁶. Действительно, как показано в недавней диссертации Д.А. Барина, «реальный состав» землячеств «объединял в себе не только студентов Санкт-Петербургского университета, но и учащихся других высших учебных заведений столичного города, что не было предусмотрено существовавшим законодательством»³⁸⁷.

Интересны данные общей статистики по различным источникам материальной помощи студентам университета, приведенные в 1908 г. в докладе П. Гусаковского на «совещании об экономических нуждах студенчества», которые дают общие представления о роли землячеств в организации материальной помощи студентам. Согласно приводимым в докладе сведениям, ссуды землячеств, хотя и превосходили объем выплат Общества вспомоществования, однако составляли 22,3% от объема университетских пособий и стипендий³⁸⁸. Если же сопоставить совокупность общих расходов университета и общества вспомоществования на нужды студентов (включая расходы общества на студенческую столовую, санаторий в Крыму и т. п.) с аналогичными расходами землячеств, то по нашей оценке экономический эффект от деятельности землячеств составлял к концу 1900-х гг. примерно 15% от общего объема помощи студенчеству. Иными словами, основную помощь студентам все же оказывали не самостоятельные организации, а те самые официальные структуры, с которыми студенчество конфликтовало.

По характеру к землячествам примыкали другие организации, ставившие чисто экономические цели. В качестве примера укажем на такую структуру, как «Касса взаимопомощи при Физико-математическом факультете с книжным магазином», образованная в 1909 г. Устав Кассы взаимопомощи при физико-математическом факультете с книжным магазином очень напоминал нормальный устав землячества. Отличие заключалось только в том,

³⁸⁶ Там же. Л. 34об.–35об.

³⁸⁷ Барин Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 17.

³⁸⁸ Гусаковский П. Доклад о землячествах // Труды совещания об экономических нуждах студенчества. СПб., 1909. С. 12.

что Касса не оказывала своим членам в безвозмездной помощи, но предоставляла ссуды, а также в том, что источником доходов кассы были не только членские взносы, частные пожертвования и сборы с благотворительных вечеров, но и прибыль от продажи «учебных пособий и всех необходимых предметов студенческого обихода»³⁸⁹. По свидетельству современника, кассе удалось организовать своеобразную скидочную систему в 10–30% (в книжном магазине, булочных, парикмахерских, банях)³⁹⁰.

Вскоре после образования факультетской кассы взаимопомощи в среде университетского студенчества развернулось движение за создание общеуниверситетской кассы, которое, правда, завершилось провалом из-за политических препятствий³⁹¹. Неслучайно, что и последующие попытки создать в столице студенческое потребительское общество «Просвещение», предпринятые уже в 1915 г., т. е. уже в эпоху «либерального министерства» П.Н. Игнатьева, также оказались неудачными из-за противодействия проекту со стороны Департамента полиции и опасения, что «кооператив может быть использован левыми студенческими группами и послужит объединению учащихся на политической почве»³⁹² или станет тем «переходным мостиком, по которому студенчество переходит к широкой партийной работе»³⁹³. О «вредном направлении»³⁹⁴ проектируемого кооператива, по мнению МВД, ярко свидетельствовала провозглашенная его организаторами задача «создать общеуниверситетскую кассу взаимопомощи, как орган, который на основе экономической взаимопомощи объединит студенчество и тем будет

³⁸⁹ Устав кассы взаимопомощи при Физико-математическом факультете С.-Петербургского университета с книжным магазином // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 82; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 250–254.

³⁹⁰ *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества... С. 101.

³⁹¹ См.: Переписка по делу об организации Кассы Взаимопомощи...; Переписка с попечителем Петербургского учебного округа об организации кассы взаимопомощи // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 55; Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице — Петроградскому градоначальнику, 10 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 591. Л. 144–144об.

³⁹² Цит. по: *Иванов А.Е.* Студенческая «самопомощь» в высшей школе российской империи. Конец XIX — начало XX века // ОИ. 2002. №4. С. 38–39.

³⁹³ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице — Петроградскому градоначальнику, 16 декабря 1915 г. // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 591. Л. 184об.

³⁹⁴ Министр внутренних дел — [министру народного просвещения] графу П.Н. Игнатьеву, 8 мая 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1916. Д. 64. Ч. 57. Л. 18–19.

способствовать общему подъему в идейной жизни и уничтожению морально-го маразма»³⁹⁵.

С одной стороны, такая оценка властей имела определенные основания — как видно из приведенных выше данных и характера деятельности «землячеств» в 1880–1910-е гг., при сравнительно небольшой финансовой отдаче «экономические» организации студенчества превращались в структуры «освободительного» движения. Также в Министерстве прекрасно помнили, какую роль играла Касса взаимопомощи, например, в организации революционного движения в среде студентов университета в предреволюционные годы³⁹⁶. Не могли не настораживать власти и разного рода полулегальные «национальные кассы» (украинская, студентов-поляков, еврейская), ангажированные не только революционным, но и национальным движением³⁹⁷. С другой стороны, такая политика властей, связанная со стремлением предотвратить появление политических организаций под «экономической маской», приводила, в свою очередь, к откровенно нелепым ситуациям, когда действительно экономические цели могли преследовать организации, которые по названию, казалось бы, имели совсем иные задачи. Так, Художественно-драматический кружок студентов под руководством приват-доцента А.Ф. Каля (реорганизовавшийся в 1909 г. из «Драматической артели студентов»), по существу, основной целью имел сбор средств в пользу членов кружка...³⁹⁸

Впрочем, выходя из университета, вчерашние студенты оказывались в более свободном положении и уже могли создавать те организации, которые им ранее учреждать запрещалось. Так, в 1904 г. была организована «Касса взаимопомощи бывших студентов С.-Петербургского университета» во главе

³⁹⁵ Письмо студенческим организациям высших учебных заведений. Копия. 22 декабря 1915 г. // Там же. Л. 16–16об.

³⁹⁶ См. гл. 7, 8. и, напр.: *Юхнева Н.В.* Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года // *Очерки по истории Ленинградского университета...* Т. 1. С. 129–139.

³⁹⁷ *Баринев Д.А.* Землячества Петербургского (Петроградского) университета... С. 32.

³⁹⁸ Протокол заседания Совета университета 23 ноября 1909 г. // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.*... С. 139; Устав «Художественно-драматического кружка студентов» // Там же. С. 159.

с А.А. Богдановым, ставящая целью организацию «немедленной поддержки» членам кассы (питомцам университета) в случае «постигшего несчастья»³⁹⁹.

Переходя к характеристике «научных» или «академических» студенческих организаций, вначале укажем на те объединения, которые, позиционируя себя как академические, на самом деле представляли собой явно политизированные структуры, имеющие целью изгнать политику (т. е. либеральные политические организации) из университетов. Консервативные и националистические группы внутри студенчества отчасти вынуждены были использовать такую тактику, поскольку получали отказ у профессорского Совета в регистрации черносотенных организаций наподобие студенческого отдела Союза Русского народа⁴⁰⁰. Примерами таких легальных и внешне «неполитических» организаций являются «Русская академическая корпорация» (Академический союз)⁴⁰¹, «Санкт-Петербургское студенческое университетское общество»⁴⁰², «Союз Русских студентов»⁴⁰³. Уставы этих организаций специально подчеркивают непартийность создаваемых сообществ. Устав «Русской Академической корпорации» прямо запрещает ее членам участвовать в «студенческих политических партиях»⁴⁰⁴. В то же время эта непартийность являлась очевидной маскировкой: за «академическими корпорациями» в Петер-

³⁹⁹ См.: [Документы Кассы взаимопомощи бывших студентов С.-Петербургского университета, 1904] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 128–131.

⁴⁰⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 28 января 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 12–13; Прошение Совета Студенческого отдела Союза Русского народа при СПб. Императорском университете в Совет Профессоров Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 19; Программа Студенческого отдела союза русского народа при Императорском СПб университете // Там же. С. 20–22.

⁴⁰¹ Устав «Академического Союза студентов С.-петербургского университета» // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 20; Устав общества «Русская Академическая Корпорация» студентов Императорского СПб университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 305–313.

⁴⁰² Устав Санкт-Петербургского студенческого университетского общества // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 253–255.

⁴⁰³ Протокол заседания Совета Университета 28 сентября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 106; Устав Союза русских студентов // Там же. С. 125–129; Протокол заседания Совета Университета 12 апреля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 79; Устав Союза русских студентов // Там же. С. 109–112.

⁴⁰⁴ Устав общества «Русская Академическая Корпорация»... С. 311.

бургском, как и в других университетах страны, стояли, как показано в литературе, вполне конкретные политические (черносотенные) организации⁴⁰⁵.

Первыми по времени создания среди таких организаций следует считать «Академический союз» и продолжавшую его политику «Русскую Академическую корпорацию», активно действовавшие во второй половине 1900-х гг. Основные установки академистов были провозглашены ими в уставе в двух пунктах: «проведение в жизнь университета тех принципов, при которых университет служит науке (отрицание политики, участие в научных кружках)» и «поддержание русского студенчества»⁴⁰⁶. Примечательно, что неприязнь к «академистам» в это время была столь высока, что часть студентов, даже идейно им сочувствующих, отделяла себя от них, создав в 1907 г. «Санкт-Петербургское студенческое университетское общество», которое, по мнению его организаторов, должно объединить «беспартийное студенчество на началах чисто кооперативно научных»⁴⁰⁷. Создатели этого Общества резко отмежевывались от «Академического Союза», который якобы «профанировал» «святую идею» «академизма» рядом «некорректных выходов» его отдельных членов⁴⁰⁸. Впрочем, это не помешало в октябре 1908 г. Академической корпорации С.-Петербургского университета выступить одним из организаторов Академического союза, чье учредительное заседание произошло по инициативе В.М. Пуришкевича в Главной палате Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА)⁴⁰⁹. Поэтому, хотя с формальной точки зрения академисты оставались вне политики, их оппоненты нередко называли их «палатниками». Вообще, поддержка и финансовая помощь академистам со стороны В.М. Пуришкевича (в частности, на его средства весной

⁴⁰⁵ См.: *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии России в конце XIX – начале XX века. Дисс.... докт. ист. наук. СПб., 2000. С. 246–247.

⁴⁰⁶ Там же. С. 305. См.: *Кушнырь-Кушнарев Г.И.* Исторический очерк возникновения и развития академического движения в России. СПб., 1914.

⁴⁰⁷ Устав Санкт-Петербургского студенческого университетского общества... С. 253.

⁴⁰⁸ [Письмо членов-учредителей Санкт-Петербургского студенческого университетского общества в Совет университета] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 257.

⁴⁰⁹ См.: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 130–131.

1909 г. был открыт столичный академический клуб для студентов Петербургского университета) не могли не придавать им в глазах общества ореола «черносотенцев»⁴¹⁰.

Следует отметить, что внутренняя борьба в лагере крайне правых провоцировала и организационную раздробленность в студенческой среде. В частности, противостояние Союза русского народа (СРН) А.И. Дубровина и РНСМА В.М. Пуришкевича предопределило и параллельное сосуществование в университете наряду с академистами-«палатниками» и академистов-«дубровинцев». Не добившись разрешения на создание студенческого Отдела Союза русского народа, националистически настроенное студенчество не оставило, между тем, попыток создать «национальную» студенческую организацию под «академическим прикрытием». Одной из таких попыток стал «Союз русских студентов» (СРС), провозглашавший «поддержку и развитие академической жизни университета на религиозно-национальных началах». СРС долгое время не мог добиться от Профессорского совета утверждения своего Устава — вернее Профессорский совет утверждал его как бы в насмешку за исключением ключевых пунктов (о задачах Союза, членстве в нем, его руководящих органах)⁴¹¹, на что последовала критика со стороны правых в Государственной думе с призывом к Министерству народного просвещения «заставить профессоров, совет профессоров утверждать те уставы, которые предоставляют академики им на утверждение»⁴¹². Только в 1910 г., после радикального смягчения формулировок Устава, Профессорский совет наконец его принял⁴¹³. Правда, и в смягченном варианте этот документ носил явно идеологизированный характер и содержал, например, положения о том, что Союз строится на почве «идеалов Русской Государственности: правосла-

⁴¹⁰ Там же. С. 131.

⁴¹¹ Протокол заседания Совета СПб университета 28 сентября 1909 г.... С. 106; Устав Союза русских студентов // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 125–129.

⁴¹² Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 63. 5 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 3049–3050.

⁴¹³ Протокол заседания Совета СПб университета 12 апреля 1910 г.... С. 79.

вия, самодержавия и народности», и о том, что «иудеи в число членов С.Р.С. не принимаются»⁴¹⁴. Смягчение позиции Профессорского совета, вероятно, следует связать с политикой властей, неизменно выражавших поддержку правым элементам в студенческой среде — так, в мае 1910 г. при содействии П.А. Столыпина делегация правых студентов была принята в Царском селе⁴¹⁵.

Важной составляющей студенческой жизни являлись научные кружки, которые, с одной стороны, как бы продолжали систему университетского преподавания, с другой, отражали не только академические, но и общественные потребности студентов. В то же время научные кружки — это та сфера университетской жизни, где в полном смысле слова смыкались два мира: «преподавательский» и «студенческий». Среди первых научных обществ можно отметить т. н. Математическое общество, возникшее в 1878 г. и просуществовавшее до конца 1880-х гг., Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете (1882–1887), «Беседы по проблемам факультетского преподавания» (1894–1902). Студенческим научным организациям посвящена обширная литература⁴¹⁶. В числе работ последнего времени следует, прежде всего, выделить диссертации Д.А. Завьялова⁴¹⁷ и Д.А. Баринова⁴¹⁸.

В литературе часто указывается и на тот факт, что студенческие научные семинары и кружки являлись формами как научной, так и общественной жизни, которые способствовали не только формированию студенческой кор-

⁴¹⁴ Устав Союза русских студентов // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 109–112.

⁴¹⁵ См.: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич... С. 132.

⁴¹⁶ См.: *Рудаков В.Е.* Студенческие научные общества // ИВ. 1899. №12. С. 1143–1156; *Мельгунов С.* Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904, *Ольденбург Е.Г.* Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1947. №2. С. 145–155; *Казакевич Р.А., Мандель С.З.* Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества в 80-х годов XIX века: Студенческое Научно-литературное Общество Петербургского университета. Л., 1967 и др.

⁴¹⁷ См.: *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в. Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2006.

⁴¹⁸ *Баринов Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс....

поративности, но и политической организации студенчества, являлись местами обучения радикализму⁴¹⁹. Действительно, трудно провести четкую грань между семинаром и научно-образовательным кружком, между последним и своеобразным политическим клубом, от которого уже один шаг до революционного кружка. Это обстоятельство было постоянным предметом «головной боли» охранного отделения, тщательно отслеживавшего их деятельность и видевшего в них средство влияния революционных партийных организаций на молодежь⁴²⁰.

Стандартная формулировка устава студенческого кружка, определенная «примерным уставом» (принятым Советом университета в 1903 г.)⁴²¹, предполагала, что «членами кружка могут быть студенты и лица установленным порядком допущенные к участию в университетских занятиях»⁴²². В то же время «примерный устав» не являлся обязательным сам по себе⁴²³, и уставы многих кружков находили возможность по факту обойти эту норму и расширить число его деятелей, оговорив возможность участия в его работе, кроме «действительных членов», также «членов-сотрудников» и «гостей» — хотя, последние (если не принадлежали к университетской корпорации) могли посещать кружки только с разрешения ректора, можно предположить, что это разрешение (даже когда это требование гостями соблюдалось) было формальностью. Таким образом, студенческие кружки не только позволяли окончившим университет студентам принимать участие в его академической

⁴¹⁹ Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; L., 1975. P. 99; Mathes L.W. Review: A Tsarist School for Political Scandal? Reviewed work(s): *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia* by Daniel R. Brower // *History of Education Quarterly*. 1976. Vol. 16. No.2. P. 244.

⁴²⁰ См., напр.: Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице — Петроградскому градоначальнику, 10 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 591. Л. 144об.—145.

⁴²¹ Журнал заседания Совета университета за 20 октября 1903 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского СПб. университета за 1903 г. №59. СПб., 1904. С. 78

⁴²² Примерный устав студенческих научных и литературных кружков (Составленный комиссией избранной Советом СПб Университета и одобренный в заседании Совета 20 октября 1903 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 39.

⁴²³ В примечании к «Примерному уставу» специально оговаривалось, что «предполагаемый устав отнюдь не имеет обязательной силы» и что «студенты, желающие образовать кружок, при составлении проекта устава, предоставляемого в надлежащий факультет, могут и не руководствоваться примерным уставом» (Там же. Л. 3).

и культурной жизни, но и, по аналогии с преподавательскими обществами, привлекали в университет заинтересованную в тех или иных кружковых занятиях петербургскую молодежь.

Научных (академических) студенческих кружков в университете было довольно много как в области точных и естественных наук, так и в области наук гуманитарных. Студенческие научные кружки издавали как свои отдельные труды, так и совместный «Сборник научных кружков Петербургского университета»⁴²⁴. Трудно, вместе с тем, сказать, сколько именно кружков действовало в университете одновременно в тот или иной момент. Многие кружки долгое время могли существовать неформально, не имея устава, а потом «легализоваться», многие, организовавшись формально, быстро «умирали», и лишь относительное меньшинство кружков предоставляло и печатало в «Отчетах университета» сообщения о своей деятельности. Не имея возможности в этом обзоре рассказать обо всех кружках (только официально в 1900–1910-е гг. их было зарегистрировано около 80)⁴²⁵, остановимся на наиболее показательных примерах проявления «кружковой» активности.

Кружки формально учреждались по представлению того или иного факультета и курировались им. Поэтому, хотя большинство кружков отличалось как раз тем, что не ограничивало свой состав студентами конкретного факультета, они так или иначе были связаны с конкретной отраслью знания и состояли по преимуществу из студентов, формально специализирующихся в данной области. Количество кружков, созданных на разных факультетах, было различно и отражало как численность студентов на том или ином факультете, так и академическую активность его преподавателей и учащихся. На малочисленном факультете восточных языков, например, было всего не-

⁴²⁴ См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 год. СПб., 1909. С. 111.

⁴²⁵ См.: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг....; Журналы [Протоколы] заседаний Совета С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг....; Студенческие научные кружки // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. См. также «Книги для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 377, 383, 387, 39); Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Оп. 1. Д. 294.

сколько кружков, наиболее значительным из которых был Кружок ориенталистов под руководством профессора В.В. Бартольда⁴²⁶, а такие многочисленные факультеты, как физико-математический⁴²⁷ и юридический⁴²⁸, имели по несколько десятков кружков.

Однако наибольший общественный резонанс имела кружковая активность историко-филологического факультета⁴²⁹. Многие из этих кружков возникали вокруг ведущих университетских преподавателей. С.Н. Валк, ученик А.С. Лаппо-Данилевского, вспоминал, как постепенно семинарий по дипломатике частного акта перерастал в «дипломатический кружок», большинство членов которого уже закончило университет⁴³⁰. Среди таких сообществ «кружок» профессора Ф.Ф. Зелинского⁴³¹, упомянутые выше кружки профессора И.М. Гревса и Историко-литературный кружок имени А.С. Пушкина

⁴²⁶ См.: Устав студенческого «Кружка ориенталистов» при императорском С.-Петербургском университете. Утвержден Советом С.-Петербургского Университета 30 апреля 1907 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 23–24; Устав Студенческого «Кружка ориенталистов» при Императорском С.-Петербургском университете (под руков. орд. проф. В.В. Бартольда) // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 167–169.

⁴²⁷ Среди основных кружковых организаций, связанных с физико-математическим факультетом, надо указать на Астрономический кружок, Студенческий ботанический кружок, Географический Кружок, Физический Кружок, Кружок философии природы, Биологический кружок, Кружок геологии и минералогии, Математический кружок студентов С.-Петербургского университета.

⁴²⁸ Особенно много постоянно действующих кружковых организаций было связано с Юридическим факультетом: Кружок философии права (во главе с Л.И. Петражицким), философии государства (руковод. М.А. Рейснер), Студенческий кружок (римского и) гражданского права, Кружок для изучения Государственного права (руковод. М.М. Ковалевский), Кружок для изучения основ конституционного права, Кружок истории русского права, Кружок для изучения истории польского права, Кружок финансового права (А.И. Буковецкий), Кружок административного права, Кружок по изучению земельной ренты прив.-доц. В.В. Святловского, Кружок для изучения вопросов Эмиграции и Колонизации, Кружок для изучения судебной медицины, Кружок по изучению профессионального и кооперативного движения, Кружок политической экономии, Кружок экономистов для изучения экономических и общественных наук, Кружок по аграрному вопросу, Кружок для изучения истории хозяйственного быта, Кружок «Политической Экономии», Кружок для изучения догмы русского права, Кружок изучения уголовного права (руководители П.И. Люблинский, М.М. Исаев), Кружок «Философии государства», Кружок по изучению судебного ораторского искусства (под рук. А.Г. Тимофеева), Кружок популяризации Юридических знаний. О кружках юридического факультета см.: *Шилов Л.А.* Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819–1917) // Вестник ЛГУ. Серия: Экономика, философия, право. 1969. №5. Вып. 1. С. 112.

⁴²⁹ Научно-литературное общество, секция классической филологии (Студенческое общество классической филологии); Лингвистический кружок студентов и вольнослушателей историко-филологического и восточного факультетов; Студенческий библиографический кружок; Кружок Археологии; Кружок для изучения поэзии (ист.-филолог. фак.); Литературно-художественный кружок (под рук. прив.-доц. С.А. Венгерова); Кружок реалистов.

⁴³⁰ *Валк С.Н.*: 1) Воспоминания ученика... С. 189–199; 2) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ. 1922. №8. С. 244–258. Ср.: *Кащенко С.Г., Приймак Н.И.* Источниковедение отечественной истории в С.-Петербургском университете (середина XIX в. – 1970-е гг.): Формирование традиций // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. №19. С. 160–162.

⁴³¹ См.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 157–159.

(организованный С.А. Венгеровым) и многие другие. Иной путь возникновения кружков — по инициативе студентов, которые «подыскивали» руководителя для уже сформировавшейся группы; таким, например, был Исторический кружок при Университете, руководить которым студенты пригласили А.С. Лаппо-Данилевского, при «секретаре» кружка Б.А. Романове⁴³².

В 1900-х — первой половине 1910-х гг. именно историко-филологический факультет становится одним из важных центров формирования литературы «Серебряного века». Так, в 1904–1905 гг. здесь на основе кружка приват-доцента Б.В. Никольского (читавшего лекции помимо своего основного юридического факультета, также на историко-филологическом) сформировался «Кружок изящной словесности», объединявший стихотворцев Петербургского университета⁴³³. Одной из центральных фигур кружка стал молодой студент Александр Блок, чьи стихи нашли в лице членов кружка (С. Городецкий, Л. Семенов, А. Кондратьев и др.) своих первых критиков⁴³⁴. Показательно, что сам А. Блок вспоминал о том, что сам по себе университет (имея в виду университетское преподавание) не сыграл в его жизни «особенно важной роли»⁴³⁵. Это замечание интересно сопоставить в признании поэта о том, что «до первых курсов университета» он не знал «ни строки т. н. “новой поэзии”», той самой «новой поэзии»⁴³⁶, одним из наиболее ярких представителей которой он стал впоследствии. Последнее положение

⁴³² Панеях В.М. Творчество и судьба историка... С. 28; Объяснительная записка по проекту устава студенческого исторического кружка // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 135–135об.

⁴³³ См. переписку по поводу учреждения кружка и проект его устава, представленный студентом А.Ф. Малиновским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 83–87). См. также: Устав кружка Изыщной словесности при Историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского университета // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского СПб. университета за 1903 г.... С. 118–124; Устав кружка Изыщной словесности при Историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского университета. Утвержден на заседании Совета 26 января 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 51–52.

⁴³⁴ Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В. Александр Блок в Петербургском университете... С. 72–73; Микитич Л.Д. Литературный Петербург, Петроград. М., 1991. С. 252.

⁴³⁵ Правда, к этой оценке роли университета А.А. Блок поспешил добавить, что «высшее образование дало, во всяком случае, некоторую умственную дисциплину и известные навыки, которые очень помогают мне и в историко-литературных, и в собственных моих критических опытах, и даже в художественной работе... С годами я оцениваю все более то, что мне дал университет в лице моих уважаемых профессоров — А.И. Соболевского, И.А. Шляпкина, С.Ф. Платонова, А.И. Введенского и Ф.Ф. Зелинского» (Блок А.А. Автобиография // Блок А.А. Собрание сочинений в 6 тт. М., 1971. Т. 6. С. 95).

⁴³⁶ Там же. С. 93.

важно для понимания действительной роли творческого и интеллектуального общения в стенах университета в судьбе таких молодых талантливых людей, каким был А. Блок⁴³⁷. Иначе говоря, университет выступал не только как центр производства и передачи знаний по разным отраслям науки, но и как центр культурного притяжения и распространения культурного опыта в широком смысле слова. В 1906 г. при университете образовался т. н. «кружок молодых», устраивавший в зале физического института в 1906–1907 гг. «вечера искусства» с чтением литературных произведений. В кружке активно участвовали преподаватели, студенты и сочувствующие, среди которых укажем Ф.Ф. Зелинского, С.Л. Франка, С.М. Городецкого, А.А. Блока, В.А. Пяста, Н.А. Бердяева, М.А. Кузмина, К.И. Чуковского и др.⁴³⁸ Кружок романо-германистов (Романо-германский кружок) формальное оформление получил в ноябре 1909 г.⁴³⁹ Ему суждено было сыграть немаловажную роль в истории русской литературы. Кроме профессоров Д.К. Петрова и Ф.А. Брауна, этот кружок активно посещали как будущие знаменитые литературоведы студенты В.М. и А.М. Жирмунские, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, так и молодые поэты О.Э. Мандельштам, Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова, Г.В. Адамович и другие деятели «цеха поэтов»⁴⁴⁰. Здесь, по словам Г.В. Адамовича, была «штаб-квартира русского акмеизма»⁴⁴¹. Одним из основных его лидеров был именно Н.С. Гумилев, который в октябре 1912 г. предложил профессору Ф.А. Брауну учредить под его руководством еще один кружок «Изучения поэтов», что, видимо, более соответствовало интересам ряда членов кружка романо-германистов. Но профессор Ф.А. Браун

⁴³⁷ Ср.: Крыжук Н.П. «Я родился в ректорском доме». А.А. Блок // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 343–358.

⁴³⁸ См.: «Кружок молодых» // Манфред III. Литературные объединения... С. 81–82.

⁴³⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета 23 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 139.

⁴⁴⁰ Романо-германский кружок // Манфред III. Литературные объединения... С. 183. Ср.: Freidin G. A Coat of Many Colors... Р. 28.

⁴⁴¹ Адамович Г.В. Мои встречи с Анной Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 165.

отказался от предложения за недостатком времени и, по-видимому, замысел поэта не осуществился⁴⁴².

Одна из форм общения, тесно сближавшая преподавателей со студентами, — организация образовательных экскурсий самого различного характера: по городу и пригородам, по стране, по Европе⁴⁴³. Однако такая совместная деятельность студентов и преподавателей историко-филологического факультета имела значение для еще одной стороны петербургской культуры начала XX в. — существенным вкладом в изучение «городской среды» в Петербургском университете была деятельность учеников профессора И.М. Гревса — студентов и выпускников историко-филологического факультета университета. Профессор И.М. Гревс был не только одним из основоположников изучения в России западноевропейского средневекового города, но и одним из основателей петербургской школы гуманитарного экскурсиеведения⁴⁴⁴. С одной стороны, такие экскурсии играли свою научно-образовательную роль, способствуя формированию научной школы конкретного ученого⁴⁴⁵, с другой, ученики И.М. Гревса, участвовавшие в дальних зарубежных экскурсиях своего учителя, задались целью распространить опыт семинария профессора на свой родной город Петербург. Так, в 1910 г. по инициативе двух студентов (впоследствии известных историков) А.А. Гизетти и Н.П. Анциферова возник экскурсионный кружок при Эрмитаже. По воспоминаниям Н.П. Анциферова, из университетских учеников И.М. Гревса в кружок вошли А.П. Петров, М.А. Георгиевский, Г.Э. Петри, А.М. Шмидт, А.В. Тищенко, А.Э. Серебряков и др.⁴⁴⁶ Кружок ставил себе це-

⁴⁴² Кружок изучения поэтов // *Манфред Ш.* Литературные объединения... С. 78.

⁴⁴³ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 205. См. также: Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана-Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 278, 282–289; *Свешиников А.В.* Петербургская школа медиевистов... С. 285–286; *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества... С. 55–67.

⁴⁴⁴ *Гревс И.М.* К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. См.: *Вахромеева О.Б.* Приглашение к путешествию: методика экскурсионных исторических поездок И.М. Гревса. СПб., 2007.

⁴⁴⁵ *Свешиников А.В.* Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2012. Vol. 3. P. 142–156.

⁴⁴⁶ *Конечный А.М., Купман В.А.* Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова // *Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...». СПб., 1991. С. 7.

лью подготовку руководителей экскурсий для проведения «культурной работы среди рабочих»⁴⁴⁷. Как признано в литературе, благодаря этому кружку в Петербурге зародилось экскурсионное дело. Деятельность кружка оказалась прервана начавшейся I Мировой войной, но его члены после революции образовали ядро экскурсионистов Петрограда (что организационно было оформлено созданием Экскурсионного института, гуманитарный отдел которого возглавил профессор И.М. Гревс).

Часть кружковых организаций носила явно надфакультетский характер, будучи ориентированной на изучение той или иной местности или народности империи и тесно связанной с тем или иным студенческим землячеством. Среди кружков такого рода надо отметить Кружок для изучения Польской словесности⁴⁴⁸, Кружок украиноведения⁴⁴⁹, Кружок для научного изучения Гродненской губернии⁴⁵⁰, Грузинский научный кружок⁴⁵¹, Славянский научный кружок⁴⁵², Русский Кавказский научный кружок⁴⁵³, Кружок Литовведения⁴⁵⁴, Белорусский научно-литературный кружок⁴⁵⁵, Кружок научного изучения Витебской губернии⁴⁵⁶, Армянский научный кружок⁴⁵⁷, Еврейский научный кружок⁴⁵⁸, Кружок изучения Русского севера⁴⁵⁹ и ряд других⁴⁶⁰.

⁴⁴⁷ Там же. Ср.: *Московская Д.С.* «Литературоведческий урбанизм» Николая Анциферова (к 120-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. №4. С. 20.

⁴⁴⁸ См.: Устав кружка для изучения польской словесности // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 249–251.

⁴⁴⁹ См.: Устав Кружка Украиноведения // Там же. С. 290–292.

⁴⁵⁰ См.: Устав Кружка для научного изучения Гродненской губернии // Там же. С. 294–296.

⁴⁵¹ См.: Устав Грузинского научного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 59–61.

⁴⁵² См.: Устав Славянского научного кружка // Там же. С. 289–290.

⁴⁵³ См.: Устав Русского Кавказского научного Кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 165–167.

⁴⁵⁴ См.: Устав Кружка Литовведения // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 129–131.

⁴⁵⁵ См.: Устав Белорусского Научно-Литературного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. №68. СПб., 1913. С. 42–44.

⁴⁵⁶ См.: Устав Кружка научного изучения Витебской губернии // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. №69. Пг., 1915. С. 137–139.

⁴⁵⁷ Устав Армянского научного кружка. Утвержден постановлением Совета университета 4 февраля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 367–367об.

⁴⁵⁸ Проект устава Еврейского научного кружка. Утвержден 30-го ноября 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 432–432об.

⁴⁵⁹ Устав Кружка изучения Русского севера при Императорском Петроградском университете [Утвержден Советом университета 6 февраля 1917 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 456–457.

К другому разряду по своему характеру «общеуниверситетских» кружков можно отнести кружки, которые объединяли студентов по тем интересам, которые не были представлены в университетской академической программе. Эти кружки уже нельзя в строгом смысле относить к «академическим» или «научным», уместнее их охарактеризовать как «кружки по интересам». Сюда можно отнести самые различные структуры от Воздухоплавательного кружка⁴⁶¹ до Кружка изучения театра⁴⁶². Среди этого типа кружков⁴⁶³ наибольшее значение для культурной и общественной жизни Петербурга, с нашей точки зрения, имел т. н. Музыкальный кружок Санкт-Петербургского университета, который возник в конце 1903 г., а в начале 1904 г. был утвержден его устав⁴⁶⁴. Кружок (при формальном председательстве ректора университета) возглавлял студент Н.А. Сасс-Тиссовский (музыкант, композитор, дирижер, выпускник одновременно консерватории и юридического факультета университета). В кружке были созданы оркестр и хор, сначала мужской, а в 1906 г. и женский хор из вольнослушательниц университета, который возглавил студент Ю.Л. Карнович (Карнавичюс)⁴⁶⁵. Кружок существовал вплоть до 1917 г., насчитывая в среднем до 200 человек членов⁴⁶⁶. Из их числа вышло несколько крупных композиторов — А.П. Гладковский, К.М. Аренков, М.О. Штейнберг и др.⁴⁶⁷ Кружок давал от

⁴⁶⁰ См. *Баринов Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917 гг.). Дисс.... С. 167–293.

⁴⁶¹ Устав Воздухоплавательного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 120–122.

⁴⁶² Устав Кружка изучения театра // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 72–73.

⁴⁶³ К числу «кружков по интересам» можно, например, отнести Студенческий кружок художников, Критико-литературный кружок, Кружок развития искусства красноречия и спора, Кружок для изучения языка Эсперанто (Кружок студентов-эсперантистов), Литературный Кружок «Грядущий день», Студенческий фотографический кружок при физическом институте в СПб университете, Кружок «Любителей природы и охоты», Кружок Литературы и искусства и пр.

⁴⁶⁴ См. переписку по поводу учреждения кружка (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 119–140). См. также: Устав музыкально кружка при Императорском С.-Петербургском университете // Журналы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г.... С. 128–135; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905 год. СПб., 1906. С. 103; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 год... С. 162.

⁴⁶⁵ *Никольцева Г.Д., Шилов Л.А.* Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 4. С. 131.

⁴⁶⁶ Там же. С. 131.

⁴⁶⁷ Там же. С. 135.

одного до пяти больших симфонических концертов в год (они проходили в Большом зале консерватории, зале Петровского коммерческого училища, концертном зале Калашниковской Биржи, Актовом зале университета). Кроме этого, Кружок (хор и оркестр) давали частые небольшие концерты как в Университете, так и в разных местах города — в Соляном городке, на Высших женских курсах, в залах Политехнического института и Тенишевского училища и др. Группы кружковцев также принимали участие в концертах, организованных профессиональными музыкантами, — в Малом зале Филармонии, в концертах Общества вокальной музыки. Многие концерты музыкального кружка носили благотворительный характер, будучи организованы студенческими землячествами в пользу недостаточных студентов. С началом I Мировой войны кружком организуются специальные концертные группы для выступления в университетском и других лазаретах⁴⁶⁸. Кружок имел известную популярность в музыкальной среде; в числе композиторов, избранных почетными членами кружка и содействовавших его работе, были такие известные личности, как Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов, А.К. Лядов и др.⁴⁶⁹

Студенческая общественная жизнь не ограничивалась только разного рода заседаниями, в которых развивались как академические, так и неакадемические формы общения, но и имела довольно обширный по меркам своего времени выход печатной продукции — всего в период с 1905 по 1914 г., согласно наблюдениям известного библиографа и книговеда П.Н. Беркова, вышло 7 студенческих сборников различного содержания⁴⁷⁰. Разумеется, важно

⁴⁶⁸ Там же. С. 133–134.

⁴⁶⁹ Рядом с деятельностью музыкального кружка следует поставить деятельность «Collegium musicum», в котором с 1907 г. вел занятия приват-доцент А.Ф. Каль. Занятия в «Collegium musicum» шли параллельно с читаемым А.Ф. Калем курсом по истории музыки и заключались в исполнении студентами, вольнослушателями и вольнослушательницами вокальных и музыкальных произведений, относящихся к исторической эпохе, рассматриваемой на читаемом курсе, причем, как правило, исполнялись произведения редкие или никогда еще не исполнявшиеся (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 год... С. 122–123, 210).

⁴⁷⁰ Берков П.Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета (со сведениями о последующих сборниках) // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1. С. 101–102.

помнить и о том, что наиболее одаренные и успешно занимающиеся студенты вступали в науку еще до окончания университета, часто благодаря помощи и поддержке своих преподавателей: печатались в научных журналах, участвовали в работе «взрослых» научных обществ⁴⁷¹.

Духовная организация сознания студента рубежа веков во многом основывалась на общественных и политических ценностях, «вере в народ», в «товарищество». Таким образом, ориентиры иррационального порядка по отношению к собственной судьбе и карьере определяли стратегию жизненного пути, а иногда и смысл существования. Когда прежние идеалы рушились или тускнели, для многих жизненная ситуация становилась тупиковой. В МНП постоянно фиксировали случаи самоубийств, настрого запрещали отпевать самоубийц в университетской церкви⁴⁷² и волновались по поводу того, «не существует ли в поводах к самоубийствам <...> какой либо причины политического свойства»⁴⁷³. В каком-то смысле такие волнения были обоснованными. Как отмечается в литературе, трагическим итогом поражения революции 1905–1907 гг. стала волна юношеских самоубийств, продолжавшаяся до 1914 г. По предположениям прессы, в 1912 г. в Петербурге даже существовала «Лига самоубийц», в которой активное участие принимали и студенты университета⁴⁷⁴.

* * *

Подводя итог этому очерку, нельзя не сделать несколько предварительных замечаний относительно общей модели отношений между преподавателями и студентами.

⁴⁷¹ См. об этом, напр.: *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета... С. 132–133.

⁴⁷² Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 9 января 1894, №6, секретно // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 990. Л. 44–44об.

⁴⁷³ Директор департамента полиции — Министру народного просвещения, 7 января 1896 г., №142 // Там же. Л. 28.

⁴⁷⁴ См., напр.: *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества... С. 124–126; *Олесич Н.Я.* Духовная жизнь студентов... С. 369.

Университетское студенчество обладало солидным символическим капиталом с перспективой его трансфера в материальное благосостояние, это давало ему право ощущать себя избранной частью общества, обосновывать претензии на элитарность. С одной стороны, эти претензии были обусловлены принадлежностью большинства студенчества к привилегированным условиям, с другой стороны, в равной степени поддерживались властью, обществом и университетской корпорацией.

В то же время можно предположить, что патерналистская модель оставалась основной во взаимодействии студентов и преподавателей как в сфере образования, так и в сфере личного общения. В этой модели исключительно важен был личный контакт между преподавателем и студентом. Неслучайно, что часто лекции как форма преподавания играли в университете роль скорее презентации образа преподавателя, нежели места производства и передачи научного знания, с точки же зрения профессиональной подготовки «избранных» к научной деятельности основной формой занятий были семинары и научные кружки, где, разумеется, основной и лидирующей фигурой являлся руководитель. Обратной стороной патерналистской системы была крайняя зависимость преподавателей от студенческого общественного мнения. Потеря поддержки со стороны студенчества («питомцев») воспринималось профессурой как личная трагедия.

Можно предположить, что патерналистская модель имела двоякое воздействие на характер научной подготовки студенчества — снисходительное отношение к общей массе соседствовало с строгими требованиями и индивидуальными занятиями с избранными учениками, подготавливаемыми к «оставлению в университете», т. е. к роли «научной элиты». Неслучайно термин «университетская семья» постоянно присутствует в широком круге источников публичного назначения (речи профессоров, прокламации студенчества, некрологи, статьи по «университетскому вопросу» и т. п.). Действительно, университет мыслился как единая семья, что давало всем ее участникам определенные неформальные права (например, «нравственного суда» над про-

фессорами) и накладывало неформальные корпоративные обязательства — в частности, невозможность «предательства» (например, выдачи фрондирующих членов семьи «властям»). Те, кто отказывался следовать этой модели, оказывались в «семье» изгоями.

Взрослая «гражданская активность» преподавательской корпорации находила зеркальное отражение в студенческой активности, во многом копировавшим формы научной и социальной организации профессорского мира. С другой стороны, пройдя школу студенческой самоорганизации, университетские выпускники приобретали гражданские навыки, применяемые в дальнейшем как в рамках профессиональной корпорации, так и в «большом мире» за пределами университетских стен. В этом смысле университет выступал не только как центр производства структур гражданского общества, но и как место подготовки новых поколений российской интеллектуальной элиты, способной к творческой и общественной самоорганизации.

Итак, «избранные студенты», окончив университет, оказывались оставленными «для подготовки к профессорскому званию» и, если этот путь оказывался им по силам, через несколько лет входили полноправными членами в состав преподавательской корпорации, корпоративным традициям которой посвящена следующая глава.

Глава 4. Корпоративные традиции, солидарность и борьба

Следует помнить, что т. н. «академическая среда» (в которую, главным образом, входили преподаватели высших учебных заведений) в России на рубеже XIX–XX в. представляла собой весьма узкую социальную прослойку. Жизнь этой «касты избранных» имела сложное и многогранное устройство, далеко выходящее за формальные рамки академического взаимодействия, определенные существовавшими нормативными актами. Действительно, внутреннюю жизнь университетского мира определяли не только институциональные рамки, но и, вероятно, не в меньшей степени корпоративные традиции.

Обряд инициации нового члена корпорации начинался с процедуры «оставления при университете» «для подготовки к профессорскому званию», т. е. для написания магистерской диссертации. Этот ключевой момент в жизни будущего корпоранта был, прежде всего, связан с позиций профессора соответствующей кафедры, на которой оставался магистрант. Надо отметить, что лишь незначительное число окончивших российские университеты в 1880–1910-е гг. (в среднем 1–2%) оказывалось «оставленными», срок магистратуры составлял два года, но мог быть продлен по ходатайству совета факультета и университета¹. В этой ситуации для будущего диссертанта (а иногда и для профессора) сама процедура оставления носила зачастую психологически напряженный характер. В качестве примера приведем описание оставления в 1892 г. на кафедре русской истории выпускника И.И. Лаппо профессором С.Ф. Платоновым, которое сохранилось в дневнике Н.Н. Платоновой:

«Третьего дня (25го [октября 1892 г.]) под вечер к С[ергею] Ф[едоровичу] явился кончивший в Мае курс И.И. Лаппо — вне себя: летом он как-то был у С[ергея] Ф[едоровича], к[ото]рому показалось, что Лаппо хочется остаться при унив[ерсите]те; С[ергей] Ф[едорович] не рассчитывал

¹ См., напр.: *Каблуков И.А.* Как приобретали ученые звания в прошлое время // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. №9. С. 97.

его оставить и дал ему понять, что стипендий в ун[иверсите]те мало, а что оставление без стипендии по новым правилам влечет за собой так мало преимуществ, что не стоит его и домогаться. С[ергей] Ф[едорович] думал, что из этого разговора Лаппо должен был вывести заключение об отказе, но оказалось, что Лаппо, к[ото]рый клянется и божится, что до этого разговора не думал об оставлении, как раз понял этот разговор в том смысле, что С[ергей] Ф[едорович] хочет его оставить, и рассказал об этом своим домашним, (а, м[ожет] б[ыть], не одним им), 25го он явился к Карееву за программой и от него узнал, что о нем в заседании 24го числа не говорилось ни слова. Прямо от Кареева он явился к С[ергею] Ф[едоровичу] совершенно потрясенный и растерянный. С[ергею] Ф[едоровичу] стало так жаль его, что он вчера говорил с Помяловским об оставлении его, и это, кажется, устроится. По-видимому, всего больше Лаппо мучится мыслью, что могут подумать, будто он напросился на оставление»².

Разумеется, эту дневниковую запись следует интерпретировать с учетом характера дневника, писавшегося с расчетом на стороннего читателя³, а также личности его автора, профессора и его ученика: вероятно, С.Ф. Платонов сознательно разыграл комбинацию таким образом, чтобы при оставлении И.И. Лаппо не создавать прямой конкуренции другому, более перспективному своему ученику, также окончившему курс в 1892 г. — Н.П. Павлову-Сильванскому, и в результате И.И. Лаппо был формально оставлен уже с 1893 г. Однако независимо от справедливости таких вольных предположений несомненно одно: «оставление» играло поворотную роль в карьере начинающего ученого, а решение об этом принимал, прежде всего, «профильный» профессор факультета. Как правило, на оставление при университете мог претендовать только выпускник, получивший степень кандидата (а начиная с 1888 г. диплом «первой степени»); по этим формальным, но негласным соображениям желающим продолжить занятия наукой, но не по-

² Дневник Н.Н. Платоновой. 27 октября [1892 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 1об.–2об.

³ Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 273–274.

лучившим искомого диплома, иногда приходилось искать счастье в других университетах⁴.

Статус «оставленного на кафедре» давал возможность претендовать на получение стипендии и заграничные стажировки⁵, но, главное, возможность готовиться к сдаче магистерских экзаменов. Поскольку кредиты на «оставленных» были ограничены, начиная с 1890-х гг. стипендию получало избранное «меньшинство» магистрантов. Определение того, кому назначена стипендия, формально находилось в руках МНП (по представлению факультета и университета), но на практике зависело от профессора по соответствующей кафедре, и основным здесь было именно его отношение к ученику, а не научные заслуги или общественная репутация последнего. Например, благодаря настояниям И.М. Гревса МНП Л.А. Кассо назначает с 1914 г. стипендию Г.П. Федотову, недавно вышедшему из-под гласного полицейского надзора⁶. Бывали случаи, когда стипендию оставленному вносил частный жертвователь. Так, в 1911 г. профессор А.А. Шахматов внес в казначейство университета 600 рублей на выплату «стипендиального пособия» своему ученику С.П. Обнорскому, оставленному при университете⁷. Разумеется, оставление при университете и даже стипендия отнюдь не гарантировали успешное начало научной деятельности. По подсчетам МНП в Петербургском университете за период с 1890 по 1909 г. из 372 оставленных стипендиатов 187 далее перешло на другую службу, «не оправдывая доверия факультета», причем большинство их просто не сдало магистерских экзаменов⁸.

⁴ См., например, описание подобного казуса в письме А.С. Лаппо-Ланилевского, ходатайствующего за своего бывшего студента перед В.О. Ключевским (А.С. Лаппо-Данилевский — В.О. Ключевскому, 22 ноября 1904 г. // НИОР РГБ. Ф. 131. К. 32. Д. 39. Л. 1–1об.).

⁵ См., напр.: *Зипунникова Н.Н.* Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. №3 (24). С. 17–29.

⁶ *Антощенко А.В.* Годы магистерской подготовки Г.П. Федотова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. №138(1). С. 8

⁷ Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 29 сентября 1911 г., №31. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13415. Л. 117об.–118об.

⁸ Записка министра народного просвещения статского советника Кассо, переданная министру финансов статс-секретарю Коковцову [21 октября 1911] // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 200. Л. 5.

Действительно, следующий и ключевой после оставления этап научной инициации — *магистерские экзамены*. Как правило, сдача экзамена проходила в заседании соответствующего факультета и носила неформальный характер, председателем в заседании являлся декан. Такая процедура не просто являлась знакомством членов корпорации с магистрантом, но и способствовала его включению в академическое сообщество. Важен был не столько формальный результат экзамена, сколько то впечатление, которое производил магистрант на профессоров. Особое значение экзамены приобретали тогда, когда в университет поступал магистрант «со стороны». Например, осенью 1912 – весной 1913 г. блестяще сдал экзамен «петербургской исторической школе» Г.В. Вернадский — питомец Московского университета, который в результате был допущен к преподаванию до защиты магистерской диссертации⁹. Другой пример такого рода — магистерские экзамены, которые в 1915 г. сдавал в заседании факультета восточных языков С.Г. Елисеев, произвели такое впечатление на членов факультета, что открыли молодому ученому дорогу не только к приват-доцентуре (еще до получения магистерской степени), но и в элиту петроградских ориенталистов¹⁰. Иногда экзамены также превращались в научный диспут, что, впрочем, не всегда проходило для экзаменуемого безболезненно. Как справедливо отмечалось современниками, основная трудность магистерского экзамена заключалась в его «совершенной неопределенности», когда решение вопроса о том, признать ли экзамен удовлетворительным, было связано не с четкими критериями, равными для всех магистрантов, а оказывалось отдано на «усмотрение» профессора¹¹. Так, широко известен казус упомянутого Н.П. Павлова-Сильванского, который отказался пересдавать экзамен профессору Н.И. Карееву, негативно вос-

⁹ См.: Дворниченко А.Ю.: 1) Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа // Клио. 2013. №10. С. 88–91; 2) From US with love and care: феномен Георгия Вернадского // Клио. 2013. №12. С. 137.

¹⁰ Reischauer E.O. Serge Elisseeff // HJAS. 1957 (June). Vol. 20 (Studies presented to Serge Elisseeff, pt. 1). P. 18–19.

¹¹ Сергеевич В.И. О порядке приобретения ученых степеней // Северный вестник. 1897. №10. С. 2–3.

принявшему построения магистранта относительно «русского феодализма» и провалившему его на экзамене в апреле 1895 г.¹²

Приведенные выше примеры связаны с магистрантами историко-филологического факультета и восточных языков, аналогичное значение придавалось экзаменам у «оставленных» и на двух других факультетах. Так, Р.И. Сементковский, магистрант юридического факультета, вспоминал, как магистерские экзамены превращались в сведение счетов между профессорами, стремившимися завалить магистранта своего оппонента, что произошло и в его случае. Однако, по словам Р.И. Сементковского, ему удалось посрамить злонамеренного профессора в незнании литературы по предмету экзамена¹³. Сдававший экзамен в 1898 г. Б.В. Никольский искренне возмущался в дневнике, что он прошел, хотя и «очень успешно» для него, но буднично, и на нем не было «даже торжественной обстановки». Действительно, до этого Б.В. Никольский не только много времени готовился к экзамену содержательно, но и просчитывал «расклад сил» на факультете в отношении его в преддверье предстоящего ответа¹⁴. Не меньшее значение экзаменам придавалось на физико-математическом факультете. Например, профессор А.А. Иностранцев вообще отказывался принимать к защите диссертации у тех, кто не сдавал ему экзамен, поскольку именно последний позволял профессору «убедиться в подготовке диссертанта» и в некотором роде экзамен, таким образом, превращался в своеобразную «предзащиту», ибо «главные вопросы экзамена были направлены на темы, о которых уже раньше у экзаменуемого были работы»¹⁵.

¹² *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 623. Иная версия событий на экзамене Н.П. Павлова-Сильванского была изложена М.В. Клочковым (*Клочков М.В.* Николай Павлович Павлов-Сильванский (Некролог) // ИВ. Историко-литературный журнал. 1908. Ноябрь. С. 638); см. об этом: *Чирков С.В.* Историк русского феодализма: Николай Павлович Павлов-Сильванский // Историки России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 580–581.

¹³ *Сементковский Р.И.* Устав и наука (из университетских воспоминаний) // ИВ. 1911. Т. 123. С. 1010.

¹⁴ *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. 1896–1903. С. 139–141, 150.

¹⁵ Профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев / Подгот. текста В.В. Аркадьева, комм. В.А. Прозоровского и И.Л. Тихонова. СПб., 2014. С. 139.

Таким образом, хотя формальным пропуском в корпорацию был успех на научном диспуте, связанном с защитой магистерской диссертации, из приведенных выше примеров видно, что во многих случаях согласно Университетскому уставу 1884 г. молодой ученый, ищущий места приват-доцента, мог быть допущен к приват-доцентуре без защиты диссертации, на основании сдачи магистерских экзаменов (статистику по факультетам см. в главе 2). Отметим здесь и то обстоятельство, что для маститых, но «неостепененных» ученых с разрешения МНП делали особые исключения — в виду выдающихся ученых заслуг они допускались к преподаванию без всяких экзаменов (в качестве таких действительно редких примеров можно указать на классика русской библиографии и истории литературы С.А. Венгерова¹⁶, выдающегося библиографа Н.М. Лисовского¹⁷ и одного из основателей русской археологической школы А.А. Спицына¹⁸).

Магистерские и докторские диссертации после 1864 г. в обязательном порядке должны были быть представлены в соответствующий факультет в печатном виде, и, как отмечалось в историографии, требования как к объему, так и к содержанию работ постепенно росли во всех российских университетах¹⁹. Порядок магистерского и докторского диспутов был утвержден Министерством народного просвещения в 1864 г. и оставался фактически неизменным: защита осуществлялась в публичном заседании факультета, решение которого утверждалось Профессорским советом и фактически носило окончательный характер²⁰. Петербургский университет наряду с Московским

¹⁶ Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета за 27 января 1897 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1897 г. №53. СПб., 1898. С. 2.

¹⁷ [Отзыв о деятельности тайного советника Н.М. Лисовского Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета] // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 109. Л. 59–60об.

¹⁸ См. об этом: *Тихонов И.Л.*: 1) С.Ф. Платонов и А.А. Спицын // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 354; 2) «Интерес к археологии привился у меня в университете». А.А. Спицын // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2002–2005. Т. II. С. 100.

¹⁹ *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917. М., 1994. С. 145–150.

²⁰ См.: Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // Сборник постановлений по МНП. СПб., 1867. Т. III. Стлб. 636–643; Положение об испытаниях (на звание действительного студента и) на ученые степени (магистра, доктора) с Правилами о порядке испытаний на степень

выступал основным местом проведения таких диспутов²¹. При этом нам неизвестны случаи провалов диссертаций в факультетских заседаниях. Таким образом, решающую роль в этом отношении играло предшествующее публичному *закрытое* заседание факультетского Совета, которое принимало или не принимало диссертацию к защите; обязательным условием рассмотрения диссертации было наличие ее печатного издания, которое получали все профессора. Однако при принятии решения о допуске диссертации к защите, как правило, определяющей была опять-таки позиция наставника-профессора, который выступал одновременно и как основной оппонент своего ученика²². В этом смысле «варягам» было, как правило, защититься сложнее. Другое дело, что в тех случаях, когда бывший воспитанник корпорации «проявлял характер» и вступал в напряженные отношения с бывшими учителями, наиболее простым выходом для него была защита в Москве. Так, например, по этой причине известный биолог К.Н. Давыдов обе свои диссертации (магистерскую в 1909 и докторскую в 1915 г.) защищал в Московском университете²³. Аналогичная ситуация сложилась с не менее известным химиком (будущим академиком) приват-доцентом В.А. Кистяковским, магистерская диссертация которого в 1896 г. не была принята к защите физико-математическим факультетом и который был вынужден обе диссертации защищать в Москве²⁴. Историко-политические разногласия «демократа» В.И. Семевского с его учителем «консерватором» К.Н. Бестужевым-Рюминым, послужили основанием для отказа историко-филологического фа-

магистра в Санкт-Петербургском университете и Программу экзаменационных требований по политической экономии на степень магистра истории. СПб., 1904. С. 6–9. §20–29.

²¹ Сандерс Т. Третий оппонент: Защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С. 161–192.

²² См., напр., об этом: Скворцов А.М. Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М.С. Куторги // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. №9. С. 451–468.

²³ Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. М., 1963. С. 66–69, 74–76.

²⁴ См.: Фигуровский Н.А., Романьков Н.И. Владимир Александрович Кистяковский. 1865–1952. М., 1967. С. 3–38, 50.

культета В.И. Семеvскому в принятии диссертации к защите и опять-таки в ее вынужденном переносе в Московский университет²⁵.

Отметим, что в любом случае влияние государства на принятие диссертационных решений являлось минимальным. Неслучайно, что российская интеллигенция воспринимала диспуты (особенно по гуманитарным наукам) как настоящие общественные явления, собиравшие зачастую полный актовый зал²⁶. Т. Сандрес видит в диспутах один из инструментов образовательной и культурной политики, с помощью которого правительство реализовывало свои планы превращения России в ведущую европейскую державу, элита которой отвечала бы соответствующим культурным и образовательным требованиям²⁷. В самом общем смысле с этим выводом можно согласиться, однако следует иметь в виду и то обстоятельство, что диссертационные споры не только способствовали становлению корпоративной идентичности, но и являлись важным фактором формирования независимой от власти интеллектуальной элиты. Неслучайно одним из первых значимых актов советского режима в сфере научно-образовательной политики стала отмена ученых степеней и связанных с ними диспутов.

Многие диспуты впоследствии становились важными объектами корпоративной памяти, «обрастали воспоминаниями», становились ключевыми событиями в истории той или иной науки, системы корпоративных отношений. О диспутах по гуманитарным и социальным дисциплинам обычно делали подробные репортажи в газетах, а в ряде случаев они становились полями общественно-политических баталий²⁸. В качестве примера такого диспута, взволновавшего петербургскую публику в 1888 г., укажем на докторскую защиту Н.Д. Сергеевского, представившего диссертацию «Наказание в русском праве XVII века». Интрига тут заключалась в том, что Н.Д. Сергеевский

²⁵ См. об этом, напр.: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи... С. 155–157. См. также в главе 7.

²⁶ См., напр.: *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994. С. 129.

²⁷ *Сандерс Т.* Третий оппонент: Защиты диссертаций и общественный профиль... С. 191–192.

²⁸ См. об этом, напр.: *Sanders T.* The Chechulin Affair or Politics and nauka in the History Profession of Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* 2001. Bd. 49. H. 1. S. 2–22.

был экстраординарным профессором и первым назначенным деканом факультета — оппонировал ему коллега по кафедре уголовного права ординарный профессор И.Я. Фойницкий. Основным пунктом возражений оппонента стало «политическое» обвинение в том, что Н.Д. Сергеевский оправдывает антигуманный и «нелиберальный» принцип «групповой ответственности», применявшийся в русском праве XVII в. В условиях общественной ситуации конца 1880-х гг. М.М. Боровитинов, один из учеников и первых биографов Н.Д. Сергеевского, описывает диспут следующим образом:

«22 мая 1888 г. при огромном стечении публики происходил докторский диспут Сергеевского. Такого стечения народа университетские старожилы не помнили. Прения носили самый оживленный, страстный характер. Под пикание одних и гром аплодисментов других Николай Дмитриевич Сергеевский был провозглашен доктором уголовного права»²⁹.

Несмотря на фактическую предрешенность результатов, диспуты привлекали публику своей интригой, возможностью не только публичного спора, но и публичного конфликта внутри ученой корпорации. В рамках установившейся драматургии диспута основная опасность для диссертанта исходила все же не от официальных, а от неофициальных оппонентов. Типичный случай такой защиты по зоологии, проходившей в 1880-е гг. на физико-математическом факультете, описывает Б.Б. Глинский, который был весьма далек от науки, в области которой проходила защита, но, услышав от приятеля о предстоящем критическом отзыве на диссертацию приват-доцента Б.В. Михайлова, пришел посмотреть защиту:

«Сама по себе и тема диссертации и самый диспут в сущности для неспециалиста не представляли особенного интереса и вялые возражения официальных оппонентов навевали скуку и сон. Сначала шли незначительные замечания о деталях, а затем следовали обычные комплименты трудолюбию молодого ученого и интересу для науки разработанной им темы. Но вот на приглашение декана, обращенное к публике, не имеет ли кто сделать свое возражение, выступил Михайлов <...> Михайлов говорил, отчеканивая и подчеркивая каждое слово, направляя смысл его и на

²⁹ Боровитинов М.М. Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и общественная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1910. С. 45–46.

своего противника, и по адресу присутствующей коллегии, для которой появление “из публики” оппонента, да притом компетентного в дебатирваемом вопросе и насмешливого-злого явно не доставляло большого удовольствия. Окончив свою речь, и признав за диссертацией признаки научной негодности, Михайлов <...> покинул зал, не ожидая решительного приговора факультетского синклита, точно желая показать, что этим приговором он не интересуется и знает его цену наперед»³⁰.

Другой известный в литературе пример — уничтожающая критика на диспуте 1887 г. докторской диссертации приват-доцента П.И. Георгиевского со стороны неофициального оппонента В.Г. Яроцкого, который сравнил ее с курсовым студенческим сочинением и отметил, что «нельзя не отнестись с недоразумением к тому факту, что сочинение г. Георгиевского принято как докторская диссертация, несмотря на отсутствие в нем научного метода и самостоятельности»³¹. После такого выступления свою собственную диссертацию неофициальный оппонент вынужден был защищать в Москве³².

Действительно, за магистерской степенью могла последовать докторская — однако ее роль в научной карьере все же была не столь значительна, многие магистры обретали профессию, а некоторые и действительное членство в Академии наук, не защитив докторскую диссертацию. Отражением этой ситуации были дискуссии как в академической, так и в правительственной среде, большинство участников которых склонялись к переходу к системе с одной научной степенью³³. В некоторых случаях корпорация осознанно шла на компромисс, допуская к докторскому диспуту слабую диссертацию ученого, которому нужно было защититься по «мотивам служебного порядка» и в профессионализме которого, тем не менее, не сомневалась. Правда, в этом случае диспутант должен был быть готов к публичной и беспощадной

³⁰ Глинский Б.Б. Среди литераторов и ученых. Пг., 1914. С. 190–191.

³¹ Цит. по: Дмитриев А.Л. Василий Гаврилович Яроцкий // Очерки по истории финансовой науки / Под ред. В.В. Ковалева. М., 2009. С. 479–489.

³² Дмитриев А.Л. Финансист и экономист В.Г. Яроцкий // Реформы и право. 2009. №2. С. 74.

³³ См. Объяснительная записка к проекту Устава Императорских Российских университетов [Пг., 1916]. С. 36–39.

критике³⁴. Впрочем, и принижать значения докторской степени не следует — на психологическом уровне она воспринималась как гарантия положения в науке и обществе³⁵. Незаслуженное с точки зрения научной элиты присуждение докторской степени могло обернуться скандалом. Так, вызвавший широкий критический резонанс докторский диспут историка Н.Д. Чечулина (1896), походивший на историко-филологическом факультете Петербургского университета, спровоцировал полемику о необходимости изменения всей системы присуждения ученых степеней³⁶. С другой стороны, в тех случаях, когда выдающееся значение представленной к защите работы было очевидно, факультет мог с согласия МНП сразу принять диссертацию к защите в качестве докторской (как это было, например, с диссертацией талантливого химика В.Н. Ипатьева)³⁷.

Разумеется, надо подчеркнуть (см. выше главу 2), что в различных областях знания роль докторской степени была различной — если в одних случаях она носила почти факультативный характер, то в других была фактически обязательным условием успешной научной карьеры. Эта ситуация находила отражение в периодически возникающих дискуссиях по поводу прав «исправляющих должность» профессоров (как отмечено выше, эта «приставка» к должности означала, что у профессора нет докторской степени). Так, при обсуждении правил избрания выборщиков от университета в Государственный совет некоторые профессора (прежде всего физико-математического факультета, где традиционно требовалась докторская степень для обретения профессуры) пытались ограничить права «исправляющих должность», одна-

³⁴ Тищенко В.Е. [Воспоминания о Д.И. Менделееве] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. М., 1973. С. 44–45.

³⁵ См., напр.: Никольский Б.В. Дневник... Т. 1. 1896–1903. С. 130.

³⁶ См.: Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. №2. С. 150.

³⁷ Кузнецов В.И., Максименко А.М. Владимир Николаевич Ипатьев. 1867–1952. М., 1992. С. 30–31.

ко такая попытка была решительно отвергнута абсолютным большинством Совета, принадлежавшем к гуманитарным факультетам³⁸.

Сдача магистерских экзаменов, присвоение ученой степени давали несомненное право на получение приват-доцентуры. Однако это «право» еще не означало, что корпорация автоматически позволит им воспользоваться новоиспеченному магистру. В ряде случаев преподавательская карьера завершалась, не успев начаться. Ответственным делом, особенно для молодого ученого, была подготовка и чтение первой вводной лекции, которая читалась в присутствии профессоров и преподавателей университета, студентов разных курсов, часто широкой публики. Успех или неудача вступительной лекции в дальнейшем служили предметом многочисленных спекуляций и даже интриг, как это было, например, на вступительной лекции историка И.П. Сенигова, содержание которой его противники по факультету попытались максимально использовать для научной дискредитации своего оппонента³⁹. Другой известный пример — неудавшаяся вступительная лекция И.С. Продана, провал которой предопределил не только отказ претенденту в приват-доцентуре по кафедре философии, но и пожизненную вражду с профессором А.И. Введенским⁴⁰. Если же лекция удавалась, это было счастливое событие в жизни начинающего приват-доцента. В подробностях и с упоением описывает свой успех во вступительной лекции в 1899 г. Б.В. Никольский:

«Внимание было полное, напряженное; интерес общий и несомненный; я видел и ощущал, как нежится их внимание на моих наглядных, ярких и простых мыслях. Я чувствовал, как им всем хочется меня слушать. В этом я не ошибаюсь, моего опыта мне достаточно. Из профессоров были Сергеевич, Яроцкий, Ефимов, Гольмстен, Лебедев, Петражицкий, Каминка, Гримм. Специально слушать приехали Ефимов, Петражицкий и Яроцкий. С аудиториями явились Сергеевич и Гримм.

³⁸ [Выписка и протокола заседания Совета С.-Петербургского университета, 22 сентября 1908 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 37–38об.

³⁹ Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и Кружок русских историков // АЕ за 1999 г. М., 2000. С. 136; Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 72–73.

⁴⁰ См.: Ермичев А.А. Скверный анекдот или Дело двух профессоров // Вопросы философии. 2014. №7. С. 90–101.

Впечатление лекция несомненно произвела. Аплодисменты разом грянули густым треском со всех сторон. С разных концов что-то кричали, — вероятно, что-нибудь лестное»⁴¹.

Последовательная и системная деятельность отдельных профессоров, связанная с «селекцией» учеников, имела ключевое значение со схолярной точки зрения — оставление для подготовки к профессорскому званию, наделение магистранта стипендией, допуск ученого к приват-доцентуре стали основой для формирования научных школ в разных отраслях знания. Так, ученики профессора А.Н. Коркина составили основу петербургской математической школы⁴², ученики А.М. Бутлерова — школу в области химии⁴³, ученики В.А. Стеклова — в области математической физики⁴⁴, ученики А.Х. Гоби — в области ботаники⁴⁵, ученики С.Ф. Платонова — в области русской истории⁴⁶ и т. п.

Для профессоров и университетской культуры в целом связь «учитель — ученик» имела и глубоко личный смысл. Сквозь призму учительства и ученичества не только мыслилась история науки и корпорации, но и свое место в ней. Иллюстрацией этой мысли вполне может быть благодарственная речь слависта В.И. Ламанского, обращенная к ученикам в связи с чествованием 25-летия его ученой деятельности (с середины XIX в. — одна из устоявшихся университетских коммемораций): «Провозглашая себя громко моими учениками, вы утешаете и ласкаете меня отрадную надежду: ученики ваши и ученики их учеников, вспоминая о вашей деятельности, быть может, когда-нибудь и меня, как вашего старого дядьку, помянут с благодарностью за то

⁴¹ Никольский Б.В. Дневник... Т. 1. 1896–1903. С. 308.

⁴² История кафедры математики с очерком истории кабинета практической механики 1918 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 35. Л. 68–78.

⁴³ Фаворский А.Е. А.М. Бутлеров как глава школы русских химиков. Л., 1929.

⁴⁴ Владимиров В.С., Маркуш И.И. Академик В.А. Стеклов. М., 1973. С. 53

⁴⁵ История кафедры ботаники [1918] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 35. Л. 33–36; Генкель П.А. Христофор Яковлевич Гоби. М., 1976. С. 85–150.

⁴⁶ См.: Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Истории России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 538–552; Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997; Ходяков М.В. «Университет — для науки». С.Ф. Платонов // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. III. С. 136–152; Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М., 2010.

уже одно, что вы меня так любили». К.Я. Грот, приводя в брошюре, посвященной памяти В.И. Ламанского эти слова учителя, отмечает: «Эта надежда сбылась еще при жизни Владимира Ивановича. Во втором “Новом Сборнике”, изданном в его честь учениками в 1905 г. по случаю его 50-летнего юбилея [научной деятельности] приняли участие и ученики его учеников, его, так сказать духовные внуки»⁴⁷. Другой знаменитый профессор (а затем и академик) факультета восточных языков П.К. Коковцов «почти каждый раз на лекции в университете и дома вспоминал своего учителя Д.А. Хвольсона», ссылаясь на его авторитетную позицию по поводу того или иного сюжета⁴⁸. Разумеется, поведение В.И. Ламанского и П.К. Коковцова выглядело не вполне ординарно, слишком акцентуировано, поэтому и привлекало внимание современников, но, что характерно, оно воспринималось ими как вполне допустимое и позитивно характеризующее этих профессоров, т. е. в полной мере отвечало базовым установкам ментальности университетской корпорации.

Допуск в мир «избранных» означал не только обретение нового социального статуса и формальных привилегий, но и возможность посещения многочисленных неформальных профессорских салонов. Особую популярность имели салоны известных в обществе профессоров и приват-доцентов — для начала XX в. укажем на приемы у историка и социолога М.М. Ковалевского, юриста Н.С. Таганцева, историка-медиевиста И.М. Гревса, антиковеда Э.Д. Гримма, литературоведа С.А. Адрианова и других членов корпорации. Яркие картины этих вечеров рисует мемуаристика. Разговоры на таких вечерах велись предельно откровенные, без всяких опасений. Например, И.В. Егоров, в советские годы видный общественный и политический деятель, ученый, а в 1900 – начале 1910-х гг. студент историко-филологического факультета, присутствовавший на одном из таких вечеров у

⁴⁷ Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг., 1915. С. 18. Ср.: Малинов А.В. Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. №8. С. 68.

⁴⁸ Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет // Юзбашиян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964. С. 142.

С.А. Адрианова (в качестве его секретаря), вспоминал, как ректор Э.Д. Grimm «под влиянием винных паров, стал на чем свет стоит поносить Николая II», заявив, что «ждет не дождется», когда императора «задушат Преображенские солдаты»⁴⁹.

Бывали случаи, когда такие «корпоративные обеды» были обязательны. Так было, например, в случае того же магистерского или докторского диспута. Диссертант по традиции должен был организовать обед, на который приглашались декан, оппоненты и близкие ему люди. Как правило, такой обед проводился в ресторане, но иногда и на квартире диспутанта. На обеде, согласно традиции, один из профессоров произносил речь, полную шуточных замечаний о диспутанте и об оппонентах⁵⁰. Из мест собраний профессоров, расположенных недалеко от университета, можно отметить ресторан Кинча на углу Большого проспекта и 1-ой линии Васильевского острова. По воспоминаниям В. Вересаева, «туда часто заходили по вечерам профессора университета поужинать, выпить бутылку вина или пива», иногда там проходили и «застольные» беседы профессора со своими учениками⁵¹. Другое место «отдыха» профессоров — знаменитые рестораны «Донон» и «Бродячая собака». Ресторан «Донон» располагался во дворе дома №24 по набережной р. Мойки и был одним из любимых мест профессорских вечеринок, в том числе по случаю магистерских и докторских банкетов⁵². «Бродячая Собака» — известное литературно-артистическое кабаре, помещавшееся в 1911–1915 гг. в доме на Михайловской площади (угол Итальянской ул.), было задумано как кабаре «исключительно для артистов, художников и литераторов»⁵³, однако фактически превратилось в один из основных центров встречи художественной и гуманитарной интеллигенции 1910-х гг. Из преподавателей университета его частыми посетителями были искусствовед

⁴⁹ Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Л., 1980. С. 125.

⁵⁰ Лосский Н.О. Воспоминания... С. 129.

⁵¹ Вересаев В.В. Воспоминания // Вересаев В.В. Собрание сочинений в 5 тт. М., 1961. Т. 5. С. 202.

⁵² См., напр.: Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной)... С. 55.

⁵³ См.: «Бродячая собака» // Манфред III. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг. Словарь. М., 2004. С. 32.

М.А. Головань, историк А.Е. Пресняков, литературовед С.А. Адрианов, историк М.А. Полиевктов и другие «гуманитарии»⁵⁴.

Наиболее видное место в культуре университетских коммемораций с 1830-х гг. — со времен ректорства И.П. Шульгина — традиционно занимали ритуалы *университетских годовщин* (которые связывались с указом 8 февраля 1819 г. об основании университета). В этот день в собрании преподавателей и студентов (иногда в присутствии министра народного просвещения и августейших особ) одним из профессоров делался ежегодный доклад о деятельности университета за истекший год, далее следовал публичный научный доклад одного из профессоров, исполнение гимна «Боже, Царя храни», устраивались торжественный молебен в университетской церкви, чаепитие профессоров у ректора, благотворительный обед бывших студентов (собиравший средства в пользу студентов нынешних), многочисленные неформальные вечеринки различных групп универсантов⁵⁵. Как вспоминал Н.Н. Черепнин, впоследствии знаменитый композитор, а в начале 1890-х гг. студент юридического факультета университета:

«Продолжался и заканчивался день нашего праздника, увы, всегда более или менее неблагоприятно, уже по ту сторону Невы, под гостеприимным кровом ресторанов, пивных, закусочных лавок и других им подобных учреждений <...> Отдельные группы бывших студентов собирались в этот день для совместной трапезы по “выпускам”, к которым они принадлежали»⁵⁶.

Однако в пореформенное время эти общеуниверситетские празднества, объединяющие две основных составляющих университетского мира — преподавателей и студентов, — постепенно превращаются в места памяти русского освободительного движения и ежегодно сопровождаются революционными выступлениями студенчества. В результате с начала 1900-х гг. университетская администрация регулярно отменяет публичное празднование го-

⁵⁴ Егоров И.В. От монархии к Октябрю... С. 123.

⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 475. О годичных актах в университетах. Ср., напр.: Груздева Е.Н. С.Ф. Платонов и С.В. Рождественский // Памяти академика С.Ф. Платонова... С. 363.

⁵⁶ Черепнин Н.Н. Санкт-Петербургский университет моего времени (1891–1895) // Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 117.

довщин, а дата, которая некогда объединяла универсантов, становится одним из раздражителей университетской жизни⁵⁷.

Безусловно, роль университетского преподавателя, в особенности «штатного», отнимала у ученого немало времени, связанного с подготовкой и чтением учебных курсов, с занятиями со студентами. С другой стороны, она же давала возможность создания школы, воспитания учеников. Статус университетского профессора обеспечивал и ряд чисто академических преимуществ. Вот, как например, рассуждал о своей возможной отставке В.Г. Васильевский, отслуживший к тому времени (1887 г.) в университете искомые 25 лет:

«Хорошо было бы больше досугу и предаться своим ученым недозаконченным и только предположенным занятиям, но, пожалуй, и в этом отношении будет невыгодно порвать с университетом; потому что не будешь иметь под рукою университетской библиотеки и возможности выписывать и покупать, что нужно <...> Затем следуют соображения о материальных интересах. На первый раз кажется, что больших потерь от отставки нет, но не есть ли место в университете самое прочное, и не сопряжены ли с большим риском всякие другие расчеты на “заработку” литературными трудами, на прочность положения в Ученом комитете [МНП]? И т. д. и т. д.»⁵⁸.

Итак, допуск в академическую корпорацию был непростым, но зато, оказавшись в ее рядах, человек приобретал определенный пожизненный социальный статус. Однако принадлежность к корпорации, разумеется, означала и зависимость ее членов от установленных в ней правил и норм, а также подчинение ее традициям. Например, в ряде случаев ректор регулировал и личную жизнь членов корпорации. Так ректору И.Е. Андриевскому пришлось разбираться в семейной жизни упомянутого выше (см. главу 1) при-

⁵⁷ См. об этом: *Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. №4. С. 89–99. См. также главы 7–8.

⁵⁸ Цит. по: *Герд Л.А.* В.Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 67.

ват-доцента П.А. Сырку, побуждая последнего выплачивать алименты жене и детям⁵⁹.

Жизнь в среде «избранных», как не печально, как и везде, заканчивалась смертью. В исследованиях, посвященных университетской коммеморативной культуре, отмечается, что «университетские люди основали в России традицию произнесения надгробных речей, предгробных прощальных приветствий и университетских эпитафий»⁶⁰. Ритуал похорон, в общем, был одинаков — профессора провожала в последний путь корпорация во главе с профессорской элитой и ректором. Однако похороны университетских деятелей иногда превращались в явление общественное по своему существу. Например, среди похорон, превращавшихся в общегородские манифестации (и потому широко описанных в прессе), можно указать на похороны Д.И. Менделеева и М.М. Ковалевского. Приведем, например, описание похорон М.М. Ковалевского, которое отражает в целом порядок проводов в последний путь популярного университетского деятеля: «В день похорон 26 марта 1916 г. с самого раннего утра на Моховой улице, где жил покойный, начал прибывать народ и к моменту выноса тела, к 10-ти часам утра, улица представляла собой море человеческих голов <...> Преобладало студенчество. Прибыло несколько делегаций от различных учебных заведений и учреждений. В 10 часов гроб был вынесен на руках членом ГД Е.П. Ковалевским, проф. Д.Д. Гриммом, ректором Петроградского Университета Э.Д. Гриммом, акад. Д.Н. Овсяннико-Куликовским, проф. А.С. Постниковым и др. и на руках же его понесли в церковь св. Симеония и Анны (на Моховой). Здесь было совершено отпевание ректором Академии епископом Анастасием <...> грандиозная траурная процессия двинулась с Моховой по Фонтанке к Невскому просп. Гроб несли на руках студенты. Студенты же для поддержания порядка

⁵⁹ См. переписку по этому поводу между ректором и начальником канцелярии по принятию прошений на Высочайшее имя гр. Н.Ф. Гейденом, в чьем введении оказалось прошение жены Сырку и урегулирование их семейного дела (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 6–11,13).

⁶⁰ Вишленкова Е. Коммеморативная культура российского университета XIX века // Пути России. Историализация социального опыта / Том XVIII. Новое литературное обозрение. М., 2013. С. 593.

образовали живую цепь вокруг гроба и многочисленных колесниц с венками. Пел студенческий хор. <...> По улицам, где двигалась процессия, пришлось приостановить движение трамваев и экипажей: улицы были запружены народом. Люди толпились на балконах и в окнах домов...»⁶¹.

Конечно, похороны такого видного общественного деятеля, как М.М. Ковалевский, случай особый — покойный играл совершенно исключительную роль не только в профессорской элите, но и в либеральном движении. В этой связи описание этих похорон любопытно сравнить с похоронами далекого от политики известного историка литературы и этнографа А.Н. Веселовского, скончавшегося в 1906 г. По воспоминаниям современника:

«На выносе присутствовало много народа с [министром] Кауфманом, [вице-президентом Академии наук] Никитиным, [ректором] Боргманом во главе. В университетской церкви, где происходило отпевание было довольно много студентов, едва ли, однако, создававших кого хоронят; по крайней мере мне передавали слышавшие такие диалоги между студентами: “А что Веселовский читал? — Что-то по литературе. — По какой? Отстань, пожалуйста; я почему знаю?”»⁶².

Были случаи, когда устраивались «межвузовские» похоронные коммеморации. Так, например, случилось в январе 1907 г. после кончины Н.А. Меншуткина, последние годы жизни состоявшем профессором в Политехническом институте, но до этого более трети века прослужившего в университете. Сначала панихида и траурные речи были проведены в актовом зале Политехнического института. Затем кортеж с гробом покойного ученого двинулся из Сосновки в направлении университета — процессия состояла из нескольких сотен политехников, профессора и студенты несли гроб на руках, за гробом следовали духовенство и студенческий хор Института. У Биржевого моста гроб был передан студентам университета, которые доставили его в университетскую церковь. Здесь вновь была проведена панихида, причем

⁶¹ Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 259–260. Ср.: *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005. С. 56.

⁶² *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах / Сост. Б.В. Ананьич. СПб., 2010. Т. 1. 1906–1909. С. 81.

церковь и примыкающие к ней помещения не могли вместить всех желающих присутствовать. Протоиерей университетской церкви, профессор В.Г. Рождественский, в своей речи о заслугах покойного перед университетом. После панихиды гроб на руках вынесли профессора университета. Затем до Смоленского кладбища двинулась грандиозная совместная процессия, состоящая из учащихся и учащихся двух высших учебных заведений — причем гроб несли попеременно и профессора и студенты Политехникума и университета. У могилы на кладбище звучали прощальные речи представителей разных научных и образовательных учреждений⁶³.

За могильной чертой участие выдающихся членов корпорации в ее жизни не прекращалось. Это были не только многочисленные некрологи, сборники статей памяти ученого и коммеморации, связанные с датами рождения и смерти. Общей практикой было увековечивание памяти посредством присвоения имен ушедших ученых самым различным объектам университетского имущества и научной жизни, как то: Бородинская биологическая станция, исследовательское судно «Александр Ковалевский», общество при университете им. М.М. Ковалевского, столовая им. О.Ф. Миллера, журнал им. И.М. Сеченова, семинарий им. В.Р. Розена и т. п. В помещениях университета также неуклонно росло и число портретов окончивших земной путь профессоров.

Разумеется, венцом этой практики стала организация музея Д.И. Менделеева, настоящий культ которого стал формироваться еще при его жизни. Представление бывших коллег ученого о выделении средств на организацию музея было составлено прочувствованно и патетически: «Великие, гениальные люди рождаются столетиями. Принадлежа всему человечеству, они составляют гордость и славу родной страны. Хранить память великих соотечественников — священная обязанность потомков. Признаваемое при жизни их значение еще яснее выступает после их смерти. Для оценки личности и

⁶³ Николай Александрович Меншуткин [1842–1907. Некролог и речи при погребении]. СПб., 1907 (Отт. из «Журнала Русского физико-химического общества». 1907. №2. С. 280–285).

деятельности великих умов, сошедших в могилу, становятся важны не только их печатные труды, не изданные рукописи, письма, заметки, но даже мелкие подробности личной жизни и домашней обстановки»⁶⁴. В отличие от большинства деятелей эпохи образ Д.И. Менделеева, сформированный в массовом сознании, уже в начале посмертной судьбы ученого носил консенсусный характер — в качестве положительного персонажа и великого ученого Д.И. Менделеев был органично вписан в различные версии российской истории (впоследствии эта тенденция только укрепилась)⁶⁵. В этом смысле интересы власти, либеральной общественности и университета редким образом совпали. С высочайшего одобрения с подачи премьера П.А. Столыпина на организацию музея и покупку библиотеки у наследников ученого в обход обычного порядка выделения государственных кредитов в кратчайшие сроки было найдено финансирование⁶⁶. Интересно, что попечителю А.А. Мусину-Пушкину, который пытался первоначально изыскать деньги на реализацию ходатайства университета в его собственных «специальных средствах» и замедлил предоставление соответствующего ходатайства в МНП, министр А.Н. Шварц «поставил на вид» ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, подчеркнув, что «библиотека и предполагаемый к учреждению при С.-Петербургском университете музей имени Д.И. Менделеева в соответствии со своей ценностью должны составлять государственное достояние, а не частную собственность университета»⁶⁷.

⁶⁴ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — министру народного просвещения, 30 января 1910, №2092 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 7.

⁶⁵ См., напр.: Цыпкин Д.О., Шибаев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н., Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржешевская А.Ю., Росугубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А. Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ. СПб., 2009. С. 163–164.

⁶⁶ Председатель Совета министров — Министру народного просвещения, 21 января 1910 г., №379 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 1–1об.; Председатель Совета министров — Министру народного просвещения, 13 февраля 1910 г., №861 // Там же. Л. 17; Министр народного просвещения — Председателю Совета министров, 17 февраля 1910 г. №4528 // Там же. Л. 15–16; Министр финансов — Министру народного просвещения // Там же. Л. 23; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 10 февраля 1911 г., №6 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 80об.–81; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 24 февраля 1911 г., №7 // Там же. Л. 99об.–100.

⁶⁷ Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 21–22.

Внутренняя жизнь корпорации основывалась не только на ее формальной институциональной структуре, корпоративных традициях и коммеморациях, но и на сложной системе межличностных коммуникаций, природа которых, разумеется, была различной, но, как правило, связанной с «отношениями» внутри поколений ученых, формировавшихся в эпоху научной юности. В качестве примера формирования механизма таких коммуникаций укажем на поколение университетских гуманитариев, вступивших в науку в 1880-х – начале 1890-х гг. Многие в будущем активные деятели и члены этой корпорации вышли из Научно-литературного общества при университете, которое было основано в 1882 г. под руководством профессора О.Ф. Миллера. Формально установленной целью общества было «содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивая научные рефераты и литературные чтения; предпринимая переводы иностранных научных сочинений и издание в виде сборников или отдельных брошюр лучших студенческих диссертаций и научно-литературных статей, приискивая научно-литературные занятия студентам, принимающим участие в деятельности общества; выписывая научные и научно-литературные журналы и наиболее необходимые для университетских занятий сочинения для пользования своих членов»⁶⁸. По воспоминаниям В.И. Вернадского, Общество объединило несколько отдельных кружков, а задача за ним виделась вполне идеалистическая — «поддержать общестуденческий дух, при усиленной *научной* работе — свести людей различных факультетов и различных научных интересов и приучить их работать вместе во имя Университета и его интересов»⁶⁹. Интересно, что вскоре после возникновения Общества произошло так называемое «дело Лелонга». Суть его заключалась в том, что студент В.К. Лелонг распространял слухи о том, что «общество имеет первую целью борьбу с революционерами, а потому весьма выгодно быть его членом, так как аристо-

⁶⁸ Устав «студенческого Научно-литературного общества» // РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1004. Л. 6.

⁶⁹ *Вернадский В.И.* [Воспоминания о И.А. Клейбере] // *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве / Отв. ред. С.Н. Жидовинов, Ф.Т. Яншина. М., 1997. С. 107.

краты-учредители впоследствии помогут сделать хорошую карьеру»⁷⁰. Измышления В.К. Лелонга вызвали всеобщее возмущение и специальное собрание Общества, на котором была принята «антикарьеристская» резолюция, после чего часть заподозренных в неблаговидных целях «аристократов» (князя А.А. Ливен, В.П. Голицын, графы А.А. Бобринский, А.Ф. и Д.Ф. Гейдены и др.) Общество покинула⁷¹. Интересно, правда, что оппозицию аристократам возглавляли студенты не менее знатного происхождения — Ф.Ф. Ольденбург и кн. Д.И. Шаховской⁷². Однако, как впоследствии оказалось, и после ухода «аристократов» членство в Обществе сыграло немалую роль в карьере и в характере будущих профессиональных отношений между его членами. Наиболее ярко это проявилось в гуманитарной сфере, так как деятельность «естественного отдела» Общества, где главенствовал А.И. Ульянов, со временем стала своеобразным прикрытием революционной работы.

Научные же занятия в Обществе студентов-гуманитариев способствовали формированию в его недрах двух кружков, в дальнейшем сыгравших существенную роль в формировании как научных школ факультета, так и отношений внутри его преподавательской коллегии, — это либеральный и философствующий «Ольденбургский кружок» (лидерами которого были братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, А.А. Кауфман, М.И. Свешников, И.М. Гревс, А.С. Лаппо-Данилевский)⁷³ и выросший из числа студентов, посещавших «вторники» К.Н. Бестужева-Рюмина и «среды»

⁷⁰ Цит. по: Казакевич Р.А., Мандель С.З. Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX века: Студенческое Научно-литературное Общество Петербургского университета. Л., 1967. С. 11.

⁷¹ Там же. С. 12

⁷² Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // РМ. 1916. Кн. VIII. С. 54.

⁷³ Подробнее см.: Там же. С. 49–86; Гревс И.М.: 1) За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. №12. С. 60–62; 2) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: опыт истолкования души // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 58–59; Аничков Е.В. Устав 1884 года и студенчество на перепутьи (Из личных воспоминаний) // Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков. Париж, 1934. С. 50–55; Корзун В.П. Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 257–258; Вахромеева О.Б. «Русский демократ-интеллигент». Д.И. Шаховской // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. III. С. 158–159.

Е.Е. Замысловского, умеренный по политическим взглядам, ориентированный на практическую работу «Кружок русских историков» (во главе с С.Ф. Платоновым и при участии Е.Ф. Шмурло, С.В. Рождественского, Н.П. Лихачева, А.Е. Преснякова, Н.Д. Чечулина и многих других)⁷⁴. Противостояние, начавшееся в это время, в дальнейшем во многом сформировало как расстановку сил в научном мире «петербургской исторической школы», так и внутрикорпоративные отношения на историко-филологическом факультете, а отчасти и «партийные» отношения между «кадетами» и «консерваторами» в университетском мире в 1900–1910-е гг.⁷⁵

Сила таких неформальных структур, как «Кружок русских историков», сказалась, например, при организации Исторического общества при Санкт-Петербургском университете⁷⁶ в 1889 г., когда, по словам А.С. Лаппо-Данилевского, «председателем (чуть ли не по науськиванию почтеннейшего Платонова и К^о) избран Васильевский»⁷⁷, несмотря на то, что основным организатором Общества был Н.И. Кареев. Обида Н.И. Кареева была настолько велика и демонстративна, что В.Г. Васильевский счел необходимым заявить, «что в виду встретившихся в Комитете затруднений при распределении обязанностей между его членов, он слагает с себя возложенное звание»⁷⁸. За председателем в отставку подал весь Комитет. После проведения повторных выборов (В.Г. Васильевский был избран без баллотировки) Комитет был избран почти в прежнем составе (только вместо В.Г. Дружинина оказался избран Н.А. Меншуткин), затем В.Г. Васильевский и С.Ф. Платонов отказались

⁷⁴ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 167 (В.Г. Дружинин). Оп. 1. Д. 7. Л. 42. См.: *Кареева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 225; *Трибунский П.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина // *Клио*. 2013. №12. С. 124.

⁷⁵ См. подробнее: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 53–113.

⁷⁶ См.: *Кононова Н.Н.* Историческое общество при Петербургском университете // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1961–1989. Т. 2. С. 138–151; *Слонимский А.Г.* Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // *Ученые записки ист. ф-та Таджикского гос. ун-та*. Душанбе, 1974. Вып. I. С. 22–41; *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // *АЕ* за 1974 год. М., 1975. С. 43–44.

⁷⁷ Цит. по: *Слонимский А.Г.* Возникновение Исторического общества... С. 33.

⁷⁸ Протокол второго (экстренного) собрания членов учредителей // *Историческое Обозрение*. 1890. Т. 1. С. 18. отд. паг.

от звания членов Комитета. Вместо них были избраны В.Г. Дружинин и А.С. Лаппо-Данилевский, при этом последний занял один из ключевых постов секретаря Общества⁷⁹.

Молодой историк, студент, а затем магистрант факультета А.Е. Пресняков с самого начала тяготился необходимостью маневрировать, как он сам писал, «изворачиваться между Платоновым и Лаппо-Данилевским»⁸⁰, бывшими в 1890-е гг. неформальными лидерами в среде петербургских историков-русистов «нового поколения». В одном из его писем (17 марта 1894 г.) читаем следующие строки: «Толковали мы [с С.Ф. Платоновым — *Е.Р.*] о “кружковщине”, у нас ведь все лагеря друг друга не выносящие, хотя ни в чем в сущности серьезно не противоположные. Все это мелко и нехорошо. Я говорил с задней мыслью, п.[отому] что предполагал /а после узнал достоверно/, что Платонов недоволен тем, что я бываю у Лаппо-Данилевского. Выпили мы с ним за столом за уничтожение кружковщины. Эта злосчастная кружковщина и вчера обсуждалась. Зло это неискоренимое»⁸¹. Вскоре А.Е. Пресняков даже предпринял попытку «примирить» враждующие партии. Она произошла на банкете, следовавшем за докторским диспутом Г.В. Форстена в марте 1894 г. Вот как А.Е. Пресняков описывал ситуацию на этом банкете в письме к матери: «Затянулось собрание надолго. Сперва разговаривали кружками. До смешного делились на партии. В зале сидел Кареев с 2–3 неуниверситетскими, в кабинете в одном углу Платонов с кружком “русских историков”, а в другом Гревс со стариками. Лаппо-Данилевский держался больше студентов. Такое деление мне надоело и с помощью Форстена мы попытались перемешать публику, но безуспешно. В 11 часов пошли закусывать, потом еще с час сидели в кабинете и тогда толь-

⁷⁹ См., подробнее: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I. С. 132–135.

⁸⁰ А.Е. Пресняков — матери, 23 октября 1894 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 87об.

⁸¹ А.Е. Пресняков — матери, 17 марта 1894 г. // Там же. Л. 23. См. об этом также: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Руковод. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 132–134.

ко пошли ужинать. И тут сели по всем правилам местничества. Стол стоял так, т. е. три стола: с одного конца сидели кончающие студенты с А.С. Лаппо-Данилевским, потом старший — Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, с нами Форстен, рядом с ним пустой стул, и на противоположном конце — Гревс с Кареевым. Мне это глаза кололо и я завел с Платоновым разговор по душе, о причинах такого деления. Он был необыкновенно искренен: и вообще такой был душевный, что совсем меня тронул. Он разъяснил мне, что кружки — его и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками: те — дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т. е., Платоновцы. разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личною дружбой, а не каким-нибудь общим *credo* связанные между собой. По характеру ума они скептики — недовольные ныне господствующими порядками, не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности — равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же»⁸². Возможно, под воздействием этого разговора С.Ф. Платонов вскоре предложил тост, который А.Е. Пресняков описывает далее в своем письме следующим образом: «Платонов <...> предложил чудный искренний тост, который должен будет иметь серьезные последствия — тост за выработку полной и тесной солидарности членов факультета, на которой держится та факультетская традиция,

⁸² А.Е. Пресняков — матери, март 1894 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 26–27об.

которая вырабатывает молодежь в хорошем направлении. Увы! один Лаппо-Данилевский с противоположного конца стола пришел чокнуться; конечно молодежь и друзья Платонова с восторгом приняли тост. А Кареев, и что обидно — Гревс... ну, Бог с ними. Лишь бы Лаппо понял, что приняв протянутую руку, он принял на себя известное обязательство. Платонов убежден, что Лаппо сделал это сознательно, а в него он и целил»⁸³. Разумеется, молодой А.Е. Пресняков был весьма наивен и «банкетная история» несколько не снизила противостояние партий на историко-филологическом факультете⁸⁴.

Следует отметить, что подобного рода сообщества университетской молодежи, определявшие коммуникативную сферу ученых близких поколений, существовали и в естественно-научной среде. Наиболее ранним по времени возникновения было студенческое Математическое общество («математические беседы», «математический кружок»), действовавшее с конца 1870-х гг., из которого вышли такие ученые, как И.И. Иванов, С.Е. Савич, А.С. Домогаров, Д.А. Граве, А.И. Вышнеградский, Б.М. Коялович и другие (со второй половины 1880-х гг. формальным руководителем «бесед» был проф. А.А. Марков)⁸⁵. В качестве другого яркого примера укажем на общество «маленьких» или «молодых ботаников», организованное в 1880-е гг. учениками профессора А.Н. Бекетова и действовавшее при университетском обществе естествоиспытателей⁸⁶. Так же как и «русские историки», «молодые ботаники» были связаны и со Студенческим научно-литературным обществом при университете, но составляли отдельный дружеский научный

⁸³ Там же. Л. 28об.–29. Об этом эпизоде см. также: Дневник Н.Н. Платоновой. 4 апреля 1894 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 43. Ср.: Цамутали А.Н. А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников // Клио. 2013. №12. С. 137; Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 83–84.

⁸⁴ См. об этом, напр.: Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа...; Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши... протекли... врозь» (К истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 313–332.

⁸⁵ См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1887 год. СПб., 1888. С. 36.

⁸⁶ См.: Вернадский В.И. Из прошлого // Профессор Андрей Николаевич Краснов. Харьков, 1916. С. 99–100.

кружок, собиравшийся, как правило, на частных квартирах, где читались научные рефераты. Среди его участников — И.П. Бородин, М.С. Воронин, Д.И. Ивановский, А.А. Рихтер, А.Н. Краснов, Н.Н. Кузнецов, Р.Э. Регель, Г.И. Танфильев, В.Л. Комаров, Н.А. Максимов и другие впоследствии известные ученые. Эти университетские контакты оказали значительное влияние на их дальнейшую профессиональную судьбу⁸⁷. В те же 1880-е гг. стараниями приват-доцента В.В. Лермантова образуется и еще аналогичный кружок «младших физиков», в который входили М.А. Шателен, Б.Л. Розинг, А.С. Попов, Н.Н. Георгиевский, А.А. Петровский, В.К. Лебединский и многие другие впоследствии видные ученые⁸⁸. В 1890-е вокруг профессора Д.П. Коновалова формируется «маленькое химическое общество» («Химический семинарий»), среди участников которого А.А. Байков, Д.Х. Завриев, В.А. Яковлев, Б.Н. Меншуткин, Е.В. Бирон, М.С. Вревский, С.В. Лебедев и другие⁸⁹.

Таким образом, неформальные и «возникавшие снизу» организации научной молодежи (избранные студенты, магистранты, лаборанты, молодые приват-доценты) играли незаметную, но немалую роль в университетском мире, не просто занимая нишу между студенческим кружком и «взрослыми» научными обществами, но также являясь местом формирования длительных поколенческих профессиональных и корпоративных связей.

Несомненной чертой университетского сообщества была предельная корректность в официальном корпоративном общении. Возможно, И.М. Сеченов несколько преувеличивал, когда вспоминал о том, что «посещая аккуратно заседания факультета и совета, я за все одиннадцать лет

⁸⁷ См., напр.: Максимов Н.А. Научная деятельность А.А. Рихтера // Труды Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева. М.; Л., 1949. Т. VI. Вып. 2. Памяти академика А.А. Рихтера. С. 12–13; Гвоздецкий Н.А. В.Л. Комаров. М., 1953. С. 8. Бекетова М.А. Устройство Ботанического сада. Профессорство // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2013. Вып. 3. С. 191–192; Паутов А.А., Бубырева В.А. Кафедральные хроники // Вестник СПбГУ. Серия 3. 2013. Вып. 3. С. 12–13.

⁸⁸ Золотинкина Л.И., Урвалов В.А. Изобретатель радио, основоположник радиотехники. А.С. Попов // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. III. С. 86.

⁸⁹ Соловьев Ю.И., Кипнис А.Я. Дмитрий Петрович Коновалов. М., 1964. С. 162; Макареня А.А. Малое химическое общество при Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1959. Серия физики и химии. Т. 22. Вып. 4. С. 140–145.

[1876–1888 — *E.P.*] не был свидетелем ни там, ни здесь ни единого враждебного столкновения, ни единого грубого слова»⁹⁰. Однако в целом это замечание верно передает характер столичной университетской традиции — острые дискуссии, конфликтные голосования происходили в строго определенных рамках. Действительно, даже все внутрикорпоративные битвы проходили с соблюдением негласных этических норм. Упомянутая выше коллизия в отношениях А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова является тому ярким примером. Если в дружеском и близком кругу два лидера «петербургской исторической школы» позволяли себе довольно резкие высказывания друг о друге, то в публичном дискурсе и официальной переписке ситуация была прямо противоположной. А.С. Лаппо-Данилевский стал соавтором весьма лестного отзыва о трудах С.Ф. Платонова с рекомендацией его в члены-корреспонденты Академии наук⁹¹, С.Ф. Платонов не только публично рекомендовал студентам «слушать приват-доцента» А.С. Лаппо-Данилевского, но и поддерживал его учеников. Характерна, например, позиция С.Ф. Платонова относительно магистерского диспута одного из старших учеников А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Веретенникова. В 1910 г. С.Ф. Платонов дважды пересылал письмо В.И. Веретенникова с просьбой об организации диспута А.С. Лаппо-Данилевскому, отказываясь делать какое-либо заключение о работе «ученика А.С. Лаппо-Данилевского». При этом С.Ф. Платонов был готов выступить вторым оппонентом, полностью положившись на мнение А.С. Лаппо-Данилевского⁹². А.С. Лаппо-Данилевский же в осторожных выражениях пытался выяснить мнение С.Ф. Платонова по существу диссертации до диспута⁹³. В результате диспут прошел успешно в декабре 1910 г.⁹⁴

⁹⁰ Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1907. С. 159.

⁹¹ Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Латышев В.В. Записка о ученых трудах С.Ф. Платонова // ИАН. 1910. VI серия. Т. IV. С. 34–35; Канцелярия Академии наук. Об избрании почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук в 1909 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1909. Д. 14. Л. 17–17об.

⁹² С.Ф. Платонов — А.С. Лаппо-Данилевскому, 1910 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1831. Л. 2; СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 286. Л. 3–4. См. также письма В.И. Веретенникова С.Ф. Платонову по поводу диспута, где В.И. Веретенников, отвечая С.Ф. Платонову, специально излагает положительное заключение А.С. Лаппо-Данилевского относительно своего сочинения (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2488. Л. 4–9). Ср.: Вязигин А.С. Разные аршины. К вопросу о замещении университетской кафедры. Харьков, 1914. С. 6.

⁹³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 15. Л. 1–2.

Еще одна особенность дореволюционной корпоративности — крайне настороженное отношение к ученым, решившимся на административную карьеру даже по части Министерства народного просвещения. Наихудшим образом у университетских корпораций складывались отношения с министрами и товарищами министра народного просвещения, вышедшими из профессорской среды, — А.Н. Шварцем, Л.А. Кассо, М.А. Таубе. Согласно воспоминаниям К.Д. Давыдова, В.Т. Шевяков — видный биолог и популярный профессор, — приняв пост товарища министра народного просвещения, поплатился не только осуждением коллег, но и разрывом внутрисемейных отношений. Его тесть, академик и бывший университетский профессор, О.А. Ковалевский не только сразу выгнал В.Т. Шевякова из своей зоологической лаборатории Академии наук, но и порвал с ним всякие личные отношения. «Как променять профессуру и любимую им лабораторию на такой пост! Перейти в лагерь угнетателей науки и просвещения! И это муж моей дочери!...» — сокрушался академик⁹⁴. Любопытно, что эти измышления К.Д. Давыдова, являвшегося учеником как О.А. Ковалевского, так и В.Т. Шевякова, очевидно, не соответствуют действительности, поскольку В.Т. Шевяков стал товарищем министра через десять лет после смерти О.А. Ковалевского. Игры памяти, однако, вполне могут отражать систему ценностей, господствующую в корпорации. В ее рамках даже родственные отношения с властью предержащими казались предосудительными. По воспоминаниям современников, особые страдания в 1900–1910-е гг. испытывал профессор П.К. Коковцов, чей двоюродный брат В.Н. Коковцов стал министром финансов, а затем председателем Совета министров. Профессор специально обходил стороной, ту улицу, на который жил чиновный родственник, чтобы никто не подумал, что он может посетить министра. На занятиях же

⁹⁴ Объявление о публичной защите диссертации Веретенникова В.И. 8 декабря 1910 г. // Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Оп. 1. Д. 447. Л. 144.

⁹⁵ Давыдов К.Н. А.О. Ковалевский как человек и как ученый (воспоминания ученика) // Труды института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1960. Т. 31. С. 362.

П.К. Коковцов не устал внушать студентам, что его фамилия звучит не «Кокóвцов», как называли сановника, а «Коковцóв»⁹⁶.

Одной из граней корпоративной солидарности являлись внешние сношения корпорации с различными высшими учебными заведениями и учеными учреждениями. Особый интерес в этом контексте представляют взаимоотношения университета с высшим «ученым сословием» России — Императорской академией наук. Действительно, ряд членов корпорации (В.В. Бартольд, А.М. Бутлеров, В.П. Васильев, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский, М.С. Воронин, М.А. Дьяконов, В.К. Ернштедт, И.М. Жданов, В.М. Истрин, В.Н. Ипатьев, В.И. Ламанский, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Ковалевский, П.К. Коковцов, А.А. Марков, Н.Я. Марр, П.В. Никитин, Н.К. Никольский, В.И. Палладин, В.Н. Перетц, В.Р. Розен, М.И. Ростовцев, А.И. Соболевский, В.А. Стеклов, А.А. Шахматов и др.), как известно, совмещал членство в Академии с преподаванием в университете в должностях профессоров и приват-доцентов, продолжая работать в Академии на должностях сотрудников академических лабораторий (см. главу 2). Однако случаи, когда служащие Академии (и одновременно члены университетской корпорации) переносят свои университетские предприятия в Академию, чрезвычайно редки. Известным исключением в этом отношении является А.С. Лаппо-Данилевский, занимавший обособленное положение в среде историко-филологического факультета. Так, А.С. Лаппо-Данилевский перенес в Академию свои предприятия, связанные с разработкой дипломатики частных актов, начатые в университетском семинарии⁹⁷, привлекал Академию к отдельным проектам русской секции Исторического общества при университете, которым руководил⁹⁸.

⁹⁶ Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет... С. 143.

⁹⁷ Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частноправовых актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 1–7; Приймак Н.И. Вопросы теории источниковедения в работах отечественных исследователей XIX – начала XX в. Статьи разных лет. СПб., 2015. С. 82–83.

⁹⁸ См.: Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1912 г. [СПб., 1913]. §410.

На первый взгляд, внешние «протокольные контакты» между двумя учреждениями были многочисленны. Так, например, представители Академии регулярно получали официальные приглашения на акт 8 февраля⁹⁹. Академия также получала протокольные приглашения (и отвечала протокольными приветствиями) на различные университетские юбилеи, например, юбилей Неофилологического общества в 1910 г.¹⁰⁰ Другой пример подобных контактов — периодически Библиотека университета через преподававших в нем академиков (П.В. Никитина, А.С. Лаппо-Данилевского) просила о выделении ей отдельных академических изданий¹⁰¹ (аналогичные просьбы адресовали и научные общества¹⁰², университетские семинарии¹⁰³, факультетские «кабинеты для чтения»¹⁰⁴, кружки¹⁰⁵). Совет, ректор университета или декан соответствующего факультета информировали Академию о вакантных кафедрах¹⁰⁶, присуждаемых университетом премиях¹⁰⁷. В этой связи можно указать и на периодические обращения в Академию по различным вопросам научного сотрудничества обществ, состоящих при университете, например,

⁹⁹ См., напр.: Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1891 г. [СПб., 1892] §24; Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1892 г. [СПб., 1893] §26; [Протоколы заседаний физико-математического отделения императорской Российской академии наук за 1893 г. [СПб., 1894]. §56; Протоколы заседаний общего собрания императорской Российской академии наук за 1899 г. [СПб., 1900]. §26, 37.

¹⁰⁰ Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1910 г. [СПб., 1911]. §42.

¹⁰¹ Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1903 г. [СПб., 1904]. §14; Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1907 г. [СПб., 1908]. §86; Протоколы заседаний отделения исторических наук и филологии императорской Российской академии наук за 1916 г. [Пг., 1917]. §247. С. 133.

¹⁰² См., напр.: Протоколы заседаний физико-математического отделения императорской академии наук за 1906 г. [СПб., 1907]. §102.

¹⁰³ См., напр.: Протоколы заседаний отделения русского языка и словесности императорской Российской академии наук за 1908 г.. СПб., [1909]. §CLXI. С. 39, §CCXXXII. С. 62; Протоколы заседаний отделения русского языка и словесности императорской Российской академии наук за 1910 г. СПб., [1911]. §CCXXIV. С. 65; Протоколы заседаний Отделения русского языка и словесности императорской академии наук за 1911 г. СПб., [1912]. §CCXXXII. С. 58.

¹⁰⁴ Протоколы заседаний отделения русского языка и словесности императорской Российской академии наук за 1916 г. Пг., 1918 §279. С. 76.

¹⁰⁵ Протоколы заседаний общего собрания императорской Российской академии наук за 1906 г. [СПб., 1907]. §233; Протоколы заседаний отделения русского языка и словесности Российской академии наук за 1917 г. Пг., 1918. §54. С. 19.

¹⁰⁶ См., напр.: Протоколы заседаний отделения исторических наук и филологии императорской Российской академии наук за 1916. [Пг., 1917]. §211. С. 121; Протоколы заседаний отделения исторических наук и филологии Российской академии наук за 1917 г. [Пг., 1918]. §308. С. 216.

¹⁰⁷ См., напр.: Протоколы заседаний общего собрания императорской академии наук за 1909 г. [СПб., 1910]. §149; Протоколы заседаний Историко-филологического отделения императорской академии наук за 1914 г. [СПб., 1915]. §259. С. 128.

Императорского общества естествоиспытателей, которое вступило в переписку с Академией по поводу сохранения «остатков мамонта», найденных во Владимирской губернии¹⁰⁸, или совместно с Академией принимало участие в международной выставке по мореведению в 1907 г. в Бордо¹⁰⁹. В 1908 г. состоялось соглашение между университетским Обществом естествоиспытателей и Академией о передаче в ведение Академии ископаемых костей пермских животных, добытых и добываемых в бассейне Северной Двины, которые затем были переданы в Минералогический и Геологический музей Академии — общая смета по раскопкам и исследованию этой коллекции превышала огромную для того времени сумму 200000 руб.¹¹⁰

В то же время в отношениях между двумя учреждениями всегда существовала известная дистанция даже в организационно-технических вопросах. В качестве примера укажем на официальную просьбу декана историко-филологического факультета Ф.А. Брауна, адресованную непременно секретарю С.Ф. Ольденбургу, о «бесплатном предоставлении членам факультета издаваемых академией трудов по отделениям историко-филологическому и русского языка и словесности». Общее собрание постановило передать декану, что академия «охотно удовлетворяет просьбы отдельных лиц из состава факультета», однако исполнение его просьбы в «виде общей меры» не представляется удобным «в виду частных изменений в составе факультета»¹¹¹. На практике такой ответ означал, что профессора университета, которые в своем большинстве не стали бы в индивидуальном порядке обращаться за бесплатным экземпляром академических изданий, его лишались. В университет, в

¹⁰⁸ Протоколы заседаний физико-математического отделения императорской Российской академии наук за 1897 г. [СПб., 1898]. §324.

¹⁰⁹ Протоколы заседаний физико-математического отделения императорской Российской академии наук за 1908 г. [СПб., 1909]. §183.

¹¹⁰ См.: Протоколы заседаний физико-математического отделения императорской Российской академии наук за 1914 г. [Пг., 1915]. §393. С. 159–160; [Карпинский А.П., Вернадский В.И.] О ассигновании кредита на содержание Галереи Северо-Двинских раскопок, производимых проф. Амалицким. I приложение к протоколу VIII заседания физико-математического отделения 30 апреля 1914 года (к §393) // Там же. С. 172–176.

¹¹¹ Протоколы заседаний общего собрания императорской Российской академии наук за 1908 г. [СПб., 1909]. §181.

свою очередь, поступали ходатайства Академии, связанные с ее интересами, и реакция на них была похожей. Так, в декабре 1908 г. по инициативе академика А.А. Шахматова, который, кстати, в это время являлся приват-доцентом университета, общее собрание возбудило ходатайство перед начальством университета о передаче из его архива в библиотеку Академии двух архивных собраний, содержащих материалы по истории русской литературы XIX в.¹¹² Ректор передал дело на рассмотрение историко-филологического факультета, который передавать материалы в Академию не спешил, постановив «отложить обсуждение вопроса» до составления описи этих собраний (по поводу чего образовалась соответствующая комиссия во главе с И.А. Шляпкиным, и дело «заглохло»)¹¹³.

Вопросы совершенствования системы университетского образования, разумеется, не были чужды академикам. Однако их влияние на правительственную линию и на политику профессорских коллегий было невелико. Так, в 1909 г. общее собрание в целом поддержало инициативы Общества библиотековедения, изложенные в специальной записке «О мерах для улучшения постановки дела в русских академических библиотеках», направив благоприятные отзывы о записке, в том числе и в Совет Петербургского университета. Однако, как и ожидала Академия, ключевое положение записки, связанное с учреждением при университетах кафедр библиотековедения, встретило решительные возражения со стороны Профессорского совета столичного университета¹¹⁴. Другим примером могут служить усилия, предпринятые академиками в 1911 г., когда Академия безуспешно ходатайствовала перед МНП об учреждении в русских университетах кафедр финно-угорских языков и древностей¹¹⁵.

¹¹² Там же. §208.

¹¹³ Протоколы заседаний общего собрания императорской Российской академии наук за 1909 г. [СПб., 1910]. §41.

¹¹⁴ Там же. §124, 203; Протоколы заседаний общего собрания императорской Российской академии наук за 1910 г. [СПб., 1911]. §92.

¹¹⁵ Протоколы заседаний историко-филологического отделения императорской Российской академии наук за 1911 г. [СПб., 1911]. §202.

Конечно, можно предположить, что ограниченный и формальный характер институциональных контактов университетской корпорации с Академией и другими учебными и научными центрами отчасти был предопределен административными рамками, в которых приходилось существовать научным учреждениям. Однако основной причиной фактического отсутствия совместных межинституциональных научных проектов, на наш взгляд, были те представления об университетской автономии, которые господствовали в сознании корпорации.

Таким образом, мы вполне уверенно можем говорить о том, что академическое сообщество столичного университета рубежа XIX–XX вв. составляло социальную группу с устойчивыми корпоративными признаками: формальной и неформальной иерархией, общей системой ценностей и понятий, объединенной внутренней идентичностью, традиционными коммеморациями и коллективной памятью. Но вместе с тем, разумеется, нельзя забывать о том, что преподавательская корпорация оставалась частью столичного «общества» и в полной мере связывала себя с его интересами и стремлениями — об этом следующая глава.

Глава 5. «Борьба за культуру» и социальный контекст

Разумеется, своеобразная «кастовость» в организации общения и быта универсантов отнюдь не означала замкнутости творческой и общественной деятельности в рамках корпорации конкретных ученых. Напротив, абсолютное большинство профессоров и преподавателей университета совмещали работу в его стенах с той или иной формой внеуниверситетской деятельности. Выше мы уже указали на одну из причин такого положения — необходимость поиска дополнительного заработка. Однако была, на наш взгляд, и другая причина, связанная с идеей служения обществу, которая, как известно, являлась базовой установкой всего русского интеллигентского мировоззрения. Стоит напомнить, что начало XX века обоснованно рассматривается в литературе как эпоха становления «гражданского общества» в России; в этой связи поднимается и вопрос о роли элиты и интеллигенции в его формировании¹. Действительно, представители профессуры столичного университета принимали участие в целом ряде общественно значимых проектов. Примечательно, что для некоторых членов корпорации, например, М.М. Ковалевского участие в таких общественных проектах было важнее других видов деятельности². С нашей точки зрения, можно выделить четыре основных сферы участия представителей университетской корпорации в общественной жизни Петербурга: средства массовой информации, академиче-

¹ См., напр.: *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 161–165; *Хильдермайер М.* Общество и общественность на закате Царской Империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // *Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича.* СПб., 2003. С. 216–223; *Ляровский А.Б.* Частная и общественная жизнь петербургской интеллигенции 1907–1914 гг.: Проблема самоидентификации. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 12–15; *Дравнина Е.Ю.* Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864–1917 гг. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 13–15; *Никс Н.Н.* К вопросу о формировании гражданской идентичности российской профессуры второй половины XIX – начала XX в. (на примере Москвы) // *Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы* / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 19–35; *Bradley J.* Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // *The American Historical Review.* 2002. Vol. 107. No.4. P. 1094–1123; *Andrews J.* Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. Texas A & M University Press, 2003. P. 26–35; *Kaplan V.* «From soslovie to voluntary associations». New patterns of collective identities in late Imperial Russia // *Cahiers du monde russe.* 2010/2. T. 51. P. 369–396.

² *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 413.

ская жизнь города, образовательные и социальные проекты, культурная и светская жизнь. Разумеется, четкую грань между общественными институтами, связанными с той или иной названной сферой активности университетской интеллигенции, провести сложно, и это деление довольно условное, проведенное нами с целью более удобной систематизации материала.

Трудно представить себе петербургскую прессу без «перьев» профессоров и приват-доцентов столичного университета. Примечательно, что, предоставляя отчеты о своей деятельности за истекший год, многие профессора и приват-доценты указывали свои выступления в периодической печати, не имеющие порой со «строгой наукой» ничего общего. Особенно много в газетной прессе печатались представители юридического факультета, профессиональные знания которых были в большей степени востребованы массовым читателем. В основном, конечно, это были газеты и журналы либерального направления («Право», «Слово», «Страна», «Полярная звезда», «Вестник народной свободы», «Утро России» и т. п.). Среди постоянных газетных авторов — профессора и приват-доценты юридического факультета А.А. Жижиленко, В.Н. Латкин, В.Ф. Дерюжинский, В.А. Лебедев, И.Х. Озеров, А.И. Каменка, А.Г. Тимофеев и многие другие³. Невозможно представить себе «ландшафт» петербургской журналистики первых десятилетий XX в. и без таких университетских деятелей, как профессор юридического факультета М.М. Ковалевский, издатель и один из редакторов «Вестника Европы», автор многочисленных публикаций в «Русских ведомостях» и «Биржевых Ведомостях»⁴. Несколько отставали от перечисленных представители историко-филологического факультета (А.Е. Пресняков, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский и др.). Среди преподавателей этого факультета одним из самых активных газетных авторов был профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ. Его

³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год. СПб., 1907. С. 127–128, 133; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год. СПб., 1908. С. 180–182.

⁴ На этом посту М.М. Ковалевский сменил в 1909 г. М.М. Стасюлевича, тоже, кстати, бывшего профессора Петербургского университета (*Арсеньев К.К.* М.М. Ковалевский // Максим Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917 [1918]. С. 57–58).

литературные и публицистические статьи появлялись в петербургских газетах, будучи адресованы массовому читателю, — в газетах «Народное хозяйство», «Наша жизнь», «Товарищ», «Русь», «Двадцатый век», «Речь», «Биржевые ведомости», а также в польском еженедельнике «Kraj», выходившем в Петербурге⁵. Профессиональная специфика физико-математического факультета в большей степени предполагала удовлетворение запросов читающей публике в соответствующих областях. В этом смысле, обращаясь к массовому читателю, преподаватели этого факультета, так или иначе, отвечали его запросам, в том числе и на научное знание. Например, приват-доцент физико-математического факультета Б.П. Вейнберг редактировал с 1907 г. научно-популярный журнал «Природа в школе»⁶. К этому же жанру можно отнести многочисленные научно-популярные брошюры, которые печатались в изданиях «для народа», в частности, в известной серии «Библиотека общественной пользы». Среди массы популярной литературы попадались и работы, освещавшие самые разные аспекты жизни Петербурга — от экологии до городского хозяйства — и в этом смысле претендовавшие на то, чтобы вызвать соответствующий интерес горожан. Например, в 1906 г. лаборант кабинета физической географии В. Шипчинский напечатал в журнале «Общества охранения народного здоровья» статью «Влияние города Петербурга на теплопрозрачность лежащего над ним воздуха»⁷, а в упомянутой серии «Библиотека общественной пользы» вышла брошюра приват-доцента юридического факультета М.А. Курчинского «Муниципальный социализм» (задачи городского хозяйства)⁸.

Среди проектов, важных для академической жизни города, прежде всего, надо указать на деятельность ряда научных обществ, существовавших как

⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 90.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм (Задачи городского хозяйства). СПб., 1906. См. также другую его книгу той же тематики: *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм и развитие городской жизни. СПб., 1907.

при университете, так и вне его стен. Остановимся вначале на наиболее крупных научных обществах, существовавших *при* университете. Здесь надо оговориться, что формально связь Обществ с университетом (после ходатайства профессорского Совета об их учреждении) ограничивалась предоставлением отчетов о своей работе (что, кстати, делалось также далеко не всегда⁹) и проведением заседаний в стенах университета; некоторые общества также получали от университета небольшие субсидии. На практике, однако, большинство Обществ было тесно связано с академической работой университетских профессоров, являясь одновременно центрами притяжения научной общественности Петербурга и других городов России в стены университета. При этом важно подчеркнуть, что во всех известных нам Обществах рассматриваемого периода большинство членов не принадлежало к числу университетских преподавателей. Основной формой деятельности большинства Обществ была организация научных и просветительских докладов разнообразной тематики. Для избрания в члены какого-либо научного Общества необходимы были рекомендация одного (или нескольких) из его членов и положительное голосование по соответствующей кандидатуре Совета или Общего собрания. Отметим, что на практике это требование не являлось существенным препятствием для пополнения состава ряда обществ, насчитывавших иногда несколько сотен человек. Одной из причин такого широкого допуска неуниверситетской публики в эти Общества было стремление руководства обществ собрать деньги на финансирование их деятельности за счет членских взносов. Существенно и то, что заседания многих обществ носили часто открытый для публики характер, а доклады на них могли делать лица, формально в обществах не состоящие¹⁰.

⁹ Во всяком случае, отчёты целого ряд научных Обществ в «Отчетах университета» либо не публиковались, либо публиковались нерегулярно (см.: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1916 гг. СПб. [Пг.], 1885–1916).

¹⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11184. Уставы состоящих при СПб Университете обществ и положения об испытаниях на ученые степени. Л. 3–82.

В области естественных наук наиболее известно Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, существовавшее при университете с 1868 г.¹¹ и состоявшее в начале XX в. под председательством в.кн. Александра Михайловича. Фактическое руководство Обществом осуществляли профессор А.А. Иностранцев (президент), профессор И.В. Палладин и приват-доцент Ф.Е. Тур (в разное время секретари). А.А. Иностранцев, состоявший также профессором Бестужевских курсов, Технологического института, Военно-Медицинской академии, Академии генерального штаба, был одним из основателей геологического образования и геологических исследований в России¹², средоточием которых было Общество, направлявшее экспедиции в разные районы страны. Действительно, в этот период Общество осуществляло деятельность по всей России, имея более 400 действительных членов, в числе которых, кроме членов физико-математического факультета, были практически все видные петербургские ученые, специалисты в области ботаники (1-е отделение), зоологии, физиологии (2-е отделение), геологии и минералогии (3-е отделение), не входящие в число формальных работников университета — это, прежде всего, преподаватели Горного, Лесного и Политехнического институтов, сотрудники Геологического комитета, других ученых учреждений города. Председателем отделения ботаники, например, являлся академик И.П. Бородин, организовавший впоследствии (1915) на его базе Русское Ботаническое общество, а председателем отделения зоологии и физиологии приват — доцент Н.М. Книпович, вынужденный покинуть университет в 1899 г. и работавший впоследствии в том числе преподавателем Педагогических курсов Фребелевского общества¹³. Успехам многочисленных

¹¹ См.: Обзор деятельности Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования (1868—1893). СПб., 1893. Об общественном значении деятельности Общества см., напр.: *Andrews J. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia...* P. 28—29.

¹² Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956. Т. 3: Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895—1817 / Отв. ред. Б.М. Кочаков. С. 610.

¹³ См.: Устав Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9934. Л. 62—66об. См. также материалы отчетов Университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 год. СПб., 1906. С. 67—69, 83—85; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 153—157; Отчет о со-

предприятий Общества способствовали правительственные и университетские пособия, которые оно получало на проведение экспедиций; Общество даже было в состоянии само присуждать ученые премии. В 1890 г. учреждена первая такая премия — имени заслуженного профессора К.Ф. Кесслера, в 1902 г. — премия имени А.Я. Герда, в 1910 г. — имени А.О. Ковалевского, наконец, в 1912 г. — имени А.Н. Бекетова¹⁴. При обществе была организована Экскурсионная комиссия, в задачу которой входило оказание помощи молодым естествоиспытателям и две биологических станции (на Мурмане и острове Селигер)¹⁵. Некоторые проекты Общество осуществляло при помощи других ученых и хозяйственных учреждений. Например, в постройке и оснащении судна «Александр Ковалевский» для Мурманской биологической станции помимо университета приняли участие Политехнический институт и Отдел торгового мореплавания¹⁶. Результаты научной деятельности Общества естествоиспытателей и его членов нашли отражение в издаваемых Обществом «Протоколах» и «Трудах». Каждый том «Трудов» имел подзаголовок, отражающий профиль соответствующего отделения Общества: «Отдел Геологии», «Ботанический журнал», «Отдел зоологии»¹⁷. В этот период это были ведущие отечественные периодические издания в данных областях.

Рядом с Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей можно поставить Русское физико-химическое общество (при университете), которое в этот период состояло из двух отделений, Химического и Физического, каждое из которых, по существу, было автономно, объединяя, соответственно,

стоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 110, 200–203; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год. СПб., 1909. С. 206–211; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год. СПб., 1910. С. 213–218 и др.

¹⁴ См.: Дондуа А.К. Премии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей // Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей на пороге нового столетия. СПб., 2001. С. 52–56; Правила о премиях заслуженного профессора А.Н. Бекетова при Императорском С.-Петербургском Обществе Естествоиспытателей // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. №68. СПб., 1914. С. 114–117.

¹⁵ История кафедры ботаники // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 35. Л. 23.

¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 203.

¹⁷ Там же; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год... С. 210.

лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке¹⁸. Дело в том, что это Общество было создано в 1878 г. путем объединения двух уже существовавших при университете организаций: Химического общества (учреждено в 1868 г. по инициативе Д.И. Менделеева)¹⁹ и Физического общества (учреждено в 1872 г.)²⁰. Председательствовали (занимали должность президента общества) поочередно председатели двух его отделений²¹; в этот период Физическое отделение возглавляли И.И. Боргман, Н.А. Гезехус, М.А. Рыкачев, О.Д. Хвольсон, а Химическое отделение — А.М. Зайцев, Н.А. Меншуткин, Н.Н. Бекетов. Общество существовало за счет субсидий университета, Политехнического института, Технологического института, Михайловской Артиллерийской академии, Горного института и других высших учебных заведений России. В частности, за счет этих средств Общество издавало свой печатный орган ЖРФХО (Журнал Русского физико-химического общества), который был единственным печатным органом русских физиков и химиков²². Благодаря инициативе Общества в декабре 1907 г. в Петербурге, в стенах университета, состоялся «Менделеевский съезд по общей и прикладной химии», который собрал более тысячи участников; в заседаниях съезда было сделано более 150 докладов²³. Впоследствии такие съезды стали регулярными²⁴. По инициативе участников Общества, учеников и бывших коллег Д.И. Менделеева, по решению Профессорского совета и

¹⁸ См. материалы отчетов Санкт-Петербургского (Петроградского) университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 год... С. 86–100; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 137–153; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 197–200; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год... С. 190–206; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год... С. 194–207; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С. 222–231 и др.

¹⁹ См., напр.: Волкова Т.Б. Русское физико-химическое общество и Петербургский-Ленинградский университет // Вестник ЛГУ. 1950. №5. С. 119–123.

²⁰ См.: Чугаев Л.А. Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. №1. С. 14–20.

²¹ Устав Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9934. Л. 32об. §11.

²² История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 122.

²³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 199.

²⁴ 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 270.

при поддержке властей (см. главу 4) в университете в 1911 г. был открыт мемориальный музей великого ученого, его первым директором и основным организатором стал профессор А.Е. Фаворский. Первыми посетителями музея в декабре 1911 г. стали участники II Менделеевского съезда. Менделеевскому музею в числе немногих университетских центров удалось пережить революцию и гражданскую войну и достичь наибольшего расцвета в советское время²⁵. Существует он и по сей день — по сей день в университете сохранилась также традиция проведения «менделеевских» съездов.

Несколько менее интенсивный характер имели в начале века занятия Общества земледования при С.-Петербургском университете (организовано в 1902 г.), которое имело сельскохозяйственную и «географическую» ориентацию²⁶. Обществом (в котором было более 70 членов) руководил профессор географии П.И. Броунов (при секретарях Н.Н. Зверинцеве и Г.Г. Шенберге). Общество проводило по несколько заседаний в год и также издавало свои труды. Доклады, сделанные его членами, были связаны, главным образом, с изложением результатов географических экспедиций, проблем преподавания в географии в средней школе. Членами Общества были люди различных профессий — картографы, географы, этнографы, агрономы²⁷. Хотя такой пестрый состав, возможно, и снижал «академический» уровень занятий Общества, он делал его удобным для организации экскурсий для широкой публики. Так, Обществом была организована экскурсия для участников Летних

²⁵ См.: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 98–107.

²⁶ См.: Объяснительная записка к Уставу Общества земледования при Императорском С.-Петербургском университете // Устав Общества земледования при Императорском С.-Петербургском университете и объяснительная записка к нему. Кронштадт, 1903. С. 12–16.

²⁷ См. материалы отчетов Санкт-Петербургского (Петроградского) университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 год... С. 100–101; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 157; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 204–205; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год... С. 211–212; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год... С. 221–222; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год... С. 233–234; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912. С. 133–135; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 год. СПб., 1913. Отдел VIII. С. 5–7; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб., 1914. С. 268–269; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг., 1915. С. 254–255 и др.

преподавательских курсов при Санкт-Петербургском университете (которые собирали учителей средней школы со всей России)²⁸. Примечательно также, что одной из специальных целей, которую ставило Общество, была помощь выпускникам естественного отделения университета, специализировавшимся в области географии, в их дальнейшем профессиональном росте, для чего Общество привлекало их к своим занятиям²⁹.

К числу естественно-научных университетских обществ можно отнести и Русское антропологическое общество при С.-Петербургском университете (РАОПУ), чья деятельность, впрочем, судя по отчетам университета, с момента основания в 1888 г. велась спорадически. Общество ставило целью «изучение человеческих рас вообще и преимущественно населяющих или населявших Россию в антропологическом, т. е. биологическом, этнографическом и археологическом отношениях», а также собирание коллекций, распространение антропологических знаний³⁰. Примечательно и то обстоятельство, что с самого начала своей деятельности Общество ставило себе целью «сближение с иногородними исследователями, снабжение их инструкциями, ...и вообще оказание всякого рода пособия»³¹. Председателем Общества был сначала геолог профессор А.А. Иностранцев, затем приват-доцент по кафедре анатомии Н.М. Малиев, затем приват-доценты Э.Ю. Петри и Д.А. Коропчевский, затем приват-доцент по кафедре географии и этнографии Ф.К. Волков. Деятельность Общества заключалась, главным образом, в чтении докладов по разным отраслям антропологии (в которую, в понимании того времени, включались, все же, главным образом, физиологические и ан-

²⁸ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 204.

²⁹ Очерк истории Общества Землеведения при Петроградском университете (1902–1917). Составил секретарь Общества Леонид Зверинцев // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 43. Л. 6.

³⁰ Устав Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете // Протоколы заседаний Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1888 г. изданные под редакцией секретаря общества С.Н. Данилло. СПб., 1889. С. 1. §2. См. также: *Тихонов И.Л.* Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995. С. 106; *Козьмин В.А.* Из истории этнографического образования в Ленинградском/Санкт-Петербургском университете // Этнографическое обозрение. 2009. №4. С. 110–111.

³¹ Устав Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете... С. 1. §2.

тропоморфные аспекты жизнедеятельности человека), докладывались результаты антропометрических исследований, проводимых в разных регионах страны³². В то же время Антропологическое общество также издавало регулярный сборник трудов³³. В литературе подчеркивается, что общество изначально отличалось от другого Петербургского антропологического общества, существовавшего при Военно-медицинской академии и занимавшегося, прежде всего, физической антропологией, тем, что важной сферой его деятельности было изучение первобытного человека, археологические изыскания, прежде всего, в палеолитической области³⁴. Резко увеличивается количество докладов по археологической проблематике с 1910 г. после избрания председателем общества Ф.К. Волкова³⁵. РАОПУ, возглавляемое Ф.К. Волковым, стало одним из важных институциональных оснований для развития палео-этнологической школы в университете³⁶.

Говоря о гуманитарных обществах, нужно, прежде всего, упомянуть Неофилологическое общество при университете, которое существовало с 1885 (первоначально Романо-Германское отделение Филологического общества) по 1918 г. Общество имело три отделения — общемофилологическое, педагогическое и лингвистическое (на основе которого впоследствии возникло самостоятельное общество). Первым председателем Неофилологического общества был А.Н. Веселовский, за ним профессора Ф.А. Браун и Д.К. Петров³⁷. За первые четверть века существования в его центральном

³² См. материалы отчетов Санкт-Петербургского (Петроградского) университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 год... С. 101–102; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 157–158; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год... С. 129–131; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 год... С. 3–5; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 год... С. 264–267; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год... С. 252–254 и др.

³³ Труды Русского Антропологического общества. СПб., 1907–1914. Т. I–IV. См.: [Волков Ф.К.] Краткий обзор деятельности Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 25 лет (1888–1913) // Ежегодник РАОПУ. СПб., 1913. Т. 4. С. 191–202.

³⁴ См.: Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 112.

³⁵ Тихонов И.Л. Ф.К. Волков в Санкт-Петербурге // Археологія і давня історія України. Вип. 9. Історія археології: дослідники та наукові центри. 2012. С. 306.

³⁶ См.: Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете... С. 115–125.

³⁷ Кафедры романо-германской филологии и западноевропейских литератур Ленинградского государственного университета // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1941. Вып. 5. С. 369–370.

(общефилологическом) отделе было сделано 255 докладов³⁸. По словам исследователя М.Ю. Корневой, Общество «было своего рода центром теоретических исследований в области сравнительного литературоведения; отличительной чертой его был академизм»³⁹. Действительно, цели, заявленные в уставе, носили сугубо научный характер⁴⁰, в то же время Общество являлось трибуной не только для университетских (и внеуниверситетских) профессоров и приват-доцентов (историки русской и зарубежной литературы А.Н. Веселовский, Ф.Д. Батюшков, Д.К. Петров, И.А. Шляпкин и А.Н. Пыпин, лингвист С.К. Булич, философ И.И. Лапшин, филолог-итальянист И.И. Гливенко, антиковед Ф.Ф. Зелинский и др.), но и для литераторов — Д.С. Мережковского, Вяч. И. Иванова, Н.Н. Ходотова, В.М. Гаршина и других⁴¹. Общество также издавало собственные «записки»⁴², в которых лингвистические статьи соседствовали с литературоведческим анализом символистской поэзии.

В 1889 г. при Университете было организовано Историческое общество, функционировавшее до 1919 г. Обстоятельства его создания затронуты нами выше (см. главу 4). Согласно уставу, цели Общества сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории⁴³. Историческое общество играло особую роль в гуманитарной среде университета. Во многом направленность деятельности Общества была связана с интересами его основного организатора и бессменного лидера, профессора все-

³⁸ Петров Д.К. Двадцать пять лет жизни Неофилологического общества // Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете. 1910. Вып. IV. С. 7.

³⁹ Из писем к Веселовскому: Д.С. Мережковский / Публ. М.Ю. Корневой // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 341.

⁴⁰ Устав Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1889. С. 1. §2.

⁴¹ См.: Неофилологическое общество // Манфред Ш. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг. Словарь. М., 2004. С. 136.

⁴² См.: Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1888. Вып. 1; Записки Неофилологического отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892–1915. Вып. 2–8.

⁴³ Устав Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1889. С. 3. §2.

общей истории Н.И. Кареева и, что примечательно, расходилась с основной линией историко-филологического факультета. Дело в том, что по складу научного мышления Н.И. Кареев был склонен к теоретизированию, его подход к анализу исторического процесса зачастую можно было назвать социологическим (номотетическим в терминологии той эпохи), в то время как на факультете господствовало эмпирическое направление т. н. петербургской исторической школы во главе со знаменитым историком России С.Ф. Платоновым. В результате Общество довольно быстро превратилось в организацию, если не оппозиционную в научном плане, то во многом чуждую основному направлению факультета. Эта отстраненность усилилась, когда в 1899 г. Н.И. Кареев по распоряжению министра был уволен из университета (продолжая при этом руководить обществом). Между тем, показательно, что ни Совет общества, ни Совет университета, перед которым регулярно отчитывалось Общество, не ставили вопрос о смене его председателя. Впрочем, это, пожалуй, единственный известный нам случай, когда университетским обществом руководил ученый, формально пребывающий вне состава корпорации. Как только после событий Первой русской революции министерский запрет на службу Н.И. Кареева утратил силу, ученый вновь был избран Советом университета на профессорскую кафедру. Ситуация с Н.И. Кареевым, таким образом, достаточно наглядно показывает характер корпоративной солидарности в отношениях с властью.

Примечательно, что с 1903 г. секцией русской истории в Обществе долгое время руководил приват-доцент и действительный член Академии наук А.С. Лаппо-Данилевский, так же как и Н.И. Кареев, занимавший обособленное положение на историко-филологическом факультете. Кроме обсуждения проблем теории и методологии истории, в Историческом обществе с подачи Н.И. Кареева обсуждались проблемы, связанные с методикой преподавания истории в средних учебных заведениях, что также никак не вписывалось в факультетские стандарты. Среди приглашенных А.С. Лаппо-Данилевским к участию в работе секции русской истории в Историческом

обществе — А.А. Шахматов, Я.Л. Барсков, Б.Д. Греков, М.А. Дьяконов, А.А. Кауфман, В.А. Мякотин, Н.П. Павлов-Сильванский, М.А. Полиевктов, М.Д. Присёлков, А.Е. Пресняков (являвшийся секретарем секции), Л. Пташицкий, С.В. Рождественский, Е.В. Тарле, Е.Ф. Шмурло и др.⁴⁴. Примечательно, что многие из перечисленных лиц не имели прямого отношения к университетской корпорации, хотя и были видными учеными. Руководителем секции всеобщей истории Общества с 1903 г. являлся профессор И.М. Гревс. Среди докладчиков этой секции также были как университетские ученые, так и представители других ученых учреждений города и страны — Б.А. Тураев, Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, Л.П. Карсавин, О.А. Добиаши-Рождественская, А.М. Ону, В.Э. Крусман, П.П. Митрофанов, С.Л. Степанов, П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, И.И. Лучицкий, Е.В. Тарле и др. Важно, что, кроме профессиональных ученых-историков, в составе Общества были и гимназические учителя, и представители интеллигенции, интересующиеся историческими штудиями. Основной формой деятельности Общества были секционные заседания, на которых проходило чтение и обсуждение рефератов членов Общества; Общество также издавало (под редакцией Н.И. Кареева журнал «Историческое обозрение», в котором публиковались труды его членов⁴⁵.

В конце 1912 г. в Историческом обществе при университете была открыта «Секция теории истории и социологии» во главе с профессором М.М. Ковалевским. Ее учредителями, помимо председателя, выступили видные члены университетской корпорации — Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Л.И. Петражицкий, М.И. Туган-Барановский, С.Л. Франк, П.Ю. Струве, Е.В. Тарле, Е.В. де Роберти, А.А. Чупров и др. Как отмечается в литературе, ее создание было одной из попыток институционализации социо-

⁴⁴ Протоколы заседаний секций до 1911 г. см.: Историческое обозрение. Т. I–VII и XV–XVI; после 1911 г. для секции русской истории в фонде А.Е. Преснякова (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 3. Д. 1. Л. 3–53об.).

⁴⁵ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889–1914 // Историческое Обозрение за 1915 год. Т. 20. Пг., 1915. Отд. II. С. 206–212.

логической науки в России, предшествовавшей образованию в 1916 г. Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского во главе с А.С. Лаппо-Данилевским (при секретарях П.А. Сорокине и Н.Д. Кондратьеве)⁴⁶.

Как видно, Общества, которые существовали в Петербургском университете, работали с разной степенью интенсивности, и если некоторые функционировали постоянно и активно, то жизнь других периодически замирала, однако потом возобновлялась с удвоенной силой. К числу последних можно отнести Юридическое общество при Санкт-Петербургском университете (1877–1918)⁴⁷ и Философское общество (1897–1923)⁴⁸. Бессменным председателем Философского общества был А.И. Введенский.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты деятельности преподавательской корпорации университета в организациях, возникших вне его стен, но игравших немалую роль в академической жизни города. Не имея возможности остановиться на всех общественных организациях академического характера, в которых принимали участие представители корпорации, укажем лишь на наиболее значимые из них.

Самым престижным гуманитарным научным обществом начала XX в. было Русское историческое общество (РИО), ставившее задачу публикации источников по национальной истории. При формальном председательстве императора Общество возглавлял сначала А.А. Половцов, а затем (после

⁴⁶ См. об этом: *Ермакович Ю.М.* Социология в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 330–331; *Долгова Е.А.* Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. №12. С. 67–70; *Малинов А.В.* А.С. Лаппо-Данилевский — первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3. С. 8–16.

⁴⁷ См.: Устав Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1904; *Хартанович М.Ф.* Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX в. Исторические очерки. СПб., 2006. С. 169–176.

⁴⁸ См.: Устав Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1903. *Акулинин В.Н., Самылов О.В.* Философское общество при Санкт-Петербургском университете (1897–1923). Новосибирск, 1994; *Летопись русской философии. 862–2002* / Редактор-составитель А.Ф. Замалеев. СПб., 2003. С. 219–221. См. материалы отчетов университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 132, 133, 134; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 18 и др.

смерти последнего в 1909 г.) «августейший историк» в.кн. Николай Михайлович. Долгое время Общество носило аристократический характер и включало в свой состав, прежде всего, историков консервативного направления и связанных с исторической наукой высокопоставленных чиновников (И.Е. Забелин, С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, Н.Д. Чечулин, Л.А. Кассо, М.К. Любавский, Н.В. Голицын и др.)⁴⁹. Впрочем, после того как Общество возглавил покровительствующий «либералам» великий князь, ситуация стала постепенно меняться — в состав Общества были избран, например, «либеральный академик» А.С. Лаппо-Данилевский, но, главное, Общество отошло от исключительно собирательской и публикаторской работы и существенно расширило круг своей деятельности⁵⁰. Так, в 1911 г. была образована Особая комиссия РИО по сохранению местных архивов, а в феврале 1912 г. было высочайше утверждено положение о ее деятельности. Председателем Комиссии был назначен помощник председателя РИО А.Н. Куломзин, секретарем — приват-доцент С.М. Середонин, членом Комиссии был избран и профессор С.Ф. Платонов. Основной задачей Комиссии была забота о сохранении местных архивов. Она получила право привлечения к своей работе представителей центральных и местных государственных учреждений. В мае 1914 г. РИО был организован Съезд представителей «губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений»⁵¹. По словам академика (одно временно приват-доцента университета) А.С. Лаппо-Данилевского (сменившего умершего в конце 1914 г. С.М. Середонина на посту секретаря Комиссии РИО), целью съезда была выработка мер, «которые дали бы им (архивным комиссиям — *Е.Р.*) возможность правильно и систематично работать по охране письменных памятников нашей истории». В этом направлении Съезд

⁴⁹ См.: Состав Императорского Русского исторического общества за пятидесятилетний период его существования // Императорское Русское историческое общество. 1866–1916. Пг., 1916. С. 139–164.

⁵⁰ См.: Императорское Русское историческое общество. 1866–1916... О деятельности РИО см. также: Камардина О.В. Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Самара, 1999. Ср.: Cockfield J.H. White Crow: The Life and Times of the Grand Duke Nicholas Mikhailovich Romanov, 1859–1919. Westport, 2002. P. 72–74, 150.

⁵¹ См.: Назин С. Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // Архивное дело. 1936. №2 (39). С. 26–37.

принял ряд важных предложений. В их числе были положения о необходимости охвата сетью архивных комиссий всей территории империи и регулярного финансирования, а также о выработке общих правил работы с архивными документами. Реальным результатом съезда стало выделение Министерством финансов единовременной помощи комиссиям и открытие нескольких новых⁵².

Вторым (после РИО) по уровню престижа в гуманитарной науке Петербурга начала XX в. было Общество любителей Древней письменности (ОЛДП), которое было основано еще в 1877 г. кн. П.П. Вяземским. Основной задачей ОЛДП было собирание и издание древнерусских памятников⁵³. В его состав входили во многом те же историки консервативного направления, которые составляли костяк Русского исторического общества и Археографической комиссии. Кстати, в этот период его и возглавлял С.Д. Шереметев (председатель Археографической комиссии), который предоставил обществу помещение в своем особняке на Фонтанке. Основным отличием ОЛДП от этих ученых организаций был высокий членский взнос (200 руб.) и то, что, кроме исследователей, оно объединяло в своем составе еще и коллекционеров русских рукописей и старопечатных книг, в том числе из среды высшей петербургской знати. Отчасти именно этим можно объяснить, что университетских «либералов»-профессоров (из числа историков и филологов-русистов) там было немного, зато были представлены почти все «консерваторы». Из университетских профессоров и приват-доцентов членами общества были историки и филологи Б.В. Айналов, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, Н.П. Лихачев, Н.К. Никольский, С.В. Смоленский, И.А. Шляпкин, С.Ф. Платонов⁵⁴.

Рядом с членством в ОЛДП по престижу можно поставить участие в Императорском Русском Археологическом обществе. Это одно из старейших

⁵² См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1958. С. 300–301.

⁵³ См.: *Памятники древней письменности*. СПб., 1878–1925. Вып. 1–190.

⁵⁴ *Шибанов А.П.* Друзья книги // *Книга: Исследования и материалы*. М., 1973. Сб. 27. С. 155–156.

ученых обществ столицы (оно было основано в 1846 г.). Долгое время Обществом руководил в.кн. Константин Константинович (председатель Общества с 1892 по 1916 г.). Возможно, в начале XX в. это был самый «просвещенный» представитель русского Императорского дома — человек, которому удавалось сохранять уважительное отношение разных кругов русской научной интеллигенции. Достаточно напомнить, что Константин Константинович сумел добиться расположения «либеральной» Академии наук и, с другой стороны, курировал, например, Женский педагогический институт, где группировались довольно консервативные силы (С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский и др.). Поэтому одновременно активными членами этого Общества были и университетские «либералы», и университетские «консерваторы»: С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.П. Лихачев, С.В. Рождественский, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, А.А. Жебелев, Н.П. Кондаков, Б.В. Фармаковский и др. Впрочем, в Обществе было много и внеуниверситетских знаменитостей — В.В. Стасов, Н.Л. Бенуа, А.И. Штакеншнейдер, гр. И.И. Толстой и др. Основная деятельность Общества заключалась в чтении докладов, публикации археологических источников, издании рисунков с древних памятников, исследований в этой области, организации реставрационных работ⁵⁵; Общество издавало несколько серий печатных трудов⁵⁶. Надо отметить, что разные отделения Общества «контролировались», если можно так выразиться, представителями разных лагерей русской интеллигенции. Если во главе отделения русской и славянской археологии стоял профессор по кафедре русской истории С.Ф. Платонов (при секретаре приват-доценте С.В. Рождественском), то другие отделения (классическое, нумизматическое, восточное) были руководимы в разное время представителями Историко-филологического отделения Академии наук и либе-

⁵⁵ См., напр.: Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1921. С. 118–119; Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 49–50.

⁵⁶ Записки Восточного отделения. СПб., 1887–1921. Т. 1–25; Записки Классического отделения. СПб., 1904–1917. Т. 1–9.; Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества. СПб., 1906–1913. Т. 1–2. Записки Отделения Русской и славянской археологии. СПб., 1851–1887, 1903–1918. Т. 1–12.

ральной части университетской преподавательской корпорации (арабист В.Р. Розен, филолог-классик П.В. Никитин, востоковед С.Ф. Ольденбург, антиковед С.А. Жебелев и др.).

Другим известным историческим обществом являлось ОРРИП (Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III), образованное в 1895 г., к деятельности которого был привлечен ряд крупнейших русских историков, в том числе университетских (в 1900 г. в совет общества вошел С.Ф. Платонов). Общество занималось не только публикацией документов, но и популяризацией знаний по русской истории⁵⁷. Между тем, в отличие от ОЛДП, ОРРИП, вероятно, в виду характера воззрений своего бессменного председателя гр. С.Д. Шереметева объединял представителей консервативного лагеря исторической науки⁵⁸.

В 1901 г. в Петербурге было организовано Религиозно-философское общество (первоначально «религиозно-философские собрания»), которое посещалось как мирянами, так и духовенством. Его председателем являлся епископ Сергей (Старогородский), будущий патриарх⁵⁹. Деятельность «собраний» имела принципиальное значение в становлении нового православного религиозного сознания, хотя предреволюционная атмосфера и не способствовала спокойному «богоискательству» и обсуждению религиозно-философских проблем⁶⁰. В какой-то момент деятельность Общества показалась властям опасной и была прекращена, но возобновилась после революции, в 1907 г., по инициативе Н.А. Бердяева⁶¹. Активными деятелями общества были такие известные мыслители и писатели, как Д.С. Мережковский,

⁵⁷ См., напр.: Мещенина А.А. С.Ф. Платонов и С.Д. Шереметев // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 405–406.

⁵⁸ См.: Мещенина А.А. Историк по призванию (к биографии С.Д. Шереметева) // Призвание — история: Сборник научных статей. К 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева / Ред.-сост. А.А. Мещенина, Р.А. Соколов. СПб., 2010. С. 50–51. Ср.: Мещенина А.А. С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв. Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 51–119. Ср.: Каплан А. Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX – начало XX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. Коллективная монография в честь проф. И.М. Савельевой / Отв. ред. А.Н. Дмитриев; М., 2012. С. 366–368.

⁵⁹ См.: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 197.

⁶⁰ Флоровский Г.П. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 470–471.

⁶¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С. 148.

В.В. Розанов, Н.М. Минский, С.Н. Булгаков, С.А. Аскольдов, Ф.А. Степун, А. Белый и др. В какой-то момент к обществу примкнул и А. Блок, но потом отошел от него, считая, что профессора и «профессорские жены», задававшие в нем тон, слишком далеки от страданий и чаяний народа⁶². Из университетских профессоров в нем заметное участие принимали историк церкви И.Д. Андреев, философ А.И. Введенский, приват-доценты М.И. Туган-Барановский, философ С.Л. Франк, юрист и историк права Б.В. Никольский, начинающий медиевист и историк культуры Л.П. Карсавин. Общество играло яркую роль в интеллектуальных дискуссиях конца 1900–1910-х гг. Основными темами, осаждавшимися на заседаниях, были проблемы «нового религиозного сознания» и роли русской интеллигенции⁶³. Именно в среде Общества обсуждались идеи, нашедшие отражение в знаменитом сборнике «Вехи» (1909), большинство авторов которого были его членами. Впрочем, некоторые из членов Общества, такие как М.И. Туган-Барановский, придерживались противоположных мировоззренческих позиций и вступили в полемику с «веховцами»⁶⁴. Определенное отражение интеллектуальные дискуссии, ведшиеся в Обществе, нашли в его трудах⁶⁵.

Старейшим в России (основано в 1765 г.) являлось Императорское Вольное экономическое общество (ВЭО), которое в этот период, правда, несколько утратило свой прежний характер, более сосредоточившись на проектах прикладного свойства, связанных с изучением сельского хозяйства и аграрного движения в России. Определенное общественное и научное значение имела публикация ВЭО в 1905–1906 гг. обзоров аграрного движения в России и анкет (1907–1911) об отношении крестьянства к столыпинской аграр-

⁶² См.: Putnam G. Aleksandr Blok and the Russian Intelligentsia // The Slavic and East European Journal. 1965. Vol. 9. No.1. P. 34.

⁶³ См.: Мейер А.А. Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. №7. С. 107–115.

⁶⁴ См., напр., сборник «Интеллигенция в России» (СПб., 1910).

⁶⁵ Записки религиозно-философских собраний (1902–1903 гг.). СПб., 1906; Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. СПб., 1908–1916. Вып. 1, 2, 4, 6.

ной реформе и перестройке народного хозяйства страны с началом I Мировой войны⁶⁶.

Итак, нельзя представить себе научно-общественную жизнь Петербурга начала века без университетских людей. Университетские профессора и «младшие преподаватели» играли ключевую роль (а зачастую и возглавляли) в многочисленных академических и «полуакадемических» организациях столицы. Например, М.М. Ковалевский, которого в этом смысле можно считать своеобразным «рекордсменом», председательствовал сразу в нескольких организациях — Вольном Экономическом Обществе, Юридическом обществе, Русском Отделении Международного Общества мира, кружках имени Льва Толстого и И.А. Герцена⁶⁷; профессор Х.Я. Гоби являлся вице-президентом Императорского Российского общества садоводства⁶⁸; профессор С.П. Глазенап — председателем наблюдательного комитета Практической школы садоводства, огородничества и пчеловодства⁶⁹, профессор А.А. Иванов — председателем Русского Астрономического общества⁷⁰ и т. д. и т. п. Ряд преподавателей университета также принимал участие в таких организациях, как Общество классической филологии и педагогики, Русское Библиологическое общество, Общество ревнителей истории, Военно-историческое общество, Общество улучшения средней школы, Общество Русского пчеловодства, Общество писателей о музыке, Общество нормальной и патологической психологии, Русское Общество любителей мировидения, Русское Географическое общество, Русское Энтомологическое общество, Общество психиатров, Финно-угорское общество, Собрание преподавателей физики, и множестве других⁷¹.

⁶⁶ См.: Ковалевский М.М. К 150-летию юбилею Вольного экономического общества // ВЕ. 1915. Кн. 12. Вольное Экономическое общество. С. 389–399.

⁶⁷ Ковалевский Е.П. Черты из жизни Максима Максимовича Ковалевского по семейным и личным воспоминаниям // Максим Ковалевский. Ученый... С. 39; Арсеньев К.К. М.М. Ковалевский... С. 58.

⁶⁸ История кафедры ботаники // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 35. Л. 32.

⁶⁹ Сергей Павлович фон Глазенап // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 36. Л. 54.

⁷⁰ Иванов Александр Александрович // Там же. Л. 111.

⁷¹ См.: Отчеты о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1914 гг. СПб. [Пг], 1885–1915.

В контексте общественной активности университетских деятелей нужно отметить и различные общественные ассоциации образовательного и просветительского характера (Лига Образования, Санкт-Петербургское общество народных университетов, общество «Маяк», С.-Петербургское Общество мира, Народный дом графини Паниной и др.)⁷². Первым по времени создания среди них было известное общество «Маяк», патронируемое YMCA (Young Men's Christian Association) — «Комитет для оказания содействия молодым людям в достижении физического и нравственного развития» (позднее «Общество» с таким же названием) был учрежден в Петербурге американским гражданином Д. Соксом при прямой поддержке американского правительства, и его до какой-то степени можно считать примером для аналогичных российских организаций. Сфера деятельности Комитета была широкой, от организации занятий гимнастикой с молодежью до проведения экскурсий и чтения бесплатных лекций самой различной тематики. Среди лекторов «Маяка» было немало преподавателей университета — философ А.И. Гребенкин, филологи С.А. Адрианов, Ф.Д. Батюшков, П.А. Висковатов, А.А. Громов, Н.С. Державин, историки Б.Д. Греков, А.И. Заозерский, М.А. Полиевктов, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский и другие⁷³. Среди перечисленных общественных просветительских заведений также особое значение имело С.-Петербургское общество народных университетов (первоначально Всероссийское). Одними из наиболее деятельных его участников и лекторов были профессора Ф.Ф. Зелинский (возглавлял гуманитарную секцию), А.А. Исаев (возглавлял общественно-юридическую секцию), Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Л.В. Ходский, приват-доценты П.Ю. Шмидт (секретарь Совета Общества), А.Г. Тимофеев (секретарь общественно-

⁷² См. об этом, напр.: Wartenweiler D. *Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914*. Oxford, 1999. P. 179–180.

⁷³ См.: Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов в обществе «Маяк» // Памяти академика С.Ф. Платонова... С. 105–110.

юридической секции), А.Ф. Каль, Н.О. Лосский⁷⁴. Настоящий лекционный центр развернулся с 1906 г. в т. н. Соляном городке. Так называлось место, расположенное на левом берегу Фонтанки, напротив Летнего сада. Там, на месте бывших соляных складов (отсюда и название), находились два известных культурных учреждения столицы — Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица («Мухинское училище») и Сельскохозяйственный музей; в начале XX в. в этих учреждениях развернулась активная просветительская деятельность⁷⁵. Среди профессоров и приват-доцентов, регулярно читавших публичные лекции с той или иной благотворительной целью, можно отметить историка С.Ф. Платонова⁷⁶, философа Н.О. Лосского⁷⁷, астронома А.А. Иванова⁷⁸, юристов В.Н. Сперанского и А.Г. Тимофеева⁷⁹, ботаников В.И. Палладина и С.В. Кравкова⁸⁰, музыковеда А.Ф. Каля⁸¹ и многих других. Постоянной была «вахта» петербургских профессоров (В.И. Палладин, А.А. Иванов и др.) в Павловске, где проводились публичные лекции для народных учителей и учительниц⁸². В 1906 г. приват-доцент физико-математического факультета, известный биолог-популяризатор А.Г. Генкель учредил «курсы по энциклопедии высшего знания»⁸³.

В самом университете идея организации «общеобразовательных чтений для народа» была выдвинута «Союзом студентов» в конце октября

⁷⁴ Морозан В.В. Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. СПб., 2008. С. 340–341; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 133; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год... С. 152, 153.

⁷⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 154.

⁷⁶ Там же. С. 90–91.

⁷⁷ Там же. С. 96.

⁷⁸ Там же. С. 167.

⁷⁹ Там же. С. 132–133.

⁸⁰ Там же. С. 168.

⁸¹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год... С. 152.

⁸² Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 160, 167.

⁸³ Там же. С. 115. Ср.: Генкель П.А. Александр Германович Генкель. М., 1981. С. 41–56; Николаев С.Ф. Доктор ботаники А.Г. Генкель. Пермь, 1959. С. 15–22.

1905 г. Хотя это предложение нашло поддержку ректора⁸⁴, реализовать его в условиях «закрытого» университета не представлялось возможным. Однако в 1906 и 1907 гг. в университете были учреждены летние курсы для учителей средней школы, на которых читали лекции профессора и преподаватели университета физик И.И. Боргман, ботаник В.Л. Комаров, египтолог Б.А. Тураев, юрист и историк общественной мысли В.Н. Сперанский, зоолог В.М. Шимкевич, филолог И.А. Бодуэн де Куртенэ, историк С.Ф. Платонов, юрист В.М. Нечаев, литературовед П.Н. Сакулин и др.⁸⁵ Согласно отчету Педагогического Общества взаимной помощи (организовывавшего эти занятия), в 1907 г. лекции слушало более 500 учителей и учительниц из 184 местечек России⁸⁶.

Университетские преподаватели и профессорский Совет считали своим долгом откликаться на самые разные социальные призывы — так, например, осуществлялась помощь университета в организации общественно значимых конгрессов, которые постоянно проводились в столице в помещении университета. В качестве примера укажем на столь различные мероприятия, как I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством (декабрь 1909 – январь 1910 г.)⁸⁷, Пироговский съезд врачей (1910 г.)⁸⁸, I Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии (1912 г.)⁸⁹, II Всероссийский съезд преподавателей новых языков (1914 г.)⁹⁰ и т. п.

⁸⁴ Комитет «Союза студентов» СПб. Университета — в Совет профессоров СПб. Университета, 24 октября 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 64–65.

⁸⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 145, 176. См.: Отчет о лекциях профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета, устроенных при университете С.-Петербургским педагогическим Обществом взаимной помощи // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. №63. СПб., 1908. С. 208–209.

⁸⁶ Там же. С. 208; Расписание лекций на курсах для учителей средней школы // Там же. С. 209–211.

⁸⁷ 275 лет. Санкт-Петербургский университет... С. 273; Протокол заседания Совета университета 23 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. №65. СПб., 1910. С. 142.

⁸⁸ Протокол заседания Совета университета 15 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. №66. СПб., 1911. С. 23.

⁸⁹ 275 лет. Санкт-Петербургский университет... С. 277.

⁹⁰ Протокол заседания Совета Университета 19 мая 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. №70. Пг., 1916. С. 48.

Университетские деятели считали своим нравственным долгом отзываться на такие события, как массовые неурожаи и голод, организуя в пользу пострадавших подписки, благотворительные сборы, чтения лекций. Примером корпоративной благотворительности в образовательной сфере является финансирование за счет университета низших учебных заведений, которые попадали под его покровительство. Так, с 1871 г. за счет пожертвований университетской корпорации содержалось Мариинское женское училище в селе Молвитине Буйского уезда Костромской губернии⁹¹, информация о деятельности которого регулярно печаталась в отчетах университета. Другой подобный пример — деятельность школы для детей служителей университета. По инициативе профессора Н.Д. Смирнова Университетский совет в 1899 г. принял решение о создании «в возможно скорейшем времени начальной школы в память столетия рождения А.С. Пушкина для детей служителей университета, академии наук и историко-филологического института»⁹². Школу планировалось открыть осенью 1899 г., однако из-за финансовых трудностей дело было отложено и, хотя финансирование устройства школы началось в 1900 г.⁹³, ее открытие задержалось до 1906 г.⁹⁴ Школа располагалась непосредственно в университетском комплексе (в здании Jeu de Paume) и была объектом постоянных забот Правления университета: в 1908 г. число занимаемых ей помещений было существенно расширено в связи с ростом числа учащихся⁹⁵. Особо широким было участие преподавателей университета, наряду с другими представителями петербургской интеллигенции, в раз-

⁹¹ Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 16 августа 1871 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1871–1872 гг. №5. СПб., 1872. С. 7–8.

⁹² Журнал экстренного заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 8 мая 1899 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. №55. СПб., 1900. С. 25–28.

⁹³ Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 24 мая 1899 г. // Там же. С. 65–66; Смета прихода и расхода специальных средств Императорского Санкт-Петербургского университета на 1900 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1900 г. №56. СПб., 1901. С. 41.

⁹⁴ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 54.

⁹⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год... С. 79–80.

личных «обществах вспомоществования» учебным заведениям. Само собой разумеется, что большинство профессоров и многие приват-доценты считали своей обязанностью состоять в «Обществе вспомоществования студентам университета», о котором речь шла выше⁹⁶. Однако очень многие преподаватели состояли и в других аналогичных обществах. В первую очередь, в этой связи надо указать на Общество вспомоществования окончившим Высшие женские курсы (ВЖК). Именно в этом Обществе в 1912 г., в частности, принимали участие профессора (главным образом, историко-филологического факультета) Н.И. Кареев, Ф.А. Браун, М.Я. Пергамент, М.И. Ростовцев, С.К. Булич, А.И. Введенский и многие приват-доценты⁹⁷, что объяснялось, прежде всего, тем, что большинство из них работало параллельно с университетом и в этом учебном заведении (ВЖК). Другой яркий пример массового участия преподавателей университета в аналогичном обществе — Общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском Историко-филологическом институте (т. н. «филологической гимназии»). Среди его членов (на 1914 г.) такие известные преподаватели, как антиковеды Ф.Ф. Зелинский и С.А. Жебелев, историк литературы Д.К. Петров, литературовед А.К. Бороздин, филолог-романист В.Ф. Шишмарев, философ Н.О. Лосский, историк России С.В. Рождественский, филологи-классики Е.М. Придик и А.М. Никитский, зоологи В.А. Догель и К.К. Сент-Илер и многие другие⁹⁸. Бюджет этой организации, складывавшийся, главным образом, из членских взносов, составлял порядка 1500 рублей в год, что, в частности, позволяло за счет Общества оплачивать образование более чем 30 ученикам⁹⁹. Причин деятельного участия в этом Обществе университетских преподавателей, нам видится, по крайней

⁹⁶ 25 лет деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 г. СПб., 1899; Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета. Отчет за 1915 год. Пг., 1916. С. 9–14.

⁹⁷ Список членов // Отчет о деятельности общества вспомоществования Высших Женских курсов в С.-Петербурге с 1 сентября 1911 по 1 сентября 1912 г. СПб., 1912. С. 22–24.

⁹⁸ Список членов Общества // Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском Историко-филологическом институте. Пг., 1915. С. 22–25.

⁹⁹ Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии... С. 10.

мере, две: активная параллельная работа ряда из них в Историко-филологическом институте и то, что дети университетской профессуры, проживавшей в этом районе Васильевского острова, нередко оказывались учениками гимназии.

Рядом с этими обществами можно поставить и «Общество вспомоществования учащимся Императорского Женского Педагогического Института и Константиновской Женской Гимназии». Доходы Общества, составлявшие более 3000 рублей в год, расходовались, главным образом, на пособия ученицам Гимназии и слушательницам курсов, которые позволяли им оплачивать обучение. Так, в 1914 г. таких пособий было выдано около 60¹⁰⁰. На 1914 г. пожизненным членом Общества являлся директор Института профессор С.Ф. Платонов, членами Общества были многие профессора и приват-доценты университета — литературовед С.А. Адрианов, философы А.И. Гребенкин и А.П. Нечаев, филологи И.И. Гливенко и Д.К. Петров, историки России А.Е. Пресняков, М.А. Полиевктов, С.В. Рождественский и др.¹⁰¹ Членство в Обществе многих из них можно связать с тем, что они в разное время привлекались С.Ф. Платоновым к преподаванию в институте¹⁰². Как видно из перечисленных фамилий, в большинстве своем это представители историко-филологического факультета, которым долгое время руководил С.Ф. Платонов. Напротив, в «Обществе вспомоществования студентам Петроградского политехнического Института», учебного заведения, в котором с момента его основания были представлены ведущие силы столичной науки не только в области точных и естественных, но и социально-экономических дисциплин, были представлены как физико-математический, так и юридический факультеты университета. Среди членов Общества, состоящих также и

¹⁰⁰ Отчет секретаря за 1914–1915 гг. // Общество вспомоществования учащимся Императорского Женского педагогического Института и Константиновской женской гимназии. Отчет за время с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 6–7.

¹⁰¹ Список членов Общества // Там же. С. 12–16.

¹⁰² См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 83–84.

университете, — математик А.А. Адамов, историк права М.А. Дьяконов, юрист В.М. Гессен, химик С.И. Курбатов, физик А.Ф. Иоффе и др.¹⁰³

Университетская профессура была постоянно представлена и в многочисленных благотворительных Обществах Петербурга — в Литературном фонде¹⁰⁴, Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым¹⁰⁵, Обществе охранения народного здравия¹⁰⁶, Обществе вспомоществования нуждающимся переселенцам¹⁰⁷, Лиге защиты женщин¹⁰⁸, Обществе попечения о бедных и больных детях¹⁰⁹, Обществе охраны материнства и грудных детей¹¹⁰, Обществе благотворения в память 19 февраля 1861 года под девизом: «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя»¹¹¹ и т. п.

Говоря о благотворительной деятельности представителей преподавательской корпорации университета, нельзя не отметить и то, что им принадлежит определенная роль в институционализации благотворительного движения как в Петербурге, так и России в целом. Начало XX в. в литературе справедливо относят к «золотому веку российской благотворительности»¹¹², уже к 1906 г. в столице было порядка 1300 обществ и учреждений, занимавшихся благотворительностью¹¹³, однако какая-либо зримая координация их дея-

¹⁰³ См.: Список членов // Отчет о состоянии и деятельности Общества вспомоществования студентам Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого за 1914/15 учебный год. Пг., 1915. С. 10–12.

¹⁰⁴ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 133–134.

¹⁰⁵ Там же. С. 134–135.

¹⁰⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 158.

¹⁰⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 134.

¹⁰⁸ См., напр.: Состав русского общества защиты женщин // Российское общество защиты женщин в 1912 г. (Год тринадцатый). СПб., 1913. С. 100–104.

¹⁰⁹ Б-ов А.Д. Петербургская городская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910. СПб., 1904. С. 76.

¹¹⁰ Ястребов Н.В. Обзор деятельности Общества охраны материнства и грудных детей в Царском Селе за первый период его существования с 29 апреля 1913 г. по 1 сентября 1914 г. // Призрение и благотворительность в России. 1915. №5. С. 333–337.

¹¹¹ Мамаев Я.В. Исторический очерк возникновения и деятельности Общества благотворения в память 19 февраля 1861 года под девизом: «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя» за 1901–1911 гг. СПб., 1912. С. 31.

¹¹² См., напр.: Занозина В.Н., Адаменко Е.А. Благотворительность и милосердие. СПб., 2004. С. 18–203.

¹¹³ Благотворительность в России. СПб., 1906. Т. II: Список благотворительных учреждений. Ч. II. Санкт-Петербургская губерния. С. 1–161; Дополнительный список благотворительных учреждений. С. 35–38.

тельности практически отсутствовала. В целях преодоления этого положения в 1909 г. был создан «Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению»¹¹⁴, среди основных целей которого стояло изучение вопросов общественного и частного призрения, «правильная постановка благотворительности в России», «содействие образованию благотворительных учреждений»¹¹⁵. Председателем Совета Союза был избран Я.Н. Колубовский (представлявший Общество для слепых), а председателем Правления — приват-доцент юридического факультета университета С.К. Гогель (впоследствии профессор Психоневрологического института). По его словам, Союз «прилагал старания к тому, чтобы освещать жизнь русской благотворительности, ее неудачи, ее полную неустроенность и, конечно, ее нужды»¹¹⁶. По инициативе «Союза» в 1910 г. был созван Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению¹¹⁷. Среди основных докладчиков секции, связанной с организацией Общественного призрения, были приват-доценты юридического факультета В.Ф. Матвеев¹¹⁸, С.К. Гогель¹¹⁹, И.М. Кулишер¹²⁰, М.А. Сиринов¹²¹, которые с разных сторон остановились на задачах организации общественного призрения на местах. С 1912 по 1917 г. «Союз» издавал под редакцией П.С. Курканова (с 1914 г. — под редакцией Г.Ф. Ракеева) журнал «Призрение и благотворительность в России», на страницах которого, кроме перечисленных выше, активно вы-

¹¹⁴ См.: Гогель С.К. Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 1–9.

¹¹⁵ Устав Всероссийского Союза учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Там же. С. 10.

¹¹⁶ Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. 1914. №8–10. Октябрь–ноябрь–декабрь. Стлб. 893.

¹¹⁷ См.: Труды первого съезда русских деятелей...; Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 21.

¹¹⁸ Матвеев В.Ф. Основная первоначальная единица организации общественного призрения // Труды первого съезда русских деятелей... Ч. 2. С. 1–24.

¹¹⁹ Гогель С.К. Городские Попечительства о бедных в провинциальных городах России // Там же. С. 293–304.

¹²⁰ Кулишер И.М. О приискании средств на покрытие расходов местных союзов на общественное призрение // Там же. С. 187–195.

¹²¹ Сиринов М.А. Земские и городские финансы как источники покрытия расходов по обязательному общественному призрению // Там же. С. 197–209.

ступали члены Союза приват-доценты юридического факультета П.И. Люблинский и Г.Г. Швиттау¹²². Членами Совета «Союза» являлись профессор В.Ф. Дерюжинский (юридический факультет), много лет редактировавший журнал «Трудовая помощь»¹²³, и профессор А.И. Введенский (историко-филологический факультет), представлявший в «Союзе» 17-е Петербургское городское попечительство о бедных¹²⁴.

Многие члены университетского преподавательского сообщества состояли в Санкт-Петербургском литературном обществе — организации, возникшей в 1907 г. и объединявшей леволиберальную интеллигенцию (не только писательскую). Помещение Общества располагалось на Фонтанке. Общество периодически выступало с политическими акциями, такими как, например, чествование памяти первого председателя Государственной думы С.А. Муромцева, на котором выступили с речами профессора М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев¹²⁵. Правда, здесь следует отметить, что в каком-то смысле активное участие университетских людей в Обществе не пошло ему на пользу. Весной 1911 г. Обществом была принята резолюция против Э.Д. Гримма и И.М. Гревса, читавших в 1911 г. лекции в присутствии полиции¹²⁶. Резолюция привела к резкому протесту ряда университетских преподавателей-членов Общества (С.А. Венгеров, Н.И. Кареев, Ф.Д. Батюшков), в результате чего в Обществе произошел настоящий скандал, связанный с их демонстративным выходом из состава Общества. Как полагает Ш. Манфред, вследствие этой резолюции Общество и было закрыто властями¹²⁷ (на его основе затем было организовано Всероссийское литера-

¹²² См., напр.: *Люблинский П.И.* О призрении сирот воинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. №6–7. С. 484–495; Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и материнстве // Призрение и благотворительность в России. 1917. №2–3. С. 137–149; *Швиттау Г.Г.* [Рец.] Трудовая помощь в России. Ч. 1–2, 1915 // Призрение и благотворительность в России. 1916. №1–2. С. 110–111 и др.

¹²³ Трудовая помощь. СПб., 1897–1918.

¹²⁴ См.: Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. №8–9–10. Стлб. 906–908.

¹²⁵ *Кауфман А.Е.* Писательские общества и кружки // *Манфред Ш.* Литературные объединения... С. 284.

¹²⁶ *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912. С. 129.

¹²⁷ Санкт-Петербургское литературное общество кружки // *Манфред Ш.* Литературные объединения... С. 194.

турное общество)¹²⁸. Из других литературных проектов можно отметить, например, участие представителей университетов в Обществе ревнителей художественного слова (другие названия — Академия стиха, Поэтическая академия), возникшем в 1909 г. вокруг Вячеслава Иванова. В составе правления общества, в частности, состоял профессор Ф.Ф. Зелинский, выступавший в Обществе и в роли постоянного лектора.

В заключение этого беглого обзора отметим также, что невозможно представить себе многочисленные частные салоны и кружки столицы без преподавателей университета. В числе известных столичных «приемов», всегдашними которых были университетские профессора, можно упомянуть ежегодные вечеринки М.В. Ватсон¹²⁹, вторники В.И. Семевского¹³⁰, воскресенья Ф.К. Сологуба¹³¹, среды К.Ф. Головина¹³², Кружок Полонского¹³³ и др. Некоторые из перечисленных салонов можно назвать леволиберальными — например, салон Ватсон (посетителями которого были «левые» историки Н.И. Кареев и Е.В. Тарле) или Семевских (посетители Н.И. Кареев, С.А. Венгеров). Некоторые, как знаменитые «пятницы Полонского» (после смерти поэта Я.П. Полонского, «кружок им. Полонского»), объединяли людей искусства и литературы (в том числе представителей университетской интеллигенции), независимо от политических взглядов (Б.В. Никольский, С.А. Венгеров и др.)¹³⁴. В этой связи нельзя не согласиться с высказывавшимся в литературе мнением о том, что салоны начала XX века были значимыми субъектами формирующегося гражданского общества¹³⁵.

¹²⁸ См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция... С. 145–146.

¹²⁹ См.: *Манфред III.* Литературные объединения... С. 35.

¹³⁰ Там же. С. 197.

¹³¹ Сологуба воскресенья // Там же. С. 222–223.

¹³² Головина среды // Там же. С. 45.

¹³³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год... С. 95; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год... С. 152.

¹³⁴ *Манфред III.* Литературные объединения... С. 35, 110, 197–198.

¹³⁵ См., напр.: *Леонов М.М.* Патронат и протектирование: российские салоны второй половины XIX — начала XX в. Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Самара, 2011. С. 36.

Из сказанного очевидно, что масштаб этого участия был весьма широк и мы вряд ли можем представить себе научную, культурную и светскую жизнь столицы без представителей её университета. Нельзя не отметить и неразрывную связь (и трудность различения) организаций разных типов — просветительских, научных, благотворительных, в которых принимало участие преподавательское сообщество. Разумеется, следует подчеркнуть, что участие петербургских профессоров и преподавателей почти во всех общественных начинаниях (кроме, пожалуй, Общества вспомоществования студентам университета), о которых шла речь выше, носило индивидуальный, а не коллективный характер. Очевидно, однако, что профессиональные связи универсантов создавали условия для массового участия представителей корпорации в разных общественных институтах и инициативах, что вполне отвечало культивируемым в корпорации ценностям, и, в конечном итоге, соответствовало задаче «борьбы за культуру», которая, в свою очередь, была важной частью «университетского идеала».

Глава 6. Университет в городском ландшафте. «Автономный» университет и городское сообщество

Петербург начала XX века не только представлял собой крупнейший академический и культурный центр страны, но и являлся заметным научным центром в европейском и мировом масштабе. Эта роль определялась деятельностью располагавшихся здесь ученых и высших учебных заведений, среди которых наибольшее значение имели Императорская Академия наук и Императорский университет. Действительно, несмотря на резкий рост числа высших учебных заведений в Петербурге в период после Первой русской революции (если в 1895 г. в городе было 21 высшее учебное заведение, то в 1914 г. их стало уже 60)¹, Университет оставался крупнейшим из них как по числу студентов, так и по количеству преподавателей.

Напомним, что столичный университет территориально располагался близко к стрелке Васильевского острова (в административном отношении это I участок Васильевской части города) — центральным корпусом университетского комплекса было историческое здание «Двенадцати коллегий»², бывшее когда-то центром российской политики. В начале XX в. здесь размещались административные службы университета и большая часть всех университетских аудиторий. Известный художник, критик и историк искусства А.Н. Бенуа дал яркую характеристику этому зданию в своих воспоминаниях, не без некоторой доли самокритики оценив тот вклад, который впоследствии (после революции 1917 г.) сам внес в его внешний облик: «Здание коллегий, в котором со времени Александра I помещался университет, представляло собою <...> величественное целое, испорченное лишь тем, что во всю его длину расположен за решеткой сад, деревья которого заслоняют значительную часть здания. В дни моего детства и молодости университет красили в

¹ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956. Т. 3: Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895–1817 / Отв. ред. Б.М. Кочаков. С. 560.

² См.: Иогансен М.В. История здания 12 коллегий во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1961–1989. Т. 1. С. 184–199.

сплошной кирпично-красный цвет, и это если и не было особенно оригинально, то все же подчеркивало величавую однообразную громадность здания. Позже (по моему же совету) его стали красить в красный и белый цвет <...>, но надо сознаться, что такая окраска, не прибавив особенной живописности, нарушила то, что в этой архитектуре было благородно-горделивого»³.

Знаменитый писатель В.В. Вересаев, учившийся в университете в конце XIX в., вспоминал то впечатление, которое на него произвело это здание: «Бесконечно длинное с полверсты <...> Концом своим упирается в набережную Невы, а широким трехэтажным фасадом выходит на Университетскую линию. Внутри такой же бесконечный, во всю длину здания, коридор, с рядом бесчисленных окон»⁴. Кстати, еще во многих воспоминаниях (А Ахматовой, В. Рождественского, В. Шкловского, Б. Асафьева и др.) мы находим неизменное «очарование бесконечным, светлым и широким коридором»⁵. А.Н. Бенуа вспоминал, что пока в аудиториях шли лекции, в этом коридоре «происходило своего рода гуляние юношей, одетых в одинаковые черно-зеленые мундиры с синими воротниками и золотыми пуговицами. Здесь происходили встречи, завязывались знакомства, возникали споры <...> вследствие сравнительной узости коридора в нем получались заторы и толкотня. В этом же коридоре происходили, несмотря на строжайший запрет, студенческие сходки»⁶. Как более критично замечал в своих воспоминаниях академик В.М. Алексеев (в начале XX в. — студент факультета восточных языков): «Коридор был <...> всегда полон шляющимися и не знающими куда себя девать студентами. В политические моменты — из-за каких-либо безобразий полицейского правительства — очень часто гудел»⁷. Знаменитому востоковеду вторит знаменитый политик — А.Ф. Керенский, называвший

³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания в пяти книгах. М., 1993. Кн. 1–3. С. 634–635.

⁴ Вересаев В.В. Воспоминания // Вересаев В.В. Собрание сочинений в 5 тт. М., 1961. Т. 5. С. 196.

⁵ См.: Ежов В.А., Марголис Ю.Д., Яковлев В.П. Предисловие // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917. С. 18.

⁶ Бенуа А.Н. Мои воспоминания... С. 635.

⁷ Алексеев В.М. Студент на рубеже столетий. Из моих студенческих воспоминаний (1898–1902) // Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 284.

коридор «символом нашей новой, свободной и прекрасной жизни», в которую погружался молодой человек, поступавший в университет⁸. В главном здании университета располагались (как и сейчас) еще несколько важных центров общеуниверситетской жизни: церковь, библиотека, актовый зал, кабинет ректора, канцелярия, зал Профессорского совета, лаборатории и кабинеты по различным отраслям знания⁹.

К началу XX века в состав университетского комплекса на Васильевском острове входил еще ряд зданий: ректорский дом (купленный университетом в 1837 г.), здания ботанической аудитории, ботанических кабинетов и оранжереи (построены в 1860-е гг.), «дом для игры в мяч» (передан университету в 1867 г.; в начале XX в. здесь располагались физические кабинеты, музеи уголовного права и древностей), студенческое общежитие (здание коллегии императора Александра II, построено в 1882 г.), Химическая лаборатория (построена в 1894 г.), жилой флигель (построен в 1900 г.), Физический институт (построен в 1901 г.), студенческая столовая (построена в 1902 г.). Кроме перечисленных, университет имел в собственности и использовал еще ряд зданий, расположенных в различных частях Васильевского острова; наиболее обширным из них было здание на 16 линии, дом 29 (построено в 1903 г. сначала как студенческое общежитие, затем — одно из зданий физико-математического факультета)¹⁰. По данным ректората, к 1920 г. учебные помещения университета были расположены в 10 зданиях и занимали 19486 кубических сажень¹¹. Как видим, в последней трети XIX – начале XX в. университет существенно расширил площадь занимаемой им городской территории.

⁸ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С. 18.

⁹ Генеральный план Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1901.

¹⁰ См., напр.: Ендольцев Ю.А. Санкт-Петербургский государственный университет. Нестандартный путеводитель. СПб., 1999. С. 17–158; Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени / Отв. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2004; Трушковский В.Э., Половцев И.Н. Шаги ко второй жизни. Физический институт Императорского Петербургского университета // Вестник. Зодчий 21 век. 2012. №2 (43). С. 92–95 и др.

¹¹ Ректор Петроградского университета — заведующему ОВУЗОМ, 16.12.1920 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 119. Л. 425.

Для понимания атмосферы университетской жизни также важно, что университетский комплекс располагался в месте, которое в литературе иногда называют «академическим центром»¹², поскольку здесь на небольшом пространстве в несколько кварталов находились крупнейшие столичные музеи («Кунсткамера», Зоологический музей, Музей почвоведения, Военно-морской музей), Академия наук, Пушкинский Дом, Первый Кадетский Корпус, Клинический повивальный институт, Историко-филологический институт, Академия художеств. Чуть дальше, на ближайших линиях и набережных острова, располагались и многие другие образовательные учреждения: Морское училище и Николаевская Морская академия, Горный институт, Патриотический и Елизаветинский институты, Бестужевские курсы, Археологический институт, Санкт-Петербургские мореходные классы (Соединенное училище дальнего плавания), Первое реальное училище, несколько частных и государственных гимназий. Также на Васильевском острове, недалеко от университета, располагались научные общества и культурные учреждения самого разнообразного профиля: Общество ревнителей истории, Общество библиотекосведения, Новая художественная мастерская, «Цех поэтов», музей «Старый Петербург», Общество для распространения Священного Писания, Бюро по прикладной ботанике и селекции, Минералогическое общество, Главная физическая обсерватория, знаменитое издательство М.О. Вольфа (которое университет использовал для издания своих трудов) и целый ряд других. Многие из этих разнообразных учреждений имели весьма давнюю историю, будучи основанными еще до появления на Васильевском острове университета (некоторые — в екатерининское время)¹³, что, кстати, по предположениям, высказывавшимся в литературе, и предопределило размещение университета в 1819 г. в здании «двенадцати коллегий»¹⁴.

¹² См.: Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.С. Овэс. СПб., 2005. С. 65.

¹³ См., напр., хронологическую и территориальную роспись деятельности культурных учреждений столицы в книге: Лурье Ф.М. Петербург 1703–1917. История и культура в таблицах. СПб., 2003. С. 14–137.

¹⁴ См.: Санкт-Петербург: 300 лет истории / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2003. С. 162.

Неудивительно, что значительная часть жизни большинства «университетских людей», чьи интересы были связаны с науками и искусствами, проходила именно на Васильевском острове, причем некоторые жили в университетском комплексе постоянно. Так, ректор университета жил в т. н. ректорском флигеле, располагающемся рядом с главным зданием и соединенным с ним аркой (сейчас здесь находятся различные административные службы университета)¹⁵. Большинство профессоров и университетских служащих также жило недалеко от университета. Некоторые из них жили, как и ректор, в казенных квартирах, которыми располагал университет (расположенных как в специальном трехэтажном флигеле, примыкавшем к Химической лаборатории, так и в главном здании, других рабочих корпусах)¹⁶, но в описываемый период большинство все же снимало квартиры поблизости¹⁷. В университетском комплексе на Филологическом переулке располагалось и упомянутое выше студенческое общежитие — построенное в 1882 г. по проекту архитектора Л.Н. Бенуа здание Александровской коллегии (сегодня здание занято хозяйственной частью университета)¹⁸, его жители — студенты университета — именовались «коллегиантами». Открытая 3 октября 1882 г., Коллегия императора Александра II была учреждена на средства известного предпринимателя и мецената С.С. Полякова, пожертвовавшего на ее устройство более 200 тыс. рублей, и была рассчитана на проживание 150 студентов¹⁹. Однако при постоянно увеличивавшемся притоке студенчества, помещений общежития не хватало, и большинству нуждающихся в жилье студентов приходилось снимать его на ближайших линиях Васильевского острова.

¹⁵ *Ендольцев Ю.А.* Санкт-Петербургский государственный университет... С. 72–79.

¹⁶ Там же. С. 229–230.

¹⁷ Так, в 1914 г. почти все профессора университета имели жительство на Васильевском острове (см.: Общий список лиц, состоящих в Императорском Санкт-Петербургском Университете, которые на основании ст. 81–88 Учреждения Судебных Установлений могут быть присяжными заседателями по гор. СПб и его уезду в 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10837. Л. 4–8).

¹⁸ См., напр.: *Ендольцев Ю.А.* Санкт-Петербургский государственный университет... С. 67–68.

¹⁹ См.: Краткий отчет о постройке здания коллегии императора Александра II для студентов С.-Петербургского университета / Сост. Н. Аничков. СПб., 1882; Устав коллегии императора Александра II для студентов императорского С.-Петербургского университета, учрежденной Самуилом Соломоновичем Поляковым. СПб., 1882; Обзор деятельности СПб унив-та за время с 1881–1894 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9506. Л. 5; Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени... С.53.

Таким образом, закономерно, что значительную часть жителей Васильевского острова составляли трудовая интеллигенция и студенты, связанные с «академическим центром», а также служащие различных учреждений. Известный исследователь социальной истории Петербурга Н.В. Юхнева отмечает, что кварталы от Университетской и Николаевской набережных до Большого проспекта в начале XX в. были заселены по преимуществу учеными, преподавателями учебных заведений и учащимися²⁰. Однако надо помнить и о другой многочисленной части населения острова, связанной с близостью порта и заводских предприятий, расположенных на этой территории, — моряках и рабочих. Поэтому можно сказать, что, несмотря на обилие учебных заведений и ученых институтов, Васильевский остров начала XX в. в своей большей (западной) части относился скорее к демократическим районам города. Район же университета можно отнести к пограничным территориям «парадного» Петербурга, за которыми очень близко начинался уже совсем другой, «непарадный» город. В частности, следует отметить, что неподалеку за университетским комплексом находились кварталы с дурной репутацией (например, у находящегося по соседству Андреевского рынка располагались многочисленные притоны, процветала проституция²¹). Говоря о «территориальных проблемах» университета, надо также иметь в виду, что Васильевский остров является не самым благоприятным местом города не только в социальном, но и в климатическом отношении — благодаря своей линейной планировке его восточная часть продувается с двух сторон сильными невскими ветрами²², основная же проблема района — периодические наводнения, случавшиеся здесь чаще других центральных районов, которым были наиболее подвержены (помимо западной приморской части Васильев-

²⁰ Юхнева Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь в старом Петербурге // Многонациональный Петербург. История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 64.

²¹ Григорьев М.А. Петербург 1910-х годов... С. 67

²² Ленинград. Историко-географический атлас. М., 1977. С. 53.

ского острова) кварталы, расположенные севернее Среднего проспекта, и стрелка острова²³.

Долгое время восточная часть Васильевского острова (I участок Васильевской части) отличалась повышенной концентрацией нерусского населения, что было связано в значительной степени как раз с преподавательским и учащимся составом учебных заведений, расположенных в этом месте, и служащими находящейся здесь Биржи и торговых контор. К 1910 г. этническая ситуация постепенно меняется, и уровень русского населения приближается здесь к среднему по городу, однако по-прежнему непропорционально высокой по отношению к среднегородскому числу остается доля немецкого населения (7%), а состав инонациональной части населения был одним из самых пестрых в столице²⁴. Эти обстоятельства, кстати, во многом отражали как рост абсолютного числа русских студентов в университете, так и пеструю этническую картину университетского студенчества, о которой мы поговорим ниже. Следует помнить, что численно весь «академический мир» Петербурга составлял в начале XX в. ничтожный процент (1–2%) от населения быстрорастущего города, число жителей которого к началу Первой Мировой войны перевалило за 2,2 млн. человек (увеличившись за это время почти на 600 тыс.)²⁵.

Между тем, нельзя сказать, что университет был отгорожен от окружающего его городского пространства. Характерно, что один из постоянно задаваемых вопросов к администрации со стороны МНП или полиции — вопрос о порядке доступа в здание университета, который представлялся властям слишком свободным. Например, в «кризисный» 1911 г. в ответ на оче-

²³ Померанец К.С. Три века петербургских наводнений. СПб., 2005. С. 121; Москаленко И.Г. Наводнения // Санкт-Петербург. Энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 557; Ленинград. Историко-географический атлас... С. 58.

²⁴ Юхнева Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь... С. 65.

²⁵ Численность наличного населения, 1764–2002 гг. // Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный статистический сборник. СПб., 2003. Вып. 2. С. 16.

редное требование МНП об установлении пропускной системы²⁶ ректор отвечал:

«Установить контроль за входящими через подъезд университета со стороны набережной не представляется возможным, так как в этот подъезд входят не только студенты, но и посторонние, имеющие надобность в посещении Канцелярии. Для того, чтобы из означенных лиц никто не мог проникнуть во внутренний коридор, мною, согласно устному предложению г. Товарища Министра народного просвещения действительного статского советника В.Т. Шевякова, с субботы 24 сентября уже установлен контроль за входящими в коридор с подъезда с набережной и служители, поставленные у входа в коридор, требуют от входящих в него предъявления матрикулов и входных билетов»²⁷.

Попечитель наложил на ректорское письмо глубокомысленную резолюцию:

«Необходимо требовать предъявления входных билетов, а не матрикулов. Если разрешить вести дело так; как это ведется теперь, то всякий студент может провести одного постороннего»²⁸.

Только после этого выяснилось, что входные билеты для студентов уже год как отменены Правлением университета (о чем тогда же — осенью 1910 г. было сообщено в министерство)²⁹. Впрочем, и по вновь разработанным правилам, введенным в действие в 1911 г., допуск в университет широкой публике даже формально закрыт не был — по существу любой желающий, «имеющий надобность в посещении» университета, мог получить контрамарку у смотрителя здания, не говоря о том, что деканы факультетов могли выписывать удостоверения на постоянный проход в университет неограниченному кругу лиц³⁰.

²⁶ Департамент МНП. Разряд ученых учреждений и высших учебных заведений — и.о. ректора С.-Петербургского университета, 28 сентября 1911 г., №685 // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12601. Л. 232–232об.

²⁷ Ректор — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 30 сентября 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12599. Л. 42.

²⁸ Там же.

²⁹ Ректор — Попечителю С. Петербургского учебного округа, 28 октября 1911 г., №4255 // Там же. Л. 111.

³⁰ Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 7 сентября 1911 г., №28. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13415. Л. 70–70об.

Важно при этом иметь в виду, что за редким исключением на университетских лекциях отсутствовал какой-либо контроль посещаемости студентов, а идея допускать на них только записавшихся согласно утвердившимся в профессорской среде представлениям «не соответствовала достоинству университета и значению профессорских лекций»³¹. Иначе говоря, фактически университетские аудитории оставались открытыми для посторонней публики даже во времена «террора» эпохи Л.А. Кассо (см. главу 8).

Для понимания характера и степени институциональной вовлеченности университетской корпорации как института в общественную жизнь, ее способности реагировать на социальный заказ, особенно в рамках нашей темы, кажется важным кратко рассмотреть ее отношения не только с центральными, но и с региональными властями, которые в той или иной степени выражали местные общественные интересы и были социально «ближе» «университетскому миру», по крайней мере, в отличие от центральных властей не представляясь профессорскому сообществу в роли постоянной «угрозы» университетской автономии.

В этой связи уместно напомнить, что представляла собой система городского управления. Столичное городское управление в начале XX в. как бы распадалось на две части — местная администрация, назначаемая «сверху», и городское самоуправление (или «городское общественное управление»). При этом реальным главой города Петербурга был именно назначаемый Министерством внутренних дел градоначальник (или поставленный над ним генерал-губернатор)³², контролировавший деятельность городского самоуправления и руководивший полицейскими силами. В интересующий нас период эту должность занимали градоначальники П.А. Грессер (1883–1892), В.В. фон Валь (1892–1895), Н.В. Клейгельс (1895–1904), И.А. Фуллон (1904–1905), В.А. Дедюлин (1905–1906), В.Ф. фон дер Лауниц (1906–1907),

³¹ Кареев Н.И. Как следует поступать с гонораром? СПб., 1897. С. 7.

³² Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С. 121–134.

Д.В. Драчевский (1907–1914), А.Н. Оболенский (1914–1916) и генерал-губернатор Д.Ф. Трепов (с января по октябрь 1905 г.)³³.

Отношения с университетом складывались у градоначальников по-разному. Так, после отставки И.А. Фуллона, на которого была возложена вина за события 9 января 1905 г., была учреждена должность генерал-губернатора, обладавшего чрезвычайными полномочиями. На нее был назначен Д.Ф. Трепов, который прославился знаменитым приказом «холостых залпов не давать, патронов не жалеть»³⁴ и который видел в университете один из основных «рассадников революции» в столице; именно по его приказу на территорию университета в октябре 1905 г. были введены войска. Особое раздражение Д.Ф. Трепова вызывала либеральная профессура, к массовому увольнению которой генерал-губернатор активно призывал³⁵. Неудивительно, что университетское сообщество (и профессора, и младшие преподаватели, и студенты) воспринимало фигуру генерал-губернатора однозначно негативно. Не лучше складывались отношения университета и с его последователями В.А. Дедюлиным и В.Ф. фон дер Лауницем. Во время революционных беспорядков, проходивших в университете, Совет и Советская комиссия были вынуждены войти в сношение с градоначальником для расследования беспорядков³⁶. Эта переписка на протяжении всего революционного времени шла весьма оживленно, отражая политические метания ректора и университетской элиты, а также взаимное недоверие, которое администрация университета и власть испытывали друг к другу³⁷. Градоначальники периодически «обвиняли» университетскую администрацию в сокрытии беспорядков.

³³ См.: Градоначальники. Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург / Автор-составитель Д.В. Митюрин. СПб., 2003. С. 525–580; *Друголенский Я.Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга–Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники. СПб., 2001. С. 371–384.

³⁴ *Голь Н.М.* Первоначальствующие лица: История одного города. СПб., 2001. С. 319.

³⁵ *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 230.

³⁶ Журнал заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1905 г. // Журналы (протоколы) заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. №61. СПб., 1906. С. 109–111; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г. // Там же. С. 132.

³⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. №63. СПб., 1908. С. 63–68.

Контакты между городской администрацией и университетом продолжались и после революционного подъема 1905–1907 гг. в эпоху градоначальника Д.В. Драчевского. Как не парадоксально, отношения между новым градоначальником и университетом оказались значительно лучше прежних. Так, в критические дни января 1911 г. (в момент наибольшего противостояния Министерства Л.А. Кассо и Университета) от шага, аналогичного шагу Совета Московского университета, коллективно подавшего в отставку в результате действий полиции, Совет Петербургского университета во многом удержала позиция петербургского градоначальника и полицмейстера В.Ф. Галле, которые, если и не согласовывали свои действия по наведению «порядка», то предупреждали администрацию университета обо всех более или менее крупных полицейских акциях. Как отмечал в разгар этих событий ректор Д.Д. Гримм, «полиция, которая вовсе не обязана сноситься с Ректором, на деле постоянно ведет переговоры с ним»³⁸. Градоначальник, как правило, положительно реагирует на просьбы ректора освободить «невинных» студентов, арестованных в ходе полицейских облав первой половины 1910-х гг.³⁹ Лояльные отношения сохранялись даже несмотря на то, что градоначальник, как и его предшественники, делал периодические выговоры «университету» за революционную деятельность в его стенах.

Однако, как видим, контакты с назначаемой городской администрацией носили в целом «вынужденный» характер, и, по существу, их можно рассматривать в общем контексте отношений университета с центральными властями. Поэтому, как кажется, более важным для оценки вовлечения университетской корпорации в общественную жизнь является проблема ее взаимоотношений с т. н. «общественным управлением».

Напомним, что вплоть до 1917 г. система городского самоуправления формировалась на основании Городовых положений 1870 и 1892 гг. Выборы

³⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. // Протоколы заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. №67. СПб., 1913. С. 42.

³⁹ См., напр.: Ректор — градоначальнику. 22 февраля 1912 г. №1945 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 47. Л. 4–5.

носили цензовый характер — состав избирателей и значение подаваемых ими голосов зависели от их имущественного положения. Согласно Городовому положению 1892 г., городская автономия была очень ограниченной. Компетенция Думы была связана исключительно с вопросами городского благоустройства, общественного призрения и медицины. Лишь отчасти (в сфере организации и финансирования, но не регламентации деятельности) Городская дума занималась вопросами народного образования (низшего и среднего) и безопасности (полиция и пожарная служба). Обсуждение политических вопросов для городских дум (равно как и земских собраний) было исключено. Согласно положению 1892 г., городской голова назначался правительственной властью из предложенных Думой кандидатур, а члены Городской управы, товарищи городского главы, Председатель Городской думы, будучи избираемы Думой, также утверждались сверху. В 1903 г. произошла реформа системы городского управления, закрепившая особое привилегированное положение Петербургской городской думы в сравнение с другими органами местного управления Империи. В число столичных избирателей были включены квартиронаниматели, платившие достаточно высокий налог; круг решений Думы, требующих министерского утверждения, был сужен, усовершенствован контроль за исполнительным органом местного управления; городской голова избирался Думой, хотя и утверждался сверху⁴⁰. В означенный период «городскими головами», избранными Думой, были Ив. И. Глазунов (1881–1885), В.И. Лихачев (1885–1892), В.А. Ратьков-Рожнов (1893–1897), П.И. Лелянов (1898–1905), Н.А. Резцов (1905–1910), Ил.И. Глазунов (1910–1913), граф И.И. Толстой (1913–1915), затем опять П.И. Лелянов (1916–1917)⁴¹. В то же время и после нововведений избирательными правами поль-

⁴⁰ Высочайше утвержденное 8 июня 1903 г. Положение об общественном управлении г. Санкт-Петербурга. СПб., 1903. См.: *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 133, 155.

⁴¹ Городские головы Петербурга // Петербургская городская дума. 1846–1918 / Отв. ред. В.А. Нардова. СПб., 2005. С. 417–448.

зовалось не более 0,8% населения города⁴². Согласно обоснованному в литературе заключению, механизм правительственного контроля за действием общественного управления не столько содействовал лояльности местных органов самоуправления, сколько способствовал «разрыву между обществом в лице его представительных органов и правительственной властью»⁴³. Как показано в историографии, ограничение компетенции Думы и сферы ее деятельности со стороны центральных властей мешало осуществлению эффективного управления городским хозяйством⁴⁴.

Учитывая консервативный состав избирателей и гласных Городской Думы, неудивительно, что долгое время органы городского общественного управления дистанцировались от всякого оппозиционного движения⁴⁵. Однако на гребне революции в городском общественном самоуправлении резко усиливаются позиции «либералов», появляется целый ряд планов преобразования местного управления⁴⁶. К началу XX в. в Петербургской Городской думе сформировались две партии: «стародумская» (П.И. Лебянов, С.А. Тарасов, И.И. Глазунов, И.И. Дернов, В.А. Тройницкий и др.) и «новодумская» (Е.И. Кедрин, П.А. Потехин, В.Д. Набоков, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.). Однако постепенно, по мере развития революции, «стародумская» партия сдает свои позиции, а «новодумская» усиливается⁴⁷; консерватора П.И. Лебянова в 1905 г. сменяет на посту городского головы знаменитый ин-

⁴² См.: Сухорукова А.С. Петербургская городская дума начала XX в. // Петербургские чтения. Петербург и Россия. Материалы научной конференции. 13–15 апреля 1994. СПб., 1994. С. 113.

⁴³ См.: Нардова В.А. Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870–1914 гг.) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 122.

⁴⁴ Сухорукова А.С. Петербургская городская дума и проблемы градостроительства в конце XIX – начале XX века. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 11.

⁴⁵ Нардова В.А. Нарастание оппозиционности органов городского самоуправления в канун первой российской революции 1905–1907 гг. // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С. 99–100.

⁴⁶ А.Б. (Лукомский А.Б.). Городское самоуправление в России. М., 1905; Богданов А.А. Городское самоуправление в России. М., 1906; Бубнов И.М. К вопросу о преобразовании нашего городского самоуправления. Киев, 1905; Данилов Ф.А. Взгляды социалистических партий на общественное управление. М., 1906; Озеров И.Х. Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906; Тотомиянц В.Ф. Задачи городского самоуправления. Краткий очерк муниципального социализма. СПб., 1906 и др.

⁴⁷ См.: Макаревич М.Л. Городская Дума г. Санкт-Петербурга в 1904–1907 гг. Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 157.

женер, экономист, организатор российской бумажной промышленности Н.А. Резцов, политически близкий к «новодумцам».

С началом революции Дума последовательно принимает участие в акциях «прогрессивного» характера (организация помощи жертвам 9 ноября, выработка программы либеральных реформ, приветствие манифеста 17 октября, кампания призывов к отмене смертной казни, отмене законов об усиленной охране, участие в работе земско-городских съездов и т. п.)⁴⁸. В 1906 г. Городская дума вырабатывает проект нового «Городского положения», которое должно было принципиально расширить права общественного управления и минимизировать имущественный ценз для участия в местных выборах⁴⁹. Этим планам и политической радикализации Думы способствовала и гражданская активность горожан, в силу закона отстраненных от участия в муниципальной деятельности, — с 1906 г. во всех частях Петербурга создаются общества обывателей и избирателей, занимавшихся благоустройством города, тесно связанных с деятельностью думских гласных и принимавших активное участие в выборных компаниях⁵⁰.

Однако в целом политическая окраска Думы заметно отличалась от прокадетской ориентации Совета Университета. Цензовый характер выборов predetermined большее влияние в Петербургской думе консервативных сил⁵¹. Это проявилось еще на съезде земских и городских деятелей в ноябре 1905 г., где октябристски настроенные петербуржцы, отмечавшие необходимость общественного успокоения, оказались в меньшинстве⁵². С началом спада революции эти настроения усиливаются как в среде основных избирателей, так и среди гласных, отражением чего стали думские выборы ноября

⁴⁸ См.: Там же.

⁴⁹ Проект нового Городового положения // Известия С.-Петербургской Городской Думы. 1906. Февраль. Т. 161. №4. С. 720–739.

⁵⁰ См.: Сухорукова А.С. Петербургская городская дума и проблемы градостроительства... С. 14.

⁵¹ Оценку консерваторов Петербургской думы состава 1906–1909 гг. см.: [Старый петербуржец]. Городская Дума и Городская Управа. СПб., 1906.

⁵² Общероссийский съезд земских и городских деятелей. 6–13 ноября 1905 г. Москва // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы. М., 2001. С. 435–508. Ср.: Макаревич М.Л. Городская Дума г. Санкт-Петербурга в 1904–1907 гг. Дисс.... С. 172–173.

1906 г., на которых «новодумская партия» потерпела сокрушительное поражение⁵³. После же выборов 1909 г. в Думе усилилось правое крыло «стародумской партии», которое не могло простить «технократу» Н.А. Резцову его политики революционного времени. Вместо Н.А. Резцова городским главой был избран «стародумец» И.И. Глазунов, представитель известного издательского дома.

Но «новодумцы» не смирились с поражением и вели ожесточенную борьбу за влияние на городских избирателей. После выборов 1909 г. в качестве наследников «новодумцев» в Думе формируется группа «Обновление», начавшая активную пропаганду против «стародумцев» в городском сообществе. В рамках этой компании можно рассматривать, например, и начало издания двумя видными деятелями этой партии гласными Л.А. Велиховым и М.П. Федоровым журнала «Городское дело», имевшего всероссийский размах. Во вступительной статье к первому номеру журнала, вышедшего с 1910 г., К.К. Арсеньев, сравнивая систему городского самоуправления в России и Пруссии, назвал основные пороки русской системы городского самоуправления — узкий круг избирателей, ограниченность полномочий и полную зависимость от правительства⁵⁴.

Итак, в послереволюционной Городской думе основная борьба шла между т. н. «стародумцами» (включавшими в себя правых депутатов, от черносотенцев до правых октябристов) и «обновленцами» (объединенными программой модернизации системы городского управления и хозяйства). На выборах 1912 г. «обновленцам» удалось одержать относительную победу и провести в мае 1913 г. на пост городского главы умеренного либерала, близкого к прогрессистам⁵⁵, бывшего министра народного просвещения графа

⁵³ Там же. С. 178; Личный состав гласных городской Думы // Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1907 г. СПб., 1908. Ч. II. С. 1–19.

⁵⁴ Арсеньев К.К. [Вступительная статья] // Городское дело. 1910. №7. С. 4–9.

⁵⁵ Шевырин В.М. Живое прошлое (По страницам Дневника и мемуаров гр. И.И. Толстого) // ОИ. 2000. №4. С. 139–148.

И.И. Толстого⁵⁶. «Обновленцы», возглавляемые И.И. Толстым, возобновили движение за расширение прав городского общественного управления. Естественно, что постепенно недовольство Министерства внутренних дел и градоначальника деятельностью Городской Думы и городского главы возрастало, усиливались давление на них и критика их работы в официозной прессе. При молчаливой поддержке центральной власти «стародумцы» вели политику по срыву заседаний городского общественного управления.

С началом Первой Мировой войны Дума и избранный ею городской голова сформулировали патриотическую платформу в заявлении, принятом 24 июля 1914 г. Тональность этого заявления была аналогична тональности тысяч таких же заявлений, принятых в эти дни в России (в том числе и Советом университета)⁵⁷. Дума призывала к «внутреннему миру» во имя победы над опасным врагом⁵⁸. В то же время для городского главы И.И. Толстого (как и для большинства городских депутатов) было характерно резкое возмущение теми «патриотическими акциями», которые переходили в шовинистические погромы (например, Германского посольства после начала войны); городской голова был категорически не согласен с переименованием столич-

⁵⁶ Беляев С.Г. И.И. Толстой — столичный городской глава (1913–1916) // Петербургские чтения. СПб., 1999. С. 301–304. Несомненно, И.И. Толстой пользовался популярностью в среде русского общества. В первые месяцы войны он, по замечанию известного искусствоведа и приват-доцента университета Н.П. Кондакова, был знаменем, к которому «стекаются пожертвования и на которое устремлены все взоры в городе и даже за пределами города» (цит. по: Там же. С. 303).

⁵⁷ О патриотическом подъеме представителей разных сословий российского общества см., напр.: *Lincoln W.B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution. 1914–1918.* NY.; Oxford, 1994. P. 41–59. См. также главу 9.

⁵⁸ Заявление это было многократно растиражировано. В нем провозглашалось: «Германия подняла меч на славянство. Германизм Средней Европы бросил вызов славянской идее, бросил вызов первому выразителю славянства, великой нашей родине, России. Удар принят. Удар принят со спокойствием, с тем достоинством и сознанием чести, с которым всегда отвечало в тяжелую, великую минуту наше отечество. Мы все охвачены одними мыслями, одними чувствами, одними желаниями. Монарх сказал: “Да кончатся внутренние распри”. Этим распрям, различия во мнениях, и желаниях и суждениях — их уже между нами нет. Люди всех классов, всех состояний слились в одну русскую душу, их нет этих распрям между национальностями, населяющими наше отечество. Среди нас нет теперь ни национальностей, ни партий, ни различий мнений. Россия предстала перед германизмом как один великий человек, а этот великий человек носит великое имя “русский”. Мы воодушевлены чувствами, но мы воодушевлены и сознанием величия переживаемой минуты. Нам надо работать, нам надо ответственно работать той громадной работой, которая предстоит и всему городскому населению...» (См., напр.: Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 14–15).

цы из Петербурга в Петроград, представлял интересы семей арестованных в столице германских подданных и т. д.⁵⁹

Таким образом, в чем-то положение «обновленной» Городской думы в предреволюционные десятилетия было схоже с положением университетской корпорации. Дума, так же, как и университет, вела борьбу за расширение собственной автономии за счет полномочий центральной власти⁶⁰. С начала I Мировой войны И.И. Толстой вел политику «либерального патриотизма», которая, как мы увидим (см. главу 9), была близка и Совету университета. В составе образованного в августе 1914 г. Всероссийского Союза городов Петроградское городское управление оказалось органичной частью оппозиционного общественного движения, ориентированного с 1915 г. на Прогрессивный блок. Казалось бы, в этих условиях был бы уместен союз между городом (либеральным городским главой, лично знавшим большинство профессоров университета и с начала 1912 г. являвшимся председателем Общества вспомоществования студентам Петербургского университета) и либеральным Советом университета⁶¹, — тем более что несколько членов университетской корпорации в разное время являлись и гласными Думы, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица 33.

Таблица 33. Преподаватели С.-Петербургского университета — члены С.-Петербургской городской думы⁶²

⁵⁹ См., напр.: Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526, 532–533, 539, 549 и др.

⁶⁰ Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Первая мировая война и петроградская оппозиционность // Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее им. А.С. Пушкина. СПб., 2000. С. 189–208.

⁶¹ Судя по Дневнику И.И. Толстого, близкие (и можно сказать, даже дружеские) отношения у него были с такими известными представителями университетской корпорации, как М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, С.Ф. Ольденбург, Н.П. Кондаков, достаточно теплые — с братьями Э.Д. и Д.Д. Гриммами. (См.: Толстой И.И. Дневник...).

⁶² Составлено по: Б-ов А.Д. Петербургская городская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910. СПб., 1904; Личный состав гласных городской Думы... С. 2–19; Городская Дума // Справочная книжка по С.-Петербургскому городскому общественному управлению на 1908 г. СПб., 1908. С. 3–24; Список гласных С.-Петербургской городской Думы на 1 апреля 1912 г. СПб., 1912; Списки гласных Петербургской городской думы 1897, 1904, 1913 г. // Петербургская городская Дума. 1846–1918... С. 460–509.

№	Период полномочий	ФИО	Должность в университете	Факультет
1.	1900–1906	Дерюжинский Владимир Федорович	Профессор	Юридический факультет
2.	1900–1906	Кареев Николай Иванович	Профессор	Историко-филологический факультет
3.	1900–1906	Ходский Леонид Владимирович	Профессор	Юридический факультет
4.	1904–1910	Дымша Любомир Клеофасович	Приват-доцент	Юридический факультет
5.	1904–1910, 1910–1916, 1917–	Тютрюмов Игорь Матвеевич	Приват-доцент	Юридический факультет
6.	1904–1910	Фойницкий Иван Яковлевич	Профессор	Юридический факультет
7.	1910–1916	Васильев Александр Васильевич	Приват-доцент	Физико-математический факультет математик
8.	1907–1913	Иностранцев Александр Александрович	Профессор	Физико-математический факультет геолог
9.	1910–1916	Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич	Приват-доцент	Юридический факультет
10.	1913–1919	Ковалевский Максим Максимович	Профессор	Юридический факультет
11.	1910–1916	Пиленко Александр Александрович	Приват-доцент, профессор	Юридический факультет
12.	1913–1919	Боргман Иван Иванович	Профессор	Физико-математический факультет
13.	1913–1919	Нечаев Василий Михайлович	Приват-доцент	Юридический факультет
14.	1898-1902	Фан-дер Флит Петр Петрович	Профессор	Физико-математический факультет

Наибольшую известность из них в «революционной» Думе имели профессор И.Я. Фойницкий, Н.И. Кареев, приват-доцент Л.В. Ходский⁶³, которые примыкали к левому крылу Думы. Однако в новый состав Думы в 1906 г. они избраны не были.

Вообще, в Думе 1904–1910 гг. особое влияние имели приват-доцент юридического факультета Л.К. Дымша, который входил в большое количество комиссий (по юридическим вопросам, по вопросу о расходовании средств в больнице Марии Магдалины, о мерах по безопасности столичного населения, призрения нищих и др.), а в 1907 г. был избран заместителем председателя Думы⁶⁴. Кроме Л.К. Дымши, особое влияние имел приват-доцент юридического факультета И.М. Тютрюмов, который был одним из наиболее видных чиновных деятелей в составе корпорации. Будучи обер-прокурором 2-го департамента Сената, он в то же время занимал различные посты в городском общественном управлении (гласный Городской думы, председатель постоянной Юридической комиссии при Городской Думе, заместитель председателя Думы)⁶⁵. Будучи членом Санкт-Петербургской Городской комиссии по образованию, И.М. Тютрюмов также был в разное время попечителем 28 классов в начальных школах Санкт-Петербурга, воскресной школы и двух профессиональных училищ⁶⁶. Несколько меньшую активность проявлял профессор И.Я. Фойницкий, который возглавлял комиссию, подготавливавшую решения по регламентации времени «праздничного отдыха служащих в торговых и ремесленных учреждениях», а также представлял город в Комитете общества земледельческих колоний и ремесленных приютов⁶⁷.

После 1909 г. среди членов группы «Обновление» следует указать на университетских профессоров А.А. Иностранцева, А.А. Пиленко,

⁶³ Б-ов А.Д. Петербургская городская дума в биографиях... С. 95–96, 231–232, 234.

⁶⁴ Личный состав гласных городской Думы... С. 6; Городская Дума... С. 3.

⁶⁵ Личный состав гласных городской Думы... С. 17.

⁶⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год. СПб., 1907. С. 134; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год. СПб., 1908. С. 188; Отчет С.-Петербургского городского общественного управления за 1912 г. СПб., 1913. Ч. 4. Комиссия по народному образованию. С. 12.

⁶⁷ Городская Дума... С. 65.

М.М. Ковалевского. Среди лидеров «обновленцев» также были заместитель председателя думы в 1913–1916 гг. В.Д. Кузьмин-Караваев — гласный Думы, один из основателей партии демократических реформ, профессор Военно-Юридической академии, приват-доцент университета и профессор Высших женских курсов В.М. Нечаев⁶⁸. Одним из основных «агитаторов» «обновленцев», которому эта «партия» в определенной степени обязана успехом на выборах 1912 г., стал профессор международного права университета А.А. Пиленко. Он даже написал книгу «Стародумцы и обновленцы» (1912), представлявшую «стародумскую партию» в прямо-таки анекдотическом свете. Особый упор автор делал на «дремучую» необразованность, крайнюю невежественность и отсталость «стародумцев»⁶⁹. В 1912 г. в число гласных городской думы избран и бывший ректор университета профессор физики И.И. Боргман, который благодаря этому избранию вновь активно включился в общественную деятельность на заключительном отрезке своего жизненного пути (он скончался в мае 1914 г.). В Думе И.И. Боргман стал членом больницы⁷⁰, находившейся, судя по отчету его предшественника на этом посту, в весьма бедственном положении⁷¹. В Думе он также примкнул к «обновленцам», равно как и другой «новичок», коллега И.И. Боргмана по факультету, известный математик А.В. Васильев⁷². Таким образом, представители университетской корпорации в городском общественном управлении без единого исключения присоединились к «обновленцам» и в этом смысле выражали в общественном управлении установки политического либерализма, свойственные университетскому сообществу.

⁶⁸ Петроградская городская Дума в 1913–1915 гг. (Деятельность группы Обновления). Пг., 1915. С. 245–252.

⁶⁹ Пиленко А.А. Стародумцы и обновленцы. СПб., 1912.

⁷⁰ [Хвольсон О.Д.] Иван Иванович Боргман // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг., 1915. С. 61.

⁷¹ Отчет Петроградского городского общественного управления [за 1912 г.]. Пг., 1915; Отчет попечителя Петропавловской больницы и городских родильных приютов. Объяснительная записка к отчету г. попечителя Петропавловской больницы Г.П. Сазонова. Пг., 1915. С. 1–157.

⁷² Петроградская городская Дума в 1913–1915 гг.... С. 246.

В связи с довольно активным представительством университетской корпорации в Городской думе, кажется неслучайным, что начиная с мая 1905 г. в список первоочередных мер, представляемых Городской думой на рассмотрение Верховной власти и призванных политически оздоровить русское общество, наряду с традиционным набором «демократических свобод», вошли и меры «гарантирующие широкое и правильное развитие образования, как высшего и среднего, так и низшего»⁷³. Однако, несмотря на высокий уровень личных контактов и связей между деятелями городского общественного управления и университета и внешние условия для взаимной корпоративной поддержки, мы вынуждены констатировать, что полноценного сотрудничества между городским общественным управлением и университетом ни в политическом, ни в общественно-профессиональном смысле не состоялось. Изучение комплекса печатных и архивных материалов системы Петербургского городского управления и университета (стенограммы заседаний Городской думы, городские постановления, протоколы заседаний Совета и факультетов, делопроизводственная документация) показывает *спорадический* характер контактов между университетом и муниципальными властями как в период 1905–1914 гг., так и годы I Мировой войны.

Укажем на некоторые примеры таких контактов и попытаемся понять, почему они не стали более масштабными. Так, в качестве примера добрых отношений общественного управления и университета можно отметить решение вопроса об увековечивании памяти бывшего профессора университета — всемирно известного ученого Д.И. Менделеева. После письма городского головы Н.А. Резцова к ректору университета с выражением соболезнования университетской корпорации по поводу кончины Д.И. Менделеева родился проект Городской управы по установке памятника ученому во дворе университета. Примечательно, что «конкурентом» университета за *место* установки памятника стал родной для Н.А. Резцова Технологический институт,

⁷³ Известия С.-Петербургской Городской Думы. 1905. Май. №16. С. 1079.

и Совет университета посчитал необходимым выступить со специальным ходатайством в адрес Городской управы, в котором обосновывался выбор места памятника в пользу университета, с чем согласились и городской голова, и Дума. Впоследствии университет принял активное участие в сборе средств на сооружение памятника, организованном городским общественным управлением⁷⁴. С другой стороны, по просьбе того же городского головы Н.А. Резцова университет в феврале 1906 г. периодически предоставлял актовый зал университета для заседаний избирательной комиссии по выборам в Государственную думу⁷⁵ и для других нужд города.

К числу примеров гражданского взаимодействия между университетским сообществом и городскими властями можно отнести и контакты студенческого самоуправления с Городской думой. Примечательно, что в условиях, когда полиция, подчиненная градоначальнику, в глазах лидеров студенческого движения выступала в качестве одного из организаторов контрреволюционных погромов, к городскому самоуправлению учащиеся высших учебных заведений относились с большим доверием. Так, после того как Университетский совет отказался выдать оружие «академическому легиону», студенты Петербургского университета на сходке (27 октября 1905 г.), проведенной по инициативе социал-демократов, приняли решение направить делегацию в Городскую думу с предложением организовать милицию для борьбы с массовыми убийствами, погромами и кровопролитием на улицах. При этом делегация заявила о «полной готовности стать первыми в ее ря-

⁷⁴ Письмо городского головы Н.А. Резцова, адресованное ректору И.И. Боргману, в частности, заключало в себе следующие выражения: «СПб. Городская Дума, как представительница города, в котором протекала вся научная деятельность покойного Дмитрия Ивановича, заслушав в заседании 24 января скорбную весть о кончине великого ученого, почтила его память общим вставанием и единогласно постановило выразить соболезнование тем высшим учебным заведениям, которым покойный посвятил свои силы. Имея в виду, что покойный Дмитрий Иванович в лучшие годы его научной деятельности состоял профессором химии в Императорском С.-Петербургском университете, из стен которого вышла целая плеяда талантливых учеников великого учителя, я от имени Городского Общественного Управления прошу Ваше Превосходительство передать С.-Петербургскому Университету выражение искреннего и глубокого сожаления» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. №62. СПб., 1907. С. 10). См. также: Известия Санкт-Петербургской городской Думы. 1907. Т. 165. №9; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г.... С. 9–10.

⁷⁵ См.: Там же. С. 22.

ды»⁷⁶. Одновременно делегация потребовала, чтобы Городская дума незамедлительно отпустила для самозащиты «необходимое количество оружия и материальных средств для вооружения»⁷⁷. В советской историографии (вслед за соответствующей возмущенной резолюцией революционного «Совета старост») подчеркивалось, что Дума так и не вооружила студентов, «предоставив жизни тысяч молодых граждан России произволу подонков»⁷⁸. Это утверждение, конечно, является крайним преувеличением опасности для «молодых жизней» — ничего удивительного в том, что Дума не раздала оружие студентам-социалистам, конечно, нет. Гораздо интереснее то, что Городская дума в течение четырех дней обсуждала этот вопрос, затем (30 ноября 1905 г.) создала комиссию по выработке мер по ограждению безопасности столичного населения⁷⁹. Комиссия эта, правда, ничего так и не решила, однако упразднена была только полгода спустя, в апреле 1906 г.⁸⁰, когда уровень напряженности в городе снизился. Предложение студентов пришлось как нельзя кстати для прогрессивных депутатов Думы, которые как раз в это время поднимали вопрос о создании «городской милиции» «взамен существующей правительственной полиции»⁸¹. Впрочем, революционное студенчество в октябре 1905 г. организует и вооружает собственные дружины самообороны без какой-либо санкции (но и без противодействия) со стороны городских властей.

Разумеется, следует указать, что некоторые профессора выполняли собственные индивидуальные заказы, шедшие от городского общественного управления. Так, профессор факультета восточных языков В.Д. Смирнов обозревал в 1905 г. по поручению городских властей народные школы в Гер-

⁷⁶ Цит. по: *Рогозин И.И.* Политическая борьба за молодежь России. 1903–1917. М., 1989. С. 27. См. также: *Известия С.-Петербургской Городской Думы.* 1905. Декабрь. Т. 160. №33. С. 1711.

⁷⁷ *Д.[ьяконов] А.* 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907. С. 146–147. Ср.: *Рогозин И.И.* Политическая борьба... С. 27.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Известия С.-Петербургской Городской Думы.* 1905. Декабрь. Т. 160. №36. С. 2247.

⁸⁰ *Рогозин И.И.* Политическая борьба... 27.

⁸¹ *Известия С.-Петербургской Городской Думы.* 1905. Ноябрь. Т. 160. №28. С. 518–519.

мании, Бельгии и Австрии для выработки плана организации таких школ (типа Hilfsschule) в Петербурге⁸², однако эти случаи также были нечасты.

Единственная сфера, в которой Университет в некоторой степени зависел от позиции городских властей, — это вопросы, связанные с освоением им под свои нужды городской территории. Например, апреле 1907 г. Совет по докладу ректора и по представлению физико-математического факультета постановил возбудить ходатайство перед С.-Петербургской Городской думой о безвозмездной уступке участка земли для возведения на нем учебной и научной Астрономической обсерватории, на что последовала положительная реакция Думы⁸³. В мае 1911 г. последовало новое ходатайство Совета о передаче университету места, занимаемого Старым Гостиным двором (ныне здание факультета психологии)⁸⁴; в сентябре того же года Советом было возбуждено дело о постройке Ботанического института⁸⁵, которое, впрочем, постепенно заглохло. Однако понятно, что подобные контакты между университетской корпорацией и общественным самоуправлением в 1900–начале 1910-х гг. возникают лишь по мере необходимости и носят в буквальном смысле единичный характер. Наиболее длительные дискуссии между МНП, Университетским советом и городским общественным управлением вызвал вопрос об учреждении в университете медицинского факультета, дебатировавшийся в 1913–1917 гг., однако, все хлопоты Городской думы по этому поводу оказались безрезультатными из-за нежелания его организации университетской профессурой (см. главу 9).

⁸² Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 81.

⁸³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 апреля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 116. Этому решению предшествовали негласные переговоры проф. С.П. фон Глазенапа с городским головой Н.А. Резцовым, который заявил о возможности для университета «получить в собственность участок земли на Васильевском острове за Смоленским Театром, площадью около двух десятин» (см.: С.П. фон Глазенап — в Физико-математический факультет Императорского С.-Петербургского университета [Приложение 6 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 30 апреля 1907 г. // Там же. С. 140–141]).

⁸⁴ 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 273.

⁸⁵ Там же. С. 276.

Следует подчеркнуть, что вступивший в должность в 1913 г. новый городской голова И.И. Толстой, несомненно, обладал определенным доверием в университетской среде; в октябре 1914 г. он был вновь переизбран председателем комитета Общества вспомоществования студентам университета⁸⁶. В определенном смысле заслугой И.И. Толстого и ректора Э.Д. Гримма является то, что с 1913 г. в сравнение с предшествующим периодом сотрудничество между университетом и городом активизируется. Этому способствовало то, что И.И. Толстой, будучи городским главой, всегда выступал на стороне «прогрессивной профессуры» в отношениях с министерством. Весьма показательна та эпитафия, которой городской голова награждал покойного министра народного просвещения Л.А. Кассо в ноябре 1914 г.: «Вот потеря, о которой мало кто пожалеет: за 4 года управления министерством этот “истинно русский румын” сумел восстановить против себя решительно, кажется, всех, нанеся несомненный вред народному просвещению России и не удосужившись придумать ни единой плодотворной меры, не проявив ни малейшего положительного творчества: это был скептик и циник. <...> Поистине рыцарь печального образа, и со страхом и с упреком!»⁸⁷. Крайне негативно относясь к Л.А. Кассо и его политике, И.И. Толстой, как искушенный в государственных делах чиновник, консультировал ректора относительно возможности «обойти» министерство народного просвещения по вопросу поступления евреев в число студентов⁸⁸.

Конечно, при характеристике отношений между городом и университетом необходимо учитывать, что вопросы высшего образования по закону были совершенно исключены из компетенции Городской думы, а университет-

⁸⁶ См.: Академическая жизнь // День. 1914. №270 (712). 5 октября. С. 4. Уже в качестве городского главы И.И. Толстой в 1915 г. сделал распоряжение о выдаче из городского бюджета в пользу возглавляемого им комитета 5000 рублей (из общей суммы в 25000, ассигнованной городским общественным управлением для помощи нуждающимся студентам высших учебных заведений) — см.: Высшая школа. Экономическое положение учащихся высшей школы // Школа и жизнь. 1915. №48. 30 ноября. С. 9 (Стлб. 1172); Отчет казначея // Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета. Отчет за 1914 г. Пг., 1915. С. 4, 8. О деятельности И.И. Толстого в качестве руководителя Общества вспомоществования студентам см.: Толстой И.И. Дневник... С. 424, 500–501, 503.

⁸⁷ Там же. С. 572. Ср.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 478.

⁸⁸ Толстой И.И. Дневник... С. 541.

ский устав просто не предусматривал возможности прямых контактов по существенным вопросам с городскими властями. Важно также то, что общественное управление столицы продолжало в большой степени зависеть от градоначальника, который пристально следил, чтобы оно не выходило за пределы своих полномочий. Тем не менее, нельзя не отметить, что петербургские муниципальные власти намного больше внимания уделяли таким учебным заведениям столицы, как Психоневрологический институт, Высшие женские (Бестужевские) курсы, Петроградский Женский медицинский институт, Военно-Медицинская академия, Политехнический институт⁸⁹. Городская дума также выделила денежное пособие «Петербуржскому обществу народных университетов», в котором, кстати, как мы упоминали, принимали активное участие такие деятели университетской корпорации, как М.И. Туган-Барановский, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.И. Боргман и др.⁹⁰ Как видим, все эти институты занимались подготовкой медицинских, учительских и технических кадров, имевших практическое значение для города. Университет же изначально позиционировал себя как корпорацию, призванную решать глобальные задачи науки и просвещения, и в этом смысле не мог интересовать общественное управление в пределах тех полномочий, которые были ему даны в рамках «Положения...» 1903 г.

Экономический кризис, охвативший Петроград в период I Мировой войны, создавал благоприятные условия для критики политики партии «обновления»⁹¹, которая проиграла «стародумцам» (выступавшим под именем «Деловой партии») на очередных выборах в феврале 1916 г.⁹² И.И. Толстой, подавший в отставку по состоянию здоровья незадолго до этих выборов⁹³,

⁸⁹ См.: Известия С.-Петербургской [Петроградской] городской думы. 1913–1917; Стенограммы заседаний 1913–1915, 1917 // ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10315–10318, 10311.

⁹⁰ Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914. Oxford, 1999. P. 179–180.

⁹¹ См.: Перед выборами в Городскую Думу. От «Деловой» Партии. Пг., 1916; *Д-ов Л.* Обновленцы «ошиблись» на пять миллионов рублей // Петербургский листок. 1916. №17. 18 (31 января). С. 2.

⁹² Победа оппозиции // Петербургский листок. 1916. №47. 17 февраля (8 марта). С. 4. См. также: *Кручковская В.М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 15–18.

⁹³ См.: *Ананьич Б.В., Толстая Л.И.* И.И. Толстой — необычный городской голова Петербурга // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. III. С. 360. После отставки против И.И. Толстого была развернута пропагандистская компания как против противостоящего «стародумцам» — «людям русского об-

анализируя причины слабости «обновленцев», отмечал их политическую разнородность и связанные с ней противоречия внутри блока⁹⁴, в который входили люди как довольно консервативных, так и откровенно кадетских взглядов⁹⁵. В результате власти считали их подозрительно «левыми», а оппозиционная общественность недостаточно «либеральными»⁹⁶. После выборов новым городским главой был избран представитель «стародумцев» черносотенец П.И. Лебянов, и контакты университета и городского самоуправления оказались еще более затруднены. Не изменилась ситуация и после февральской революции, когда Временное правительство приняло решение о пере выборах в Городскую Думу на основе всеобщего избирательного права. В результате только короткий период с марта по июнь 1917 г. Думу возглавлял кадет (бывший член «группы обновления») Ю.Н. Глебов, политически близкий университетским деятелям, но уже после выборов (июнь 1917) выяснилось, что подавляющее большинство голосов получили крайне левые партии (эсеры, большевики и меньшевики), кадеты же вновь остались в меньшинстве, и в июне того же года Думу возглавил социал-демократ (меньшевик) А.А. Исаев⁹⁷. Таким образом, очевидно, что политические воззрения университетской профессуры на рубеже 1916–1917 гг. значительно расходились как со взглядами «привилегированного меньшинства», голосовавшего за «Деловую партию», так и со взглядами большинства горожан, симпатизировавших левым. Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает ментальный «разрыв», существовавший между университетом и городом.

паза мыслей» (см.: Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Первая мировая война и петроградская оппозиционность... С. 199).

⁹⁴ Толстой И.И.: 1) Записки городского главы // Звезда. 1994. №9. С. 183–184; 2) Дневник... С. 692–693. См. также: Толстая Л.И. Дневник и воспоминания Петербургского городского главы И.И. Толстого (1913–1916) // ВИД. Л., 1991. Т. XXII. С. 117–130.

⁹⁵ Кадеты составляли примерно треть группы, см.: Думнова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988. С. 38.

⁹⁶ Толстой И.И. Записки городского главы... С. 183.

⁹⁷ Кручковская В.М. Центральная городская дума... С. 26.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (1884-1917)

07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Том 2

Научный консультант

профессор, д.и.н. А.Ю.Дворниченко

Санкт-Петербург, 2016

Том 2.
Оглавление

Часть II. Столичный университет в социально-политическом пространстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века	3
Глава 7. «Разгром» 1884 г. и его последствия	3
7.1. Предыстория: Университетская корпорация начала 1860–1880-х гг.....	4
7.2. 1884–1890: «Реакционный устав» и дело второго «первого марта»	25
7.3. 1890–1897: Затишье перед бурей. Ректор П.В. Никитин.....	61
7.4. 1897–1904: Бурное семилетие. От дела Ветровой к 9 января	72
Глава 8. Между самоуправлением и автономией	123
8.1. 1905 январь – октябрь: «Революция» на «службе» корпорации.....	123
8.2. Октябрь 1905 – июнь 1907: «Министерство» на «службе» корпорации	154
8.3. Июль 1907–1910: В круговой обороне: корпорация между «министерством» и «революцией»	178
8.4. 1910–1911: Кризис Кассо.....	206
8.5. 1912–1914: В эпоху второго «разгрома высшей школы»	233
Глава 9. «Башня из слоновой кости»?	256
9.1. 1914-1917 Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации?	256
9.2. 1917-1922 Крах башни из слоновой кости.....	315
9.3. Изгнанники Петроградского университета: опыт коллективного портрета	343
Заключение. Территория «академической свободы»: результаты эксперимента.....	359
Источники и литература	368
Источники	368
Опубликованные источники	370
Литература.....	422
Список сокращений	515

Часть II. Столичный университет в социально-политическом пространстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века

Ключевая установка второй части диссертации направлена на прояснение основных этапов и факторов формирования университетской политики с эпохи великих реформ до времени революции 1917 г. и Гражданской войны. Разумеется, эти десятилетия вмещают в себя различные периоды университетской жизни, однако нельзя также не отметить единство и непрерывность корпоративной истории: преподавательский мир и его устройство эволюционировали постепенно, имея весьма устойчивые базовые характеристики. Между тем, российское общество в пореформенное время менялось стремительно, борьба либералов и консерваторов, «освободительного движения» и власти, развитие городского самоуправления и гражданского общества, институализация политических партий и движений, — все это составляло тот бурный социальный океан, в котором плыл университетский корабль. Попробуем прояснить как механизм формирования университетской политики, так и характер взаимодействия университета с властью и обществом на разных этапах этого пути. Первая на нем — 7 глава — посвящена феномену «разгрома» университета, как понимались корпорацией события, связанные с Университетским уставом 1884 г.

Глава 7. «Разгром» 1884 г. и его последствия

Феномен «разгрома» университета можно понять, только объяснив, как и каким образом демонтировалась комфортная для российского академического сообщества университетская система эпохи «великих реформ». В этом контексте вначале попробуем наметить основные черты российских университетов, в частности, и, прежде всего, столичного университета 1860-х – начала 1880-х гг.

7.1. Предыстория: Университетская корпорация начала 1860–1880-х гг.

Эпоху «великих реформ» принято считать переломной для становления системы нового университетского образования в России¹. Российские университеты (в особенности Московский и Петербургский) становятся значимыми и признаваемыми центрами российской и мировой науки, а профессора и преподаватели обретают в обществе новый, более высокий социальный статус. Таким образом, российские императорские университеты входят в эпоху своего расцвета, становятся украшением короны, теми бриллиантами, которыми российская власть может по праву гордиться. В то же время именно в эпоху «великих реформ» российские университеты становятся не только центрами либеральной и радикальной оппозиции самодержавию, формирования «протестной» идеологии и поставщиком молодежи в революционные организации, но и собственно местом их становления. Причины этого положения традиционно виделись в демократизации высшей школы в эпоху реформ, означавших движение от сословного общества к бессословному. Интересно, между тем, что именно в этот период (конец 1850-х – 1870-е гг.) университетское образование становится престижным и привлекательным для национальной элиты — количество студентов увеличилось в 2,3 раза (с 3,5 до 8,2 тыс. человек), а их абсолютное большинство принадлежало как раз к привилегированным сословиям². Попробуем разобраться, в чем в действительности причина той двойственной роли («украшения» и «раздражения» короны и Империи), которую играли университеты в эпоху Александра II.

В середине 1850-х гг. российские университеты постепенно оправлялись от последствий университетской реформы 1849–1850 гг., которая, поставив целью установление правительственного контроля за высшей школой, лишила ее основных начал автономии и — правда, неудачно, — также пыталась установить контроль и за преподаванием. Стремление контролировать студенчест-

¹ Ростовцев Е.А. Украшение и раздражение империи: «великие реформы» и «университетский вопрос» // Родина. 2014. №4. С. 27–29.

² Временник Центрального статистического комитета МВД. 1888. Вып. 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские в 50 губерниях европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 г. / Сост. А. Дубровский. С. 12–18.

во вылилось в искусственное ограничение числа студентов университетов (не более 300 на университет), что, разумеется, ограничивало не только научную, но и социальную роль университетов³. Пагубность этого «полицейского курса» была столь очевидна, что еще до смерти Николая I, после вступления на министерский пост А.С. Норова в 1853 г., началось видимое смягчение политики власти в университетском вопросе. Однако, несомненно, что именно в этот период в сознании университетских корпораций закрепилось представление о связи поруганной государством «автономии» с состоянием университетов как научных и образовательных центров. После вступления на престол Александра II следует системная «либерализация» практики правительственного управления высшей школой. Ярким маркером новой атмосферы университетской жизни стал магистерский диспут Н.Г. Чернышевского, проходивший в мае 1855 г. в Петербургском университете, где диспутант успешно защитил диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», несмотря на то, что в глазах общества и власти это было почти «революционное выступление». 8 декабря 1855 г. были отменены все ограничения численности студентов в российских университетах, которые стали стремительно заполняться молодежью⁴.

Вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг. — время, когда российские университеты (прежде всего Московский и Петербургский) по своему «звездному составу» впервые приближаются к уровню ведущих европейских университетов. Достаточно назвать имена Измаила Срезневского, Эмилия Ленца, Степана и Михаила Куторги, Александра Никитенко, Александра Воскресенского, Константина Кавелина, Пафнутия Чебышева, Михаила Стасюлевича, Михаила Сухомлинова, Владимира Спасовича, Дмитрия Менделеева, Сергея Соловьева, Владимира Герье и многих других. Разумеется, почувствовав «запах свободы», профессора стремились создать новую «конституцию» российских университетов, т. е. разработать новый прогрессивный университетский

³ См., напр.: Жуковская Т., Ростовцев Е. Образование в своем Отечестве // Родина. 2013. № 3. С. 93–96.

⁴ Циркулярное предложение по поводу Высочайшего повеления о приеме неограниченного числа студентов во все университеты // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1867. Т. III. 1850–1864. Стлб. 214–216.

устав. Эта работа одновременно идет в Петербургском, Московском, Киевском (св. Владимира) университетах. Примечательно, что власть этот процесс не просто приветствует, а в значительной степени организует. Так, на обсуждение Совета Петербургского университета в апреле 1858 г. был представлен совместный проект известного профессора юридического факультета К.Д. Кавелина и попечителя Петербургского учебного округа кн. Г.А. Щербатова, построенный на началах широкой университетской автономии⁵.

Увлеченные планированием прекрасного будущего русских университетов, «либеральные бюрократы» и либеральные профессора не замечали, как стремительно менялась атмосфера жизни тех, для кого университеты и были непосредственно предназначены, — студенчества. Провозглашавшие с кафедры прогрессивные научные идеи профессора вряд ли вполне осознавали силу своего слова. Например, знаменитый университетский зоолог С.С. Куторга, активно поддержавший теорию Ч. Дарвина в своих лекциях, вряд ли представлял, что сеял «семена» революции⁶. На авансцену выходит новое поколение интеллигенции — люди «идей» уступают дорогу «людям убеждений», готовых посвятить жизнь их воплощению⁷. В этих условиях впервые в российской истории возникает собственно студенческая самоорганизация. Так, в Петербургском университете с 1857 г. начинают выходить в свет «Сборники, издаваемые студентами Императорского Санкт-Петербургского университета»⁸. Сборники возникают как научно-образовательный проект, однако сама практика обсуждения материалов сборников, выборов редакторов по курсам способствовала становлению студенческого самоуправления⁹. С 1859 г. в столич-

⁵ См.: *Томсинов В.А.* Подготовка и проведение университетской реформы 1863 г. // Университетская реформа 1863 года в России / Сост. и автор вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2012. С. LXVIII–LXIX.

⁶ Ср.: *Rogers J.A.* The Reception of Darwin's Origin of Species by Russian Sciences // *Isis*. 1973. Vol. 64. No.4. P. 484–503.

⁷ См.: *Nahirny V.* The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions // *Comparative Studies in Society and History*. 1962. Vol. 4. No.4. P. 403–435.

⁸ Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып. 1. СПб., 1857; Вып. 2. СПб., 1860; Вып. 3. СПб., 1866.

⁹ Об общественном значении студенческих изданий 1850-х гг. см.: *Тишкин Г.А.* Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1961–1989. Т. 3. С. 71–84.

ном университете возникает «касса взаимопомощи», которая занимается сбором средств — в том числе организацией концертов, публичных лекций профессоров в пользу недостаточных студентов. Иными словами, создается та организационная студенческая среда, которая стала основой студенческой фронды начала 1860-х гг. Как менялись студенческие умонастроения, показывают известные воспоминания «Наша университетская наука» (1863) Д.И. Писарева — одного из главных властителей дум российской молодежи, который в 1856–1861 гг. являлся студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. По замечанию Д.И. Писарева, если два первых года его пребывания в университете были «годами юношеских мечтаний матушки России, соответствовавшими именно такой же поре в моей личной жизни», когда он со своими товарищами еще отделял «прогрессивных» профессоров от «отживших», то затем он объявил себя «независимым» и пришел к решительному выводу о бесполезности университетской науки для русской молодежи вообще¹⁰. Действительно, от «юношеских мечтаний» новое поколение русского общества стремительно переходит к «убеждениям», как ему казалось, «взрослым» — нигилистическим и социалистическим¹¹.

С начала 1860 г. МНП во главе с новым министром Е.П. Ковалевским начинает предпринимать решительные меры для противодействия нигилистическим и «разрушительным» идеям в студенческой среде. Согласно акту 14 января 1860 г. устанавливалась полицейская опека над студенчеством, усиливался контроль за ним со стороны администрации университетов¹². Однако, как это часто бывает, «контролирующие» и «запретительные» в отношении молодых людей меры ведут к обратному результату — нарастающей оппозиционности студенчества. Как подчеркивается в современной литературе, ака-

¹⁰ См.: Писарев Д.И. Наша университетская реформа // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. М., 2002. Т. 5. Статьи 1863–1864 (январь–март). С. 7–106. Ср. с другой известной статьей того же времени, критически живописующей университет 1850-х гг.: Аверкиев Дм. Университетские отцы и дети // Эпоха. 1864. №1–2. С. 325–349.

¹¹ См.: Ольховский Е.Р. «На него смотрели как на человека, стоявшего выше других по талантности». Д.И. Писарев // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2002–2005. Т. I. С. 34–39.

¹² Ср.: Галуллина Р.Х. Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 278–286.

демические и политические лозунги в студенческом движении начала 1860-х гг. были переплетены — «академический протест», связанный с отстаиванием собственного достоинства и студенческих свобод постепенно становился все более политическим¹³.

К началу 1861 г. ситуация в университетах наэлектризована. Достаточно было «искры», чтобы вспыхнуло пламя. В столичном университете, который затем и стал центром студенческой фронды 1861 г., роль «искры» сыграла отмена министром народного просвещения речи профессора Н.И. Костомарова «О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории», которая планировалась к прочтению на ежегодном университетском акте 8 февраля 1861 г. Разумеется, речь Н.И. Костомарова, известного своими демократическими и отличными от официальной историографии взглядами, вполне могла подействовать на молодые умы «возбуждающе», но куда больший резонанс в студенческой среде вызвала ее отмена, вылившаяся в первую публичную оппозиционную студенческую демонстрацию, произошедшую на акте. Власти и университетская администрация оказались к этому явно не готовы, и далее события развивались по спирали: репрессии против организаторов протестных акций, ширящиеся протесты против репрессий, новые репрессии и т. п. 27 февраля студенты приняли участие в похоронах бывшего соратника Н.И. Костомарова, пострадавшего вместе с ним от «русского самодержавия», — поэта Тараса Шевченко, — превратившихся в политическую акцию¹⁴. 1 марта очередная панихида в университете была посвящена жертвам расстрела манифестации в Варшаве. Затем последовали массовые сходки, протестующие против репрессий по отношению к полякам-участникам панихиды. Ситуация обострилась и в связи с опубликованием 4 марта манифеста об освобождении крестьян и прокламационной компанией, начатой радикалами. Революционные и политические лозунги органично накладывались на протестные настроения студенчества, связанные с «репрессиями» против товари-

¹³ Жуковская Т.Н., Любезников О.А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения // Клио. 2013. №10. С.31.

¹⁴ См., напр.: Марголис Ю.Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет (1862–1914) // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 4. С. 35–36.

щей. В результате 24 марта МНП не нашло ничего лучшего, как временно закрыть университет и заняться подготовкой новых нормативных актов, которые оградили бы его от смуты. 31 мая 1861 г. в университеты были возвращены начала академической автономии — восстановлены выборы ректора и проректора¹⁵. Однако относительно студенчества меры были прямо противоположны. Министерство опубликовало новые «Правила для Санкт-Петербургского университета», запрещавшие сходки, публичные лекции и концерты, отменявшие форменную одежду студентов (которая символизировала их «корпоративность»)¹⁶. Впрочем, «Правила» оказались «лебединой песней» министерства Е.П. Ковалевского. В июне Александр II назначил новым министром народного просвещения адмирала Ефима Путятина, в способности которого как человека военного обуздать бузвившую молодежь император верил... И ошибался.

В июне – октябре 1861 г. выходят один за другим листки известного кружка «Великорусс», тесно связанного с «Колоколом» и «Современником», и другие прокламации — например, известная листовка «К молодому поколению», составленная Н.В. Шелгуновым и М.Л. Михайловым, отпечатанная А.И. Герценом в «вольной типографии» и распространенная в сентябре 1861 г. в России. Основным реальным адресатом этих и других прокламаций, призывавших к свержению самодержавия, являлся отнюдь не угнетаемый «народ», а интеллигентная молодежь. Нигилистические лозунги легко захватили студенческие массы, недовольные новыми правилами, ограничивающими их прежние «свободы», и введением, начиная с нового учебного года, матрикулов, которые представлялись незаконным инструментом правительственного контроля. Волнения охватили все пять российских университетов и прежде всего Петербургский, Московский и Казанский. Однако центром, несомненно, оставалась северная столица. Из-за студенческих протестов занятия в здешнем университете закончились практически сразу после начала семестра. Беспреце-

¹⁵ О некоторых преобразованиях по университетам // ЖМНП. 1861. Ч. СХ. С. 169–172.

¹⁶ *Бороздин И.Н.* Университеты в России в эпоху 60-х годов // История России в XIX веке. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1908. С. 199.

дентное событие произошло в Петербурге 25 сентября 1861 г. — шествие студентов по Невскому проспекту к Колокольной улице, к квартире попечителя Петербургского учебного округа Г.И. Филипсона, завершилось фактическим пленением высокопоставленного чиновника, который был вынужден пообещать захватчикам-«депутатам», что их требования будут рассмотрены. Той же ночью «депутатов» арестовали, что вызвало всеобщее возмущение (ведь «депутатам» обещали неприкосновенность). Неудивительно, что в сходках, состоявшихся на университетском дворе и на набережной Невы 27 сентября, участвует более 600 студентов (т. е. почти половина их общего числа), что не могло не закончиться новыми стычками с полицией. В последующие дни столкновения продолжились с еще большим ожесточением, с публичным сожжением выданных матрикулов; к студентам примыкало все больше посторонней публики, главным образом, молодежь, в том числе армейские офицеры. С конца сентября начинаются волнения в Московском университете. Таким образом, ситуация очевидно и неожиданно становится опасной для власти. В октябре 1861 г. в своем дневнике Е.А. Штакеншнейдер (дочь известного архитектора) отмечала, что у власти развилась «студентобоязнь»: «Правительство явно теряло голову, ловило воздух, думая словить заговор. Общество приходило в восторг от студентов, бранило правительство, говорило много о просыпающейся жизни, о шаге вперед...»¹⁷.

Действительно, вдруг оказалась, что кроме полиции власти опереться практически не на кого. Что касается преподавательской корпорации, то она во главе с и. о. ректора славистом И.И. Срезневским, хоть и выглядела растерянно, но в целом также не стеснялась выражать симпатии к студентам. 30 сентября Университетский совет ходатайствует об облегчении участи арестованных, а 8 октября на его заседании уже звучат «мнения профессоров К.Д. Кавелина, И.Е. Андреевского, П.А. Плетнева о том, что нормализация академической жизни в Университете возможна только при упразднении в нем полицейских порядков». 11 октября император, находившийся в Крыму и

¹⁷ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. М., 1934. С. 298.

обеспокоенной ситуацией, лично по телеграфу дал указание о возобновлении занятий. Между тем, министр заручился поддержкой Александра II в том, чтобы «в случае новых беспорядков университет закрыть окончательно». Однако это решение только обострило ситуацию — 12 октября состоялись новые массовые сходки в Петербурге и в Москве, столкновения с полицией и аресты, были раненные и, по слухам, двое погибших¹⁸. Царь срочно возвращается в Петербург, отстраняет от должности генерал-губернатора П.Н. Игнатьева, большая часть арестованных студентов освобождается. Но успокоения не наступает, волнения продолжаются. В новую масштабную демонстрацию вылились похороны одного из «вожаков» нигилистов, Николая Добролюбова, скончавшегося в середине ноября 1861 г. В знак протеста против продолжающихся полицейских репрессий в отставку уходят профессора К.Д. Кавелин, М.М. Стасюлевич, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, Б.И. Утин, которые впоследствии пытаются организовать т. н. «вольный университет»¹⁹. 20 декабря 1861 г. столичный университет был официально закрыт впредь до пересмотра университетского устава, а 25 декабря император меняет министра народного просвещения — на место Е.В. Путятина заступает один из наиболее видных представителей «либеральной бюрократии» Александр Васильевич Головин. По указу царя в декабре 1861 г. начинается и работа комиссии Е.Ф. фон Бранке по разработке нового университетского устава.

Разработка нового Университетского устава проходила в жарких дискуссиях, основными участниками которых были советы и профессора российских университетов. В новом уставе нашли отражение взгляды на «университетский вопрос» как ученого сообщества, так и просвещенных чиновников,

¹⁸ Там же. С. 301. Ср.: *Керн А.П.* Рассказ о событиях в Петербурге. // *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 235–252.

¹⁹ См., напр.: *Костомаров Н.И.* Петербургский университет начала 1860-х годов // Юбилейный сборник литературного фонда. СПб., 1909. С. 124–125; 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 110–111; *Вольфсон Т.С.* Вольный университет 1862 г. // *Вестник ЛГУ.* 1947. №7. С. 96–107; *Евгеньев-Максимов В.Е.* Н.А. Некрасов и Петербургский – Ленинградский университет. Статья вторая // *Вестник ЛГУ.* 1947. №1. С. 169–170; *Киреева Р.А.* Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // *Историки России.* XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 295–296.

таких как Н.И. Пирогов²⁰. При покровительстве министра профессорам удалось выработать устав, четко закреплявший начала корпоративной автономии. По существу, все кадровые, научные и образовательные решения согласно новому уставу находились в компетенции самопополняемого университетского совета. Однако, несомненно, что на текст устава наложили отпечаток и «кризисные события» 1861 года. В частности, устав провозглашал, что «студенты и посторонние слушатели обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать в зданиях и учреждениях Университета порядок, установленный особыми для учащихся правилами»²¹. Изданные сразу после принятия Устава «Правила» различались для разных университетов лишь в деталях. Их базовой установкой было положение о том, что «студенты считаются *отдельными посетителями университета* (курсив наш — *Е.Р.*), а потому не допускается никакое действие их носящее характер корпоративный». На этом основании запрещалась «подача адресов», «присылка так называемых депутатов», «выставление от имени студентов каких-либо ни было объявлений», «выражение одобрения или порицания на лекциях», в университете не допускались «сборища и сходки», концерты, театральные представления, студенческие библиотеки или читальни, вспомогательные и ссудные кассы и т. п.²² Нарушившие правила студенты подлежали университетскому суду, избираемому профессорами.

Устав 1863 г., отдав университеты «в руки профессоров», создал условия для развития не только университетской науки, но и университетской корпоративности, а также для становления в рамках университетской системы це-

²⁰ Пирогов Н.И.: 1) Взгляд на общий устав наших университетов // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985. С. 286–300 (первое изд.: Циркуляр по управлению Киевским учебным округом. 1861. №3. С. 40–50); 2) Университетский вопрос // Там же. С. 320–384 (первое изд.: СПб., 1863); 3) Письма из Гейдельберга // Там же. С. 384–408 (первое изд.: газета «Голос», 1863–1864). О спорах вокруг проекта нового устава см., в частности: Mathes W.L.: 1) N.I. Pirogov and the Reform of University Government, 1856–1866 // Slavic Review. 1972. Vol. 31. No.1. P. 29–51; 2) N.I. Pirogov and the University Question in the Era of the Great Reform // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1988. Bd. 36. H. 1. P. 1–14.

²¹ Общий устав Императорских Российских университетов // Университетский устав 1863 г. СПб., 1863. §100. С. 30. Ср.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Ученое сословие» в университетском законодательстве 20–60-х гг. XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2015. №5. С. 166–274.

²² Правила для студентов Санкт-Петербургского университета 1863 // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1876, Т. 3. Царствование Императора Александра II (1855–1864). Стлб. 871–876.

лого ряда организационных структур, возникающих, прежде всего, благодаря инициативе российской профессуры. В первую очередь, это научные общества и их издания, без которых немислимо представить себе развитие российской науки второй половины XIX – начала XX в. Достаточно назвать Московское математическое общество (1864), Московское юридическое общество (1865) Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и Химическое общество при Санкт-Петербургском университете (основаны в 1868 г.), Физическое общество при Санкт-Петербургском университете (1872 г.), Киевское общество Нестора Летописца (1873) и другие. Очевидно, что по уровню и количеству научной продукции российские университеты 1860-х – первой половины 1880-х гг. оставляют позади Императорскую академию наук (при этом, правда, надо иметь в виду, что в это время академики начинают сами преподавать в Петербургском университете), и складываются те научные школы, от которых ведет свою историю современная российская наука. Разумеется, впечатляющий рост университетской науки был обусловлен уникальным сочетанием социального и общественного заказа. В литературе, например, высказывались мнения о том, что «нигилистический энтузиазм и вера в науку, помноженная на решимость правительства вкладывать материальные ресурсы в развитие науки привели к выдающемуся результату: 1860–1870-е гг. стали “золотым веком” русской науки»²³. При всей категоричности, с нашей точки зрения, такие суждения не лишены определенных оснований. Во всяком случае, важно понимать, что для ведущих профессоров российских университетов последней трети XIX в., в том числе Петербургского, наука выступала как важнейший фактор социального прогресса, изменения общества к лучшему. Поэтому, с одной стороны, служение науке представлялось служением обществу, а сама наука средством цивилизовать Россию, сблизить ее с западными нациями²⁴, с другой

²³ Koblitz A.H. Science, Women and the Russian Intelligentsia: The Generation of the 1860s // Isis. 1988. Vol. 79. No.2. P. 210. Cp.: Brower D.R. Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia // History of Education Quarterly. 1970. Vol. 10. No.1. P. 127–136.

²⁴ См., напр., известный текст проф. петербургского университета И.М. Сеченова (1883): *Сеченов И.М.* Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // *Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е.* Физиология нервной системы. Избранные труды / Под ред. К.М. Быкова. М., 1952. Вып. I. С. 33–41.

стороны, появилось убеждение в том, что государство и общество обязаны поддерживать и пестовать фундаментальную науку²⁵. Важным аспектом этих представлений было господствующее в умах интеллигенции мнение о том, что «автономия», данная университетам Уставом 1863 г., является исключительно важным результатом реформ, актом исключительной общественной важности²⁶.

Между тем, на протяжении всего царствования Александра II нерешенным оставался студенческий вопрос. Одной из «*idée fixe*» императора стала задача правильного воспитания молодого поколения, в решении которой он видел средство для борьбы с революцией. Действительно, русская интеллигентная молодежь являлась основным поставщиком кадров для народнических организаций. После покушения на императора студента Московского университета Дмитрия Каракозова, состоявшегося 4 апреля 1866 г., и разоблачения Ишутинского кружка, Александр отстраняет от руководства МНП А.В. Головнина и назначает новым министром «консерватора» Дмитрия Андреевича Толстого. Д.А. Толстой 26 мая 1867 г. издает новые, еще более жесткие правила, устанавливавшие за студенчеством двойной контроль со стороны университетского начальства и полиции²⁷. Однако эти правительственные меры, в свою очередь, использованы были оппозиционными общественными деятелями для организации беспорядков, которые вспыхнули почти во всех высших учебных заведениях уже в 1869 г.²⁸ Летом 1871 г. образовалось **«Большое общество пропаганды»**, известное по имени одного из лидеров — студента Петербургского университета Н.В. Чайковского. В **кружок Чайковцев** входило более 100 человек, среди которых такие деятели, как П.А. Кропоткин, М.А. Натансон, С.М. Кравчинский, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.А. Морозов и др. Одновременно с террористической дея-

²⁵ Ср.: Vuchinich A. Mendeleev's Views on Science and Society // Isis. 1967. Vol. 58. No.3. P. 342–351.

²⁶ См.: *Посохов С.И.* Университетская реформа 1863 г.: историографический аспект // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2014. С. 83.

²⁷ Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1871. Т. IV. Царствование Александра II (1865–1870). Стлб. 473–475.

²⁸ *Ткаченко П.С.* Студенческие волнения в России 1868–1869 годов // ВИ. 1975. №12. С. 192–197.

тельностью «радикалы» вели и активную пропаганду. Если планы организации крестьянских бунтов оказались нереализуемы, то молодежь была более податлива. Толчком к началу массового студенческого движения 1878–1880 гг. послужили демонстрации, состоявшиеся после объявления оправдательного приговора Вере Засулич, покушавшейся на генерала Ф.Ф. Трепова. Радикалам весьма удачно удалось возглавить студенческое движение, объединив гуманистические требования, связанные с прекращением полицейских преследований народовольцев, с требованиями «студенческой автономии» (свободной организации студенческих сходок, кассы взаимопомощи, корпоративных организаций и вообще своих «прав человека») и пересмотра в этом смысле Устава 1863 г. С чувством собственного достоинства в студенческих прокламациях провозглашалось: «Одно из двух: или допускать образование и давать учащимся права, приличные людям высшего образования, или вовсе закрыть все учебные заведения»²⁹. После студенческих беспорядков 1878–1879 гг. на основании решения комитета министров в сентябре 1879 г. вводятся в действие чрезвычайные «Временные правила для студентов», которые регламентировали поведение студентов не только в стенах университетов, но и вне их³⁰. В ходе этого противостояния профессора недвусмысленно поддерживали студенчество, чем вызывали раздражение власти — в апреле 1879 г. случился даже скандальный арест профессора А.Н. Фаминцына, выступавшего защитником студентов, правда, быстро освобожденного по настоянию корпорации³¹.

Как видим, правительственные репрессии вызывали обратный эффект, ведя к углублению пропасти между властью и обществом. Относительно студенчества в литературе подчеркивается то обстоятельство, что молодежь, которая массово исключалась из высшей школы и высылалась из столиц, несла

²⁹ Цит. по: Щетинина Г.И. Студенчество // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг. Коллективная монография / Отв. ред. Б.С. Итенберг. М., 1983. С. 327.

³⁰ (2 августа 1879 г.) О временном изменении порядка управления и надзора за студентами университетов // ЖМНП. 1879. Ч. CCV. С. 68–69.

³¹ Прошение об освобождении на поруки проф. А.С. Фаминцына, арестованного в защиту студентов во время студенческих волнений // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 117. Л. 1. См.: Ольховский Е.Р. Тайный арест академика Фаминцына // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998. Т. 7. С. 132–145.

пропаганду революционных, народнических идей в провинцию. Таким образом, правительство распространяло революцию «за казенный счет». Невозможность в рамках Устава 1863 г. организации легальных студенческих структур создавала благоприятную почву для революционных организаций, лидеры которых могли направлять активность молодежи в нужное русло. В эпоху Д.А. Толстого стало очевидно и еще одно обстоятельство — либеральная профессура вместе со всем прогрессивным русским обществом составила решительную оппозицию министру. Д.А. Толстой (опираясь на поддержку такого влиятельного идеолога консерватизма, как М.Н. Катков)³² настаивал на необходимости отказа от университетской автономии в той форме, в какой она была закреплена в 1863 г.

В этом политическом контексте в 1875 г. по инициативе Д.И. Толстого была даже учреждена комиссия, призванная разработать новый университетский устав — сама ее деятельность вызвала огромный резонанс и критическую реакцию в университетском сообществе³³. Ее председателем был назначен член Государственного совета, директор Публичной библиотеки и будущий министр народного просвещения И.Д. Делянов. Комиссия пришла к ряду выводов, общий смысл которых сводился к необходимости срочных и значительных перемен в жизни университетов. Состояние дел в университетах было признано комиссией абсолютно неудовлетворительным. Значительной проблемой, характерной для всех университетов, являлась «*неспособность студентов окончить курс* (за некоторые годы число «не окончивших» университет превышало число «окончивших»)³⁴. Особые претензии были высказаны в адрес столичного университета — так, комиссия отметила, что в Санкт-Петербургском университете отсутствовала общая информация о студентах (имелись в виду данные об их распределении по специальностям, распределе-

³² См.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 182.

³³ См. об этом, напр.: Котов А. «Пресмыкающийся профессор» против университетской автономии // Гефтер. 24.07.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/5471#anchor1> (дата обращения: 04.04.2014)

³⁴ Университетский вопрос (Извлечение из материалов, собранных отделом Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра Общего Устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года) // ЖМНП. 1876. Ч. CLXXXVII. Отд. IV. С. 134–135.

нии по сословиям, по месту среднего образования и т. д.)³⁵. По мнению комиссии, в университете отсутствовал контроль как за студентами, так и за образовательным процессом. Одной из основных бед университетов была названа бедность студентов, граничившая с нищетой³⁶, при этом к выделению бедным студентам стипендий и помощи различных обществ комиссия относилась как к нежелательной практике. По ее мнению, профессора в университетах, сочувствуя неимущим студентам, снисходительно относились к ним на экзаменах, тем самым гарантируя им стипендию³⁷. Одновременно комиссия отмечала проблему непрестижности университетского образования³⁸. Обращает на себя внимание подробное описание комиссией проблемы отсутствия контроля за поведением студентов. В этом контексте особые претензии также высказывались в адрес столичного университета — так комиссия с неудовольствием констатировала, что в карцер студентов СПб университета не заключали с 1866 г., а за 10 лет было всего 7 выговоров и замечаний от ректора (при том что случаев задержания студентов полицией с последующим преданием суду за тот же период в среднем происходило по 5–6 в год)³⁹. Важной проблемой университетов, отмеченной комиссией, была разобщенность между студентами и разобщенность студентов с профессорами, на что указывали последние⁴⁰. Подробно комиссия останавливалась и на проблемах преподавания. Было обращено внимание на существующую ситуацию, когда не было учебных планов, студентам читалось недостаточное число лекций, а профессора не составляли отчеты о своей работе, — все это, по мнению комиссии, отражало снижение качества образования⁴¹. Выводы комиссии 1875 г. оказались востребованы только спустя несколько лет, в начале 80-х гг., после назначения ее быв-

³⁵ Там же. С. 135.

³⁶ Там же. С. 137–139.

³⁷ Там же. С. 141.

³⁸ Там же. С. 138.

³⁹ Там же. С. 143. Воспоминания современников вполне подтверждают выводы комиссии. Например, Е.В. Корш, студент юридического факультета, привлеченный к «суду» в 1869 г., подчеркивает его «формальность» и «комичность», а также то обстоятельство, что администрация университета действовала под давлением инспекции, «делая вид, что придает нас суду и наказывает» (*Корш Е.В.* Отзвуки далекого прошлого. Санкт-Петербургский университет (1868–1869) // РС. 1918. Т. CLXXIV. Март-июнь. С. 68–69).

⁴⁰ Университетский вопрос (Извлечение из материалов...). С. 142.

⁴¹ Там же. С. 148.

шего председателя И.Д. Делянова министром народного просвещения в марте 1882 г.⁴²

Однако долгое время мечты Д.А. Толстого, связанные с пересмотром норм Устава 1863 г., мечтами так и оставались. Причиной здесь, конечно, был новый курс верховной власти, осуществлявшийся во время «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова. Именно в это время последовала последняя в александровское царствование смена министров народного просвещения. Отставка Д.И. Толстого и его замена на «либерала» А.А. Сабурова произошли в апреле 1880 г. Новый министр не замедлил с «либеральными» шагами — помилованием ряда сосланных студентов, возвращением их в университеты, проектом о предоставлении студентам ограниченных корпоративных прав. Впервые правительство попыталось не просто контролировать студенчество, но и поборотся за его симпатии с революционными элементами, которые также не дремали. Радикалы чувствовали, что их время уходит, и пытались обострить ситуацию любым способом, взорвать ее. Характерна в этом отношении ситуация в Петербургском университете. Здесь при содействии «Народной воли» в 1880 г. был создан «Центральный кружок студентов Петербургского университета», в начале 80-х гг. активно ведший нелегальную революционную работу⁴³ и периодически распространявший среди студентов отпечатанные на гектографе листки революционного содержания⁴⁴ и даже начавший издание собственного журнала «Борьба»⁴⁵.

Решающие события развернулись 8 февраля 1881 г. на очередном торжественном акте, посвященном основанию университета. Годовой отчет университета читал в присутствии 4000 человек (преподавателей и студентов) профессор А.Д. Градовский (известный юрист и историк, либеральный обще-

⁴² См., напр.: *Клыкова Е.Д.* Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. №1. С. 50.

⁴³ *Брамсон М.* Отрывки из воспоминаний (1883–1886) // Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928. С. 83–86; Ср.: *Волк С.С.* Народная воля. М.; Л., 1966. С. 340–342.

⁴⁴ См.: От студентов к студентам // Революционное народничество 70-х годов XIX века / Под ред. С.С. Волка. М.; Л., 1965. Т. II. 1876–1882 гг. С. 222–223; [8 февраля 1881 г. Прокламация Центрального университетского кружка с протестом против политики правительства по отношению к студентам] // Там же. С. 230; [11 февраля 1881 г. Прокламация Центрального университетского кружка «Товарищи! Вспомним то время...» по поводу событий в Петербургском университете 8 февраля 1881 г.] // Там же. С. 231–232.

⁴⁵ См., напр.: [*Гинев В.Н.* Примечания] // Там же. Т. II. С. 382.

ственный деятель). В президиуме кроме ректора — министр А.А. Сабуров. После прочтения отчета студент Л.М. Коган-Бернштейн произнес краткую речь, подготовленную А.И. Желябовым, клеймившую антинародную политику правительства, которое хотело «подавить хитростью» студенческое движение. Заканчивался спич Л.М. Когана-Бернштейна недвусмысленной угрозой: «Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя»⁴⁶. С хоров в зал была брошена «Прокламация центрального университетского кружка». В частности, в ней говорилось:

«Правительство свыклось за последнее время с мыслью, что студенчество неспособно больше к политической жизни, ни к гражданскому мужеству. К единодушным заявлениям всех высших учебных заведений оно отнеслось с пренебрежением. Но среда студенчества не обезличена, в ней таится скрытая сила; эта сила могучая, страшная, она не согнет своей выи под игом железного деспотизма, прикрытого подачками и посулами. Она твердо и решительно будет защищать интересы студенчества <...> Над Сабуровым произносится приговор. Студенчество клеймит наглого лицемера, срывает мантию эфемерного блеска, открывает убожество и немощь всей безнравственной политики правительства и заявляет, что у всего молодого и мыслящего — один ответ, одна кара: позор!»⁴⁷

Этого зачинщикам беспорядков показалось мало, и студент П.П. Подбельский, воспользовавшись царившей неразберихой неожиданно нанес министру Сабурову оскорбление действием. По свидетельству очевидца, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятение; студенты вскакивали на стулья, кричали, размахивали руками; тот, кто в красной рубахе, вспрыгнул на подоконник и оттуда ревел: “долой Сабурова”<...> Ему в ответ кто-то вопил “Подлецы, мерзавцы, позор<...>!” А сверху, с хор в толпу летели бумажки и тоже слышались крики»⁴⁸. В общем, скандал получился, что называется, на славу. Как и следовало ожидать, надзиратели кинулись за зачинщиками, но «солидарные» студенты «оттеснили» их. По

⁴⁶ Последние события в университете [Газета Народная Воля. 1881. №5. С. 13] // Литература партии «Народная воля» / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской и др. М., 1930. С. 117.

⁴⁷ [8 февраля 1881 г. Прокламация Центрального университетского кружка с протестом против политики правительства по отношению к студентам]... С. 230. Несколько иной текст прокламации цитирует Н.Г. Кушков, см.: *Кушков Н.Г.* На акте 8 февраля 1881 года (Из истории студенческих волнений) // Вестник ЛГУ. 1946. №3. С. 114.

⁴⁸ *Дмитриева В.И.* Так было. М.; Л., 1930. С. 193.

воспоминаниям очевидца, революционно настроенные студенты также тут же на хорах «избили какого-то любопытного обывателя, которого они приняли за шпиона <...> по причине его назойливого любопытства, с каким он лез ко всем, допытываясь, кто побил Сабурова»⁴⁹.

Таким образом, народовольцы знали, что делали, играя на студенческой солидарности. В то же время вряд ли они ожидали даже в этом эпизоде столь существенного отпора со стороны «вменяемой» молодежи. После акта, по воспоминаниям радикальной курсистки В.И. Дмитриевой, присутствовавшей на акте, «все “благомыслящие” студенты выстроились в два ряда в коридоре, и когда министр с ректором и профессорами проходили мимо них, они сопровождали его аплодисментами и приветственными криками. Ссутулившись, низко опустив голову, весь бледный, Сабуров быстро прошел на ходу бормоча: “Благодарю, благодарю вас, господа” <...> Странная была демонстрация и странно, должно быть, чувствовал объект ее министр народного просвещения»⁵⁰. Спустя три дня народовольцы опубликовали очередную прокламацию, где обвиняли «начальство» в расколе студенческого движения и одновременно «извинялись» перед собственными сторонниками, которых заранее не «оповестили о форме протеста»⁵¹.

Показательно, что и после этого случая министр и администрация университета пытались свести репрессии против зачинщиков беспорядков на акте к минимуму. В первом заседании Профессорского совета, состоявшемся по горячим следам, беспорядки на акте, длившиеся не менее 20 минут, описываются следующим образом:

«8 февраля, после прочтения отчета, принятого с громкими аплодисментами, на хорах актовой залы послышался голос какого-то лица, стремившегося нарушить порядок речью и бросанием листков. Ректор позвонил и обратился к студентам с указанием необходимости заставить замолкнуть пытавшегося нарушить порядок. Студенты выполнили желание ректора и, сколько ни пытался

⁴⁹ Там же. С. 194.

⁵⁰ Там же. С. 194. Ср.: *Щетинина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 69.

⁵¹ [11 февраля 1881 г. Прокламация Центрального университетского кружка «Товарищи! Вспомним то время...» по поводу событий в Петербургском университете 8 февраля 1881 г.]... С. 231–232.

говоривший на хорах, поддерживаемый несколькими голосами, помешать ходу акта, студенты заставили его замолкнуть и акт был продолжен»⁵².

Примечательно и то, что в последующем процессе, проходившем в университетском суде, профессора констатировали, что обвинительный приговор в отношении всех участников беспорядков, за исключением Л.М. Когана-Бернштейна, основывается на «самообвинении». Так, одному из основных персонажей скандала — студенту П.П. Подбельскому — пришлось настаивать на том, чтобы его привлекли к суду, и доказывать сам факт нанесения «оскорбления действием» министру. О реакции самого А.А. Сабурова на действия юного хулигана мы можем судить по воспоминаниям С.Ф. Платонова, в то время студента историко-филологического факультета, который был свидетелем инцидента. Он «хорошо заметил, с каким самообладанием и спокойствием Сабуров перенес постигшую его неприятность. Он сидел в кресле и на шум, начавшийся на хорах, повернул голову влево и вверх. В это время последовал удар от быстро промелькнувшего за его спиной справа налево человека низкого роста и с черной бородой. Направленный в правую щеку удар пришелся в затылок <...> Ректор призвал публику к порядку, и акт продолжался»⁵³. Очевидно, что ни сам министр, ни ректор решительно не хотели придавать инциденту значения⁵⁴. Не дождавшись привлечения к ответственности, возмущенный П.П. Подбельский написал ректору письмо, которое тот вынужден был огласить на заседании правления университета, а затем на университетском суде. В письме, как передает протокол заседания Университетского совета, Папий Подбельский настаивал на том, что он, по словам ректора, «будто бы нанес г. Управляющему Министерством народного просвещения удар по лицу по поводу неисполнения им желаний студентов»⁵⁵. Интересно, что этот факт

⁵² Журнал экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1881 г. // Протоколы заседаний совета Санкт-Петербургского императорского университета за вторую половину 1880–1881 академического года. №24. СПб., 1881. С. 23.

⁵³ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. №2. С. 126.

⁵⁴ Ср.: Волк С.С. Народная воля.... С. 344.

⁵⁵ Журнал экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 12 февраля 1881 г. // Протоколы заседаний совета Санкт-Петербургского императорского университета за вторую половину 1880–1881... С. 31–32.

вызвал у судей (в отличие от общества и прессы⁵⁶), на глазах которых происходил инцидент, большие сомнения. В ходе прений обсуждалась личность двадцатилетнего П. Подбельского, то, что он окончил гимназию с золотой медалью, что он старший сын православного священника, у которого еще семеро детей, что он ранее посещал университет весьма прилежно и в беспорядках замечен не был. Показательно, что профессорам во главе с председательствующим юристом Н.С. Таганцевым в голову не пришло обратиться с каким-либо запросом к А.А. Сабурову, зато была опрошена, например, жена одного из судей профессора А.С. Фаминцына, доценты И.И. Боргман и Н.А. Гезехус, смысл показаний которых сводился к тому, что какой-то молодой человек подбегал к министру и «делал движение рукою сверху вниз», но «нанести удара ни в коем случае не мог», а если и мог, то только задев министра сзади, а никак не по лицу. Интересно при этом, что по заявлению И.И. Боргмана, студент, который «подбегал к министру», «с трудом прорвался сквозь толпу, которая хотела его задержать». В конце концов, суд, констатируя, что «самообвинение г. Подбельского <...> не подтвердилось в заявленной форме», признал-таки его виновным в беспорядках, а относительно удара констатировал, что он виновен в деянии, предусмотренном ст. 285 Уложения о наказаниях, или покушении на него. Было постановлено П. Подбельского из университета исключить и препроводить копию приговора общему уголовному суду⁵⁷. Университетский же совет во всем происшедшем видел вину низших чинов инспекции университета⁵⁸. На представленные суду подписные листы с десятками подписей студентов, выражавших поддержку как идеи, так и формы «протеста», случившегося на акте, профессора, естественно, предпочли вовсе не обратить внимания⁵⁹.

⁵⁶ См., напр. патетическую статью И.С. Аксакова по поводу этого инцидента: [Аксаков И.С. По поводу беспорядков в Петербургском университете] // Русь. 1881. 20 февраля. №15. С. 3–4.

⁵⁷ Журнал экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 12 февраля 1881 г.... С. 32–34.

⁵⁸ Журнал экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 4 марта 1881 г. // Протоколы заседаний совета Санкт-Петербургского императорского университета за вторую половину 1880–1881... С. 34.

⁵⁹ Последние события в университете [Газета Народная Воля. 1881. №5. С.13]...

«Казус Подбельского» с очевидностью демонстрирует — университетская корпорация прилагала поистине отчаянные усилия, чтобы не замечать того обстоятельства, что университет является центром открытой революционной фронды, признание чего не только помешало бы либеральным мероприятиям министерства, но и противоречило идеалам большинства профессоров, воспринимавших как единую академическую общность преподавателей и студентов, что в свою очередь, исключало возможность «выдачи» членов корпорации властям без «самообвинения», как это было в деле П. Подбельского⁶⁰.

Как известно, точку в либеральной политике поставил взрыв бомбы студентом Технологического института Игнатием Гриневецким 1 марта 1881 г., оказавшийся смертельным и для самого студента, и для императора. Неслучайно, что отставка А.А. Сабурова оказалась первой в череде отставок «либеральных бюрократов», которую принял Александр III. Однако интересно, что Петербургский университет, сформировавший 4 марта 1881 г. комиссию для «обсуждения мер для водворения в университете строжайшего порядка» (профессора Н.А. Меншуткин, Н.С. Таганцев, А.А. Иностранцев, В.И. Сергеевич) пришел к выводам о том, что основная причина студенческих беспорядков как раз и кроется в тех ненормальных условиях полицейского надзора, в которые поставлена учащаяся молодежь⁶¹. В этих условиях идеолог будущих контрреформ М.Н. Катков вновь не преминул обрушиться с критикой на островки «конституционного режима в самодержавном государстве»⁶².

Надо отметить, что события 1 марта 1881 г. и связанные с ними репрессии, обрушившиеся на нелегальные организации, лишь на время приостановили деятельность «Центрального кружка» и снизили накал революционного движения в университете. Однако новый повод для волнений возник уже в январе 1882 г. — в связи с составлением профессорами университета благодарственного адреса А.А. Полякову⁶³, на деньги которого было построено сту-

⁶⁰ Ср.: *Меншуткин Б.Н.* Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина. СПб., 1908. С. 24–25.

⁶¹ См. об этом: *Кушков Н.Г.* На акте 8 февраля 1881 года... С. 114–115.

⁶² [Катков М.Н.] Москва, 9 августа // *Московские ведомости*. 1882. 10 августа. №220. С. 2.

⁶³ См.: *Ендольцев Ю.А.* Александровская Коллегия // *Нева*. 2003. №1. С. 229–231.

денческое общежитие (коллегия Александра II). Действие миллионера, сделавшего состояние путем банковских операций и нажившегося на труде рабочих железнодорожных предприятий, показалось студентам крайне нетактичным, равно как и благодарность профессоров. Особенно возмущало участников волнений то, что «холопский благодарственный адрес» был преподнесен А.А. Полякову несколькими студентами от имени всего студенчества, тут же был организован «контр-адрес»⁶⁴. Т. н. «поляковская история» стала новым поводом для проявления активности народовольцев, которые уже весной 1882 г. возобновили свою деятельность (издание нелегальной литературы, прокламаций, организация политических демонстраций студенчества)⁶⁵, и спровоцировала новые аресты и высылку студенчества из Петербурга⁶⁶.

После разгрома этого нового «Центрального кружка» полицией в конце 1882 – начале 1883 г. он прекратил свое существование в прежнем виде, но на его «осколках» оставшимися на свободе членами кружка (П. Якубович, А. Гаусман) осенью 1883 г. был создан т. н. Студенческий союз молодежи партия «Народная воля», подхвативший «знамя» революционной борьбы⁶⁷, и параллельно — «С.-Петербургская студенческая корпорация», которая имела более широкую политическую платформу и, вероятно, служила своеобразным «вербовочным предприятием» для народовольцев⁶⁸.

Профессорская коллегия в этих условиях занимала последовательно либеральную позицию. Один из ее видных членов физиолог И.М. Сеченов вспоминал, что когда студентов, замешанных в беспорядках, стали лишать права поступления на государственную службу, т. е. лишали «прав за дисциплинар-

⁶⁴ Бурцев В. Борьба за свободную Россию. Берлин, 1923. С. 21. См. также: Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // РМ. 1916. Кн. VIII. С. 54–55; Твердюкова Е.Д. «Маг и волшебник конституционного права». С.Е. Крыжановский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. III. С. 167.

⁶⁵ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях, и участии студенчества в революционном движении с 1882 до начала 1910–1911 учебного года // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 1–10б.

⁶⁶ Штернберг Л.Я. Альберт Львович Гаусман (из воспоминаний друга и товарища) // Якутская трагедия. М., 1925. С. 84–99.

⁶⁷ См.: Жуйкова Р.Г. Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в. // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 2. С. 44–45.

⁶⁸ Ср.: Жуйкова Р.Г. Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-х гг. XIX в. (1881–1887 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1965. С. 15.

ные поступки», «профессорская коллегия не сочла себя вправе молчать»: «По предложению некоторых профессоров была образована комиссия для рассмотрения дела и составления защитительной докладной записки министру, что и было сделано. В совете нашлось только два человека, не подписавших этой записки <...> Кончилось, конечно, ничем — министр ответил выговором коллегии и замечанием, что забота о судьбе студентов предоставлена начальству, а не профессорам»⁶⁹. Этот эпизод, с одной стороны, с достаточной четкостью показывает высокую степень единства университетской корпорации, с другой стороны, характеризует оппозиционный характер ее политической позиции. В 1882 г. университет был вынужден покинуть крупнейший русский философ религиозно-либерального направления В.С. Соловьев, перед этим безуспешно призывавший помиловать убийц Александра II⁷⁰. Разумеется, подобная оппозиционность профессорских коллегий была одним из важных факторов, подталкивающих власти к введению нового университетского устава.

7.2. 1884–1890: «Реакционный устав» и дело второго «первого марта»

Напомним, что к моменту введения нового Устава и штатов 1884 г. университетская корпорация состояла из 83 штатных преподавателей: 40 профессоров (34 ординарных и 16 экстраординарных), 24 доцентов и 8 лекторов. К началу 1880-х гг., однако, число преподавателей было более 100, главным образом, из-за наличия сверхштатных должностей преподавателей и доцентов⁷¹. Следует в связи с этим отметить, что наличный состав преподавателей за период действия Устава 1863 г. вырос на 70% (с 60 до 102 человек)⁷².

⁶⁹ Сеченов И.М. Профессорство в Петербургском университете (1876–1888) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1963. Т. 1. Петербургский университет. 1819–1895. С. 161–162

⁷⁰ См., напр.: Дмитриева В.И. Так было... С. 123–126.

⁷¹ Отчет по С. Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева / Составлен орд. проф. Ю.Э. Янсоном. [СПб., 1883]. С. 11.

⁷² Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год. СПб., 1884. С. 10.

Университетский устав 1884 г. традиционно рассматривается в литературе как один из важнейших актов т. н. контрреформ⁷³, ликвидирующий университетскую автономию. Разумеется, этот взгляд во многом связан с крайне негативным восприятием университетской реформы И.Д. Делянова большинством университетского мира рубежа XIX–XX вв.⁷⁴ В рассуждениях современников об Уставе 1884 г. традиционно подчеркивалась его реакционность, то, что он был принят вопреки мнению большинства Государственного совета, устранял профессию от руководства университетской жизнью и т. п.⁷⁵ Такой взгляд доминирует и в современной российской и зарубежной литературе⁷⁶. Хотя отдельные авторы и высказывали определенные сомнения по этому поводу⁷⁷, современные исследования в своем большинстве рассматривают Устав в фокусе правительственной политики, направленной на модернизацию университетов и замены «автономии» на «академическую свободу», которая, однако, не достигла своих целей ввиду своего «авторитарного» и «бюрократического» характера⁷⁸ (в чем, по существу, повторяют позицию профессуры нача-

⁷³ См., напр.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 102; Ср.: *Ростовцев Е.А., Баринев Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.* Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии (1884–1917) // Клио. 2012. №7. С. 47–62.

⁷⁴ *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава, 1901; *Виноградов П.Г.* Учебное дело в наших университетах // ВЕ. 1901. №10. С. 537–573; *Фаминцын А.* Накануне университетской реформы // МБ. 1903. №1. С. 238–255; *Капнист П.* Университетские вопросы // ВЕ. 1903. №11. С. 167–218; №12. С. 465–518; *Клоссовский А.* Материалы к вопросу о постановке университетского дела в России. Одесса, 1903 и т. п.

⁷⁵ См., напр.: *Агафонов В.К.* Наука и жизнь. СПб., 1906. С. 277–336.

⁷⁶ См., напр.: *Зезигова О.И.* Коммуникации в Санкт-Петербургском университете: Н.И. Кареев и А.С. Трачевский // Уроки истории — уроки историка... С. 317; *Kaplan V.* The History of Reform of Russian Higher Education // European Education. 2007. Vol. 39. No.2. P. 47; *Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В.* История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 179–180.

⁷⁷ См.: *Олесюк Е.В., Олесюк А.И., Харламова Т.М.* Российская высшая школа (проблемы изучения ее истории) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2009. №1. С. 23–24; *Захаров В.И.* Университетский устав 1884 г. Реформа или «контрреформа»? // Центр и периферия. 2008. №1. С. 26–29; *Ивкина Т.В., Подольская И.А.* Система подготовки научно-педагогических кадров российских университетов по университетским уставам 1863 и 1884 годов // Вопросы управления. 2009. №1 (6). С. 122–125; *Биюшкина Н.И.* Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2010. №3. С. 42–43.

⁷⁸ *Чиркова И.М.* Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века // Российские университеты в XVIII–XIX веках. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 65–85; *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.*: 1) Устав 1884 г.: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. №2. С. 25–38; 2) Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. №4. С. 27–40; 3) Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. №1. С. 89–101.

ла XX века⁷⁹). Действительно, законодательно права Совета университета и факультетских советов были значительно урезаны, а «права» попечителя и Министерства соответственно расширены. Министр отныне не только стал назначать ректоров и деканов университетов, но и получил права замещения профессур без консультаций с Советом; любые изменения в составе университетских кафедр также утверждались министерством, им формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялся размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т. п. Все сношения с Министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа⁸⁰. Показательно, что само МНП активно утверждало в общественном сознании представления о доминирующей (согласно новому уставу) роли министерства и попечителей учебного округа во всем укладе российских университетов⁸¹. Ссылаясь на нормы Устава, ответственность на министерство за постоянные университетские кризисы возлагала и либеральная оппозиция⁸². Однако насколько существенными (и болезненными для корпорации) были реальные изменения в университетской жизни?

Ответить на этот вопрос однозначно довольно трудно. На факультетскую структуру новый устав повлиял незначительно. Другое дело, что на первых порах после его введения МНП попыталось воспользоваться положениями Устава для создания своеобразной «директивной системы» управления преподаванием в университете⁸³. В этих условиях университетской профессуре было жизненно необходимо сохранить характер самопополняемой колле-

⁷⁹ См., напр.: *Тимирязев К.А.* Академическая свобода // *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. Сборник статей 1904–1919 гг. М., 1963. С. 17–27.

⁸⁰ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год. Стлб. 986.

⁸¹ См.: Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 117–172.

⁸² См., напр.: *Воробьев В.А.* К истории наших университетских уставов // РМ. 1905. Кн. VII. С. 8–10; *Гольдгаммер Д.А.* О «записке (1500?) ученых» // РМ. 1905. Кн. VIII. С. 1–27.

⁸³ [Тихонов И.Л.] Борьба за автономию // 275 лет. Санкт-Петербургский университет... С. 201–208.

гии, а профессорскому Совету — оставаться основным органом принятия решений по главным вопросам университетской жизни.

Прежде всего, следует отметить, что практика выборов профессоров оставалась в столичном университете фактически неизменной: за все время действия этой нормы нового устава (до 1905 г.) абсолютное большинство профессоров прошло факультетские выборы в той или иной форме. По воспоминаниям профессора Ф.Ф. Зелинского, часто «делалось это негласно по закрытии официального заседания [факультета]; декан представлял результаты выборов факультета на утверждение министра — разумеется, тоже неофициально — и тогда, официально, происходило это “назначение”»⁸⁴. В этой связи показателен ответ министра И.Д. Делянова одному из кандидатов, просивших о назначении на профессорский пост в столичном университете: «Нет, батенька, вы уж лучше проведите свою кандидатуру через петербургский (соответственный) факультет: этого факультета я и сам боюсь»⁸⁵. Так, например, И.М. Гревс, уволенный из университета с должности приват-доцента после событий 1899 г., в 1901 г. «единогласным мнением» историко-филологического факультета был рекомендован к профессуре, в связи с чем последовало его возвращение в университет, соответствующее ходатайство ректора в министерство и его «назначение» на должность профессора. В этой связи своеобразным компромиссом с МНП служил сам факт «избранного им способа назначения», о котором с одобрением в своем письме к попечителю отзывался ректор А.Х. Гольмстен⁸⁶. Важно подчеркнуть, что не только преподавательский состав, но и чины университетской инспекции зачастую назначались попечителем по представлению администрации университета, что, разумеется, ставило и их в определенную зависимость от корпорации⁸⁷.

⁸⁴ Зелинский Ф.Ф. Университетский вопрос в 1906 г. // ЖМНП. 1906. Июль-Август. Ч. IV. С. 118.

⁸⁵ Цит. по: [Тихонов И.Л.] Борьба за автономию... С. 201.

⁸⁶ Ректор — МНП, 4 октября 1901 г., №201, Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 22–22об.

⁸⁷ См.: напр.: Формулярный список помощника инспектора студентов [затем — «исправляющего должность инспектора студентов»] С.-Петербургского университета статского советника Дмитрия Федоровича Никитенкова // РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 342. Л. 61об.–63об.

Примечательно, что последний «выборный» ректор И.Е. Андреевский был переназначен в сентябре 1884 г.⁸⁸ и оставался на своей должности вплоть до скандала с организацией под прикрытием университета революционно-террористической группировки в 1887 г. Более того, последние 2 года работы И.Е. Андреевский совмещал с директорством в Археологическом институте. Также со временем согласно норме нового устава были «переназначены» и деканы всех четырех факультетов: историко-филологического (В.И. Ламанский), физико-математического (Н.А. Меншуткин), юридического (Ю.Э. Янсон), восточных языков (В.П. Васильев)⁸⁹. В.И. Ламанский получил отставку «согласно его прошению» уже через год, когда был смнен «назначенцем» М.И. Владиславлевым⁹⁰. События 1887 г. по-разному сказались на судьбе деканов: если для Н.А. Меншуткина и Ю.Э. Янсона, на факультетах которых учились «террористы», произошедшее означало отставку, то для М.И. Владиславлева, напротив, развитие карьеры — он сменил И.Е. Андреевского на посту ректора. Наказанием И.Е. Андреевского было то, что помимо ректорства он также «согласно прошению» покинул и должность «заслуженного профессора» (при этом, правда, ему была назначена законная пенсия в 3000 руб., т. е. в размере полного оклада)⁹¹. Место декана историко-филологического факультета замещает И.В. Помяловский, декана физико-математического факультета С.П. Глазенап⁹², который, впрочем, быстро отказывается от должности (летом 1888 г. его сменил проф. А.В. Советов)⁹³. В.П. Васильев же оставался деканом факультета восточных языков до 1893 г.,

⁸⁸ Отчет С.-Петербургского университета за 1884 г. СПб., 1885. С. 7.

⁸⁹ Там же. С. 7.

⁹⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 4 ноября 1885 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886 академического года. №33. СПб., 1886. С. 43.

⁹¹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 сентября 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–1888 академического года. №37. СПб., 1888. С. 5; Формулярный список о службе И.Е. Андреевского [1887–1891] // РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 12. Л. 28об.–30.

⁹² Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета за 1887 г. СПб., 1888. С. 11.

⁹³ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 17 октября 1888 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1888 г. №39. СПб., 1889. С. 5.

т. е. до своего 75-летия, когда его сменил «назначенец» В.Р. Розен⁹⁴. Таким образом, смена на административных должностях избранных профессоров «профессорами-назначенцами» проходила постепенно и была вполне объяснима в каждом конкретном случае. Следует подчеркнуть, что все перечисленные «назначенцы», равно как и последующие назначенные ректоры (П.В. Никитин, В.И. Сергеевич, А.Х. Гольмстен, А.М. Жданов) и деканы (Н.Д. Сергеевский, С.Ф. Платонов) в свое время были избраны профессорами соответствующим факультетским и университетским советами.

Таким образом, очевидно, что возможность назначения профессоров не изменила закрытого корпоративного характера профессорской коллегии, что, в свою очередь, предопределяло известную солидарность в позиции по важнейшим вопросам университетской политики. Между тем, ректоры и деканы-«назначенцы» сразу оказались в сложном положении по отношению к корпорации, поскольку вынуждены были ретранслировать ей решения МНП, не имея при этом, с одной стороны, «мандата» корпорации на управление университетом и, с другой стороны, не располагая каким-либо существенными административными рычагами влияния на нее⁹⁵.

Для преподавательской коллегии основной корпоративной проблемой осени – зимы 1884 г. был перевод бывших доцентов в разряд экстраординарных профессоров⁹⁶. Для большинства доцентов проблема была решена удачно: в ноябре 1884 г. профессорами стали бывшие доценты И.В. Помяловский, В.Г. Васильевский, Е.Е. Замысловский, И.Е. Троицкий, П.В. Никитин, Ф.Ф. Соколов, А.В. Прахов и приват-доцент В.К. Ернштедт (историко-филологический факультет), доценты С.А. Бершадский, Л.В. Дорн, Н.Д. Сергеевский, С.А. Ведров, В.А. Лебедев (юридический факультет), В.Д. Смирнов, А.М. Позднеев, Н.И. Веселовский (факультет восточных язы-

⁹⁴ 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет... С. 235.

⁹⁵ Об ограниченных полномочиях ректора по Уставу 1884 г. см., напр.: *Черных Н.В.* Правовое регулирование статуса ректора Российской империи // *Право и образование.* 2011. №12. С. 48–49.

⁹⁶ См. Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 6 октября 1884 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 823. Л. 313–327об.; [Материалы о профессорах и преподавателях С.-Петербургского университета по факультетам] // Там же. Л. 328–363об.

ков)⁹⁷; в январе 1885 г. — С.П. Глазенап, Х.Я. Гоби, А.И. Воейков (физико-математический факультет)⁹⁸. Таким образом, большинство доцентов улучшило свое положение и в смысле социального статуса и в материальном смысле. Не повезло только троим доцентам, выведенным в ходе реформы за штат, — И.А. Шебору (историко-филологический факультет) и Д.А. Пещерову (факультет восточных языков), которых министр затруднился произвести в профессора по новому уставу как не имеющих магистерской степени, и доценту А.А. Цагарели, для которого также не оказалось профессуры как для «наиболее молодого из доцентов», потому что по факультету восточных языков, к которому он принадлежал, число доцентов превышало количество профессорских вакансий аж на три человека⁹⁹. Вообще, от Устава 1884 г. больше всего пострадал факультет восточных языков, у которого согласно Уставу 1863 г. было 9 профессур и 8 доцентур. Дело в том, что хотя по Уставу 1884 г. количество профессур по этому факультету сохранилось, его штатные доцентуры были упразднены. И, хотя эти доцентуры ранее не замещались в полном комплекте, а в ходе реформы министерство пошло на увеличение штатных профессур сверх установленной численности, именно факультет восточных языков был особенно возмущен ее результатами. Позицию Совета факультета восточных языков поддержал и Профессорский совет университета, предложивший увеличить штат факультета до 14 профессоров¹⁰⁰. Хотя МНП и не пошло на законодательное расширение штатов, требования корпорации были учтены. Уже к концу 1885–1886 учебного года магистр А.А. Цагарели был произведен в профессора¹⁰¹. Сложнее дело обстояло Д.А. Пещуровым, который по своему первоначальному образованию являлся математиком, а не си-

⁹⁷ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 26 ноября 1884 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884–1885 академического года. №31. СПб., 1885. С. 31–33.

⁹⁸ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 28 января 1885 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1884–1885 академического года. №32. СПб., 1886. С. 5–6.

⁹⁹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 26 ноября 1884 г. ... С. 32.

¹⁰⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 6 октября 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887 академического года. №35. СПб., 1887. С. 65–68.

¹⁰¹ Личный состав Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886... С. 158.

нологом, и имел магистерскую диссертацию по астрономии¹⁰²; но и он в 1890 г. стал «и. д. экстраординарного профессора»¹⁰³. Таким образом, решительно пострадал только И.Д. Шебор, — который, однако, все равно продолжал занимать своеобразное привилегированное положение в корпорации, будучи единственным (после ухода в 1886 г. из университета И.В. Ягича) преподавателем (не считая лекторов иностранных языков), родившимся и получившим начальное образование за границей (в Богемии). К тому же основным местом службы для И.А. Шебора оставался не университет, а Историко-филологический институт, в котором отсутствие ученой степени не мешало ему исполнять должность профессора¹⁰⁴. Таким образом, в ходе реформы корпорация скорее «приобретала», нежели «теряла» как в карьерном отношении, так и в финансовом смысле (с точки зрения увеличения содержания).

Однако основные споры МНП и Петербургского университета (равно как и других университетов империи) касались не штатов, а порядка преподавания. Устав 1884 г. подразумевал фактическое введение предметной системы, возможность для факультетов формулировать разные учебные планы, а для студентов — выбирать между ними, однако он же устанавливал прямой контроль МНП за учебным процессом. В результате на деле на всех факультетах утверждался один учебный план, причем единообразный для всех университетов¹⁰⁵. Более того, не только сам план, но и составленное по нему обозрение преподавания, включая расписание и рекомендуемую по курсам литературу, подлежали согласно тому же Уставу утверждению министерством¹⁰⁶. Именно это обстоятельство, связанное с системой мелочного контроля над преподаванием, и стало основным раздражителем в отношениях между МНП и Советом столичного университета.

¹⁰² Хохлов А.Н. Китаист Д.А. Пешуров — дипломат и педагог // Восточный архив. 2014. №1(29). С. 25.

¹⁰³ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1890 г. СПб., 1891. С. 11.

¹⁰⁴ Шебор Иосиф Антонович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. СПб., 1896–1898. Т. II. М. – Я. С. 339.

¹⁰⁵ См., напр.: Кареев Н.И. Профессорский гонорар в наших университетах. Письмо в редакцию // ВЕ. 1897. Т. VI (188). Кн. 11. С. 385.

¹⁰⁶ Устав Императорских Российских университетов 1884 г.... Стлб. 1005 (§70, 71).

Поскольку издание нового университетского устава, одобренного Александром III 23 августа, фактически совпало с началом учебного года, то и введение в действие его основных положений, связанных с новой системой преподавания, было, по существу, отложено МНП до следующего 1885/86 учебного года¹⁰⁷, когда, собственно, и началось противостояние Совета университета и МНП. В частности, Университетский совет сразу же вступил в полемику с министром относительно Правил составления и предоставления обзоров преподавания и распределения лекций и практических занятий со студентами¹⁰⁸. Однако настоящий конфликт развернулся в ходе введения в действие в следующем учебном году подготовленных правил об испытаниях в государственных комиссиях, правил о зачете полугодий и примерных новых учебных планах, «спущенных» министерством университетским советам в августе 1885 г. Противостояние тянулось около двух лет — до мая 1887 г.¹⁰⁹

Основной пафос заявлений министра, с которыми он вновь и вновь обращался к Совету, заключался в увеличении числа практических занятий. По словам И.Д. Делянова, «в высшей степени важно привлечение студентов к деятельному и с их стороны усвоению предлагаемого научного материала <...> и должно достигаться <...> с помощью возможного усиления в преподавании элемента практических упражнений в аудиториях и в учебно-вспомогательных учреждениях Университета»¹¹⁰. Средством для введения практических занятий на многолюдных факультетах министр как раз видел систему полугодовых курсов, гонорара и приват-доцентуры, которая «дает

¹⁰⁷ См.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 24 сентября 1884 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884–1885... С. 15–21.

¹⁰⁸ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1885 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886... С. 3–12; Представления деканов факультетов и мнения профессоров по запросу Министерства народного просвещения о зачете полугодий, о гонораре доцентов и других вопросах устава 1884 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 386.

¹⁰⁹ См., напр.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1885 г.... С. 3–12; Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 2 сентября 1885 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886... С. 20–25; Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 4 ноября 1885 г. // Там же. С. 46.

¹¹⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 2 сентября 1885 г.... С. 25.

возможность группировки студентов на немногочисленные аудитории и устройства параллельных курсов»¹¹¹.

К ноябрю 1885 г. выяснилось, что все факультеты в практике своей работы решительно отходят от требований министерства¹¹², после чего И.Д. Делянов вынужден был провести специальное совещание с участием ректора, деканов и ряда профессоров¹¹³. Надо отметить, что министр входил в детальное обсуждение не только учебных планов, но и вопросов, касавшихся расписания занятий. Так, в январе 1886 г. И.Д. Делянов потребовал изменения расписания занятий 2-го полугодья 1885/86 учебного года на том основании, что оно не согласно с примечанием к §3 министерских правил о составлении обзрений преподавания, согласно которому лекции преподавателей по одной кафедре не могли назначаться в одни и те же часы. «Между тем, — сообщал министр, — правило это нарушено в понедельник с 2 до 3 ч., во вторник от 1 ч. до 2 ч., в среду от 10 до 11 ч. и от 2 до 3 ч., в четверг от 11 до 12 ч.»¹¹⁴ — и впоследствии продолжал директивным порядком переставлять часы профессорских лекций¹¹⁵.

Методические усилия МНП продолжило наращивать в первом семестре 1886/87 учебного года, обрушив на голову профессоров целую лавину замечаний: почему для студентов I семестра нет курса зоологии? нельзя ли вместо него применить курс о беспозвоночных животных профессора Вагнера? почему вместо систематического курса анатомии дается только курс о системе нервов и сосудов (т. е. изложение последних разделов анатомии)? почему на физико-математическом факультете лекции по предметам «пригодным для студентов одного и того же семестра совпадают»? почему при курсе технической химии профессора Любавина не обозначено, будет ли в этом курсе изложена вся наука или только известная ее часть? почему количество часов про-

¹¹¹ Там же. С. 26.

¹¹² Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 4 ноября 1885 г.... С. 46–54.

¹¹³ Там же. С. 47

¹¹⁴ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886 академического года. №34. СПб., 1886. С. 5.

¹¹⁵ См., напр.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 6 октября 1886 г.... С. 40–41.

зектора Фортунатова по практической анатомии «слишком неопределенно» (министерство понимает «что практические занятия по анатомии существенно зависят от получаемого материала, тем не менее, дни и число часов для этих занятий могут быть заранее определены, при чем, в случаях недостатка материала, студенты могут быть каждый раз предупреждаемы об этом особыми объявлениями на дверях анатомического кабинета <...> в случаях недостатка трупов Прозектор может производить в часы, назначенные для практических занятий по анатомии, весьма полезные занятия со студентами по готовым препаратам»)? почему профессора Люгебиль и Ламанский вместо 6 часовой нормы приняли на себя 4 и 5 лекций? почему ряд профессоров включили в эту норму совещательные часы? почему «по иным предметам нет точного указания на объем курса, который предположительно прочесть в данное полугодие, так, напр., в курсе русской литературы, читаемом профессором Миллером, значится: “История русской литературы 4 лекции, русская народная словесность, 2 лекции”, но какие отделы этих наук составляют предмет чтения не обозначено»? почему специальные курсы по тем ли иным областям знаний вводятся тогда, когда еще не прочитаны (или не читаются общие курсы)? и т. п. Этот ряд вопросов сопровождался многочисленными указаниями, например, профессору Никитину точно указывать названия пособий для своего курса, приват-доценту Зелинскому указывать, для какого конкретно отделения он проводит занятия по древним языкам, профессорам Васильевскому и Прахову указать, что такие-то читаемые ими курсы являются продолжением предшествующих, профессору Вредену — дополнить название своего курса «Политическая экономия (физиология хозяйства)» словами «производство и его результаты» и пр., и пр., и пр.¹¹⁶.

Одновременно для изменения уже утвержденных часов проведения конкретных лекций университет был вынужден официальным порядком вносить этот вопрос на личное рассмотрение министра¹¹⁷. Вскоре министр стал сверять

¹¹⁶ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887... С. 8–11.

¹¹⁷ См., напр.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 6 октября 1886 г.... С. 41.

поданные ему для утверждения обозрения преподавания с оригинальными заявлениями преподавателей и отмечать малейшие несоответствия, например, в названиях рекомендуемых пособий¹¹⁸. Не ускользали от внимания министра и типографские ошибки: в одном из циркуляров И.Д. Делянов, например, иронически замечал: «Относительно приват-доцента Фортунатова указано, что он будет излагать “внутренности органов чувств”, между тем как в действительности он намерен излагать: “внутренности и органы чувств”, т. е. учение о внутренностях и об органах чувств»¹¹⁹.

Однако критический анализ факультетских обозрений со стороны министра не ограничивался лишь формальными моментами. И.Д. Делянов вникал в самые формулировки учебного плана. Не обходил вниманием министр и анализ списков рекомендованной литературы. Приведем характерный критический пассаж одного из министерских циркуляров (январь 1886 г.):

«Юридический факультет предполагает предложить для домашнего чтения студентам 2-го семестра, между прочим, по политической экономии учебник профессора Вредена и сочинение Рошера “Начало народного хозяйства” т. I, в переводе Бабста. По мнению г. Министра, при существовании в русском переводе такого капитального труда, как сочинение Рошера, сим последним могло бы быть ограничено чтение по политической экономии и одновременное занятие двумя учебниками было бы излишним. Само собой разумеется, что капитальное сочинение Рошера должно быть предпочтено другому»¹²⁰.

Данное указание министра выглядело особенно вызывающе, поскольку профессор Э.Р. Вреден, собственно, и читал курс политической экономии. Юридический факультет, впрочем, только частично выполнил распоряжение министра, рекомендовав на следующий год только одну книгу на русском языке — пособие Э.Р. Вредена, — дав также указание и на последнее полное немецкое издание труда В.Г. Рошера¹²¹. Завершало картину «самоуправства»

¹¹⁸ См., напр.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 19 января 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887 академического года. №36. СПб., 1887. С. 8.

¹¹⁹ См., напр.: Там же. С. 9.

¹²⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1886 г.... С. 5.

¹²¹ Обозрение преподавания наук в С.-Петербургском университете на второе полугодие 1886–1887 учебного года. СПб., 1887. С. 34–35.

министерства желание непосредственно контролировать само содержание того, что могли говорить на лекциях фрондирующие преподаватели. Так, попечитель учебного округа стал посещать лекции приват-доцента В.И. Семевского, известного своими демократическими взглядами¹²².

В условиях методического противостояния Министерства и университета особое звучание приобретали требования профессуры о резком увеличении бюджетных ассигнований на деятельность университетских лабораторий и оплату труда научно-вспомогательного персонала в связи с увеличением числа практических занятий согласно нормам нового устава. В августе 1886 г. на заседании Совета были обнародованы заявления ведущих профессоров А.В. Советова, И.М. Сеченова, Н.П. Вагнера, А.С. Фаминцына, А.Н. Бекетова, Ф.Ф. Петрушевского, В.В. Докучаева, А.А. Иностранцева, Ю.Э. Янсона, в которых констатировалось, что в рамках существующего министерского финансирования университет не в состоянии «правильно установить практические занятия» в таком количестве, которое «студенты вправе требовать» и которое «отвечает экзаменационным требованиям»¹²³. Ответственность за невозможность организации преподавания в соответствии с требованиями закона, таким образом, перелагалась на МНП. Одновременно в условиях постоянного давления МНП на университетские органы Университетский совет сам склонен был перекладывать университетские проблемы на министерскую бюрократию — частности, когда дело касалось защиты финансовых интересов университета в суде (например, дело с завещанием в пользу университета купца Н.В. Попова)¹²⁴.

Недовольство преподавательской коллегии Уставом осенью 1886 г. вылилось в студенческие аудитории. Очевидец так описывает одну из лекций с высказываниями по поводу нового устава чрезвычайно популярного среди студентов Д.И. Менделеева:

¹²² См.: *Балуев Б.П.* Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский // *Историки России. XVIII – начало XX века* / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 459.

¹²³ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1886 г.... С. 26–33.

¹²⁴ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1886 г.... С. 8; Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 6 октября 1886 г.... С. 40.

«Наука свободна. Ее не подчинить никаким циркулярам. Как вода в паровом котле может от накопления превратиться вся в пар и разорвать его на куски, так и труд ищет простора для своего проявления и не терпит противодействия. Всегда были папские буллы, упразднявшие науки, но эти буллы умирали, а Ньютоны и Галилеи навсегда оставались бессмертными, не в циркулярах сила. Дух человеческий ищет простора для себя. Его горизонты далеки, и безумно думать, что этот дух можно по произволу ограничить, а тем более уничтожить»¹²⁵.

Однако основной головной болью И.Д. Делянова были все же не фондирующие профессора и приват-доценты, а студенты. В университете активно продолжали действовать революционные студенческие организации. Новый устав не только не решил проблемы студенческого движения, но, провоцируя в этой среде протестные настроения, скорее способствовал тому, что в годы т. н. реакции университетская молодежь оставалась хранителем революционных традиций. На осколках упомянутого выше Союза молодежи партии «Народная воля» сформировалась Группа молодежи партии «Народная воля» (по инициативе М. Брамсона, А. Магата). Можно назвать и целый ряд нелегальных студенческих изданий, выходивших в 1882–1886 гг.: «Студенчество», «Свободное слово», «Голос молодежи»¹²⁶.

Таким образом, хотя с 1884 по 1887 г. публичных проявлений массового студенческого недовольства в столичном университете не было зафиксировано¹²⁷, очаг фронды непрерывно тлел. В декабре 1885 г. полиции удалось разгромить Группу молодежи партии «Народная воля» — М. Брамсон и его товарищи были арестованы¹²⁸. Однако на месте разгромленных кружков сразу возникали новые и не менее опасные. Среди наиболее значительных революционных организаций, связанных с университетом этого периода, надо указать на «благоевский кружок», организованный болгарским студентом Д.Н. Благоевым. Поступив в университет в 1881 г., он быстро оказался в активной общественной среде университетской молодежи. «Никогда не забуду

¹²⁵ Воропонов Ф.Ф. На рубеже двух уставов. Воспоминания студента 80-х годов // ИЖ. 1909. №4. С. 319.

¹²⁶ См.: Жуйкова Р.Г. Революционные студенческие кружки... С. 44–48.

¹²⁷ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 2.

¹²⁸ См.: Жуйкова Р.Г. Революционные студенческие кружки... С. 46.

картины, — пишет Благоев, — которую застал, войдя в аудиторию на первую лекцию: обширный зал аудитории был переполнен сотнями студентов. На одной из студенческих скамеек стоял студент и резкими, пламенными словами бичевал полицейский произвол <...> призывал студенчество на борьбу с ним. Его речь сопровождалась бурными аплодисментами и бурными восклицаниями со стороны студентов. Это была студенческая сходка»¹²⁹. Таким образом, по словам Д.Н. Благоева, «еще при первом посещении университета я познакомился со многими русскими студентами, которые ввели меня в студенческую и политическую жизнь», а также с системой студенческих землячеств, «которые помогли мне спастись от физической гибели, доставляя мне работу — переписка, частные уроки и т. д. Они помогли мне и в духовном отношении найти тот смысл жизни, которого я напрасно искал еще в Болгарии»¹³⁰.

В декабре 1883 г. Д.Н. Благоев вместе с своими русскими товарищами по студенческой скамье (В.Е. Благославов, Н.А. Бородин, В.Г. Харитонов и др.) создает т. н. «благоевский кружок», которому его организаторы дали громкое название «Партия русских социал-демократов» и начали пропаганду социал-демократических идей среди студенчества и петербургских рабочих¹³¹. Из числа студентов, вступивших тогда на поприще политической борьбы, впоследствии вышел ряд видных революционных деятелей, например, М.С. Ольминский (тогда студент юридического факультета)¹³². Однако к 1885 г. деятельность группы была разоблачена, Д.Н. Благоев был арестован и этапным порядком выслан в Болгарию¹³³.

Рядом с кружком Д.Н. Благоева можно поставить революционные кружки середины 80-х гг.: например, кружок Семена Брыкина, в который вошли многие студенты Петербургского университета «кубанцы» и «донцы», в том

¹²⁹ Цит. по: Сладкевич Н.Г. Революционная деятельность Благоева в годы его пребывания в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1949. №4. С. 145.

¹³⁰ Благоев Д. Мои воспоминания. М., 1928. С. 23–25.

¹³¹ См. об этом: Лапина Р.Г., Жуйков Г.С. Революционные и демократические кружки в Петербургском университете в 1883–1891 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С. 25–28.

¹³² Аминина М.Н. Михаил Степанович Ольминский // Петербургский университет и революционное движение... С. 139–140.

¹³³ См.: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 89–91.

числе и будущий известный писатель — А.С. Попов (Серафимович). Среди аналогичных революционных кружков можно упомянуть и кружок Петра Буткова и Михаила Телескина, кружок братьев Андреевых и другие подобные организации¹³⁴. Многие из них действовали под прикрытием т. н. землячеств петербургских студентов, которые хотя и не были официально разрешены, но существовали с молчаливого согласия руководства университета. В этой обстановке министерство издает новые «Правила для студентов университета во время прохождения курса» (утверждены в мае 1885 г.)¹³⁵, согласно которым не допускались никакие действия студентов, носящие корпоративный характер, запрещалась организация любых публичных собраний, «не имеющих научного характера», в том числе «театральных представлений, концертов, балов», участие в «тайных обществах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели», организация любых «сборищ», «произнесение публичных речей», «какие бы то ни было денежные сборы»¹³⁶.

В январе 1886 г. из университета был изгнан приват-доцент В.И. Семевский получивший громкую известность в качестве «развратителя молодежи»¹³⁷. В.И. Семевский, выпускник Историко-филологического университета, имел непростую судьбу в официальной науке, прежде всего, по причине политического («народнического») пафоса своих работ. Кроме всего прочего, откровенная социальная ангажированность построений В.И. Семевского диссонировала с общим направлением петербургской исторической школы. Профессор русской истории К.Н. Бестужев-Рюмин, очевидно, опасавшийся общественного резонанса трудов В.И. Семевского, и к тому же сам довольно консервативных взглядов, отказывался допускать В.И. Семевского к защите магистерской диссертации до тех пор, пока он не изменит хотя бы идеологизированный текст «Введения» к тексту диссертации.

¹³⁴ См. об этом: Лапина Р.Г., Жуйков Г.С. Революционные и демократические кружки... С. 26–39.

¹³⁵ Правила для студентов университета во время прохождения курса // ЖМНП. 1885. Июль. Ч. CCXL. С. 35–40.

¹³⁶ Там же. Ср.: Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дис... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 102–103; Johnson P.W. Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // Russian Review. 1974. Vol. 33. No.3. P. 261–262.

¹³⁷ См. Марголис Ю.Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет... С. 45.

В.И. Семевский текст «Введения» менять не стал и защитил в феврале 1882 г. диссертацию по теме «Крестьяне в царствование Екатерины II» в более «либеральном» Московском университете¹³⁸. Разумеется, сам факт подобной защиты «на стороне» уже отчасти настроил корпорацию против В.И. Семевского. Однако, несмотря на возражения историко-филологического факультета, Университетский совет подал представление попечителю учебного округа о чтении им курса в должности приват-доцента, что и было сделано министром в декабре 1882 г. Курс В.И. Семевского под названием «История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX века», читавшийся автором в 1883–1885 гг., несколько выбивался из общего строя университетского преподавания хотя бы потому, что по определению МНП «его лекции изобиловали неприличными картинами из крепостного права и быта помещиков»¹³⁹. Однако студенчество этот приват-доцентский курс привлекал, большая аудитория, в которой проходили лекции, с трудом вмещала всех желавших послушать оппозиционного лектора, и, в конце концов, стало очевидно, что курс В.И. Семевского является одним из мест «распространения» радикализма¹⁴⁰. В условиях поступающих сообщений о распространении в университете новых революционных кружков в начале января 1886 г. И.Д. Делянов принимает решение об устранении В.И. Семевского от преподавания¹⁴¹. И если в среде преподавательской корпорации, по отношению к которой В.И. Семевский всегда держался обособленно, это решение публичного протеста не вызвало, то среди студентов с ним были связаны новые волнения и организация адреса опальному педагогу¹⁴².

¹³⁸ Критский Ю.М. В.И. Семевский и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1969. №2. Вып. 1. С. 165–166. Ср.: Snow K.A. The «Academic Troubles» of V.I. Semevskii // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1991. Vol. 33. No.2. P. 158–163; Олесич Н.Я. Возвращение на родину. В.А. Мякотин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. III. С. 223–224.

¹³⁹ Цит. по: Критский Ю.М. В.И. Семевский и Петербургский университет... С. 167.

¹⁴⁰ О лекциях В.И. Семевского в университете см., напр.: Вересаев В.В. В студенческие годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 1. С. 202–203.

¹⁴¹ См. о решении о «прекращении лекции Приват-доцента В.И. Семевского»: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1886 г.... С. 9. Ср.: Сватиков С.Г. Опальная профессура 80-х гг. // Голос минувшего. 1917. №2. Февраль. С. 48–50.

¹⁴² Критский Ю.М. В.И. Семевский и Петербургский университет... С. 167. Ср.: Saunders D. The Political Ideas of Russian Historians // The Historical Journal. 1984. Vol. 27. No.3. P. 762–764.

Для группы «избранных» студентов, в том числе для А.И. Ульянова и участников его кружка, В.И. Семевский продолжал дочитывать прерванный курс лекций на дому¹⁴³. Во всяком случае, эффект от увольнения В.И. Семевского получился обратным, побуждавшим студенчество к новым протестным акциям. Тем более что тут же появился и новый повод — 25-летняя годовщина Манифеста 19 февраля 1861 г. В масштабной коммеморации, организованной на Волковском кладбище кружками революционного и полуреволюционного направления, приняло участие порядка 400 студентов. В литературе отмечается, что выступление «было первым после демонстрации на Казанской площади Петербурга шествием людей, открыто проявлявших свое политическое настроение»¹⁴⁴.

В результате в марте 1886 г. министр сообщает в циркуляре попечителю учебного округа, что «к крайнему сожалению» «за последнее время стали поступать в Министерство известия о том, что злоумышленники начали снова действовать темными способами пытаясь <...> уловить в свои сети не довольно осторожных из учащейся молодежи». В предложениях министра, адресованных инспекции и зачитанных в заседании Совета университета, предписывается «бдительно следить» за проявлениями возможной агитации в студенческой среде в университете и «по возможности, вне ононого», иметь под надзором тех из «молодых людей, которые обнаружили какое либо участие в оной или склонность поддаться ее влиянию», «усугубить наблюдение за исправным посещением студентами лекций и исполнением всех обязанностей, возлагаемых на них правилами о зачете полугодий, при чем профессеры и прочие преподаватели, без сомнения, не откажут в полном своем содействии в видах обеспечения правильного хода научных занятий в Университете и предохранения молодых людей от гибельных для них последствий» и пр.¹⁴⁵ Среди предписаний министра были и такие психологическо-дидактические пассажи: «не оставлять без внимания и незначительных проявлений дурного направле-

¹⁴³ Итенберг Б.С., Черняк А.Я. Александр Ульянов. М., 1966. С. 102.

¹⁴⁴ Там же. С. 103.

¹⁴⁵ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 17 марта 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886... С. 58.

ния студентов, выражающегося иногда даже в мелочах, например, наружное неряшество и грубый тон со старшими или с низшими исполнителями приказаний Начальства бывают обыкновенно признаками начинающегося влияния противоправительственной агитации»¹⁴⁶. Стремясь остановить развитие революционных кружков, в 21 января 1887 г. МНП издает новый циркуляр, предписывающий взятие подписки у вновь поступающих студентов о неучастии в тайных обществах¹⁴⁷.

В ситуации методического противостояния с МНП, в которой находился университет, Совет университета дистанцировался от опасного «студенческого вопроса» в любых формах. Например, адресовал запросы об «отпуске студентов» по болезни на срок свыше 28 дней непосредственно министру, пока И.Д. Делянов сам не издал постановление (сентябрь 1886 г.), предоставлявшее решение таких вопросов ректору¹⁴⁸.

Весной 1886 г. в условиях политической активизации молодежи, следовавшей за делом В.И. Семевского и акцией 19 февраля, происходит объединение «Союза землячеств» Петербурга, что дает новый импульс революционной деятельности студенчества¹⁴⁹. Возглавляет новую организацию студент физико-математического факультета А.И. Ульянов.

История организации террористической народнической группы во главе с А.И. Ульяновым, существовавшей под прикрытием как полулегального «Союза землячеств», так и Студенческого научно-литературного общества в университете, широко изучена в литературе¹⁵⁰. Группа возникла в условиях упомянутого «брожения в умах» и нового роста революционной пропаганды,

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ МНП — Попечителю учебного округа, 21 января 1887 г., №1202. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 53–54.

¹⁴⁸ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 9 сентября 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887... С. 19.

¹⁴⁹ Гладковская Л.А. А.С. Попов-Серафимович в петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1. С. 118–128.

¹⁵⁰ Итенберг Б.С., Черняк А.Я. Александр Ульянов...; Чеботарев И.Н. Воспоминания об Александре Ульянове и Петербургском студенчестве 1883–1887 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 1. С. 221–224.

о которой было известно властям и которая так беспокоила министра¹⁵¹. Легальным прикрытием группы в определенной степени служило «Научно-литературное общество» при Петербургском университете, основанное в 1882 г., активным участником которого являлся А.И. Ульянов. Общество возглавлялось профессором историко-филологического факультета О.Ф. Миллером, товарищем председателя был профессор юридического факультета Н.Л. Дювернуа¹⁵². На деле же под ширмой легальной организации в стенах университета активно шла подпольная работа, прежде всего, в рамках т. н. Союза землячеств, объединявшего подпольные студенческие кружки. Размах, который приобрела деятельность землячеств, показывает масштаб т. н. «добролюбовской демонстрации», прошедшей 17 ноября 1886 г. Первоначально демонстрация задумывалась А.И. Ульяновым и его сторонниками наподобие акции 19 февраля и была приурочена к 25-летию со дня гибели Н.А. Добролюбова, однако дело вылилось в столкновение с полицией и высылкой ряда демонстрантов из Петербурга¹⁵³.

В воспоминаниях В.В. Вересаева, бывшего в то время студентом историко-филологического факультета, есть замечательный эпизод, посвященный «добролюбовской демонстрации», который как нельзя лучше характеризует и студенческую атмосферу, и механизм втягивания молодых людей в революционную среду. Накануне намеченной на Волковском кладбище акции он получил от отца письмо, предостерегающее от необдуманных поступков. Поэтому на акцию студент шел с тяжелым сердцем, в последующем записав в художественной форме свои впечатления:

«По дороге Печерников останавливал встречаемых студентов, знакомых и незнакомых, вполголоса сообщал, что сейчас на Волковом кладбище будет панихида по Добролюбове, и предлагал пойти на панихиду. Одни, взглянув испуганно, шарахались прочь. Другие поворачивали к Волкову кладбищу. Приехали на конке к Волкову. На площади перед кладбищенскими воротами колыхалась

¹⁵¹ См., в частности: *Сладкевич Н.Г.* К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60–80-х годов XIX века // *Очерки по истории Ленинградского университета...* Т. 1. С. 111–113.

¹⁵² См. главу 4.

¹⁵³ См., напр.: *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг.... С. 50. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Добролюбовская демонстрация 1886 г. и ее оценка современниками и в исторической литературе // *Российские университеты в XIX – начале XX века.* Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 106–127.

огромная масса студенческой молодежи. Среди штатских одеяний студентов-универсантов старших курсов пестрели формы младших универсантов, технологов, медиков и лесников. Были курсистки. Подъезжали конки и подвозили все новые толпы студентов.

<...> — Позвольте! Мы хотим отслужить на кладбище панихиду по умершему! Какое вы имеете право нам запретить?

Взволнованный пристав решительно отказывался пустить всех, — соглашался пустить только делегацию для возложения принесенных венков на могилу.

— Да я вот лично, без венка, желаю помолиться за упокой души раба божьего Николая, а вы мне не позволяете.

— Помолитесь, господин студент, дома, — молитва там дойдет. <...>

Напряжение росло. Взять и разойтись было смешно, да и совершенно невозможно психологически. Не в самом же деле сошлись мы сюда, чтобы во Христе помолиться об упокоении души раба божьего Николая. У меня в душе мучительно двоилось. Вправду разойтись по домам, как пай-мальчикам, раз начальство не позволяет? Зачем же мы тогда сюда шли? А с другой стороны, — тяжким камнем лежало на душе папино письмо и делало Меня тайно чужим моим товарищам.

Обсуждалось предложение: колонною, всем вместе, двинуться по Невскому к Казанскому собору и там требовать, чтоб была отслужена панихида. В другое время я бы сам агитировал за это. Теперь же мне очень хотелось, чтобы предложение было отвергнуто и решено было разойтись по домам. Но отлично понимал: этого не будет. Пойдут к Казанскому собору.

С мерзостным чувством предателя я пошел к конке, собиравшейся отходить в город. Она уже была полна студентами. Звонок. Конка покатила. Оставшиеся увидели, понеслись свистки, смех, крики:

— Позор! Труссы!

Ехавшие не смотрели друг другу в глаза. Издалека я видел, как темная масса студентов вытянулась в колонну и двинулась по направлению к Лиговке»¹⁵⁴.

Вероятно, если бы В. Вересаев поддался бы этому настроению, дело могло закончиться арестом и высылкой из Петербурга, при том что никакой определенной революционной программы ни он, ни большинство протестно настроенных студентов не имело. Но в этих общественных условиях программа с неизбежностью изобреталась. Действительно, добролюбовская акция до предела наэлектризовала обстановку в студенческой среде и подтолкнула организаторов акции к переходу к более радикальной тактике. В конце 1886 г. во многом стараниями А.И. Ульянова возникает «Террористическая фракция

¹⁵⁴ *Вересаев В.В. Воспоминания // Вересаев В.В. Собрание сочинений в 5 тт. М., 1961. Т. 5. С. 270–271.*

партии Народная воля», актив которой образуют университетские студенты — О.М. Говорухин, И.Д. Лукашевич, В.Д. Генералов и другие. Основной целью группы, возглавляемой «гордостью университета» (по словам его ректора И.Е. Андреевского)¹⁵⁵, было убийство государя императора. Важно, однако, не столько само дело А.И. Ульянова, сколько та атмосфера в студенческой среде, которая его породила. Приведем в этой связи отрывок из воспоминаний бывшего студента О. Говорухина, являвшегося одним из участников заговора:

«Однажды когда мы были заняты приготовлением жеребеек (элементы метательных снарядов — *Е.Р.*), к Александру Ильичу пришел товарищ — Александр Серафимович, который не был посвящен в дело. У меня появилась мысль, что следовало бы прикрыть жеребейки газетой, и я сделал было уже соответствующее движение. Но Александр Ильич, как ни в чем не бывало, предложил тов. Серафимовичу сесть за стол помогать нам в работе. Александр Серафимович, не спрашивая, по свойственной ему деликатности, что и зачем, сел к столу и, приглядевшись, как мы работаем, стал нам помогать»¹⁵⁶.

Иначе говоря, изготовление бомб на дому представлялось университетским студентам делом естественным, почти обыденным. На чердаке квартиры студента В.В. Водовозова (также активного члена Студенческого научно-литературного общества) заговорщики хранили ящик с трепелом. После ареста А.И. Ульянов поручил С.Ф. Ольденбургу — другому товарищу по Обществу — ящик убрать, что члены Ольденбургского кружка и сделали (а один из его участников университетский лаборант В.И. Вернадский как раз и установил его состав), закопав предмет в садике дома одного из товарищей на Петроградской стороне¹⁵⁷.

Как известно, большинство участников организации было арестовано 1 марта 1887 г., т. е. в день, на который был назначен теракт. В университете

¹⁵⁵ См., напр.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 86. Сочинение А.И. Ульянова на тему: «Об органах сегментарных и половых пресноводных *Annulata*» по представлению физико-математического факультета было удостоено золотой медали (Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 3 февраля 1886 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886... С. 18). О работе А.И. Ульянова в зоотомическом кабинете см.: *Фауна сек Ю.И. Бестужевские курсы, работа, встречи* // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных). К 140-летию основания. Сб. документов и воспоминаний / Под ред. С.И. Фокина. М., 2011. С. 188–190.

¹⁵⁶ Цит. по: *Гладковская Л.А.* А.С. Попов-Серафимович в петербургском университете... С. 122.

¹⁵⁷ См. *Ольденбург Е.Г.* Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1947. №2. С. 154.

произошедшее произвело впечатление реально разорвавшейся бомбы. Об участии в преступном замысле студентов в университете стало известно на другой день вечером 2 марта. Когда об этом сообщили на проходившем заседании научно-литературного общества, с его руководителем О.Ф. Миллером приключилась истерика. По воспоминаниям очевидцев, «Орест Федорович бледный и с трясущимся лицом, так и присел. Охватив голову руками, он беспомощно шептал: Что же теперь будет! Что же теперь будет?!»¹⁵⁸.

6 марта в актовом зале университета ректор зачитал покаянную речь, в которой, тем не менее, попытался максимально дистанцировать университет от произошедшего, уменьшив и количество студентов в ряду заговорщиков и время их обучения в университете:

«Я бы не верил собственным моим глазам, если бы <...> этого не сообщало правительственное известие “задержано трое студентов С.-Петербургского университета и при них найдены разрывные снаряды”.

Страшное, ни с чем, по позору для нашего университета, несравнимое извещение.

Зачем, злосчастные, воспользовались они, и так недавно, не более 6 месяцев назад, гостеприимную дверь нашего университета? Они вошли в нашу прелестную студенческую семью, чтобы опозорить ее. Они сделались студентами, чтобы вызвать теперь нашу скорбь и тоску, что они были студенты... Мы знаем, конечно, что в течение столь короткого времени они не могли успеть еще подвергнуться тем благотворным влияниям, которым так способен Петербургский университет обнять свою университетскую молодежь. Мы знаем, конечно, что они не успели войти в тот процесс научной работы, которая стремится человека к труду, размышлению и объективности. <...>

Но не все знают об этом. Многие по страшному известию, <...> могут делать общие заключения о наших студентах и нашем университете»¹⁵⁹.

Совет поспешил принять верноподданнический адрес Государю, единогласно принятый и подписанный всеми членами. Текст этого документа вполне патетичен:

«Три злоумышленника, недавно сделавшиеся к великому несчастью С.-Петербургского университета его студентами, своим участием в адском замысле и преступном сообществе нанесли университету невыносимый позор. Тяжко, скорбно, безвыходно! И в эти горестные дни с.-

¹⁵⁸ Воропонов Ф.Ф. На рубеже двух уставов... С. 323

¹⁵⁹ Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета за 1887 г.... С. 2.

петербургский университет в целом его составе, все его профессора и студенты, ищут для себя единственного утешения в Милостивом Государь, дозволении повергнуть к священным стопам Вашего Величества чувства верноподданнической преданности и горячей любви»¹⁶⁰.

Ответ императора на адрес был враждебно сухим:

«Благодарю С.-Петербургский университет и надеюсь, что на деле (эти слова были подчеркнуты Александром III собственноручно — *Е.Р.*¹⁶¹), а не на бумаге только он докажет свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатление, произведенное на всех участием студентов в преступном замысле. Да благословит его Господь на все доброе»¹⁶².

У императора были основания для сомнений — во время «покаянной речи» ректора в зале слышались протестующие крики. Как вспоминал один из студентов, очевидцев происходящего, несмотря на сомнения в правильности форм террористической борьбы, «вне всяких возможных сомнений» студенчества было то, что «жертвы прежде всего сами террористы: они идут на смерть ради своих убеждений»¹⁶³. Действительно, для студентов дело закончилось довольно быстро: на рассвете 8 мая 1887 г. А.И. Ульянов вместе со своими товарищами по университету (П. Шевыревым, В. Генераловым, В. Осипановым и П. Андреюшкиным) был казнен во дворе Шлиссельбургской крепости, причем двое из них (А. Ульянов и В. Генералов) на момент совершения преступления по российским законам были несовершеннолетними. Последнее обстоятельство позволяло оппозиции впоследствии подчеркивать их роль в качестве жертв «освободительного движения»¹⁶⁴. Усилили напряженность в университете и последовавшие за делом «чистка» — по подозрению в неблагонадежно-

¹⁶⁰ Журнал экстренного заседания совета С.-Петербургского университета. 6 марта 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887... С. 89.

¹⁶¹ См.: *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг.... С. 61.

¹⁶² Журнал экстренного заседания совета С.-Петербургского университета. 23 марта 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887... С. 99.

¹⁶³ *Аничков Е.В.* Устав 1884 года и студенчество на перепутье (Из личных воспоминаний) // Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков. Париж, 1934. С. 62. См. также: *Лепешинский П.Н.* На повороте (От конца 1880-х годов к 1905 г.). Пб., 1922. С. 9–10; *Никитин В.М.* Математик строит Транссиб. А.В. Ливеровский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. II. С. 134–135.

¹⁶⁴ См. напр.: *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907. С. 89.

сти из университета были уволены десятки студентов — и слухи о грядущем отчислении из университета «бедных студентов»¹⁶⁵.

Однако одними репрессиями последствия «дела 1 марта 1887 г.» не исчерпывались. Власть издает целую серию актов, направленных на ужесточение контроля над студенчеством. В целях «устранить из С. Петербургского университета тот элемент учащихся, который вносит в оный беспорядки, смуту и даже крамолу», МНП разрабатывает и вводит в действие в июне 1887 г. новые правила приема в университет (циркуляр 7 июня), направленные на создание системы «надзора» над студентами вне стен учебных заведений со стороны инспекции, родителей или лиц, их заменяющих, путем резкого ограничения возможности поступления в университет студентов из других учебных округов¹⁶⁶. Еще до дела А.И. Ульянова, 21 января 1887 г., МНП издает циркуляр, предписывающий брать у поступающих в студенты подписку о том, что они обязуются не принадлежать ни в какому тайному обществу и даже не участвовать без разрешения начальства ни в каких «сборах»¹⁶⁷. Однако подобная мера была заведомо контрпродуктивна, учитывая существовавшую традицию землячества, а следовательно, и неизбежность нарушения упомянутого циркуляра. Особое возмущение студенчества вызывали постоянные попытки инспекции университета ввести контроль над ежедневным посещением лекций¹⁶⁸, попытки «разделить» студентов, упразднив студенческую читальню¹⁶⁹, общую шинельную и столовую (буфет), бывшие местом студенческих общест-венно-университетских собраний¹⁷⁰. Вместо читальни была утроена уборная, на стенах которой, по воспоминаниям С.Ф. Платонова, вскоре появилось четверостишие:

«Где прежде здесь была свободная читальня

И наша речь лилась широкою рекой,

¹⁶⁵ См.: *Меншуткин Б.Н.* Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина... С. 34–36.

¹⁶⁶ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 сентября 1887 г.... С. 7–8.

¹⁶⁷ См., напр.: *Завьялов Д.А.* Российское законодательство о студенческих организациях // *Известия вузов. Правоведение*. 2006. №4. С. 194.

¹⁶⁸ См., напр.: *Еленев Ф.* Студенческие беспорядки. СПб., 1888. С. 34.

¹⁶⁹ Протокол заседания Правления Императорского С.-Петербургского университета. 6 июня 1887 г. №25. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13387. Л. 235об.–236.

¹⁷⁰ *Воропонов Ф.Ф.* На рубеже двух уставов... С. 325.

При Владиславлеве устроена там ср***ня
Он памятник воздвиг себе своей рукой»¹⁷¹.

Действительно, стремление усилить «надзор» дало обратный эффект и обернулось новым конфликтом между властью и студенчеством, разразившимся в конце ноября после ареста студента Синявского, публично давшего пощечину одному из исполнителей этой политики — инспектору Московского университета А.А. Брызгалову¹⁷². Очень быстро студенческие требования перешли от конкретных, связанных с отстранением А.А. Брызгалова, к более общим, а волнения перекинулись из Московского университета на другие высшие учебные заведения, в том числе в Петербурге. Исключительно дурную услугу оказал администрации здешнего университета инспектор студентов М.Ф. Цивильков, пытавшийся с помощью «шпионов» выявить источник крамолы в университете, что спровоцировало новые сходки, публичную обструкцию ректору и введение полиции в университет¹⁷³.

В декабре 1887 г. в ходе новых беспорядков, проходивших под лозунгами возвращения университетской автономии и разрешения студенческих организаций, ряд студентов столичного университета был арестован, а всего из университета была исключено 74 человека¹⁷⁴ — в абсолютном и процентом отношении к общему числу это был рекорд среди высших учебных заведений Империи за 1887 г. (16,2%). И хотя в сравнение с общей численностью студентов процент был невелик (3,6%)¹⁷⁵, эффект этих увольнений произвел удручающее впечатление на студенчество и преподавательское сообщество — тем более что дело А.И. Ульянова было использовано МНП для усиления своих позиций в университете. Прежде всего, в отставку был вынужден подать избранный ректор А.И. Андреевский, что вызвало отставку деканов и чуть

¹⁷¹ *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта / Подг. текста, коммент. А.В. Сиренова. СПб., 2004. С. 57.

¹⁷² О «брызгаловской истории» см., напр.: *Дмитриева В.И.* Так было... С. 223; *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 57–61.

¹⁷³ *Воропонов Ф.Ф.* На рубеже двух уставов... С. 327–329.

¹⁷⁴ *Георгиевский А.И.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 226–227.

¹⁷⁵ Свод статистических материалов об исключенных из высших учебных заведений студентов, участвовавших в беспорядках, проходивших в ноябре и декабре 1887 года // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1887. Д. 167. Л. 1об.

было не переросло в массовую отставку профессоров. Затем, с подачи министра внутренних дел Д.А. Толстого, было закрыто Студенческое научно-литературное общество, а над его руководителем О.Ф. Миллером начали «сгущаться тучи», и вскоре он был отправлен в отставку в связи с его критической оценкой деятельности недавно скончавшегося М.Н. Каткова на университетской лекции, читанной в начале осеннего семестра 1887 г. При этом формальной причиной министерского требования об отставке был отказ профессора давать какие-либо письменные объяснения относительно его лекции попечителю учебного округа И.П. Новикову (сделавшему соответствующий запрос профессору по требованию министра И.Д. Делянова) и публикация вместо этого в печати тезисов его выступления в университете с протестом против попытки посягнуть на его право «мнения и сомнения», которое «безусловно принадлежит университетской кафедре»¹⁷⁶.

Прогрессивные профессора, особенно из числа «мировых знаменитостей», имевших «вес» и широкое признание в науке и обществе, не скрывали своих симпатий по отношению к студенческому движению. По воспоминаниям очевидца-студента, Д.И. Менделеев прямо заявил зашедшему в химическую лабораторию новому ректору-назначенцу М.И. Владиславлеву, что ему тут «делать нечего»¹⁷⁷. В одном же из полицейских донесений, направленных И.Д. Делянову в декабре 1887 г., говорится, например, следующее: «Профессора Бекетов и Менделеев выразились среди студентов, что полиция не имеет права производить аресты в стенах университета, о чем заявили ректору и просили возбудить судебное преследование против пристава Арапова»¹⁷⁸. Надо, правда, сказать, что пристав в какой-то степени сам спровоцировал про-

¹⁷⁶ Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 31 августа 1887 г. №224 // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 215. Л. 68–68об.; *Миллер О.* Письмо редактору // *Русский курьер*. 1887. 28 сентября. №267. С. 2. См. об этом: *Гревс И.М.* В годы юности // *Былое*. 1918. №12. С. 69–71; *Ольденбург Е.Г.* Студенческое научно-литературное общество... С. 145–155. Ср.: *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг.... С. 50–53, 60–69. В то же время следует учитывать, что О.Ф. Миллер уже выслужил свой 25-летний срок службы и в любом случае должен был в ближайшее время ее оставить. Примечательно, что «репрессированному» профессору была назначена полная пенсия (Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г. // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодье 1888 года*. №38. СПб., 1888. С. 5).

¹⁷⁷ *Воропонов Ф.Ф.* На рубеже двух уставов... С. 326.

¹⁷⁸ Цит. по: *Макареня А.А., Филимонова И.Н.* Д.И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 41. Ср.: *Георгиевский А.И.* Краткий исторический очерк... С. 225.

фессорское возмущение, хитростью выманив из здания университета двух студентов, которым было сказано, что их «требуется к себе градоначальник», и уже с «улицы отправил их в Васильевскую часть для заключения под арест»¹⁷⁹.

Говоря о «казусе» Менделеева, нельзя не отметить, что интерпретация как его участия в защите студенчества, так и истории отставки несколько различается в источниках «правительственного» и «общественного» происхождения¹⁸⁰. По одной из версий, Д.И. Менделеев пришел успокаивать студентов после провала, который до него в этом деле потерпел слывший прогрессивным профессором В.И. Сергеевич. Во всяком случае, на студенческой сходке 10 (по другим данным 11) декабря 1887 г. профессор Д.И. Менделеев, обращаясь к студентам, приглашая их успокоиться и разойтись, заявил, по воспоминаниям очевидцев, что «университет есть нечто целое, и всякая часть его должна жертвовать собой для пользы общей, поэтому я, профессор Менделеев, буду выразителем ваших желаний перед высшим начальством»¹⁸¹. Д.И. Менделеев сдержал слово, выступая ходатаем за студенческие интересы, передав их протест и требования попечителю, в том числе об увольнении назначенного ректора М.И. Владиславлева.

В этой атмосфере противостояние между МНП и либеральной профессурой обостряется. Министерство издает прямо-таки анекдотические распоряжения, регламентирующие отношения между преподавателями и студентами. В частности, обращает на себя внимание предложение министра от 23 мая 1887 г. за №7795 о том, что «допускаемый в некоторых университетах обычай позволять студентам отвечать, во время испытаний, сидя, не соответствует правилам приличия <...> чтобы отныне студенты университета давали ответы при испытаниях стоя». При этом «его высокопревосходительство присовокупил, что ответственность за неисполнение настоящего распоряжения должна

¹⁷⁹ Товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией — Министру народного просвещения, 18 декабря 1887 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 272. Л. 206–206об.

¹⁸⁰ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 3–4; Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев и Петербургский университет... С. 41; Воропонов Ф.Ф. На рубеже двух уставов... С. 328–333.

¹⁸¹ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев и Петербургский университет... С. 41.

быть возложена на самих гг. преподавателей, производящих испытание»¹⁸². С большей, чем раньше, бесцеремонностью власть реагирует на предложения корпорации, которые в той или иной форме кажутся оппозиционными. В этой связи показателен правительственный ответ на ходатайство Совета университета об устройстве по подписке в Казани памятника покойному академику А.М. Бутлерову. Официальный ответ, представленный попечителем, гласил, что

«г. министром сделано было по сему вопросу сношение с министром внутренних дел, который уведомил, что не отрицая заслуг Бутлерова для науки, он находит однако, что память достоинств и трудов покойного едва ли может дать имени его право стать в сознании народном на ряду с именами великих русских деятелей, монументами которых украшены города Империи. В виду приведенного отзыва действительного тайного советника графа Толстого, с которым г. министр народного просвещения, со своей стороны, вполне согласен, его высокопревосходительство предложением от 30 мая за №8306 уведомил, что ходатайство С.-Петербургского университета удовлетворению подлежать не может»¹⁸³.

В том же ряду стоит, например, и запрет министра на исполнение решения Совета университета, постановившего установить портрет профессора Ю.Э. Янсона в комнате университета, в которой должна была содержаться подаренная им библиотека¹⁸⁴. Демонстративным жестом выглядит и отказ министра в зачислении в срок службы профессора И.М. Сеченова 10-и лет, проведенных им на службе не в университете, а в профессорских должностях в Медико-хирургической академии, что должно было бы обеспечить ему звание заслуженного профессора¹⁸⁵. Разумеется, подобная политика МНП вызывала постоянное напряжение в Университетском совете¹⁸⁶. Так, специально сформированная комиссия Университетского совета выступила с резкой критикой министерского решения, касавшегося И.М. Сеченова¹⁸⁷, после чего Совет на-

¹⁸² Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 30 мая 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887... С. 130.

¹⁸³ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 сентября 1887 г.... С. 6.

¹⁸⁴ Там же. С. 7.

¹⁸⁵ Там же. С. 10–11.

¹⁸⁶ См.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 2 ноября 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–1888... С. 16.

¹⁸⁷ Там же. С. 24.

чал переписку с МНП, направленную на его пересмотр¹⁸⁸, пока сам профессор в январе 1888 г. не попросил Совет ее прекратить¹⁸⁹. Можно предположить, что эта история послужила одним из поводов для решения знаменитого профессора об оставлении столичного университета и переезде в Москву.

В конце 1887 г. власть предпринимает меры, чтобы не допустить повторения «в стенах университета беспорядков»¹⁹⁰, а празднование следующей «годовщины» — 8 февраля 1888 г. — отменяется императором по представлению МНП¹⁹¹. 14 января 1888 г. состоялось весьма резонансное решение совещания министров внутренних дел, народного просвещения и государственных имуществ, в котором назначалась дата возобновления занятий в университете (21 января) и постановлялось «предварительно сего дать, чрез начальство учебного округа, совету университета предложение, в котором разъяснить профессорам обязанности их по отношению к нравственному воздействию их на студентов» и «через министра народного просвещения самым решительным образом объявить деканам факультетов для сообщения преподавателям университета, что в случае возобновления беспорядков и могущей, сверх чаяния, оказаться необходимости прекратить учебные занятия на более или менее продолжительное время, все служащие в университет будут уволены от службы, так как немыслимо и несправедливо, чтобы податные средства, собираемые с народа, обращались на содержание лиц, которые не будут нести никаких служебных обязанностей»; также предписывалось «объявить студентам, что, в случае прекращения лекций, им не будет зачтено целое полугодие и производство стипендий прекратится»¹⁹².

Обсуждение этого постановления в заседании Совета университета 20 января 1888 г. не было допущено М.И. Владиславлевым, поскольку, как справедливо отмечает современник событий, ректор «предвидел в каком смысле

¹⁸⁸ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 14 декабря 1887 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–1888... С. 30–31.

¹⁸⁹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г.... С. 3. Ср.: Сеченов И.М. Профессорство в Петербургском университете... С. 163–164.

¹⁹⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 14 декабря 1887 г.... С. 30–31.

¹⁹¹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г.... С. 4.

¹⁹² Цит. по: Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк... С. 237.

оно было бы ведено»¹⁹³. Между тем, о нарастающем раздражении Совета университета деятельностью МНП свидетельствовало заявление одного из его наиболее уважаемых членов — профессора В.И. Ламанского, — сделанное в том же заседании 20 января 1888 г., не встретившее в Совете возражения и включенное в протокол как его решение. По мнению В.И. Ламанского, с вступлением в Совет новых членов необходимо читать «как прежде» записки об их ученых трудах «для охранения авторитета совета университета». При этом В.И. Ламанский предлагал:

«принять за правило: о тех новых членах, которые назначаются г. министром по рекомендации или выбору факультетов, читать записки, составленные профессорами соответственных факультетов, о тех же, которые назначаются г. министром без ведома последних, читать записки или представления, на основании которых последовало такое решение г. министра»¹⁹⁴.

Такое решение, как бы обязывающее министра давать отчет о научных достоинствах своих назначенцев, было очевидным свидетельством роста оппозиционности Профессорского совета. Особенно ярко эти настроения проявились в заседании физико-математического факультета, которому министр по частной просьбе декана С.П. Глазенапа разрешил обсудить предложения министерства. Впрочем, имея в виду публично заявленную критическую в отношении МНП позицию таких видных членов факультета, как А.Н. Бекетов, И.М. Сеченов и Д.И. Менделеев, предугадать результат такого обсуждения было несложно. Факультет не только решительно осудил политику ректораназначенца, но и «отказался от деятельного участия в применении предложения г. министра», подчеркнув, что «занятия наукой не всегда способны всецело поглотить умы учащегося юношества, а пример людей старшего поколения не всегда способен найти подражание в более молодом» и «дополнить эти средства другими, необходимыми для водворения прочного спокойствия и мирного процветания университета, не во власти профессоров»¹⁹⁵. Иными словами, профессора ясно давали понять министерству, что виной всему явля-

¹⁹³ Там же. С. 241.

¹⁹⁴ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г.... С. 3–4.

¹⁹⁵ Цит. по: *Георгиевский А.И.* Краткий исторический очерк... С. 242.

ется его собственная политика, направленная на ущемление университетской автономии.

Поняв, что достичь помощи профессуры в борьбе с крамоллой никакими угрожающими циркулярами не удастся, министерство идет на новое решительное усиление полицейских и надзорных мер в отношении собственно источника крамоллы — студенчества. Так, с 1889 г. МНП вводит в действие циркуляр, еще более расширявший права университетской инспекции. Согласно установкам МНП, пересказывавшимся с определенным акцентом «вольной печатью», инспектор обязан

«останавливать внимание на студентах, которые могут подозреваться в наклонности к студенческим демонстрациям и из них на таких, которые способны и наклонны быть руководителями каких бы то ни было демонстраций <...> Инспектор имеет право производить при помощи помощников особенное наблюдение за внеуниверситетской жизнью более или менее сомнительных студентов, причем необходимо иметь в виду и некоторые лица, не принадлежащие к составу студентов, но имеющие большое соприкосновение со студенческим кружком и могущие дурно влиять на студентов <...> поручить инспекции, при посредстве полиции иметь строгое наблюдение в городе неразрешенных студенческих “вечеринок”, на которые как показал опыт, главным образом, и составляются планы студенческих демонстраций и вербуются участники их»¹⁹⁶.

Контроль над внеучебной жизнью крайне раздражительно действовал на студентов. Неслучайно, что, несмотря на бытовые трудности, на начало 1890-х гг. располагавшаяся в пределах университета Коллегия Александра II на треть пустовала — в ней проживало чуть больше 100 человек¹⁹⁷. Однако в соответствии с упомянутым циркуляром по всему городу была организована слежка за студенческими квартирами (причем роль информантов о «сборищах» выполняли дворники)¹⁹⁸. Как справедливо отмечается исследователями, тайный характер студенческих организаций, обусловленный запретительной политикой режима, сам по себе, как правило, способствовал тому, что первые

¹⁹⁶ От редакции // Студенческий вестник. 1890. Май. №1. С. 67. Ср.: Чирскова И.М. Университеты в системе правительственной политики России... С. 77.

¹⁹⁷ Глинский Б.Б. С.-Петербургский университет (по поводу его 75-летнего юбилея) // Глинский Б.Б. Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 29.

¹⁹⁸ Аничков Е.В. Устав 1884 года и студенчество... С. 43–44. Андреев Л. Дневник 1891–1892 гг. / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 88–89.

роли в этих кружках (землячествах, кружках образования и т. п.) играли радикальные и авантюрные элементы, создавая тем самым базу для оппозиционно-революционного движения в студенческой среде¹⁹⁹.

Между тем, профессорская корпорация в своем большинстве, очевидно, в этом противостоянии поддерживала студенчество. Д.И. Менделеев, бывший одним из ее неформальных лидеров, лично передал министру студенческую петицию, где ставились вопросы о признании студенческих корпораций, свободе сходов, восстановления Научно-литературного общества²⁰⁰. Студенческая петиция была возвращена профессору с лаконичной резолюцией министра И.Д. Делянова, гласящей, что «ни министр и никто из состоящих на службе его Императорского Величества не имеет права принимать подобные бумаги»²⁰¹. Свой уход из университета (сделанный вопреки увещаниям наиболее близких коллег и учеников²⁰², а также коллективной просьбе Университетского совета²⁰³) в марте 1890 г. всемирно известный химик объяснял неудачей своих усилий²⁰⁴.

Парадоксально, но назначение в 1887 г. ректором философа М.И. Владиславлева, в «благонадежности» которого министр был «во всех отношениях уверен»²⁰⁵, способствовало постепенному отступлению министерства от прежнего диктата в области университетского преподавания. По словам А.И. Введенского, в период ректорства М.И. Владиславлева фактически заменившего его на кафедре философии, «Владиславлев энергично содействовал переработке программ историко-филологического факультета, введенных с 1884 г., что имело особое значение для участи философии: по программам

¹⁹⁹ Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 110.

²⁰⁰ Там же. С.109.

²⁰¹ Цит. по: Байков А.А. [Периодический закон Д.И. Менделеева и его творец] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. М., 1973. С. 60.

²⁰² См., напр.: Соловьев Ю.И., Китнис А.Я. Дмитрий Петрович Коновалов. М., 1964. С. 32–34.

²⁰³ Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 9 апреля 1890 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1890 г. №42. СПб., 1890. С. 29.

²⁰⁴ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев и Петербургский университет... С. 41. Ср.: Дмитриев И.С. «Души отчаянной протест» (Заметки о Д.И. Менделееве) // Вестник СПбГУ. Серия 4. 2004. Вып. 3. С. 128.

²⁰⁵ Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения, 28 мая 1887 г., Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 215. Л. 33; Протокол заседания Правления Императорского С.-Петербургского университета. 6 июня 1887 г., №25 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13387. Л. 231об.–232.

1884 г. ее преподавание было ограничено лишь изучением учений Платона и Аристотеля; с переменой же этих программ преподавание ее было восстановлено в том же объеме, как оно велось и раньше с 1863 г.»²⁰⁶. Вероятно, можно согласиться с оценками А.И. Введенского — несмотря на то, что высказывания М.И. Владиславлева были частью общего критического хора²⁰⁷, негативно оценивавшего новые программы, его позиция как ректора столичного университета играла особую роль. Надо сказать, что несмотря на тотальное недоверие и практический бойкот со стороны либеральной профессуры²⁰⁸, М.И. Владиславлев, вообще, был достаточно активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации. Например, именно в его эпоху кафедра географии и этнографии, больше соответствующая естественному отделению физико-математического факультета, была перенесена на этот факультет с историко-филологического²⁰⁹.

Отметим, что усилия корпорации, направленные на отстаивание своей академической независимости от Министерства, в конце концов, увенчались успехом и по другим направлениям: МНП стало на рубеже 1880–1890-х гг. в автоматическом режиме утверждать факультетские «Обозрения преподавания» и отказалось от практики утверждения обозрения на каждое полугодие; фактически в полном объеме была возобновлена и система полукурсовых испытаний на всех четырех факультетах (историко-филологическом, юридическом, физико-математическом, восточных языков)²¹⁰. Попытка насаждения

²⁰⁶ Введенский А. Владиславлев Михаил Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века... Т. I. А – Л. С. 155. Ср.: Козбарь Л.И. Логика в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 174; Тихонова Э.В. Михаил Иванович Владиславлев — основоположник системы философского и педагогического образования в Санкт-Петербургском университете // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. №2. С. 200–201.

²⁰⁷ См.: Гутнов Д.А. Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX – начале XX вв. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1992. С. 50–51.

²⁰⁸ См., напр., очевидно тенденциозную трактовку деятельности ректора в книге сына одного из основных «оппозиционеров» профессуры, написанной на основе отцовского архива: Менишуткин Б.Н. Жизнь и деятельность Николая Александровича Менишуткина... С. 34–52.

²⁰⁹ Обзор деятельности университета за 1881–1894 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9506. Л. 8.

²¹⁰ См.: Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 4 февраля 1891 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1891 г. №44. СПб., 1891. С. 6–7; Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 30 сентября 1891 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 г. №45. СПб., 1892. С. 7–8.

«классицизма» и упразднения традиционной системы обучения по отделениям на историко-филологическом факультете к 1889 г. была отбита²¹¹. Иными словами, была фактически восстановлена (сохранена) прежняя система преподавания (см. главу 2). Можно сказать, что с конца 1880-х гг. Министерство фактически отказалось от практики контроля за научной и учебной сторонами преподавания, т. е. по существу многие установки Устава 1884 г. были на деле пересмотрены.

Из новаторских элементов Устава 1884 г., помимо практики «назначения» должностных лиц университета и профессоров, превратившейся в отношении последних по большей части в прямые или завуалированные корпоративные выборы, осталась, пожалуй, только практика государственных экзаменов, по-прежнему проводившихся по правительственным программам²¹². Однако и здесь жизнь внесла коррективы — первоначальный замысел Министерства отделить итоговые экзамены от преподавания и преподавателей так и остался на деле нереализованным. Новый государственный экзамен на практике отличался от прежних выпускных испытаний только назначением министерством на должности председателей государственных экзаменационных комиссий лиц, сторонних для данного университета (как правило, профессоров других университетов)²¹³. В этих условиях местные экзаменаторы, с одной стороны, не имели возможности следовать прежней практике — неформально решать вопрос о «готовности» студента к испытаниям, — с другой стороны, вынуждены были поддерживать всех экзаменующихся, поскольку экзамен превращался и в оценку качества их собственной работы. В результате успеваемость и количество успешно окончивших курс росли, но со временем государственные экзамены приобретали довольно странный характер. Приведем, например, отрывок из Дневника Н.Н. Платоновой, ярко характеризующей экзамены на историко-филологическом факультете начала 1890-х гг.:

²¹¹ Чесноков И.В. К вопросу о влиянии университетского устава 1884 г. на историческое образование в России // Российские университеты в XVIII–XX вв. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 57.

²¹² См., напр.: Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование испытаний в университетских комиссиях (из истории российской образовательной политики конца XIX – начала XX в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2012. №2–1. С. 98–104.

²¹³ См., напр.: Из общественной хроники. 1 ноября 1897 г. // ВЕ. 1897. №11. Т. VI. С. 445.

«С.В. Рождественский, Пресняков и Лаппо много говорили о государственных экзаменах: первый держал их в прошлом году, второму предстоит держать их теперь, третьему — в будущем году. Боже, во что превращаются эти экзамены! В самом деле, хорошо положение студентов: они должны держать экзамены по программам, к[ото]ые не выполняются профессорами; мало того, иногда профессора даже не указывают студентам тех пособий, по к[ото]рым они могут готовиться к экзамену по их предмету. Например, в прошлом году оказалось, что курсы, читанные Ламанским, соответствуют только первым 5 билетам правительственных программ; к остальным билетам студенты могли готовиться, по чему хотели, п[отому] ч[то] Ламанский никаких указаний им не дал, а сказал, что экзаменовать их будут по программе, составленной соответственно его курсам. Однако Беляев, председатель экз[аменационной] комм[иссии], на это не согласился и произвел экзамен по правительственной программе; в результате провалились более или менее все, кроме Рождественского и Гримма, взявших первые билеты. Студент, взявший билет: Венгрия в XIII–XVIII вв., не ответил буквально ни слова; существует легенда, будто он сказал: Венгры не Славяне, поэтому я о них отвечать не буду; Вы еще, пожалуй, меня о Печенегах будете спрашивать. Рожд[ественск]ий говорит, что, попадись ему этот билет, он тоже не сказал бы ни слова: только в словаре Березина он нашел сведения о Венгрии в эти века, но с такой массой цифр и годов, что ничего не мог запомнить (это было накануне экзамена). Ф.Ф. Соколов добился от Беляева того, что экзамен был произведен по его, а не по правит[ельственной] программе, иначе был бы полный скандал: по правит[ельственной] программе требуется вся римская история, а он читает только несколько веков и т. д. По-моему, нужно бы сначала добиться, чтобы студентам в ун[иверсите]те читались курсы, соответствующие правит[ельственным] программам, а потом уже экзаменовать их по этим программам. Иначе эти экзамены сведутся к нулю и придется постоянно прибегать к разным ухищрениям, чтобы они происходили без скандалов, как прибегают и теперь: напр[имер] Беляев в прошлом году делил программу всякого предмета на две части: в каждой части была своя нумерация, и студенту, взявшему, напр[имер], 5^й билет, предоставлялось отвечать по собственному выбору 5^й билет из первой или из второй части курса, в надежде, что если он не знает одного 5го билета, то знает другой; но и эта хитрость не всегда помогала. Пресняков говорит, что его, в виду экзаменов, утешает одно: такие нелепости можно безнаказанно говорить на государств[енных] экзаменах, что трудно даже представить себе, что нельзя говорить. Один, напр[имер], на вопрос: какие главнейшие сочинения Спинозы, ответил: еврейская грамматика, — и кончил по первому разряду. Другой ни слова, буквально ни слова не мог сказать о Локке. Третий на вопрос, какие были причины какой-то войны, ответил: да разные — и рукой при этом махнул. И все эти студенты хорошо кончили»²¹⁴.

Другой задачей, поставленной МНП при введении Устава 1884 г., была организация «конкуренции» между университетскими преподавателями²¹⁵. Ра-

²¹⁴ Дневник Н.Н. Платоновой. 25 апреля [1892 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 109об.–112.

²¹⁵ Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Академия наук и уни-

зумеется, и она также не была достигнута — случаи «параллельных» курсов носили единичный характер и, как правило, рассматривались в качестве нарушения академической этики, а все попытки заставить профессоров и приват-доцентов начать «соревноваться» между собой за студентов и выплачиваемый ими за лекции гонорар не увенчались успехом²¹⁶. Кстати, и сам гонорар, получаемый приват-доцентами, в большинстве случаев был в разы ниже профессорского²¹⁷.

Показательно, что министр мог сколько угодно сетовать на постоянное невыполнение факультетами его указаний, но воздерживался от каких-либо репрессий за их «академическую неуспеваемость». Другое дело, публично и печатно выражаемые политические взгляды. Можно предположить, что к началу 1890-х гг. Министерство вполне осознало, что невозможно изменить ситуацию в университетах с помощью внедрения «немецких механизмов», заложенных в уставе 1884 г., т. е. конкуренции между профессорами, системы параллельных курсов, внедрения гонорара и т. п. — прежде всего потому, что условием работы этих механизмов было предоставление «академической свободы» не только профессорам, но и студенчеству, что в корне противоречило другому началу того же устава — обеспечить тотальный контроль и регламентацию студенческой жизни²¹⁸.

7.3. 1890–1897: Затишье перед бурей. Ректор П.В. Никитин

Весной 1890 г. во время студенческих беспорядков университет понес, помимо отставки Д.И. Менделеева, и другую потерю — тяжело заболел и быстро сошел в могилу его оппонент, ректор М.И. Владиславлев. По поводу его смерти Д.И. Менделеев, до этого оскорблявший ректора публично, беззлобно резюмировал: «Ругайся себе направо-налево и будешь здоров. Вот Владислав-

верситеты. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 154–156; *Миклашевский И.Н.* К вопросу о профессорском гонораре. (Статистическая справка) // *Образование*. 1897. №12. С. 1–20.

²¹⁶ См., напр.: *Кулаковский Ю.А.* Гонорар в русских университетах. Киев, 1897. С. 52–53.

²¹⁷ Ведомость о количестве гонорара, полученного преподавателями университетов в 1887 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 138. Л. 59–71.

²¹⁸ См. об этом, напр.: *Кулаковский Ю.А.* Гонорар в русских университетах...

лев не умел ругаться, всё держал в себе и скоро помер»²¹⁹. Новому ректору-назначенцу МНП П.В. Никитину приходилось лавировать между властью, студенчеством и либеральными профессорами, которые относились ко всем правительственным «назначенцам» настороженно. Характерна в этом смысле запись в Дневнике Н.Н. Платоновой, супруги профессора С.Ф. Платонова (недавно не без помощи П.В. Никитина назначенного на эту должность):

«<...> был [у нас] Ламанский; он удивляется, зачем Никитин принял ректорство: единственный на всю Россию удачный филолог-грек, академик, человек вполне обеспеченный добровольно отказывается от науки ради видного положения: после этого Немцы с полным правом могут говорить: к чему избирать в Академию русских, когда они ради лишнего ордена готовы бросить науку. По мнению Ламанского, положение Н[икити]на будет не из легких: один Сергеевич способен отравить ему жизнь. Вообще все профессора неодобрительно смотрят на Н[икити]на: Л[аманск]ий предсказывает, что профессора не будут ходить к нему, как не ходили к Владиславлеву»²²⁰.

Благодаря усиленной репрессивной политике организованное студенческое движение после событий 1887 г. в стенах университета на время затихает, хотя традиция революционных кружков в среде университетской молодежи не прерывается. Та же Н.Н. Платонова отмечает, например, эпизод осени 1890 г., связанный с реакцией студенчества на статью профессора А.И. Введенского, посвященную памяти своего учителя (и ретрограда в глазах революционной молодежи) М.И. Владиславлева:

«Третьего дня в унив[ерсите]те студенты, говорят, хотели освистать Введенского за его статью о Владиславлеве, но Введ[енск]ий не пришел на лекцию. Tempora mutantur etc.: когда-то Введ[енск]ий (во время своего студенчества) сам был радикалом и охотно свистал и шикал, а теперь ему же собираются свистать»²²¹.

Разумеется, причина этой ситуации заключалась в том, что правительственная репрессивная машина была бессильна искоренить главную причину беспорядков — фрондерскую ментальность интеллектуальной молодежи. По-

²¹⁹ Цит. по: *Дмитриев И.С.* «Он химик, ботаник, механик и матрос». О статье О.В. Михайлова «“Чемоданных дел мастер”, или ещё раз о Дмитрие Ивановиче Менделееве» // Вестник РАН. 2015. Т. 85. №4. С. 342.

²²⁰ Дневник Н.Н. Платоновой. 21 ноября [1890 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 31–31об.

²²¹ Дневник Н.Н. Платоновой. 8 сентября [1890 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 16об.

лицейский контроль над университетом, в том числе присутствие переодетых агентов (легко вычисляемых студентами) на лекциях «прогрессивных» профессоров²²², только накаляли обстановку. Ярким примером коллективного и во многом стихийного протеста против режима стали похороны известного революционного демократа Н.В. Шелгунова в апреле 1891 г., в которых приняли участие около 200 студентов²²³. В ходе похоронного шествия произошли очередные столкновения с полицией, в результате которых последовали новые исключения студентов²²⁴. Как показано в литературе, шествия наподобие тех, которые устраивались в ходе «революционных похорон», сами по себе служили той средой, где молодые люди знакомились, а на основе такого знакомства складывались новые «кружки»²²⁵.

Как видим, традиции студенческого радикализма, общественная ситуация в стране и «запретительная линия» МНП с неизбежностью создавали почву для организации все новых революционных групп, причем с начала 1890-х гг. народническая идеология все более уступает марксистской. Так, осенью 1891 г. организуется кружок, называемый в литературе «университетской марксистской группой», во главе со студентом юридического факультета П.А. Красиковым и физико-математического факультета А.С. Бесчинским, пытавшийся вести пропаганду среди рабочих²²⁶.

Итак, как и любой «назначенец», ректор П.В. Никитин оказался в сложном положении между корпорацией и министерством, министерством и студенчеством. В этих условиях стратегией ректора вслед за его предшественником стала линия на ограничение вмешательства МНП в учебный процесс (интересно, что так же, как и М.И. Владиславлев, П.В. Никитин, будучи сам филологом-классиком, выступал против засилья «классицизма» на историко-

²²² См., напр.: Дневник Н.Н. Платоновой. 3 января [1893 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 9.

²²³ Аминина М.Н. Михаил Степанович Ольминский... С. 141.

²²⁴ Дневник Н.Н. Платоновой. 18 апреля [1891 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 54об.

²²⁵ См., напр.: Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. No.2. P. 160.

²²⁶ История Ленинградского университета. Очерки... С. 96; Шитлов Л.А. Петр Ананьевич Красилов // Петербургский университет и революционное движение... С. 146–147.

филологических факультетах²²⁷), попытки заручиться поддержкой как ученого сословия, так и «общества» и студенчества. В этом контексте отметим, что ректор возглавил предприятия корпорации, направленные на борьбу с голодом 1891–1892 гг. после случившейся засухи (напомним, что он послужил новым поводом для протестных настроений интеллигенции всех поколений). По призыву профессора А.Н. Бекетова при полной поддержке ректора в университете был организован сбор пожертвований для помощи голодающим²²⁸. По предложению И.Я. Фойницкого в стенах университета также читались публичные лекции в пользу пострадавших. Для заведования этими чтениями была создана специальная профессорская комиссия (В.П. Васильев, И.Я. Фойницкий, Д.П. Коновалов, Н.И. Кареев), сбор от этих чтений составил порядка 3000 рублей²²⁹. Разумеется, помимо материальной помощи профессора, в частности знаменитый географ-климатолог А.И. Воейков и почвовед В.В. Докучаев, старались предложить власти и обществу научные объяснения и рецепты против повторения случившегося²³⁰.

Регулярным испытанием для ректора и администрации университета на протяжении всех 90-х гг. оставался ежегодный публичный университетский акт. Вот, например, как описывал один из актов, проходивший в присутствии руководства МНП во главе с И.Д. Деляновым (7 февраля 1893 г.)²³¹ А.Е. Пресняков, в то время студент историко-филологического факультета, придерживавшийся «прогрессивных», но далеких от революционного радикализма взглядов:

«Акт начался с отчета, длинной и скучной истории, да я его и не слушал, а больше бродил с товарищами по коридорам. Потом проф[ессор] Сергеевский — здоровенный детина, хоть сейчас в

²²⁷ См.: *Ростовцев М. П.В. Никитин, его взгляды на науку и классическое образование // Памяти Петра Васильевича Никитина. Пг., 1916. С. 6–19 (То же // Гермес. 1917. №18. С. 436–445). Ср.: Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916 гг.). СПб., 2004. С. 58–69.*

²²⁸ Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 30 сентября 1891 г.... С. 15.

²²⁹ Обзор деятельности университета за 1881–1894 гг.... Л. 11.

²³⁰ См.: *Некрасов П.И. А.И. Воейков. М., 1940. С. 13–14; Кирьянов Г.Ф. Василий Васильевич Докучаев. 1846–1903. М., 1966. С. 55–63.*

²³¹ См.: Протокол годичного акта Императорского С.-Петербургского университета. 7 февраля 1893 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1893 г. №48. СПб., 1893. С. 13–14.

троешники — долго читал речь о “наказании”. Он профессор уголовного права, прославившийся своим слишком “трезвым” взглядом на вещи; и в речи он проповедовал все то же, что задача уголовного права бороться с преступлением, борьба должна вестись наказаниями. Сентиментальничать тут нечего — и т.д. в том же духе. Наши “либералы” не сообразили — ибо вообще деятели сходок у нас зело, кажется, тупы — сколько нелиберального было в этой речи и страшно аплодировали, а невиннейшему хору Главача “Слава русскому царю” — шикали и даже пытались шикать “Боже, царя храни”»²³².

По всей видимости, ректор попытался свести этот скандальный инцидент к демонстрации протеста против В.И. Главача, являвшегося дирижером хора, который, по мнению студентов, вместе с инспектором М.Ф. Цивильковым присваивал часть денег, вырученных хором за концерты в пользу Общества вспомоществования студентам. После обращения студентов к ректору он разрешил им самим устраивать вечера помимо оркестра и инспекции, после чего М.Ф. Цивильков подал в отставку²³³. По свидетельству современника, «популярность Никитина среди студентов, благодаря этой истории, окончательно упрочилась»²³⁴. Помимо «обретшего свободу» хора при П.В. Никитине расцвел театральный кружок, получивший в середине 1890-х гг. широкую известность и делавший большие сборы в пользу неимущих студентов, из этого кружка вышли знаменитые актеры, в частности, В.И. Качалов²³⁵.

Однако, нельзя сказать, что стремление инспекции контролировать студенческие «благотворительные» вечера не имела никаких рациональных оснований — такие собрания и собранные на них средства вполне могли быть использованы в разного рода «фрондерских видах», о чем МНП периодически

²³² А.Е. Пресняков — матери, 7 февраля 1893 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Руковод. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 86. Ср.: Дневник Н.Н. Платоновой // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 17–17об. У А.Е. Преснякова описка — вместо «Сергеевский» написано «Сергеевич».

²³³ См.: Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 28 апреля 1893 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1893... С. 15; Дневник Н.Н. Платоновой. 15 февраля [1893 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 17об.–18.

²³⁴ Там же. Л. 18

²³⁵ *Иванова Л.В.* В Петербурге Шверубович стал Качаловым // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. II. С. 281–283.

«сигнализировал» департамент полиции²³⁶ или сам министр внутренних дел²³⁷. С другой стороны, для поддержания стабильности в университете путь диалога со студенчеством для ректора являлся единственно возможным. В архиве П.В. Никитина сохранились составленные им собственноручно вопросники для бесед со студентами, участвовавшими в беспорядках. Вероятно, в таких беседах ректор пытался понять мотивы бунтарства, которому не сочувствовал, но понимал, что репрессии могут привести к обратному результату²³⁸. Согласно воспоминаниям участников студенческой фронды, П.В. Никитин являлся на сходки, выслушивал их «требования» и пытался вступать в диалог с их участниками²³⁹.

Новый ректор также пошел на возобновление студенческих научных организаций, первой из которых стал семинар приват-доцента юридического факультета М.И. Свешникова, в первой половине 1890-х гг. ставший местом обсуждения различных вопросов социологии и политической экономии — местом, где выдвигались студенческие лидеры как в научной, так и политической сфере. Среди его участников — П.Б. Струве, Б.В. Никольский, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.В. Водовозов, А.Н. Потресов и др.²⁴⁰ Продолжением этой политики стала организация «Бесед по проблемам факультетского преподавания», которая, как показано в литературе, как бы являлась попыткой возрождения Студенческого научно-литературного общества²⁴¹. Трудно сказать, кому первому принадлежала мысль о воссоздании Общества. Во всяком случае, эта идея прозвучала в речах профессоров Н.И. Кареева и И.М. Гревса 8 февраля, произнесенных на организованном студентами по поводу очередной

²³⁶ См., напр.: Товарищ министра внутренних дел — министру народного просвещения, 25 февраля 1895 г., №1830, совершенно доверительно // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1195. Л. 1–2.

²³⁷ См., напр.: Министр внутренних дел — министру народного просвещения, 23 июля 1894 г., №1660, Конфиденциально // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1042. Л. 49.

²³⁸ См.: *Иодко О.В.* П.В. Никитин и его вклад в византинистику // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга* / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 134.

²³⁹ См., напр.: *Могиланский М.* В девяностые годы // *Былое*. 1924. №24. С. 97.

²⁴⁰ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. М.; Берлин, 2015. С. 82–83. См. также: *Глинский Б.Б.* С.-Петербургский университет... С. 31.

²⁴¹ *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества... С. 117–118.

«годовщины» банкете²⁴². По свидетельству очевидцев, и сам банкет, и эти речи имели определенное политическое звучание²⁴³ и даже стали предметом специального разбирательства в Министерстве народного просвещения²⁴⁴. Впрочем, в конце концов, благодаря поддержке «благонадежных» профессоров А.И. Введенского и С.Ф. Платонова, а также самого П.В. Никитина, регламент «Бесед...» получил одобрение в МНП²⁴⁵ вопреки определенным опасениям, высказывавшимся со стороны министерства внутренних дел²⁴⁶.

Перемена политики положительно сказалась на атмосфере в университете — по крайней мере, она была далека от того накала революционной борьбы, который был характерен для второй половины 1880-х гг. Любопытно в этом смысле описание присяги универсантов новому императору Николаю II, приводимое со слов С.Ф. Платонова, которого трудно отнести к «либеральному» лагерю:

«Вчера праздновали восшествие на престол; наследником объявлен в манифесте Георгий, пока “Господу Богу угодно будет благословить рождением сына предстоящий наш брак с Алисой, принцессой Гессен-Дармштадской”. Вчера в университетской церкви профессора и студенты приносили присягу; народу была масса. По впечатлениям С[ергея] Ф[едоровича], все это носило характер чрезмерного верноподданничества; вообще С[ергей] Ф[едорович] находит, что за последние годы студенчество коренным образом изменилось»²⁴⁷.

«Византийцу» П.В. Никитину, таким образом, удалось достигнуть почти невозможного — доверия власти, сочувствия большинства студентов и поддержки корпорации, которая просила ректора-назначенца по окончании его четырехлетнего срока остаться на посту²⁴⁸.

²⁴² Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 15 июня 1894 г., №42, Секретно // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 957. Л. 169об. См. также объяснения И.М. Гревса и Н.И. Кареева ректору университета (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 957. Л. 171–174).

²⁴³ Дневник Н.Н. Платоновой. 15 марта [1894 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 35об.; Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 194.

²⁴⁴ Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 119–120.

²⁴⁵ Докладная записка и. д. проф. А.И. Введенского и С.Ф. Платонова в Историко-филологический факультет Императорского С.-Петербургского университета, 9 апреля 1894 г., копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1000. Л. 4–4об.

²⁴⁶ См. письма министра внутренних дел министру народного просвещения (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1000. Л. 1–2, 7–7об.).

²⁴⁷ Дневник Н.Н. Платоновой. 22 октября [1894 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 53.

²⁴⁸ См.: Жебелев С. П.В. Никитин // ЖМНП. Новая серия. 1916. Июль. Ч. LXIV. Отд. 4. Отд. паг. С. 69.

Действительно, атмосфера, сложившаяся в столичном университете, контрастировала, например, с положением в Московском университете, в котором вступление на престол нового императора сопровождалось серией беспорядков²⁴⁹ и решительной конфронтацией т. н. Союзного совета землячеств Московского университета не только с его администрацией, но и с Профессорским советом²⁵⁰. Согласно трактовкам революционной публицистики рубежа веков, «марксистский» характер деятельности «идейного» студенчества в Петербургском университете предопределил его ориентацию на развитие рабочего движения в ущерб организации собственно студенческих протестов²⁵¹. Несмотря на это внешнее снижение революционной активности, студенческая масса, без сомнения, оставалась той средой, в которой шло постоянное политическое брожение. В конце 1894 – начале 1895 г. в среде столичного студенчества была подхвачена московская идея организации петиции новому государю с требованиями пересмотра университетского устава в либеральном духе, для чего был организован т. н. «Комитет по подаче петиции на Высочайшее имя», за которым стояла «Касса взаимопомощи»²⁵². Несмотря на то, что акт 8 февраля 1895 г. прошел без происшествий, а ректор, выступивший с «либеральной» речью, даже сорвал аплодисменты²⁵³, ночью произошли новые столкновения между отмечавшими акт студентами и дворниками, причем был избит, вероятно, теми же дворниками, приват-доцент Н.Д. Чечулин, возвращавшийся в тот день поздно из шахматного клуба и заступившийся за студентов²⁵⁴. Н.Д. Чечулин подал жалобу на дворников и городских, не заступившихся за него, государю императору, переслав копию в МНП²⁵⁵. Интересно, между тем, что столкновения на эту годовщину были не вполне «политиче-

²⁴⁹ См., напр.: Булгакова Л.А. Русский профессор в 1895 году: из писем Н.Я. Грота: [с публикацией писем Н.Я. Грота к Н.Н. Страхову] // История глазами историков. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Российской истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского / Науч. ред. и сост. Г.А. Тишкин. С. 167–184.

²⁵⁰ Череванин Н. Движение интеллигенции (до эпохи «доверия» кн. Святополка-Мирского) // Общественное движение России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1. С. 265–267.

²⁵¹ Там же. С. 267–268.

²⁵² [О Петиции на высочайшее имя. 6 февраля 1895 г. Копия] // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 40. Л. 25.

²⁵³ Дневник Н.Н. Платоновой. 14 февраля [1895 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 78.

²⁵⁴ Там же. Л. 78–78об.; Могиланский М. В девяностые годы... С. 96.

²⁵⁵ [Копия с жалобы повергнутой к стопам его императорского величества, 11 февраля 1895 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 958. Л. 122–123.

ские» и даже были голоса, оправдывающие дворников и полицию, расценивавшие студенческое празднование не как идейный акт, а скорее как бытовое хулиганство. Так, студент юридического факультета Н.К. Рерих записывает в своем дневнике: «Студенты обижены, что их полиция побила, а я между прочим, почти сочувствую этому. Ведь надо быть дикими людьми, чтобы собираться топить извозчика, высечь даму на улице, певицу на сцене поставить вверх ногами, броситься на несчастных <...> Теперь они требуют наказания полиции, а небось никто не заикнется о наказании буянов студентов и возмещении с них убытков пострадавших ни в чем не повинных лиц. Что за день такой 8 февраля, что тогда можно нарушать все права»²⁵⁶. Неоднозначность ситуации, очевидно, ощущалась и радикально настроенной молодежью, во всяком случае, поводом для новых обструкций и забастовок события февраля 1895 г. не стали.

Между тем, в университете продолжали активно действовать и революционно-конспиративные организации. Например, как известно, целый ряд университетских студентов (М.А. Сильвин, В.К. Сережников и др.) принимали участие в организованном В.И. Лениным в 1895 г. «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»²⁵⁷. Оппозиционный дух университетской молодежи в этот период активно подпитывался не только революционными организациями, но и либеральными преподавателями. Настроения «прогрессивной» петербургской профессуры и доцентуры 1890-х гг. ярко проявлялись в т. н. «чаепитиях», организуемых студенчеством по поводу годовщины 8 февраля, в которых участвовали и приглашенные преподаватели (Н.А. Меншуткин, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, П.Ф. Лесгафт, В.Г. Яроцкий, М.И. Туган-Барановский, В.В. Бартольд и др.), «прогрессивные» общественные и литературные деятели (Н.В. и В.В. Водовозовы, М.М. Филиппов, С.Н. Южаков,

²⁵⁶ Цит. по: Бондаренко А.А., Мельников В.Л. «Вперед... Вперед без оглядки!». Н.К. Рерих // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 289.

²⁵⁷ История Ленинградского университета. Очерки... С. 98–99. См. также: Валк С. Памяти М.А. Сильвина // Ленинградский университет. 1955. 24 июня. №23 (932). С. 2.

В.П. Воронцов, К.К. Арсеньев и др.)²⁵⁸. Яркую картину таких чаепитий рисуют воспоминания одного из их участников — в 90-е гг. студента юридического факультета М.А. Сильвина. Вот что, например, он сообщает о годовщине 1896 г.:

«Празднование годовщины происходило тройко: утром торжественное заседание в университете, вечером, с одной стороны, пьянство и дебоши огромной массы студенчества, будущих чиновников-карьеристов, маменькиных сынков, шалопаев и просто “добрых малых”; с другой стороны, традиционное “чаепитие” радикального студенчества. Для “чаепития” (кроме чая, других напитков на этой вечеринке не предполагалось) снимался большой зал, иной раз целый ресторан или общественная кухмистерская (столовая), куда вход был по платным билетам, распределявшимся среди товарищей членами полулегальной студенческой кассы взаимопомощи, которые обыкновенно и организовывали “чаепитие”. В передней дежурил околоточный (младший полицейский офицер) и для него покупался коньяк; он вел себя тише воды, ниже травы и в зал не показывался; вероятно, и без него у полиции здесь было достаточно “своих” людей. На вечеринку приглашались маститые литераторы и уважаемые профессора оппозиционного правительству образа мыслей. Произносились речи, если не вполне политические, то, во всяком случае “тенденциозного” содержания, программные речи студентов разных политических толков и направлений, народников, либералов, марксистов. За ними выступали писатели и профессора, отмечавшие теневые стороны университетской жизни и общие тяжелые условия страны, цензурный гнет, полицейские стеснения и т. д. Говорили, конечно, осторожно с оглядкой, бичуя современный режим больше путем метафор и сравнений, но все же получалось впечатление как бы политического собрания или банкета, возбуждающего действующего на молодежь, недавно покинувшую провинцию. <...> На меня лично эти чаепития, по крайней мере в первые годы моей университетской жизни, производили сильное впечатление. Но, мы, подпольщики, здесь не выступали, считая, что не стоит рисковать и терять работников, нужных для иной аудитории»²⁵⁹.

Схожую картину того же вечера 8 февраля, проходившего в кухмистерской Вишнякова на Бассейной улице, рисует побывавшая на нем курсистка Е.А. Дьяконова: аплодисменты аудитории, по ее словам, как правило, срывали наиболее радикальные речи. Так, если говорить о выступлениях университетских деятелей, речь П.Ф. Лесгафта о житейской философии мужика была

²⁵⁸ См., напр.: Министр внутренних дел — С-Петербургскому градоначальнику, 15 марта 1893 г. №49, конфиденциально // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 957. Л. 8

²⁵⁹ Сильвин М.П. На революционной работе // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917. С. 25–26.

«ниже ожиданий», зато речь историка В.А. Мякотина, призывавшего к совместной работе на благо народа марксистов и народников, сорвала шумные аплодисменты (никому так много не хлопали, как этому оратору)²⁶⁰. Надо думать, что именно такие чаепития привлекали в революционную среду новых волонтеров из студенчества. Оба министерства — и внутренних дел, и народного просвещения — были, разумеется, этой ситуацией недовольны. Особо возмущали власть открытые контакты администрации университета и профессоров с «кассой взаимопомощи», которая получала таким образом «официальное прикрытие» для своей нелегальной деятельности²⁶¹.

К осени 1896 г. администрации стало очевидно, что долго поддерживать видимость спокойствия в столичном университете не удастся. В конце ноября 1896 г. под воздействием внешних событий (репрессии против студентов Московского университета, участвовавших в панихиде по погибшим на Ходынском поле) в Петербургском университете проходит очередная сходка. Интересно, что увещевания одного из студентов в том, что дело студентов добиваться «заветных целей» «не протестами, а наукой», которая нужна, чтобы «выйдя в жизнь вооруженным знанием служить для блага родины», вызывает у толпы неодобрение. Основная идея, овладевшая массой, — протестовать, как москвичи, в то же время «некоторые заявили, что нужен предлог для протеста», и предлог тут же был найден — возвращение Устава 1863 г. Из типичных выступлений приведем записанные агентурным образом слова неизвестного «очень молодого человека»: «”Этот протест создает общественное мнение. Теперь я дошел до главного — создать общественное мнение, — вот задача студенчества. Будут жертвы — пусть! Мы падём, найдутся на наше место новые и новые, и так до конца, пока не восторжествует то, к чему мы стремимся. Теперь практических результатов, повторяю, ждать нельзя. Так подготовим почву, падём жертвой, если это нужно!” — заключил он речь, ударяя

²⁶⁰ Дьяконова Е.А. Дневник // Lib.ru: «Классика». [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 15.01.2016)

²⁶¹ Министр внутренних дел — министру народного просвещения, 20 декабря 1895 г., №10635, конфиденциально // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1204. Л. 89.

себя в грудь. Речь была покрыта аплодисментами»²⁶². И хотя московские события ноября 1896 г. не стали поводом для массовых беспорядков в Петербурге, при таких настроениях достаточно было любого значимого «местного» события, чтобы взорвать обстановку в университете. Этим событием стало дело М.Ф. Ветровой.

7.4. 1897–1904: Бурное семилетие. От дела Ветровой к 9 января

Напомним, что арестованная в декабре 1896 г. по делу «Группы народовольцев» студентка Высших женских курсов (Бестужевских) М.Ф. Ветрова покончила жизнь путем саможжения в Трубецком бастионе Петропавловской крепости в феврале 1897 г. в знак протеста против жестокого тюремного режима²⁶³. Распускались также слухи о том, что девушка была изнасилована жандармским офицером в ходе дознания²⁶⁴. Согласно полицейской версии, М.Ф. Ветрова страдала «общим психическим расстройством и в частности — эротоманией»²⁶⁵. Трагическая гибель бестужевки послужила поводом для массовых студенческих выступлений. В частности, 4 марта 1897 г. около 900 (по полицейской версии) человек учащихся высших учебных заведений — или 5–6 тысяч по версии «освободительного движения» — под прикрытием панихиды по погибшей пытались организовать демонстрацию на Невском проспекте, но были разогнаны полицией²⁶⁶.

События марта 1897 г., вероятно, послужили одним из поводов для отставки П.В. Никитина и назначения ректором В.И. Сергеевича, на время руководства которого приходится новое обострение обстановки уже в стенах самого университета. Громким и знаковым событием стал вынужденный уход из

²⁶² [Агентурные данные о сходке 28 ноября 1896 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1355. Л. 34–37.

²⁶³ Куделли П.Ф. Народовольцы на перепутьи. Л., 1926. С. 39–44.

²⁶⁴ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 5.

²⁶⁵ По версии охранного отделения, болезненное состояние М.Ф. Ветровой проявлялось в том, что «ей часто казалось, что часовые охраняющие камеры с содержащимися в них арестованными, показывают ей срамные части своего тела и производят непристойные телодвижения» ([Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 5).

²⁶⁶ Ростов Н. Драма в Бастионе, М., 1933. С. 48; Могилянский М. В девятностые годы... С. 98–99. [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 5об.

университета в 1897 г. одного из наиболее ярких университетских радикалов — приват-доцента П.Ф. Лесгафта, который, впрочем, демонстративно продолжил лекции для своих слушателей на дому²⁶⁷. После кончины И.Д. Деянова нового руководителя обрело и МНП — им стал бывший профессор и ректор Московского университета Н.П. Боголепов (являвшийся креатурой К.П. Победоносцева)²⁶⁸.

Сама по себе министерская смена прошла почти незамеченной в профессорской среде, которая продолжала занимать демонстративно независимую от власти позицию. Среди общественных акций петербургской профессуры конца 90-х гг. можно отметить, например, создание в 1898 г. Общества им. Т.Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам России, учащимся в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. Общество, организация которого уже вызывала подозрение властей, кроме помощи нуждающимся студентам, занималось изданием прогрессивных сочинений украинского поэта (прежде всего, «Кобзаря») и устраивало ежегодные чествования его памяти, к которым, кроме «прогрессивных» украинских, русских и польских общественных деятелей, привлекались и известные представители культурной элиты — А.К. Глазунов, Ф.И. Шаляпин и др.²⁶⁹ Надо отметить, что постепенно традиция шевченковских коммемораций прочно заняла свое место в календаре студенческого революционного движения, в 1910-е гг. к ней часто приурочивались революционные выступления и сходки²⁷⁰.

Несмотря на подобные общественные акции профессуры, ничто не предвещало собственно внутриуниверситетского кризиса. В.И. Сергеевич, как и его предшественник, пытался лавировать между МНП и профессорской коллегией. Неслучайно, 1898 г. ознаменовался избранием почетным членом уни-

²⁶⁷ Существуют различные версии ухода из университета П.Ф. Лесгафта. См. об этом: *Бляхер Л.Я.* Константин Николаевич Давыдов. М., 1963. С. 25–27.

²⁶⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 76–77.

²⁶⁹ См.: *Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет... С. 45–47.

²⁷⁰ См.: *Марголис Ю.Д.*: 1) Шевченковские годовщины и Петербургский университет... С. 47–51; 2) Т.Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., 1983; *Буряк Б.* Шевченко і царська цензура // Молодий більшовик. 1939. №3 С. 130–132; *Ковальов І.* Юбілей Т.Г. Шевченка при царизмі (З матеріалів в Центрального державного архіву внутрішньої культури побуту) // Радянське літературознавство. Наукові записки. 1939. Кн. IV. С. 161–162.

верситета М.М. Стасюлевича — бывшего профессора университета, покинувшего его по политическим мотивам еще в 1861 г. и ставшего затем одним из признанных лидеров русского либерального движения и редактором «Вестника Европы», считавшегося ведущим периодическим органом либеральной оппозиции. В этой связи интересны результаты закрытой баллотировки кандидатуры М.М. Стасюлевича: «за» проголосовало 33 члена Совета, и всего 4 голоса было подано «против»²⁷¹.

Однако уже в 1899 г. происходит вспышка студенческих волнений, которая в «освободительной» и советской литературе, хотя и ошибочно, называлась «первой после многолетнего застоя»²⁷². Она имела далеко идущие последствия, поскольку протестное движение студенчества, возникшее в стенах Петербургского университета, затем перекинулось на другие столичные учебные заведения и вскоре приобрело всероссийский характер²⁷³. С этого момента активная революционная деятельность в рядах университетской молодежи уже не прерывалась до самого конца «императорского» университета.

Сюжет, связанный с волнениями 1899 г., многократно и по-разному интерпретирован современниками и историками. Кратко напомним, фактическую канву событий. Опасаясь празднования очередной «годовщины» университета, которая ввиду своего юбилейного (80-летнего) характера обещала быть ознаменованной не только «чаепитиями», но и, возможно, более шумными выступлениями, ректор университета В.И. Сергеевич решил заранее опубликовать воззвание к студентам с просьбой воздержаться от нарушения общественного порядка, предупреждая их о возможных наказаниях. Разумеется, ректор пошел на такой шаг не по собственному почину, а по инициативе властей²⁷⁴. Объявление ректора, однако, было умело использовано «подполь-

²⁷¹ Журнал заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 20 мая 1898 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1898 г. №54. СПб., 1899. С.64.

²⁷² Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1. С. 129. Ср.: Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899–1906. [СПб., 1906]. С. 5.

²⁷³ Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете... С. 129.

²⁷⁴ См.: Министр внутренних дел — Министру народного просвещения, 31 января 1899 г., №187, копия // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 41. Л. 2–2об.

щиками» и в результате возымело обратный эффект²⁷⁵. Так же как и в случае организации «чаепитий», действия студентов направлялись полуполюгальной организацией — Кассой взаимопомощи студентов Петербургского университета²⁷⁶. Связь «Кассы» с революционным движением наглядно демонстрирует то, что в ее состав входили небезызвестные Иван Каляев, Борис Савинков, Георгий Носарь, Сергей Салтыков, Павел Щеголев, Михаил Могилянский²⁷⁷ и другие фигуры, впоследствии ставшие символами «освободительного движения». Предлогом для публичного обсуждения вопроса о поведении ректора стала смерть французского президента Фора, по поводу которой первоначально собралась сходка 6 февраля. Как и следовало ожидать, затея с посланием сочувственной телеграммы по поводу смерти главы Французской республики провалилась, но зато сразу возник вопрос о письме ректора. Возмущенная «оскорбительным» тоном обращения В.И. Сергеевича и тем, что оно было не только повешено в университетском коридоре, но и опубликовано в «реакционной» газете «Новое время», студенческая молодежь уничтожила вывешенное объявление вместе с витриной, в которой оно находилось, и постановила бойкотировать речь ректора²⁷⁸. Торжественный юбилейный акт открылся 8 февраля в час дня в присутствии ряда высокопоставленных гостей, — среди которых были петербургский митрополит Антоний и министр финансов С.Ю. Витте — пением, согласно традиции, «Днесь благодать Св. Духа нас собра...»²⁷⁹. Однако за торжественным началом последовал грандиозный скандал — во время выступления ректора масса студентов демонстративно покинула зал и направилась с пением «Gaudeamus igitur» и «Марсельезы» к Двор-

²⁷⁵ Ср.: *Шевырев А.П.* Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 151–152.

²⁷⁶ *Юхнева Н.В.* Студенческое движение в Петербургском университете... С. 129; *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 46.

²⁷⁷ [*Статковский П.С.*] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 80б.–9.

²⁷⁸ *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения... С. 6; Сообщение студентов, участвовавших в движении // Студенческое движение 1899 г. / Сборник под ред. А. и В. Чертковых. Второе издание «Свободного слова». №29. Purleigh, Maldon, Essex, 1900. С. 5.

²⁷⁹ Протокол годичного акта Императорского СПб университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. №55. СПб., 1900. С. 18.

цовому мосту, чтобы пройти на Невский проспект²⁸⁰. Информированная о решении сходки полиция подготовилась к такому развитию событий и, по воспоминаниям очевидцев, «Перегородила отрядом конных городских университетскую набережную от подъезда Академии наук до гранита у воды и таким образом закрыла дорогу на Дворцовый мост <...>. На некотором интервале от первой линии кордона выстроилась вторая линия конных городских, а далее высшие полицейские чины, точно ожидался натиск — прорыв первой линии! Лед переходов на Английскую набережную оказался заблаговременно перерубленным, а возле памятника Импер. Петру I, видна была опять полиция, закрывшая переход от акад. Художеств к Сенату»²⁸¹.

Сохранились анонимные студенческие стихи, посвященные этим событиям:

«Уж был денек! Сквозь свист могучий
Студенты двинулись как тучи
Кричат: “Долой, долой!”
Но ректор в позе удрученной,
Манифестацией смущенный,
Поникнул головой.
Пришлось ему в то время туго:
Студенты угостили друга —
Законника отца.
За то, что совесть гражданина
Он променял на прелесть чина
И званье подлеца!»²⁸².

В действительности показания очевидцев о том, что произошло впоследствии, весьма противоречивы. Можно, однако, гипотетически предполо-

²⁸⁰ История Ленинградского университета. Очерки... С. 154; Ср.: *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения... С. 7. Согласно Г. Энгелю и В. Горохову, студенты сорвали выступление ректора шумом и криком, продолжавшимися в течение 20 минут, таким образом, заставив его вместе с «именитыми» гостями покинуть зал и сорвав «акт» (Там же. С. 6). Вероятно, эти наблюдения близки к истине, по крайней мере, к данным, изложенным в записке департамента полиции (*[Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 7–7об.*).

²⁸¹ Цит. по: Комментарий // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 171.

²⁸² Цит. по: *Ермаков В.Д.* Некоторые документы о Всероссийской студенческой стачке 1899 года // История глазами историков... С. 187–188.

жить следующую картину: для того, чтобы пройти на Невский студенты «по заранее установленному соглашению», выйдя из университета, шли «по тротуару» и «без пения» и потому «крайне удивлялись», когда полиция «без всякого повода со стороны студентов стала приглашать их к порядку». Оказавшись, тем не менее, не допущенными на Дворцовый мост, они повернули и направились к Николаевскому мосту, но дойти до него (и, тем более, перейти его) им не дали. В районе Румянцевского сквера и Первой линии проходят новые пререкания с обер-полицмейстером В.Ф. Галле, закончившиеся избиением студентов городскими. Согласно версии полиции, студенты стали бросать в городских сперва «комки снега», а затем «куски льда», «при чем один оставшийся невыясненным студент брошенным в поручика конно-полицейской стражи Владимирова [куском льда] причинил ему серьёзный ушиб»²⁸³. После этого полиция действовала жестоко и без разбора избивала молодых людей, не различая «правых» и «виноватых», причем пострадала и посторонняя публика, не имевшая отношения ни к демонстрации, ни к даже к университету²⁸⁴. Более десятка человек было арестовано, несколько получило тяжелые увечья²⁸⁵.

Все эти происшествия не помешали организации вечером того же дня нескольких традиционных вечеринок («чаепитий»), окрашенных в разные политические тона: консервативный, народнический и марксистский. Самой многочисленной (по некоторым сведениям, до 800 человек) была последняя, на которой с зажигательными речами выступили и представители преподавательской корпорации — М.И. Туган-Барановский и М.И. Свешников²⁸⁶.

События 8 февраля оказались, таким образом, прекрасным поводом для организации массового студенческого протеста и начала создания революционной организации нового типа, претендовавшей на роль общеуниверситет-

²⁸³ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 70б.

²⁸⁴ Комментарии // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 171–172. Ср.: Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения... С. 7; Шевырев А.П. Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве... С. 153–154.

²⁸⁵ История Ленинградского университета. Очерки... С. 154.

²⁸⁶ См., напр.: Ансберг О.Н., Ковалев В.В. Андрей Михайлович Рыкачев // Очерки по истории финансовой науки / Под ред. В.В. Ковалева. М., 2009. С. 332.

ского координационного центра²⁸⁷. Интересно, что сходки 9, 10 и 11 февраля выдвинули, таким образом, требования, не выходящие за рамки «академического дискурса», связанного с лозунгами соблюдения личных «прав» студентов (разбор дел по суду в определенные сроки, запрет применения насилия без необходимости, опубликование правил, регулирующих поддержание порядка на улицах и т. п.)²⁸⁸. Однако такая постановка вопроса дала возможность для лидеров фронды в своей агитации за забастовку опираться на максимально широкий круг студентов. Так, на сходке 10 февраля была принята резолюция, в которой говорилось:

«Мы возмущены насилием, жертвами которого были 8 февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство. Мы вообще для всех считаем такое насилие оскорблением и протестуем против него. Поэтому мы объявляем С. Петербургский университет закрытым и всеми силами будем добиваться официального его закрытия. Мы не откроем университета до тех пор, пока нам не будут даны гарантии личной неприкосновенности»²⁸⁹.

Среди обвиняемых «прогрессивным» студенчеством оказались и «реакционные профессора», превратившие университет в «застенки». О подобного рода настроениях свидетельствует, например, такой куплет, распевавшийся забастовщиками:

«В темнице там науки служат,
Там звуку полицейских шпор
Юристов вторит громкий хор»²⁹⁰.

Со студентами не побоялся вступить в открытую полемику явившийся на сходку уязвленный ректор В.И. Сергеевич. Ректор, в частности, поинтересовался у студентов, почему, будучи возмущенными деятельностью полиции, они хотят «закрыть» не полицию, а университет. Впрочем, по воспоминанию очевидца, «речь эта, произнесенная Сергеевичем с его обычным ораторским

²⁸⁷ Ср., напр.: *Konecny P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999. P. 19–20.*

²⁸⁸ См.: *Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 140–141.*

²⁸⁹ Цит. по: *История Ленинградского университета. Очерки... С. 154.*

²⁹⁰ Цит. по: *Олесич Н.Я. Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета... С. 371.*

мастерством в саркастическом тоне, оживляемом живописными жестами и выразительной мимикой подвижного лица, подлила масла в огонь»²⁹¹.

Однако параллельно с «революционным» движением в студенческой среде шло и другое, не менее важное движение в среде преподавательской. «Заводилами» его выступила та самая «прогрессивная профессура», которая имела обыкновение выступать на юбилейных чаепитиях. В качестве примера утверждения радикально-либерального дискурса по отношению к этим событиям приведем отрывок воспоминаний одного из активных участников февральский дискуссий 1899 г. в Университетском совете — профессора всеобщей истории Н.И. Кареева:

«Когда на другой день после избиения студентов нагайками, начались сходки, я поспешил в университет и стал убеждать ректора (Сергеевича), как оказалось, своим бестактным воззванием <...> вооружившего против себя студентов, и бывших тут деканов, что нужно совету университета взять это дело на себя, обратиться к студентам с призывом успокоиться и предоставить совету добиваться у властей расследования возмутительного поведения полиции и наказания виновных <...>. Мне казалось, что это предложение было уже принято, как все по воле высшего начальства приняло другой ход. Начались частные совещания профессоров и других лиц (помню одно в квартире П.И. Вейнберга). Сергеевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами совета, предлагавшими то, что было ему неудобно. <...> вдруг на середину зала выступил старик Ламанский с такими приблизительно словами: “Василий Иванович! Мы обращаемся к вам с товарищескую просьбою. Уйдите в отставку из ректоров, студенты вас не любят, не губите университета. Мы так будем вам благодарны”. <...> Сергеевич ответил, что он на своем месте “по воле государя императора” и что потому не нам его смещать, через несколько дней он подошел ко мне в упор, бледный от гнева, и еле сдерживаясь, потребовал от меня ответа по поводу каких-то, кажется слов, будто бы сказанных мною студентам в облыжное, Сергеевича обвинение. <...> Во всей этой истории Сергеевич потерял свою прежнюю либеральную репутацию и в других кругах общества»²⁹².

Логика создателя дискурса очевидна: В.И. Сергеевич, действуя как назначенный ректор, пошел против воли членов «либерального» Совета, пытавшегося защитить питомцев своего университета от насилия со стороны «реакционной» власти. В рамках этого дискурса и объясняются как все действия

²⁹¹ Могиланский М. В девяностые годы... С. 124.

²⁹² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 195–196. Ср.: Глинский Б. В.И. Сергеевич и студенческие беспорядки в 1899 году // ИВ. 1911. Январь. С. 229–245.

ректора в этой кризисной ситуации, так и действия оппозиционных профессоров, включая Н.И. Кареева, при этом собственно их конкретное содержание и последствия остаются за кадром.

Противоположные, хотя и не менее пристрастные оценки происходящего содержатся в Дневнике Б.В. Никольского, который как раз в это время (начало марта 1899 г.) сдавал магистерский экзамен на юридическом факультете и «подслушал» его мнение о забастовке:

«Довольна вся эта сволочь — невыразимо. Науськали студентов, испортили несколько существований, но зато сами как будто сыграли какую-то роль, и так пыжаты в своем чванстве холуев, безнаказанно выкинувших шутку над господами <...> Между студентами бесспорно завелась какая-то шайка негодяев, организовавшая по всем городам и заведениям в одно целое. Нынче эта шайка разыграла пробную комедию — и ее плоды превзошли все ожидания по причине случайного стечения обстоятельств. Боголепов, как известно, в ссоре с Витте; притом <...> все профессора им [Боголеповым] равнодушно-недовольны: от него мол все равно нечего ждать. При таком настроении враги его радехоньки всякому случаю подгадить министру <...> Видимо прослышав что-то о какой-то организации между студентами, начальство поторопилось принять меры. Зачинщики этим воспользовались, чтобы раздражить полицию и вызвать ее на насильственный образ действий. Пострадали, по закону природы, ни в чем не виновные. Вспыхнуло неудовольствие. Все начали “жалеть”, а Витте и профессора сколько могли раздувать. Организация пришла в движение и был все-народно разыгран подлейший фарс. Профессора злорадствовали или подлейшим образом разжигали студентов исподтишка или даже просто по неразумению, без злого умысла, подхватывая и разувая ложные слухи, т. е. разжигая студентов и ученых дев»²⁹³.

Измышления Б.В. Никольского не менее тенденциозны, нежели построения Н.И. Кареева. Профессора скорее защищали «университетскую семью» от избиений в переносном и буквальном смысле. Правда, логику этого дискурса также можно понять, поскольку подобная позиция профессоров использовалась революционными пропагандистами в собственных целях. Согласно бюллетеню Кассы взаимопомощи, после «выяснения гг. профессорам мотивов, заставивших сходку принять свое решение, большая часть из них не приступала к чтению лекций, а некоторые из них выразили свое сочувствие,

²⁹³ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1. 1896–1903. С. 284, 286.

пожелали успеха начатому делу и только советовали спокойно и стойко идти к намеченной цели»²⁹⁴. 17 февраля министром был получен список мер для исправления ситуации, который в частности содержал требования возвращения высланных студентов, удаления из университета «грубой полицейской силы», передачи права суда над студентами от Правления избранным профессорам, «опубликования в газетах о позорном факте 8 февраля и последующих событиях» и т. п. В то же время профессора призывали к закрытию университета «для гарантии личной безопасности <...> гг. студентов»²⁹⁵. Министр назвал это решение Совета «глумлением над нравственным воздействием»²⁹⁶, что не остановило академиков А.С. Фаминцына и А.Н. Бекетова от обращения непосредственно к государю²⁹⁷. В этом контексте позиция профессоров, включившихся в борьбу за «академические права», действительно, не могла не действовать возбуждающе по отношению к студенческой массе.

Для руководства забастовкой по инициативе «Кассы взаимопомощи» был избран Организационный комитет, он вскоре стал также называться «Соединенным организационным комитетом» или «Коалиционным комитетом высших учебных заведений» Петербурга, которые уже к 20 февраля присоединились к забастовке университетских студентов. Разумеется, в этот Комитет вошли, главным образом, революционно настроенные студенты, бывшие одними из основных организаторов предшествующих событий. Местом сбора Комитета была избрана студенческая столовая²⁹⁸, которая являлась во все времена естественным центром революционной студенческой фронды. Один из активных участников социал-демократического движения тех лет, студент юридического факультета С.Г. Струмилин впоследствии вспоминал:

²⁹⁴ Бюллетень [Кассы взаимопомощи] 2-го дня по закрытии университета, [12 февраля 1899 г.], копия // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

²⁹⁵ Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 141.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ [Письмо А.С. Фаминцына, А.Н. Бекетова, государю императору, февраль 1899, копия] // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–19об.; Бородин И.П. Андрей Сергеевич Фаминцын, 1835–1918. Некролог [Оттиск из Известий РАН за 1919 г. Пг., 1919]. С. 564.

²⁹⁸ Струмилин С.Г. Из пережитого // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 31.

«Загоняя самых робких студентов в аудитории наиболее беспринципных лекторов, готовых читать свои лекции, профанируя науку, даже двум-трем заведомо безмозглым дежурным шпикам, начальство пыталось создать хотя бы иллюзию нормально функционирующих храмов науки. Но из этих попыток ничего не получалось, кроме конфуза.

Переодетых шпииков нетрудно было отличить от студентов уже по обличью. Их то и дело окружали и избличали, подвергая самому элементарному экзамену. Так, например, если он называл себя юристом, его спрашивали:

— А вы и в самом деле юрист? Так Вам, конечно, знакома логика. В таком случае скажите, пожалуйста, в чем ошибка следующего силлогизма: “Все гуси — двуноги. Вы тоже двуногий. Значит и Вы тоже гусь?”

Малограмотный гусь, не разбираясь в силлогизмах, понимал, однако, свой неизбежный провал и, обливаясь холодным потом, как на пытке, сразу же под гомерический хохот веселых экзаменаторов обращался в позорное бегство»²⁹⁹.

Предвзятость автора этого нарратива очевидна, поскольку сам автор страдает явным отсутствием логики. Одно из двух: либо лекция читалась «шпикам», либо «робким студентам». Между тем, вероятно, С.Г. Струмилин вполне достоверно передает ту атмосферу нетерпимости к инакомыслию, которая царила в среде университетского революционного студенчества. В его воспоминаниях содержатся яркие зарисовки действий юных революционеров в том случае, «если в <...> аудиторию вместе с ректором проникала группа вольных или невольных штрейкбрехеров»:

«Без всякого шума и скандала они проливали там под самым носом неразборчивого лектора пару стекляночек специально заготовленных для этого химиками с жидкостями вроде сероуглерода или меркатана. В аудитории распространялся совершенно невообразимый, смертельный смрад. И лектор со всеми своими слушателями пулей вылетал оттуда. А наблюдавшие со стороны этот вылет студенты, невольно зажимая носы, лишь провожали беглецов любезными возгласами:

— Фу! Как скверно пахнет эта штрейкбрехерская наука!»³⁰⁰.

Разумеется, те же самые силы, которые стояли за организацией забастовки в защиту «студенческих прав», с ее началом пытались предать ей революционный характер. В этой связи интересен текст т. н. «Манифеста кассы»,

²⁹⁹ Там же. С. 31–34.

³⁰⁰ Там же. С. 34.

который по инициативе студентов-марксистов вскоре после начала забастовки принял «представительное собрание кассы взаимопомощи». В частности, в этом документе содержался призыв, побуждавший

«все действительно оппозиционные элементы и классы русского общества организовать для предстоящей борьбы, которая окончится только тогда, когда главная ее цель — свержение самодержавия — будет достигнута»³⁰¹.

Аналогичны по характеру и другие документы принятые «Организационным комитетом», в которых выдвигались внешне «академические» и «гражданские» требования, но в то же время подчеркивалось, что причина происходящих событий в деспотическом характере русского общественного строя³⁰². Этот тезис разделялся не только «университетским миром», но и «обществом» в целом. Вообще, забастовка 1899 г., парализовав деятельность университета, фактически сорвала не только учебные занятия, но отчасти и выпускные (государственные) экзамены, которые проводились ускоренным порядком в условиях полицейского присутствия в университете. Ряд студентов в таких условиях сдавать экзамены отказался и держал их на следующий год, некоторые сдавали в других университетах³⁰³.

Результаты всех этих событий противоречивы. С одной стороны, власть «показала силу»: в марте 1899 г. все студенты университета отчисляются и принуждаются к составлению заявлений о зачислении в университет вновь с обязательством «подчиняться установленным правилам и требованиям», что приводит к завершению забастовки. С другой стороны, по инициативе С.Ю. Витте, который с самого начала причину конфликта усматривал в нетактичном поведении ректора³⁰⁴, и вопреки желанию министра Н.П. Боголепова последовало официальное создание комиссии 20 февраля 1899 г., которая за-

³⁰¹ Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки... С. 155.

³⁰² *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения... С. 10–17.

³⁰³ См.: *Лихачева О.О.* «Милый, очаровательный человек и совсем замечательный художник». М.В. Добужинский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 310; *Осиновский А.Н., Коненков А.Ф.* Д.С. Рождественский. М., 1974. С. 8.

³⁰⁴ См.: *Чертков В.* Русские студенты в освободительном движении. М., 1907. С. 10.

нялась расследованием причин студенческих беспорядков³⁰⁵. Способствовала созданию этой комиссии и глубокомысленная резолюция Николая II на письме А.Н. Бекетова и А.С. Фаминцына, предписывающая «тщательно проверить виновность отдельных личностей»³⁰⁶. Комиссию возглавил бывший военный министр П.С. Ванновский, в свое время являвшийся директором Павловского кадетского корпуса и Павловского военного училища, который, по словам С.Ю. Витте, «привык иметь дело с юношеством, понимал и знал психологию молодых людей»³⁰⁷. По мнению революционных активистов, организация комиссии была несомненной уступкой студенческому движению и способствовала успокоению молодежи³⁰⁸, хотя департамент полиции приписывал в этом деле заслугу себе (в марте – апреле прошли аресты ряда членов Организационных комитетов высших учебных заведений)³⁰⁹. Вероятно, можно согласиться с обоими аргументами.

Вообще, деятельность комиссии вызывала очевидное недовольство департамента полиции, поскольку ввиду взятого ей курса на примирение со студенчеством казалась прямо-таки вредной. В охранном отделении надолго запомнили то, как вела следствие комиссия П.С. Ванновского и спустя более чем десять лет П.С. Статковский с горечью напишет: «Студенты сделались героями дня: им во всем потакали и даже льстили, а на допросах в комиссии за ними ухаживали. С чинами же полиции поступали наоборот: их допрашивали как обвиняемых — официально, сухо и строго. Так например: будучи вызван в комиссию для допроса Начальник Охранного отделения полковник Пирамидов ожидал не менее трех часов в приемной помещения комиссии, пока его не пригласили для допроса, а во время допроса ему не предложено было сесть, в то время как находившиеся там студенты и свидетели с их стороны сидели»³¹⁰.

³⁰⁵ См. *Ганелин Р.Ш.* Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.* Л., 1989. Т. 6. С. 113.

³⁰⁶ Министр народного просвещения — министру внутренних дел, 19 февраля 1899, №54. Копия // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 41. Л. 20.

³⁰⁷ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 2. С. 567.

³⁰⁸ См., напр.: *Струмилин С.Г.* Из пережитого... С. 171–172.

³⁰⁹ [*Статковский П.С.*] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 112–112об.

³¹⁰ Там же. Л. 11.

Оценки чиновника охранного отделения вполне подтверждаются и участниками студенческого движения. По словам одного из лидеров студенческой фронды Н. Иорданского, старого генерала крайне раздражали «провокааторство и шпионство», «бюрократическая канитель» и «подленькая вороватость» департамента полиции³¹¹.

Согласно принятой современниками и повторявшейся в литературе точке зрения, комиссия П.С. Ванновского «признала виновной» в произошедших событиях в большей степени полицию³¹². Итогом работы комиссии стали правительственное сообщение от 25 мая и доклад председателя, подготовленный для императора³¹³. Более откровенно в докладе (был опубликован только в 1906 г.), более сдержанно в «сообщении» отмечались недостатки «в самом строе и внутренних порядках высших учебных заведений». В новых условиях Н.П. Боголепов пытается начать диалог с советами высших учебных заведений, в частности, с Советом столичного университета — министр запрашивает университеты об их нуждах, связанных с организацией преподавания, и, в частности, о размерах возможного пособия от казны на эти цели; факультеты в ответ в экстренном порядке формируют программу первоочередных мероприятий и пожеланий по увеличению штатов³¹⁴. В этой ситуации В.И. Сергеевича, утратившего поддержку как Университетского совета, так и министерства, на посту ректора сменил профессор А.Х. Гольмстен.

Политика МНП носила двоякий характер. В министерском циркуляре 21 июля 1899 г., следуя рекомендациям доклада П.С. Ванновского, разрешалось создание научно-литературных организаций и кружков в университетах и других высших учебных заведениях, руководимых преподавателями, хотя и отрицалась возможность учреждения каких-либо студенческих организаций «с вы-

³¹¹ Иорданский Н.И. Миссия П.С. Ванновского (Из воспоминаний о студ. движении 1899 г.). // Былое. 1907. №9. С. 130; Доклад П.С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 года. СПб., 1906; Доклад Ванновского о студенческом движении в 1899 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 244. Л. 24об.

³¹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 1. С. 567. Ср.: Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 143.

³¹³ [Правительственное сообщение о студенческих беспорядках 1899 г. по докладу ген. П.С. Ванновского] // ВЕ. 1899. №7. С. 367–370.

³¹⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г.... С. 28–37.

борными представителями»³¹⁵. Также под предлогом выполнения правительственного распоряжения об организации практических занятий в университетах (целью которых провозглашалась борьба со свободным временем студентов, которое они посвящают «предосудительному и вредному употреблению, имеющему своим последствием нарушение мирного течения учебных занятий»³¹⁶) университет получил значительное дополнительное финансирование³¹⁷. Шагом навстречу корпорации можно считать и назначение в июле 1899 г. на должность попечителя Петербургского учебного округа известного ученого-математика, действительного члена Академии наук и приват-доцента университета Н.Я. Сонины³¹⁸.

С другой стороны, в отношении оппозиционного студенчества и профессуры были предприняты и новые репрессивные меры. В этой связи, прежде всего, надо отметить «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков», утвержденные 29 июля 1899 г.³¹⁹ Тогда же, вероятно, на основе данных, предоставленных МНП департаментом полиции³²⁰, были отстранены от службы в университете профессор Н.И. Кареев и приват-доценты М.И. Свешников, С.А. Венгеров, И.М. Гревс, Н.М. Книпович и А.А. Исаев³²¹. Это отстранение вызвало широкое возмущение в преподавательской среде, ощущение т. н. «профессорского кризиса»³²² и даже «солидар-

³¹⁵ [Циркуляр МНП попечителям учебных округов от 21 июля 1899 г., №17287] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 61–61об.

³¹⁶ МНП — Попечителю учебного округа, Апрель 1899 г., проект // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 78. Л. 6.

³¹⁷ (28 июля 1899 г., №17815) // Предложения г. Министра народного просвещения г. Управляющему С.-Петербургским учебным округом. [СПб., 1899]. С. X–XI; (28 июля 1899 г., №17824) // Там же. С. XI–XII; (28 июля 1899 г., №17850) // Там же. С. XII–XIV. Ср.: *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества... С. 146–147.

³¹⁸ См.: *Кропотов А.И.* Николай Яковлевич Сонин. Л., 1967. С. 12.

³¹⁹ Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 41. Л. 57–58; Положение о порядке передачи в распоряжение военного начальства воспитанников, увольняемых из высших учебных заведений на основании высочайше утвержденных 29 июля 1899 года временных правил, а также об отправлении их в войска и несении ими военной службы. Проект // Там же. Л. 64–65.

³²⁰ Список личного состава администрации и профессоров С. Петербургского университета с указанием кратких сведений об их прежней деятельности // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117. Л. 2–31об.

³²¹ См., напр.: *Славентантор Д.Е.* Ученый первого ранга. Л., 1974. С. 43–44; *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 206–207; *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение на рубеже XIX–XX вв. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета... Т. 6. С. 78.

³²² *Пл. К.* Профессорский кризис // Неделя. 1899. 10 октября. №41. Стлб. 1334–1337.

ную» отставку профессора С.Ф. Ольденбурга³²³ и одного из приват-доцентов — Я.И. Смирнова³²⁴. Отметим, что вскоре после убийства Н.П. Боголепова МНП смягчило свою позицию относительно некоторых «репрессированных» — так, И.М. Гревса быстро восстановили на службе в университете благодаря прошению нового декана историко-филологического факультета, С.Ф. Платонова³²⁵. Другой видный «страдалец», Н.И. Кареев, хотя и был уволен на время из университета, но продолжал преподавать в Александровском лицее, а вскоре занял кафедру в открывшемся тогда Политехническом институте³²⁶. Революция же 1905–1907 гг. открыла возможность вернуться в университет всем, кто был в этом заинтересован (в том числе Н.И. Карееву и С.А. Венгеру).

Правила 29 июля 1899 г. также долгое время оставались без применения. Однако было очевидно, что в сложившейся ситуации затишье в университете — дело временное. На очередную годовщину, 8 февраля 1900 г., университетский акт вновь оказался сорванным³²⁷, а революционные студенты организовали очередную антиправительственную акцию, двинувшись по набережной Невы с пением «Нагаечки» и «Дубинушки»³²⁸. Один из сохранившихся «студенческих» вариантов последней песни вполне передает атмосферу таких акций:

«Но раздался в Москве крик о нашей судьбе,
Повалила толпа за толпою,

³²³ См.: *Вахромеева О.Б.* «Незабываемые годы студенчества». С.Ф. Ольденбург // Знаменитые университеты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета... Т. I. С. 139.

³²⁴ *Тихонов И.Л.* Я.И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, доцент // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2009. Вып. 8. С. 458.

³²⁵ См. письма С.Ф. Платонова ректору А.Х. Гольмстену по вопросам формирования преподавательского состава университета (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750).

³²⁶ *Сивков Д.И.* Общественно-политические взгляды Н.И. Кареева // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 5–6 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2002. С. 77. Ср., напр.: *Guroff G.* The Legacy of Pre-Revolutionary Economic Education: St. Petersburg Polytechnic Institute // *Russian Review*. 1972. Vol. 31. No.3. P. 274–275.

³²⁷ См.: Всеподданнейший доклад тайного советника Боголепова, 10 февраля 1900 г. О бывших в Императорском С.-Петербургском университете беспорядках. Копия // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 41. Л. 4–4об. Яркую зарисовку этого события см. в дневнике Б.В. Никольского (*Никольский Б.В.* Дневник... С. 355–356).

³²⁸ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры» (1900–1903 гг.) // Петербургский университет и революционное движение... С. 42.

И студенческий клич — клич к народной борьбе

Покатился широкой волною»³²⁹.

Учитывая, что беспорядки в столичном университете представляли собой, пожалуй, один из наиболее ярких, но все же частных примеров волнений в высшей школе, верховная власть провозглашает курс на «безотлагательный пересмотр» учебного строя (рескрипт 25 марта 1900 г.)³³⁰. Одновременно МНП продолжал пытаться решить проблему административными мерами — увеличением финансирования и расширением университетской инспекции и усилением практических занятий в университетах, призванных занять время студентов³³¹. Разумеется, эти меры никаких действенных результатов не дают. Новый подъем студенческого движения последовал за воссозданием т. н. Организационного комитета на сходках, состоявшихся в связи с «избиением» студентов, протестовавших против постановки в Малом театре «антисемитской» пьесы «Контрабандисты» в конце ноября 1900 г. Этот протест выразился в том, что студенты, скупив заранее большинство билетов, явились в театр «со свистками, солеными огурцами, картофелем и т. п. предметами», которые с началом спектакля полетели на сцену, после чего в зал ворвался поджидавший в засаде полицейский наряд, задержавший и переписавший студентов и курсисток³³². Примечательно, что по воспоминаниям одной из курсисток — участниц описанного действия, «никто из нас вовсе и не стремился достать пьесу и познакомиться с ней, прежде чем идти в театр. Ведь могло оказаться, что она не включает в себе уж ярко выраженных антисемитских тенденций <...>

³²⁹ Цит. по: Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество в России. М., 1982. С. 82.

³³⁰ См., напр.: Мельгунов С. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904. С. 67–68.

³³¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, 6 марта 1900 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 78. Л. 239–239об.

³³² [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 14–14об. См. также: [В союз писателей, студенты высших учебных заведений Петербурга, 9 декабря 1900 г., копия] // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 66. Л. 28–29об.; Суворин А.С. Дневник. Пг., 1923. С. 246–251; Райков Б.Е. На жизненном пути. Автобиографические очерки. СПб., 2011. Кн. 1. С. 221–223.

а это лишило бы нас права протеста или ослабило бы его внутреннюю силу»³³³.

Репрессии против участников сходов, а также циркулирующие слухи об «истязаниях» в полиции только усилили протестные настроения, свою роль в эскалации движения сыграли и волнения в университете св. Владимира в Киеве. В результате «Организационный комитет» получил благодатную среду для организации новых «забастовок»³³⁴. Имея за спиной опыт 1899 г., члены Комитета основательно приступили к делу, организовав своеобразное разделение труда — были созданы «разведочное бюро», «редакционная комиссия», «боевая дружина», «издательская комиссия», на рождественских каникулах полномочные делегаты Комитета отправились в Москву, Киев, Харьков и другие университетские города для придания всероссийского характера готовящимся протестным акциям³³⁵. Надо, впрочем, отметить, что власть отслеживала активность нелегальных студенческих структур, об этих планах знала и пыталась, по возможности, их сорвать. 11 января 1901 г. было объявлено об отдаче в солдаты 183 студентов университета св. Владимира. Однако, как часто бывало в таких случаях, эффект этого правительственного решения оказался обратным ожидаемому — радикалы активно использовали сочувствие молодежи и общества к «изгнанникам»³³⁶, протестные настроения в столичном и других университетах Империи только усилились³³⁷, и Организационный комитет перешел к активным действиям³³⁸. Несмотря на несогласованность действий Организационного комитета и Кассы взаимопомощи, между которыми шла оче-

³³³ Коц Ел. «Контрабандисты» // Былое. Известные номера журнала / Сост. Ф.М. Лурье. Л., 1991. Кн. 2. С. 45.

³³⁴ Министр народного просвещения — попечителю С.-Петербургского учебного округа, 5 января 1901 г., №3 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 66. Л. 39–39об. Ср.: Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете... С. 130.

³³⁵ См.: Там же. С. 130–131. Ср.: Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 43.

³³⁶ См., например, статью В.И. Ленина в «Искре», опубликованную в феврале 1901 г.: Ленин В.И. Отдача в солдаты 183-х студентов // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 4. С. 391–396.

³³⁷ См., напр.: Некрасов П.А. Роль пролетариата в развитии революционного движения среди студенческой молодежи Украины // Пролетариат России на пути к октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября. 14–17 ноября 1967. Одесса, 1967. Ч. II. С. 9.

³³⁸ См.: Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете... С. 131.

видная конкуренция в борьбе за лидерство³³⁹ в студенческом движении, новый маховик революционного фрондерства постепенно раскручивался. На сходках 22 и 25 января было принято решение о забастовке, за чем последовали попытки обструкций занятий 26–28 января, которые, однако, не получили значительной поддержки³⁴⁰. 29 января Совет университета единогласно принял решение об отмене очередного годовичного акта, стараясь, таким образом, не создавать повод для новых фрондерских выступлений³⁴¹.

Для суда над студентами-обструкционистами в феврале 1901 г. создается т. н. «Особое совещание по применению временных правил» во главе с попечителем учебного округа академиком Н.Я. Сониным. Согласно циркуляру 29 июля 1899 г. исключенные из университета студенты особым порядком направлялись отбывать воинскую повинность. В состав судебного совещания были включены военный судья генерал П.Д. Никифоров, представитель департамента полиции А.К. Янкулио, ректор А.Х. Гольмстен и деканы С.Ф. Платонов, В.Р. Розен, В.Т. Шевяков, временно и. о. декана Н.Л. Дювернуа. Всего 37 «забастовщиков» было привлечено к суду, и 6 февраля последовало решение об отдаче 27 из них в солдаты, при этом, как водится, большинство организаторов беспорядков от наказания ушло, а в числе приговоренных оказались и вовсе невинные, случайно задержанные люди³⁴². Таким образом, профессора, назначенные на административные должности, были поставлены в неудобное положение, будучи вынуждены одобрять приговоры, по крайней мере, в отношении тех обвиняемых, которые публично признавали вину³⁴³. Для большинства из них это означало конец администра-

³³⁹ См. «большевистскую» (post factum) интерпретацию этой внутренней борьбы в студенческом движении в воспоминаниях одного из ее активных участников (*Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение в Петербурге // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 68–72). См. также: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 43–46.

³⁴⁰ [Воззвание «Группы универсантов» С.-Петербургский университет 22 января 1901 г., копия] // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Л. 81–81об. См.: *Соболев Л.А.* Воспоминания студента-солдата // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 39.

³⁴¹ Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 29 января 1901 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1901 г. №57. СПб., 1902. С. 15–16.

³⁴² *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 231.

³⁴³ См.: *Соболев Л.А.* Воспоминания студента-солдата... С. 38–43 (первое, более полное, издание: *Л.С.* Воспоминания студента-солдата // *Былое.* 1906. №5. С. 163–184).

тивной карьеры в университете, поскольку они утратили поддержку не только студентов, но и коллег по корпорации — В.Т. Шевяков и В.Р. Розен ушли в отставку в 1901 г., А.Х. Гольмстен — в 1903 г., только С.Ф. Платонов дожил до выборов 1905 г., но приобрел твердую репутацию «консерватора». Здесь, кстати, надо отметить, что студенты периодически записывали в «реакционеры» всех, пускай и самых либеральных профессоров, согласившихся участвовать в «политических» судах³⁴⁴.

Проведенным судом и приговором власть, тем не менее, как бы продолжала раздувать студенческий протест. На студенческой «вечеринке», посвященной годовщине 8 февраля, было принято решение о массовой демонстрации по поводу другой коммеморации (19 февраля — 40-летие реформы) и создании т. н. «Делегатского собрания» для ее организации. Поскольку на сходке были полицейские агенты, последовал арест «Делегатского собрания». Однако после его ареста антиправительственная борьба была продолжена образовавшимся тогда же т. н. «Союзом справедливых» — акция 19 февраля была проведена, при чем на ней произошло очередное избиение демонстрантов³⁴⁵, за чем, разумеется, последовало новое решение об университетской сходке, назначенной на традиционный коммеморационный день — 1 марта. Таким образом, совместными усилиями революционеры, МВД и МНП раздували в университете новый пожар. В этой обстановке 14 февраля происходит покушение на министра Н.П. Боголепова со стороны студента Московского университета П.В. Карповича, который на приеме выстрелил в своего «обидчика». Покушение на министра еще более накалило и без того напряженную обстановку в российской высшей школе.

В традиционный день революционных коммемораций 1 марта 1901 года состоялась новая сходка. В прокламации, распространяемой на сходке «Советом союза объединенных землячеств», говорилось:

³⁴⁴ См., например, материалы о сходке с протестом против профессорского дисциплинарного суда в январе 1904 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 538. Л. 286–287).

³⁴⁵ См., напр.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 46–47.

«Протест живой части общества против мракобесия правительства, против собственного бесправия и рабства <...> начинает выходить на реальную почву <...> студенческие протесты нашли себе, наконец, поддержку и сочувствие среди разных слоев общества. Мы <...> выступая в защиту попранных прав человека и на борьбу за них на общественно-политическое поприще, обращаемся к разным слоям общества»³⁴⁶.

Сходка назначила демонстрацию студентов и рабочих на 3 марта — день суда над новой жертвой самодержавия — П.В. Карповичем. Но 2 марта умирает смертельно раненый им министр Н.П. Боголепов, чем «путает карты» организаторам акции, превращаясь из «палача» в «жертву», суд над П.В. Карповичем откладывается. Демонстрацию также срочно переносят на 4 марта — воскресенье (когда к ней могли бы присоединиться рабочие), но все равно требуемого масштаба акция не получает. Версии социальной демократической прессы и официальных сообщений разнятся: «Искра» и «Листок Рабочего дела» говорили о «нескольких тысячах участников», а официоз о «нескольких сотнях». Вероятно, в данном случае, к истине несколько ближе официальная точка зрения, если принять во внимание, что и на сходке 1 марта участвовало до 1000 человек³⁴⁷. Однако эта демонстрация была разогнана даже более жестоко, чем предыдущие³⁴⁸. 4 человека погибло, ранения и побои получили около ста демонстрантов и более пятидесяти человек со стороны казаков и полиции. В демонстрации вместе со студентками и курсистками приняли участие представители левой интеллигенции (прежде всего, журналисты и авторы левой газеты «Жизнь») — А.М. Горький, К.Д. Бальмонт, П.Б. Струве, А.В. Пешехонов, В.А. Поссе, М.И. Туган-Барановский и др.³⁴⁹ А.М. Горький делился в письме А.П. Чехову впечатлениями о событии:

«Я вовеки не забуду этой битвы! Дрались — дико, зверски, как та, так и другая сторона. Женщин хватили за волосы и хлестали нагайками, одной моей знакомой курсистке набили спину,

³⁴⁶ Цит. по: Юхнева Н.В. Студенческое движение в Петербургском университете... С. 135.

³⁴⁷ Там же. С. 134–136.

³⁴⁸ См. об этом, напр.: Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 47.

³⁴⁹ См.: Черняев В.Ю. «Хроника рабочих волнений и стачек» нелегального журнала «Жизнь» и ее создатели Г.А. Куклин и В.А. Поссе // Рабочее движение в России 1895–1904 гг. Сборник статей и материалов для «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 г.» / Отв. ред. Ю.И. Кириянов, С.И. Потолов. М., 1988. С. 172–173.

как подушку, досиня, другой проломили голову, еще одной — выбили глаз. Но хотя рыло и в крови, а еще неизвестно, чья взяла»³⁵⁰.

Участие в демонстрации видных представителей «общества», арест на площади таких его деятелей, как П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский (оказавшийся, впрочем, недолгим), не мог не вызвать широкого резонанса. Профессор А.С. Фаминцын, например, не преминул заявить, что его коллега по Академии наук и попечитель округа Н.Я. Сонин не соответствует званию ординарного академика, поскольку расправляется со студентами³⁵¹. Ответом на «избиение» студентов стал протест «Союза писателей» и известное «заявление 93-х», превращавшие события в университете и вокруг него в один из важных элементов радикально-либеральной картины мира в момент решительного роста студенческого движения³⁵².

Под корпоративным и общественным напором сторонники жесткой линии в Правительстве «дрогнули»: в начале апреля на пост министра народного просвещения был назначен П.С. Ванновский, в рескрипте на его имя признавалась необходимость коренного пересмотра всего строя высших учебных заведений, а также содержался призыв «сердечного попечения» о молодежи³⁵³. Назначение П.С. Ванновского можно считать своеобразным компромиссом между верховной властью и обществом. Как отмечено выше, П.С. Ванновский являлся основным автором доклада о беспорядках 1899 г., выводы которого были весьма неблагоприятны для политики министра Н.П. Боголепова и действий полиции. С другой стороны, П.С. Ванновский считался человеком «крайне правых воззрений»³⁵⁴ и имел кредит доверия со стороны правых и императора. Новый министр отказался от дальнейшего применения «Временных правил» и обратился к преподавательскому сообществу высшей школы с рядом принципиальных вопросов, касавшихся пересмотра Университетского

³⁵⁰ А.М. Горький — А.П. Чехову, между 21 и 28 марта 1901 г., Н. Новгород // *Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах.* М., 1954. Т. 28. С. 159.

³⁵¹ См.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение на рубеже XIX–XX вв.... С. 88.

³⁵² См.: *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения... С. 35–36. Ср.: *Шевырев А.П.* Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве... С. 157.

³⁵³ *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения... С. 36.

³⁵⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 2. С. 590.

устава 1884 г.³⁵⁵ При этом на практике П.С. Ванновский не оставлял «генеральского» тона в общении с преподавательским сообществом. Например, почти сразу после назначения нового министра ректор А.Х. Гольмстен был поставлен в явно неудобное положение, будучи вынужден объявлять строгий выговор министра небезызвестному философу приват-доценту университета Н.О. Лосскому в связи с подписанием им одного из коллективных протестных писем в адрес МВД и брать с него соответствующую расписку³⁵⁶.

Назначение П.С. Ванновского и обещание пересмотра Университетского устава раскололо студенческое движение: среди студентов нашлось немало «антиобструкционистов», пропагандировавших против забастовки. Студенческие сходки, призывающие к продолжению борьбы, носят все более малочисленный характер. Интересно, что в этих условиях ректор делает своеобразный ход, разрешая, пожалуй, первую легальную сходку, на которую пришли почти 1800 студентов университета и решения которой носили, таким образом, «легитимный характер». Сходка принимает решение, которое по тональности и духу вполне коррелировалось с атмосферой, царившей в Профессорском совете: «Студенты, веря благим начинаниям правительства, дабы дать ему возможность провести спокойно все предполагаемые реформы — решили просить не возобновлять занятий весной и отложить экзамены на осень, когда они смогут держать их вместе с возвращенными товарищами, так как возобновление экзаменов теперь может вызвать нежелательные осложнения»³⁵⁷.

В этих условиях МНП идет на решительные уступки университетам. Во-первых, все наказанные студенты возвращены из армии, абсолютное большинство, в том числе исключенных «без права восстановления», принимается обратно в университет; во-вторых, в советах российских университетов начинается активное обсуждение вопросов о пересмотре Устава 1884 г. В резуль-

³⁵⁵ См.: Свод мнений по вопросам, предложенным г. министром народного просвещения относительно желательных изменений в устройстве императорских российских университетов. СПб., 1902; Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения в устройстве Российских университетов. СПб., 1902.

³⁵⁶ См.: Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского университета, 1 мая 1901, №13 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 22–22об.

³⁵⁷ Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения... С. 40.

тате студенчество возвращается в аудитории, а Профессорский совет приступает к обсуждению вопросов о новом устройстве университетов, согласно циркуляру разосланному П.С. Ванновским³⁵⁸ в конце апреля 1901 г.³⁵⁹

Уже в июне 1901 г. ректор университета представил новому министру записку, в которой излагал свое видение тех мер, которые надлежало предпринять МНП для предотвращения беспорядков³⁶⁰. Прежде всего, А.Х. Гольмстен призывал к разрешению и упорядочению «студенческих общений» в разных сферах: организации научных кружков, обществ взаимопомощи, комиссий по заведованию общежитиями, оркестром, столовой, хором и пр.³⁶¹ Министр, сам спровоцировавший появление записки, оказался в сложном положении, заявив, что он «затрудняется давать означенной записке дальнейшее движение» «до получения министерством отзывов советов высших учебных заведений и попечителей учебных округов на предложенные их обсуждению вопросы относительно устройства высших учебных заведений», подчеркнув одновременно, что «установление новых правил для студентов может состояться лишь по предварительному соглашению с ведомствами, в коих имеются высшие учебные заведения»³⁶².

Отметим, что корпоративная точка зрения по вопросу о назревших изменениях в университете вполне отражала мнение его «назначенного ректора». При этом позиция, заявленная комиссией Совета столичного университета во главе с профессором Н.А. Меншуткиным, была вполне последовательна. Совет вслед за комиссией высказался за увеличение профессорских окладов, выборность должностей ректора и декана, расширение полномочий факультетов и Университетского совета³⁶³. Автономия университета признавалась основным средством для «живого и деятельного контроля факультетов над пол-

³⁵⁸ Министр народного просвещения — попечителю С.-Петербургского учебного округа, 29 апреля 1901 г., копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 264. Л. 7–7об.

³⁵⁹ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 264. О пересмотре университетского устава 1884 г.

³⁶⁰ Там же. Л. 2об.

³⁶¹ *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества... С. 170–171.

³⁶² Ср.: Там же. С. 171–172.

³⁶³ К вопросу об университетской реформе (Окончание) // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 31 августа (13 сентября). №238. С. 3; Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения... С. 10, 156.

нотой, научностью и достоинством преподавания»³⁶⁴. Университетская коллегия также высказалась по другим вопросам, заданным министром: в пользу учреждения должностей доцентов, усиления института ассистентов, содействия научным обществам при университете; против «принудительности» в посещении учебных занятий, которую много лет и безуспешно пыталось ввести министерство; за восстановление самостоятельности факультетов в формулировании учебных планов и порядка экзаменов и замену существующих государственных экзаменов университетскими³⁶⁵. Между тем, вопрос о большей самостоятельности ученых коллегий в сознании преподавательского сообщества высшей школы был тесно связан с большей самостоятельностью самого студенчества³⁶⁶. В частности, С.-Петербургский университет высказался в пользу как общефакультетской и общеуниверситетской студенческой организации, так и общефакультетских и общеуниверситетских студенческих собраний³⁶⁷. Разрешение этих учреждений рассматривалось в том числе в качестве меры, которая должна «сблизить старших и младших членов университетской семьи, профессуры и студенчества», а избираемые студентами старосты должны служить «посредниками в сношениях курса с профессорами и университетской администрацией»³⁶⁸.

Между тем, осторожную позицию министра в отношении рекомендаций столичных (и не только) профессоров понять можно — П.С. Ванновский не только прекрасно понимал всю политическую чувствительность вопроса, но и, вероятно, представлял расклад «мнений и сил» в среде правительственной бюрократии. В то же время, опираясь на полученное мнение «снизу», а также на желание императора принять оперативные меры к урегулированию «студенческого» вопроса, он получил возможность начать реальную подготовку

³⁶⁴ Доклад комиссии, назначенной советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные министром народного просвещения об изменении в уставе и правилах университетов, 5 июля 1901 г. // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–21об.

³⁶⁵ Там же. Л. 21об.–34.

³⁶⁶ См., напр.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 708; *Куплеваский Н.О.* Вопрос об организации студенчества. Харьков, 1901. С. 3; *Шимкевич В.* Что нужно университетам? // Образование. 1901. №5. Отд. I. С. 2–16.

³⁶⁷ Доклад комиссии, назначенной советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы... Л. 34об.–38.

³⁶⁸ Там же. Л. 35–35об.

реформ. Шагом на этом пути стало Особое совещание 29 августа 1901 г., которое было подготовлено П.С. Ванновским и проходило под его председательством. В совещании принимали участие главы заинтересованных ведомств (финансов, внутренних дел, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ). Министру народного просвещения удалось поставить дело таким образом, что основным камнем преткновения между либеральным большинством (сам П.С. Ванновский, С.Ю. Витте, А.Х. Стевен, В.А. Мясоедов-Иванов) и консервативным меньшинством (К.П. Победоносцев, Д.С. Сипягин) стал отнюдь вопрос не о студенческих организациях как таковых, создание которых представлялось необходимым всем участникам совещания, а о студенческих сходках³⁶⁹. Именно право собрания «сходок» представлялось консерваторам недопустимым, также определенные сомнения вызывали у них и представительские студенческие организации³⁷⁰. Через день после совещания в газетах появляется «Заключение Комиссии, назначенной Советом Императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные г. Министром народного просвещения», в котором содержится целый ряд пунктов, связанных с организацией студенческих корпораций³⁷¹. Обсуждение проблемы студенческого самоуправления, таким образом, приобретает публичный характер, затрудняя для власти «пути к отступлению»³⁷². Примечательно, что либеральная профессура, сомневавшаяся в том, что министерство готово удовлетворить ее притязания, фактически не скрывала своего желания использовать студенчество для давления на власть. По словам Н.А. Меншуткина, руководившего комиссией столичного университета (которые приписывает ему Б.В. Никольский), «Мы, говорит, составляли про-

³⁶⁹ Отзывы гг. министров на проект правил организации студенческих учреждений. СПб., 1901.

³⁷⁰ Протокол особого совещания гг. министров, в ведении которых состоят учебные заведения, по некоторым вопросам, касающимся высших учебных заведений, 29 августа 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 286. Л. 25–30об.; [Сводная записка МНП о мероприятиях по «студенческому вопросу», 1859–1903] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 9об.

³⁷¹ К вопросу об университетской реформе // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 30 августа (12 сентября). №237. С. 4; 31 августа (13 сентября). №238. С. 3.

³⁷² В этой связи хочется привести в высшей степени справедливое наблюдение Д.А. Завьялова: «Весьма характерно, каким способом попало в газеты заключение комиссии: изданное на правах рукописи для служебного пользования, оно стало тут же известно студентам университета, где ходило в литографированных копиях. Один из студентов переписал его и, желая заработать на хлеб насущный, отнес в редакции петербургских газет» (Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 176).

грамму для всех будущих студенческих сходок. Они говорят (т. е. министерство), ждали от нас совсем другого, ну, а мы им подложили сюрприз. Мы все прекрасно понимали под конец, что ничего из этого не выйдет, но потому то так и писали»³⁷³.

П.С. Ванновский тем временем по результатам совещания 29 августа готовил доклад Николаю II, предоставляя ему своеобразное богатство выбора: введение студенческих организаций со сходками или без таковых. Император, как и следовало ожидать, согласился с консерваторами и предложил П.С. Ванновскому в самом «непродолжительном времени» выработать на основании результатов совещания «определяющие условия общения между собою воспитанников высших учебных заведений»³⁷⁴. Получив, тем не менее, таким образом, одобряющую преобразования высочайшую резолюцию, П.С. Ванновский в тот же день разослал секретный циркуляр попечителям учебных округов, в котором, кроме приведения проекта «Временных правил», в случае угрозы беспорядков разрешались студенческие сходки³⁷⁵. 17 сентября это постановление, в общих чертах регламентирующее проведение «совещаний» студентов, было доведено до сведения ректора университета³⁷⁶.

Таким образом, осенью 1901 г. в полной мере ощущается неопределенность политики нового министра, чем вполне пользуются революционные элементы, пытающиеся произвести политическую перенастройку студенческого движения. Первые сходки сезона 1901/02 учебного года — 16 и 17 октября — были посвящены протесту против статьи кн. В.П. Мещерского «Речи консерватора» в газете «Гражданин», якобы «оскорблявшей» учащих-женщин и обвиняющей их в распущенности³⁷⁷. Крайне любопытно то обстоятельство, что министр П.С. Ванновский, по существу, возложил вину за эти

³⁷³ Никольский Б.В. Дневник... С. 521. Ср.: Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 175.

³⁷⁴ Там же. С. 174.

³⁷⁵ Министр народного просвещения — Попечителю учебного округа, 14 сентября 1901 г., №401 // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 40. Л. 153–154.

³⁷⁶ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — ректору С.-Петербургского университете, 17 сентября 1901 г., №39. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 148–149об.

³⁷⁷ Икс. Речи консерватора // Гражданин. 1901. 11 октября. №78. С. 1–2; Попечитель С.-Петербургского учебного округа министру народного просвещения, 15 октября 1901 г., №55 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. 1901. Д. 290. Л. 60–62об.; [Призыв «Союза студентов С.-Петербургского университета» к сходке с протестом против статьи в газете «Гражданин»] // Там же. Л. 64, 66; Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 266.

беспорядки не на студенчество, а на редакцию газеты, обратившись к министру внутренних дел с призывом впредь не допускать в печати подобных статей³⁷⁸.

Отражением усиливающейся пропаганды радикальной социал-демократии стали существенные изменения в структуре и идеологии тех политических нелегальных организаций, которые стояли за студенческими беспорядками. В условиях нарастающего противостояния власти и широкой студенческой массы такая нелегальная «экономическая» по своей природе организация, как «Касса взаимопомощи», ведущая свою историю с 1890-х гг., утрачивает влияние и постепенно прекращает существование³⁷⁹. Активную роль в движении начала 1902 г. играют такие структуры, как «Организационный комитет Санкт-Петербургского университета», студенческая социал-демократическая организация «Дело», группа «Протест»³⁸⁰. В конце 1901 – начале 1902 г. из «угасающей» «Кассы взаимопомощи» выделяется т. н. «Касса радикалов», возглавляемая Б.Е. Райковым, которая пыталась перевести студенческое движение из «экономического» в «политическое» русло³⁸¹. Как отмечают в своих воспоминаниях ветераны студенческого движения, в этом сыграли свою роль и смена поколений студентов, и их партийная дифференциация³⁸².

Поводом к новым политическим выступлениям послужили очередные революционные коммеморации 1901 г.: 13–26 ноября в университете происходит серия сходов, связанная с добролюбовским юбилеем³⁸³. Идеологи ради-

³⁷⁸ Всеподданнейший доклад министра народного просвещения, 16 октября 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. 1901. Д. 290. Л. 84.

³⁷⁹ История Ленинградского университета. Очерки... С. 157. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 48–49.

³⁸⁰ См.: Там же. С. 53–54.

³⁸¹ *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 72; [*Статковский П.С.*] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 17об.–18. Ср.: *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 247–254.

³⁸² *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете... С. 47; *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 301.

³⁸³ Попечитель СПб. Учебного округа — Департамент народного просвещения, 15 ноября 1901 г., №59 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. 1901. Д. 290. Л. 238, Попечитель СПб. Учебного округа — Министру народного просвещения, 17 ноября 1891 г., №64 // Там же. Л. 309; Ректор — Попечителю С. Петербургского учебного округа, 17 ноября 1901 г., №14021 // Там же. Л. 328–329; Попечитель СПб. Учебного округа — Министру народного просвещения, 26 ноября 1901 г., №15831 // Там же. Л. 334. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 50.

кализма все настойчивее проводят мысль о «“бессмысленности мечтаний” об академической свободе при беспросветном рабстве народа»³⁸⁴. Неслучайно, что требования, которые выдвигались на сходках, носили зачастую не корпоративный, а общеполитический характер. Так, в резолюции одной из них говорилось: «Доступ в университеты должен быть свободен без различия пола, вероисповедания, национальности»³⁸⁵. В Петербургском университете появляется «Группа борцов до конца», которая категорически не согласна с правилами «курсовой организации»³⁸⁶.

В этих условиях и проходит финальное редактирование «Временных правил для студенческих учреждений». Трудно сказать, в какой степени на нем сказалась напряженная обстановка в столичном университете. С одной стороны, постоянное студенческое брожение не давало возможность консерваторам отыграть назад по принципиальным вопросам, и 18 ноября 1901 г. проект был одобрен заинтересованными ведомствами (в проигравшем меньшинстве оказался К.П. Победоносцев, видевший опасность в создании сети представительских студенческих учреждений)³⁸⁷. С другой стороны, как справедливо отмечается в литературе, в ходе редактирования «Правил» круг вопросов, допускавшихся к обсуждению в студенческих собраниях и создаваемых организациях, был максимально сужен (конкретизирован), а профессора наделялись «полицейскими функциями»³⁸⁸.

Неудивительно, что в своей практической политике власти также колебались, чередуя репрессии с уступками. Так, из университета было уволено порядка 100 участников осенних сходов, затем 59 из них восстановлены³⁸⁹. Одновременно последовала очередная уступка — разрешение МНП в ноябре

³⁸⁴ Ленин В.И. Начало демонстраций // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 5. С. 371 (См.: Искра. 1901. 20 декабря. №13).

³⁸⁵ Цит. по: Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 49.

³⁸⁶ Сведения о брожении среди студентов высших учебных заведений империи с 10-го по 17-е ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 294. Л. 428об.–429; [Воззвание 19 ноября 1901 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. 1901. Д. 290. Л. 331–331об.

³⁸⁷ К.П. Победоносцев – П.С. Ванновскому, 18 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 294. Л. 267–268.

³⁸⁸ Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 177–179.

³⁸⁹ Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 49.

1901 г. в порядке эксперимента провести в Петербургском университете выборы курсовых старост³⁹⁰. Однако целью этой «уступки» была легализация студенческого самоуправления и установления тем самым более действенного контроля над его деятельностью, что как раз и следовало из духа проектировавшихся правил. По существу, речь шла о распространении на высшую школу «зубатовских методов» контроля над общественными организациями³⁹¹.

При этом профессора университета оказались в двойственном положении. 15 ноября 1901 г. Совет университета сформировал Комиссию для введения временной организации студентов, в которую вошли деканы (С.Ф. Платонов, Д.Д. Grimm, А.М. Жданов, В.Р. Розен), секретари факультетов (Ф.А. Браун, А.А. Жижиленко, И.Л. Пташицкий, П.М. Мелиоранский) и еще десять профессоров; председателем комиссии стал А.М. Жданов, а с момента введения Временной организации студентов (с 30 ноября 1901 г.) — ректор А.Х. Гольмстен³⁹². Как справедливо отмечается в литературе, эта комиссия фактически превратилась в комиссию кураторов. В обязанность членов комиссии входило «поделить между собою все курсы, так чтобы каждый курс находился под непосредственным заведованием и руководством одного из членов комиссии, который обязывается, как можно более сближаться со своим курсом и влиять на него надлежащим образом или лично <...> созывая свой курс на особые курсовые беседы или же через <...> старост курса»³⁹³. Такое распределение произошло уже на следующий день после учреждения комиссии — 16 ноября³⁹⁴, а нормы курсового представительства и даты выборов бы-

³⁹⁰ Там же. С. 49.

³⁹¹ См., напр.: *Краснов П.В.*: 1) Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX – начале XX века. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2008. С. 15; 2) «Оградить учащуюся молодежь от доминирующего влияния на нее злонамеренного меньшинства...»: записка С.В. Зубатова о студенческом движении рубежа XIX–XX вв. // Отечественные архивы. 2007. №5. С. 107–114.

³⁹² *Глазков И.А.* Временная организация студентов. 1901–1902 гг. // ОР РНБ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 1. Л. 14об.; [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 3 декабря 1901 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 165.

³⁹³ Ректор С.-Петербургского университета — Попечителю СПб. Учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 286. Л. 390–390об. Ср.: *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества... С. 197.

³⁹⁴ Протокол заседания Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 16 ноября 1901 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 150об.–151.

ли назначены уже в заседании 18 ноября³⁹⁵. По существу, речь шла, таким образом, о такой форме профессорской опеки над студенческими организациями, которую радикально настроенная молодежь была не в состоянии принять. Поэтому еще до выборов старост происходят столкновения между радикальным Организационным комитетом и т. н. «партией порядка», принимавшей правила³⁹⁶. При этом радикалы отнюдь не отказывались от выборов старост, а напротив, приняли самое активное в них участие — в результате, по свидетельству ректора, среди избранных старост (выборы проходили 23–26 ноября) оказалось $\frac{3}{4}$ радикалов, а «партия порядка» потерпела сокрушительное поражение, так как «благоразумное большинство не нашло в организации своего объединяющего фундамента»³⁹⁷. Совет старост возглавили лидеры левых — председателем стал студент Сергей Таскин, секретарем Борис Райков³⁹⁸.

Тем не менее, очевидный контроль радикалов над старостами не оставлял комиссию Профессорского совета, которая разрабатывала «Временные правила» для организации студентов, заседала почти каждый день до конца ноября, и утвердила их уже после выборов 29-го ноября, находясь под постоянным давлением радикально настроенного студенчества³⁹⁹. Оптимистичную картину рисуют декабрьские протоколы заседания Комиссии для введения временной организации студентов. Например, 13 декабря 1901 г. ректор сообщает, как благодаря вмешательству факультетских старост были успешно прекращены беспорядки на заседании Неофилологического общества, посвященном памяти Добролюбова (10 декабря)⁴⁰⁰.

Вдохновленный успехом петербургского «эксперимента», министр П.С. Ванновский форсировал издание правил для организаций всех россий-

³⁹⁵ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 18 ноября 1901 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 153–153об.

³⁹⁶ Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 188–189.

³⁹⁷ Ректор С.-Петербургского университета — министру народного просвещения, 22 октября 1902 г., №215 // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 466. Л. 2.

³⁹⁸ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 267.

³⁹⁹ См. протоколы заседаний Комиссии: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 150–164об.

⁴⁰⁰ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 13 декабря 1901 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 167; Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 10 января 1902 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 286. Л. 384–384об.; Ректор С.-Петербургского университета — Попечителю СПб. Учебного округа // Там же. Л. 385–391об.

ских студентов. Официально «Временные правила организации студенческих учреждений» были изданы 22 декабря 1901 г.⁴⁰¹ Правила разрешали проведение корпоративных студенческих мероприятий и создание студенческих организаций, но возлагали контроль за ними на профессоров⁴⁰². Кроме того, «Правила» по настоянию МВД в сравнении с уже введенной в столичном университете «Временной организацией» отнимали у студентов ряд «прав»: на общие (внекурсовые собрания), а также на обсуждение «общестуденческих вопросов», т. е. не связанных с конкретными студенческими учреждениями⁴⁰³. Превентивная попытка Комиссии по введению «Временной организации» (еще до введения в действие новых всероссийских Правил) добиться сохранения в университете их прежней редакции оказалась безрезультатной⁴⁰⁴, встретило отказ в МНП и соответствующее ходатайство, принятое 30 декабря⁴⁰⁵. В январе администрация вновь рапортовала в Министерство, что созданная «Временная организация» принесла успокоение в внутриуниверситетскую жизнь и ее необходимо оставить:

«Как только была введена временная организация, так тотчас <...> сходки прекратились и то, что прежде непременно обсуждалось на самовольных сходках и повело бы к сильнейшим беспорядкам, теперь сделалось предметом келейного закрытого для всех студентов совещания старост; и хотя эти совещания заканчивались тем, что старосты постановляли не вполне тактичные резолюции, но так как последние выражают лишь мнения старост и не имеют поэтому для студентов никакого, даже нравственно-обязательного значения, то они нисколько не вредят университетскому порядку»⁴⁰⁶.

⁴⁰¹ Временные правила организации студенческих учреждений Министерства народного просвещения. [СПб., 1902].

⁴⁰² См. подробнее: *Завьялов Д.А.* Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // *Клио*. 2006. №1. С. 105–111.

⁴⁰³ Всеподанный доклад министра народного просвещения, 4 января 1902 г. // РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 40. Л. 180.

⁴⁰⁴ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 16 декабря 1901 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 168.

⁴⁰⁵ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 30 декабря 1901 г. // Там же. Л. 173–173об. С аналогичными ходатайствами Комиссия выступала и в последующих заседаниях — 8 и 15 января 1902 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 176, 177–177об.).

⁴⁰⁶ Ректор С.-Петербургского университета — Попечителю СПб. Учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 286. Л. 387об.

В другом своем обращении в МНП Комиссия призывала министерство разрешить легальное тайное голосование студентов по вопросу о забастовке, поскольку именно такой путь позволит положить конец обструкциям, принимаемым, согласно решениям нелегальных сходов меньшинства⁴⁰⁷. Однако на такое решение МНП было идти не готово, и в ответ члены комиссии призывались «воздействовать своевременно на молодежь и привести ее в сознание, что подобного рода требования не могут быть отныне удовлетворяемы»⁴⁰⁸.

Результат отказа МНП пойти навстречу профессуре был предсказуем. На министерские «Временные правила» избранные по списку «Организационного комитета» революционно настроенные старосты отреагировали однозначно негативно. 20 января 1902 г. на совместном заседании Комиссии кураторов и Совета старост происходит открытое столкновение между позицией «кураторов», которые были не в силах разрешить новую общестуденческую сходку, и старост, требовавших ее проведения⁴⁰⁹. С 21 января в университете одна за другой следуют революционные сходки, а в столовой появляются политические карикатуры⁴¹⁰. 25 января «старосты» выдвинули ультиматум «кураторам», в котором требовали проведения общеуниверситетского собрания, и грозили отставкой⁴¹¹. На совещаниях 25 и 26 января профессора отвергли ультиматум и безуспешно пытались отговорить студентов от общей сходки⁴¹², и к 29 января 41 староста из 43 отказались выполнять свои обязанности в условиях действия «Временных правил»⁴¹³, а новые выборы, которые пыталась провести администрация, фактически провалились⁴¹⁴.

Перспектива срыва очередного университетского акта в этих условиях была очевидной. В связи с этим Совет университета (по предложению все той

⁴⁰⁷ Ректор С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 6 января 1902, №47, Конфиденциально. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 293. Л. 496–499об.

⁴⁰⁸ Товарищ министра народного просвещения — ректору А.Х. Гольмстену, 18 января 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 13об. Ср.: *Завьялов Д.А.* Студенческие научные общества... С. 190.

⁴⁰⁹ Там же. С. 191.

⁴¹⁰ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 51.

⁴¹¹ Протокол заседания Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 25 января 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 184.

⁴¹² *Глазков И.А.* Временная организация студентов. 1901–1902 гг.... Л. 45–56.

⁴¹³ Там же. Л. 51об.

⁴¹⁴ Там же. Л. 54.

же Комиссии⁴¹⁵) решил в 1902 г. вовсе отказаться от его проведения, в мотивировке своего решения заявив:

«почва для протеста в форме неопозволительного бесчинства на акте вполне подготовлена. Совет, призванный оберегать университет как храм науки от осквернения, считает себя нравственно обязанным всеми силами отклонить грозящую опасность такого осквернения <...> Мы имеем дело с грозным явлением: рождением новой традиции. Бесчинства на актах Петербургского университета как безобразнейшая форма политического протеста, обращаются в традицию. Университет скорее готов навсегда отказаться от празднования дня своего основания, чем поддерживать эту ужасную традицию»⁴¹⁶.

Однако это решение Совета, последовательно утвержденное попечителем, министром и императором⁴¹⁷, было объявлено студенческими лидерами «трусливым» и лишь «подливало масла в огонь». 5 февраля в университете прошла действительно грандиозная сходка, на которую пришло 1063 человека (т. е. около 30% всех студентов). Сходка по предложению студента гр. И.И. Толстого (сына вице-президента Академии художеств и будущего министра народного просвещения) абсолютным большинством голосов (против было всего 15 человек) выступила с протестом против министерских «Временных правил» и постановила начать забастовку с обструкцией и в случае ее поддержки другими столичными вузами устроить «демонстрацию с участием рабочих»⁴¹⁸. Попечитель потребовал немедленного привлечения участников незаконной сходки к Суду Правления, но столкнулся с прямым противодействием комиссии кураторов из числа профессоров⁴¹⁹. В создавшихся условиях у комиссии даже возникала мысль о коллективной отставке, Впрочем, отвергну-

⁴¹⁵ Протокол заседания Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 2 февраля 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 189.

⁴¹⁶ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — министру народного просвещения, 5 февраля 1902 г., №1611. По поводу устройства торжественного собрания университета 8-го февраля 1902 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 292. Л. 219–219об.

⁴¹⁷ Всеподданнейший доклад министра народного просвещения, 5 февраля 1902 г. // Там же. Л. 221–222.

⁴¹⁸ Райков Б.Е. На жизненном пути... С. 211–272. Ср.: Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 52.

⁴¹⁹ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов. 6 февраля 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 191–192об.

тая по соображению, что «такая отставка, чем бы ее ни мотивировать, будет иметь вид демонстрации»⁴²⁰.

Тем временем антиправительственно настроенные студенты решили сами отметить «годовщину», устроив 8 февраля демонстрацию у Зимнего дворца. Однако благодаря оперативным действиям охраны, арестовавшей в ночь на 8 февраля около 100 вероятных зачинщиков этой акции, она была сорвана⁴²¹. Тем не менее, группа студентов все же собралась вечером того же дня в Народном доме, где организовала митинг с протестом против «Временных правил». В результате проведенной здесь полицейской операции еще несколько десятков студентов было задержано⁴²². Вопреки надеждам властей все эти меры скорее усиливали брожение в студенческой среде и укрепляли позиции сторонников забастовки.

Окончательно завело дело в тупик решение особого совещания министров, в ведении которых находились высшие учебные заведения, 14 февраля 1902 г., взявшего курс на решительное силовое подавление студенческой фронды⁴²³. После начавшихся репрессий симпатии профессоров также были на стороне учащихся — в профессорской среде усиливаются голоса против открытия университета, поскольку «новая борьба с обструкцией еще подольет масло в огонь»⁴²⁴. Однако позиция большинства и попечителя учебного округа была все же иной⁴²⁵, хотя по просьбе Совета МНП и отодвинуло открытие университета на 26 февраля⁴²⁶. При этом работа членов профессорской комиссии «для введения временной организации студентов» имела в некотором роде

⁴²⁰ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов 8 февраля 1902 г. // Там же. Л. 194.

⁴²¹ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 52.

⁴²² События в Петербурге (Из частного письма) // Искра. 1902. 10 марта. №18. С. 2.

⁴²³ Протокол Особого совещания гг. министров в ведении коих состоят высшие учебные заведения, по вопросу о принятии мер против беспорядков среди учащейся молодежи, 14 февраля 1902 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 293. Л. 63–67.

⁴²⁴ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов 22 февраля 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 199.

⁴²⁵ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов 23 февраля 1902 г. // Там же. Л. 200.

⁴²⁶ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — министру народного просвещения, 13 февраля 1902 г., №75. По вопросу о возобновлении занятий в университете // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. 1902. Д. 292. Л. 380; Ректор С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 13 февраля 1902 г., №850 // Там же. Л. 381–382об.

противоположный результат — по ее настоянию для возобновления занятий студенты должны были писать заявления членам комиссии (а не администрации) о допущении слушания лекций, к чему комиссия студентов активно призывала, не скрывая при этом, что «среди получивших [входные] билеты» окажется «не мало студентов, взявших целью производить обструкцию»⁴²⁷.

Предупреждения отдельных профессоров оказались обоснованными — аресты товарищей стали важнейшей темой студенческих сходов 26, 27 и 28 февраля, начало занятий оказалось частично сорванным из-за химических обструкций⁴²⁸, и в результате на наиболее активных участников сходов и забастовщиков обрушились новые репрессии⁴²⁹. В начале марта различного рода наказания были определены 530-и студентам, причем 108 из них было уволено, многие из последних высланы⁴³⁰. 3 марта полиции удалось сорвать и очередную студенческую демонстрацию у Казанского собора, «разогнав бродивших по тротуарам Невского проспекта студенток и курсисток»⁴³¹. Однако ближайшие события показали, что рапортовать об успехах Охранному отделению было рано — как раз с весны 1902 г. революционное студенческое движение делает качественный рывок в своей эволюции и получает новое значение в «освободительном движении в целом».

Как указывалось в литературе, как раз в этот период социал-демократические идеи получают массовую поддержку в студенческой среде, а влияние Петербургского комитета РСДРП и лозунгов подпольной социал-

⁴²⁷ Попечитель С. Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 25 февраля 1902 г., №103. О действиях Комиссии по возобновлению занятий в университете, 15 февраля 1902 г. // Там же. Л. 680–680об., 683–683об.

⁴²⁸ [Протокол заседания] Комиссии, избранной советом университета для введения временной организации студентов 2 марта 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 202; Попечитель С.-Петербургского учебного округа — министру народного просвещения, 28 февраля 1902 г., секретно, копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 293. Л. 12–13; Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 1 марта 1902 г., №124, секретно // Там же. Л. 9–9об.

⁴²⁹ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 4 марта 1902 г., №141. О взысканиях, наложенных на студентов С.-Петербургского университета // Там же. Л. 97.

⁴³⁰ Министр внутренних дел. Департамент полиции — Министру народного просвещения, 16 марта 1902 г., №3091 // Там же. Л. 370–371; Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 10 марта 1902 г., №3614, // Там же. Л. 378–380; Главное тюремное управление — С.-Петербургскому Губернатору, 15 марта 1902 года, №310, Секретно // ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 12506. Л. 1–1об.

⁴³¹ Цит. по: *Шевырев А.П.* Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве... С. 157.

демократической «Искры» на умы университетской молодежи резко усиливается⁴³². Студенческая фронда начала века рассматривается большевиками как один из основных признаков банкротства самодержавия и один из важнейших факторов устранения существующего политического режима⁴³³. Как отмечали современники относительно событий в российской высшей школе рубежа веков, «репрессивные меры против наиболее активных студентов были на руку крайне революционным партиям, так как студенты, выброшенные из университетов пополняли ряды этих партий»⁴³⁴. Во всяком случае, благодаря правильной постановке партийных задач социал-демократам в этот момент, вероятно, удастся достичь главного перелома в психологическом отношении — самоидентификации студенчества с жертвами борьбы правительства с «освободительным движением», а «освободительного движения» с социал-демократами, направляющими борьбу с правительством в университете. В результате в студенческой массе нарастает волна товарищеской (и одновременно революционной) солидарности, активно противиться которой могло лишь незначительное меньшинство. Т. н. «партия порядка», готовая продолжать занятия в этих условиях, составляла менее 5% от числа университетских студентов⁴³⁵. В этой накаленной атмосфере социал-демократам, наконец, удастся достичь искомой смычки студенческого протеста с рабочим движением. События начала марта 1902 г. как бы зеркально повторяли сценарий годичной давности, связанный с организацией совместной демонстрации студентов и рабочих под антисамодержавными и социалистическими лозунгами. Но на этот раз деятелям революционной социал-демократии удалось реализовать его с большим успехом. В демонстрации согласно данным, приводимым в советской историографии (пусть даже и несколько преувеличенным), приняло участие 40 тыс. человек⁴³⁶. Несмотря на то, что основную массу протестующих составляли рабочие, активное участие в демонстрации приняли и студенты.

⁴³² Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 53.

⁴³³ Ярким примером такого взгляда является статья В.И. Ленина, помещенная в «Искру» в феврале 1902 г. (см.: Ленин В.И. Признаки банкротства // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 6. С. 273–279).

⁴³⁴ Брандт А. Листья пожелтевшие. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 12.

⁴³⁵ Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 52.

⁴³⁶ Там же. С. 55.

Интересны сохранившиеся свидетельства того, что накануне проведения демонстрации в среде студенчества царили вполне боевые настроения. По данным охраны студенты столичного университета искали оружия ввиду «убеждения, что готовящаяся демонстрация будет подавлена вооруженной силой»⁴³⁷. Разумеется, опасения студентов нельзя назвать беспочвенными — демонстрация была жестоко разгромлена, хотя демонстранты упорно (в течение 4 часов) сопротивлялись жандармскому натиску. За демонстрацией вновь последовали массовые аресты, ссылки и исключения из университета⁴³⁸.

Правительственные репрессии против революционных активистов весной 1902 г. лишь ненадолго пригасили протестные акции (свою роль в снижении уровня университетской фронды, как и в предшествующие годы, сыграло скорее приближение курсовых испытаний). Однако доминирующее положение социал-демократических идей в формировании «освободительного дискурса» в сознании студентов и социал-демократических структур в системе студенческих организаций уже прочно закрепилось в столичном университете. Так или иначе, на осколках прежних «общестуденческих» организаций с расплывчатой в «политическом отношении» программой во второй половине 1902 г. возникают две «социал-демократических группы студентов Санкт-Петербургского университета», одна из которых была ориентирована на Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», другая — на Петербургский комитет РСДРП⁴³⁹. Эта вторая группа вскоре, во-первых, заняла доминирующие позиции в среде университетского студенчества и, во-вторых, стала в организационном отношении партийной ячейкой, подчиняющейся местному комитету РСДРП. В то же время социал-демократы боролись за умы студенческой молодежи и с социалистами революционерами⁴⁴⁰.

Одновременно, правда, в оппозиции революционному движению происходит институционализация и т. н. студенческого «академического» движения,

⁴³⁷ Цит. по: Там же. С. 55.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 73.

⁴⁴⁰ См. полемику между «Революционной Россией» и «Искрой» в начале 1903 г.: Студенчество и Революция // Революционная Россия. 1903. 1 февраля. №17. С. 1–4; [*Троцкий Л.Д.*]: 1) Как они «примиряют» // Искра. 1903. №35. 1 марта. С. 4–5; 2) Опекаемое студенчество // Искра. 1903. №31. 1 января. С. 2–3.

формирующегося вокруг «партии порядка». Институциональными основами организации становятся, с одной стороны, кружки, возникающие вокруг «правых» преподавателей (прежде всего, кружок Б.В. Никольского), с другой стороны, вокруг первой студенческой корпорации «Денница» (первоначальное название «Boreatica»⁴⁴¹; официальное утверждение последовало в конце 1902 г.)⁴⁴². Поскольку именно в «партии порядка» администрация университета видела силу, способную противостоять «обструкционистам», она всячески поощряла ее организацию. Ректор А.Х. Гольмстен, явно выдавая желаемое за действительное, описывал ее рост в весьма патетических выражениях. Вслед за Д.А. Завьяловым приведем его слова, адресованные попечителю учебного округа:

«В 1899 г. она играла пассивную роль, держалась в стороне, несмелым ораторам ее шикали; в 1901 г. с нею спорили, ее ораторов слушали, она кричала обструкционистам: «вон палачи», а в 1902 г. она уже выгнала обструкционистов»⁴⁴³.

Так или иначе, но события 1902 г. вполне можно назвать определяющими в смысле институционализации политических организаций университетского студенчества, в ходе которой, по существу, было утверждено доминирующее влияние социал-демократии (преимущественно «ленинской» ориентации) над массой политически активного студенчества, и при всех оговорках это влияние сохранялось в течение последующих 15 лет.

В течение всего 1902 г. профессура оказывает деятельную поддержку идее студенческого самоуправления и активно продолжает обсуждать вопросы правильного функционирования студенческих организаций, настаивая на изменении правил 22 декабря 1901 г.⁴⁴⁴ Впрочем, предложения эти носят довольно сумбурный характер. Признавая, что при существующем порядке вы-

⁴⁴¹ Ректор Санкт-Петербургского университета — министру народного просвещения, 22 октября 1902 г., №215 // РГИА. Ф. 733. Оп. 161. Д. 466. Л. 1–3об.

⁴⁴² Управляющий МНП — министру внутренних дел, 20 декабря 1902 г., №496 // Там же. Л. 31–32; Ректор — Попечителю Петербургского учебного округа // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 492.

⁴⁴³ Цит. по: Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 198.

⁴⁴⁴ Ректор Санкт-Петербургского университета — Управляющему С.-Петербургским учебным округом, 13 июня 1902 г., №1615 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 11–11об.

боров радикальная партия, которая имеет «свою организацию», всегда будет побеждать на общих выборах, комиссия предлагала допустить возможность избрания старост от групп студентов (1/4 курса), допускала возможность общекурсовых студенческих собраний, призывала отделить студенческие организации (кружки) от курсовой организации⁴⁴⁵. Исполнение обязанностей кураторов становилось для профессоров все более обременительным, в связи с чем в 1902 г. один за другим следуют отказы от избрания на эти должности⁴⁴⁶.

1902 г. можно назвать переломным точки зрения выработки корпоративной программы преподавательского сообщества и тактики борьбы за ее реализацию. «Спусковым крючком» в этом отношении стала деятельность Комиссии для выработки нового Университетского устава, которая зашла в тупик к апрелю 1902 г. С точки зрения отражения профессорских настроений характерно мнение профессора И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, высказанное им в разгар дискуссий вокруг правил организации студенческого самоуправления:

«С духом устава 1884 г., поставившего между прочим профессуру в крайне приниженное и малоправное положение, никак не вяжется заигрывание со студентами на почве самоуправления. Если профессора дожидаются спокойно нового устава, то следовало попросить тоже студентов проявить известную долю терпения; в случае же нелегальностей, выходящих за пределы допустимого, лучше приостановить временно течение ненормального хода дел, нежели частичными полумерами создавать материал для разочарований и связанных с ними волнений. Вероятно новый устав будет основан на новых началах, допускающих тоже принцип корпоративного устройства студентов»⁴⁴⁷.

Общее желание университетов было очевидно — требование автономии, подразумевающее выборы ректора и деканов. Возвращение автономии прямо увязывалось с прекращением «беспорядков» в университетах⁴⁴⁸. Опрос, инициированный министром, поставил, таким образом, в повестку дня новую университетскую реформу. Однако идти на нее, следуя указаниям профессо-

⁴⁴⁵ Объяснительная записка к проекту новых правил организации студентов и студенческих учреждений // Проект организации студентов и студенческих учреждений, выработанный в подкомиссии, избранной из своей среды Советскою комиссией 1 апреля 1902 г. [СПб., 1902]. С. 6–13.

⁴⁴⁶ См.: Декан Юридического факультета — Ректору С.-Петербургского университета, 28 сентября 1902 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9642. Л. 30.

⁴⁴⁷ Особое мнение проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ [5 июня 1902 г.] // Там же. Л. 19.

⁴⁴⁸ См., напр.: *Трубецкой Н.* К вопросу о причинах беспрестанно возникающих в наших университетах студенческих беспорядков. СПб., 1902.

ров, император не решился. Вместо этого он предпочел сменить министра — 11 апреля П.С. Ванновский был отставлен, и на его место назначен профессор-классик Варшавского и Юрьевского университетов (и выпускник Петербургского университета) Г.Э. Зенгер. Вполне вероятно, что этому шагу способствовали и успешный теракт (убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина), осуществленный студентом Киевского университета эсером С.В. Балмашевым, который был отдан за беспорядки в солдаты, но возвращен в университет в рамках политики П.С. Ванновского, и разногласия последнего с новым главой МВД — В.К. Плеве⁴⁴⁹.

Между тем, после некоторых колебаний Г.Э. Зенгер продолжил работу по подготовке нового университетского устава в духе предшественника. Летом 1902 г. новый министр созвал совещание глав высших учебных заведений, на котором обсуждался ключевой вопрос о применении «Временных правил о студенческих организациях», «полицейский характер» которых делал неприемлемыми данные правила как для студентов, так для профессоров. Неслучайно, что основным докладчиком по этому вопросу выступил ректор столичного университета, больше всего пострадавшего от введения правил в «министерской редакции», который критически разобрал их основные положения. В частности, А.Х. Гольмстен выступил против увязывания процесса организации конкретных студенческих обществ и собраний с созданием и деятельностью общеуниверситетской корпоративной организации и против возложения «контролирующих» функций на профессоров — т. е. как раз против тех пунктов правил, которые, по мысли их создателей, должны были обеспечить спокойствие в университетах⁴⁵⁰. Министр отчасти прислушался к мнению ректора столичного университета и других участников совещания. В эпоху Г.Э. Зенгера была создана комиссия для выработки нового университетского устава, изданы «Временные правила о профессорских дисциплинарных су-

⁴⁴⁹ См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 1. С. 599.

⁴⁵⁰ См.: Завьялов Д.А. Студенческие научные общества... С. 180–185.

дах»⁴⁵¹, новые правила об устройстве студенческих кружков, правила об организации студентов по курсам под руководством кураторов⁴⁵². Эти акты как раз «разделяли» процесс корпоративной организации студентов и организации органов студенческого самоуправления, что вполне отвечало стремлениям радикальных политических групп установить контроль над последними.

В этом смысле относительное успокоение студенчества, которое, как казалось профессорам, было достигнуто осенью 1902 г.⁴⁵³, являлось иллюзией. Действительно, именно в это время в Петербургском университете происходит объединение двух указанных выше социал-демократических групп, при очевидном идеологическом и политическом доминировании группы, ориентированной на городской комитет РСДРП. Новая группа рассматривается в революционной среде «как законный преемник всех предшествовавших студенческих беспартийных организаций»⁴⁵⁴. Среди активных членов этой группы в мемуаристике и литературе отмечаются имена студентов Л.А. Плюсина, Г.А. Энгеля, Н.В. Дорошенко, Н.Н. Кузьминского, А.Н. Словянова, А.А. Петрова, М.К. Дорохова, В.Н. Макарова, А.Н. Новодворского, К.А. Масленникова, А.Я. Каплана, Н.В. Апполонова, Е.П. Борткевича, Л.П. Крыжановского и многих других⁴⁵⁵. Таким образом, к очередной университетской годовщине 8 февраля 1903 г. университетские социал-демократы уже вполне организационно окрепли и обрели новых сторонников в студенче-

⁴⁵¹ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения (27 августа) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 41–42. Приложение к журналу заседания Совета СПб университета 16 сентября 1902 г. С. II–V; Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений министерства народного просвещения // Там же. Л. 45. Приложение к журналу заседания Совета СПб университета 16 сентября 1902 г. С. X–XI.

⁴⁵² Предложение г. Упр. М. Н. Пр. попечителя округов (от 27 августа 1902 года за №23120) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 42–45. Приложение к журналу заседания Совета СПб университета 16 сентября 1902 г. С. V–X; Правила организации студентов, введенной в Императорском С.-Петербургском университете 15 ноября 1901 г., согласованные с положениями Высочайше одобренными 24 августа 1902 года [СПб., 1902]; Инструкция курсовым кураторам и правила курсовых собраний студентов Императорского С.-Петербургского университета. [СПб., 1902]. Ср.: *Шилов Д.Н.* Министр поневоле: творчество и карьера в судьбе Г.Э. Зенгера // Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 494; [Сводная записка МНП о мероприятиях по «студенческому вопросу», 1859–1903] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 13об.–14.

⁴⁵³ См., напр.: *Фигуровский Н.А., Романьков Н.И.* Владимир Александрович Кистяковский. 1865–1952. М., 1967. С. 46–47.

⁴⁵⁴ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 60.

⁴⁵⁵ *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете... С. 49; *История Ленинградского университета. Очерки...* С. 159; *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 302. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 58–66.

ской среде. В воззвании 8 февраля 1903 г., отпечатанном типографским способом в заграничной типографии, отмечалось:

«Мы будем способствовать возникновению и мощному развитию политических волнений петербургского студенчества <...> росту революционного сознания и, пользуясь им, направлять это сознание в сторону идей социал-демократии, вырабатывать идеологов пролетариата, деятелей классовой борьбы»⁴⁵⁶.

Со схожим по тональности открытым письмом к студенчеству обратился и Петербургский комитет РСДРП (письмо было опубликовано в «Искре»). Это письмо нашло отклик на традиционной студенческой сходке 8 февраля, собранной социал-демократической группой⁴⁵⁷. Сам же университетский акт 1903 г. вновь был отменен по просьбе ректора, опасавшегося новой политической демонстрации во время его проведения⁴⁵⁸. Сходка 8 февраля собрала рекордное количество участников — порядка 2500 человек (т. е. примерно 2/3 от общего числа студентов). Сходка проходила по четкому сценарию: было зачитано письмо к студентам Петроградского комитета РСДРП⁴⁵⁹, пытавшихся выступить «умеренных» заглушили «зловещим свистом», приняли резолюцию, заранее подготовленную социал-демократической группой:

«Приветствуя призыв социал-демократического комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста, в той форме, в какой к этому призовут авторитетные организации».

Под авторитетными организациями, как пояснено в газете «Искра», опубликовавшей процитированную резолюцию, понимались «РСДРП и ее

⁴⁵⁶ Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки... С. 158.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Ректор — попечителю С.-Петербургского учебного округа, 1 февраля 1903 г., №303, Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 462. Л. 71–73об.; Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Управляющему МНП, 30 января 1903 г., №1300. О постановлении Совета университета не устраивать 8 февраля торжественного собрания // Там же. Л. 67.

⁴⁵⁹ [Воззвание на университетском собрании в день университетской годовщины 8 февраля 1903] // Искра. 1903. №35. 1 марта. С. 6.

боевая организация»⁴⁶⁰. Повод для активных студенческих действий в рамках установок социал-демократии и указаний «авторитетных организаций» не заставил себя ждать. Им стала т. н. «златоустовская бойня», под которой понимается расстрел демонстрации рабочих по приказу уфимского генерал-губернатора в марте 1903 г. По этому поводу социал-демократическая группа организовала в середине марта сходку в университетской столовой, в которой участвовало более 500 человек и на которой была принята соответствующая политическая резолюция революционного содержания⁴⁶¹. Затем последовал «профессорский суд», на который организаторы сходки просто не явились (в результате несколько «зачинщиков» было временно уволено из университета)⁴⁶².

Следующей задачей революционного социалистического студенческого движения стала подготовка скоординированных акций студенческого протеста во всероссийском масштабе. Важным шагом на этом пути стало проведение нелегального Всероссийского студенческого съезда в Одессе в октябре 1903 г. В съезде самое активное участие приняли представители социал-революционных и социал-демократических групп столичных студентов, председательствовал на съезде студент юридического факультета Петербургского университета Г.А. Энгель. Съезд наметил широкую программу действий, в частности согласовал дни солидарных политических забастовок (8 и 19 февраля, 1 и 4 марта, 1 и 3 мая, 3 ноября), приуроченных к важным для «освободительного движения» датам⁴⁶³. В период же с 15 ноября по 9 декабря сходки и беспорядки происходят уже регулярно без особых «исторических поводов»⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Ср.: [Резолюция университетского собрания 8 февраля 1903] // Там же. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 61.

⁴⁶¹ *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете... С. 48. Ср.: *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 62.

⁴⁶² *Сверчков Д.Ф.* На заре революции. Л., 1925. С. 63.

⁴⁶³ *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 75.

⁴⁶⁴ См.: О беспорядках среди учащихся высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 462. Л. 98–99об.; Резолюция сходки 20 ноября [1903 г.] в С.П.Б. университете, 21 ноября 1903 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9594. Л. 39–39об.; Рапорт инспектора студентов — Ректору императорского С.-Петербургского университета, 3 декабря 1903 г. // Там же. Л. 55.

Следует отметить, что наряду с социал-демократическими организациями в 1903 г. появляется и т. н. «Группа радикалов», ориентированная на эсеровскую партию⁴⁶⁵. В этом смысле революционно-террористическая идеология выступала в качестве основного конкурента по отношению к революционно-марксистской⁴⁶⁶. Однако, эта последняя, очевидно, была более успешной. Отчасти этот успех можно связать с более последовательной и догматической политической платформой, которая, в свою очередь, требовала от студенческих активистов социал-демократов четкого партийного размежевания⁴⁶⁷. В литературе вслед за революционными высказываниями момента отмечается «ничтожное» влияние либералов⁴⁶⁸. В частности, в одной из листовок отмечалось, что студенчество Петербургского университета, читающее «Освобождение», «не обнаруживает стремления перейти в лагерь освободителей: оно ищет работы, а не фраз, а в революционной работе либералы пока неповинны»⁴⁶⁹.

При очевидной ангажированности такого рода показаний, они вполне отражают связь популярности той или иной идеологии со степенью ее революционности. Об атмосфере университетской фронды тех лет сохранились многочисленные воспоминания. Вот что, например, отмечал в своих мемуарах К.С. Жарновецкий — активный участник студенческого движения предреволюционного и революционного времени, — повествуя о «студенческих вечерах» начала века:

«Я помню на одной из них дебатировался вопрос о том, идти ли вооруженными на демонстрацию или нет. Это были экстраординарные вечеринки. Как мы стремились попасть на них, кажется, ценою жизни готовы были достать заветный билетик, чтобы проникнуть на тайную вечеринку и

⁴⁶⁵ В документах Департамента полиции, вероятно, та же группа проходит под названием «Партизаны борьбы» ([*Статковский П.С.*] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 18).

⁴⁶⁶ См., напр., характерные нападки В.И. Ленина на эсеровский террор, следовавшие после убийства С.В. Балмашевым министра Д.С. Сипягина: *Ленин В.И. Революционный авантюризм // Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 6. С. 377–398.*

⁴⁶⁷ См.: *Ленин В.И.*: 1) Выступление по вопросу об отношении к учащейся молодежи // *Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 7. С. 312*; 2) Задачи революционной молодежи // Там же. С. 341–356; 3) План писем о задачах революционной молодежи // Там же. С. 437–438.

⁴⁶⁸ *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 59.

⁴⁶⁹ [Листовка «Социал-демократической группы студентов С.-Петербургского университета», декабрь 1903?] // РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 538. Л. 223.

там, затаивши дыхание, следить за дискуссией, переживая ее всеми фибрами своей души, а затем, укрывшись в укромную аудиторию петь чудные студенческие песни <...> лихую “Нагаечку”, веселую “Как наш Трепов генерал всех жандармов собирал” и т. п.»⁴⁷⁰.

Таким образом, характеризуя результаты деятельности революционных организаций, власти и «общества» в 1899–1903 гг. в отношении студенчества, необходимо констатировать резкое усиление как идеологических, так и организационных позиций радикальных политических сил в его среде. В.И. Ленин в одной из работ этого периода вполне справедливо отметил, что правительство, которое «хотело уступить в студенческом вопросе», «оскандалилось, сыграв прекрасно на руку революционной агитации»⁴⁷¹. Можно сказать, что в создавшихся условиях в молодежной среде конкурентоспособной могла быть только та идеологическая программа, которая подразумевала необходимость бескомпромиссной революционной борьбы с самодержавием. С этой точки зрения объяснимо и то обстоятельство, что, получив в ноябре 1903 г. протоколы II съезда РСДРП, все участники «Социал-демократической группы» в столичном университете примкнули к большевистскому крылу социал-демократии⁴⁷².

Начало русско-японской войны лишь ненадолго приостановило распространение радикальных протестных настроений в студенческой среде. Правда, в начале войны «патриотической» корпорации «Денница» удалось организовать несколько массовых верноподданических манифестаций⁴⁷³. В воспоминаниях одного из лидеров революционного движения тех лет с возмущением описывается патриотическая демонстрация конца января 1904 г.:

«Реакционно-консервативная часть университетского студенчества собралась 30 января на сходку, воспользовавшись тем, что все прогрессивное студенчество участвовало в этот день на похоронах публициста Н.К. Михайловского, и после сходки в количестве до 400 человек с националь-

⁴⁷⁰ Цит. по: Колесников А.Я. Константин Сигизмундович Жарновецкий // Петербургский университет и революционное движение... С. 175–176.

⁴⁷¹ Ленин В.И. Самодержавие колеблется // Ленин В.И. ПСС. М., 1967. Т. 7. С. 127 (см.: Искра. №35. 1903. 1 марта).

⁴⁷² Ольховский Е.Р. Студенческое движение в университете в период Ленинской «Искры»... С. 66.

⁴⁷³ Иванов А.Е. Российские университеты и русско-японская война // Проблемы отечественной истории. М., 1973. Т. 1. С. 269–270.

ными флагами и пением “боже, царя храни”, отправилась ко дворцу перед которым устроила манифестацию»⁴⁷⁴.

В ответ социал-демократическая группа выпустила листок с протестом против проявления «низменных, рабских чувств перед деспотом», «против жалких рабов, дерзнувших петь полицейский гимн на Казанской площади, на которой пролетариат с революционной интеллигенцией столько раз вступали в борьбу за политическую свободу»⁴⁷⁵. Судя по наблюдениям охранного отделения, в 1904 г. в университете одновременно существовали следующие студенческие организации: «Группа студентов-социал-демократов», «Группа студентов социалистов-революционеров», «Союз консерваторов», «Центральная организация С. Петербургского университета» «с оттенком программы партии народной свободы», «Группа А.» (анархисты) и другие⁴⁷⁶. В феврале 1904 г. в университете под руководством социал-демократов был создан т. н. Коалиционный совет, включавший в себя представителей ряда леворадикальных партий и групп во главе с социал-демократами⁴⁷⁷, а в мае 1904 г. там же был создана т. н. «Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга»⁴⁷⁸.

Поскольку революционная волна, очевидно, нарастала не только в столичном университете, но и в других высших учебных заведениях, в глазах верховной власти МНП явно было не в силах справиться с ситуацией. В результате в январе 1904 г. был отправлен в отставку Г.Э. Зенгер (который, впрочем, и сам давно просил об отставке у императора⁴⁷⁹), а на место министра народного просвещения 10 апреля оказался назначен военный — начальник

⁴⁷⁴ *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 76.

⁴⁷⁵ Цит. по: Там же. Ср.: *Райков Б.Е.* На жизненном пути... С. 338.

⁴⁷⁶ [*Статковский П.С.*] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 19.

⁴⁷⁷ *Гусятников П.С.* Революционное студенчество Петербурга накануне и в период первой русской революции. Л., 1951. С. 127. Ср.: *Яковлев В.П.* Николай Васильевич Крыленко // Петербургский университет и революционное движение... С. 154.

⁴⁷⁸ Отчет Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга // Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955. С. 582. Ср.: *Бондаревская Т.П.* Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение... С. 68.

⁴⁷⁹ *Шилов Д.Н.* Министр поневоле: творчество и карьера в судьбе Г.Э. Зенгера... С. 494–495.

Николаевской академии генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Глазов, как отмечал С.Ю. Витте — «по самодержавному недоразумению»⁴⁸⁰. В этих условиях в профессорской коллегии столичного университета, возглавляемой с 1903 г. профессором А.М. Ждановым, так же как и в российской интеллектуальной элите в целом нарастали оппозиционные настроения, которые усиливались по мере задержки в решении вопроса об «автономии».

Провал идеи «маленькой победоносной войны» с Японией, как известно, привел к тому, что уже к лету 1904 г. общественные настроения вновь начали накаляться, а «эпоха доверья», начатая П.Д. Святополком-Мирским и открывшая дорогу разного рода «общественным съездам» радикально-либеральной направленности, привела к дальнейшему обострению конфронтации между властью и обществом — с октября происходят новые студенческие сходки⁴⁸¹. Можно сказать, что осенью 1904 г. социал-демократические студенческие организации становятся эффективными инструментами в руках Петербургского комитета (ПК) РСДРП, по своему составу преимущественно большевистского — в большинстве высших учебных заведений столицы проходят антиправительственные сходки, на которых принимаются резолюции революционного характера. Социал-демократическая организация студентов Петербурга оказалась в полной мере включена в жесткую систему «демократического централизма», на формировании которой неуклонно настаивали большевики. В конце 1904 г. на собрании социал-демократической группы было проведено решение, согласно которому «все члены группы обязаны по первому требованию оказывать содействие местному комитету (имеется в виду ПК РСДРП — *Е.Р.*) и не отказываться от исполнения поручений и функций, возлагаемых последним»⁴⁸². Во главе группы также стоял ответственный организатор, назначаемый Комитетом (на начало 1905 г. им была Р.С. Землячка). С февраля 1905 г. во внутрипартийной структуре РСДРП студенческая орга-

⁴⁸⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 2. С. 250.

⁴⁸¹ См., напр.: Яковлев В.П. Николай Васильевич Крыленко... С. 154.

⁴⁸² Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг.... С. 72.

низация была приравнена к партийному району при ПК РСДРП, ее ответственный организатор — к районному организатору⁴⁸³.

Следует отметить, что одной из точек бифуркации, предопределившей революционное развитие политического процесса, стала очередная социал-демократическая демонстрация 28 октября⁴⁸⁴, в которой приняли участие как революционно настроенные студенты петербургских высших учебных заведений, так и рабочие. «Жестокий» разгон этой демонстрации послужил одной из основных причин радикализации гапоновской организации и начала забастовочного движения, а также одним из поводов к началу т. н. «банкетной компании» и новому росту протестного движения в среде студентов высших учебных заведений столицы. Наиболее масштабный характер носила сходка в Петербургском университете 1 ноября 1904 г., собравшаяся, как это происходило неоднократно, после лекции популярного своим радикализмом приват-доцента Е.В. Тарле⁴⁸⁵. Сходка потребовала «полной ликвидации существующего порядка путем всенародного учредительного собрания» и выразила готовность «активно поддержать свои требования на общенародной демонстрации близкого будущего»⁴⁸⁶. В наказание ряд участников сходки во главе с председательствующим студентом-юристом Борисом Нестеровским были уволены из университета⁴⁸⁷. 28 ноября последовала новая демонстрация студентов и рабочих, жестоко разгромленная полицией⁴⁸⁸.

Не ослабевала и общественная активность либеральной профессуры. Характерны высказывания на страницах печати в конце 1904 г. профессора И.М. Гревса. Сетую на бесправие профессуры, историк не видит иного выхода кроме решительной борьбы за автономию высшей школы. Эта борьба может быть только коллективной, и рассматривать ее необходимо в общем контексте движения за общественные свободы. «Совершенно правильно, — пишет

⁴⁸³ Там же. С. 69–70.

⁴⁸⁴ См.: *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 77.

⁴⁸⁵ *Nefedov A. Sergei* Student Tumult in St. Petersburg shortly before the Revolution of 1905 // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2016. №3 (41). С. 786.

⁴⁸⁶ *Гусятников П.С.* Революционное студенчество Петербурга накануне и в период.... С. 131–132.

⁴⁸⁷ [Список участников сходки 4 ноября 1904 г.] // ЦИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 37. Л. 156–158об.

⁴⁸⁸ *Савельева В.Г.* Дмитрий Захарович Мануильский // *Петербургский университет и революционное движение...* С. 162–163; *Колесников А.Я.* Константин Сигизмундович Жарновецкий... С. 176.

И.М. Гревс, — что деятели науки, одухотворенные мужественной решимостью добиваться академической свободы и университетской автономии, должны соединиться в ассоциацию и собраться на съезды организуя работу “*viribus unitis*”, сплачиваясь против действующих по правилу “*divide et impera*”»⁴⁸⁹.

Итак, к концу 1904 г. обстановка в стенах Петербургского университета, как и в целом в высшей школе, была достаточно накалена: вместе со всей Россией столичный университет вступал в эпоху первой русской революции. Другое дело, что из вышеизложенного видно, что к моменту формально принятой даты ее начала (9 января) революция в стенах университета уже шла полным ходом. В этом контексте нельзя не отметить, что на микроуровне события в университете (демонстрации, забастовки, обещание реформ и «конституционного режима» — автономии и студенческого самоуправления, «переговоры» с властью по этим вопросам) как бы предшествовали будущим революционным баталиям в стране. Как мы увидим, этот «революционный опыт» оказался во всех смыслах востребованным.

Что касается влияния все более бурного социального контекста на внутренний уклад университета, то сказанное выше вполне определенно показывает, что хотя действия внешних сил — власти и революционного движения — были важными факторами университетской жизни, к масштабным кризисам (1884, 1887, 1890, 1899, 1902 гг.) они приводили только тогда, когда угрожали неформальной автономии университета, являлись вызовом «патерналистской модели» и грозили разрушить единство университетской семьи. Коллективные действия профессорской коллегии (и преподавательской корпорации в целом) не только помогали преодолевать кризисы, но и способствовали росту ее внутренней идентичности и солидарности, позволяя профессорам оставаться реальными хозяевами в университете и заставляя власть все более считаться с позицией университетских «мандаринов».

⁴⁸⁹ Гревс Ив. Забытая наука и униженное звание (по поводу статьи проф. В.И. Вернадского) // Наши дни. 1904. 28-го декабря. №10. С. 2–3.

Глава 8. Между самоуправлением и автономией

8.1. 1905 январь – октябрь: «Революция» на «службе» корпорации

Отчет С.-Петербургского университета за 1905 г., как обычно, начинался с некрологов¹ «кончившим в этом году свое земное поприще»². Порядок изложения таких некрологов строился в соответствии с «табелью о рангах», а объем материала зависел во многом от того значения, которое придавали ушедшему в университетской среде. В «Отчете 1905 г.» помещено 6 некрологов. Самый обширный из них, что неудивительно, посвящен скончавшемуся в ноябре 1905 г. всемирно известному физиологу профессору И.М. Сеченову (более 7 страниц), в то же время помещенному предпоследним (согласно должностному положению) лаборанту В.А. Мокаевскому «отведено» менее страницы. Однако самый краткий некролог принадлежал не ему, а лицу, помещенному в самом начале поминального списка — великому князю Сергею Александровичу — московскому генерал-губернатору. Составлявший отчет профессор Б.М. Мелиоранский ограничился констатацией: «4-го февраля 1905 г. погиб в Москве от брошенной бомбы почетный член нашего Университета Великий Князь Сергей Александрович. Покойный состоял нашим почетным членом с 1890 г.»³. И все — ни слова ни о биографии князя, ни о том, почему он состоял членом университета, ни сожаления о его кончине. Поистине, о мертвых либо хорошо, либо ничего⁴.

Выше, характеризуя обстановку, сложившуюся к 1905 г., мы отмечали, что столичный университет, как и другие высшие учебные заведения Империи, уже больше года потрясали студенческие сходки, забастовки и демонст-

¹ Несмотря на то, что все некрологи выходили под редакцией профессора университета, ответственного за составление отчета, материалы для них, как правило, предоставлялись соответствующими факультетами.

² См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. С. 1–13.

³ Там же. С. 1.

⁴ Такова была и непосредственная реакция Совета университета на убийство великого князя — см.: Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 10 февраля 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. №61. СПб., 1906. С. 20.

рации⁵. В событиях 9 января студенты приняли самое активное участие, несколько универсантов были арестованы⁶. К середине января т. н. Коалиционный комитет студентов Санкт-Петербургского университета взял решительный курс на проведение «во чтобы то не стало забастовки»⁷.

Не менее критическое отношение к власти присутствовало и в преподавательской корпорации. К 1905 г. политические воззрения большинства петербургских профессоров при всех их различиях можно охарактеризовать как демократически-либеральные. Накануне революции трибуна университетского преподавателя все больше становится местом общественной пропаганды. В этом смысле, например, особенно показательны публичные лекции о Французской революции известного своей «политической неблагонадежностью»⁸ приват-доцента Е.В. Тарле, которые он читал в 1904–1905 гг. и которые собирали огромную аудиторию в актовом зале университета⁹. Как известно, члены университетской корпорации приняли участие (хотя и весьма ограниченное в сравнение с членами московской профессорской коллегии) в целом ряде либеральных общественных проектов начала XX в.¹⁰. Например, профессор И.М. Гревс наряду с другими деятелями русской радикально-либеральной интеллигенцией был одним из организаторов созданного в 1903 г. в Швейцарии т. н. «Союза освобождения»¹¹. Ряд членов университетской корпорации принял участие в знаменитой «банкетной кампании», проходившей в ноябре – де-

⁵ См., напр.: *Рогозин И.И.* Политическая борьба за молодежь России. 1903–1917. М., 1989. С. 6–51; *Гусятников П.С.* Революционное студенчество Петербурга накануне и в период первой русской революции. Л., 1951. С. 118–137.

⁶ Список студентов С.-Петербургского университета, арестованных с 8 января сего года по обвинению в преступлениях политического характера // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 35. Л. 2.

⁷ Записка зам. начальника Отделения Департамента полиции. 20 января 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 1.

⁸ Е.В. Тарле был принят в число приват-доцентов Петербургского университета в 1903 г. вопреки предписанию министра народного просвещения (Министр народного просвещения — попечителю учебного округа, 15 июня 1900 г., №15724, копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 230. Л. 33).

⁹ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 13; *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1977. С. 29–30.

¹⁰ См.: *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы.* М., 2001; *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: Общественно-политический облик // *История СССР.* 1990. №5. С. 64–66; *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 214–219.

¹¹ См., напр.: *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 31.

кабре 1904 г.¹² Петербургские профессора в большинстве своем подписали (или впоследствии присоединились) к известной «Записке 342-х» о нуждах просвещения, в которой декларировались либеральные принципы, в том числе идея «академической свободы», которая, по словам авторов «Записки», «несовместима с современным государственным строем России»¹³. Близкой по духу «Записке 342-х» была записка, подписанная профессорами университета И.И. Боргманом, И.А. Покровским, И.М. Гревсом, О.Д. Хвольсоном, в комиссию по вопросу о коллегии кураторов в конце января 1905 г.¹⁴ Согласно их заявлению, «университет никакими мерами репрессии и полиции не может быть огражден от общественной жизни <...> Студенческие волнения суть лишь отражения волнений общественности, а попытки успокоить их, не внося успокоение в общество, окажутся неизбежно бесплодными. Упорные студенческие беспорядки последних лет, вне всякого сомнения, стоят в тесной связи с все возрастающим общественным недовольством, и возобновление нормального хода академической жизни возможно лишь тогда, когда это недовольство найдет себе правильное разрешение»¹⁵. Таким образом, идея «свободного, автономного университета» вошла в стандартный набор политических лозунгов либеральной оппозиции еще в период ее организационного формирования в 1904–1905 гг.

В этой связи закономерно, что петербургские профессора приняли самое активное участие в деятельности Академического союза, созданного в марте 1905 г. по инициативе упомянутого выше полуреволюционного «Союза освобождения»¹⁶, идейной платформой которого стала как раз «Записка 342-х». Академический союз в литературе обоснованно называют организационным предшественником кадетской партии¹⁷. Он также, как известно, был одной из

¹² См.: Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 143–146; Шацillo К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 294.

¹³ Нужды просвещения (Записка 342х) // Наши Дни. 1905. 19 января. №22. С. 1.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 4–6. Ср.: Сладкевич Н.Г. Петербургский университет в 1905 г. // Вестник ЛГУ. 1955. №3. С. 28.

¹⁵ [Записка по вопросу о коллегии кураторов] // ЦГИА СПб., Ф.14. Оп.25 Д.36. Л.5об.–6.

¹⁶ Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России... С. 66.

¹⁷ Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного collo-

важных организаций «Союза союзов», созданного в мае 1905 г. и явившегося одним из главных «локомотивов» революции¹⁸.

Можно предположить, что в годы революции профессура Петербургского университета воспринимала себя не только как интеллектуальную, но отчасти и как общественно-политическую элиту. Примечательно, что заседания университетской коллегии, посвященные выборам в Государственный совет, в отличие от собраний, обсуждавших вопросы «научной жизни», имели неизменный «аншлаг». Голоса отдельных ученых, заявлявших, что «Академиям и университетам, как ученым учреждениям, по самому существу их определения не место в учреждениях сословных, бюрократических и привилегированных», тонули в общем хоре «мандаринов», желавших решать коренные вопросы российской жизни¹⁹. В этой связи кажется закономерным, что накануне и в начале революции университетский Совет действовал в русле установок оппозиционного движения. Совет выступал с публичными заявлениями в защиту студентов, подвергнутых «избиениям полиции» 9 января и в последующие дни²⁰. Поддержку «революционной фронды» со стороны Совета показывают и голосования по такому принципиальному вопросу, как возобновление чтения лекций в весеннем семестре 1905 г. (который постоянно откладывался Советом)²¹. Тем самым Совет не столько «оберегал» студентов, сколько поощрял

квиума. СПб., 2003. С. 202–212. По подсчетам В.В. Шелохаева, 22 члена первого ЦК кадетской партии (40,7%) представляли высшую школу (*Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 310–320). Ср., напр.: *Konecny P.* Builders and Deserters : Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999. P. 20–21; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., London, 1983. P. 62–64; *Бон Т.* Русская историческая наука (1880–1905). Павел Николаевич Миллюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 185.

¹⁸ См., напр.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 220–245; *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 86–102.

¹⁹ В этом смысле откровенным «диссонансом» прозвучало процитированное «изоляционистское» выступление профессора В.А. Стеклова в заседании 29 января 1907 г. (Протокол заседания Совета СПб. университета. 29 января 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. №63. СПб., 1908. С. 15–16).

²⁰ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 4 февраля 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 17–18. Надо отметить, что в сражениях на баррикадах 9 января действительно принял участие ряд студентов университета; примечательно, что некоторые из них впоследствии были среди основных организаторов революционного движения в университете и вошли в Совет студенческих старост (см.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917. С. 188–189).

²¹ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 31 января 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 12; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 4 февраля 1905 г.... С. 16–17; Журнал экстренного заседания Совета СПб. универ-

их к дальнейшим протестам. Решение Профессорского совета в известной мере корреспондировалось и с резолюцией собрания ряда «младших преподавателей» от 3 февраля 1905 г., постановившего объявить забастовку «в знак протеста против расстрела 9 января»²². В свою очередь, «младшие преподаватели» университета были основной силой Санкт-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов и доцентов высших учебных заведений, принявшего на собрании 16 января 1905 г. крайне резкую и почти революционную по тону резолюцию в адрес власти, организовавшей 9 января «бойню мирных граждан»²³.

Примечательно, что почти одновременно с заседанием университетского Совета (2 февраля) с разрешения ректора²⁴ состоялась студенческая сходка, которая отличалась «полным отсутствием порядка», но все же провела решение о проведении общей сходки 7 февраля с вопросом о забастовке²⁵. На следующий день на квартире студента В.Н. Макарова, уже в узком кругу студентов-социал-демократов, был выработан конкретный план организации общеуниверситетской сходки²⁶. Состоявшаяся в соответствии с этим планом сходка студентов 7 февраля приняла резолюции о политической забастовке в университете (заранее подготовленные социал-демократами), что вполне согласовывалось с позицией Профессорского совета²⁷. В сходке участвовало подавляю-

ситета. 10 февраля 1905 г.... С. 22–23; Журнал заседания Совета СПб. университета. 24 февраля 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 26–31.

²² Постановление Собрания доцентов, лаборантов и оставленных при университете, состоявшееся 3 февраля 1905 г. в Физическом институте университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. Л. 1. Ср.: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 163.

²³ См.: Резолюция Общего собрания Санкт-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов высших учебных заведений. 16 января 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 62.

²⁴ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 1 февраля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 2об.

²⁵ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 3 февраля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 3.

²⁶ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 5 февраля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 4–4об.; Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 7 февраля 1905 г. // Там же. Л. 5–5об. Ср.: Гусятников П.С. Революционное студенчество Петербурга... С. 146–147. Ср.: Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С. 71.

²⁷ Выписка из полученного агентурным путем письма Ф. Русинова, Санкт-Петербург, от 12 февраля 1905 г. к А.Н. Терутиной, [18 февраля 1905 г.] // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 7. Ср.: Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1948. №11. С. 143. Ср.: Энгель Г.А. 1905 год и студенческое движение в Петербурге // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 77–78.

щее большинство студентов (около 2500 из примерно 4500 учившихся в это время в университете) и было принято решение о забастовке (за него проголосовало 2378 человек)²⁸. Мотивировка закрытия университета, принятая сходкой, была вполне радикальной: «чтобы дать возможность студентам направить всю свою энергию на революционную борьбу»²⁹. В ходе этого мероприятия, кроме всего прочего, студенческая толпа 15 раз хором пропела «Августейшему монарху со чадами и домочадцами и думные его дьяки “Вечная память”»³⁰, затем во главе со студентом-большевиком Д.З. Мануильским согласно заранее продуманному плану расправилась с ненавистным монархом³¹. Сначала Д.З. Мануильский проткнул портрет государя-императора древком красного знамени³², а затем радостная молодежь разорвала его в клочья (по воспоминаниям очевидца, «студенты со смехом разбирали кусочки портрета “на память”»³³). В пылу революционной борьбы повредили и портрет покойного Александра III³⁴, а студентов, пытавшихся протестовать против забастовки, «чуть не побили»³⁵. Примечательно, что почетным председателем сходки 7 февраля был избран приват-доцент (в недалеком будущем профессор) Е.В. Тарле; на сходке присутствовали приват-доценты бар. А.Ф. Мейендорф, В.Н. Сперанский и В.В. Святловский³⁶. Кроме университетского студенчества, в сходке приняли участие и многочисленные «посторонние»: студенты других столичных вузов, рабочие, интеллигенция. Освещали событие представители

²⁸ Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 189. В литературе есть указания и на другое, значительно большее число участников сходки 7 февраля 1905 г. — до 5 тыс. человек (см., напр.: *Савельева В.Г.* Дмитрий Захарович Мануильский // *Петербургский университет и революционное движение...* С. 163), но, вероятно, эти данные являются преувеличенными.

²⁹ *Корель И.И.* Воспоминания студенческого старосты // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 81. Ср.: Там же. С. 190.

³⁰ *Симонов Е.Д.* Молодость Н.В. Крыленко // *Прометей*. 1983. Т. 13. С. 18.

³¹ Записка зам. начальника Отделения Департамента полиции. 20 января 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 1.

³² *Симонян М.Н.* Жизнь для революции. М., 1962. С. 7.

³³ *Корель И.И.* Воспоминания студенческого старосты... С. 80–81; *Савельева В.Г.* Дмитрий Захарович Мануильский... С. 163.

³⁴ История Ленинградского университета. Очерки... С. 162.

³⁵ *Рогозин И.И.* Политическая борьба... С. 118.

³⁶ *Д[ьяконов] А.* 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк). СПб., 1907. С. 8; Ректор С.-Петербургского университета — С.-Петербургскому генерал-губернатору [черновая копия, февраль 1905 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 14. Ср.: *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле... С. 31.

русской и иностранной прессы³⁷. Неудивительно, что в высших сферах всерьез обсуждались вопросы о лишении профессоров жалования и об иных репрессиях в отношении университета³⁸, а участвовавший в прошедшей студенческой сходке Е.В. Тарле был подвергнут кратковременному аресту и формально отстранен от преподавания³⁹. Однако стремительно менявшаяся обстановка в стране вынуждала самодержавие ко все большим уступкам обществу и большей умеренности в своих «карательных» действиях⁴⁰. В итоге ректор А.М. Жданов и инспектор студентов М.П. Лысцов получили «высочайший выговор», а всему университету было объявлено «высочайшее неодовольствие»⁴¹, что, в свою очередь, вновь было воспринято университетской корпорацией как давление властей. В середине февраля 23 профессора Петербургского университета выступили с публичным заявлением о том, что «не сочувствуют забастовке против науки, но признают нравственно невозможными для себя занятия при нынешних обстоятельствах»⁴². Ответом правительства стал Высочайший указ от 16 апреля, который угрожал увольнением не только студентам, но и профессорам в том случае, если занятия не будут возобновлены осенью⁴³. В правительственных сферах обсуждение этой меры носило вполне серьезный характер⁴⁴.

Отсутствие занятий не означало прекращения политической активности в стенах университета. В условиях общественного брожения университет оставался трибуной для революционных выступлений. Например, в феврале 1905 г. попечитель затребовал у ректора А.М. Жданова объяснений по поводу

³⁷ Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета... С. 71.

³⁸ Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Л., 1989. Т. 6. С. 121, 123.

³⁹ См.: Сироткин В.Г. Исследователь прошлого — заложник настоящего // Наука в России. 2005. №5. С. 92.

⁴⁰ Р.Ш. Ганелин полагает, что от репрессий университет спасло изменение обстановки в стране, связанное с изданием известного рескрипта 18 февраля 1905 г. министру внутренних дел А.Г. Булыгину о созыве народного представительства (Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика... С. 119–128).

⁴¹ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского Императорского университета, 20 февраля 1905 г. №2484 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 22.

⁴² Цит. по: Иванов А.Е. Университеты в России в 1905 г. // ИЗ. М., 1971. Т. 88. С. 118.

⁴³ Яковлев В.П. Николай Васильевич Крыленко // Петербургский университет и революционное движение... С. 155.

⁴⁴ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 58–59.

«противоправительственного характера постановлений, принятых собраниями отделов зоологии и физиологии общества естествоиспытателей и физического отделения русского физико-химического общества»⁴⁵. Уже в марте ректору пришлось давать новые объяснения — по поводу заседания Административного отделения Юридического общества, состоявшегося 11 марта 1905 г. По сведениям генерал-губернатора Д.Ф. Трепова научное заседание, на котором обсуждался доклад председателя Отделения В.Д. Кузьмина-Караваева «Основы всенародного представительства в России», превратилось в революционную сходку, где звучали призывы «к борьбе против Правительства с целью добиться силой политической свободы, раздавались прокламации о необходимости мести Правительству за способ усмирения рабочих беспорядков 9 января, производился сбор пожертвований “на политических ссыльных”, “на активную борьбу”, “на вооруженное восстание”»⁴⁶. Между тем, как выяснилось, согласно уставу Общества, утвержденному еще в 1877 г., ни ректор, ни попечитель учебного округа не имели права вмешиваться в дела общества, что привело к требованию МНП об изменении устава Общества, решительно отвергнутому его Общим собранием в октябре 1905 г.⁴⁷

В ходе дискуссий политического характера, имевших место в заседаниях Совета университета первой половины 1905 г., все более четко обозначалось противостояние партий либералов и консерваторов. Среди лидеров «либералов» можно указать на В.М. Шимкевича, Д.Д. Гримма, И.М. Гревса, А.Ф. Брауна, Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева, И.А. Покровского, М.Я. Пергамента и др. Среди лидеров «консерваторов» укажем на Б.М. Мелиоранского, Ф.Ф. Соколова, Н.А. Медникова, барона В.Р. Розена,

⁴⁵ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского университета, 7 февраля 1905 г., №23 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 59.

⁴⁶ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского университета, 19 марта 1905 г., №80 // Там же. Л. 55–55об. Попечитель объяснял случившееся нарушающим устав Общества постановлением от 6 января 1905 г., которое вопреки уставу открывало допуск на заседания Общества фактически неограниченного круга лиц (см. Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского университета, 22 марта 1905 г. // Там же. Л. 68–70об.).

⁴⁷ См.: Протокол чрезвычайного общего собрания Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете 9 октября 1905 г. Копия. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 37. Л. 5–5об.; Министр народного просвещения — Управляющему С.-Петербургским учебным округом, 9 января 1906 г., №317 // Там же. Л. 3–4об. Позиция Общества получила поддержку Юридического факультета, см.: Декан Юридического факультета — Ректору университета, 17 февраля 1906 г. // Там же. Л. 33.

С.П. фон Глазенапа, С.Ф. Платонова, барона М.А. Таубе и др. При этом никто из т. н. «консерваторов» особой политической активности не проявлял и в партийном смысле ангажирован не был, да и «консерватизм» большинства из перечисленных ученых был весьма относительным и часто казался таковым на фоне выступлений радикальных профессоров. Исключением в этом смысле являлся почетный член Союза русского народа профессор А.И. Соболевский⁴⁸, но атмосфера неприятия его как «черносотенца» студентами и университетской корпорацией была такова, что в 1908 г. он не без скандала вынужден был покинуть университет⁴⁹. Революция 1905–1906 гг. открыла дорогу в университетскую корпорацию ученым, доступ которым ранее туда был закрыт по политическим мотивам. Так, существенное значение для укрепления позиций либеральной профессуры в Совете имело избрание в его состав в мае 1906 г. лидера партии демократических реформ М.М. Ковалевского (ранее изгнанного из Московского университета), а в сентябре того же года — Н.И. Кареева (ранее, как уже указывалось, изгнанного из Петербургского университета)⁵⁰. По словам Н.И. Кареева, он примкнул к группе университетской «левой» в 20 человек с небольшим, которая «собиралась довольно часто по вопросам о выборах ректора, выборщиков в государственный совет и т. п., а также по поводу вопросов, возникших в связи с политикой министерства или со студенческим движением»⁵¹.

Для понимания позиции «левой» надо, в свою очередь, учитывать позицию кадетской партии, которая была основным выразителем дум либеральной профессуры. В общих чертах позиция кадетов в вопросе высшего образования была сформулирована в пункте 53 VIII-го раздела партийной программы, принятой в ходе работы I съезда (12–18 октября 1905 г.): «Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах. Увеличение

⁴⁸ См.: Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917. В 2 тт. М., 1998. Т. 1: 1905–1910.

⁴⁹ См.: Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб., 2014. С. 17.

⁵⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 мая 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. №62. СПб., 1907. С. 67–68; Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г. // Там же. С. 128–129.

⁵¹ Кареев Н.И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 102.

их числа. Уменьшение платы за слушание лекций. Организация просветительской высшей школы для широких кругов населения. Свободная организация студенчества»⁵². Столь общий характер формулировки в программе партии «народной свободы», в свою очередь, связан с тем, что относительно форм автономного управления университетом, размера платы за обучения и форм студенческих организаций среди кадетской профессуры единства не было.

Надо отметить, что в руководстве кадетской партии большее влияние, нежели петербургские профессора, несомненно, имели москвичи (в том числе ректор А.А. Мануйлов, профессора В.И. Вернадский, С.А. Муромцев, С.А. Котляревский, А.А. Кизеветтер, П.И. Новгородцев и др.), что неудивительно, если иметь в виду традиционное положение Московского университета как центра российского «освободительного движения»⁵³. Среди активных деятелей партии «народной свободы» мы можем найти не так уж много членов Совета столичного университета — в их числе член ЦК Л.И. Петражицкий и председатель Петербургского комитета Н.И. Кареев. Вместе с рядом коллег по партии (в том числе университетским профессором Э.Д. Гриммом и приват-доцентом В.М. Гессеном) в марте — апреле 1906 г. Н.И. Кареев выступил одним из организаторов т. н. Рождественского клуба — пожалуй, наиболее известного и влиятельного в городе политического клуба партии «народной свободы»⁵⁴. С 1910 г., став из приват-доцентов профессором, в ряды членов ЦК кадетов вошел В.М. Гессен; впоследствии членами ЦК стали также профессора Д.Д. Гримм, А.А. Шахматов⁵⁵. Менее «активными» членами партии также в разное время были Э.Д. Гримм, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Зелинский, Ф.А. Браун, М.И. Ростовцев, В.В. Бартольд, М.Я. Пергамент, И.А. Покровский

⁵² См.: Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг. В 3-х тт. М., 1997. Т. 1: 1905–1907. С. 40. Эта позиция была близка не только кадетам, но и представителям других либеральных партий — см., напр.: Программа партии мирного обновления // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916. М., 2002. С. 68.

⁵³ См., напр.: *Маркин В.Л.* Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 2009. С. 18–21.

⁵⁴ См.: *Баранов А.Н.* Создание и деятельность Рождественского клуба кадетской партии в период первой русской революции // Рабочие — предприниматели — власть в XX веке. В 2-х ч. / Отв. ред. А.Н. Белов. Кострома, 2005. Ч. 2. С. 35.

⁵⁵ См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии...

и некоторые другие профессора. Большинство же «левой» скорее можно отнести к группе «сочувствующих», но партийной дисциплиной не связанных. Поэтому Совет Петербургского университета, будучи безусловно оппозиционным власти, в то же время был более «беспартиен», чем Совет Московского университета.

Итак, в течение всего весеннего семестра 1904/1905 гг. университет был закрыт, и «передовое студенчество с головой окунулось в революционную работу»⁵⁶. Координировал эту работу Коалиционный комитет, а ее основной организационной базой была Объединенная социал-демократическая организация студенчества Петербурга. Особую роль в этом движении играла группа студентов университета во главе с большевиком К.С. Жарновецким, созданная в январе 1905 г. Идейная платформа группы нашла вполне завершенное отражение в ее названии — «Вооруженное восстание». В общежитии университета группа организовала типографию, где печатались воззвания, пропагандирующие революционную вооруженную борьбу с самодержавием, которые члены группы распространяли среди рабочих столичных предприятий и матросов гвардейского экипажа⁵⁷. Правда в апреле 1905 г. группа К.С. Жарновецкого оказалась практически разгромленной полицией⁵⁸.

Администрация университета в это время оказалась буквально завалена входящей корреспонденцией из различных полицейских учреждений относительно «политической неблагонадежности» и преступлений студентов⁵⁹. При этом в большинстве случаев речь шла не о принадлежности к каким-либо революционным организациям, а о конкретных казусах, происходивших почти в ежедневном режиме. Например, одно из донесений сообщало, что студенты Конрад Бирижишко и Николай Радковский задержаны первого мая 1905 г.: «Бирижишко срывал на 6-й линии Васильевского острова вывешенное на за-

⁵⁶ История Ленинградского университета. Очерки... С. 164.

⁵⁷ Там же. С. 163–165.

⁵⁸ Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета... С. 72. Ср.: Яковлев В.П. Николай Васильевич Крыленко... С. 155; Колесников А.Я. Константин Сигизмундович Жарновецкий // Петербургский университет и революционное движение... С. 177.

⁵⁹ См., в частности: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 35. Об аресте студентов университета за участие в демонстрациях.

боре объявление генерал-губернатора и, убегая, при приближении городского, выбросил из кармана на мостовую заряженный револьвер, хранить который у себя не имел права, а Радковский, в толпе на Большом проспекте Васильевского острова, вместе с другими пел песни на мотив “Марсельезы”, собрав при этом публику, и не исполнил требования полиции разойтись и прекратить пение»⁶⁰. Согласно другому донесению, студент Виктор Кудзин «привлечен С.-Петербургским Губернским Жандармском управлением к дознанию “о противоправительственной пропаганде”, вследствие сведений о том, что он в нетрезвом виде дерзко и непочтительно отзывался об Особе Государя Императора и пытался вести преступную пропаганду среди пассажиров конки»⁶¹.

В этих условиях администрация университета и, прежде всего, ректор профессор А.М. Жданов оказались в трудном положении, будучи вынуждены лавировать между корпорацией и министерством. Так, ректор, с одной стороны, предпринял меры к прекращению деятельности «Санкт-Петербургского общества лаборантов и доцентов высших учебных заведений» в стенах университета, которая в январе – феврале 1905 г. приняла откровенно антиправительственный характер⁶², с другой стороны, в целом не отклонялся от общей позиции большинства Профессорского совета, настроенного к власти крайне оппозиционно. В этом отношении столичная профессура оставалась органической частью преподавательского корпуса российской высшей школы — на состоявшемся в конце 25–28 марта 1905 г. съезде представителей высших учебных заведений России⁶³ большинство, хотя и высказалось отрицательно о студенческих забастовках в качестве средства политической борьбы, но при этом нашло невозможным открыть университеты до вступления политической

⁶⁰ С.-Петербургский градоначальник — Ректору Императорского С. Петербургского университета, 23 мая 1905 г. // Там же. Л. 68–68об.

⁶¹ Департамент полиции — Ректору Императорского С.-Петербургского университета, 2 сентября 1905 г., №4101 // Там же. Л. 118.

⁶² См. переписку по этому поводу между ректором, попечителем и председателем Общества приват-доцентом Н.О. Лосским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 61–74); ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. По поводу постановления доцентов, лаборантов и проч. 3 февраля 1905 г.

⁶³ Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом совета тайным советником Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащихся в различных учебных организациях Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 246.

жизни страны в нормальную колею⁶⁴. Аналогичные настроения царили и в академической комиссии Петербургского отделения Союза деятелей высших учебных заведений, собиравшейся весной 1905 г. под председательством Н.И. Кареева и при активном участии представителей университета — И.М. Гревса, И.И. Боргмана, Н.О. Лосского⁶⁵. Комиссия, в частности, констатировала, что политическая реформа является основным условием успокоения высшей школы⁶⁶.

В июне 1905 г. Министерство народного просвещения, не будучи в силах в сложившейся общественной обстановке контролировать высшую школу, выработало план введения ограниченной университетской автономии. 18 августа предложения министерства были одобрены императором, 26 августа новые «Временные правила об управлении университетами» были приняты Советом министров, а на следующий день вышел высочайший указ, вводивший их в действие⁶⁷. Эти правила восстанавливали основы университетского самоуправления, утраченные в 1884 г., включая выборность ректора и деканов⁶⁸. Характерна оценка этих правил из лагеря правых (А.А. Киреев):

«Глазов капитулировал перед бунтующими профессорами! Профессорам дана полная автономия. Они могут преподавать все, что угодно?! И притом беспрепятственно! Посмотрим, что выйдет! Ссылаются на то, что за границей университеты тоже управляются профессорами, положим! Но где же за границей есть бастующие профессора и получающие при этом казенное жалование»⁶⁹.

Получив новые «Правила», уже 1 сентября 1905 г. Профессорский совет столичного университета выступил со специальным заявлением явно политического характера, в котором открыто призвал правительство к масштабным

⁶⁴ См., напр.: Хроника // Новое время. 1905. 30 марта. №10441. С. 3, 4.

⁶⁵ См.: Протоколы заседаний академической комиссии, избранной Петербургским отделением Союза деятелей высших учебных заведений о принципах академической автономии // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2.

⁶⁶ Протокол второго заседания Академической комиссии С.-Петербургского одела Союза деятелей высших учебных заведений. 24 марта 1906 г. // Там же. Л. 3.

⁶⁷ См. об этом, напр.: Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестник ЛГУ. 1969. №2. Вып. 1. С. 157–158; Иванов А.Е. Университеты в России... С. 126.

⁶⁸ О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1908. Т. XXV. Отделение I. №26692. С. 658–659.

⁶⁹ Киреев А.А. Дневник... С. 83.

политическим реформам⁷⁰. Тогда же Совет сформировал комиссию из представителей факультетов университета, которой поручил вести переговоры со студентами по поводу ходатайств о «сходках и собраниях».

В силу своего должностного положения к т. н. «консерваторам» по ряду вопросов примыкал ректор университета А.М. Жданов (прослы́вший в студенческих массах «ретроградом»⁷¹), что предопределило его скорую отставку после начала революции⁷². Проходившие 5 и 7 сентября 1905 г. выборы ректора университета носили драматический характер. По принятой системе выборов⁷³ Профессорский совет в первом туре голосования намечал список кандидатур для решающей баллотировки во втором туре (для попадания в него необходимо было получить не менее 10 голосов членов Совета). Именно он и показал всю глубину политического раскола, разделявшего университетскую корпорацию. Так, бывший ректор А.М. Жданов, который получил большинство голосов в первом туре, с треском провалился во втором. Корпорация, оказав, таким образом, уважение бывшему ректору, одновременно продемонстрировала свою оппозиционность по отношению к выбору власти. Только два человека во втором туре получили абсолютное большинство — Л.И. Петражицкий (как уже отмечалось, в недалеком будущем активный деятель и член ЦК кадетской партии) и И.И. Боргман. Первый, которого поддерживало революционное студенчество⁷⁴, получил 35 голосов (против 33), вто-

⁷⁰ В частности, в заявлении Совета подчеркивалось: «Пока жизнь русского общества не будет умиротворена осуществлением и органическим развитием возвышенных общих реформ, полное успокоение академической жизни не может быть достигнуто ни властью, ни нравственным влиянием Совета. В частности, в интересах академической жизни в данный момент особенно настоятельным, по глубокому убеждению Совета, следует признать обеспечение свободы печатного и устного слова, свободы собраний и союзов и неприкосновенности личности» (см.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 1 сентября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 65).

⁷¹ Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 17, 19.

⁷² О характере первых «свободных» выборов университетских магистратур, проходивших после указа 27 августа 1905 г. в резко полевевших университетских Советах, см. воспоминания вице-президента Академии художеств (а в скором будущем — министра народного просвещения) графа И.И. Толстого: Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 72–73 (Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. / Сост. Л.И. Толстая. М., 1997. С. 51–52).

⁷³ См.: [Приложение 4 к журналу заседания Совета 1 сентября 1905]. Постановление Совета 1 сентября о порядке выбора ректора // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 71–72.

⁷⁴ Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 13–14.

рой — 40 (против 28)⁷⁵. Таким образом, первым избранным ректором университета оказался заслуженный ординарный профессор по кафедре физики И.И. Боргман⁷⁶, сторонник умеренно-либеральных взглядов, но также впоследствии принадлежащий к партии народной свободы⁷⁷. Зато деканами в заседаниях факультетов были избраны представители либерально-радикальной профессуры — Ф.А. Браун (историко-филологический факультет)⁷⁸, В.М. Шимкевич (физико-математический факультет), Л.И. Петражицкий (юридический факультет)⁷⁹; исключение составлял В.А. Жуковский (факультет восточных языков), который, единственный из деканов, «пережил» революционные «перевыборы»⁸⁰. Вместе с ректором и инспектором по делам студентов деканы составляли Правление — таким образом, «либеральная» партия получила контроль над финансами и хозяйством университета⁸¹. Первым шагом, который предприняло новое руководство университета, было создание «Советской комиссии», которой надлежало быть опорой ректора университета, принимая вместе с ним решения о текущей жизни высшего учебного заведения и подготавливая решения профессорского Совета. Кроме деканов, входивших в комиссию по должности, в ее состав рейтинговым голосованием Совет ввел еще 8 профессоров (В.В. Бартольд, Д.Д. Grimm, Э.Д. Grimm, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский, И.А. Покровский, А.А. Марков, А.Е. Фаворский)⁸², чем было окончательно закреплено господство «либераль-

⁷⁵ См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 5 сентября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 74–75; Журнал заседания Совета СПб. университета. 7 сентября 1905 г. // Там же. С. 78–79.

⁷⁶ Формальное утверждение И.И. Боргмана в должности последовало 12 сентября 1905 г. (Журнал заседания Совета СПб. университета. 13 сентября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 80).

⁷⁷ См.: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1994. Т. 1. С. 75.

⁷⁸ С избранием Ф.А. Брауна проректором в октябре 1906 г. новым деканом историко-филологического факультета был избран член конституционно-демократической партии профессор Ф.Ф. Зелинский.

⁷⁹ Вместо Л.И. Петражицкого, ушедшего с должности декана в июне 1906 г. в связи с избранием в Государственную Думу, деканом юридического факультета был избран член конституционно-демократической партии, профессор Д.Д. Grimm (см.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 157).

⁸⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 14–15; Журнал заседания Совета СПб. университета. 13 сентября 1905 г.... С. 81–82.

⁸¹ Первое заседание полностью обновленного «Правления» университета произошло 17 сентября 1905 г. (Журналы заседаний правления Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13405. Л. 214–226).

⁸² Журнал заседания Совета СПб. университета. 13 сентября 1905 г.... С. 86–87.

ной» партии. С введением в университете должности проректора в октябре 1906 г. на нее был избран декан историко-филологического факультета, кадет Ф.А. Браун⁸³.

Победивший на выборах ректора И.И. Боргман начал свою деятельность на новом посту с того, что дал обширное интервью «Биржевым ведомостям», где, в частности, сделал ряд заявлений о сотрудничестве со студенчеством: «Первые мои усилия, заявил нам уважаемый профессор, будут направлены к тому, чтобы уничтожить ту преграду, то средостение, которое доселе существовало между ректором и студентами. Ректор по должности своей прежде всего защитник интересов и нужд студенчества <...> Одним из первоначальных действий совета — будет назначение общестуденческий сходки. Я до сих пор никак не могу понять, кому и каким образом могли мешать наши университетские сходки. Где же нашей огромной семье и собираться, как не у себя в университете? <...> думал бы вернуться к старому способу, довольно долго и успешно практиковавшемуся в нашем университете — это к способу избрания особых экспертов из среды самих студентов. <...> Такой способ экспертизы был упразднен на том основании, что в назначении пособий усматривалась некоторая партийность; однако, я должен заметить, что на моих глазах в резкой форме эта партийность не проявлялась, и я сам был свидетелем, как эксперты ходатайствовали в пользу лиц совершенно противоположных с ними взглядов и убеждений»⁸⁴. Ректор и Совет университета всячески приветствовали создание Совета старост как долгожданного органа студенческого самоуправления и передачу «в соответствии с духом времени» студентам функций, связанных с распределением стипендий, подысканием заработка, управлением столовой и т. п.⁸⁵

⁸³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 октября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г... С. 182.

⁸⁴ В. В-цкий. План нового ректора. Беседа с профессором Ив.Ив. Боргманом // Биржевые ведомости. 1905. 10 (23) сентября. №9023. С. 2.

⁸⁵ Студенческие дела. В Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905. 22 сентября (5 октября.) С. 2; Студенческие дела. В С.-Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905. 28 сентября (11 октября). С. 2–3.

Надо отметить, что Правила 27 августа 1905 г. не только не удовлетворили притязаний либеральной профессуры, но и были обоснованно восприняты ею как свидетельство слабости и растерянности правительства, которое необходимо использовать для того, чтобы добиться дальнейших уступок в вопросе университетской автономии⁸⁶. Проект нового университетского устава, разосланный университетам министром В.Г. Глазовым⁸⁷, был ими отвергнут как недостаточно отвечающий требованиям «автономии»⁸⁸. Характерны в этой связи высказывания нового декана историко-филологического факультета Ф.А. Брауна: «Наше положение крайне неопределенное <...> Нам дана автономия, самое широкое выборное начало, а оставлен в силе устав 1884 года, — устав, по которому мы самостоятельного пикнуть не смеем. Вот нам и придется искать нечто среднее между этими двумя положениями»⁸⁹. Ему вторит новый декан юридического факультета Л.И. Петражицкий: «Пересмотр университетского устава (а в этом ведь заключается разрешение университетского вопроса) не должен быть произведен действующими ныне и находящимися у власти бюрократическими органами. Эти органы, при всем их желании, не могут нам подарить такой устав, какой нам нужен. Университетский вопрос должен быть разрешен народным представительством, и — повторяю — то, что нам дали теперь — все, что нам могла дать бюрократия»⁹⁰. В этих условиях студенческое движение в университетах рассматривалось как одна из форм давления на власть. Воздвигнутые на подступах к актовому залу по указанию бывшего ректора «укрепления» (заложенные кирпичом или закрытые железом двери и окна) были убраны⁹¹, и чуть ли не первым решением (9 сентября) И.И. Боргмана на посту ректора было разрешение на подготовительную (для

⁸⁶ См., напр.: Мемуары графа И.И. Толстого... С. 73–74.

⁸⁷ См.: Морозов А.Г. Проекты реформ университетов в России в начале XX века // Известия Саратовского университета. 2011. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 32.

⁸⁸ См., напр., характерный для российских профессорских коллегий развернутый отзыв о нем проф. Харьковского университета И.Г. Оршанского: *Оршанский И.* Университетский вопрос и проект университетского устава // ВЕ. 1906. №1. С. 5–50. Ср.: Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 16.

⁸⁹ С.З. У новых деканов (Из бесед) II. У профессора Ф.А. Брауна // Петербургский листок. 1905. 12 (25) сентября. №241. С. 2.

⁹⁰ С.З. У новых деканов (Из бесед). У профессора Л.И. Петражицкого. // Петербургский листок. 1905. 13 (26) сентября. №242. С. 2.

⁹¹ См.: Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты... С. 81.

всех факультетов) сходку 12 сентября⁹², собравшую 2000 тысячи человек и определившую революционную повестку дня грандиозных сходок 13 и 15 сентября, которые проходят в университете с согласия Советской комиссии⁹³. 18 сентября, действуя в русле предложений «Советской комиссии», профессорский Совет официально открыл двери университета для политических сходок студенчества⁹⁴. На состоявшейся в тот же день сходке «был оплеван портрет государя императора и заклеен кусками бумаги»⁹⁵. Организаторы этого действия были вполне уверены, что в университетских стенах такого рода действия останутся безнаказанными, поскольку университет защищен «автономией». Кстати, в интервью, данном «Петербургскому листку» накануне этих событий, новый ректор, помимо всего прочего, с пафосом заявил, что «полиция может явиться в стены университета только по приглашению ректора...» и «мы, насколько это в наших силах, будем стремиться к тому, чтобы очистить университет от всех прелестей прежнего печального режима; насколько это нам удастся — Чего нам, в конце концов, недостает, чтобы сравниться с немецкими университетами? — Свободы печати собраний и слова»⁹⁶.

Вообще, в условиях политической бури, проходившей в Петербурге в сентябре – октябре 1905 г., это решение Профессорского совета способствовало превращению университетских аудиторий и в целом территории университета в арену не просто политической борьбы, но массовых манифестаций, столкновений между полицией и демонстрантами⁹⁷, о чем свидетельствуют

⁹² См.: Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 18.

⁹³ [Уведомление начальника Санкт-Петербургского охранного отделения]. №28558 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 16. См. также, напр.: Гусятников П.С. Революционное студенчество Петербурга... С. 156–160.

⁹⁴ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 18 сентября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 93.

⁹⁵ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 20 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 17; [Донесение о сходках студентов в сентябре 1905 г. в Департамент полиции] // Там же. Л. 27.

⁹⁶ Г. У нового ректора (Из беседы) // Биржевые ведомости. 1905. 9 (22) сентября. №9022. С. 2.

⁹⁷ Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 17–72. См. также, напр., издание: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. / Отв. ред. Л.М. Иванов. М.; Л., 1955. Ч. 1; Гусятников П.С. Революционное студенчество Петербурга... С. 169–179; Трайнин А.С. Деятельность большевистской партии по организации и воспитанию молодежи в период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции в России (1903 – февраль 1917 г.) // Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь, 1965. Т. 22. С. 174–188 и др.

«отчеты» Советской комиссии и протоколы заседаний Совета⁹⁸. Только за первый месяц, прошедший с момента их разрешения Советской комиссией, в университете происходит 15 революционных сходов с участием тысяч «посторонних лиц», прежде всего, рабочих⁹⁹. В числе митингующих под революционными лозунгами в здании двенадцати коллегий — железнодорожные служащие, приказчики, ювелиры, рабочие-судостроители, служащие в столичных банках и конторах, писатели, фармацевты, рабочие печатного дела, дворники, гимназисты, инженеры, фотографы, адвокаты, журналисты и т. п.¹⁰⁰, но — что было особенно тревожно для правительства — военные (солдаты и офицеры) и даже... городовые¹⁰¹.

В этом контексте интересны рассуждения студента Анатолия Гавриленко, который, как он сам подчеркивает, был настроен «либерально» и желал, чтобы либеральные ценности восторжествовали над «социалистическими» и «революционными». Вот что он пишет в частном письме (20 сентября 1905 г.):

«Нет никакого сомнения, что везде водворился бы совершенный порядок, если бы не странное отношение правительства. Дело в том, что Дума дана, прочие разные мелкие требования (вроде, напр., автономии Университета) тоже, но такое положение дел требует 1) свободы печати и 2) свободы собраний. Это необходимо хотя бы для будущей Думы. Но правительство не только не дает этого, а запрещает самые обыкновенные частные собрания в 4–5 чел. Общество ищет выхода и на первых порах разлетелось в университеты. Митинг в университете с посторонними лицами — явление уродливое, но виновато тут правительство само»¹⁰².

⁹⁸ См.: Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 октября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 97–107; Журнал заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1905 г. // Там же. С. 109–111; Журнал заседания Совета СПб. университета. 10 октября 1905 г. // Там же. С. 122–124, 130–131.

⁹⁹ Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг.... С. 146. Для характеристики социального состава участников этих митингов и атмосферы, царившей на них, приведем запись одного из хроникеров революционных событий, посвященную митингу 5 октября, проходившему в университете: «Преобладающим элементом были, конечно, рабочие, в виду чего интеллигенции было предложено выйти из актового зала, предоставив его в полное распоряжение рабочих. Часть интеллигенции, согласившись с этим предложением, организовала свой митинг в одной из больших аудиторий» (Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 54).

¹⁰⁰ См., напр.: Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 12 октября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 31; Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г // Клио. 2015. №7. С. 79–80.

¹⁰¹ Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты... С. 84; Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 190–191.

¹⁰² Выписка из письма студента Анатолия Гавриленко, С. Петербург, от 20 сентября 1905 г., к Е.А. Гавриленко, в Курск // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 20.

Как показывают материалы сходов, профессора соглашались со студенческими постановлениями во всех пунктах, смягчая лишь самые радикальные требования. В частности, Совет согласился с передачей регулирования предметной системы на рассмотрение совета старост, с отказом от требований свидетельств о благонадежности при приеме в университет и т. п.¹⁰³ Такая политика создавала впечатление, что студенты готовы продолжать диалог и наука в революционном университете торжествует. В этом смысле особенно характерны интерпретации «Биржевых ведомостей»: «Сходка в университете 27-го сентября состоялась, по обыкновению, при большом стечении как студентов, так и лиц посторонних. Последнее, впрочем, довольно непонятно, потому что заранее было известно, какие вопросы будут поставлены на очередь, а вопросы эти все были чисто академические <...> После этого было высказано несколько соображений о программе прений, выставленной коалиционным советом, и вообще о тактике студенчества. Дело в том, что 13го сентября, вынося известную резолюцию о прекращении забастовки, студенты решили открыть университет не для науки, а для своего политического развития, по соображениям тактическим; и тогда не предполагалось, что кто-либо сможет спокойно заниматься в аудиториях и лабораториях, когда вся Россия совершает гигантскую работу своего обновления и пересоздания. Теперь же уже столько времени весь университет занят обсуждением предметной системы, вопросами о столовой, о курсовых старостах, вопросами чисто академическими. Не представляет ли это изменение тактики или, может быть, это только недоразумение? Но единичные голоса, высказавшиеся в таком духе, решительно не встретили себе сочувствия, и, по-видимому, большинство, громадное, решающее в СПб. университете стоит за мирные, спокойные занятия наукой, посвящая себя политике постольку, поскольку она не повлияет отрицательно на академическую учебную жизнь»¹⁰⁴.

¹⁰³ Студенческие дела. В С.-Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905. 28 сентября (11 октября). С. 2–3.

¹⁰⁴ Там же.

Таким образом, представление об «экстерриториальности» столичного университета (как, впрочем, и других университетов Империи¹⁰⁵), которое закрепились в общественном сознании, и политика Совета, открывшего его двери для митингов, быстро превращают университет в один из основных центров революции. Возмущенные письма министра В.Г. Глазова попечителю П.П. Извольскому, переправляемые последним ректору И.И. Боргману¹⁰⁶, новой университетской администрацией фактически игнорировались — ректор заявлял попечителю, что «воспрепятствовать собраниям посторонних лиц» у него «нет никакой возможности»¹⁰⁷. Не менее важно то, что такая позиция вполне отвечала умонастроению избранного ректора; вот как, например, свидетельствует очевидец о «вступительной речи» И.И. Боргмана перед студентами 20 сентября 1905 г.:

«...наш новый ректор Боргман на лекции физики, в присутствии множества студентов с разных курсов и фармацевтов, сказал свою вступительную речь. Говорил о совершенном тяжелом положении России и студенчества в частности. Сказал, что студент, как гражданин и честный человек, не только может, но должен интересоваться и принимать участие в общественных делах. Обещал нам облегчать по мере сил своих тяжелое положение студенчества»¹⁰⁸.

Показательно, что в первые месяцы революции представления о не подконтрольности территории университета действию обычного закона властью отчасти разделялись. А.А. Киреев с горечью отмечал в своем дневнике в конце сентября 1905 г.:

«Дана университету “автономия” и [она] повела к тому, что Университеты или закрываются, или обращаются в арену дикого политиканства. <...> Желаящее учиться большинство не решается вступить в защиту науки, права учиться, пасует перед меньшинством. <...> Хваленый своею энергией и решительностью Трепов на просьбу министра нар[одного] прос[вещения] помочь ему, отве-

¹⁰⁵ См. об этом, напр.: *Brower D.R. Review: Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia. Reviewed works: Education and the State in Tsarist Russia by Patrick L. Alston; Tolstoy on Education by Leo Wiener; Russia's Educational Heritage by William H.E. Johnson // History of Education Quarterly. 1970. Vol. 10. No.1. P. 134.*

¹⁰⁶ См., напр.: Министр народного просвещения — Попечителю Петербургского учебного округа, 25 сентября 1905 // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10216. Л. 4–6.

¹⁰⁷ Ректор университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа // Там же. Л. 30б.

¹⁰⁸ Выписка из письма, с подписью «В.», С.-Петербург, от 21 сентября 1905 г., к А.Г. Бауэр, в Полоцк, Витебская губ. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 41.

чает, если Ваши студенты начнут бунтовать на улице, я их усмирю, а если они бунтуют в стенах университета — то это Ваше дело, а не мое! На это у Вас автономия!»¹⁰⁹

Действительно, согласно воспоминаниям участников сходов «приказа разогнать собрание в университете им [казакам и полиции — *Е.Р.*] отдать не посмели»¹¹⁰. Однако постепенно «митинги» стали переходить от слов к делу, т. е. от призыва к вооруженному восстанию к фактической раздаче оружия¹¹¹ и созданию т. н. дружин самообороны¹¹². Одновременно звучали и активные призывы социалистов-революционеров к «организованному террору» и «к террору по личной инициативе против отдельных агентов правительства»¹¹³. Между тем, все это не помешало Совету университета решительно воспротивиться его закрытию по воле правительства¹¹⁴, так же как раньше он противился его открытию. Более того, в текст заявления, принятого по этому поводу, Совет отказался внести указание «на отрицательное отношение Совета к митингам в помещениях Университета как нецелесообразным и отрицательным явлениям»¹¹⁵. Возможно, что на членов Совета, принявших такое решение лишь незначительным большинством голосов (28 против 24), оказала влияние и недвусмысленно выраженная и носившая вполне однозначный характер позиция «младших преподавателей», представители которых, допущенные в Совет для обсуждения вопроса о закрытии университета, заявили, что его следует оставить открытым именно «в виду громадного воспитательного значения его в настоящем освободительном движении»¹¹⁶. Это полно-

¹⁰⁹ Киреев А.А. Дневник... С. 90.

¹¹⁰ Сверчков Д.Ф. На заре революции. Л., 1925. С. 120.

¹¹¹ Мемуары графа И.И. Толстого... С. 24. В студенческой листовке, составленной от имени Объединенной студенческой организации при ПК РСДРП, широко распространявшейся в октябре 1905 г. в университете, кратко и доходчиво излагались лозунги: «Вооруженное восстание. Временное революционное правительство. Революционная армия» (Листовки петербургских большевиков. Л., 1939. Т. 1. С. 264).

¹¹² Rogozin И.И. Политическая борьба... С. 27. Еще с начала 1905 г. в Петербургском университете начала действовать группа «Вооруженное восстание» во главе с членом РСДРП(б) студентом К.С. Жарновецким (Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981. С. 58).

¹¹³ Записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице. 12 октября 1905 г.... Л. 32об.

¹¹⁴ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 14 октября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 130–138; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 15 октября 1905 г. // Там же. С. 139–144.

¹¹⁵ Там же. С. 142.

¹¹⁶ Там же. С. 141.

стью соответствовало резолюциям студенческих сходов, в которых университет рассматривался как центр «политической пропаганды и организации митингов, служащих подготовкой для революции»¹¹⁷. Решения сходов, в свою очередь, почти буквально повторяли текст сентябрьской прокламации ЦК РСДРП, призывавшей использовать университетские аудитории для революционной пропаганды¹¹⁸, и отвечали постановлениям проходившего в начале сентября в Выборге IV Всероссийского студенческого съезда, также подготовленным большевиками¹¹⁹.

Следует отметить, что и организация митингов, и порядок выступлений на них были четко отлажены и проходили под контролем ПК РСДРП. Для этого была создана коллегия митинговых ораторов, руководителем которых был назначен Борис Перес («Макар»). Профессиональные агитаторы даже в условиях «поточной работы» поначалу не забывали основ искусства конспирации — отправляясь на сходки в загримированном виде, — но со временем оставили это дело, поскольку движение «стало настолько мощным, что нечего было опасаться попыток жандармов задержать его арестами»¹²⁰. Впоследствии Б. Перес вспоминал, что члены коллегии «часто и регулярно собирались, разбирали директивы комитета, распределяли, кому куда отправляться выступать, на какие темы говорить <...> назначался ответственный агитатор на каждый день, который должен был следить за равномерным снабжением агитаторами всех аудиторий»¹²¹. Руководитель коллегии и ответственный агитатор («вечный студент» П.А. Красиков) контролировали работу членов коллегии, в частности, особо обращалось внимание на то, насколько ораторы-большевики

¹¹⁷ Цит. по: Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты... С. 82.

¹¹⁸ См.: Rogozin И.И. Политическая борьба... С. 26, 118. Ср.: Д[ьяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 17; Эссен М.М. В 1905 году. Из жизни Петербургского комитета РСДРП // На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905–1907 гг. в Петербурге / Сост. Т.П. Бондаревская, Н.И. Приймак; Науч. ред. Л.М. Спирин. М., 1984. С. 133.

¹¹⁹ Кручковская В.М. Политические настроения российского студенчества: 1905–1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб., 1996. С. 101. Ср.: Трайнин А.С. Под знаменем революции. Коммунистическая партия — руководитель революционного юношеского движения, организатор комсомола. М., 1975. С. 95; Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. С. 121. Ср.: Энгель Г.А. 1905 год и студенческое движение... С. 78.

¹²⁰ Перес Б. На партийной работе в Петербурге осенью 1905 г. // Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Л., 1925. Сб. 1. С. 59.

¹²¹ Там же. С. 60–61. Ср.: Яковлев В.П. Николай Васильевич Крыленко... С. 156; Бондаревская Т.П. Большевицкая организация университета... С. 75.

убедительны в спорах с оппонентами; определялись и лучшие ораторы, такие как студенты Н.В. Аполлонов, А.А. Литкенс, Н.В. Крыленко. Неудивительно, что преобладающее влияние на митингах (в спорах с анархистами, эсерами) при столь четкой постановке дела имели большевики¹²². В частности, они решительно отвергли идею о новой забастовке и закрытии университета, которую проводили в конце сентября представители партии социалистов-революционеров¹²³.

Итак, в своей текущей пропагандистской деятельности социал-демократы придавали организации митингов в стенах высшей школы ведущее значение, причем университеты и наполнявшая их революционная молодежь, разумеется, не рассматривались в качестве основных объектов революционной работы. Вот что, например, сообщал в газету «Пролетарий» (редактируемую В.И. Лениным) агент ЦК:

«Повсюду по высшим учебным заведениям нам удалось провести свою тактику открытия университетов и устройства в них всенародных митингов с привлечением на них широких масс рабочих»¹²⁴.

Яркую картину революционного университета дают воспоминания современника:

«Все аудитории были превращены в места митингов и собраний для самых разнообразных организаций. Ежедневно десятки тысяч граждан заполняли здание университета. Заседания и митинги тянулись непрерывно. За отсутствием свободных помещений, митинги устраивались в университетском дворе. Со всех сторон города толпа тянулась к университету и расходилась только глубокой ночью. Открыто производился сбор денег на вооруженное восстание»¹²⁵.

Донесения в департамент полиции свидетельствуют, например, о распределении аудиторий между революционными организациями: социал-

¹²² Там же. С. 75–76.

¹²³ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 30 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 22.

¹²⁴ Цит. по: *Бондаревская Т.П.* Большевистская организация университета... С. 74.

¹²⁵ *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 78. См. также: *Бондаревская Т.П.* Большевистская организация университета... С. 73; Какие советы дают социал-демократы пролетариату по отношению к Государственной думе [Листовка Объединенной студенческой организации РСДРП] // 1905 год в Петербурге. М.; Л., 1925. Вып. 1: Социал-демократические листовки. С. 300–301.

демократов, анархистов, социалистов-революционеров¹²⁶. Лидеры радикальных политических сил прямо рассматривали университеты как ключевые пункты революционного движения. Как подчеркивал В.И. Ленин, анализируя итоги революционных событий октября 1905 г.:

«Завязкой московских событий были происшествия чисто академического, на первый взгляд характера. Правительство даровало частичную “автономию” или якобы автономию, университетам. Гг. профессора получили самоуправление. Студенты получили право сходок. В общей системе самодержавно-крепостнического гнета была пробита, таким образом, маленькая брешь. Мизерная уступочка, крошечная реформа <...> вызвала на деле громадное обострение борьбы и расширение состава ее участников. На студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат»¹²⁷.

Разумеется, нарисованная В.И. Лениным схема грешит определенным упрощением: уступки самодержавия обществу носили системный характер, и вряд ли размах революционного движения в стенах университетов был прямо обусловлен «Временными правилами» 27 августа 1905 г., однако их значение как «штабов революции» сомнению не подлежит¹²⁸.

С 5-го по 12 октября происходят выборы нового «революционного» органа самоуправления — Совета старост, его первым председателем был большевик А.Н. Замятин¹²⁹. Свою деятельность Совет старост начал со сходки, на которой было решено, пользуясь академической свободой, организовывать в стенах университета масштабные политические собрания¹³⁰. Кстати, нельзя не отметить, что большинство в этом «Совете старост», с которым активно сотрудничал Совет университета, составляли социал-демократы (среди которых, в свою очередь, преобладали большевики)¹³¹. Таким образом, РСДРП, по су-

¹²⁶ См., напр.: Записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 29. Ср.: Генерал-губернатор С.-Петербурга — Министру народного просвещения, 30 сентября 1905 г., №1669, секретно // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 53–54об.

¹²⁷ Ленин В.И. Уроки московских событий // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 376–377.

¹²⁸ Ср.: Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета... С. 74.

¹²⁹ Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 190.

¹³⁰ Резолюции сходки студентов С.П.У. 19 сентября 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25 Д. 36. Л. 19. Интересна фиксация этого события В.И. Лениным (См.: Ленин В.И. План статьи «Уроки московских событий» // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 429).

¹³¹ См., напр.: Энгель Г.А. 1905 год и студенческое движение... С. 79; Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета... С. 67–80.

шеству, удалось к середине октября превратить университет в инструмент своей политики не только как стратегическую площадку в центре столицы, но и как общественную корпорацию. Исходя из этой ситуации петербургский, генерал-губернатор Д.Ф. Трепов обоснованно указывал в письме министру народного просвещения (12 октября), что «здание Университета становится, таким образом, ареной дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей среди низших слоев городского населения»¹³². В.И. Ленин, в свою очередь, называл университет «трибуной» пролетариата, «предоставленной ему революционным студенчеством»¹³³.

Итак, студенческие сходки и забастовки почти открыто приветствовались профессурой — в этой связи можно упомянуть и решение 1 октября 1905 г., принятое на общем собрании Петербургского отделения Академического союза, постановившего не противодействовать устройству митингов, «прилагая в то же время старание, чтоб они не противодействовали учебным занятиям»¹³⁴. Следует иметь в виду, что несмотря на то, что социал-демократы доминировали в университетском движении по всей стране¹³⁵, в Петербурге (в отличие, например, от Москвы) в студенческой среде на конец 1905 г. еще не сложилось какой-либо значимой «либеральной» оппозиции их «диктатуре» в системе студенческого самоуправления¹³⁶. Возможно, в этом кроется одна из причин того, что столичная профессура более терпимо, чем, например, московская относилась к манифестациям в стенах университета¹³⁷. Напомним, что в связи со студенческими политическими акциями московская профессорская

¹³² Генерал-губернатор С.-Петербурга Д.Ф. Трепов — министру народного просвещения В.Г. Глазову, 14 октября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3. Ч. 26. Л. 33. Ср.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 190.

¹³³ Ленин В.И. Всероссийская политическая стачка // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 12. С. 3. Ср.: Бондаревская Т.П. Большевицкая организация университета... С. 67.

¹³⁴ Цит. по: Иванов А.Е. Университеты в России... С. 133.

¹³⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991. С. 310–314.

¹³⁶ Бондаревская Т.П. Большевицкая организация университета... С. 78–79; Яковлев В.П. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1980. №2. Вып. 1. С. 23; Д[ьяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 101; Kassow S.D. Students, Professors and the State... P. 263–265; Morrissey S.K. *Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. Oxford; New York, 1998. P. 109.

¹³⁷ Ср.: Ibidem. P. 134–136. См.: Журнал заседания Совета Московского университета. 9 сентября 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 95. Л. 232; Журнал заседания Совета Московского университета. 19 сентября 1905 г. // Там же. Л. 239–240об., 249–254; Журнал заседания Совета Московского университета. 27 сентября 1905 г. // Там же. Л. 272об.–273 и т. п.

корпорация даже решилась на короткое время закрыть университет по собственному почину в последней декаде сентября 1905 г.¹³⁸, а затем и полностью прекратить занятия, посчитав осенний семестр несостоявшимся¹³⁹.

Между тем, собственно учебный процесс в условиях революционной бури, бушевавшей в стенах университета, протекал весьма своеобразно. В качестве характерной иллюстрации приведем запись из дневника Н.Н. Платоновой (октябрь 1905 г.):

«В среду, 12го, Введенский читал в первый раз в ун[иверсите]те; на первой лекции студенты и курсистки устроили ему овацию, а на второй произошел огромный скандал. Явившиеся по приглашению одного из членов коалиц[ийного] совета студенты из аудитории Тарле свистали и кричали около 2/4 часа, не давая ему выйти из аудитории, а потом с таким же гвалтом проводили его до профессорской. Потом конечно, коалиц[ийный] совет отрекся от своего участия в этом скандале и осудил его, а в Совете Гревс (!) предложил выразить Вв[еденско]му сочувствие, что и было сделано.

Вчера вечером Вв[еденский] сообщил по телефону, что ректор Боргман подал в отставку. С[ергей] Ф[ёдорович] думает, что он поломается поломается — и останется, а по мнению Иванковского, отставка его неизбежна, т[ак] к[ак] у него нет достаточно ни ума, ни такта, ни находчивости. После скандала со Вв[еденски]м Боргман, выйдя к студентам из профессорской, побранился с ними и заявил, что выходит в отставку»¹⁴⁰.

Разумеется, оказался прав С.Ф. Платонов — ректор скорее «играл в отставку». Однако данный эпизод с очевидностью показывает, что разрешительная тактика Советской комиссии по отношению к революционным митингам в стенах университета не могла оградить от обструкций со стороны революционной молодежи самих профессоров, бессильны в этом отношении были и органы революционного студенческого самоуправления, с которыми сотрудничал Университетский совет.

¹³⁸ Журнал заседания Совета Московского университета. 19 сентября 1905 г.... Л. 249–254.

¹³⁹ Журнал заседания Совета Московского университета. 7 ноября 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 249. Д. 95. Л. 335; От Совета Московского университета // Там же. Л. 341–341об. Ср.: Kassow S.D. Students, Professors and the State... P. 266.

¹⁴⁰ Дневник Н.Н. Платоновой. 17 октября [1905 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5693. Л. 3–4. Действительно, в связи инцидентом с профессором А. Введенским «президиум сходки 27 сентября 1905 г.» выступил с разъяснением, принятым на сходке 13 октября, в котором указывалось, что «до рассмотрения материалов обвинения означенных лиц [«профессоров-реакционеров»] студенческой комиссией и обсуждения доклада комиссии сходкой, каждому студенту предоставлено по личному усмотрению посещать или не посещать лекции каждого профессора. Всякие средства “активного” бойкота или обструкции сходка отвергла» ([Постановление сходки 13 октября 1905 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 25).

В литературе вслед за студентами-большевиками (участниками событий)¹⁴¹ своеобразную толерантность петербургских университетских властей по отношению к революционным выступлениям в стенах университета принято объяснять «молчаливым соглашением», существовавшим между петербургской профессурой и революционным студенчеством, суть которого заключалась в невмешательстве в политику друг друга¹⁴². Однако смысл этого соглашения, как кажется, заключался для столичных профессоров не только в этом, но и в том, что они вполне осознанно использовали студенческий радикализм ради достижения собственных политических и неразрывно связанных с ними корпоративных целей (получение автономии). Напомним, что, в конце концов, в середине октября и «Союз союзов», и учредительный съезд кадетской партии также солидаризировались со всероссийской стачкой¹⁴³, действуя в этом смысле так же, как петербургские «академисты» действовали еще в сентябре. Другой очевидной причиной «спокойного» отношения профессуры к студенческому буйству была выработанная за годы привычка к постоянной студенческой фронде, которая на психологическом уровне уже воспринималась как обыденная часть университетской жизни.

В этих условиях политика Совета столичного университета, по существу, не оставляла министерству выбора. В тот же день, когда Совет отказался закрыть университет (15 октября), после доклада ректора, министр В.Н. Глазов заявил, что, «раз Совет университета не находит мер к предотвращению собраний посторонних лиц в помещениях Университета и не прекращает занятий на некоторое время, Университет должен быть закрыт по распоряжению Министра»¹⁴⁴, о чем и последовало немедленное распоряжение попечителю Петербургского учебного округа П.П. Извольскому¹⁴⁵. Утром 16 октября И.И. Боргман получил соответствующее предписание

¹⁴¹ См.: *Войтинский В.* Годы побед и поражений. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 51.

¹⁴² См.: *Иванов А.Е.* Университеты в России... С. 134.

¹⁴³ См., напр.: *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции... С. 164–166.

¹⁴⁴ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 146–147.

¹⁴⁵ Приложения к журналу заседания Совета СПб. Университета 17 октября 1905 г. // Там же. С. 149–150.

П.П. Извольского и распорядился закрыть университет, подав при этом министру прошение об отставке (которое впоследствии по просьбе Совета было де-завуировано автором). Примечательно, что ректор не озаботился одновременно закрытием студенческой столовой (одно из главных мест сходов)¹⁴⁶, «наивно» мотивируя это тем, что «в вышеприведенной бумаге о закрытии университета о закрытии столовой не упоминалось», а также заботой о том, чтобы студенты получали пищу, что «было особенно важно в виду сильного вздорожания пищевых продуктов»¹⁴⁷. В результате столовая оказалась блокирована полицией, причем студенты, члены «Столовой комиссии»¹⁴⁸, и «старосты», оказавшиеся в тот момент в ней, отказывались выходить, а отправившегося на переговоры со студентами профессора Ф.Ф. Зелинского («дежурного профессора», назначенного Советской комиссией) в здание не пустила полиция¹⁴⁹. Несмотря на то, что столовая была закрыта в результате полицейской операции, ректор тут же ходатайствовал о ее открытии и получил ожидаемый отказ

¹⁴⁶ Университетская столовая в годы революции превратилось в настоящий центр революционного движения в столице (см.: Д[ьяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 18; Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета... С. 80). Превращению столовой в революционный политический клуб, несомненно, способствовали и Правила ее работы, которые были утверждены Правлением университета и, по существу, открывали ее двери всем желающим (см.: Мемуары графа И.И. Толстого... С. 82–83). В защищенной университетской автономией «столовой» многократно устраивали свои встречи лидеры революционного движения, в том числе В.И. Ленин (Сладкевич Н.Г. В.И. Ленин и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение... С. 18; Тишкин Г.А. Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905–1907 гг. // Там же. С. 91). По сведениям Департамента полиции, в столовой также периодически согласовывались планы революционных «экспроприаций» (см.: [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях, и участия студенчества в революционном движении с 1882 до начала 1910–1911 учебного года // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 24).

¹⁴⁷ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г.... С. 147. Как в последствии выяснила т. н. «Столовая комиссия», деятельность студенческой столовой с сентября 1905 по февраль 1906 г. принесла университету убыток свыше 9 тыс. руб. (См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 23; Общий отчет приходов и расходов по студенческой столовой им. Ф.Ф. Миллера за период от 15 сентября 1905 года по 15 февраля 1906 года // Там же. С. 33–35).

¹⁴⁸ Студенческая часть т. н. «Столовой комиссии», избранная 11 октября, сплошь состояла из большевиков — Н.В. Аполлонова, В.Н. Макарова, В.А. Энгеля. Н.Н. Кузьмина, который будучи секретарем комиссии при председателе проф. П.И. Броунове, реально руководил университетской столовой (см.: Отчет за октябрь 1905 г. Комиссии по заведованию студенческой столовой имени проф. Ф.Ф. Миллера // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 11965. Л. 1–2. Ср.: Бондаревская Т.П. Большевистская организация университета... С. 80). Не случайно, что в 1906 г. деятельность университетской «Столовой комиссии» финансировалась социал-демократической фракцией Государственной думы по прямому указанию В.И. Ленина (Сладкевич Н.Г. В.И. Ленин и Петербургский университет... С. 18–19). Материалы о деятельности столовой как рассадника революционных настроений см.: О студенческой столовой при университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10120.

¹⁴⁹ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г.... С. 148.

генерал-губернатора¹⁵⁰. Любопытно, что непосредственное отношение к деятельности студенческой столовой имел никто иной как С.Ю. Витте, являвшийся в этот период председателем Общества вспомоществования студентов, которое, собственно, в основном и финансировало ее деятельность¹⁵¹. В этом контексте нет ничего удивительного и в том, что от сотрудничества с таким «органом революционного студенчества», как Совет старост, Профессорский совет не останавливало даже то формальное обстоятельство, что он очень часто представлял лишь «активное меньшинство» студентов (многие студенты по тем или иным причинам в его выборах не участвовали)¹⁵².

За обсуждением сложившегося в стенах университета положения застал членов Совета манифест 17 октября 1905 г. Много лет спустя В.Н. Сперанский, допущенный в заседание Совета как представитель младших преподавателей, вспоминал «трогательную картину неподдельно радостного волнения» и «не заметил ни одного лица с выражением угрюмым, равнодушным и безучастным», даже всегда иронично и скептически настроенный В.И. Сергеевич выражал надежду, что «такое роскошное растение как новомодный парламентаризм, приживется на русской каменистой почве», другой знаменитый профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ «утирал слезы блаженного умиления»¹⁵³.

В специальном заявлении, сделанном 19 октября, профессорский Совет не ограничился приветствием манифеста, но выступил с призывом к проведению политической амнистии и отмене смертной казни¹⁵⁴. Разумеется, мани-

¹⁵⁰ Ректор — С. Петербургскому градоначальнику, 17 октября 1905 г., №1231. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25 Д. 36. Л. 26; С.-Петербургский градоначальник — ректору С.-Петербургского университета. 18 октября 1905 г., №6138 // Там же. Л. 25.

¹⁵¹ См.: *Островский А.В.* К истории Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1961–1989. Т. 6. С. 168–174.

¹⁵² В выборах т. н. Совета студенческих старост традиционно принимало участие меньше половины студентов (см.: *Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц СПб университета*. СПб., 1908. С. 10). См. об этом напр.: *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах / Сост. Б.В. Ананьич. СПб., 2010. Т. I. 1906–1909. С. 67–68.

¹⁵³ *Сперанский В.* Манифест 17 октября и С. Петербургский университет // *Русская мысль*. 1955. 1 ноября. №815. С. 4.

¹⁵⁴ Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 19 октября 1905 г. // *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.*... С. 157–158. Этот призыв Совета почти текстуально повторял постановление I съезда кадетской партии от 18 октября (см.: *Постановление съезда 18 октября 1905 г.* // *Съезды и конференции конституционно-демократической партии*... Т. 1. С. 31–33).

фест несколько не приостановил и студенческой политической активности, тем более что численность социал-демократической группы в этот период превышала уже 500 человек¹⁵⁵. Установленное было после закрытия университета оцепление войсками и полицией после обнародования манифеста было в ночь на 18 октября снято¹⁵⁶, и утром 18 октября к университету стекаются тысячи рабочих и интеллигентов. По оценке современника (пусть, вероятно, и несколько преувеличенной), университет не мог вместить и «четверти собравшихся», и митинг идет на улице — Университетской (нынешней Менделеевской линии)¹⁵⁷:

«Ораторы говорят с университетского балкона. Кто-то забирается на крышу, на кресте университетской церкви появляется красный флаг — первый красный флаг вместо креста за все время существования Петербурга.

После короткого митинга все присутствующие с красными знаменами и флагами отправляются к площади Казанского собора откуда снова возвращаются в университет. Такого количества красных знамен Петербург не только никогда не видел, но и впредь ему не суждено было их видеть вплоть до самого 17 года. Ошалелые городовые вытягиваются во фронт и отдают честь красным знаменам»¹⁵⁸.

Затем одна за другой идут новые студенческие демонстрации — днем 18 октября на Шпалерной улице (перед домом Предварительного заключения) и на Гороховой улице (у Технологического института), 19 октября — на Университетской набережной (сам университет был вновь занят войсками)¹⁵⁹. Две последние демонстрации завершились столкновениями с полицией¹⁶⁰, в ходе которых пострадали не только студенты, но и «революционно настроенный» преподаватель — приват-доцент Е.В. Тарле, получивший удар шашкой по го-

¹⁵⁵ *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 78.

¹⁵⁶ Ректор Императорского С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 20 октября 1905 г., №2421 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 71.

¹⁵⁷ *Корель И.И.* Воспоминания студенческого старосты... С. 86.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Ректор Императорского С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 20 октября 1905 г., №2421 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 71.

¹⁶⁰ См.: *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение... С. 78; Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 188.

лове¹⁶¹. В ответ ректор университета требует от МНП «защитить университет от оскорблений, наносимых ему нижними чинами полиции» и предрекает новые массовые сходки после открытия университета (указывая одновременно, что если бы он был открыт, сходки бы прекратились в непродолжительном времени)¹⁶².

Для правительства события октября 1905 г. еще раз показали не только значение университетов как центров революционного движения, но и необходимость в связи с этим поиска диалога с оппозиционной профессурой. Генерал-лейтенант В.Г. Глазов, занимавший место министра народного просвещения, переходит на более подходящую ему должность помощника командующего войсками Московского военного округа, министром же народного просвещения становится граф И.И. Толстой, в котором высшие сферы видят человека, способного наладить диалог с высшей школой.

8.2. Октябрь 1905 – июнь 1907: «Министерство» на «службе» корпорации

Итак, в конце октября 1905 г. председатель правительства С.Ю. Витте пригласил на должность министра народного просвещения бывшего вице-президента Академии художеств, известного ученого-нумизмата, графа И.И. Толстого. И.И. Толстой, по словам С.Ю. Витте, был человеком, который «хорошо знаком» как с «так называемым петербургским обществом», так и с «дворцовой камарильей» и не может «возбудить сомнения по своему прошлому как в общественных слоях, так и в Царском»¹⁶³. Благодаря такому положению и репутации, а также огромному личному обаянию, отмечаемому многими современниками, этому политическому деятелю приходилось не раз за свою карьеру служить посредником между правительственной бюрократией и обществом; для отношений с университетами немаловажно было и то, что

¹⁶¹ См.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 188; *Корель И.И.* Воспоминания студенческого старосты... С. 86. Ср.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 168; *Сироткин В.Г.* Исследователь прошлого — заложник настоящего... С. 92; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа... С. 13; *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле... С. 31.

¹⁶² Ректор Императорского С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 20 октября 1905 г., №2421 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 71–72.

¹⁶³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 323.

И.И. Толстой, несомненно, являлся «своим человеком» в научном мире (его работы в области русской и византийской нумизматики пользовались академическим признанием)¹⁶⁴. Для нашей темы представляет интерес деятельность графа И.И. Толстого на посту министра народного просвещения в 1905–1906 гг. и на посту петербургского городского головы в 1913–1915 гг. Еще до вступления на министерский пост И.И. Толстой был убежденным сторонником университетской автономии и проведения министерством корпоративных совещаний профессоров для выработки политики в области высшей школы¹⁶⁵. Неудивительно, что став министром, он сумел найти контакт с университетскими корпорациями по основным вопросам, которые их волновали, в том числе по «еврейскому» и «женскому»¹⁶⁶. Примечательно, что ближайшим «советником» И.И. Толстого выступал его близкий друг, профессор Петербургского университета, видный член кадетской партии, известный историк-антиковед С.А. Жебелев¹⁶⁷.

Мы видели, что центральным вопросом для столичной профессуры был вопрос об университетской автономии. В отчете университета за 1905 г. приветствовалось «восстановление основ университетской автономии», осуществленное императорским указом 27 августа 1905 г., вводившим «Временные правила управления университетами»¹⁶⁸. Однако, по мнению Совета, указанные правила являлись лишь «первым шагом» на пути к «осуществлению академического благоустройства»¹⁶⁹. Совет университета активно включился в обсуждение проекта нового университетского устава, которое началось по

¹⁶⁴ См., напр.: *Гайдуков П.Г.*: 1) К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // *Российская археология*. 2008. №4. С. 159–166; 2) Иван Иванович Толстой как нумизмат и коллекционер // *Толстой И.И. Дневник*. В 2 томах... Т. I. С. 20–39.

¹⁶⁵ См.: *Толстой И.И.* [Записка о недостатках в системе образования, установленной министерством народного просвещения] // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 114. Л. 6–10об.

¹⁶⁶ См., напр.: *Толстая Л.И., Ананьич Б.В.* Граф И.И. Толстой и его дневник // *Толстой И.И. Дневник*. 1906–1916. СПб., 1997. С. IX–X.

¹⁶⁷ См. некролог И.И. Толстого и воспоминания о нем, принадлежащие перу С.А. Жебелева: *Жебелев С.А.*: 1) Граф Иван Иванович Толстой: 1858–1916. Пг., [б.г.] (последнее издание в кн.: Мемуары графа И.И. Толстого... С. 388–404); 2) Основные моменты деятельности графа И.И. Толстого [*Нейхардт А.А.* И.И. Толстой: ученый, человек, гражданин (Штрихи к портрету.) Приложение IV. 1] // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга* / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 367–374.

¹⁶⁸ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 13.

¹⁶⁹ Журнал заседания Совета СПб. университета. 1 сентября 1905 г.... С. 64.

инициативе министра народного просвещения графа И.И. Толстого¹⁷⁰. В декабре 1905 г. Совет избирал представителей Петербургского университета в комиссию министерства по выработке нового университетского устава — все избранные делегаты (Н.Я. Марр, И.М. Гревс, В.М. Шимкевич, Д.Д. Grimm)¹⁷¹ принадлежали к либеральному большинству Совета. Комиссия представила Совету на обсуждение проект «главных положений устава Императорских российских университетов»¹⁷². Он в полной мере соответствовал программным установкам кадетской партии относительно высшей школы. Проект комиссии был принят без принципиальных изменений (хотя и после бурных дискуссий¹⁷³) Университетским советом¹⁷⁴. В числе его важных положений широкая автономия университета — так что министерство выступает исключительно в роли органа, «утверждающего» положения университетских установлений. В подготовленном Университетским советом проекте устава последовательно проводятся демократические принципы: все основные магистратуры (ректор, проректор, деканы, члены университетского Сената) избираются на два года (без права непосредственного переизбрания), Совет университета составляют профессора, доценты, прослужившие в должности более 5 лет, и избранные представители младших преподавателей по факультетам; условием занятия должностей профессоров, доцентов, приват-доцентов является наличие докторской степени (при этом к докторам приравниваются бывшие магистры); декларировался также и ряд «общеполитических» положений либерального свойства¹⁷⁵. Важно подчеркнуть, что этот проект в значительной ме-

¹⁷⁰ Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906.

¹⁷¹ См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1905 г.... С. 174.

¹⁷² См.: Приложения к журналам заседаний совета СПб. Университета 19, 20, 21 и 22 декабря 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 233–260.

¹⁷³ См.: Там же. С. 209–229.

¹⁷⁴ См.: Приложения к журналам заседаний Совета СПб. Университета 19, 20, 21 и 22 декабря 1905 г.... С. 266–291.

¹⁷⁵ В качестве примера «политических статей» отметим следующие: «никто из лиц преподавательского персонала университета не подлежит ответственности за свои политические убеждения, высказываемые с кафедры» (§70), «никто из лиц преподавательского персонала не производится в чины и не награждается орденами» (См.: Там же. С. 284–285). См. также: Проект главных положений устава университета, выработанный Советом Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1905.

ре шел навстречу пожеланиям «младших преподавателей», добивавшихся участия в Университетском совете.

В тесной связи с проблемой автономии находился и вопрос о переходе от курсовой системы к предметной. Предметная система давала большую свободу как факультетам, так и студентам в выборе программы обучения, но затрудняла контроль над академической успеваемостью студенчества со стороны властей. Весной – летом 1906 г. Петербургский университет, наряду с другими высшими учебными заведениями страны, последовательно выступал за переход к предметной системе, параллельно разрабатывая планы ее реализации. В отличие от проблемы «устава», принятие которого в законодательном порядке затягивалось, проблема «предметной системы» была решена университетскими корпорациями успешно, прежде всего, потому что к ее решению правительство подталкивало объективное обстоятельство — в годы революции в ходе студенческих забастовок и правительственных закрытий в некоторых университетах «пропало» до трех семестров занятий. «Восполнить» такие потери в рамках курсовой системы было почти невозможно¹⁷⁶. Поэтому осенью 1906 г. университетское преподавание стало перестраиваться по предметному принципу¹⁷⁷. По свидетельству современников, несмотря на отдельные трудности, переход к предметной системе положительно сказался на уровне университетской подготовки, прежде всего, потому что повысил требовательность на экзаменах: «Сдача экзамена происходила в течение всего года, не сдавший экзамены имел право на пересдачу через три недели, и потому у экзаменаторов не было того стимула к чрезмерной снисходительности, которая вызывается ощущением, что провалив студента, его лишают стипендии или оставляют на том же курсе»¹⁷⁸.

Другим фактором, постоянно будоражащим университетскую корпорацию, был еврейский вопрос. Прежде всего, речь шла о проблеме приема в

¹⁷⁶ О позиции Совета Петербургского университета по вопросу перехода к «предметной системе» см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907. С. 34–36.

¹⁷⁷ Там же. С. 36.

¹⁷⁸ Цит. по: *Фокин С.И.* В.М. Исаев и экспериментальная зоология в Петербургском – Петроградском университете // Историко-биологические исследования. 2011. Т. III. №1. С. 19.

Университет евреев. Первое ходатайство об отмене процентной нормы Совет принял в заседании 13 сентября 1905 г.¹⁷⁹ Впоследствии этот вопрос непрерывно обсуждался, и университет неизменно действовал в благоприятном для абитуриентов-евреев ключе¹⁸⁰. Отдельной проблемой стал вопрос о назначении студентам-евреям казенной стипендии — университет в этом отношении настойчиво добивался уравнивания прав «лиц иудейского вероисповедания» с другими студентами¹⁸¹. В период министерства И.И. Толстого и П.М. фон Кауфмана правительство в целом шло навстречу университетам, разрешая прием сверх процентной нормы, а И.И. Толстой, следуя ходатайствам университетов, безуспешно пытался добиться законодательно полной отмены процентной нормы¹⁸².

Другими важными актами «эпохи Толстого» стали разрешение принимать в университеты семинаристов (14 декабря 1905 г.), отмена циркуляра, закреплявшего абитуриентов учебных округов за соответствующими университетами (8 февраля 1906 г.), и разрешение приёма в университет выпускников реальных и коммерческих училищ при условии сдачи ими экзаменов за гимназический курс¹⁸³.

Все эти меры способствовали существенному росту в течение нескольких лет количества студентов, обучающихся в столичном университете. Если на 1 января 1905 г. их число составляло 4508 человек, то 1 января 1906 г. уже 6028, на 1 января 1907 г. — 8090, а к 1 января 1908 г. — 9630 человек (вместе с вольнослушателями 10364) — абсолютный рекорд в истории дореволюци-

¹⁷⁹ Журнал заседания Совета СПб. университета. 13 сентября 1905 г.... С. 87.

¹⁸⁰ См., напр.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 23 августа 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 189.

¹⁸¹ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 января 1907 г. // Там же. С. 5–6.

¹⁸² См.: Толстой И.И. Записка об очередных мероприятиях министерства народного просвещения и проект мемории Совета министров об отмене ограничений для евреев при поступлении в учебные заведения // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 115. Л. 7–8об. Ходатайство И.И. Толстого, поддержанное Советом министров, в январе 1906 г. было отвергнуто императором — см.: Мемория по вопросу о приеме евреев в высшие учебные заведения // Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 196–199. Ср.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 236–237.

¹⁸³ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 62.

онного университета (далее начался спад численности, связанный с «контрреформами» А.Н. Шварца и Л.А. Кассо)¹⁸⁴.

Другим вопросом, имевшим большой общественный резонанс и политическое звучание, был вопрос о приеме в университет женщин. В годы революции он был, так же как и «еврейский вопрос», решен явочным порядком — принятием в университет вольнослушательниц с фактическими правами студенток¹⁸⁵. Правда, надо отметить, что в «женском вопросе» И.И. Толстой, желавший узаконить совместное обучение молодых людей в университетах, натолкнулся на решительное противодействие премьера С.Ю. Витте, который видел в представительницах прекрасного пола носителей разрушительных идей¹⁸⁶.

Создание либеральных и центристских партий (в октябре 1905 г. организационно оформились кадеты, в ноябре – октябристы) существенно изменило «политический ландшафт» в высшей школе. Мы видели, что ранее, включая большую часть 1905 г., крайние (социалистические) партии обладали почти полным контролем за студенчеством. Отчасти это происходило потому, что у либерально настроенной молодежи не было собственной политической организации (немногочисленная группа т. н. «прогрессистов», созданная в сентябре 1905 г., имела весьма слабую организацию)¹⁸⁷. Однако с октября 1905 г. ситуация, пусть и медленно, начинает меняться — с созданием кадетской партии у либерального движения появился определенный политический инструмент влияния на студенчество, который оно активно использовало. В отличие от октябристов, которые по большинству вопросов примыкали к черносотенным организациям, кадеты позиционировали себя как «внеклассовая партия», активно участвовали во всех студенческих сходках, имели определенное (пусть и скромное) представительство в «Совете старост» и часто не без успеха вели

¹⁸⁴ См. подробнее главу 3, табл. 30.

¹⁸⁵ См. напр.: Тишкин Г.А. Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов... С. 81–92. Ср.: Мавродин В.В., Тишкин Г.А. Ленинградский университет и высшее женское образование (к 160-летию университета и к 100-летию Бестужевских курсов) // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1979. №2. Вып. 1. С. 8.

¹⁸⁶ См.: Ананьич Б.В. Граф И.И. Толстой и его дневник // Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 13.

¹⁸⁷ Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 28.

за собой студенческую массу¹⁸⁸. Как мы увидим, в дальнейшем это позволяло Профессорскому совету иногда достигать солидарных со студенчеством действий¹⁸⁹. Именно поэтому, ощущая за собой после Октября 1905 г. как поддержку министерства, так и поддержку такой влиятельной политической силы, как партия «народной свободы», Профессорский совет все более уверенно чувствует себя и в отношениях со студенчеством.

В этой связи объяснимо, что после манифеста 17 октября отношение к студенческому *революционному* движению в Университетском совете и Советской комиссии начинает меняться — его перестают воспринимать как полезный инструмент давления на власть и все более рассматривают как «раздражающий» фактор, мешающий налаживанию стабильной жизни «автономного» университета. Пожалуй, первым требованием Совета старост, на которое Профессорским советом был дан решительный отказ, стал запрос (24 октября 1905 г.) о выделении средств на закупку оружия для т. н. «академического легиона» (члены которого, надо сказать, в дальнейшем достав-таки оружие, несли охрану штаб-квартиры Петербургского комитета РСДРП)¹⁹⁰. Кадетские профессора вполне могли смириться с уничтожением студентами государственного герба («ненавистного двуглавого орла») на здании университета¹⁹¹ или даже с существованием железного ящика с надписью «На бомбу Трепову», который открыто висел во время студенческих митингов на дверях актового зала университета¹⁹², но жертвовать на военно-революционные ме-

¹⁸⁸ Там же. С. 58, 61, 90, 91, 101. Ср.: *Баранов А.Н.* Интеллигенция и конституционно-демократическая партия накануне и в годы первой российской революции. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Кострома, 2000. С. 26–27. О дискуссиях, которые кадеты вели с социал-демократами на студенческих сходках, см., напр.: *Егоров И.В.* В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 107.

¹⁸⁹ См., напр.: *Рогозин И.И.* Политическая борьба... С. 39–43.

¹⁹⁰ См.: [Резолюция студенческой сходки 24 октября?] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 22. Резолюция также требовала, чтобы «университет воспользовался своим правом перевоза предметов через границу для содействия студенческой самообороне в закупке оружия» и «использовал свое влияние для того, чтобы побудить Городскую думу учредить городскую милицию» (Там же). Ср.: *Гусятников П.С.* Революционное студенчество Петербурга... С. 172, 178; *Д[ьяконов] А.* 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 146. См. также: Открытое письмо совета старост Петбургского университета // *Новая жизнь*. 1905. 28 октября. №2. С. 4.

¹⁹¹ См.: *Киреева М.Н.* Взгляд издалека // *Заря надежды: Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905–1909 годы). Очерки, воспоминания, документы* / Сост. В.Ф. Лепетюхин; Науч. ред. Т.П. Бондаревская. Л., 1982. С. 86–87.

¹⁹² *Гусятников П.С.* Революционное студенчество Петербурга... С. 186.

роприятия академические средства были не готовы. Не могли не насторожить профессорскую корпорацию и проскрипционные списки «консервативных» профессоров, подлежащих увольнению из университета, составленные Советом старост¹⁹³, а также требования этого органа об исключении из университета студентов из числа «белоподкладочников»¹⁹⁴ и т. н. штрейкбрехеров (студентов, выполнявших обязанности «забастовавших служащих почтово-телеграфских учреждений»)¹⁹⁵. Вообще, надо отметить, что левое студенчество, добившись через Совет старост права распределять стипендиальные суммы, активно пользовалось этим рычагом для борьбы с «активностью» «правых студентов»¹⁹⁶.

Изменения настроений петербургской университетской корпорации были в какой-то степени аналогичны эволюции взглядов большей части либеральной профессуры. Характерно, что проходивший в январе 1906 г. III съезд Академического союза обсуждал (в отличие от предыдущих) сугубо «профессиональные» вопросы, связанные с рассмотрением устава высшей школы и возобновлением занятий в учебных заведениях. Делегаты съезда возложили вину за состояние дел в вузах в равной степени как на правительство, так и на «крайние партии» (имелись в виду, прежде всего, социалисты), втянувшие студенчество в перипетии политической борьбы¹⁹⁷. Конечно, не случайно и созвучие этих заявлений основным положениям «Воззвания» кадетской партии по вопросу о высшей школе, появившегося в конце 1905 г.¹⁹⁸ Ректор уни-

¹⁹³ См.: Там же. С. 160–161; Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 24, 32, 33–35, 45, 66, 84–85. В этот список, сформулированный сходкой 9 сентября, первоначально попали профессора А.М. Жданов, Д.П. Коновалов, А.И. Введенский, П.И. Георгиевский, Н.Я. Фойницкий, приват-доценты Б.В. Никольский и М.М. Боровитинов. См.: Резолюции сходки студентов С.П.У. 19 сентября 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 20. Ряд «консервативных» профессоров был вынужден «оправдываться» на т. н. «третейских судах» за свою общественную позицию — об атмосфере «охоты на ведьм», созданной в это время в университете «демократическим студенчеством см.: Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 34–35, 66.

¹⁹⁴ Сладкевич Н.Г. Петербургский университет в 1905 г.... С. 33; Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 33, 147. Ср.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 169.

¹⁹⁵ Совет старост — в советскую комиссию и Совет профессоров Санкт-Петербургского университета [? октябрь 1905 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 63.

¹⁹⁶ Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 63. 5 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 3040.

¹⁹⁷ См.: Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии... С. 210.

¹⁹⁸ В частности, кадеты заявляли, что им «предстоит тяжелая, но в высшей степени благородная задача — сохранение высшей школы от разгрома как со стороны правительства, всегда готового покончить с ее автономией, так и со стороны крайних левых партий, в своем безумном увлечении агитационными приемами

верситета, закрытого по распоряжению властей во время описанных выше октябрьских событий, неожиданно легко в ноябре 1905 г. дает новому министру, графу И.И. Толстому, возможность «уговорить» себя отказаться от возбуждения вопроса о возобновлении занятий под предлогом того, что в случае вероятного отказа Совета министров, университет мог быть закрыт и на весенний семестр¹⁹⁹. Интересно в связи с этим, что, когда в феврале 1906 г., с началом весеннего семестра, Совет университета вернулся к обсуждению вопроса о его открытии, то пришел к выводу о том, что поскольку «университет может работать только тогда, когда в стенах университета нет митингов и посторонних университету лиц», не следует возбуждать ходатайства о возобновлении занятий (несмотря на просьбы студентов)²⁰⁰. Иными словами, Совет Петербургского университета отказался воспользоваться предоставленным ему (по настоянию министра народного просвещения) решением правительства (22 декабря 1905 г.)²⁰¹ правом поставить вопрос об открытии университета²⁰², действуя в этом смысле в полной симфонии с выжидательной политикой МНП²⁰³. Одновременно по предложению своей «Столовой комиссии» Совет принимает решение о временном закрытии студенческой столовой, бывшей «рассадником» революционных настроений²⁰⁴. Впрочем, все эти решения не мешали проведению в закрытом университете нелегальных собраний и явок, проводимых Со-

борьбы забывающих о том, что в России это — первый и последний — единственный приют свободы слова, собраний, союзов» (цит. по: *Рогозин И.И.* Политическая борьба... С. 47).

¹⁹⁹ Мемуары графа И.И. Толстого... С. 83–84.

²⁰⁰ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1906 г.... С. 26–28; [Ходатайство Союза студентов университета об открытии университета] 28 апреля 1906 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 37. Л. 57. Ср.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 32. Не приходится сомневаться, что среди мотивов студенческих прошений не последнюю роль играла «Директива революционному студенчеству об открытии высших учебных заведений», изданная в январе 1906 г. Петербургским комитетом РСДРП, призывающая к «использованию высших учебных заведений для революционных целей» (Второй период революции. 1906–1907 гг. М., 1957. Ч. 1. Кн. 1. С. 324–325). Ср.: *Хиленко Н.Я.* Большевистская организация студентов Петербурга накануне и в годы первой русской революции (1904–1905). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 15.

²⁰¹ Мемория о порядке возобновления занятий в высших учебных заведениях // Совет министров Российской империи... С. 109–110. Все подобные ходатайства, возбужденные профессорскими Советами высших учебных заведений Империи, были удовлетворены в положительном смысле (см.: Мемуары графа И.И. Толстого... С. 86).

²⁰² Такая позиция Петербургского университета расходилась, например, с предложениями о возобновлении занятий более радикального совета Московского университета (см.: Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте о решении Совета министров удовлетворить ходатайства Московского университета... о возобновлении занятий // Совет министров Российской империи... С. 416).

²⁰³ [Толстой И.И. Записка о возобновлении занятий в высших учебных заведениях] // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 110. Л. 1–3об.

²⁰⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1906 г.... С. 22–23.

ветом старост под прикрытием «академических заседаний», на которых появлялись и видные деятели революционной социал-демократии — Е.М. Ярославский, М.И. Калинин, Р.С. Землячка и другие²⁰⁵. В декабре 1905 — весной 1906 г. в зданиях университета или его столовой проходят встречи, о некоторых из которых не стесняются заранее давать объявления в газетах — например, о встрече «фармацевтов» (эсеров) или рабочих печатного дела²⁰⁶, — а в мае 1906 г. здесь состоялось собрание партийного актива Петербурга, на котором, в частности, прозвучал доклад В.И. Ленина об итогах IV (Объединительного) съезда РСДРП²⁰⁷.

В этой связи «открытие» университета открывало и дополнительные возможности для использования его «автономии» для нужд революции. В резолюции Совета студенческих старост, принятой в конце августа 1906 г. отмечалось: «Ввиду того, что в данный революционный момент академические занятия не противоречат интересам революции, признать, что до тех пор пока изменившаяся политическая ситуация не потребует прекращения занятий к их началу препятствий не имеется»²⁰⁸. Таким образом, Совет старост еще раз очевидным образом заявлял о своих правах принимать основные решения относительно жизни университета. В свою очередь, в объявлении Профессорского совета, изданном в августе 1906 г. перед началом нового учебного года, особо подчеркивается, что «студенческие сходки в университете могут происходить под условием, чтобы они не мешали научным занятиям» и что «собрания с участием посторонних лиц (митинги) не допускаются»²⁰⁹. Как бы в ответ на это заявление на сходке 1 сентября Студенческий совет старост проводит резолюцию, где университет объявляется центром «общереволюционного движения»²¹⁰, и требует отставки неугодных «профессоров-черносотенцев»²¹¹.

²⁰⁵ См.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 169.

²⁰⁶ См.: Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом совета тайным советником Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащихся... Л. 248, 250об.

²⁰⁷ См.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 169–172.

²⁰⁸ Цит. по: Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты... С. 87. Ср.: Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 72.

²⁰⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 августа 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 88.

²¹⁰ Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 77, 79.

В конце сентября 1906 г. Совет университета посчитал необходимым обратиться к студентам с предупреждением о том, что если собрания «с посторонними лицами для чтения рефератов» и впредь «будут устраиваться, то придется на время запретить студенческие собрания»²¹²; Совет также решительно выражал протест против бойкота отдельных профессоров, признавая его «состоящим в противоречии с принципом академической свободы»²¹³. Здесь надо отметить, что объектом студенческой критики были не только «черносотенцы», но и кадеты. Вот как вспоминал о подобного рода мероприятиях один из участников:

«Своеобразной формой общественной жизни в университете были студенческие сходки, на которых мы устраивали “чистки” или “суды” над реакционными профессорами. Помню, что в числе забаллотированных нами и политически отсталых профессоров оказались <...> Э.Д. Гримм и наш декан Ф.А. Браун»²¹⁴.

Для понимания атмосферы в профессорской среде интересны и другие показания источников личного происхождения. Например в дневнике И.И. Толстого, тесно общающегося со столичной профессурой в сентябре 1906 г., со ссылкой на В.Р. Розена сообщается, что «в профессорской среде произошел заметный поворот в сторону охранительного направления, при чем все искренно возмущаются нахальством революционной группы студентов»²¹⁵. Между тем, революционные собрания продолжаются, и в октябре, согласно зарисовкам того же И.И. Толстого, там «происходят лекции, причем лекторами являются неизвестные ни директору (ректору), ни Совету господа, а публика состоит из рабочих полуинтеллигентов и т. п.»²¹⁶.

²¹¹ Речь шла о профессоре Коновалове и приват-доценте Никольском (Там же. С. 85).

²¹² Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г.... С. 126–127. Примечательно, что в окончательной редакции объявления студентам, принятой в следующем заседании (30 сентября 1906 г.), Совет счел за благо исключить из текста угрозу о запрете студенческих сходок вообще, заменив ее на фразу о возможности «крайне опасных осложнений, связанных с нарушением установленных Советом правил о студенческих собраниях» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 сентября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 144).

²¹³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 сентября 1906 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11357. Л. 94об.

²¹⁴ Егоров И.В. В Петербургском университете... С. 113–114.

²¹⁵ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 50.

²¹⁶ Там же. С. 63.

Реакция профессуры предсказуема — в октябре 1906 г. Совет уже грозит студентам закрытием всего университета, если сходки вопреки установленным правилам будут продолжаться²¹⁷. В ответ студенческая сходка «указывает гг. профессорам на реакционный характер их угрозы закрыть университет и ставит на вид, что в деле закрытия или открытия университета студенчество сумеет всегда сказать свое решительное слово»²¹⁸. В том же месяце университет, по выражению ректора, «избавляется от заведования [студенческой] столовой», вновь передав его в ведение «Общества вспомоществования студентам С.-Петербургского университета»²¹⁹. Сходка студентов заявляет решительный и единогласный протест и против этого решения профессорской коллегии²²⁰. Правда, одновременно администрация университета не замечает ни собраний, ни лозунгов «академистов», которые с начала октября выдвигают требования о прекращении собраний с участием посторонних лиц²²¹.

В феврале 1907 г. обращение к студентам по поводу сходов было дополнено и обращением «ко всем лицам, не входящим в состав его слушателей <...> своим участием в студенческих собраниях не подвергать Университет всем опасностям полицейского вмешательства»²²², которое также вызвало студенческое негодование.

Итак, все более болезненной проблемой для университетской корпорации, в особенности с октября 1905 г., становятся ее отношения с революционными студенческими организациями. В т. н. Совете старост университета, как

²¹⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г.... С. 156–157.

²¹⁸ Д[Обяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 123.

²¹⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г.... С. 161. Впрочем, перевод столовой в ведение Общества вспомоществования студентам сильно затянулся по различным бюрократическим причинам и был осуществлен только в 1908 г. (см.: Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского университета. 28 апреля 1908 г. №7649. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10120. Л. 36–36об.; Протокол заседания Совета СПб. университета. 5 мая 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. №64. СПб., 1909. С. 77–78). В результате с апреля 1907 г. столовая не функционировала (См.: Докладная записка Экспертной (по обслуживанию материальных нужд студентов) комиссии при проректоре СПб. Университета — Попечителю Петербургского учебного округа, 6 февраля 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11266. Л. 4) и, вероятно, открылась только с 1 мая 1908 г. (Г. Буква Ъ в судьбе студенческой столовой // Русь. 1908. 22 апреля. №110. С. 4).

²²⁰ Д[Обяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 133.

²²¹ Ректор Императорского С.-Петербургского университета — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 20 октября 1905 г., №2421 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16323. Л. 78–78об.

²²² Протокол заседания Совета СПб. университета. 26 февраля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 73.

уже указывалось, доминировали представители крайних социалистических партий — как было отмечено выше, председателем Совета в 1905 г. был избран большевик А.Н. Замятин, которого в 1906 г. сменил большевик Н.В. Дорошенко²²³. В числе руководителей студенческого революционного движения были такие видные деятели социал-демократии, как Н.В. Крыленко («товарищ Абрам»), Д.З. Мануильский, В.С. Войтинский, Н.В. Аполлонов, К.С. Жарновецкий, В.Э. Кингисепп, П.А. Красиков, А.М. Игнатьев и др.²²⁴ Совет старост обладал в годы революции огромной властью в университете. Достаточно сказать, что этот орган фактически руководил приемом студентов 1906 г., составляя списки подлежащих приему и отдавая в канцелярию университета для оформления — само собой разумеется, полностью игнорируя определенные законом ограничения для поступающих в университет (для окончивших реальные училища, военные корпуса, женщин, евреев и т. п.). Явочным порядком Совет старост отменил и требуемое для поступления «свидетельство о благонадежности»²²⁵. Под давлением Совета старост ректор был вынужден передать ему и предварительное решение вопроса о распределении университетских пособий и стипендий²²⁶. Наибольший рост влияния Совета старост приходится на осенний семестр 1906 г. — в это время его представители периодически присутствуют (с «совещательным голосом») в заседаниях Советской комиссии, таким образом, принимая уже и формально участие в выработке университетской политики²²⁷. В то же время в планы профессорской коллегии, естественно, не входило окончательно передавать в руки студенческого органа столь важные вопросы, как прием в университет и

²²³ Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 190–191.

²²⁴ См.: Универсанты-большевики (указатель) / Составители Н.Н. Каретникова, В.С. Брачев // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 5. С. 165–179; Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции (Автобиографии и биографии) // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. / Под. ред. Ю.С. Гамбарова и др. [М., 1927]. Т. 41. Ч. 1. Прил. К циклу статей «Союз Советских Социалистических республик». Стлб. 1–350.

²²⁵ Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты... С. 95. См. также: Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 86–87, 149–150.

²²⁶ Там же. С. 135–136. См. также: Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 63. 5 марта 1910 г.]... Стлб. 3048.

²²⁷ Д[ьяконов].А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 150.

распределение стипендий, и «делиться» с ним управлением университетом на дальнейшую перспективу.

В числе прочих вопросов весьма болезненным являлась проблема финансовых взаимоотношений со студентами. Так, Совет университета, вопреки просьбам ректора, постановил в начале января 1906 г. не взимать со студентов «платы за лекции», поскольку, по словам одного из инициаторов этого решения М.И. Ростовцева, «университет закрыт не студентами, а правительством»²²⁸. В условиях огромного дефицита университетского бюджета И.И. Боргману не оставалось ничего другого, как решить вопрос об оплате собственной властью, о чем он и проинформировал Совет²²⁹. Однако это решение поставило как ректора, так и Правление в щекотливое положение в глазах общества и, естественно, студенческой массы. Кроме всего прочего, дело заключалось в том, что в случае неуплаты денег студент должен был быть отчислен из университета, что для студентов-евреев означало бы в условиях введенного в Петербурге чрезвычайного положения немедленную высылку из столицы. Виновным в этом в глазах общества выглядел бы именно университет, поэтому правление было вынуждено под предлогом того, что «в Совете возникало сомнение в праве взимания платы», предоставлять студентам отсрочку за эту недоимку вплоть до окончания курса²³⁰. Естественно, Совет старост, отстаивая в этом, так же как и в других случаях, финансовые интересы

²²⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 января 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 3–4.

²²⁹ В заседании Совета 30 января И.И. Боргман констатировал: «Плату придется взимать; это последнее средство для поддержания хозяйства Университета» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1906 г. // Там же. С. 14). Примечательно, что Совет принял к сведению это заявление ректора, не подвергая его обсуждению, в том же собрании, чем, по существу, развязал ректору руки. В заседании 16 февраля 1906 г. профессора И.А. Покровский и Л.И. Петражицкий вновь подняли перед Советом этот вопрос (ссылаясь на решение 4 января), после чего ректор заявил, что если Совет примет решение платы не взимать, «Правление должно будет немедленно прекратить <...> выдачу жалования и всякие уплаты, потому, что оно не имеет право расходовать деньги, которые подлежат возврату». После такого предупреждения Совет переголосовал свое прошлое постановление и большинством голосов решил, что плату в весеннем семестре собирать необходимо (Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1906 г.... С. 26).

²³⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 августа 1906 г.... С. 92–93. Следует учитывать, что согласно постановлению Правления было решено «выдавать виды на жительство студентам на год и независимо от внесения платы, но в зависимость от взноса платы поставить выдачу студентам матрикул, выходного билета и, главное, зачет полугодья» (Там же. С. 93). Иначе говоря, Правление ставило студентов-недоимщиков в такие условия, когда они все равно обрекались на отчисление, но уже не за «неуплату» за непрочитанные лекции, а за академическую неуспеваемость.

студенчества, приобретал в его глазах «очки» в борьбе с «алчными» профессорами.

Характеризуя стиль руководства университетом в 1906–1907 гг., необходимо отметить, что, не принимая с конца октября 1905 г. «улицы» и сходок с участием «посторонних лиц» на уровне декларативных заявлений, университетские власти в то же время явно не в состоянии были их прекратить, да и не прилагали в этом направлении особых усилий. На наш взгляд, дело заключалось не только в специфике кадетского радикализма, но и в том, что эти сходки, на которых обсуждались обычно общеполитические (а не университетские вопросы), как правило, нисколько не затрагивали корпоративных интересов профессорской коллегии по существу, не мешали ее научной и преподавательской деятельности. Социалистический Совет старост распределял в вечернее время аудитории не столько среди университетских землячеств, сколько среди революционных организаций, которые устраивали заседания в стенах, защищенных «университетской автономией»²³¹. По свидетельству очевидца, в 1906/1907 учебном году в университете таким образом устраивалось 10–12 нелегальных собраний революционных организаций²³². Разумеется, для ректора и его ближайшего окружения (членов Советской комиссии Э.Д. Гримма, И.А. Покровского, М.Я. Пергамента и др.) эти собрания отнюдь не являлись тайной. Более того, как вспоминал И.И. Корель, бывший одним из студенческих старост, со стороны «старост» профессуре был открыто предложен своеобразный «пакт молчания»:

«<...> старостам пришлось рассказать все начистоту. Разговор произошел примерно в таком духе: “Вы, профессора, сейчас больше всего дорожите тем, чтобы университет был открыт и чтобы в нем не было забастовок, так как это для вас является доказательством налаженного якобы вами “нормального течения университетской жизни”, мы социал-демократы, тоже хотим, чтобы университет был открыт, но по другим мотивам — для использования его для рабочих собраний, и нам приходится нередко удерживать студенчество о таких уже несвоевременных форм чисто студенческого протеста, которые могут привести к закрытию университета; но как только мы будем лишены

²³¹ См., напр.: *Яковлев В.П.* Петербургский университет в революции... С. 19–24.

²³² *Корель И.И.* Воспоминания студенческого старосты... С. 91.

возможности пользоваться университетом в интересах революции, этот мотив “бережения университета” для нас уже не будет иметь прежнего значения»²³³.

Неудивительно, что наличие сведений о революционных собраниях несколько не смягчило позицию университетского Совета по отношению к действиям полиции, которая проводила периодические обыски в общежитиях университета. Так, в декабре 1905 г., когда в ходе обыска в общежитии университета, располагавшемся на 16 линии В.О., были найдены революционные прокламации и револьверы, ректора университета беспокоил не столько факт их находки, сколько то, что дело происходило в отсутствие представителей университета, без которых, по его убеждению, полиция «не могла входить и тем более производить обыск в помещении принадлежащем университету», о чем И.И. Боргман с возмущением уведомил министра²³⁴. Тем не менее, новые аресты и обыски в общежитии университета последовали в конце декабря 1905 г. «Улов» на этот раз оказался более богатым — кроме мимеографов, революционных изданий, красных флагов, винтовок и револьвера полиция обнаружила «три бомбы чугунные с фитилями (адские машины)»²³⁵. Когда в феврале 1907 г. полиция провела в университете ряд обысков и арестов таких «посторонних лиц» (главным образом, членов социалистических партий), Совет расценил эти действия «как явное нарушение прав и привилегий университета <...> полное неуважение его достоинства»²³⁶. Недовольство вызвал даже арест проходившей в стенах университета губернской конференции социалистов-революционеров 4 февраля 1907 г.²³⁷ Кроме всего прочего, эти действия вла-

²³³ Там же. С. 92.

²³⁴ Ректор — Министру народного просвещения, 14 декабря 1905 г., №1636 // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10217. Л. 2.

²³⁵ [Результаты обыска в общежитии, 30 декабря (?) 1905 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 36. Л. 78; [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 45об.

²³⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 5 февраля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 59. По словам ректора, который был вызван для беседы к председателю Совета министров П.А. Столыпину, это (почти единогласное) «заявление Совета сильно возбудило администрацию против Университета» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 26 февраля 1907 г.... С. 66).

²³⁷ См.: [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 27–29. Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты... С. 94.

сти объективно подрывали «пакт молчания», а следовательно, и «стабильность» университетской жизни.

При объяснении такой двойственной политики Профессорского совета по отношению к «революционному» студенчеству следует учитывать, что после манифеста 17 октября преподавательская корпорация активно включается в легальную политическую борьбу. Эта «легальность», с одной стороны, открывала для либеральной университетской элиты возможность использовать «либеральное министерство» для достижения своих целей, с другой, не исключала для нее также ни потенциальной возможности нового использования «революционного» студенчества против власти, ни активного участия в оппозиционной политической деятельности. Характерно, что в феврале 1906 г. Университетский совет, в тот момент уже, по-видимому, *de facto* чувствуя свою «полную автономию», весьма резко реагирует на правительственные циркуляры, призывавшие служащих государственных учебных заведений «добросовестно блюсти Государеву волю и исполнять усердно обязанности по службе, налагаемые на них законом», а также предупреждавшие их о том, что «участие в партиях, стремящихся к разрушению существующего государственного строя, недопустимо». Совет, в частности, назвал «укоризны и угрозы», содержащиеся в этих циркулярах, «неуместными», а сами документы посчитал сообщенными ему «по недоразумению»²³⁸.

В марте 1906 г делегаты от Петербургского университета (ректор И.И. Боргман, профессора В.И. Сергеевич и А.А. Иностранцев) впервые избираются в коллегия выборщиков для избрания членов Государственного совета от Академии наук и университетов — причем И.И. Боргман впоследствии оказался избран членом Государственного совета, где примкнул к кадетской группе (в которой также состояли избранные от Академии наук

²³⁸ См.: Циркуляр Управляющего Округом В. Латышева от 25 января 1906 г. №1142, Циркуляр Управляющего Округом В. Латышева от 31 января 1906 г. №1500 // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 36–38; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1906 г.... С. 31.

А.А. Шахматов и А.С. Лаппо-Данилевский)²³⁹, но вскоре, как и другие кадеты, сложил с себя это звание в знак протеста против роспуска I Думы. Выборы еще раз показали глубину раскола университетской корпорации и то, что рассчитывать на абсолютное большинство голосов могут, главным образом, профессора умеренно-либеральных «правокадетских» взглядов²⁴⁰. Вообще, весной – летом 1906 г. в рядах профессуры, вероятно, усиливаются критические настроения относительно партийной линии кадетов, особенно после «Выборгского воззвания». Например, по словам И.И. Толстого (сентябрь 1906 г.), «[проф. М.И.]Ростовцев говорил, что он решился выйти из партии <...>, если бы ему не помешал циркуляр Совета министров о воспрещении служащим входить в состав оппозиционных партий; выход в эту минуту мог быть истолкован трусостью или угодничеством»²⁴¹. Таким образом, моральные мотивы удерживали профессора в оппозиционной политической организации, а правительственная политика, не учитывающая подобного рода настроения, давала эффект, обратный желаемому: можно сказать, что правительственное давление только укрепляло либеральную группу в корпорации.

Характерно, что на следующих выборах, проходивших в январе 1907 г., «радикалам» (членам «левой группы», по выражению Н.И. Кареева) удалось более четко «организовать голосование» на межпартийной основе и провести в коллегию выборщиков помимо И.И. Боргмана еще Д.Д. Гримма и М.М. Ковалевского²⁴². Самостоятельную политическую деятельность активно развивали и некоторые видные члены университетской корпорации. Так, от города Петербурга по списку кадетской партии в депутаты Государственной думы был избран декан юридического факультета профессор

²³⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 33. Ср.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 апреля 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 46–47. Ср.: Korros A.S. Activist Politics in a Conservative Institution: The Formation of Factions in the Russian Imperial State Council, 1906–1907 // Russian Review. 1993. Vol. 52. No.1. P. 5.

²⁴⁰ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 марта 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 42–44.

²⁴¹ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 55.

²⁴² Протокол заседания Совета СПб. университета. 29 января 1907 г.... С. 16–17; Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 26–28.

Л.И. Петражицкий²⁴³. В мае 1906 г. по предложению В.М. Шимкевича Университетский совет обратился к оппозиционной Государственной думе с ответственным обращением, в котором подчеркивалось, что только «энергичный и твердый образ действий» народных избранников «может вывести страну на путь нормального и мирного развития и тем самым возродить высшую школу к новой лучшей жизни, на благо народа и процветание науки»²⁴⁴. В сентябре 1906 г. Совет решил принять участие в явно оппозиционной акции — приеме делегации английских парламентских и общественных деятелей, устраиваемом членами распущенной Государственной думы (во главе распорядительной комиссии по организации приема стоял лидер кадетов П.Н. Милюков)²⁴⁵. Представителями университета на приеме английской делегации были избраны М.М. Ковалевский и Л.И. Петражицкий (отбывший уже к тому времени наказание в Выборгской одиночной тюрьме как один из подписантов «Выборгского воззвания»)²⁴⁶. Кстати, профессор Л.И. Петражицкий был уволен после подписания воззвания, но восстановлен на службе по представлению

²⁴³ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 33.

²⁴⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 мая 1906 г.... С. 71. Примечательно, что эта позиция Совета особо подчеркивается и в Отчете университета за 1906 г., составленном и опубликованном, естественно, уже после закрытия оппозиционной Думы правительством (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 33).

²⁴⁵ См.: От распорядительной комиссии по устройству приема английской делегации. Приложение 1-е к протоколу заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г.... С. 133–135.

²⁴⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г.... С. 127–128. Решение о посылке депутации было принято, несмотря на то что адрес, с которым выступили члены английской депутации, носил характер откровенной поддержки революции в России (см.: От распорядительной комиссии по устройству приема английской делегации... С. 133–134), и сама идея университетской депутации для приветствия ее авторов вызвала в заседании Совета крайне негативную реакцию ряда профессоров — С.П. фон Глазенапа, барона В.Р. Розена и барона М.А. Таубе (Протокол заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1906 г.... С. 128). Примечательно, что рассмотрение этого вопроса проходило в заседании Совета в качестве «текущего дела» и не было заранее заявлено в повестке дня, что вызвало протест у ряда его «консервативных» членов (С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин), отсутствовавших в заседании. Протест этот был признан Советом удовлетворительным, и в заседании 30 сентября он принял решение «иметь еще раз суждение по этому вопросу с указанием его на повестке в ближайшем собрании Совета» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 сентября 1906 г.... С. 139). Однако решение этого ректор и Советская комиссия не выполнили, и в повестку дня этот вопрос так и не попал, а следовательно, более и не обсуждался. Правда, ввиду протестов не только ряда «правых», но и «умеренно-либеральных» российских политических организаций и учреждений сама поездка английской делегации была отменена и прием ее, как следствие, не состоялся (см., напр.: *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 369; *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 64–65).

министра П.М. фон Кауфмана (несмотря на противодействие П.А. Столыпина)²⁴⁷.

В марте 1907 г. Университетский совет безоговорочно поддержал решение совещания директоров и представителей высших учебных заведений С.-Петербурга, выступивших в защиту уволенного директора Политехнического института князя А.Г. Гагарина, и подчеркнул, что ответственность за деятельность органов университетской администрации несут не выборные должностные лица, а весь Профессорский совет²⁴⁸. Тем самым университетская корпорация, с одной стороны, еще раз подчеркнула важность принципа университетской автономии, с другой, продемонстрировала, что будет защищать выбранных ею должностных лиц от любых посягательств со стороны правительства. Надо отметить, что даже после ограбления в апреле 1907 г. университетской казначейской «экспроприаторами» (выражение секретаря Совета П.М. Кривошеина)²⁴⁹ профессорский Совет решил «отложить» по причине «дороговизны» введение «внешней полицейской охраны»²⁵⁰. В мае 1907 г. Совет принял заявление в защиту приват-доцента (в недалеком будущем профессора) кадета В.Н. Бенешевича, арестованного полицией по политическому делу²⁵¹.

²⁴⁷ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 77.

²⁴⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 марта 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 103.

²⁴⁹ См.: Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть... С. 7–11.

²⁵⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 апреля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 109–110; Сообщение Ректора СПб Университета Г. Министру Народного Просвещения об ограблении университетской казначейской [Приложение 7 протоколу заседания Совета СПб. университета. 30 апреля 1907 г.] // Там же. С. 142–145. К обсуждению этого вопроса университет был вынужден вернуться только в октябре 1907 г. после специального представления Управляющего учебным округом В. Латышева ректору университета, в котором констатировалось «обнаруженное в нескольких случаях учебным начальством бессилие воспрепятствовать проникновению революционных организаций в помещения учебных заведений» (См.: Управляющий СПб. Учебным округом В. Латышев — Ректору С.-Петербургского университета. 18 июля 1907 г. [Приложение 3 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г.] // Там же. С. 245; Предложение Правления Университета и Советской комиссии [Приложение 4 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г.] // Там же. С. 246–248). Примечательно, что о возможном ограблении «группой анархистов» университетской кассы департамент полиции предупреждал администрацию еще осенью 1906 г., в связи с чем просил уведомить, не признает ли университет «необходимым установить охрану университетской кассы и в утвердительном случае, каким образом таковая может быть лучше осуществлена» (Директор Департамента полиции — ректору Университета, 12 сентября 1906. №16505 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 37. Л. 112).

²⁵¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 21 мая 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 155–156. Ср.: Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 329–330.

Естественно, оппозиционная политическая деятельность профессорских корпораций вызывала растущее раздражение власти. После отставки С.Ю. Витте в конце апреля 1906 г. оказался в отставке и И.И. Толстой. Впрочем, его преемник министр П.М. фон Кауфман (вопреки своим вполне консервативным взглядам и репутации)²⁵² начал свою деятельность на посту министра народного просвещения, действуя вполне в либеральном духе²⁵³ и созвав в августе 1906 г. совещание по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях. Министр вел совещание вполне в стиле своего предшественника, фактически не вмешиваясь в дискуссии профессоров. В результате в решениях совещания, поддержанных председателем, появился важный для профессуры пункт, требующий «преподать местной администрации предписание в том смысле, чтобы никакие мероприятия общего или частного характера по отношению к высшим учебным заведениям, к учащим и учащимся в них не принимались ею без предварительного сношения с академическими властями»²⁵⁴. В то же время министр потребовал на совещании от советов высших учебных заведений, чтобы они сами принимали меры для «устранения беспорядков», оговорив, что «лишь после безуспешности этих мер должна выступить общая администрация, предупреждая, однако, начальников высших учебных заведений о принятом решении и предстоящих распоряжениях»²⁵⁵. Логическим продолжением либеральной линии МНП стало юридическое упразднение инспекции и учреждение в университетах выборных должностей проректоров, на которых возлагались обязанности контроля за соблюдением в стенах университетов установленных правил²⁵⁶. Сам П.М. фон Кауфман был абсолютно убежден в несостоятельности принципов Университетского устава

²⁵² См.: Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 69.

²⁵³ См. об этом мемуары и дневник самого И.И. Толстого: Мемуары графа И.И. Толстого... С. 283; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916... С. 38.

²⁵⁴ Протокол 1-го заседания совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, 14 августа 1906 г. // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 111. Л. 1–8об.; Протокол 2-го заседания совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, 16 августа 1906 г. // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 112. Л. 1–5об.

²⁵⁵ Протокол Совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях. 2 заседание 16 августа 1906 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 173. Л. 22.

²⁵⁶ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 75.

1884 г. и в том, что новый, проектируемый под его руководством устав «должен дать университетам академическую автономию в смысле внутреннего самоуправления и самопополнения»²⁵⁷. В то же время он столкнулся с противодействием в правительстве своим стремлениям законодательно закрепить отмену процентной нормы и допуск женщин в российские университеты²⁵⁸.

Не способствовала успеху реформ и по-прежнему напряженная ситуация в высшей школе — в осеннем семестре 1906/1907 гг. намеченное взаимодействие между советами университетов и властями не сработало — революционные студенческие сходки с участием огромного количества «посторонних лиц» проходили в стенах высших учебных заведений постоянно. Происходило это, прежде всего, благодаря деятельности студенческих организаций, которые в значительной степени контролировались революционными социалистическими партиями. Революционные «студенческие органы» решительно игнорировали призывы к успокоению, звучавшие со стороны профессорских коллегий — в частности, можно указать на конфликт, который развернулся в Петербургском университете между Профессорским советом и Советом старост в октябре 1906 г.²⁵⁹ Характерна зарисовка, присутствующая на страницах дневника вел. кн. Константина Константиновича, относящихся к ноябрю 1906 г.: «За обедом С.Ф. Платонов к общему нашему ужасу, рассказывал о возмутительных, царящих в Петербургском университете порядках: ссылаясь на одного из своих коллег-профессоров, Платонов привел его сравнение университета с общественной грелкой: всякий, кому вздумается, прямо с улицы идет туда, как бы ни был одет; в коридорах, даже в аудиториях ходят в шапках и курят, и никто с этим безобразием не может справиться»²⁶⁰. Схожие с платоновскими зарисовки приводит другой «правый» профессор — А.И. Соболевский, по словам которого:

²⁵⁷ Кауфман П.М. Новый университетский устав // ЖМНП. 1909. Июль. Кн. XXII. С. 7.

²⁵⁸ Особый журнал Совета министров 17 августа 1906 г. О временных правилах управления университетами и других вопросах, возбужденных профессорским совещанием // Особые журналы Совета министров царской России. 1906. М., 1982. С. 124–127.

²⁵⁹ Д[ьяконов] А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете... С. 115–124.

²⁶⁰ Из дневника Константина Романова. Окончание. 1906 г. [3 ноября] // Красный архив. Исторический журнал. 1931. Т. 2 (45). С. 129.

«Кражи верхнего платья с вешалок, книг и шапок со столов, кошельков из карманов студентов — сделалось явлением вполне обычным. Курение папирос, шум и крик — стали происходить во всех коридорах, у самых дверей тех аудиторий, где читались лекции — конечно, страшно мешая и читать, и слушать лекции. Двери в аудитории во время лекции стали беспрепятственно отворяться и приоткрываться; любопытные поодиночке и кучками, стали входить в аудитории и, послушав профессора несколько минут, уходить»²⁶¹.

В Государственной думе по инициативе В.М. Пуришкевича раздавались запросы со стороны правых, «почему министерство не обращает внимание на положение университетов, когда власть в высших учебных заведениях <...> Перешла в самозванные советы студенческих старост, подчиняющих себе насильственными актами и свободную волю профессоров и значительную часть учащихся»²⁶². Аналогичные запросы были сформулированы правыми и в Государственном совете²⁶³. В этих условиях П.М. фон Кауфман уже в начале 1907 г. поставил вопрос о контроле над многочисленными студенческими организациями, возникшими при университетах. В своей основе предложения министра не противоречили, кстати, и настроениям Профессорского совета, который в этот период пытался использовать министерские циркуляры для «обуздания» оппозиционного Совета старост. Примечательно, что в это время профессорская коллегия старалась в целом демонстрировать свою лояльность по отношению не только к «дружественному» министерству, но и к верховной власти, отстаивая, впрочем, как отмечено выше, неприкосновенность своей «автономии». Не случайно, в мае 1907 г. проходит весьма показательное по условиям того времени «экстренное заседание Совета» университета, вызванное официальным сообщением председателя Совета министров о планировавшемся покушении на Николая II — Совет единодушно выразил «чувство живейшей радости по поводу счастливого избавления Государя Императора от

²⁶¹ Цит. по: *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть... С. 23.

²⁶² Заседание 13. 20 марта 1907 г. // Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. С. 887.

²⁶³ *Korros A.S.* Activist Politics in a Conservative Institution... P. 14.

грозившей ему опасности»²⁶⁴, чем, в свою очередь, заслужил высочайшую благодарность²⁶⁵.

В мае 1907 г. министр созвал совещание начальников высших учебных заведений для обсуждения проекта упомянутых правил, регламентирующих деятельность студенческих организаций. Затем проект был принят на заседании Совета министров и, наконец, после высочайшего утверждения издан в виде т. н. «Правил 11 июня»²⁶⁶. Согласно этому документу, уставы студенческих организаций должны были «преследовать цели не противные существующим узаконениям» и утверждаться профессорскими коллегиями²⁶⁷. Однако новые «Правила», как оказалось, скорее «играли на руку» министру, а не профессорам. Содержавшийся в «Правилах» пункт о том, что «никакие отдельные студенческие организации <...> не могут быть признаваемы в качестве представительных организаций всех студентов», уже в скором времени дал министерству возможность настаивать на ликвидации такого института, как Совет студенческих старост — органа, который в ряде университетов, в том числе и в столичном, носил революционный характер. Таким образом, «Правила», касающиеся студентов, в скрытой форме несли угрозу и профессорской автономии, поскольку ограничивали права университетских коллегий самим определять порядок отношений со студенческой аудиторией²⁶⁸. Главное, что на практике упразднение «советов старост» затрудняло процесс переговоров профессоров с «революционным активом» студенчества и делало поведение учащихся менее предсказуемым (и подконтрольным) университетским советам.

²⁶⁴ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 11 мая 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 147.

²⁶⁵ Протокол заседания Совета СПб. университета. 21 мая 1907 г. ... С. 149.

²⁶⁶ Особый журнал Совета министров 19 апреля и 29 мая 1907 года. По проекту правил о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений // Особые журналы Совета министров царской России. М., 1985. С. 839–851.

²⁶⁷ О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений // ЖМНП. 1907. №7–8. Правительственные распоряжения. С. 41–43. Правила были официально доведены до сведения ректора Петербургского университета циркулярным письмом 5 июля (Министр Народного просвещения — Ректору С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 2–3).

²⁶⁸ О подготовке «Правил 11 июня» и их значении в университетской жизни см.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1972. №8. Вып. 2. С. 42–43; Савельева В.Г. Положение совета министров 11 июня 1907 г. // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 283–294.

8.3. Июль 1907–1910: В круговой обороне: корпорация между «министерством» и «революцией»

Третьеиюньский переворот 1907 г. поставил Совет университета в новое сложное положение, связанное с началом политической реакции. В июле – августе 1907 г. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман и подчиненные ему попечители учебных округов издают ряд «охранительных» циркуляров, связанных со стремлением оградить университеты от политически неблагонадежных лиц²⁶⁹, женщин²⁷⁰ и евреев²⁷¹. В связи с новым курсом министра подает в отставку попечитель Петербургского учебного округа гр. А.А. Бобринский; высказывал подобные намерения и ректор университета²⁷², впоследствии, правда, выбравший иной путь борьбы с МНП — тактику игнорирования его указаний. Так, получив упомянутые министерские циркуляры, Совет формально никак на них не реагирует (помещая их в качестве приложений к протоколу одного из своих заседаний)²⁷³, однако вступает в полемику с министерством по вопросам практической политики — о размере «комплекта» принимаемых в университет студентов и вольнослушателей²⁷⁴ (именно от комплекта зависело и число принимаемых евреев помимо процентной нормы), о ключевой проблеме выбора студенческих старост²⁷⁵, содержании студенческой столовой²⁷⁶, профессорского дисциплинарного суда²⁷⁷ и т. п. По всем во-

²⁶⁹ Министр народного просвещения — Ректору СПб. Унт-та. 1 августа 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 194–195.

²⁷⁰ Там же. С. 201–202.

²⁷¹ Попечитель СПб. Уч. округа — господам начальникам высших, средних и частных высших учебных заведений. 14 февраля 1907. №2010 // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 198–199.

²⁷² См.: Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 361.

²⁷³ Приложения к протоколу заседания Совета императорского С.-Петербургского университета 23 августа 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 192–207.

²⁷⁴ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 23 августа 1907 г... С. 185–190; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 212–219; Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 сентября 1907 г. // Там же. С. 221–227 и др.

²⁷⁵ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.... С. 239–240; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 декабря 1907 г. // Там же. С. 319–324; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1907 г. // Там же. С. 336–337 и др.

²⁷⁶ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 21 мая 1907 г.... С. 156–157; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1907 г.... С. 337; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3

просам Совет отстаивает свою фактическую автономию от администрации и — хотя в конечном итоге *формального* результата в юридическом смысле ему достичь не удастся, — позиционируя себя в качестве равноправного партнера в диалоге с министерством, по существу, затягивает или *фактически* игнорирует выполнение его указаний. Так, в октябре 1907 г. Профессорский совет почти без изменений принимает выработанное студенческой сходкой «Положение о выборах факультетских старост»²⁷⁸. Между тем, в ноябре 1907 г. Совет факультетских старост организует ряд революционных студенческих сходов, не стесняясь объявлять об этом в печати²⁷⁹, действуя в русле большевистских установок, сформулированных на съезде представителей студенческих организаций Петербурга в Териоках²⁸⁰. Например, сходка 22 ноября (прекращенная по распоряжению проректора) была приурочена к началу суда над социал-демократами — членами Государственной думы второго состава — и некоторые ее участники были арестованы полицией²⁸¹. После этого ректор уже открыто разрешает по просьбе «центрального университетского органа» очередную сходку студентов явно политического характера для «обсуждения вопросов об участии арестованных товарищей»²⁸². Администрация университета, таким образом, как бы показывает министерству, что вполне может вернуться к практике использования студенческого движения в борьбе за автономию. Тем более, как раз осенью 1907 г. студенческая фракция партии «народной свободы» пытается усилить свои позиции в Совете старост, наладив диалог с

марта 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 30–31 и др.

²⁷⁷ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г.... С. 241; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 декабря 1907 г.... С. 324–326; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1907 г.... С. 332–334 и др.

²⁷⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г.... С. 239–240. См. также: Положение о выборах факультетских старост, утвержденное Советом С.-Петербургского университета 8-го Октября 1907 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 8) и возмущенное письмо министра П.М. фон Кауфмана по этому поводу (Министр народного просвещения — ректору С.-Петербургского университета. 7 ноября 1907 г. №25474 // Там же. Л. 65–66об.).

²⁷⁹ См., напр.: В учебных заведениях. В университете // Россия. 1907. 22 ноября. №613. С. 3.

²⁸⁰ См.: Баранова А.Н. Работа большевиков среди студенчества на начальном этапе периода реакции // Ленинская партия в борьбе за победу социалистической революции. М., 1973. С. 153.

²⁸¹ См.: Ярмолович А. Смерть призраков (Надгробное слово над последними событиями в Санкт-Петербургском университете). СПб., 1908. С. 19; Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1984. Приложения: Приложение III. Революционные и демократические выступления студентов Петербурга в 1907–1914 гг. /Хроника/. С. 25.

²⁸² См.: В учебных заведениях // Новое Время. 1907. 11 (24) ноября. №11344. С. 3.

социалистическими партиями — так на выборах старост, проходивших в октябре 1907 г. кадеты демонстративно поддерживают большевика И. Кореля ввиду его «полезной деятельности»²⁸³.

Такое отношение университетской корпорации к правительственным постановлениям и циркулярам вызывало нарастающее раздражение в министерстве народного просвещения, однако предпринимать какие-либо резкие или репрессивные меры против университетов министерство П.М. фон Кауфмана не решалось — министр, напротив, «защищал» преподавательское сообщество от нападков в кабинете П.А. Столыпина со стороны правых, а также продолжал подготовку нового проекта университетского устава, направленную на законодательное оформление автономии, закрепленной «Временными правилами»²⁸⁴. Вообще, своей двусмысленной политикой, выразившейся в попытке, с одной стороны, вести постоянный диалог с профессорскими коллегиями и, с другой стороны, в нормативном порядке ограничивать университетское самоуправление, министр привел возглавляемое им ведомство к явному тупику²⁸⁵ и вызывал все большее недовольство главы кабинета²⁸⁶.

Между тем, давление на министра со стороны консервативных сил в правительстве и «правых» в обществе усиливалось²⁸⁷. Их мнение о министре вполне емко выразил в своем дневнике (декабрь 1907 г.) А.А. Киреев:

«Революция, кажется, опротивела всем (за исключен[ием] наших революционеров и части нашей молодежи, вгоняемой в революцию учебным начальством и преимущественно Кауфманом)»²⁸⁸.

Уже в ноябре 1907 г. началась компания за отставку П.М. фон Кауфмана в консервативной печати²⁸⁹. Знаковым стало письмо от 14 декабря 1907 г., со-

²⁸³ [Кандидаты партии «народной свободы»] // Речь. 1907. 7 (20) октября. №237. С. 3.

²⁸⁴ Кауфман П.М.: 1) Новый университетский устав. Проект устава императорских российских университетов. СПб., 1909; 2) Новый университетский устав // ЖМНП. 1909. Июль. Кн. XXII. С. 1–27.

²⁸⁵ См.: Савельева В.Г. Положение совета министров 11 июня 1907 г.... С. 293–294.

²⁸⁶ См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 2. С. 733, 838–839; Ascher A. P.A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Palo Alto, 2001. P. 342–343.

²⁸⁷ См., напр.: Толстой И.И. Дневник. 1906–1916... С. 173–174.

²⁸⁸ Киреев А.А. Дневник... С. 235.

²⁸⁹ См.: Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 64.

ставленное товарищем председателя Союза русского народа В.М. Пуришкевичем от имени 45 правых членов Государственной думы, к министру с требованием разъяснить, какие меры он принял в отношении советов профессоров Петербургского и Юрьевского университетов, решения которых, по мнению авторов запроса, нарушали закон²⁹⁰. Именно этот запрос, по мысли современников, стал поводом к отставке министра²⁹¹.

В результате 1 января 1908 г. П.М. фон Кауфмана на посту министра народного просвещения сменил А.Н. Шварц, в «правление» которого противостояние министерства со столичным университетом, равно как и с рядом других высших учебных заведений империи, вышло на новый уровень²⁹². Новый министр, который, в отличие от предшественника, сам являлся университетским профессором, не побоялся вступить в открытую конфронтацию с профессорскими коллегиями; последние тоже изменили отношение к министерству, постепенно переходя к нему в открытую оппозицию. Сама идея университетской автономии в той форме, в которой она сложилась после указа 27 августа 1905 г. была для нового министра категорически неприемлема²⁹³. О назначении А.Н. Шварца и его возможных последствиях красноречиво высказался хорошо его знавший бывший министр и активный сторонник университетской автономии И.И. Толстой: «Глупее этого краснобая, заслужившего почти общее неудовольствие всех в трех округах, в коих он был попечителем, не могли найти! Я думаю, что если сей мудрец (а в действительности форменный ступак) продержится год в министрах — он такого натворит, что и вообразить

²⁹⁰ Председателю Государственной Думы — 45 членов Государственной Думы. 11 декабря 1907 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 98–103. Ср.: Речь Г.Г. Замысловского в Государственной Думе. Созыв 3. Сессия 1, заседание 80. 06.06.1908 // Ораторы в Государственной Думе [1907–1917 гг.] / Рук. проекта В.А. Шахматов. СПб., 2004. Т. 2. С. 132–145.

²⁹¹ Киреев А.А. Дневник... С. 240.

²⁹² См., напр.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты... С. 43–47; Брачев В.С. Студенты Горного института — против В.М. Пуришкевича: «дело о клевете» 27–29 ноября 1909 г. // Общество. Среда. Развитие. 2009. №1 (10). С. 26–27.

²⁹³ См. Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе. М., 1994. С. 126, 269.

трудно. Во всяком случае беспорядки и даже, вероятно, закрытие учебных заведений в ближайшем будущем обеспечено вполне»²⁹⁴.

В январе 1908 г. Профессорский совет единогласно отклонил ходатайство студенческого отдела Союза русского народа о его легализации при университете и, согласно протоколу заседания, «просил Ректора разъяснить подавателям прошения всю непристойность внесения ими в Совет бумаг, подобных поданной»²⁹⁵. Речь шла о программе Отдела, поданной в Совет вместе с прошением его руководителями, студентами Г. Шенкеным и А. Малеевым. Кроме антисемитских пассажей, содержащихся в программе, замечания о ее непристойности со стороны Совета могли вызвать и пункты, связанные с обвинением современной профессуры в «политиканстве», и указание на то, что «существующая автономия» является «источником нарушения нормальной академической жизни»²⁹⁶. Примечательно, что по смыслу постановления Совета в числе непристойных бумаг оказалась и телеграмма Отдела в адрес Николая II с выражением верноподданнических чувств, на которой император собственноручно начертал «искренно тронут и благодарен»²⁹⁷.

Интересно, что практически одновременно с принятием этого постановления Университетским советом в его стенах вполне открыто проходит т. н. «Всероссийская студенческая конференция» (26–27 января 1908 г.)²⁹⁸, на которой, впрочем, принимается решение «об отказе от активных форм противоправительственных выступлений по тактическим соображениям»²⁹⁹. Это решение отражало, прежде всего, то обстоятельство, что с окончанием революции политический накал в студенческой среде тоже стал падать. Вот как

²⁹⁴ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 416. Ср.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. I. С. 267. Ср.: Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество... С. 64–65, 98.

²⁹⁵ Протокол заседания Совета СПб. университета. 28 января 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 12–13.

²⁹⁶ См.: Программа студенческого отдела Союза русского народа при Императорском СПб. Университете [Приложение 5 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 января 1908 г.] // Там же. С. 20–22.

²⁹⁷ [Приложение 4 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 января 1908 г.] // Там же. С. 20.

²⁹⁸ См.: Последние известия. Окончание студенческого съезда // Биржевые ведомости. 1908. 31 января. №10329. (Вечерний выпуск). С. 2; Товарищ министра внутренних дел — министру народного просвещения, 8 марта 1908 г., №126342 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 159. Л. 5–5об. Ср.: Яковлев В.П. Студенчество российских университетов в годы столыпинской реакции (1907–1910) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 50.

²⁹⁹ См.: Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 28.

вспоминал об атмосфере того времени И.В. Егоров, бывший тогда студентом историко-филологического факультета:

«Хорошо запомнилось мне ощущение, что 1908 год был каким-то переломным в нашей студенческой жизни. Сказывались усталость от двух лет бурной общественной жизни, известное разочарование тем, что революция потерпела поражение. Взоры молодых людей постепенно обратились в сторону наук. Многие ударились в религию, в мистику. <...> Если раньше Белый коридор университета был полон грязи, окурков и по нему расхаживали лохматые и длинноволосые студенты в мятых фуражках и расстегнутых куртках, то теперь полы были вновь натерты, волосы стали короче, да и все мы приняли более благообразный вид. Подавляющее большинство студентов, чье участие в революционном движении не было сознательным, отошло от дела революции»³⁰⁰.

Лидеры русского революционного движения в этот период также с разочарованием отмечают отход студенчества от политической борьбы. «Не хотят они бороться, хотят учиться, это понятно, это *menschlich* [свойственно человеку]» — горестно посетовала после встречи со студентами В.И. Засулич³⁰¹.

По мере того как революционная активность в студенческой среде идет на спад, для мобилизации протестных настроений вновь необходимо изобретать повод. Администрация университета, уловив эту тенденцию, вроде бы, пытается противодействовать каким-либо собраниям в традиционные коммеморационные дни и не разрешает проводить любые студенческие собрания соответственно 8³⁰² и 19 февраля³⁰³. Но запрещать собрания во все возможные даты было затруднительно. Так, студент-эсер И.А. Мануйлов, которому было

³⁰⁰ Егоров И.В. В Петербургском университете... С. 114.

³⁰¹ В.И. Засулич — Ю.О. Мартову // Социал-демократическое движение в России. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 181.

³⁰² Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1907/1908 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 377. Л. 86.

³⁰³ Примечательно, что на 19 февраля 1908 г. было открыто запланировано собрание уже нелегального института факультетских старост, устройтелем которого был эсер И.А. Мануйлов, «для обсуждения вопроса о книжном складе и продления лекций в университете», на что первоначально было получено разрешение, но впоследствии на него была наложена резолюция «нельзя» (Там же. Л. 98об.). Аналогичная резолюция наложена на записи о собраниях 19 февраля 1909 г., 1910 г. («собраний не будет») (Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1909–1911 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 383. Л. 39об., 329), а 19 и 20 февраля 1911 г. (суббота и воскресенье) помечены как праздники, когда университет закрыт (Там же. Л. 547об.).

отказано в устройстве собрания 19 февраля, проводит собрание 1 марта, отмечая его по книге записей как «частное собрание математиков»³⁰⁴.

Разумеется, в новых условиях Совет старост, остававшийся оплотом радикальных партий, периодически устраивающий масштабные революционные сходки, оказался под ударом. Одним из первых действий нового министра стало издание, в более категорической форме, запрета на деятельность факультетских старост (14 февраля 1908 г.)³⁰⁵, предпринятое через 3 дня после очередной масштабной сходки, организованной этим органом в университете³⁰⁶. По словам ректора И.И. Боргмана, о нем стало известно студенческим старостам раньше, чем ему³⁰⁷. Реакция следующей грандиозной по масштабу (по разным данным от 3 до 5 тысяч человек) студенческой сходки (29 февраля 1908 г.), организованной тем же Советом старост и постановившей «не считаться с распоряжением министра народного просвещения, предложить совету старост сохранить свои полномочия»³⁰⁸, была вполне прогнозируемой. Однако и Профессорский совет, как это уже бывало раньше, министерское распоряжение также проигнорировал и, в протокольном порядке (заседание Совета 3 марта 1908 г.) отметив положительную роль Совета старост и легитимность существования этого института³⁰⁹, единогласно принял постановление, решительно отвергавшее требование министра³¹⁰. Совет также по существу отверг циркулярное предложение министра, требующее от ректора или проректора осуществлять контроль за студенческими собраниями «всеми имеющимися в

³⁰⁴ Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1907/1908 гг.... Л. 111.

³⁰⁵ См.: Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору С.-Петербургского университета. 21 февраля 1908 г. №3503 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 132–133. См. также: Управляющий С.-Петербургским учебным округом — Ректору С.-Петербургского университета. 18 апреля 1908 г. №7110 // Там же. Л. 152.

³⁰⁶ *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 29.

³⁰⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г.... С. 26.

³⁰⁸ Товарищ министра внутренних дел — министру народного просвещения, 8 марта 1908 г., №64312 // РГИА Ф. 733. Оп. 154. Д. 159. Л. 7об.; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г.... С. 26. Ср.: *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 110; *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 29.

³⁰⁹ См.: *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 111; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г.... С. 26.

³¹⁰ [Приложение] 3. [К протоколу заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г.]. Проект предложенный Советской комиссией и принятый Советом // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 42–48; Проект, предлагаемый Советской Комиссией // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–34об.

их распоряжении мерами» и опубликовал секретное предложение министра в приложении к протоколам своих заседаний³¹¹. Таким образом, студенческое представительство и революционные «факультетские старосты», а также их Совет в столичном университете, как и в ряде других высших учебных заведений страны, продолжают существовать с ведома учебного начальства, о чем с возмущением рассказывает министерский циркуляр, изданный в июле 1908 г.³¹² Для характеристики отношения Профессорского совета к указаниям министерства весьма показательным восприятием этим коллегиальным органом инструкции для проректора университета, утвержденной министром народного просвещения А.Н. Шварцем 5 февраля 1908 г.³¹³, — инструкцию принять к исполнению только с учетом заявления проректора, профессора Ф.А. Брауна. Это заявление толковало инструкцию в смысле, резко ограничивающем заложенные в ней функции проректора, «надзорные» в отношении студентов, которые Ф.А. Браун посчитал «несовместимыми с достоинством профессора» и представляющими «серьезную опасность для академической жизни»³¹⁴.

Новая тактика совместных «легальных» действий студенческих организаций и профессуры была опробована уже в марте 1908 г. на совещании об «экономических нуждах» студенчества. Первым председательствовал на совещании один из студенческих старост и лидеров Донского землячества М.П. Богаевский, почетным председателем был избран профессор Ф.А. Браун. На совещании при активном участии профессоров, в частности, выработывался план легализации студенческих «экономических» организаций³¹⁵.

Интересно, что даже те политические собрания студенчества, которые не получали официального разрешения университетской администрации, на практике благополучно проходили. Так, 17 марта 1908 г. на собрании кружка

³¹¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г.... С. 27, 28; [Приложение] 4, 5. [К протоколу заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 49–51.

³¹² Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа. 14 июля 1908 г. №17084 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 154–154об.; О студенческом представительстве // ЖМНП. 1908. №9–10. Правительственные распоряжения. С. 81–82.

³¹³ Инструкция для проректора. Утв. 5 февраля 1908 г. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 190. Л. 29–30.

³¹⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета. 5 мая 1908 г.... С. 75–77.

³¹⁵ Труды совещания об экономических нуждах студенчества Петербурга. СПб., 1909.

экономистов произошло чествование Карла Маркса «по случаю исполнившегося двадцатипятилетия со дня его смерти». По агентурным сведениям, «на упомянутом собрании присутствовали также посторонние лица, в том числе известная революционерка Вера Засулич, и произносились зажигательные речи»³¹⁶. Однако напрасно руководство МНП просило разъяснений от администрации университета. Проректор Ф.А. Браун по возвращении из отпуска сообщил, что у него нет сведений о каких-либо беспорядках на собрании, где делался доклад о Карле Марксе, и посетовал на то, что «министерство не сообщило нам имевшиеся в его распоряжении столь ценные сведения незамедлительно»³¹⁷. В этой истории наиболее любопытно как раз то, что в действительности администрация это собрание запретила (вернее пыталась запретить) — в книге записей студенческих собраний содержится сделанная жирным карандашом пометка «Нельзя», которую безуспешно пытались стереть *post factum*³¹⁸.

В начале апреля товарищем министра народного просвещения назначается Л.А. Георгиевский (бывший директор Лицея цесаревича Николая), имевший в либеральных кругах однозначно негативную репутацию. Противостояние МНП и «общества» входит в решающую стадию³¹⁹. Очевидно, что перед лицом нарастающего давления со стороны министерства происходит процесс консолидации университетской корпорации, весьма явственно проявившийся на очередных выборах ректора университета, проходивших в мае 1908 г. Совет в своем подавляющем большинстве сплотился вокруг ректора И.И. Боргмана, который был на этих выборах единственным кандидатом (ни

³¹⁶ См.: Товарищ министра народного просвещения — попечителю Петербургского учебного округа, 30 июня 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 216. Зарисовки об этой встрече есть у самой В.И. Засулич (В.И. Засулич — Ю.О. Мартову // Социал-демократическое движение... С. 180–181).

³¹⁷ Проректор — ректору университета, 27 августа 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 220.

³¹⁸ Книга для записей разрешенных частных собраний студентов С.-Петербургского университета 1907/1908 гг.... Л. 130.

³¹⁹ Вот что, напр., писал по поводу назначения Л.А. Георгиевского И.И. Толстой: «Можно поздравить Шварца с выбором чистейшей воды мерзавца, господина ради карьеры способного на все, и едва ли не члена “Союза русского народа” или подобной “патриотической” организации. Быть беде!...» (Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 451).

один из его конкурентов не получил необходимых 10 голосов для выдвижения) и был избран 40 голосами против 9³²⁰.

Однако не ослабевает и давление МНП на университет. 20 мая распоряжением попечителя из университета отчисляется один из организаторов женского культурно-просветительского общества, социал-демократ и приват-доцент юридического факультета П.И. Лященко³²¹. Но самое главное, что А.Н. Шварц, которым, по словам современника, были «в Царском <...> недовольны за бездеятельность»³²², начинает все активнее бороться с «бойкотом» своих распоряжений университетской корпорацией. Майские циркуляры министра ограничивали право ректора и проректора разрешать студенческие собрания и напрямую через голову Совета университета в приказном порядке упраздняли институт факультетских старост³²³. В мае 1908 г. МНП начинает также подготовку к будущему приему студентов изданием циркуляров, отменявших льготный прием семинаристов и категорически запрещающих прием лиц без свидетельств о благонадежности и женщин³²⁴. Как отмечал в своем дневнике И.И. Толстой, эти циркуляры «стремились свести насмарку все, что было начато мною, Кауфманом и Герасимовым [бывшим товарищем министра — *Е.Р.*]»³²⁵. Каникулярное время лета 1908 г. Министерство использовало для продолжения наступления на автономию российских университетов сразу по нескольким направлениям: ограничение приема в университет (в сравнение с «комплектom», установленным профессорским Советом)³²⁶, ограничение прав выпускников университетов³²⁷, ужесточение правил допуска студентов в

³²⁰ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 мая 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 116–117, 118–119.

³²¹ См.: *Синкевич Е.Г.* Петро Іванович Лященко: Таємниці біографії вченого // Чорноморський літопис. 2010. Вип. 1. С. 107–112.

³²² *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 464.

³²³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 128.

³²⁴ *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 114.

³²⁵ *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 473.

³²⁶ Министр Народного Просвещения — Управляющему Учебным округом. 10 августа 1908 г. №19254 [Приложение 2 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 137.

³²⁷ Министр Народного Просвещения — Управляющему Учебным округом. 14 июля 1908 г. №17085 [Приложение 3 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 138; Об условиях определения на

университет³²⁸, запрет присутствия в университете женщин-вольнослушательниц³²⁹, требование безусловного соблюдения процентной нормы для вольнослушателей (не только студентов) иудейского вероисповедания³³⁰, ограничение права руководства университетов на разрешение студенческих собраний и установление прямого контроля министерства над уставами студенческих организаций³³¹. Дело с очевидностью шло к кризису, в котором, впрочем, сторонники либерального курса в тот момент не видели проблемы, надеясь выйти из него победителями³³²; политика МНП воспринималась как «какая-то странная, почти провокационная», «опасная игра со стороны правительства, могущая повести к новому взрыву с весьма малыми шансами на успех для министерских вождельний»³³³.

В августе 1908 г. Министерство начало официальное расследование по вопросу незаконного приема лиц женского пола в Петербургский университет³³⁴, в ходе которого ректор и деканы вынуждены были давать официальные объяснения³³⁵. В связи с невозможностью выполнять свои обязанности в таких

учительские места лиц, окончивших курс университетов // ЖМНП. 1908. №9–10. Правительственные распоряжения. С. 82.

³²⁸ Попечитель СПб. Учебного округа — Ректору СПб. Университета 10 июля 1908 г. №13360 [Приложение 4 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 139–140; Об условиях приема в студенты и вольнослушатели университетов и других высших учебных заведений // ЖМНП. 1908. №9–10. Правительственные распоряжения. С. 104–106.

³²⁹ Министр — Ректору СПб. Университета 16 мая 1908 г. №12179 [Приложение 6 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 141–144.

³³⁰ Особый журнал Совета министров 19 августа 1908 года. По вопросу об установлении процентных норм для приема в учебные заведения лиц иудейского вероисповедания // Особые журналы Совета министров царской России. 1908. М., 1988. С. 606–612. О приеме евреев в высшие учебные заведения // ЖМНП. 1908. №11–12. Правительственные распоряжения. С. 26. Ср.: *Брачев В.С.* Студенты Горного института — против В.М. Пуришкевича... С. 26.

³³¹ Попечитель СПб. Учебного округа — и. о. Ректора СПб. Университета 25 июля 1908 г. №14141 [Приложение 5 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 140–141; Попечитель СПб. Учебного округа — и. о. Ректора СПб. Университета 26 мая 1908 г. №9698 [Приложение 5 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г.] // Там же. С. 163–164.

³³² В этом смысле характерно высказывание, данное в дневнике И.И. Толстого (8 июня 1908 г.): «единственно, что мне кажется положительною стороною его назначения министром (вкупе с избранием таких милых помощников как Ульянов и Георгиевский), — это то, что он скорее всякого доведет дело до кризиса» (*Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 473).

³³³ *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 489, 491.

³³⁴ Министр Народного Просвещения — Управляющему Учебным округом. 14 июля 1908 г. №17085... С. 144.

³³⁵ [Приложения 8–12 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 145–155.

условиях 28 августа подал в отставку проректор университета Ф.А. Браун³³⁶. Все эти события вынудили Профессорский совет в заседании 3 сентября 1908 г. выступить с единодушным заявлением с резкой критикой министерских решений. В заявлении Совета было отмечено, что в создавшихся условиях он «не может нести ответственности за неправильный ход учебной жизни»³³⁷. В том же заседании ректор И.И. Боргман передал исполнение своих обязанностей декану физико-математического факультета В.М. Шимкевичу, мотивировав это состоянием здоровья и предупредив Совет, что в случае его утверждения министерством на новый срок, согласно состоявшемуся в мае избранию, он все равно подаст прошение об увольнении, поскольку «при изменившихся условиях университетской жизни» он «не в силах больше исполнять обязанности ректора»³³⁸. Впрочем, такая позиция как раз способствовала тому, что после окончания «осенней бури» 1908 г. И.И. Боргман смог вернуться к исполнению своей должности.

Конфликт, таким образом, получил публичный характер, причем поддержка общества, что очевидно, была на стороне университета. «Шварц рвет и мечет, заставляя штрафовать по 2000 и по 3000 руб. газеты, осмеливающиеся критиковать его» — записал по этому поводу в дневнике И.И. Толстой³³⁹. Интересно, что понимание университетской автономии не в академическом, а в политическом смысле и того, что с ней надо покончить как можно быстрее, было характерно и для оппонентов либеральной интеллигенции. Вот что, например, писал А.А. Киреев в разгар конфликта между властью и университетами в сентябре 1908 г.:

«Нужно бы, чтобы до открытия Думы, Шварц выиграл свою партию против разбойничьей автономии, которую безо всякого толка и причины ввели в нашу школу»³⁴⁰.

³³⁶ Проректор университета В.А. Браун — в Совет С.-Петербургского университета. 26 августа 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 156–157об.; Протокол заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.... С. 126–129. Ср.: *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 495.

³³⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 161.

³³⁸ Там же. С. 161–162.

³³⁹ *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 495.

³⁴⁰ *Киреев А.А.* Дневник... С. 282.

Поведение Профессорского совета, вступившего в открытую конфронтацию с Министерством, вызвало особое негодование власти. Оценка ситуации П.А. Столыпиным была вполне однозначна:

«Ничто не заставит правительство сойти с пути водворения законности, порядка, не заставит отдать нашу молодежь в распоряжение политиканствующих левых профессоров, как готовый материал для обработки. Эти мечты надо оставить, оставить и политику, вернуться к науке. И нужно знать и помнить, что на пути господ, мечтающих о политическом влиянии на загипнотизированное ими студенчество стоит не один министр народного просвещения, а правительство в целом»³⁴¹.

Согласно требованию премьера эта позиция была озвучена И.Я. Гурляндом в редактируемом им официозе «Россия» 8 сентября. Надо признать, что позиция П.А. Столыпина была справедлива в том смысле, что заявление Совета 3 сентября «развязало» руки студенческим лидерам. Одновременно с выходом статьи премьера в университете собирается «Коалиционный комитет», который намечает программу сходов 13 и 15 сентября 1908 г.³⁴². Советская комиссия разрешила проведение студенческих этих собраний, при этом сходы оказались организованы таким образом, что принципиальное решение о проведении забастовки против министерских постановлений принималось 13 сентября, а решение о *сроках* забастовки — 15 сентября. Таким образом, Совет университета, собиравшийся 14 сентября, получил в свое распоряжение текст единодушного протеста студентов против министерских циркуляров, составленный в кадетско-либеральном духе, после чего выступил в роли «примирителя» правительства со студентами, призвав последних забастовку не начинать³⁴³. На санкционированной Советской комиссией сходке 15 сентября призыв Совета был «услышан», и забастовку было решено временно отложить (впрочем, имея в виду возможную всероссийскую забас-

³⁴¹ Цит. по: Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 125.

³⁴² Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 32.

³⁴³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 167–171; От Совета Императорского С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 27.

товку в будущем³⁴⁴). По-видимому, в этой ситуации на позитивное влияние профессорской корпорации на студентов рассчитывала и власть (по крайней мере, в это время с опозданием на две недели следует утверждение И.И. Боргмана в ректорской должности), однако дальнейшее развитие событий Профессорский совет выпустил из-под контроля.

Отчасти дело заключалось в изменении позиции группы студентов-социал-демократов, которые первоначально посчитали «академическую платформу» недостаточной для объединения студенчества для «активной, широкой борьбы». Однако очень быстро студенты были поправлены старшими товарищами³⁴⁵. Радикальные партии активизировали свою пропаганду в пользу немедленной забастовки, что в планы руководства университета никак не входило, и намеченную на 20 сентября очередную студенческую сходку по вопросу о забастовке Советская комиссия просто решила запретить. Но к этому моменту студенческая масса находилась уже в таком состоянии, что никакого профессорского разрешения студентам не потребовалось, сходка состоялась вопреки постановлению Советской комиссии, и в соответствии с решением этой сходки началась студенческая забастовка под крайними революционными лозунгами. В таких условиях экстренно созданный Совет университета был вынужден приостановить в университете «чтение лекций и все занятия».³⁴⁶ На решение Совета последовала немедленная (22 сентября) реакция министра А. Шварца, предписывающего университет открыть³⁴⁷, на что Совет, собравшийся 23 сентября, ответил министру, что он «усматривает крайние неудобства» в исполнении этого предписания, и университет не открыл³⁴⁸. После тако-

³⁴⁴ Ср.: Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 127.

³⁴⁵ Ленин В.И. Студенческое движение и политическое положение // Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 214–220.

³⁴⁶ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 20 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 173–182; Исп. Обязанности ректора — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 21 сентября 1908 г. №1142 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 3–3об.

³⁴⁷ Министр — Управляющему СПб учебным округом. 22 сентября 1908 г. №24474 [Приложение к протоколу заседания Совета Имп. СПб. Университета. 23 сентября 1908 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 205.

³⁴⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 23 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 203; Исп. Обязанности ректора — министру народного просвещения №1151 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 44–44об.; Исп. Обя-

го ответа министр вынес вопрос о возобновлении занятий на заседание Совета министров Империи, состоявшееся 24 сентября 1908 г. под председательством П.А. Столыпина. Совет министров возложил ответственность за положение в Петербургском и других университетах империи на «профессоров, которые, хотя убеждали студентов не прекращать занятий, но одновременно тем или другим способом доводили до сведения студентов, что борьбу за автономию они берут на себя, каковое заявление не могло конечно, не действовать на студентов возбуждающим образом»³⁴⁹. Совет министров еще раз подтвердил циркуляры МНП, постановил открыть Петербургский университет и другие высшие заведения, а профессорским советам предписал обеспечить порядок, в случае необходимости обязав их обращаться за помощью к гражданским властям³⁵⁰. С резкими нападками на университетскую профессию как на «подстрекателей» и сторонников забастовки выступила правая печать и студенты-«союзники», которых поспешил принять министр А.Н. Шварц³⁵¹. Профессорский совет столичного университета, собравшийся на очередное экстренное заседание 25 сентября 1908 г., вынужден был подчиниться правительственному решению, постановив открыть университет 27 сентября, однако при этом отверг идею какого-либо нового «примиряющего» воззвания к студентам³⁵². Интересно, что департамент полиции при этом дает уничижительную характеристику действиям профессоров:

занности ректора — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 23 сентября 1908 г. №1152 // Там же. Л. 40–41об.

³⁴⁹ [Приложение 2 к протоколу экстренного заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1908 г.] Выписка из правительственного вестника от 25 сентября 1908 г. №210 // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 216. Этому правительственному убеждению способствовали и полицейские донесения, в которых профессура представляется в виде главного виновника забастовки (Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 132).

³⁵⁰ [Приложение 2 к протоколу экстренного заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1908 г.] Выписка из правительственного вестника от 25 сентября 1908 г. №210... С. 219; [Призыв к прекращению забастовки в С.-Петербургском университете и о разрешении вольнослушательницам завершить обучение] // Правительственный Вестник. 25 сентября (8 октября). №210. С. 1.

³⁵¹ См. Брачев В.С. Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском университете // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 72–80.

³⁵² Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 206–213.

«Наконец Председатель Совета министров, напомнив 26 сентября профессорам столичных высших учебных заведений о вышеупомянутом постановлении Совета министров продолжать чтение лекций, приказал в случае отказа кем либо из профессорской коллегии от чтения лекций, немедленно сообщать ему по телефону фамилии таких профессоров. Профессора сразу же трусили и на другой день лекции читались во всех высших учебных заведениях. После этого течение академической жизни продолжалось спокойно до октября 1909 года»³⁵³.

Эти оценки явно тенденциозны хотя бы потому, что еще неделю университет функционировал в режиме забастовки и бойкота лекций со стороны студентов³⁵⁴; дело дошло до прямых столкновений между студентами-забастовщиками и студентами, желающими слушать лекции³⁵⁵; происходят скандальные инциденты, когда профессора физически не допускают до самой аудитории³⁵⁶, после чего 2 октября Совет университета вновь выносит решение о приостановлении занятий — на этот раз уже вопреки прямому указанию Совета министров³⁵⁷ (при этом ректор распорядился напечатать объявления об этом в ведущих газетах³⁵⁸). Одновременно происходит и мобилизация сил правых — на студенческой сходке 2 октября фактически происходит драка между «академистами» (за которыми стояли СРН и РНС Михаила Архангела) во главе с Георгием Шенкеным и революционно-настроенными студентами, во время которой бьются стекла и изымаются вещественные доказательства (кочерга и костыль Г. Шенкена)³⁵⁹. Противостояние университетской корпо-

³⁵³ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 40об.

³⁵⁴ Показания профессоров о забастовке подробно излагаются в протоколах Совета: Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 30 сентября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 220–229; Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 октября 1908 г. // Там же. С. 230–240.

³⁵⁵ [Телеграмма Георгия Шенкена — Министру народного просвещения, 2 октября 1908 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 159. Л. 114. Как констатировал впоследствии профессорский дисциплинарный суд, «определить индивидуальных виновников» этих столкновений ему оказалось невозможно ([Приложение 2 к протоколу заседания Совета СПб. университета 29 января 1909 г.] Из заключения профессорского дисциплинарного суда по делу о столкновениях между студентами, имевших место на частном собрании студентов 2 октября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. №65. СПб., 1910. С. 32–33).

³⁵⁶ См.: Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть... С. 63.

³⁵⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 октября 1908 г.... С. 240; Исп. Обязанности ректора — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 2 октября 1908 г. №1193 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 57.

³⁵⁸ Канцелярия университета — в газеты «Новая Русь», «Речь», «Новое время», «Слово». 2 октября 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 58–59.

³⁵⁹ См.: Брачев В.С. Студенты Горного института — против В.М. Пуришкевича... С. 27. См.: Побойще на сходке в университете // Петербургская газета. 1908. 3 октября. №272. С. 3.

рации с правительством и правыми вошло, таким образом, в кульминационную стадию. 4 октября в правительственном официсе «Россия» появился новый министерский проект университетского устава, сильно ограничивающий автономию высших учебных заведений (в частности, вводивший возможность замещения профессорских кафедр по назначению, а не по выборам)³⁶⁰ — появление этого проекта (прохождение которого через Государственную думу было маловероятно) являлось очевидным предостережением кадетской профессуре³⁶¹.

3 октября 1908 г. В.М. Шимкевич как исполняющий обязанности ректора «имел аудиенцию» у П.А. Столыпина, на которой давал председателю правительства объяснения относительно политики Совета. Судя по протоколу заседания университетского Совета, беседа П.А. Столыпина с В.М. Шимкевичем (в изложении последнего) носила весьма напряженный характер — позиция премьера была жесткой³⁶². П.А. Столыпин недвусмысленно дал понять, что Совет министров не смирится с закрытием университета и не остановится перед полицейским вмешательством. В то же время премьер намекнул на возможность правительственных уступок в вопросе о студенческих организациях и в вопросе продолжения образования теми вольнослушательницами, которые уже поступили в университет³⁶³. Кажется неслучайным, что в тот же день (3 октября) кадетская часть коалиционного студенческого комитета, не согласная с продолжением забастовки, вышла из него³⁶⁴. Общение с премьером побудило В.М. Шимкевича собрать на следующий день, 4 октября, очередное срочное заседание Совета, на котором по предложению декана юридического факультета профессора Д.Д. Гримма было принято обращение Совета к студентам с просьбой о прекращении забастовки. Текст обращения,

³⁶⁰ Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты... С. 46. Ср.: Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество... С. 99.

³⁶¹ Ср.: Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 510–511.

³⁶² О позиции П.А. Столыпина относительно забастовки 1908 г. см., напр.: Levin A. Peter Arkad'evich Stolypin: A Political Appraisal // The Journal of Modern History. 1965. Vol. 37. No.4. P. 458; Ascher A. P.A. Stolypin: The Search for Stability... P. 244–245.

³⁶³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 октября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 245–247.

³⁶⁴ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1908 года в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1979. №8. Вып. 2. С. 32.

составленный вполне в патетическом стиле, связывал с отказом студентов «от насилия» само существование университетской автономии³⁶⁵. Совет поспешил выступить с этим заявлением до официального опубликования постановления Совета министров о возобновлении занятий в Петербургском университете, принятого в тот же день³⁶⁶.

Новое обращение к студентам Совета, аналогичный призыв таких авторитетных лидеров либерального движения, как К.К. Арсеньев и П.Н. Милюков³⁶⁷, обещание частичного удовлетворения требований забастовщиков и одновременно реальная опасность применения силы со стороны властей (по примеру Киевского и Казанского университетов), а также, кроме всего прочего, и элементарное желание продолжить образование изменили соотношение сил в студенческой массе. «Кадетская точка зрения» победила — забастовку было решено прекратить³⁶⁸, и с 6 октября согласно распоряжению министра народного просвещения³⁶⁹ в университете возобновились занятия³⁷⁰. Впрочем, полноценное возобновление учебного процесса как в университете, так и в других столичных вузах состоялось еще через неделю — с 13 октября³⁷¹. Разумеется, в числе общих факторов, способствовавших прекращению забастовки, было и снижение градуса социальной активности столичного студенчества в сравнении с недавней революционной эпохой. Как с возмущением писал один из радикальных студентов, участников забастовки октября 1908 г.,

«Молодежь, которая раньше прятала сапоги, чтобы до вечера не вставать от первого тома “Капитала”, бунтовала против родителей и учителей, до хрипоты спорила в кружках и до дыр зачи-

³⁶⁵ Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 октября 1908 г.... С. 248–249. См. также: Слово. 1908. 5 октября; От Совета Императорского С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 64.

³⁶⁶ [Приложение 1 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1908 г.] Выписка из правительственного вестника от 5 октября 1908 г. №217 // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 260–262; [Объявление о возобновлении занятий в высших учебных заведениях] // Правительственный Вестник. 5(18) октября 1908 г. №217. С. 1.

³⁶⁷ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1908 г.... С. 32.

³⁶⁸ 7 октября большинством голосов на очередной сходке студенты высказались за официальное прекращение забастовки (Там же. С. 32).

³⁶⁹ Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа. 5 октября 1908 г. №25988 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 65–65об.

³⁷⁰ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 251.

³⁷¹ Брачев В.С. Студенты Горного института — против В.М. Пуришкевича... С. 27; Возобновление обычных занятий в высшей школе // Петербургская газета. 1908. 14 октября. №283. С. 3.

тивала брошюры “из Жене́вы” — теперь увлеклась Бальмонтом, нет Кузьминым, нет <...> футболом!»³⁷²

Либеральные органы печати открыто высмеивают «революционное студенчество», которое предстает в качестве невежественного и демагогического персонажа, наряду с правительством мешающего установлению правильного хода университетской жизни³⁷³. В среде студенчества начинают обретать популярность новые идеалы, связанные, правда, не столько с наукой, сколько с культом индивидуализма, чувственных удовольствий, личной самореализации в противовес каким-либо общественным идеалам. Огромную популярность приобретает роман М.П. Арцыбашева «Санин» и его герой, что вызывает искреннее возмущение радикальной интеллигенции³⁷⁴.

Кстати, в связи с этим любопытны наблюдения В.П. Яковлева, который, анализируя ситуацию, связанную со снижением политической активности студенчества в этот период, показывает и снижение «интереса к науке» (рассматривая деятельность студенческих научных обществ и участие студентов в конкурсе научных работ)³⁷⁵. Трудно сказать, насколько справедливы заключения исследователя о том, что «студенты, уволенные за активное участие в беспорядках, как правило, были активны и в науке»³⁷⁶. Однако можно выдвинуть предположение об *общем* снижении студенческой активности, особенно после того, как университет покинуло «пассионарное поколение» революционной эпохи.

В то же время и в условиях постоянного правительственного давления на университеты у социал-демократов, разумеется, оставались широкие возможности для пополнения своих рядов из числа фрондирующих студентов. Среди лидеров послереволюционного поколения студентов-революционеров можно выделить социал-демократов М.М. Аменицкого, Н.В. Аполлонова,

³⁷² Ярмолович А. Смерть призраков... С. 8.

³⁷³ См.: Левченко В. Кризис университетской жизни (Мысли студента) // РМ. 1908. №5. С. 111–121.

³⁷⁴ См.: Фромметт Б. Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912. С. 88–89.

³⁷⁵ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 133–134.

³⁷⁶ Там же. С. 134.

С.Я. Багдатьяева, С.А. Броунштейна, П.В. Дашкевича, В.Э. Кингисеппа, А.А. Масленникова, Г.А. Усиевича, М.В. Серебрякова, Г.В. Цыперовича и др.³⁷⁷, социалистов-революционеров И.А. Мануйлова, М.Н. Мясоедова, Э.А. Левенберга, Д.М. Богословского, Н.Н. Ребровского³⁷⁸.

На первом заседании Совета, состоявшемся после пролетевшей «бури», И.И. Боргман по единодушной просьбе коллег дезавуировал свое заявление об отказе от ректорской должности и вновь взял в свои руки бразды правления университетом; был избран и новый состав Советской комиссии, в которую вновь с большим отрывом от остальных кандидатов были избраны профессора из «кадетского списка» (В.О. Дерюжинский, В.А. Стеклов, Э.Д. Grimm, М.Я. Пергамент, А.Е. Фаворский, В.В. Бартольд, И.А. Покровский, И.М. Гревс)³⁷⁹. Единственной кадровой потерей, которую пришлось понести администрации университета, был профессор Ф.А. Браун³⁸⁰, который в разгар противостояния с министерством подал в отставку; однако на его место «либеральной партией» был выдвинут профессор Э.Д. Grimm, еще перед выборами выступивший с заявлением (аналогичным сделанному два года назад Ф.А. Брауном)³⁸¹, в котором предупредил Совет о своем понимании существующего законодательства относительно обязанностей проректора, после чего был избран на искомую должность подавляющим большинством голосов³⁸². Либеральная университетская коллегия активно продолжала отстаивать свою общественную позицию и на публичном поле, начав судебный процесс по обвинению в клевете против своего бывшего члена, академика А.И. Соболевского, выступившего в прессе с «разоблачениями» тех «безобра-

³⁷⁷ Малкин Б.Г., Батулин-Виноградов М.М. Петр Васильевич Дашкевич // Петербургский университет и революционное движение... С. 169. Ср.: Великанова А.Я., Кондратьев Б.П., Почебут Г.А. На пути ко второму штурму. Л., 1974. С. 100; Зверев В.М., Клушин В.И. Михаил Васильевич Серебряков. Л., 1968. С. 20–22. См. также материалы, связанные с правительственными репрессиями против студентов: РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 207. Л. 6, 23.

³⁷⁸ Там же. Л. 6–6об., 23.

³⁷⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1908 г.... С. 250–259.

³⁸⁰ См.: Тихонов И.Л. Ф.А. Браун — профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // Клио. 2016. №8. С. 76–77.

³⁸¹ Ф.А. Браун вновь занял пост декана Историко-филологического факультета — должность, которую в период его проректорства занимал Ф.Ф. Зелинский (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. С. 35).

³⁸² Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 ноября 1908 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.... С. 276–281.

зий», которые стали происходить в университетских стенах с началом революции (в том числе, с утверждениями о причастности старост университета к ограблению университетской кассы и о попытке правления университета «замять» это дело)³⁸³.

Итак, в конце сентября – октябре 1908 г. правительство пошло на некоторые уступки как студенческому движению, так и университетской корпорации, намекнув на возможность восстановления упраздненного ранее института факультетских старост и разрешив «неправильно допущенным» в университет вольнослушательницам завершить свое обучение³⁸⁴. На этом основании в лагере консерваторов даже звучали разочарованные голоса о том, что «положение Шварца сильно поколеблено»³⁸⁵. Однако на деле события сентября – октября 1908 г. послужили толчком к изданию Сенатского указа министру народного просвещения от 28 ноября 1908 г.³⁸⁶ Согласно этому указу «Временные правила» 27 августа 1905 г. не ограничивали права и обязанности министра народного просвещения, определенные университетским Уставом 1884 г. Издание такого указа свидетельствовало, что министерство не собирается останавливаться в своем наступлении на университетскую «автономию». В 1908 г. происходят и первые случаи смещения избранных ректоров университетов. Так, по обвинениям в проступках, аналогичных предъявляемым руководством столичного университета, от должности ректора Юрьевского университета увольняется профессор Е.В. Пассек, от должности ректора Новороссийского университета — профессор И.М. Занчевский (вместе с ним уволили

³⁸³ См.: *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть... С. 15–38.

³⁸⁴ См.: *Правительственный вестник*. 25 сентября 1908 г. №10; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 ноября 1908 г. // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.*... С. 267–268; О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения, в качестве посторонних слушательниц, окончания слушания курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях // *ЖМНП*. 1908. №11–12. *Правительственные распоряжения*. С. 42.

³⁸⁵ См.: *Киреев А.А.* *Дневник*... С. 289–290.

³⁸⁶ Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г. // *Право*. 1908. 7 декабря. Стлб. 2738–2739. Официально содержание указа было доведено попечителем учебного округа А. Мусиным-Пушкиным до сведения университета в феврале 1909 г., см.: [Приложение 4 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1909 г.] Попечитель СПб. Учебного округа — ректору университета. №2765 // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.*... С. 56; [Приложение 5 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1909 г.] Министр народного просвещения — Попечителю СПб. Учебного округа, 31 января 1909 г. №2312 // Там же. С. 56–60. См. также: [Указ ЕИВ, из Правительствующего Сената, Министру народного просвещения, копия] // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 130. Л. 13–14об.

и проректора Е.В. Васьковского)³⁸⁷, что вызвало единодушный протест петербургской профессуры³⁸⁸ и соответствующую нервную реакцию министра³⁸⁹. Однако, как отмечали сами кадетские профессора, «расчеты» на забастовку были «колоссальной ошибкой», после нее «положение Шварца можно считать еще более упроченным — следовательно, результат получился обратный»³⁹⁰. Поэтому, несмотря на то, что свою роль в «успокоении» студенчества сыграло усиление в студенческой массе после 1907 г. влияния кадетов³⁹¹, было очевидно, что в ходе самой забастовки следовавшая в фарватере профессорской политики кадетская студенческая организация проявила явную непоследовательность, чем нанесла серьезный ущерб своей репутации. В результате в скором времени в среде студенчества влияние партии «народной свободы» ослабло, и вновь усилились позиции экстремистских политических организаций, прежде всего большевиков³⁹². Между тем, ликвидация Совета старост как общеуниверситетского студенческого органа (в котором было постоянное кадетское представительство), лишив профессоров средства контролировать деятельность студенческого самоуправления, отнюдь не лишило этой возможности радикальные партии, которые продолжали действовать уже «давно отработанными» методами через легальные организации — и прежде всего землячества³⁹³.

³⁸⁷ См. об этом, напр.: *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 14; *Брачев В.С.* Студенты Горного института — против В.М. Пуришкевича... С. 30; Приговор по делу одесских профессоров // *Колокол*. 1909. 1 марта. С. 2; *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. I. С. 596, 671.

³⁸⁸ См. напр.: Отголоски процесса Новороссийского университета // *Речь*. 1909. 2 (15) марта. С. 1.

³⁸⁹ См., переписку по этому поводу между МНП и должностными лицами университета: РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 309. Л. 18–21.

³⁹⁰ *Гредескул Н.А.* Доклад [на Совещании конституционно-демократической фракции III Государственной думы с представителями провинциальных групп] // Съезды и конференции конституционно-демократической партии... Т. 2: 1908–1914. С. 52.

³⁹¹ См., напр.: *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии России в конце XIX — начале XX века. Дисс.... докт. ист. наук. СПб., 2000. С. 10, 13. Ср.: *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество в России. М., 1982. С. 178–179.

³⁹² См., напр.: *Баранова А.Н.* Борьба большевиков за демократическое студенчество в период реакции (1907–1910). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1973. С. 23–24.

³⁹³ *Рогозин И.И.* Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910 — февраль 1917 г.). Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 52; *Дмитриев Г., Ваксельман М.* Туркестанское землячество в Петербурге // *Звезда Востока*. 1960. №8. С. 159–160. Ср.: *Борисенко М.В.* Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 — феврале 1917 г. (историография вопроса) // *Очерки по истории Ленинградского университета*... Т. 5. С. 145; *Баринов Д.А.* Землячества Петербургского (Петроградского) университета: от Революции к Мировой войне // *Клио*. 2016. №8. С. 34–35.

Новое «наступление» на университеты министр начал в феврале 1909 г. с требования передачи под контроль министерства т. н. «специальных средств» университета, т. е. дополнительно заработанных университетом денег, направляемых на оплату труда сверхштатных профессоров, приват-доцентов и другие нужды³⁹⁴; бюрократическая борьба за университетские финансы шла весь 1909 г. Власти, правда, безуспешно грозились взыскать с должностных лиц университета деньги, «незаконно» полученные ими из специальных средств в 1905–1909 гг.³⁹⁵ Согласно официальным документам, новых открытых «политических» столкновений университета с министерством удавалось избежать вплоть до декабря 1909 г. Более того, руководство университета, желая найти общий язык с министерством в финансовых вопросах, предприняло ряд мер запрещающего и репрессивного характера против студенческого движения. Меры эти, будучи на деле формальными, делали и без того непростые отношения профессорской коллегии со студенчеством еще более напряженными³⁹⁶. Однако, как показала практика, «оборонническая» позиция университета не только не помогла решению финансовых вопросов, но и не остановила новые действия правительства, направленные на установление контроля над столичным университетом. Протоколы заседаний Правления

³⁹⁴ [Приложение 3 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1909 г.] Министр народного просвещения — Попечителю СПб. Учебного округа, 11 февраля 1909 г. №3015 // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 53–55.

³⁹⁵ Выписка из журнала Совета государственного контроля от 3 ноября 1910 // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 20. Л. 3–9об.; Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Министру народного просвещения, 11 июля 1912 г., №20350 О сложении с Правления СПб университета начета Контрольной Палаты в сумме 104523 руб. 36 коп. // Там же. Л. 47–49.

³⁹⁶ Речь идет о наложении запретов на созыв студенческих сходок в университете, систематически практиковавшийся Советской комиссией в 1909 г., что, однако, не мешало им иногда собираться (см., напр., информацию о сходках 3 октября и 7 ноября: Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 8 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 132–135; Ректор — попечителю СПб. Учебного округа, 7 ноября 1909 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 309. Л. 25–26). В особенное возмущение студенческие массы привели постановления профессорского суда по делу о студенческом протесте в адрес Испанского посольства в связи с казнью революционера Г.Ф. Ферреро ([Приговор профессорского дисциплинарного суда от 28 октября 1909 г.] // Там же. Л. 31–31об.). При оценке этих постановлений следует учесть, что этот протест был составлен на незаконной сходке, содержал подписи конкретных студентов и (главное!) вышел за пределы университета, получив международный резонанс (был направлен в Испанское посольство). Профессорский суд вынужден был вынести его подписантам взыскания почти формального характера (удалявшие студентов из университета до конца семестра, т. е. на срок чуть более месяца). Другой повод для студенческого возмущения — «донесение» проректора Э.Д. Гримма петербургскому Градоначальнику о незаконной сходке 7 ноября, намеревавшейся судить судей упомянутого «профессорского суда». В результате в университет был направлен наряд полиции, который, тем не менее, насилия к студентам не применял (после его ухода сходка возобновилась). См.: Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 8 ноября 1909 г.... С. 135. Ср.: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990. С. 244; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 179–180.

университета свидетельствуют, что контроль попечителя над расходованием университетских финансов приобрел к 1910 г. фактически тотальный характер³⁹⁷.

3 декабря 1909 г. Университет одержал победу в судебном споре с академиком А.И. Соболевским, измышления которого относительно участия студенческих старост в ограблении университетской кассы и попытки администрации «замять» это дело были признаны клеветническими³⁹⁸. Однако в том же декабре 1909 г. руководство университета в полной мере осознало, что находится между двух «огней» — студенчеством и министерством. Министерство фактически открыто обвинило ректора и проректора в неисполнении своих обязанностей. Формальным поводом послужил съезд делегатов-вольнослушательниц всех университетов³⁹⁹, проходивший, по утверждению министерства, в октябре в столичном университете⁴⁰⁰ — ректор и проректор при этом заявляли, что съезда не было. Другой претензией министерства был отказ ректора и проректора назвать конкретные фамилии студентов, принимавших участие в революционных сходках (которых, по мнению министерства, администрация университета не могла не знать). Как заявил вызванному 19 декабря 1909 г. в министерство И.И. Боргману товарищ министра Г.К. Ульянов, «если ректор не может принять мер для достижения такой осведомленности, <...> то может кто-нибудь другой будет в состоянии это выполнять»⁴⁰¹. Это замечание дало И.И. Боргману повод для отставки, заявление о которой он сделал 20 декабря. Принимая заявление ректора об отставке в заседании, состоявшемся уже в январе 1910 г., Совет университета констатировал, что министерство стесняет академические и нравственные начала универ-

³⁹⁷ См.: Журналы правления университета за 1910–15 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13410–13422.

³⁹⁸ В конечном итоге, в результате поданной защитником А.И. Соболевского Б.В. Никольским апелляции А.И. Соболевский все-таки был оправдан по приговору С.-Петербургской судебной палаты 16 ноября 1910 г. См.: *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть... С. 36–38.

³⁹⁹ [Протоколы заседания съезда вольнослушательниц 18–27 октября, Копия] // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 309. Л. 40–53.

⁴⁰⁰ Эти данные министр А.Н. Шварц получил только в декабре из МВД (За министра внутренних дел — Его Превосходительству А.Н. Шварцу, 14 декабря 1909 г., №67578 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 309. Л. 39–39об.).

⁴⁰¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 января 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. №66. СПб., 1911. С. 4.

ситетской жизни, обнаруживает недоверие к органам Университетского управления и затрудняет выполнение Советом возложенных на него законом обязанностей. Совет также подчеркнул абсолютную невыполнимость требований об «осведомленности» о студенческих делах в его министерском понимании⁴⁰². Одновременно с ректором в отставку подал и проректор Э.Д. Гримм — однако, когда министр заявил, что невозможно одновременно удовлетворить прошения об увольнении ректора и проректора, последний согласился остаться до избрания нового ректора, предупредив министра, что «никаких изменений» в «свой образ действий он вносить не будет»⁴⁰³. В конце января конфликтная ситуация в отношениях корпорации с министерством усугубляется отказом последнего утвердить по представлению университета приват-доцентом физико-математического факультета Г.Л. Тираспольского «в виду имеющихся в распоряжении министерства неблагоприятных сведений» о его прежней преподавательской деятельности⁴⁰⁴, что было очевидным вызовом «традиционному праву» университета.

После принятия отставки И.И. Боргмана, в феврале 1910 г., исполнение его обязанностей перешло к В.А. Жуковскому как к старшему по службе декану (факультета восточных языков). В.А. Жуковский был, пожалуй, самым консервативным членом университетского правления. Однако и ему, по видимому, не удалось в достаточной мере снизить накал «страстей» в профессорском совете, которые бушевали на его февральских заседаниях 1910 г., когда проходило выдвижение кандидатур на должность ректора университета. Примечательно, что первое из них даже было признано не состоявшимся за недостатком кворума, поскольку было полностью проигнорировано «консер-

⁴⁰² Там же. С. 11–12. Особенно резко относительно предложений об «осведомленности» выступил профессор В.А. Стеклов — его выступление даже не попало в печатные протоколы Совета. По его словам, ни один ученый просто «не имеет права взять на себя исполнение тех обязанностей», которые на профессоров возлагало министерство (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11357. Л. 6).

⁴⁰³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 января 1910 г.... С. 7. Впрочем, Э.Д. Гримм не совсем сдержал свое обещание — в последние недели своего проректорства, в отличие от предшествующего времени, он легко разрешал «частные собрания студентов» (на деле революционные). См., напр.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 23. См. также: [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях... Л. 42об., 43об.

⁴⁰⁴ Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 1 февраля 1910 г., №40., Секретно, копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 156. Л. 2–2об.

вативной партией»⁴⁰⁵. Но вскоре либерально-кадетское большинство мобилизовало ресурсы⁴⁰⁶ и организованно провело голосование (1 марта), на котором с большим отрывом победил член ЦК кадетской партии Д.Д. Гримм (за его кандидатуру было подано 58 голосов, против 7)⁴⁰⁷. Столь впечатляющая поддержка Совета, несомненно, способствовала тому, что министерство утвердило (22 марта) этого явно оппозиционного власти кандидата⁴⁰⁸ — а планы назначить лояльного власти ректора (говорили о профессоре С.П. фон Глазенапе)⁴⁰⁹ пришлось отложить.

Вплоть до мая университет возглавляли братья Гримм — один в должности ректора, другой в должности проректора. Эта «семейственность» была связана с тем, что процесс увольнения проректора затянулся из-за бюрократических проволочек. Однако в мае произошли перемены — проректором был избран близкий ректору профессор И.Д. Андреев; на освободившееся место декана юридического факультета был избран один из наиболее активных деятелей «либеральной партии» профессор И.А. Покровский⁴¹⁰. Казалось, после этих перестановок университетская среда успокоилась, об этом, в частности, свидетельствует снижение интенсивности советских заседаний — во втором полугодье 1910 г. было проведено всего одно заседание Совета (для сравнения в первом семестре — 6)⁴¹¹. Профессора «берегли силы» в преддверии обсуждения нового проекта устава университетов, внесенного правительством в Думу в мае 1910 г. (проект этот подвергался критике как резко ограничивающий

⁴⁰⁵ См.: [Приложение 3 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 15 февраля 1910 г.] Журнал частного собрания членов Совета Императорского С.-Петербургского университета 1 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 31–32.

⁴⁰⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 февраля 1910 г.... С. 17–21; Протокол заседания Совета СПб. университета. 22 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 63–65.

⁴⁰⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 1 марта 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 67–68. Примечательно, что необходимое для выборов формальное большинство, кроме Д.Д. Гримма, набрали только два опальных проректора (Э.Д. Гримм и Ф.А. Браун); см.: Там же.

⁴⁰⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 апреля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 74.

⁴⁰⁹ См.: Толстой И.И. Дневник. 1906–1916... С. 283.

⁴¹⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 мая 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 121–122.

⁴¹¹ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г....

права университетских советов)⁴¹². Еще в конце 1908 г. на совещании в министерстве ректор И.И. Боргман совместно с ректором московского университета А.А. Мануйловым отвергли этот проект как «попытку отбросить русские университеты назад к тому режиму, полная несостоятельность которого доказана опытом»⁴¹³. Подготовка нового проекта университетского устава шла на фоне обострившихся дискуссий по университетскому вопросу в обществе и в стенах Государственной думы. После февральских событий правые выступили с развернутым обвинением в адрес профессорской коллегии⁴¹⁴. В мае 1910 г. они обратились с обширным запросом в Государственной думе в адрес Правительства по поводу положения в высшей школе. Немалое внимание в запросе уделялось и столичному университету, профессура которого обвинялась в покровстве деятельности незаконных студенческих организаций, распределявших казенные средства, а также в попустительстве революционным сходкам⁴¹⁵. Однако большинство всячески противодействовало его быстрому обсуждению в Думе⁴¹⁶ — Комиссия по запросам закончила его обсуждение только в середине ноября⁴¹⁷, а в Думе запрос стал обсуждаться только в феврале 1911 г., т. е. уже в новой ситуации после кризиса января 1911 г., спровоцированного министерством А. Кассо⁴¹⁸.

⁴¹² Ропн А.Н. Что сделала Третья Государственная дума для народного образования. СПб., 1912. С. 52. Ср.: Выдрин Р. Накануне нового университетского устава // Современный мир. 1910. №2. С. 70–79.

⁴¹³ Цит. по: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания... С. 126, 269; Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты... С. 46. Ввиду того, что Петербургский университет проявил в этом вопросе солидарность с Московским, для характеристики его позиции интерес представляют решения Совета Московского университета по вопросу устава высших учебных заведений, который в заседании 30 января 1910 г. специально обратился к министерскому проекту и принял постановления, в которых подчеркивалась необходимость университетской автономии, министру же, согласно решению Совета, предлагалось предоставить на обсуждение законодательных учреждений кроме своего проекта еще и сводку «заключений» Совета по предмету университетского устава (см.: ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 88. Д. 4. Л. 1, 2, 6).

⁴¹⁴ См., напр.: Пуришкевич В.М. [Выступление в прениях, Заседание 61. 3 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 2895–2897.

⁴¹⁵ См. также: [Заседание 99. 1 мая 1910 г.] Заявление №94 (спешное) о запросе председателю Совета Министров по поводу положения дел в высшей школе // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. IV. Стлб. 417–424.

⁴¹⁶ См.: Там же. С. 417–438; Шульгин В.В. [Выступление в прениях, Заседание 17. 10 ноября 1910 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1910. Ч. I. Стлб. 1205–1208.

⁴¹⁷ [Заседание 19. 15 ноября 1910 г.] // Там же. Стлб. 1310.

⁴¹⁸ [Заседание 60. 16 февраля 1911 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. II. Стлб. 2150–2202.

В то же время большинство Думы ясно дало правительству понять, что его симпатии на стороне профессуры. Так, в преддверии обсуждения нового университетского устава председатель думской Комиссии по народному образованию (бывший попечитель С.-Петербургского учебного округа и директор Женского медицинского института) октябрист В.К. фон Анреп заявлял: «Мы твердо стоим на одном: вмешательство Министерства в назначение профессоров, в распределение курсов, во взаимоотношения профессоров и студентов между собою есть посягательство на высшие учебные заведения, которое всегда будет препятствовать развитию науки, развитию порядка в этих учебных заведениях и будет служить всегда источником недоразумений, постоянных столкновений между двумя властями: между властью непосредственно ведущих дело, т. е. коллегией профессоров, и между высшим представителем власти — Министерством, добра от этого мы ждать не можем»⁴¹⁹. Разумеется, еще более резкие суждения о МНП и его главе содержатся в источниках личного происхождения. Вот, например, что пишет в своем дневнике И.И. Толстой о своем преемнике на министерском посту — «реакционере» А.Н. Шварце:

«Правительство усугубляет свою ответственность, держа во главе такого ответственного министерства, как ведомства народного просв[ещения], такую немецкую тупицу и эгоистического карьериста, как Шварц»⁴²⁰.

После того как одновременно с неудачами МНП в Государственной думе явным провалом закончилась и попытка установления контроля над столичным университетом, все более очевидной становилась неэффективность политики А.Н. Шварца в университетском вопросе, что во многом и предопределило его отставку и назначение на должность министра Л.А. Кассо в сентябре 1910 г.⁴²¹ Сам А.Н. Шварц, впрочем, полагал, что причиной неудач

⁴¹⁹ фон Анреп В.К. [Выступление в прениях, Заседание 61. 3 марта 1910 г.] // Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. Стлб. 2908.

⁴²⁰ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. II. 1910–1916. С. 34.

⁴²¹ Ср.: Ascher A. P.A. Stolypin: The Search for Stability... P. 246–247. Ср.: Соболевский С.И. Александр Николаевич Шварц. М., 1916. С. 178.

его министерства была недостаточно жесткая линия премьера, который «пове-рил нашептывавшим ему злым гениям» о необходимости послаблений в обра-зовательной политике и «сам пошел по стопам графа Толстого и фон Кауфма-на»⁴²². С.Ю. Витте, напротив, писал, что «Столыпин при всем своем либераль-ничанье требовал от министра таких мер и такого игнорирования законов, на которые Шварц не пошел», вследствие чего «оставил пост министра народно-го просвещения»⁴²³.

В пользу предположения С.Ю. Витте косвенно свидетельствует упомя-нутая выше записка под названием «Краткий очерк о волнениях и беспоряд-ках, происходивших в столичных высших учебных заведениях, и участии сту-денчества в революционном движении с 1882 до начала 1910–1911 учебного года», составленная в главой департамента полиции и, вероятно, адресованная премьеру весной или летом 1910 г. Корень революционного зла в высших учебных заведениях виделся ее автору в деятельности столичной профессуры, которую МНП было не в силах пресечь⁴²⁴.

8.4. 1910–1911: Кризис Кассо⁴²⁵

1910–1911 гг. вошли в историографию как столичного университета, так высшей школы в целом, как кризисные, связанные с «уничтожением» т. н. «университетской автономии» и началом нового «разгрома высшей школы». В связи с этим, деятельность министра народного просвещения Л.А. Кассо все-гда рисуется в литературе «черными» красками⁴²⁶, причем этот историографи-

⁴²² См.: Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания... С. 55.

⁴²³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 2. С. 877.

⁴²⁴ [Статковский П.С.] Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных выс-ших учебных заведениях... Л. 51–51об.

⁴²⁵ См. более подробно: Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука... С. 473–507.

⁴²⁶ Пешников В.В. В.И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973. С. 71–77; Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 61–65; Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 4, 184–201; Лейберов А.И. Борьба большевиков за руководство революционным сту-денческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 – февраль 1917 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 30–31; Оле-сич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество... С. 189 и др. Ср. работы постсоветского времени, напр.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа... С. 20; Романов Ю.В. Наука и власть: на-следие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов – 99». История. М.,

ческий дискурс формировался еще с дореволюционных времен, будучи связан с позицией политических оппонентов министра⁴²⁷. При этом особо одиозные черты министр приобрел после обретения статуса «классика» его известным политическим противником, который не стеснялся называть МНП эпохи Л.А. Кассо «министерством народного затмения», «министерством полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательством над народным стремлением к знанию»⁴²⁸. Попытаемся понять, насколько обоснован этот взгляд и каковы на деле природа и последствия кризиса 1911 г. для корпорации столичного университета.

Интересно, что Л.А. Кассо начал свою деятельность не с прямой конфронтации с профессорскими коллегиями, а как раз с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах законопроекта нового университетского устава⁴²⁹. Это решение последовало за частным совещанием комиссии Государственной думы по разработке университетского устава, созданным в помещении думской фракции кадетов 13 октября 1911 г. по инициативе ректора Д.Д. Гримма⁴³⁰.

В начале своего министерства в поисках решения «университетского вопроса» Л.А. Кассо попытался опереться на мнение консервативной и умеренной профессуры. По инициативе министра было созвано «частное» собрание профессоров-«академистов» преимущественно провинциальных университетов, проходившее с 16 по 18 декабря 1910 г. и вновь обсуждавшего будущий проект устава⁴³¹, где несмотря на «консервативный» состав участников

1999. С. 76–80. В то же время в новейшей литературе встречаются более взвешенные оценки деятельности этого министра. См.: *Змеев В.А.* Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998. С. 198–199.

⁴²⁷ См.: Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911; *Кожевников Г.* Проклятый вопрос (к современному положению университета). М., 1911; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. Кн. 1. С. 513; Кн. 2. С. 589, 725, 877; *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества... С. 127 и др. См. также, например, созданные в эмиграции воспоминания П.Н. Милюкова: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 56–57.

⁴²⁸ *Ленин В.И.* К вопросу о политике министерства народного просвещения // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1980. Т. 23. С. 128, 135.

⁴²⁹ *Ропп А.Н.* Что сделала Третья Государственная Дума для народного образования. СПб., 1912. С. 200.

⁴³⁰ За министра внутренних дел — министру народного просвещения, 23 октября 1910 г., №116885 // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 156. Л. 10.

⁴³¹ *Воробьева Ю.С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 35. Ср.: *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916... С. 347–348. *Kassow S.D.* Students, Professors and the State... P. 347; *Казанский П.Е.* Совещание профессоров в декабре 1910 г. (Доклад в Академическом Клубе, в Одессе). Одесса, 1911.

была подтверждена идея пусть не «политической», но «академической» автономии университетов⁴³². Позитивное впечатление на профессорское сообщество должна была произвести и замена товарища министра Г.К. Ульянова (у которого в «эпоху А.Н. Шварца» сложились конфликтные отношения со столичной университетской коллегией) на бывшего профессора Петербургского университета В.Т. Шевякова, пользовавшегося, по крайней мере, в профессиональном отношении уважением коллег⁴³³.

В этой связи следует учитывать, что началом «новой бури» можно считать отнюдь не действия министерства, а сходку студенчества по случаю смерти известного кадетского деятеля, профессора С.А. Муромцева, официально разрешенную ректором и происшедшую в октябре 1910 г.⁴³⁴, в президиуме которой, как не странно, наряду с либералами оказались также представители революционных партий. Сходка, в которой приняло участие около тысячи человек, приняла резолюцию, в которой «выражалась уверенность, что будут борцы, борцы-носители все еще не осуществившихся народных желаний, возлагавшихся на русскую революцию»⁴³⁵. После похорон С.А. Муромцева (чью могилу, кстати, к неудовольствию черносотенцев посетил и сам Л.А. Кассо⁴³⁶), в которых участвовала целая «делегация» Петербургского университета, включавшая как профессоров, так и студентов, вскоре, в ноябре 1910 г., появился повод для новых сходок и траурных демонстраций — 7 ноября 1910 г. — кончина графа Л.Н. Толстого⁴³⁷. За их организацией стояли вполне определенные политические силы. В директиве большевистского цен-

⁴³² Там же. С. 28.

⁴³³ См. показательное в этом смысле письмо проф. С.Ф. Платонова гр. С.Д. Шереметеву (С.Ф. Платонов — С.Д. Шереметеву. 26 декабря 1910 г. // Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2-х тт. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. В.Г. Бухерта. С. 143).

⁴³⁴ К кончине С.А. Муромцева // Речь. 1910. 7 (20) октября. №304. С. 3. Ср.: Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1983. №2. Вып. 1. С. 15.

⁴³⁵ Цит. по: Письмо тов. министра внутренних дел П.Г. Курлова упр. МНП Л.А. Кассо, 13 октября 1910 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 19об.

⁴³⁶ Гоз А.Л. Пуришкевич и правительственная политика в университетском вопросе // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 299.

⁴³⁷ В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 9 (22) ноября. №306. С. 3; В Петербурге // Русские ведомости. 1910. 9 ноября. №258. С. 4.

тра, адресованной петербургским большевикам, работавшим со студенчеством, указывалось: «несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — “долгой палачей”»⁴³⁸. Власть, со своей стороны, тоже это хорошо понимала — Л.А. Кассо еще накануне смерти писателя указал попечителям учебных округов на необходимость предупреждения обсуждения вопросов «противоправительственного и противоцерковного характера», которые могут начаться на собраниях «в связи с возможной смертью Л.Н. Толстого»⁴³⁹.

Чествование памяти Л.Н. Толстого радикальными организациями Петербургского университета облегчалось еще и тем, что оппозиционная власти писатель был избран почетным членом Университетского совета за два года до своей кончины (в разгар университетского кризиса 1908 г.)⁴⁴⁰. Первая сходка собралась уже 7 ноября в день смерти писателя, но носила немногочисленный характер⁴⁴¹. Возможности для проведения более масштабной сходки появились после того, как Советская комиссия в «знак траура по почетном члене Университета Л.Н. Толстом» постановила отменить на следующий день в университете все занятия и «если бы студенты Университета пожелали устроить собрание — таковое разрешить»⁴⁴². Одновременно проректор и профессор по кафедре истории церкви И.Д. Андреев обратился с просьбой к университетскому священнику В.Г. Рождественскому отслужить в церкви панихиду, что последний решительно отказался делать⁴⁴³, а это, без сомнения, способствовало оппозиционному настрою участников предстоящей сходки. Сходка 8 ноября, которая имела грандиозный характер (участвовало 3–4 тыс. человек) приняла резолюцию, прославляющую ушедшего писателя не столько как художника слова, сколько как борца со «светским и церковным официальным

⁴³⁸ Цит. по: Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество... С. 187.

⁴³⁹ Шифрованная телеграмма министра народного просвещения попечителям учебных округов от 7 ноября 1910 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 205. Л. 2.

⁴⁴⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г.... С. 158.

⁴⁴¹ Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 59.

⁴⁴² Протокол заседания Совета Императорского СПб. Университета. 8 ноября 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.... С. 136.

⁴⁴³ Тов. министра внутренних дел П.Г. Курлов — упр. МНП Л.А. Кассо, 30 ноября 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 20.

миром», оставившего «нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада, позорным явлением русской жизни — смертной казнью»⁴⁴⁴. Сходка завершилась антиправительственной демонстрацией и столкновениями с полицией, подробно описанными в протоколе Совета университета со слов ректора и проректора, которые пытались успокоить студентов⁴⁴⁵. Совет, выслушав это сообщение ректора и проректора, выразил полную поддержку их «в высшей степени целесообразным и тактичным действиям» и <...> постановил «на 9 ноября, день погребения тела графа Льва Николаевича Толстого, чтение лекций отменить», что дало возможность в этот день представителям землячеств и Организационного комитета университета провести новую массовую «траурную демонстрацию» под лозунгами протеста против смертной казни⁴⁴⁶. По приводившимся в литературе данным в ней приняло участие около 3 тысяч человек⁴⁴⁷. Каждая демонстрация сопровождалась столкновениями с полицией, что не останавливало, а скорее подогревало толпу⁴⁴⁸. 11 ноября на Васильевском острове состоялась траурная студенческая демонстрации под аналогичными лозунгами, в которой, по некоторым оценкам, приняло участие также порядка трех тысяч человек⁴⁴⁹; еще более масштабная демонстрация (примерно 10 тыс. человек — студентов и рабочих) прошла в этот день на Невском проспекте⁴⁵⁰. Демонстрация была разогнана полицией; новая массовая сходка (2 тыс. человек), организованная социал-демократами и эсерами прошла в университете 12 ноября⁴⁵¹; очередная сходка — на следующий день⁴⁵². Как отмечалось в литературе, Петербургский

⁴⁴⁴ Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки... С. 176. Ср.: Малкин Б.Г., Батуринов Виноградов М.М. Петр Васильевич Дашкевич... С. 170.

⁴⁴⁵ Протокол заседания Совета Императорского СПб. Университета. 8 ноября 1910 г.... С. 136–138.

⁴⁴⁶ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15.

⁴⁴⁷ Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество... С. 187; Мейлах Б.С. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979. С. 323.

⁴⁴⁸ См., напр.: Телеграф и телефон (По телефону от наших корреспондентов) // Русские ведомости. 1910. 10 ноября. №259. С. 2; У великой могилы // Речь. 1910. 10 (23) ноября. №309. С. 2; К кончине Толстого // Речь. 1910. 11 (24 ноября). №310. С. 3.

⁴⁴⁹ История Ленинградского университета. Очерки... С. 176.

⁴⁵⁰ Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 12 ноября. №261. С. 2.

⁴⁵¹ Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 13 ноября. №262. С. 2. Ср.: Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... С. 63.

⁴⁵² Мейлах Б.С. Уход и смерть Льва Толстого... С. 328.

университет стал, таким образом, центром общественного движения в столице, связанного со смертью Л.Н. Толстого⁴⁵³.

30 ноября следует новая студенческая сходка по очередному поводу — самоубийства политзаключенных в Зерентуйской тюрьме⁴⁵⁴. На последнюю сходку нагрянула полиция и арестовала 10 человек⁴⁵⁵. Репрессии, как обычно, только усиливали революционный настрой студенчества: уже следующая сходка, состоявшаяся 3 декабря и собравшая порядка 2500 человек обсуждала вопрос о всероссийской студенческой забастовке⁴⁵⁶. Только после этой последней сходки произошло первое столкновение администрации университета с новым главой МНП, причиной чего было длительное пребывание на сходке проректора. Как отмечается в протоколах Профессорского совета:

«До этого дня действия университетской администрации одобрялись министерством, а этот день вызвал нарекания и, главным образом, на действия проректора, за его продолжительное пребывание на сходке [на которой проректор убеждал студентов разойтись] <...> Ректору пришлось высказать г. Управляющему Министерством, что в подобных случаях невозможно давать никаких определенных директив, как следует действовать, ибо ясна может быть только одна цель сохранение университета»⁴⁵⁷.

Еще более подогрели протестные настроения студенчества кровавые события 8 декабря в Новороссийском университете, когда в ходе столкновения с академиками от случайной пули погиб один из левых студентов: в результате клуб академистов на Лесном проспекте подвергся настоящему разгрому (выбиты стекла, двери вымазаны дегтем), а 31 декабря клуб и вовсе сожгли⁴⁵⁸.

Таким образом, начавшиеся как «траурные», студенческие демонстрации быстро приняли характер масштабных антиправительственных манифестаций. Приznak нового революционного подъема в этом движении увидели лидеры радикалов (тем более что они во многом за ним и стояли). В.И. Ленин,

⁴⁵³ Там же. С. 324.

⁴⁵⁴ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г.... С. 14–15.

⁴⁵⁵ В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 3 (16) декабря. С. 3.

⁴⁵⁶ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15.

⁴⁵⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. №67. СПб., 1913. С. 11.

⁴⁵⁸ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 187.

характеризуя студенческие выступления, заявлял в «Рабочей газете» в декабре 1910 г.: «Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции»⁴⁵⁹. Правые также увидели в них прелюдию надвигающейся революции и призвали премьер-министра к более активным действиям и исключению из высших учебных заведений студентов, участвовавших в забастовке⁴⁶⁰. Газета «Русское знамя» заявляла, например, о том, что необходимо «перестать смотреть на современное студенчество, как на учащуюся молодежь, наивную неведомо, что творящую, хватит с ними церемониться»⁴⁶¹, одновременно, впрочем, указывая, что «профессура снова начала вырабатывать из вверенной ее обучению молодежи пушечное мясо»⁴⁶². Вестник Союза русского народа также обвинил в происходящем и министра народного просвещения, отметив, что как только он «взял обратно законопроект о реорганизации университетов, так и начались в университетах революционные бесчинства и преступные “манифестации”»⁴⁶³. Таким образом, с одной стороны, вплоть до начала 1911 г. в политическом дискурсе как крайне правых, так и крайне левых высшая школа представлялась очагом новой революции, с другой же стороны, новый министр оказался в глазах правых наряду с либеральной профессурой в числе ее вольных или невольных пособников.

Между тем, к этим акциям профессорская корпорация, утратившая с упразднением системы студенческого самоуправления, контроль и даже осведомленность о планах студенческих лидеров, оказалась совершенно не готова. Эта неготовность выразилась в смешанной реакции на деятельность демонстрантов как со стороны Университетского совета⁴⁶⁴, так и со стороны руково-

⁴⁵⁹ Ленин В.И. Начало демонстраций // Ленин В.И. ПСС. М., 1961. Т. 20. С. 75. См. также статью В.И. Ленина «Не начало ли поворота» (ПСС. Т. 20. С. 1–3).

⁴⁶⁰ См., напр.: Ascher A. P.A. Stolypin: The Search for Stability... P. 248.

⁴⁶¹ Цит. по: Завадский Н.Г. Студенческое движение и политические партии... С. 251.

⁴⁶² Скорее разогнать // Русское знамя. 1910. 19 ноября. №261. С. 1.

⁴⁶³ А.Б. Почему не стреляли // Русское знамя. 1910. 20 ноября. №262. С. 2.

⁴⁶⁴ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 ноября 1910 г.... С. 135–138; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г.... С. 4–7.

дства кадетской партии⁴⁶⁵. На совещании думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии, проходившем в Петербурге 8–9 мая 1911 г., П.Н. Милюков, отвечая «петербургским студентам» и объясняя «неясности» в позиции ЦК относительно студенческих демонстраций, проходивших в 1910/1911 учебном году, заявил, что им надо действовать самостоятельно и, «раз им приходится существовать <...> в условиях неконституционных, пусть каждый из них несет ответственность на себе»⁴⁶⁶. Иными словами, руководство кадетской партии давало понять студенческим организациям, что оно предоставляет им свободу действий, за которые нести ответственности не хочет. Одновременно, начиная с ноября 1910 г., П.Н. Милюков выступал с патетическими заявлениями, из которых было понятно, что пропагандируемая кадетами реформа высшей школы может быть осуществлена только с изменением государственного строя («Свободный университет может быть только в свободной стране!»)⁴⁶⁷. Таким образом, можно констатировать, что кадеты вновь, как и в годы первой русской революции, видели в университетах центр освободительного движения, однако по тактическим соображениям пока не готовы были бросать в бой свое главное оружие — «профессорские корпорации»⁴⁶⁸. Безусловно, в такой позиции лидеров кадетов видно и стремление не потерять из своих рядов профессоров, уставших от бесконечных студенческих «бойкотов» и забастовок, тем более что борющиеся с кадетами за влияние на профессию октябристы активно пропаган-

⁴⁶⁵ С одной стороны, было принято воззвание 37 членов Государственной Думы (частью членов кадетской партии), опубликованное в «Речи» (1910, 11 ноября), где предполагаемая студенческая демонстрация объявлялась «вредной» и «нежелательной». После же того как демонстрация состоялась, она была охарактеризована позитивно, причем в той же «Речи» в передовице, составленной П.Н. Милюковым (1910, 12 ноября). В результате студенческая группа к.-д. в университете оказалась дезориентированной относительно того, какую позицию ей следует занимать по отношению к забастовкам. См.: Протоколы совещания думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии 8–9 мая 1911 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии... Т. 2. С. 304–307.

⁴⁶⁶ Там же. С. 308–309.

⁴⁶⁷ См.: Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России... С. 40–41.

⁴⁶⁸ Как разъяснял студентам член ЦК проф. Ф.Ф. Кокошкин: «Левые признают забастовку своим обычным оружием, а для нас это положение немыслимо ни по составу партии, ни по взглядам. Как бы мы могли рекомендовать студентам забастовки и демонстрации, не идя с ними на улицу. Если бы мы пришли к сознанию необходимости забастовки, к решению пожертвовать университетами, прежде всего мы должны были бы обратиться к профессорам, а не к студентам. Но это могло бы быть в случаях совершенно исключительных, как исторические октябрьские дни» (Протоколы совещания думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии 8–9 мая 1911 г.... С. 311).

дировали идею о том, что «высшие учебные заведения не должны быть ни местом, ни орудием политической борьбы, а призваны служить исключительно делу духовного развития и высшего научного образования молодежи»⁴⁶⁹, одновременно отстаивая при этом идею о неприкосновенности университетской автономии⁴⁷⁰. Между тем, об усталости профессоров от периодических забастовок свидетельствуют их высказывания. В качестве примера, можно, например, привести горестные слова известного историка академика М.А. Дьяконова, написанные им как раз в декабре 1910 г.: «Ведь мы в буквальном смысле слова как загнанные клячи, которых и справа и слева бьют. Вот тут и уйди от политики. Это можно сделать, только бросив преподавательскую деятельность. А это дело сложное и нелегкое. А пока стоишь преподавателем, надо и лекции читать, практические занятия вести, тетрадки читать и экзаменовать. Вы [письмо адресовано московскому историку С.Б. Веселовскому] этих прелестей вполне еще не испытываете, потому Вам и трудно судить о нашей упряжке. Вон нынче во время забастовки с обструкцией пришлось грудью защищать двери аудиторий от расходившихся башибузуков»⁴⁷¹.

Можно сказать, что в условиях кризиса конца 1910 г. для Л.А. Кассо с очевидностью настал момент выбора — продолжение диалога с профессурой на ее языке или попытка навязать ей иную модель отношений с властью. Разумеется, выбор в пользу второго варианта был предопределен рядом факторов (давление правых, позиция премьера, двойственное поведение университетских коллегий во время недавних демонстраций), однако в то же время власти, вероятно, казалось, что видимая усталость профессуры от «башибузуков» благоприятствовала активным действиям МНП по наведению порядка в вузах. В результате «ответом» Л.А. Кассо (и стоявшего за многими его действиями

⁴⁶⁹ Декларация ЦК от 11 февраля 1911 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК, 1905—1915. В 2-х тт. М., 2000. Т. I. С. 318.

⁴⁷⁰ См.: Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России... С. 37–38.

⁴⁷¹ М.А. Дьяконов — С.Б. Веселовскому. 27 декабря 1910 г. // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М., 2001. С. 117.

П.А. Столыпина⁴⁷²) на антиправительственные акции в высшей школе стала подготовка ряда репрессивных документов правительства и министерства, изданных в конце 1910 – начале 1911 г.⁴⁷³ Смысл их заключался, прежде всего, в возложении на руководство университетов и профессорские коллегии «всей тяжести ответственности» (согласно постановлению Совета министров от 11 января 1911 г.)⁴⁷⁴ за возможные беспорядки в стенах высших учебных заведений и в запрете всех студенческих собраний (исключая собрания научного и учебного характера) в высшей школе.

Студенчество отреагировало на правительственные новеллы незамедлительно: уже 14 января «Правление землячеств СПб. университета» организовало сходку — распространялось воззвание к студентам с призывом защитить университетскую автономию от министерских посягательств⁴⁷⁵. Сходки в университете с аналогичными воззваниями продолжились и в последующие дни — 15 и 16 января⁴⁷⁶. Как и следовало ожидать, меры, предпринятые Л.А. Кассо, крайне негативно были оценены преподавательским сообществом высшей школы, в том числе и в профессорской среде Петербургского университета. Реагируя на правительственные циркуляры, ректор Д.Д. Гримм в своем заявлении, сделанном в заседании Профессорского совета 17 января 1911 г., подчеркнул, что «нормальный ход учебной жизни не может быть построен на

⁴⁷² О воздействии П.А. Столыпина на политику Л.А. Кассо см., напр.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15–16.

⁴⁷³ [Распоряжение Совета министров о временном запрещении собраний в стенах высших учебных заведений] // *Правительственный Вестник*. 1910. 10 (23) декабря. №269. С. 4; [Циркуляр министра народного просвещения попечителям учебных округов, 3 января 1911 г., №192] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 282–283; О надзоре за учащимися высших учебных заведений // *ЖМНП*. 1911. №3–4. Правительственные распоряжения. С. 38–40; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // Там же. С. 41–43; О максимальном сроке пребывания студентов Императорских университетов на факультетах // Там же. С. 43–44; Об установлении действительного контроля за посещением лекций и практических занятий, студентами, пользующимися стипендиями // *ЖМНП*. 1911. №5–6. Правительственные распоряжения. С. 41; [О сроках пребывания в университете] // Там же. С. 55; Об условиях допущения евреев к экзаменам в качестве экстернов // Там же. С. 55–56; [О свидетельствах о благонадежности] // Там же. С. 56–57; Об урегулировании порядка прохождения университетского курса и производства испытаний полукурсовых и окончательных в испытательных комиссиях // Там же. С. 57–58 и др.

⁴⁷⁴ Особый журнал Совета министров 4 января 1911 г. О мерах к обеспечению учащейся в высших учебных заведениях молодежи возможности беспрепятственно продолжать учебные занятия // *Особые журналы Совета министров Российской империи*. 1911. М., 2002. С. 19–20; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний... С. 43.

⁴⁷⁵ *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии... С. 238. Ср: *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... С. 157.

⁴⁷⁶ Там же. Приложение III... С. 68–69.

полицейских мерах», что требовать принятия их от Совета нельзя, что сами эти меры свидетельствуют о недоверии к Совету и его органам. Своим постановлением Совет единогласно выразил полную солидарность с заявлением ректора и просил его довести это заявление как мнение всего Совета до сведения министра Л.А. Кассо⁴⁷⁷.

В определенной степени упомянутое заявление Совета университета (аналогичные заявления делались и советами других высших учебных заведений), конечно, могло способствовать собственно началу студенческих беспорядков, проходивших с 20-х чисел января 1911 г. Вдохновленный этими профессорскими заявлениями 23 января 1911 г. Петербургский городской студенческий коалиционный комитет принял решение о забастовке под вполне либеральными лозунгами: «Долой политический произвол! Требуем неприкосновенности личности, свободы слова, союзов, собраний! <...> Требуем автономии высшей школы!»⁴⁷⁸. Впрочем, радикализм принятого тогда же бюро коалиционного комитета воззвания «Долой полицейский режим!» не давал повода усомниться в его истинно революционном характере⁴⁷⁹. Решение Комитета о забастовке поддержала и университетская студенческая сходка, состоявшаяся 26 января⁴⁸⁰. Согласно данным М.В. Борисенко, по результатам проведенного Коалиционным комитетом референдума по вопросу о забастовке «за» высказалось примерно 90% из принявших в нем участие (2500 человек)⁴⁸¹ или примерно 23,5% от общего числа университетских студентов. Однако, разумеется, в глазах голосовавших данное обстоятельство результатов их волеизъявления ничуть не обесценивало. После сходки 26 января ситуация в универси-

⁴⁷⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г.... С. 15–17.

⁴⁷⁸ Цит. по: *Круглова З.С.* Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. СXXXV. С. 35.

⁴⁷⁹ Забастовка в высших учебных заведениях // Новое время. 1911. 27 января (9-го февраля). №12528. С. 5–6.

⁴⁸⁰ Донесение чинов МВД // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 213. Л. 112; *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 190.

⁴⁸¹ *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение II. Таблица 11. Итоги референдума по вопросу о забастовке в высших учебных заведениях Петербурга в конце января – начале февраля 1911 г. С. 17. В.В. Пешников называл другую цифру участников сходки — 3000 человек (*Пешников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение... С. 73), в то же время источники из противного лагеря, напротив, несколько меньшую — 2 тыс. См., напр.: Из дневников князя В.П. Мещерского // Русское знамя. 1911. 1 февраля. №25. С. 3.

тете стала неуправляемой — радикальные студенты начали активную забастовку, т. е. препятствовали различными способами проведению занятий⁴⁸²: вламывались в аудитории с криком «Бастуй, товарищи!», разливали сернистый водород и пр.⁴⁸³

Поскольку, по мнению министерства, профессорские советы со своей задачей поддержания порядка не справились (и, более того, как видно на примере Петербургского университета, отказались брать ее выполнение на себя), а незаконные сходки в высших учебных заведениях продолжались, на территорию университетов были введены полицейские силы (без согласования с университетскими администрациями), и произведены массовые аресты студентов, принявших участие в забастовках⁴⁸⁴. Еще до начала забастовки в петербургских высших учебных заведениях полиции удалось арестовать десятых ее членов, в том числе большевика Н.В. Аполлонова, возглавлявшего Ковалицкий комитет⁴⁸⁵. Однако эти репрессии провоцировали новые протесты и демонстрации, которые, в свою очередь, порождали новые репрессии. Как известно, в Московском университете возмущение профессоров этим положением переросло в масштабный конфликт с министерством, в ходе которого ушли в отставку или были уволены порядка 130 сотрудников университета, в том числе около 30 профессоров и около 80 приват-доцентов⁴⁸⁶. В определенной степени такая резкая реакция московской профессорской корпорации была вынужденной — многие ее представители входили в руководство кадетской партии и не могли в сложившихся условиях оставаться на своих должностях, не дискредитируя партию⁴⁸⁷. В этом смысле столичной профессуре было проще занять более взвешенную позицию — вместо прямого разрыва с правительством Профессорский совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную

⁴⁸² В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 27 января (9 февраля). №26. С. 3.

⁴⁸³ См., напр.: Муций. Из мрака студенческой жизни // Русское знамя. 1911. 29 января. №23. С. 3.

⁴⁸⁴ См.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты... С. 47–48.

⁴⁸⁵ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г.... С. 17.

⁴⁸⁶ См., напр.: Там же. С. 17–18; Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. С. 116. Ср.: Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе... С. 164.

⁴⁸⁷ Ср.: Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 160–163.

тактику — пассивного сопротивления давлению министерства. Накануне неизбежного ввода в университет полиции Советская комиссия сперва попыталась закрыть университет⁴⁸⁸, причем, согласно протоколу Совета, составленному не без скрытого злорадства, министр «узнал о закрытии университета из газет» и «недовольным тоном заявил Ректору, что он не ожидал подобной меры, <...> и, что он пришлет предложение об открытии университета»⁴⁸⁹. Тем не менее, в итоге Профессорский совет получил передышку на три дня, в ходе которой смог заранее сформулировать свою позицию — ее смысл заключался в том, что «придется переломить себя и сделать попытку читать лекции, несмотря на присутствие в университете полиции», одновременно «стремясь по долгу совести смягчать меры» правительства, с которыми университет не согласен⁴⁹⁰. Одновременно Профессорский совет решил продолжить переговоры как на министерском уровне, так и на уровне Совета министров⁴⁹¹ (последнее обстоятельство также вызвало видимое раздражение Л.А. Кассо⁴⁹²) и принял обращение к студентам прекратить забастовку во имя «вечных и непреложных интересов науки», предупредив учащихся, что в противном случае «неотразимым станет вмешательство посторонней для университета власти, на действия которой Совет никакого влияния оказать не может»⁴⁹³. На частных совещаниях профессоров (т. н. «левой группы») рассматривался вопрос о необходимости выступления в связи с отставкой администрации Московского университета, однако, узнав, что отставка не только принята, но «отставленные» отстранены также и от должности профессоров, «левая» решила воздержаться от выражения официального протеста⁴⁹⁴, хотя и отправила сочувственную теле-

⁴⁸⁸ Ректор подписал решение об этом вечером 27 января (см.: Ректор — Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 27 января 1911 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 22).

⁴⁸⁹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 39–40. См.: Попечитель — ректору С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 23–23об.

⁴⁹⁰ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г.... С. 42; Постановление Совета Императорского С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 74.

⁴⁹¹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г.... С. 44.

⁴⁹² Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 46–47.

⁴⁹³ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г.... С. 43.

⁴⁹⁴ Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. №4. С. 152.

грамму «стойким борцам за право, за науку, за университет» А.А. Мануйлову, М.А. Мензбиру и П.А. Минакову — телеграмму в числе других 35 профессоров подписали ректор и проректор⁴⁹⁵.

Таким образом, «переломившие себя» профессора и приват-доценты явились читать лекции 31 января в университет, здание которого с утра уже было занято полицией. Это «преломление» действительно требовало определенного мужества, поскольку Коалиционный комитет, недовольный решением профессоров, поспешил заклеить их как «трусов и лицемеров» и направил им открытое письмо, в котором указывал: «Вы можете и не быть с нами, но быть против нас не имеете права <...> не мешайте нам в нашей борьбе за лучшие формы жизни, где слово “гражданин” не будет вызывать грустной улыбки, где студенчество сможет спокойно учиться, а ваше высокое звание охраняться не штыками и городовыми, а всеобщим уважением»⁴⁹⁶. Ряд университетских преподавателей (в том числе «левых»), заходя в аудиторию, подверглись прямому оскорблению со стороны студенчества⁴⁹⁷. Впрочем, некоторые профессора вскоре от чтения лекций в таких условиях отказались. Например, А.А. Шахматов официально уведомил декана историко-филологического университета о том, что прекращает хождение в университет и не берет вознаграждения за чтение лекций, «пока хозяином в университете не окажется Совет и ректор»⁴⁹⁸. Аналогичную позицию занял другой академик — профессор физико-математического факультета А.А. Марков, вовсе отказавшийся читать в университете лекции после правительственного постановления 11 января⁴⁹⁹.

Присутствие полиции не помешало студентам устраивать «обструкции» — всего в этот день было арестовано 410 человек⁵⁰⁰; ситуация не изме-

⁴⁹⁵ Заседание совета профессоров. В Петербурге. В высших учебных заведениях // Биржевые ведомости. 1911. 7 февраля. №12162. С. 3; В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 11 (24) февраля. №41. С. 4.

⁴⁹⁶ Цит. по: Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 г.... С. 36. Ср.: Толстой И.И. Дневник. 1906–1916... С. 352–353.

⁴⁹⁷ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество... С. 109.

⁴⁹⁸ Цит. по: Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета... С. 153.

⁴⁹⁹ История Ленинградского университета. Очерки... С. 177.

⁵⁰⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г.... С. 49.

нилась и на следующий день — 1 февраля⁵⁰¹. В прокадетской газете «Русские ведомости» яркими красками описывалась ситуация, сложившаяся в университете: «Присутствие большого количества полицейских со штыками и винтовками вдоль длинных коридоров университета, профессора с группой студентов, конвоируемые вооруженными городовыми на лекции, свист, крики и пение революционных песен, пары удушливого газа, распространяющиеся в коридорах и аудиториях»⁵⁰². К этим описаниям примыкают и зарисовки «Речи». Газета описывает, как профессора подвергались не только словесным оскорблениям со стороны разгневанной молодежи, но и «физическому воздействию». Так, в профессора М.Я. Пергаменту была брошена банка с «черной пахучей жидкостью»⁵⁰³. Один из студентов нанес оскорбление действием заслуженному профессору И.А. Ивановскому, подкараулив последнего у аудитории; по окончании лекции профессора он ударил его по лицу, после чего попытался скрыться, но был задержан полицией⁵⁰⁴. При этом очевидно, что аресты полицией производились без большого разбора, скопом. Об этом свидетельствует, например, то, что 31 января в числе прочих были задержано несколько членов «Академической корпорации» (освобожденные из под ареста по установлении этого обстоятельства)⁵⁰⁵. Ожесточению полиции могли способствовать и действия студентов, которые практиковали «химические обструкции» не только против лекций, но и против «полицейских нарядов». Однако, как с гордостью повествует о деятельности своих подчиненных товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов, эти атаки были отражены «своевременным применением полицией заранее заготовленного нашатырного спирта»⁵⁰⁶. Естественно, что многие профессора такой обстановки не выдерживали — с Н.Я. Марром случился истерический припадок⁵⁰⁷, А.А. Жижиленко

⁵⁰¹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 58–63.

⁵⁰² Цит. по: *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 152.

⁵⁰³ В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1911. 2 (15) февраля. №32. С. 4.

⁵⁰⁴ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г.... С. 61.

⁵⁰⁵ Тов. министра внутренних дел [П.Г. Курлов] — Л.А. Кассо // РГИА. Ф. 733. 1910 г. Оп. 201. Д. 207. Л. 42.

⁵⁰⁶ Тов. Министра внутренних дел [П.Г. Курлов] — Л.А. Кассо // Там же. Л. 35об., 42.

⁵⁰⁷ Там же.

упал в глубокий обморок⁵⁰⁸, а ректор Д.Д. Гримм просто заплакал и не смог читать лекцию⁵⁰⁹. Попечитель граф А.А. Мусин-Пушкин в отчаянии предложил уволить из университета всех студентов⁵¹⁰.

Между тем, Л.А. Кассо остается под огнем публичной критики, причем если критика со стороны либеральной печати носит завуалированный характер, выражаясь, прежде всего, в манере подачи материала, то критика правых вполне конкретна. Так, «Русское знамя» в передовице от 2 февраля решает, что во всем виноват сам «неспособный» министр Л.А. Кассо. Газета считает, что при прежнем режиме в случае волнений применялась «к буйствующим элементам и полицейская сила, ссылали студентов, но все это с такою осторожностью в минимальных дозах и при наставшей крайней необходимости»; предыдущий министр А.Н. Шварц характеризуется как «энергичный», «умный, твердый и опытный педагог», «при котором сразу прекратились все беспорядки» и который «заставил студентов учиться, а профессоров учить»⁵¹¹. На страницах издания в тот же день появляется еще одна статья, принадлежащая перу Михаила Сырокомля-Сопочко, где вновь звучит нелицеприятное по отношению к министру народного просвещения выражение: «Пора также понять, что Кассо уже кассировал самого себя»⁵¹².

Однако атакуемое и слева и справа МНП получает решительную поддержку верховной власти и правительства. В тот же день, когда «Русское знамя» выступает со своими нападками, 2 февраля Л.А. Кассо был официально назначен из управляющих министерством министром народного просвещения. Одновременно в газете «Новое время» были опубликованы ответы Л.А. Кассо на вопросы ее корреспондента. В этом интервью министр заявил, что предыдущий устав не требует коренного пересмотра, поскольку «дополненный Высочайшим указом от 27 августа он может прекрасно функционировать»⁵¹³. Министр при этом выразил уверенность, что «студенты, которые не хотят ра-

⁵⁰⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г.... С. 59.

⁵⁰⁹ Там же. С. 59–60. Ср.: *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и петербургское общество... С. 109–110.

⁵¹⁰ *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 15

⁵¹¹ С.-Петербург, 2 февраля 1911 г. // *Русское знамя*. 1911. 2 февраля. №26. С. 1.

⁵¹² *Сырокомля-Сопочко М.* Разумная и необходимая мера // Там же. С. 3.

⁵¹³ Беседа с министром народного просвещения // *Новое время*. 1911. 2 (15) февраля. №12534. С. 5.

ботать и мешают другим заниматься, будут удалены из высших учебных заведений», и отметил, что «меры, принимавшиеся с целью предупредить забастовку и обеспечить возможность учиться желающим, ни в каком отношении не затрагивают университетского самоуправления. Не знаю, почему у нас, говоря об университетском самоуправлении употребляют термин автономия. <...> Указом 27 августа профессорским коллегиям было даровано право принимать те или иные меры для обеспечения правильного течения академической жизни. Университетские советы и университетские администрации этим правом не воспользовались. Принять меры к прекращению беспорядков являлось обязанностью правительства. Никакого нарушения автономии не происходило, если не понимать под словом автономия “свободу студентов безнаказанно производить беспорядки”»⁵¹⁴. Таким образом, несмотря на внешнюю резкость ряда положений «интервью», Л.А. Кассо вновь обозначил рамки для диалога с профессорскими коллегиями.

Выступление министра проходит на фоне продолжающейся забастовки. 2–4 февраля прошли в университете очень бурно — «срывание лекций чередовалось с химическими обструкциями»⁵¹⁵, и такая ситуация, естественно, удерживала университетские события в фокусе общественного внимания. 4 февраля «Петербургская газета» констатировала, что «беспорядки принимают затяжной характер». 3 февраля лекций почти не было, лекция профессора М.А. Дьяконова сорвана студентами; у аудитории восточного факультета произошло столкновение студентов с полицией, студентов успокоил ректор Д.Д. Гримм⁵¹⁶. «Речь» в номере от 4 февраля сообщает о том, где именно находились внутри университета отряды полиции, описывает обструкции, сообщает, что профессор Э.Д. Гримм расплакался, будучи вынужденным окончить лекцию за 7 минут до конца из-за шума и свиста. Газета пишет и о том, что приват-доценты и профессора ходили по коридорам и уговаривали студентов не мешать ходу занятий. Проректор уговаривал студентов, прибегая к аргу-

⁵¹⁴ Там же. С. 5–6.

⁵¹⁵ В университете // Биржевые ведомости. 1911. 4 (17) февраля. №12156. Утренний выпуск. С. 2.

⁵¹⁶ В университете (В высших учебных заведениях столицы) // Петербургская газета. 1911. 4 февраля. №34. С. 4.

менту о том, что неучастие в эксцессах будет демонстрировать уважением к началам университетской автономии⁵¹⁷.

Становилось очевидно, что в диалоге заинтересованы обе стороны. Тактика профессоров, посылавших в министерство одну «депутацию» за другой с протестом против присутствия в университете полиции, начала приносить плоды — Л.А. Кассо согласился удалить полицию «из главного коридора, с тем, чтобы ей были предоставлены некоторые помещения в главном здании университета»⁵¹⁸, что и было сделано 3 февраля после согласования этого решения с министерством внутренних дел⁵¹⁹. Делегаты Профессорского совета непрерывно «внушали» правительственным чиновникам, что прекратить забастовку может только сам Совет. Вероятно, под влиянием московских событий (с 3 февраля началась массовая компания отставок в Московском университете)⁵²⁰ МНП было готово с большим пониманием отнестись к предложениям петербургских профессоров — по крайней мере, прокадетская «Речь» трактовала его позицию именно в этом смысле⁵²¹. В то же время обструкции продолжают и 3 февраля — ставя многих профессоров на грань нервного срыва. Так, по сообщению прессы в этот день на 7 минут раньше лекцию закончил брат ректора проф. Э.Д. Grimm и «покинув аудиторию, заплакал»⁵²². 4 февраля Д.Д. Grimm в качестве члена Государственного Совета имел частную беседу с председателем правительства П.А. Столыпиным, в которой настаивал, чтобы полиция без соглашения с ним не вводилась в коридор⁵²³. Хотя премьер и не дал определенного ответа, в дальнейшем это правило неукоснительно соблюдалось. На следующий день после беседы с ректором (5 февраля) премьер принимает студентов-академистов, пытаясь лично разобраться в происходя-

⁵¹⁷ В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1911. 4 (17) февраля. №34. С. 4.

⁵¹⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 65.

⁵¹⁹ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 7 февраля 1911 г. // Там же. С. 70.

⁵²⁰ См. напр.: *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 75.

⁵²¹ В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 3 (16 февраля). №33. С. 3.

⁵²² В высших учебных заведениях... // Речь. 1911. 4 (17 февраля). №34. С. 4.

⁵²³ Там же.

щем в университете⁵²⁴. Здесь следует отметить, что П.А. Столыпин, будучи, несомненно, сторонником жесткой политики в отношении наведения «порядка» в университетах, в то же время, по-видимому, питал особое чувство к своей alma mater⁵²⁵, в критические моменты вступая в прямой диалог с профессорской коллегией, которая, в свою очередь, не была настроена по отношению к премьеру так враждебно, как к его министрам просвещения⁵²⁶.

Таким образом, создалась ситуация, когда полицейские силы и профессора действительно в полном смысле слова сотрудничали, хотя и поневоле⁵²⁷ — в условиях полицейских репрессий кадеты провели среди студентов решение о ликвидации забастовки⁵²⁸. В этих условиях центристская и либеральная печать не жалеет усилий, описывая благотворную деятельность профессоров, например И.А. Покровского, который прочел лекцию о нравственных обязательствах и долге, благодаря чему волнение понемногу улеглось и профессора проводили аплодисментами. Профессор основал свою речь на принципах нейтральности науки⁵²⁹. Интересно, что правая пресса, напротив, диалогом недовольна. Так, «Свет» вновь говорит о том, что лекции были сорваны, так как профессора решили бороться с забастовщиками сами, без помощи полиции, и сообщает о драке между студентами-забастовщиками и академиками⁵³⁰. «Русское знамя» вновь возвращается к сравнению двух министров народного просвещения — на этот раз А.Н. Шварц характеризуется как

⁵²⁴ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 196.

⁵²⁵ Не без помощи премьера в 1911 г. в университете открывается музей Д.И. Менделеева (бывшего, кстати, университетским учителем П.А. Столыпина). См., напр.: *Ендольцев Ю.А.* П.А. Столыпин в Петербурге // Журнал Санкт-Петербургский университет. 2007. №3 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.spbu.ru/2007/09/20.shtml> (дата обращения: 05.07.2015).

⁵²⁶ В этом смысле показателен и факт выражения соболезнования вдове премьера О.Б. Столыпиной, направленных Советом в сентябре 1911 г. после теракта в Киеве, оборвавшего жизнь председателя правительства. См. также: Извещение о панихиде по скончавшемуся П.А. Столыпину в университетской церкви 6 сентября 1912 г // Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Оп. 1. Д. 447. Л. 250; *Остапчук Л.Б., Флоринский М.Ф.* «Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей». П.А. Столыпин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2002–2005. Т. III. С. 182–206.

⁵²⁷ В частности, профессора по просьбе проректора И.Д. Андреева «находились в коридоре» (!), т. е., по существу, *патрулировали* его, чтобы не допустить сходки, которая бы вызвала беспорядки (Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г.... С. 67.)

⁵²⁸ *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 18.

⁵²⁹ В университете (В высших учебных заведениях столицы) // Петербургская газета. 1911. 5 февраля. №35. С. 4.

⁵³⁰ В университете (В высших учебных заведениях) // Свет. 1911. 5 февраля. №34. С. 2.

«умный и опытный, почтенный возрастом», знавший всех профессоров и державший их в ежовых рукавицах. Газета передает, что профессора его «боялись, настроение их передавалось студентам, и наука русская сделала большие шаги вперед». Как это не парадоксально, именно «Русское знамя» начинает формировать миф о Кассо, его называют «еще мальчиком для государственного поста, да при том еще желающим подыграться под них [профессоров — *Е.Р.*] своим либерализмом», у которого отсутствует нравственный авторитет. Кроме того, его приход связывается с тем, что он «родственник главы политической партии, призванной решать в бюрократических похотях все государственные дела, так что через него можно провести и свои желания, например, профессорскую автономию»⁵³¹. Разумеется, критикуют позицию правительства и профессуры и крайне левые. Так, социал-демократическая «Звезда» видит в беспорядках «трагедию русской молодежи», так как многие уже исключены и сосланы, либеральные профессора топчутся на месте, «предают и студентов и друг друга», либеральные партии ограничиваются двусмысленными заявлениями, а Государственная дума хранит «гробовое молчание»⁵³². Газета критикует и действия министерства, которое «после грозных заявлений о твердости и неуклонности усмирительной политики, делает вид, что внемлет ходатайству профессоров и <...> уводит полицию из университетского коридора в одну из университетских аудиторий, возлагая таким образом полицейские обязанности на профессоров, которые становятся ответственными перед обществом за чужие распоряжения»⁵³³.

Тем не менее, в результате политики успокоения студенчества, проводимой Советом университета, а также, вероятно, и объявленных МНП угроз о возможном незачете полугодия и прекращении выплаты стипендий⁵³⁴, обструкции пошли на убыль⁵³⁵, параллельно уменьшалось и количество поли-

⁵³¹ С.-Петербург, 6 февраля 1911 г. // Русское знамя. 1911. 6 февраля. №29. С. 1.

⁵³² Искупительные жертвы // Звезда. 1911. 5 (18) февраля. №8. С. 3.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 24 февраля 1911 г., №7. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 102об.–103.

⁵³⁵ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 82–85.

цейских в университете⁵³⁶, при этом ректор многократно возбуждал вопрос о выводе полиции из университета, добившись своего к началу мая⁵³⁷. С другой стороны, большинству Совета удавалось гасить и радикальные предложения, возникавшие в профессорской среде. Так, 28 февраля 1911 г. А.А. Шахматов обратился с заявлением к Совету университета, в котором решительно настаивал на немедленном уходе полиции, признавая ее присутствие допустимым в здании университета только в том случае, если она находится там по распоряжению ректора⁵³⁸. Однако профессора уговорили А.А. Шахматова не вносить заявление в Совет официально, поскольку в уходе полиции Совету может быть отказано и тогда, по словам одного из оппонентов академика, профессора И.А. Покровского, «ректор и профессура будут морально обязаны уйти в отставку, начнется развал университета»⁵³⁹.

В результате «мероприятий», проведенных полицией, из Петербургского университета оказалось исключено 511 человек (5,3% от общего числа)⁵⁴⁰, некоторые из которых, как показало расследование, в действительности были невиновны в беспорядках. Пользуясь этим обстоятельством, с самого момента исключения Университетский совет (по инициативе того же А.А. Шахматова⁵⁴¹) в массовом порядке подает ходатайства о восстановлении уволенных студентов⁵⁴². Л.А. Кассо чувствовал, что Совет столичного универ-

⁵³⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 марта 1911 г. // Там же. С. 87.

⁵³⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. // Там же. С. 104–105.

⁵³⁸ *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 156.

⁵³⁹ Цит. по: Там же.

⁵⁴⁰ В литературе приводятся разные цифры на этот счет: от 1500 человек (*Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция... С. 31; *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии... С. 239) до 392 (в очерке Н.Г. Сладкевича и В.А. Овсянкина в кн.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 176), что отчасти объясняется различными показаниями источников. См.: Справка о числе студентов и слушательниц, исключенных из высших учебных заведений ведомства МНП по 11 февраля с.[1911]г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 23; Список лиц, исключенных из высших учебных заведений С.-Петербургского учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 207. Л. 63–69об.; Список лиц, исключенных из высших учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 111–119; Сведения о числе студентов, уволенных из высших учебн. заведений за участие в последних беспорядках // Там же. Л. 187 и др. Мы, вероятно, вслед за В.Г. Савельевой и В.П. Яковлевым (*Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г.... С. 19) опирались на «Список студентов исключенных, обратно принятых и допущенных к испытанию в качестве экстернов по 16 декабря с. [1911]г.» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 206. Л. 167), поскольку он составлен с учетом исправлений чиновниками министерства разного рода ошибок, сопровождавших начальные подсчеты.

⁵⁴¹ *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 156.

⁵⁴² Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 марта 1911 г.... С. 90; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г.... С. 107–108. Как установила полиция, для 76% исключенных студентов (т. е. 276 человек из 348, подавших к маю 1911 г. прошения об обратном приеме) «не встречается препятст-

ситета «переигрывает» его на бюрократическом поле, при этом периодически действуя «через голову министра», что вызывало его чиновничье возмущение. Поэтому неудивительно, что в ответ на просьбу профессоров министр в резкой форме заявил, что «Совет, совершенно, по-видимому, не интересуясь необходимой выработкой действительных мер для установления надзора за учащимися и предупреждения беспорядков, в то же время озабочен лишь скорейшим дозволением студенческих сходов и возвращением в университет лиц, уволенных за беспорядки»⁵⁴³, и восстанавливать уволенных студентов категорически отказался⁵⁴⁴. Кроме всего прочего, эта мера означала сильнейший удар по бюджету высшего учебного заведения⁵⁴⁵. Особенно неприемлемо для университетской корпорации позиция министерства выглядела в сочетании с его требованиями о сокращении предельного срока обучения в университете, сокращении периода отсрочки от воинской повинности и об ограничении принципа «предметной системы» обязательностью получения ряда зачетов по ходу прохождения курса (для зачета текущих полугодий), что также вело к значительному сокращению количества студентов и финансирования университета, в том числе «содержания личного состава» («основной удар» приняли приват-доценты, но пострадали и члены Совета — «внештатные профессора»)⁵⁴⁶. Усугубило ситуацию и то обстоятельство, что вопреки обычной практике

вий» к восстановлению. См.: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 146.

⁵⁴³ Министр народного просвещения — попечителю СПб. Учебного округа. 27 июня 1911 г. №20932 [Приложение 1 к протоколу заседания Совета СПб. Университета 12 сентября 1911 г.] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 152–153.

⁵⁴⁴ Ср.: Толстой И.И. Дневник. 1906–1916... С. 370.

⁵⁴⁵ Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 10 февраля 1911 г., №6. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 81об.–82; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 7 сентября 1911 г., №28. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13415. Л. 62об.–63; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 3 ноября 1911 г., №37. // Там же. Л. 230об.–232.

⁵⁴⁶ По примерным подсчетам в результате политики министерства, направленной на ограничение числа студентов и исключения по политическим мотивам, объем «сбора за слушание лекций» сократился с 1909 по 1912 г. на 70 тыс. рублей (с 399 тыс. до 329 тыс.), т. е. почти на 20%, а число студентов и слушателей сократилось за тот же период с на 1500 человек — с 8955 до 7455. При этом общее сокращение расходов «на содержание личного состава» из «специальных средств» составило порядка 90 тыс. рублей (примерно с 240 до 150 тыс.), что связано с установленным министерством контролем за «специальными средствами» и ростом ассигнований на хозяйственную часть. См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.... С. 44–46, 300; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. С. 71–74, 338; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912. С. 39–44, 245; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 41–45, 182–183; Прото-

в феврале 1911 г. МНП значительную часть остатков средств по университету из сметы 1910 г. «признало необходимым отчислить на свои нужды»⁵⁴⁷.

Естественно, что в этой ситуации Совет максимально использовал как бюрократические и правовые, так общественные возможности для дискредитации министра⁵⁴⁸. Самым обидным для Л.А. Кассо, между тем, было то, что на практике многие распоряжения министерства по-прежнему игнорировались, а Совет продолжал публично полемизировать с министром⁵⁴⁹. В конце концов, Совету удалось добиться своего, и из уволенных 520 человек обратно в университет было принято 376⁵⁵⁰. В то же время упомянутые выше меры министра, регулирующие порядок прохождения университетского курса, значительно увеличили процент «отсева» студентов с 871 (10%) в 1910 г. до 1548 (20,8%) в 1914 г.⁵⁵¹

Для характеристики атмосферы жизни университета вскоре после учиненного Л.А. Кассо «разгрома» укажем на описание публичного докторского диспута известного своей оппозиционностью приват-доцента Е.В. Тарле (провокационно звучала уже сама тема работы «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»), прошедшего 24 апреля 1911 г., приводимое в литературе. Согласно газетному отчету, «аудитория продолжительными аплодисментами приветствовала диссертанта»; власть отреагировала на мероприятие по-своему: «С утра еще задолго до начала диспута на университетский двор был приведен значительный отряд полиции. Другой наряд дежурил в одной из комнат при главном подъезде»⁵⁵². Отношения с МНП в эти послекризисные месяцы вполне может характеризовать и такой эпизод — в мае 1911 г. Прав-

кол заседания Совета СПб. Университета. 30 января 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. №68. СПб., 1914. С. 5–6, 7–42.

⁵⁴⁷ Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 24 февраля 1911 г., №7. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 98об.–99.

⁵⁴⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г.... С. 50; Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г.... С. 68.

⁵⁴⁹ См. ответ университетского Совета на отказ Л.А. Кассо восстановить отчисленных студентов: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г.... С. 145–147.

⁵⁵⁰ Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911 гг. Дисс.... С. 192.

⁵⁵¹ Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение II. Таблица 4. Число отсева студентов Петербургского университета в 1904–1914 гг. С. 10.

⁵⁵² Цит. по: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа... С. 16.

ление университета потребовало от бывшего профессора М.А. Таубе, принявшего пост товарища министра народного просвещения, вернуть в университет 93 руб. 79 коп. «переплаченного» жалования⁵⁵³.

Несмотря на совместные усилия профессуры и полиции, достигнутое успокоение студенчества также можно считать весьма относительным. По данным диссертации М.В. Борисенко, с 5 февраля и до конца учебного года в стенах университета произошло, по крайней мере, еще 12 акций революционного характера (сходки, распространение листовок антиправительственного содержания и т. п.)⁵⁵⁴.

В начале осени 1911 г. министр наносит Совету еще несколько бюрократических «уколов». Прежде всего, он удовлетворяет с опозданием прошения об отставке сначала проректора И.Д. Андреева (26 августа)⁵⁵⁵, а затем и ректора Д.Д. Гримма (12 сентября)⁵⁵⁶. Эти ходатайства были поданы в разгар февральских событий, и, по-видимому, их авторы были готовы впоследствии де-завуировать свои просьбы об отставке по просьбе Совета⁵⁵⁷, однако такой возможности министерство администрации университета не предоставило. В начале сентября министерство также уведомляет Совет о переводе из Петербурга в Юрьев с «повышением» (из должности экстраординарного в должность ординарного профессора) М.Я. Пергамент. Деятель кадетской партии, член Советской комиссии, М.Я. Пергамент, по-видимому, запомнился министерству тем, что в виду «нервного настроения» отказался читать лекцию 1 февраля — в разгар «событий» в университете⁵⁵⁸. История с М.Я. Пергаментом, который, как, по-видимому, и ожидало министерство, отказался переезжать в Юрьев и уволился со службы, вызвала нескрываемое и единодушное возмущение корпорации (включая как левых, так и правых профессоров), которая приняла единогласное ходатайство о возвращении М.Я. Пергамент в столич-

⁵⁵³ Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 5 мая 1911 г., №15 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 243об.-244.

⁵⁵⁴ *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 76–84.

⁵⁵⁵ Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г. ... С. 140.

⁵⁵⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 160.

⁵⁵⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г.... С. 109.

⁵⁵⁸ Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г.... С. 60.

ный университет⁵⁵⁹, каковое, разумеется, было проигнорировано министерством.

Отставка И.Д. Андреева и Д.Д. Гримма заставила университетскую «левую» предпринять в октябре 1911 г. поиск новых кадровых комбинаций, который, однако, дался ей нелегко. Протоколы Совета лишь отчасти маскируют очевидное соперничество за пост ректора, которое развернулось между двумя лидерами «левой» — В.М. Шимкевичем и А.Е. Фаворским — в результате оба они, оказавшись поочередно выбранными, от должности ректора отказались⁵⁶⁰. В итоге «левой» пришлось вернуться к своим старым административным кадрам. 26 октября 1911 г. на должность ректора был избран профессор Э.Д. Гримм⁵⁶¹, успевший с мая 1910 г. «отдохнуть» от административных обязанностей (до этого, как отмечалось выше, Э.Д. Гримм занимал пост проректора с которого ушел в знак протеста против политики А.Н. Шварца), а проректором 7 ноября был избран его товарищ по факультету С.А. Жебелев⁵⁶². Решение Университетского совета, в очередной раз назначившего на руководящие посты членов кадетской партии (при этом ректором представителя фамилии Гримм), вряд ли могло порадовать Л.А. Кассо. Однако не утвердить решение профессорского Совета министр не решился, несмотря на то, что сразу после выборов Э.Д. Гримма в университете беспрепятственно прошли очередные революционные сходки⁵⁶³. Причина этого утверждения, по-видимому, заключалась не столько в том, что Л.А. Кассо «боялся» профессоров (история с Московским университетом свидетельствует об обратном), сколько в том,

⁵⁵⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 сентября 1911 г.... С. 141–143.

⁵⁶⁰ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г.... С. 159–162; Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 октября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 163–166; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1911 г. // Там же. С. 167–169; Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1911 г. // Там же. С. 171; Протокол заседания Совета СПб. университета. 24 октября 1911 г. // Там же. С. 209.

⁵⁶¹ Там же. С. 211–212.

⁵⁶² Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 214. Примечательно, что С.А. Жебелев принял назначение с рядом условий, первым из которых было то, что «он не будет иметь никакого дела ни с министром Кассо, ни с его товарищами, особенно Таубе, рожи которого он видеть не может». См.: *Толстой И.И. Дневник. 1906–1916...* С. 384. Ср.: *Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество...* С. 101–103.

⁵⁶³ См.: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 7 ноября 1911 г.... С. 219–220.

что министр понимал — с этим составом Университетского совета бесполезно ждать избрания ректором благоприятной для правительства кандидатуры.

Очередной скандал и демонстрация профессорской оппозиционности произошла 28 ноября, когда председатель Исторического общества Н.И. Кареев отказался допустить на публичное собрание общества, бывшее в университете, представителя полиции, а когда тот заявил, что иначе собрание не может быть допущено, профессор его демонстративно закрыл⁵⁶⁴. Не имея возможности влиять на политику Университетского совета в его текущем составе, Л.А. Кассо начинает практику перевода в Петербургский университет консервативных профессоров из провинциальных высших учебных заведений и перевода петербургских либералов в провинцию⁵⁶⁵. «Пробным камнем» такой политики стал упомянутый выше «перевод» М.Я. Пергамент и переводы в ноябре 1911 г. на вакантную должность профессора финансового права из Харьковского университета Н.П. Мигулина (на место проф. И.Х. Озерова, «перемещенного» летом в Московский университет)⁵⁶⁶, а в декабре на кафедру гражданского права (бывшая кафедра М.Я. Пергамент) — В.А. Удинцева из университета св. Владимира в Киеве⁵⁶⁷. Подобные решения министерства для профессорской корпорации столичного университета были тем более неприемлемы, что являлись здесь (в отличие от других российских университетов) первыми за долгое время акциями такого рода — до 1911 г. назначений в коллегию столичного университета практически не производилось⁵⁶⁸. В случае с юридическим факультетом, кроме всего прочего, это был удар по финансовому благополучию профессора даже при его гипотетическом согласии на такой перевод (так, М.Я. Пергамент, получавший в Петербурге гонорар 12–15 тыс.

⁵⁶⁴ За министра народного просвещения — Министру внутренних дел, 18 декабря 1911 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 156. Л. 44.

⁵⁶⁵ Личный состав Императорского С.-Петербургского университета. Весна 1912 [Исправленный и дополненный список личного состава на весну 1911 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 539. Л. 209–213. Ср.: *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916... С. 416.

⁵⁶⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 22 ноября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.... С. 224.

⁵⁶⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1912 г.... С. 9.

⁵⁶⁸ [Список профессоров-назначенцев, 1917, Петроградский университет] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 239. Л. 34–34об.

рублей, в Харькове не мог бы рассчитывать больше, чем на 5 тыс.)⁵⁶⁹. Вообще, в профессорской среде распространялись предположения о том, что Л.А. Кассо «решил оставить в силе гонорар (отмена которого уже давно готовилась МНП — *E.P.*) для того, чтобы новоназначенные петербургские и московские профессора-юристы продолжали пользоваться своими доходами»⁵⁷⁰.

Так или иначе, на первый взгляд, определенных результатов Л.А. Кассо все же удалось добиться — позиции «левой» в университете пошатнулись. В этой связи нужно прежде всего отметить ликвидацию к концу 1911 г. явочным порядком Советской комиссии, которая одновременно служила и «опорой» ректора, и организационной структурой, контролирующей его действия со стороны либеральной профессуры. Фактическое исчезновение Советской комиссии произошло в заседании профессорского Совета 7 ноября 1911 г. Один из университетских «консерваторов», профессор философии А.И. Введенский выступил с предложением об упразднении Комиссии по образцу Московского университета. Возражая А.И. Введенскому, Э.Д. и Д.Д. Гримм «указали на полную необходимость сохранения Советской комиссии, которая, как показал опыт предшествующих лет, в случае обострения университетской жизни оказывала существеннейшую помощь ректору». После этих возражений А.И. Введенский взял свое предложение назад, но «высказал пожелание, чтобы избрание членов Советской комиссии покоилось на начале пропорциональности и известная часть членов Совета избрала бы в означенную Комиссию своего представителя». В результате дискуссии Совет согласился «выборы членов Советской Комиссии отложить и просить проф. А.И. Введенского составить проект осуществления предлагаемого им избрания членов Советской комиссии и разослать его всем членам Совета для предварительного перед следующим заседанием ознакомления»⁵⁷¹. Однако ни в следующем заседании, ни в дальнейшем вопрос о Советской комиссии не обсуждался. Для А.И. Введенского и его сторонников составление проекта «представительст-

⁵⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603. О гонораре и 20% прибавке профессорам высших учебных заведений.

⁵⁷⁰ Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Публ. А.В. Шаровой; Отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб., 2015. С. 331–332.

⁵⁷¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г.... С. 215–216.

ва» было технически трудно, а для «левой» Комиссия виделась как «единодушный» «политический» орган. Э.Д. Гримм теперь, будучи более независимым от того «кадетского комитета», каким на деле являлась Советская комиссия, имел возможность проводить более центристскую политику и, главное, успешно избегать резкой риторики в общении с властью.

8.5. 1912–1914: В эпоху второго «разгрома высшей школы»

Как мы помним, первым «разгромом» высшей школы в общественном дискурсе стал Университетский устав 1884 г., который на деле способствовал консолидации ученой корпорации в ее противостоянии с властью. Схожий эффект имел и т. н. «разгром» 1911 г. Действительно, на «ослабление» кадетского влияния можно посмотреть и с другой точки зрения: кризис сделал профессорскую коллегию более сплоченной — политические разногласия между консерваторами и либералами отступили на второй план перед угрозой корпоративной автономии. При этом нет сомнений в том, что в целом «левая» по-прежнему контролировала Профессорский совет и с точки зрения стратегии, и с точки зрения кадровой политики. Кадровые перестановки, сделанные на юридическом факультете, принципиально на соотношение голосов в Совете не влияли, тем более что и в годы «реакции» 1911–1913 гг. Совет пополнялся либеральными профессорами (например, такими как византист В.Н. Бенешевич и синолог А.И. Иванов). Основной чертой эпохи Кассо можно считать *профессорскую солидарность* в противостоянии с министерством.

Так, в январе 1912 г. в знак протеста против политики МНП с поста декана юридического факультета уходит А.И. Покровский⁵⁷². Назначенные профессора сразу же подверглись бойкоту и обструкциям со стороны студентов, и большая часть занятий профессоров-назначенцев в весеннем полугодье

⁵⁷² Маковский А.Л. Выпавшее звено // Покровский А.И. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 14. Отставке А.И. Покровского предшествовал донос на него одного из осведомителей в МНП, по поводу которого профессору пришлось давать объяснения. См. Ректор — Попечителю СПб. Университета, 13 декабря 1911 г., №5051 // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12601. Л. 266–266об.

1911/1912 гг. оказалась попросту сорванной⁵⁷³. Администрация университета формально предпринимала усилия для успокоения студентов (например, ректор публично призывал студентов к спокойствию)⁵⁷⁴, но в то же время в начале марта профессорский дисциплинарный суд, избранный по списку «левой» фракции⁵⁷⁵, признал студентов, задержанных полицией по обвинению в организации обструкции названным профессорами, невиновными⁵⁷⁶. При этом назначенные профессора сознательно ставились ректором в условия, когда им сначала запрещалось читать лекции только для записанных студентов (что создавало условия для обструкции)⁵⁷⁷, а затем предписывалось читать лекции в специальной аудитории вне главного здания университета (в помещениях Физического института и коллегии Александра II) под охраной полиции, что делало их положение в университете униженным⁵⁷⁸. В мае 1912 г. в университете состоялась еще одна студенческая сходка, на которой была принята очередная резолюция (предложенная социал-демократами, кадеты, голосовавшие «против», были «вынуждены» подчиниться большинству), предлагав-

⁵⁷³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1912 г.... С. 9–10; Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 марта 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 50–51. О бойкоте назначенных Л.А. Кассо профессоров в российских университетах см., напр.: *Круглова З.С.* Студенческое движение в годы нового революционного подъема. 1910–1914. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1965. С. 17–18. См. также: Переписка о студенческих сходках и о лекциях профессоров университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 10–10об. Ср.: *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 93–95.

⁵⁷⁴ См.: Скандал на лекции профессора П.П. Мигулина // *Русское слово*. 1912. 24 января. С. 5. См. также: Переписка о студенческих сходках...; *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах... Т. II. С. 255.

⁵⁷⁵ В это время членами «профессорского суда» были профессора В.В. Бартольд, Л.А. Чугаев, Л.И. Петражицкий, В.Н. Бенешевич, председательствовал в суде профессор А.Е. Фаворский (см.: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 7 ноября 1911 г.... С. 216).

⁵⁷⁶ Протокол заседания Профессорского дисциплинарного суда Императорского С.-Петербургского университета. 1912. Марта 3 дня // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 47. Л. 6–7об.; Председатель Профессорского дисциплинарного суда — ректору, 5 марта 1912 г., №2291 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10600. Л. 4–4об.; Ректор — Управляющему С.-Петербургским учебным округом, 14 марта 1912 г., №1372 // Там же. Л. 5–6; Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 марта 1912 г.... С. 52.

⁵⁷⁷ См. переписку ректора с профессором Удинцевым в феврале 1912 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 7–8).

⁵⁷⁸ См. переписку ректора с профессором В.М. Грибовским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 9–12, 75–80). На отношения проф. В.М. Грибовского с ректором Э.Д. Гриммом, очевидно, накладывалась их давняя личная и профессиональная неприязнь, восходящая ко времени разгромного отзыва Э.Д. Гримма на диссертацию В.М. Грибовского (см.: *Гримм Э.Д.* [рецензия] Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897; ср.: *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода. Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 90, 179–180).

шая студенчеству протестовать против «назначенных» профессоров «пассивной забастовкой»⁵⁷⁹.

Министерство, между тем, продолжало систематический разгром юридического факультета — в июле 1912 г. из университета был «переведен» в Харьков профессор римского права И.А. Покровский, который, как и М.Я. Пергамент, от этого назначения отказался. Примечательно, что, по словам ректора Э.Д. Гримма, в беседе с ним товарищ министра барон М.А. Таубе и не пытался скрывать, что «перевод» И.А. Покровского был связан «отчасти» с «недовольством, вызванным постоянной оппозицией, будто бы проявляемой Советом С.-Петербургского Университета по отношению к мероприятиям Министерства народного просвещения»⁵⁸⁰. Перевод И.А. Покровского вызвал всеобщее возмущение. Характерно, например, высказывание А.А. Шахматова в частном письме Ф.Ф. Фортунатову:

«Из газет узнал об истории с И.А. Покровским. Трудно перенести такой удар и конечно он поведет за собой новые сюрпризы, переводы и назначения. Очень бы мне не хотелось уходить из университета, но как ни раздумываю, вижу, что иначе нельзя как уйти»⁵⁸¹.

Одновременно Л.А. Кассо отказался утвердить в должности профессоров избранных юридическим факультетом и поддержанных Университетским советом Ф.В. Тарановского, В.М. Гордона и М.И. Туган-Барановского, назначив вместо них профессорами одесситов (из Новороссийского университета) В.М. Грибовского и С.П. Никонова⁵⁸². Однако в сентябре 1912 г. студенты, возглавляемые социал-демократом К.П. Корякиным, устроили обструкцию и им⁵⁸³. Интересно, что С.П. Никонов, по существу, обвинил в организации этой

⁵⁷⁹ См.: Круглова З.С. Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1964. №229. Материалы и исследования по истории СССР. С. 187.

⁵⁸⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 сентября 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 119–121.

⁵⁸¹ Цит. по: Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета... С. 157.

⁵⁸² Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 8 августа 1912 г., №28. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13417. Л. 32об.–33; Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 сентября 1912 г.... С. 119–120, 127.

⁵⁸³ Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 105; Разряд ученых учреждений и высших учебных заведений — попечителю С.-Петербургского учебного округа, 9 октября 1912 г., №625, секретно // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 93–93об.

обструкции ректора, который якобы привел с собой в аудиторию на его лекцию «массу шумевших студентов», на что Э.Д. Гримм решительно возражал, заявляя в свидетели «провожавшего» его до «аудитории» профессора Ф.А. Брауна⁵⁸⁴.

Надо сказать, что эта история с профессором С.П. Никоновым (кстати, в прошлом активным сторонником «раскрепощения» университетов от государства⁵⁸⁵) и его «подозрениями» заставила власть искать новые «методы» борьбы с «мятежными» профессорами и студентами. Во всяком случае, со ссылкой именно на этот казус в сентябре 1912 г. Департамент полиции рассылает циркуляр начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений в университетских городах о приобретении агентуры среди студентов для достижения «полной осведомленности о профессорах, студентах и посторонних лицах, занимающихся преступной агитацией и подстрекательством к беспорядкам в учебных заведениях»⁵⁸⁶. В результате в департамент полиции начинают поступать любопытные донесения о поведении профессорской корпорации по отношению к назначенным коллегам. Например, в одном из донесений сообщается, что профессор С.К. Булич (кадет) в одной из своих лекций «удивился» тому, что студенты устроили обструкцию «такому опытному и к тому же прогрессивному» профессору П.П. Мигулину, заявив: «Вот завтра будет читать Удинцев, и я слышал, что ему будет устроена обструкция, это я еще понимаю — он убежденный правый»⁵⁸⁷. На следующий день профессор В.А. Удинцев действительно подвергся обструкции⁵⁸⁸. Впрочем, и П.П. Мигулин предпочел некоторое время вообще не читать лекций, мотиви-

⁵⁸⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета. 24 сентября 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 131. См также: Ректор — попечителю учебного округа. 17 сентября 1912 г. Секретно №447 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 54–55.

⁵⁸⁵ См.: Никонов С.П. Университетские реформы в России // Вестник права: Журнал Юридического общества при С.-Петербургском университете. 1901. №9. С. 60–96.

⁵⁸⁶ Циркуляр Департамента полиции начальникам Губернских Жандармских управлений и Охранных отделений в университетских городах, 21 сентября 1912 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 44. Л. 110.

⁵⁸⁷ За министра внутренних дел — Министру народного просвещения, 7 февраля 1912 г., №46249, Доверительно // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 156. Л. 31–31об. Ср.: Круглова З.С. Из истории студенческого движения в России... С. 187.

⁵⁸⁸ Сведения о проявлении движения среди учащейся молодежи высших учебных заведений // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 253 (1915). Д. 154. Л. 1.

руя это тем, что «болезненное состояние его сердца не позволяет ему подвергаться повторению демонстрации»⁵⁸⁹.

Очередная серия министерских назначений на юридический факультет последовала по окончании осеннего семестра 1912/1913 гг. В конце декабря 1912 г. на должность профессора полицейского права из Новороссийского университета был переведен И.И. Чистяков, а на должность профессора уголовного права Н.Н. Розин из Томского университета, при этом фактически был отстранен от преподавания за выслугой лет бывший профессор уголовного права Н.Я. Фойницкий⁵⁹⁰. Следующим шагом министерства стало замещение вакантной (после фактического увольнения И.А. Покровского) кафедры римского права — в мае 1913 г. на эту должность назначен профессор Юрьевского университета фон В.Ф. фон Зелер⁵⁹¹. В июне 1913 г. на должность профессора государственного права назначается киевский профессор А.А. Жилин⁵⁹². 2 августа того же года Л.А. Кассо наносит, пожалуй, самый болезненный удар — в Харьковский университет на кафедру римского права «переводится» бывший ректор университета и родной брат действующего ректора Д.Д. Гримм⁵⁹³. В числе прочих факторов, двигавших министром при принятии этого решения, весьма вероятно, была и личная неприязнь по отношению к давнему оппоненту. Политическая основа такого «профессорского перевода» была тем более очевидна, что он технически представлялся трудно осуществимым, поскольку Д.Д. Гримм еще с ректорских времен оставался членом Государственного совета (причем был демонстративно по отношению к МНП переизбран в октябре 1912 г.⁵⁹⁴). Естественно, в Харьков профессор не

⁵⁸⁹ Попечитель С.-Петербургского учебного округа — Ректору СПб. университета, 23 февраля 1912 г., №4716, Секретно // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 156. Л. 46.

⁵⁹⁰ Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 февраля 1913 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. №69. Пг., 1915. С. 16–17.

⁵⁹¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 мая 1913 г. // Там же. С. 144.

⁵⁹² Протокол заседания Совета СПб. университета. 9 сентября 1913 г. // Там же. С. 158.

⁵⁹³ Там же. С. 153.

⁵⁹⁴ Протокол заседания съезда выборщиков от Императорской академии наук и от императорских университетов для избрания двух членов Государственного совета. 15 октября 1912 г. Копия // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 246. Л. 64–65.

поехал, а все попытки Л.А. Кассо и М.А. Таубе вывести его числа членов верхней палаты в связи с оставлением профессуры оказались тщетными⁵⁹⁵.

После сообщения Университетскому совету вести об уходе из состава коллегии Д.Д. Гримма, по предложению декана историко-филологического факультета Ф.А. Брауна Совет сформировал специальную депутацию для того, чтобы передать отставленному профессору «чувство <...> нашего глубокого сожаления по поводу того, что он выбыл из нашей среды, нашу горячую товарищескую благодарность за все, что он сделал для Университета и Совета, и <...> выражение надежды, что ему еще много лет будет суждено служить нашему общему делу»⁵⁹⁶, а заодно и устроил фактическую обструкцию профессорам-назначенцам⁵⁹⁷. Последним аккордом в операции по кадровой санации юридического факультета стало министерское назначение в октябре 1913 г. новой администрации факультета (после вынужденной отставки избранного декана А.Х. Гольмстена и секретаря А.А. Жижиленко) из числа «переведенных» профессоров — распоряжением министерства секретарем факультета был назначен профессор Н.Н. Розин, деканом — В.А. Удинцев⁵⁹⁸.

На наш взгляд, существует несколько причин для объяснения того, почему первоочередной мишенью для кадровой чистки Л.А. Кассо избрал именно юридический факультет⁵⁹⁹. Во-первых, наряду с историко-филологическим факультетом юристы выступали в качестве основы университетской «левой»; во-вторых, «кадетская» пропаганда, раздающаяся с кафедры факультета, готовящего молодые кадры для государственного аппарата, общественно-политических и коммерческих институтов, выглядела особенно опасно; в-

⁵⁹⁵ См. об этом: *Шор Т.К.* Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2000. Т. VI. С. 83; *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / Под ред. М.В. Ковалева и Р.В. Плеве. Саратов. 2015. С. 103–109; *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник... С. 332

⁵⁹⁶ Протокол заседания Совета СПб. университета. 9 сентября 1913 г.... С. 154–155.

⁵⁹⁷ После возражения В.М. Грибовского по поводу формальной правомерности для Совета «такого выражения сочувствия или порицания» ректор спросил членов Совета, «кто присоединяется к предложению проф. Брауна». В ответ встали все члены Совета и левые и правые — остались сидеть только профессора-назначенцы (Там же. С. 155).

⁵⁹⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 декабря 1913 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г.... С. 176.

⁵⁹⁹ Ср.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 157–158.

третьих, в области правоповедения у министерства была довольно широкая скамейка «консервативных профессоров» из провинциальных вузов. Однако, как кажется, основная причина министерской антипатии к юридическому факультету заключалась в другом — факультет выступал в качестве штатного консультанта университета как корпорации по правовым вопросам, в том числе и в отношениях с Министерством народного просвещения⁶⁰⁰. Именно члены юридического факультета (М.Я. Пергамент, Д.Д. Grimm, А.И. Покровский, И.И. Ивановский, В.Ф. Дерюжинский и др.) отвечали за составление разного рода записок, запросов, представлений, которые в годы реакции обличали власть, обвиняли ее в некомпетентности и, с другой стороны, придавали видимость законности мероприятиям университетской администрации и Профессорского совета. Следует учитывать и то обстоятельство, что юридический факультет традиционно обладал особым влиянием в кругах высшей правительственной бюрократии⁶⁰¹ и, с этой точки зрения, мог казаться Л.А. Кассо опасным оппонентом. В качестве примера противостояния министра с факультетом укажем на длившийся много месяцев конфликт по поводу прав и обязанностей приват-доцентов. В феврале 1912 г. Л.А. Кассо издал циркуляр, запрещающий преподавание параллельных профессорским приват-доцентских общих курсов⁶⁰² — его очевидной целью было недопущение бойкота факультетами и студентами профессоров-назначенцев, а также установление более эффективного министерского контроля над содержанием приват-доцентского преподавания. Совет университета в обсуждении этого дела, как обычно, воспользовался помощью юридического факультета. Комиссия, возглавляемая Д.Д. Гриммом, пришла к однозначному мнению о том, что министерское

⁶⁰⁰ См. об этом, в частности: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 102.

⁶⁰¹ См., напр.: *Mosse W.E.* Aspects of Tsarist Bureaucracy: The State Council in the Late Nineteenth Century // *The English Historical Review*. 1980. Vol. 95. No.375. P. 273; *Pearson S.T.* Russia's Rulers under the Old Regime by Dominic Lieven // *The Journal of Modern History*. 1991. Vol. 63. No.4. P. 828.

⁶⁰² [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 12 марта 1912 г.] Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа. №5490. 8 февраля 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 55–57; [Копия письма Министра народного просвещения Кассо Управляющему СПб. учебного округа от 6 марта 1912 г., препровожденного на распоряжение Ректора СПб. у-та 8 марта 1912 г., относительно чтения специальных курсов приват-доцентами] // Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Оп. 1. Д. 447. Л. 172.

предложение нарушает закон⁶⁰³. На основании этого заключения Профессорский совет постановил «в случае, если г. Министр останется при своей точке зрения, войти с представлением в 1-й Департамент Правительствующего Сената» для отмены циркуляра в судебном порядке⁶⁰⁴. Поскольку это был чуть ли не первый случай в российской истории, когда подведомственное учреждение угрожало в судебном порядке оспаривать решение главы ведомства, даже такой «самовластный» министр, как Л.А. Кассо, по-видимому, испытал некоторое беспокойство по поводу постановления петербургских профессоров и даже несколько смягчил свои требования в апрельском циркуляре, указав, что общие приват-доцентские курсы допустимы, но лишь как необязательные⁶⁰⁵. Но эту уступку Профессорский совет не принял — его решением от 21 мая 1912 г. соответствующее представление ректора университета, оспаривающее действия министра, было отправлено в Сенат⁶⁰⁶. В этой связи упомянутые выше кадровые решения по юридическому факультету, принятые Л.А. Кассо летом 1912 г., допустимо рассматривать и как своеобразную «мсть» факультету. В то же время в августе Л.А. Кассо утвердил без изменений «Обозрение преподавания» по Петербургскому университету, грубо нарушавшее упомянутый циркуляр, в том числе и по юридическому факультету, оговорив, что лишь некоторые параллельные приват-доцентские курсы не являются обязательными⁶⁰⁷. Однако и это решение министра, которое, казалось бы, делало еще шаг навстречу оппонентам, вызвало бурную реакцию на факультете, который в октябре 1912 г. принял постановление, где констатировалось, «что

⁶⁰³ [Приложение 2 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 12 марта 1912 г.] В Юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 59–72; Декан юридического Императорского С.-Петербургского университета — ректору Императорского С.-Петербургского университета, 3 марта 1912 г., копия // РГИА. Ф. 1037. Оп. 1. Д. 2. Л. 101.

⁶⁰⁴ Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 марта 1912 г.... С. 48.

⁶⁰⁵ [Приложение 12 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 3 декабря 1912 г.] В Юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 170.

⁶⁰⁶ [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 21 мая 1912 г.] Представление Ректора Императорского С.-Петербургского университета в Первый Департамент Правительствующего Сената [21 мая 1912 г.] // Там же. С. 89–103.

⁶⁰⁷ [Приложение 10 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 3 декабря 1912 г.] Министр народного просвещения — Попечителю С.-Петербургского учебного округа. №32018. 19 августа 1912 г. // Там же. С. 166–167.

министерские циркуляры не только не согласованы с законом, но и не согласованы друг с другом, а противоречат одни другим» именно потому, что министр «все более приближается к той позиции, на которой все время стояли юридический факультет и Совет С.-Петербургского университета». В связи с новым циркуляром министра факультет рекомендовал Университетскому совету начать новое судебное дело против министра уже на основании того, что новый министерский циркуляр противоречит предшествующему⁶⁰⁸. Нет сомнения, что это дело было бы возбуждено Советом университета в заседании 4 декабря (вопрос уже стоял в повестке дня), если бы накануне (1 декабря) Сенат не отклонил представление ректора от 21 мая⁶⁰⁹. Примечательно, однако, что на этом судебное преследование Л.А. Кассо не закончилось — приват-доценты юридического факультета, чьи курсы были признаны необязательными (В.М. Гессен, А.А. Кауфман, Н.И. Лазаревский, П.И. Люблинский), подали отдельные жалобы в Сенат на упомянутые выше распоряжения министра, которые, впрочем, решением высшей судебной инстанции также были «оставлены без последствий»⁶¹⁰. Не дала результата и попытка инициирования соответствующего запроса в Государственной думе⁶¹¹. Как предполагалось в литературе, профессора-назначенцы во главе с новым деканом В.А. Удинцевым, укрепившись численно на факультете, попытались даже избавиться от некоторых «либеральных» приват-доцентов⁶¹², однако эти попытки не увенчались успехом.

⁶⁰⁸ [Приложение 12 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 3 декабря 1912 г.]... С. 168–176.

⁶⁰⁹ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 декабря 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г... С. 154; [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 4 февраля 1913 г.] Товарищ министра народного просвещения — Попечителю С. Петербургского Учебного округа. №49784. 12 декабря 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г... С. 23; Указ Правительствующему Сенату // Там же. С. 24–25; Позиция университета подробно изложена в статье Д.Д. Гримма: *Гримм Д.Д. Видимость законности и скрытое усмотрение. К конфликту С.-Петербургского университета с министерством народного просвещения* // ВЕ. 1913. Т. 48. №2. С. 271–288.

⁶¹⁰ [Выписка из определения Сената об отклонении жалоб приват-доцентов Петербургского университета А. Кауфмана, Н. Лазаревского, В. Гессена и П.И. Люблинского на распоряжение министра народного просвещения о переводе курсов, читавшихся просителями в необязательные] // ОР РНБ. Ф. 448 (Люблинский П.И.). Оп. 1. Д. 36. Л. 1–3об.

⁶¹¹ [Возражение на циркуляр ми-ва нар. просвещения о запрещении чтения приват-доцентами курсов, параллельных профессорским] // ОР РНБ. Ф. 448 (Люблинский П.И.). Оп. 1. Д. 34. Л. 1–5.

⁶¹² *Беляева О.М.* Академическое сообщество в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 222–223.

Таким образом, к концу 1912 г. университетская «левая» в определенной степени была ослаблена — помимо упомянутого выше «упразднения» Советской комиссии, неся кадровые потери. В июне 1912 г. подал в отставку с поста проректора профессор С.А. Жебелев, продержавшийся на этой должности чуть более полугода⁶¹³; вместо него «левая» провела в проректоры профессора технической химии В.Е. Тищенко⁶¹⁴. Ректор же Э.Д. Grimm по наблюдениям современников был нетипичен для партии «народной свободы». Н.П. Анциферов, например, писал, что Э.Д. Гриму «был чужд интеллигентский идеализм этой партии, её догматический либерализм и её доктринерство»⁶¹⁵. В это время Э.Д. Grimm, вероятно, уже и формально постепенно начинает дистанцироваться от кадетской партии. В пользу этого предположения свидетельствуют любопытные показания Дневника Н.Н. Платоновой за март 1915 г. (кстати, в это время происходит сближение Э.Д. Гримма с прооктябристски настроенным С.Ф. Платоновым):

«[Grimm заявил, что] он состоял членом к[а]д[етской] партии и участвовал в ее общественных выступлениях; но, как ректор, он никогда в ун[иверсите]т никакой политики не вносил. (Я не могу сказать им, прибавил при этом Гр[имм], что с к[а]д[етской] партией я давно разошелся сначала принципиально, а потом и фактически, и что теперь в совете этой партии на меня собак вешают)»⁶¹⁶.

Разумеется, у лидеров кадетов такая «независимость» ректора столичного университета, ставившего корпоративные интересы выше партийных, вызвала раздражение. Впрочем, при оценке этих показаний Дневника Н.Н. Платоновой, нужно учитывать, что ректор в общении с С.Ф. Платоновым, несомненно, принимал в расчет взгляды профессора русской истории, «антикадетский» характер которых казался очевидным⁶¹⁷. Сле-

⁶¹³ Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 сентября 1912 г.... С. 123.

⁶¹⁴ См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.... С. 138–140.

⁶¹⁵ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 163.

⁶¹⁶ Дневник Н.Н. Платоновой. 7 марта [1915 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 45об.

⁶¹⁷ Об отношениях Э.Д. Гримма и С.Ф. Платонова см.: *Беляева О.М.* Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Grimm // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 88–92.

дует принять во внимание и то обстоятельство, что, дистанцируясь от кадетов, Э.Д. Гримм в предреволюционную эпоху сотрудничает в радикально-либеральной газете «Русская воля». Как отмечал В.М. Пуришкевич, относившийся к Э.Д. Гриму, как и к другим «левым профессорам», весьма негативно, еще в годы проректорства он «пользовался в университете прозвищем “хитрый бес”, т. к. всю свою деятельность подлаживал и для “наших” и для “ваших”, но в сущности всегда в сильной степени сочувствовал революционным организациям»⁶¹⁸. И хотя идейная предвзятость такой оценки нравственной позиции Э.Д. Гримма также очевидна, она, с нашей точки зрения, вполне верно характеризует его тактику как университетского администратора.

Между тем, нет сомнений в том, что в целом «левая» по-прежнему контролировала профессорский Совет и с точки зрения стратегии, и с точки зрения кадровой политики. Как отмечалось выше, кадровые перестановки, сделанные на юридическом факультете, в целом на соотношение голосов в Совете не повлияли. В этом плане весьма показательны прошедшие в сентябре 1912 г. очередные выборы выборщиков в Государственный Совет — ими стали проверенные лидеры «левой»: Д.Д. Гримм, М.М. Ковалевский и И.И. Боргман⁶¹⁹.

В качестве иллюстрации активности университетской «левой» на «общественном фронте» можно, например, указать на ее массовое участие и в организации протеста либеральной интеллигенции против новой версии «кровавого навета», реанимированного организаторами «дела Бейлиса» в 1911–1913 гг. Под письмом «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев», составленном В.Г. Короленко и опубликованном в конце ноября 1911 г. в кадетской «Речи», стоят подписи ректора Э.Д. Гримма и многих членов корпорации: М.М. Ковалевского, А.В. Васильева, Д.Д. Гримма, И.Д. Андреева, А.А. Жижиленко, Л. И. Петражицкого, И.А. Покровского, С.К. Булича, И.М. Гревса, Н.И. Кареева, И.А. Бодуэна-де-Куртенэ,

⁶¹⁸ Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914. С. 229.

⁶¹⁹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 24 сентября 1912 г. ... С. 133.

Ф.Ф. Зелинского, Н.О. Лосского, ряда других профессоров и приват-доцентов⁶²⁰. Одним из важных свидетелей защиты на самом процессе в 1913 г. стал выдающийся гебраист, профессор факультета восточных языков П.К. Коковцов⁶²¹. Интересно, что одним из основных свидетелей обвинения выступил приват-доцент университета и профессор военно-медицинской академии Д.П. Косоротов, до конца жизни оправдывавшийся за участие в этом процессе и с горечью вспоминая обструкцию, которую устроили ему студенты на лекции 23 октября 1913 г.⁶²² Действительно, «дело Бейлиса» стало также одним из важных факторов студенческого движения⁶²³, в частности, студенческих беспорядков 28 и 29 октября 1913 г., когда в университет была вновь введена полиция⁶²⁴. На фронте борьбы с антисемитизмом преподавательская корпорация и студенчество были едины и настроены резко негативно к любым попыткам правительства защитить свою позицию в еврейском вопросе.

Вообще, несмотря на некоторое снижение уровня формального противостояния между Советом и министерством, оно продолжалось и в 1913–1914 гг. Это, в частности, выразилось в ряде очередных публичных столкновений университетской корпорации с министерством (по поводу «перевода» Д.Д. Гримма, по поводу празднования дня основания университета⁶²⁵, избрания в его почетные члены яростного оппонента существующего политического режима академика А.А. Маркова⁶²⁶, приговоров профессорского дисциплинарного суда⁶²⁷ и др.). Министр, разумеется, в свою очередь, не упускал слу-

⁶²⁰ Речь. 1911. 1911. 30 ноября (13 декабря). №329. С. 2 (отдельное издание: СПб., [1912]).

⁶²¹ См.: *Крачковский И.Ю.* П.К. Коковцов в истории русского востоковедения // Известия АН СССР. 1944. Т. III. Вып. 6. С. 274, 279.

⁶²² Исторический очерк преподавания судебной медицины на юридическом факультете Петроградского (бывшего императорского С.-Петербургского) приват-доцента Д.П. Косоротова, 16 июля 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 36. Л. 26–27.

⁶²³ См., напр.: *Лейберов А.И.* Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением... С. 34. *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 132.

⁶²⁴ [Записка Директору Департамента полиции, 21 января 1914 г.] // ГАРФ. Ф. 102Д4. Оп. 1914. Д. 61. Ч. 5А. Л. 20–20об.

⁶²⁵ Протокол заседания Совета Петроградского университета. 2 декабря 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. №70. Пг., 1916. С. 168; Протокол заседания Совета СПб. университета. 19 мая 1914 г. // Там же. С. 46.

⁶²⁶ Там же. С. 50

⁶²⁷ См., напр., дело студента А. Нестерова (члена академической корпорации), подозреваемого в службе в охранном отделении (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10736. Л. 6–7об.) и исключенного профессорским Советом

чая делать мелкие «пакости» университетским людям. Например, в январе 1913 г. его решением проживающие в казенных квартирах (и, следовательно, не получающие «квартирных денег») универсанты были обязаны платить за освещение за свой счет⁶²⁸.

Еще более обострили отношения коллегии с властью судебное преследование и приговор к кратковременному тюремному заключению проф. И.А. Бодуэну де Куртенэ, вынесенный последнему за его брошюру «Национальный и территориальный признак автономии»⁶²⁹. В этом тексте профессор поднимает ряд проблем, жизненно важных для русско-польского либерала. В частности, он ставит вопросы о возможности и важности одновременной национально-культурной самоидентификации личности в рамках двух и более национальностей, об автономизации и федерализации России как основе ее будущего государственного устройства. Впрочем, некоторые пассажи свидетельствовали о радикальных политических взглядах И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Гибель государства, в котором беззаконие и неумолимая жестокость совершают торжественное шествие по всей стране <...> ни в ком не вызовет сожаления. Если мы однако ж стараемся всеми силами противодействовать этой гибели, то только потому, что ужасаемся многих жертв, которые по необходимости повлечет за собою гибель подобного государственного чудовища»⁶³⁰. Несмотря на то, что император сократил срок заключения И.А. Бодуэну де Куртенэ с двух лет до 3 месяцев, профессора вынудили подать в отставку⁶³¹. Характерно восприятие профессором его заключения в «Крестах» и российской реальности, изложенное в письме к коллеге по факультету А.А. Шахматову (одному из его общественных защитников и единомышлен-

из университета за то, что он «нанес оскорбление действием» студенту Стаховскому, который якобы обвинил его в этом. Между тем, попечитель посчитал приговор суда слишком суровым и не утвердил его, тем самым косвенно подтвердив версию о сотрудничестве Нестерова с охранным отделением.

⁶²⁸ Департамент общих дел — в Департамент народного просвещения, 28 января 1913 г., №1242 // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 20. Л. 67.

⁶²⁹ Бодуэн де Куртенэ И. Национальный и территориальный признак автономии. СПб., 1913. См.: Дело проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ // Речь. 1914. 1 (14) марта. №5 (2727). С. 5–6. Ср.: Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете / Под. ред. Н.А. Мещерского. Л., 1971. С. 86–88.

⁶³⁰ Бодуэн де Куртенэ И. Национальный и территориальный признак автономии... С. 83–84.

⁶³¹ Формулярный список о службе... Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328. Л. 50–68об.

ников): «Здесь то же самое, что и в большой тюрьме, называемой современным государством <...> и, пожалуй, во многих отношениях здесь как будто лучше: ясно, без обиняков, без лицемерия. Начальство весьма приличное и куда лучше разных гг. министров и т. п.»⁶³².

Показательно, что в условиях этого противостояния с МНП Университетский совет регулярно блокирует и некоторые «правые» инициативы назначенного руководства юридического факультета (например, создание кафедры финляндского права⁶³³). Важно, что к 1914 г. однозначное неприятие как политики министерства, так и личности его главы, в Совете столичного университета было фактически всеобщим. Например, в семье «консервативного» по меркам Университетского совета профессора С.Ф. Платонова слухи об отставке Л.А. Кассо, распространявшиеся в начале 1914 г., вызвали чувство «ликования»⁶³⁴. Естественно, что в связи с непрекращающимися «переводами» «опозиционеров» в провинциальные вузы у членов университетской корпорации периодически возникает мысль об отставке, с которой, однако, профессорам удастся успешно бороться⁶³⁵. Вот что в ответ на решение А.А. Шахматова об уходе из университета (после «перевода» И.А. Покровского) отвечает декан Ф.А. Браун:

«Большинство товарищей, конечно, чувствует как Вы. На меня известие произвело впечатление, словно обухом по голове ударили, и я долго не мог опомниться. Первое чувство было то же, что у Вас: надо уйти во чтобы то ни стало. Действительно, не выносить же оскорбление за оскорблением, не смотреть же спокойно как наше дело топчут в грязь. После увольнения Пергамента можно было надеяться, что шум поднятый вокруг этой истории отобьет у Кассо охоту на повторение. Но теперь эта надежда рухнула: перед нами несомненно ясно и сознательно проводимая система: политика мести; наказаний за строптивость нашего университета. <...> Если мы смолчим, то за этими товарищами последуют другие, быть может я, быть может Вы или кто другой, — Гревс, Д.Д. Grimm, Жижиленко, и в конце концов университет примет вид, который К. желает ему придать: на кафедрах будут сидеть хамы — простите за выражение! — или, в лучшем случае, люди слабые и карьеристы, приносящие науку в жертву политике министерства. И медленная смерть

⁶³² Цит. по: *Леонтьев А.А.* Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И.А. Бодуэна де Куртэне // И.А. Бодуэн де Куртэне (к 30-летию со дня смерти). М., 1960. С. 25.

⁶³³ Протокол заседания Совета СПб. Университета. 19 мая 1914 г. ... С. 36.

⁶³⁴ См.: *Дневник Н.Н. Платоновой*. 1 февраля [1914 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694. Л. 1

⁶³⁵ См., напр.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 156–158.

университета, эта затяжная агония будет бесславна и жалка. Так не лучше ли теперь ответить открытым протестом, т. е. уйти, так как иначе ведь мы ответить не можем...»⁶³⁶.

Однако Ф.А. Браун, тем не менее, приходит к «отчетливому убеждению, что уходить нельзя», что надо подумать о судьбе студентов, что уход был бы бессмысленным («уйдет человек 10–12»), что уход был бы «торжеством Кассо», и, более того, корит А.А. Шахматова в том, что он своим «эгоистическим», «анархистским» поступком может навредить всей корпорации:

«Мы не можем рисковать тем, что нам скажут: вот один из вас не выдержал; хватило мужества заявить протест открыто или молча своим уходом. А вы — трусы и настолько озабочены своей судьбой, что только облизываетесь, когда вам плюют в глаза.

Нет, Алексей Александрович, либо мы все, либо никто из нас. Оставаться на посту всем — это мы можем оправдать перед собственной совестью и в, конце концов, перед совестью общественной. Уйди один из нас — наша позиция потеряна, и останется только — бежать. <...> Не подлежит никакому сомнению, что нам назначили бы преемника Вам. <...> Первое же назначение взорвет на воздух всю согласованность нашего факультета. До сих пор мы создавали одно органичное целое, несмотря на различие мнений. Назначение нового члена будет началом распада. Но ведь Вы не уйдете, Алексей Александрович?»⁶³⁷

Подобные явно противоречивые интеллектуальные спекуляции давали профессуре искомую возможность сохранить лицо, место и ни на йоту не отойти от своей принципиальной позиции. Как и следовало ожидать, А.А. Шахматов вновь дал себя уговорить: корпоративные «ценности» перевесили «либеральные». Интересно, что постоянной мишенью университетских либералов были (так же как и в случае с А.Н. Шварцем) «нерусские корни» Л.А. Кассо. Замечательно, например, высказывание о ненавистном министре поляка Л.И. Петражицкого, переданное в дневнике И.И. Толстого (по тональности передачи вполне разделявшего эту позицию):

⁶³⁶ Ф.А. Браун — А.А. Шахматову, 17/30 июля 1912 г. // СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 66об., 71–71об.

⁶³⁷ Там же. Л. 69–69об., 70. Ср.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета... С. 157–158.

«Он [Петражицкий] говорит, что Кассо как румын, презирает и ненавидит все русское и вообще славянское и сознательно вредит России»⁶³⁸.

Разумеется, диктаторская политика Л.А. Кассо, наряду с другими факторами, способствовала новой политической радикализации студенчества. Все большую распространенность получает язык революционных лозунгов и призывов. В качестве образчика нарративов студенческого творчества периода Кассо можно привести текст, который в то же время вполне точно отражает характер университетской политики, проводимой радикальной оппозицией:

«К студенчеству.

Товарищи! (здесь и далее в цитате курсив наш — Е.Р.). Осенью 1910 г. студенчество было выведено из состояния покоя и вступило на *политическую арену*. Закончившийся акад. год сменился эпохой видимой *реакции*. Студенчество, как *целое*, утомленное и *обессиленное* приступило к своим занятиям чисто учебного характера. Однако фракция С.Д. еще в ноябре минувшего года указывала, что *политическая роль* студенчества еще *не сыграна*, что под спокойной внешностью кроется назревание новых выступлений. Ноябрьские сходки протеста против смертной казни и провокации с требованием пересмотра дела с.-д. депутатов II Думы показали, что даже теперь после самого *жесточкого разгрома* и *дикой вакханалии репрессий*, есть еще возможность *протеста* против *зверств* и *насилий царского правительства*. <...> Эти выступления — *первая ласточка грядущего движения* или вернее показатель хронической перманентной оппозиционности студенчества всему режиму.

Со своей стороны правительство идет по пути *окончательного разрушения автономии и прав Высшей школы*. Не говоря о том, что все *полицейско-охранительные* меры прежних дней действуют и теперь, можно указать на последние явления — широкую практику назначения на кафедры гг. Удинцовых и верных престолу Гимеллей. <...> В СПб. Университете в конце января — начале февраля происходит ряд *летучек, демонстраций и освистывания назначенных профессоров*. *Полицейское* воздаяние за это университет получил в полной мере. *Вооруженные полчища* всего Петербурга были двинуты завоевывать *крамольный храм науки*»⁶³⁹.

Среди координационных центров студенческого революционного движения нельзя не упомянуть Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга, созданный в конце 1912 г. и

⁶³⁸ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. II. С. 377.

⁶³⁹ К студенчеству [18 февраля 1912 г. Обращение университетской фракции РСДРП] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 24, 26, 26об.

действовавший под прямым руководством ПК РСДРП(б)⁶⁴⁰. Естественно, что студенческие сходки в этих условиях приобретают все более регулярный характер, собираясь по «любому» поводу (годовщина смерти Л.Н. Толстого, Ленский расстрел, истязание заключенных в Кутомарской тюрьме, годовщина событий в Зерентуйской тюрьме, смертный приговор морякам-революционерам в Севастополе, назначение министерством очередного профессора, очередная годовщина Ленского расстрела, протест против приема на обучение чиновника департамента полиции Н.Н. Кушнар-Кушнарева, арест И.А. Бодуэна де Куртенэ, празднование 1 мая и т. п.)⁶⁴¹.

Резонансной стала демонстрация студентов и рабочих, организованная в апреле 1912 г. В качестве комментария, раскрывающего политический дискурс, в рамках которого проводилась и понималась эта акция прогрессивным студенчеством, приведем слова некоего К. Солина — одного из постоянных авторов большевистской газеты «Звезда» (17 апреля 1912 г., №31):

«На “объяснения” [министра внутренних дел]Макарова [по поводу «ленских событий»] столица России, Петербург, ответила демонстрацией тысяч студентов и рабочих. Наиболее чуткая часть русского общества, учащаяся молодежь, протянула руку наиболее революционной части русского народа, пролетариату, и, подняв красные знамена провозгласила: да, “так было”, но так уже не должно быть!»⁶⁴²

Под именем К. Солина скрывался человек, более известный под другим псевдонимом — Сталин.

Приведем также характерные студенческие воззвания, связанные с Ленскими событиями:

⁶⁴⁰ История Ленинградского университета. Очерки... С. 177.

⁶⁴¹ См., напр.: *Круглова З.С.* Из истории студенческого движения в России... С. 182–206; *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914 – февраль 1917 г.) // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 2. С. 10–11; *Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет (1862–1914) // Там же. Т. 4. С. 48–51; *Малкин Б.Г., Батулин-Виноградов М.М.* Петр Васильевич Дашкевич... С. 171 и др.; *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг. Дисс.... Приложение III... С. 92–157; Сведения о проявлении движения среди учащейся молодежи высших учебных заведений... Л. 1

⁶⁴² *Солин К. [Сталин И.В.]* Они хорошо работают // *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1946. Т. 2. 1907–1913. С. 235.

«Товарищи! (здесь и далее в цитате курсив наш — Е.Р.) Всех кому памятно 9 января, всех кому ненавистна эта *животная* страсть к убийствам, мы призываем присоединиться к открытому *протесту Петербургского пролетариата!* В последнее время раздаются упреки по адресу студенчества: говорят, студенчество настолько ушло в свою академическую работу, что общественные интересы, в частности, интересы пролетариата, стали ему чужды, что студенчество стало *буржуазно*. Товарищи! Ужели и этот *возмутительный душераздирающий* факт не выведет Вас из этого *буржуазно-академического* настроения и не заставит вас присоединить свой голос к *общему негодованию, общему протесту!*»⁶⁴³

«Вчера на Лене произошло ужасное злодейство. Была бойня, небывалая человеческая бойня. <...> Войска, творя волю пославшего, стреляли в толпу голодных, безоружных, доведенных до отчаяния людей. Царское правительство еще раз показало ужасный лик — убийцы. <...> Мы зовем к борьбе. Трупы убитых всегда перед нами. И мы не забудем их, павших в борьбе. Твердо и честно заявите свой голос протеста.

Проклятие холопскому, зверскому правительству

Вечная память павшим в борьбе»⁶⁴⁴.

В качестве другого примера отметим хорошо изученную в литературе⁶⁴⁵ коммеморацию, связанную с очередной «круглой» шевченковской годовщиной — столетием знаменитого поэта в феврале 1914 г. Полностью запретить торжества для власти было невозможно, поскольку официальная профессура историко-филологического факультета выступала в качестве одного из организаторов культурных мероприятий, посвященных памяти выдающегося поэта. 24 февраля Т.Г. Шевченко чествовали на собрании студентов историко-филологического факультета под председательством профессора Ф.Ф. Зелинского. Однако продолжение торжеств не было столь мирным: основной праздник был намечен на 26 февраля, к этому дню напряженно готовились и полиция, и революционные организации. Пока усиленные наряды полиции размещались во дворе, «в разных помещениях университета были разбросаны воззвания, в которых студентов приглашали выразить протест

⁶⁴³ От СПб Коалиционного комитета. К студенчеству Петербурга // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 43.

⁶⁴⁴ [Автономная группа социалистов-революционеров]. К студенчеству // Там же. Л. 45.

⁶⁴⁵ См., прежде всего, монографию Ю.Д. Марголиса: *Марголис Ю.Д.* Т.Г. Шевченко и петербургский университет. Л., 1983.

против запрещения чествовать память Шевченко»⁶⁴⁶. Призыв этот получил отклик, и около часа в главном коридоре состоялась «летучая сходка, имевшая целью выразить протест правительству против запрещения чествовать поэта Шевченко»⁶⁴⁷, завершившаяся демонстративным маршем группы в 250 человек с пением «Вечной памяти», которая взад и вперед ходила по главному коридору. Во время этой своеобразной демонстрации разбрасывалась листовка социалистов-революционеров с призывами к борьбе с царизмом во имя «вековых, заветных идеалов» народа⁶⁴⁸. Завершилось празднование, как водится, панихидой в Казанском соборе, на которую студенты пошли с песнями «Вставай поднимайся рабочий народ», «Вы жертвою пали». После панихиды студенты попытались организовать демонстрацию на Невском проспекте, но были рассеяны, несколько человек арестовано⁶⁴⁹.

Особенностью студенческого движения «эпохи Кассо» было напряженное противостояние «академистов» и «революционеров». «Академисты», за которыми стояли черносотенные политические организации, не останавливались перед откровенными доносами и «сотрудничеством» с полицией в деле выявления и задержания «революционеров», а Департамент полиции активно использовал «Союз русского народа» и подконтрольные ему политические организации⁶⁵⁰. Например, в 1913 г. на назначение пособий «гг. корпорантам» (академистам) С.-Петербургского университета из средств департамента полиции было потрачено 795 рублей и еще 5 рублей — на «канцелярские расходы» корпорации⁶⁵¹. Разумеется, скрывать факт подобных «пособий» было затруднительно, и эта практика, очевидно, не способствовала популярности академистов в студенческой среде. Кроме всего прочего, нельзя не отметить и то

⁶⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 109.

⁶⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 110.

⁶⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 112.

⁶⁴⁹ Там же. С. 112–113.

⁶⁵⁰ *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии... С. 254.

⁶⁵¹ [Расписки казначея Р.А.К. М. Богоявленского, от 26 ноября и 2 декабря 1913 г.] // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316 (1913). Д. 313. Л. 10–10об.

обстоятельство, что в лагере т. н. «союзников» шли бесконечные внутренние интриги и споры⁶⁵².

В этих условиях постепенно вырастает и «новая смена» революционного студенчества — С.И. Петриковский, К.А. Механошин, П.В. Дашкевич, А.М. Игнатъев, Г.И. Крумин, А.С. Круссер, В.И. Соловьев и др.⁶⁵³ Развивается и радикальная студенческая печать: рядом с легальной социалистической газетой «Студенческие годы» в 1914 г. студенты-большевики организуют журнал «Утро жизни» (издание которого, правда, завершилось только одним «довоенным» номером)⁶⁵⁴. Следует отметить, что несмотря на то, что социал-демократическая организация университета действует единым фронтом, позиции большевиков в ней непрерывно усиливаются, большевистская ячейка выступает в качестве основной фрондирующей силы, организующей студенческие протесты⁶⁵⁵. К 1914 г. в университете существовала целая разветвленная сеть нелегальных политических организаций — РСДРП, социалисты-революционеры, группа польской социалистической молодежи, Союз левого студенчества и т. п.⁶⁵⁶

В условиях т. н. «юбилеемании» российского общества рубежа XIX–XX вв.⁶⁵⁷ дорожной картой революционного движения являлась система революционных коммемораций⁶⁵⁸. Примечательно, что две основные революционные университетские коммеморации были связаны с решениями двух императоров: Александра I, который 8 февраля 1819 г. утвердил доклад министра духовных дел и народного просвещения об учреждении Петербургского универ-

⁶⁵² См.: *Спасовский М.* Маленькая история одного маленького кружка. (Из воспоминаний) // Вешние воды: Сборник Научно-литературного кружка русских студентов / Под ред. М. Спасовского. СПб., 1914. С. 9–11.

⁶⁵³ См.: Универсанты-большевики (указатель) / Составители Н.Н. Каретникова, В.С. Брачев... С. 165–179. Ср.: *Лейберов А.И.* Сергей Иванович Петриковский // Петербургский университет и революционное движение... С. 188.

⁶⁵⁴ *Бережной А.Ф.* Большевистская печать и студенчество университета // Вестник ЛГУ. Серия: История, язык, литература. 1969. №2. Вып. 1. С. 32–33.

⁶⁵⁵ *Лейберов А.И.* Сергей Иванович Петриковский... С. 188–189.

⁶⁵⁶ См., напр.: *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны... С. 8–9; *Бережной А.Ф.* Большевистская печать и студенчество... С. 32–35 и др.

⁶⁵⁷ См.: *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX вв. // ВИ. 2005. №11. С. 98–108.

⁶⁵⁸ См. подробнее: *Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. №4. С. 89–99.

ситета, и убитого революционерами Александра II, подписавшего манифест 19 февраля. Другое дело, что память об этих решениях формировалась в рамках системы идентичности и политических дискурсов радикальной оппозиции. Чествования памяти великих ученых, юбилеи здравствующих лиц, научных обществ или изданий, факультетов и кафедр, войн и сражений, даже революционных событий фактически никогда не становились основой для создания революционных коммемораций. Зато игровое пространство революционной коммеморации в стенах университета, как правило, включало в себя танатологические мотивы — обращение к теме смерти борца за народное дело и памяти о нем (Н.М. Добролюбова, Л.Н. Толстого, Т.Г. Шевченко, Д.Г. Богрова, Е.С. Сазонова, севастопольских моряков, М.Ф. Ветровой, жертв Ленского расстрела, Карла Маркса и т. п.). Коммеморации выступали своеобразными капканами на жизненном пути интеллигентской молодежи — оказавшись включенным в логику коммеморативной практики, элементами которой была корпоративная и игровая солидарность (в том числе готовность коллективного противостояния режиму), праздничная атмосфера, участие в совместных ритуалах (песнопениях, чаепитиях, сходках, демонстрациях), молодой человек все более усваивал фрондерскую маску, погружался в стихию протестного движения.

Приведем типичное описание одного из таких праздников — 20 февраля 1912 г.:

«В 1 час 12 мин. дня приблизительно 150 чел. студентов столпились в коридоре против проходной комнаты по близости бывшего актового зала; некоторые из них забрались на подоконник. В это время, по сообщению полицмейстера полковника Галле, какой-то студент закричал, приглашая студентов на сходку, а другой, стоявший с ним рядом, одел маску. Полиция, в лице двух полицейских офицеров немедленно за ним бросилась и задержала приглашавшего на сходку, студент же с маской скрылся в толпе»⁶⁵⁹.

⁶⁵⁹ Ректор — Попечителю С. Петербургского учебного округа, 20 февраля 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 18.

Администрация университета в этой ситуации вроде бы и противодействует сходкам и докладывает о них и попечителю, и полиции — но при этом не называется ни одного имени, не раскрывается содержание «революционных лозунгов», а студенты предупреждаются администрацией о приходе полиции⁶⁶⁰. Некоторые советские исследователи склонны были рассматривать эти эпизоды как свидетельство борьбы «черносотенных» профессоров со студентами, хотя очевидно, что такая борьба скорее сберегала студентов от полиции. В условиях перманентных политических сходов и периодических бойкотов профессорам-назначенцам профессорский дисциплинарный суд либо вообще не рассматривает «политических» дел, либо закрывает их за «недостатком улик». И главное — администрация университета постоянно «доносит» о студенческих сходках, однако, как отмечено выше, ни разу не раскрывает имен их участников, а если полиция вдруг все же переписывает их, то ректор уверяет, что «подавляющее большинство переписанных студентов очутилась в оцепленной полицией части коридора по соображениям, независимым от <...> сходки»⁶⁶¹. Л.А. Кассо в переписке с ректором не скрывает своего раздражения политикой администрации университета, направленной на укрывательство революционеров⁶⁶²; упорно ходят слухи о предстоящем разгроме после юридического и другого «кадетского» факультета — историко-филологического, об отстранении от должности и переводе в другой университет его декана Ф.А. Брауна, а также и самого ректора Э.Д. Гримма⁶⁶³.

Итак, в период между переворотом 3 июня 1907 г. и началом Первой мировой войны университетская корпорация находилась в состоянии постоянной борьбы то с «реакционным» министерством, то с «революционным» студенчеством. Лейтмотивом правительственной и министерской политики и бюрократической риторики стало подчеркивание различия между *автономией*

⁶⁶⁰ См.: Ректор — Попечителю учебного округа, 14 марта 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10873. Л. 4–4об.

⁶⁶¹ См., напр.: Ректор — Попечителю учебного округа, 5 ноября 1912 г. №5250 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 92об.

⁶⁶² Переписка о студенческих сходках... Л. 53–53об.; Попечитель учебного округа — Ректору университета. 6 ноября 1912 г. №33638 / ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 103–103об.

⁶⁶³ Толстой И.И. Дневник. В 2 томах... Т. II. С. 464.

и *самоуправлением*, которое было дано университетам «Правилами 27 августа» 1905 г. Действительно, внешне университет понес в это время ряд существенных потерь (ограничения в приеме студентов, частичное восстановление курсовой системы, упразднение легального студенческого самоуправления, фактическое увольнение путем «перевода» нескольких профессоров), однако в целом он оставался территорией академической и гражданской свободы, где возможности правительственной власти были ограничены, и в этом смысле профессорской корпорации удалось отстоять основы университетской автономии. Уместной иллюстрацией к процессам, происходившим в высшей школе, являются известные слова В.И. Ленина:

«Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно *составом лекторов*. Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий “контроль”, всякое “руководство”, всякие “программы”, “уставы” и проч., все это — звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов»⁶⁶⁴.

Примечательно, что слова эти написанные «классиком» в 1909 г. по поводу партийной школы на Капри, более чем применимы к российской высшей школе и столичному университету. В этом смысле очевидно, что попытка установления бюрократического контроля над высшей школой этого периода, предпринятая в эпоху А.Н. Шварца и Л.А. Кассо, изначально была обречена на провал.

⁶⁶⁴ Ленин В.И. Ученикам Каприйской школы // Ленин В.И. ПСС. М., 1970. Т. 47. С. 194.

Глава 9. «Баиня из слоновой кости»?

9.1. 1914-1917 Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации?

Начало Первой мировой войны поставило Университетский совет в новую общественную ситуацию. Мировая война стала испытанием для всего русского общества. Университетские преподаватели вместе с другими представителями столичной интеллигенции в абсолютном своем большинстве были настроены патриотически, желая включиться в общую борьбу за победу¹. Однако насколько профессорская корпорация оказалась к выполнению «военного» социального заказа? Захотела ли она и смогла ли выполнить задачу «мобилизации» интеллекта для достижения победы? Удалось ли ей на этом пути достичь консенсуса с центральной властью, с общественным управлением и городской средой? Смогла ли она поступиться корпоративными целями ради общенациональных?²

О патриотической программе российских либералов (наиболее последовательно она была сформулирована представителями кадетов) написано довольно много. На первом этапе (до лета 1915 г.) она включала в себя идею т. н. «внутреннего мира», т. е. примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснования русского империализма как «освободительного» для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями³. Идея «внутреннего мира» нашла свое выражение в заявлении ректора Э.Д. Гримма на

¹ См., напр.: *Тюхина Л.Г.* Художественная интеллигенция Санкт-Петербурга – Петрограда и начало первой мировой войны (июль 1914 – май 1915 гг.). Автореф. дисс...к.и.н. СПб., 2008. С.18-23.

² Ряд сюжетов, затронутых в этом разделе работы, в более развернутом виде представлен в публикациях: *Rostovcev E.A.* The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914-1917 // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 177–188; *Ростовцев Е.А.* Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // *Отечественная история* / Под ред. А.Н. Кашеварова, С.Б. Ульяновой. Сб. статей. СПб., 2007. С. 72–117.

³ См. об этом, напр.: *Шелохаев В.В.*: 1) Теоретические представления российских либералов о войне и революции // *Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории*. М., 1994. С. 127–140; 2) Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: Пролог XX века*. М., 1998. С. 355–366.

экстренном заседании Совета университета 29 июля 1914 г.⁴. Не менее патриотичен был и «единодушно» принятый адрес Совета Государю Императору⁵.

Но что в действительности скрывалось за этими официальными «патриотичными» формулировками?

Прежде всего, не лишне обратить внимание на то, что на указанное заседание 29 июля смогли прибыть чуть более трети членов Совета. Конечно, значительная часть профессоров во время вакаций отсутствовала в городе⁶, но многие сочли свое участие в «патриотическом заседании» излишним — присутствовали «по обязанности» представители администрации, деканы, секретари факультетов и лишь несколько «простых профессоров» (в основном из числа «консервативного меньшинства»)⁷. Одновременно уже самого начала войны профессора (впрочем, как и большинство столичной интеллектуальной элиты) выражали недовольство различного рода проявлениями шовинизма и германофобии. Это выразилось как в несогласии с переименованием Санкт-Петербурга в Петроград, так и в протесте против разгрома толпой Германско-

⁴ Речь ректора была выдержана в подобающих случаю патетических тонах: «Одна за другой две соседние державы, всегда хвалившиеся своей преданностью культуре, навязали нам войну», бросив «вызов современной цивилизации»; «Россия приняла этот вызов, сильная величием своим единением Царя и народа. Нет в нашем отечестве ни одной народности, нет ни одного общественного слоя, который не был бы готов положить все свои силы и средства, все напряжение ума и воли на защиту родины», это «решительный час для русской и всей европейской жизни. Да развеется ненавистный кошмар, нависавший с каждым годом все тяжелее над всей Европой, над всем славянством, над Россией <...> Не имея в своем составе медицинского факультета и клиник, Петроградский Университет, к его глубокому прискорбию не может сделать всего того, что сделают его более счастливые собратья. Но вот уже много дней наш Университет с радостью предоставляет свои помещения под надобности военного времени. За истекшее время через него прошли, пользуясь его гостеприимством, несколько десятков тысяч запасных, в нем нашли приют войны, отправляющиеся на поле брани. И с радостью университет и впредь уступит им свои помещения и все, в чем могут нуждаться офицеры и солдаты, готовые стать на защиту родины» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1916. С. 72–73).

⁵ Выдержанный в том же духе единения, адрес всячески подчеркивал, что «все слои общества слились в одном патриотическом порыве, готовые на подвиги и жертвы для спасения нашей родины от грозящей ей опасности», что уже в настоящее время университет «служит своими помещениями русскому войску, он и впредь готов отдать все средства, находящиеся в его распоряжении, делу государственной обороны и помощи страждущим от навязанной нам войны» (См.: Там же. С. 74–75).

⁶ Ректор проинформировал членов Совета о намечаемом заседании только 27 июля 1914 г. (Дело Совета Императорского С.-Петербургского университета о заседаниях Совета в 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10824. Л. 13).

⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 29 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11365. Л. 46.

го посольства в первые дни войны.⁸ Кроме политической оппозиционности и откровенного презрения к черносотенцам, в основе этих настроений первых недель войны в определенной степени была и идеализация немецкой культуры, высокие ценности которой ретранслировались на оценку образа конкретного врага. Парадоксально, что несмотря на широко распространенные в обществе представления о «германском империализме» интеллигенция жила в мире определенных конструкций, в которых «Германия философская» была отделена от «Германии политической»⁹, и где не было первоначально места информации о немецком «вандализме»¹⁰, чему в немалой степени способствовали тесные связи российской интеллектуальной элиты с миром немецкой науки и культуры¹¹, то обстоятельство, что Германия была крупнейшим образовательным центром для нескольких поколений российской интеллигенции¹².

«Сараевом европейской интеллигенции», по образному выражению немецкого историка В. Шивельбуха, стали разрушение в августе 1914 г. Лувенского университета в Бельгии и гибель его уникальной библиотеки¹³. Этот акт вызвал многочисленные филиппики в адрес «варваров-немцев» со стороны интеллигенции стран-противниц Германии в войне. Меняется отношение к

⁸ См., напр.: Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Первая мировая война и петроградская оппозиционность // Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее им. А.С. Пушкина. СПб., 2000. С. 189–193.

⁹ См., напр.: Ладыгин А.В. Образ Германии в сознании российского общества в 1870–1890 гг. (по материалам прессы). Автореф. дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С.25.

¹⁰ В высшей степени характерно замечание, сделанное в начале войны возглавлявшим Академию наук великим князем Константином Константиновичем (бывшим и почетным членом столичного Университета), увидавшим собственными глазами массовое бегство населения перед наступлением германской армии: «Зачем они бежали; немцы им не сделали бы ничего дурного; ведь они же не варвары» (См.: Воспоминания генерала Н.А. Епанчина (Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996) — цит. по: Смирнов Н.Н. Война и российская интеллигенция // Россия и первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 261).

¹¹ См., напр.: *Dahlmann Dittmar* Before the Great War: German Entrepreneurs in Russia – Russian Scholars in Germany. Two Types of Russian-German Relations in the Decades before the First World War // *Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter?* Schlögel, Karl (Editor). Oxford, , GBR: Berg Publishers, 2006. P. 11–30.

¹² См., напр.: Иванов А.Е. Российское студенческое сообщество в высшей школе Германии в конце XIX – начале XX вв. // В кругу учеников, коллег, друзей. Казань, 2002. С. 85–101; Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). / Ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С.849–887; Rogozin A.A. Российские студенты в Германии на рубеже XIX – XX вв. в современной немецкой историографии. Дисс...канд. ист. наук. М., 2015.

¹³ См.: Дмитриев А.Н. Мобилизация интеллекта: первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 203–204.

Германии и в русской интеллектуальной элите. Из российских ученых сообществ, пожалуй, первым на Лувенские события отреагировал Петроградский университет. На заседании Совета 1 сентября 1914 г. была принята сочувственная телеграмма в адрес Лувенского университета и вынесено решение содействовать возрождению его библиотеки путем посылки дублетов из книжного собрания Петроградского университета¹⁴. Однако острая реакция на Лувенские события вполне вписывалась в доктрину «либерального патриотизма» и отнюдь не означала, как представляют некоторые исследователи¹⁵, скатывание петербургской профессуры к шовинизму. В тексте упомянутой телеграммы было лишь выражение глубокого сожаления в связи с «разгромом древнего культурного центра», и не было еще ни слова упрека в адрес немецкой нации и культуры. В этом смысле диссонансом прозвучали высказанные в том же заседании предложения профессора физико-математического факультета А.С. Догеля (происходившего, кстати, из обрусевших поляков). А.С. Догель предложил профессорам не печатать своих работ на немецком языке, не выписывать немецких журналов, не покупать в Германии и Австро-Венгрии приборы и препараты для лабораторий университета. Как заявил А.С. Догель, «насколько я могу судить, теперь настал благоприятный момент, когда, наконец, мы можем и должны освободиться от столь заботливо в течение целых столетий опекающих нас германцев и устроить у себя дома все то, чем до сих пор нам приходилось пользоваться от услужливых соседей»¹⁶. Предложения своего профессора едко прокомментировал декан физико-математического факультета В.М. Шимкевич: «Прежде всего, задавшись какой-нибудь целью, надо считаться с тем можно ли ее выполнить». Декан отметил, что, конечно, лучше не закупать у Германии и Австрии препараты и приборы, но технологически это неосуществимо — например, соли радия для лечения больных можно пока получить только в Австро-Венгрии. В.М. Шимкевич согласился с

¹⁴ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г.... С. 76–77.

¹⁵ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. №2. С. 111–112.

¹⁶ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года... С. 78.

тем, что лучше «эмансипироваться» от участия в немецких журналах, однако подчеркнул, что такая эмансипация должна проходить не путем залога от участия в них, а путем основания собственных изданий. В результате Совет, согласившись с В.М. Шимкевичем, отказался даже от самого обсуждения вопросов, поднятых А.С. Догелем¹⁷.

О войне «Манифестов профессоров» в литературе уже сказано достаточно много¹⁸. С немецкой стороны это были выпущенные в октябре 1914 г. «Воззвание к культурному миру» («Воззвание 93-х») и «Обращение преподавателей высших школ германского рейха» («Манифест Германских Университетов»). В этих декларациях подчеркивалась роль Германии как носительницы культуры, а ответственность за развязывание войны ее последствия возлагались на оппонентов Германии в войне¹⁹. В ответ последовал ряд «профессорских манифестов» стран Антанты, а также Швейцарии и нейтральных в тот момент США²⁰. Особенно многочисленными «ответы» на «Воззвание к культурному миру» были в России — по-видимому, потому, что к ней, собственно, не обращались. В тексте «Воззвания 93-х» содержался, в частности, обидный для российских ученых пассаж, исключаящий Россию из числа цивилизованных наций²¹.

Однако для нас особый интерес представляет процесс формирования манифеста Петроградского университета — тем более, что в литературе существуют ошибочные утверждения о том, что Совет Петроградского университета принял «Ответ» на «Воззвание к культурному миру» и направил его для

¹⁷ Там же. С. 79–80.

¹⁸ *Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: первая мировая война... С. 196–235; *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2004. №1. S. 221–247 и др.

¹⁹ Русские издания см.: К культурному миру. Пг., 1914. С. 1–2; Манифест 93 ученых, Манифест Германских университетов // *Две культуры* (К философии нынешней войны). Пг., 1916. С. 122–133.

²⁰ см., напр.: *Две культуры* (К философии нынешней войны). Пг., 1916.

²¹ Собственные ответы на «оскорбительное воззвание» опубликовали Военно-морская академия, Казанский университет, Университет св. Владимира в Киеве и другие высшие учебные заведения. Ответ на воззвание к культурному миру представителей Германской науки и искусства (От конференции Императорской Военно-морской Академии // Речь. 29 января (11 февраля) 1915 г. С. 5; Ответ профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев, 1915; Ответ германским ученым // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2 и др.). Подборку ответов российских высших учебных заведений см. в фонде М.А. Таубе (ГАРФ. Ф.596 Оп.1. Д.76).

сбора подписей в высшие учебные заведения Петрограда и Москвы, что якобы послужило сигналом к изгнанию из университетов австро-венгерских и германских подданных²². Важно подчеркнуть, что сама идея составления ответного манифеста у руководства Петроградского университета появилась только тогда, когда стало известно о подготовке подобных документов в других высших учебных заведениях²³. В этих условиях отсутствие такого рода заявления со стороны столичного университета выглядело бы вызывающе. В уязвимом положении оказался ректор университета Э.Д. Гримм — во-первых, потому что сам происходил из семьи «русских немцев», что заставляло его лишний раз доказывать свою лояльность, во-вторых, потому, что как раз в это время решался вопрос о его утверждении в Министерстве народного просвещения на очередной срок в должности ректора (в октябре Э.Д. Гримм был переизбран Советом университета)²⁴. В то же время ректор даже не пытался поставить этот вопрос на обсуждение в Совете университета, поскольку всем было изначально ясно, что единодушного «ответа» (как в некоторых других высших учебных заведениях) в Университетском совете сформулировать не удастся. Выход из щекотливого положения, в котором оказалась администрация университета, был найден в форме составления проекта всероссийского профессорского и академического манифеста от имени «группы профессоров» столичного университета. Интересно, что сам процесс подготовки «ответа профессоров» вызвал недовольство полицейских властей, поскольку был сопряжен с распространением воззвания немецких ученых²⁵. Проект «ответа» был подготовлен к 10 ноября 1914 г. и разослан с соответствующим письмом рек-

²² Виноградов Ю.А. Германские ученые — члены Императорской академии наук и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. III. С. 43. Ср.: Иванов А.Е. Российское «ученое сословие»... С. 113; Басаргина Е.Ю. Императорская академия наук на рубеже XIX – XX веков. Очерки истории. М., 2008. С.500-501.

²³ См.: Воззвание немецких ученых к культурному миру по поводу войны 1914 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11027. Л. 5.

²⁴ В литературе приводятся любопытные заключения о том, что российские интеллектуалы немецкого происхождения (такие как П.Б. Струве, Э.Д. и Д.Д. Гриммы), примкнувшие к кадетам были менее «национализированы», нежели октябристы, сохранявшие свою немецкую идентичность (см.: *Henriksson Anders Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906-1914 // Russian Review*. Vol. 52. No. 3 (Jul., 1993). P.351).

²⁵ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 19 ноября 1914 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.259-260 об.

тора Э.Д. Гримма по российским высшим учебным заведениям с просьбой вернуть подписные листы до 10 декабря 1914 г.²⁶. Ответ русских ученых состоял, главным образом, из последовательного «опровержения» основных пунктов «Воззвания к культурному миру». Первая официальная публикация «Ответа» с подписями большинства российских академиков и профессоров состоялась 21 декабря в леволиберальной газете «День»²⁷.

Как видно, по своей тональности заявление, составленное группой профессоров Петроградского университета, не выходило²⁸ за рамки парадигмы либерального патриотизма и в определенном смысле перекликалось с оценкой «Воззвания к культурному миру», данной лидером кадетов историком П.Н. Милюковым²⁹ — поэтому под документом стоят подписи ряда членов кадетской партии. Однако и этот достаточно умеренный текст манифеста не подписали 17 (из 59) членов Совета Университета³⁰ (в том числе такие известные ученые, как А.И. Воейков, И.М. Гревс, А.А. Жижиленко, И.И. Лапшин, В.А. Стеклов, А.А. Шахматов, В.М. Шимкевич), не говоря уже о многих профессорах и академиках, преподававших в университете в качестве приват-доцентов и в Совет университета не входивших.

Такая осторожная национально-либеральная позиция университета в достаточной степени проявилась и в процессе «исключения» из состава почетных членов университета подданных вражеских государств. Неверно представление о том, что в порыве шовинистических страстей Совет университета исключил из своего состава почетных членов университета — подданных воюющих с Россией государств³¹. В Совете Петроградского университета этот вопрос впервые был поднят профессором А.С. Догелем в упомянутом выше

²⁶ См.: Там же. Л. 3–5.

²⁷ Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 декабря. С. 3. Первая публикация текста (без подписей) состоялась еще 24 ноября в газете консервативного направления «Новое Время»: Протест университета // Новое время. 24 ноября (7 декабря) 1914 г. № 13903. С. 4.

²⁸ В отличие, например, от откровенно шовинистического заявления Совета университета св. Владимира в Киеве (См.: Ответ профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира...).

²⁹ См.: Милюков П.Н. Германия и война // Речь. 1914. №283. 20 октября (2 ноября). С. 3.

³⁰ См.: Ответ германским ученым... С. 3.

³¹ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» ... С. 113; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. С.279

выступлении 1 сентября 1914 г.³². Реакция на это предложение со стороны декана В.М. Шимкевича, поддержанного Советом университета, была еще более резкой, чем реакция на проекты А.С. Догеля об «эмансипации русских ученых от немецкой науки», вопрос даже не обсуждался³³.

Дальнейшее развитие истории с исключением «вражеских» профессоров из числа «почетных членов» Совета Университета представляло своеобразную бюрократическую «игру», которую вел Совет с Правительством, требовавшим от него принятия этого решения, в результате чего Совету удалось ограничиться исключением одного профессора фон Листа, подписавшего «Воззвание к культурному миру».

31 октября 1914 г. Совет Министров принял решение об исключении подданных воюющих с Россией государств (кроме лиц славянского происхождения) из состава всех российских государственных и частных институтов (учреждений и обществ), в том числе университетов, Академии наук и Публичной библиотеки, исполнение решения возлагалось на соответствующие ведомства, одобрение императором этого постановления последовало 19 ноября³⁴, соответствующее распоряжение министерства попечителям учебных округов 26 ноября, а официальное письмо попечителя Петроградского учебного округа Н.К. Кульчицкого начальникам учебных заведений округа с предписанием о выполнении данного правительственного распоряжения 2 декабря

³² А.С. Догель выступил с утверждением, что представители германской науки «не только остаются равнодушными зрителями творимых их соотечественниками возмутительных безобразий, но даже выражают сочувствие последним, а некоторые, кроме того, и сами принимают участие в таких бесчинствах. <...> справедливость требует, чтобы те из германских ученых, которые позорят и унижают науку были вычеркнуты из числа таковых» (Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года... С. 79.)

³³ «Что же касается до исключения Почетных Членов, то таковое даже не предусмотрено законом. России во время своего исторического роста и развития приходилось вести войны с многими национальностями; в том числе и с французами, англичанами и японцами, являющимися теперь нашими союзниками. Война состояние временное, а научная работа — нечто постоянное и неизменное. Вот почему смешение этих явлений при обсуждении подобных вопросов едва ли будет верным путем для их решения <...> вопрос об исключении нами избранных и утвержденных в сем звании надлежащую властью, как законом совершенно не предусмотренный, обсуждению, на мой взгляд, в Совете подлежать вовсе не может» (Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года... С.80).

³⁴ См.: Особый журнал Совета министров от 31 октября 1914. Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 4–4 об

1914 г.³⁵ Медлительностью государственной бюрократической машины и воспользовался Совет университета, решивший упредить развитие событий. Правление Университета во главе с ректором Э.Д. Гриммом 21 ноября приняло решение о включении в повестку дня предстоящего заседания Совета вопроса «об исключении профессора Берлинского университета фон Листа, как подписавшего воззвание немецких ученых к культурному миру, из числа почетных членов Императорского Петроградского Университета»³⁶. Можно предположить, что фон Листом было решено «пожертвовать», чтобы сохранить остальных почетных членов. Поскольку ряд членов Совета только что поставил свои подписи под «Ответом» на обращение 93-х, одним из подписантов которого выступил Ф. фон Лист, ректор вполне мог рассчитывать на сочувствие такой постановке дела. Эти предположения косвенно подтверждает протокол заседания Совета Университета 24 ноября 1914 г.: «Ректор доложил о том, что в газетах появились сообщения о предстоящем распоряжении со стороны высшей власти об исключении из числа почетных членов всех лиц, подданных воюющих держав и спросил членов Совета, полагают ли они необходимым в виду этих сообщений, решить вопрос об исключении проф. фон-Листа из числа почетных членов Петроградского университета в этом заседании, или же признают возможным ожидать общего распоряжения со стороны Министерства народного просвещения об исключении всех почетных членов, состоящих в германском и австрийском подданстве, которое вероятно последует в ближайшем будущем. Совет, выслушав по сему поводу мнения профессоров Н.Н. Розина, В.А. Удинцева, В.М. Грибовского, ректора Э.Д. Гримма, А.И. Введенского, — постановил вопрос об исключении профессора фон Листа из числа почетных членов Петроградского университета не откладывать и обсудить его в сем же заседании. Ректор предложил членам Совета приступить к прениям по вопросу об исключении фон Листа. В прениях приняли участие профессора Ф.Ф. Зелинский, А.И. Введенский, Н.И. Кареев,

³⁵ Письмо попечителя Петроградского учебного округа Н.К. Кульчицкого начальникам учебных заведений округа. 2 декабря 1914. Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 6

³⁶ О заседаниях Совета в 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10824. Л. 20–20 об.

А.А. Шахматов, Д.К. Петров, В.М. Шимкевич, Л.А. Чугаев, И.М. Гревс, Э.Д. Гримм, М.И. Ростовцев. После сего вопрос об исключении был подвергнут открытому голосованию. Подавляющим большинством голосов постановлено исключить профессора Берлинского университета фон-Листа из числа почетных членов Петроградского университета и представить сие постановление на утверждение г. Министру народного просвещения»³⁷. Характерно, что вопреки обычной практике текст протокола (протоколы подготавливались правлением университета) не содержит ни изложения существа мнений, участвовавших в прениях профессоров, ни конкретных результатов голосования по делу фон Листа. В опубликованном протоколе Совета отсутствует и «отдельное» мнение академика А.А. Шахматова (к слову сказать, почетного доктора Берлинского университета), в котором он решительно протестовал против исключения фон Листа, поскольку, во-первых, не считал поступок фон Листа «позорным» и достойным исключения, во-вторых, потому что такое «исключение Листа равнозначно его правительственному осуждению»³⁸. Решение Совета по делу фон Листа дало возможность ректору Э.Д. Гримму отчитаться о выполнении правительственного постановления. В письме попечителю Петроградского учебного округа подчеркивалось в качестве заслуги университета представление в министерство по делу об исключении фон Листа, в то же время ректор делал вид, что он не понял смысла правительственного постановления относительно других почетных членов университета, считая, что «означенное журнальное постановление [Совета министров] имеет в виду исключение лишь тех лиц, которые принимают в делах университета деятельное участие, а почетные члены вообще и в частности иностранцы в деятельности университета никакого участия не принимают» и просил по этому поводу разъяснений попечителя. Кроме исключенного Франца фон Листа, в числе «вражеских почетных членов» были проф. зоологии Гейдельбергского университета Отто Бючли, проф. физики в Геттингенском университете Вольдо-

³⁷ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 24 ноября 1914 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. ... С. 113–114

³⁸ Особое мнение Шахматова, [24 ноября 1914 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 3

мар Фохт и проф. Фрейбергского университета Август Вейсман (скончался в 1914 г.)³⁹. Поскольку формальных разъяснений попечителя Н.К. Кульчицкого не последовало, вопрос об исключении иностранных членов оказался в «подвешенном» состоянии. Только через полгода, в июле 1915 г., в адрес ректора был направлен новый запрос Н.К. Кульчицкого с просьбой перечислить ученых, состоящих в подданстве воюющих с Россией держав, «еще состоящих почетными членами университета», в ответном письме после перечисления фамилий было специально отмечено, что об этом попечителю «уже было сообщено»⁴⁰. На этом дело об исключении немецких ученых заглохло окончательно. Примечательно, что фамилии немецких ученых, состоящих членами университета, благоразумно исключались из печатных отчетов университета, начиная с 1914 г.⁴¹ Возможно, что умеренная позиция министерства по отношению к действиям университета была связана и с тем, что из потенциальных жертв «борьбы с немецким засильем» (Отто Бючли) был учителем товарища министра народного просвещения В.Т. Шевякова⁴².

Несомненно, то, что в условиях патриотического подъема начала войны корпорация, по существу, проигнорировала общегосударственное требование об исключении «вражеских подданных» из своих рядов явилось ярким показателем реальной силы фактической автономии, которую не смогло сломить министерство Л.А. Кассо. В этой связи важно подчеркнуть, что патриотический подъем 1914 г. не привел к существенному снижению уровня противостояния университетской корпорации и министерства Л.А. Кассо. О настроении студенчества могут свидетельствовать сведения из перлюстрированных писем. Вот, например, как один из студентов воспринимает слухи о болезни ненавистного министра:

³⁹ См.: Ректор Э.Д. Гримм — попечителю Н.К. Кульчицкому, 16 декабря 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 8–8 об.

⁴⁰ См.: Попечитель Петроградского учебного округа — И. д. ректора университета, 7 июля 1915 г.; И. д. ректора — Попечителю Петроградского учебного округа Н.К. Кульчицкому, 29 июля 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10963. Л. 9–10

⁴¹ См.: Дело Совета Петроградского университета об отчете за 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10832. Л. 45; Отчеты о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914–1916 гг. Пг., 1915–1916.

⁴² Фокин С. Отто Бючли и его русские ученики // Наука в России. 2012. Т. 188. № 2. С. 89–93; Бляхер Л. Я. Константин Николаевич Давыдов. М., 1963. С.24–25.

«Здесь носят слухи о безнадежном состоянии здоровья Кассо. Он еще у власти, но молва говорит, что он безнадежно болен. <...> Другое объяснение болезни этого изверга сводится к утверждению, что министра просто сильно избили за границей русские эмигранты. Что бы я дал за то, чтобы быть в то время, когда били Кассо одним из тех эмигрантов. Если последний слух верен, и если это избиение будет причиной смерти Кассо, – мое нравственное чувство будет удовлетворено. В противном случае, если даже и будет смерть, то останутся неотомщенными реки слез и крови, сотни искалеченных молодых жизней. Такая смерть Кассо меня, т.е. мое нравственное чувство не удовлетворила бы, не такой смерти он заслужил! Когда я слышу вокруг пожелание: “собаке собачья смерть”, и нисколько не нахожу это жестоким по отношению к этому существу. Ты ведь знаешь, что я вообще не способен на проявление какой-либо жестокости, а, в частности я желаю, чтобы Кассо сразила рука мстителя»⁴³.

Не менее критичным (хотя, вероятно, и не столь кровожадным) было на-строение «взрослых универсантов». Действительно, кончина министра в нояб-ре 1914 г. вызвала поистине восторженные отклики в либеральной прессе⁴⁴. В частности, либеральная печать «патриотично» припомнила среди «заслуг» Л.А. Кассо «профессоров-назначенцев» немецкого происхождения и стажир-овки в Германии «под надзором немецких профессоров» молодых русских ученых, имея в виду попытки министра воссоздать систему подготовки рус-ских ученых за рубежом⁴⁵. Как подчеркивал кадетский «День», характеризуя

⁴³ [Выдержка из письма: Петроград, 23 октября 1914 года, «Валя», в Москву, А.М. Бондаренко, Марья-на Роша, земская амбулатория] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.60 об.

⁴⁴ См.: ✠ Л.А. Кассо // Раннее утро. 1914. 27 ноября. № 273 (8477). С.4; Москва, 27 ноября // Русские Ведомости. 27 ноября 1914 г.; Кончина Л.А. Кассо // Московский листок. 27 ноября 1914 г.; Смерть Л.А. Кассо // Современное слово. 27 ноября 1914 г.; ✠ Л.А. Кассо // Зауральский край. 1914. 28 ноября. № 226. С.2; Отзывы печати к кончине Л.А. Кассо // Саратовский листок. 29 ноября 1914 г.; Левая печать о Л.А. Кассо // Земщина. 1914. 28 ноября. № 1854. С.3. и др. Любопытную подборку таких материалов собрал товарищ ми-нистра народного просвещения М.А. Таубе (ГАРФ. Ф.596 Оп.1. Д.77).

⁴⁵ См.: Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958. С.69-72; Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial-und Bildungsgeschichte. Köln, 1998. S.152-154; Dmitriev A.N. Changes in the International Outlook of the Russian Academic Community during and after World War I // Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 343-344; Дмитриев А.Н. Заграничная «аспирантура» как институт подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских уни-верситетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Науч. ред.: М. В. Грибовский, С. Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 65-76. Действительно, как показывает документация МНП, ос-новным (правда, наряду с Парижем) местом командирования русских студентов для подготовки к профессор-скому званию были немецкие университеты, а последний платеж германским профессорам был осуществлен в июле 1914 г. (МНП - В особенную Канцелярию Министерства финансов по кредитной части, 4 июля 1914г., №34036 // РГИА. Ф.733. Оп.155. Д.203. Л.148-158 об.), при этом из черновой документации самого министер-ства по поводу отчетов за 1912/13 г. становится понятно, что и в МНП не были удовлетворены тем, как в Гер-мании строилась работа с направленными стипендиатами, которые на деле составляли план работ самостоя-тельно, не получая требуемой «научной школы» ([Черновик письма из МНП, 1913 // РГИА. Ф.733. Оп.155. Д.204 Л.302-303]).

итоги «правления» Л.А. Кассо в министерстве Народного просвещения, «ненормально, когда русские ученые с мировым именем являются «изгоями» в нашем школьном деле, а в то же время на кафедры приглашаются иностранцы, посредственных талантов и знаний»⁴⁶. После смерти Л.А. Кассо обязанности министра временно исполнял товарищ министра — бывший профессор столичного университета барон М.А. Таубе, который имел репутацию не меньшего «реакционера», чем Л.А. Кассо. После смерти Л.А. Кассо профессора и приват-доценты столичного университета не перестают напоминать правительству о том, что «университеты — высшие носители культуры страны, и, как видим, что положение их неудовлетворительно и неопределенно, вопрос об университетской реформе является неотложным, ибо неотложно удовлетворение одной из важнейших наших культурных потребностей. Здесь каждый шаг вперед есть наш в сторону более светлого будущего» и что война не повод откладывать возвращение университетам полноценной автономии⁴⁷.

Следует отметить, что война существенно поменяла общественный дискурс относительно высшей школы — как показал контент-анализ периодической печати, в течение трех месяцев пространство университета, которое раньше в общественном сознании воспринималось как поле битвы, стало зоной стабильности и фактической бесконфликтности. Противостояние корпорации министерству, профессорам-назначенцам, всегда болезненный еврейский вопрос — все отступает перед патриотическими чувствами⁴⁸. Основной причиной этих изменений было конечно то, что либеральная печать, включая «профессорские и приват-доцентские перья», активно включилась и в формирование «образа внешнего врага», оставив на время «врага внутреннего». Уже с августа-сентября на страницах печати между либеральными публицистами из университетской среды начинаются даже своеобразные патриотические споры. Например, «Биржевые ведомости» публиковали статьи приват-доцента

⁴⁶ Петроград, 28 ноября // День. 1914 г. 28 ноября. № 324. С. 3.

⁴⁷ Чубинский М.П. Дела высшей школы // Биржевые ведомости. 18-го (31-го) января 1915 г. № 14618. С.2-3.

⁴⁸ См. подробнее: Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В. От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль — сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т.7. №6. Ч.2. С. 97-106.

С.А. Адрианова, в которых он критиковал взгляды П.Н. Милюкова на конфликт Сербии и Болгарии, полагая что не время выдвигать вражду между славянами в настоящих условиях⁴⁹. «Биржевые ведомости» привели мнение приват-доцента С.А. Венгерова о предложении ряда немецких литераторов не переводить произведения русских писателей. С.А. Венгерov признался, что это его шокировало подобное безрассудство⁵⁰. Одновременно коллега С.А. Венгерова по факультету приват-доцент А.Л. Саккетти, не осуждая бойкот вагнеровской оперы на Мариинской сцене, полагал, что молодежь должна воспитываться только на классической музыке. Весьма показательна его защита Бетховена, который, по его мнению, не является немцем, «а скорее принадлежит к голландской нации, на это указывает его фамилия: Ван-Бетховен»⁵¹.

Печатное слово оставалось важной формой общественной активности и демонстрации профессорского патриотизма на протяжении всей войны⁵². Среди известных издательских проектов следует указать на сборник «Вопросы мировой войны», в котором самое активное участие принимают профессора и приват-доценты Петроградского университета (Н.И. Кареев, В.А. Бутенко, Е.В. Тарле, Ф.Ф. Зелинский, Н.В. Ястребов и другие). Сборник открывается статьей ректора Э.Д. Гримма «Борьба народов»⁵³. Вообще, надо сказать, что Э.Д. Гримм выступил, пожалуй, с наибольшим числом «патриотических публикаций». Наиболее программный характер носит его статья «Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура», опубликованная в либеральном журнале «Русская мысль»⁵⁴. Среди целого ряда существенных оригинальных наблюдений автора можно выделить те базовые положения, которые объ-

⁴⁹ *Адрианов Сергей*. Открытое письмо П.Н. Милюкову // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 21 сентября. № 14386. С. 4; *Адрианов С.* Роковая логика (Ответ П.Н. Милюкову) // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 24 сентября. № 14392. С. 2.

⁵⁰ Русские писатели о немецком бойкоте литературы // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1914. 24 августа. № 14331. С. 3.

⁵¹ О бойкоте немецкой и австрийской музыки в консерваториях // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 29 сентября. № 14403. С. 4.

⁵² О русской интеллектуально-патриотической печати периода I мировой войны см.: *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf "An die Kulturwelt" // *Jahrbuch für Wirtschafts Geschichte*. 2004. №1. S.221-247; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы I Мировой войны // ВИЕТ. 2014. №3. С.3-21.

⁵³ *Гримм Э.Д.* Борьба народов // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С.1-20.

⁵⁴ *Гримм Э.Д.* Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // РМ. 1914. №8-9. С. 76-93.

единяли его с другими коллегами-профессорами – война была неизбежностью, немецкий милитаризм вырос из существа немецкой народной жизни, столкновение между германизмом и славянством было предрешиено, война идет не только против Германии, но и против безжалостных к человеку идей марксизма и национализма, пропитавших германскую культуру и угрожающих Европе, за свободу и культурное многообразие континента. Одним из наиболее решительных врагов пангерманизма стал и другой видный историк античности М.И. Ростовцев, который, по словам одного из его студентов Н.П. Анциферова, во время войны «стал за станок и принялся изготавливать снаряды», направленные против немцев, которых М.И. Ростовцев объявил лишенными подлинной культуры⁵⁵. Кроме объяснения варварской природы немецкого империализма, необходимо было объяснить прогрессивную природу русского и англо-французского империализма. Не случайно, центральными темами русской профессорской публицистики становятся славянский вопрос и тема отношений с демократическими союзниками. Основной тезис, на котором основывалась доктрина либерального патриотизма, заключался в том, что та война, которую ведет Россия и страны Антанты, является “войной за свободу” европейских народов – прежде всего, славянства⁵⁶. Как известно, русская либеральная общественность выступала в качестве одного из самых верных при-

⁵⁵ Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С.162.

⁵⁶ См. напр.: Ковалевский М.М. Национальный вопрос и империализм // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С.549-561. Ср.: Стокдейл М. Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы международной науч. конф. Москва 1998. М., 1999. С.283. В воспоминаниях известного историка, профессора университета, Н.И. Кареева есть эпизод, связанный с описанием планов русских ученых (главным образом, профессоров Петербургского университета) наметить программу “славянских” исследований. Следуя воспоминаниям Н.И. Кареева, ее обсуждение проходило на квартире у А.А. Шахматова “с участием кое-кого из сербов, чехов и поляков”. Участниками совещания был намечен к изданию ряд брошюр, в которых бы давалось бы научное обоснование справедливости территориальных притязаний славянского мира. Правда, с брошюрой самого Н.И. Кареева вышел конфуз. Она называлась “Южные славяне и Италия на Адриатике”, автор доказывал в ней, что у Италии нет никаких исторических, этнографических и экономических прав на Далмацию, которая должна была быть сохранена за хорватами. Однако с 1915 г. Италия участвовала в войне уже на стороне Антанты, поэтому брошюру Н.И.Кареева долго не пропускала цензура, и напечатана она была только в 1917 г. (См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подготовка текста, вст. ст. и комментарии В.П. Золотарева. Л., 1990. С.261; Кареев Н.И. Южные славяне и Италия на Адриатике. Пг., 1917). Из институциональных преобразований университета можно отметить проект создания новой кафедры по истории славян, возникшей в ноябре 1914 г. на историко-филологическом факультете (Новая кафедра // День. 1914. № 303 (745). 7 ноября. С.4.).

верженцев Антанты⁵⁷. В этом смысле ее органической частью выглядели и петроградские профессора. Будучи в большом количестве членами кадетской партии, они поддерживали политику, направленную на преодоление англо-фобской компании в печати и критику позиции Англии со стороны правой части Государственной думы.⁵⁸ Петроградский университет выступает в качестве важного участника культурных контактов со странами Антанты. Особенно ярко эту роль университет играет в 1916 г., когда в Совете формируется программа сотрудничества российских ученых с интеллектуальной элитой Англии и Франции⁵⁹. В декабре 1916 г. почетным членом университета по предложению профессора В.А. Стеклова был избран посол Великобритании в России сэр Джордж Бьюкенен⁶⁰. Здесь нельзя не отметить участие профессуры в деятельности многочисленных институтов, созданных с целью упрочнения отношений союзников, — Общества сближения с Англией, Русско-Английского общества, Французского института и т. п.⁶¹. Определенное значение также имели формальные (санкционированные властью) и неформальные⁶² контакты союзников с представителями либерального крыла интеллектуальной элиты.

Можно предположить, что именно новый «патриотический» образ российских университетов, утвердившийся в обществе в начале войны, который создавался благодаря подобной публицистике, во-первых, служил своеобразным прикрытием довольно умеренной позиции большинства корпорации по

⁵⁷ См., напр.: *Ковалева А.С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // *Первая мировая война. История и психология.* СПб., 1999. С. 106.

⁵⁸ См.: *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 42–52.

⁵⁹ См.: Дело Совета Императорского Петроградского Университета о мерах к установлению более тесных сношений между английскими и русскими учеными // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11199; Протокол Совета Петроградского университета от 23 мая 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 32 об.–33 об.; Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // Там же. Л. 92 об.–93; Положение вопроса о культурном сближении России с дружественными державами к началу 1917 г. // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3 об.

⁶⁰ Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г.... Л. 82 об.

⁶¹ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 204–205, *Медушевский А.Н.* Становление политической антропологии: Французский институт в Петрограде // *Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации.* Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1997 г. М., 1997. С. 157–160 и др.

⁶² См., напр.: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 214–216.

вопросу о борьбе с «немецким засильем», и, самое главное, уже вскоре – с начала 1915 г. позволил власти сделать решительный шаг от конфронтации к диалогу с российской высшей школой⁶³.

Действительно, в 1915 г. отношения между Министерством народного просвещения и российским профессорским сообществом меняются в положительную сторону — министром назначается граф П.Н. Игнатъев (племянник бывшего министра И.И. Толстого), который позиционировал себя как сторонник университетской автономии, которого в либеральных кругах считали «антиподом своих предшественников» (А.Н. Шварца и Л.А. Кассо)⁶⁴. Профессура столичного университета во главе с ректором Э.Д. Гриммом принимает деятельное участие в выработке очередного проекта нового университетского устава. Активное сотрудничество с министерством, по-видимому, отчасти снижает в этот период оппозиционность университетской корпорации. В этом смысле, имея в виду активное участие многих представителей преподавательской корпорации университета в новом оппозиционном движении, ориентированном на Прогрессивный блок, и набравшем силу как раз с 1915 г., правомерно говорить об элементе негласного «торга» Совета профессоров с министерством, когда министерство вновь действовало в том направлении, в каком его подталкивала либеральная профессура⁶⁵. Действительно, в этот период было достигнуто значительное взаимопонимание между МНП и руководством как столичного университета так других ведущих научных и образовательных учреждений империи. Одним из результатов улучшения этих отношений можно считать закон 3 июля 1916 г. не только значительно увеличивший жалование профессорам, но усиливший начала автономии университетов (министр лишился права на непосредственное открытие профессорской вакансии и на-

⁶³ См.: *Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль – сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т.7. №6. Ч.2. С. 97-106.

⁶⁴ Дневник Н.Н. Платоновой. 19 июня [1915 г.] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д. 5694. Л.79 об.

⁶⁵ См.: напр.: *Гримм Э.Д.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // РМ. 1916. №4. С.109-122. № 5. С. 52-57; *Ольденбург С.* Граф Павел Николаевич Игнатъев - Министр Народного Просвещения // Школа и жизнь. 1917. №2. 11 января. С.1-4 (Стб. 25-31). Ср.: *Dmitriev A.N.* State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 149-152

значение на нее лиц по своему усмотрению)⁶⁶. Твердые начала автономии были закреплены и в проекте нового университетского устава, подготовленного МНП в ноябре 1916 г.⁶⁷, а в проектах новых штатов существенно увеличены должностные оклады преподавательского состава⁶⁸.

Сама подготовка к этим преобразованиям открыла путь к переговорам о возвращении в университет профессоров, уволенных в эпоху Л.А. Кассо. Интересные свидетельства по этому поводу содержатся в дневнике Н.Н. Платоновой (сентябрь 1915 г.):

«Недавно ректор Э. Гримм рассказал С[ергею] Ф[едоровичу] (и даже советовался с ним об этом деле) следующее: ему удалось устроить через Игн[атье]ва возвращение в унив[ерсите]т Петражицкого и Д. Гримма, брата ректора, удаленных из унив[ерсите]та при Кассо. Эрв[ин] Гримм переговорил об этом с обоими и сначала получил от обоих согласие вернуться в ун[иверсите]т. Но затем Д. Гримм очевидно, по словам брата, переговорив с женой и вообще своими присными, заявил брату, что так, обычным порядком он вернуться не может, а вернется только, если будут возвращены и другие удаленные профессора (Пергамент и Покровский), и, если это будет обставлено торжественностью, в виде демонстрации по адресу мин[истер]ства. Эрв[ин] Гримм не знает, что ему делать (Петражицкий остался при своем согласии вернуться); С[ергей] Ф[едорович] посоветовал ему написать брату самое осторожное и короткое письмо, чтобы не давать лишнего повода своим бывшим единомышленникам – кадетам «вешать на него (Э. Гримма) собак» (выражение Э. Гримма) – что-нибудь в таком роде: очень сожалею, что радость твоего возвращения в ун[иверсите]т отсрочивается; постараюсь найти для этого способы и пути, для тебя приемлемые и т.д.»⁶⁹.

Конечно, трактовка позиции Д.Д. Гримма в изложении Н.Н. Платоновой грешит некоторой односторонностью и связана она вероятно не только с амбициями профессора, но и с той жесткой политической линией сформированного в августе 1915 г. Прогрессивного блока, к которому Д.Д. Гримм примкнул в Государственном совете⁷⁰. Тем не менее, налицо столкновение двух тактик в отстаивании интересов университетской корпорации: кулуарной и допускающей неформальные компромиссы с властью и публичной, таких компромиссов не допускающей, рассматривающей цели корпоративной борьбы в

⁶⁶ Закон о временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лица, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов // ЖМНП. 1916. №9-10. Правительственные распоряжения. С.25-32.

⁶⁷ Устав Императорских Российских университетов // РГИА. Ф.1037. Оп.1. Д.5. Л.205-238. *Арсеньев К.* На темы дня [Проект университетского устава] // ВЕ. 1915. Кн. VI. Июнь. С. 341-346.

⁶⁸ МНП – в Государственную думу. 5 ноября 1916 г., №12671. Об издании общего устава и штатов Российских университетов // РГИА. Ф.733. Оп.1.Д. 6. Л. 188-189; Общий штат Императорских Российских университетов. Проект // РГИА. Ф.733. Оп.1.Д. 6. Л.198-202 об.

⁶⁹ Дневник Н.Н. Платоновой. [7 сентября 1915 г.] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д. 5695. Л.15 об.-16.

⁷⁰ См., напр.: *Мичурин А.Н.* Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С.84-85.

общем ряду тех общественно-политических задач, которые ставила перед собой радикально-либеральная интеллигенция. Примечательно, что такое разделение произошло не только внутри корпорации, но и между двумя братьями профессорами и в разное время ректорами университета. Разумеется, что следование Э.Д. Гримма первой из двух указанных тактик (т.е. компромиссной линии) стало во многом возможно благодаря двум обстоятельствам: с одной стороны, приходу либерального министерства П.Н. Игнатьева и, с другой стороны, патриотическому подъему, связанному с эпохой I Мировой войны.

В эпоху министерства П.Н. Игнатьева также начинается проектирование грандиозного расширения университета. 30 апреля 1915 г. образуется Особая комиссия для разработки плана по возведению новых зданий Петроградского университета во главе с графом А.А. Бобринским⁷¹. Комиссия пришла к выводу о необходимости возведения нового университетского комплекса на территории т.н. «Нового Адмиралтейства», университетский городок планировалось возвести в рекордные сроки – к университетскому юбилею 1919 г.⁷². В ноябре 1916 г. гр. А.А. Бобринского на посту председателя комиссии сменил в.кн. Николай Михайлович. Дело, однако ограничилось перепиской между морским министром и министром народного просвещения и подсчетом той площади, которую должен занимать университетский комплекс, окончательное решение вопроса было отложено до завершения войны⁷³.

В годы войны университет продолжал оставаться важным центром городской общественной благотворительности, а его представители (и преподаватели, и студенты) принимали участие в разных сторонах жизни «воюющего» города. В этом контексте можно указать на одну из черт военного времени — бесконечные «кружечные сборы» на нужды раненных и пострадавших от военных действий. В стенах университета они проводились, начиная с 1914 г.,

⁷¹ Министр народного просвещения – Попечителю Петроградского учебного округа, 9 мая 1915 г., №21479 // РГИА. Ф.733. Оп.156. Д.236. Л.21-21 об.

⁷² Председатель Высочайше утвержденной комиссии по сооружению новых зданий Императорского Петроградского университета – Министру народного просвещения, 12 июня 1915 г., №1 // РГИА. Ф.733. Оп.156. Д.236. Л.17-19 об.

⁷³ Для памяти // РГИА. Ф.733. Оп.156. Д.236. Л.167-167 об.

равно как и в стенах других учебных заведений столицы, разными учреждениями и организациями — Обществом Красного Креста⁷⁴, Комитетом по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским, сербским и их семьям и семействам убитых воинов⁷⁵, Императорским Человеколюбивым Обществом⁷⁶, Всероссийским русско-черногорским благотворительным обществом⁷⁷, Обществом помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям⁷⁸, Обществом для подачи врачебной помощи бедным женам, вдовам и сиротам воинов (Скобелевского)⁷⁹, Славянским Благотворительным Обществом⁸⁰, Комитетом по сбору и распределению пожертвований на нужды войны⁸¹, Западно-Русским Обществом⁸², Всероссийским Национальным Союзом⁸³, Союзом для борьбы с детской смертностью в России⁸⁴ и многими другими. Как и дру-

⁷⁴ См.: Попечитель — Начальникам высших и средних учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий С.-Петербургского учебного округа, 6 сентября 1914 г., №262 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10838. Л. 54

⁷⁵ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 17 сентября 1914 г., №285 // Там же. Л. 64.

⁷⁶ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 12 октября 1914 г., №326 // Там же. Л. 69

⁷⁷ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 18 ноября 1914 г., №371 // Там же. Л. 80.

⁷⁸ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 11 декабря 1914 г., №397 // Там же. Л. 83.

⁷⁹ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 8 января 1915 г., №9 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 3.

⁸⁰ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 10 февраля 1915 г., №44 // Там же. Л. 17.

⁸¹ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 27 февраля 1915 г., №66 // Там же. Л. 26.

⁸² Центральный Комитет по организации сбора Русскому Пахарю в Западной Руси, в Холмской Руси, Галицкой Руси — ректору университета, 27 февраля 1915 г. // Там же. Л. 27, 28

⁸³ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 5 апреля 1915 г., №116 // Там же. Л. 40.

⁸⁴ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 27 апреля 1915 г., №154 // Там же. Л. 38.

гие государственные и общественные учреждения, университет участвовал в организуемых городом благотворительных акциях в пользу солдат (подарки к Пасхе, сборы в помощь раненым)⁸⁵. Министерство народного просвещения, которое организовывало эти мероприятия в подведомственных учебных заведениях, прислало в университет специально разработанный список, включавший в себя вещи, рекомендуемые к отправке в действующую армию (табак; сухари, хорошо высушенные; стеариновые свечи /небольшого калибра/; средства от паразитов; столовая соль; сапожный починный товар и починные инструменты; кумачовые рубашки; толстые нитки, толстые иголки и т. п.)⁸⁶. Среди благотворительных акций такого рода, по-видимому, наибольшее значение для университетской администрации имели те, которые были непосредственно связаны с благотворительной деятельностью высших учебных заведений. Так, в марте 1915 г. в университете проводился сбор на устройство этапного лазарета Петроградских высших учебных заведений⁸⁷.

Кроме участия университета в Комитете и Исполнительной Комиссии Петроградских высших учебных заведений, созданных для организации помощи высшей школы фронту, отдельные члены университетской корпорации принимали участие в общественных благотворительных установлениях, возникших в условиях военного времени. Например, профессор М.И. Ростовцев входил в комитет «Петроград — беженцам», организовавшим сборы в пользу беженцев в том числе и на территории университета⁸⁸. Ряд преподавателей Петроградского университета активно участвовал в деятельности Особого со-

⁸⁵ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназии и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 4 октября 1914 г., №310 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10838. Л. 67; Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназии и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 8 ноября 1914 г., №357 // Там же. Л. 73. См., напр., о пасхальных сборах 1915 г. в Петербурге: *Казакевич А.Н.* Москва и Петроград фронту в пасхальные дни 1915 года // *Петербургские чтения-97.* СПб., 1997. С. 315–317.

⁸⁶ Список вещей, которые было бы желательно послать от имени учащихся в Действующую Армию в качестве подарков // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 22.

⁸⁷ Попечитель — Начальникам учебных заведений председателям Педагогических советов женских гимназии и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 9 марта 1915 г., №84 // Там же. Л. 32.

⁸⁸ Комитет «Петроград — беженцам» по сбору в пользу беженцев — ректору университета, 10 сентября 1915 г., №57 // Там же. Л. 78.

вещания по обороне, центрального аппарата Военно-промышленного комитета⁸⁹. Сразу две организации возглавлял приват-доцент юридического факультета В.В. Степанов: Особый отдел Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев и XII отдел Петроградского комитета Союза городов по оказанию помощи беженцам⁹⁰. Ряд профессоров (например, Н.Я. Марр) принимал участие в деятельности известной Комиссии по изучению естественных и производительных сил России (КЕПС)⁹¹.

Однако более важным, чем участие в различных благотворительных мероприятиях и общественная работа отдельных деятелей университетского сообщества, представляется вопрос о политической позиции профессорской корпорации по отношению к ее задачам в условиях военного времени и о степени участия университета как института в решении задач национальной обороны.

С одной стороны, на протяжении всех военных лет Университет продолжает демонстрировать этот официальный патриотизм, периодически организуя разного рода торжественно-патриотические мероприятия: избрание почетным членом университета Бельгийского короля Альберта⁹², избрание великого князя Николая Николаевича почетным членом университета и приветственные телеграммы в его адрес⁹³, избрание почетным членом университета председа-

⁸⁹ В качестве примера укажем на деятельность приват-доцента Юридического факультета М.А. Сиринова, который фактически руководил информационной политикой Комитета, будучи редактором его «Известий» (см.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие»... С. 121).

⁹⁰ Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в г. Петрограде. Справочная книжка. СПб., 1915. С. 13–14, 19.

⁹¹ См.: *Кольцов А.В.* Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил в России: 1914–1918 гг. // ВИЕТ. 1999. №2. С. 128–139.

⁹² В октябре 1914 г. (см.: Об избрании Бельгийского короля Альберта I Почетным членом Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11028).

⁹³ В марте 1915 г., после взятия Перемышля русскими войсками, главнокомандующим которых был Николай Николаевич. См.: Дело Совета об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Почетным членом университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11029. Характерно, что университет продолжал посылать приветственные телеграммы Николаю Николаевичу и тогда, когда он был «сослан» командовать Кавказским фронтом и являлся одним из лидеров дворцовой оппозиции (Дело Совета Императорского Петроградского университета о заседаниях Совета 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11137. Л. 70, 71).

теля Государственной Думы М.В. Родзянко⁹⁴, участие в учреждении института исторических съездов имени Николая II⁹⁵ и т. п.

С другой стороны, доктрина либерального патриотизма отнюдь не предполагала идеологической поддержки самодержавия. Как отмечено выше, уже с самого начала войны профессора (впрочем, как и большинство столичной интеллектуальной элиты) выражали недовольство различного рода проявлениями шовинизма и германофобии⁹⁶. Позиция петроградской профессуры была достаточно осторожной, но далекой от национализма. Так же как и большая часть духовной элиты России, петроградские профессора воспринимали «отечественную войну» как «войну надежды для России»⁹⁷ — войну, которая объединит нацию и правительство и подвигнет его к реформам. Либеральные интеллектуалы решительно противопоставляли истинный и прогрессивный российский «национализм» (патриотизм европейского этапа русской истории) «черносотенному национализму»⁹⁸. Безусловно, претензии на подобный патриотизм у профессорской корпорации сочетались с ярко выраженной оппозиционностью. Ее близость к кадетской партии обусловило и то, что большинство петербургских профессоров, поддерживали требования т. н. «прогрессивного блока» в Государственной думе, т. е. стояли за введение т. н. «министерства народного доверья» — правительства, формируемого Думой, — поскольку полагали, что власть не способна эффективно вести войну и управлять стра-

⁹⁴ Само собой разумеется, что единогласное избрание в декабре 1916 г. «по предложению Правления» почетным членом Университета М.В. Родзянко, председателя в тот момент крайне оппозиционной по отношению к правительству Государственной Думы, красноречиво свидетельствовало о политических симпатиях университетской корпорации (см.: Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 82 об.).

⁹⁵ См.: *Ростовцев Е.А.* Университетская корпорация столицы Российской империи... С. 106–107.

⁹⁶ См., напр.: *Ганелин Р.Ш., Нардова В.А.* Первая мировая война и петроградская оппозиционность // Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее им. А.С. Пушкина. -СПб., 2000. С. 189–193.

⁹⁷ См.: *Носков В.В.* «Война в которую мы верим»: начало Первой Мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и первая мировая война: материалы международного научного colloquium. Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 326–339.

⁹⁸ См., напр.: *Ольденбург С.Ф.* Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от Общества защиты и Сохранения в России памятников искусства и старины. Пг., 1915. С.89-96. Ср.: *Kennedy Janet* Domestic Politics: Reviving Russian Biedermeier Furniture in Alexandre Benois's St. Petersburg // *Studies in the Decorative Arts*, Vol. 12. No. 2 (SPRING-SUMMER 2005). P. 90.

ной⁹⁹. В этом смысле петербургские профессора являлись органичной частью оппозиционного общества.

В этих условиях определить размеры помощи университета фронту довольно трудно, равно как и дать однозначную оценку ее значению, хотя бы потому, что во всех смыслах сложно отделить акции, которые позиционировались университетом как патриотические или имеющие оборонное значение, от «реальной» работы на победу.

В качестве заслуги университета следует отметить его участие (вместе с городом) в организации госпиталей (прежде всего, «лазарета высших учебных заведений») и санитарных курсов при физико-математическом факультете, участие университета вместе с представителями городской власти в «Комитете помощи пострадавшим от войны». В отчетах университета подчеркивалось, что в зданиях университета было открыто несколько госпиталей, размещен один из запасных полков, ряд студентов университета с первых дней отправился на фронт добровольцами или санитарями. Всего для медицинских нужд университет предоставил четыре помещения в комплексе на Васильевском острове. В них было организовано два казенных (созданных на деньги городского управления) и два частных городских лазарета (организованные в том числе и на средства преподавателей университета) в общей сложности на 466 кроватей¹⁰⁰. Попечителем двух из них был ректор университета Э.Д. Гримм, двух других — профессора Д.И. Рихтер и В.И. Срезневский¹⁰¹. Примечательно, что один из лазаретов (Биржевая лин., д. 6) был организован в столовой Общества вспомоществования студентов, возглавлявшегося городским главой¹⁰². В управлении лазаретами принимали участие жены профессоров и приват-доцентов университета¹⁰³. Университетская корпорация постановила от-

⁹⁹ См., напр.: Резолюция съезда профессоров и преподавателей высших учебных заведений о необходимости коренной политической реформы строя России, февраль 1916 // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2742. Л. 1.

¹⁰⁰ Высшие учебные заведения в 1914 г. [Всеподданнейшая докладная записка министра народного просвещения о деятельности высших учебных заведений в 1914] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 170. Л. 3.

¹⁰¹ См.: Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 88–89; Всероссийский Союз городов. Справочная книжка Петроградского городского и областного комитетов. Пг., 1916. С. 116, 117, 119.

¹⁰² Очерк деятельности Петроградского городского комитета... Вып. I. С. 166

¹⁰³ Отношение к настоящей войне // Отчет Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915. С. 91–93.

числять 3% жалования в пользу лазарета высших учебных заведений¹⁰⁴. Особо следует указать и на гуманистические попытки университетской коллегии Петроградского университета (по инициативе профессоров М.И. Ростовцева и С.А. Жебелева) организовать в 1916 г. Комитет помощи русским военнопленным студентам в Германии¹⁰⁵.

Еще в августе 1914 г. ректор получил письмо из министерства, адресованное всем университетам по поводу помощи фронту высших учебных заведений в деле изготовления лекарств. Проблема заключалась в том, в Петроградском университете не было медицинского факультета. В связи с этим, его обязанности были возложены на физико-математический факультет, который имел химическую лабораторию. Однако возможности ее изначально, по признанию ректора, были слишком малы¹⁰⁶. Впрочем, физико-математический факультет действительно оказался наиболее приближенным к практическим потребностям военного времени. В лабораториях факультета изучались способы борьбы с «удушливыми средствами», разрабатывались взрывчатые вещества¹⁰⁷, помещения и оборудование Физического института, возглавляемого профессором Д.С. Рождественским, активно использовались им и его учениками при реализации программы создания российской оптико-механической промышленности, ориентированной на военный заказ¹⁰⁸. Отчасти благодаря «военному фактору» было усилено химическое отделение факультета¹⁰⁹, а в

¹⁰⁴ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г.... С. 75.

¹⁰⁵ См.: Дело Совета Петроградского университета об учреждении при Петроградском Университете Комитета помощи военнопленным студентам // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.11184. Л.1-12 об; Протоколы заседаний Совета Петроградского университета от 15 февраля и 23 мая 1916 г. (ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д. 11367. Л.19 об., 33об.-34).

¹⁰⁶ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 г. // Там же. С. 82.

¹⁰⁷ Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г. Пг., 1916. С. 114-115.

¹⁰⁸ См.: *Осиновский А.Н., Коненков А.Ф.* Д. С. Рождественский, М., 1974. С.36-40.

¹⁰⁹ Представление декана факультета В.М. Шимкевича и переписка об учреждении химического отделения // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11056. Ср.: *Бондаренко Л.Б., Киселева М.Н., Кораблева Т.П., Корольков Д.В.* Преподавание химии в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 240.

1915 г. —образована химико-фармацевтическая группа¹¹⁰. В 1916 г. по заказу Генерального штаба Кабинет географии и антропологии физмата под руководством приват-доцента Ф.К. Волкова в провел серию исследований, связанную с разработкой размеров типовых масок химической защиты¹¹¹. Еще в сентябре 1914 г. один из профессоров факультета (Х.Я. Гоби) возбудил вопрос об организации при факультете санитарно-бактериологических курсов¹¹², однако реальная возможность их открытия появилась только в 1917 г.¹¹³.

С самого начала войны профессорская корпорация Петербурга выступила с призывом к преодолению зависимости от Германии в ряде научных и технологических сфер (особенно велика была зависимость России от Германии в естественных дисциплинах, химии и медицине).¹¹⁴ В апреле 1915 г. группа петроградских профессоров (в том числе университетских) обратилась в министерство с запиской, в которой указывалось, что теперь наступило время «освободить наших молодых ученых от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах». С этой целью авторы записки желали основать в Петрограде четыре научных журнала: по зоологии, ботанике, гистологии и бактериологии¹¹⁵; в апреле 1916 г. к ним прибавился и план организации журнала по физиологии.¹¹⁶ Одновременно университетские профессора и приват-доценты (Э.Д. Гримм, М.А. Дьяконов, С.В. Рождественский, А.С. Лаппо-Данилевский, М.Д. Приселков, А.Е. Пресняков, В.Н. Бенешевич, Л.П. Карсавин и др.) выступили с инициативой образования Русского исторического журнала. Впрочем, ходатаем перед властями по финансированию этого проекта выступил не университет, а Историко-филологическое отделение Академии наук, вероятно потому, что его основными инициаторами были академики

¹¹⁰ Заключение физико-математического факультета по вопросу организации химико-фармацевтической группы // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11058.

¹¹¹ Руденко С.И. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) [Публ. и комм. Н.И. Платоновой] // Археологические вести. 2003. №10. С.365-366.

¹¹² Школа и война. В высшей школе // Школа и жизнь. 1914. №38. 22 сентября. С. 7 (Стб. 998).

¹¹³ Переписка об организации врачебно-санитарных курсов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 76.

¹¹⁴ См. об этом, напр.: Novgorotsev P.J. Russian Universities and Higher Technical Schools // Russian Schools and Universities in the World War. New Haven, 1929. P. 174–175; Ipatieff V. N. Modern Science in Russia // Russian Review Vol. 2, No. 2 (Spring, 1943), P.73-74.

¹¹⁵ См.: Высшая школа // Школа и жизнь. 1915. №17. 27 апреля. С.6. (Стб.424).

¹¹⁶ См.: Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. №15. 13 апреля. С.8 (Стб.375).

М.А. Дьяконов и А.С. Лаппо-Данилевский (первый номер журнала вышел в свет в начале 1917 г)¹¹⁷. Хотя в министерстве ко всем этим проектам отнеслись сочувственно, в большинстве своем проекты так и остались проектами. Впрочем, понятно, что проекты подобного рода, поскольку по ним запрашивалось государственное финансирование, скорее отражали не столько «патриотические чувства» профессоров, сколько желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию. Так, например, Министерство согласилось по ходатайству профессоров финансировать журнал «Зоологический вестник», «но с тем, чтобы и университет пошел на встречу данному начинанию назначением соответствующего пособия из своих специальных средств», и, после того как в Министерство была представлена смета журнал, вновь подняло вопрос о софинансировании¹¹⁸ и получило ответ, что об этом не может быть и речи «в виду чрезвычайного увеличения цен на ремонтные работы, топливо и проч. — смета специальных средств в текущем году и возможно — в будущем по своему вероятно будет заключена с дефицитом»¹¹⁹. В результате журнал под ред. В.М. Шимкевича и В.А. Догеля издавался только на министерские деньги, но в ограниченном объеме¹²⁰.

Особенно показательна для характеристики практической деятельности университета попытка организации в его составе «практического» медицинского факультета. Примечательно при этом, что одним из толчков к постановке вопроса об организации медицинского факультета со стороны либеральной части городского сообщества вероятно был конфликт 1912-1913 гг. в Военно-медицинской академии между студентами-медиками и властями, связанный с решением Военного министерства установить более жесткий контроль над

¹¹⁷ История Академии наук СССР. Главн. ред. К.В. Островитянинов. М.;Л.,1964. Т.2. 1803-1917. С.591; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа... С.196.

¹¹⁸ Департамент Народного Просвещения, Разряд учен. учреждений и высших учебных заведений — Попечителю Петроградского учебного округа, 7 июля 1915 г., №30230 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11075. Л. 3.

¹¹⁹ Ректор — Попечителю Петроградского учебного округа, 21 июля 1915 г., №2538 // Там же. Л. 7—7 об.

¹²⁰ Зоологический Вестник. Пг., 1916—1918. Т. I—III. См.: *Кольцов Н.К.* Национальная организация науки // Природа. 1915. Июль-Август. Стб.1036.

студентами-медиками¹²¹. В течение четырех лет, с 1913 по 1917 гг., Университет, по существу, игнорировал предложения городского общественного управления. Еще в марте 1913 г. на заседании Думы гласный А.Г. Фальброк (кстати, один из лидеров близкой университету группы «Обновление») возбудил ходатайство по поручению «некоторых уездных городов и земств северных губерний» об организации медицинского факультета или расширении Петроградского женского медицинского института¹²². Дело было передано в комиссию «о пользах и нуждах общественных», которая назначила по этому вопросу совещание, к работе которого был привлечен широкий круг лиц, включая целый ряд представителей университета во главе с ректором Э.Д. Гриммом. Совещание, созванное в марте, проходило под председательством Г.А. Фальброка. Совещание, а вместе с ним и комиссия, пришли к выводу о необходимости для нужд города организации медицинского факультета университета, причем аргументы в пользу создания факультета были «весьма многочисленны»¹²³. В то же время уже на самом совещании со стороны физико-математического факультета звучали возражения против этого плана, которые были обозначены в постановлении депутатской комиссии весьма неопределенно как связанные с «печальным состоянием» уже существующих естественнонаучных учреждений университета и «соображениями внутренней университетской жизни временного преходящего характера». Для того чтобы «подсластить» решение, заставляющее физико-математический факультет (как наиболее близкий по профилю) заниматься организацией медицинского факультета для нужд города, депутатская комиссия составила представление в министерство, по которому должны были строиться общие здания и лаборатории для физико-математического и медицинского факультета. Общий объем депутатского проекта составил огромную сумму в 11 млн. рублей, правда, депутаты были

¹²¹ См. о полицейском «разгроме» Военно-медицинской академии и реакции на это событие либеральных кругов столичного общества: *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С.115-116.

¹²² Журнал заседания Петербургской Городской Думы. Заседание 6 марта 1913 г. // Известия С.-Петербургской городской думы. 1913. Т. 190. №24. С. 1055.

¹²³ Свообразным сводом практических аргументов в пользу учреждения в Петрограде медицинского факультета, высказывавшихся в обществе может служить работа доктора Льва Бертенсона «Необходим ли Петрограду медицинский факультет и ощущается ли в России нужда во врачах?» (Пг., 1916).

согласны за счет города только выделить участок земли, проект же предлагалось профинансировать правительству¹²⁴.

Одним из обстоятельств, побуждавших профессоров противодействовать организации факультета, было опасение того, что новый факультет может быть сформирован из назначенцев Л.А. Кассо, чуждых корпоративному духу университета. В разговоре с городским головой ректор Э.Д. Гримм признался, что «всем очень не хочется вводить новый факультет, особенно теперь, когда министерство Бог знает кого насует в качестве профессоров, но приходится считаться с общественным мнением, которое стоит за учреждение факультета»¹²⁵. И.И. Толстой успокоил его тем, что «министерство долго не решится на такое дело, связанное с огромными расходами»¹²⁶. Примечательно, что несмотря на это предположение в Министерстве народного просвещения, возглавлявшимся «ретроградом» Л.А. Кассо, проект принципиальных возражений не вызвал (и также получил положительное заключение Государственной думы, согласной открыть его финансирование), однако университет по представлению физико-математического факультета это предложение Городской думы все равно отверг (история вопроса об организации медицинского факультета изложена в протоколах заседания комиссии по реформе высшей школы)¹²⁷. С особенной резкостью против создания медицинского факультета выступил академик В.А. Стеклов. Особенно интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к идее создания факультета) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета установить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает автор

¹²⁴ См.: Об учреждении при Императорском С.-Петербургском университете медицинского факультета (Доклад комиссии о пользах и нуждах общественных от 6 марта 1914 года) // Известия С.-Петербургской городской думы. Год ЛП. Т. 194. № 22. Июнь. 1914. С. 2315-2339.

¹²⁵ Цит. по: Толстой И.И. Дневник. В 2 томах. СПб., 2010. Т. II. 1910-1916. С. 403.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ См.: Журнал 28 заседания Комиссии по реформе высшей школы. 23 августа 1917 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 277. Л. 52 об-53). В мае 1913 г. Совет Петербургского университета принял решение «отложить обсуждение вопроса о необходимости открытия при С.П.Б. Университете медицинского факультета» (см.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 13 мая 1913 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г.... С. 103-104). См. также: Материалы об организации медицинского факультета при Петроградском университете // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

записки, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций»¹²⁸. Интересно, что сам городской глава граф И.И. Толстой (прекрасно представлявший как расклад сил в университетской корпорации, так и бюрократическую практику министерства народного просвещения) изначально относился к плану Г.А. Фальброка скептически, прогнозируя, что «все это пустое и ничего на практике не выйдет <...> все кончится пуфом и скандалом для Городской думы»¹²⁹.

По-видимому, дело об образовании медицинского факультета при университете так бы и «заглохло»¹³⁰, если бы не кризисная кадровая ситуация, сложившаяся в ходе войны, которая, в конце концов, поставила вопрос о подготовке врачей снова со всей остротой¹³¹. В условиях нехватки врачей в 1916 г. Петроградский Женский медицинский институт сначала получил право присуждать ученые степени и звания лицам мужского пола, а затем, с 1917 г. — начал прием студентов-мужчин¹³². В этой ситуации Министерство народного просвещения предпринимает попытку повлиять на Петроградский университет и побудить его создать новый факультет. Поскольку дух проектируемого П.Н. Игнатьевым университетского устава¹³³ не позволял прямо «навязать» университету новый факультет сверху, министр выбирает иной путь, связанный с организацией в июне 1916 г. Пермского отделения Петроградского университета, которое планируется впоследствии преобразовать в самостоятель-

¹²⁸ Мнение акад. В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском Университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7–8 об.

¹²⁹ Толстой И.И. Дневник... С. 432.

¹³⁰ В определенной степени позиция, заявленная университетом, «спасла» частный Психоневрологический институт (его медицинский факультет был образован в 1912 г.), который министерство народного просвещения, возглавляемое консерваторм Л.А. Кассо, намеревалось первоначально закрыть по политическим причинам. В условиях отсутствия факультета в университете правительство вынуждено было утвердить за Институтом статус высшего учебного заведения, единственного готовящего в столице мужчин-врачей гражданского профиля (см.: Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX–начало XX в.). СПб., 2004. С. 207–216).

¹³¹ См.: Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX–начало XX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. СПб., 2004. С. 35. Еще в 1915 г. было решено открыть медицинский институт в Ростове-на-Дону (см.: Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 45.) В июле 1916 министр П.Н. Игнатьев выступил с широкой программой открытия медицинских факультетов в университетах или медицинских институтах в Воронеже, Тамбове, Вильно, Минске, Перми, Иркутске, Владивостоке, Ташкенте и Ярославле (Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. №28. 13 июля. С. 7 (Стб. 694)).

¹³² Кунайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. Л., 1984. С. 16.

¹³³ См.: Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов...

ный университет¹³⁴. При этом как в Перми, так и в Петрограде открывается сначала сроком на четыре семестра т. н. «медицинская группа» физико-математического факультета¹³⁵. Официально предполагалось, что ее выпускники должны быть затем переведены по окончании курса на медицинские факультеты в другие университеты. Однако, по-видимому, министерство подвело физико-математический факультет и университет к необходимости организации полноценного медицинского факультета¹³⁶. Впрочем, реализации этих планов помешали как революционные потрясения 1917 г., так и твердая позиция университетской профессуры, полагавшей, что «включение в цикл преподаваемых в университете дисциплин — предметов узкопрактического характера, вхождение в состав Университета большого числа профессоров-клиницистов, т. е. представителей чисто-практических профессиональных знаний и т. п. — все это не может не нарушить научной жизни и духа университета»¹³⁷. В апреле 1917 г. Университетский совет по настоянию того же В.А. Стеклова и вопреки рекомендации физико-математического факультета в очередной раз отверг проект организации факультета, исходившую уже от новой власти¹³⁸, а на следующем майском заседании принял странное постановление, проектирующее новый факультет разделенным на две части «общеобразовательную» в университете и «клиническую» вне его стен¹³⁹. В результате полноценной базы для медицинского факультета так и не было подготовлено, что предопределило и неудачу следующей попытки его создания уже в послереволюционный период (1920-21 гг.).

¹³⁴ См.: Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского Университета и деятельности его в 1916–1917 уч. году (по 1 июля 1917 года). Пермь, 1918. С. 2–3; Пермское отделение 1916–1917 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15256.

¹³⁵ См.: Временная медицинская группа при Императорском Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15254.

¹³⁶ См.: Дело совета Императорского университета об организации медицинской и основной группы при Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11220. Л. 1–64.

¹³⁷ См. также: Представление физико-математического факультета об организации медицинского отделения на факультете // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 13–14 об.

¹³⁸ См.: Протокол заседания Совета Петроградского университета от 24 апреля 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 51–52.

¹³⁹ Протокол заседания Совета Петроградского университета от 8 мая 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 65–68.

Эпизод с попыткой создания медицинского факультета вполне отражает не только качество отношений университета с муниципальными и центральными властями, но также в более широком смысле ситуацию с отношением университетской корпорации к общественным нуждам военного времени. В то же время, на наш взгляд, наиболее важным является то обстоятельство, что сама практика университетского преподавания не была ориентирована на выполнение конкретного социального заказа. Представления об «университетской автономии», господствовавшие в среде профессуры, не способствовали такой постановке вопроса. Можно констатировать, что серьезного воздействия на практику преподавания и научной деятельности абсолютного большинства кафедр университета война не оказала. Как отмечается в воспоминаниях современников, «никакого перелома во внутренней жизни университета война не произвела»¹⁴⁰. Действительно, изучение отчетов университета и факультетских «обзоров» преподавания показывает почти полное отсутствие каких-либо корректив в университетской программе, которые можно связать с войной. Пожалуй, единственный подобный пример – введение обязательного курса по истории славян, под который историко-филологический факультет добился учреждения сверхштатной профессуры по кафедре славянской филологии¹⁴¹, как подчеркивалось в прессе – «принимая во внимание совершающиеся события»¹⁴². Между тем, идеал университета — как своеобразной башни из «слоновой кости», — который независим от политических и социальных бурь, ярко представил, например, последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм. По его словам, целью университета является «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дани ни задаче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было не научным целям»¹⁴³.

¹⁴⁰ Вейдле В.В. Воспоминания / Вступ. ст., публ. и коммент. И. Доронченкова // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С.98.

¹⁴¹ К учреждению сверхштатной ординарной профессуры по кафедре славянской филологии при Императорском Петроградском университете // РГИА. Ф.733. Оп.156. Д.108. Л.20-20об.

¹⁴² Кафедра истории славян // Биржевые ведомости. 4 марта 1915 г. № 14706. Утренний выпуск. С. 4.

¹⁴³ Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава... С. 111.

В то же время приведенные выше факты показывают, что на протяжении всей войны очевиден идейный патриотизм большинства преподавателей, выражавшейся в посильной личной помощи фронту, организации госпиталей, работе в разного рода благотворительных обществах, политической публицистике, агитирующей на борьбу с врагом, нашедший отражение в многочисленных эго-документах¹⁴⁴. В этой связи естественно возникает вопрос, о том, какие же формы борьбы за победу принимала научная деятельность университетской корпорации в условиях войны? С нашей точки, зрения наиболее яркой иллюстрацией такой деятельности была добровольная и инициативная работа, проходившая в структуре неразрывно связанной с университетом, – Физико-химическом обществе при Петроградском университете – РФХО, которое стало той структурой российского научного сообщества, которой пришлось дать ответ на вызов военного времени, связанный с появлением химического оружия¹⁴⁵. Именно ученые – специалисты в области естественных и технических наук «брали на себя инициативу ускоренного поиска решения возникших проблем, преодолевая бюрократическую косность чиновников и находя понятные промышленникам доводы об исключительной экономической выгоде от скорейшего внедрения новых технологий, важных для обороны страны»¹⁴⁶. В этом контексте и следует рассматривать вклад в работу по разработке и производству химических веществ, который внес Военно-Химический комитет при РФХО при Петроградском университете.

Первоначальным ядром для образования Комитета послужила группа петроградских химиков, принимавшая участие в Комиссии по заготовлению удушающих средств по приглашению ее председателя генерал-майора И.А. Крылова. В сентябре 1915 г. Совет РФХО вошел в Особое совещание по обороне с ходатайством об отпуске средств для организации Военно-

¹⁴⁴ *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы С.3-21

¹⁴⁵ См. подробнее: *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Мобилизация интеллекта и отравляющие газы: к истории науки в Петроградском университете в период I Мировой войны // Клио. 2016. №8. С.40-48.

¹⁴⁶ *Колчинский Э.И.* Первая Мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С.12.

Химического комитета. Также было озвучено пожелание об организации опытного завода, «на котором можно было бы после лабораторных исследований испытать в малом заводском масштабе выработанные методы получения нужных для военного дела химических продуктов»¹⁴⁷. Окончательную же организацию Военно-Химический комитет получил во время пленарных заседаний Совета Отделения химии РФХО, прошедших 22 и 23 октября 1915 г. в Петрограде при участии большого числа иногородних членов Отделения¹⁴⁸. Комитет возглавил академик Н.С. Курнаков, в состав Совета вошли: С.П. Вуколов, Н.М. Витторф, А.И. Горбов, Г.Д. Елисафов, Г.А. Забудский, В.Н. Ипатьев, Б.К. Климов, Н.П. Кравков, И.А. Крылов, А.А. Лихачев, Л.М. Лялин, А.Е. Порай-Кошиц, Н.В. Палладин, Н.И. Подкопаев, А.Е. Поспелов, В.Е. Тищенко, П.П. Федотьев, А.Е. Ферсман, Г.В. Хлопин, Л.А. Чугаев, П.И. Шестаков, И.Ф. Шредер и А.А. Яковкин¹⁴⁹. Всего в состав Комитета входило 106 членов, включая практически всех сотрудников кафедры химии физико-математического факультета Петроградского университета: Г.Н. Антонова, М.С. Вревского, Ю.С. Залькинда, В.Н. Ипатьева, С.В. Лебедева, А.В. Сапожникова, В.Е. Тищенко, А.Е. Фаворского и Л.А. Чугаева (кроме П.П. фон-Веймарна). Также в состав комитета вошли профессор университета Н.П. Кравков (кафедра агрономии), П.А. Замятченский (кафедра минералогии), Л.Ф. Ильин (временная медицинская группа)¹⁵⁰. Общее наблюдение за делами Комитета лежало на делопроизводителе, которым был назначен профессор университета Л.А. Чугаев¹⁵¹. Заседания проходили в основном в здании Химической лаборатории Университета или Химической лаборатории Горного института¹⁵². За период с октября

¹⁴⁷ *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1: 1867-1917. Нью-Йорк, 1945. С. 496.

¹⁴⁸ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

¹⁴⁹ Список членов Совета Военно-Химического комитета (Петроград) // Труды Военно-Химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 68-69.

¹⁵⁰ Список членов Военно-Химического комитета (Петроград) // Труды Военно-Химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 70-71.

¹⁵¹ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 28. Л. 12 об.

¹⁵² Результаты пленарных заседаний, 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 974 Оп. 1. Д. 6.

1915 г. по сентябрь 1916 г. было проведено 32 заседания Совета и 21 заседание Комитета¹⁵³.

Согласно Уставу Комитета его целью провозглашалось объединение «русских химиков для совместной и планомерной работы по вопросам, связанным с нуждами Государственной обороны»¹⁵⁴. В течение последних месяцев 1915 г. и первых 1916 г. были организованы отделения Комитета в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Воронеже, Казани, Томске, Юрьеве, Екатеринославле и Новочеркасске¹⁵⁵. Комитет избирал из своей среды председателей и членов совета: по 5 от Петрограда и Москвы и по 2 от других городов, где имеются отделения Комитета¹⁵⁶. С самого начала работы Комитет тесно сотрудничал с Комиссией по изысканию и заготовлению удушающих и зажигательных средств, занимаясь разработкой различных лабораторных методов получения разнообразных соединений¹⁵⁷. Отметим, что Комиссия обращалась к РФХО и до этого. В частности, в ее состав входил профессор Петроградского университета Л.А. Чугаев, занимавшийся исследованием вопроса о рафинации платины и приготовлении платинового катализатора для производства олеума¹⁵⁸. В сферу занятий Комитета входил разнообразный круг научных и военно-технических вопросов, связанных с разработкой удушающих и взрывчатых веществ, производства различных химических препаратов, учета наличности и запаса месторождений сырых материалов и т.п. Важным пунктом обсуждений Комитета была перестройка, наладка и эксплуатация Опытного завода¹⁵⁹. Для его оборудования в конце января 1916 г. Комитету было предоставлено помещение на угольном заводе 2-го казенного винного склада

¹⁵³ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 28. Л. 10-10 об.

¹⁵⁴ Устав Военно-Химического комитета при Отделении Химии Русского Физико-Химического Общества // Труды Военно-Химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 66.

¹⁵⁵ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

¹⁵⁶ Устав Военно-Химического комитета при Отделении Химии Русского Физико-Химического Общества // Труды Военно-Химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 66.

¹⁵⁷ *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика....С. 496.

¹⁵⁸ Там же. С. 496-497.

¹⁵⁹ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 28. Л. 10 об.

на Ватном острове. В феврале начались строительные работы и приспособление завода под новые цели. Первоначально на заводе намечалось получение фосгена, хлористого сульфурила, хлорпикрина по двум различным способам и хлористого хромила¹⁶⁰. Вследствие изменившихся условий эта программа не была выполнена в полной мере, так как часть предложенных производств признали целесообразным заменить другими. После предварительной работы, выполненной в химических лабораториях Петрограда, «на опытном заводе были спроектированы и пущены в ход следующие препараты, необходимые для нужд армии и флота: металлический натрий, металлический мышьяк, металлический магний, желтая соль, красная соль, синильная кислота, хлорциан, оловянно-натриевая соль (из обрезков жести), железный купорос, хлористый хромил, химически чистая бертоллетова соль, химически чистый цианистый калий»¹⁶¹. На заводе осуществлялось производство удушающих веществ, в разработке которых активнейшее участие принимали ученые Петроградского университета. В частности, там было налажено производство хлорпикрина из ацетона, подготовительная лабораторная работа по которому была выполнена в университетской лаборатории Л.А. Чугаева¹⁶². В университетской лаборатории органической химии профессора А.Е. Фаворского проводились подготовительные работы для получения фосгена «из четыреххлористого углерода и олеума с утилизацией хлорсульфоновой кислоты для получения удушающих средств»¹⁶³.

Начиная со второй половины 1916 г., Военно-Химический комитет обратился к проблеме перевода химической промышленности на мирные рельсы. Военно-Химический комитет подчеркивал, что уже с первых шагов своей деятельности он, «имея в виду прежде всего обслуживать стоящие на очереди нужды армии и флота, не терял из виду и других задач, более отдаленных но

¹⁶⁰ Там же. Л. 13 об.

¹⁶¹ Объяснительная записка к проекту устава Института прикладной химии при научном отделе ВСНХ // ЦГИА СПб. Ф. 974 Оп. 1. Д. 16. Циркуляры и протоколы Военно-Химического комитета. Л. 16.

¹⁶² Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.

¹⁶³ Там же. Л. 14 об.

зато еще более обширных и заманчивых, — задач, разрешение которых было рассчитано на мирное время»¹⁶⁴. В первую очередь, речь шла о медикаментах, вкусовых веществах, красках и т.п.

Таким образом, всего за несколько лет существования Комитета он превратился из добровольной организации ученых-химиков, стремящихся помочь страдающей от тягот войны стране, в постоянно государственное учреждение — ГИПХ (Государственный институт прикладной химии)¹⁶⁵. Разработки, осуществленные сотрудниками Комитета, использовались не только на фронтах мировой войны, но и впоследствии при адаптации химических производств к мирным условиям. Деятельность комитета ярко демонстрирует и еще одно обстоятельство — способность российских ученых, относящихся к университетскому, академическому миру к эффективной работе на решение государственных задач. Очевидно, что создание подобных военно-технических центров, работающих на оборону страны, проходило в рамках гражданской самоорганизации научного сообщества, институциональные основания для которой были заданы установками и атмосферой университетской автономии, а также теми либерально-патриотическими ценностями, которые разделяло подавляющее большинство российского ученого сословия. Разумеется, что эффективность таких научно-технических центров снижалась в условиях отсутствия четкой системы и планов управления военно-химической отраслью со стороны государства¹⁶⁶, но это обстоятельство скорее отражало общие трудности, связанные с мобилизацией промышленности в годы I Мировой войны.

В целом же, анализируя подход университетской корпорации к событиям военного времени, можно констатировать, что при всем «патриотизме» профессоров война воспринималась, прежде всего, как инструмент реализации определенных как политических, так и корпоративных ценностей важных для

¹⁶⁴ Объяснительная записка к проекту устава Института прикладной химии при научном отделе ВСНХ // ЦГИА СПб. Ф. 974 Оп. 1. Д. 16. Циркуляры и протоколы Военно-Химического комитета. Л. 16.

¹⁶⁵ Зальцберг М. Три жизни академика В. Н. Ипатьева // Химия и жизнь. 1992. №12. С.18.

¹⁶⁶ Brooks Nathan Munitions, The Military, and Chemistry in Russia // Frontline and Factory: Comparative Perspectives on the Chemical Industry at War, 1914–1924. Edited by Roy Macleod and Jeffrey Allan Johnson. Dordrecht: Springer, 2006. P.75-101.

преподавательского корпуса. Такова, на наш взгляд, была стратегия профессорского патриотизма. Как соотносилась она со студенческим патриотизмом?

В литературе многократно, хотя и по-разному, описывался патриотический подъем петербургского студенчества в начале войны¹⁶⁷. Примечательна восторженная оценка либеральной прессой студенческого патриотизма в сентябре 1914 г. Так, «Речь» сообщала о радостных добровольцах, отказавшихся от льгот: «Среди явившихся на призыв новобранцев масса студентов. У всех веселые, оживленные лица. Многие студенты отказались от предоставленных им по закону льгот и добровольно явились в присутствие, чтобы вступить в ряды армии»¹⁶⁸. Интересно, впрочем, что в том же номере газета информирует об оперативном заступничестве правления университета за уволенных за неуплату студентов, которым грозил призыв в армию¹⁶⁹. В полицейских документах отмечается, что в начале войны «патриотический экстаз» затрагивает даже революционные круги студенчества, многие представители, которых стали полагать, что «о внутренних делах надо пока позабыть, надо переменить линию своего поведения», однако, согласно тем же полицейским наблюдениям уже к ноябрю 1914 г., революционная часть студенчества постепенно к «прежнему своему партийному бытию»¹⁷⁰. В то же время относительно основной массы студентов «патриотический заряд» оказался более эффективным – достаточно сказать, что вплоть до марта 1915 г. в столице периодически проходили манифестации патриотически настроенной молодежи, включая, в том числе и студентов Петроградского университета¹⁷¹.

Наиболее масштабный характер носила студенческая патриотическая манифестация 8 октября 1914 г., продолжавшаяся 6 часов и собравшая несколько

¹⁶⁷ Моррис С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного научного colloквиума). СПб., 1999. С. 288–293.

¹⁶⁸ Призыв новобранцев // Речь. 1914. 16 (29) сентября. №249 (2918). С. 5. См. также: Добровольцы // Речь. 1914. 30 июля (12 августа). №201 (2870). С. 2.

¹⁶⁹ Хроника // Речь. 1914. 26 сентября (9 октября). №259 (2928). С. 5; Ходатайство об уволенных студентах // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 26 сентября. № 14396. С. 5.

¹⁷⁰ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Директору Департамента полиции. 8 февраля 1915 г., №5036 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.1об.

¹⁷¹ См.: Манифестации // День 1914. №282 (724). 17 октября. С. 1; День патриотических манифестаций // Петербургский листок. 1915. № 67. 10 марта. С. 3.

тысяч человек¹⁷². За выражение патриотических чувств студенты Петроградского университета даже удостоились высочайшей благодарности¹⁷³. Вплоть до 1917 г. в Петрограде активно действовал Объединенный студенческий комитет, представлявший разные вузы города и поставивший себе задачу организации студенческой помощи фронту. Эта работа, прежде всего, заключалась в сборе книг и вещей для солдат¹⁷⁴. В 1914 г. в Петрограде возникают такие патриотические студенческие издания, как «Вешние воды» и «Северный гусляр».¹⁷⁵ Вскоре после начала занятий, в сентябре 1914 г., в Петроградском университете распространялось патриотическое воззвание студентов, под которым в короткое время было собрано несколько сот подписей. Его восторженно патетический тон очень походил на недавние революционные прокламации:

«В настоящий исторический момент, когда Родина наша подвергается тяжелым испытаниям, когда на поле брани решаются вопросы о бытии целых народов, когда, наконец, каждый гражданин Великой России отдает все свои силы, здоровье и знание Родине, мы, студенты, принуждены бездействовать. Нормально ли это? Нормально ли, чтобы нас, молодых и сильных духом, отвлекали от святой работы на пользу Родины? Тысячи студентов сейчас поставлены перед дилеммой — либо, бросая посильно начатую работу на пользу отечества, идти в университет и держать экзамены для выполнения минимума, либо продолжать благотворную работу, но порвать связь с университетом. Какие могут быть в настоящее время серьезные экзамены? Кто из нас, студентов, может добросовестно и спокойно готовиться к таковым, когда все наши помыслы, интересы и желания сосредоточены там, на войне, где борются и гибнут за славное дело сотни наших близких и товарищей. Студенты университета просят ректора исходатайствовать об отмене производства курсовых испытаний и перенесении их на более спокойное и благоприятное время и не считаться с минимумом для зачета семестра»¹⁷⁶.

Студенчество университета активно включилось в «интеллектуальную войну», которую развернули профессорские корпорации. В этом смысле ха-

¹⁷² См.: В.П. Заметки петроградского обывателя // РС. 1915. Т. 161. Январь–февраль–март. С. 216–217.

¹⁷³ Министр народного просвещения – ректору С.-Петербургского университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 370

¹⁷⁴ См., напр.: Novgorotsev P.J. Op. cit. P. 172–173.

¹⁷⁵ См.: Сватиков С. Студенческая печать с 1755 по 1915 г. (Журналы, газеты, сборники и альманахи) // Путь студенчества. Сб. статей. Пг., 1916. С. 245.

¹⁷⁶ Высшая школа. Война и высшие учебные заведения // Школа и жизнь. 1914. №37. 15 сентября. С. 8 (Стб. 975). Ср.: Клейнбог Л. Молодежь и война // Современный мир. 1914. №11. С. 98.

рактерна тональность резолюции, принятой сходкой студентов 3 октября 1914 г. Она уже значительно отличается от «ответа профессоров» на «Воззвание к культурному миру» повышенным уровнем национализма:

«В течение столетий в западноевропейской, в особенности в немецкой науке, невозбранно разрабатывались историко-философские теории, стремившиеся доказать расовое и психологическое превосходство прочих европейских национальностей над славянскими. Результатом таких и подобных усилий является с одной стороны широко распространенное на Западе воззрение на славян, в частности, на нас, русских, как на неспособный к истинной культуре элемент человечества, а с другой — не подобающая русскому народу национальная приниженность даже на территории нашей страны. Последние события мировой жизни направляют наши взоры на необходимость здорового национального самопознания, от которого мы ждем материального и духовного возрождения нашей Родины и почетного места для нее в истории и науке. Да здравствует великий, могучий русский народ!»¹⁷⁷

Более того, по аналогии с революционным периодом патриотично настроенные студенты попытались развернуть травлю немецких профессоров. Особенно досталось говорившему с немецким акцентом профессору римского права К.Ф. фон Зелеру, на лекции которого была устроена обструкция с криками «долой немцев из университета»¹⁷⁸. В то же время материалы департамента полиции свидетельствуют, что обстановка в университете и других высших учебных заведениях не была так благостна с точки зрения лояльности студентов власти и их «патриотизма», как представляется в зеркале официальной публичной документации и периодической печати. Вот, например, «взвешенная оценка» происходящего, почерпнутая агентами полиции из перлюстрированного письма студента университета, датированного октябрём 1914 г.:

«Из университета на Невский отправилась толпа с пением “Боже, Царя храни”... мерзко – не хочется даже и описывать своими словами происшедшего. И все-таки для меня ясно, что лучшая часть студентов тут не при чем, и я могу доказать это фактами. Во первых, когда я посмотрел на фотографический снимок манифестации, то я увидел в первых рядах знакомые лица академистов. Во-вторых, я сам слышал на следующий день в коридоре свист и оглушительный крик «долой» по

¹⁷⁷ Школа и война. В высшей школе // Школа и жизнь. 1914. №41. 13 октября. С. 5 (Стб. 1066).

¹⁷⁸ [Выдержка из письма: Петербург, 11-10-14, «Гео[ргий]» Владимиру Николаевичу Милованову, Репальное училище, Ташкент] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.64об.

адресу тех, которые с чувством почтения выкрикивали слово “государь”. В третьих, когда Николай поблагодарил студентов за манифестацию, а ректор прочел царскую телеграмму студентам, ответом было молчание громадной толпы. После телеграммы ректор произнес речь в патриотическом, конечно, духе и в ответ понеслось “амнистия, амнистия”. В-четвертых, на следующий день вышла прокламация группы с.р., из которой ясно видно, что вопреки распространенному мнению далеко не все студенчество охвачено патриотической эпидемией»¹⁷⁹.

В то же время даже студенты-социал-демократы, стоявшие на антивоенных позициях в распространяемых ими листовках, признавали, что «широкие слои студенчества стоят на другой позиции: высшую свою задачу они видят в защите России от грубого и наглого прусского юнкерства», что не мешало им апеллировать к студенчеству с призывом показать, что у него «нет и не может быть единения с самодержавным правительством»¹⁸⁰. Действительно, общее патриотическое настроение студентов, скорее заключалось в том, что «против немцев, сочувствующих Вильгельму и всем его жестокостям» они готовы были идти, однако идти на фронт «бороться и умирать за свободу, с пением не гимна, а Марсельезы»¹⁸¹. На сходке 11 октября (по другим данным 10 октября¹⁸²), связанной с обсуждением указа о призыве студентов, было решено, что «студенты согласны исполнить свой долг перед родиной, но с условием, что нашим товарищам-заключенным за политические дела в тюрьмы была дана Правительством амнистия, т.е. помилование и освобождение от тюремного заключения, чтобы этим самым дать им возможность наряду со своими колле-

¹⁷⁹ [Выдержка из письма: Петроград, 15 октября 1914 года, «Валя», в Москву, А.М. Бондаренко, Марьяна Роща, земская амбулатория] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.56. Характерный пассаж из воззвания Университетской группы социалистов-революционеров, упомянутой в письме: «должны остаться неизблемыми и ждущими претворения в жизнь заветы тех, кто и сейчас томится по тюрьмам, томится в далекой Сибири. От народа требуют жертв для защиты страны, и он тоже вправе требовать возвращения тех, кто принес себя в жертву его благу. АМНИСТИЯ. АМНИСТИЯ. АМНИСТИЯ» ([Копия гектографированной листовки, 10 октября 1914 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.51 об.; ГАРФ. Ф.111. Оп.5. Д.517. т.2. Л.160-160 об.]).

¹⁸⁰ [Воззвание С.-Д. фракции Политехнического института, 13 окт. 1914 г., копия] // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л. 174-174 об.

¹⁸¹ См.: [Выдержку из письма: Петербург, 11-10-14, «Гео[ргий]» Владимиру Николаевичу Милованову, Реальное училище, Ташкент] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.64об. См. также: Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 10 октября 1914 г., № 23367 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.48-49 об.; Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику // ГАРФ. Ф.111. Оп.5. Д.517. т.2. Л.158-158 об.

¹⁸² Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 19 октября 1914 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.172..

гами выступить на сходки защиту родины»¹⁸³. С горячей речью в защиту этой резолюции выступил студент С.П. Жаба¹⁸⁴.

Вообще, судя по полицейской документации, университет выделялся первой военной осенью своей фрондой из общего ряда учебных заведений столицы. Студенты-большевики выступили с антивоенными прокламациями, наполненных революционным пафосом (например: «кровью своей и телами своими давя на немцев, почему-то объявленных нашими врагами, мы удобряем тем самым ту почву, на которой пышным цветком благодаря нашим трупам расцветет русский царизм, русский произвол и русский милитаризм»¹⁸⁵). Однако основным раздражителем для большинства студенчества была даже не власть, а «коленопреклоненные манифестации студенчества»¹⁸⁶ и попытки власти толкнуть студенчество на «дорогу рабского патриотизма»¹⁸⁷. Новый повод для протестов – вынужденная отставка И.А. Бодуэна де Куртенэ и очередная годовщина манифеста 17 октября¹⁸⁸. Характерный пассаж студенческой листовки, связанной с этими событиями:

«Маска сброшена. Лицемерие и дьявольская хитрость выползли из своих нор и под защитой штыков и нагаек, под покровом ночи стали творить свое мерзкое дело.

Товарищи. День 17 октября должен быть для нас днем веры в близкий рассвет, в скорую победу, но и должен быть вечным проклятием лжи и лицемерию правительства. <...> хуже всего. Товарищи, что мы в каком то невинном и позорном умилении закрываем глаза, когда правительство творит мерзость и, насмехаясь, плюет в нашу тарелку. Где совершена мерзость? Где?

В стенах нашего университета.

Приказано подать в отставку заслуженному проф. И.А. Бодуэну де Куртенэ»¹⁸⁹.

¹⁸³ Из Петрограда 21 октября 1914 года в гор. Новочеркасск, Архангельская ул., дом Юганова, Е.В.Б. Николаю Алексеевичу Мосолову. Выдержка. Копия. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.64об.

¹⁸⁴ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 19 октября 1914 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. Т.2. Л.172 об.

¹⁸⁵ К студенчеству Копия с рукописного // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.214.

¹⁸⁶ См.: Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Директору Департамента полиции, 19 октября 1914 г., №24102 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д. 59. Ч.57. Л.52.

¹⁸⁷ [Копия студенческого воззвания в Петроградском университете, 16 октября 1914 г.] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.57-57об.

¹⁸⁸ [Копия воззвания «трудовой группы» в Петроградском университете, октябрь 1914 г.] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.58. (См. то же: ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.161; То же. Л.176).

¹⁸⁹ [Копия студенческого воззвания в Петроградском университете, 16 октября 1914 г.] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.57-57об. (См. то же: ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.162; То же. Л.175-175 об.).

В этой обстановке, городской голова И.И. Толстой идет навстречу администрации университета в вопросе о широком привлечении Городской управой студентов в общественные организации, образованные в связи с войной. Речь, в частности, идет о таких организациях, как Всероссийский Земский Союз, лазарет «Русского учительства», Комитет памяти Пирогова, Городской лазарет, Российское общества Красного Креста, Всероссийской союз городов и т. п.¹⁹⁰ По словам городского головы, для ректора Э.Д. Гримма это было весьма важно, прежде всего, для того, чтобы «отвлечь» студентов от политики, «так как Кассо угрожает в случае малейшего движения в университете закрыть его и предоставить здание под постой войск»¹⁹¹. И.И. Толстой также соглашается на проведение студенческих сходов для обсуждения вопроса о помощи раненым вне университета (поскольку ректор опасался, что на нее «косо посмотрит» министр народного просвещения) — в стенах подведомственных ему учреждений — в студенческой столовой (курировалась Обществом вспомоществования студентам) и здании Городской Думы.

В этом противоречивом контексте, довольно трудно дать ответ на вопрос, насколько глубокой была солидарность студенчества с фронтом? П. Новгородцев в статье, в целом построенной как своеобразный гимн российской высшей школе в годы войны, был вынужден признать, что у многих русских студентов, особенно «нетехнических специальностей», просто не было возможности проявить свой патриотизм и большинство продолжало жить обычной университетской жизнью¹⁹². В качестве примера «патриотической акции» гуманитарного студенчества можно упомянуть деятельность организованного в 1915 г. «Кружка балкановедения», которая, впрочем, большого успеха не имела¹⁹³.

¹⁹⁰ См.: Отпуска студентов в действующую армию // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15215. Л. 2–56.

¹⁹¹ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 547.

¹⁹² См.: Novgorotsev P.J. Op. cit. P. 183–184.

¹⁹³ Устав кружка «Балкановедения» при Императорском Петроградском университете. Утвержден Советом Петроградского университета 19 января 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 372–373. См.: Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1915 г. Пг., 1916. С. 180–181; Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодье 1916 г. С. 157.

Интересно, что патриотические порывы университетского студенчества, равно как проявление *самодельности* учащихся других учебных заведений города также казались министерству опасными. После одной из них в октябре 1914 г в университет (равно как и в другие учебные заведения) пришел возмущенный циркуляр попечителя, который указывал на незаконность подобного рода акций и предупреждал начальников учебных заведений о недопустимости организации подобных несанкционированных правительством демонстраций¹⁹⁴. В документах департамента полиции в частности есть сведения, о том, как удалось предотвратить очередную патриотическую манифестацию под «национальными флагами» 10 октября 1914 г.¹⁹⁵.

Впрочем, подобная позиция власти, опасаящихся массовых студенческих выступлений как таковых, представляется вполне объяснимой. С началом занятий в 1914 г. революционные студенческие организации вновь проявляют активность¹⁹⁶ – в первой половине ноября в университете состоялись очередные сходки – традиционные, посвященные кончине Л.Н. Толстого¹⁹⁷ и экстраординарная, связанная с арестом депутатов социал-демократов¹⁹⁸, на которой, в частности, в очередной раз побили академистов¹⁹⁹ и стекла, собрали пожертвования в пользу политзаключенных, спели в коридоре «Вечную память», «Марсельезу» и «Варшавянку»²⁰⁰, а также попытались сорвать лекции

¹⁹⁴ Начальникам учебных заведений Петроградского учебного округа, 1 ноября 1914 г., №348 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10838. Л. 72.

¹⁹⁵ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 10 октября 1914 г., № 23367 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.49 об.

¹⁹⁶ Лейберов А.И. Сергей Иванович Петриковский // Петербургский университет и революционное движение в России. Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С.190; Стачки в России в 1913 –феврале 1917 г. Хроника. Отв. ред. Г.Г. Касаров М., 1989. Ч.1. С.30.

¹⁹⁷ [Воззвание Университетской организации Красного Креста по поводу годовщины смерти Л.Н. Толстого, 7 ноября 1914 г.] // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.226.

¹⁹⁸ [Воззвание Объединенного комитета с.-д. фракций Высших учебных заведений Петрограда, 11 ноября 1914 г. Копия с гектографированного] // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.246-246 об.; [Воззвание Университетской группы С.-Р. Копия с гектографированного] // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.249ю

¹⁹⁹ [Выдержка из письма: Петроград, от 6 ноября 1914 г., «Трой Валя», Москва, Марьяна Роцца, земская амбулатория Анне Митрофановне Бондаренко] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.70-70 об.; [Выдержка из письма: Петроград, от 10 ноября 1914 г., «Валериан Яковлев Пчелкин», Москва, Марьяна Роцца, земская амбулатория Анне Митрофановне Бондаренко] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.80; [Выдержка из письма: Петроград от 13 ноября 1914 года, «Валя», Москва, Марьяна Роцца, земская амбулатория А.М. Бондаренко] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.99. Ч.57 Б. Л.77-77 об.

²⁰⁰ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 7 ноября 1914 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.224-224 об.

профессоров А.И. Введенского, В.М. Грибовского и А.А. Жилина²⁰¹. В ходе полицейских операций 12 и 13 ноября было задержан 201 участник, из которых, впрочем, 197 были сразу отпущены²⁰². Полиция арестовала только «зачинщиков» и главарей этого выступления – студентов В.С. Говорова, А.В. Шеханова, В.Н. Мерхалиева и С.А. Бухмейера²⁰³. Любопытно, что арест последнего состоялся по «заявлению благонамеренных студентов»²⁰⁴. Однако 24 ноября в университете прошла новая сходка и чествование по коридору с песней «Вы жертвою пали...», посвященная годовщине самоубийства в тюрьме эсера Е.С. Сазонова²⁰⁵, после чего репрессии были продолжены. В конце ноября также аресту подверглись студенты Ю.М. Колосов, Е.Е. Колесников, А.А. Садиков, П.С. Почтарев²⁰⁶. Большинство из арестованных активные деятели партии социалистов-революционеров, студенческая организация которых оказалась после этих арестов на какое-то время ослабленной.

В донесениях Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице особо отмечается антивоенная революционная деятельность группы «учащихся-ленинцев», создавших «Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений»²⁰⁷. В то же время большевистская группа университетских студентов осенью 1914 г. также организовала и более широкую по составу антивоенную организацию молодежи под названием «Буревестник» во главе с С.И. Петриковским. Кроме университетских в нее вошли студенты Горного института, бестужевки и, главное, те,

²⁰¹ Министр внутренних дел – барону М.А. Таубе, ноябрь 1914 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.80об.

²⁰² См.: Начальнику Отделения по охране общественной безопасности в гор. Петрограде // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.65-67; Список студентов Петроградского университета, задержанных 12 ноября 1914 года в IX-й аудитории // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л. [Копия студенческого воззвания в Петроградском университете, 16 октября 1914 г.] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.57-57об ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.73 об.

²⁰³ Министр внутренних дел – барону М.А. Таубе, ноябрь 1914 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л. 81.

²⁰⁴ [Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице] // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.244 об.

²⁰⁵ Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 24 ноября 1914 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.270; [Воззвание Университетской организации Красного Креста. Копия с гектографированного] // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.272.

²⁰⁶ За министра внутренних дел – барону М.А. Таубе, ноябрь 1914 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1914. Д.59. Ч.57. Л.127-127об.

²⁰⁷ Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 24 ноября 1914 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп. 5. Д.517. т.2. Л.277.

кому, прежде всего антивоенная агитация адресовалась – рабочие Балтийского, Трубочного и других заводов, а также солдаты-новобранцы²⁰⁸.

Постепенно антивоенная пропаганда, в начале не находившая особого отклика даже у крайне левых студентов, становится коньком этих мероприятий. Началом новой серии подобных митингов сходка 10 февраля 1915 г. – в день суда над представителями социал-демократической фракции, интересно, что ее организаторами выступила и университетская группа социалистов-революционеров²⁰⁹. 3-4 марта 1915 г. во время новых выступлений, организованных по инициативе большевистской группы в университете распространялись листовки с характерными пассажами:

«Мы всегда говорили, что война – дитя капитализма, империалистической и колониальной политики буржуазии. И если вы, – говорим мы пролетариату, и если вы хотите быть могильщиками капитализма, станьте, станьте и могильщиками войны <...>. И теперь с новой силой мы зовем вас на решительную борьбу за социализм, за народ!»²¹⁰

«Протестуем против всей внутренней политики правительства, ярко выражающийся в систематическом подавлении всякого общественного начинания в стране, в преследовании рабочего класса, задушении его печати, аресте и суде над его представителями, определенно националистической политики в Галиции, еврейских погромах в Польше, избиении мусульман на Кавказе <...> Призываем товарищей сплотиться в решительной борьбе с последними пережитками отживающего строя, в борьбе за лучшее будущее»²¹¹.

Сходки февраля-марта 1915 г. ознаменовались новыми столкновениями с академистами, сопровождавшейся ритуальными песнопениями. Приведем агентурную зарисовку охранного отделения о митинге 10 февраля:

«В 12 ½ часов дня в Императорском Петроградском университете в главном коридоре близ 9-й аудитории, собралась группа студентов человек около 50 и стала призывать товарищей на сходку;

²⁰⁸ Лейберов А.И. Сергей Иванович Петриковский // Петербургский университет и революционное движение в России. Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С.189-190.

²⁰⁹ В борьбе обретишь ты право свое. Копия гектографированного [воззвания студентов с.-р.] // ГАРФ. Ф.111. Оп.5. Д.644. Л.89-110.

²¹⁰ Цит. по: Лейберов А.И. Сергей Иванович Петриковский // Петербургский университет и революционное движение в России. Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин. Л., 1979. С.190.

²¹¹ [Резолюция, предлагаемая на общестуденческой сходке 4 марта 1915 г. Университетской социал-демократической фракцией и Университетской группой Соц-революционеров], Копия // ГАРФ. Ф.111. Оп.5. Д.644. Л.151.

один из них вскочил на подоконник и начал читать заблаговременно заготовленную и отпечатанную на гектографе резолюцию протеста против суда над депутатами <...> Подбежавшие к собравшимся студенты-академисты стали против сходки криками «долой», почему резолюцию прочесть не удалось, а организаторы демонстративного выступления стали разбрасывать пачками по коридору гектографированные экземпляры означенной резолюции <...> Сходка продолжалась не более 5 минут, после чего демонстранты в числе около 50-ти человек направились через проходную комнату вниз в шинельную с пением «Варшавянки» и «Марсельезы»; за ними следовала небольшая группа академистов с пением «Боже Царя храни»²¹².

Новые баталии между революционерами и академистами развернулись в университете в начале марта 1915 г., когда там прошли очередные сходки 3-4 марта. Поводом для них было распространение известного письма А.Ф. Керенского председателю Государственной думы М.В. Родзянко по поводу т.н. «мясоедовского дела» (как выяснилось впоследствии по существу сфальсифицированного в политических целях²¹³). Социал-демократы одновременно протестовали против «измены» и выдвигали лозунг «Долой войну!»²¹⁴. После того как 4 марта в университет была введена полиция сходка прекратилась. Однако по свидетельству очевидца:

«Академисты, как-то Клименко, Нестеров и др., хватая за руки городских, указывали им, кого брать из числа студентов, говоря «Берите этого, этот пел, этот кричал и т.д.». Затем, когда было схвачено 2 человека, они сгруппировались около V аудитории, и один перед другим наперебой, докладывали об этом генералу Галле и приставу Скурлатову <...> указывая, со словами: “Вот этот, кажется, пел; этот, кажется, читал резолюцию и т.д.”. В итоге были арестованы 5 студентов»²¹⁵.

О событиях 3-4 марта и последующих преследованиях участников сходки и распространителей крамольных листовок поведала со слов ректора Э.Д. Гримма в своем Дневнике Н.Н. Платонова:

«по поводу раскрытой сети шпионажа, в к[ото]ром, оказались замешанными жандармы и чиновники Мин[истерства] вн[утренних] дел <...> Керенский написал <...> письмо, где говорил, что глубоко несправедливо, чтобы это возмутительное дело расследовалось потихоньку или даже замалчивалось в то время к[а]к члены с[оциал] – д[емократической] партии, обвиненные тоже в гос[ударственной] измене, были судимы и осуждены гласно <...> Копии письма распространились среди молодежи, и в ун[иверсите]те, где еще во вторник, 3го, царило повышенное патриотическое настроение и тревога за ход войны, под влиянием преувеличенных рассказов

²¹² [Записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице, февраль 1915 г.] ГАРФ. Ф.111. Оп.5. Д.644. Л.37-37 о.

²¹³ См., напр.: *Шаццло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // ВИ. 1967. №2. С.103-116.

²¹⁴ Листовка С-Д. фракции Петроградского университета // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Л.2738.

²¹⁵ От группы студентов Петроградского университета // ГАРФ. Ф.579. Оп. 1. Д.2721. Л.2.

об уличенных шпионах, в среду, 4го, была попытка собрать «летучку» (летучую сходку), разбрасывались прокламации «Долой войну», была введена полиция и арестовано 5 студентов, тут же указанных полицией студентами – академистами, назвавшими такой свой образ действий «борьбой с революцией». Конечно, это породило в остальных студентах страшное возбуждение против акад[емистов], и когда, ввиду этого, ректор посоветовал им пока «не мозолить глаз товарищам», <...> Гримм поехал к м[ини]стру и сначала был принят Шевяковым, т[ак] к[ак] у м[ини]стра шел прием; Ш[евяко]в посоветовал Совету проф[ессоров] обратиться с воззванием к студентам, но Гр[имм] не нашел этого удобным, главным образом, п[отому] ч[то] о главном пункте, шпионстве жандармов и др[угих] должностных лиц, говорить нельзя, т[ак] к[ак] об этом деле офиц[иально] ничего неизвестно. <...> С Гр[иммом] согласился и Игн[атьев], прервавший прием и вошедший в кабинет Ш[евяко]ва для разговора с Гр[иммом]. Последнему Игн[атьев] очень понравился: он сразу стал на ту точку зрения, что нужно постараться, чтобы этот инцидент не имел слишком дурных по следствий для арестованных и вообще замешанных в этом деле студентов, и поморщился, узнав, что студ[енты]-акад[емисты] сами указали полиции, кого арестовать. (В ночь после «летучки» были произведены аресты еще у 4 студ[ентов], трое из них арестованы, т[ак] ч[то] всего арестованных 8). В разговорах с м[ини]стром Г[римм], не сдержавшись, сказал, что считает весь этот инцидент провокацией, а студ[ент]ов орудием, сознательным или нет, он не знает, в руках провокаторов, иначе он не может себе объяснить резкого перехода в настроении студ[ент]ов – от высоко-патриотического во вторник, 3го, к совершенно противоположному в среду, 4го. Игн[атьев] на это ему ответил: Я сам так думаю. Гримм вполне убежден, что эта ун[иверситет]ская история стоит в связи с походом, к[ото]рый ведется мин[истром] вн[утренних] дел Маклаковым против Игнатьева и Кривошеина <...> Затем Гр[имм] был у командующего войсками Ф[ан]-д[ер]-Флита, причем при разговоре их присутствовал ген[ерал] Раух, состоящий при Ф[ан]-д[ер]-Флите, и у Гр[имма] получилось определенное впечатление, что дела решает не Ф[ан]-д[ер]-Флит, а Раух, напр[имер] первый, к[а]к Игн[атьев], поморщился услышав, что полиция арестовала студ[ент]ов по указанию акад[емистов], и выразил сочувствие совету Гримма акад[емистам] «не мозолить пока глаз товарищам», но когда Раух высказал, что акад[емисты] исполнили свой долг, а что Гр[имм] не должен был им этого говорить то Ф[ан]-д[ер]-Флит с ним тотчас согласился. (Ф[ан]-д[ер]-Флит старый и, по – видимому, безвольный человек)»²¹⁶.

В этом тексте отчетливо виден как механизм формирования протестных настроений, так и роли различных политических сил и представителей власти в конструировании новой фрондерской атмосферы в университете. Негативными акторами в этом нарративе однозначно выступают жандармы, академики и Н.А. Маклаков, более того в этом контексте сама ответственность за распространение антивоенных листовок (семья Платоновых глубоко патриотична) возлагается на власть и сотрудничающих с ней доносчиков-академистов, а не на арестованных студентов, судьба которых вызывает сочувствие. Разумеется, что министр, разделяющий эту точку зрения, кажется человеком вполне приличным, а главнокомандующий войсками, который проявляет в этом отношении колебания называется «безвольным». Не менее интересно и другое – согласно «агентурным сведениям» Э.Д. Гримм в ответ на

²¹⁶ Дневник Н.Н. Платоновой. 9 марта [1915 г.] // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д. 5694. Л.42-44 об.

требование со стороны «группы студентов» исключить из университета доносчиков-академистов «принял заявления свидетелей-очевидцев фактов выдачи академистами товарищей и обещал сделать все от него зависящее, указав, однако, что окончательное решение этого вопроса зависит от Совета профессоров»²¹⁷.

Разумеется, никакого суда над академистами не было и быть не могло. Искушенный в интригах ректор вел своеобразную игру как со студентами, так и с властью. Как видно из приведенного выше отрывка дневника Н.Н. Платоновой, администрация университета университета пыталась подогреть «ведомственные» противоречия между МВД и МНП. Получив в апреле сведения о деле академистов Н.А. Маклаков наложил на их «жалобную» «докладную» записку ободряющую резолюцию, вполне характеризующую отношение министерства к профессорам и т.н. «автономии»:

«Надо всемерно поддержать эту организацию [академистов]. Слава Богу, в самой студенческой среде появляются элементы, имеющие гражданское мужество восставать против рабства перед этой толпой разнузданной, неучащейся и поглощенной политикой распоясанной молодежью. Если гг. будут так относиться к делу – это противоядие против социализма в университете исчезнет и опять водворятся “докассовские” времена и порядки»²¹⁸.

Однако, как отмечается в справке самого департамента полиции эта резолюция «не вызвала с его стороны никаких распоряжений»²¹⁹. Как кажется проблема здесь отчасти заключалась в позиции МНП, рассматривавшего университеты как свою «вотчину», отчасти, в кадровой чехарде, связанной с постоянной сменой как руководства МВД, так и департамента полиции. Но, самое главное, даже в МВД не было единой позиции относительно академистов. Например, в ноябре 1915 г. товарищ министра внутренних дел (и, кстати, бывший директор департамента полиции) С.П. Белецкий считал, что необходимо «не ставить студентов академистов в такое положение, которое набрасы-

²¹⁷ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Директору Департамента полиции, 9 марта 1915 г., №6675 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.12-12 об.; Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Петроградскому градоначальнику, 9 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф.111. оп.5. Д.591. Л.26-26 об.

²¹⁸ Совет Русской академической корпорации – Министру внутренних дел, 7 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.22.

²¹⁹ Справка [Департамента полиции], 29 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.57об.

вало бы на них тень шпионажа над их товарищами и тем не стесняла без того трудного положения этой группы в университетской товарищеской среде»²²⁰. Более того, МВД пошло на прекращение преследований «арестованных по указанию академистов» студентов, отмечая, что благодаря этому «возбужденное настроение [студентов] мало по малу улеглось и учебные занятия пошли обычным порядком»²²¹. Репутации академистов в глазах власти мало способствовали и внутренняя борьба молодых «патриотов» за лидерство в корпорации, сопровождавшаяся скандалами и доносами²²².

Между тем, секретные документы Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице дают картину целой сети революционных организаций в высших учебных заведениях в столице, контролируемых социал-демократами. Согласно утверждениям этих источников:

«Студенческие социал-демократические фракции с кадром подготовленных работников были на лицо и более чем к месту в данный момент для ведения чисто широкой партийной работы и тактовые, как свидетельствует агентура с начала февраля месяца 1915 г. пошла усиленным темпом»²²³.

В конце марта – апреле 1915 г., полиция поспешила провести серию арестов студентов высших учебных заведений, выявленных агентурой²²⁴, однако это не приостановило подпольной работы. Как подчеркивается в полицейских донесениях «патриотический подъем» в массе студенчества заставил социал-демократов на время отказаться от массовых выступлений, позволив, им в то

²²⁰ Копия резолюции г. товарища министра Внутренних дел сенатора Белецкого на докладе г. исп. Обязанности вице-директора Департамента полиции коллежского советника И.К. Смирнова по поводу докладной записки Совета Русской академической корпорации студентов Императорского Петроградского университета от 17 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.89.

²²¹ Справка [Департамента полиции], 29 октября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.59об.

²²² См.: Русская академическая корпорация студентов императорского Петроградского университета – Председательнице Общества содействия академической жизни высших учебных заведений, 29 сентября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.11-13; Председательница Общества содействия академической жизни высших учебных заведений – [товарищу министра МВД] С.П. Белецкому // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.

²²³ Записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.65. Ч.57. Л.2 об.

²²⁴ Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.65. Ч.57. Л.11-14; Записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице – директору Департамента полиции, 12 мая 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.64. Ч.57. Л.3-5об; Начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице – в Департамент полиции, 24 апреля 1915 г., №9181 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.65. Ч.57 Б. Л. 2.

же время сосредоточиться на конспиративной работе²²⁵. В частности, была налажена работа Университетской организации Красного Креста, целью которой была не помощь раненым на фронте, а политзаключённым, в том числе на организацию побегов. Показательно, что определенные суммы в Организацию согласно отчету поступали в качестве «отчислений от землячества»²²⁶. Между тем, некоторый интерес вызывает и то обстоятельство, что фактически оказалась сорванной работа «Общестуденческого комитета Красного Креста» из-за позиции универсантов и бестужевков, не желавших уступать комитету права решения на расходование собранных ими средств²²⁷.

В литературе присутствует точка зрения о якобы массовых призывах студенчества в армию в связи с постановлением Совета министров Империи от 30 сентября 1914 г.²²⁸. Однако в действительности мобилизация студентов и особенно студентов университетов долгое время носила весьма ограниченный характер²²⁹. Между тем, студенты университета не стремились к службе добровольцами, согласно приведенным в литературе цифрам из 453 студентов «призывавшихся в войска в конце 1915 – начале 1916 г. только 8 человек согласились добровольно вступить в ряды армии»²³⁰. Ситуация начала постепенно меняться только весной 1916 г. после утверждения в новых «Временных правил» о призыве, согласно которому определялся порядок поочередного призыва всех студентов 1895 г. и старше (за исключением обучавшихся на последнем курсе)²³¹. Особенно ярко это проявилось в Петроградском университете. Если до апреля 1916 г. на действительную военную службу было призвано

²²⁵ Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.65. Ч.57. Л.10.

²²⁶ Отчет Университетской Организации Красного креста. С 1 апреля по 1 октября 1915 г. октябрь 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.65. Ч.57. Л.17.

²²⁷ Начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде – в департамент полиции // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.65. Ч.57. Л.21 об. 22 об.

²²⁸ См., напр.: *Иванов А.* Студенты в окопах // *Родина*. 1993. №8–9. С. 150–152.

²²⁹ См.: Дело Совета Императорского Петроградского Университета ЦГИА СПб об «участниках войны 1914 г. из числа учащихся и других лиц Университета» // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д.11019

²³⁰ *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914–февраль 1917 г.) // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Л., 1968. Т. 2. С. 28.

²³¹ Временные правила о порядке привлечения в течение настоящей войны на военную службу потребного числа молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений [Приложение к Высочайше утверждённому 31 января 1916 г. Положению Совета министров] // *Призыв студентов*. СПб., 1916. С.4-8.

всего несколько десятков студентов (главным образом, те, кто по возрасту не имел права на отсрочку), то в течение апреля-октября 1916 в действующую армию или в военные училища был призвано около половины обучавшихся в университете²³². В мемуаристке (созданной в советское время) в этой связи высказывались мнения о том, что «отмена узаконенных раньше академических льгот и призыв первых трех курсов в армию» являлся средством «пресечения университетских брожений»²³³. Трудно сказать, насколько это утверждение справедливо, во всяком случае, эффект от его реализации получился противоположным. Именно в угрозах мобилизации (с осени 1915 г.), а затем и в реально начавшихся массовых призывах весны 1916 г., с нашей точки зрения, заключается одна из основных причин того, на что обращали внимание многие исследователи, — в Петрограде, как и во всей империи, к 1916 г. студенческий патриотизм сменился студенческой усталостью²³⁴ или пацифизмом²³⁵. Другой причиной, конечно, было отчаянное в экономическом отношении положение студентов (жизнь впроголодь, отсутствие жилья, денег на обучение)²³⁶. Следует также учитывать, что, как отмечено выше, с 1915 г. резко активизируется деятельность радикальных политических групп внутри студенчества²³⁷. Неудивительно, что по мере усиления протестных настроений общества в целом, эти организации получали все большую поддержку в студенческой среде, которая постепенно погружалась в атмосферу, когда «малейшие проявления недовольства царизмом» вызывали всеобщий восторг²³⁸.

Таким образом, общее положение страны, тяготы военного времени и мобилизационные мероприятия правительства вызывали растущий протест в

²³² Школа и война // Школа и жизнь. 1916. №38–40. 5 октября. С. 11 (Стб. 942).

²³³ Рождественский В.А. Первые опыты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. С. 159.

²³⁴ Novgorotsev P.J. Op. cit. P. 205.

²³⁵ См., напр.: Иванов А. Студенты в окопах... С. 151–152.

²³⁶ Novgorotsev P.J. Op. cit. P. 204–208.

²³⁷ См., напр.: Лейберов А.И.: 1) Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции (июнь 1914 – февраль 1917 г.): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Л., 1981. С. 16–17; 2) Сергей Иванович Петриковский // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 184–191; Олесич Н.Я. Борьба партии большевиков за студенчество в трех российских революциях. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Л., 1984. С. 37–39.

²³⁸ Рождественский В.А. Первые опыты ...С. 158.

студенческой среде, который умело использовали революционные партии, организовавшие сходки и забастовки²³⁹. Можно сказать, что студенчество стали массово отправлять на фронт не тогда, когда оно в целом было лояльно правительству, а в пору его массового перехода в оппозицию. По подсчетам И.П. Лейберова, количество «революционных» выступлений в университете в период с июля 1915г. по февраль 1917 г. (в сравнении с начальным периодом войны – июль 1914- июнь 1915 г.) выросло в 2,5 раза с 14 до 26²⁴⁰. С этими цифрами можно согласиться, однако следует подчеркнуть вслед за самим же автором этих подсчетов, что «наиболее серьезного размаха революционное движение достигло накануне и в период Февральской революции»²⁴¹, иначе говоря рост «революционной» активности можно фиксировать с первых слухах о грядущем тотальном призыве – с середины октября 1915 г.

Судя по документам Департамента полиции, толчком к началу этого движения стало обсуждение вопроса о допуске евреев в военные училища, и, таким образом, их участия в войне за общую победу. В середине октября – ноябре 1915 г. прошло несколько манифестаций евреев и сочувствующих им студентов, призывавших уравнивать евреев в правах христианами и дать им право «умирать за родину». В ходе одной из них произошло очередное столкновение участников с академистами. Последние явно провоцировали манифестантов, криками «довольно читать глупости, долой жидов». Но драки не вышло, согласно донесениям полицейского агента, евреи окружили академистов «и оттеснив в шинельную, заставили одеться и уйти из университета»²⁴². Таким образом, первоначальные сходки, несмотря на обвинения в адрес «правительства верного своей вековой политике национальных притеснений»²⁴³, но-

²³⁹ Лейберов И.П. Революционное студенчество ... С. 34-35.

²⁴⁰ Там же. С. 26-27.

²⁴¹ Лейберов И.П. Революционное студенчество ... С. 27. Шалагинова Л.Н. Студенческое движение накануне и в дни февральской революции // ВИ КПСС. 1967. № 2. С.102-106.

²⁴² Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, №23158, 13 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102. Д4. 1915. Д.61.Ч.5А. Л. 6; Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – петроградскому градоначальнику, 13 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.111. Оп.5. Д.591. Л.164.

²⁴³ [Листовка студентов-евреев Петроградского университета] // ГАРФ. Ф.102. Оп. 1915. Д.61.Ч.5А. Л.7-7об.

сили вполне патриотический характер. Донесения в Департамент полиции свидетельствуют, что, несмотря на то, что в среде студенчества активно дебатировалась темы войны и сотрудничества с Красным Крестом, студенчество почти везде стало на «оборонническую точку зрения», большевики же с своим неприятием войны пока остались в явно меньшинстве²⁴⁴.

В то же время продолжающиеся инциденты с академистами, в числе которых помимо отмеченного выше «изгнание из университета», разгром витрины академической корпорации²⁴⁵, «нападение на улице на студента-академиста»²⁴⁶, а также распространение воззваний призывающих к удалению академистов из студенческой среды²⁴⁷ побудили власти в середине ноября ввести в университет полицию, наряды которой стали дежурить на университетских лестницах, что, разумеется, хотя и вызывало разочарование активистов студенческого движения, но не снимало, а скорее способствовало растущему напряжению в университете²⁴⁸. Наличие в университете жандармов, которых по трое «стояло у каждого окна длинного университетского коридора» раздражало и вполне аполитичных и даже «антиреволюционно» настроенных студентов²⁴⁹.

Яркую в художественном отношении зарисовку событий университетской жизни мы находим в воспоминаниях Вс. А. Рождественского, впоследствии известного поэта, в 1914-16 гг. – студента историко-филологического факультета. По его словам, настроения в студенческой среде были таковы, что политика отодвигала в сторону и «науку, и все другие занятия». Молодые умы занимали рассказы о Григории Распутине, о «немецкой ориентации императ-

²⁴⁴ Записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице, № 245, 16 декабря // ГАРФ. Ф.102. Оп. 1915. Д.61.Ч.5А. Л.10-10об.

²⁴⁵ Докладная записка Совета Русской академической корпорации студентов Императорского петроградского университета – Управляющему Министерству внутренних дел, 17 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102 ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.82 об.

²⁴⁶ [Докладная записка исп. об. вице-директора Департамента полиции – товарищу министра внутренних дел], 30 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.102 ДОО. Оп.1915. Д.59. Ч.57. Л.69.

²⁴⁷ [Воззвание студенческих землячеств, ноябрь 1915 г., копия] // ГАРФ. Ф.102.ДОО. оп.1915. Д.59. Ч.57.Л.45-46.

²⁴⁸ [Выдержка из письма: Петроград, от 25 ноября 1915 г., к Александру Яковлевичу Рево, в Москву. Ленинка, 1, кв.4] // ГАРФ. Ф.102.ДОО. оп.1915. Д.59. Ч.57Б. Л.17.

²⁴⁹ Вейдле В. В. Воспоминания ...С.100.

рицы». Постепенно к концу 1915 г. – началу 1916 г. в университетских стенах как бы воскрешаются революционные картины десятилетней давности:

«Иногда по коридору во время шумного перерыва между лекциями суетливо пробегали «вестники» и чуть слышно бросали на ходу: «Коллеги, на сходку! В актовый зал!» Огромная толпа заполняла тогда гулкое белоколонное пространство. Из рук в руки переходили маленькие, слепо напечатанные на гектографе листовки. Несколько ораторов одновременно в разных концах зала произносили горячие речи. Оглушительно свистели «белоподкладчики», и кто-нибудь из них с бледным перекошенным лицом уже вертел ручку телефона в вестибюле, требуя немедленного соединения с полицейским участком. Растерянно бегало университетское начальство. Более смелые из профессоров демонстративно появлялись в студенческой толпе, встречаемые аплодисментами. Осторожные старцы благоразумно отсиживались в профессорской или спешно уезжали домой. По звонким каменным ступеням главной лестницы уже гроыхали тяжелые сапоги запыхавшихся городских. Студенческая масса высыпала в коридор и с сказочной быстротой растекалась по лестницам и аудиториям. Полицейские хватали первых попавшихся им на глаза»²⁵⁰.

К началу 1916 г. закончилось формирование «Петроградского студенческого комитета социалистов-революционеров» и «Объединенного комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений»²⁵¹. Наибольшую опасность полиция обоснованно видела в деятельности последней организации, поскольку она была наиболее активна и выступала с интернационалистских позиций. Этому не в последнюю очередь способствовали универсанты-большевики, порвавшие в конце 1915 г. с «оборонцами»-меньшевиками²⁵². Важно, что несмотря на расхождения партийные группы университета успешно координировали свою работу в т.н. «Информационном бюро», «Университетском комитете помощи жертвам войны», землячествах, кооперативном движении²⁵³. Одним словом, с начала 1916 г. в высших учебных заведениях Петрограда (и прежде всего в университете) полным ходом идет «организация революции».

Результаты этой «работы» не замедлили сказаться. В конце февраля 1916 г. студенческая сходка, прошедшая в университете, принимает резолюцию в которой правительство обвинялось в принесении молодежи в «жертву

²⁵⁰ Рожественский В.А. Первые опыты ... С. 158.

²⁵¹ Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице - товарищ министра внутренних дел, 23 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф.102 ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.5-6.

²⁵² Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице - товарищ министра внутренних дел, 23 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф.102 ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.5-7.

²⁵³ Доклад Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице - товарищ министра внутренних дел, 23 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф.102 ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.7-9.

богу войны»²⁵⁴. Разумеется, за этой резолюцией стояли вполне определенные радикальные политические силы. Среди характерных призывов ОбК (Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений Петрограда), к студентам, отправляющимся в армию весной 1916 г.:

«где бы вы ни были: в военных училищах или войсковых частях, в глубоком тылу или на передовых позициях, – всеми силами поддерживайте это [революционное] движение, оформляйте его, создавайте повсюду ячейки военной революционной организации, связывайте их в одно стройное целое с организациями революционного пролетариата! Тогда рабочий класс и крестьянство при могучей поддержке солдат – товарищей смело поднимут знамя революционного движения, знамя раскрепощения трудящихся»²⁵⁵.

В аналогичном духе были выдержаны и решения студенческих сходок, проходивших в марте 1916 г.²⁵⁶. Согласно выводам департамента полиции «из разговоров со студентами видно, что настроение студенчества из патриотического, какое наблюдалось в начале войны, резко изменилось»²⁵⁷. 5 марта на фоне ложных слухов о казни трех рабочих Путиловского завода студенты объявили трехдневную забастовку, лекции профессоров вновь срывались, а в университет была введена полиция²⁵⁸. Только в ночь на 2 апреля было арестовано более 30 активистов «Студенческого социал-революционного комитета», «Объединенного комитета студенческих социал-демократических фракций высших учебных заведений», студенческих фракций социал-демократов (большевиков) и «социал-революционных групп высших учебных заведений Петрограда и лиц, прошедших по агентуре и наблюдению»²⁵⁹. Впрочем, среди арестованных было всего трое студентов университета – Б.Я.Ведергон, М.В. Вейнгрот, Г.Д. Цинзерлинг²⁶⁰. Кроме того около 60 лиц было подвергнуто

²⁵⁴ К товарищам, уходящим в войска, копия // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1 Д.11170. Л.3-3 об.

²⁵⁵ Цит. по: *Лейберов И.П.* Революционное студенчество ... С. 35. Ср.: *Бережной А.Ф.* Большевистская печать и студенчество университета // Вестник ЛГУ. 1969. №2. Серия История, язык, литература. Вып.1. С.34.

²⁵⁶ См., напр.: *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии России в конце XIX – начале XX века. Дисс. на соискание... д.и.н. СПб., 2000. С. 321.

²⁵⁷ [Аналитическая записка Департамента полиции, 6 марта 1916 г.] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.15; Ведомость о происшествиях по городу Петрограду 6 марта 1916 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.17-17 об.

²⁵⁸ [Аналитическая записка Департамента полиции, 6 марта 1916 г.] // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.15.

²⁵⁹ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – Директору Департамента Полиции, 17 апреля 1916 г., №97 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.64. Ч.57. Л.1.

²⁶⁰ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице – товарищу министра внутренних дел // ГАРФ. Ф.102. Оп.246. 1916. Д.65. Ч.57. Л.17-17 об.

обыскам²⁶¹. Изъятая документация содержат массовые антивоенные материалы²⁶². В этой связи вполне закономерно, что именно студенты часто выступали в роли революционных пропагандистов в среде солдат²⁶³. Согласно данным петербургского охранного отделения «по отношению к войне организованные революционные круги студенчества резко разделяются на два лагеря “интернационалистов” и “оборонцев”, причем последнее направление имеет сторонников главным образом среди меньшевиков, кадетов, эсеров, в других же кругах особым сочувствием не пользуется»²⁶⁴. В любом случае в необходимости борьбы с правительством сходились все «организованные студенческие группы» — что ярко проявилось в резолюциях т.н. Университетского комитета помощи жертвам войны заседание которого состоялось 3 ноября 1916 г.²⁶⁵. Можно сказать, что популярность антивоенной темы усиливало и популярность тех политических сил, которые ее эксплуатировали. К концу 1916 г. обстановка в университете была уже вполне революционная и антимилитаристская. Активно звучат призывы «превратить империалистическую войну в гражданскую»²⁶⁶. Приведем в этой связи характерный пассаж из листовки «Объединенного комитета студенческих социал-демократических фракций высших учебных заведений г. Петрограда», выпущенной в начале декабря 1916 г.:

«Мы у порога великих событий. Они не ждут. Не медлите, товарищи! Бойтесь прийти слишком поздно! На арену, залитую кровью, вышли уже передовые отряды Интернационала для прекращения бойни, разрушения ненавистного рабства, для творчества новых форм жизни. И все новые и большие силы идут к торжеству революции, идут к празднику восставших народов.

Мы не нанесем им удара в спину. Мы пойдем за ними.

Так вперед же, товарищи! В ногу с рабочими в рядах Российской Социал-Демократической рабочей партии под красными, под гордыми знаменами непримиримой борьбы!

²⁶¹ Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице — товарищу министра внутренних дел // ГАРФ. Ф.102. Оп.246. 1916. Д.65. Ч.57. Л.5-17 об.

²⁶² Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице — Директору Департамента Полиции, 17 апреля 1916 г., №97 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1915. Д.64. Ч.57. Л.1-12.

²⁶³ Эта ситуация в целом объясняет положение с призывом в армию радикальной российской интеллигенции, которую пытались призвать в первую очередь, однако в результате вместо того, чтобы «обезопасить» тыл, правительство только способствовало разложению армии (см.: *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // *Россия и первая мировая война...* С. 262–263). Путь студенчества от патриотизма к радикализму в историографии традиционно очерчивался как революционный, однако, как кажется, не лишен смысла и другой взгляд — с нашей точки зрения, патриотическая волна 1915 г. привела к гражданской активизации студенчества, использованной затем радикальными лидерами (Ср.: *Novgorotsev P.J.* Op. cit. P. 215–216).

²⁶⁴ Цит. по: *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии России ... С.324.

²⁶⁵ Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, 5 ноября 1916, №22840 // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.59. Ч.57. Л.25об.

²⁶⁶ *Шалагинова Л.Н.* Студенческое движение накануне и в дни февральской революции... С.104.

К ответу царскую монархию!
Долой войну!
Да здравствует революция!
Вперед! За временное революц. правительство!
За Российскую Демократическую Республику!
За социализм!
Да здравствует III Интернационал революционного пролетариата!»²⁶⁷

Любопытен комментарий к этой прокламации, сделанный в отделении по охране общественной безопасности и порядка г. Петрограда, по агентурным данным которого она «в среде студенчества никакого успеха не имела», однако причина, как ни странно, заключалась, прежде всего в ее замечательном типографском исполнении, которое послужило поводом для распространения слухов о том, что листовка является «продуктом работы правительственных агентов и могла быть напечатана в типографиях “Правительственного Вестника” и “Русской Воли”»²⁶⁸.

Заметим, между тем, что, независимо от всех этих подозрений, антивоенные дискурсы, активно транслировавшиеся в студенческой среде столичного университета, вполне отвечали настроениям всего российского студенчества, которое по образному выражению одного из мемуаристов жило в атмосфере «нежных гимнов родине и проклятий войне»²⁶⁹. Можно обоснованно предположить, что, антивоенно настроенные студенты, будучи отправленными на фронт после кратковременных курсов в младших офицерских чинах на смену поредевшему кадровому составу, способствовали росту т.н. девиантного поведения в армии и ее разложению²⁷⁰.

На первый взгляд, к концу 1916 г. университет был готов к тому, чтобы вновь стать центром «освободительного» движения, в котором под «прикры-

²⁶⁷ К революционному студенчеству России // ГАРФ. Ф. 579. Оп.1 Д. 2738. Л.2. См. также: Листовка Объединенного комитета социал-демократических фракций г. Петербурга с призывом вступать в ряды РСДРП, декабрь 1916 // Листовки петербургских большевиков. Л., 1939. Т.2. С.238-239.

²⁶⁸ Начальник отделения по охране Общественной безопасности и порядка в Петрограде – Департамент полиции, №24903, 7 декабря 1916 г. // ГАРФ. Ф.102. ДОО. Оп.1916. Д.65.Ч.57 Б. Л.1.

²⁶⁹ Воронков М.И. Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947. С.32.

²⁷⁰ См. о моральном разложении российской армии, напр.: Култышев П.Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект. Автореф. дисс...к.и.н. Ростов-на-Дону, 2010. С. 26-30.

тием» либерального университетского совета основную революционную роль и играли бы радикальные организации, ведущие за собой студенческую массу. Однако, с нашей точки зрения, в новой картине университетского сообщества все же есть по крайней мере две существенные детали, отличавшие ее от эпохи 1905-1907 гг. Первое отличие связано с различием профессорского и студенческого «патриотизма»: студенчество будучи в значительной своей части в начале войны настроено весьма патриотически и в подавляющем большинстве лояльно по отношению к власти, к 1917 г. оказалось сильно подвержено пацифистским настроениям, став одним из активных участников февральской революции. В этом смысле изменения позиций студенчества в своей тенденции отражали перемены российского общественного мнения в целом и отличались от патриотических настроений преподавательского сообщества²⁷¹. Не менее важным отличием между профессорским и студенческим миром была и новая позиция профессуры по отношению к Министерству народного просвещения эпохи П.Н. Игнатьева, которая и по контрасту с министерством Л.А. Кассо и по совместной работе над созданием нового устава, носила более благоприятный характер. Именно поэтому вплоть до начала 1917 г. мы не видим никаких явных признаков конфронтации университета и министерства, напротив, активно сотрудничающих на ниве «патриотизма».

В условиях сражающейся страны университет в целом продолжал жить размеренной академической жизнью, в какой-то мере даже более спокойной и автономной нежели в довоенную «эпоху Кассо». Студенческая фронда, направленная против власти и империалистической войны, была привычной и не мешала университетской элите смотреть в будущее с оптимизмом.

²⁷¹ В литературе выделяется три периода развития патриотических настроений в российском обществе: Первый (август 1914—апрель 1915 г.) — нарастание национально-патриотических настроений, консолидация сословий; второй (май 1915—сентябрь 1916 г.) — растерянность и начала упадка патриотических настроений; третий (с октября 1916 г.) — доминирование антивоенных и антимонархических настроений (*Лейберов И.П.* Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 498; *Лимонов Ю.А.* Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война. История и психология. Материалы Российской научной конференции. СПб., 1999. С. 48; *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 243 и др.).

9.2. 1917-1922 Крах башни из слоновой кости.

В литературе традиционно отмечается роль студенчества в февральских событиях, однако в отличие от первой русской революции в данном случае университет нельзя назвать ее «центром» и речь скорее идет о том, что университетские студенты влились в общий протестный поток, социальное ядро которого составляли все же рабочие²⁷². Впрочем, нельзя не отметить, того обстоятельства, что общеуниверситетские сходки, прошедшие в коридоре здания Двенадцати коллегий 24 и 25 февраля 1917 г. сформировали т.н. «студенческие боевые дружины» сыгравшие определенную роль в подавлении сопротивления сторонников «старого режима»²⁷³.

После февральской революции либеральной профессуре казалось, что ее цели достигнуты не только в политическом, но и в корпоративном смысле. С началом революции Университетский совет выступил с заявлением о поддержке нового правительства и политических перемен, подчеркнув одновременно в этом меморандуме и важность решения вопроса о возвращении отстранённых от преподавания в университете профессоров. В частности, в заявлении Совета принятом *единогласно* 3 марта 1917 г. говорилось: «довести до сведения Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок, что в этот ответственный момент, переживаемый родиной Совет, считает своим долгом предоставить в полное распоряжение Временного правительства все свои силы дабы способствовать прочному насаждению нового порядка»²⁷⁴. И, действительно, кардинальные перемены, проходившие в системе российской высшей школы вполне отвечали этим профессорским чаяниям. «Консерватора» Н.К. Кульчицкого сменил на посту главы МНП опальный

²⁷² См., напр.: Шалагинова Л.Н. Студенческое движение накануне и в дни февральской революции..... С.105-106.

²⁷³ См.: Марголис Ю. Как свергли царя [студенты университета в 1917 г.] // Ленинград. университет. 1965, 12 марта. С.3.

²⁷⁴ Протокол экстренного заседания Совета Петроградского университета 3-го марта 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. д.1. Л.30-30об. Ср.: Konecny, Peter Builders and Deserters : Students, State and Community in Leningrad, 1917-1941. McGill-Queen's University Press, 1999. P. 40.

бывший ректор (уволенный в 1911 г. Л.А. Кассо) кадет А.А. Мануйлов, а выполнять обязанности его заместителя поручается бывшему «либеральному» ректору Петроградского университета Д.Д. Гримму (также, как мы помним, ушедшего в 1911 г. со своего поста под давлением Министерства), который смещает с этой позиции только что назначенного на этот пост профессора В.А. Удинцева²⁷⁵. Кстати, кардинальные изменения во власти скорее только укрепили положение Э.Д. Гримма как ректора столичного университета, хотя вместо его «консервативного» московского коллеги М.К. Любавского ректором избирается бывший заместитель А.А. Мануйлова М.А. Мензбир²⁷⁶ и т. п. Одним из первых решений нового министра было распоряжение о восстановлении на службе преподавателей, отстраненных от нее прежним режимом за политическую деятельность, одним из инициаторов которого был Петроградский университет²⁷⁷, одновременно от профессорских должностей отстранялись «назначенцы».

Распоряжение 14 марта 1917 г. давало теоретическую возможность Совету Петроградского университета переизбрать назначенцев на профессорские вакансии, однако университет этим правом практически не воспользовался. Из одиннадцати отстраненных назначенцев юридического факультета – К.Ф. Зелера, С.П. Никонова, В.М. Грибовского, А.А. Жилина, А.А. Пиленко, П.П. Мигулина, И.И. Чистякова, А.С. Яценко, И.Н. Трепицына, В.А. Удинцева, Н.Н. Розина, был «переутвержден» (по переизбранию Петроградским университетом) вновь только последний, также переутвердили единственного назначенца историко-филологического факультета (Г.Ф. Церетели), поскольку назначение его Л.А. Кассо просто санкционировало предложение факультета²⁷⁸. Подобная позиция столичной профессуры значительно отличалась от «мос-

²⁷⁵ См. Удинцев Всеволод Аристархович // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д.36.Л.41 об.

²⁷⁶ Указы Временного Правительства Правительствующему Сенату // ЖМНП 1917. №7–8. Распоряжения Временного правительства. С. 7. О политическом значении этого назначения см., напр.: История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 555–556.

²⁷⁷ О допущении к преподавательской деятельности устранившихся за политическую деятельность, №1926 // ЖМНП. 1917. №5. Распоряжения Временного правительства. С. 18–19.

²⁷⁸ Протокол заседания Совета Петроградского университета 20-го марта 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. д.1. Л.33об. -35об; Протокол заседания Совета Петроградского университета от 24 апреля 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. д.1. Л.52об-53

ковской реакции» на распоряжение, где было переутверждено 13 профессоров²⁷⁹. Разумеется, причина этого, отчасти заключается в том, что масштаб назначений в Московском университете был выше, однако, не меньшую роль играло и то обстоятельство, что многие «назначенцы» Московского университета (такие как А.А. Кизеветтер или М.М. Богословский) на деле являлись кандидатурами администрации Московского университета, возглавлявшимся с 1911 г. М.К. Любавским. Справедливости ради надо отметить, что далеко не все петроградские профессора были согласны с подобной позицией министерства и большинства коллег. Так, А.А. Шахматов не только выступил в Совете университета в поддержку назначенцев, но и указал на незаконность их изгнания из числа профессоров в письме, адресованном в Временное правительство²⁸⁰.

Интересно, что один из назначенцев А.С. Яценко обратился с проникновенным посланием к министру А.А. Мануйлову, где упирал на то обстоятельство, что он состоит членом кадетской партии, «никогда никакого отношения ни к каким реакционным кругам не имел». Профессор предрекал, что увольнение будет означать для него «голодную смерть» и с пафосом восклицал: «неужели в то время, когда враг стоит у наших ворот и угрожает всех нас уравнивать и примирить в смерти и рабстве, в то время как крайние анархические и недисциплинированные силы внутри готовы провести глубокие и болезненные потрясения народного организма, имеется государственное оправдание для осуждения на гибель того, который хотя и не был в рядах лиц опрокинувших старый строй, но с восторгом их приветствовал, тотчас же предложивши все свои силы на общую работу»²⁸¹. Трудно сказать, насколько этот пафос помог А.Я. Яценко, вскоре получившего профессию – правда не в

²⁷⁹ Список профессоров российских университетов, уволенных от службы, переутвержденных и вновь определенных к должностям в связи с распоряжением от 14 марта сего года // РГИА. Ф.733. Оп.226. Д.239. Л.19-19об., [Петроградский университет. Список назначенных профессоров] // РГИА. Ф.733. Оп.226. Д.239. Л.34-34об.

²⁸⁰ *Петров Д.К.* А.А. Шахматов как университетский деятель // Известия ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. XXV. С.149.

²⁸¹ Профессор А.С. Яценко – министру народного просвещения, 12 марта 1917 г. // РГИА. Ф.733. оп.201. Д.156. Л.1-2.

Петроградском, а в Пермском университете²⁸². Впрочем, все назначенцы, решившие продолжать преподавать в университете, были тут же переизбраны приват-доцентами²⁸³.

После июльского кризиса Временного правительства и отставки А.А. Мануйлова, министром стал признанный идеолог «русского либерализма», член и неперменный секретарь Академии наук, бывший профессор столичного университета С.Ф. Ольденбург (также член кадетской партии). Хотя общий устав университетов и не был принят, отдельные акты, изданные Временным правительством, устанавливали ту систему искомой почти полной университетской автономии, за которую боролось ни одно поколение профессоров²⁸⁴. Были решены «вечные» для российских университетов «еврейский» и «женский» вопросы²⁸⁵.

Университетская элита активно включилась в деятельность институтов, создаваемых новой властью. Например, приват-доцент Н.И. Лазаревский возглавлял Юридическое совещание при Временном правительстве²⁸⁶. В сентябре ректор Э.Д. Гримм был избран одним из трех членов Временного совета Российской республики от Академии наук и высших учебных заведений²⁸⁷. Разу-

²⁸² Исаков С. Профессор А. С. Ященко: Опыт краткой биографии // *Tartu ulikooli ajaloo kflsi-musi*. (Учебные записки Тартуского университета). XIX. Tartu, 1987. С.94.

²⁸³ Попечитель Петроградского учебного округа – Департамент Народного просвещения, 10 апреля 1917, №8808 // РГИА. Ф.733. Оп.201. Д.156. Л.8-8об.

²⁸⁴ О порядке замещения профессорских кафедр // ЖМНП. 1917. №6 Распоряжения Временного правительства. С. 49–50; О приеме студентов в университеты // ЖМНП. 1917. №7–8. Распоряжения Временного правительства. С. 69–73; О порядке замещения вакантных должностей профессоров высших учебных заведений // ЖМНП. 1917. №9. Распоряжения Временного правительства. С. 23–27; Отмена некоторых распоряжений прежних министров народного просвещения // ЖМНП. 1917. №7–8. Распоряжения Временного правительства. С. 73–75; О порядке замещения вакантных должностей профессоров высших учебных заведений // ЖМНП. 1917. №9. Распоряжения Временного правительства. С. 23–27; Об отмене некоторых статей уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства народного просвещения // ЖМНП. 1917. №10. Распоряжения Временного правительства. С. 70–71; Об учреждении в Российских университетах должностей доцентов // Там же. С. 73–75; Об изменении некоторых узаконений, касающихся Российских университетов // Там же. С. 75–76.

²⁸⁵ См. напр.: *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878 -1918 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С.101.

²⁸⁶ См., напр.: *Климов И.П.* К вопросу о двоевластии в России после февральской революции 1917 года // *Академический вестник*. 2009. № 2. С. 144.

²⁸⁷ *Руднева С.Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г. : опыт исторической реконструкции. М., 2006. С.76.

меется, представители университета активно работали и в очередной правительственной комиссии по реформе высших учебных заведений²⁸⁸.

Новая политическая ситуация первоначально казалась благоприятной и для реализации давних академических планов, укрепления позиций науки в обществе, создания новых научных институтов. Так в марте 1917 г. возникает идея создания Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук и 26 мая в Петроградском университете на ее учредительном собрании избирается Совет во главе с профессором университета акад. В.А. Стекловым. Ассоциация наметила широкие планы развития точных наук, в том числе создания Института положительных наук²⁸⁹. Вскоре возникает и другая идея – организации Института социальных наук, планы создания которого строились приват-доцентом университета акад. А.С. Лаппо-Данилевским²⁹⁰. Из исследовательских проектов, имевших очевидное общественное значение, можно упомянуть создание уже в апреле 1917 г. «Общества изучения Революции», во главе которого оказались преподаватели историко-филологического факультета университета – председатель общества А.Е. Пресняков, казначей – К.В. Хилинский; руководителем одной из секций Общества – «Комиссии опросов Таврического дворца» стал М.А. Полиевктов. Деятельность Комиссии, проводившей серию интервью с основными участниками событий Февральской революции в литературе называют одним из первых проектов в области «устной истории»²⁹¹. Вновь на повестку дня встал вопрос о расширении университетской территории, причем вместо планируемого ранее переезда в район «Нового Адмиралтейства», в апреле 1917 г. было принято

²⁸⁸ См. Журналы заседаний Комиссии по реформе народного образования (ГАРФ. Ф.2315. Оп.1. Д.1-9,11).

²⁸⁹ См. Колчинский Э.И. В поисках новых форм организации российской науки // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX вв. Исторические очерки. Отв. ред. Ж.И. Алфёров. СПб., 2003. С.335-336.

²⁹⁰ См.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. ... С.198.

²⁹¹ См.: Lyandres Semion The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013. P.15-50.

решение о существенном расширении его территории на Васильевском острове (прежде всего, за счет земель бывшего Кадетского корпуса)²⁹².

Между тем, очень скоро профессорам и приват-доцентам стало ясно, что в условиях анархии и разрухи искомая академическая свобода и университетская автономия мало что дают. «Академический мир» университета оказывается все более оторванным от ориентиров массового сознания революционной эпохи. В частности, показательно, что большинство профессуры (как и в целом российской интеллектуальной элиты) поддерживало в основном политику Временного правительства и линию «надклассового патриотизма», связанную с продолжением войны, в то время как большинство студенчества (как и населения страны в целом) было настроено явно антимилитаристки²⁹³. Примечательно в этой связи высказывание О.А. Добиаш-Рождественской (приват-доцента университета и жены профессора Д.С. Рождественского) во второй половине мая 1917 г.:

«Вдобавок к перспективе собственной гибели как огромного целого, экономического банкротства, голода, эпидемий и гражданской войны, еще этот привкус, для меня сейчас составляющий основной тон концерта, – стыда о предательстве тех благородных народов, которые доверились нам <...> Я мучилась эти последние два месяца этой борьбой между надеждой и отчаянием. Теперь, говоря правду, надежда исчезла, и я успокоилась. Только бы поскорее совершился роковой круг... Дм[итрий] Серг[еевич] [Рождественский] был оптимистичен до последних дней. Он бодрее и радикальнее меня, нежнее любит «восставший народ». Он эти два месяца носился, возился, председательствовал (как консультант Стекл. завода) на рабочих собраниях. Последние дни его как-то срезало, и он стал беспросветно мрачен...»²⁹⁴.

Ощущение надвигающейся катастрофы вполне иллюстрируют и другие источники личного происхождения: письма и дневники университетской элиты революционного времени. Приведем, например, отрывок из письма профессора А.А. Шахматова В.М. Истрину (июль 1917 г.):

«Получил Ваше письмо вчера одновременно с тревожными вестями об отступлении наших войск. Россия пропала – это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения. Отчаяние каждого из нас могло бы быть безграничным, если бы нас не отвлекали злободневные интересы. Неужели можно пережить позор и унижение родины с легким сердцем? Вообще я лишен дара ви-

²⁹² Кривоноженко А.Ф. К вопросу получения Петроградским университетом дополнительных территорий на Васильевском острове в 1917 – начале 1920-х гг. // Петербургские исследования. 2011. № 3. С.100.

²⁹³ См.: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 239–241.

²⁹⁴ Цит. по: Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С.104-105.

доть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия. А что дальше, трудно себе даже и представить. Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покрытия министрами предательства украинцев²⁹⁵»

Университет, открывший с началом революции свои двери для общества также как в 1905г. превращается в своеобразный центр собраний разного рода организаций весьма далеких от академического мира (Союза кондукторов, Крестьянского союза, собрание василеостровских милиционеров и т.п.), что очевидно нарушало привычную комфортную атмосферу, в которой привыкла существовать университетская корпорация.

К осени 1917 г. настроение и высказывания университетской элиты приобретают уже самые мрачные черты, в частности обсуждался вопрос об эвакуации университета из Петрограда²⁹⁶. Характерны замечания о текущей ситуации одного из наиболее видных университетских либералов – профессора М.И. Ростовцева:

«Работать научно становится все труднее и труднее. Публикация научных книг уже невозможна – мы прибегаем к суррогату, литографии. На очереди закрытие и большинства журналов»²⁹⁷.

В условиях разрухи в середине октября 1917 г. Совет университета принимает трудное для себя решение «в виду особых условий переживаемого времени» разрешить предоставление диссертаций на соискание ученых степеней «не в виде напечатанной книги» «при условии полного обеспечения гласности»²⁹⁸.

Разумеется, вслед за «общей победой» в феврале 1917 г. началась новая поляризация студенчества. В университете стали открыто проводится собра-

²⁹⁵ Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С.22

²⁹⁶ . Протокол заседания Петроградского университета 16 октября 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. Д.1. Л.104-105; Протокол экстренного заседания правления Петроградского университета, 26 ноября 1917 г. №34. // ЦГА СПб. Ф.7240. оп.14. Д.2. Л.476об-477; См. также: Дело об эвакуации Петроградского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 98).

²⁹⁷ Цит. по: Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724—1999. СПб., 1999. С.284.

²⁹⁸ Протокол заседания Петроградского университета 16 октября 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. Д.1. Л.106.

ния политических партий (кадетов, социал-демократов, социалистов-революционеров и других подобных организаций)²⁹⁹. Революция привела к легитимации системы студенческого самоуправления. В результате, как ни парадоксально, соотношение сил внутри Совета старост изменилось в пользу более умеренных элементов, во-всяком случае прежнее господство большевистские лидеры утратили. Известно, например, что к марту 1917 г. кадеты контролировали 40% мест в Совете старост Петроградского университета (по 26% имели социал-демократы и эсеры)³⁰⁰. Эти цифры, отражающие роль «кадетов» особенно показательны на общем фоне российского студенчества, где влияние социалистических партий по отношению к кадетскому в это время было выше в примерном соотношении 3:1³⁰¹. При этом следует учитывать, что в новых условиях весны- лета 1917 г. происходило блокирование либеральных и умеренно-социалистических политических течений в студенческой среде против большевиков, чьи позиции в университете в этот период значительно ослабли³⁰². Отчасти падение активности большевистской организации в стенах университета можно объяснить тем, что после февраля значение университетской экстерриториальности уже не играло для революционного движения никакой роли, а основным объектом пропаганды были отнюдь не студенты, а рабочие массы. С другой стороны, на протяжении 1917 г. в интеллигентской среде в целом усиливалось влияние кадетской партии – одного из главных политических противников большевизма³⁰³. Как отмечается в литературе, в период предшествующий Октябрьскому перевороту большинство студентов-большевиков ушло в профессиональную партийную работу³⁰⁴. Так или иначе,

²⁹⁹ См., напр.: Книга для записи разрешенных частных собраний студентов Петроградского университета. Сентябрь 1914 – май 1917. // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.27. Д.397. Л.169, 170об., 171, 172 об., 174 и пр.

³⁰⁰ См.: *Кручковская В.М.* Политические настроения российского студенчества: 1905 – 1917 // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 110.

³⁰¹ См.: *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988. С.260.

³⁰² Ср.: *Konecny, Peter* Builders and Deserters : Students, State and Community in Leningrad, 1917-1941. McGill-Queen's University Press, 1999. P. 41.

³⁰³ См., напр.: *Кичеев В.Г.* Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 г. Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1993. С.16-17.

³⁰⁴ *Красникова А.В.* Первые коллективы РКП (б) Петроградского государственного университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Т. III. С. 18-19. Ср.: *Аришавский К.Г.* Путь к Октябрю // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2... С.163.

можно согласиться с аргументированной точкой зрения, приводимой в литературе, о том, что после февральской революции российское студенчество как консолидированная общественная сила постепенно сходит с социально-политической сцены³⁰⁵.

Сам Октябрьский переворот, реакция университета на установление советской власти и его последующая советизация – тема отдельного исследования³⁰⁶ и мы позволим себе привести здесь лишь самые беглые наблюдения в общем контексте отношений новой власти и высшей школы.

Как известно, уже вскоре после установления большевистского режима начался процесс постепенного демонтажа прежней системы российского высшего образования. Эта политика, естественно, вызвала протест и противодействие со стороны профессуры. Столкнувшись первоначально с бойкотом со стороны высших учебных заведений³⁰⁷, новая власть вынуждена была действовать осторожно, ведя с университетскими корпорациями определенную игру, включив профессию в обсуждение планов преобразований высшей школы³⁰⁸.

³⁰⁵ См.: *Олесич Н.Я.* Российское студенчество в Февральские дни в 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. Вып. 4. 1991. С.22-30.

³⁰⁶ См., прежде всего: *Кривоноженко А.Ф.*: 1) Петроградский университет в 1917 - 1922 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2014; 2) Процесс советизации Петроградского университета в 1918-1922 гг. // Клио. 2013. №10 (82). С. 104-108; *Konecny P.* Builder and Deserters: Students, State and Community in Leningrad. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 358 p

³⁰⁷ В конце октября – начале ноября 1917 г. заседание директоров высших учебных заведений Петрограда приняло решение не вступать ни в какие контакты с советскими комиссарами и СНК не признавать (см.: *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда... С. 33). См. также более позднюю работу этого автора: *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть... С. 185–201.

³⁰⁸ Декретом ЦИК 9 ноября 1917 г. было принято решение «об учреждении Государственной комиссии по просвещению» (Декреты советской власти. М., 1964. Т. I. С. 59–62), поставившее целью перестройку всей системы образования в России. Образование комиссии затянулось до февраля 1918 г. 31 марта Государственная комиссия избрала комиссию по реформе высшей школы, которая, по существу, продолжила деятельность комиссии М. Новикова, в новых условиях. Уже в феврале 1918 г. Государственная комиссия заявила о праве отдела высших учебных заведений Наркомпроса вымешиваться в дела высшей школы (см.: *Лебедева М.В.* Народный комиссариат просвещения РСФСР в ноябре 1917–феврале 1921 гг. (опыт управления). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2004. С. 26–28). Приглашенные к участию в работе комиссии «буржуазные профессора» пытались отстоять проекты автономии университетов (См.: Сообщение бюро по организации совещания по реформе высшей школы — о ходе рабочей комиссии по составлению проекта положения о российских университетах // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2749; Проект положения о российских университетах, составленный в связи с изменением государственного строя // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2750).

Относительно Петроградского университета эта игра имела несколько этапов³⁰⁹. 26 ноября 1917 г. Профессорский совет присоединился к выработанному Российской академией наук воззванию против советской власти (основным автором которого по предположениям высказанным в литературе являлся приват-доцент университета академик А.С. Лаппо-Данилевский³¹⁰). Вслед за Академией университетская коллегия возлагала все надежды на будущее учредительное собрание, которое избавит страну от «насильников захвативших власть»: «Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию; оно обеспечит рост ее культуры и упрочит ее положение в среде просвещенных государств»³¹¹. Выступив против насилия в отношении профессоров и преподавателей университета, Совет (уникальный случай оценки политических предпочтений членов корпорации) высказал упреки в адрес приват-доцента Е.Д. Поливанова, сотрудничавшего с новой властью³¹².

Профессора и преподаватели университета также присоединились и к другому аналогичному по духу обращению – «Воззванию ученых Петрограда»³¹³. Университет решительно протестовал против начавшейся компании арестов «контрреволюционных элементов». Так, 9 декабря 1917 г. прошло специальное заседание Совета, принявшее резолюцию в защиту гр. Софьи Паниной³¹⁴. Разумеется, что первое время Совет университета отказывался вступать с новой властью в лице Наркомпроса в какие-либо отношения. Между

³⁰⁹ О процессе советизации Петроградского университета см. работы А.Ф. Кривоноженко: *Кривоноженко А.Ф.* Процесс советизации Петроградского университета в 1918-1922 гг. // Клио.2013. № 10. С.104-108; *Кривоноженко А.Ф.* Стратегия бойкота Петроградского университета в первые месяцы после Октябрьской революции // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (20 – 2 апреля 2012 года, Санкт-Петербург). СПб., 2012. С. 99 – 105; *Кривоноженко А.Ф.* Деятельность рабочего факультета Петроградского университета в 1919 – 1922 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2012. № 4. С. 166 – 171.

³¹⁰ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа...С.200. Ср., напр.: *Finkel, Stuart.* On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere. New Haven, CT, USA: Yale University Press, 2008. P. 52.

³¹¹ Протокол экстренного заседания Петроградского университета 26 ноября 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. Д.1. Л.111об.

³¹² Протокол экстренного заседания Петроградского университета 26 ноября 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. Д.1. Л.112об.-113.

³¹³ См.: Воззвание ученых // Грядущий день. Вторник, 28 ноября 1917 г. № 1. С. 2.

³¹⁴ См.: *Rosenberg William G.* Russian Liberals and the Bolshevik Coup // *The Journal of Modern History*, Vol. 40. No. 3 (Sep., 1968). P. 341.

тем, уже в декабре 1917 г. Профессорский совет констатировал, «что с 25 октября с.г. финансовое положение университета стало не только тяжелым, но и неопределенным»³¹⁵, а в январе положение стало критическим, поскольку в отсутствии отношений с новой властью университет оказался лишенным финансирования и администрация была не в силах осуществлять выплаты по личному составу³¹⁶.

Об атмосфере в университете эпохи социальной революции свидетельствуют дневниковые записи Н.Н. Платоновой. Так характерная запись декабря 1917 г.:

«Недавно Браун говорил С[ергею] Ф[едорови]чу, что унив[ерситет]ские сторожа оказались такой сволочью, как нельзя было и ожидать, обнаглели до цинизма, напр[имер] в охране унив[ерситетски]х зданий принимает участие вся живущая там интеллигенция, а низшие служащие отказались: нам охранять и защищать нечего. В это воскресенье должен быть диспут Любомирова³¹⁷ — если служители согласятся открыть Унив[ерсите]т»³¹⁸.

Отношение к большевикам, пытавшимся удержать власть, и к перспективе университета при большевистском режиме было однозначно негативным. В качестве иллюстрации приведем отрывок из письма проф. А.А. Шахматова к проф. П.Н. Сакулину:

«Пока перед нами тьма беспросветная. Испытываешь невероятное унижение, читая и слыша про подвиги большевиков. Они еще не добрались до университета и академии, но, конечно, это не замедлит. С ужасом вижу, что учред[ительное] собрание сорвано! А с ним исчезло столько надежд, столько упований»³¹⁹

Внутриуниверситетская документация первых послереволюционных месяцев не признает новой власти, но содержит постоянную апелляцию к «Министерству народного просвещения», которому предстоит утвердить универ-

³¹⁵ Цит. по: *Соболев Г.Л., Тихонов И.Л., Тишкин Г.А.* Под ред. Л.А. Вербицкой. *Летопись 1724—1999.* СПб., 1999. С.284.

³¹⁶ Протокол заседания Петроградского университета 18 декабря 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп.14. Д.1. Л.122об.

³¹⁷ Любомиров Павел Григорьевич (1885—1935) — историк России, приват-доцент Петроградского университета (1915—1917), профессор Томского университета (с 1917 г.). Речь идет о защите магистерской диссертации «Очерк истории Нижегородского ополчения», оппонентом которой выступал С.Ф. Платонов.

³¹⁸ *Платонова Н.Н.* Дневник 5 декабря 1917 г. // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д. 5696. Л. 83 об.

³¹⁹ Цит. по: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты... С.23.

ситетские сметы «по восстановлении в нем нормального хода занятий»³²⁰. Однако занятия в старом министерстве не возобновлялись и вскоре со всей определенностью выяснилось то, что нефинансируемый и оставшийся без государственной поддержки университет оказался нужным только самим носителям университетских знаний – интеллигенции. Зимние месяцы начала 1918 г., вероятно, можно считать переломными – именно в это время университетская корпорация «дрогнула» и начала сотрудничество с советской властью. Причем в основе этого решения были отнюдь не репрессии, а необходимость получения финансирования. Протоколы заседаний правления университета за начало 1918 г. рисуют трагическую картину хозяйственного угасания университета и быта его обитателей – демонтаж большинства университетских телефонов, анкетирование сотрудников по поводу общественных обедов, отказ от выплаты стипендий «оставленным» при университете, прекращение оплаты за ведение учебно-вспомогательными учреждениями и т.п.³²¹ Первый платеж от власти «насильников» зафиксирован в журнале Правления 25 января 1918 г., в том же журнале эта власть впервые именуется «народным Правительством»³²². С началом финансирования профессора начинают к большевикам более благожелательно. Симптоматична запись в дневнике академика В.А. Стеклова: «Открыты кредиты на 1918 г. в увеличенном размере и очень быстро. Только что (на прошлом заседании Совета) утвержденные доценты...уже получили жалование... А при “старом режиме” еще полгода проваландались бы, да, быть может в конце концов и отказали бы»³²³.

В феврале Наркомпрос обращается к Петроградскому университету с предложением взять на себя инициативу созыва совещания по вопросам демократизации высшей школы. С этого момента начинается сам процесс диалога

³²⁰ См. Протокол экстренного заседания правления Петроградского университета, 21 декабря 1917 г. №38. // ЦГА СПб. Ф.7240. оп.14. Д.2. Л.546.

³²¹ Протокол заседания правления Петроградского университета, 18 января 1918 г. №3 // ЦГА СПб. Ф.7240. оп.14. Д.18. Л.30-38 об.

³²² Протокол заседания правления Петроградского университета, 25 января 1918 г. №4 // ЦГА СПб. Ф.7240. оп.14. Д.18. Л.41об-42.

³²³ Цит. по: *Бастракова М.С.* Становление советской организации науки (1917-1922). М., 1973. С.84.

между властью и университетской администрацией. В этом смысле характерно решение Совета университета от 25 февраля 1918 г.:

«Ввиду переживаемого момента воздержаться от всяких сношений с Комиссариатом народного просвещения на неопределенное время, причем предоставить ректору и правлению университета разрешить вопрос, когда можно будет войти в деловые сношения с Комиссариатом, [и одновременно! – ЕР] взять на себя инициативу созыва совещания»³²⁴.

Таким образом, продемонстрировав «принципиальность» Совет по существу санкционировал начало контактов администрации университета с новой властью. Именно этого Наркомпрос и добивался, втянув профессиуру в диалог, новая власть постепенно утверждала в сознании университетской элиты, если не свою легитимность, то по крайней мере саму данность своего существования. Одним из первых актов такого «диалога» было письмо с протестом против насилия над наукой и культурой подписанное рядом профессоров университета в мае 1918 г. и направленное в Наркомпрос³²⁵. В результате уже в июле 1918 г. избранные представители столичного университета (Э. Д. Гримм, В. Н. Бенешевич, И. М. Гревс, Н.Я. Марр, С. Г. Елисеев, Н.С. Державин, В.В. Буш, В.Я. Владимирцев, Э.Э. Пантович, Н.Н. Розин и др.) вместе с представителями других высших учебных заведений участвуют в совещаниях, созванных Наркомпросом по вопросу о реформе высшей школы³²⁶. В деле «морального завоевания» (по выражению В.И. Ленина) ученых политическое значение имел сам факт их участия в работах под руководством советской власти³²⁷. Нельзя не отметить, что университет и другие высшие учебные заведения следовали в фарватере политики Академии наук, ставшей весной 1918 г. на путь сотрудничества с новым режимом, пытаясь разного рода риторическими формулами направить революционную энергию в безопасное для ученых русло. Как известно, одним из инициаторов этого сближения был неперенный сек-

³²⁴ Протокол заседания Совета Петроградского университета 25/12 февраля 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 2 об.-3 об.

³²⁵ См. напр.: *Finkel, Stuart*. On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere....Р. 43; 15. *Konecny Peter*, Conflict and Community at Leningrad University, 1917– 1941. Ph.D. diss., University of Toronto, 1994, P.57– 58.

³²⁶ Ректор Петроградского университета – в Народный комиссариат по просвещению, 6 июля 1918 г., № 1582 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 12. Л. 24-24 об.

³²⁷ *Бастракова М.С.* Становление советской организации науки (1917-1922). М., 1973. С.81-82.

ретарь Академии С.Ф. Ольденбург (с 1919 г., кстати, возобновивший свое профессорство в университете)³²⁸. В июне 1918 г. КЕПС с согласия Общего собрания Академии направляет В.И. Ленину записку о «задачах научного строительства». В ней, в частности, подчеркнута необходимость «бережного и осторожного отношения к высшей школе», «приспособление которой к новым запросам жизни должно идти осторожно и планомерно, без губительных ломок и с сохранением преемственности, в определенном однако стремлении к расширению социальной базы, из которой она черпала бы лучшие силы народного ума»³²⁹.

Разумеется, поведение университетских профессоров было различным. В литературе высказывалась точка зрения о том, что правые в большей степени готовы пойти на сотрудничество с большевиками, нежели либералы. Как отмечал Э.И. Колчинский, «профессор-октябрист А.В. Введенский готов был признать большевиков ради спасения Петроградского университета, в то время как кадет Н.Я. Марр, будущий автор "марксистского языкознания" призывал к изгнанию из Ученого совета лиц, ратующих за любые контакты с новой властью»³³⁰. С этим наблюдением вероятно можно согласиться (хотя отнесение именно Н.Я. Марра к кадетам кажется недоказанным) — на наш взгляд, дело здесь не столько в политическом мировоззрении «правых» и «левых», сколько в приверженности и тех и других привычной стратегии взаимоотношений с государством. Для «правых» ситуация «полного личного разрыва» с властными институтами была психологически более дискомфортна чем для «левых», в общем к ней привычных. Характерно, что люди консервативного склада типа профессора кн. А.А. Ухтомского, сознательно противопоставлявших себя «истеричной петроградской интеллигенции» с ее «европейско-

³²⁸ См., напр.: *Базиянц А.П.* Две встречи С.Ф. Ольденбурга с В.И. Лениным и развитие советского востоковедения // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С.21-28.

³²⁹ Записка КЕПС о задачах научного строительства, составленная по предложению В.И. Ленина, 30 июня 1918 г. // В.И. Ленин и Академия наук. Сборник документов. Под ред. П.Н. Поспелова. М., 1969. С.54.

³³⁰ *Колчинский Э.И.* Борьба за выживание: Академия наук и гражданская война // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX вв. Исторические очерки. Отв. ред. Ж.И. Алфёров. СПб., 2003. С.368. Ср.: *Стеклов В.А.* Воспоминания // *Стеклов В.А.* Воспоминания. Переписка с отечественными математиками. Л., 1991. С.287.

театрально-космополитичным мирозерцанием»³³¹, быстрее нашли общий язык с советской администрацией, нежели старые либералы. Однако, в скором времени по мере нарастания репрессий положение будет меняться, а бывшая кадетская профессура перестраиваться.

Когда планы власти навязать высшим учебным заведениям свой вариант устава завершились провалом — на июльском и сентябрьском 1918 г. совещаниях по реформе высшей школы, на которых тон задавали представители старой профессуры, они были категорически отвергнуты, — Наркомпрос переходит в решительное наступление. К осени 1918 г. в полной мере уже вполне определяются идеологические и «классовые» основания проектируемой большевиками реформы, в задачу которой входит удар по «сановникам» от науки и отказ от системы «привилегий и преимуществ, присвоенных в буржуазном обществе науке» и «создавшей из ее представителей сплоченную корпорацию, пропитанную резким кастовым духом»³³². Один за другим принимаются решения, последовательно ограничивающие прежние «права университетов» — декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней, новой системе должностей и порядке выборов (1 октября 1918 г.)³³³, закон, принятый в ноябре того же года ВЦИК под названием «Положение о единой трудовой школе»³³⁴, ряд других³³⁵. В то же время новая власть действует неспешно, понимая, что мгновенной советизации высшей школы достичь невозможно³³⁶, а нигилисти-

³³¹ А.А. Ухтомский –В.А. Платоновой, 19/20 VI. 1915 // *Ухтомский А.А.* Интуиция совести (Письма, записные книжки, заметки на полях) М., 1996. С.74. Ср.: *Соколова Л.В.* «Трудно воспитать и поставить на ноги мысль». А.А. Ухтомский // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета.* Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2003. Т.1. С.331.

³³² О реформе деятельности ученых учреждений и школы высших ступеней Российской Социалистической Федеративной советской республики. Объяснительная записка // *Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области.* 1918. Октябрь- Ноябрь. №6-8. С.18-19.

³³³ Декрет Совета народных комиссаров о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской социалистической федеративной советской республики // *Декреты советской власти.* М., 1964. Т. 3: 11 июля - 9 ноября 1918 г. С. 381-382.

³³⁴ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 812. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг.* Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. С. 1026-1030.

³³⁵ От комиссариата народного просвещения, 2 ноября 1918 г., копия // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14 Д.12.Л.74-75. *Fitzpatrick S.* The commissariat of the Enlightenment. Soviet organization of education and the arts under Lunacharsky. October 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 68–88.

³³⁶ См. об этом напр.: *Finkel, Stuart.* On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere.... P.40-57.

ческие идеи борьбы с «буржуазной» наукой причудливо сочетаются в политическом дискурсе с признанием необходимости вести диалог с ее представителями³³⁷.

Вполне в рамках этой политической парадигмы положение уже бывшего столичного университета подтачивается постепенно, но последовательно. С лета 1918 г. университет становится уже одним из трех существующих в Петрограде (хотя и получает название «Первого Петроградского») – еще два создаются на базе ВЖК и Психоневрологического института³³⁸.

Постепенно наращивается волна арестов университетских преподавателей, начавшаяся еще в конце 1917 г. Летом 1918 г. ректор Э.Д. Гримм переезжает в Киев, бывший центром «украинской державы», т.е. по существу бежит из Советской России, продолжая при этом по мере сил поддерживать связь с университетом. Власти даже не сразу отреагировали на ситуацию – Э.Д. Гримм был утвержден ректором на следующий срок с 26 сентября 1918 г.³³⁹, однако уже 13 октября в квартире отсутствующего ректора проводится обыск по обвинению «в участии в прежние времена в работе охранного отделения»³⁴⁰. В создавшейся обстановке 17 октября 1918 г. Э.Д. Гримм оставляет пост ректора и Совет избирает ректором профессора астрономии А.А. Иванова. Выбор Совета возможно связан с тем, что новый ректор, как казалось, менее связан с либеральными партиями и старой властью. Действительно, А.А. Иванов пытается наладить диалог с Наркомпросом.

В первой половине октября 1918 г. А.В. Луначарский направляет в университет специальную «охранную грамоту», которая обещает «всевозможные льготы» научно-учебному персоналу университету (освобождение от трудовой повинности, защита квартир от реквизиции, освобождение от обучения

³³⁷ См., напр.: *Дворниченко А.Ю.* Наука в России в XIX – XX вв. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 134-135.

³³⁸ Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. *Летопись 1724–1999*. СПб., 1999. С.286.

³³⁹ Административный персонал [Материалы к отчету Петроградского университета за 1918-19 гг.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп.14. Д.26. Л.9.

³⁴⁰ Цит. по: *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм: Судьба ученого на переломе эпох // ИЗ. М., 2009. № 12 (130). С. 331

военному делу и. т.п.)³⁴¹, по запросу университета профессора и академики старше 45 лет по представлению Областной комиссии по просвещению получают продовольственные карточки 1 категории³⁴². В ответ на просьбы приравнять остальных преподавателей к I категории в статье «Права и обязанности ученых» (16 октября) нарком, попеняв профессорам за проповедь буржуазной идеологии все же несколько свысока согласился с аргументацией ученых («но вы правы товарищи профессоры, наука нам нужна до зарезу. Заменить вас неким»³⁴³) и вскоре согласно «Декрету о мерах к улучшению положения ученых» (подписан А. В. Луначарским как заместителем председателя Совета комиссаров Союза коммун Северной области) и все преподаватели вузов были переведены в 1 категорию³⁴⁴. Нарком также хлопочет за арестованных преподавателей, например, в ноябре 1918 г. он принимает у нового ректора докладную записку по поводу ареста М.Д. Приселкова, Э.А. Вольтера, С.В. Юшкова, П.Г. Мижучева и других преподавателей университета, в которой отмечалось, что арестованные «крайне необходимы для университета и не могут быть заменены другими лицами», а проводимые репрессии и аресты ведут к «полному расстройству его [университета] академической жизни»³⁴⁵. Параллельно власть втягивает руководство Академии наук и университета в обсуждение вопроса о нормах оплаты труда служащих в ученых учреждениях, высших учебных заведениях, музеях – катастрофически низкие оклады интеллигентного труда, одобренные 8 ноября 1918 г., назначаются с «санкции» непременно секретаря С.Ф. Ольденбурга и ректора А.А. Иванова³⁴⁶.

В конце 1918 г. Наркомпрос объявляет всероссийский конкурс по замещению кафедр в высших учебных заведениях. Согласно новым правилам про-

³⁴¹ Народный комиссар по просвещению – Ректору Петроградского университета, 10 октября 1918, Копия // ЦГА СПб Ф.7240. Оп.14. Д.30. Л.130.

³⁴² Комиссариат продовольствия Петроградской трудовой коммуны. – в Совет Первого Петроградского университета [1-9] Октября 1918 г., №60 // ЦГА. 7240. Оп.14. Д.15. Л.9/

³⁴³ Цит. по: Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917-1937. М., 1966. С. 55.

³⁴⁴ Декрет о мерах к улучшению положения ученых, 27 октября 1918 // ЦГА. 7240. Оп.14. Д.15. Л.14.

³⁴⁵ Ректор Петроградского университета – народному комиссару по просвещению, 9 ноября 1918 г., №3071 // ЦГА СПб Ф.7240. Оп.14. Д.30. Л.120-120об. Ср.: Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724—1999. СПб., 1999. С.285.

³⁴⁶ Протокол заседания комиссии [комиссариата труда, наркомпроса, государственного контроля, ученых учреждений] 8 ноября 1918, Копия // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14 Д.12. Л.76-77.

фессора и преподаватели, которые проработали в университете более 10 лет или имели общий вузовский стаж не менее 15 лет должны были оставить свои кафедры, а на их должности объявлялся конкурс. При этом в конкурсе могли участвовать лица известные свои научными трудами в той или иной области, но не имевшие ученой степени. Так же как и в других вузах, в Первом Петроградском университете на должности преподавателей были переизбраны те же дореволюционные профессора — Ф.Ф. Зелинский, А.А. Шахматов, И.М. Гревс, В.М. Шимкевич, В.А. Стеклов, Н.Я. Марр, А.С. Догель, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, Н.И. Кареев и др.³⁴⁷. Наркомпрос не пытался этому противодействовать, для него было важно, что профессура своим участием в выборах согласилась с предложенными ей правилами игры. Некоторые авторы усматривают определенную непоследовательность политики большевиков относительно университетской корпорации и университетской автономии, имея в виду, что режим периодически шел на уступки то профессорам, то студентам³⁴⁸. С нашей точки зрения, речь идет скорее о *заигрывании* власти с опасными для нее социальными акторами. При этом общее направление политики, нацеленное на установления контроля над университетами оставалось неизменным³⁴⁹.

В феврале 1919 г. проходит празднование 100-летнего юбилея университета. Несмотря на тяжелое время он празднуется широко – университету было преподнесено более 60 адресов от учреждений и множества частных лиц³⁵⁰. В программе заседания – доклады профессоров С.В. Рождественского, Ф.Ф. Зелинского, В.М. Шимкевича, Д.К. Петрова, О.Д. Хвольсона, студентов К.Н. Птицына и П.Ю. Яновского, освещающие различные стороны жизни университета³⁵¹. Перед самым юбилеем ходили тревожные слухи о предстоящем объ-

³⁴⁷ *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда... С. 49.

³⁴⁸ *Марков А.Р.* Что значит быть студентом. М., 2005. С. 76.

³⁴⁹ См., напр.: *Брусникин Е.М.* Из истории борьбы Коммунистической партии за вузовскую интеллигенцию в 1917-1922 гг. // ВИ КПСС. 1972. №8. С.81-93.

³⁵⁰ Описание адресов I-му Петроградскому университету // ЦГА СПб. Ф.7240 Оп. 14. Д.26. Л.18-18 об.; ЦГА СПб Ф.7240. Оп.14. Д.34. Материалы юбилейной комиссии по празднованию 100-я Петроградского университета.

³⁵¹ Протокол заседания Совета Петроградского университета, 3 февраля 1919 г. // ЦГА СПб. Ф.7240 Оп. 14. Д.24. Л.8 об-9.

единении университетов, причем в форме присоединения первого университета ко второму (т.е.бывшему Психоневрологическому институту)³⁵². Однако, новая власть воспользовалась этой коммеморацией, чтобы продемонстрировать свою заботу о культурном и научном наследии. На празднование юбилея университета прибыл (пусть по некоторым сведениям и с опозданием) нарком просвещения А.В. Луначарский. В речи профессора В.М. Шимкевича произнесенной в присутствии представителя нового правительства звучит «трагический оптимизм»:

«Перед нашей интеллигенцией стоит страшная по трудности и колоссальная, но бесконечно благодарная задача. Почва России вспахана таким глубоким плугом, что погибли не только пажити, нивы, но и многие неокрепшие посевы. Надо строить все сызнова, и без полного напряжения и участия всех интеллектуальных сил страны никакое строительство невозможно. Только Св. Денис ходил без головы, да и то недолго. Период бури и натиска с его моральными мучениями и физическими страданиями рано или поздно минует и настанет время упорной созидательной работы. <...> Как бы ни было тяжело положение России, но духовный взор наш, направленный в будущее, если он только смотрит через призму любви к России, не может не видеть ее иначе, как единой, свободной и счастливой. Этой России должны принадлежать наши силы, ей принадлежит наша жизнь»³⁵³.

Таким образом, пусть косвенно от имени корпорации В.М. Шимкевич заявил о необходимости единения с новой властью ради России. В свою очередь, в приветственной речи, произнесенной на юбилейном акте, нарком заявил от имени «народа»:

«Народ относится с уважением к науке, хранит ее, а равно как и этот университет как ценность <...> И пусть запомнят все, что в этот день представитель рабочего правительства явился, чтобы несмотря ни на какие недоразумения, отвесить нижайший поклон перед университетом»³⁵⁴.

Правда, нарком подчеркнул и то, что «из этого не следует, чтобы университет по прежнему оставался чем-то самостоятельным и оторванным от народа. Он должен раскрыться перед массами и приблизиться к ним»³⁵⁵.

Профессора предпочли последнего замечания не заметить и провожали министра советского правительства длительными аплодисментами³⁵⁶, хотя,

³⁵² *Фриш С.Э.* Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918-1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Т. 3. С. 95.

³⁵³ *Шимкевич В.М.* Роль С.-Петербургского университета в развитии точных наук. Речь, произнесенная на торжественном заседании (8) 21 февраля 1919 года по случаю столетия университета // Естественные науки в школе. 1919. № 3-4. С. 76.

³⁵⁴ Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 186.

³⁵⁵ Цит. по: *Казакевич Р.А., Мандель С.З.* К истории столетнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2. С. 165.

вероятно, что аплодировали не все. У многих представителей университетской элиты сама фигура А.В. Луначарского как представителя большевистского режима вызывала нескрываемое раздражение, также, как и поведение коллег-конформистов. Вот, что, например, записала Н.Н. Платонова (вероятно, со слов мужа -профессора):

«Вчера, сегодня и завтра — юбилейные дни здешнего Ун[иверсите]та; завтра — начало масленицы — в нормальное время какие бы это были торжественные и радостные дни, а сейчас ничто на ум не идет. Вчера мне и не хотелось в Ун[иверсите]т: ведь этой гадине Зелинскому поручено было произнести речь «Роль Унив[ерсите]та в развитии гуманитарных наук» — как это характерно для моральной неразборчивости кадетской профессуры! Вчера в Ун[иверсите]т явился в довольно растерзанном виде Луначарский, сидел в первом ряду <...> и произнес речь: для всякого правительства, даже для теперешнего, Унив[ерсите]т представляет большую ценность, п[отому] ч[то] наука нужна народу и т. д. И ему аплодировали не только в зале, но и на эстраде, среди профессоров кое-кто — это при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Л[уначарско]го к профессорам»³⁵⁷.

Аплодисменты казались Н.Н. Платоновой тем более непонятными, что материальное положение преподавательского персонала весной 1919 г. стало критическим. Обещанные ранее «продовольственные привилегии» ученым оставались по большей части на бумаге. В письме в комиссариат народного просвещения, посланном в апреле 1919 г., ректор отмечает:

«большинство лиц учебного персонала истощено как неправильным питанием, так и непосильным физическим трудом, — ибо вынуждено жить без прислуги, почему при всем своем желании работать, в ближайшем будущем едва ли окажется вполне работоспособным, если существующие условия питания останутся прежними и не будут в отношении преподавательского состава университета изменены»³⁵⁸.

Действительно власть как бы создавала «дымовую» завесу для того, чтобы установить действительный и полный контроль над университетом. К началу 1919 г. новое чиновничество Наркомпроса уже вполне освоило навыки бюрократии: по его требованию университет должен предоставлять различные отчеты, при чем по некоторым позициям, таким как работа кабинетов и лабо-

³⁵⁶ История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С.186.

³⁵⁷ Платонова Н.Н. Дневник 9/22 февраля 1919 г., // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д. 5699. Л. 4–4 об.

³⁵⁸ Ректор I Петроградского университета – В Комиссариат народного просвещения. 30 апреля 1919 г., №675 // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.44.

раторий – за 6 лет – начиная с 1913 г.³⁵⁹ На фоне бюрократической атаки и борьбы за увеличенные пайки готовится и очередной виток реорганизации – объединение трех петроградских университетов (бывших собственно университета, Бестужевских курсов и Психоневрологического института) в один – 18 мая 1919 г. было объявлено о создании единого Петроградского университета для «всех желающих без различия пола и государственной принадлежности» в составе факультетов общественных науки и физико-математического³⁶⁰. 31 июля 1919 г. А.А. Иванов передает бразды правления университета новому избранному ректору С.А. Жебелеву (которого вскоре сменяет В.М. Шимкевич – ему суждено будет стать последним свободно избранным ректором), а уже 2 августа следует формальное решение Наркомпроса о преобразовании Петроградских высших учебных заведений – три ранее созданных университета объединяются в один³⁶¹ с упомянутыми двумя факультетами. Эти решения наряду с принятыми ранее актами об отмене ученых степеней и о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных научных учреждений и учебных заведений создали юридическую базу для подконтрольных власти структурных преобразований в университете.

Параллельно власть предпринимает меры по нейтрализации студенчества, которое из союзника становится опасным оппонентом. В апреле арестован председатель студенческого совета старост К.Н. Птицын³⁶². В 1919 г. столовая на Биржевой линии, бывшая «символом» прежних «студенческих свобод» просто на просто реквизируется³⁶³. С 10 июля 1919 г. упраздняется и сама система старого студенческого самоуправления и студенческих старост, а их функции передаются представителям «студенческих групп РКП и других партий стоящих за Советскую власть», утверждаемых отделом высших учебных

³⁵⁹ Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений Комиссариата народного просвещения – I Петроградский университет, февраль 1919, №534 // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.15.

³⁶⁰ Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета....С.101.

³⁶¹ Соболев Г.Л., Тихонов И.Л., Тишкин Г.А.; Под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С.302.

³⁶² Удостоверение [., выданное Ф.Л. Трахтеберг, командированная для выяснения причин ареста К.Н. Птицына], 21 апреля 1919 г., №1607 // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.43.

³⁶³ См. Ректор университета – в Петрокоммуну, 25 ноября 1920 г., №3388 / ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.413.

заведений Комиссариата народного просвещения³⁶⁴. Другое дело, что в условиях перипетий гражданской войны, военного коммунизма и голода интенсивность деятельности студенческих организаций, равно как и эффективность студенческих учебных и научных занятий резко снизились. Так по данным университетской канцелярии в 1919 г., из 7500 числившихся в университете «академически активными» оказались 1942 человека. окончили же курс в этом году всего 44 студента³⁶⁵. Помимо студенчества и профессуры характер новый власти вполне ощущают и канцелярские служащие университета, массово подвергаемые «трудовой мобилизации»³⁶⁶. Зимой 1919/20 г. занятия в университете из-за холодов шли с перебоями, а в некоторые дни почти неотопливаемый университет был закрыт, профессора читали лекции на квартирах³⁶⁷. Академик В.А. Стеклов вспоминал, что в это время коллеги ему настойчиво предлагали ему ректорство в университете, но он решительно отказался, хотя «видел, что университет разваливается, но видел также, что нет никаких средств остановить этот развал, как ни тяжело было сознавать»³⁶⁸.

С осени 1919 г. репрессии обрушиваются на университет с новой силой. По подсчетам А.В. Шилова только в сентябре – октябре 1919 г. было арестовано свыше 20 сотрудников университета. Среди них проректор Н.Н. Розин, профессора Н.А. Буш, С.К. Булич, Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, Л.В. Щерба и другие³⁶⁹. Как видно уже из списка перечисляемых фамилий в одном ряду оказались и бывшие либеральные оппозиционеры и «профессора-назначенцы»,

³⁶⁴ Постановление Коллегии Народного Комиссариата по просвещению, от 7 июля 1919 года // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д.132. Л.2.

³⁶⁵ [Количество студентов, окончивших физико-математический факультет в 1917-20 гг.] // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.298; Декан факультета общественных наук – в Совет Петроградского университета, 8 VI. 1920, №439, копия // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.299.

³⁶⁶ См., напр. письмо ректора В.М. Шимкевича с протестом против практики массового привлечения служащих университета к трудовой повинности: Ректор Единого Петроградского университета – В Правление Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений, 24 ноября 1919 г., №5862 // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.193-193 об.

³⁶⁷ См., напр.: *Елисеев С.Г.* Тюремный дневник (май-июнь 1919): Воспоминания о Петрограде (1919-1920) и побег в Финляндию // Уроки гнева и любви. Вып. 4. СПб., 1993. С.23.

³⁶⁸ *Стеклов В.А.* Воспоминания // *Стеклов В.А.* Воспоминания. Переписка с отечественными математиками. Л., 1991. С.289.

³⁶⁹ *Шилов А.В.* Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период // Петербургские чтения 1997. СПб., 1997. С.255. Ср.: Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С.285. Ср.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты... С.31; *Сорокина М.Ю.* Круги жизни Николая Мартиновича – ученого, дипломата, эмигранта // Репрессированные этнографы: Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. С.356-361.

оказавшиеся вместе в доме предварительного заключения на Шпалерной в ряду общей массы арестованных представителей петроградской интеллигенции³⁷⁰. Разумеется, давая характеристику процессу политических преследований интеллигенции в годы Гражданской войны, не следует забывать, что некоторые ее представители были не только идейными противниками большевизма, но и оказались в числе активных деятелей «белого движения». В числе них можно назвать и нескольких представителей Петроградского университета. В состав Временного сибирского правительства, а затем правительства А.В. Колчака входил бывший приват-доцент юридического факультета Г.К. Гинс, в ближайшее окружение Н.Н. Юденича входили другие бывшие члены юридического факультета – В.Д. Кузьмин-Караваев и Д.Д. Гримм³⁷¹, в окружение А.И. Деникина в качестве активных деятелей его пропагандистской структуры – ОСВАГа входили такие бывшие члены корпорации как К.Н. Соколов, Э.Д. Гримм, Н.Н. Ленский³⁷². В то же время нельзя говорить о широком участии бывших мандаринов в белом движении и тем более в его руководстве. Основной причиной масштабных репрессий была не борьба с профессорами как активными контрреволюционерами, а то, что новая власть пыталась отучить российских мандаринов от их традиционных привычек и политических претензий, немало не стеснясь арестом невиновных. В письме М. Горькому, активно хлопотавшему за арестованных, В.И. Ленин отмечал, что для них полезно «посидеть недельки в тюрьме», как отмечал лидер нового режима, «интеллигентки, лакеи капитала» «мнят себя мозгом нации», «на самом деле это не мозг, а г...»³⁷³. Действительно аресты профессуры носили главным образом «воспитательный характер» и большинство из арестованных, вскоре освобождилось, но для некоторых арест оказывался гибельным в прямом смысле. Так,

³⁷⁰ См., напр.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006. С.81-82.

³⁷¹ Шилов А.В. Из истории Петроградского университета...С.256; Декреты Советской власти... Т. III.С. 381–382. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982. С.242; Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм: Судьба ученого на переломе эпох ... С.332.

³⁷² Шилов А.В. Из истории Петроградского университета.... С.256; Кулаков В.В. Государственное устройство белой России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №3. С.48-51. Михайловский Г.Н. Записки. М., 1993. Кн.2. С.266, 272, 288.

³⁷³ Ср.: В.И. Ленин – А.М. Горькому, 15 сентября 1919 г. // Ленин В.И. ПСС. М.,1965. Т.51. Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. С.48; Колчинский Э.И. Борьба за выживание: Академия наук и гражданская война ...С.388.

в 1921 г. были расстреляны по обвинению в участии в т.н. Петроградской боевой организации профессора В.Н. Таганцев и Н.И. Лазаревский³⁷⁴, по сфабрикованному ГПУ обвинению в контрреволюционной деятельности по т.н. «делу митрополита Вениамина» в 1922 г. был казнен профессор Ю.П. Новицкий³⁷⁵.

При этом нужно подчеркнуть, что террор голодом был не менее суров, чем «красный террор». Надо отметить, что силы ряда профессоров проведенных в тюрьме всего «недельку» оказались исчерпаны и, оказавшись на свободе, он вскоре ушли из жизни. Дело в том, что несмотря на все обещания большинство университетских преподавателей во время Гражданской войны так и не рассматриваются как «трудовой элемент». В декабре 1919 г. Совет Петроградского университета поручает президиуму довести «до сведения высшей власти», что из-за сложившихся условий жизни ученые «вымирают»³⁷⁶. Действительно медленно, но неуклонно дело делали голод, тяготы гражданской войны, резкое снижение социального статуса. Уже к 1920-му году из жизни ушло около 40 человек из числа преподавательского состава: академики М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов, профессора А.А. Иностранцев, А.А. Жуковский, Л.В. Ходский, И.М. Волков, Н.Н. Розин, Х.Я. Гоби, В.М. Гессен, Я.И. Смирнов, О.О. Розенберг, П.О. Соменов и многие другие³⁷⁷. Как образно писал одному из своих корреспондентов,

³⁷⁴ Черняев В.Ю. Дело «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева» // Репрессированные геологи. М.; СПб. 1999. С.391-395; Черняев В.Ю. О Н.С. Таганцеве и его дневнике // Звезда. – 1998. – № 9. – С. 126–129; Шенталинский В. А. Преступление без наказания. М., Прогресс-Плеяда, 2007. С. 279-280; Ратьковский И.С. Жизнь под девизом «Трудом счастлив». Н.С. Таганцев // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2003. Т.1. С.54-55.

³⁷⁵ Колосов Ю.И. Юрий Петрович Новицкий. 80 лет со дня гибели // Санкт-Петербургский университет. 2002. 16 сентября. №18 (3608). URL: http://www.spbumag.nw.ru/2002/18/num_index.html (дата обращения: 01.06.2016).

³⁷⁶ Ректор Петроградского университета – в Объединённый совет научных учреждений и высших учебных заведений, в комиссариат народного просвещения и Отдел научных учреждений и высших учебных заведений, 17 декабря 1919 г // Ф.7240. оп.14. д.116. л.45-45 об.

³⁷⁷ Ректор Единого Петроградского университета – В отдел научных учреждений и высших учебных заведений, 13 декабря 1919, № 6189, копия // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.209-209 об.; Список скончавшихся из состава университета в последнее время лиц // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.260. См.: также: Шилов А.В. Из истории Петроградского университета....С.255.

профессор Н.Н. Глубоковский в марте 1920 г. «Университет частью разбегается, а еще более того вымирает «пачками» (иногда до 7–8 человек разом)»³⁷⁸.

С болью в начале 1920 г. ректор В.М. Шимкевич сообщает в Комиссию по улучшению быта ученых о гибели коллег, о том, что в виду условий питания «состояние здоровья многих профессоров таково, что в ближайшем будущем надо ожидать дальнейшей убыли». Ректор рассказывает о том, что «некоторые преподаватели физико-математического факультета уже давно едят мясо “лабораторных мучеников”, т.е. собак и кошек, использованных для научных и учебных целей», однако подчеркивает, что «таких счастливцев, которые это могут делать очень немного». В.М. Шимкевич констатирует, что «нельзя не отметить и роста в ученой среде полного индифферентизма к своей личной судьбе, приводящего к нежеланию бороться за жизнь и даже к потере желания жить»³⁷⁹.

8 декабря 1919 открылся рабфак Петроградского университета, в который, главным образом, принимались проверенные в социальном и идеологическом отношении «кадры» молодежи, возвращавшейся из Красной армии. Помимо общей задачи подготовки нового лояльного к советской власти студенчества, рабфак решал и тактическую задачу наступления на «буржуазную профессуру» внутри университета, тем более, что квалификационные требования, предъявляемые преподавателям рабфака позволяли Наркомпросу отбирать в их число сочувствующих советской власти представителей петроградской интеллигенции, в том числе бывших участников революционного движения. 27 декабря 1919 г. на рабфаке организуется т.н. Научное общество марксистов (НОМ) во главе с профессором Г.А. Энгелем, бывшим лидером революционного студенчества и будущим деканом ФОН. В 1920-24 гг. НОМ ста-

³⁷⁸ Цит. по: Богданова Т.А., Клементьев А.К. «“Род учёных” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н. Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917-1921 гг.). // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 3 (11). С.134.

³⁷⁹ Ректор Петроградского университета – в комиссию по улучшению быта ученых [1920. копия] // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.246-247 об.

новится важным идеологическим и политическим инструментом советизации как университета, так и других высших учебных заведений Петрограда³⁸⁰.

В декабре 1919 г. власть поставила формальную точку и в компании по реорганизации – «Единый Петроградский университет» переименован в Петроградский университет³⁸¹, а два других высших учебного заведения университетского типа, таким образом, исчезли – задача контроля над университетским образованием в Петрограде упростилась. Вполне отражает настроение профессуры тех лет также «Записка Петроградского университета» в адрес «Советской республики» о высшей школе принятая в 1920 г., где в частности, звучат такие слова: «Нужно помнить, что нам грозит полное одичание, полное отчуждение от Европейской культуры, а затем духовная и физическая смерть»³⁸². В августе 1920 г. ректор В.М. Шимкевич пытается апеллировать к А.М. Горькому, игравшему, как известно, роль своеобразного защитника интеллигенции в годы революции и гражданской войны. В.М. Шимкевич просит довести до сведения председателя Совнаркома отрицательную позицию университета относительно проводимых преобразований высшей школы и, в частности, отмечает, что планируемая реформа:

«является явным и чрезвычайно опасным по последствиям нарушением принципа автономии высшей школы, усиленно выдвигавшегося в настоящее время правящей партией. Нарушение это превосходит все то, что знает история высшей школой в период ее преследования прежней власти, а результатом этого совершенно исключительного мероприятия будет окончательный развал и без того уже расшатанной университетской жизни, первоисточника всякого знания в стране. Тем более неожиданна для нас эта мера, что Петроградский университет, официально даже не был осведомлен о проходившем обсуждении реформы <...> чего не делалось даже в худшие для университета времена»³⁸³.

³⁸⁰ Клушин В.И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С.95-128.

³⁸¹ Отдел Ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса – Петроградскому университету, 23 декабря 1919 г., №4489 // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.215.

³⁸² Шимкевич В.М. Записка Петроградского университета о высшей школе [1920] // РГИА. Ф. 1037. Оп.1. Д.6. Л. 187 об.

³⁸³ Копия письма ректора Университета профессора Владимира Михайловича Шимкевича на имя М. Горького, 5 августа с.г. [1920] // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д.119. Л.346-346 об.

Разумеется, такого рода воззвания не могли остановить маховик перестройки системы высшей школы под нужды нового режима³⁸⁴. В отличие от эпохи И.Д. Делянова и Л.А. Кассо новая «народная власть» не воспринимала мандаринов как субъект переговоров, не видела она более нужды и в диалоге со студенчеством. С начала 1920/21 учебного года проходят массовые аресты фрондирующих против советской диктатуры студентов университета и других вузов Петрограда³⁸⁵. Начиная с 1921 г. власть берет под полный контроль как кадровую политику, так и систему преподавания и программы университета, прежде всего, ФОН, причем профессора «старой школы» либо начинают вовсе вытесняться из университета, либо переводятся на научные должности в рамках курса на разделение науки и преподавания³⁸⁶. Серия решений, принятая Наркомпросом и Совнаркомом в 1921-22 гг., лишает высшие учебные заведения даже призрака автономии. Важным аргументом ранней советской публицистики в пользу упразднения остатков системы университетского самоуправления помимо буржуазной сущности старой профессуры стал и тезис о необходимости преодоления обособленности и оторванности высшей школы от государства и общества и ее перестройки для решения практических задач современной жизни и народного хозяйства³⁸⁷. К началу 1923 г. Петроградский университет (равно как и другие университеты страны) превратился уже в чисто советское учреждение. А его новый ректор профессор Н.С. Державин, назначенный советской властью, оправдывал практику назначения профессоров и доцентов властью и в пафосном стиле заявлял о том, что в нынешних условиях сам лозунг «автономии» высшей школы является контрреволюцион-

³⁸⁴ Кривоноженко А.Ф. Межинституциональные коммуникации в сфере высшего образования в 1917—1922 гг. на материалах Петроградского университета: электронное научное издание / А. Ф. Кривоноженко. Петрозаводск, 2015. С.76-96.

³⁸⁵ Чернов М.П. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918 – 1922 годах // ВИ. 2000. № 11 – 12. С.138-139.

³⁸⁶ См. об этом, напр.: Александров Д.А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С.56-57.

³⁸⁷ Ряппо Я. Об управлении высшей школой // Путь просвещения. 1924. №4-5. С. 24-27; Столяров Я. На путях к советскому ВУЗ'у // Путь просвещения. 1924. №10. С.98-99.

ным³⁸⁸. Вообще ОГПУ становится полноправным хозяином в университете, давая ректору прямые (или посредством уполномоченного Наркомпроса) указания по поводу «изъятия» из университета студентов «подозрительного происхождения»³⁸⁹.

Таким образом, умелая политика позволила новой власти то, что не могла, а в некотором смысле и не хотела делать прежняя власть, — *сломать* университетскую корпорацию, советизировать ее, сделать составной частью государственной машины. Проводимая Наркомпросом *политика заигрывания* с профессурой по существу лишь маскировала коренную перестройку высшей школы в 1918–1922 гг., связанную с наплывом в студенческую среду люмпенизированной массы, отъездом, арестами и высылкой ряда профессоров, перестроением программ и структуры системы высших учебных заведений³⁹⁰. Завершающим ударом по университетской корпорации стала «студенческие проверки» и «чистки» 1922–1924 г., которые «вычистив» большинство студентов с подозрительным социальным происхождением, исключили на будущее саму возможность проявления в стенах университета какой-либо оппозиционности³⁹¹, впереди Петроградский/Ленинградский университет ожидали нелегкие времена и переход к новой модели советского массового университета — своеобразной «фабрики кадров»³⁹² для советского государства.

³⁸⁸ Основным аргументом против «автономии» была посылка о том, что «при нынешнем положении вещей, при тесной традиционной связи нынешней Высшей школы со старою, при все еще господствующем в массе работников Высшей школы мелкобуржуазном настроении, самоуправляющиеся Высшая школа станет достоянием буржуазии и явится в ее руках хорошим орудием в борьбе за власть с рабочим классом» (*Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; Пг., 1923. С. 38).

³⁸⁹ См. ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.13. Д.1. Дело Ленинградского государственного университета. Отдел общего управления. Секретная переписка. 1921–1926.

³⁹⁰ См. обширную литературу: *Fitzpatrick S.* The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and Arts under Lunocharsky, 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 68–88; *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда... С. 29–66; *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (Ноябрь 1917–середина 1918 гг.). М., 1980. С. 38–78; *McCelland J.C.* Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia. 1917–1921. New Jersey, 1970; *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880–е–начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 173–184; *Алексеев П.В.* Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 67–136 и др.

³⁹¹ *Konetsny P.* Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol.46. N4. 617–645; *Ермошко А.Г.* Изменение социального облика студенчества Петроградского / Ленинградского университета в первые годы Советской власти // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2 (16). С.141–142.

³⁹² Ср.: *Сафронов П.А.* «Чутко отразить все требования революции»: советский университет в 1920–1930-е гг. // Вопросы образования. 2010. №4. С.191.

9.3. Изгнанники Петроградского университета: опыт коллективного портрета³⁹³

Уже к 1922 г. в Петроградском университете оставалось работать менее 40% от состава 1917 г.³⁹⁴ При этом надо отметить, что до 1922 г. каких-либо специальных чисток преподавательского состава не было и эта убыль обусловлена либо физической гибелью, либо в большинстве случаев -эвакуацией из Петрограда в голодные годы Гражданской войны. Разумеется, и российская география, покинувших бывший столичный университет преподавателей исключительно широка – Москва, Саратов, Томск, Симферополь и другие города. Особенно много выходцев из Петрограда оказалось в Перми, где на базе филиала Петроградского университета в 1917 г. открылся новый Пермский университет³⁹⁵. Однако большинство покинувших Петроград – бежавших или высланных советским режимом ученых оказались в эмиграции, в этом контексте важно понять направления исхода петроградских универсантов и наметить некоторые черты общей картины университетской эмиграции.

Прежде чем обращаться к анализу коллективного портрета эмигрантов-универсантов, нужно обозначить круг тех преподавателей, которых мы относим к этой группе. Всего нами выявлено 114 эмигрантов из всего числа дореволюционных преподавателей университета, однако порядка 40% из них покинула университет по разным причинам еще до революционных событий. Поэтому предметом нашего рассмотрения является менее многочисленная группа профессоров и младших преподавателей (лекторов и приват-доцентов)

³⁹³ См. также статью: *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2016. Вып.1. С.64-75. О роли выпускников С.-Петербургского университета в культуре русской эмиграции см: Наследие петербургской университетской культуры в русском зарубежье. Отв. ред. Н. Я. Олесич. СПб., 2012.

³⁹⁴ Ср.: *Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.* Столичный университет и мировая война: теория и практика «академического патриотизма» // Былые годы. 2014. №34 (4). С.598; *Кривоноженко А.Ф.* Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917-1922 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. Февраль. №1.С.22.

³⁹⁵ См.: Профессора Пермского государственного университета. 1916-2001. Пермь, 2001.

Петроградского университета, работавших в нем на 1917 г. и покинувших страну в этом же году или позднее. Всего выявлено 66 таких преподавателей, что составляет 23,3% от общего числа работавших в университете в 1917 г. Напомним, что Петроградский университет до революции распадался на четыре факультета: юридический, физико-математический, историко-филологический и восточных языков. Наиболее склонными к отъезду оказались «юристы» — более трети (37,5% — от дореволюционного состава) преподавателей факультета покинули страну, за ними шли преподаватели историко-филологического факультета — почти четверть (25,7%), на третьем месте факультет восточных языков (22,5%), наименее эмигрантским оказался физико-математический факультет (5,6%). Из общего числа уехавших за границу преподавателей 43,2% работали к 1917 г. на юридическом, 40,1% на историко-филологическом, 10,6% на восточном, 6,1% на физико-математическом факультетах.

Как показывают статистические данные, подготовленные для нашей совместной статьи по данной проблематике И.В. Сидорчуком, определенную роль в решении «уехать» могло играть социальное происхождение — во всяком случае, у эмигрантов в общей массе оно было более привилегированным, чем у преподавательского корпуса в целом³⁹⁶. Однако, большее значение в принятии решения об отъезде, по нашему убеждению, играла активная вовлеченность в политическую деятельность преподавателей при «старом режиме» была важным фактором, способствующем отъезду из Советской России. Нами выявлено, что по меньшей мере 21 человек из 66 (31,8%) были в разное время являвшихся членами запрещенных советской властью либеральных и левых политических партий, в том числе: 2 бывших октябриста (А.А. Пиленко, П.П. Мигулин) и 17 кадетов (Б.Е. Шацкий, Л.С. Таль, М.И. Ростовцев, Л.И. Петражицкий, А.И. Каминка, Г.В. Вернадский, К.Н. Соколов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Зелинский, Д.Д. Grimm и Э.Д. Grimm, С.Л. Франк, Б.Э. Нольде, П.П. Гронский, Н.О. Лосский). Также двое из эмиг-

³⁹⁶ См. подробнее: *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Изгнанники «советского» университета... С.66.

рантов входили в составы радикальных партий, хотя к 1917 г. и отошли от участия в них: Г.П. Федотов – РСДРП.

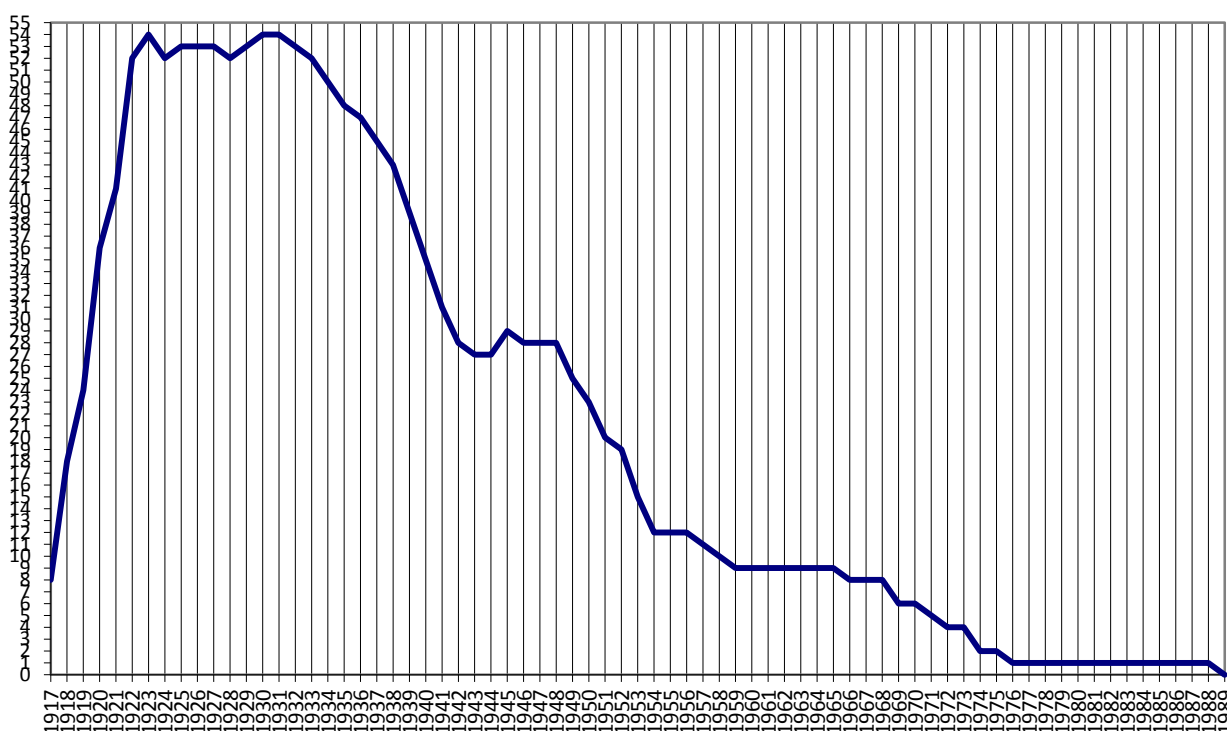
Самым молодым среди преподавателей-эмигрантов был М.Н. Рамминг (28 лет), не вернувшийся после Октябрьской революции из Японии, самыми пожилыми С.А. Алексеев и И.А. Бодуэн де Куртенэ, которым на момент отъезда было по 73 года. Среднестатистический возраст эмигранта на момент отъезда был достаточно высок и составлял 47,3 года, что лишь немного превышает средний возраст профессорско-преподавательского состава на 1917 г. (46,3 года). Таким образом, важно отметить, что в эмиграцию уезжали люди достаточно возрастные, как правило, уже состоявшиеся ученые, однако еще имевшие перспективу организации жизни и научной работы за границей. По примерным подсчетам работу по профессии в эмиграции продолжили 83,3%, из них 78,8% смогли продолжить преподавательскую карьеру в высших учебных заведениях³⁹⁷. Это отличается от традиционного представления о жизни русских эмигрантов, согласно которому большинство уехавших скорее боролось за существование, и им далеко не всегда удавалось сохранить свой социальный статус, не говоря уже о продолжении карьерного роста³⁹⁸. Примечательно, что, как бы непросто не складывались карьера и бытовые условия существования за границей нам не известно случаев добровольного возвращения в Советскую Россию. Разумеется, это отчасти может быть связано и с тем обстоятельством, что ученые боялись возвращаться, опасаясь репрессий за сам факт пребывания за границей³⁹⁹. Пик отъезда преподавателей за границу (см. диаграмму 9) пришелся на завершающий период Гражданской войны, когда победа нового политического режима стала очевидной – 1920 (13 человек) и 1922 гг. (12 человек).

³⁹⁷ С учетом того, что из всего количества эмигрировавших преподавателей 4,5% умерло сразу после эмиграции, судьба 6% плохо известна.

³⁹⁸ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М. 1986. С.80-94.

³⁹⁹ См. обращение ректора В.М. Шимкевича властям по этому поводу: Ректор Петроградского университета – В Правление Объединённого совета научных учреждений и высших учебных заведений, 29 апреля 1920 г., №1297 // ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.14. Д. 119. Л.266-266 об.

Диаграмма 9. Количество эмигрантов-преподавателей дореволюционного университета⁴⁰⁰

Наибольшее количество преподавателей находившихся за границей пришлось на 1923 и 1930-1931 гг. (54 человека). Уже в начале 1930-х гг. начинается падение количества универсантов за границей, как за счет кончины многих из них, так и за счет присоединения к СССР прибалтийских государств. Это падение в 1945 г. сменяется кратковременным ростом за счет покинувших страну вместе с отступающими немецкими войсками А.А. Жилиным и С.А. Алексеевым. Эмиграция этих двух экс-преподавателей является наиболее поздней среди всех, работавших в университете в 1917 г. Хронологически период университетской эмиграции длился более 80 лет. Последний из числа дореволюционных преподавателей за границей был М.Н. Рамминг, умерший в Берлине в 1988 г. в возрасте 98 лет (рекорд продолжительности жизни среди всех преподавателей императорского университета).

⁴⁰⁰ Сост по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012-2014. Ред. коллегия: проф. Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко /отв. ред./, доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев /отв. ред./, доц. И.Л. Тихонов. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (01.09.2015).

Обратимся к рассмотрению направлений миграции преподавателей (см. табл. 35). Как правило, наиболее популярными странами, где эмигранты находили свое первое пристанище была Германия (15,4%), а также соседние с Россией государства: Финляндия – (10,8%), Турция – (7,7%), Польша – (9,2%). Однако, как показывают исследованные нами данные, эти страны служили для универсантов подобием перевалочного пункта, в котором они не задерживались долго. Анализ суммарного пребывания универсантов в различных странах показал, что наиболее популярными странами были Германия и Франция – в них проживали по 19 человек от общего числа покинувших страну. Однако, стоит подчеркнуть, что в Германии на долгое время задерживалось достаточно небольшое количество преподавателей. На втором месте по популярности были США (13). Остальные страны были представлены следующим образом: Чехословакия – 12, Польша, Финляндия – по 9, Латвия – 7, Турция – 5, Литва, Эстония – по 4, Великобритания, Болгария – по 3, Китай – 2, Аргентина, Бельгия, Голландия, Греция, Иран, Румыния, Чили, Швеция, Югославия, Япония – по 1.

Таблица 34. Места проживания преподавателей-эмигрантов⁴⁰¹

	Германия	Франция	США	Чехословакия	Польша	Финляндия	Латвия	Другие	Всего
1917						2		6	8
1918	1	1	1		3	2		10	18
1919	2	2	1		4	6		9	24
1920	2	8	2	2	4	2	3	13	36
1921	3	9	2	2	5	3	3	14	41
1922	9	9	2	6	7	3	4	12	52
1923	8 ⁴⁰²	10	2	8	7	2	4	13	54
1924	4	10	3	8	7	2	4	14	52
1925	6	11	3	8	7	2	3	13	53
1926	5	13	3	8	7	2	3	11	52
1927	4	14	4	6	7	2	3	14	54
1928	5	15	4	5	7	2	3	12	53
1929	5	14	5	5	7	2	3	12	53
1930	5	13	7	5	6	2	3	13	54

⁴⁰¹ Сост по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012-2014. Ред. коллегия: проф. Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко /отв. ред./, доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев /отв. ред./, доц. И.Л. Тихонов. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (01.09.2015).

⁴⁰² Темно-серым выделены наиболее популярные страны на данный год, светло-серым – вторые по популярности

1931	6	13	7	5	6	2	3	12	54
1932	5	12	8	5	5	2	3	13	53
1933	5	12	8	4	5	2	3	13	52
1934	5	9	8	4	4	2	3	15	50
1935	5	9	8	4	5	1	4	12	48
1936	5	8	9	4	5	1	4	11	47
1937	4	8	9	4	5	1	4	10	45
1938	4	7	9	4	5	1	4	9	43
1939	3	7	9	2	5	1	4	8	39
1940	3	5	11	2	4	1	3	6	35
1941	3	5	12	2	3	1		5	31
1942	3	5	12	2	3	1		2	28
1943	3	5	12	2	3	1		1	27
1944	4	5	12	2	2	1		1	27
1945	5	4	12	1	2	1		4	29
1946	3	6	11	1	2	1		4	28
1947	3	6	12	1	1	1		5	29
1948	3	6	11	1	1	1		4	27
1949	3	4	11	1	1	1		4	25
1950	3	3	11	1	1	1		3	23
1951	3	3	11	1		1		3	22
1952	3	3	10	1		1		3	21
1953	2	3	8			1		1	15
1954	2	3	5			1		1	12
1955	2	3	5			1		1	12

Отталкиваясь от графика миграции преподавателей можно проследить ход перемещения эмигрантов по различным странам. Так вплоть до начала 1930-х гг. наиболее популярным местом проживания была Франция, за ней следовали Чехословакия и Польша. Однако уже к 1936 г. лидерство по числу бывших преподавателей университетов перехватывает США и удерживает его вплоть до начала 1970-х гг.

Среди немногочисленных представителей физико-математического факультета наибольшей популярностью пользовались США и Германия – по 2 человека, однако в США жили дольше. «Юристы» селились преимущественно во Франции – 12 человек, а также в Германии, Чехословакии и Эстонии – по 5 человек. Среди преподавателей историко-филологического факультета наиболее популярны были Германия – 11, США – 8, Чехословакия, Польша – по 7 человек. Интересная ситуация сложилась среди эмигрантов-«восточников», все 7 проживали в разных несовпадающих странах. Данные о выявленных преподавателях-эмигрантах обобщены в табл.36.

Таблица 35. Список преподавателей-эмигрантов⁴⁰³

ФИО	Годы жизни	Факультет ⁴⁰⁴	Годы работы в университете	Годы эмиграции	Страны пребывания
1. Адонц Николай Георгиевич	1871-1942	В	1909-1916	1930?-1942	Бельгия
2. Алексеев Сергей Алексеевич	1871-1945	И-Ф	1914-1917	1945	Германия
3. Беккер Бруно-Оскар Борисович	1885-1968	И-Ф	1916-1924	1922-1968	Германия, Нидерланды
4. Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович	1845-1929	И-Ф	1870-1872, 1900-1918	1918-1929	Польша
5. Васильев Александр Александрович	1867-1953	И-Ф	1901-1925	1925-1953	США
6. Вернадский Георгий Владимирович	1888-1973	И-Ф	1913-1917	1920-1973	Османская империя, Греция, Чехословакия, США
7. Вольтер Эдуард Александр-	1856-1941	И-Ф	1885-	1919-	Литва

⁴⁰³ Сост. по: Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012-2014. Ред. коллегия: проф.Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко /отв. ред./, доц. Т.Н.Жуковская, доц. Е.А.Ростовцев /отв. ред./, доц. И.Л. Тихонов. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (01.09.2015).

⁴⁰⁴В -восточных языков; И-Ф - историко-филологический; Ю – юридический; Ф-М -физико-математический.

рович			1918	1940	
8. Габрилович (Галич) Леонид Евгеньевич	1879-1953	И-Ф	1909-1918	1918?-1953	Германия, Франция, США
9. Георгиевский Павел Иванович	1857-1938	Ю	1882 – 1920	1920?-1938	Чехословакия
10. Гессен Сергей Иосифович	1887-1950	И-Ф	1913 - 1917	1922-1950	Германия, Чехословакия, Польша
11. Гинс Георгий Константинович	1887-1971	Ю	1916-1918	1920-1971	Китай, США
12. Горовцов (Горовцев) Александр Михайлович	1878-1933	Ю	1912-1917	1921-1933	Румыния, Франция
13. Грибовский Вячеслав Михайлович	1867-1924	Ю	1896-1917	1920-1924	Латвия
14. Гримм Давид Давидович	1864-1941	Ю	1894-1919	1919-1940	Франция, Чехословакия, Эстония, Латвия
15. Гримм Эрвин Давидович	1870-1940	И-Ф	1893-1896, 1899-1918	1920-1923	Болгария
16. Гронский Павел Павлович	1883-1927	Ю	1912-	1920?-1927	Фран-

			1919	1927	ция
17. Диль Эрих Васильевич	1890-1952	И-Ф	1916- 1917	1920- 1952	Латвия, Польша, США
18. Догель Михаил Иванович	1865-1936	Ю	1911- 1917	1918- 1936	Осман- ская импе- рия, Фран- ция
19. Елисеев Сергей Григорьевич	1889-1975	В	1916- 1920	1920- 1975	Фран- ция, США
20. Жилин Александр Алексеевич	1880- после 1949	Ю	1913- 1919	1945- 1949?	Болга- рия, Арген- тина
21. Зелер (фон) Карл Вильгельм Фридрихович	1861-1925	Ю	1913- 1917	1918?- 1925	Эсто- ния
22. Зелинский Фаддей Францевич	1859-1944	И-Ф	1883- 1919	1922- 1944	Польша, Германия
23. Ипатьев Владимир Николаевич	1867-1952	Ф-М	1902- 1917	1930- 1952	США
24. Кадлубовский Арсений Петрович	1867-1921	И-Ф	1915- 1916 1918- 1919	1920- 1921	Осман- ская импе- рия
25. Каминка Август Исаакович	1865-1941	Ю	1894- 1919	1919- 1940	Фин- ляндия, Германия, Латвия

26. Карсавин Лев Платонович	1882-1952	Ю	1912-1922	1922-1940	Франция, Германия, Литва
27. Котвич Владислав Людвигович	1872-1944	В	1900-1923	1922-1940	Польша
28. Курчинский Михаил Анатольевич	1876-1939	Ю	1904-1921	1921-1939	Эстония
29. Лапшин Иван Иванович	1870-1952	И-Ф	1897-1920	1922-1952	Чехословакия
30. Лосский Николай Онуприевич	1870-1965	И-Ф	1900-1920	1921-1965	Германия, Чехословакия, Франция
31. Макаров Александр Николаевич	1888-1973	Ю	1914-1923	1925-1973	Германия
32. Мандельштам Андрей Николаевич	1869-1949	Ю	1916-1917	1917-1949	Османская империя, Франция, США
33. Мигулин Петр Петрович	1870-1948	Ю	1897, 1911-1917	1920-1948	Франция
34. Нольде Борис Эммануилович	1876-1948	Ю	1901-1903	1919-1948	Финляндия, Франция

					ция
35. Нольде Александр Эмильевич	1873-1919	Ю	1900-1918	1919 ⁴⁰⁵	Финляндия
36. Ону Александр Михайлович	1865-1935	И-Ф	1916-1917	1917-1935	Великобритания
37. Петражицкий Лев Иосифович	1867-1931	Ю	1897-1905, 1906-1918	1921-1931	Польша
38. Пиленко Александр Александрович	1873-1956	Ю	1900-1917	1919-1956	Османская империя, Франция
39. Попов Борис Анфимович (Анфирович)	1871-1950	Ф-М	1912 - 1920	1920-1940	Латвия, Швеция
40. Пташицкий Станислав Львович	1853-1933	И-Ф	1896-1918	1918-1933	Польша
41. Рамминг Мартын (Мартин) Николаевич	1889-1988	В	1915-1917	1917-1988	Япония, Германия
42. Ростовцев Михаил Иванович	1870-1952	И-Ф	1899-1918	1920-1952	Великобритания, Франция, США
43. Руднев Андрей Дмитриевич	1878-1958	В	1903-1917	1917-1958	Финляндия
44. Сеземан Василий Эмильевич	1884-1963	И-Ф	1914-1917	1922-1940	Финляндия,

⁴⁰⁵ Смертельно ранен при пересечении советско-финской границы. Умер в Финляндии.

					Германия, Литва
45. Селиванов Дмитрий Федорович.	1855-1932	Ф-М	1885-1922	1922-1932	Германия, Чехословакия
46. Сильверсван Борис Павлович	1883-1934	И-Ф	1911-1921?	1922?-1934	Финляндия
47. Соколов Константин Николаевич	1883-1927	Ю	1910-1919	1920-1927	Болгария
48. Сорокин Питирим Александрович	1889-1968	Ю	1917-1921	1922-1968	Германия, Чехословакия, США
49. Сперанский Валентин Николаевич	1877-1957	Ю	1904-1912, 1917-1920	1922-1957	Эстония, Франция
50. Сребрный Стефан Самуилович	1890-1962	И-Ф	1916-1917	1918-1962	Польша
51. Стааль фон Гольштейн Александр Августович	1876-1937	В	1909-1917	1917-1937	Китай
52. Таль Луи Семенович	1866-1933	Ю	1906-1917	1926-1933	Франция
53. Тарановский Федор Васильевич	1875-1936	Ю	1917-1920	1920-1936	Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославия)

54. Тиандер Карл Федорович	1873-1938	И-Ф	1902-1917	1917-1938	Финляндия, Латвия, Германия
55. Тимашев Николай Сергеевич	1886-1970	Ю	1915-1917	1921-1970	Финляндия, Чехословакия, Франция, США
56. Трошин Григорий Яковлевич	1874-1939	И-Ф	1916-1917	1922-1939	Чехословакия
57. Тютрюмов Игорь Матвеевич	1855-1943	Ю	1903-1919	1919-1940	Эстония
58. Успенский Яков Викторович	1883-1947	Ф-М	1912-1923	1924?-1947	США
59. Федотов Георгий Петрович	1886-1951	И-Ф	1916-1925	1925-1951	Франция, США
60. Форсман Юлий Юльевич	1879-1952	И-Ф	1908-1918	1922?-1952	Латвия, Германия
61. Франк Семен Людвигович	1877-1950	И-Ф	1912-1917	1922-1950	Германия, Франция, Великобритания
62. Хацаб Антоний Феодулович	1874-1920	В	1904-1917	1917?-1920	Персия

63. Хилинский Константин Владимирович	1881-1939	И-Ф	1910-1917	1919-1939	Польша
64. Шацкий Борис Евгеньевич	1889-1941	Ю	1916-1917	1920-1941	Чехо-словакия, Франция, Чили
65. Ястребов Николай Владимирович	1869-1923	И-Ф	1902-1919	1920-1923	Чехо-словакия
66. Яценко Александр Семёнович (Семёнович)	1877-1934	Ю	1911-1917	1919-1934	Германия, Литва

Эмигранты - выпускники и преподаватели С-Петербургского университета в определенной мере сохраняли еще многие десятилетия коллективную идентичность связанную с корпорацией. Одним из ее символов было регулярное празднование в изгнании наиболее важной университетской коммеморации – годовщины основания *Alma mater*. Например, почти через 40 лет после начала исхода – 26 февраля 1956 г. в Морском собрании в Париже праздновалась 137 университетская годовщина, на которую собралось около 40 человек его бывших преподавателей и выпускников. Показательно, что эмигрантская жизнь и память об университете к тому времени объединила представителей разных политических лагерей – в торжественной обстановке было зачитано приветствие от бывшего университетского профессора-юриста и «ренегата» М.А. Таубе (товарища «ненавидимого» корпорацией министра Л.А. Кассо) и в том же собрании прозвучала речь его коллеги по юридическому факультету либерала В.Н. Сперанского⁴⁰⁶.

⁴⁰⁶ *Покровский Б.* Ко дня основания Императорского С.-Петербургского университета // Русское Воскресение. 1956. 23 февраля. № 36. С.4; *Старый студент.* Годовщина С. Петербургского университета // Русская мысль. 1956. 6 марта. №869. С.7.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые выводы относительно масштаба и характера университетского *исхода* послереволюционной эпохи. Из нашего обзора видно, что основная масса уехавших – ученые-гуманитарии, находившиеся в расцвете творческих сил и сумевшие продолжить профессиональную карьеру на Западе. Можно предположить, что вынужденная эмиграция в определенной мере даже способствовала тому, что многие представители гуманитарных наук получили мировую известность (М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский, П.А. Сорокин, А.Н. Макаров, Г.В. Вернадский и другие), создали целые научные школы. В связи с этим, вероятно, верно и обратное предположение о том, что университетская гуманитарная наука советского периода в какой-то мере была обречена на периферийность не только из-за идеологической изоляции, но и потери своих выдающихся представителей. В то же время очевидно и другое обстоятельство: – основные причины исхода лежали в политической и идеологической, а не в академической или материальной сфере. Наиболее титулованный в академическом смысле физико-математический факультет практически не был затронут эмиграционным движением, что имело двойные последствия для корпорации и науки. С одной стороны, фактическое отсутствие «утечки мозгов» создало хорошие перспективы для сохранения и развития научных школ в советское время в области естественных и точных наук, с другой стороны, остается неясным, способствовал ли выбор «остаться» успеху собственно научного творчества за «железным занавесом».

Приведенные данные наглядно показывают главные направления исхода. Основная эмиграция ученых из бывшего столичного университета России приходилась на страны Западной Европы, однако с середины 1930-х годов доминирующим центром эмиграции стали США. Парадоксальность эффекта рассеяния петроградских ученых, на наш взгляд, заключается еще и в том, что именно огромная по масштабам волна российской научной эмиграции, следовавшая за революциями 1917 г., способствовала не только влиянию российской научной мысли на западную гуманитаристику, но и закреплению в науч-

ном дискурсе представлений о российских местах исхода, в том числе о Петербургском университете, как мировых научных центрах.

Заключение. Территория «академической свободы»: результаты эксперимента

Попробуем кратко подвести итоги наших штудий. Мы видели, что С.-Петербургский (Петроградский) университет был важным центром не только научной, но и социально-политической жизни России. Столичный университет позднеимперской эпохи в какой-то мере напоминал «государство в государстве», а петербургская специфика создавала дополнительную символическую нагрузку, в определенной мере усиливая это впечатление, — университет находился в академическом центре (своеобразном василеостровском «заповеднике» российской интеллектуальной элиты), в здании, являвшемся в общественном сознании центром российской государственности, и даже дом ректора выходил на Неву почти напротив дворца императора. В какой-то мере университет являлся социальным экспериментом, связанным с внедрением европейских практик в российскую действительность. В самом деле, в рамках авторитарного общественного уклада поздней империи университет представлял собой «территорию свободы» не только в академическом, но отчасти и в гражданском смысле. Во многом такое положение связано с историей развития университетской системы в России и судьбами «университетской идеи». Модель классического университета реализовывалась на российской почве весьма своеобразно — «академическая свобода» в условиях российской политической системы требовала дополнительной защиты, которой и являлась т. н. «университетская автономия».

С этой точки зрения, Университетский устав 1863 г., бывший своеобразным компромиссом между идеалом «автономного» университета и «полицейскими» интересами, и предопределил ту противоречивую роль, которую российские университеты играли в годы «великих реформ». С одной стороны, университеты действительно превращаются в «храмы науки», а их преподаватели в особое привилегированное «ученое сословие», Петербургский университет становится основным центром подготовки интеллектуальной и политической элиты. С другой стороны, попытки полицейского контроля над студентами («отдельными посетителями») в «храмах науки» не только не находят

поддержки у «ученого сословия», но и являются контрпродуктивными, способствуя формированию оппозиционных настроений у молодого поколения «образованного класса». Да и сам полицейский контроль в университетах в условиях автономии не мог быть эффективным, что подталкивает правительство искать выход сначала в ограничении контроля (эпоха М.Т. Лорис-Меликова), а затем — в ограничении «автономии» (Устав 1884 г.). Последнее решение, однако, также нельзя назвать удачным — оно побуждает российское «ученое сословие», уже привыкшее к своему привилегированному положению, начать борьбу за «автономию» университетов — борьбу, которая станет важной частью программы русского «освободительного движения» рубежа XIX–XX вв.

Неслучайно каждый новый удар со стороны власти скорее делал университетское сообщество все более сплоченным. Действительно, как показывают наши наблюдения, с каждым новым кризисом (1884, 1887, 1890, 1897, 1899, 1902, 1905, 1908, 1910–1911 гг.) университетская корпорация становилась все более солидарной. Национальные, религиозные, академические и даже политические различия отступали на второй план, когда речь шла о защите интересов «академической свободы». Особенно ярко это обстоятельство проявилось в эпоху «кризиса Кассо», когда университетская профессура вне зависимости от политических пристрастий сплотилась вокруг выборной администрации университета. Корпоративная солидарность позволила столичному университету не только выйти из кризиса с малыми потерями, но и возглавить общероссийское университетское движение за «академическую свободу». Важно, что даже в эпоху перечисленных кризисов сами идеи «академической свободы» и университетского самоуправления власть не подвергала сомнению, пытаясь ограничить именно *политическую* автономию университетов. Другое дело, что на практике отграничить «самоуправление» от «автономии» оказалось невозможным.

Каковы же были основные академические, социальные и политические результаты «университетского эксперимента» в столице Российской империи?

Первым следствием существования «свободного университета» в условиях российского социально-политического пространства рубежа XIX–XX вв. была фактически неизбежная вовлеченность университетского мира в политические и революционные процессы, а также создание особого социального «игрового» поля в его рамках. Действительно, в университете пореформенного периода стал обыденным «маскарад», когда за декларируемыми формами скрывались подчас совсем иные сущности: за экономическими землячествами — политические структуры, за научными кружками и корпорациями — национальные и националистические организации, за чаепитием — политический диспут, за лекцией — «театральное представление», рассчитанное на публику, за научным диспутом — общественный акт, за заседанием с научной целью — собрание революционной партии, за драматическим кружком — касса взаимопомощи и т. п. Игровой характер, от этого, впрочем, не менее опасный для власти, носили и многочисленные студенческие сходки и революционные коммеморации, проходящие в университете. Революцию 1905–1907 гг. невозможно представить без столичного университета, защищенного автономией и бывшего одним из основных центров митинговой стихии.

Мы видели, что столичный университет рубежа XIX–XX вв., с одной стороны, создавал цепь общественных структур, без которых было немыслимо существование городского культурного сообщества, с другой стороны, университетские преподаватели составляли значимую часть ряда внеуниверситетских общественных организаций Петербурга. Важно, что и преподавательская, и студенческая части университета способствовали созданию множества общественных образований, которые вполне допустимо рассматривать в контексте идеи о зарождении гражданского общества в России. Идея общественного служения, характерная для российской интеллигенции, подвигала деятелей университетской корпорации к участию в самых разных социальных и образовательных проектах, да и сам университет в эти годы, приоткрыв свои двери для публики, являлся крупным просветительским центром города. В этом видится суть той социальной роли, которую университет играл в городском обществе.

В то же время очевидно, что университетский мир начала XX века представлял собой весьма сложную социальную структуру, различные элементы которой в разной степени испытали воздействие бурных общественно-политических, социальных и культурных процессов, в которые была погружена в это время столица Российской Империи. Политические и социальные трансформации, происходившие в стране, наибольшее воздействие оказывали на студенчество, в мировоззрении и гражданской позиции которого, как в зеркале, отражались идеологические и социальные битвы начала XX века, разворачивавшиеся в России. В среде студенчества происходили развитие политического радикализма, социальная демократизация, материальный достаток большинства студенчества снижался. Преподавательский мир в не меньшей степени, чем студенческий, был захвачен политическими баталиями, однако влияние разворачивающихся событий на жизненный уклад преподавательской корпорации было не столь значительно. Отчасти это положение объясняется стабильностью ее административного устройства, базирующегося на Университетском уставе 1884 г. В то же время неизменность Устава 1884 г. в условиях резкого роста числа студентов, предопределила нарастание кризисных явлений и внутри преподавательской корпорации, связанных с противоречиями между «младшими» и «старшими» преподавателями. Однако, как было показано, специфической чертой Петербургского университета, выделявшей его среди других российских университетских сообществ, было представление о преподавательском сообществе как едином целом, включавшем в себя как профессоров, так и приват-доцентов, и это придавало ему особую сплоченность.

Мы видели, что в течение долгого времени основное содержание отношений с Правительством и Министерством для университета заключалось в отстаивании идеи своей автономии, которая понималась как фактическая независимость от власти. В этих условиях, естественно, практически не было места для формирования позитивной программы сотрудничества власти и преподавательской корпорации, а в центре внимания научного сообщества в революционную эпоху часто оказывались отнюдь не академические, а поли-

тические проблемы. Однако, как кажется, такое внимание к политическим вопросам для большинства профессоров (не имевших собственных политических амбиций) все же имело в своей основе не столько желание непосредственного участия во власти, сколько стремление посредством политических инструментов обеспечить свои академические и корпоративные интересы. При этом эти интересы во многом опирались на идеальные представления об университете как «храме науки», независимом от утилитарных интересов государства и общества. Именно поэтому важнейшей задачей корпорации было достижение полноценной и юридически оформленной университетской автономии, которая виделась ей как важный инструмент для реализации своих идеальных представлений.

Разумеется, не вызывает сомнений то, что кадетская профессура являлась интеллектуальной базой и одним из важных инструментов влияния кадетской партии как на власть, так и на студенческие массы. Однако при этом университетская «левая», контролировавшая политику университета, никогда не связывала себя напрямую с деятельностью кадетской партии, а руководство партии предпочитало не связывать профессоров определенными директивами. Таким образом, связь университетской корпорации как с кадетами, так и с освободительным движением в целом, ни в коей мере не ограничивала ее действий, направленных на защиту собственных корпоративных интересов и представлений об «идеальном» университете.

Все это давало возможность корпорации в разные моменты опираться на различные политические силы и институты, фактически сохраняя свою независимость от них. Студенческое движение на протяжении всего рассматриваемого периода в нужный момент использовалось корпорацией для борьбы с правительством за «автономию», для той же цели в 1905 г. использовался и союз с «младшими преподавателями». Министерство народного просвещения (в эпоху И.И. Толстого, а затем и П.Н. Игнатьева) использовалось для утверждения «автономии» и одновременно для ослабления «захватившего» в какой-то момент «слишком много власти» студенческого самоуправления. Студенческое представительство (до 1908 г.), а затем и студенческая кадетская орга-

низация (эпоха А.Н. Шварца и Л.А. Кассо) использовались для контроля над студенческим движением, а сама партия «народной свободы» и контролируемая ею печать — для борьбы с министерством и пропаганды корпоративных интересов. С началом «второй отечественной войны» университетская трибуна использовалась для пропаганды «либерального патриотизма», а сама доктрина «либерального патриотизма» становилась инструментом борьбы за ценности, близкие профессорской корпорации.

Как видно, в этом ряду социальных акторов, выступавших в роли партнеров Петербургского университета, объективно не находилось места тем общественным институтам, которые в рамках существовавшей экономической и политической ситуации не могли ничего сделать для университетской корпорации и ее автономии. К числу таких институтов можно отнести и петербургское общественное управление, от решений которого университет практически не зависел. Отношения университета с городским сообществом, таким образом, показывают, что в определенной степени идея автономии университетов от государства в российских условиях, в ситуации отсутствия прочных гражданских институтов, превращалась в идею автономии университетов от общества, игнорирования социального заказа. В то же время бюрократизация, тотальная регламентация со стороны государства сковывали и университет, и местное самоуправление, лишая их реальной инициативы, создавали почву не для совместной работы, а для совместной фронды по отношению к центральной власти.

Таким образом, складывается очевидное, на первый взгляд, противоречие между ролью университета как крупнейшего в столице начала XX в. культурного, просветительского и общественного центра и его ролью как общественной корпорации, замкнутой в собственных интересах — своеобразной «башни из слоновой кости». Надо, впрочем, помнить, что противоречие это внешнее — именно ситуация фактической свободы и академической автономии способствовала культурной притягательности университета для петербургской интеллигенции. Другое дело, что эта ситуация имела и оборотную сторону — с изменением политического режима после революции 1917 г. и

крахом «башни из слоновой кости» неизбежному разгрому должен был подвергнуться (и подвергся) Петроградский университет. В 1920-е гг. произошла ликвидация не только «университетской автономии», но и почти всех общественных структур, созданных при университете в последней трети XIX – начале XX в.

Собственно академические результаты эксперимента, на первый взгляд, выглядят впечатляюще. Университетская автономия позволила русской науке выйти на мировой уровень, а созданная корпоративная организация послужила основой для создания мощных научных школ в различных областях знания. Воспитание ученого в условиях «академической свободы» проходило как в рамках формальных (семинарии, лаборатории), так и многочисленных неформальных корпоративных структур (кружки, общества, профессорские салоны), тесного и иногда почти родственного взаимодействия учителя и ученика. Опыт коллективного портрета петербургского преподавательского мира показывает не только эффективно работающие механизмы постоянно растущей конкуренции за профессорскую позицию, но и успешное сосуществование различных корпоративных укладов в разных областях знания. Наименее «научный», но ориентированный на общество и наиболее демократичный по словесному составу преподавателей и студентов юридический факультет был наиболее политизированным и обеспечивал защиту «автономии» от посягательств власти. Самый кастовый и формально «наименее конкурентный» факультет восточных языков был наиболее стабильным по составу и, будучи ориентирован на государственный заказ, придавал не только уникальность, но и дополнительный вес университету в социально-политическом пространстве. Несомненным центром «национальных исследований» был историко-филологический факультет, лидирующий по своей публикационной активности. Наконец, самый конкурентный и лидирующий по академическим регалиям физико-математический факультет был представлен признанными учеными мирового уровня.

Между тем, нельзя не обратить внимания на специфику *патерналистской модели* университетской организации, которая в условиях эволюции уни-

верситетской системы от классической модели к массовому университету не всегда была способна справиться с новыми задачами. Действительно, в рамках патерналистского дискурса, профессора и преподаватели университета, с одной стороны, ощущали себя пастырями студенчества, родителями в «университетской семье», но собственно образовательный эффект университета был связан скорее с подготовкой «избранного меньшинства», которое стремилось к науке. С другой стороны, в рамках этой модели профессор оказывался заложником своих «родительских обязанностей» и по отношению к фрондирующему «большинству», которое, согласно корпоративным канонам, обязан был защищать перед лицом внешней угрозы. Другое дело, что и оппозиционное большинство могло быть полезно и использовано для защиты университета. В этом смысле студенчество оказывалась тем ресурсом, который в своих интересах эксплуатировали и различные политические силы, и сами «мандарины». Интересно, что, укрепляя патерналистскую модель в рамках как риторики официальных циркуляров, так и нормативных актов, МНП, по сути, само укрепляло пастырские позиции университетских «мандаринов», все более воспринимавших себя в качестве духовных и политических воспитателей не только новых поколений российской интеллигенции, но и российского общества в целом.

Советская историографическая традиция, уделявшая основное внимание изучению студенческого движения, недооценивала фактор «мандаринов», хотя повестка дня штудий историков советского периода была задана во многом именно тем пониманием внутренней истории университетов, которое содержится в их публицистических текстах по университетскому вопросу рубежа XIX–XX вв. Более того, основы мифа о «золотом веке» петербургского университета и русской науки были сформированы в рамках коммеморативных практик *дореволюционного* периода. Примечательно, что свое новое и активное продолжение они получили в годы борьбы с космополитизмом, когда прямые наследники деятелей «золотого века» находились в ситуации террора со стороны советского режима. Интересно, что образ «золотого века» был первоначально связан, главным образом, со специалистами в области точных

и естественных наук, наиболее видные представители которых начали свой научный путь еще в 1860–1880-е гг. Как не парадоксально, мировую славу следующему поколению универсантов в большей степени обеспечили представители в академическом смысле менее титулованных историко-филологического и юридического факультетов. Объяснение этой ситуации очевидно — это слава преподавателей-эмигрантов, покинувшей страну по политическим мотивам и создавших собственные научные школы на Западе (П.А. Сорокин, Г.В. Вернадский, А.Н. Макаров, М.И. Ростовцев и др.). Другое дело, что сохранение в университете основных лабораторий и научных школ в области естественных и точных наук, наряду с государственной политикой советского времени, предопределило успехи университетской науки последующих десятилетий преимущественно в этих сферах знания. С этими же факторами можно связать и перестройку самого университетского сообщества, включавшую в себя даже временное изгнание гуманитариев (составлявших абсолютное большинство в дореволюционном университете и основу когорты «мандаринов») из советского университета на рубеже 1920–1930-х гг. Помимо влияния на социально-политическую судьбу России и научного наследия, уникальный эксперимент оставил поколения выпускников и традиции, без которых невозможно представить ни историю российской интеллигенции, ни историю российской науки XX века.

Источники и литература

Источники

Неопубликованные источники

Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб ИИ РАН)

Ф.193. А.Е. Пресняков

Архив музея истории СПбГУ

Ф. ИУ. История университета

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф.102 Департамент полиции Министерства внутренних дел

Ф.111. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде (Охранное Отделение) при Петроградском градоначальнике

Ф.579. Милюков Павел Николаевич, историк, лидер конституционно-демократической партии, депутат III и IV Государственных дум, министр иностранных дел Временного правительства

Ф.581. Ольденбург Сергей Федорович, академик, непреременный секретарь Российской академии наук, востоковед, член центрального комитета Конституционно-демократической партии

Ф.596. Таубе Михаил Александрович, барон, генеалог, юрист, вице-директор второго департамента Министерства иностранных дел, товарищ министра народного просвещения

Ф.2315. Министерство просвещения временного правительства

Объединенный Архив СПбГУ (ОА СПбГУ)

Ф.1.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 186. Глазков И. А.

Ф.448 Люблинский П.И.

Ф.781. Толстой И.И.

Ф.585. Платонов С.Ф.

Ф.1000. Собрание отдельных поступлений

**Российский государственный архив литературы и искусства (РГА-
ЛИ)**

Ф.167 (В.Г.Дружинин)

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.733. Департамент народного просвещения

Ф.740. Департамент общих дел МНП

Ф.744. Высочайшие указы, рескрипты и всеподданнейшие доклады

Ф. 878. Татищев Сергей Спиридонович

Ф.1037. Рождественский Сергей Васильевич

Ф.1276. Совет министров

Ф.1285. Департамент государственного хозяйства МВД

Ф. 1284 Департамент общих дел МВД

Ф. 1405. Министерство юстиции

**Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
(СПФ АРАН)**

Ф.2. Канцелярия Академии наук

Ф. 113. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

Ф.134. Шахматов Алексей Александрович

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы)

Ф. 418. Московский императорский университет

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

Ф.7240 Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А.А. Жданова Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 14. Императорский Петроградский университет

Ф.139 Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа

Ф.254. Петроградское губернское правление

Ф. 492 Петроградский технологический институт Имп. Николая I

Ф. 792 Петроградская городская дума

Ф. 974. Военно-Химический комитет при Императорском Петроградском университете

Опубликованные источники

Нормативные акты, делопроизводственная документация

1. 25 лет деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 г. СПб.: б.и., 1899.- 103 с.

2. Агитпроп ЦК о положении в советской математической науке в связи с обвинениями в преклонении «многих математиков» перед «иностраниной». 27.10.1948 // Сталин и космополитизм. Фонд А.Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69474> (дата обращения: 6.04.2014).

3. Академическое дело 1929-1931 гг. СПб.: БАН, 1993. Вып. 1.-295 с.; Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; СПб.,1998. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч.1-2.- 745 с.
4. Благотворительность в России. СПб.: Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1907. Т. II: Список благотворительных учреждений. Ч. II:. Санкт-Петербургская губерния. С. 1–161; Дополнительный список благотворительных учреждений. С. 35–38.
5. *Воротинцев Н.И.* Подробная справочная книга о Петроградском Политехническом институте императора Петра Великого: [На 1915 г.] / Сост. по послед. офиц. сведениям Н.И. Воротинцев. 3-е изд. Петроград: [скл. изд. у авт.]: [1914] (тип. С.-Петерб. градоначальства).
6. Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб: Центральный статистический комитет, 1888. Вып. 1. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские в 50 губерниях европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 г. Сост. А. Дубровский
7. Временная инструкция для университетской инспекции за студентами Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: б.и., 1879.- 7 с.
8. Временные правила о порядке привлечения в течение настоящей войны на военную службу потребного числа молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений [Приложение к Высочайше утверждённому 31 января 1916 г. Положению Совета министров] // Призыв студентов. Пг.: Тип. «Виктория», 1916. С. 4-8.
9. Всеподданнейший отчет Министра Народного Просвещения. 1884-1915. СПб. [Пг.], 1884-1916.
10. Всероссийский Союз городов. Справочная книжка Петроградского городского и областного комитетов. Пг.: б.и., 1916.- 131 с.
11. Высочайше утвержденное 8 июня 1903 г. Положение об общественном управлении г. Санкт-Петербурга. СПб.: СПб. Гор. Тип., 1903.- 44 с.
12. Высочайше утвержденный Общий устав Императорских Российских университетов // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1887. Т. IV. № 2404. С. 456-474.

13. Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов. Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб.: «Лики России», 2007.
14. Генеральный план Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1901.- 1 л. (литография).
15. Главный Педагогический институт // Месяцеслов [адрес-календарь] с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1819. С. 509-513.
16. Государственная дума. Третий Созыв. Стенографические отчеты. Сессия III-IV. СПб.: Гос. тип., 1910-1911.
17. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 812. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР.- М.: б.и., 1942. С. 1026-1030.
18. Декреты советской власти. М.: Политиздат, 1964. Т. I-III.
19. Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. 1914. №8–9–10. Стлб. 906–908.
20. Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1884–1914 гг. СПб.[Пг.], 1884–1916.
21. Закон о временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лица, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов // ЖМНП. 1916. №.9-10. Правительственные распоряжения. С. 25-32.
22. Записка КЕПС о задачах научного строительства, составленная по предложению В.И. Ленина, 30 июня 1918 г. // Ленин и Академия наук / Под ред. П.Н. Поспелова. М.: Наука, 1969. С. 49-57.

23. Известия С.-Петербургской [Петроградской] городской думы. 1905-1917.
24. Инструкция курсовым кураторам и правила курсовых собраний студентов Императорского С.-Петербургского университета. [СПб., 1902].
25. К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М.: тип. и цинк. торг. д. «Мысль» Н.П. Меснянкин и К°, 1914.- 16 с.
26. Краткий отчет о постройке здания коллегии императора Александра II для студентов С.-Петербургского университета. Сост. Н. Аничков. СПб.: б. и., 1882.- 48 с.
27. *Кузнецов С.В.* Сборник законоположений и распоряжений по Министерству народного просвещения: С окт. 1909 по окт. 1911 г.- Уфа: Печатня Блохина Н.К., 1911.- 560 с.
28. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2001.- 648 с.
29. *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию. Киев: Сотрудник, 1911.- 507 с.
30. Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 15 августа 1884 г. // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1887. Т. IV. 1884. С. 456-457.
31. [О сроках пребывания в университете] // ЖМНП. 1911. № 5–6. Правительственные распоряжения. С. 55.
32. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения // ПСЗ. Собр. III. СПб., 1908. Т. XXV. Отделение I. №. 26692. С. 658–659.
33. О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // ЖМНП. 1911. № 3–4. Правительственные распоряжения. С. 41–43.
34. О допущении к преподавательской деятельности устранившихся за политическую деятельность // ЖМНП. 1917. № 5. Распоряжения Временного правительства. С. 18–19.

35. О максимальном сроке пребывания студентов Императорских университетов на факультетах // ЖМНП. 1911. № 3–4. Правительственные распоряжения. С. 43–44.

36. О надзоре за учащимися высших учебных заведений // ЖМНП. 1911. № 3–4. Правительственные распоряжения. С. 38–40.

37. О некоторых преобразованиях по университетам // ЖМНП. 1861. Ч. СХ. С. 169–172.

38. О порядке замещения вакантных должностей профессоров высших учебных заведений // ЖМНП. 1917. № 9. Распоряжения Временного правительства. С. 23–27.

39. О порядке замещения профессорских кафедр // ЖМНП. 1917. № 6. Распоряжения Временного правительства. С. 49–50.

40. О приеме студентов в университеты // ЖМНП. 1917. № 7–8. Распоряжения Временного правительства. С. 69–73.

41. О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения, в качестве посторонних слушательниц, окончания слушания курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях // ЖМНП. 1908. № 11–12. Правительственные распоряжения. С. 42.

42. О реформе деятельности ученых учреждений и школы высших ступеней Российской Социалистической Федеративной советской республики. Объяснительная записка // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. Октябрь – Ноябрь. № 6–8. С. 17–23.

43. [О свидетельствах о благонадежности] // ЖМНП. 1911. № 5–6. Правительственные распоряжения. С. 56–57.

44. Об изменении некоторых узаконений, касающихся Российских университетов // ЖМНП. 1917. № 10. Распоряжения Временного правительства. С. 75–76.

45. Об отмене некоторых статей уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства народного просвещения // ЖМНП. 1917. № 10. Распоряжения Временного правительства. С. 70–71.

46. Об урегулировании порядка прохождения университетского курса и производства испытаний полукурсовых и окончательных в испытательных комиссиях // ЖМНП. 1911. № 5–6. Правительственные распоряжения. С. 57–58
47. Об условиях допущения евреев к экзаменам в качестве экстернов // ЖМНП. 1911. № 5–6. Правительственные распоряжения. С. 55–56.
48. Об установлении действительного контроля за посещением лекций и практических занятий, студентами, пользующимися стипендиями // ЖМНП. 1911. № 5–6. Правительственные распоряжения. С. 41.
49. Об учреждении в Российских университетах должностей доцентов // ЖМНП. 1917. № 10. Распоряжения Временного правительства. С. 73–75.
50. Обзор преподавания на юридическом факультете Императорского С. Петербургского университета на [1901-1902, 1902-1903, 1903-1904] учебный год. СПб., [1901-1904].
51. Обзор преподавания наук в Императорском С.-Петербургском [Петроградском] университете на [1904-1905, 1905-1906, 1906-1907, 1907-1908, 1908-1909, 1909-1910, 1910-1911, 1911-1912, 1912-1913, 1915-1916] учебный год. СПб. [Пг.], [1904- 1912, 1915].
52. Обзор преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете за 1883-1884 академический год. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1883.
53. Обзор преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на второе полугодие 1885-86 учебного года. СПб., 1885.
54. Обзор преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на первое полугодие 1886-1887 учебного года. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1886.
55. Обзор преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на осеннее полугодие [1887-1889] учебного года. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [1887-1889].

56. Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на весеннее полугодие [1888-1890] года. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [1888-1890].

57. Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на осеннее и весеннее полугодия [1890-1900] года. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [1890-1899].

58. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1900, 1903, 1914-1916, 1918] года и весеннем полугодии [1901, 1904, 1915-1917, 1918] года. СПб. [Пг.]: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [б.г., 1916, 1918].

59. Обзорение преподавания наук на физико-математическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1901, 1903, 1913-1916] года и в весеннем полугодии [1902, 1904, 1914-1917] года. СПб. [Пг.]: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [1901, 1903, 1913, б.г., 1915, 1916].

60. Обзорение преподавания наук на физико-математическом факультете Петроградского университета в осеннем полугодии 1917 года и весеннем полугодии 1918 года. Юрьев, 1917.

61. Обзорение преподавания наук на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1909, 1911-1915, 1918] года и в весеннем полугодии [1910, 1912-1916] года. СПб. [Пг.]: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [1909, 1911-1915, 1918].

62. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков в [1900-1901, 1902-1903, 1903-1904, 1905-1906] учебном году. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [б.г. 1902, 1905].

63. Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии [1915, 1917, 1918] года и в весеннем полугодии [1916, 1918, 1919] года. Пг.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, [1915, 1917, 1918].

64. Общий список студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц [сторонних слушателей] императорского Санкт-Петербургского [Петроградского] университета. 1906-1907 – 1914-1916. СПб. [Пг.]: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1907-1916.

65. Объявление о возобновлении занятий в высших учебных заведениях] // Правительственный Вестник. 5(18) октября 1908 г. № 217. С. 1.

66. Объяснительная записка к проекту Устава Императорских Российских университетов [Пг., 1916].

67. Одобренный Государственным советом и Государственною думою закон о временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лица, а также доцентов императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов: Из Собр. узак. 1916 г., отдел 1-й, ст. 1662.- Б.м, б.и. [1916].- 26 с.

68. Особые журналы Совета министров царской России. 1906. М.,1982.

69. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1917. В 12 т. М.,2000-2011.

70. От исполняющего обязанности ректора Императорского С.-Петербургского // Русь. 1905. № 158. 15-го июля. С. 6.

71. Отзывы гг. министров на проект правил об организации студенческих учреждений. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы. 1901.- 56 с.

72. Отмена некоторых распоряжений прежних министров народного просвещения // ЖМНП. 1917. № 7–8. Распоряжения Временного правительства. С. 73–75.

73. Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского Университета и деятельности его в 1916–1917 уч. году (по 1 июля 1917 года).- Пермь: Электо-типогр. Губернского земства, 1918.- 72 с.

74. Отчет попечителя Петропавловской больницы и городских родильных приютов. Объяснительная записка к отчету г. попечителя Петропавловской больницы Г.П. Сазонова. Пг., 1915.

75. Отчет секретаря за 1914–1915 гг. // Общество вспомоществования учащимся Императорского Женского педагогического Института и Константиновской женской гимназии. Отчет за время с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г. Пг.: б.и., 1915. С. 6–7.

76. Отчеты Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1874-1914 гг. СПб. [Пг.]: б.и., 1875-1916.

77. Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1882–1916 гг. СПб.[Пг.]: б.и., 1883–1916.

78. Отчеты Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1907-1914 г. СПб.: б.и., 1908-1915.

79. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916.- М.: РОССПЭН, 2002.- 518 с.

80. Перепись беженцев в Петрограде.- Пг.: Гос. тип, 1916.- 89 с.

81. По вопросу о разрешении студентам вступать в брак // Сборник распоряжений по министерству Народного Просвещения.- СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1907. Т. 16. Ч. 1. 1904. Стб. 23-24.

82. По вопросу об улучшении материального положения приват-доцентов Императорских университетов, циркуляр , 21 марта 1916г., № 3238 // Циркуляр по Петроградскому учебному округу за 1916 г. № 4. Апрель. С. 153-154.

83. Положение об испытаниях (на звание действительного студента) и на ученые степени (магистра, доктора) с Правилами о порядке испытаний на степень магистра в Санкт-Петербургском университете и Программой экзаменационных требований по политической экономии на степень магистра истории.- СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1904.- 22 с.

84. Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета.- СПб.: Тип. Безобразова, 1872.- 28с.

85. Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета.- СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1881.- 35 с.
86. Правила для студентов и сторонних слушателей Императорского С.-Петербургского университета.- СПб.: б.и., 1902.- 48 с.
87. Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета.- СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879.- 7 с.
88. Правила для студентов университета во время прохождения курса // ЖМНП. 1885. Июль. Ч. ССXL. С. 35-40.
89. Правила о зачете полугодий и о полукурсовых испытаниях и программы полукурсовых испытаний на факультете восточных языков.- СПб.: Тип.-лит. Б.М. Вольфа, 1899.- 20 с.
90. Правила о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях по Юридическому факультету императорского С.-Петербургского университета (На основании распоряжения Департамента Народного Просвещения от 18 июля 1911 года за №22796).- СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1911.- 2 с.
91. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917. В 2 тт. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1: 1905–1910.- 719 с.
92. [Призыв к прекращению забастовки в С.-Петербургском университете и о разрешении вольнослушательницам завершить обучение] // Правительственный Вестник. 25 сентября (8 октября). №210. С. 1.
93. Проект главных положений устава университета, выработанный Советом Императорского С.-Петербургского университета.- СПб.: Сенатская тип., 1905.- 58 с.
94. Протокол второго (экстренного) собрания членов учредителей // Историческое Обозрение. 1890. Т. 1. С. 18. отд. паг.
95. Протоколы заседаний историко-филологического отделения [отделения исторических наук и филологии] императорской Российской академии наук за 1891-1916 гг. СПб. [Пг.], 1892-1917.
96. Протоколы заседаний общего собрания императорской Российской академии наук за 1899-1910 гг. СПб. 1900-1911.

97. Протоколы заседаний отделения русского языка и словесности императорской Российской академии наук за 1908 -1917 гг. СПб. [Пг.], 1908-1918.

98. Протоколы заседаний физико-математического отделения императорской Российской академии наук за 1893-1914 гг. СПб. [Пг.], 1894-1915.

99. Путеводитель по С.-Петербургу. СПб.: С.-Петерб. гор. обществ. упр., 1903.- 324 с.

100. [Распоряжение Совета министров о временном запрещении собраний в стенах высших учебных заведений] // Правительственный Вестник. 1910. 10 (23) декабря. № 269. С. 4.

101. [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на [1885-1886, 1889-1890, 1890-1891, 1891-1892, 1892-1893, 1894-1895, 1895-1896] учебный год. СПб., [1885-1896].

102. [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на [1897-1900, 1904, 1906, 1909, 1910, 1915-1916] год. СПб., [1896-1916]

103. [Санкт-Петербургский императорский университет] // Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе к 1 января [1901, 1908, 1910, 1912-1914] года. СПб., [1901-1914].

104. [Санкт-Петербургский императорский университет] //Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском учебном округе на [, 1895/1896, 1907, 1915] год. СПб., [1896, 1907, 1915].

105. [Санкт-Петербургский университет] // Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на [1843-1857] год. СПб., [1843-1857].

106. [Санкт-Петербургский университет] // Месяцеслов [адрес-календарь] с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., [1820-1829].

107. [Санкт-Петербургский университет] // Месяцеслов и общий штат Российской империи на [1831-1842]. СПб., [1831-1842].

108. Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л.: Наука. Ленинг. отд., 1990.- 473 с.
109. Сборник законоположений и распоряжений по Министерству народного просвещения: С окт. 1909 по окт. 1911 г. Уфа: Управление Оренбургского учебного округа, 1911.- 671 с.
110. Свод мнений по вопросам, предложенным г. министром народного просвещения относительно желательных изменений в устройстве императорских российских университетов. СПб.: Сенатская тип., 1902.- 116 с.
111. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875-1904. Т. 1-17.
112. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866-1907. Т. 1-7, 14-16.
113. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. Том XI. Ч. 1. Издание 1893 г. СПб.: б.и., 1893. С. 1-218, 542-552, 578-579.
114. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1906 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1906 года. СПб.: б.и., 1906. Часть четвертая. Статьи к томам XI и XII. Отд. паг. С. 1-65.
115. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1908 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение года. СПб.: б.и., 1908. Отд. паг. С. 1-35.
116. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1910 года, Тома XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение года. Пг.: б.и., 1910. Отд. паг. С. 13-27.
117. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1912 года,

- Томы XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1912 года. СПб.: б.и., 1912. Часть Шестая. Статьи к части 1 тома XI. Отд. паг. С. 1-77.
118. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1913 года, Томы XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1913 года. Пг.: б.и., 1913. Отд. паг. С. 1-33.
119. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (изд. 1893 г.). Продолжение 1914 года, Томы XI, Части 1 // Свод законов Российской империи. Продолжение 1914 года. Пг.: б.и., 1914. Отд. паг. С. 1-12.
120. Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения в устройстве Российских университетов.- СПб.: Сенатская тип., 1902.- 206 с.
121. Состав Императорского Русского исторического общества за пятидесятилетний период его существования // Императорское Русское историческое общество. 1866–1916. Пг.: Экспед. Загот. Госуд. Бумаг, 1916. С. 139–164.
122. Состав русского общества защиты женщин // Российское общество защиты женщин в 1912 г. (Год тринадцатый). СПб.: б.и., 1913. С. 100–104.
123. *Спешков С.Ф.* Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом совета т.с. Спешковым о различных организациях среди учащихся.- СПб.: Центр. ком. П.О.У.ч.Х., 1908.- 34 с.
124. Состав русского общества защиты женщин // Российское общество защиты женщин в 1912 г. (Год тринадцатый).- СПб.: б.и., 1913. С. 100–104.
125. Списки гласных Петербургской городской думы 1897, 1904, 1913 г. // Петербургская городская Дума. 1846–1918 / Под ред. В.А. Нардовой.- СПб.: Лики России, 2005. С. 460–509.
126. Список гласных С.-Петербургской городской Думы на 1 апреля 1912 г. СПб.: Городская типография, 1912.- 17 с.

127. Список профессоров и приват-доцентов получивших в 1895 и 1896 годах (считая с 1 января) гонорар за чтение лекций и ведение практических занятий.- СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, [1896].- 10 с.

128. Список студентов С.-Петербургского [Петербургского – Петроградского] университета, поступивших в 1908-1915 [СПб.], 1909-1916.

129. Список членов // Отчет о деятельности общества вспомоществования Высших Женских курсов в С.-Петербурге с 1 сентября 1911 по 1 сентября 1912 г. СПб.: б.и., 1912. С. 22–24.

130. Список членов // Отчет о состоянии и деятельности Общества вспомоществования студентам Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого за 1914/15 учебный год.- Пг.: б.и., 1915. С. 10–12.

131. Список членов Общества // Общество вспомоществования учащимся Императорского Женского педагогического Института и Константиновской женской гимназии. Отчет за время с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г. Пг.: б.и., 1915. С. 12–16.

132. Список членов Общества // Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском Историко-филологическом институте. Пг.: б.и., 1915. С. 22–25.

133. Список членов Совета Военно-Химического комитета (Петроград) // Труды Военно-Химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 68-69.

134. Справочная книжка для студентов Петербургского университета. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.- 94 с.

135. Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц СПб. университета.- СПб.: Тип. М.В. Михайловой, 1908.- 40 с.

136. Справочная книжка по С.-Петербургскому городскому обществу управлению на 1908 г.- СПб.: б.и., 1908.- 445 с.

137. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб.: Типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1901. 270 стб.

138. Студенческий справочник на 1910/11 академический год. СПб.: Тип. И. Лурье, 1910.- 220 с.

139. Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг. В 3-х тт. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1: 1905–1907. 742 с. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: 1908-1914.- 655 с.
140. Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М.: Госполитиздат, 1955.- 468 с.
141. Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г.- СПб.: б.и., 1906.- 343 с.
142. Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г. // Право. 1908. 7 декабря. Стб. 2738–2739.
143. Указы Временного Правительства Правительствующему Сенату // ЖМНП. 1917. № 7–8. Распоряжения Временного правительства. С. 7.
144. Университетский устав 1863 г. СПб.: б.и., 1863.- 108 с.
145. Устав «Бюро труда» при Союзе русских студентов.- СПб.: б.и., 1913.- 7 с.
146. Устав Военно-Химического комитета при Отделении Химии Русского Физико-Химического Общества // Труды Военно-Химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 66–67.
147. Устав Всероссийского Союза учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1910. С. 10-18.
148. Устав Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете.- СПб., 1889: б.и.- 9 с.
149. Устав коллегии императора Александра II для студентов С.-Петербургского университета, учрежденной Самуилом Соломоновичем Поляковым. СПб.: Тип. А.А.Краевского, 1882.- 7 с.
150. Устав общества «Русская академическая корпорация» студентов СПб. университета. СПб.: б.и., 1908.- 20 с.

151. Устав Общества земледения при Императорском С.-Петербургском университете и объяснительная записка к нему. Кронштадт: Типография газеты «Котлин», 1903.- 17 с.
152. Устав Союза русских студентов. СПб.: б.и., 1910.
153. Устав Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1910.- 15 с.
154. Устав Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете.- СПб.: б.и., 1904.- 15 с.
155. Уставы Московского университета. 1755–2005 / Сост. Е.И. Гена.- М.: Империиум Пресс, 2005.- 479 с.
156. Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в г. Петрограде. Справочная книжка.- Пг., Ком. е.и.в. вел. кн. Татианы Николаевны, 1915.- 56 с.
157. Циркуляр по С.-Петербургскому [Петроградскому] учебному округу. СПб. [Пг.], 1884-1916.

Источники личного происхождения

158. *Адамович Г.В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях современников.- М.: СП «Вся Москва», 1990. С. 165-166.
159. Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2003. Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. В.Г. Бухерта; М.: Феория, 2011. Т. II, ч. 1: Переписка П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова, 1886–1901 гг. / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. А.В. Макушина и П.А. Трибунского.
160. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Руковод. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб.: ГУП Тип. «Наука», 2005.- 966 с.

161. *Алексеев В.М.* Студент на рубеже столетий. Из моих студенческих воспоминаний (1898-1902) // Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы.- М.: Наука, 1982. С. 282-295.

162. *Андреев Л.* Дневник 1891-1892 гг. Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 г.- СПб., 1994. С. 81-141.

163. *Аничков Е.В.* Устав 1884 года и студенчество на перепутьи (Из личных воспоминаний) // Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков.- Париж: Свеча, 1934. С. 36-71.

164. *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2-х тт.- Л.: Искусство, 1991. Т.1.- 344 с.

165. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания.- М.: Феникс, 1992.- 511 с.

166. *Аршавский К.Г.* Путь к Октябрю // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. С. 159-163.

167. *Асафьев Б.В.* О себе // Воспоминания о Б.В. Асафьеве.- Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 317-508.

168. *Байков А.А.* [Периодический закон Д.И. Менделеева и его творец] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. Сост. А.А. Макареня, И.Н. Филимонова, Д.Г. Карпило.- М.: Атомиздат, 1973. С. 54-64.

169. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания в пяти книгах.- М.: Наука, 1993. Кн. 1–3.

170. *Благов Д.* Мои воспоминания. М.: Гос. изд-во, 1928.- 66 с.

171. *Блок А.А.* Автобиография // *Блок А.А.* Собрание сочинений в 6 тт.- М.: Правда, 1971. Т. 6. С. 87-96.

172. *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* «“Род учёных” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдасhevского) 1917-1921 гг.). // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 3 (11). С. 100-199.

173. *Брамсон М.* Отрывки из воспоминаний (1883-1886) // Народовольцы после 1 марта 1881 г.- М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политич. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 81-86.

174. *Брандт А.* Листья пожелтевшие. Передуманное и пережитое.- Белград: Славянская взаимность, 1930.- 199 с.

175. *Бурцев В.* Борьба за свободную Россию.- Берлин: Гамаюн, 1923.- 25 с.

176. «В тяжелый год (Отрывки из дневника студента)». Свидетельства о жизни университета в 1921 г. // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 2.

177. В.И. Засулич – Ю.О. Мартову // Социал-демократическое движение в России. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 1. С. 179-181.

178. *Валк С.Н.* Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 189-199.

179. *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта / Подг. текста, коммент. А.В. Сиренова.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.- 121 с.

180. *Вейдле В. В.* Воспоминания / Вступ. ст., публ. и коммент. И. Доронченкова // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С.24-153.

181. *Вересаев В.В.* В студенческие годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников в трех томах.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. Т. I. Петербургский университет. 1819-1895. С. 200-207.

182. *Вересаев В.В.* Воспоминания // *Вересаев В.В.* Собрание сочинений в 5 тт. М.: Правда, 1961. Т. 5.- 536 с.

183. *Вернадский В.И.* [Воспоминания о И.А. Клейбере] // *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. Отв. ред. С.Н. Жидовинов, Ф.Т. Яншина. М.: Наука, 1997. С. 106-110.

184. *Вернадский В.И.* Из прошлого // Профессор Андрей Николаевич Краснов.- Харьков: Тип. М.Х. Сергеева, 1916. С. 96-113.

185. *Войтницкий В.* Годы побед и поражений.- Берлин: Изд-во Гржебина, 1923. Кн. 1.- 384 с.

186. *Волконский С.М.* Мои воспоминания. В двух томах.- М.: Искусство, 1992. Т. II. Родина.- 381 с.

187. *Воропонов Ф.Ф.* На рубеже двух уставов. Воспоминания студента 80-х годов // ИЖ. 1909. Апрель. № 4. С. 315-334.
188. *Воронков М.И.* Из жизни дореволюционного студенчества. М.: Тип. МГУ, 1947.- 64 с.
189. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. / Сост. Л.И. Толстая.- М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 1997.- 334 с.
190. *Горький М.* Собрание сочинений в тридцати томах. М.: ГИХЛ, 1954. Т.28. Письма.- 600 с.
191. *Глинский Б.Б.* Среди литераторов и ученых. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914.- 572 с.
192. *Грабарь А.Н.* Несколько воспоминаний о Якове Ивановиче Смирнове // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Отв. ред. В.Г. Луконин.- Л.: «Искусство», 1985. С. 7–8.
193. *Грабарь И.Э.* Моя жизнь. Автобиография.- М.; Л.: «Искусство» 1937.- 376 с.
194. *Гревс И.М.* За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42-88.
195. *Григорьев М.А.* Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.С. Овэс. СПб.: РИИИ, 2005.- 280 с.
196. *Давыдов К.Н.* А.О. Ковалевский как человек и как ученый (воспоминания ученика) // Труды института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1960. Т. 31. Вып. 6. С. 326-363.
197. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания.- М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. I.- 736 с.
198. *Дмитриева В.И.* Так было.- М.; Л.: Молодая Гвардия, 1930.- 87 с.
199. *Дневник Ал. Блока. 1917-1921* / Под ред. П.Н. Медведева.- Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928.- 275 с.
200. *Добужинский М.В.* Воспоминания. / Изд. подготовил Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987.- 477 с.

201. *Дорошенко Н.В.* Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 46.-51.
202. *Дьяконова Е.А.* Дневник // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 31.10.2010).
203. *Егоров И.В.* От монархии к Октябрю.- Л.: Лениздат, 1980.- 272 с.
204. *Егоров И.В.* В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 107-117.
205. *Елисеев С.Г.* Тюремный дневник (май-июнь 1919): Воспоминания о Петрограде (1919-1920) и побег в Финляндию // Уроки гнева и любви. Вып. 4. СПб., 1993. С. 9-44.
206. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания.- М.: Журн. «Наше наследие». Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1996.- 576 с.
207. *Жарновецкий К.* Старый студент // Красный студент. 1923. № 1. С. 19-20.
208. *Засосов П.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг. Записки очевидцев.- Л.: Лениздат, 1991.- 269 с.
209. Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию со дня основания. Сб. документов и воспоминаний / Под ред. С.И. Фокина.- М.: Тов-во научных изданий КМК, 2011.- 285 с.
210. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2; Т. 2: Рукописные заметки.
211. Из дневника Константина Романова. Окончание. 1906 г. [3 ноября] // Красный архив. Исторический журнал. 1931. Т.2 (45). С.112-129.
212. *Иванов Вс.Н.* Воспоминания. «Гул жизни Петербургского университета.1906-1911» // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-

Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич СПб.: Знаменитые университеты, 2003. Т. II. С. 488-511.

213. *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания.- Нью-Йорк: б.и., 1945. Т. 1. 1867-1917.

214. *Каблуков И.А.* Как приобретали ученые звания в прошлое время // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. № 9. С. 95-102.

215. *Каган А.С.* Воспоминания // Архив еврейской истории. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О.Р. Демидовой.- М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1. С. 23-72.

216. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с. (*Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 107-117).

217. *Кауфман А.А.* Автобиография // Вестник статистики. 1921. № 5–8. С. 260–274.

218. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары.- М.: Изд. центр «Терра» Кн. Лавка, 1996.- 508 с.

219. *Керн А.П.* Рассказ о событиях в Петербурге. // *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка.- М.: Художественная литература, 1974. С. 235-252.

220. *Киреев А.А.* Дневник. 1905-1910.- М.: РОССПЭН, 2010.- 470 с.

221. *Киреева М.Н.* Взгляд издалека // Заря надежды: Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905–1909). Очерки, воспоминания, документы / Сост. В.Ф. Лепетюхин; Науч. ред. Т.П. Бондаревская.- Л.: Лениздат, 1982. С. 46-116.

222. *Киселева Ю.А., Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новые его-документы // Харківський історіографічний збірник. 2015. Т. 14. С. 179-190.

223. *Кистяковский В.А.* [Д.И. Менделеев как лектор] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. Сост. А.А. Макареня, И.Н. Филимонова, Д.Г. Карпило.- М.: Атомиздат, 1973. С. 65-67.

224. *Ковалевский Е.П.* Черты из жизни Максима Максимовича Ковалевского по семейным и личным воспоминаниям // М.М. Ковалевский. Учен-

ный, государственный и общественный деятель и гражданин.- Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917 [1918]. С. 5-47.

225. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания.- М.: РОССПЭН, 2005.- 781 с.

226. *Корнилов А.А.* Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // РМ. 1916. Кн. VIII. С. 49-86.

227. *Корш Е.В.* Отзвуки далекого прошлого. Санкт-Петербургский университет (1868-1869) // РС. 1918. CLXXIV. Март-июнь. С. 59-91.

228. *Костомаров Н.И.* Петербургский университет начала 1860-х годов // Юбилейный сборник литературного фонда. СПб.: Общественная польза, 1909. С. 117-139.

229. *Коц Ел.* «Контрабандисты» // Былое. Неизвестные номера журнала / Сост. Ф.М. Лурье. Кн.2. Л.: Лениздат, 1991. С.42-50.

230. *Крачковский И.Ю.* Воспоминания ученика о бароне В.Р. Розене (публикация и примечания А.А. Долининой) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000. Т. VII. С. 255-280.

231. *Крачковский И.Ю.* Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 138-145.

232. *Кузнецов С.С.* Профессор и препаратор // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 117-124.

233. *Лебедев Д.В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 264-282.

234. Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина.- Л., 1963. Т. I. Петербургский университет. 1819-1895;- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917.- 223 с.

235. *Лепешинский П.Н.* На повороте (От конца 1880-х годов к 1905 г.).- Пб.: Гос. изд., 1922.- 237 с.

236. *Лопарев Х.М.* Материалы для моей биографии // Подорожник: краеведческий альманах / Сост. Валерий Белобородов. Тюмень, 2010. Вып. 11.

237. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь.- СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994.- 356 с.
238. *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Уроки жизни.- М.: Московская школа политических исследований, 2011.- 381 с.
239. Мемуары графа И.И. Толстого.- М.: Индрик, 2002.- 463 с.
240. *Милюков П.Н.* Воспоминания.- М.: Современник, 1990. Т. 2.- 445 с.
241. *Михайловский Г.Н.* Записки. М.: Междунар. отношения, 1993. Кн. 2.- 686 с.
242. *Могиланский М.* В девяностые годы // Былое. 1924. № 24. С. 98-99.
243. *Никольский Б.В.* Дневник. 1896-1918. Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1-2.
244. *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники.- М.; Берлин: Директ-медиа, 2015.- 766 с.
245. *Орбели И.А.* Воспоминания студенческих лет // *Юзбашян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели.- М.: Наука, 1964. С. 130-161.
246. *Орлов Ю.А.* Воспоминания об Анатомо-гистологическом кабинете Петроградского университета. Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 4. С. 59-76.
247. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны.- М.: Междунар. Отношения, 1991.- 236 с.
248. *Перес Б.* На партийной работе в Петербурге осенью 1905 г. // Первая русская революция в Петербурге. 1905 г.- Л.: Гос. изд-во, 1925. Сб. 1. С. 54-69.
249. Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 77–160.
250. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский.- М.: Древлехранилище, 2001.- 544 с.
251. Письма к матери, 1898–1899 гг. / Вступ. ст. и комм. Т.Н. Жуковской // Деятели русской науки XIX–XX веков. / Отв. ред. В.П.

Медведев. Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Вып. 2. С. 304–348.

252. Пителим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова.- Вологда: Древности Севера, 2009.- 336 с.

253. *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка // Академическое дело 1929-1931. Документы и материалы следственного дела сфабрикованного ОГПУ. Отв. ред. В.П. Леонов. Изд. подг. В.П. Захаров, М.П. Лепехин, Э.А. Фомина.- СПб.: БАН, 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256-288.

254. Профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев. Подготовка текста В.В. Аркадьева, комментарии В.А. Прозоровского и И.Л. Тихонова.- СПб.: Супервэйв Групп, 2014.- 351 с.

255. *Райков Б.Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки.- СПб.: Коло, 2011. Кн.1.- 659 с.

256. *Рерих Н.К.* Листы дневника.- М.: Мастер-банк, 1995. Т. 2.- 511 с.

257. *Римский-Корсаков М.Н.* Зоологические воспоминания. Подг. к публ., вст.ст. и комм. С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 108-136.

258. *Рождественский В.А.* О себе // *Рождественский В.А.* Избранное.- М.; Л.: Худож. Лит., 1965. С. 3-12.

259. *Рождественский В.А.* Первые опыты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 146-160.

260. *Ропп А.Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования.- СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912.- 255 с.

261. *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908-1917. Публ. А.В. Шаровой. Отв. ред. А.К. Гладков.- М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.- 528 с.

262. *Саркисян Х.С.* В Петербургском университете // Тропами жизни и литературы.- Ереван: «Айстан», 1974. С. 239-248.

263. *Саркисян Х.С.* Николай Яковлевич Марр // Тропами жизни и литературы.- Ереван: «Айстан», 1974. С. 249-251.

264. *Сверчков Д.Ф.* На заре революции.- Л.: Гос. изд-во, 1925.- 314 с.
265. *Сементковский Р.И.* Устав и наука (из университетских воспоминаний) // ИВ . 1911. Т. 123. С. 1004-1013.
266. *Сеченов И.М.* Автобиографические записки.- М.: Науч. сл., 1907.- 195 с.
267. *Сеченов И.М.* Профессорство в Петербургском университете (1876 – 1888) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников в трех томах.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. Т. I. С. 161-165.
268. *Сильвин М.П.* На революционной работе // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 21-27.
269. *Соболев Л.А.* Воспоминания студента-солдата // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 38-43. (*Л.С.* Воспоминания студента-солдата // Былое. Журнал посвященный истории освободительного движения. 1906. Май. № 5. С. 163-184).
270. *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман.- Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР Шыпас, 1991.- 302 с.
271. *Спасовский М.* Маленькая история одного маленького кружка. (Из воспоминаний) // Вешние воды: Сборник Научно-литературного кружка русских студентов. Под редакцией Мих. Спасовского.- СПб.: Отеч. тип., 1914. С. 9-11.
272. *Старый студент.* Из студенческих воспоминаний // Alma Mater. 1911. № 2. С. 10-13.
273. *Стеклов В.А.* Воспоминания // *Стеклов В.А.* Воспоминания. Переписка с отечественными математиками.- Л.: «Наука», 1991. С. 235-332.
274. *Стравинский И.Ф.* Диалоги.- Л.: Музыка, 1971.- 414 с.
275. *Струмилин С.Г.* Из пережитого // Ленинградский университет в воспоминаниях современников.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 31-34.
276. *Тищенко В.Е.* [Воспоминания о Д.И. Менделееве] // Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. Сост. А.А. Макареня, И.Н. Филимонова, Д.Г. Карпило.- М.: Атомиздат, 1973. С. 33-50.
277. *Толстой И.И.* Дневник. В 2 томах.- СПб.: Лики России, 2010.

278. *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916.- СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1997.- 728 с.
279. *Толстой И.И.* Записки городского главы // Звезда. 1994. № 9. С. 178-197.
280. *Успенский Ф.И.* Петербургский университет в 1867-1871 гг. (по воспоминаниям студента) // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 163-174.
281. *Ухтомский А.А.* Интуиция совести (Письма, записные книжки, заметки на полях).- СПб.: Петербургский писатель, 1996.- 528 с.
282. *Фаусек Ю.И.* Бестужевские курсы, работа, встречи // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных). К 140-летию основания. Сб. документов и воспоминаний под ред. С.И. Фокина. М.: Товарищество научных изданий, 2011. С. 180-191.
283. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848-1896). Воспоминания.- М.: Новости, 1991.- 460 с.
284. *Фриш С.Э.* Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918-1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. Т. 3. С. 85-117.
285. *Фриш С.Э.* Сквозь призму времени.- М.: Политиздат, 1992.- 430 с.
286. *Чеботарев И.Н.* Воспоминания об Александре Ульянове и Петербургском студенчестве 1883-1887 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. Т. 1. С. 221-224.
287. *Черепнин Н.Н.* Санкт-Петербургский университет моего времени (1891 —1895) // Воспоминания музыканта. Л.: Музыка, 1976. С. 110-119.- 128 с.
288. *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе.- М.: ГЛК, 1994.- 362 с.
289. *Шкловский В.Б.* Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи.- М.: Советский писатель, 1966.- 551 с.
290. *Штакенинейдер Е.А.* Дневник и записки.- М.: Academia, 1934.- 586 с.

291. *Штернберг Л.Я.* Альберт Львович Гаусман (из воспоминаний друга и товарища) // Якутская трагедия.- М.: О-во б. полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. С. 84-99.

292. *Щукарев С.А.* Воспоминания о встречах с Л.А. Чугаевым // *Макрелля А.А.* Лев Александрович Чугаев.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 3-8.

293. *Энгель Г.А.* 1905 год и студенческое движение в Петербурге // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2. С. 68-79.

294. *Эссен М.М.* В 1905 году. Из жизни Петербургского комитета РСДРП // На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905–1907 гг. в Петербурге / Сост. Т.П. Бондаревская, Н.И. Приймак; Науч. ред. Л.М. Спирин. Л.: Лениздат, 1984. С. 133-138.

295. *Ivanov-Razumnik R.V.* After Twenty Years // Russian Review. 1951. Vol. 10. № 2. P. 146-154.

Публицистика и историографические источники

296. [Правительственное сообщение о студенческих беспорядках 1899 г. по докладу ген. П.С. Ванновского] // ВЕ. 1899. № 7. С. 367-370.

297. *А.Б. (Лукомский А.Б.).* Городское самоуправление в России.- М.: «Колокол» Е.Д. Мягкова, 1905.- 63 с.

298. *А.Ш.* К университетской реформе. Беседа с Д.И. Менделеевым // Биржевые ведомости. 1905. № 9036. 17 (30) сентября. С. 2.

299. *Аверкиев Дм.* Университетские отцы и дети // Эпоха. 1864. № 1-2. С. 325-349.

300. *А.Б.* Почему не стреляли // Русское знамя. 1910. 20 ноября. № 262. С. 2.

301. *Агафонов В.К.* Наука и жизнь.- СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1906.- 336 с.

302. *Адрианов С.* Роковая логика (Ответ П.Н. Милюкову) // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 24 сентября. № 14392. С. 2.
303. *Адрианов Сергей.* Открытое письмо П.Н. Милюкову // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 21 сентября. № 14386. С. 4.
304. *Академик А.И. Соболевский.* О наших университетских делах // Санкт-Петербургские ведомости. 1908, 18 сентября (1 октября). № 211. С. 1.
305. Академическая жизнь // День. 1914. №270 (712). 5 октября. С. 4.
306. *Аксаков И.С.* По поводу беспорядков в Петербургском университете] // Русь. 20 февраля 1881 г. № 15. С. 3-4.
307. *Андреев А.И.* Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частноправовых актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. (ИО.1916. Т.21). С. 1–7.
308. *Арсеньев К.К.* [Вступительная статья] // Городское дело. 1910. № 7. С. 4–9.
309. *Арсеньев К.* На темы дня [Проект университетского устава] // ВЕ. 1915. Кн. VI. Июнь. С. 334-349.
310. *Арсеньев К.К.* М.М. Ковалевский // Максим Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917 [1918]. С. 54-60.
311. *Багалец Д.И.* Экономическое положение русских университетов. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1914.- 36 с.
312. *Белоголовый Н.А.* Студенческие волнения в России и закрытие университетов.- Женева: М. Elpidine, libraireed, 1888.- 16 с.
313. Беседа с министром народного просвещения // Новое время. 1911. 2 (15) февраля. № 12534. С. 5-6.
314. *Бертенсон Л.Б.* Необходим ли Петрограду медицинский факультет и ощущается ли в России нужда во врачах?- Пг.: Скл. изд. в кн. маг. К.Л. Риккера, 1916.- 25 с.
315. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века

его существования, 1869 – 1894. СПб.: Типография и литография Б.М. Вольфа, 1896-1898. Т. I-II.

316. *Б-ков* Профессорский гонорар // Новое время. 1897. 26 августа (7-го сентября). № 7721. С. 1.

317. *Богданов А.А.* Городское самоуправление в России. М.: Колокол, 1906.- 31 с.

318. *Бодуэн де Куртенэ И.* Национальный и территориальный признак автономии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.- 84 с.

319. *Бороздин А.К.* Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете.- СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900.- 16 с.

320. *Бороздин И.Н.* Университеты в России в эпоху 60-х годов // История России в XIX веке.- СПб.: Изд. Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко», 1908. Ч. 2. Т. 4. С. 185-212.

321. *Брагинский М.* Добролюбовская демонстрация 17 ноября 1886 г. в Санкт-Петербурге // Былое. 1907. № 5. С. 306–308.

322. *Б[удилович] А.* К вопросу о «Записке 342-х ученых» // РВ. 1905. Апрель. С. 404-428.

323. *Будилович А.С.* Наука и политика. СПб.: Пушк. скоропеч., 1905.- 110 с.

324. *Бубнов М.М.* К вопросу о преобразовании нашего городского самоуправления. Киев: Тип. «Петр Барский», 1905.- 39 с.

325. *Бунге Н.Х.* Об устройстве учебной части в наших университетах // РВ. 1858. № 19. С. 441-488.

326. *Бутлеров А.М.,* Научная и педагогическая деятельность: Сборник документов.- М., Изд-во Акад. наук СССР, 1961.- 416 с.

327. В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 9 (22) ноября. № 306. С. 3.

328. В высших учебных заведениях // Речь. 1910. 3 (16) декабря. С. 3.

329. В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 27 января (9 февраля). № 26. С. 3.

330. В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 11 (24) февраля. № 41. С. 4.
331. В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 3 (16 февраля). № 33. С. 3.
332. В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1911. 2 (15) февраля. № 32. С. 4.
333. В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1911. 4 (17) февраля. № 34. С. 4.
334. *В. В-цкий*. План нового ректора. Беседа с профессором Ив.Ив. Боргманом // Биржевые ведомости. 1905. 10 (23) сентября. № 9023. С. 2.
335. *В.П.* Заметки петроградского обывателя // РС. 1915. Т. 161. Январь–февраль–март. С. 209-230.
336. В Петербурге // Русские ведомости. 1910. 9 ноября. № 258. С. 4.
337. В университете // Биржевые ведомости. 4-го (17-го) февраля 1911 г. № 12156. Утренний выпуск. С. 2.
338. В университете (В высших учебных заведениях) // Свет. 1911. 5 февраля. № 34. С. 2.
339. В университете (В высших учебных заведениях столицы) // Петербургская газета. 1911. 4 февраля. № 34. С. 4.
340. В университете (В высших учебных заведениях столицы) // Петербургская газета. 1911. 5 февраля. № 35. С. 4.
341. В учебных заведениях // Новое Время. 11 (24) ноября 1907 г. № 11344. С. 3.
342. В учебных заведениях. В университете // Россия. 22 ноября 1907 г. № 613. С. 3.
343. *Вагнер В.А.* Чем должен быть университет? // РМ. 1906. №9. С. 125-142.
344. *Вернадский В.И.* Об основах университетской реформы // *Вернадский В.И.* О науке.- СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. Т. II: Научная деятельность и научное образование. С. 115–143

345. *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911.
346. *Вернадский В.И.* Разгром [Московского университета] / Публ. подгот. Г. Аксенов // Москва: Город и человек. 1989. Вып. 2. С. 408-411.
347. *Вернадский В.И.* Три забастовки // *Вернадский В.И.* Публицистические статьи.- М.: Наука, 1995. С. 45-50.
348. *Вернадский В.И.* Университет и «правые» // *Вернадский В.И.* Публицистические статьи.- М.: Наука, 1995. С. 151-153.
349. *Виноградов П.Г.* Учебное дело в наших университетах // ВЕ. 1901. № 10. С. 537-573.
350. Воззвание ученых // Грядущий день. 28 ноября 1917 г. № 1. С. 2.
351. Возобновление обычных занятий в высшей школе // Петербургская газета. 1908. № 283. 14 октября. С. 3.
352. Вопросы дня (о профессорском гонораре) // Русские ведомости. 1897. № 251. 11 сентября. С. 3.
353. [Волков Ф.К]. Краткий обзор деятельности Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете за 25 лет (1888 – 1913) // Ежегодник РАОПУ. СПб., 1913. Т.4. С.191-202.
354. *Воробьев В.А.* К истории наших университетских уставов // РМ. 1905. Кн. VII. С. 1-10.
355. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. / Отв. ред. Л.М. Иванов.- М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Ч. 1.- 778 с.
356. Второй период революции. 1906–1907 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. Ч. 1. Кн. 1. 1146 с.
357. *Выдрин Р.* Накануне нового университетского устава // Современный мир. 1910. № 2. С. 70-79.
358. *Выдрин Р.И.* Основные моменты студенческого движения в России.- М.: Студенческий голос, 1908.- 86 с.
359. Высшая школа // Школа и жизнь. 1915. № 17. 27 апреля. С. 6. (Стб. 424).

360. Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. № 15. 13 апреля. С. 8. (Стб. 375).
361. Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. № 28. 13 июля. С. 7 (Стб. 694).
362. Высшая школа. Война и высшие учебные заведения // Школа и жизнь. 1914. № 37. 15 сентября. С. 8 (Стб. 975).
363. Высшая школа. Экономическое положение учащихся высшей школы // Школа и жизнь. 1915 № 48. 30 ноября. С. 9 (Стб. 1172).
364. *Вязигин А.С.* Разные аршины. К вопросу о замещении университетской кафедры.- Харьков: Тип. «Мирн. Труд», 1914.- 24 с.
365. Г. У нового ректора (Из беседы) // Биржевые ведомости. 1905. 9 (22) сентября. № 9022. С. 2.
366. *Гегидзе Б.* В университете. наброски студенческой жизни.- СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.- 221 с.
367. *Георгиевский А.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков.- СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890.- 302 с.
368. *Герасимов В.* Устранение чтения лекций в академической и университетской системе преподавания наук.- СПб.: Тип. Р.Голике, 1881.- 92 с.
369. *Гиляров-Платонов Н.П.* Университетский вопрос.- СПб.: К.П. Победоносцев, 1903.- 290 с.
370. *Глинский Б. В.И.* Сергеевич и студенческие беспорядки в 1899 году // Исторический вестник. 1911. Январь. С. 216-245.
371. *Глинский Б.Б.* С.-Петербургский университет (по поводу его 75-летнего юбилея) // *Глинский Б.Б.* Очерки русского прогресса.- СПб.: Т-во худож. печати, 1900. С. 1-34.
372. *Гогель С.К.* Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г.- СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1910. Ч. 1. С. 1–9.

373. *Гогель С.К.* Городские Попечительства о бедных в провинциальных городах России // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г.- СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1910. Ч. 2. С. 293–304.

374. *Гольдгаммер Д.А.* О «записке (1500 ?) ученых» // РМ. 1905. Кн. VIII. С. 1-27.

375. *Гревс Ив.* Забытая наука и униженное звание (по поводу статьи проф. В.И. Вернадского) // Наши дни. 1904. 28-го декабря. № 10. С. 2-3.

376. *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: опыт истолкования души // РИЖ. 1920. Кн.6. С. 44-81.

377. *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки.- СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1899.- 48 с.

378. *Гревс И.М.* Временные правила 27 августа 1906 г. об управлении университетами и освобождении науки // Право. 1905. № 36. 11 сентября. Стб 2923-2929.

379. *Гревс И.М.* К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах.- СПб.: Сенат. тип., 1910.- 48 с.

380. *Грибовский В.М.* Прошедшее и настоящее русских и западноевропейских университетов.- СПб.: тип. М. Меркушева, 1905.- 11 с.

381. *Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. / Историческая записка сост. по поручению совета университета.- СПб: Тип. В. Безобразова и К., 1870.- 679 с.

382. *Гримм Д.Д.* Видимость законности и скрытое усмотрение. К конфликту С.-Петербургского университета с министерством народного просвещения // ВЕ. 1913. Т. 48. № 2. С. 271-288.

383. *Гримм Э.Д.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // РМ. 1916. № 4. С. 109-122. № 5. С. 52-57.

384. *Гримм Э.Д.* Борьба народов // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 1-20.

385. *Гримм Э.Д.* Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // РМ. № 8-9. С. 76-93.
386. *Гримм Э.Д.* [рецензия] Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1897.- 23 с.
387. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский.- Пг.: Тип. А.С. Суворина «Новое время», 1915.- 25 с.
388. *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных и учебных заведений в Берлине 1809 или 1810 г. // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология: учеб. пособие для вузов. Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов.- М.: РОССПЭН, 2011. С. 510-516.
389. *Густавсон Г.* Александр Михайлович Бутлеров, как представитель школы // Журнал Русского физико-химического общества. 1887. Т. XIX. Вып. I. С. 58-68.
390. *Данилов Ф.А.* Взгляды социалистических партий на общественное самоуправление.- М.: Тип. Ф.Я. Бурче, 1906.- 64 с.
391. *Д.[ьяконов] А.* 1905 и 1906 годы в Петербургском университете.- СПб.: Типо-литография «Надежда», 1907.- 151 с.
392. *Две культуры (К философии нынешней войны).*- Пг.: Бычковский, 1916.- 169 с.
393. Дело проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ // Речь. № 5 (2727). 1 (14) марта 1914 г. С. 5-6.
394. День патриотических манифестаций // Петербургский листок. 1915. № 67. 10 марта. С. 3.
395. Деятельность Всероссийского Союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. 1914. №8–10. Октябрь-ноябрь-декабрь. Стб. 893-907.
396. *Дмитриевский А.А.* А.И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях имп. Православного Палестинского общества: (По личным воспоминаниям и документальным данным).- СПб.: Типография В.Ф. Кишбаума, 1914.- 48 с.

397. Добровольцы // Речь. 1914. 30 июля (12 августа). № 201 (2870). С. 2.
398. Д-ов Л. Обновленцы «ошиблись» на пять миллионов рублей // Петербургский листок. 1916. № 17. 18 (31 января). С. 2.
399. Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А. С., Латышев В.В. Записка о ученых трудах С.Ф. Платонова // ИАН. 1910. VI серия. Т. IV. С. 34-35.
400. Еленев Ф. Наше молодое поколение (писано в 1884 г.).- М.: Унив. тип., 1899.- 36 с.
401. Еленев В. Студенческие беспорядки. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1888.- 46 с.
402. Жебелев С. П.В. Никитин // ЖМНП. Новая серия. 1916. Июль. Ч. LXIV. Отд. 4. Отд. паг. С. 43-71.
403. Жебелев С.А. Введение в археологию.- Пг.: Научная школа, 1923.- 199 с.
404. Жебелев С.А. Граф Иван Иванович Толстой: 1858—1916. Пг., [б.г.] (последнее издание в кн.: Мемуары графа И.И. Толстого. М.: Индрик, 2002. С. 388-404).
405. Жебелев С.А. Основные моменты деятельности графа И.И. Толстого // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 367—374. [Нейхардт А.А. И.И. Толстой: ученый, человек, гражданин (Штрихи к портрету.) Приложение IV. 1]
406. Забастовка в высших учебных заведениях // Новое время. 1911. 27 января (9-го февраля). № 12528. С. 5-6.
407. З. У новых деканов (Из бесед) II. У профессора Ф.А. Брауна // Петербургский листок. 1905. 12 (25) сентября. С. 2.
408. Записка о Восточном факультете С.-Петербургского университета. СПб., [1864]; Записки Восточного отделения. Русского археологического общества. СПб., 1887—1921. Т. 1—25.
409. Записки Классического отделения. Русского археологического общества. СПб., 1904—1917. Т. 1—9.

410. Записки Неофилологического отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892–1915. Вып. 2–8.

411. Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества. СПб., 1906–1913. Т. 1–2; Записки Отделения Русской и славянской археологии. СПб., 1851–1887, 1903–1918. Т. 1–12.

412. Записки религиозно-философских собраний (1902–1903 гг.). СПб.: АО тип. Дела, 1906. 531 с.

413. Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1888. Вып. 1.

414. Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. СПб., 1908–1916. Вып. 1, 2, 4, 6.

415. Заседание совета профессоров. В Петербурге. В высших учебных заведениях // Биржевые ведомости. 1911. 7 февраля. № 12162. С. 3.

416. *Зацепя Г.* Пасынки университета. Материалы о положении в университете младших преподавателей. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907.- 47 с.

417. *Зелинский Ф.Ф.* Университетский вопрос в 1906 г. // ЖМНП. 1906. Июль-Август. Ч. IV. С. 111-159.

418. Зоологический Вестник. Пг., 1916–1918. Т. I–III.

419. *И.Н.* Роль студенчества в строительстве высших учебных заведений // Студент революции. 1922. № 1. С. 13-18.

420. *Иванов А.А.* А.М. Жданов (Некролог) // ЖМНП. 1914. № 8. С. 54-60.

421. *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1903.- 296 с.

422. Из дневников князя В.П. Мещерского // Русское знамя. 1911. 1 февраля. № 25. С. 3.

423. Известия С.-Петербургской [Петроградской] городской думы. СПб.. 1913–1917.

424. *Изгоев А.С.* Об интеллигентской молодежи (Заметки о ее быте и настроениях) // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910. / Сост., коммент. Н. Казаковой.- М.: Молодая гвардия, 1991. С. 165-208.
425. *Икс.* Речи консерватора // Гражданин. 1901. 11 октября. № 78. С. 1-2.
426. Интеллигенция в России.- СПб.: Земля, 1910.- 259 с.
427. *Иорданский Н.И.* Миссия П.С. Ванновского (Из воспоминаний о студ. движении 1899 г.). // Былое. 1907. № 9. С. 83-131.
428. Искупительные жертвы // Русское знамя. 1911. № 29. 6 февраля. С. 1
429. К кончине С.А. Муромцева // Речь. 1910. № 304. 7 (20) октября. С. 3.
430. К кончине Толстого // Речь. 1910. № 310. 11 (24 ноября) С. 3.
431. К культурному миру. Воззвание немецких ученых в защиту Германии.- Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914.- 3 с.
432. К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев // Речь. 1911. № 329. 30 ноября (13 декабря) 1911 г. С. 2. (отдельное издание – СПб., [1912]).
433. *Кавелин К.Д.* Свобода преподавания и учения в Германии // ЖМНП. 1863. Март. С. 408-443; Апрель. С. 131-155 (Университетская идея в Российской империи XVIII- начала XX веков: Антология. Учеб. пособие для вузов. Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов.- М.: РОССПЭН, 2011. С. 232-253).
434. *Кавелин К.Д.* Очерк французского университета. Статья 1. Начальное обучение // ЖМНП. 1862. Ч.114. Июнь. Отд. 1. С. 141-167;
435. *Кавелин К.Д.* Очерк французского университета. Статья 2. Средние учебные заведения // ЖМНП. 1862. Ч. 115. Июль. Отд. 1. С. 1-44.
436. *Кавелин К.Д.* Очерк французского университета: (Статья 3 и последняя). Высшие учебные заведения // ЖМНП. 1862. Окт. С. 99-168.
437. *Казанский П.* К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах.- Одесса: «Экономическая» тип., 1901.- 80 с.

438. *Казанский П.Е.* Совещание профессоров в декабре 1910 г. (Доклад в Академическом Клубе, в Одессе).- Одесса: Тип «Рус. речи», 1911.- 53 с.
439. [Кандидаты партии «народной свободы»] // Речь. 1907. № 237. 7 (20) октября. С. 3.
440. *Капнист П.* Университетские вопросы // ВЕ. 1903. № 11. С. 167-218; № 12. С. 465-518.
441. *Каразин В.Н.* О ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820.
442. *Карамзин Н.М.* О публичном преподавании наук в Московском университете // ВЕ. 1803. №24. С.261-268.
443. *Кареев Н.* Какой нам нужен университетский устав? // Сын Отечества. Пятница, 2-го (15-го) сентября 1905 г. № 171. С. 1.
444. *Кареев Н.* Как нужно было организовать прохождение курса высшей школы? // Сын Отечества. 6-го (19-го) сентября 1905 г. № 175. С. 1.
445. *Кареев Н.* Какое положение в высшей школе должны занимать ее студенты? // Сын Отечества. Среда, 7-го (20-го) сентября 1905 г. № 176. С. 1.
446. *Кареев Н.* Чем должна быть в идее вольная высшая школа? // Сын Отечества. Воскресенье, 11-го (24-го) сентября 1905 г. № 180. С. 1.
447. *Кареев Н.* О проекте устава высшей школы (Письмо в редакцию) // Сын Отечества. Воскресенье, 9-го (22-го) октября 1905 г. № 204. С. 1-2.
448. *Кареев Н.И.* Выбор факультета и прохождение университетского курса.- СПб.: Издатель, 1900.- 210 с.
449. *Кареев Н.И.* Заключение университетских советов о системе гонорара // ВЕ. 1898. № 1. С. 394-398.
450. *Кареев Н.И.* Как следует поступать с гонораром?- СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.- 7 с.
451. *Кареев Н.И.* Профессорский гонорар в наших университетах. Письмо в редакцию // ВЕ. 1897. № 11. С. 384-398.
452. *Кареев Н.И.* Южные славяне и Италия на Адриатике.- Пг., Тип. А.С. Суворина «Новое время», 1917.- 32 с.

453. *Кауфман П.М.* Новый университетский устав // ЖМНП. 1909. Июль. Кн. XXII. С. 1-27.
454. *Кауфман П.М.* Новый университетский устав. Проект устава императорских российских университетов. СПб.: Сенат. тип, 1909.- 29 с.
455. *Катков М.Н.* [Москва, 9 августа. Ключ предстоящей реформы университетов] // Московские ведомости. 1882. 10 августа. № 220. С. 2-3.
456. Кафедра истории славян // Биржевые ведомости. 4 марта 1915 г. № 14706. Утренний выпуск. С. 4.
457. *Клейнборт Л.* Молодежь и война // Современный мир. 1914. № 11. С. 87-99.
458. *Клоссовский А.* Материалы к вопросу о постановке университетского дела в России.- Одесса: «Экономическая» тип., 1903.- 90 с.
459. *Клочков М.В.* Николай Павлович Павлов-Сильванский. Некролог // ИВ. 1908. № 11. С. 633-637.
460. *Ковалевский М.М.* К 150-летнему юбилею Вольного экономического общества // ВЕ. 1915. Кн. 12. Вольное Экономическое общество. С. 389-399.
461. *Ковалевский М.М.* Национальный вопрос и империализм // Вопросы мировой войны.- Пг.: Кн. Скл. «Право», 1915. С. 549-561.
462. *Кожевников Г.* Проклятый вопрос (к современному положению университета).- М.: Тип. «Печ. Дело» Ф.Я. Бурче, 1911.- 16 с.
463. Кризис высшей школы.- М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1911.- 33 с.
464. *Кольцов Н.* Академическая молодежь // Русское богатство. 1909. № 3. С. 159-178.
465. *Кольцов Н.* К университетскому вопросу.- М.: Тип. Рус. Т-ва, 1909.- 98 с.
466. *Кольцов Н.К.* Национальная организация науки // Природа. 1915. Июль-Август. Стб. 1017-1040.
467. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из эпохи освободительного движения.- СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1907. Т. 1-2.

468. *Круглов Ю.Г., Олесеюк Е.В., Шулус А.А.* Университетские уставы XIX века в свете идей национальной образовательной доктрины // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 35-47.

469. *Кулаковский Ю.А.* Гонорар в русских университетах. Киев: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1897.- 66 с.

470. Из общественной хроники. 1 ноября 1897 г. // Вестник Европы. 1897, ноябрь. № 11. Т. VI. С. 445-464.

471. *Кулишер И.М.* О приискании средств на покрытие расходов местных союзов на общественное призрение // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г.- СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1910. Ч. 2. С. 187–195.

472. *Куплеваский Н.О.* Вопрос об организации студенчества. Харьков, 1901.

473. *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм (Задачи городского хозяйства).- СПб.: Т-ва «Обществ. Польза», 1906.- 55 с.

474. *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм и развитие городской жизни.- СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907.- 110 с.

475. *Кушнырь-Кушнырев Г.И.* Исторический очерк возникновения и развития академических организаций в России.- СПб.: Ун-т для науки, 1914.- 149 с.

476. Л.А. Кассо // Зауральский край. 1914. № 226. 28 ноября. С. 2.

477. Л.А. Кассо // Раннее утро. 1914. № 273 (8477). 27 ноября. С. 4.

478. Левая печать о Л.А. Кассо // Земщина. 1914. № 1854. 28 ноября. С. 3.

479. *Левченко В.* Кризис университетской жизни (Мысли студента) // РМ. 1908. № 5. С. 111-121.

480. *Ленин В.И.* Уроки московских событий // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 376-385.

481. *Ленин В.И.* Ученикам Каприйской школы // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1970. Т. 47. С. 194-202.

482. *Ленин В.И.* Всероссийская политическая стачка // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1968. Т. 12. С. 1-4.
483. *Ленин В.И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1959. Т. 11. С. 1-131.
484. *Ленин В.И.* К вопросу о политике министерства народного просвещения // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1980. Т. 23.
485. *Ленин В.И.* Начало демонстраций // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1959. Т. 5. С. 369-372.
486. *Ленин В.И.* Начало демонстраций // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1961. Т. 20. С. 72-75.
487. *Ленин В.И.* Не начало ли поворота? // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1961. Т. 20. С. 1-3.
488. *Ленин В.И.* Политическая стачка и уличная борьба в Москве // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1960. Т. 11. С. 345-353.
489. *Ленин В.И.* Признаки банкротства // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1959. Т. 6. С. 273-279.
490. *Ленин В.И.* Самодержавие колеблется // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1967. Т. 7. С. 123-128.
491. *Ленин В.И.* Студенческое движение и современное политическое положение // ППС. М., 1961. Т. 17. С. 214-220
492. *Ленин В.И.* Что делать? // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1963. Т. 6. С. 1-192.
493. *Ленин В.И.* Шаг вперед, два шага назад // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 8. М., 1959. С. 185-414.
494. Листовки петербургских большевиков.- Л.: Госполитиздат, 1939. Т. 1-2.
495. *Любимов И.А.* Мнение по поводу предстоящего пересмотра университетского устава // РВ. 1873. № 2. С. 886-904.
496. *Любимов Н.А.* Мой вклад. Статьи, записки, чтения, заметки.- М.: Универ. тип., 1881-1887. Т. I-II.

497. *Люблинский П.И.* Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и материнстве // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 2–3. С. 137–149.

498. *Люблинский П.И.* О призрении сирот воинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. №6–7. С. 484–495.

499. *Максимович М.А.* Речь о русском просвещении, говоренная адъюнктом Михаилом Максимовичем в собрании Московского университета, 1832 года 12 января.- М.: Универ. тип., 1832.- 24 с.

500. *Мамаев Я.В.* Исторический очерк возникновения и деятельности Общества благотворения в память 19 февраля 1861 года под девизом: «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя» за 1901–1911 гг.- СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911.- 42 с.

501. *Марр Н.Я., Жебелев С.А.* О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук (в части, касающейся историко-филологического факультета и факультета восточных языков).- Пг.: Тип. А.Ф. Дресслера, 1919.- 20 с.

502. *Матвеев В.Ф.* Основная первоначальная единица организации общественного призрения // Труды первого съезда русских деятелей // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб.: Тип. И.П.Леонтьева, 1910. Ч. 2. С. 1–24.

503. Материалы для истории факультета восточных языков. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевич, 1905-1909. Т. I-IV.

504. *Мельгунов С.* Из истории студенческих обществ в русских университетах.- М.: Журн. «Правда», 1904.- 71 с.

505. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли // *Менделеев Д.И.* Сочинения.- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. XXIII. Народное просвещение и высшее образование. С. 161-223.

506. *Меншуткин Б.Н.* Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина.- СПб.: Тип. М. Фроловой, 1908.- 376 с.

507. *Миклашевский И.Н.* К вопросу о профессорском гонораре. (Статистическая справка) // Образование. 1897. № 12. С. 1-20.

508. *Миллер Ор.* Письмо редактору // Русский курьер. 1887. № 267. 28 сентября. С. 2.
509. *Милюков П.Н.* Германия и война // Речь. 1914. №283. 20 октября (2 ноября). С. 3.
510. *Муций.* Из мрака студенческой жизни // Русское знамя. 1911. № 23. 29 января. С. 3.
511. *Монастырский Д.Н.* Памяти Николая Александровича Меншуткина.- СПб.: Типо-лит. Шредера, 1907.- 16 с.
512. *Мякотин В.А.* К вопросу о профессорском гонораре // РБ. 1897. № 10. Отд. 2-ой. С. 75-90.
513. *Н-в А.* В СПб. университете // Санкт-Петербургские ведомости. 1908. № 266. 23 ноября (6 декабря). С. 2.
514. Николай Александрович Меншуткин [1842-1907. Некролог и речи при погребении].- СПб.: типо-лит. М.П. Фроловой, 1907 (Отт. Из «Журнала Русского физико-химического общества». 1907. № 2). С. 277-301.
515. *Никонов С.П.* Университетские реформы в России // Вестник права: Журнал Юридического общества при С.-Петербургском университете. 1901. № 9. С. 60-96.
516. *Никольский Б.* Гонорар или призвание? // Новое время. 1897. №7728. 2 (14) сентября. С. 1.
517. *Никольский Б.* О призвании к гонорару // Новое время. 1897. № 7741. 15 (27) сентября. С. 1-2.
518. Новая кафедра // День. 1914. № 303 (745). 7 ноября. С. 4.
519. Нужды просвещения (Записка 342-х) // Наши Дни. 1905. № 22. 19 января. С. 1.
520. *Ньюман Дж. Г.* Идея университета. Минск: БГУ, 2006.- 208 с.
521. О бойкоте немецкой и австрийской музыки в консерваториях // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1914. № 14403. 29 сентября. С. 4
522. Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования имп. Александра III : (Со 2 марта 1881 г. по 20 окт. 1894 г.).СПб., б.и., 1901.- 676 с. разд. паг.

523. Об увольнении из числа студентов лиц иудейского вероисповедания, принявших христианство через крещение у пастора Пира по обряду Евангелия лютеранской церкви; Хроника // Речь. 1914. №225 (2894). 23 августа (5 сентября). С. 5.

524. Обзор деятельности Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования (1868-1893).- СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893.- 228 с.

525. *Образцов А.* Quousque tandem? // Мировые отголоски. 1897. № 244. 4 сент. С. 2-3.

526. *Озеров И.Х.* Большие города, их задачи и средства управления.- М.: Тип. М-ва финансов, 1906.- 52 с.

527. *Ольденбург С.Ф.* Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от Общества защиты и Сохранения в России памятников искусства и старины.- Пг.: б.и., 1915. С. 89-96.

528. *Ольденбург С.* Граф Павел Николаевич Игнатьев – Министр Народного Просвещения // Школа и жизнь. 1917. № 2. 11 января. С. 1-4 (Стб. 25-31).

529. *Оршанский И.* Университетский вопрос и проект университетского устава // ВЕ. 1906. № 1. С. 5-50.

530. От конференции Императорской Военно-морской Академии // Речь. 1915. 29 января (11 февраля). С. 5.

531. Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 декабря. С. 3.

532. Ответ германским ученым // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2.

533. Ответ профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны.- Киев: тип. 2 Артели, 1915.- 8 с.

534. Отголоски процесса Новороссийского университета // Речь. 1909. 2 (15) марта. С. 1.

535. Отзывы немецких и голландских профессоров о проекте университетского устава графа Ив. Ив. Толстого // ЖМНП. 1910. Т. XXVI. № 3. Отд.4. С.1-16. № 4. Отд.4. С. 5-101.
536. Открытое письмо совета старост Петербургского университета // Новая жизнь. 1905. 28 октября. № 2. С. 4
537. Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов.- Пг.: б.и., 1916. Вып. I.- 238 с.
538. Памятники древней письменности. СПб., 1878–1925. Вып. 1–190.
539. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК, 1905–1915. В 2-х тт. М.: РОССПЭН, 2000.
540. *Петражицкий Л.И.* Университет и наука.- СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1907. Т. 1.- 340 с.
541. *Петров Д.К.* Двадцать пять лет жизни Неофилологического общества // Записки Неофилологического общества при С.-Петербургском университете. 1910. Вып. IV. С. 1-12.
542. Петроград, 28 ноября // День. 1914 г. 28 ноября. № 324. С.3.
543. Петроградская городская Дума в 1913–1915 гг. (Деятельность группы Обновления). Пг., 1915.
544. *Пиленко А.А.* Стародумцы и обновленцы.- СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912.- 77 с.
545. *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача.- М.: Фарм-стандарт, 2010.- 120 с.
546. *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения.- М.: Педагогика, 1985.- 496 с.
547. *Писарев Д.И.* Наша университетская реформа // *Писарев Д.И.* Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Том 5. Статьи 1863-1864 (январь-март) / Отв. ред. А.С. Курилов.- М.: Наука, 2002. С. 7-106.
548. Письма в редакцию. Профессор Александр Введенский // Биржевые ведомости. 1905, 22 сентября (5 октября). С. 4.

549. *Плисов М.Г.* Историческая записка о деле С.-Петербургского университета // *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1.- СПб.: А.С. Суворин, 1889. С. 307-377.

550. Победа оппозиции // Петербургский листок. 1916. №47. 17 февраля (8 марта). С. 4.

551. [*Победоносцев К.П.*] Об университетском преподавании // Московские ведомости. 1899. 26 июня (8 июля). № 173. С. 1.

552. Побоище на сходке в университете // Петербургская газета. 1908. 3 октября. № 272. С. 3.

553. *Покровский Б.* Ко дню основания Императорского С.-Петербургского университета // Русское Воскресение. 1956. 23 февраля. № 36. С.4.

554. Последние известия. Окончание студенческого съезда. // Биржевые ведомости. (Вечерний выпуск). № 10329.С. 2

555. Последние события в университете [Газета Народная Воля. 1881. № 5. С. 13] // Литература партии «Народная воля» / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской и др.- М.: Изд-во Всесоюзн. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. С. 117.

556. Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин.- Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. С. 253-263.

557. Призыв новобранцев // Речь. 1914. 16 (29) сентября. №249 (2918). С. 5.

558. Протест университета // Новое время. 24 ноября (7 декабря) 1914 г. № 13903. С. 4.

559. *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета.- СПб.: Рус. нар. союз им. Михаила архангела, 1914.- 282 с.

560. *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 г.- СПб.: Н.П. Карбасников, 1913.- 118 с.

561. Революционное народничество 70-х годов XIX века. В 2 т. / Под ред. С.С. Волка.- М.;Л.: Наука, 1965. Т. 2: 1876-1882 гг.

562. Речь Г.Г. Замысловского в Государственной Думе. Созыв 3. Сессия 1, заседание 80. 06.06.1908 // Ораторы в Государственной Думе [1907-1917 гг.]. Рук. проекта В.А. Шахматов.- СПб.: СЗАГС Образование-культура, 2004. Т. 2. С. 132-145.

563. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902.- СПб.: М-во нар. прос., 1902.- 785 с.

564. *Романов Б.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 181-188.

565. *Ростовцев М. П.В.* Никитин, его взгляды на науку и классическое образование // Памяти Петра Васильевича Никитина.- Пг.: тип. Я. Башмаков и К°, 1916. С. 6-19.

566. *Рудаков В.Е.* Студенческие научные общества // ИВ. 1899. № 12. С. 1143-1156.

567. *Рудинский В.* Vivat Academia // Русское Воскресение. 1956. 23 февраля. № 36. С.4-5.

568. Русские писатели о немецком бойкоте литературы // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1914. 24 августа. № 14331. С. 3.

569. *Ряппо Я.* Об управлении высшей школой // Путь просвещения. 1924. №4-5. С. 18-28.

570. *С.З.* У новых деканов (Из бесед) У профессора Л.И. Петражицкого // Петербургский листок. 1905. 13 (26) сентября. № 242. С. 2-3.

571. Сборник издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета СПб., 1857. Вып. 1; СПб., 1860. Вып. 2. СПб., 1866; Вып. 3.

572. *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг. // *Голос минувшего*. 1917. № 2. Февраль. С. 5-78.
573. *Сватиков С.* Студенческая печать с 1755 по 1915 г. (Журналы, газеты, сборники и альманахи) // *Путь Студенчества*. Сборник статей.- М.: Тип. Г.В. Васильева. 1916. С. 213-248.
574. *Сватиков С.Г.* Русские университеты и их историческая библиография.- Пг.: тип. «Науч. дело», 1915.- 20 с.
575. *Сергеевич В.И.* Германские университеты и наши // *ВЕ*. 1905. Май. Кн. 5. С. 54-105.
576. *Сергеевич В.И.* Реформа университетского преподавания.- СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908.- 33 с.
577. *Сергеевич В.И.* О порядке приобретения ученых степеней // *Северный вестник*. 1897. № 10. С. 1-19.
578. *Сергеевич В.И.* Реформа университетского преподавания // *ВЕ*. 1908. Т. 2 (250). Кн. 4 (Апрель). С. 683-715.
579. *Сеченов И.М.* Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // *Физиология нервной системы*.- М.: Медгиз, 1952. С. 33-41.
580. *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава: тип. С. Оргельбранда сыновей, 1901.- 151 с. [
581. *Сиринов М.А.* Земские и городские финансы как источники покрытия расходов по обязательному общественному призрению // *Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению*. 8–13 марта 1910 г. СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1910. Ч. 2. С. 197–209.
582. Скандал на лекции профессора П.П. Мигулина // *Русское слово*. 1912. 24 (6-го февраля) января. № 19. С. 5.
583. Скорее разогнать // *Русское знамя*. 1910. 19 ноября. № 261. С. 1.
584. Случай в университете // *Петербургский листок*. Среда, 21 сентября (4 октября) 1905 г. № 250. С. 3.

585. *Солин К. [Сталин И.В.] Они хорошо работают // Сталин И.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 2. 1907-1913. С. 234-236.*
586. *Спасович В.Д. Пятидесятилетие Петербургского университета // ВЕ. 1870. Апрель. С. 765-779; Май. С. 312-345.*
587. *Сперанский В. Манифест 17 октября и С. Петербургский университет // Русская мысль. 1955. 1 ноября. № 815. С.4.*
588. *Сперанский Н. Кризис русской школы: Торжество политической. реакции. Крушение ун-тов. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914.- 271 с.*
589. *С.-Петербург, 2 февраля 1911 г. // Русское знамя. 1911. 2 февраля. №26. С. 1.*
590. *С.-Петербург, 6 февраля 1911 г. // Русское знамя. 1911. 6 февраля. №29. С. 1.*
591. *[Старый петербуржец]. Городская Дума и Городская Управа. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1906.- 36 с.*
592. *Старый студент. Годовщина С. Петербургского университета // Русская мысль. 1956. 6 марта. №869. С.7.*
593. *Статковский П. С.-Петербургское охранное отделение в 1895-1901 гг. // Былое. 1921. № 16. С. 108-136.*
594. *Сенат о взыскании студенческих ссуд // Биржевые ведомости. 30-го января (12-го февраля) 1915 г. Утренний выпуск. № 14642. С. 4.*
595. *Студенческая нужда // Биржевые ведомости. 17-го (30-го) ноября, понедельник. 1914. № 14500. Утренний выпуск. С. 4.*
596. *Студенческие дела. В Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905. 22 сентября (5 октября.) С. 2.*
597. *Студенческие дела. В С.-Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905. 28 сентября (11 октября). С.2-3.*
598. *Судебная хроника // Биржевые ведомости. 1905. 5 мая. №8806. С.6.*
599. *Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 12 ноября. №261. С.2.*

600. Сходки и манифестации // Русские ведомости. 1910. 13 ноября. №262. С.2.
601. Сырокомля-Сопочько М. Разумная и необходимая мера // Русское знамя. 1911. 2 февраля. № 26. С. 3.
602. Телеграф и телефон (По телефону от наших корреспондентов) // Русские ведомости. 1910. 10 ноября. № 259. С. 2.
603. Телеграфные известия // Русские ведомости. 1905. 22 сентября. С. 2.
604. Тимирязев К.А. Академическая свобода // Тимирязев К.А. Наука и демократия. Сборник статей 1904-1919 гг.- М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1963. С. 17-27.
605. Тотомианиц В.Ф. Задачи городского самоуправления. Краткий очерк муниципального социализма. Изд. 2-е, доп. и испр.- СПб.: «Товарищ», 1906.- 24 с.
606. [Троцкий Л.Д.] Как они «примирают» // Искра. 1903. № 35. 1 марта. С. 4-5.
607. [Троцкий Л.Д.] Опекаемое студенчество // Искра. 1903. № 31. 1 января. С. 2-3.
608. Трубецкой Н. К вопросу о причинах беспрестанно возникающих в наших университетах студенческих беспорядков.- СПб.: тип. М-ва внутренних дел, 1902.- 44 с.
609. Трудовая помощь: Журн., изд. Попечительством о домах трудолюбия и работных домах. СПб., 1897–1918.
610. Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8-13 марта 1910 г.- СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1910.- 885 с.
611. 1905 год в Петербурге. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. Вып. 1: Социал-демократические листовки.- 436 с.
612. У великой могилы // Речь. 1910. 10 (23) ноября. № 309. С. 2.
613. Университетская идея в Российской империи XVIII- начала XX веков: Антология. Учеб. пособие для вузов. Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов.- М.: РОССПЭН, 2011.- 527 с.

614. Университетские вести // Свет. 24 сентября 1905 г. № 249. С. 2.
615. *Уваров С.С.* Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. Уварова в Торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года.- СПб.: в типографии Департамента народного просвещения, 1818.- 63 с.
616. *Успенский Ф.И.* Петербургский университет в 1867-1871 гг. (по воспоминаниям студента) // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 163-174.
617. *Фаминцын А.* Накануне университетской реформы // МБ. 1903. № 1. С. 238-255.
618. *Феоктистов Е.* Магницкий: материалы для истории просвещения в России.- СПб.: Тип. Кесневиля, 1875.- 227 с.
619. *Ферлюдин П.И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Академия наук и университеты.- Саратов: Типо-лит. П.С. Феокритова, 1893. Вып. 1.- 187 с.
620. *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России.- СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1912.- 134 с.
621. Хроника // Новое время. 1905. 13 (26) октября. № 10636. С. 4.
622. Хроника // Новое время. 1905. 30 марта. № 10441. С. 3-4.
623. Хроника // Речь. 1914. 26 сентября (9 октября). № 259 (2928). С. 5.
624. *Череванин Н.* Движение интеллигенции (до эпохи «доверия» кн. Святополка-Мирского) // Общественное движение России в начале XX века. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. Т. 1. С. 259-290.
625. *Чертков В.* Русские студенты в освободительном движении. М.: А.М. Дубровский, 1907.- 60 с.
626. *Чирьев С.И.* Проекты преобразования наших высших и средних учебных заведений.- Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1906. – 28 с.
627. *Чубинский М.П.* Дела высшей школы // Биржевые ведомости. 18-го (31-го) января 1915 г. № 14618. С. 2-3.
628. *Швиттау Г.Г.* [Рец.] Трудовая помощь в России. Ч. 1–2, 1915 // Призвание и благотворительность в России. 1916. № 1–2. С. 110–111.

629. *Шимкевич В.М.* Роль С.-Петербургского университета в развитии точных наук. Речь, произнесенная на торжественном заседании (8) 21 февраля 1919 года по случаю столетия университета // *Естествознание в школе*. 1919. № 3-4. С. 65-76.

630. *Шимкевич В.* Что нужно университетам? // *Образование*. 1901. № 5. Отд. I. С. 2-16.

631. Школа и война. В высшей школе // *Школа и жизнь*. 1914. № 38. 22 сентября. С. 7 (Стб. 998).

632. Школа и война. В высшей школе // *Школа и жизнь*. 1914. № 41. 13 октября. С. 5 (Стб. 1066).

633. *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829-1897.- Юрьев: тип. К. Маттисена, 1899.- 416 с.

634. *Шохоль К.* Студенческие корпорации в русских университетах // *ЖМНП*. Новая серия. 1912. Ч. XLII. № 10. Отд. 3. С. 216-230.

635. *Шураков П.* Очерки студенческого быта // *Студенческое дело*. 1913. 16 февраля. № 4. С. 2.

636. *Энгель Г., Горохов В.* Из истории студенческого движения 1899–1906.- СПб.: В.К. Сердаковский, 1906.- 128 с.

637. *Юзефович В.М.* Записка о мерах к прекращению студенческих волнений и беспорядков и к восстановлению нарушенного ими нормального течения школьной академической жизни.- Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1902.- 71 с.

638. Юридический факультет СПб. университета. 1819-1894 гг. (Историческая справка к 75-летию С.-Петербургского университета) // *Журнал Юридического общества*. 1894. Кн. 3. Март. С. 4-6.

639. *Ярмолович А. [Лозина-Лозинский А.К.]* Смерть призраков: (Надгроб. слово над послед. событиями в С.-Петерб. ун-те): Октябрь 1908 г.- СПб.: Тип. «Луч», 1908.- 87 с.

640. *Ястребов Н.В.* Обзор деятельности Общества охраны материнства и грудных детей в Царском Селе за первый период его существования с 29 ап-

реля 1913 г. по 1 сентября 1914 г. // Призвание и благотворительность в России. 1915. № 5. С. 333–337.

Литература

641. *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. М.: Наука, 1981- 292 с.
642. *Аврус А.И.* Власть и университеты в России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып.10. С. 207-218.
643. *Айрапетьянц Э.Ш.* Алексей Алексеевич Ухтомский.- Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1969.- 64 с.
644. *Акулинин В.Н., Самылов О.В.* Философское общество при Санкт-Петербургском университете (1897–1923).- Новосибирск: Сибвнешторгиздат, 1994.- 40 с.
645. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 221-247.
646. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // Клио. 2013. № 12. С. 46-49.
647. *Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С. 5-21.
648. *Александров Д.А.* Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 152-165.
649. *Александров Д.А.* Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // НЛО. 2002. № 53. С. 90-104.
650. *Алексеев П.В.* Революция и научная интеллигенция. М.: Политиздат, 1987.- 272 с.

651. *Алексеева Т.А.* Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2001. № 6. С. 199-208.

652. *Аль Д. [Альшиц Д.Н.] Шаги истории России из прошлого в будущее.*- СПб.: Наука, 2007.- 367 с.

653. *Аминина М.Н.* Михаил Степанович Ольминский // Петербургский университет и революционное движение в России. Сб. статей.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 138-145.

654. *Ананьич Б.В.* Граф И.И. Толстой и его дневник // Толстой И.И. Дневник. В 2 томах. СПб.: Лики России, 2010. Т. I. 1906-1909. С. 8-19.

655. *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции.- СПб.: Лики России, 2007.- 174 с.

656. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.- 430 с.

657. *Анастасенко Г.В., Кривовичев В.Г.* История минералогического музея Санкт-Петербургского государственного университета.- СПб.: Невский курьер, 1998.- 112 с.

658. *Андреев А.Ю.* «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев.- М.: РОССПЭН, 2009. С. 9-31.

659. *Андреев А.Ю.* «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156-169.

660. *Андреев А.Ю.* «Я бы первая последовала доброму примеру». Неосуществленная университетская реформа Екатерины II // Родина. 2010. № 2. С. 41-44.

661. *Андреев А.Ю.* Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1. С. 62-89.

662. *Андреев А.Ю.* О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 149-159.
663. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.- 640 с.
664. *Андреев А.Ю.* Университетская идея в понимании М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Сер. История. 2011. № 5. С. 52-68.
665. *Андреев А.Ю.* Ф.С. Лагарп и разработка реформы народного просвещения в России // РИ. 2010. № 6. С. 40-47.
666. *Андреев А.Ю.* (общ. ред.), *Феофанов А.М.* (сост.). Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь.- М.: РОССПЭН, 2011.- 207 с.
667. *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения российской империи первой половины XIX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия История Русской православной церкви. 2015. № 4. С. 70-97.
668. *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887-1941.- Саратов: Научная книга, 2006.- 376 с.
669. *Ансберг О.Н., Костина Т.В.* К десятилетию семинара по истории высшей школы // Клио. 2013. № 10 (82). С. 154-156.
670. *Антощенко А.В.* Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263-278.
671. *Антощенко А.В.* Годы магистерской подготовки Г.П. Федотова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 138(1). С. 7–11.

672. *Антощенко А.В.* Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Мат-лы VIII Всерос. науч. конф.- Омск: б.и., 2012. С. 31-33.

673. *Апарин Б.Ф., Матинян Н.Н., Растворова О.Г.* Памятные даты из истории почвоведения в Санкт-Петербургском университете // Вестник СПбГУ. 2006. Серия 3. Вып. 1. С. 18-35.

674. *Апарин Б.Ф., Федорова Н.Н., Счастливая Л.С.* Подготовка почвоведов в Санкт-петербургском (Ленинградском) государственном университете (история и современность) // Вестник СПбГУ. 2006. Серия 3. Вып. 1. С. 39-51.

675. *Аршавский И.А.* Н.Е. Введенский. 1852-1922.- М.: Гос. изд-во мед. лит., 1950.- 184 с.

676. *Ахадова Н.А., Тихонов И.Л.* Благотворительность в Петербургском университете // Знаменитые универсанты в духовном мире России.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2011. С. 176-185.

677. *Базиянц А.П.* Две встречи С.Ф. Ольденбурга с В.И. Лениным и развитие советского востоковедения // Сергей Федорович Ольденбург.- М.: Наука, 1986. С. 21-28.

678. *Балуев Б.П.* Искренний и правдивый друг народа: Василий Иванович Семевский // Историки России. XVIII – начало XX века. (Архивно-информационный бюллетень: Прил. к журн. «Исторический архив») / Отв. ред. А.Н. Сахаров.- М.: б.и., 1996. С. 446-485.

679. *Баранов А.Н.* Создание и деятельность Рождественского клуба кадетской партии в период первой русской революции // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке. В 2-х ч. / Отв. ред. А.Н. Белов. Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2005. Ч. 2. С. 126-130.

680. *Баранова А.Н.* Борьба большевиков за демократическое студенчество в период реакции (1907–1910): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973.- 28 с.

681. *Баранова А.Н.* Работа большевиков среди студенчества на начальном этапе периода реакции // Ленинская партия в борьбе за победу социалистической революции.- М.: б.и., 1973. С. 144-153.

682. *Баринов Д.А.* Землячества Петербургского (Петроградского) университета: от Революции к Мировой войне // Клио. 2016. № 8. С. 30-39.

683. *Баринов Д.А.* Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884-1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. № 10. С. 42-48.

684. *Баринов Д.А.* Национальные корпорации студенчества Петербургского университета в начале XX в. // Клио. 2016. № 1. С. 61-68.

685. *Баринов Д.А.* Студенческие землячества Санкт-Петербургского университета в период подполья (1884–1906 гг.) // Клио. 2015. № 10. С. 93-100.

686. *Баринов Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884-1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.- 23 с.

687. *Баринов Д.А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884-1917 гг.). Дисс ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2015.- 253 с.

688. *Басаргина Е.Ю.* Вице-президент Императорской академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867-1916 гг.).- СПб.: Нестор-История, 2004.- 467 с.

689. *Басаргина Е.Ю.* Императорская академия наук на рубеже XIX – XX веков. Очерки истории. М.: Индрик, 2008.- 655 с.

690. *Бастракова М.С.* Становление советской организации науки (1917-1922).- М.: Наука, 1973.- 294 с.

691. *Бекетова М.А.* Устройство Ботанического сада. Профессорство // Вестник СПбГУ. Сер. 3. Биология. 2013. Вып. 3. С. 179-192.

692. *Беляев С.Г.* И.И. Толстой – столичный городской глава (1913–1916) // Петербургские чтения. СПб., 1999. С. 301-304.

693. *Беляева О.М.* Академическое сообщество в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.- М., 2011. Вып. 34. С. 215-235.

694. *Беляева О.М.* Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 88-92.

695. *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- СПб., 2011.

696. *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // ИЗ. М., 2009. Вып. 12 (130). С. 308-352.

697. *Бережной А.Ф.* Большевистская печать и студенчество университета // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Ист., язык, литер. Вып. 1. С. 27-35.

698. *Берков П.Н.* Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета (со сведениями о последующих сборниках) // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Т. 1. С. 90-94.

699. Библиографический указатель гуманитарных изданий Санкт-Петербургского – Ленинградского университета. Сборники, монографии, учебные пособия (1819-1969) / Сост. *Н.А. Шевченко, Л.А. Шилов, Н.Н. Кирикова*, отв. ред. Н.А. Шешина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.- 317 с.

700. Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. Отв. ред. Е.А. Ростовцев, веб-мастер Д.А. Сосницкий. URL: [http:// bioslovhist.history.spbu.ru/](http://bioslovhist.history.spbu.ru/) (дата обращения: 03.08.2016).

701. Биографический словарь профессоров 1-го Ленинградского Медицинского института им. Акад. И.П. Павлова за 50 лет. 1897-1947. / Под ред. *Ю.Ю. Джанелидзе и С.Я. Фрейдлина*. Л.: Медгиз, 1947.- 155 с.

702. Биографический словарь философов Петербургского университета. Авторский коллектив: А.В. Малинов (отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.),

Д.А. Баринов, И.В. Сидорчук, Д.А. Сосницкий и др. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/ph.html> (дата обращения: 03.02.2016).

703. Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова.- СПб.: Нестор-История, 2011.- 566 с.

704. *Биргер П.А.* Эффективность университетов: модели и реальность // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2015. №19. С.33-41.

705. *Биюшкина Н.И.* Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 37-43.

706. *Бляхер Л.Я.* Константин Николаевич Давыдов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.- 244 с.

707. *Б-ов А.Д. [Бочагов А.Д.]* Петербургская городская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910.- СПб.: б.и., 1904.- 260 с.

708. *Бон Т.М.* Русская историческая наука /1880-1905/. Павел Николаевич Милюков и Московская школа.- СПб.: Олериус Пресс, 2005.- 269 с.

709. *Бондаревская Т.П.* Большевистская организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 67-92.

710. *Бондаревская Т.П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л.: Лениздат, 1975.- 327 с.

711. *Бондаренко А.А., Мельников В.Л.* «Вперед... Вперед без оглядки!». Н.К. Рерих // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2002. Т. I. С. 276-304.

712. *Бондаренко Л.Б., Киселева М.Н., Кораблева Т.П., Корольков Д.В.* Преподавание химии в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 234-259.

713. *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907-1914-е гг. Дисс. ...канд. ист. наук.- Л., 1984.
714. *Борисенко М.В.* Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907–феврале 1917 г. (историография вопроса) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. Т. 5. С. 136–150.
715. *Боровитинов М.М.* Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и общественная деятельность: Биографический очерк.- СПб.: тип. Спб. одиноч. тюрьмы, 1910.- 176 с.
716. *Бородин А.И., Бугай А.С.* Выдающиеся математики: биогр. словарь справочник. 2-е изд. Киев: Радянська школа, 1987.- 653 с.
717. *Бородин И.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын, 1835-1918. Некролог [Оттиск из Известий РАН за 1919 г.. Пг., 1919].
718. Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои / Булдаков В.П., Иванов А.Е., Иванова Н.А. и др. М.: Мысль, 1981.
719. *Брачев В.С.* «Дело» академика А.И. Соболевского: Из истории самоуправления Санкт-Петербургского университета // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 4(9). С. 46-70.
720. *Брачев В.С.* Первый ректор-коммунист // Ленинградский университет. 1987. 20 марта. С. 2.
721. *Брачев В.С.* Председатель студенческого отдела Союза русского народа в Санкт-Петербургском университете Георгий Шенкен: к истории студенческой забастовки 1908 г. // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2(15). С. 98-104.
722. *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. Изд. 2-е. испр. и доп.- СПб.: Нестор, 1997.- 262 с.
723. *Брачев В.С.* Студенты Горного института – против В.М. Пуришкевича: «дело о клевете» 27-29 ноября 1909 г. // Общество. Среда. Развитие. 2009. №1 (10). С. 25-42.

724. *Брачев В.С.* Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском университете // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб ун-та, 2012. С. 54-100.

725. *Брачев В.С.* Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10(82). С. 68-76.

726. *Брачев В.С.* Судьба профессора Н.Н. Розенталя // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 145-160.

727. *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб.: Стомма, 2001.- 243 с.

728. *Брачев В.С.* Крестный путь русского историка. Академик С.Ф. Платонов и его «дело». СПб.: Стомма, 2005.- 435 с.

729. *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907-1911 гг. СПб.: Астерион, 2014.- 253 с.

730. *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004).- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.- 383 с.

731. *Брусникин Е.М.* Из истории борьбы Коммунистической партии за вузовскую интеллигенцию в 1917-1922 гг. // ВИ КПСС. 1972. № 8. С. 81-93.

732. *Брылевская Л.И.* Становление Петербургской математической школы и реформы николаевского времени // Петербургские фрагменты научной картины мира.- СПб.: СПбНЦ РАН, 2002. Т. 3. С. 28-46.

733. *Будницкий О.* В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 3 (13). С. 21-39.

734. *Будылин Д.Ю., Полатайко С.В.* Онтологический анализ университетского идеала // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин.- СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 114-127.

735. *Булгакова Л.А.* Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 244-251.
736. *Булгакова Л.А.* Состав и положение преподавателей в России второй четверти XIX века // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории.- М.;Л.: Ин-т истории СССР, 1980. С. 163-185.
737. *Бурдье П.* Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук.- М.: Socio-Logos, 1996. С. 8-31.
738. *Буряк Б.* Шевченко і царська цензура // Молодий більшовик. 1939. № 3. С. 119-132.
739. *Бухердт В.Г.* С.Ф. Платонов в обществе «Маяк» // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 105-110.
740. *Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов и Кружок русских историков // АЕ за 1999. М., 2000. С. 126-143.
741. *Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917.- Казань: Центр инновационных технологий, 2012.- 287 с.
742. В былые дни (как родился наш коллектив комсомола) // Студенческая правда. 1928. 31 января. № 5. С. 4.
743. В.И. Ульянов (Ленин) в Санкт-Петербургском университете // Студенческая правда. 1927. 7 ноября. №1. С. 1.
744. *Валк С.* Памяти М.А. Сильвина // Ленинградский университет. 1955. 24 июня. № 23 (932). С. 2.
745. *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 7-106. (Первое издание – Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3-79).
746. *Валк С.Н.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов // РИЖ. 1922. №8. С. 244–258.

747. *Варуниц В.П.* Реформатор музыкального творчества. И.Ф. Стравинский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2003. Т. I. С. 384-396.

748. *Васильев А.Г., Рачков Г.Е.* Из истории преподавания и изучения корейского языка в С.-Петербургском университете // Вестник Центра корейского языка и культуры.- СПб., 1997. Вып. 2. С. 7-18.

749. *Васильев В.Н.* «Мы в мир пришли, чтоб не соглашаться». Д.С. Рождественский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2003. Т. II. С. 289-306.

750. *Васильев Л.Л.* Николай Евгеньевич Введенский (К 25-летию со дня смерти) // Вестник ЛГУ. 1947. № 10. С. 92-97.

751. *Вахромеева О.Б.* «Незабываемые годы студенчества». С.Ф. Ольденбург // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Знаменитые универсанты, 2002. Т. I. С. 124-139.

752. *Вахромеева О.Б.* «Русский демократ-интеллигент». Д.И. Шаховской // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2005. Т. III. С. 153-163.

753. *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство университета. Высшие женские Бестужевские курсы. СПб.: Диада-СПб, 2003.- 252 с.

754. *Вахромеева О.Б.* Приглашение к путешествию: методика экскурсионных исторических поездок И.М. Гревса.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2007.- 57 с.

755. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Ред. А.В. Доронин.- М.: РОССПЭН, 2008.- 255 с.

756. *Великанова А.Я., Кондратьев Б.П., Почебут Г.А.* На пути ко второму штурму.- Л.: Лениздат, 1974.- 357 с.

757. *Вернадский В.И.* Памяти профессора П.А. Замятчинского // Изв. АН СССР. 1943. Сер. геологическая. № 1. С. 105-114.
758. *Виноградов Ю.А.* Германские ученые – члены Императорской академии наук и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира.- СПб.: С.-Петербург. науч. центр, 1999. Т. III. С. 40-55.
759. *Вишленкова Е.* Коммеморативная культура российского университета XIX века // Пути России. Историзация социального опыта / Том XVIII. Новое литературное обозрение. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 584-599.
760. *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность.- М.: Новое литературное обозрение, 2012.- 648 с.
761. *Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84-107.
762. *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: Два века университетской культуры Казани.- Казань: Казан. гос. ун-т, 2005.- 498 с.
763. *Вишленкова Е.А., Парсамов В.С.* Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. №3. (20). С. 164-172.
764. *Владимиров В.С., Маркуш И.И.* Академик В.А. Стеклов.- М.: Знание, 1973.- 64 с.
765. *Волк С.С.* Народная воля.- М.; Л.: Наука, 1966.- 491 с.
766. *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура XVIII – начало XX в. Физико-математические науки. Биографический словарь.- М.: Миръ, 2008.- 359 с.
767. *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура XVIII – начало XX вв. Биол. и мед.-биол. науки. Биограф. слов.- М.: Изд-во РХГИ, 2003.- 544 с.

768. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начало XX в. Химические науки. Биографический словарь.- М.: Изд-во РХГИ, 2004.- 274 с.
769. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура, XVIII – начало XX в. Гуманитарные науки: биографический словарь. СПб.: Мирь, 2013.- 420 с.
770. Волков О.В., Хархордин О.В. Теория практик.- СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.- 297 с.
771. Волкова Т.В. Русское физико-химическое общество и Петербургский-Ленинградский университет // Вестник ЛГУ. 1950. № 5. С. 120-125.
772. Волосникова Л.М. Академическая свобода как правовой феномен // Государство и право. 2006. № 8. С. 101-105.
773. Вольфсон Т.С. Вольный университет 1862 г. // Вестник ЛГУ. 1947. № 7. (Июль). С. 96-107.
774. Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века.- М.: б.и., 1994.- 175 с.
775. Ворочай В.В. Университетская философия в контексте социальных процессов: интеллектуальная история и коллективная биография // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2016. №20. С.155-160.
776. Выдающиеся отечественные ботаники: Очерки / Ред., сост. Н.А. Бразилевская, К.И. Мейер и др.- М.: Учпедгиз, 1956.- 443 с.
777. Выскочков Л.В. «Проза» студенческой жизни в поэзии Н.Я. Агнивцева // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / Сост. Т.Н. Жуковская. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко.- СПб.: Нестор-История, 2012. С. 322-340.
778. Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В.Г. Кинелева.- М.: НИИ высш. образования, 1995.- 342 с.
779. Гайдуков П.Г. К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // Российская археология. 2008. № 4. С. 159-166.

780. *Гайдуков П.Г.* Иван Иванович Толстой как нумизмат и коллекционер // Толстой И.И. Дневник. В 2 томах.- СПб.: Лики России, 2010. Т. I. 1906-1909. С. 20-39.

781. *Галкин К.Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР.- М.: Сов. наука, 1958.- 176 с.

782. *Ганелин Р.Ш.* О борьбе с космополитами в общественных науках в конце 1940-х-начале 1950-х годов // Уроки истории-уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 204-224.

783. *Ганелин Р.Ш.* Февральские события 1899 г. в Петербургском университете и студенческое движение в Тарту // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. Т. 7. С. 146-162.

784. *Ганелин Р.Ш.* Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. Т. 6. С. 112-135.

785. *Ганелин Р.Ш., Нардова В.А.* Первая мировая война и петроградская оппозиционность // Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее им. А.С. Пушкина.- СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2000. С. 189-208.

786. *Гатилова А.В.* Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете / автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- Казань, 2012.- 23 с.

787. *Гвоздецкий Н.А.* В. Л. Комаров.- М.: Географгиз, 1953.- 47 с.

788. *Генкель П.А.* Александр Германович Генкель.- М.: Наука, 1981.- 125 с.

789. *Генкель П.А.* Христофор Яковлевич Гоби.- М.: Наука, 1976.- 167 с.

790. *Георгидзе М.* Ленин и грузинское студенчество в Петербурге // Лит. Грузия. 1966. № 4. С. 68-71.

791. *Герд Л.А.* В.Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 52-67.

792. *Герра Р.* Уникальное явление русской художественной культуры XX века. Ю.П. Анненков // Знаменитые универсаны. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсаны, 2005. Т. III. С. 360-370.

793. *Гессен В.Ю., Дмитриев А.Л.* Большой террор на политико-экономическом факультете Ленинградского университета в 1948-1950 гг. (по архивным документам и воспоминаниям) // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко.- СПб.: Нестор-Историк, 2012. С. 340-362.

794. *Гинецинская Т.А.* Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука.- Л.: Наука, 1991.- 556 с.

795. *Гладковская Л.А.* А.С. Попов – Серафимович в петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л., 1962: Изд-во Ленингр. ун-та. Вып. 1. С. 118-128.

796. *Гогоберидзе Д.Б.* Замечательный русский физик Э.Х. Ленц // Вестник ЛГУ. 1950. № 2. Февраль. С. 3-29.

797. *Гоз А.Л.* Пуришкевич и правительственная политика в университетском вопросе // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко.- СПб.: Нестор-История, 2012. С. 298-308.

798. *Галиуллина Р.Х.* Кризис университетской автономии в России: 1840-е – начало 1860-х годов // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко.- СПб.: Нестор-История, 2012. С. 278-286.

799. *Голубцов С.А.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий.- М.: б.и., 1999.- 124 с.

800. *Голынец С.В.* Художник русской сказки и былины. И.Я. Билибин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Нестор-История, 2005. Т. III. С. 285-303.

801. *Голь Н.М.* Первоначальствующие лица: История одного города.- СПб.: Журн. «Нева», 2001.- 415 с.

802. *Горин Д.Г.* К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII –XX веков. Сб. ст.- Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. С. 42-51.

803. *Городские головы Петербурга* // Петербургская городская дума. 1846-1918. Отв. ред. В.А. Нардова.- СПб.: Лики России, 2005. С. 417-448.

804. *Горишков П.М.* Очерки по истории астрономии в Петербургском-Ленинградском университете / В.К. Вишневский, С.И. Зеленой, А.Н. Савич // Ученые записки ЛГУ. 1976. № 385. Сер. матем. наук. Вып. 32. С. 194-199.

805. *Горишков П.М.* Профессор Александр Александрович Иванов – основатель школы теоретиков-астрономов в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. 1948. № 9. С. 111-121.

806. *Градоначальники. Петербург — Петроград — Ленинград — Петербург* / Автор-составитель Д.В. Митюрин.- СПб.: Новое культ. пространство, 2003.- 905 с.

807. *Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: опыт толкования души // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 44-81.

808. *Грибовский М.В.* Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов рубежа XIX-XX вв. в российских и зарубежных архивах // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 53-60.

809. *Грибовский М.В.* Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 76-80.

810. *Грибовский М.В.* Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый ИВ. 2015. № 44. С. 54-71.

811. *Грибовский М.В.* Политический надзор над профессорами и преподавателями российских университетов в конце XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1. С. 25-30.

812. *Грибовский М.В.* Профессура и студенчество в предреволюционном российском университете: грани взаимоотношений // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4. С. 158-166.

813. *Грибовский М.В.* Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе государственных дум в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 46-51.

814. *Грибовский М.В.* Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 2. С. 103-108.

815. *Гришунин П.В.* Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни: 1820-1880е.: диссертация ... кандидата исторических наук.- СПб., СПбГУ экономики и финансов, 2006.

816. *Груздева Е.Н.* «Прежде всего труженик...». Н.Е. Введенский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Нестор-История, 2005. Т. III. С. 44-64.

817. *Груздева Е.Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008.- 199 с.

818. *Груздева Е.Н.* С.Ф. Платонов и С.В. Рождественский // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 362-374.

819. *Гусятников П.С.* Из истории партийной организации университета 1903-1958. Начало деятельности социал-демократической группы (1903-1904) // Ленинградский университет. 1958. 17 февраля. С. 1-3.

820. *Гусятников П.С.* Революционное студенчество Петербурга накануне и в период первой русской революции.- Л.: б.и.,1951.- 26 с.
821. *Гусятников П.С.* Студенческое движение в 1905 г. // ВИ. 1955. № 10. С. 74-81.
822. *Гутнов Д.А.* Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 1. С. 57-68.
823. *Гутнов Д.А.* Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX – начале XX вв. Дисс.....канд. ист наук.- М., 1992.
824. *Давидович Я.И.* «Дело» Санкт-Петербургского университета 1821 г. // Вестник ЛГУ. 1947. № 3. С. 145-155.
825. *Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.* Изучение истории университета на историческом факультете // КЛИО. 2013. № 10 (82). С. 4-5.
826. 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись. 1724-1999. Под ред. Л.А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та,1999.- 422 с.
827. *Дворниченко А.Ю.* From US with love and care: феномен Георгия Вернадского // Клио. 2013. № 12 (84). С. 135-138.
828. *Дворниченко А.Ю.* Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа // Клио. 2013. № 10 (82). С. 88-91.
829. *Дворниченко А.Ю.* Наука в России в XIX – XX вв. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 128-146.
830. *Дворниченко А.Ю.* С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет // Клио. 2013. № 10. С. 126-129.
831. *Дейнека Д.И.* Гистологическая школа Петербургского (Ленинградского) университета // Вестник ЛГУ. 1947. № 12. С. 108-118.
832. *Делоне Б.Н.* Петербургская школа теории чисел. М.,Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947.- 422 с.
833. *Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.- 46 с.

834. Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции (Автобиографии и биографии) // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. / Под. ред. Ю.С. Гамбарова и др. [М.: т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1927.] Т.41. Ч.1. Прил. К циклу статей «Союз Советских Социалистических республик». Стб. 1-350.

835. *Друголенский Я.Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга–Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники.- СПб.: Журн. «Нева», 2001.- 414 с.

836. *Дмитриев А.* Во главе Центрального статистического комитета и Статистического совета: Павел Иванович Георгиевский // Вопросы статистики. 1997. № 10. С. 93-96.

837. *Дмитриев А.Л.* Василий Гаврилович Яроцкий // Очерки по истории финансовой науки / Под ред. В.В. Ковалева. М.: Проспект, 2009. С. 479-489.

838. *Дмитриев А.Л.* Финансист и экономист В.Г. Яроцкий // Реформы и право. 2009. № 2. С. 73-80.

839. *Дмитриев А.Н.* Заграничная «аспирантура» как институт подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Науч. ред.: М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых.- Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 65-76.

840. *Дмитриев А.Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900-1917 годы) университетов // Университет и город в России (начало XX века). / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева.- М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105-204.

841. *Дмитриев А.Н.* Статусы знания: о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века // НЛЮ. 2013. Т. 122. № 4. С. 108-133.

842. *Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М.: ИВИ, 2001. С. 296-335.

843. *Дмитриев Г., Ваксельман М.* Туркестанское землячество в Петербурге // Звезда Востока. 1960. № 8. С. 159-160.

844. *Дмитриев И.С.* «Души отчаянной протест» (Заметки о Д.И. Менделееве) // Вестник СПбГУ. 2004. Сер.4. Физика. Химия. Вып. 3. С. 115-130.

845. *Дмитриев И.С.* «Он химик, ботаник, механик и матрос» О статье О.В. Михайлова «“Чемоданных дел мастер”, или ещё раз о Дмитрие Ивановиче Менделееве» // Вестник Российской Академии Наук. 2015. Т. 85. № 4. С. 338–343.

846. *Добронравов В.* Из истории нашего Университета. Студенческие волнения 60-х гг. // Студенческая правда. 1928. 7 ноября. № 16. С. 5.

847. Четверть века назад» (университет и революция 1905 г.) // Студенческая правда. 1930. 14 января. № 1-2 (38-39). С. 8.

848. *Догель А.Ф.* О.А. Ковалевский и Санкт-Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1951. № 11. С. 95-99.

849. *Догель В.А.* История развития биологических наук в Ленинградском государственном университете // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция биологических наук.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1946. С. 3-18.

850. *Долгова Е.А.* Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916-1923) // Клио. 2013. № 12. С. 67-70.

851. *Дондуа А.К.* Премии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей // Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей на пороге нового столетия.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 52-56.

852. *Дравнина Е.Ю.* Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864-1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.- СПб., 2006.- 27 с.

853. *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.).- М.: Наука, 1982.- 416 с.
854. *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции.- М.: Наука, 1988.- 244 с.
855. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Н.А. Некрасов и Петербургский-Ленинградский университет. Статья вторая // Вестник ЛГУ. 1947. № 1. С. 166-178.
856. *Евдокимова Т.Ю., Кульганек Т.В.* Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете // Mongolica. 2008. VIII. С. 12-27.
857. *Ежов В.А., Марголис Ю.Д., Яковлев В.П.* Предисловие // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. С. 5-20.
858. *Ендольцев Ю.А.* Александровская Коллегия // Нева. 2003. № 1. С. 229-231.
859. *Ендольцев Ю.А.* Санкт-Петербургский государственный университет. Нестандартный путеводитель.- СПб.: Бельведер, 1999.- 220 с.
860. *Ендольцев Ю.А.* П.А. Столыпин в Петербурге // Журнал Санкт-Петербургский университет. 2007. № 3. URL: <http://journal.spbu.ru/2007/09/20.shtml> (дата обращения: 05.07.2015).
861. *Еремина Т.И.* О порядке делопроизводства в университетских судах в отношении студентов (на примере Санкт-Петербургского и Казанского университетов) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ по итогам конф. «Судебные реформы в контексте истории российской государственности: к 150-летию Судебных уставов 1864 года» / Кур. гос. ун-т, каф. теории и истории государства и права. Курск: Курский государственный университет, 2014. Вып. 9-1. С. 57-63.
862. *Ермаков В.Д.* Некоторые документы о Всероссийской студенческой стачке 1899 года // История глазами историков. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профес-

сора, заведующего кафедрой Российской истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского. Науч. ред. и сост. Г.А. Тишкин.- СПб.: СПбГАУ, 2002. С. 185-196.

863. *Ермакович Ю.М.* Социология в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 292-324.

864. *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966.- 373 с.

865. *Ермичев А.А.* Скверный анекдот или Дело двух профессоров // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 90-101.

866. *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет.- М.: Парад, 2005. С. 120-241.

867. *Ермошко А.Г.* Изменение социального облика студенчества Петроградского / Ленинградского университета в первые годы Советской власти // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2 (16). С. 1.

868. *Ершова В.М. О.А.* Добиаш-Рождественская.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.- 111 с.

869. *Жаба С.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу.- Paris: Рус. книгоизд-во J.Povolozky, [1924?].

870. *Жуйкова Р.Г.* Революционное студенческое движение в Петербурге в 80-х гг. XIX в. (1881–1887 гг.): дис. ... канд. ист. наук.- Л., 1965.

871. *Жуйкова Р.Г.* Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в. // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. Вып. II. С. 41-51.

872. *Жуков И.И.* Очерк истории химии в С.-Петербургском – Петроградском – Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция хим. наук.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1946. С. 93-11.

873. *Жуков Н.И., Никольский Б.П.* Менделеевское чтение 1948 г. в Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. 1948. № 3. Март. С. 166-167.

874. Жуковская Т., Ростовцев Е. Образование в своем Отечестве // Родина. 2013. № 3. С. 93-96.
875. Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 258-278.
876. Жуковская Т.Н. Представляя университетское сословие // Вестн. С.- Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 3. С.170-176.
877. Жуковская Т.Н. Историко-филологический факультет С.-Петербургского университета на рубеже XIX и XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы междунар. науч. конф.- Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 339–349.
878. Жуковская Т.Н. Какая история нужна С.-Петербуржскому университету? // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов.- СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 463-478.
879. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. Вып. VII. С. 56-74.
880. Жуковская Т.Н. С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков: к истории взаимоотношений // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт.- СПб.: Нестор-История, 2011. С. 424-430.
881. Жуковская Т.Н. Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830-х начале 1860-х гг. // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия

вия (традиции и новации). Сб. матер. Всероссийской научной конф.- Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2009. С. 192-199.

882. Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России: Курс лекций.- Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011.- 140 с.

883. Жуковская Т.Н., Любезников О.А. Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения // Клио. 2013. № 10 (82). С. 26-35.

884. Журавский Д.А. Университетское медицинское образование: история и современность // Бюллетень Федерального центра сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова. 2013. Апрель. С. 106-110.

885. Завадский Н.Г. Испытание войной: Российское студенчество и политические партии в 1914-1917 гг.- СПб.: Нестор, 1999.- 45 с.

886. Завадский Н.Г. Революционное студенчество Петербурга 1907-1914 гг.: проблема взаимоотношений с политическими партиями России: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- СПб, 1991.- 15 с.

887. Завадский Н.Г. Студенческое движение и политические партии России в конце XIX – начале XX века: дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2000.

888. Завьялов Д.А. Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // Клио. 2006. № 1. С. 105-111.

889. Завьялов Д.А. Российское законодательство о студенческих организациях // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 4. С. 186-200.

890. Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

891. Зайцева А.В. Учебные издания студентов во второй половине XIX – начале XX в.: распространение и реклама // Вестник ВятГГУ. 2015. № 1. С. 75-80.

892. Залесский Д.М. Материалы для истории Ботанического сада при Петербургском – Ленинградском университете // Вестник СПбГУ. Сер. 3. 2013. Вып. 3. С.220-225.

893. *Зальцберг М.* Три жизни академика В.Н. Ипатьева // *Химия и жизнь*. 1992. № 10. С. 78-84, № 11. С. 25-30, № 12. С. 17-24.
894. *Занозина В.Н., Адаменко Е.А.* Благотворительность и милосердие. Рубеж XIX-XX веков.- СПб.: Лики России, 2010.- 248 с.
895. *Запорожец О.А.* Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ НИУ Высшая школа экономики). 2011. Вып. 6 (56). 46 с. URL: http://www.hse.ru/data/2012/02/07/1262502988/WP6_2011_06_fff.pdf, (дата обращения: 10.05.2014).
896. *Зарубницкий Г.М., Славинский Е.Н.* «Точное знание. Ничего с налету. Все долгим и тяжким трудом». А.А. Пиленко // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Нестор-История, 2003. Т. II. С. 224-235.
897. *Захаров В.И.* Университетский устав 1884 г. Реформа или «контр-реформа»? // *Центр и периферия*. 2008. № 1. С. 26-29.
898. *Зверев В.М., Клушин В.И.* Михаил Васильевич Серебряков.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.- 63 с.
899. *Зиборова Е.О.* Студенческие переписи в Петербургском университете в начале XX в. // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 65-68.
900. *Зимин И.В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX–начало XX в.).- СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2004.- 367 с.
901. *Зимин И.В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX–начало XX в.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2004.- 49 с.
902. *Зиновьев С.И., Ременников Б.М.* Высшие учебные заведения СССР. Университеты, экономические и юридические вузы.- М.: Высшая школа, 1962.- 320 с.
903. *Зипунникова Н.Н.* Правовое регулирование испытаний в университетских комиссиях (из истории российской образовательной политики конца XIX – начала XX в.) // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2012. № 2-1. С. 98-104.

904. *Зипунникова Н.Н.* Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 17–29.

905. *Зипунникова Н.Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII-начала XX века. Екатеринбург, 2009.

906. *Змеев В.А.* Эволюция высшей школы Российской империи.- М.: ЛАТМЭС, 1998.- 241 с.

907. *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.).- Л.: Наука, 1988.- 349 с.

908. *Золотарев Б.Н.* В.И. Ленин и революционное студенчество Петербургского университета в период создания и деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Ист., язык, литер. Вып. 1. С. 9-26.

909. *Золотинкина Л.И., Урвалов В.А.* Изобретатель радио, основоположник радиотехники. А.С. Попов // Знаменитые универсаны. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Нестор-История, 2005. Т. III. С. 74-101.

910. *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870-1920).- М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011.- 441 с.

911. *Иванов А.Е.* «Половой вопрос», брак, семья в бытовом сознании и поступках российских студентов (1880-е гг. – начало XX в.) // РИ. 2010. № 6. С. 84-96.

912. *Иванов А.Е.* «Ученое достоинство» в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова.- М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2014. С. 128-149.

913. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв.- М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991.- 392 с.

914. *Иванов А.Е.* Демократическое студенчество в революции 1905-1907гг. // ИЗ. 1982. Т. 107. С. 171-225.
915. *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество в российской империи начала XX века.- М.: Новый хронограф, 2007.- 427 с.
916. *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века.- М.: Новый хронограф, 2010.- 331 с.
917. *Иванов А.Е.* Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революций // РИ. 2014. № 5. С. 147-164.
918. *Иванов А.Е.* Образ профессора в мемуарах бывших студентов второй половины XIX – первой половины XX в. // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева в 2-х томах.- М.: Издательский центр РГГУ, 2013. Т. 2. С. 419-431.
919. *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: Общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 60-77.
920. *Иванов А.Е.* Российские университеты и русско-японская война // Проблемы отечественной истории. М., 1973. Т.1. С. 268-282.
921. *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 108-127.
922. *Иванов А.Е.* Российское студенческое сообщество в высшей школе Германии в конце XIX – начале XX вв. // В кругу учеников, коллег, друзей: [Сб.]: К 70-летию И.П. Ермолаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 85-101.
923. *Иванов А.Е.* Социальная природа российского студенчества XIX – начала XX вв. // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX вв.: Материалы конференции памяти В.С. Дякина.- СПб.: Nestor-Historia, 2001. С. 109-129.
924. *Иванов А.Е.* Студенческая «самопомощь» в высшей школе Российской империи. Конец XIX – начало XX века // ОИ. 2002. № 4. С. 35-49.

925. *Иванов А.Е.* Студенческие корпоративные праздники в России XIX- начала XX в. // Долг и судьба историка сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова.- М.: РОССПЭН, 2008. С. 235-246.

926. *Иванов А.Е.* Студенческие корпорации конца XIX – начала XX вв. Опыт культурной и идеологической самоорганизации.- М.: Новых хронограф, 2004.- 408 с.

927. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально историческая судьба.- М.: РОССПЭН, 1999.- 414 с.

928. *Иванов А.Е., Кулакова И.П.* Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // РИ. 2013. № 2. С. 44-62.

929. *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202-212.

930. *Иванов А.Е.* Студенты в окопах // Родина. 1993. № 8–9. С. 150–152.

931. *Иванов А.Е.* Университеты в России в 1905 г. // ИЗ. М., 1971. Т. 88.

932. *Иванов А.Е.* Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX вв. // Историографические и исторические проблемы русской культуры / Отв. ред. Л.Н. Пушкарев. Сб. статей.- М.: Ин-т истории СССР, 1983. С. 176-177.

933. *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. - 1917.- М.: ИРИ, 1994.- 195 с.

934. *Иванова Л.В.* В Петербурге Шверубович стал Качаловым // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2003. Т. II. С. 273-288.

935. *Ивкина Т.В., Подольская И.А.* Система подготовки научно-педагогических кадров российских университетов по университетским уставам 1863 и 1884 годов // Вопросы управления. 2009. № 1 (6). С. 122-125.

936. Игнатий Юлианович Крачковский / Автор-составитель И.Н. Винников. М.;Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1949.- 191 с.

937. *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции.- М.: Наука, 1966.- 400 с.
938. Из писем к Веселовскому: Д.С. Мережковский / Публ. М.Ю. Корневой // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы.- СПб.: Наука, 1992.- 389 с.
939. *Иконникова С.Н.* «Я буду поступать согласно своим убеждениям». Н.О. Лосский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2003. Т. II. С. 150-168.
940. *Илизаров С.С.* Историк науки Т.С. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12. С. 50-55.
941. Императорский Московский университет. 1755-1917. Энцикл. Словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков.- М.: РОССПЭН, 2010.- 894 с.
942. *Иогансен М.В.* История здания 12 коллегий во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. Т. 1. С. 184–199.
943. *Иодко О.В.* П.В. Никитин и его вклад в византинистику // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. Под ред. И.П. Медведева.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 131-171.
944. *Исаков С.* Профессор А.С. Яценко: Опыт краткой биографии // Tartu ulikooli ajaloo kflsi-musi. (Ученые записки Тартуского университета). XIX. Tartu, 1987. С. 187-198.
945. *Исакова Л.В., Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е..* 100 лет византиноведения в ЛГУ // Очерки по истории ЛГУ. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. Т. III. С. 26-54.
946. Историки России XX века. Биобиблиографический словарь. Отв. ред. А.А. Чернобаев.- СПб.: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. Т. 1-3.
947. История Академии наук СССР / Главн. ред. *К.В. Островитянинов.*- М.;Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1964. Т. 2. 1803-1917.- 772 с.

948. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год.- М.: Госполитиздат, 1945.- 351 с.

949. История высшей школы в СССР, ее развитие и совершенствование. Библиографическая информация.- М.: б.и., 1971–1973. Вып. 1–3.

950. История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. *В.В. Мавродин*.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.- 663 с.

951. История Московского университета / Отв. ред. *М.Н. Тихомиров*.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. Т. 1: 1755-1917.

952. История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии. Руководитель проекта, проф. А.Ю. Дворниченко. URL: <https://history.spbu.ru/files/Bibl.pdf> (дата обращения: 01.09.2015).

953. История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (Культурное наследие, музейные коллекции, биографика). [Электронный ресурс]. Руководитель проекта Е.А. Ростовцев, веб-мастер Д.А. Сосницкий. URL: <http://history.museums.spbu.ru/> (дата обращения 3.08.2016).

954. *Итенберг Б.С., Черняк А.Я.* Александр Ульянов.- М.: Госполитиздат, 1966.- 72 с.

955. *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии.- СПб.: Феникс, 2006.- 248 с.

956. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века.- СПб.: Гиперион, 2007.- 241 с.

957. *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.- 135 с.

958. *Казакевич Р.А., Мандель С.З.* К истории столетнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. Т. 2. С. 159-166.

959. *Казакевич Р.А., Мандель С.З.* Научная и культурно-просветительная деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов

XIX века: Студенческое Научно-литературное Общество Петербургского университета.- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.- 75 с.

960. *Казакевич А.Н.* Москва и Петроград фронту в пасхальные дни 1915 года // Петербургские чтения-97: Материалы Энцикл. б-ки «Санкт-Петербург-2003».- СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1997. С. 315–317.

961. *Казакова В.С.* Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Клио. 2001. № 1 (13). С. 254-258.

962. *Каледин Н.В.* Общественная география в Санкт-Петербургском университете: истоки э этапы развития // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. География. 2015. № 1. С. 58-74.

963. *Калинин А.Ф., Мандель С.З.* В.И. Ленин и Петербургский университет. Л.: Лениздат, 1969.- 271 с.

964. *Камардина О.В.* Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- Самара, 1999.- 19 с.

965. *Камчатнов Г.А.* Отечественная историография правительственной политики в университетском вопросе // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 10 (50). С. 66-71.

966. *Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени.- М.: Наука, 1979.- 151 с.

967. *Каплан В.* Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX – начало XX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. Коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / Отв. ред. А.Н. Дмитриев.- М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 355-382.

968. Каталог Российской Национальной библиотеки. URL: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do (дата обращения: 1.02. 2016).

969. *Кауфман А.Е.* Писательские общества и кружки // *Манфред III.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг. Словарь.- М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 277-284.

970. *Кащенко С.Г., Приймак Н.И.* Источниковедение отечественной истории в С.-Петербургском университете (середина XIX в. – 1970-е гг.): Формирование традиций // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 147-168.

971. *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (Ноябрь 1917–середина 1918 гг.).- М.: Наука, 1980.- 199 с.

972. *Киреева Р.А.* Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России. XVIII – начало XX века. (Архивно-информационный бюллетень: Прил. к журн. «Исторический архив») / Отв. ред. А.Н. Сахаров.- М.: б.и., 1996. С. 268-314.

973. *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в.- М.: Наука, 1990.- 264 с.

974. *Кириянов Г.Ф.* Василий Васильевич Докучаев. 1846-1903.- М.: Наука, 1966.- 291 с.

975. *Кичеев В.Г.* Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 г.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- СПб., 1993.

976. *Климов И.П.* К вопросу о двоевластии в России после февральской революции 1917 года // Академический вестник. 2009. № 2. С. 142-147.

977. *Клушин В.И.* Первые ученые-марксисты Петрограда: Историко-социологический очерк.- Л.: Лениздат, 1971.– 340 с.

978. *Клыкова Е.Д.* Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. № 1. С. 42-51.

979. *Князев Е.А.* Автономия университетов: персоналистско-аксиологический подход // Universum: психология и образование . 2014. № 5-6 (6). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtonomiya-universitetov-personalistsko-aksiologicheskiiy-podhod> (дата обращения: 22.03.2016).

980. *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Под ред. М.В. Ковалева и Р.В. Плева.- Саратов: б.и., 2015. С. 93-109.

981. *Ковалева А.С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война. История и психология: Материалы Российской научной конференции, 29-30 ноября 1999 г., Санкт-Петербург.- СПб.: Нестор, 1999. С. 101-108.

982. *Ковальов І.* Юбілей Т.Г. Шевченка при царизмі (3 матеріалі в Центрального державного архіву внутрішньої культури побуту) // Радянське літературознавство. Наукові записки. 1939. Кн. IV. С. 132.

983. *Козбарь Л.И.* Логика в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин.- СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. С. 165-193.

984. *Козьмин В.А.* Из истории этнографического образования в Ленинградском/Санкт-Петербургском университете // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 109-117.

985. *Колесников А.Я.* Константин Сигизмундович Жарновецкий // Петербургский университет и революционное движение в России: [Сб. статей].- Л.: Издательство ЛГУ, 1979. С. 175-179.

986. *Колосов Ю.И.* Юрий Петрович Новицкий. 80 лет со дня гибели // Санкт-Петербургский университет. 2002. 16 сентября. №18 (3608). URL: http://www.spbumag.nw.ru/2002/18/num_index.html (дата обращения: 01.06.2016).

987. *Колчинский Э.И.* Борьба за выживание: Академия наук и гражданская война // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX вв.= Academic science in Saint Petersburg in the XVIII-XX centuries. [Ред.-сост.: д. филос. н., проф. Э.И. Колчинский, д. ф.-м. н., проф. Э.А. Тропп]: Исторические очерки. Отв. ред. Ж.И. Алферов.- СПб.: Наука, 2003. С. 361-399.

988. *Колчинский Э.И.* В поисках новых форм организации российской науки // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX вв.= Academic science in Saint Petersburg in the XVIII-XX centuries. [Ред.-сост.: д. филос. н., проф. Э.И. Колчинский, д. ф.-м. н., проф. Э.А. Тропп]: Исторические очерки. Отв. ред. Ж.И. Алферов.- СПб.: Наука, 2003. С. 336-358.

989. *Колчинский Э.И.* Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (Интервью с академиком А.Д. Александровым) // Репрессированная наука= The oppressed science: Под общей ред. М.Г. Ярошевского.- СПб.: Наука [Санкт-Петербургское отделение], 1994. Вып. II. С. 169-175.

990. *Колчинский Э.И.* Первая Мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус.- СПб.: Нестор-История, 2007. С. 9–24.

991. *Кольцов А.В.* Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил в России: 1914–1918 гг. // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 128–139.

992. *Комарова О.И.* Упрочнение модели классического университета: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук.- М., 2005.- 15 с.

993. *Конечный А.М., Купман В.А.* Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова // *Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...».- Л.: Лениздат., 1991. С. 5-23.

994. *Кононов А.Н.* Восточный факультет Ленинградского университета (1855–1955) // Вестник ЛГУ. 1957. № 8. Серия истории, языка и литер. Вып. 2. С. 5-22.

995. *Кононов А.Н.* Столетие восточного факультета Ленинградского университета (1855-1955) // Советское востоковедение. 1956. № 2. С. 83-90.

996. *Кононова Н.Н.* Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Издательство ЛГУ, 1968. Т.2. С. 138-151.

997. *Конохова А.С.* Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг. // *Клио*. 2013. № 10. С. 117-120.

998. *Копанева Н.П., Самокиш А.В.* Рукописное наследие Бориса Евгеньевича Райкова и его автобиографические очерки // *Райков Б.Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки / Отв. ред. Н.П. Копанева.- СПб.: Коло, 2011. Кн. 1. С. 36-53.

999. *Корзун В.П., Мамонтова М.А.* «Жизни наши ... протекли ... врозь» (К истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2004. Вып. 12.. С. 313 – 332

1000. *Корзун В.П.* Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // *АЕ* за 1994 год. М., 1996. С.255-263.

1001. *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций).– Екатеринбург; Омск: Изд-во Ур. ун-та ОмГУ, 2000.– 226 с.

1002. *Корзун В.П.* Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) // *Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов*. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2016. С. 378-389.

1003. *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские.– СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2011.– 191 с.

1004. *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.

1005. *Костина Т.В.* Мир университетского профессора Казани. 1804-1864. Дисс... канд ист. наук. Казань, 2007.- 226 с.

1006. *Костина Т.В.* Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // *Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996)* / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко.- СПб.: Нестор-история, 2012. С. 234–242.

1007. *Котов А.* «Пресмыкающийся профессор» против университетской автономии // Гефтер. 24.07.2012. URL: <http://gefter.ru/archive/5471#anchor1> (дата обращения: 04.04.2014).

1008. *Кочергин* Семь лет назад // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 4.

1009. *Красникова А.В.* Первые коллективы РКП(б) Петроградского государственного университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. Т. 3. С. 18-24.

1010. *Краснов П.В.* «Оградить учащуюся молодежь от доминирующего влияния на нее злонамеренного меньшинства...» записка С.В. Зубатова о студенческом движении рубежа XIX-XX вв. // Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 107-114.

1011. *Краснов П.В.* Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - М., 2008. – 23 с.

1012. *Краснова Ю.В.* Идеал преподавания: преподавание на историко-филологических факультетах Московского и Санкт-Петербургского университетов в воспоминаниях современников (70-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2002. № 2 (14). С. 100-122.

1013. *Красножен Н.А.* Общественная мысль России о реформе высшего образования в начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - М., 2007. - 30 с.

1014. Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889–1914 // Историческое Обозрение за 1915 год. Т. 20. 1915. Отд. II. С. 206–212.

1015. *Крачковский И.Ю.* П.К. Коковцов в истории русского востоковедения // Известия АН СССР. 1944. Т. III. Вып. 6. С. 274-279.

1016. *Кривоноженко А.Ф.* Деятельность рабочего факультета Петроградского университета в 1919 – 1922 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. № 4. С. 166–171.

1017. *Кривоноженко А.Ф.* К вопросу получения Петроградским университетом дополнительных территорий на Васильевском острове в 1917 – начале 1920-х гг. // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 97-104.

1018. *Кривоноженко А.Ф.* Межинституциональные коммуникации в сфере высшего образования в 1917–1922 гг. на материалах Петроградского университета: электронное научное издание / А.Ф. Кривоноженко.– Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Эл. публ.

1019. *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917 – 1922 гг.: дисс. ...канд. ист. наук.– СПб., 2014.- 262 с.

1020. *Кривоноженко А.Ф.* Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917-1922 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. Февраль. № 1. С. 21-23.

1021. *Кривоноженко А.Ф.* Процесс советизации Петроградского университета в 1918-1922 гг. // Клио. 2013. № 10. С. 104-108.

1022. *Кривоноженко А.Ф.* Стратегия бойкота Петроградского университета в первые месяцы после Октябрьской революции // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (20 – 2 апреля 2012 года, Санкт-Петербург).- СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 99–105.

1023. *Критский Ю.М.* В.И. Семевский и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. История. Язык. Литература. Вып. 1. С. 165-168.

1024. *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141-153.

1025. *Кропотов А.И.* Николай Яковлевич Сонин (1849-1915).- Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967.– 135 с.

1026. *Круглова З.С.* Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1964. № 229. Материалы и исследования по истории СССР. С. 182–206.

1027. *Круглова З.С.* Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. СХХХV. С. 31-45.

1028. *Кручковская В.М.* Политические настроения российского студенчества: 1905-1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб.: С.-Петербург. фил. Ин-та рос. истории, 1996. С. 98-113.

1029. *Кручковская В.М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986.– 138 с.

1030. *Крышук Н.П.* «Я родился в ректорском ломе». А.А. Блок // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. –СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. I. С. 343-358.

1031. *Куделли П.Ф.* Народовольцы на перепутьи: дело Лахтинский тип.– Л.: Госиздат, 1925.- 168 с.

1032. *Кузнецов В.И., Максименко А.М.* Владимир Николаевич Ипатьев. 1867-1952: [Химик].– М.: Наука, 1992.– 189 с.

1033. *Кузнецов С.С.* Петр Андреевич Земятченский // Вестник ЛГУ. 1948. № 10. С. 86-97.

1034. *Кузнецов С.С.* Крупный русский ученый Ф.Ю. Левинсон–Лессинг // Вестник ЛГУ. 1948. № 5. С. 128-144.

1035. *Кузнецов С.С.* Профессор Александр Александрович Иностранцев // Вестник ЛГУ. 1948. № 3. С. 136-148.

1036. *Кузнецов С.С.* Франц Юльевич Левинсон-Лессинг.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.– 29 с.

1037. *Кузьмин М.К.* Филипп Васильевич Овсянников (1827-1906)// Овсянников Ф.В. Избранные произведения М.: Медгиз, 1955. С. 5-26.

1038. *Кулаков В.В.* Государственное устройство белой России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 3. С. 48–51.

1039. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка.- Рязань: НРИИД, 2004.– 467 с.

1040. *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения–96: Ма-

териалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1996. С. 171-173.

1041. *Куликова А.М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге.— М.: Наука, 1982. — 207 с.

1042. *Култышев П.Г.* Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Ростов-на-Дону, 2010.— 30 с.

1043. *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917 – 1925).— Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984.— 197 с.

1044. *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 185-201.

1045. *Куприянов А.В.* Полвека зоологии беспозвоночных в Санкт-Петербургском Императорском университете // Историко-Биологические исследования. 2013. Т. 5. № 3. —С.152-155.

1046. *Куприянов В.А.* Университет и эффективность науки: к вопросу о сущности оценки эффективности науки // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2015. №19. С.19-32.

1047. *Курбатов С.М.* История кафедры минералогии Ленинградского государственного университета.— Л.: б.и., 1972.— 88 с.

1048. *Кушков Н.Г.* На акте 8 февраля 1881 года (Из истории студенческих волнений) // Вестник ЛГУ. 1946. № 3. С. 112-117.

1049. *Ладыгин А.В.* Образ Германии в сознании российского общества в 1870-1890 гг. (по материалам прессы): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.— 27 с.

1050. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // Клио. № 12 (84). 2013. С. 83–101.

1051. *Лантева Л.П.* История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе (1985-1999 годы) // Российские

университеты в XVIII-XX вв. Сб. научных трудов. Воронеж: б.и., 2000. Вып. 5. С. 4-27.

1052. *Латишина Р.Г., Жуйков Г.С.* Революционные и социал-демократические кружки в Петербургском университете в 1883-1891 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 22–38.

1053. *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Ф.И. Успенский и Петербургский университет // История и культура. 2005. № 4. С. 238–345.

1054. *Лебедева М.В.* Народный комиссариат просвещения РСФСР в ноябре 1917–феврале 1921 гг. (опыт управления): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- М., 2004.– 30 с.

1055. *Левандовский С.Н.* «Университетская жизнь не должна... проходить бесследно». И.Э. Грабарь // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 262-284.

1056. *Лейберов А.И.* Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июнь 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– Л., 1981.– 20 с.

1057. *Лейберов А.И.* Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 –февраль 1917 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук.– Л., 1981.– 213 с.

1058. *Лейберов И.П.* Возникновение кавказского землячества в Петербургском университете в период первой революционной ситуации // Петербургский университет и революционное движение в России.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 92–100.

1059. *Лейберов А.И.* Сергей Иванович Петриковский // Петербургский университет и революционное движение в России. Отв. ред. Н.Г. Сладкевич, Г.А. Тишкин.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 184-191.

1060. *Лейберов И.П.* Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сб. статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева.- СПб.: Алетейя, 1999. С. 497–501.

1061. *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914–февраль 1917 г.) // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 3–40.

1062. *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 151–158.

1063. *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг.- М.: Мысль, 1981.- 285 с.

1064. Ленинград. Историко-географический атлас.- М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1977.- 120 с.

1065. Ленинградский государственный университет им. А.С. Бубнова // Университеты и научные учреждения. К XVII съезду ВКП (б) /Отв. ред. Г.М. Кржижановский.- М.;Л: Гос. тех.-теорет. изд-во, 1934.- С. 115–179.

1066. Ленинградский государственный университет: [Очерк]: К 200-летнему юбилею Академии наук/ Под ред. В.Б. Томашевского.- Л.: Государственное издательство, 1925.- 60 с.

1067. Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова за годы советской власти: (Краткий библиографический указатель)/ Сост. Г.Д. Никольцева.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.- 63 с.

1068. Ленинградский университет 1819–1944: [К 125-летию со дня основания] / Под ред. В.В. Мавродина. М.: Сов. наука, 1945.- 184 с.

1069. Ленинградский университет. 1819–1969 / Сост. Л.А. Шилов.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.- 32 с.

1070. Ленинградский университет. Краткий справочник /Отв. ред. К.Я. Кондратьев.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.- 296 с.

1071. Ленинградскому университету – 150 лет // Отчет о деятельности Ленинградского университета в 1968 г. / Отв. ред. Д.Н. Пшенай-Северин и М.П. Мальков.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 3–13.

1072. *Леонов М.М.* Патронат и протектирование: российские салоны второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук.- Самара, 2011.– 41 с.

1073. *Леонтьев А.А.* Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ // И.А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти)/ Отв. ред. С.Б. Бернштейн.- М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–27.

1074. Летопись русской философии. 862–2002 / Ред.-сост. А.Ф. Замалеев. – СПб.: Летний сад, 2003. – С. 219–221.

1075. *Лимонов Ю.А.* Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война. История и психология. Материалы Российской научной конференции, 29-30 ноября 1999 г., Санкт-Петербург.– СПб.: Нестор, 1999. С. 47-48.

1076. *Линник Ю.В., Смирнов В.И.* Математика в Петербургском-Ленинградском университете / Под ред. акад. В.И. Смирнова.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.– 288 с.

1077. *Лихачева О.О.* «Милый, очаровательный человек и совсем замечательный художник». М.В. Добужинский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. I. С. 275–325.

1078. *Лопатухина И.Е., Поляхова Е.Н., Поляхов Н.Н., Лопатухин А.Л.* Основные этапы развития петербургской школы механики в XIX столетии // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб.: СПбНЦ РАН, 2002. – С. 47–63.

1079. *Лосский Н.О.* История русской философии.- М.: Советский писатель, 1991.– 478 с.

1080. *Лурье Ф.М.* Петербург 1703–1917. История и культура в таблицах.– СПб.: Золотой век, 2001.– 284 с.

1081. *Лурье Я.С.* История одной жизни: о выдающемся историке античности С.Я. Лурье.– СПб.: ЕУСПб, 2004.– 278 с.
1082. *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века).– М.: Прометей, 2001.– 357 с.
1083. *Львова Д.А.* Преподавание статистики в Санкт-Петербургском университете в XIX – начале XX в. // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 5. Вып. 3. № 21. С. 5–35.
1084. *Лярский А.Б.* Частная и общественная жизнь петербургской интеллигенции 1907–1914 гг.: Проблема самоидентификации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– СПб., 2000.– 15 с.
1085. *Ляхович Е.С., Ревнушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России.– Томск: Изд-во ТГАСУ, 1998.– 582 с.
1086. *Мавродин В.В.* Борис Дмитриевич Греков.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.– 23 с.
1087. *Мавродин В.В., Сладкевич Н.Г., Шилов Л.А.* Ленинградский университет: (краткий очерк).– Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.– 128 с.
1088. *Мавродин В.В., Тишкин Г.А.* Ленинградский университет и высшее женское образование (к 160-летию университета и к 100-летию Бестужевских курсов) // Вестник ЛГУ. Серия История, язык, литература. 1979. № 2. Вып. 1. С. 5–9.
1089. *Макаревич М.Л.* Городская Дума г. Санкт-Петербурга в 1904–1907 гг.: дисс. канд. ист. наук.– СПб., 2004.– 340 с.
1090. *Макареня А.А.* Лев Александрович Чугаев.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.– 46 с.
1091. *Макареня А.А.* Малое химическое общество при Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1959. Т. 22. Сер. физики и химии. Вып. 4. С. 140–145.
1092. *Макареня А.А.* Химия в Петербургском–Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. Физика, химия. 1969. № 4. Вып. 1. С. 19–33.
1093. *Макареня А.А., Филимонова И.Н.* Д.И. Менделеев и Петербургский университет.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.– 109 с.

1094. *Максимов Н.А.* Жизнь и научная деятельность д.И. Ивановского // Памяти Дмитрия Иосифовича Ивановского: Материалы Объед. общего собрания Отд-ния биол. наук Акад. наук СССР, Акад. мед. наук СССР и Всесоюз. акад. с.-х. наук им. В.И. Ленина (21-22 ноября 1950 г.) / [Отв. ред. акад. Н.А. Максимов].— М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7–21.

1095. *Максимов Н.А.* Научная деятельность А.А. Рихтера // Труды Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева.- М.;Л., 1949. Т. VI. Вып. 2. Памяти академика А.А. Рихтера. С.10–19.

1096. *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Из истории движения за распространение университетского образования в России (нижегородские лекции В.А. Гольцева, И.И. Иванова, П.Н. Милюкова и их последствия) // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII –начале XX века: Сб. науч. тр.- Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. С. 169–191.

1097. *Малахов И.С.* История кафедры физики Петербургского университета (1865–1900): автореф. дисс. ... канд. физ.-мат. наук.— Л., 1954.— 12 с.

1098. *Малинов А.В.* 25 лет кафедре истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник СПбГУ. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. Сер. 17. 2015. Вып. 4. С. 171–174.

1099. *Малинов А.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8-16.

1100. *Малинов А.В.* К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов.— СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.— 213 с.

1101. *Малинов А.В.* Петербургский текст и контекст русской философии // Соловьевские исследования. 2015. № 2 (46). С. 6–8.

1102. *Малинов А.В.* Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8. С. 62–71.

1103. *Малинов А.В.* Философскому факультету Санкт-Петербургского государственного университета – 75! // Философские науки. 2016. № 3. – С. 150–153.

1104. *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ.- СПб.: Искусство-СПБ, 2001.- 283 с.
1105. *Малкин Б.Г., Батулин-Виноградов М.М.* Петр Васильевич Дашкевич // Петербургский университет и революционное движение в России.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 167–175.
1106. *Манфред Ш.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: Словарь.- М.: Новое литературное обозрение, 2004.- 440 с.
1107. *Марголис Ю.* Как свергали царя [студенты университета в 1917 г.] // Ленинградский университет. 1965. 12 марта. С. 3.
1108. *Марголис Ю.Д.* Студенты – поляки Петербургского университета 40–60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX–XX в.): Конференция в Казани, 13-15 октября 1993 г. Варшава: UNO, 1995. С. 132–145.
1109. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Единым вдохновением: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII–первой половине XIX в.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.- 227 с.
1110. *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории унив. образования в Петербурге в XVIII-нач. XIX в.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.- 230 с.
1111. *Марголис Ю.Д.* Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: Межвузовский сборник.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 18–27.
1112. *Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет (1862-1914) // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. IV. С. 33–51.
1113. *Марголис Ю.Д.* Т.Г. Шевченко и петербургский университет.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.-152 с.
1114. *Маркин В.Л.* Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века: автореферат дисс. ...канд. ист. наук.- М.: б.и., 2009.- 29 с.

1115. *Марков А.Р.* Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 годов.– М.: Новое литературное обозрение, 2005.– 255 с.

1116. *Маркузе А.И., Гиммельштейн Е.Е.* Дискуссия в Ленинградском Государственном университете о роли личности в истории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2. С. 167–171.

1117. Материалы по истории Ленинградского университета. 1819–1917 гг.: Обзор архивных документов / Сост. А.Х. Горфункель, Л.А. Никулина, С.Н. Семанов. Под ред. С.Н. Валка.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.– 124 с.

1118. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965: Обзор архивных документов / Сост. Е.М. Балашов, М.Ю. Евсентьев, Н.Ю. Черепнин. Под ред. Г.А. Тишкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.– 284 с.

1119. *Матвеев М.И.* Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов (1900–1917) // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия: Сб. статей / Отв. ред. М.И. Матвеев.– Тамбов: б.и., 1981. С. 26–38.

1120. *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества?: Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов.– М.: РОССПЭН, 2015.– 527 с.

1121. *Маурер Т.* Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. –С. 273-301.

1122. *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. – М.: б.и., 1960. С. 300–301.

1123. *Медведев И.П.* «Последний из могижан»: трагический финал // Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А.А. Фурсенко.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 72–82.

1124. *Медушевский А.Н.* Становление политической антропологии: Французский институт в Петрограде // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докла-

дов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г.– М.: РГГУ, 1998. С. 157–160.

1125. *Межова М.В., Шуляева О.В.* Модели университетского образования: от сократической модели к глобальному университету будущего // Приоритетные направления развития науки и образования : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 сент. 2015 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.].– Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 40–46.

1126. *Мейер А.А.* Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 107–115.

1127. *Мейлах Б.С.* Уход и смерть Льва Толстого.– М.: Художественная литература, 1979.– 384 с.

1128. *Мещанинов И.И., Чернов А.Г.* Краткий очерк жизни и творчества [В.Л. Комарова] // В.Л. Комаров. Избранные сочинения.– М.: б.и., 1945. С. VII-LVIII.

1129. *Мещенина А.А.* Историк по призванию (к биографии С.Д. Шереметева) // Призвание – история: Сборник научных статей к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева / Ред.-сост. А.А. Мещенина, Р.А. Соколов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 45-62.

1130. *Мещенина А.А.* С.Д. Шереметев: деятельность в области организации русской исторической науки конца XIX – начала XX вв.: дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2004.- 260 с.

1131. *Мещенина А.А.* С.Ф. Платонов и С.Д. Шереметев // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы/ Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 404–417.

1132. *Микитич Л.Д.* Литературный Петербург, Петроград: [Альбом] / Автор-сост. и авт. текста Л.Д. Микити; Фотосъемка В.А. Стукалова и др. Пер. с англ. Н.Л. Некрасовой.– М.: Советская Россия, 1991.– 334 с.

1133. *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.– М.: Наука, 1995. Кн. 1–2.

1134. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3.- 989 с.

1135. *Михайленко Т.М.* «В библиотеке больше всего поляков...» // Многонациональный мир Петербургского университета.– СПб.: Знаменитые университеты, 2010.– С. 114–134.

1136. *Мичурин А.Н.* Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны.– СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010.– 323 с.

1137. *Мишед Л.* Идея университета // Вестник высшей школы. 1991. № 9. С. 85–90.

1138. Многонациональный мир Петербургского университета / Культурный фонд «Знаменитые университеты СПбГУ»; [редкол.: Н.Я. Олесич, д.ист.н., проф. (отв. ред.) и др.].– СПб.: Знаменитые университеты, 2010.– 281 с.

1139. *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного научного colloquium).– СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 288–302.

1140. *Морозан В.В.* Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования /Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова.- СПб.: Нестор-история, 2008. С. 333–342.

1141. *Морозов А.Г.* Проекты реформ университетов в России в начале XX века // Известия Саратовского университета. 2011. Сер. История. Международные отношения. Вып.1. С.30-34.

1142. *Москаленко И.Г.* Наводнения // Санкт-Петербург. Энциклопедия.- СПб.; М.: РОССПЭН, 2004. С. 556-558.

1143. *Московская Д.С.* «Литературоведческий урбанизм» Николая Анциферова (к 120-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 4. С. 18–33.

1144. *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: Опыт «Русской исторической школы».- Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000.– 295 с.

1145. На Ленинградском математическом фронте: [Сборник].- М.; Л.: ОГИЗ-Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.– 42 с.
1146. *Назин С.* Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 26–37.
1147. *Нардова В.А.* Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870 – 1914 гг.) // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. РАН, Санкт-Петербургский институт истории.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 116-122.
1148. *Нардова В.А.* Нарастание оппозиционности органов городского самоуправления в канун первой российской революции 1905–1907 гг. // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: Межвуз. сб.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 99–112.
1149. *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука. Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994.- 157 с.
1150. Наследие петербургской университетской культуры в русском зарубежье / Отв. ред. *Н.Я. Олесич*.- СПб.: Знаменитые универсанты, 2012.- 186 с.
1151. Научно-технический отчет о выполнении 6 этапа Государственного контракта № 14.740.11.1112 от 30 мая 2011 г. Руководитель проекта *Е.А. Ростовцев*. СПб., 2013.
1152. *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / *Нардова В.А.*; Отв. ред. Ганелин Р.Ш.– СПб.: Наука. Санкт-Петербург, 1994.– 157 с.
1153. *Некрасов П.А.* Роль пролетариата в развитии революционного движения среди студенческой молодежи Украины // Пролетариат России на пути к октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября. 14-17 ноября 1967.– Одесса: б.и., 1967. Ч. II. С. 7-13.

1154. *Некрасов П.И.* Александр Иванович Воейков: Климатолог и географ (1841-1916). – М.: б.и., 1940. – 36 с.
1155. *Немилов А.В.* 120 лет Ленинградского государственного университета // Советская наука. 1939. № 2. С. 167–177.
1156. *Никитин В.М.* Математик строит Транссиб. А.В. Ливеровский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. II. С. 132–149.
1157. *Николаев С.Ф.* Доктор ботаники А.Г. Генкель. – Пермь: Кн. изд-во, 1959. – 64 с.
1158. *Никольский В.С.* Метаморфозы академической свободы в новое время // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 5. С. 98-101.
1159. *Никольцева Г.Д., Шилов Л.А.* Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 4. С. 110–135.
1160. *Никс Н.Н.* К вопросу о формировании гражданской идентичности российской профессуры второй половины XIX – начала XX в. (на примере Москвы) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Томского университета, 2012. С. 19–35.
1161. *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX вв.: социокультурный аспект / Н.Н. Никс. – М.: Новый хронограф, 2008. – 303 с.
1162. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* «Ученое сословие» в университетском законодательстве 20–60-х гг. XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 166–274.
1163. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Университетский устав 1884 г: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 4. С. 27–40.
1164. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Университетский устав 1884 г: иллюзия академической свободы (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 1. С. 89–101.

1165. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Устав 1884 г.: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 2. С. 25–38.

1166. *Носков В.В.* «Война в которую мы верим»: начало Первой Мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и первая мировая война: материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н.Н. Смирнов.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 326–339.

1167. *Носов Е.* В главном коридоре // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 3.

1168. *Носовский М.* Из истории высшего еврейского образования в России (К 100-летию открытия Курсов востоковедения им. Барона Гинцбурга) // Еврейская старина. 2008. №1 (54). URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer1/MN83.htm> (дата обращения: 10.05.2015).

1169. *Носовский М.* Из истории высшего еврейского образования в России (К 100-летию открытия Курсов востоковедения им. Барона Гинцбурга) // Еврейская старина. 2008. № 1 (54). URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer1/MN83.htm> (дата обращения 31.06.2016).

1170. *Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В.* История высшей школы Санкт-Петербурга.– СПб.: Редакционно-издательский центр ГУАП, 2010.– 547 с.

1171. *Овчаров К.Е.* Дмитрий Иосифович Ивановский. 1864–1920. М.: Изд-во АН СССР, 1952.– 103 с.

1172. *Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В.* Философия в университете в 1819 – 1850 гг. // Философия в Санкт-Петербурге (1703 – 2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 33–56.

1173. *Ожигова Е.П.* Александр Николаевич Коркин. 1837-1908.– Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1968.– 148 с.

1174. *Олесич Н.Я.* «Чем выше пьедестал, тем шире кругозор...». С.М. Волконский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-

Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. I. С. 105–123.

1175. *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество в России.– М.: Политиздат, 1982.– 256 с.

1176. *Олесич Н.Я.* Возвращение на родину. В.А. Мякотин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 219–328

1177. *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского С.-Петербургского университета.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.– 208 с.

1178. *Олесич Н.Я.* Духовная жизнь студентов Императорского Санкт-Петербургского университета // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 357–377.

1179. *Олесич Н.Я.* Историческая миссия Петербургского университета в формировании многоэтнической российской культуры и науки // Клио. 2016. № 4. С. 149-154.

1180. *Олесич Н.Я.* Российское студенчество в Февральские дни в 1917 г. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 4. 1991. С. 22-30.

1181. *Олесич Н.Я.* Университеты Владимира Ульянова. В.И. Ленин (Ульянов) // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. II. С. 188–207.

1182. *Олесич Н.Я.* Борьба партии большевиков за студенчество в трех российских революциях: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1984.– 45 с.

1183. *Ольденбург Е.Г.* Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1947. № 2. С. 145–155.

1184. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II.– СПб.: Изд. центр «Терра», 1992.– 640 с.

1185. *Ольховский Е.Р.* «На него смотрели как на человека, стоявшего выше других по талантливости». Д.И. Писарев // Знаменитые универсанты.

Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. I. С. 31–43.

1186. *Ольховский Е.Р.* Добролюбовская демонстрация 1886 г. и ее оценка современниками и в исторической науке // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1993. Вып. 1. С. 106–127.

1187. *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры» (1900 – 1903 гг.) // Петербургский университет и революционное движение в России: [Сб. статей]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 39–66.

1188. *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение на рубеже XIX–XX в. За рождение большевистской организации в Петербургском университете // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. Т. 6. С. 75–111.

1189. *Ольховский Е.Р.* Тайный арест академика Фаминцына // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Т. VII. – С. 132–145.

1190. *Осиновский А.Н., Коненков А.Ф.* Д.С. Рождественский. – М.: Просвещение, 1974. – 109 с.

1191. *Осинов И.Д.* Философия права в Петербургском университете // Вече. 1999. Вып. 12. С. 183–194.

1192. *Остапчук Л.Б., Флоринский М.Ф.* «Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей». П.А. Столыпин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 182–206.

1193. Очерки истории Ленинграда / Отв. ред. Б.М. Качаков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895–1917 гг. – 1043 с.

1194. Очерки по истории Ленинградского университета. Л. [СПб.]: Изд-во ЛГУ [СПбГУ], 1962–2000. Т. 1–8.

1195. *Павлицкая Н.И.* Петербургский университет в революции 1905-1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1948. № 11. С. 138 – 156.
1196. *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.– 444 с.
1197. *Паутов А.А., Бубырева В.А.* Кафедральные хроники // Вестник СПбГУ. Сер. 3. Биология. 2013. Вып. 3. С. 4–28.
1198. Петр Андреевич Земятченский. (1856-1942) / Вступ. статья проф. С.М. Курбатова, библиография составлена Н.Н. Кириковой.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.– 56 с.
1199. *Петров В.В.* «Большой была его работа и яркой – жизнь его». В.В. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета // Клио. 2013. № 3. С. 108–110.
1200. *Петров Д.К.* А.А. Шахматов как университетский деятель // Известия ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. XXV. С. 141–150.
1201. *Петров И.В.* Исторический факультет 1930-х гг. в воспоминаниях Николая Николаевича Рутченко–Рутыча // Клио. 2013. № 10. С. 112–116.
1202. *Петров М.* Что за рабфак // Студенческая правда. № 1. 1927. 7 ноября. С. 4.
1203. *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки истории русской культуры.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. Т.3. Культурный потенциал общества. С. 124-199.
1204. *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете.– М.: Христианское изд-во, 1997.– 180 с.
1205. *Пешников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение в России: [Учебное пособие для вузов].– М.: Высшая школа, 1973.– 102 с.
1206. *Пиотровский К.Б.* Лебедев в Петербурге–Петрограде–Ленинграде: [Ученый-химик].- Л.: Лениздат, 1986.– 222 с.
1207. *Платонов О.А.* Предисловие // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов.- М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 5-13.

1208. *Платонова Н.И.* «Беззаконная комета на научном небосклоне» Н.Я. Марр // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. I. С. 156–178.

1209. *Побединский В.М., Игнатенко А.А.* Книгоиздательская деятельность Петербургского университета. 1724–1989.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.– 86 с.

1210. *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский.– СПб.: Нестор, 2005.– 155 с.

1211. *Погодин С.Н.* Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский.– СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997.– 378 с.

1212. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М.: АН СССР, 1965. Кн. 2: Русская история с древнейших времен.– 664 с.

1213. *Полынов Б.Б.* Роль Ленинградского университета в развитии науки о почве как отрасли естествознания // Вестник ЛГУ. 1947. № 9. С. 151–162.

1214. Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века: Конф. в Казани, 13-15 октября 1993 г.– Варшава: UN-0, 1995.– 205 с.

1215. *Полянская Л.И.* Документы к истории высшего образования в России (из фондов ЦГИА в Ленинграде) // Исторический архив. 1958. № 1. С. 222–227.

1216. *Полянский Ю.И.* Валентин Александрович Догель.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.– 54 с.

1217. *Полянский Ю.И.* О научных зоологических школах Ленинградского университета // Очерки по истории Ленинградского университета.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. Т. 1. С. 29–38.

1218. *Полянский Ю.И.* Профессор В.А. Догель (К 40-летию научно-педагогической деятельности) // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 159–162.

1219. *Поляхов Н.Н.* Развитие кафедры механики в Петербургском–Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Т. 1. С. 25–27.

1220. *Померанец К.С.* Три века петербургских наводнений.– СПб.: Искусство–СПб, 2005.– 212 с.

1221. *Посохов С.И.* Университетская реформа 1863 г.: историографический аспект // Мир историка Историографический сборник. Федеральное агентство по образованию, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омское отделение Российского общества интеллектуальной истории. Омск: Из-во ОмГУ, 2014. Вып. 9. С. 83–102.

1222. *Посохов С.И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 370–381.

1223. *Посохова Л.Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.- Харків: Харківський національний університет, 2011.– 399 с.

1224. *Потехина И.П.* «И все-таки – что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 149–151.

1225. *Потехина И.П.* История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных исследовательских проектов // Клио. 2016. № 8. С. 14–21.

1226. *Потехина И.П.* Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна // Био-
графика СПбГУ. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1354.html> (дата обращения: 01.06.2016).

1227. Почетные профессора Санкт-Петербургского государственного университета / Отв. ред. Н.Г. Скворцов.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.- 280 с.

1228. Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета: Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая. Сост. Г.А. Тишкин.- СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.- 557 с.

1229. *Приймак Н.И.* А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения–96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1996. С. 452–455.

1230. *Приймак Н.И.* А. С. Лаппо-Данилевский и С. Н. Валк (учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Сер. 2 (История, языкознание, литературоведение). 1998. Вып. 1. С. 8–16.

1231. *Приймак Н.И.* Вопросы теории источниковедения в работах отечественных исследователей XIX – начала XX в.: Статьи разных лет.- СПб.: Лема, 2015.– 87 с.

1232. *Приймак Н.И.* О письме С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому [1915 г.] // Клио. 2013. № 10. С. 129–132.

1233. Профессора Московского университета, 1755–2004: биографический словарь: в 2 т.– М.: Изд-во Московского университета, 2005. Т. I–II.

1234. Профессора Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена в XX веке: Биографический справочник / [Под ред. Г.А. Бородавского, В.А. Козырева. Сост. Е.М. Колосова и др.].– СПб.: Изд-во РГПУ, 2000.– 391 с.

1235. Профессора Санкт-Петербургского государственного университета. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. Л.А. Вербицкая.– СПб.: СПбГУ, 2004.– 739 с.

1236. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых.- Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005.- 327 с.

1237. Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых.– Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.– 372 с.

1238. *Равинский Д.К.* Биобиблиографические источники о российской элите конца XIX – начала XX вв. // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6: Род Гессенов в России (XIX–XX вв.). С. 145–150.

1239. *Райков Б.Е.* Из истории зоологии в Ленинградском государственном университете // Вестник Ленингр. университета. 1953. Серия Биологии, Географии и Геологии. № 4. С.73-86.

1240. *Растворова О.Г.* История почвенных кафедр в структуре Санкт-Петербургского университета с 1836 г. // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 3. Вып. 1. С. 36–38.

1241. *Ратьковский И.С.* Жизнь под девизом «Трудом счастлив». Н.С. Таганцев // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. I. С. 44–55.

1242. *Ревякин А.И.* Краткий очерк научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности // Николай Кирьякович Пиксанов. М.: Наука, 1968. С. 7–35.

1243. *Римский-Корсаков М.Н.* Памяти борца за дарвинизм // Природа. 1940. № 1. С. 96–98.

1244. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество Германии, 1890–1933.– М.: Новое литературное обозрение, 2008.– 645 с.

1245. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славноведение (1917 – начало 1930-х годов).– М.: Индрик, 2004.- 429 с.

1246. *Рогозин А.А.* Российские студенты в Германии на рубеже XIX – XX вв. в современной немецкой историографии: Дисс...канд. ист. наук.- М., 2015.- 163 с.

1247. *Рогозин И.И.* Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910 – февраль 1917 г.): Дисс.... канд. ист. Л., 1973.- 152 с.

1248. *Рогозин И.И.* Политическая борьба за молодежь России, 1903 – 1917.- М.: Прометей, 1989.- 131 с.

1249. *Рогозин И.И.* Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой

империалистической войны (1910–февраль 1917 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– Л., 1973.– 17 с.

1250. *Романов Ю.В.* Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов–99». История: Сб. тез.– М.: Центр социологических исследований и маркетинговых технологий, 1999.– С. 76–80.

1251. *Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905 – 1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. P. 75–121.

1252. *Ростовцев Е.А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука) / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко.– СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С. 473–507.

1253. *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа.– Рязань: НРИИ, 2004.– 347 с.

1254. *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сборник научных работ.– СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Вып. I. С. 128–165.

1255. *Ростовцев Е.А.* Автономия» и «революция»: к истории борьбы за автономию высшей школы в начале XX века // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования: сборник материалов Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2009. С. 320–341.

1256. *Ростовцев Е.А.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной

Европы XVIII – начала XX в. / (отв. сост. А.Ю. Андреев). М.: РОССПЭН, 2009. С. 139–156.

1257. *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха*; [отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева]. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 270–318.

1258. *Ростовцев Е.А.* Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографике (на примере сетевых проектов по университетской истории) // *Научный вестник Крыма*. 2016. № 4 (4). С. 1-9.

1259. *Ростовцев Е.А.* Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // *Диалог со временем*. 2009. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. С. 308–324.

1260. *Ростовцев Е.А.* Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // *Вестник СПбГУ. Сер. 2*. 2013. Вып. 4. С. 44–54.

1261. *Ростовцев Е.А.* Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // *Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы* / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 43–87.

1262. *Ростовцев Е.А.* Петербургский университет в фокусе государственной политики (1860–начало 1880-х гг.) // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки»*. 2014. № 4. С. 81–89.

1263. *Ростовцев Е.А.* Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // *Новое прошлое*. 2016. № 3. С.145-157.

1264. *Ростовцев Е.А.* Проекты по истории высшей школы и Петербургского университета // *Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета сегодня: к 80-летию со дня основания Исторического факультета ЛГУ–СПбГУ* / Отв. Ред. А.Х. Даудов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 124.

1265. *Ростовцев Е.А.* Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «революция» на службе «корпорации» // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 162–179.

1266. *Ростовцев Е.А.* Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // КЛИО. Журнал для ученых. 2011. № 4 (54). С. 89–99.

1267. *Ростовцев Е.А.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

1268. *Ростовцев Е.А.* Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 57–64.

1269. *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905–1917) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205–370.

1270. *Ростовцев Е.А.* Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история. Под ред. А.Н. Кашеварова, С.Б. Ульяновой. Сб.ст. СПб., 2007. С. 72–117.

1271. *Ростовцев Е.А.* Университетский вопрос» и Государственная дума (1906–1911 гг.) // Таврические чтения – 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России». Всероссийская науч-практ. конф. Таврические чтения – 2008, Таврический дворец 16 декабря 2008 г.: Сб научн. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Музей истории парламентаризма в России при МПА СНГ, 2009. С. 98–133.

1272. *Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г.* Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 2. История. Вып. 3. С. 203–206.

1273. *Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г // Клио. 2015. №7. С. 71–88.

1274. *Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Кризис 1911 г. В Петербургском университете в зеркале российской прессы Клио. 2013. №10. С.77-88.

1275. *Ростовцев Е.А., Андреева В.В.* Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. №10. С. 3-14.

1276. *Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль – сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 97–106.

1277. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10 (82). С. 36-41.

1278. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Преподавательская корпорация столичного университета 1884 – 1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 35–51.

1279. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819 – 1917): опыт коллективной биографии // Международные отношения и диалог культур. Сборник научных статей. №4 (2015). СПб., 2016. С.177-216.

1280. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.* Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // КЛИО. Журнал для ученых. 2012. № 7. С. 47–62.

1281. *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Сосницкий Д.А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник СПбГУ. Сер. 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 112-127.

1282. *Ростовцев Е.А., Кривоноженко А.Ф., Сосницкий Д.А.* Министр перед профессорским судом (из истории противостояния Министерства народного просвещения Л.А. Кассо и либеральной профессуры Санкт-

Петербургского университета) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. № 3 (130). 2011. С. 174–182.

1283. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Власть и столичный университет рубежа XIX – начала XX веков: историографический контекст и проблемы исследования // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. № 3 (130). 2011. С. 182–188.

1284. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Кафедра философии Петербургского университета (1819–1917): коллективный портрет // Философские науки. 2016. № 3. С. 135–147.

1285. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Мобилизация интеллекта и отравляющие газы: к истории науки в Петроградском университете в период I Мировой войны // Клио. 2016. № 8. С. 40–48.

1286. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Негосударственные образовательные организации и инициативы в России (конец XIX —начало XX века) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х —1930-е годы). / Ред. А.Н. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 293–358.

1287. *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Основные источники по истории преподавательской корпорации Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 4 (184). С. 127–133.

1288. *Руднева С.Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции: автореф. дисс. ... докт. ист. наук.- М., 2007.— 48 с.

1289. *Руденко С.И.* Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) [Публ. и комм. Н.И. Платоновой] // Археологические вести. 2003. №10. С.361–366.

1290. *Русаков В.П.* Из истории русского Физико-химического общества. Федор Фомич Петрушевский. Жизнь, научно-педагогическая и общественная деятельность // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1951. Т. XVIII. Труды кафедр физико-математического факультета. Вып. 2. С. 16–45.

1291. *Русанов А.И.* Химическое общество и Петербургский университет // Вестник СПбГУ. Сер. 4: Физика, химия. 1998. Вып. 1 (№ 4). С. 26–31.
1292. *Савельева В.Г.* Положение совета министров 11 июня 1907 г. // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 283–294.
1293. *Савельева В.Г.* Дмитрий Захарович Мануильский // Петербургский университет и революционное движение в России: Сборник статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 161–167.
1294. *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1908 года в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. Ист., язык, лит. Вып. 2. С. 29–33.
1295. *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. Ист., язык, лит. Вып. 1. С. 14–19.
1296. *Сазонова Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863-1917: Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2009. – 217 с.
1297. *Сандерс Т.* Третий оппонент: Защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой: [сборник статей] / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 161–192.
1298. Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный статистический сборник. – СПб., 2003. Вып. 2–3.
1299. Санкт-Петербург: 300 лет истории / Отв. ред. В.М. Ковальчук. – СПб.: Наука, 2003. – 758 с.
1300. Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени: материалы по истории зданий: 280 лет: 1724-2004 / Отв. ред. В.В. Яковлев. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 127 с.
1301. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд.

И.Л. Маяковский и А.С. Николаев; Под ред. проф. С.В. Рождественского.— Пг.: 2-я Гос. тип., 1919.— 760 с.

1302. Сафронов П.А. «Чутко отразить все требования революции»: советский университет в 1920-1930-е гг. // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 182–197.

1303. Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории»: к проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX века // Мир историка: историографический сборник.— Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 1. С. 231–261.

1304. Свешников А.В. Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Vol. 3. P.121-158.

1305. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа.— Омск: ОмГУ, 2010.— 408 с.

1306. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х —1930-е годы) / Ред. А.Н. Дмитриев.— М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 849–887.

1307. Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши ... протекли ... врозь» (К истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) [Текст] / А.В. Свешников, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 12. М., 2004. С. 313 – 332.

1308. Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XX вв. СПб., 2012-2014 / Ред. коллегия: проф. А.Ю. Дворниченко (руковод. проекта, отв. ред.), проф. Р.Ш. Ганелин, доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев /отв. ред./, доц. И.Л. Тихонов. Авторский коллектив: А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, А.В.

Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К. Шагинян и др. URL: [http:// bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hist1.html](http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hist1.html) (дата обращения: 03.02.2016).

1309. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917) / Ред. коллегия: проф. Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко /отв. ред/, доц. Т.Н.Жуковская, доц. Е.А.Ростовцев /отв. ред./, доц. И.Л. Тихонов. Авторский коллектив: А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринов, Ю.И. Басилов, А.Б. Богомоллов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, А.Л. Корзинин, Е.Е. Кудрявцева, С.С. Мигунов, И.А. Поляков, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев А.А. Рубцов, И.В. Сидорчук, А.В. Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К.Шагинян, В.О. Шишов, Н.А. Шереметов. URL: [http:// bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html](http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html) (дата обращения: 15.03.2016).

1310. *Сивков Д.И.* Общественно-политические взгляды Н.И. Кареева // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева Сыктывкар, 5-6 декабря 2000 г. Сыктывкар: б.и., 2002. С. 73-82.

1311. *Сидорчук И.В.* Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур. Сборник научных статей. №4 (2015). СПб., 2016. С.224-235.

1312. *Сидорякина Т.А.* Процесс «вхождения в науку» молодого ученого: «ритуалы перехода» в рамках «профессорской культуры // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 88–94.

1313. *Симонов Е.Д.* Молодость Н.В. Крыленко // Прометей. 1983. Т. 13. С. 13–35.

1314. *Симонян М.Н.* Его профессия – революция (Документальный очерк о жизни и деятельности Н.В. Крыленко).– М.: Знание, 1975.– 144 с.

1315. *Симонян М.Н.* Жизнь для революции. – М.: Госполитиздат, 1962-80 с

1316. *Синкевич Е.Г.* Петро Іванович Лященко: Таємниці біографії вченого // Чорноморський літопис. 2010. Вып. 1. С. 107–112.

1317. *Сироткин В.Г.* Исследователь прошлого – заложник настоящего // Наука в России. 2005. № 5. С. 90–94.
1318. *Скворцов А.М.* Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М.С. Куторги // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. № 9. С. 451–468.
1319. *Скворцов Н.Г., Виноградов В.Д.* Факультету социологии Санкт-Петербургского университета 20 лет // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 3. Ч. I. С. 3–5.
1320. *Славентантор Д.Е.* Ученый первого ранга: [О Н.М. Книповиче].– Л.: Гидрометеиздат, 1974.– 134 с.
1321. *Сладкевич Н.Г.* В.И. Ленин и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение в России.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 5–21.
1322. *Сладкевич Н.Г.* К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60–80-х годов XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Т. 1. С. 106–117.
1323. *Сладкевич Н.Г.* Петербургский университет в 1905 г. // Вестник ЛГУ. 1955. № 3. С. 23–35.
1324. *Сладкевич Н.Г.* Петербургский университет и общественное движение в России в начале 60-х годов XIX века // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук.– Л., 1948. С. 109–120.
1325. *Сладкевич Н.Г.* Революционная деятельность Благоева в годы его пребывания в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1949. № 4. С. 144–150.
1326. *Слонимский А.Г.* Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Ученые записки исторического факультета Таджикского государственного университета. Душанбе, 1974. Вып. I. С. 22–41.
1327. *Смагина Г.И.* Научно-просветительская деятельность Академии наук в XVIII в. // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX вв.– СПб.: Наука, 2003. С. 117–133.

1328. *Смагина Г.И.* Академик Г.Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев.– М.: РОССПЭН, 2009. С. 52–70.

1329. *Смирнов А.И.* Математическая физика в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. Вып. 1. С. 11–19.

1330. *Смирнов С.В.* Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX века: Справочное пособие / Под общ. ред. О.Н. Трубачева.– М.: Флинта Наука, 2001.– 334 с.

1331. *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и первая мировая война. Материалы международного научного colloquium.– СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 257–270.

1332. *Сморгунов Л.В.* Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX веке // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 4. С. 5–19.

1333. *Соболев Г.Л.* «Если б Керенского не было, его пришлось бы выдумать!». А.Ф. Керенский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. I. С. 359–372.

1334. *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России.– Л.: Наука, 1983.– 262 с.

1335. *Соколов В.А.* Александр Александрович Иностранцев. 1843-1919.– М.: Наука, 1981.– 103 с.

1336. *Соколов Н.* Профессор Н.К. Пиксанов // Вестник ЛГУ. Серия общественных наук. 1953. № 6. Июнь. Вып. 2. – С. 171–173.

1337. *Соколова Л.В.* «Трудно воспитать и поставить на ноги мысль». А.А. Ухтомский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. I. С. 326–342.

1338. *Соловьев Ю.И., Кипнис А.Я.* Дмитрий Петрович Коновалов. 1856-1929.– М.: Наука, 1964.– 192 с.
1339. *Солодкин И.И.* Из истории кафедры уголовного права Петербургского-Ленинградского университета // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып. 1. С. 127–138.
1340. *Сорокин А.Н.* «Список лицам, служащим по министерству народного просвещения» как источник по истории профессорско-преподавательского корпуса российских университетов в конце XIX – начале XX вв. // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 136-144.
1341. *Сорокина М.Ю.* Круги жизни Николая Мартиновича – ученого, дипломата, эмигранта. // Репрессированные этнографы: Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин.– М.: Восточная литература, 2003. С. 347–374.
1342. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой.– М.: Высшая школа экономики, 2013.– 385 с.
1343. *Сосницкий Д.А.* История С.-Петербургского университета в сетевом пространстве // Клио. 2013. №10. С.145-148.
1344. Социальная история Санкт-Петербурга / Под ред. В.Н. Соловьева.– СПб.: Русский остров, 2005.– 336 с.
1345. Стачки в России в 1913 – феврале 1917 г. Хроника / Отв. ред. Г.Г. Касаров.– М.: Институт истории АН СССР, 1989. Ч. I.– 292 с.
1346. *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 43–44.
1347. *Стокдейл М.* Russian Liberal sand the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы международной науч. конф. Москва 1998.- М.: РОССПЭН, 1999. С. 283-292.

1348. *Столяр А.Д.* Уроки гражданского мужества историков: научное содружество В.В. Мавродина и М.И. Артамонова (1937-1972) // Мавродинские чтения. 2008.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 15–39.

1349. *Стрельникова Н.И., Козыренко Н.Ф.* История альгологии на кафедре ботаники биолого-почвенного факультета // Вестник СПбГУ. 2005. Сер. 3. Вып. 2. С. 62–70.

1350. *Сухорукова А.С.* Петербургская городская дума и проблемы градостроительства в конце XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- СПб., 2000.– 25 с.

1351. *Сухорукова А.С.* Петербургская городская Дума начала XX века. – (Петерб. чтения) // Петербург и Россия: Науч. конф., 13–15 апр. 1994 г. / С.-Петерб. ассоц. исследователей города – Петербург и Россия. СПб: С.-Петерб. ассоц. исследователей города, 1994. С. 113–115.

1352. *Сушко В.Т.* Репрессии против студентов в 1901 г. // ВИ. 1972. № 4. С. 200–203.

1353. *Сушко В.Т.* Студенческое движение в Петербурге в период назревания революционного кризиса в России на рубеже XIX–XX вв. (1899–1904): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– М., 1978.– 24 с.

1354. *Твердюкова Е.Д.* «Маг и волшебник конституционного права». С.Е. Крыжановский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 164–181.

1355. *Телицын В.Л.* Об университетской автономии и борьбе за нее в XIX столетии // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 5. С. 67–71.

1356. *Терехов П.Г.* И.М. Сеченов в С.-Петербургском-Ленинградском университете (Материалы для биографии ученого) // Вестник ЛГУ. 1954. № 7. Серия биологии, географии и геологии. С. 61–78.

1357. *[Тихонов И.Л.]* Борьба за автономию // Санкт-Петербургский государственный университет: 275 лет: Летопись 1724-1999 / Сост. Г.Л. Соболев,

И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 201–208.

1358. *Тихонов И.Л.* «Sustine et abstine». П.Н. Николаи // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 115–135.

1359. *Тихонов И.Л.* «Интерес к археологии привился у меня в университете». А.А. Спицын // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. II. С. 91–111.

1360. *Тихонов И.Л.* Археологические коллекции в музеях Санкт-Петербургского университета // Клио. 2013. № 10 (82). С. 49–53.

1361. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические сборники.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.– 328 с.

1362. *Тихонов И.Л.* Из истории университетских юбилеев // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 435–442.

1363. *Тихонов И.Л.* Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической наук».– СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.– С. 104–114.

1364. *Тихонов И.Л.* С.Ф. Платонов и А.А. Спицын // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт.– СПб.: Любавич, 2011. С. 347–362.

1365. *Тихонов И.Л.* Традиции благотворительности и меценатства в Петербургском университете XIX – начала XX века // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов.– СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 128–140.

1366. *Тихонов И.Л.* Ф.А. Браун – профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // Клио. 2016. № 8. С. 72–83.
1367. *Тихонов И.Л.* Ф.К. Волков в Санкт-Петербурге // Археологія і давня історія України. Вип. 9. Історія археології: дослідники та наукові центри. 2012. С. 302–309.
1368. *Тихонов И.Л.* Я.И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, доцент // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2009. Вып. 8. С. 449–470.
1369. *Тихонов И.Л., Бильвина О.А.* Кафедра богословия Императорского Санкт-Петербургского университета // Храм духа в храме науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 170-летию университетского храма святых апостолов Петра и Павла. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 57–90.
1370. *Тихонов И.Л.* Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 109 с.
1371. *Тихонова Э.В.* Михаил Иванович Владиславлев – основоположник системы философского и педагогического образования в Санкт-Петербургском университете // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 194–205.
1372. *Тишкин Г.А.* Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. Т. 3. С. 71–84.
1373. *Тишкин Г.А.* Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905 – 1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России: Сборник статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 81–91.
1374. *Тищенко В.В.* Вячеслав Евгеньевич Тищенко. [1861–1941]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 62 с.
1375. *Тищенко В.Е.* Из истории кафедры химии Ленинградского государственного университета (1819–1939 гг.) // Природа. 1939. № 7. С. 102–106.
1376. *Ткаченко П.С.* Студенческие волнения в России 1868–1869 годов // Вопросы истории. 1975. № 12. С. 192–197.

1377. Толстая Л.И., Ананьич Б.В. Граф И.И. Толстой и его дневник // Толстой И.И. Дневник. 1906-1917 / Публ. Л.И.Толстой. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. VII-XIII.

1378. Толстая Л.И. Дневник и воспоминания Петербургского городского главы И.И. Толстого (1913–1916) // ВИД. Л., 1991. Т. XXII. С. 117–130.

1379. Толстомятов В.М. Александр Михайлович Бутлеров – творец теории химического строения органических соединений // Вестник ЛГУ. 1947. № 10. – С. 3–12.

1380. Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 г. // Университетская реформа 1863 года в России / Составитель и автор вступительных статей В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. LXVIII–LXIX.

1381. Трайнин А.С. Деятельность большевистской партии по организации и воспитанию молодежи в период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции в России (1903 – февраль 1917 г.) // Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь, 1965. Т. 22. С. 123–215.

1382. Трайнин А.С. Под знаменем революции. Коммунистическая партия – руководитель революционного юношеского движения, организатор комсомола.– М.: Молодая гвардия, 1975.– 223 с.

1383. Трибунский П.А. А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина // Клио. 2013. № 12. С. 120–126.

1384. Трибунский П.А. Курс русской историографии П.Н. Милюкова в Московском университете // Российские университеты в XIX–XX веках: Сб. науч. ст. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002. Вып. 6. С. 111–130.

1385. Трибунский П.А. Письма П.Н. Милюкова В.Г. Дружинину // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. Т. III. С. 560–567.

1386. Трибунский П.А. С.Ф. Платонов – преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета // Памяти

академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт.– СПб.: Любавич, 2011. С. 26-42.

1387. Трушковский В.Э., Половцев И.Н. Шаги ко второй жизни. Физический институт Императорского Петербургского университета // Вестник. Зодчий 21 век. 2012. № 2 (43). С. 92–95.

1388. Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война как пролог XX века.– М.: Наука, 1998. С. 236–249.

1389. Тюхина Л.Г. и начало первой мировой Художественная интеллигенция Санкт-Петербурга – Петрограда войны (июль 1914 – май 1915 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– СПб., 2008.– 23 с.

1390. Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста // Долгое средневековье. Сборник в честь профессора Аделаиды Анатольевны Сванидзе / Отв. Ред. А.К. Гладков, П.Ю. Уваров.– М.: Кучково поле, 2011. С. 342–356.

1391. Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917–1937.- М.: Наука, 1966.– 215 с.

1392. Универсанты в мире искусства: биографические очерки / С.-Петербург. гос. ун-т, Культур. фонд «Знаменитые универсанты СПбГУ»; [редкол.: Н.Я. Олесич, д.и.н., проф., отв. ред. [и др.]– СПб.: Знаменитые универсанты, 2008.– 463 с.

1393. Универсанты-большевики (указатель) (составители Н.Н. Каретникова, В.С. Брачев) // Очерки по истории Ленинградского университета.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Т. V. С. 165–179.

1394. Университет в 80–90-х годах // Студенческая правда. 1929. 7 ноября. С. 1.

1395. Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева.– М: Новое литературное обозрение, 2009.– 777 с.

1396. Университет Олимпийский: спортивный мир Петербургского университета: [сборник очерков] / Культ. фонд «Знаменитые ун-ты СПбГУ».– СПб: Знаменитые универсанты, 2013.– 174 с.

1397. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология: учебное пособие для вузов / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов.– М.: РОССПЭН, 2011.– 527 с.

1398. Университетское образование в СССР: Указатель литературы на русском языке (1978-1985).– М.: Изд-во МГУ, 1987.– 262 с.

1399. *Ухтомский А.А.* Физиологический институт Ленинградского университета в истории своего возникновения // *Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е.* Физиология нервной системы. Избранные труды. Под ред. К.М. Быкова. М.: Медгиз, 1952. Вып. III. Кн. I. С. 82–113.

1400. *Ушакин С.А.* Университеты и власть // *Общественные науки и современность.* 1999. № 2. С. 55–85.

1401. *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904.– М.: Мысль, 1976.– 239 с.

1402. *Фаворская Т.А.* Алексей Евграфович Фаворский, 1860-1945.– Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980.– 253 с.

1403. *Фаворский А.Е.* А.М. Бутлеров как глава школы русских химиков.– Л.: б.и., 1929.– 92 с.

1404. *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в.– М.: ПСТГУ, 2010.– 253 с.

1405. *Фигуровский Н.А., Романьков Н.И.* Владимир Александрович Кистяковский. 1865–1952.– М.: Наука, 1967.– 136 с.

1406. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / [Сост. И.С. Лутовинова]. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002.– 567 с.

1407. Философы России XIX – XX столетий: (Биографии, идеи, тр.).– М.: Книга и бизнес, 1993.– 222 с.

1408. *Филюшкин А.И.* Изучение истории славянских и балканских стран на историческом факультете СПбГУ // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* Петербургские славянские и балканские исследования 2011. № 2. С. 207–224.

1409. *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 173–184.

1410. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. – Киев: Путь к истине, 1991. – 599 с.

1411. *Фокин С.* Отто Бючли и его русские ученики // Наука в России. 2012. Т. 188. № 2. С. 89–93.

1412. *Фокин С.И.* «Блажен, кому удалось осуществить мечту». В.А. Догель // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. I. С. 373–381.

1413. *Фокин С.И.* В.М. Исаев и экспериментальная зоология в Петербургском-Петроградском университете // Историко-биологические исследования. 2011. Т. III. № 1. С. 7–30.

1414. *Фокин С.И.* Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // Историко-биологические исследования. 2010. Т. II. № 2. С. 43–66.

1415. *Фокин С.И.* Ученик и учитель. О творческом содружестве биологов В.А. Догеля и В.Т. Шевякова // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71. № 7. С. 623–628.

1416. *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV. Под редакцией Н.В. Яковлева. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1922. С. X–XXXIII.

1417. *Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н.* Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 67–78.

1418. *Фриш С.Э.* Дмитрий Сергеевич Рождественский. [1876-1940]: [Физик-оптик]: Жизнь и деятельность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. – 28 с.

1419. *Фролов Э.Д.* Из истории университетской школы антиковедения // Вестник ЛГУ. Сер. 2: История, язык, литература. 1969. Вып. 1. № 2. С. 121–129.

1420. *Фролова Л.А.* Владимир Иванович Палладин, 1859-1922: [Биолог]. М.: Наука, 1986.– 175 с.

1421. *Хартанович М.Ф.* Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX в. Исторические очерки.– СПб.: Нестор-История, 2006.– 229 с.

1422. *Хаусманн Г.* [Рец.:] Т. Маурер. Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования. Кельн, Веймар, Вена: «Белау», 1998.- 959 с. // Отечественная история. 2000. № 6. С. 184–186.

1423. *Хильдермайер М.* Общество и общественность на закате Царской Империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б.В. Ананьича.– СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 216–223.

1424. *Хиленко Н.А.* Большевистская организация студентов Петербурга накануне и в годы первой русской революции (1904-1906 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- Л., 1975.– 17 с.

1425. *Ходяков М.В.* «Университет – для науки». С.Ф. Платонов // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 136–152.

1426. *Хохлов А.Н.* Китаист Д.А. Пещуров – дипломат и педагог // Восточный архив. 2014. № 1(29). С. 25–34.

1427. *Цамутали А.Н.* Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII–начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Скрипторий, 1996. С. 538–552.

1428. *Цамутали А.Н.* Петербургская школа византиноведения // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 5-19.

1429. *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX вв. // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

1430. *Цыганков Д.А.* Вспоминая профессора В.И. Герье. 1894 год в истории Московского университета. Публикация и вступительная статья Д.А. Цыганкова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия История Русской православной церкви. 2011. № 1 (38). С. 131–152.

1431. *Цыганков Д.А.* М.К. Любавский и организация 200-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 5. С. 95–113.

1432. *Цыганков Д.А.* Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России.- М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–459.

1433. *Цыганков Д.А.* Протоирей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия История Русской православной церкви. 2015. №1. С. 137–149.

1434. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики.– М., РОССПЭН, 2010.– 501 с.

1435. *Цыганков Д.А.* Семинар как место исследования в Московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия История Русской православной церкви. 2014. № 4. С. 117–132.

1436. *Цыганков Д.А.* Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX – XXI вв. III Арсеньевские чтения. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2010. С. 515–527.

1437. *Цыпкин Д.О., Шibaев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н, Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржешевская А.Ю., Росугубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А.* Структурные конфликты в историческом сознании россиян

как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ. СПб., 2009.

1438. *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле. М.: Наука, 1977.- 127 с.

1439. *Чепарухин В.В.* Поборник свободы и культуры, неутомимый искатель истины. В.В. Струве // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. II. С. 169–187.

1440. *Чернов М.П.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918 – 1922 годах // ВИ. 2000. № 11–12. С. 135-140.

1441. *Черных Н.В.* Правовое регулирование статуса ректора университета в Российской империи // Право и образование. 2011. № 12. С. 44–51.

1442. *Черняев В.Ю.* Дело «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева» // Репрессированные геологи.– М.; СПб.: ВСЕГЕИ, 1995. С. 391–395.

1443. *Черняев В.Ю.* О Н.С. Таганцеве и его дневнике // Звезда. 1998. № 9. С. 126–129.

1444. *Черняев В.Ю.* «Хроника рабочих волнений и стачек» нелегального журнала «Жизнь» и ее создатели Г.А. Куклин и В.А. Поссе // Рабочее движение в России 1895-1904 гг. Сборник статей и материалов для «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 г.» / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов, С.И. Потолов.– М.: б.и., 1988. С. 170–195.

1445. *Чеснова Л.В.* Ю.И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20-60-е годы) // Репрессированная наука.– Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 212-222.

1446. *Чиненный А., Стоян Т.* Студенчество российских университетов (XIX в.) // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал Министерства общего и профессионального образования РФ. 1999. № 5. С. 141–147.

1447. *Чирков С.В.* Историк русского феодализма: Николай Павлович Павлов-Сильванский // Историки России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров.– М.: Скрипторий, 1996. С. 577–591.

1448. *Чирскова И.М.* Университеты в системе правительственной политики России второй половины XIX века // Российские университеты в XVIII – XIX веках. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. Вып. 5. С. 65–85.

1449. *Чугаев Л.А.* Дмитрий Иванович Менделеев. Жизнь и деятельность. – Л.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1924. – 58 с.

1450. *Чугаев Л.А.* Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. № 1. С. 14–20.

1451. *Чумакова Т.* Наука в российских университетах (вторая половина XIX в.) // Высшее образование в России. № 2. С. 103–110.

1452. *Шагинян А.К.* Кавказоведение (армяно-грузинская филология) в Санкт-Петербургском университете в 1818-2006 гг. // XIV ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. I. 2006. – С. 249–258.

1453. *Шагинян А.К.* Из истории арменоведения в Санкт-Петербургском университете. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 56 с.

1454. *Шалагинова Л.Н.* Студенческое движение накануне и в дни февральской революции // ВИ КПСС. 1967. № 2. С. 102–106.

1455. *Шapiro А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года: учебное пособие. – М.: Ассоциация «Россия» Культура, 1993. – 761 с.

1456. *Шарифжанов И.И.* Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 19 с.

1457. *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 103–116.

1458. *Шевченко Н.А.* Юбилейная универсиада. 1998–1999 // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 509–534.

1459. *Шевырев А.П.* Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861 – 1905 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и россий-

ский контекст. Материалы международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 148–162.

1460. *Шевырин В.М.* Живое прошлое (По страницам Дневника и мемуаров гр. И.И. Толстого) // Отечественная история. 2000. № 4. – С. 139–148.

1461. *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг.- М.: Наука, 1983.- 327 с.

1462. *Шелохаев В.В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века.– М.: Наука, 1998. С. 355–366.

1463. *Шелохаев В.В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории.– М.: Наука, 1994. С. 127–140.

1464. *Шенталинский В.А.* Преступление без наказания: документальные повести.- М.: Прогресс-Плеяда, 2007.– 573 с.

1465. *Шепелев Л.Е.* Форменная одежда преподавателей и студентов С.-Петербургского университета // Мавродинские чтения, 10-12 октября 1994.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 184–187.

1466. *Шехурина Л.Д.* История Санкт-Петербургского-Ленинградского университета: библиографические заметки. // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.- СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. VII. С. 195–211.

1467. *Шибанов А.П.* Друзья книги // Книга: Исследования и материалы.- М.: Книга, 1973. Сб. 27. С. 154–173.

1468. *Шиллер-Валицка И.* Реакция западных экспертов на русскую профессорскую конституцию 1906 г. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: Коллективная монография / Под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой.– М.: Высшая школа экономики, 2013. С. 262–282.

1469. *Шилов Д.Н.* Борис Владимирович Никольский и его дневник // Никольский Б.В. Дневник. 1896-1918 / Изд. подг. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 1896-1903. С. 9–48.

1470. *Шилов Д.Н.* Министр поневоле: творчество и карьера в судьбе Г.Э. Зенгера // Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 484–502.

1471. *Шилов А.В.* Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период // Петербургские чтения-1997. СПб.: Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург -2003», 1997. С. 254–257.

1472. *Шилов Л.А.* Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819-1917) // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып. 1. С. 107-120.

1473. *Шилова Е.И.* Докучаев в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1948. № 7. С. 125–130.

1474. *Шиповалова Л.В.* «Классический» и «неклассический» университет // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин.–СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 192–197.

1475. *Широкорад Л.Д.* «Через тернии к звездам». Н.Д. Кондратьев // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. I. С. 426–445.

1476. *Шитилов Л.А.* Петр Ананьевич Красиков // Петербургский университет и революционное движение в России: Сборник статей.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 146–153.

1477. *Шишкин В. К., Овчинников П.Н.* Владимир Леонтьевич Комаров: (К 75-летию со дня рождения).- Л.: Лениздат, 1944.– 32 с.

1478. *Шшимарев В.Ф., Жирмунский В.М.* Кафедры романо-германской филологии и западноевропейских литератур Ленинградского государственного университета // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1941. Вып. 5. С. 368–375.

1479. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции.— М.: Мысль, 1986.— 272 с.
1480. *Шмидт С.О.* Историк С.Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения).— М.: Наука, 2010.— 147 с.
1481. *Шор Т.К.* Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике.— Рига: Даугава, 2000. Т. VI. С. 76–92.
1482. *Шостаковский М.Ф.* Алексей Евграфович Фаворский.— М.; Л.: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1947.— 47 с.
1483. *Щербакова А.А.* Андрей Николаевич Бекетов. Выдающийся русский ботаник и общественный деятель.— М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.— 256 с.
1484. *Щетинина Г.И.* Послужные списки как исторический источник. о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1. С. 84–96.
1485. *Щетинина Г.И.* Университеты России и устав 1884 г.— М.: Наука, 1976.— 232 с.
1486. *Эймонтова Р.Г.* Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.— М.: Наука, 1974. С. 60–80.
1487. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической.— М.: Наука, 1985.— 350 с.
1488. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX в.— М.: Наука, 1993.— 270 с.
1489. *Эймонтова Р.Г.* Университетская реформа 1863 // Исторические записки. М., 1961. Т. 70. С. 163–196.
1490. *Эйхельман О.* Проект для нового устава Императорских Российских университетов.— Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1909.— 58 с.

1491. *Юхнева Н.В.* Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. / Ред. *А.В. Гадло*. СПб.: «Искусство – СПб», 2002. С. 9–72.

1492. *Юхнева Н.В.* Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г. // Очерки по истории Ленинградского университета.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. Т. I. С. 129–139.

1493. *Юхнева Н.В.* Этнические группы и их общинная жизнь в старом Петербурге // Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. / Ред. *А.В. Гадло*.- СПб.: «Искусство – СПб», 2002. С. 73–141.

1494. *Яковлев В.П.* Николай Васильевич Крыленко // Петербургский университет и революционное движение в России.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 153–161.

1495. *Яковлев В.П.* «Университетский вопрос» на страницах либерально-буржуазной печати в годы новой русской революции // Вестник ЛГУ. 1975. № 8. Ист., языкозн., лит. Вып. 2. С. 160–163.

1496. *Яковлев В.П.* Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1980. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 19-25.

1497. *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905-1911 гг.): Дисс....канд. ист. наук. Л., 1971.

1498. *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе: автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– Л., 1971.– 23 с.

1499. *Яковлев В.П.* Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157-164.

1500. *Яковлев В.П.* Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907-1911) // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. Ист., языкозн., лит. Вып. 2. С. 42–50.

1501. *Яковлев В.П.* Студенчество российских университетов в годы столыпинской реакции (1907–1910) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. Вып. 3. С. 48–55.

1502. Якушев А.Н. Официальные и архивные документы о научной подготовке и аттестации в университетах России в области востоковедения (1798-1917): Библиографический обзор // Система научной подготовки и аттестации в университетах России и Западной Европы: Исторический опыт XIV–XX вв. М.: Ассоц. центров и клубов ЮНЕСКО России, 1998. С. 17–36.

1503. Ascher A. P.A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Palo Alto, CA, USA: Stanford University Press, 2001.- 484 pp.

1504. Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969.- 322 pp.

1505. Anderson R.D. European Universities from the Enlightenment to 1914. Edinburgh, 2004.- 338 pp.

1506. Andreev A. The Birth of Russian University: University Constpts in Europe in the Age of Enlightenment and Their Adaptation in the Russian Empire // Images of/from Enlightenment (eds. Dariusz Dolański, Anna Janczys). Zielona Góra. 2013. P.33-48.

1507. Andrews J. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917-1934. Texas A&M University Press, 2003.- 250 pp.

1508. Balzer H. The problem of Professions in Imperial Russia // Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Ed. Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. Princeton, 1991. P. 183-198

1509. Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Ed. Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. Princeton, 1991.- 400 pp.

1510. Bourdieu P. Homo Academicus. Standford: Standford University Press, 1984.- 344 p.

1511. Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. Vol. 107. No. 4 (October 2002). P. 1094-1123.

1512. Brooks N. Munitions, The Military, and Chemistry in Russia // Front-line and Factory: Comparative Perspectives on the Chemical Industry at War, 1914–

1924. Edited by Roy Macleod and Jeffrey Allan Johnson. Dordrecht: Springer, 2006. P. 75-101.

1513. *Brower, Daniel R.* Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia // *History of Education Quarterly*. Vol. 10. No. 1 (Spring, 1970) . P. 127-136.

1514. *Brower D.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tharist Russia. Ithaca. London, 1975.- 248 pp.

1515. *Bruneau W.* Toward a New Collective Biography: The University of British Columbia Professoriate, 1915-1945 // *Canadian Journal of Education / Re-vue canadienne de l'éducation* Vol. 19, No. 1 (Winter, 1994). P. 65-79.

1516. *Byford A.* Initiation to Scholarship: The University Seminar in Late Imperial Russia // *Russian Review*. Vol. 64. No. 2 (Apr., 2005). P. 299-323.

1517. *Byford A. S.A.* Vengerov: The Identity of Literary Scholarship in Late Imperial Rus // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 81. No. 1 (Jan., 2003). P. 1-31.

1518. *Cain T.R.* Academic Freedom in an Age of Organization, 1913-1941, Ph.D. University of Michigan. 2005.

1519. *Cockfield J.H.* White Crow: The Life and Times of the Grand Duke Nicholas Mikhailovich Romanov, 1859-1919. Westport: Praeger, 2002.- 328 pp.

1520. *Dahlmann D.* Before the Great War: German Entrepreneurs in Russia – Russian Scholars in Germany. Two Types of Russian-German Relations in the Decades before the First World War // *Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter?* Schlögel, Karl (Ed.). Oxford: Berg Publishers, 2006. P. 11-30.

1521. *Deifell D.C.* The Student Movement of the University: the Rhetoric of the “Idea of a University” and its Transformation by “The Student” Ph.D. University of Iowa, 2003.- 323 pp.

1522. *Deslandes Jr. Paul R.* Masculinity, Identity and Culture: Male Undergraduate Life at Oxford and Cambridge, 1850-1920. Ph.D., University of Toronto, 1996.- 536 pp.

1523. *Dhondt L.* The Function of a University: General Education or Specialisation? Scottish and English Views in the Nineteenth Century // *University of Edinburgh Journal*. 2001. 30 Pr.1. P. 37-40; Pr. 2. P. 105-108.

1524. *Dmitriev A.N.* Changes in the International Outlook of the Russian Academic Community during and after World War I // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer.* Stuttgart, 2006. S. 341-352.

1525. *Dmitriev A.N.* State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer.* Stuttgart, 2006. S. 147-158.

1526. *Dvornichenko A.Iu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait. // *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History.* 2016, Issue 3. P.46-56.

1527. *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., London, 1983.

1528. *Evans G.R.* University of Oxford. A New History. London, US: I.B. Tauris, 2010.

1529. *Finkel St.* On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere. New Haven, CT, USA: Yale University Press, 2008.- 346 pp.

1530. *Fitzpatrick S.* The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and Arts under Lunacharsky, 1917–1921.- Cambridge, 1970.- 408 pp.

1531. *Freeze G.L.* Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History.* Vol. 68. No. 2 (Jun., 1996). P. 308-350.

1532. *Freidin Gr.* A Coat of Many Colors. Osip Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation.- Berkeley, Los Angeles, Oxford, University Of California Press, 1987.- 450 pp.

1533. *Gelber S.M.* Studies in American Thought and Culture: The University and the People: Envisioning American Higher Education in an Era of Populist Protest.- Madison, US: University of Wisconsin Press, 2011.- 264 pp.

1534. *Gellert C.* The emergence of three university models. Institutional and functional modifications in European higher education. Florenz, 1991.- 36 p.
1535. *Graham L.R.* Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Cambridge, 1994.- 321 pp.
1536. *Guroff Gregory* The Legacy of Pre-Revolutionary Economic Education: St. Petersburg Polytechnic Institute // *Russian Review*. Vol. 31. No. 3 (Jul., 1972). P. 272-281.
1537. *Heather E.* Efficiency and Counter-Revolution: Connecting University and Civil Service Reform in the 1850s // *History of Education*. 2013. Vol. 42. Issue 1. P. 23-44.
1538. *Henriksson A.* Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906-1914 // *Russian Review*. Vol. 52. No. 3 (Jul., 1993). P. 341-353/
1539. *Hooson D.J.M.* The Development of Geography in Pre-Soviet Russia // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 58. No. 2 (Jun., 1968). P. 250-272.
1540. *Ipatieff V.N.* Modern Science in Russia // *Russian Review*. Vol. 2. No. 2 (Spring, 1943). P. 68-80.
1541. *Johnson W.H.E.* Russia's Educational Heritage.- New York, Octagon, 1969.- 351 pp.
1542. *Johnson P.W* Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // *Russian Review*. 1974. Vol. 33. No. 3 (July). P. 259-268.
1543. *Jongeneel J.* 375 Years Mission Studies, Mission Activities, and Overseas Ministries. Frankfurt am Main, DE: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2012. (Studien zur interkulturellen Geschichte des Christentums: Utrecht University; Bd. 154).
1544. *Kaplan V.* From *soslovie* to voluntary associations: New patterns of collective identities in late Imperial Russia // *Cahiers du monde russe*. 2010. Vol 51. No. 2-3. P. 369-396.
1545. *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia.- Berkeley, University of California Press, 1989.- 438 pp.

1546. *Keating M.J.* The Battle For Oxford: A Study of Educational Ideals Ph.D. Notre Dame, Indiana, 1998.- 558 pp.

1547. *Kennedy J.* Domestic Politics: Reviving Russian Biedermeier Furniture in Alexandre Benois's St.Petersburg // *Studies in the Decorative Arts*. 2005. Vol. 12. No. 2 (Spring-Summer). P. 60-95.

1548. *Kijas Artur.* Polacy na uniwersytech Charcowskim 1805-1917. Poznan, Poznanskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2008.- 282 pp.

1549. *Koblitz A.H.* Science, Women and the Russian Inteligentsia: The Generation of the 1860s // *Isis: A Journal of the History of Science*. 1988. Vol. 79. No. 2. P. 208-226.

1550. Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. Von *T. Maurer*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.- 376 s.

1551. *Konechny P.* Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 4. P. 617-635.

1552. *Konecny P.* Conflict and Community at Leningrad University, 1917–1941. Ph.D. diss., University of Toronto, 1994.

1553. *Konecny P.* Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917-1941. Montreal, McGill-Queen's University Press, 1999.- 358 pp.

1554. *Korros A.S.* Activist Politics in a Conservative Institution: The Formation of Factions in the Russian Imperial State Council, 1906-1907. // *Russian Review*. Vol. 52. No. 1 (Jan., 1993). P. 1-19.

1555. *Kostina T.V., Kouprianov A.V.* Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884) // *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*. 2016. Issue 3. P.31-45.

1556. *Lauersen A.* Alicia Jewish Political Participation in Late Imperial Russia. 1881 – 1917. Dissertation for the degree of Master of Arts. Dalhousie University (Canada).- 107 pp.

1557. *Levin A.* Peter Arkad'evich Stolypin: A Political Appraisal // *The Journal of Modern History*. 1965. Vol. 37. No. 4. P. 445-463.

1558. *Lieven D.* The Russian Ruling Elite under Nicholas II. Career patterns // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1984. Vol. 25. No. 4 (Oct. – Dec.). P. 429-445.

1559. *Lincoln W.B.* Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution. 1914-1918.- New York; Oxford: Simon & Schuster. 1994.- 637 pp.

1560. *Lyandres S.* The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution.- Oxford: Oxford University Press 2013.- 322 p.

1561. *Mathes L.W.* Review: A Tsarist School for Political Scandal? Reviewed work(s): *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia* by Daniel R. Brower // *History of Education Quarterly*. 1976. Vol. 16. No. 2 (Summer). P. 241-246.

1562. *Mathes L.W.* N.I. Pirogov and the Reform of University Government, 1856-1866 // *Slavic Review*. 1972. Vol. 31. No. 1 (March). P. 29-51.

1563. *Mathes L.W.* N.I. Pirogov and the University Question in the Era of the Great Reform // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1988. Bd. 36. H. 1. P. 1-14.

1564. *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial-und Bildungsgeschichte.- Köln; Weimar; Wien: Köln Böhlau, 1998.- 959 s.

1565. *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 2004. № 1. S. 221–247.

1566. *McCelland J.C.* Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia. 1917–1921. New Jersey, 1970.- 440 p.

1567. *Morrissey S.K.* Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism.- Oxford; New York: Oxford University Press, 1998.- 304 p.

1568. *Morrissey S.K.* Politics and Patriotism. Petrograd Students during World War I // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. Von T. Maurer.- Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. S. 189-207.

1569. *Mosse W.E.* Aspects of Tsarist Bureaucracy: The State Council in the Late Nineteenth Century // *The English Historical Review*. 1980. Vol. 95. No. 375. (April). P. 268-292.

1570. *Nahirny V.* The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions // *Comparative Studies in Society and History*. 1962. Vol. 4. No. 4. P. 403-435.

1571. *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Ewing, NJ, USA: University of California Press, 2002.- 424 pp.

1572. *Nefedov A. Sergei* Student Tumult in St. Petersburg Shortly Before the Revolution of 1905 // *БЫЛЫЕ ГОДЫ. Российский исторический журнал*. 2016. № 2 (40). С. 508-515. № 3 (41). С. 784-794.

1573. *Novgorotsev P.J.* Russian Universities and Higher Technical Schools // *Russian Schools and Universities in the World War*. New Haven, 1929. P. 133-238.

1574. *Nowiński Fr.* Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832-1884. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986.- 274 s.

1575. *Pearson S.Th.* Russia's Rulers Under the Old Regime by Dominic Lieven // *The Journal of Modern History*. 1991. Vol. 63. No. 4 (December). P. 827-829.

1576. Publications on University History Since 1977: A Continuing Bibliography // *History of Universities*. Vol. X. Oxford University Press, 1991. P 305-357. The USSR. P. 349-354. / Сост. *Г.А.Тиикин*.

1577. *Putnam G.* Aleksandr Blok and the Russian Intelligentsia // *The Slavic and East European Journal*. 1965. Vol. 9. No. 1. P. 29-46.

1578. *Reischauer E.O.* Serge Elisseeff // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1957 (June). Vol. 20 (Studies presented to Serge Elisseeff, pt. 1). P. 1-35.

1579. *Reuben J.A.* In search of truth: Scientific inquiry, religion, and the development of the American university, 1870—1920 Ph.D.- Stanford University, 1990.- 982 pp.

1580. *Rogers J.A.* The Reception of Darwin's *Origin of Species* by Russian Sciences // *Isis; an international review devoted to the history of science and its cultural influences*. 1973. Vol. 64. No. 4. P. 484-503.

1581. *Rosenberg W.G.* Russian Liberals and the Bolshevik Coup // *The Journal of Modern History*. 1968. Vol. 40. No. 3 (September). P. 328-347.

1582. *Rostovcev E.A.* The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914-1917 // *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 177–188.

1583. *Rostovtsev E.A.* The Poles In The Academic Corporation Of Saint-Petersburg Imperial University // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. C. 194-204.

1584. *Rothblatt Sh.* *The Modern University and Its Discontents: The Fate of Newman's Legacies in Britain and America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.- 461 pp.

1585. *Rüegg W.* History of the University in Europe, Volume III, Universities in the Nineteenth and early Twentieth Centuries (1800-1945), Cambridge University Press, 2004.- 752 pp.

1586. *Sanders T.* The Chechulin Affair or Politics and nauka in the History Profession of Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 2001. Bd. 49. H. 1. P. 1-23.

1587. *Saunders D.* The Political Ideas of Russian Historians // *The Historical Journal*. 1984. Vol. 27. No. 3 (September). P. 757-772.

1588. *Schiller J.* Universitas Rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863-1917.- Warszawa: Wydawnictwo IHN PAN, 2010.- 548 s.

1589. *Schlesinger R.* Recent Soviet Historiography // *Soviet Studies*. 1950. Vol. 1. No.4. P. 293-312.

1590. *Snow K.A.* The “Academic Troubles” of V.I. Semevskii // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1991. Vol. 33. No. 2 (June). P. 158-163.

1591. The transformation of higher learning 1860-1930: expansion, diversification, social opening and professionalization in England, Germany, Russia and the United States / Ed. Jarausch K.H. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982.- 375 pp. (Historisch-

Sozialwissenschaftliche Forschungen: quantitative sozialwissenschaftliche Analysen von historischen und prozeßproduzierten Daten 13).

1592. The University of Leningrad 1819-1969 / Text by L.A. Shilov. Ed. by N.P. Penkin. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1969.- 28 s.

1593. Tolz V. Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity In Late Imperial Russia // The Historical Journal. 2005. Vol. 48 (1). P. 127-150.

1594. Trice T. Rites of Protest: Populist Funerals in Imperial St. Petersburg, 1876-1878 // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 1 (Spring). P. 50-74.

1595. University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationship (Scientific and Learned Cultures and Their Institutions) / Ed by Pieter Dhondt.- Leiden; Boston: Brill, 2015.- 255 pp.

1596. Vernadsky G. Rise of Science in Russia // Russian Review. 1969. Vol. 28. No. 1. (January). P.37–52.

1597. Vuchinich A. Mendeleev's Views on Science and Society // Isis: A Journal of the History of Science. 1967. Vol. 58. No. 3. P. 342-351.

1598. Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914.- Oxford: Clarendon Press, 1999.- 272 pp.

1599. Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. No. 2 (April). P. 157-179.

1600. Wittrock B. The modern University: the three Transformations // The European and American University since 1800 / Ed. By S.Rothblatt, B.Wittrock. Cambridge, 1993. P. 303-361.

Список сокращений

АЕ – Археографический ежегодник

АЛ – Александровский лицей

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических республик

ВЕ – Вестник Европы

Вестник ВятГГУ – Вестник Вятского государственного гуманитарного университета

ВЖК – Высшие женские курсы

ВИ – Вопросы истории

ВИ КПСС – Вопросы истории Коммунистической партии Советского Союза

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГИ – Горный институт

ГПИ – Главный педагогический институт

ДЮЛ – Демидовский юридический лицей

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ЖПИ – Женский педагогический институт

ИАН – Известия имп. Академии наук

ИВ – Исторический вестник

ИЖ – Исторический журнал для всех

ИЗ – Исторические записки

ИИПС – Институт инженеров путей сообщения

ИКУ – Императорский Казанский университет

ИМУ – Императорский Московский университет

ИНУ – Императорский Новороссийский университет

ИО – Историческое обозрение

ИПБ – Императорская публичная библиотека

ИСИФИ – Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт

ИЮУ – Императорский Юрьевский университет
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МБ – Мир божий
МГУ – Московский государственный университет
МВД – Министерство внутренних дел
МНП – Министерство народного просвещения
МХА/ВМА – Медико-хирургическая академия / Военно-медицинская академия
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НЛО – Новое литературное обозрение
ОА СПбГУ – Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета
ОИ – Отечественная история
ОЛДП – Общество любителей Древней письменности
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности [Российской академии наук]
ППС – Профессорско-преподавательский состав
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПК РСДРП – Петербургский [Петроградский] комитет Российской социал-демократической рабочей партии
ПТИ – Политехнический институт
РАН – Российская [императорская] академия наук
РАОПУ – Русское антропологическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете
РВ – Русский Вестник
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИ – Российская история
РИЖ – Русский исторический журнал
РИО – Русское историческое общество

РМ – Русская мысль (Москва)

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

РС – Русская старина

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ТИ – Технологический институт

УП – Училище правоведения

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦК РСДРП – Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии